
VE RI
TAS

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.

"OTECHESTVENNYIA

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ZAPISKI"

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

"188 / 1870."

ТОМЪ CLXXXVIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная № 38)

1870.

ИСТОРІЯ ОДНОГО ГОРОДА *.

Голодный городъ.

1776-й годъ наступилъ для Глупова при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Цѣлыхъ шесть лѣтъ сряду городъ не горѣлъ, не голодалъ, не испытывалъ ни повальныхъ болѣзней, ни скотскихъ падежей, и граждане не безъ основанія приписывали такое неслыханное въ лѣтописяхъ благоденствіе простотѣ своего начальника, бригадира Петра Петровича Ѳердыщенка **. И дѣйствительно Ѳердыщенко былъ до того простъ, что лѣтописецъ считаетъ нужнымъ неоднократно и съ особенною настойчивостью остановиться на этомъ качествѣ, какъ на самомъ естественномъ объясненіи того удовольствія, которое испытывали глуповцы во время бригадирскаго управленія. Онъ ни во что не вмѣшивался, довольствовался умѣренными данями, охотно захаживалъ въ кабаки покалякать съ цаловальниками, по вечерамъ выходилъ въ замасляномъ халатѣ на крыльцо градоначальническаго дома и игралъ съ подчиненными въ носки, ѣлъ жирную пищу, пилъ квасъ и любилъ уснащать свою рѣчь ласкательнымъ словомъ «братикъ-сударикъ».

— А ну, братикъ-сударикъ, ложись! говорилъ онъ провинившемуся обывателю.

Или:

— А вѣдь корову-то, братикъ-сударикъ, у тебя продать надо! потому, братикъ-сударикъ, что недоимка — это святое дѣло!

Понятно, что послѣ затѣйливыхъ дѣйствій маркиза де-Санг-

---

* Первый отрывокъ изъ «Лѣтописца» былъ напечатанъ въ 1-мъ № «Отеч. Записокъ» за 1869 г.

** По краткой описи градоначальникамъ значится такъ: Ѳердыщенко, Петръ Петровичъ, бригадиръ. Бывой деньщикъ князя Потемкина. При не весьма обширномъ умѣ, былъ косноязыченъ. Любилъ ѣсть буженину и гуся съ капустой. Умеръ отъ объяденія въ 1779 году.

лота, который, если читатель припомнитъ, даже леталъ въ городскомъ саду по воздуху, мирное управленіе престарѣлаго бригадира должно было показаться и «благоденственнымъ» и «удивленія достойнымъ». Въ первый разъ вздохнули глуповцы и поняли, что жить «безъ утѣсненія» не въ примѣръ лучше, чѣмъ жить «съ утѣсненіемъ».

— Нужды нѣтъ, что онъ парадовъ не дѣлаетъ, да съ полками на насъ не ходитъ, говорили они: — за то мы при немъ, батюшкѣ, свѣтъ узрили! Теперича, вышелъ ты за ворота: хошь — на мѣстѣ сиди; хошь — куда хошь иди! А прежде, сколько однихъ порядковъ было — и не приведи Богъ!

Но на седьмомъ году правленія, Ѳердыщенку смутилъ бѣсъ. Этотъ добродушный и нѣсколько лѣнивый правитель вдругъ сдѣлался дѣятеленъ и настойчивъ до крайности; скинулъ замасленный халатъ, и сталъ ходить по городу въ вицъ-мундирѣ. Началъ требовать, чтобъ обыватели по сторонамъ не зѣвали, а смотрѣли въ оба, и въ довершеніе всего устроилъ такую кутерьму, которая могла бы очень дурно для него кончиться, еслибъ, въ минуту крайняго раздраженія глуповцевъ, ихъ не осѣнила мысль: «а ну какъ, братцы, насъ за это не похвалятъ!»

Дѣло въ томъ, что въ это самое время, на выѣздѣ изъ города, въ слободѣ Навозной, цвѣла красотой посадская жена Алена Осипова. Повидимому, эта женщина представляла собой типъ той сладкой русской красавицы, при взглядѣ на которую человѣкъ не загарается страстью, но чувствуетъ, что все его существо потихоньку таетъ. При среднемъ ростѣ, она была полна, бѣла и румяна; имѣла большіе сѣрые глаза на выкатѣ, не то безстыжіе, не то застѣнчивые, пухлыя вишневыя губы, густыя, хорошо очерченныя брови, темно-русую косу до пятъ, и ходила по улицѣ «сѣрой утицей». Мужъ ея, Дмитрій Прокофьевъ, занимался ямщиной, и былъ тоже подъ статъ женѣ: молодъ, крѣпокъ, красивъ. Ходилъ онъ въ плисовой поддёвкѣ и въ поярковомъ грешневикѣ, расцвѣченномъ павьими перьями. И Дмитрій не чаялъ души въ Аленкѣ, и Аленка не чаяла души въ Дмитріѣ. Частенько похаживали они въ сосѣдній кабакъ, и, счастливые, распѣвали тамъ вмѣстѣ пѣсни, на усладу и утѣшеніе посѣтителямъ. Глуповцы не могли нарадоваться на ихъ согласную жизнь. И въ самомъ дѣлѣ, это было житье завидное: не только потому, что мужъ и жена стоили другъ друга, но и потому, что всего у нихъ было въ изобиліи, и все въ ихъ рукахъ спорилось. Заработки въ то время были отмѣнные, кормы дешевые. Одно только было у Аленки горе: Митька, по ли-

скому своему промыслу, слишкомъ часто отлучался съ купцами изъ города на сосѣдніе базары.

— Ужь дождешься ты, что я когда-нибудь тебя пополамъ перерву! ишь, шельмецъ, шляпку на бекрень надвинулъ! говаривала она, провожая завистливыми глазами уѣзжавшаго Митьку.

А Митька только ухмылялся на эти слова, поправлялъ свою коротенькую, шелковистую бородку, вскрикивалъ на лошадей и исчезалъ въ облакѣ пыли.

Долго ли, коротко ли они такъ жили, только въ началѣ 1776 года, въ тотъ самый кабакъ, гдѣ они въ свободное время благодушествовали, зашелъ бригадиръ («простъ онъ былъ», повторяетъ по этому случаю лѣтописецъ). Зашелъ, выпилъ косушку, спросилъ цѣловальника, много ли прибавляется пьяницъ, но въ это самое время увидѣлъ Аленку, и почувствовалъ, что языкъ у него прилипъ къ гортани. Однако, при народѣ объявить о томъ посовѣстился, а вышелъ на улицу, и поманилъ за собой Аленку.

— Хочешь, молодка, у меня въ любви жить? спросилъ бригадиръ.

— А на что мнѣ тебя... гуняваго? отвѣчала Аленка, съ наглостью смотря ему въ глаза: — у меня свой мужъ хорошъ!

Только и было сказано между ними словъ, но нехорошія это были слова. На другой же день, бригадиръ прислалъ къ Дмитрію Прокофьеву на постой двухъ инвалидовъ, наказавъ имъ при этомъ дѣйствовать «съ утѣсненіемъ». Самъ же, надѣвъ вицъ-мундиръ, пошелъ въ ряды, и дабы постепенно пріучить себя къ строгости, съ азартомъ кричалъ на торговцевъ:

— Кто вашъ начальникъ? сказывайте! или, можетъ быть, не я вашъ начальникъ?

Съ своей стороны Дмитрій Прокофьевъ, вмѣсто того, чтобъ смириться, да полегоньку бабу вразумить, сталъ говорить бездѣльныя слова, а Аленка, вооружась ухватомъ, гнала инвалидовъ прочь, и на всю улицу орала:

— Ай-да бригадиръ! къ мужней женѣ, словно клопъ, на перину всползти хочетъ!

Понятно, какъ долженъ былъ огорчиться бригадиръ, свѣдавши объ такихъ похвальныхъ словахъ. Но такъ-какъ это было время либеральное, и въ публикѣ ходили толки о пользѣ выборнаго начала, то распорядиться своею единоличною властью старикъ поопасился. Собравши излюбленныхъ глуповцевъ, онъ вкратцѣ изложилъ передъ ними дѣло, и потребовалъ немедленнаго наказанія ослушниковъ.

— Вамъ, старички-братики, и книги въ руки! либерально прибавилъ онъ: — какое количество по душѣ назначите, я напередъ согласенъ! Потому, теперь у насъ время такое: всякому свое, лишь бы поронцы были!

Излюбленные посовѣтовались, слегка погалдѣли, и вынесли слѣдующій отвѣтъ:

— Сколько есть на небѣ звѣздъ, столько твоему благородію ихъ, шельмовъ, и учить слѣдоваетъ!

Сталъ бригадиръ считать звѣзды («очень онъ былъ простъ», опять прибавляетъ архиваріусъ-лѣтописецъ), но на первой же сотнѣ сбился, и обратился за разъясненіями къ деньщику. Деньщикъ отвѣчалъ, что звѣздъ на небѣ видимо-невидимо.

Должно думать, что бригадиръ остался доволенъ этимъ отвѣтомъ, потому что когда Аленка съ Митькой воротились, послѣ экзекуціи, домой, то шатались словно пьяные.

Однако, Аленка и на этотъ разъ не унялась, или, какъ выражается лѣтописецъ, «отъ бригадировыхъ шелеповъ пользы для себя не вкусила». Напротивъ того, она какъ будто пуще остервенилась, что̀ и доказала черезъ недѣлю, когда бригадиръ опять пришелъ въ кабакъ и опять поманилъ Аленку.

— Что̀, дурья порода, надумалась? спросилъ онъ ее.

— Ишь тебя, стараго пса, ущемило! Или мало на стыдо̀бушку мою насмотрѣлся! огрызнулась Аленка.

— Ладно! сказалъ бригадиръ.

Однако, упорство старика заставило Аленку призадуматься. Воротившись послѣ этого разговора домой, она нѣкоторое время ни за какое дѣло взяться не могла, словно мѣста себѣ не находила; потомъ подвалилась къ Митькѣ и горько-горько заплакала.

— Видно, какъ ни какъ, а быть мнѣ у бригадира въ полюбовницахъ! говорила она, обливаясь слезами.

— Только ты это сдѣлай! Да я тебя... и черепки-то твои поганые по вѣтру пущу! задыхался Митька, и въ ярости полѣзъ ужь-было за возжами на палати, но вдругъ одумался, затрясся всѣмъ тѣломъ, повалился на лавку и заревѣлъ.

Кричалъ онъ шибко, что мочи, а про что кричалъ, того разобрать было невозможно. Видно было только, что человѣкъ бунтуетъ.

Узналъ бригадиръ, что Митька затѣялъ бунтовство, и вдвое противъ прежняго огорчился. Бунтовщика заковали и увели на съѣзжую. Какъ полоумная, бросилась Аленка на бригадирскій дворъ, но путнаго ничего выговорить не могла, а только рвала на себѣ сарафанъ и безобразно кричала:

— Нà, песъ! жри! жри! жри!

Къ удивленію, бригадиръ не только не обидѣлся этими словами, но, напротивъ того, еще ничего не видя, подарилъ Аленкѣ вяземскій пряникъ и банку помады. Увидѣвъ эти дары, Аленка какъ-будто опѣшила; кричать — не кричала, а только потихоньку всхлипывала. Тогда бригадиръ приказалъ принести свой новый мундиръ, надѣлъ его и во всей красѣ показался Аленкѣ. Въ это же время, выбѣжала въ дверь старая бригадирова экономка, и начала Аленку усовѣщевать.

— Ну, чего ты, поскуда, жалѣешь, подумай-ко! говорила льстивая старуха: — вѣдь тебя бригадиръ-то въ медовой сытѣ купать станетъ.

— Митьку жалко! отвѣчала Аленка, но такимъ нерѣшительнымъ голосомъ, что было очевидно, что она уже начинаетъ помышлять о сдачѣ.

Въ ту же ночь, въ бригадировомъ домѣ случился пожаръ, который, къ счастію, успѣли потушить въ самомъ началѣ. Сгорѣлъ только архивъ, въ которомъ временно откармливалась къ праздникамъ свинья. Натурально, возникло подозрѣніе въ поджогѣ, и пало оно не на кого другого, а на Митьку. Узнали, что Митька напоилъ на съѣзжей сторожей, и ночью отлучился невѣдомо куда. Преступника изловили и стали допрашивать съ пристрастіемъ, но онъ, какъ отъявленный воръ и злодѣй, отъ всего отпирался.

— Ничего я этого не знаю, говорилъ онъ: — знаю только, что ты, старый песъ, у меня жену уводомъ увелъ, и я тебѣ это, старому псу, прощаю... жри!

Тѣмъ не менѣе, Митькинымъ словамъ не повѣрили, и такъ-какъ дѣло было спѣшное, то и производство по немъ велось съ нарочитымъ упрощеніемъ. Черезъ мѣсяцъ, Митька уже былъ битъ на площади кнутомъ и, по наложеніи клеймъ, отправленъ въ Сибирь, въ числѣ прочихъ сущихъ воровъ и разбойниковъ. Бригадиръ торжествовалъ; Аленка потихоньку всхлипывала.

Однакожь, глуповцамъ это дѣло не прошло даромъ. Какъ и водится, бригадирскіе грѣхи прежде всего отразились на нихъ.

Все измѣнилось съ этихъ поръ въ Глуповѣ. Бригадиръ въ полномъ мундирѣ, каждое утро бѣгалъ по лавкамъ, и все тащилъ, все тащилъ. Увидитъ, гдѣ нечисто—ругается; увидитъ, гдѣ чисто — ругается вдвое. Даже Аленка начала пòходя тащить, и вдругъ ни съ того, ни съ сего стала требовать, чтобъ ее признавали не за ямщичиху, а за поповскую дочь.

Но этого мало: самая природа перестала быть благосклонною къ глуповцамъ. «Новая сія Iезавель — говоритъ объ Аленкѣ лѣтописецъ — навела на нашъ городъ сухость». Съ самаго вѣшняго Николы, съ той поры, какъ начала входить вода въ межень, и вплоть до Ильина дня, не выпало ни капли дождя. Старожилы не могли запомнить ничего подобнаго, и не безъ основанія приписывали это явленіе бригадирскому грѣхопаденію. Небо раскалилось, и цѣлымъ ливнемъ зноя обдавало все живущее; въ воздухѣ замѣчалось словно дрожанье, и пахло гарью; земля трескалась и сдѣлалась тверда, какъ камень, такъ что ни сохой, ни даже заступомъ взять ее было невозможно; травы и всходы огородныхъ овощей поблекли; рожь отцвѣла и выколосилась необыкновенно рано, но была такъ рѣдка, и зерно было такое тощее, что не чаяли собрать и сѣмянъ; яровые совсѣмъ не взошли, и засѣянныя ими поля стояли черныя, словно смоль, удручая взоры обывателей своей безнадежной наготою; даже лебеды не родилось; скотина металась, мычала и ржала; не находя въ полѣ пищи, она бѣжала въ городъ и наполняла улицы. Людишки словно осунулись и ходили съ понурыми головами; одни горшечники радовались вёдру, но и тѣ раскаялись, какъ скоро убѣдились, что горшковъ много, а варева нѣтъ.

Однако, глуповцы не отчаявались, потому что не могли еще обнять всей глубины ожидавшаго ихъ бѣдствія. Покуда оставался прошлогодній запасъ, многіе, по легкомыслію, пили, ѣли и задавали банкеты, какъ-будто и конца запасу не предвидится. Бригадиръ ходилъ въ мундирѣ по городу, и строго-на-строго приказывалъ, чтобъ людей, имѣющихъ «унылый видъ», забирали на съѣзжую и представляли къ нему. Дабы ободрить народъ, онъ поручилъ откупщику устроить въ загородной рощѣ пикникъ и пустить фейерверкъ. Пикникъ сдѣлали, фейерверкъ сожгли, «но хлѣба черезъ то людишкамъ не предоставили». Тогда бригадиръ призвалъ къ себѣ «излюбленныхъ» и велѣлъ имъ ободрять народъ. Стали «излюбленные» ходить по сосѣдямъ, и ни одного унывающаго не пропустили, чтобъ не утѣшить.

— Мы люди привышные! говорили одни: — мы претерпѣть могимъ. Ежели насъ теперича всѣхъ въ кучу сложить и съ четырехъ концовъ запалить — мы и тогда противнаго слова не молвимъ!

— Это что говорить! прибавляли другіе: — намъ терпѣть можно! потому, мы знаемъ, что у насъ есть начальники!

— Ты думаешь какъ? ободряли третьи: — ты думаешь, на-

чальство-то спитъ? Нѣтъ, братъ, оно однимъ глазомъ дремлетъ, а другимъ поди ужь гдѣ видитъ!

Но когда убрались съ сѣномъ, то оказалось, что животы кормить будетъ нечѣмъ; когда окончилось жнитво, то оказалось, что и людишкамъ кормиться тоже нечѣмъ. Глуповцы испугались, и начали похаживать къ бригадиру на дворъ.

— Такъ какъ же, господинъ бригадиръ, на счетъ хлѣбца-то? похлопочешь? спрашивали они его.

— Хлопочу, братики, хлопочу! отвѣтилъ бригадиръ.

— То-то; ужь ты постарайся!

Въ концѣ іюля полили безполезные дожди, а въ августѣ людишки начали помирать, потому что все, что было, пріѣли. Придумывали, какую такую пищу стряпать, отъ которой была бы сытость; мѣшали муку съ ржаной рѣзкой, но сытости не было; пробовали, не будетъ ли лучше съ толченой сосновой корой, но и тутъ настоящей сытости не добились.

— Хоть и точно, что отъ этой пищи словно кабы животъ наѣдается; однако, братцы, надо такъ сказать: самая эта ѣда пустая! говорили промежъ себя глуповцы.

Базары опустѣли, продавать было нечего, да и нѣкому, потому что городъ обезлюдѣлъ. «Кои померли — говоритъ лѣтописецъ—кои обезпамятѣвъ, разбѣжались кто-куда». А бригадиръ между тѣмъ все не прекращалъ своихъ беззаконій, и купилъ Аленкѣ новый драдедамовый платокъ. Свѣдавши объ этомъ, глуповцы опять встревожились, и цѣлой громадой ввалили на бригадировъ дворъ.

— А вѣдь это, поди, ты не ладно, бригадиръ, дѣлаешь, что съ мужней женой уводомъ живешь! говорили они ему: — да и не за тѣмъ ты сюда отъ начальства присланъ, чтобъ мы, сироты, за твою дурость напасти терпѣли!

— Потерпите, братики! всего вдоволь будетъ! вертѣлся бригадиръ.

— То-то! мы терпѣть согласны! Мы люди привышные! насъ не токмà-что голодомъ мори, а огнемъ жги — мы все претерпѣть могимъ! А только ты, бригадиръ, объ этихъ нашихъ словахъ подумай, потому неровёнъ часъ: терпимъ-терпимъ, а тоже и промежъ насъ глупаго человѣка не мало найдется! Какъ бы чего не сталось!

Громада разошлась спокойно, но бригадиръ крѣпко задумался. Видитъ и самъ, что Аленка всему злу заводчица, а разстаться съ ней не можетъ. Послалъ за батюшкой, думая, въ бесѣдѣ съ нимъ, найти утѣшеніе, но тотъ еще больше обезпокоилъ, разсказавши исторію объ Ахавѣ и Іезавели.

— И доколѣ не растерзали ее псы, весь народъ изгибъ до единаго! заключилъ батюшка свой разсказъ.

— Очнись, батя! ужли жь-я Аленку-то собакамъ отдамъ! испугался бригадиръ.

— Не къ тому о семъ говорю! объяснился батюшка: — однако, и о нижеслѣдующемъ не излишне размыслить: паства у насъ равнодушная, доходы малые, провизія дорогая... гдѣ пастырю-то взять, господинъ бригадиръ?

— Охъ! за грѣхи меня Богъ попуталъ! простоналъ бригадиръ, и горько заплакалъ.

И вотъ, сѣлъ онъ опять за свое писанье; писалъ много, писалъ всюду.

Рапортовалъ такъ: коли хлѣба не имѣется, такъ по крайности, пускай хоть команда прибудетъ. Но ни на какое свое писаніе ни изъ какого мѣста отвѣта не удостоился.

А глуповцы съ каждымъ днемъ становились назойливѣе и назойливѣе.

— Что? получилъ, бригадиръ, отвѣтъ? спрашивали они его съ неслыханной наглостью.

— Не получилъ, братики! отвѣчалъ бригадиръ.

Глуповцы смотрѣли ему «нелѣпымъ обычаемъ» въ глаза, и покачивали головами.

— Гунявый ты! вотъ что! укоряли они его: — оттого тебѣ, гадёнку, и не отписываютъ! не стоишь!

Однимъ словомъ, вопросы глуповцевъ дѣлались изъ рукъ вонъ щекотливыми. Наступила такая минута, когда начинаетъ говорить брюхо, противъ котораго всякіе резоны и ухищренія оказываются безсильными.

— Да; убѣжденіями съ этимъ народомъ ничего не подѣлаешь! разсуждалъ бригадиръ: — тутъ не убѣжденія требуются, а одно изъ двухъ: либо хлѣбъ, либо... команда! Да — съ; команда—съ!

Какъ и всѣ добрые начальники, бригадиръ допускалъ эту послѣднюю идею лишь съ прискорбіемъ; но мало по малу, онъ до того вникъ въ нее, что не только смѣшалъ «команду съ хлѣбомъ», но даже началъ желать первой пуще послѣдняго. «Безпрерывное противодѣйствіе распоряженіямъ административной власти поставило меня въ необходимость дѣйствовать спасительными мѣрами строгости. Я вышелъ на площадь и послѣ приличнаго увѣщанія»... Такъ заранѣе формулировалъ бригадиръ вступленіе къ своему будущему донесенію, и, въ ожиданіи неизбѣжной развязки, сталъ посматривать на дорогу.

Встанетъ бригадиръ утромъ раненько, сядетъ къ окошку, и все прислушивается, не раздастся ли откуда: туру—туру?

Разсыпьтесь, молодцы!
За камни, за кусты!
По два въ рядъ!

Нѣтъ! не слыхать!

— Словно и Богъ-то нашъ край позабылъ! молвитъ бригадиръ.

А глуповцы между тѣмъ все жили, все жили.

Молодые всѣ до одного разбѣжались. «Бѣжали-бѣжали», говоритъ лѣтописецъ, «многіе, ни до чего не добѣжавъ, вѣнецъ приняли; многихъ же изловили и заключили въ узы; сіи почитали себя благополучными». Дома остались только старики да малыя дѣти, у которыхъ не было ногъ, чтобъ бѣжать. На первыхъ порахъ, оставшимся полегчало, потому что доля бѣжавшихъ нѣсколько увеличила долю остальныхъ. Такимъ образомъ, прожили еще съ недѣлю, но потомъ стали помирать. Женщины выли, церкви переполнились гробами, трупы же людей худородныхъ валялись по улицамъ неприбранные. Трудно было дышать въ зараженномъ воздухѣ; стали опасаться, чтобъ къ голоду не присоединилась еще чума, и для предотвращенія зла сейчасъ же составили коммисію, написали проектъ объ устройствѣ временной больницы на десять кроватей, нащипали корпіи и послали во всѣ мѣста по рапорту. Но, несмотря на столь видимые знаки попечительности, сердца уже ожесточились; дѣти не признавали отцовъ, подчиненные — начальниковъ. Не проходило часа, чтобы кто нибудь не показалъ бригадиру фигу, не назвалъ его «гунявымъ», «гадёнкомъ» и проч. Далѣе этого, потворство страстямъ идти не могло.

Къ довершенію бѣдствія, глуповцы взялись за умъ. По вкоренившемуся изстари крамольническому обычаю, собрались они около колокольни, стали судить да рядить, и кончили тѣмъ, что выбрали изъ среди своей ходока — самаго древняго въ цѣломъ городѣ человѣка, Евсеича. Долго кланялись и міръ, и Евсеичъ другъ другу въ ноги: первый просилъ послужить, второй просилъ освободить. Наконецъ міръ сказалъ:

— Сколько ты, Евсеичъ, на свѣтѣ годовъ живешь, сколько начальниковъ видѣлъ, а все живъ состоишь!

Тогда, и Евсеичъ не вытерпѣлъ.

— Много годовъ я выжилъ! воскликнулъ онъ, внезапно воспламенившись. — Много начальниковъ видѣлъ! Живъ есмь!

И сказавши это, заплакалъ. «Взыграло древнее сердце его,

чтобы послужить», прибавляетъ лѣтописецъ. И сдѣлался Евсеичъ ходокомъ, и положилъ въ сердцѣ своемъ искушать бригадира до трехъ разъ.

— Вѣдомо ли тебѣ, бригадиру, что мы здѣсь цѣлымъ городомъ, сироты, помираемъ? такъ началъ онъ свое первое искушеніе.

— Вѣдомо, отвѣтствовалъ бригадиръ.

— И то вѣдомо ли тебѣ, отъ чьего бездѣльнаго воровства такой обычай промежь насъ учинился?

— Нѣтъ, невѣдомо.

Первое искушеніе кончилось. Евсеичъ воротился къ колокольнѣ и отдалъ міру подробный отчетъ. «Бригадиръ же, видя таковое Евсеича ожесточеніе, весьма убоялся», говоритъ лѣтописецъ.

Черезъ три дня, Евсеичъ явился къ бригадиру во второй разъ, «но уже прежній твердый видъ утерялъ».

— Съ правдой мнѣ жить вездѣ хорошо! сказалъ онъ, «льстиво хвостомъ помаваючи»:—ежели мое дѣло справедливое, такъ ссылай ты меня хоть на край свѣта,—мнѣ и тамъ съ правдой будетъ жить очень хорошо!

— Это точно, что съ правдой жить хорошо, отвѣчалъ бригадиръ:—только вотъ я какое слово тебѣ молвлю: лучше бы тебѣ, древнему старику, съ правдой дóма сидѣть, чѣмъ бѣду на себя накликать!

— Нѣтъ! мнѣ съ правдой дóма сидѣть не приходится! потому, она, правда-матушка, непосѣдлива! Ты глядишь: какъ бы въ избу да на палати влезти, анъ она, правда-матушка, изъ избы вонъ бѣжитъ... вотъ что!

— Что жъ! по мнѣ пожалуй и такъ. Только какъ бы ей, правдѣ-то твоей, не набѣжать на рожóнъ!

И второе искушеніе кончилось. Опять воротился Евсеичъ къ колокольнѣ, и вновь отдалъ міру подробный отчетъ. «Бригадиръ же, видя Евсеича лебезящаго и о правдѣ безнуждно бесѣдующаго, убоялся его противъ прежняго не гораздо», прибавляетъ лѣтописецъ. Или, говоря другими словами, Ѳердыщенко понялъ, что ежели человѣкъ начинаетъ, безъ крайней необходимости, издалека заводить рѣчь о правдѣ, то это значитъ, что онъ самъ не вполнѣ увѣренъ, точно ли его за эту правду не посѣкутъ.

Еще черезъ три дня, Евсеичъ пришелъ къ бригадиру въ третій разъ.

— А вѣдомо ли тебѣ, старому псу...

Но не успѣлъ онъ еще порядкомъ ротъ разинуть, какъ бригадиръ въ свою очередь гаркнулъ:

— Одѣть дурака въ кандалы!

Надѣли на Евсеича арестантскій уборъ, и «подобно невѣстѣ, на встрѣчу жениха грядущей», повели, въ сопровожденіи двухъ престарѣлыхъ инвалидовъ, на съѣзжую. По мѣрѣ того, какъ кортежъ приближался, толпы глуповцевъ разступались и давали дорогу.

— Небось, Евсеичъ, небось! раздавалось кругомъ: — съ правдой тебѣ вездѣ будетъ жить хорошо!

Онъ же кланялся на всѣ стороны и говорилъ:

— Простите, атаманы-молодцы! ежели кого обидѣлъ, и ежели передъ кѣмъ согрѣшилъ, и ежели кому неправду сказалъ... всѣ простите!

— Богъ проститъ! слышалось въ отвѣтъ.

— И ежели передъ начальствомъ согрубилъ... и ежели въ зачинщикахъ былъ... и въ томъ, Христа ради, простите!

— Богъ проститъ!

Съ этой минуты, исчезъ старый Евсеичъ, какъ будто его на свѣтѣ не было, исчезъ безъ остатка, какъ умѣютъ исчезать только «старатели» русской земли. Однако, строгость бригадира все-таки оказала лишь временное дѣйствіе. На нѣсколько дней, городъ дѣйствительно попритихъ, но такъ-какъ хлѣба все не было («нѣтъ этой нужды горше!» говоритъ лѣтописецъ), то волею-неволею опять пришлось глуповцамъ собраться около колокольни. Смотрѣлъ бригадиръ съ своего крылечка на это глуповское «бунтовское неистовство», и думалъ: «вотъ бы теперь горошкомъ — разъ — разъ — разъ — и се не бѣ!» Но глуповцамъ приходилось не до бунтовства; собрались они, начали тихимъ манеромъ сговариваться, какъ бы имъ «о себѣ промыслить», но никакихъ новыхъ выдумокъ измыслить не могли, кромѣ того, что опять выбрали ходока. Что̀ долженъ былъ предпринять этотъ новый ходокъ? какой услуги могло ожидать отъ него общество? — никто на эти вопросы отвѣтить не могъ. Невзгода до такой степени всѣхъ обезсилила, что одно только слово отчетливо представлялось испуганному воображенію: смерть! Чтобы избавиться отъ этого слова, чтобы не ощущать на себѣ его угнетающаго дѣйствія, человѣкъ способенъ на многое. Онъ мечется во всѣ стороны, обманываетъ себя, предпринимаетъ тысячи безполезныхъ дѣйствій. Въ концѣ-концовъ, онъ приходитъ къ тому, что начинаетъ жаловаться и проклинать. Еслибъ въ эту минуту могло сойти въ его душу спокойствіе, онъ, конечно, понялъ бы, что и жалобы, и проклятія, и стоны —

все безполезно. Но въ томъ-то и дѣло, что ему совсѣмъ не до спокойнаго созерцанія, что онъ знать не хочетъ ни уроковъ прошлаго, ни неудачъ, которыя готовитъ будущее. Онъ кричитъ совсѣмъ не для того, чтобъ оповѣстить міру о своей горести, а для того, что крикъ назрѣлъ, и надобно, чтобъ онъ такъ или иначе освободилъ грудь. «Караулъ!» восклицаетъ индивидуумъ, застигнутый врасплохъ грабителями среди безлюдной площади. Ужели этотъ индивидуумъ не знаетъ, что крикъ его безполезенъ, что никто его не услышитъ, никто не придетъ къ нему на помощь? Увы! онъ ничего въ эту минуту не знаетъ! за минуту, конечно, онъ зналъ все это, но въ настоящее критическое мгновеніе весь процессъ его умственной дѣятельности внезапно извратился, перевернулся вверхъ дномъ. Онъ ничего не видитъ, кромѣ миража, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, скопились всѣ пріемы и представленія самой обыденной рутины. Онъ кричитъ «караулъ» потому, что всѣ такъ кричатъ, потому что въ умѣ его мелькнуло какое-то смутное воспоминаніе, связанное съ этимъ крикомъ. Очень можетъ статься, что для него несравненно было бы выгоднѣе пустить въ ходъ кулаки, то-есть во всякомъ случаѣ продать свою жизнь возможно дорогой цѣною, но онъ не только ничего не предпринимаетъ, но даже не обороняется, а только кричитъ и мечется въ безсильной тоскѣ...

Новый ходокъ, Пахомычъ, взглянулъ на дѣло нѣсколько иными глазами, нежели несчастный его предшественникъ. Онъ понялъ такъ, что теперь самое вѣрное средство — это начать во всѣ мѣста просьбы писать.

— Знаю я одного человѣчка, обратился онъ къ глуповцамъ: — не къ нему ли намъ напередъ поклониться сходить?

Услышавъ эту рѣчь, большинство обрадовалось. Какъ ни велика была «нужа», но всѣмъ какъ будто полегчало при мысли, что есть гдѣ-то какой-то человѣкъ, который готовъ за всѣхъ «стараться». Что безъ «старанья» не обойдешься — это одинаково сознавалось всѣми; но всякому казалось не въ примѣръ удобнѣе, чтобъ за него «старался» кто-нибудь другой. Поэтому, толпа ужъ совсѣмъ было-двинулась впередъ, чтобъ исполнить совѣтъ Пахомыча, какъ возникъ вопросъ: куда идти, направо или налѣво? Этимъ моментомъ нерѣшительности воспользовались люди охранительной партіи, тѣ самые, которые впослѣдствіи (чуть ли даже не въ наше время) пріобрѣли такую громкую извѣстность подъ именемъ «ловкихъ».

— Стойте, атаманы-молодцы! сказали они: — какъ бы съ васъ за этого человѣка бригадиръ «модели не снялъ» да не

взбондировалъ! Лучше спросимъ напередъ, каковъ таковъ человѣчекъ?

— А таковъ этотъ человѣчекъ, что всѣ ходы, проходы и выходы знаетъ! Одно слово, проженный! успокоилъ Пахомычъ.

Оказалось на повѣрку, что «человѣчекъ» — не кто иной, какъ отставной приказный Боголѣповъ, выгнанный изъ службы «за трясеніе правой руки», каковому трясенію состояла причина въ напиткахъ. Жилъ онъ гдѣ-то на «болотѣ», въ полуразвалившейся избенкѣ нѣкоторой мѣщанской дѣвки, которая, за свое легкомысліе, пользовалась прозвищемъ «козы» и «кружки». Занятій настоящихъ онъ не имѣлъ, а составлялъ съ утра до вечера ябеды, которыя писалъ, придерживая правую руку лѣвою. Никакихъ другихъ біографическихъ свѣдѣній объ «человѣчкѣ» не имѣлось, да, повидимому, и не ощущалось въ нихъ надобности, потому что большинство уже зараньше было, такъ сказать, предрасположено къ безусловному довѣрію.

Тѣмъ не менѣе, вопросъ «охранительныхъ людей» все-таки не прошелъ даромъ. Когда толпа окончательно двинулась, по указанію Пахомыча, то нѣсколько человѣкъ отдѣлились и отправились прямо на бригадирскій дворъ. Произошелъ расколъ. Явились такъ-называемые «отпадшіе», то-есть такіе прозорливцы, которыхъ задача состояла въ томъ, чтобы оградить свои спины отъ потрясеній, ожидающихся въ будущемъ. «Отпадшіе» пришли на бригадирскій дворъ, но сказать ничего не сказали, а только потоптались на мѣстѣ, чтобы засвидѣтельствовать. И точно; посмотрѣлъ бригадиръ, видитъ: граждане хорошіе, зажиточные; въ бунтахъ не участвуютъ, терпѣть въ состояніи.

— Мы, братцы, ничего! между тѣмъ, гуторили «отпадшіе», покуда бригадиръ съ Алёнкой, сидя на крылечкѣ, щелкали зубами орѣхи: — чтобы мы супротивъ общества шли — да это спаси Боже! мы только бунтовать не согласны — это такъ!

Несмотря на расколъ, дѣло, затѣянное глуповцами, шло своимъ чередомъ. Лѣтописецъ описываетъ ходъ его, впрочемъ, слишкомъ подробно. Такъ, напримѣръ, онъ разсказываетъ, какъ глуповцы ввалились на дворъ къ «козѣ», какъ Боголѣповъ испугался и спрятался на сѣновалъ; какъ его оттуда поманили, сказавши, что «вѣдь сѣновалъ-то, милый человѣкъ, и поджечь можно»; какъ онъ вынужденъ былъ, наконецъ, сдаться на капитуляцію и проч. Но для насъ эти подробности не важны, и мы охотно пропускаемъ ихъ, чтобъ дать мѣсто лишь существеннымъ результатамъ. Однимъ изъ такихъ результатовъ было то, что Боголѣпову въ какіе нибудь полчаса времени накидали мѣдными деньгами съ

рубль, да на полштофъ малую толику, да на «коровай хлѣба небольшой».

На минуту, старый крамольникъ призадумался, какъ будто ему еще нужно было старый хмѣль изъ головы вышибить. Но это было раздумье мгновенное. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ торопливо вынулъ изъ чернилицы перо, обсосалъ его между губъ, сплюнулъ, вцѣпился лѣвой рукою въ правую, и началъ строчить.

Во всѣ мѣста Россійской Имперіи.

Просятъ пренесчастнѣйшаго города Глупова всенижайшіе и всебѣдствующіе всѣхъ сословій чины и людишки, а о чемъ, тому слѣдують пункты:

1) Симъ доводимъ до всѣхъ Россійской Имперіи мѣстъ и лицъ: мремъ мы всѣ, сироты, до единаго. Начальство же кругомъ себя видимъ неискусное, ко взысканію податей строгое, къ поданію же помощи мало поспѣшное. И еще доводимъ: которая у того бригадира, Ѳердыщенка, ямская жена Алёнка, то отъ нея безпремѣнно всѣмъ нашимъ бѣдамъ источникъ приключился, а болѣе того причины не видимъ. А когда жила Алёнка у мужа своего, Митьки ямщика, то было въ нашемъ городѣ смирно и жили мы всѣмъ изобильно. Хотя же и дальше терпѣть согласны, однако опасаемся: ежели всѣ помремъ, то какъ бы бригадиръ со своей Алёнкой насъ не оклеветалъ и передъ начальствомъ въ сумнѣнье не ввелъ. *Къ сему*

2) Болѣе сего пунктовъ не имѣется. *Прошенію, вмѣсто людишекъ города Глупова, за неграмотностью ихъ, поставлено двести и тринадцать крестовъ.*

Когда прошеніе было прочитано и закрестовано, то у всѣхъ словно отлегло отъ сердца. Запаковали бумагу въ конвертъ, запечатали и сдали на почту.

— Ишь, поплелась! говорили старики, слѣдя за тройкой, уносившей ихъ просьбу въ невѣдомую даль: — теперь, атаманы-молодцы, терпѣть намъ недолго! скоро у насъ и хлѣба, и вина вдоволь будетъ!

И дѣйствительно, въ городѣ вновь сдѣлалось тихо; глуповцы никакихъ новыхъ бунтовъ не предпринимали, а сидѣли на заваливахъ и ждали. Когда же проѣзжіе спрашивали: какъ дѣла? — то отвѣчали:

— Теперь наше дѣло вѣрное! теперича мы, братецъ мой, бумагу подали!

Но проходилъ мѣсяцъ, проходилъ другой — резолюціи не бы-

ло. А глуповцы все жили, и все что-то жевали. Надежды росли, и съ каждымъ новымъ днемъ пріобрѣтали все больше и больше вѣроятія. Даже «отпадшіе» начали убѣждаться въ неумѣстности своихъ опасеній, и крѣпко приставали, чтобъ ихъ записали въ зачинщики. Очень можетъ быть, что такъ бы и кончилось это дѣло измбромъ, еслибъ бригадиръ своимъ административнымъ неискусствомъ самъ не взволновалъ общественнаго мнѣнія. Обманутый наружнымъ спокойствіемъ обывателей, онъ очутился въ самомъ щекотливомъ положеніи. Съ одной стороны, онъ чувствовалъ, что ему дѣлать нечего; съ другой стороны, тоже чувствовалъ — что ничего не дѣлать нельзя. Поэтому, онъ затѣялъ нѣчто среднее, что-то такое, что̀ до нѣкоторой степени напоминало игру въ бирюльки. Опустить въ гущу крючокъ, вытащить оттуда злоумышленника, и засадить. Потомъ опять опустить, опять вытащить и опять засадить. И въ то же время, все пишетъ, все пишетъ. Перваго, разумѣется, засадилъ Боголѣпова, который со страху оговорилъ цѣлу кучу злоумышленниковъ. Каждый изъ злоумышленниковъ въ свою очередь оговорилъ по кучѣ другихъ злоумышленниковъ. Бригадиръ роскошествовалъ, но глуповцы, къ удивленію, не только не устрашились, но даже смѣясь говорили промежь себя: «каку-таку новую игру старый пёсъ затѣялъ?»

— Постой! разсуждали они: — вотъ придётъ ужо̀ бумага!

Но бумага не приходила, а бригадиръ плёлъ да плёлъ свою сѣть, и доплёлъ до того, что помаленьку опуталъ ею весь городъ. Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ корни и нити, когда примутся за нихъ вплотную. Съ помощью двухъ инвалидовъ, бригадиръ перепуталъ и перетаскалъ на съѣзжую почти весь городъ, такъ что не было дома, который не считалъ бы въ числѣ своихъ обитателей одного или двухъ злоумышленниковъ.

— Этакъ онъ, братцы, насъ всѣхъ завинитъ! догадывались глуповцы, и этого опасенія было достаточно, чтобы подлить масла въ потухавшій огонь.

Разомъ, безъ всякаго предварительнаго уговора, уцѣлѣвшіе отъ бригадирскихъ когтей сто пятдьесятъ «крестовъ» очутились на площади («отпадшіе», вновь благоразумно скрылись), и дойдя до градоначальническаго дома, остановились.

— Алёнку! гудѣла толпа, доведенная страхомъ до совершенной безсознательности.

Бригадиръ понялъ, что дѣло зашло слишкомъ далеко, и что ему ничего другаго не остается, какъ спрятаться въ архивъ. Такъ онъ и поступилъ. Алёнка тоже бросилась за нимъ, но случаю угодно было, чтобъ дверь архива захлопнулась въ ту

самую минуту, какъ бригадиръ переступилъ порогъ ея. Замокъ щелкнулъ, и Алёнка осталась наружѣ съ простертыми врозь руками. Въ такомъ положеніи застала ее толпа; застала блѣдную, трепещущую всѣмъ тѣломъ, почти безумную.

— Пожалѣйте, атаманы-молодцы, мое тѣло бѣлое! говорила Алёнка ослабѣвшимъ отъ ужаса голосомъ: — вѣдомо вамъ самимъ, что онъ меня силкомъ отъ мужа увелъ!

Но толпа ничего не слышала.

— Сказывай, вѣдьма! гудѣла она: — черезъ какое твое колдовство на нашъ городъ сухость нашла?

Алёнка словно обезпамятѣла. Она металась, и, какъ бы увѣренная въ неизбѣжномъ исходѣ своего дѣла, никакихъ дѣльныхъ объясненій не давала, а только повторяла: «тошно мнѣ! охъ, батюшки, тошно мнѣ!»

Тогда совершилось то неслыханное дѣло, о которомъ такъ много говорилось въ литературныхъ и политическихъ газетахъ того времени. Алёнку разомъ, словно пухъ, взнесли на верхній ярусъ колокольни, и бросили оттуда на раскатъ съ вышины болѣе пятнадцати сажень...

«И не осталось отъ той бригадировой сладкой утѣхи даже ни единаго лоскута. Въ одно мгновеніе ока, разнесли ее по частямъ приблудные голодные псы».

И вотъ, въ то самое время, когда совершилась эта безсознательная кровавая драма, вдали, по дорогѣ, вдругъ поднялось густое облако пыли, которое, казалось, подходило все ближе и ближе къ Глупову.

— Хлѣбъ идетъ! вскрикнули глуповцы, внезапно переходя отъ ярости къ радости.

Ту-ру! ту-ру! явственно раздалось изъ внутренностей пыльнаго облака...

Въ колонну
Соберись бѣгомъ!
Трезвону
Зададимъ штыкомъ!
Скорѣй! скорѣй! скорѣй!

Соломенный городъ.

Едва началъ поправляться городъ, какъ новое легкомысліе осѣтило бригадира: прельстила его окаянная стрѣльчиха Домашка.

Стрѣльцы въ то время хотя уже не были настоящими, допетровскими стрѣльцами, однако кой-что еще помнили. Угрю-

ные и отчасти саркастическіе нравы съ трудомъ уступали усиліямъ начальственной цивилизаціи, какъ ни старалась послѣдняя внушить, что галдѣніе и крамолы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть терпимы въ качествѣ «постоянныхъ занятій». Жили стрѣльцы въ особенной пригородной слободѣ, названной по ихъ имени Стрѣлецкою, а на противоположномъ концѣ города расположилась слобода Пушкарская, въ которой обитали опальные петровскіе пушкари и ихъ потомки. Общая опала, однакожъ, не соединила этихъ людей, и обѣ слободы постоянно враждовали другъ съ другомъ. Казалось, между ними существовали какіе-то старые счеты, которыхъ они не могли забыть, и которые каждая сторона формулировала такъ: «кабы не ваше (взаимно) тогда воровство, гуляли бы мы и о-сю пору по матушкѣ-Москвѣ». Въ особенности, выступали наружу эти счеты при косьбѣ луговъ. Каждая слобода имѣла въ своемъ владѣніи особенные луга, но границы этихъ луговъ были опредѣлены такъ: «въ урочищѣ, «гдѣ Пётру Долгаго сѣкли» — клинъ, да въ дву потомужь». И стрѣльцы, и пушкари, аккуратно каждый годъ около петровокъ выходили на мѣсто; сначала, какъ и путные, искали какого-то оврага, какой-то рѣчки, да еще кривой березы, которая въ свое время составляла довольно ясный межевой признакъ, но, лѣтъ тридцать тому назадъ, была срублена; потомъ, ничего не сыскавъ, заводили рѣчь объ «воровствѣ», и кончали тѣмъ, что по маленьку пускали въ ходъ косы. Побоища происходили очень серьёзныя, но глуповцы до того пригляделись къ этому явленію, что ни мало даже не формализировались имъ. Впослѣдствіи, однакожъ, начальство обезпокоилось, и приказало косы отобрать. Тогда не стало чѣмъ косить траву, и животы помирали отъ безкормицы. «И не было ни стрѣльцамъ, ни пушкарямъ прибыли ни единыя, только землемѣрамъ злорадство великое», прибавляетъ по этому случаю лѣтописецъ.

На одно изъ такихъ побоищъ явился самъ Ѳердыщенко съ пожарной трубою и бочкой воды. Сначала, онъ распоряжался довольно дѣятельно, и даже пустилъ въ дерущихся порядочную струю воды; но когда увидѣлъ Домашку, дѣйствовавшую, въ одной рубашкѣ, впереди всѣхъ, съ вилами въ рукахъ, то «злоумышленное» сердце его до такой степени воспламенилось, что онъ мгновенно забылъ и о силѣ данной имъ присяги, и о цѣли своего прибытія. Вмѣсто того, чтобъ постепенно усиливать обливательную тактику, онъ преспокойно усѣлся на кочку, и, покуривая изъ трубочки, завелъ съ землемѣрами пикантный разговоръ. Такимъ образомъ, пожирая Домашку глазами, онъ

просидѣлъ до вечера, когда сгустившіяся сумерки сами собой принудили сражающихся разойтись по домамъ.

Стрѣльчиха Домашка была совсѣмъ въ другомъ родѣ, нежели Алёнка. На сколько послѣдняя была плавна и женственна во всѣхъ движеніяхъ, на столько же первая — рѣзка, рѣшительна и мужественна. Худо умытая, растрепанная, полурастерзанная, она представляла собой типъ бабы-халды, походя ругающейся и пользующейся всякимъ случаемъ, чтобъ украсить рѣчь какимъ-нибудь непристойнымъ движеніемъ. Съ утра до вечера звенѣлъ по слободѣ ея голосъ, клянущій и сулящій всякія нелегкія, и умолкалъ только тогда, когда зелено вино угомоняло ее до потери сознанія. Стрѣльцы изъ молодыхъ гонялись за нею безъ памяти, но однакожь не враждовали изъ-за нея промежь собой, а всѣ вообще называли «сахарницей» и «проѣзжимъ шляхомъ». Пушкари ее боялись, но въ тайнѣ тоже вожделѣли. Смѣлости она была необыкновенной. Она наступала на человѣка прямо, какъ будто говорила: а ну, посмотримъ, покоришь ли ты меня? — и всякому, конечно, дѣлалось лестнымъ доказать этой «прорвѣ» что «покорить» ее можно. Объ одеждахъ своихъ она не заботилась, какъ будто инстинктивно чувствовала, что сила ея не въ цвѣтныхъ сарафанахъ, а въ той неистощимой струѣ молодаго безстыжества, которое неудержимо прорывалось во всякомъ ея движеніи. Былъ у нея, по слухамъ, и мужъ, но такъ-какъ она дома ночевала рѣдко, а все по клевушкамъ да по овинамъ, да и дѣтей у нея не было, то въ скоромъ времени объ этомъ мужѣ совсѣмъ забыли, словно такъ и явилась она на свѣтъ божій прямо бабой мірскою да бабой неродихою.

Но это-то собственно, то-есть совсѣмъ наглое забвеніе всякихъ околичностей, и привлекло «злопыхательное» сердце привередливаго старца. Сладостная, тающая безстыжесть Алёнки прискучила; потребовалось возбужденіе болѣе острое, болѣе способное дѣйствовать на засыпающія чувства старика. «Испытали мы бабу сладкую», сказалъ онъ своей экономкѣ: — «теперь станемъ испытывать бабу строптивую». И сказавши это, командировалъ въ Стрѣлецкую слободу урядника, снабдивъ его, для порядка, разсыльною книгой.

Урядникъ засталъ Домашку въ полпьяна, за огородами, около амбарушки, окруженную толпою стрѣльчатъ. Услышавъ требованіе явиться, она какъ бы изумилась, но такъ-какъ, въ сущности, ей было все равно, «кто ни попъ — тотъ батька», то послѣ минутнаго колебанія, она начала приподниматься,

чтобъ послѣдовать за посланнымъ. Но тутъ возмутились стрѣльчата, и отняли у урядника бабу.

— Больно лакомъ сталъ! кричали они: — давно ли Алёнку у Митьки со двора свелъ, а теперь подикось ужъ у опчества бабу отнять вздумалъ!

Конечно, бригадиру слѣдовало бы на сей разъ посовѣститься; но его словно бѣсъ обуялъ. Какъ ужаленный, бѣгалъ онъ по городу, и кричалъ крикомъ. Не пошли ему въ прокъ ни уроки прошлаго, ни упреки собственной совѣсти, явственно предупреждавшей распалившагося старца, что не ему придется расплачиваться за свои грѣхи, а все тѣмъ же, ни въ чемъ неповиннымъ глуповцамъ. Какъ ни отбивались стрѣльчата, какъ ни отговаривалась сама Домашка, что она «противъ опчества идти не смѣетъ», но сила, по обыкновенію, взяла верхъ. Два раза стегалъ бригадиръ заупрямившуюся бабёнку, два раза она довольно стойко вытерпѣла незаслуженное наказаніе, но когда принялись въ третій разъ, то не выдержала...

Тогда выступили впередъ пушкари и стали донимать стрѣльцовъ насмѣшками, за то, что не съумѣли свою бабу отъ бригадировыхъ шелеповъ отстоять. «Глупые были пушкари», поясняетъ лѣтописецъ, «того не могли понять, что, посмѣваясь надъ стрѣльцами, сами надъ собой посмѣваются». Но стрѣльцамъ было не до того, чтобы объяснять дѣйствія пушкарей глупостью или иною причиной. Какъ люди, чувствующіе кровную обиду, и не могущіе отомстить прямому виновнику, они срывали свою обиду на тѣхъ, которые напоминали имъ объ ней. Начались драки, безчинства и увѣчья; ходили другъ противъ дружки и въ одиночку и стѣна на стѣну, и всего больше страдалъ отъ этой ненависти городъ, который очутился какъ разъ посередкѣ между враждующими лагерями. Но бригадиръ уже ничего не слышалъ, и ни на что не обращалъ вниманія. Онъ забрался съ Домашкой на вышку и первый день своего торжества ознаменовалъ тѣмъ, что мертвецки напился пьянъ съ новой жертвой своего сластолюбія...

И вотъ, новое ужасное бѣдствіе незамедлило постигнуть городъ...

Пожаръ начался 7-го іюля, наканунѣ праздника Казанской Божіей Матери.

До первыхъ чиселъ іюля, все шло самымъ лучшимъ образомъ. Перепадали дожди, и при томъ такіе тихіе, теплые и благовременные, что все растущее съ неимовѣрною быстротой подни-

малось въ ростѣ, наливалось и зрѣло, словно волшебствомъ двинутое изъ нѣдръ земли. Но потомъ началась жара и сухмень; что также было весьма благопріятно, потому что наступала рабочая пора. Граждане радовались, надѣялись на обильный урожай и спѣшили съ работами.

6-го числа утромъ, вышелъ на площадь юродивый Архипушко, сталъ середь торга и началъ раздувать по вѣтру своей пестрядинной рубашкой.

— Горю! горю! кричалъ блаженный.

Старики, гуторившіе кругомъ, примолкли, собрались около блаженненькаго, и спросили:

— Гдѣ, батюшко?

Но прозорливецъ бормоталъ что-то нескладное.

— Стрѣла бѣжитъ, огнемъ палитъ, смрадомъ — дымомъ душитъ. Увидите мечь огненный, услышите голосъ архангельскій... горю!

Больше ничего отъ него не могли добиться, потому что, выговоривши свою нескладицу, юродивый тотчасъ же скрылся (точно сквозь землю пропалъ), а задержать блаженнаго никто не посмѣлъ. Тѣмъ не меньше, старики задумались.

— Про «стрѣлу» помянулъ! говорили они, покачивая головами на Стрѣлецкую свободу.

Но этимъ дѣло не ограничилось. Не прошло часа, какъ на той же площади появилась юродивая Анисьюшка. Она несла въ рукахъ крошечный узелокъ, и сѣвши посередь базара, начала ковырять пальцемъ ямку. И ее обступили старики.

— Что ты, Анисьюшка, дѣлаешь? на что ямку копаешь? спрашивали они.

— Добро хороню! отвѣчала блаженная, оглядывая вопрошавшихъ съ безсмысленною улыбкой, которая съ самаго дня рожденія словно застыла у ней на лицѣ.

— Пошто же ты хоронишь его? чай, и такъ отъ тебя, божьей старушки, никто не попорыствуется?

Но блаженная бормотала:

— Добро хороню... восемь ленточекъ... восемь тряпочекъ... восемь платочковъ шелковыхъ... восемь золотыхъ запоночковъ... восемь сережекъ яхонтовеньвихъ... восемь перстеньковъ изумрудныихъ... восьмеро бусъ янтарныихъ... восьмеро нитокъ бурмицкіихъ... девятая лента алая... хи-хи! засмѣялась она своимъ тихимъ, младенческимъ смѣхомъ.

— Господи! что такое будетъ! шептали испуганные старики.

Обернулись, анъ бригадиръ, весь красный, смотритъ на нихъ

изъ окна, и лыка не вяжетъ, а Домашка-стрѣльчиха угольком фигуры у него на лицѣ рисуетъ.

— Вотъ-то нся несытаго нелегкая принесла! чуть-чуть было не сказали глуповцы, но бригадиръ словно понялъ ихъ мысль, и не своимъ голосомъ закричалъ:

— Опять за бунты принялись! видно, не прочухались!

Съ тяжелою думой разбрелись глуповцы по своимъ домамъ, и не было слышно въ тотъ день на улицахъ ни смѣху, ни пѣсенъ, ни говору.

На другой день, съ утра погода чуть-чуть закуражилась; но такъ-какъ работа была спѣшная (зачиналось жнитво), то всѣ отправились въ поле. Работа, однакожъ, шла вяло. Отъ того ли, что дѣло было передъ праздникомъ, или отъ того, что всѣхъ томило какое-то смутное предчувствіе, но люди двигались словно сонные. Такъ продолжалось до пяти часовъ, когда народъ началъ расходиться по домамъ, чтобъ принарядиться и отправиться ко всенощной. Въ исходѣ седьмаго, въ церквахъ заблаговѣстили, и улицы наполнились пестрыми толпами народа. На небѣ было всего одно облачко, но вѣтеръ крѣпчалъ и еще болѣе усиливалъ общія предчувствія. Не успѣли отзвонить третій звонъ, какъ небо заволокло сплошь и раздался такой оглушительный раскатъ грома, что всѣ молящіеся вздрогнули; за первымъ ударомъ, послѣдовалъ второй, третій; затѣмъ, послышался гдѣ-то, не очень близко, набатъ. Народъ разомъ схлынулъ изъ всѣхъ церквей. У выходовъ люди тѣснились, давили другъ друга, въ особенности женщины, которыя заранѣе причитали по своимъ животамъ и пожиткамъ. Горѣла Пушкарская слобода, и отъ нея, на встрѣчу толпѣ, неслась цѣлая стѣна песку и пыли.

Хотя былъ всего девятый часъ въ началѣ, но небо до такой степени закрылось тучами, что на улицахъ сдѣлалось совершенно темно. Сверху, черная, безграничная бездна, прорѣзываемая молніями; кругомъ воздухъ, наполненный крутящимися атомами пыли — все это представляло неизобразимый хаосъ, на грозномъ фонѣ котораго выступалъ не менѣе грозный силуэтъ пожара. Видно было, какъ вдали копошатся люди, и казалось, что они безсознательно толкутся на одномъ мѣстѣ, а не мечутся въ тоскѣ и отчаяньи. Видно было, какъ кружатся въ воздухѣ оторванные вихремъ отъ крышъ клочки зажженной соломы, и казалось, что передъ глазами совершается какое-то фантастическое зрѣлище, а не дѣйствительнѣйшее изъ злодѣяній, которыми такъ обильны безсознательныя силы природы. Постепенно одно за другимъ занимались деревянныя строенія,

и словно таяли. Въ одномъ мѣстѣ, пожаръ уже въ полномъ разгарѣ; все строеніе обнялъ огонь и съ каждой минутой размѣры его уменьшаются, и силуэтъ принимаетъ какія-то узорчатыя формы, которыя вытачиваетъ и выгрызаетъ страшная стихія. Но вотъ въ сторонѣ блеснула еще свѣтлая точка, потомъ ее закрылъ густой дымъ, и черезъ мгновеніе, изъ клубовъ его вынырнулъ огненный языкъ; потомъ языкъ опять исчезъ, опять вынырнулъ— и взялъ силу. Новая точка, еще точка... сперва черная, потомъ ярко-оранжевая; образуется цѣлая связь свѣтящихся точекъ, и затѣмъ — настоящее море, въ которомъ утопаютъ всѣ отдѣльныя подробности, которое крутится въ берегахъ своею собственною силою, которое издаетъ свой собственный трескъ, гулъ и свистъ. Не скажешь, что̀ тутъ горитъ, кто плачетъ, кто страдаетъ; тутъ все горитъ, все плачетъ, все страдаетъ... Даже стоновъ отдѣльныхъ не слышно.

Люди стонали только въ первую минуту, когда безъ памяти бѣжали къ мѣсту пожара. Припоминалось тутъ все, что̀ когда-нибудь было дорого; все завѣтное, пригрѣтое, приголубленное, что̀ помогало примиряться съ жизнью и нести ея бремя. Человѣкъ такъ свыкся съ этими извѣчными идолами своей души, такъ долго возлагалъ на нихъ лучшія свои упованія, что мысль о возможности потерять ихъ никогда отчетливо не представлялась уму. И вотъ настала минута, когда эта мысль является не какъ отвлеченный призракъ, не какъ плодъ испуганнаго воображенія, а какъ голая дѣйствительность, противъ которой не можетъ быть возраженій. При первомъ столкновеніи съ этой дѣйствительностью, человѣкъ не можетъ вытерпѣть боли, которою она поражаетъ его; онъ стонетъ, простираетъ руки, жалуется, клянетъ, но въ то же время еще надѣется, что злодѣйство, быть можетъ, пройдетъ мимо. Но когда онъ убѣдился, что злодѣяніе уже совершилось, то чувства его внезапно стихаютъ, и одна только жажда водворяется въ сердцѣ его — это жажда безмолвія. Человѣкъ приходитъ къ собственному жилищу, видитъ, что оно насквозь засвѣтилось, что изъ всѣхъ пазовъ выползываютъ тоненькія огненныя змѣйки, и начинаетъ сознавать, что вотъ это и есть тотъ самый *конецъ всего*, о которомъ ему когда-то смутно грезилось и ожиданіе котораго незамѣтно для него самаго проходитъ черезъ всю его жизнь. Что остается тутъ дѣлать? что можно еще предпринять? Можно только сказать себѣ, что прошлое кончилось, и что предстоитъ начать нѣчто новое, нѣчто такое, отъ чего охотно бы оборонился, но чего невозможно избыть, потому что оно придетъ само собою и назовется завтрашнимъ днемъ.

— Всѣ ли вы тутъ? раздается въ толпѣ женскій голосъ: — одинъ, другой... Николка-то гдѣ?

— Я, мамонька, здѣся, отвѣчаетъ боязливый лепетъ ребенка, притаившагося сзади около сарафана матери.

— Гдѣ Матренка? слышится въ другомъ мѣстѣ: — вѣдь Матренка-то въ избѣ осталась!

На этотъ призывъ выходитъ изъ толпы парень и съ разбѣга бросается въ пламя. Проходитъ одна томительная минута, другая. Обрушиваются балки одна за другой, трещитъ потолокъ. Наконецъ, парень показывается среди облаковъ дыма; шапка и полушубокъ на немъ затлѣлись, въ рукахъ ничего нѣтъ. Слышится вопль: Матренка! Матренка! гдѣ ты? потомъ слѣдуютъ утѣшенія, сопровождаемыя предположеніями, что, вѣроятно, Матренка съ испуга убѣжала на огородъ...

Вдругъ, въ сторонѣ, изъ глубины пустаго сарая раздается нечеловѣческій вопль, заставляющій даже эту, совсѣмъ обезпамятѣвшую толпу перекреститься и вскрикнуть: «спаси Господи!» Весь, или почти весь народъ устремляется по направленію этого крика. Сарай только что загорѣлся, но подступиться къ нему уже нѣтъ возможности. Огонь охватилъ плетеныя стѣны, обвилъ каждую отдѣльную хворостинку, и въ одну минуту сдѣлалъ изъ темной, дымившейся массы рдѣющій, ярко-прозрачный костеръ. Видно было, какъ внутри метался и бѣгалъ человѣкъ, какъ онъ рвалъ на себѣ рубашку, царапалъ ногтями грудь, какъ онъ вдругъ останавливался и весь вытягивался, словно вдыхалъ. Видно было, какъ брызгали на него искры, словно обливали, какъ занялись на немъ волосы, какъ онъ сначала тушилъ ихъ, потомъ вдругъ закружился на одномъ мѣстѣ...

— Батюшки! да вѣдь это Архипушко! разглядѣли люди.

Дѣйствительно, это былъ онъ. Среди рдѣющго кругомъ хвороста, темная, полудикая фигура его казалась просвѣтлѣвшею. Людямъ видѣлся не тотъ нечистоплотный, блуждающій мутными глазами Архипушко, какимъ его обыкновенно видали, не Архипушко, преданный предсмертнымъ корчамъ и, подобно всякому другому смертному, безсильно борющійся противъ неизбѣжной гибели, а словно какой-то энтузіастъ, изнемогающій подъ бременемъ переполнившаго его восторга.

— Отворь ворота, Архипушко! отворь, батюшко! кричали издали люди, жалѣючи.

Но Архипушко не слыхалъ, и продолжалъ кружиться и кричать. Очевидно было, что у него уже начинало занимать дыханіе. Наконецъ, столбы, поддерживавшіе соломенную крышу,

подгорѣли. Цѣлое облако пламени и дыма разомъ рухнуло на землю, прикрыло человѣка и закрутилось. Рдѣющая точка на время опять превратилась въ темную; всѣ инстинктивно перекрестились...

Не успѣли пушкари опамятоваться отъ этого зрѣлища, какъ ихъ ужаснуло новое: загудѣли на соборной колокольнѣ колокола, и вдругъ самый большой изъ нихъ грохнулся внизъ. Бросились и туда, но тутъ увидѣли, что вся слобода уже въ пламени, и начали помышлять о собственномъ спасеніи. Толпа, оставшаяся безъ крова, пропитанія и одежды, повалила въ городъ, но и тамъ встрѣтилась съ общимъ смятеніемъ. Хотя очевидно было, что пламя взяло все, что̀ могло взять, но горожанамъ, наблюдавшимъ за пожаромъ по ту сторону рѣчки, казалось, что пожаръ все росъ, и зарево больше и больше рдѣло. Весь воздухъ былъ наполненъ какою-то свѣтящеюся массою, въ которой, отдѣльными точками, кружились и вихрились головни и горящіе пуки соломы. «Куда-то онѣ полетятъ? На комъ обрушатся?» спрашивали себя оцепенѣлые горожане.

Этотъ вопросъ произвелъ всеобщую панику; всякъ бросился къ своему двору спасать имущество. Улицы запрудились возами и пѣшеходами, нагруженными и навьюченными домашнимъ скарбомъ. Торопливо, но безъ особеннаго шума двигалась эта вереница по направленію къ выгону, и, отойдя отъ города на безопасное разстояніе, начала улаживаться. Въ эту минуту полилъ долгожеланный дождь и растворилъ на выгонѣ легко уступающій черноземъ.

Между тѣмъ, пушкари остановились на городской площади, и рѣшились дожидаться тутъ до свѣту. Многіе присѣли на землю, и дали волю слезамъ. Какой-то начетчикъ запѣлъ: *на рѣкахъ Вавилонскихъ*, и, заплакавъ, не могъ кончить; кто-то произнесъ имя стрѣльчихи-Домашки, но отклика ни откуда не послѣдовало. О бригадирѣ всѣ словно позабыли, хотя нѣкоторые и увѣряли, что видѣли, какъ онъ слонялся съ единственной пожарной трубой, и порывался отстоять поповъ домъ. Попъ былъ тутъ уже, вмѣстѣ со всѣми, и роптал.

— Беззаконноваxомъ! говорилъ онъ.

— Ты бы, батька, побольше Богу молился, да поменьше прохлаждался! въ упоръ послѣдовалъ отвѣтъ, и затѣмъ разговоръ по этому предмету больше не возобновлялся.

Къ свѣту, пожаръ дѣйствительно сталъ утихать, отчасти потому, что горѣть было нѣчему, отчасти потому, что пошелъ проливной дождь. Пушкари побрели обратно на пожарище, и увидѣли кучи пепла и обуглившіяся бревна, подъ которыми

тлѣлся огонь. Достали откуда-то крючьевъ, привезли изъ города трубу, и начали не торопясь растаскивать уцѣлѣвшій матеріалъ и тушить остатки огня. Всякій рылся около своего дома, и чего-то искалъ; многіе, въ самомъ дѣлѣ, доискивались и крестились. Сгорѣвшихъ людей оказалось съ десятокъ, въ томъ числѣ двое взрослыхъ; Матренку же, о которой наканунѣ былъ разговоръ, нашли спящею на огородѣ между грядъ. Мало-по-малу, день принялъ свой обычный, рабочій видъ. Убытки рѣдко кѣмъ высчитывались; всякій старался прежде всего опредѣлить себѣ не то, что̀ онъ потерялъ, а то, что̀ у него есть. У кого осталось нетронутымъ подполье, и по этому поводу выражалась радость, что уцѣлѣлъ квасъ и вчерашній каравай хлѣба; у кого какимъ-то чудомъ пожаръ обошелъ хлевушокъ, въ которомъ была заперта бурёнушка.

— Ай-да бурёнушка! умница! хвалили кругомъ.

Началъ и городъ понемногу возвращаться въ свои логовища изъ вынужденнаго лагеря; но не надолго. Около полдня, у Ильи-пророка, что на болотѣ, опять забили въ набатъ. Загорѣлся сарай той самой «Козы», у которой, въ предыдущемъ разсказѣ, лѣтописецъ познакомилъ насъ съ приказнымъ Боголѣповымъ. Полагаютъ, что Боголѣповъ, въ пьяномъ видѣ, курилъ трубку и заронилъ искру въ сѣнную труху; но такъ-какъ онъ самъ при этомъ случаѣ сгорѣлъ, то догадка эта настоящимъ образомъ въ извѣстность не приведена. Въ сущности, пожаръ былъ не весьма значителенъ, и могъ бы быть остановленъ довольно легко, но граждане до того были измучены и потрясены происшествіями вчерашней безсонной ночи, что достаточно было слова: «пожаръ!», чтобъ произвести между ними новую общую панику. Всѣ опять бросились къ домамъ, тащили оттуда кто что̀ могъ, и побѣжали на выгонъ. А пожаръ, между тѣмъ, разростался и разростался.

Не станемъ описывать дальнѣйшихъ перипетій этого бѣдствія, тѣмъ болѣе, что онѣ вполнѣ схожи съ тѣми, которыя уже приведены нами выше. Скажемъ только, что два дня горѣлъ городъ, и въ это время безъ остатка сгорѣли двѣ слободы: Болотная и Негодница, названная такъ потому, что тамъ жили солдатки, промышлявшія зазорнымъ ремесломъ. Только на третій день, когда огонь уже началъ подбираться къ собору и къ рядамъ, глуповцы нѣсколько очувствовались. Подстрекаемые крамольными стрѣльцами, они выступили изъ лагеря, явились толпой къ градоначальническому дому, и поманили оттуда Ѳердыщенку.

— Долго ли намъ горѣть будетъ? спросили они его, когда онъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, появился на крыльцѣ.

Но лукавый бригадиръ только вертѣлъ хвостомъ, и говорилъ, что ему съ Богомъ спорить не приходится.

— Мы не про то говоримъ, чтобъ тебѣ съ Богомъ спорить, настаивали глуповцы: — куда тебѣ, гунявому, нà Бога лѣзти! а ты вотъ чтò скажи: за чьи беззаконныя безчинства мы, сироты, теперича помирать должны?

Тогда бригадиръ вдругъ засовѣстился. Загорѣлось сердце его стыдомъ великимъ, и стоялъ онъ передъ глуповцами и точилъ слезы. («И всѣ тѣ его слезы были крокодиловы», предваряетъ лѣтописецъ событія).

— Мало ты насъ въ прошломъ году истязалъ? Мало насъ отъ твоей глупости, да отъ твоихъ шелеповъ смерть приняло? продолжали глуповцы, видя, что бригадиръ винится. — Одумайся, старче! Оставь свою дурость!

Тогда бригадиръ всталъ передъ міромъ на колѣни, и началъ каяться. («И было то покаяніе его аспидово», опять предваряетъ событія лѣтописецъ).

— Простите меня, ради-Христа, атаманы-молодцы! говорилъ онъ, кланяясь міру въ ноги:—оставляю я мою дурость на вѣки вѣчные, и самъ вамъ тоё мою дурость съ рукъ на руки сдамъ! только не наругайтесь вы надъ нею, ради-Христа, а проводите честь честью въ Стрѣлецкую слободу!

И, сказавъ это, вывелъ Домашку къ толпѣ. Увидѣли глуповцы разбитную стрѣльчиху, и животами охнули. Стояла она передъ ними, та же немытая, нечесанная, какъ прежде была; стояла, и хмѣльная улыбка бродила по лицу ея. И стала имъ эта Домашка такъ люба, такъ люба, что и сказать невозможно.

— Здорово живешь, Домаха! гаркнули въ одинъ голосъ граждане.

— Здравствуйте! Ослобонять пришли? отвѣчала Домашка.

— Охотой идешь въ опчество?

— Со всѣмъ моимъ великимъ удовольствіемъ!

Тогда Домашку взяли подъ руки, и привели къ тому самому анбару, откуда она была, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, уведена силою.

Стрѣльцы радовались, бѣгали по улицамъ, били въ тазы и въ сковороды, и выкрикивали свой обычный воинственный кличъ:

— Посрамихомъ! посрамихомъ!

И началась тутъ промежъ глуповцевъ радость и бодренье

великое. Всѣ чувствовали, что тяжесть спала съ сердецъ, и что отнынѣ ничего другаго не остается, какъ благоденствовать. Съ бригадиромъ во главѣ, двинулись граждане на встрѣчу пожару, въ нѣсколько часовъ сломали цѣлую улицу домовъ, и окопали пожарище со стороны города глубокою канавой. На другой день, пожаръ уничтожился самъ собою, вслѣдствіе недостатка питанія.

Но лѣтописецъ недаромъ предварялъ событія намёками: слезы бригадировы дѣйствительно оказались крокодиловыми, и покаяніе его было покаяніе аспидово. Какъ только миновала опасность, онъ засѣлъ у себя въ кабинетѣ, и началъ рапортовать во всѣ мѣста. Десять часовъ сряду макалъ онъ перо въ чернильницу, и чѣмъ дальше макалъ, тѣмъ больше становилось оно ядовитымъ.

«Сего 10-го іюля—писалъ онъ — отъ всѣхъ вообще глуповскихъ гражданъ послѣдовалъ противъ меня великій бунтъ. По случаю бывшаго въ слободѣ Негодницѣ великаго пожара, собрались ко мнѣ, бригадиру, на дворъ всякаго званія люди, и стали меня нудить и на колѣнки становить, дабы я передъ тѣми бездѣльными людьми прощеніе принесъ. Я же безъ страха отъ сего уклонился. И теперь разсуждаю такъ: ежели таковому ихъ бездѣльничеству потворство сдѣлать, да и впредь потрафлять, то какъ бы оное не явилось повторительнымъ, и не гораздо къ утишенію способнымъ?»

Отписавъ такимъ образомъ, бригадиръ сѣлъ у окошечка и сталъ поджидать, не послышится ли откуда: ту-ру! ту-ру! Но въ то же время съ гражданами былъ привѣтливъ и обходителенъ, такъ что даже едва совсѣмъ не обворожилъ ихъ своими ласками.

— Миленькіе вы, миленькіе! говорилъ онъ имъ: — ну, чего вы, глупенькіе, на меня разсердились! Ну, взялъ Богъ, — ну, и опять дастъ Богъ! У него, у Царя небеснаго, милостей много! Такъ-то, братики-сударики!

Повременамъ, однакожь, на лицѣ его показывалась какая-то сомнительная улыбка, которая не предвѣщала ничего добраго...

И вотъ, въ одно прекрасное утро, по дорогѣ показалось облако пыли, которое, постепенно приближаясь и приближаясь, подошло, наконецъ, къ самому Глупову.

— Ту-ру! ту-ру! явственно раздалось изъ внутренностей таинственнаго облака.

Трубятъ въ рога!
Разить врага
Другимъ пора!

Глуповцы оцепенѣли.

Фантастическій путешественникъ.

Едва успѣли глуповцы поправиться, какъ бригадирово легкомысліе чуть-чуть не навлекло на нихъ новой бѣды.

Ѳердыщенко вздумалъ путешествовать.

Это намѣреніе было очень странное, ибо въ завѣдываніи Ѳердыщенка находился только городской выгонъ, который не заключалъ въ себѣ никакихъ сокровищъ ни на поверхности земли, ни въ нѣдрахъ оной. Въ разныхъ мѣстахъ его валялись, конечно, навозныя кучи, но онѣ, даже въ археологическомъ отношеніи, ничего примѣчательнаго не представляли. «Куда и съ какою цѣлью тутъ путешествовать?» Всѣ благоразумные люди задавали себѣ этотъ вопросъ, но удовлетворительно разрѣшить не могли. Даже бригадирова экономка — и та пришла въ большое смущеніе, когда Ѳердыщенко объявилъ ей о своемъ намѣреніи.

— Ну, куда тебя слоняться несетъ? говорила она:—на первую кучу наткнешься и завязнешь! Кинь ты свое озорство, Христа-ради!

Но бригадиръ былъ непоколебимъ. Онъ вообразилъ себѣ, что травы сдѣлаются зеленѣе, и цвѣты расцвѣтутъ ярче, какъ только онъ выѣдетъ на выгонъ. «Утучнятся поля, прольются многоводныя рѣки, поплывутъ суда, процвѣтетъ скотоводство, объявятся пути сообщенія», бормоталъ онъ про себя, и лелѣялъ свой планъ пуще зѣницы ока. «Простъ онъ былъ—поясняетъ лѣтописецъ—такъ простъ, что даже послѣ столькихъ бѣдствій простоты своей не оставилъ».

Очевидно, онъ копировалъ въ этомъ случаѣ своего патрона и благодѣтеля, который тоже былъ охотникъ до разъѣздовъ (по краткой описи градоначальникамъ, Ѳердыщенко обозначенъ такъ: бывый деньщикъ князя Потемкина), и любилъ, чтобъ его вездѣ чествовали.

Планъ былъ начертанъ обширный. Сначала направиться въ одинъ уголъ выгона; потомъ, перерѣзавъ его площадь поперегъ, нагрянуть въ другой конецъ; потомъ, очутиться въ серединѣ, потомъ ѣхать опять по прямому направленію, а затѣмъ уже куда глаза глядятъ. Вездѣ принимать поздравленія и дары.

— Вы смотрите, говорилъ онъ обывателямъ: — какъ только меня завидите, такъ сейчасъ въ тазы бейте, а потомъ зачинайте поздравлять, какъ будто я и нѝ вѣсть откуда пріѣхалъ!

— Слушаемъ, батюшка Петръ Петровичъ! говорили проучен-

ные глуповцы; но про себя думали: «Господи! того гляди опять городъ спалитъ!»

Въѣхалъ онъ въ самый Николинъ день, сейчасъ послѣ раннихъ обѣденъ, и дóма сказалъ, что будетъ не скоро. Съ нимъ былъ деньщикъ Василій Черноступъ, да два инвалидныхъ солдата. Шагомъ направился этотъ поѣздъ въ правый уголъ выгона, но такъ-какъ разстояніе было близкое, то какъ ни медлили, а черезъ полчаса поспѣли. Ожидавшіе тутъ глуповцы, въ числѣ четырехъ человѣкъ, ударили въ тазы, а одинъ потрясалъ бубномъ. Потомъ начали подносить дары: подали тёшку осетровую соленую, да севрюжку провѣсную малую, да кусокъ ветчины. Вышелъ бригадиръ изъ брички, и сталъ спорить, что даровъ мало «да и дары тѣ не настоящіе, а лежалые», и служатъ къ умаленію его чести. Тогда вынули глуповцы еще по полтиннику, и бригадиръ успокоился.

— Ну, теперь показывайте мнѣ, старички, сказалъ онъ ласково: — каковы у васъ есть достопримѣчательности?

Стали ходить взадъ и впередъ по выгону, но ничего достопримѣчательнаго не нашли, кромѣ одной навозной кучи.

— Это въ прошломъ году, какъ мы лагеремъ во время пожара стояли, такъ въ ту пору всякаго скота тутъ довольно было! объяснилъ одинъ изъ стариковъ.

— Хорошо бы здѣсь городъ поставить, молвилъ бригадиръ: — и назвать его Домнославомъ, въ честь той стрѣльчихи, которую вы занапрасно въ то время обезпокоили!

И потомъ прибавилъ:

— Ну, а въ нѣдрахъ земли кáкъ?

— Объ этомъ мы неизвѣстны, отвѣчали глуповцы:—думаемъ, что много всего должно быть, однако, допытываться боимся: кáкъ бы кто не увидалъ, да начальство не пересказалъ!

— Боитесь?! усмѣхнулся бригадиръ.

Словомъ сказать, въ полчаса, да и то безъ нужды, весь осмотръ кончился. Видитъ бригадиръ, что времени остается много (отбытіе съ этого пункта было назначено только на другой день), и зачалъ тужить и корить глуповцевъ, что нѣтъ у нихъ ни мореходства, ни судоходства, ни горнаго и монетнаго промысловъ, ни путей сообщенія, ни даже статистики. А главное, нѣтъ предпріимчивости.

— Вамъ бы слѣдовало корабли заводить, кофей-сахаръ развозить, сказалъ онъ: — а вы что!

Переглянулись между собою старики, видятъ, что бригадиръ какъ будто и къ слову, а какъ будто и не къ слову свою рѣчь говоритъ, помялись на мѣстѣ и вынули еще по полтиннику.

— На этомъ спасибо, молвилъ бригадиръ: — а что про мореходство сказалось, на томъ простите!

Выступилъ тутъ впередъ одинъ изъ гражданъ, и желая подслужиться, сказалъ, что припасена у него за пазухой деревяннаго дѣла пушечка малая на колесцахъ, и гороху сушенаго запасецъ небольшой. Обрадовался бригадиръ этой забавѣ несказанно, сѣлъ на лужокъ и началъ изъ пушечки стрѣлять. Стрѣляли долго, даже умучились, а до обѣда все еще много времени остается.

— Ахъ, прахъ-те побери! Здѣсь и солнце-то словно назадъ пятится! сказалъ бригадиръ, съ негодованіемъ поглядывая на небесное свѣтило, медленно выплывавшее по направленію къ зениту.

Наконецъ, однако, сѣли обѣдать, но такъ-какъ, со времени стрѣльчихи Домашки бригадиръ сталъ запивать, то и тутъ напился до безобразія. Сталъ говорить неподобныя рѣчи, и указывая на «деревяннаго дѣла пушечку», угрожалъ всѣхъ своихъ амфитріоновъ перепалить. Тогда за хозяевъ вступился деньщикъ, Василій Черноступъ, который хотя тоже былъ пьянъ, но не гораздо.

— Пустое ты дѣло затѣялъ! сразу оборвалъ онъ бригадира: — кабы не я, твой приставникъ, — слова бы тебѣ, гунявому, не пикнуть, а не то, чтобъ за экое орудіе взяться!

Время между тѣмъ продолжало тянуться съ безнадежною вялостью. Обѣдали-обѣдали, пили-пили, а солнце все высоко стоитъ. Начали спать. Спали-спали, весь хмѣль переспали, наконецъ, начали вставать.

— Никакъ солнце-то высоко взошло! сказалъ бригадиръ, просыпаясь и принимая западъ за востокъ.

Но ошибка была столь очевидна, что даже онъ понялъ ее. Послали одного изъ стариковъ въ Глуповъ за квасомъ, думая ожиданіемъ сократить время; но старикъ оборотилъ духомъ и принесъ на головѣ цѣлый жбанъ, не проливъ ни капли. Сначала пили квасъ, потомъ чай, потомъ опять водку. Наконецъ, чуть смерклось, зажгли плошку и освѣтили навозную кучу. Плошка коптѣла, мигала и распространяла смрадъ.

— Слава Богу! не видали, какъ и день кончился! сказалъ бригадиръ, и, завернувшись въ шинель, улегся спать во второй разъ.

На другой день, поѣхали наперерѣзъ, и по счастью встрѣтили по дорогѣ пастуха. Стали его спрашивать, кто онъ таковъ, и зачѣмъ по пустымъ мѣстамъ шатается, и нѣтъ ли въ томъ шатаніи умысла. Пастухъ сначала оробѣлъ, но потомъ

во всемъ повинился. Тогда его обыскали, и нашли хлѣба ломоть небольшой, да лоскутокъ отъ онучъ.

— Сказывай, въ чемъ былъ твой умыселъ? допрашивалъ бригадиръ съ пристрастіемъ.

Но пастухъ на всѣ вопросы отвѣчалъ мычаніемъ, такъ что путешественники вынуждены были, для дальнѣйшихъ разспросовъ, взять его съ собою, и въ такомъ видѣ пріѣхали въ другой уголъ выгона.

Тутъ тоже въ тазы звонили и дары дарили, но время пошло поживѣе, потому что допрашивали пастуха, и въ него грѣшнымъ дѣломъ изъ пушечки малой стрѣляли. Вечеромъ, опять сожгли плошку, и опять начадили такъ, что у всѣхъ головы разболѣлись.

На третій день, отпустивъ пастуха, отправились въ середку, но тутъ ожидало бригадира уже настоящее торжество. Слава о его путешествіяхъ росла не по днямъ, а по часамъ, и такъ-какъ день былъ праздничный, то глуповцы рѣшились ознаменовать его чѣмъ-нибудь особеннымъ. Одѣвшись въ лучшія одежды, они выстроились въ каре и ожидали своего начальника. Стучали въ тазы, потрясали бубнами и даже играла одна скрипка. Въ сторонѣ, дымились котлы, въ которыхъ варилось и жарилось такое количество поросятъ, гусей и прочей живности, что даже попамъ стало завидно. Въ первый разъ бригадиръ понялъ, что любовь народная есть сила, заключающая въ себѣ нѣчто съѣдобное. Онъ вышелъ изъ брички и прослезился.

Плакали тутъ всѣ, плакали и потому, что жалко, и потому что радостно. Въ особенности, разливалась одна древняя старуха (сказывали, что она была внучка побочной дочери Мареы Посадницы).

— О чемъ ты, старушка, плачешь? спросилъ бригадиръ, ласково трепля ее по плечу.

— Охъ, ты, нашъ батюшка! какъ намъ не плакать-то, кормилецъ ты нашъ! вѣкъ мы свой все-то плачемъ... все плачемъ! всхлипывала въ отвѣтъ старуха.

Въ полдень поставили столы и стали обѣдать; но бригадиръ былъ такъ неостороженъ, что еще передъ закуской пропустилъ три чарки очищенной. Глаза его вдругъ сдѣлались неподвижными и стали смотрѣть въ одно мѣсто. Затѣмъ, съѣвши первую перемѣну (были щи съ солониной), онъ опять выпилъ два стакана, и началъ говорить, что ему нужно бѣжать.

— Ну, куда тебѣ безъ ума бѣжать? урезонивали его почетные глуповцы, сидѣвшіе по сторонамъ.

— Куда глаза глядять! бормоталъ онъ, очевидно, припоминая эти слова изъ своего маршрута.

Послѣ второй перемѣны (былъ поросенокъ въ смѣтанѣ), ему сдѣлалось дурно; однако, онъ превозмогъ себя и съѣлъ еще гуся съ капустою. Послѣ этого, ему перекосило ротъ.

Видно было, какъ вздрогнула на лицѣ его какая-то административная жилка, дрожала-дрожала, и вдругъ замерла... Глуповцы въ смятеніи и испугѣ повскакали съ своихъ мѣстъ.

Кончилось...

Кончилось достославное градоначальство, омрачившееся въ послѣдніе годы двукратнымъ вразумленіемъ глуповцевъ. «Были ли въ сихъ вразумленіяхъ необходимость?» спрашиваетъ себя лѣтописецъ, и, къ сожалѣнію, оставляетъ этотъ вопросъ безъ отвѣта.

На нѣкоторое время глуповцы погрузились въ ожиданіе. Они боялись, чтобъ ихъ не завинили въ преднамѣренномъ окормленіи бригадира, и чтобъ опять не раздалось невѣдомо откуда: «туру-туру!»

Встаньте гуще!
Чтобы пуще
Побѣждать врага!

Къ счастію, однакожь, на этотъ разъ опасенія оказались неосновательными. Черезъ недѣлю прибылъ изъ губерніи новый градоначальникъ и превосходствомъ принятыхъ имъ административныхъ мѣръ заставилъ забыть всѣхъ старыхъ градоначальниковъ, а въ томъ числѣ и Ѳердыщенку. Это былъ Василій Семеновичъ Бородавкинъ, съ котораго собственно и начинается золотой вѣкъ Глупова. Страхи разсѣялись, урожаи пошли за урожаями, кометъ не появлялось, а денегъ развелось такое множество, что даже куры не клевали ихъ... Потому что это были ассигнаціи.

Н. Щедринъ.

ЮЖНАЯ РУСЬ

и

КАЗАЧЕСТВО ДО ВОЗСТАНІЯ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Южнорусскій народъ. — Литовскій періодъ. — Основаніе казачества. — Его ранняя судьба. — Его распространеніе. — Унія. — Перерожденіе русскаго дворянства. — Морскіе походы казаковъ. — Вражда съ шляхетствомъ. — Возстаніе Жмайла. — Кураковскій договоръ. — Возстаніе Тараса. — Избраніе Владислава. — Возстановленіе православной іерархіи. — Возстаніе Павлюка. — Битва подъ Кумейками. — Боровицкій договоръ. — Возстаніе Остраницы и Гуни. — Битва на Старицѣ. — Договоръ на Масловомъ Бродѣ. — Униженіе казачества. — Угнетеніе русскаго народа.

Народъ, населяющій въ настоящее время бо̀льшую часть Галиціи и Буковины, Люблинскую губернію Царства Польскаго, губерніи Россійской Имперіи: Подольскую, Волынскую, Кіевскую, часть Гродненской и Минской, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, землю войска Кубанскаго, составляющій значительную часть народонаселенія въ губерніяхъ: Воронежской, Курской, Херсонской, имѣющій свои поселенія въ губерніяхъ Саратовской, Астраханской, Самарской, Оренбургской и землѣ Войска Донскаго, народъ, называемый малоруссами, украинцами, черкасами, хахлами, русинами и просто русскими, въ IX вѣкѣ, по извѣстіямъ нашихъ лѣтописцевъ, является разбитымъ на мелкіе народцы. Жившіе въ западной Волыни, назывались дулебами, жившіе по Бугу назывались бужане, а послѣ велыняне [1], по Днѣстру — тиверцы, ниже къ морю — улечи или угличи, а въ Галиціи — хорваты. Къ нимъ, вѣроятно, слѣдуетъ причислить и лучанъ, о которыхъ упоминаетъ Константинъ Пор-

---

[1] *Велiнний* (украинск.) великій (въ увеличительномъ смыслѣ). Есть въ народѣ темное преданіе о томъ, что въ Югозападной Руси нѣкогда жилъ народъ *велетнi* — исполины; слово антъ, которымъ у Прокопія и Іорнанда называются славянскіе народы, обитавшіе въ краѣ, въ которомъ, впослѣдствіи, мы застаемъ южно-русскій народъ, имѣетъ, по готски, то же значеніе.

фирородный: мѣсто ихъ жительства было въ нынѣшней Гродненской губерніи.

На востокъ отъ дулебовъ и велынянъ жили древляне въ нынѣшнемъ Полѣсьѣ, поляне около Днѣпра, суличи на берегахъ Сулы, сѣверяне въ нынѣшней Черниговской губерніи. Древній лѣтописецъ нашъ указываетъ на эту послѣднюю восточную группу, какъ на переселившихся съ Дуная, но не говоритъ того же о западной группѣ, изъ чего можно заключить, что принадлежащихъ къ послѣдней считали болѣе древними обитателями края, чѣмъ образовавшихъ восточную группу.

Часть южно-русскаго племени (вѣроятно, восточной группы), по какимъ-то переворотамъ, въ незапамятныя времена, отброшена была далеко на сѣверъ къ озеру Ильменю, и тамъ основала Новгородъ. Колонія эта, основанная посреди народа чудскаго племени, носила названіе славянъ, а потомъ новгородцевъ. Между новгородцами и южно-руссами, по Днѣпру, Двинѣ и Нѣману и ихъ притокамъ, жило иное и притомъ, вѣроятно, немалочисленное племя—кривичи (ихъ же видовое, мѣстное прозвище—полочане), родоначальники нынѣшнихъ бѣлоруссовъ. На востокъ отъ нихъ, по Сожѣ и Окѣ и ихъ притокамъ, было еще одно славянское племя ляхской или лехитской вѣтви, раздѣлявшееся на два народца, радимичей и вятичей. Далѣе на востокъ пространство нынѣшняго русскаго материка было заселено народами не славянскаго происхожденія, но славяне проникали туда уже въ глубокой древности, подвигаясь съ запада на востокъ и подчиняя себѣ финскія и финско-тюркскія племена.

Въ половинѣ IX вѣка русскіе славяне стали соединяться въ одну державу подъ главенствомъ варяжскихъ князей. Кіевъ, городъ земли полянъ, сдѣлался столицею этой державы. Славянскія племена защищали нѣсколько свою отдѣльность, но не могли удержать ее и признавали власть Кіева. Земля полянъ, иначе русская (въ тѣсномъ значеніи этого слова) стала первенствующею между землями другихъ славянскихъ племенъ, жившихъ на пространствѣ, занимаемомъ нынѣшнею Россіею, и всѣ они усвоили названіе русскихъ, русскаго народа. Съ теченіемъ времени мелкіе народцы слились и образовали три вѣтви русскаго народа: то были — южнорусская, бѣлорусская и великорусская. Послѣдняя образовалась изъ смѣси переселявшихся и подвигавшихся на востокъ южноруссовъ, отрасли послѣднихъ, рано отъ нихъ оторвавшейся — новгородцевъ, бѣлоруссовъ, славянъ лехитскаго отдѣла (радимичей и вятичей) и ославянившихся народовъ финско-тюркскаго племени. Держава,

основанная варягами, не могла удержаться въ образѣ монархіи и скоро приняла федеративный строй, т.-е. разбилась на нѣсколько земель съ княжествами, соединенныхъ единствомъ правящаго княжескаго рода и главенствомъ великаго князя. Это связующее средство было, однако, слабо для того, чтобъ удержать федеративный строй; гораздо сильнѣе и прочнѣе была внутренняя связь—единой вѣры, единаго церковнаго и книжнаго языка и сознанія единства происхожденія, выражаемой общимъ для всѣхъ названіемъ русскихъ. Со второй половины XII вѣка Южная Русь начинаетъ уже мало по малу жить отдѣльно отъ сѣверной и восточной. Она сама была раздѣлена на нѣсколько княженій, управляемыхъ народными сходками (вѣчами) и князьями, которые хотя и принадлежали къ одному роду, но возводимы и смѣняемы были чаще не по праву преемничества, а по прихоти военнаго сословія. Кромѣ славянскихъ поселенцевъ, въ Южную Русь внѣдрились тюркскія племена подъ именемъ торковъ, берендѣевъ, печенѣговъ, черныхъ клобуковъ; впослѣдствіи они до извѣстной степени вошли въ составъ южнорусской народности и внесли въ нее азіатскую стихію.

Монгольское нашествіе обезлюдило русскую или кіевскую землю и вообще восточная часть южнорусской земли, гдѣ еще въ XII вѣкѣ существовало названіе украина, стала надолго пустою или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно малолюдною. Народонаселеніе сгущалось на западѣ—на Волынѣ и въ Червоной Руси: туда перенесенъ былъ и центръ политической дѣятельности. При князьяхъ Романѣ и сынѣ его Даніилѣ, видимъ попытки утвердить и объединить южнорусскій народъ, но внутреннія несогласія, неустройства и вмѣшательства сосѣдей (поляковъ и венгровъ) не допустили до этого. Въ XIV вѣкѣ западная часть Южной Руси, т.-е. Червоная Русь соединилась съ Польшею, а та, которая лежала на востокъ отъ ней, вошла въ составъ новообразовавшагося государства русскаго, подъ властью князей литовскаго рода, отчего и назвалось оно великимъ княжествомъ литовскимъ.

Польша долго и постоянно стремилась къ тому, чтобъ присоединить къ себѣ это государство, и достигала этой цѣли тѣмъ, что на польскій престолъ выбирались русско-литовскіе князья. Одинъ изъ нихъ, Казимиръ Ягеллоновичъ, въ 1476 году уничтожилъ удѣльное кіевское княжество и замѣнилъ его воеводствомъ: въ Руси вводилось устройство, заимствованное изъ Польши. Установлены чины воеводъ, каштеляновъ, старостъ, дарованы русскому дворянству права польскаго дворянства. По польскому образцу, вольные города, мѣстечки, села раздавались старостамъ въ пожизненное владѣніе, что неизбѣжно убивало

древнее вѣчевое общинное самоуправленіе. То былъ первый важный шагъ къ тому тѣсному сближенію русскаго дворянства съ польскими обычаями и нравами, которое, наконецъ, привело его къ совершенному ополяченію и къ раздѣленію съ остальнымъ народомъ.

Скоро, вслѣдъ за тѣмъ, появились казаки, которымъ, со временемъ, суждено было стать борцами за русскую народность противъ Польши, охранителями православной вѣры, проводниками свободы, независимости и единенія рускаго народа.

Казачество—безспорно татарскаго происхожденія, какъ и самое названіе казакъ, означающее потатарски бродягу, вольнаго воина, наѣздника. По основаніи крымскаго царства и по занятіи ордами черноморскихъ странъ, татарскіе наѣздники стали безпокоить русскихъ жителей обоихъ существовавшихъ тогда государствъ — московскаго и литовскаго. Они отправлялись на военные подвиги по своей охотѣ, безъ приказанія и часто безъ позволенія своихъ старшихъ. Такихъ называли казаками. Отъ XVI вѣка осталось у насъ нѣсколько свидѣтельствъ о татарскихъ казакахъ. Такъ Василій Ивановичъ, великій князь московскій, жаловался турецкому падишаху, что азовскіе и бѣлогородскіе татарскіе казаки безпокоятъ предѣлы московскаго государства, помогая Литвѣ, которая тогда вела войну съ Москвою [1]. Въ 1510 году великій князь литовскій Сигизмундъ I жаловался крымскому хану, что на литовскія области нападаютъ перекопскіе казаки, а въ 1516 году крымскій ханъ Махметъ-Гирей объяснялъ тому же литовскому государю, что происшедшее передъ тѣмъ нападеніе татаръ на Украину сдѣлано было своевольными татарами бѣлогородскими казаками. [2] Нѣсколько позже, при Сигизмундѣ-Августѣ, извѣстны были казаки татарскіе: въ грамотѣ 1561 года, писанной черкасскому старостѣ, этотъ великій князь литовскій сообщаетъ, что перекопскій царь писалъ къ нему о двадцати-четырехъ казакахъ бѣлогородскихъ, которые пожелали вступить въ службу литовскаго государя. Приложенныя при этой грамотѣ имена двадцати-четырехъ казаковъ—всѣ татарскія [3]. Русскіе, принужденные отражать татарскіе набѣги, невольно должны были усвоивать и тѣ способы и пріемы войны, какіе употребляли ихъ враги, и, такимъ образомъ, у русскихъ явилось такое же казачество, какое было у татаръ. Возникли и русскіе казаки. Но это названіе въ XVI вѣкѣ еще не ограничивалось значеніемъ

---

[1] Дѣла Моск. Арх. Ин. Дѣлъ.
[2] Dwa. Lata dziejŏw naszych. 1. 41.
[3] Акты Ю. и З. Р. II. 157.

военныхъ людей: въ московскомъ государствѣ на дальнемъ сѣверѣ (1564 г.) были *волостные* и *деревенскіе* казаки, называвшіеся такъ въ отличіе отъ земскихъ людей и неплатившіе, какъ послѣдніе, тягла по *обжамъ* (поземельная единица), имѣвшіе однако свои дворы, лошадей и скотъ и занимавшіеся промыслами и торговлею [1]. Они не были воины: изъ другихъ, нѣсколько позднѣйшихъ актовъ видно, что они занимались возкою соли и пользовались нѣкоторыми исключительными правами по этому занятію. Между тѣмъ, въ другихъ краяхъ того же московскаго государства, на нижней Волгѣ—казаками (1582 г.) назывались вольные работники на судахъ—то, чтѣ послѣ на Волгѣ называлось бурлаки. Нанимаясь къ какому нибудь хозяину судна, они звались его казаками. Въ томъ же приволжскомъ краѣ, въ тѣ же времена, казаками назывались и военные люди, не только бродячіе, гулящіе, вольные, но и начинавшіе составлять подъ этимъ именемъ особое служилое военное сословіе, заурядъ со стрѣльцами [2]. Отличіе тѣхъ и другихъ казаковъ явно высказывается въ актахъ того времени; такъ напр. запрещается изъ казаковъ, находившихся на купеческихъ судахъ, брать въ казаки (а казаковъ бы есте съ судовъ у нихъ въ стрѣльцы и казаки не имали [3]. Такимъ образомъ, слово «казакъ» въ XVI вѣкѣ имѣло очень широкое значеніе и вообще выражало въ обширномъ смыслѣ то, чтѣ иначе называлось — гулящій человѣкъ, т.-е. не связанный тягломъ. Это значеніе подходитъ къ тому, какое и теперь во многихъ мѣстахъ Великой Россіи даютъ слову «казакъ», выражая имъ вольнаго, чаще бездомовнаго работника.

Въ Руси, принадлежавшей въ XVI вѣкѣ къ литовскому государству, названіе «казакъ» означало воина, но этотъ воинъ, однако, занимался промыслами и торговлею; такъ въ грамотѣ, данной подъ 1499 годомъ кіевскимъ мѣщанамъ, говорится о казакахъ, которые плавали внизъ по Днѣпру за рыбою и привозили ее въ Кіевъ на продажу [4]. При Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ было два рода казаковъ: однихъ набирали старосты изъ королевскихъ мѣстечекъ и волостей; другіе собирались въ вольныя шайки и выбирали сами себѣ предводителей. Первые назывались по имени своего старосты и предводителя, такъ-какъ въ московскомъ государствѣ работавшіе на судахъ казаки назывались именемъ хозяина судна, на которомъ они слу-

[1] Акты Арх. Экс. 1. 308.
[2] Акты А. Э. 1. 347.
[3] Акты Ист. 1. 436.
[4] Акты Зап. Р. 1. № 170.

жили. Такъ подъ 1503 г. мы встрѣчаемъ черкасскихъ Княжь-Дмитровыхъ казаковъ [1]. Съ учащеніемъ и усиленіемъ татарскихъ набѣговъ развивалось и усиливалось русское казачество. 1516-й годъ обозначается историками какъ періодъ уже значительной дѣятельности казаковъ. Важнѣйшими предводителями и устроителями казачества были хмѣльницкій староста Предславъ Лянскоронскій, черкасскій и каневскій староста Евстафій Дашковичъ, которому приписывали первому устройство казаковъ въ смыслѣ военнаго сословія, и князь Дмитрій Вишневецкій, знаменитый впослѣдствіи, своими покушеніями на Крымъ и Молдавію и своею трагическою кончиною въ Царьградѣ. Ядромъ казачества сдѣлались Черкасы и Каневъ съ ихъ волостями, находившіеся долгое время подъ старостинскою властью Евстафія Дашковича, которому польскіе историки даютъ титулъ «знаменитаго казака». Обязанностью казаковъ было воевать съ татарами, но они не были единственными воинами въ краѣ. Необходимость военной силы въ Украйнѣ побуждала правительство держать вообще жителей городовъ на военной ногѣ. Такъ, въ уставной грамотѣ кіевскимъ мѣщанамъ, вмѣнялось ихъ въ обязанность на лошадяхъ и съ вооруженіемъ ходить въ погоню за татарами [2]. Не будучи, такимъ образомъ, воинами, подобно казакамъ, мѣщане, несли сверхъ того повинности, соотвѣтственныя мѣщанскому званію; казаки же, какъ люди исключительно военнаго сословія, освобождались отъ всякихъ другихъ повинностей, кромѣ военной. Что̀ для казаковъ составляло привиллегію, то для мѣщанъ было отягощеніемъ. Сверхъ того города, кромѣ тягостей, положенныхъ закономъ на мѣщанское сословіе, терпѣли еще отъ произвола старостъ и воеводъ, и оттого мѣщане, особенно молодые и бѣдные, которыхъ выгоды и симпатіи мало привязывали къ мѣщанству, убѣгали самовольно въ казаки; за ними хлопы изъ селеній стали также порываться въ казачество и самовольно покидать свои тяглыя обязанности. Изъ нихъ-то образовалось другаго рода казачество — вольное, неподчиненное существовавшему по закону управленію. Ядромъ такого вольнаго казачества сдѣлалась запорожская Сича.

Когда собственно возникла эта славная впослѣдствіи община — нѣтъ точныхъ указаній. Въ 1527 году, вѣроятно, не существовало за порогами постояннаго казацкаго населенія: крымскій ханъ Саинъ Гирей жалуется на казаковъ, черкасскихъ и каневскихъ, которые *становились* подъ улусами татарскими на Днѣпрѣ и нападали на татаръ [3]. По этому поводу онъ гро-

[1] Арх. Юго-з. Р. т. 1. ч. 3. ст. 1.
[2] Акты Ю. и З. Р. 1. 128.
[3] Солов. Ист. V. 359.

зилъ напасть на Черкасы и Каневъ, но не говорилъ ни о какомъ казацкомъ гнѣздѣ ниже по Днѣпру, а объ нёмъ онъ долженъ былъ прежде всего упомянуть, еслибъ оно въ то время существовало. Въ 1533 году Евстафій Дашковичъ на піотрковскомъ сеймѣ представлялъ о необходимости держать постоянную казацкую сторожу въ двѣ тысячи человѣкъ на днѣпровскихъ островахъ, и кромѣ того, нѣсколько сотъ конныхъ для доставки имъ продовольствія. Историкъ Бѣльскій говоритъ, что на сеймѣ, по этому поводу, ничего не было сдѣлано [1]. Такимъ образомъ, и въ этомъ году, повидимому, еще не было Сичи. Въ шестомъ десятилѣтіи XVI вѣка, князь Дмитрій Вишневецкій построилъ городъ (укрѣпленіе) на островѣ Хортицѣ и помѣстилъ тамъ казаковъ [2]. Появленіе казацкой селидьбы на днѣпровскихъ островахъ по близости къ татарскимъ предѣламъ не по вкусу пришлось татарамъ; самъ ханъ ходилъ добывать этотъ городокъ и выгонять изъ своего сосѣдства казаковъ. Скоро послѣ того, казаки, по извѣстію Бѣльскаго, имѣли уже за порогами постоянное укрѣпленіе на островѣ Томаковкѣ. То была славная впослѣдствіи Запорожская Сича. Въ актахъ, сколько извѣстно намъ, о ея существованіи первый разъ являются указанія въ грамотѣ Сигизмунда-Августа подъ 1568 годомъ, гдѣ говорится уже, что казаки на Низу, на Днѣпрѣ, нетолько ходятъ, какъ прежде бывало, но *перемѣшкиваютъ*, то-есть обитаютъ [3].

Вѣроятно, образованіе Сичи совершалось не вдругъ, а постепенно и возникло изъ рыболововъ и звѣролововъ, которые, какъ показываютъ акты конца XV и начала XVI вѣковъ, издавна имѣли обычай отправляться весною къ порогамъ и за пороги, ловить тамъ рыбу и звѣрей, а осенью возвращались въ Украину и въ украинскихъ городахъ продавали свѣжую и просольную рыбу и звѣриныя шкуры. Условія пустыннаго края, куда отправлялись эти промышленники, были таковы, что они невольно должны были сдѣлаться воинами. Занимаясь ловлею и соленіемъ рыбы, они каждую минуту могли ожидать нападенія татаръ, и потому каждую минуту должны были быть готовыми отражать ихъ. Такое положеніе дѣлало ихъ бодрыми, храбрыми и быстрыми. Переплывать днѣпровскіе пороги было дѣло трудное и опасное и пріучало ихъ дѣлаться отважными мореходцами. Изъ промышленнаго товарищества неизбѣжно должно было

[1] Kronika Xięga. V.
[2] Ак. Ю. и З. Р. II. 148.
[3] Арх. Югоз. Р. 1. ч. 3. стр. 4.

образоваться рыцарское. Стали ходить за пороги на острова и въ поле нетолько за рыбою и звѣрьми, но и за военною добычею, нападали на татарскіе улусы, захватывали скотъ, лошадей, брали у побѣжденныхъ конскую сбрую и вооруженіе. Была еще иная приманка для удальцовъ ходить на Низъ. Изъ Турціи чрезъ Очаковъ шелъ торгóвый путь въ Московское государство: этимъ путемъ проходили купеческіе караваны съ товарами. Казаки нападали на нихъ и расхищали везомое богатство. Возвращаясь съ нимъ домой, они давали и другимъ поводъ покушаться на такой промыселъ. Украинскому поселенію пришлись по вкусу такіе походы. Число отправлявшихся весною на Низъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. Тѣ, которымъ нравилась одинокая бурлацкая жизнь, оставались въ построенномъ укрѣпленіи зимовать; то была, такъ-называемая, сиромà, то-есть сѣрая голь, которой нечего было жалѣть на родинѣ и для которой жизнь была копейка во всякое время. Другіе возвращались на Украину, но уже не хотѣли быть тѣмъ, чѣмъ судьба опредѣлила имъ быть до того времени, то-есть нести мѣщанскія и сельскія повинности; они оставались и сами себя называли казаками: по тогдашнимъ понятіямъ, кто былъ воинъ и подвергалъ себя безпрестанно опасностямъ войны, тотъ уже тѣмъ самымъ ставилъ себя выше другихъ и не хотѣлъ нести повинностей, которыя должны были падать исключительно на мирное народонаселеніе, какъ бы въ вознагражденіе за охраненіе своего жительства отъ опасностей. Недовольство, существовавшее между мѣщанами въ тѣ времена, не подлежитъ сомнѣнію и доказывается жалобами мѣщанъ на воеводъ и старостъ. Такъ, въ 1523 году, кіевскіе мѣщане жаловались на своего воеводу Андрея Немировича, что онъ имъ оказываетъ разныя несправедливости, заставляетъ ходить съ собою въ походъ пѣшихъ, отнимаетъ у нихъ лошадей и вооруженіе и раздаетъ своимъ служебникамъ, заставляетъ мѣщанъ стеречь плѣнныхъ татаръ и наказываетъ ихъ въ случаѣ, когда плѣнный убѣжитъ, хотя бы мѣщанинъ не имѣлъ умысла выпустить его, тогда-какъ по закону, въ подобныхъ случаяхъ, не слѣдовало мѣщанину чинить наказанія; воевода, сверхъ того, присвоиваетъ себѣ мѣщанскія дворища и угодія, посылаетъ мѣщанъ на черныя работы, которыя не слѣдовало возлагать на мѣщанъ. На такую жалобу не послѣдовало отъ великаго князя ничего, кромѣ нравоученія воеводѣ, чтобы онъ впередъ такъ не дѣлалъ и не присвоивалъ себѣ суда надъ мѣщанами, которыхъ судить должны были войтъ, бурмистръ и радцы[1]. Въ Черкасахъ, по смерти Евстафія Даш-

[1] Акты Ю. и З. Р. II. 132.

ковича, появились одни за другими новые старосты: противъ одного изъ нихъ, Тышкевича, взбунтовались мѣщане; по слѣдствію оказалось подозрѣніе въ поджигательствѣ къ бунту на нѣкоего Пенко, который, однако, оправдался[1]. Потомъ Пенко сталъ старостою и черкасскіе мѣщане жаловались, что этотъ новый староста заставляетъ ихъ на себя работать, возить дрова и сѣно, не позволяетъ возить въ Кіевъ на продажу медъ, не даетъ ловить рыбу и бобровъ, отнимаетъ издавна принадлежавшій мѣщанамъ днѣпровскій порогъ Звонецъ, собираетъ съ нихъ двойныя коляды на праздникъ Рождества Христова и отягощаетъ ихъ поставкою подводъ. Мѣщанскія повинности подъ его управленіемъ были до того тяжелы, что иные мѣщане поступали къ нему въ служебники, чтобы освободиться отъ мѣщанскихъ повинностей, которыя, черезъ уменьшеніе числа тяглыхъ, не облегчались для остальныхъ, оставшихся въ мѣщанствѣ. По этой жалобѣ, кіевскій воевода Немировичъ, тотъ самый, на котораго жаловались кіевскіе мѣщане, производилъ, съ двумя королевскими дворянами, дознаніе и нашелъ старосту невиновнымъ[2]. Уже этихъ примѣровъ достаточно, чтобъ видѣть, какъ тогдашнее положеніе городовъ способствовало тому, чтобы мѣщане выходили изъ своего званія и поступали въ казачество. За мѣщанами сельскіе люди стали дѣлать то же. Запорожье наполнялось бѣглецами. Побывавши на Низу и возвратившись въ Украину, эти бѣглецы умножали собою число людей, называвшихъ себя вольными казаками, не хотѣвшими подчиняться прежнимъ своимъ властямъ.

Простота жизни, готовность на всякую опасность, благочестіе, цѣломудріе, совершенное братство между собою, и строгое повиновеніе волѣ начальства — то были нравственныя требованія запорожской братчины, приближавшія ее, за исключеніемъ военнаго занятія, къ монастырской. Запорожцы собирались на раду — сходку, подобную стариннымъ вѣчамъ. На радѣ выбирались начальники. Главнымъ былъ атаманъ, носившій названіе кошевого, и вся запорожская община, въ правительственномъ смыслѣ, назывались кошемъ — слово татарскаго происхожденія. Кошъ раздѣлялся на курени; надъ каждымъ куренемъ былъ выборный куренный атаманъ, подчиненный кошевому. Кошевой имѣлъ безусловную власть надъ кошемъ, но по окончаніи года отдавалъ отчетъ въ управленіи, и въ случаѣ злоупотребленій, подвергался смертной казни. Съ этой цѣлью, чтобъ онъ не зазнавался, существовалъ обрядъ—новоизбранному кошевому ма-

---

[1] Арх. Югоз. Р. 1 ч. 3. стр. 2.
[2] Акты З. Р. II. 352.

вали лицо грязью. Пища у нихъ—говоритъ украинскій лѣтописецъ [1], была ржаное квашеное тѣсто, называемое соломаха, рѣдко сваренное, а болѣе праздничное кушанье — рыбная похлебка, называемая щербою. Они жили въ куреняхъ, человѣкъ по сту пятидесяти въ одномъ; ссора между собою строго запрещалась; суровые и даже безчеловѣчные на войнѣ, запорожцы казнили смертію своихъ товарищей, дѣлавшихъ насилія и разбои въ мирныхъ христіанскихъ поселеніяхъ; воровство наказывалось повѣшеніемъ: «за едино путо вѣшаютъ на древѣ». Въ товарищество поступали и холостые и женатые, но ввести женщину въ Сичу запрещалось подъ смертною казнію. За блудодѣяніе жестоко наказывали палочными ударами. Запорожецъ, вступая въ Сичу, обѣщалъ воевать за христіанскую вѣру и биться противъ ея враговъ. Онъ долженъ былъ ходить въ церковь, хранить посты и обряды по уставу восточной церкви.

Такъ жили по описанію, переданному малорусскими лѣтописями, первые запорожцы, остававшіеся на болѣе или менѣе продолжительное время въ Сичѣ. Бо̀льшая часть удальцевъ, которымъ суждено было не погибнуть и не попасть на войнѣ въ плѣнъ, возвращалась домой, обогащаясь добычею, нѣсколько разъ повторяла свои походы на Низъ, или же изъ нихъ образовывались казацкія шайки, которыя выбирали предводителей, величаемыхъ гетманами, или они, отвѣдавши казацкаго житья, поступали подъ предводительство какого нибудь пана, который, въ такомъ случаѣ, назывась ихъ гетманомъ, обращался съ ними, какъ съ вольными людьми. Такіе вольные казаки служили у князей Вишневецкихъ и Ружинскихъ. Единаго начальника надъ всѣми украинскими казаками еще не было. Крайнее равенство правъ господствовало въ ихъ бытѣ. Шляхтичъ ли, князь ли, мѣщанинъ или сельскій хлопъ шелъ въ казаки — онъ былъ равенъ своимъ товарищамъ. Сперва вольное казачество наполнялась мѣщанами, а потомъ большинство въ немъ состояло изъ сельскихъ хлоповъ, не хотѣвшихъ повиноваться своимъ панамъ. Вѣкъ Сигизмунда-Августа былъ эпохой значительнаго ополяченія русскаго дворянства. Оно принимало польскій образъ жизни, усвоивало польскіе нравы и польскую рѣчь, начинавшую мало по малу замѣнять русскую. Съ тѣмъ вмѣстѣ паны русскіе стали жить роскошнѣе: нужды ихъ усложнились и требовали усиленія доходовъ и черезъ то положеніе хлоповъ стало тягостнѣе, а между тѣмъ имъ было большое искушеніе—возможность убѣгать отъ пановъ, и они убѣгали

---

[1] Истор. о презѣльной брани.

въ казачество. Не только изъ Южной Руси, но изъ Литвы и Польши приходили искатели свободы. Мѣстожительства казаковъ не ограничивалось Черкасами и Каневымъ, какъ было вначалѣ, но по всему пространству нынѣшнихъ губерній: Кіевской, Полтавской и южной части Подольской проживали казаки, люди вольные, не хотѣвшіе подчиняться установленнымъ властямъ, и связанные съ центромъ казацкой вольности — запорожскою Сичью. Одна изъ лѣтописей украинскихъ говоритъ, что царь турецкій сдѣлалъ вопросъ: сколько въ Украинѣ казаковъ? Ему отвѣчали: «У насъ гдѣ кракъ (кустъ), тамъ казакъ, а гдѣ байракъ (буеракъ), тамъ сто казаковъ». Казацкіе походы не ограничивались уже стычками съ татарами въ степяхъ и разбиваніемъ купцовъ: на своихъ чайкахъ, какъ назывались ихъ челны, обшитые тростникомъ и умѣщавшіе до шестидесяти человѣкъ, казаки пускались въ открытое море, проникали въ Румелію, Анатолію, нападали на мусульманскіе города, избавляли изъ галеръ и темницъ христіанскихъ плѣнниковъ, появлялись даже подъ стѣнами столицы падишаха. Возвращаясь домой съ добычею, нѣкоторые изъ бѣдняковъ становились богачами и своимъ примѣромъ увлекали другихъ на казацкіе подвиги.

Польское правительство не покровительствовало умноженію казачества: оно не могло не видѣть въ немъ подрыва существующаго порядка, такъ-какъ казачество наполнялось людьми, убѣгавшими отъ повинностей; притомъ оно боялось, что казацкіе набѣги на Крымъ и Турцію будутъ вызывать непріязненныя дѣйствія противъ Польши со стороны мусульманскихъ сосѣдей, съ которыми оно не хотѣло вести войнъ. Польскимъ и литовскимъ государямъ казалось лучше платить крымскимъ ханамъ дань, которую они называли, изъ благоприличія, жалованьемъ. Татары нужны были для нихъ въ нескончаемой борьбѣ Литвы съ Москвою, чтобы, при случаѣ, можно было напускать на земли послѣдней союзныя орды. Правительство, однако, не желало совершеннаго уничтоженія казаковъ, но хотѣло, чтобы ихъ было немного, въ качествѣ пограничной стражи, для обереженія польскихъ предѣловъ отъ татарскихъ своевольныхъ казаковъ. Какъ ни враждебно становилось казачество къ шляхетству, наполняясь преимущественно изъ панскихъ хлоповъ, но пока еще сами паны и шляхта покровительствовали его развитію. Въ 1540 году Сигизмундъ-Августъ послалъ такой выговоръ «справцѣ» кіевскаго воеводства, князю Коширскому: «многократно прежде писали мы тебѣ обнадеживая тебя нашею милостію и угрожая наказаніемъ и приказывали, чтобъ ты бдительно наблюдалъ и не допускалъ тамошнихъ казаковъ нападать на татарскіе улусы; вы же ни-

когда не поступали сообразно нашему господарскому приказанію и не только не удерживали казаковъ, но ради своей выгоды сами давали имъ дозволеніе и черезъ такую неосмотрительность вашу наше государство не могло пребывать въ покоѣ и терпѣло большой вредъ отъ татарскаго поганства». Исчисляя затѣмъ совершенныя передъ тѣмъ своевольства казаковъ надъ татарами, грамота эта говоритъ: «посылаемъ дворянина нашего Стрета Солтовича; мы велѣли ему всѣхъ кіевскихъ казаковъ переписать въ реэстръ и доставить намъ этотъ реэстръ. Приказываемъ тебѣ, чтобы ты велѣлъ всѣмъ казакамъ непремѣнно записаться въ реэстръ и послѣ того никоимъ образомъ не выступать изъ нашихъ приказаній, а затѣмъ кто осмѣлится впередъ нападать на татарскіе улусы, тѣхъ хватать и казнить, либо къ намъ присылать. Если же перекопскій царь за вредъ, нанесенный его подданнымъ, нападетъ на наше государство или пошлетъ на него своихъ людей, тогда никакая твоя отговорка принята не будетъ, и мы, безъ всякаго милосердія, взыщемъ на твоихъ маетностяхъ и на тебѣ самомъ вредъ, нанесенный нашимъ господарскимъ и земскимъ имуществамъ» [1]. Въ 1557 году Сигизмундъ-Августъ похвалилъ Димитрія Вишневецкаго за его храбрые подвиги противъ татаръ, но не согласился исполнить того, что онъ предлагалъ—содержать гарнизонъ въ устроенномъ имъ замкѣ на днѣпровскомъ островѣ. Сигизмундъ-Августъ, напротивъ, возлагалъ на него обязанность — бдительно смотрѣть, чтобы казаки отнюдь не дѣлали нападенія на области турецкаго императора, съ которымъ, какъ и съ крымскимъ царемъ, заключенъ былъ вѣчный міръ [2]. Въ 1568 году, когда уже образовалась запорожская Сича, Сигизмундъ-Августъ въ универсалѣ къ казакамъ писалъ: «Мы освѣдомились, что вы, самовольно выѣхавши изъ нашихъ украинныхъ замковъ и городовъ, проживаете на Низу, по Днѣпру по полямъ и по инымъ *входамъ*, и причиняете вредъ и грабительство подданнымъ турецкаго царя, также чабанамъ и татарамъ перекопскаго царя, а тѣмъ самымъ приводите границы нашихъ государствъ въ опасность отъ непріятеля. Приказываемъ вамъ возвратиться въ наши замки и города, съ поля, съ Низу, и со всѣхъ входовъ, не отправляться туда своевольно и не безпокоить татарскихъ улусовъ; если же кто не станетъ повиноваться настоящему нашему приказанію, тѣмъ украинскіе наши старосты будутъ чинить жестокое наказаніе» [3].

[1] Акты Ю. и З. Р. I. 110.
[2] Акты Ю. и З. Р. II, 148.
[3] Арх. Югоз. Р. 1. ч. 3. стр. 4.

Распоряженія эти не имѣли силы. Сича не уничтожалась, напротивъ укрѣплялась, казацкіе побѣги не только не прекращались, но увеличивались. Попытка привести казаковъ въ извѣстность посредствомъ реэстрованія и тѣмъ заградить путь приливу тяглыхъ людей въ казачество не удалась; но старосты, видя умаленіе своей власти и доходовъ, стали утѣснять и отягощать казаковъ, жившихъ у нихъ въ староствахъ, такъ что послѣдніе жаловались правительству. Въ послѣдній годъ своего царствованія (1572 г.) Сигизмундъ-Августъ поручилъ коронному гетману Язловецкому произвести въ казачествѣ переборъ, и ограничивъ казаковъ извѣстнымъ числомъ, взять ихъ изъ-подъ власти старостъ подъ свою власть, назначивъ имъ годовое жалованье. Тогда, сколько извѣстно, былъ поставленъ первый разъ старшій надъ всѣми казаками съ правомъ суда надъ ними подъ главнымъ начальствомъ короннаго гетмана. Этимъ старшимъ былъ нѣкто Янъ Бадовскій, шляхетскаго происхожденія. Съ этихъ поръ являются надъ казаками старшіе, признаваемые правительствомъ [1].

Между тѣмъ совершилось великое событіе. Сигизмундъ-Августъ, всю жизнь потакавшій полякамъ, устроилъ, съ величайшимъ, однако, усиліемъ, соединеніе великаго княжества Литовскаго съ Польскимъ королевствомъ. Вся земля южнорусская, именно Украина (то-есть нынѣшнія губерніи Кіевская и Полтавская), Волынь и Подолія на всеобщемъ сеймѣ были отдѣлены отъ Литвы и присоединились непосредственно къ Польшѣ. Русскіе, какъ сказано было въ актѣ, соединились съ поляками, какъ равные съ равными и свободные съ свободными. Русскіе дворяне упорно противились этому соединенію, однако согласились, успокоенные клятвенными утвержденіями вѣчной неприкосновенности своей вѣры, языка, законовъ, — словомъ, совершенной цѣлости своей національности [2]. Но того, что̀ писалось на бумагѣ, нельзя было сохранить на дѣлѣ. Русское дворянство слишкомъ сроднилось съ польскою жизнью, достаточно пропиталось духомъ польской образованности, стояло уже на пути ополяченія и полной измѣны той народности, которую еще оффиціально признавало за собою. Это вело къ тому, что русское дворянство должно было сдѣлаться чужимъ для народа, который, оставаясь попрежнему русскимъ, находился у него подъ властью и произволомъ, тѣмъ болѣе неограниченнымъ и тя-

[1] Акты Ю. и З. Р. II. 176.
[2] Объ исторіи соед. Литвы и Польшей см. въ дневникѣ Люблинскаго сейма, изданномъ Археогр. Коммисіею.

гостнымъ, чѣмъ болѣе русскіе дворяне походили на поляковъ. Казаки, происходя преимущественно изъ простаго народа и, оставаясь русскими, были его дѣятельною силою, а потому должны были неизбѣжно стать во враждебныя отношенія къ дворянству.

Преемникъ Сигизмунда-Августа, Стефанъ Баторій, дѣйствовалъ съ намѣреніемъ слить Южную Русь съ Польшею въ одинъ составъ. Король хотѣлъ ослабить и, мало-по-малу, довести до уничтоженія казаковъ, потому что они были оплотомъ русской народности и главнымъ препятствіемъ къ слитію Руси съ Польшею. Украина только на бумагѣ принадлежала Польскому королевству; дворяне служили въ казацкомъ войскѣ, не спрашиваясь ни у кого, а казаки, которыхъ было много во всякомъ городѣ и мѣстечкѣ, выбирали гетмановъ, воевали, мирились, дѣлали свои распоряженія, не относясь къ правительству [1]. Стефанъ началъ свое дѣло стѣсненія казаковъ мѣрами, повидимому, благопріятными для казачества. Онъ послалъ, какъ-бы въ знакъ милости и благосклонности, казацкому гетману Ѳедору Богданку бунчукъ, булаву, печать съ изображеніемъ воина, знамя съ королевскимъ гербомъ и подтвержденіе въ достоинствѣ какъ гетмана, такъ и старшинъ [2]. Онъ учредилъ въ казацкомъ сословіи особое сословіе подъ названіемъ реэстровыхъ, на образецъ пограничной венгерской стражи, называемой гайдуками. Учрежденная нарочно коммисія обязана была въ опредѣленное время набирать изъ жителей коронныхъ имѣній Южной Руси реэстровыхъ казаковъ и вести имъ списокъ [3]. Ихъ должно было быть только шесть тысячъ и они составляли шесть полковъ: Черкасскій, Каневскій, Бѣлоцерковскій, Корсунскій, Чигиринскій и Переяславскій. Каждый полкъ, подъ начальствомъ полковника и его помощника асаула, дѣлился на десять сотенъ, каждая сотня состояла подъ начальствомъ сотника и его помощника сотеннаго асаула. Гетману, главному начальнику надъ всѣми казаками, давался для резиденціи городъ Трехтемировъ съ замкомъ и монастыремъ. При гетманѣ были чины генеральные: асаулъ, судья и писарь. Всѣмъ казакамъ положено жалованье по червонцу въ годъ и по тулупу каждому. Осыпая, такимъ образомъ, милостями казаковъ, король показывалъ имъ, что считаетъ ихъ своими подданными и имѣетъ право верховнаго начальства надъ ними. Учрежденіемъ въ казацкомъ сословіи реэстровыхъ король

[1] «Hist. bel. cos. polon.»

[2] «Лѣт. сам.» 2.—«Ист. о през. бр.»—«Пов. о томъ, что случ. въ Укр.» 2—«Сказ. о гетм. запор.»

[3] Hist. bel. cos. pol. 10.

сдѣлалъ разъединеніе между казаками; онъ имѣлъ въ виду, чтобъ современемъ только эти шесть тысячъ, записанныя въ реэстръ, остались казаками, а прочіе, мало-по малу, вошли въ сословіе посполитыхъ: они, всѣ, наравнѣ съ другими, подпали бы подъ власть дворянъ; наконецъ и шесть тысячъ реэстровыхъ, получая жалованье, какъ солдаты, подвергаясь распоряженіямъ главнокомандующаго польскими войсками, должны были сдѣлаться только однимъ изъ отдѣловъ польской арміи. Ѳедоръ Богданко поблагодарилъ за подарки, а о подчиненности не думалъ, и тотчасъ же, безъ позволенія короля, пошелъ воевать съ турками. Преемникъ его, Ганъ Подкова, овладѣлъ Молдавіею. Оттоманская Порта просила къ усмиренію его содѣйствія Польши; Стефанъ приказалъ хитрымъ образомъ схватить его и казнить. Казаки выбрали гетманомъ друга Подковы, Шаха, и начали мстить за Подкову [1]. Тогда-то было начало столѣтней вражды южноруссовъ съ поляками, къ которой принадлежитъ эпоха Хмельницкаго и смутное время по смерти его.

Шахъ первый показалъ мысль посредствомъ казаковъ освободить Южную Русь отъ соединенія съ Польшею. Онъ выгонялъ шляхтичей, поселявшихся въ Подоліи со времени присоединенія ея къ Польшѣ, по акту 1569 года [2]; король хотѣлъ рѣшительно истребить казачество, но не успѣлъ, и сказалъ, не задолго до кончины: «изъ этихъ *лотриковъ* (бродягъ) казаковъ образуется когда-то самостоятельное государство» [3].

По смерти Стефана, при Сигизмундѣ III, сеймъ началъ издавать постановленія, стѣснявшія казачество. Конституціею 1590 г. положено, чтобы казаки находились подъ властью короннаго гетмана, который имъ будетъ назначать старшихъ. Ни полковники, ни сотники не имѣли права принимать въ казацкое сословіе новыхъ лицъ безъ своего старшаго, а старшой безъ воли короннаго гетмана, и у послѣдняго долженъ былъ находиться списокъ всѣхъ казаковъ. Чтобы заградить переходъ въ казачество мѣщанамъ и хлопамъ, вмѣнили въ обязанность въ коронныхъ имѣніяхъ старостамъ, а въ земскихъ владѣльцамъ-собственникамъ (дѣдичамъ) учредить урядниковъ, обязанныхъ смотрѣть, чтобы никто не оставлялъ своего мѣста жительства и не ходилъ на Низъ, въ Сичу и поле. Строжайше запрещено было продавать простонародію порохъ, селитру, оружіе и всякую военную добычу. Виновные въ несоблюденіи этихъ пра-

[1] Лѣт. самов. 2
[2] Кр. опис. о каз. малор. нар. 2.
[3] Лѣт. Велич. I. 338. Лѣт. отъ смерт. Хмельн.

вилъ подвергались смертной казни. Тому же подвергались непослушные и нерадивые урядники, а тѣ владѣльцы, у которыхъ въ имѣніяхъ оказалось бы своеволіе, подвергались судебному преслѣдованію, если потакали безпорядкамъ. Всѣ казацкіе начальники должны быть назначены короннымъ гетманомъ и непремѣнно изъ шляхты. Учреждали двухъ чиновниковъ подъ названіемъ дозорцевъ, также изъ шляхетскаго званія: ихъ обязанность была наблюдать, не оказывается ли гдѣ своеволіе, не составляется ли казацкая шайка, не порываются ли хлопы выходить изъ повиновенія дворянству, и обо всемъ доносить гетману. Это еще болѣе раздражило казаковъ и было причиною новыхъ возстаній; поляки же ни мало не достигли цѣли. Казаки были такъ сильны, что опредѣленія сейма не имѣли на нихъ вліянія; притомъ же польскіе дворяне, сами того не зная, способствовали увеличенію и усиленію казацкаго сословія. Занимая въ Украинѣ, особенно на лѣвой сторонѣ Днѣпра, привольныя, но малонаселенныя земли, они приглашали къ себѣ переселенцевъ, обѣщая имъ выгоды; это называлось: «зазывать на слободы». Русскіе бѣжали къ нимъ изъ Волыни и Червоной Руси, гдѣ не было казаковъ и народъ находился въ большей подчиненности у владѣльцовъ. Эти новосельцы часто приходили въ слободу и тотчасъ же убѣгали къ казакамъ, а другіе, если и занимались земледѣліемъ въ имѣніи пана, то всегда могли избавиться побѣгомъ отъ обязанностей подданства, а въ случаѣ возстанія казаковъ противъ власти, готовы были увеличивать собою число казацкаго войска [1]. Итакъ, казаки были уже раздражены противъ Польши, а между тѣмъ усиливались; мысль объ отторженіи Руси возникала; вдругъ появилась церковная унія, или соединеніе греческой церкви съ римскою.

Римскіе первосвященники издавна простирали виды на русскую церковь. Попытки ихъ впродолженіе вѣковъ оставались безуспѣшны. Но въ концѣ XVI вѣка обстоятельства были для нихъ благопріятнѣе, чѣмъ когда-либо. Въ распоряженіи ихъ былъ орденъ іезуитовъ, введенный въ Польшу при Сигизмундѣ-Августѣ, и въ короткое время овладѣвшій и правительствомъ и умами дворянства, и воспитаніемъ юношества. Сигизмундъ III-й былъ горячій католикъ и готовъ былъ на все въ угодность папѣ. Притомъ же стремленія польской политики благопріятствовали видамъ римскаго двора: совершенное слитіе Руси съ Польшею казалось неудобоисполнимымъ, пока не успѣютъ поколебать вѣру русскаго народа. Возникла унія и возникла съ

[1] Hist. bel. cos. pol. 22.

искусствомъ. Не касаясь, повидимому, правъ Руси, освященныхъ торжественно кореннымъ закономъ соединенія русскихъ съ поляками, не показывая явнаго намѣренія подчинить русскихъ римско-католической церкви, ограничивались единственно тѣмъ, что русскіе должны были признать спасительность римско-католическаго исповѣданія, со всѣмъ ученіемъ западной церкви, наравнѣ съ греческимъ, и почитать обряды западные такими же святыми, какъ и восточные; а римская церковь признавала святость всего, составляющаго достояніе восточнаго православія. Такова была видимая сущность уніи. Способъ ея введенія былъ также прикрытъ личиною справедливости: католики отнюдь не навязывали русскимъ уніи. Нашлись лица изъ духовнаго званія, которыхъ можно было употребить орудіями и придать дѣлу такой видъ, будто церковь православная, въ лицѣ духовныхъ представителей, добровольно предлагаетъ братское соединеніе съ западною церковью для блага всего христіанства. Нѣкоторые епископы увлечены были обманомъ; ихъ убѣдили подписаться на бланкахъ, на которыхъ потомъ написали совсѣмъ не то, что имъ обѣщали, а будто они всѣ желаютъ признать первенство римскаго апостольскаго престола [1]. Этотъ-то актъ былъ утвержденъ папою, а потомъ поляки считали себя въ правѣ употреблять всякія явныя мѣры къ уничтоженію русской вѣры въ русской землѣ, думая, что коренной законъ соединенія русскихъ съ поляками, какъ равныхъ съ равными и вольныхъ съ вольными, отнюдь не нарушенъ. Унію выдумали только для простаго народа: дворянъ предполагалось обратить прямо въ католичество.

Дворянство южно-русское, при появленіи уніи, зашумѣло, составились братства, конфедераціи, съ цѣлью защищать отеческую вѣру [2]; но лѣтъ чрезъ тридцать съ небольшимъ послѣ того, французскій инженеръ Бопланъ, служившій въ Польшѣ, говорилъ: «Дворянство русское походитъ на польское и стыдится исповѣдывать иную вѣру, кромѣ римско-католической, которая съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ себѣ новыхъ приверженцевъ, несмотря на то, что всѣ вельможи и князья ведутъ свой родъ отъ русскихъ» [3].

Многіе русскіе дворяне, происходя отъ св. Владиміра, или Гедимина, пользовались передъ польскимъ дворянствомъ знатностью рода, обладали богатствами и, участвуя на сеймахъ, могли быть двигателями государственнаго управленія. Они по-

---

[1] Опис. кіев. Соф. соб. и Ист. кіев. іер. 140.
[2] Опис. кіев. Соф. соб. и Ист. кіев. іер. 149.
[3] Опис. Укр. 8.

любили эту роль, промѣняли тѣсное поприще на обширное и свыклись съ мыслью, что отечество ихъ цѣлая Рѣчь Посполитая, а не присоединенная къ ней Южная Русь. Принявъ, по необходимости, польскій языкъ, употребляемый при дворѣ и на сеймѣ, они скоро перемѣнили и вѣру, потому что эта перемѣна освобождала ихъ отъ невыгоднаго взгляда на нихъ римско-католическаго духовенства, столь сильнаго въ то время въ католической Польшѣ, и открывала имъ дорогу къ пріобрѣтенію староствъ; притомъ, ихъ ободряли ласки короля и двора, и всеобщія похвалы шляхетскаго сословія.

Другіе потеряли вѣру и народность черезъ браки съ польками; а если сами заимствовали отъ супругъ единственно языкъ, то всегда почти предоставляли дѣтямъ слѣдовать внушеніямъ матерей въ отношеніи вѣры. Такимъ образомъ, перерождались цѣлыя фамиліи.

Еще болѣе дѣйствовало на перерожденіе русскаго дворянства воспитаніе. Дѣти русскихъ дворянъ учились въ Краковѣ, во Львовѣ, въ Ярославлѣ и прочихъ городахъ внутреннихъ странъ Рѣчи Посполитой, иные за границею, въ Австріи, во Франціи, въ Испаніи, Италіи; іезуиты вездѣ овладѣвали тогда воспитаніемъ. Какъ только прибудетъ въ училище молодой русинъ, на него устремляется все вниманіе; ему внушаютъ отвращеніе къ вѣрѣ отцовъ его; описываютъ ее ересью; представляютъ догматы римско-католической церкви истинными, а обряды ея стараются выставить въ привлекательномъ видѣ. Молодое чувство покоряется внушеніямъ наставниковъ: русскій принимаетъ римско-католическое исповѣданіе, возвращается на родину — и все въ ней кажется ему варварскимъ; онъ затыкаетъ уши, слыша рѣчь южно-русскую; на подданнаго своего онъ смотритъ не только какъ на презрѣннаго раба, но какъ на существо, отверженное Богомъ, лишенное облегченія своей горькой участи и за предѣлами гроба.

Наконецъ, многіе дворяне, живя на родинѣ, увлечены были убѣжденіями іезуитовъ, которые разсыпались тогда по всей Южной Руси и разными путями выгоняли и унижали православныхъ духовныхъ, которыхъ поляки съ намѣреніемъ лишали средствъ къ образованію, дабы они не были въ состояніи спорить съ римско-католическими духовными и опровергать ихъ. Болѣе двадцати лѣтъ послѣ введенія уніи, бо́льшая часть православныхъ епископскихъ каѳедръ оставалась незанятою; посвященіе священниковъ сопряжено было съ затрудненіями. Дворяне видѣли вокругъ себя католиковъ и уніатовъ, которые притомъ были образованнѣе православныхъ. Притомъ польскіе дворяне, съ каж-

дымъ годомъ, болѣе и болѣе разселялись въ Руси. Сила привычки велика: русскіе дворяне незамѣтно стали расположены быть отступниками.

Польское право предоставляло владѣльцамъ безусловную власть надъ подданными; нетолько не было никакихъ правилъ, которыя бы опредѣляли отношенія подчиненности крестьянина, но помѣщикъ могъ, по произволу, казнить его смертью, не давая никому отчета [1]. Даже всякій шляхтичъ, убившій простолюдина, вовсе ему непринадлежащаго, чаще всего оставался безъ наказанія, потому что для обвиненія его требовались такія условія, какія рѣдко могли встрѣтиться. «Нѣтъ государства—говорилъ въ своихъ проповѣдяхъ іезуитъ Скарга [2] — гдѣ бы подданные и земледѣльцы были такъ угнетены, какъ у насъ подъ безпредѣльною властью шляхты. Разгнѣванный земянинъ (владѣлецъ) или королевскій староста не только отниметъ у бѣднаго хлопа все, что у него есть, но и самаго убьетъ, когда захочетъ и какъ захочетъ, и за то ни отъ кого слова дурнаго не потерпитъ. Со времени уніи, какъ мы замѣтили, панъ готовъ былъ поступать безжалостнѣе съ крестьяниномъ, чуждымъ ему и по языку, и по вѣрѣ. Надобно прибавить [3], что въ то же время между дворянствомъ Рѣчи Посполитой распространилась чрезмѣрная роскошь и мотовство, требовавшія огромныхъ издержекъ. По сказанію Боплана, обыкновенный обѣдъ въ знатномъ польскомъ домѣ превышалъ званые столы во Франціи. Серебряная и вызолоченная посуда, множество кушаньевъ, иноземныя вина, въ то время дорогія, музыка при столѣ и толпы служителей составляли условія тогдашняго обѣда. Такая же расточительность господствовала въ одеждѣ. Бережливость считалась постыдною; въ тотъ вѣкъ принимали за хорошій тонъ въ домѣ, когда лакеи вытирали сальныя тарелки рукавами господскихъ кунтушей, вышитыхъ золотомъ по драгоцѣнному бархату [4]. «Въ прежнія времена — говоритъ современный обличитель Старовольскій [5] — короли хаживали въ бараньихъ тулупахъ, а теперь кучеръ покрываетъ себѣ тулупъ красною матеріею, хочетъ отличиться отъ простого народа, чтобъ не замѣтили на немъ овчины. Прежде, бывало, шляхтичъ ѣздилъ простымъ возомъ, рѣдко когда въ колебкѣ на цѣпяхъ, а теперь катитъ шестернею въ кочѣ, обитомъ шелковой тканью съ серебрянными укра-

---

[1] Опис. Укр. 9.
[2] Kaz. IV.
[3] Опис. Укр. 111.
[4] Ibid.
[5] Reforma obyczajów.

шеніями. Прежде, бывало, пили доброе домашнее пиво, а теперь не то что погреба—и конюшни пропахли венгерскимъ. Прежде, бывало, четырехлѣтняго венгерскаго бочка въ сто гарнцевъ стоила десять злотыхъ, а теперь за бочку въ шестьдесятъ гарнцевъ платятъ по 150, по 200, по 400 злотыхъ и дороже того. Всѣ деньги идутъ на заморскія вина, на сахарныя сласти, на пирожныя и пастеты, а на выкупъ плѣнныхъ и на охраненіе отечества у насъ денегъ нѣтъ. Отъ сенатора до ремесленника, всѣ пропиваютъ свое состояніе, потомъ входятъ въ неоплатные долги. Никто не хочетъ жить трудомъ, всякъ норовитъ захватить чужое; легко достается оно, легко и спускается; всякъ только о томъ думаетъ, чтобы поразмашистѣе покутить (epulari splendide); заработки убогихъ людей, содранные съ ихъ слезами, иногда со шкурою, истребляютъ они какъ гарпіи или саранча: одна особа съѣдаетъ въ одинъ день столько, сколько множество бѣдняковъ заработаютъ въ долгое время, все идетъ въ дырявый мѣшокъ—брюхо. Смѣются надъ поляками, что у нихъ пухъ вѣрно имѣетъ такое свойство, что на немъ могутъ спать спокойно (не мучась совѣстью)». Паны содержали при дворахъ своихъ толпы шляхтичей, которые существовали на счетъ господъ и вовсе ничего не дѣлали. Точно также и знатная панья окружала себя толпою шляхтенокъ. Такихъ дармоѣдовъ въ иномъ домѣ было по нѣсколько тысячъ. Все это падало на крестьянскій классъ.

«Крестьяне въ Польшѣ, — говоритъ современникъ — [1], мучатся какъ въ чистилищѣ, въ то время, когда господа ихъ блаженствуютъ какъ въ раю». Кромѣ обыкновенной панщины, зависѣвшей отъ произвола пана, «хлопъ» былъ обремененъ различными работами. Помѣщикъ бралъ у него въ дворовую службу дѣтей, не облегчая повинностей семейства; сверхъ того, крестьянинъ былъ обложенъ поборами: три раза въ годъ, передъ пасхою, пятидесятницею и рождествомъ, онъ долженъ былъ давать такъ-называемый *осыпъ* [2], то-есть нѣсколько четвериковъ хлѣбнаго зерна, нѣсколько паръ каплуновъ, куръ, гусей; со всего имущества: съ быковъ, лошадей, свиней, овецъ, меда и плодовъ, долженъ былъ отдавать десятую часть [3], и, кромѣ того, каждый улей въ его пчельникѣ былъ подвергнутъ пошлинѣ подъ именемъ *очковаго*, каждый волъ — пошлинѣ подъ названіемъ *роговаго*; за право ловить рыбу платилъ онъ *ставщину*, за право пасти скотъ — *спасное*,

[1] Опис. Укр. 114, 127.
[2] Лѣт. самов. 7.
[3] Опис. Укр. 9.

за право собирать жолуди — *жолудное*, за ловленіе рыбы и звѣрей — *десятину*, за измолъ муки — *сухомельщину* [1], и т. п. Крестьянамъ не дозволялось нетолько приготовлять у себя въ домахъ напитки, но даже покупать въ иномъ мѣстѣ, кромѣ панской корчмы, отданной обыкновенно жиду въ аренду, а тамъ продавали хлопамъ такое пиво, медъ или горилку, что и скотъ пить не станетъ; «а если, — говоритъ Старовольскій, [2]—хлопъ не захочетъ отравляться этою бурдою, то панъ велитъ нести ее къ нему во дворъ, а тамъ, хоть въ навозъ выливай, а заплати за нее». Случится у пана какая-нибудь радость — подданнымъ его печаль: надобно давать поздравительное (witanne); если панъ владѣетъ мѣстечкомъ, торговцы должны были въ такомъ случаѣ нести ему матеріи, мясники — мясо, корчмари — напитки; по деревнямъ хлопы должны были давать «стацію» его гайдукамъ и казакамъ. Ѣдетъ ли панъ на сеймикъ или на богомолье въ Ченстохово, или на свадьбу къ сосѣду—на его подданныхъ налагалась всегда какая-нибудь новая тягость. Куда ни проѣдетъ панъ со своимъ своевольнымъ оршакомъ (свитою), тамъ истинное наказаніе для бѣднаго хлопа: панскіе слуги шляхетскаго происхожденія портятъ на поляхъ хлѣбъ, забираютъ у хлопа куръ, барановъ, масло, колбасы, «а пойдетъ хлопъ жаловаться пану, — говоритъ Старовольскій — такъ его за то по ушамъ отшлепаютъ, зачѣмъ безпокоитъ его милость, тѣмъ болѣе, что самъ панъ привыкъ поступать какъ его слуги». Наберетъ у купца товаровъ, сдѣлаетъ ремесленнику заказъ — и тому и другому не платитъ. Таковъ былъ панскій обычай. Не умѣя или лѣнясь управлять лично имѣніями, паны отдавали какъ родовыя, такъ и коронныя, имъ пожалованныя въ пожизненное владѣніе, мѣстности на аренды, обыкновенно жидамъ [3], а сами или жили и веселились въ своихъ палаццахъ, или уѣзжали за границу и тамъ выказывали передъ иноземцами блескъ польской аристократіи. Жиды вымышляли новые поборы, какіе только могли прійти въ голову корыстолюбивой разсчетливости. Если рождалось у крестьянина дитя, онъ не могъ крестить его, не заплатя пану такъ-называемаго *дудка* (dudek); если крестьянинъ женилъ сына или отдавалъ дочь, прежде долженъ былъ заплатить *поемщизну* [4]. Жидъ обыкновенно требовалъ съ хлопа еще больше того, сколько было назначено; и если крестьянинъ не могъ заплатить, то дитя оставалось некрещеннымъ нѣсколь-

[1] Pam. o wojn. koz. za Chmieln. 56. Ист. о през. бр.
[2] Reforma obyczajów.
[3] Fawor Niebiesky.
[4] Hist. bel. cos. polon. 32 Fawor. Niebiesky.

ко лѣтъ, нерѣдко и умирало безъ таинства, а молодые люди принуждены были сходиться между собою безъ вѣнчанья [1]. Кромѣ того, имущество, жизнь крестьянина, честь и жизнь жены и дѣтей находились въ безотчетномъ распоряженіи жида-арендатора. Жидъ, принимая въ аренду имѣніе, получалъ отъ владѣльца право судить крестьянъ, брать съ нихъ денежныя пени и казнить смертію [2]. Въ коронныхъ имѣніяхъ положеніе хлоповъ было ужаснѣе, нежели въ родовыхъ, даромъ—что тамъ подданные имѣли право жаловаться на злоупотребленія. Старосты и державцы — говоритъ Старовольскій [3] — не обращаютъ вниманія ни на королевскіе декреты, ни на коммисіи, пусть на нихъ жалуются: у нихъ всегда найдутся пособники выше; обвиняемый будетъ всегда правъ, а хлоповъ бранятъ, пугаютъ и запугаютъ до того, что оніі оставятъ дѣло и молчатъ. Если же найдется такой смѣльчакъ, что не покорится и не оставитъ иска, такъ его убьютъ или утопятъ, а имущество его отдадутъ другимъ, угодникамъ панскимъ. Убитаго обвинятъ — будто онъ бунтовщикъ, хотѣлъ бѣжать въ опришки, на границѣ воровство держалъ и т. п. Двое старостъ — продолжаетъ тотъ же Старовольскій — судились за то, что одинъ изъ нихъ посылалъ своихъ слугъ бросить съ моста въ воду проѣзжихъ, ограбивши ихъ имущество, а другой бралъ съ купцовъ на ярмаркѣ незаконные поборы цѣлыми кусками блаватныхъ матерій да бочками малвазіи. И что же? Ихъ отпустили и оправдали, а искъ продолжать предоставлено на ихъ слугахъ, даромъ, что за однимъ старостою уже извѣстны были прежде подобныя дѣла. И не мудрено было поступать такимъ образомъ старостамъ, когда, по извѣстію современниковъ, привиллегію на староство выхлопотать стоило дороже, чѣмъ сколько староство приносило годоваго дохода. «У насъ — говоритъ тотъ же Старовольскій — въ канцеляріяхъ завелись неслыханные прежде поборы—подарки ассесорамъ и судьямъ; вездѣ подкупы, войты, лавники, бурмистры, всѣ на подкупѣ, а о доносчикахъ, какъ они подводятъ невинныхъ людей, и говорить тяжело: поймаютъ богатаго, запугаютъ, засадятъ въ тюрьму и тянутъ надъ нимъ слѣдствіе, а съ него сосутъ подарки и взятки. Такъ называемые экзаторы — собиратели податей въ городахъ и коронныхъ имѣніяхъ, были также грабители». «Иногда — говоритъ Старовольскій — за квитанцію возьмутъ

[1] Hist. bel. cos. pol. 32. Ист. изв. о возн. въ Польшѣ ун. 70. Универс. кіевск. митр. Петр. Мог. 10.

[2] Пам. кіев. комм. 1, 2, 89.

[3] Ref. obycz.

больше, чѣмъ поборовъ соберутъ. Знаю я одного такого собирателя: ему городъ подарилъ за квитанцію сто талеровъ, — онъ бросилъ ихъ со стола и ногами потопталъ и не далъ квитанціи, пока ему не всучили сто червонцевъ. Другой по Руси ѣздилъ собирать недоимки изъ села въ село и вездѣ бралъ себѣ стаціи — полти мяса, сыръ, масло, даже рогатый скотъ за нимъ гнали стадомъ. Кромѣ безграничнаго произвола старосты или жида-подстаросты, которые не жалѣли людей, потому что они составляли достояніе владѣльца только до его смерти, въ коронныхъ имѣніяхъ квартировали войска, отличавшіяся въ Польшѣ неистовствами и безчинствами. Нашъ жолнеръ — говоритъ Старовольскій — не знаетъ ни вѣры, ни отечества: получитъ отъ Рѣчи Посполитой жалованье и пропьетъ его въ одинъ вечеръ, а потомъ достаетъ себѣ платье, упряжь и продовольствіе отъ убогихъ людей, награбитъ у нихъ всякой всячины и везетъ въ обозъ, а тамъ раскинетъ палатку и продаетъ награбленное, потомъ кричитъ на гетмана, жалуется, требуетъ, чтобы войско отпустили на гиберны (зимовыя квартиры), получаетъ жалованье по четвертямъ и не помнитъ того, что получилъ не-въ-зачетъ за четверть. Жолнеры составляютъ конфедераціи, расписываютъ самовольно квартиры, собираютъ на себя королевскіе доходы и такимъ образомъ тотъ, кто обязанъ защищать отечество, дѣлается его раззорителемъ. На войну ли идутъ жолнеры — обдираютъ бѣдныхъ людей; съ войны возвращаются — то же самое: одна хоругвь прійдетъ въ село, грабитъ его, за нею другая, третья, и нѣтъ такого села, гдѣ бы не перебывало тридцать, сорокъ хоругвей. Люди плачутъ, кричатъ, разбѣгаются. «Много намъ разсказываютъ о турецкомъ рабствѣ», говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель, но это касается военноплѣнныхъ, а не тѣхъ, что жительствуютъ у турокъ подъ властью, обработываютъ землю или занимаются торговлей. Послѣдніе, заплативъ годовую дань, или окончивши положенную на нихъ работу, свободны такъ, какъ не свободенъ у насъ ни одинъ шляхтичъ. У насъ въ томъ свобода, что всякому можно дѣлать то, что захочется: отъ этого и выходитъ, что бѣднѣйшій и слабѣйшій дѣлается невольникомъ богатаго и сильнаго, сильный наноситъ слабому безнаказанно всякія несправедливости, какія ему вздумается. Въ Турціи никакой паша не можетъ того дѣлать послѣднему мужику, иначе поплатится за то головой; и у москвитянъ думный господинъ и первѣйшій бояринъ, и у татаръ мурза и высокій уланъ не смѣютъ такъ оскорблять простаго хлопа, хотя бы и иновѣрца; никто и не подумаетъ объ этомъ: всякъ знаетъ, что его самаго могутъ повѣсить пе-

редъ домомъ обиженнаго. Только у насъ въ Польшѣ вольно все дѣлать и въ мѣстечкахъ и въ селеніяхъ. Азіатскіе деспоты во всю жизнь не замучатъ столько людей, сколько ихъ замучатъ каждый годъ въ свободной Рѣчи Посполитой».

Рядомъ съ утѣсненіемъ народа шло поруганіе православной вѣры. До смерти короля Владислава, со времени введенія уніи, польское правительство издало десять конституцій, обезпечивавшихъ спокойствіе послѣдователей греко-русскаго исповѣданія [1]; но, вопервыхъ, духовные считали себя въ правѣ не слушаться никакихъ конституцій на томъ основаніи, что церковь выше государства, а вовторыхъ, эти конституціи, по самымъ правамъ польскимъ, могли относиться только къ дворянскому сословію. Дворянинъ православной вѣры могъ въ своемъ имѣніи или староствѣ построить церковь, монастырь, покровительствовать духовнымъ, впрочемъ, съ опасностью подвергнуться наѣзду какого нибудь сосѣда, возбужденнаго католическимъ духовенствомъ; но тамъ, гдѣ владѣлецъ — католикъ и не благопріятствуетъ вѣротерпимости, тамъ подобныя конституціи не могли имѣть ровно никакой законной силы, ибо и совѣсть, какъ честь и жизнь хлоповъ, зависѣла отъ произвола пана. А такъ-какъ пановъ католической вѣры, со дня на день, становилось больше, чѣмъ православныхъ, то значитъ, эти конституціи давались въ полной увѣренности, что онѣ не могутъ остановить стремленія лишить русскихъ своенародности. Владѣльцы захватывали церковныя имѣнія, приписанныя къ тѣмъ храмамъ или обителямъ, которые находились на землѣ ихъ вотчинъ или старостствъ [2]; обращали насильно православныя церкви въ уніатскія [3]; нерѣдко толпа шляхтичей, жившихъ у пана, врывалась въ монастырь, разгоняла и мучила иноковъ, принуждая къ уніи: ихъ заключали въ оковы, вырывали имъ волосы, томили голодомъ, иногда же топили и вѣшали. Тогда жиды, смекнувъ, что въ новомъ порядкѣ вещей можно для себя извлечь новыя выгоды, убѣдили пановъ отдавать въ ихъ распоряженіе, вмѣстѣ съ имѣніями, и церкви гонимаго вѣроисповѣданія [4]. Жидъ бралъ себѣ ключи отъ храма и за каждое богослуженіе взималъ съ прихожанъ пошлину [5], не забывая при этомъ показать всякаго рода нахальство и пренебреженіе къ религіи, за которую некому было вступиться. Часто люди, изнуренные работою и по-

[1] Ист. изв. о возн. въ Польшѣ ун. 85—89, 101—110.
[2] Ист. изв. о возн. въ Польшѣ ун. 70.
[3] Hist. bel. cos. pol. 24.
[4] Пам. кіев. комм. I, 2, 99.
[5] Pamiętn. do panow. Zygm. III. Wl. IV i Ian. Kaz. I, 254.

борами, не въ-состояніи были платить, а священники, не получая содержанія и притомъ терпя оскорбленія отъ жидовъ, разбѣгались; тогда приходъ приписывали къ уніатской церкви; православная церковь, если не нужно было обращать ее въ уніатскую, уничтожалась, а вся святыня переходила въ руки жидовъ. Римско-католическіе духовные подстрекали отдавать православныя церкви на поруганіе, думая этимъ скорѣе склонить народъ къ уніи.

Въ городахъ одни католики были выбираемы въ должности [1] и, въ качествѣ членовъ городскаго начальства, потакали римско-католическому духовенству и допускали распоряженія, стѣснительныя для православія. Въ Червоной Руси, землѣ, издавна присоединенной къ Польшѣ, православные еще до уніи подвергались стѣсненіямъ; но со времени уніи, во Львовѣ запрещено было православнымъ не только участвовать въ муниципальномъ совѣтѣ, но даже торговать и записываться въ ремесленные цехи [2]. Не дозволяли хоронить православныхъ съ христіанскими обрядами; священникъ не смѣлъ идти къ больному съ дарами; наглость львовскихъ католиковъ и уніатовъ доходила до того, что толпы врывались въ церковь во время богослуженія. Въ Луцкѣ, въ 1634 году, ученики іезуитскаго коллегіума и польскіе ремесленники, ободряемые ксендзами, бросились на монастырь православнаго крестовоздвиженскаго братства, прибили и изувѣчили палками и кирпичами монаховъ, учителей, учениковъ, нищихъ, жившихъ въ богадельнѣ, ограбили казну братства, потомъ, съ благословенія іезуитовъ, разбивали домы, били, увѣчили хозяевъ и нѣсколькихъ человѣкъ убили до смерти; наконецъ, оставаясь безъ преслѣдованія за свои поступки, величались своими подвигами, называя ихъ богоугодными дѣлами [3]. Въ Кіевѣ насильно обратили бо̀льшую часть церквей въ уніатскія; и въ томъ числѣ св. Софію и Выдубицкій монастырь. Михайловскій монастырь долго оставался въ запустѣніи [4]. По всей Руси въ судахъ и трибуналахъ накопилось тогда безчисленное множество религіозныхъ процессовъ. Іезуиты настраивали католиковъ и уніатовъ подавать на православныхъ доносы, обвиняющіе ихъ въ хуленіи римско-католической вѣры. Обвиняемыхъ заключали въ оковы, подвергали мученіямъ пытокъ, подъ которыми иные умирали, и всегда почти, если обвиненному удавалось перенести муки и просидѣть нѣсколько лѣтъ въ от-

[1] Опис. кіев. Соф. соб. и Ист. кіев. іер. 159.
[2] Истор. изв. о возн. въ Польшѣ ун. 71.
[3] Памят. кіевс. комм. I, 1, 214—222.
[4] Опис. кіев. Соф. соб. и Ист. кіев. іерарх. 159.

вратительной тюрьмѣ, его постигала конфискація имущества и *инфамія*, то-есть лишеніе гражданской чести [1].

Еслибы не было казаковъ, поляки, быть можетъ, и достигли бы своей цѣли. Русское дворянство легко поддавалась польскому вліянію и теряло народность, а за народностью и вѣру предковъ. Простой народъ, порабощенный дворянствомъ, показывалъ бы долѣе страдательное противодѣйствіе, роптатъ бы на судьбу, вздыхалъ бы о вѣрѣ отцовъ своихъ, а въ концѣ-концовъ, подъ силою всеизглаживающаго времени, уступилъ бы гнету обстоятельствъ и забылъ бы старину, также точно, какъ, нѣкогда, послѣ введенія христіанства, онъ долго вздыхалъ о своемъ язычествѣ и втайнѣ обращался къ своимъ прежнимъ божествамъ, а между тѣмъ время дѣлало свое и мало по малу народъ сроднился съ новою вѣрою и сталъ чуждъ языческой старинѣ своей. По общечеловѣческимъ законамъ то же должно было, если не сразу, то въ теченіе немалаго времени, совершиться съ православіемъ и съ русскою жизнію. Все должно было ополячиться и окатоличиться, еслибы, на бѣду польскимъ и римско-католическимъ затѣямъ, не стояло противъ нихъ казачество— вооруженное, крѣпкое, составлявшее цвѣтъ и матеріальную силу русскаго народа. Наполняясь, въ послѣднее время, какъ было сказано, изъ простаго народа, оно готово было защищать оружіемъ то, что̀ было дорого простому народу. Хлопъ, бѣжавшій въ казачество отъ власти и произвола старосты или дѣдичнаго пана, вносилъ туда сердечную глубокую ненависть ко всему панскому, шляхетскому, и вмѣстѣ съ тѣмъ ко всему лядскому, потому что ненавистный его панъ былъ или сдѣлался ляхомъ; за-урядъ со всѣмъ панскимъ стала ему противна и враждебна римско-католическая вѣра; еще мерзостнѣе была для него унія, какъ вѣра, которую, въ довершеніе своего произвола надъ хлопомъ, насильно навязывалъ панъ послѣднему на совѣсть. Такимъ путемъ сдѣлались казаки единственными борцами за православную вѣру и русскую народность. Казацкія возстанія Лебеды и Наливайка, [2] при самомъ введеніи уніи, уже прикрывались религіею. Послѣ этихъ возстаній поляки издали грозное постановленіе противъ казаковъ. Всѣ низовцы, за ихъ своевольства, признавались врагами отечества и кварцяное украинское войско, защищая отъ ихъ своевольствъ шляхетскіе домы и имѣнія, могло истреблять ихъ безъ суда и слѣдствія. У каза-

---

[1] Унив. Петр. Мог. II. Истор. изв. о возн. въ Польшѣ ун. 79.

[2] Исторія этихъ двухъ возстаній изложена авторомъ въ соч. «Южная Русь въ концѣ XVI вѣка», напечатанномъ въ III томѣ «Историческихъ Монографій и изслѣдованій».

ковъ отнимались всѣ ихъ прежнія права, грунты (угодья) и данный имъ отъ Баторія Трехтемировъ. Эти постановленія и исполненія по нимъ не только не прекратили казацкихъ своевольствъ, но еще болѣе раздражили казаковъ и побуждали къ своевольствамъ въ большомъ размѣрѣ. Напрасно повѣрялось панамъ и ихъ дозорцамъ ловить и заковывать бродягъ (гультаевъ), бѣгавшихъ изъ королевскихъ и дѣдичныхъ имѣній, и возвращать ихъ въ мѣста прежняго жительства, гдѣ ихъ могли тотчасъ же казнить жестокою смертію. Пока Запорожье со всѣми днѣпровскими островами и приднѣпровскими трущобами не было во власти пановъ — нельзя было задушить казачества. Бѣжавшій отъ пановъ народъ находилъ себѣ первое пристанище на Низу въ казачествѣ. Сами паны, считая себя вообще вправѣ дѣлать то, что̀ имъ хочется, и худо понимая, что̀ они дѣлаютъ, продолжали помогать разростанію казачества и лишали дѣйствія правительственныя распоряженія о прекращеніи своевольствъ въ Украинѣ. Хлопы, бѣжавшіе отъ какого нибудь пана, иногда побывавши прежде на Низу, а иногда даже и не побывавши тамъ въ качествѣ вольныхъ людей, гультаевъ, приставали къ другому пану, особенно такому, который заводилъ слободы и выставлялъ на дорогѣ шесты съ количествомъ вбитыхъ въ него колковъ, означавшихъ количество льготныхъ лѣтъ, предоставляемыхъ новопоселянамъ. У такого пана въ слободу принимался не только бѣглый хлопъ, но иногда даже разбойникъ, спасающійся отъ висѣлицы. Украинскіе паны, какъ вообще польскіе паны, жили между собою не въ согласіи. Ссоры, наѣзды другъ на друга были дѣломъ обычнымъ. Поэтому сами паны ради своевольства охотно принимали къ себѣ казаковъ, людей вольныхъ и своевольныхъ, и съ нхъ помощію безчинствовали противъ своей братіи. Такое казаки, однако, при первомъ неудовольствіи, готовы были поступать съ своимъ паномъ такъ же, какъ, по наущенію его, поступали съ его сосѣдомъ. И шляхтичи, жившіе въ Украинѣ у пановъ слугами, такъ же пропитывались казацкимъ духомъ, дружились съ казаками и, вмѣстѣ съ ними, грабили имѣнія своихъ пановъ. Вся Польша жила своеволіемъ, но въ Украинѣ, странѣ пограничной и удаленной отъ средоточія власти и государственной жизни, это своеволіе приняло самые широкіе размѣры. Въ другихъ краяхъ Рѣчи Посполитой, по крайней мѣрѣ, своевольничалъ дворянинъ, но не смѣлъ своевольничать хлопъ, которому вообще не дозволяли имѣть человѣческой воли; въ Украинѣ своевольничалъ и хлопъ и не хотѣлъ подчиняться своему легальному безправію: географическое положеніе Украины и историческія условія указали ему для этого

исходъ въ казачествѣ. Само правительство не было послѣдовательно въ своей строгости къ казакамъ и, въ 1601 году, по поводу войны со Швеціею, сняло свой драконовскій приговоръ надъ казачествомъ, произнесенный по укрощеніи Наливайка: оно дозволило казакамъ воевать противъ шведовъ, но думало охранить ихъ отъ своеволія тѣмъ, что оставляло ихъ въ непосредственной зависимости отъ короннаго гетмана и допускало наборъ въ казачество не иначе, какъ безъ ущерба старостамъ и дѣдичимъ панамъ [1].

Всего болѣе помогли возрастанію казачества украинскіе паны Вишневецкіе, Рожинскіе, Сапѣги, Зборовскіе и проч., выводившіе толпы своевольныхъ казаковъ въ Московское государство. Подъ знаменами самозванцевъ, въ шайкахъ Лисовскаго и Сапѣги, въ войскѣ Сигизмунда подъ Смоленскомъ и въ земскихъ ополченіяхъ Ляпунова и Пожарскаго служили казаки. Нѣкоторые близорукіе паны были сначала довольны, что своевольные люди всякаго званія и состоянія покидаютъ польскія владѣнія и находятъ себѣ поприще въ чужомъ государствѣ. Они скоро обманулись. Казацкая удаль такъ разрослась, что обширная Московщина не могла вытянуть изъ Украины всего казачества; въ то время, когда одни казаки то терзали Московское государство, то починяли его, другіе дрались съ татарами и ходили на море грабить турковъ. Рѣдкій годъ проходилъ, чтобъ казаки не отправлялись на море, хотя многіе изъ ихъ походовъ остались неизвѣстными. Турки и татары безпрестанно жаловались польскому правительству и требовали унять казаковъ. Такъ въ 1601 году главный совѣтникъ крымскаго хана Ахметъ-Калга̀ предъявлялъ послу Рѣчи Посполитой Пясочинскому, что низовые казаки нападаютъ на Крымъ. Пясочинскій объяснялъ, что казаки не подданные польскаго короля, и король не можетъ принимать обязательствъ за своевольный народъ, живущій въ пустыняхъ; между ними, правда, есть и поляки, но есть и москвитяне, и волохи, и турки, и татары, и жиды, и люди всякаго языка; пусть татары истребляютъ ихъ, когда захватятъ въ своихъ предѣлахъ. На другой (1602) годъ тридцать чаекъ и одна каторга явились на Черномъ морѣ. Казацкій атаманъ Килей бился на морѣ съ турецкимъ агою Гассаномъ и разбилъ его, потомъ ушелъ благополучно къ устью Днѣпра; потомъ близь Овидова озера казаки взяли турецкій купеческій корабль, плывшій изъ Кафы; турки успѣли убѣжать, а грекамъ казаки оказали милосердіе—никого

[1] Vol. Leg. Изд. Піар. f. 622.

изъ нихъ не убили, но только ограбили. На турокъ это событіе произвело такое впечатлѣніе, что они хотѣли-было взять въ неволю ѣхавшаго въ Константинополь польскаго посла. Когда онъ пріѣхалъ къ своему назначенію, на него напустились съ упреками и угрозами. Отвѣтъ польскаго посла туркамъ былъ такой же, какой былъ данъ татарамъ: казаки не подданные короля; они вольные люди и также не послушаются поляковъ, какъ и турокъ, и не разъ сами поляки должны были остерегаться ихъ. Какъ? — возразили турки — вы говорите неправду, что они вольные люди: это все подданные польскихъ пановъ Вишневецкихъ, Збаражскихъ и другихъ. Турки исчисляли даже города и селенія, изъ которыхъ происходили казаки. — Казаки — говорилъ имъ польскій посолъ — есть сборъ всякаго народа, но есть въ ихъ рядахъ и бѣглецы изъ польскихъ владѣній. Что же? У васъ, въ самомъ Константинополѣ, при всей вашей бдительности, случаются безпорядки, а на Бѣломъ морѣ Буратъ Райзà держалъ разбой и угрожалъ самому государю. Такъ и у насъ казаки города и волости разоряли, людей мучили... да еслибъ всѣ казаки были изъ польскаго государства, то ихъ можно было бы укротить, а то они собираются отовсюду. Король укрощалъ войскомъ своимъ Наливайка-волошанина, Лободу-москвитянина и Косинскаго — тотъ былъ нашъ полѣшанинъ. Да казаки-то и моря не знали, пока ваши же турки Райзы не показали себя и не научили ихъ мореплаванію, а потомъ съ ними заодно васъ воюютъ. Сами виноваты, что такихъ учителей имъ дали. Слѣдуетъ бить казаковъ, когда они появятся у васъ, но слѣдуетъ также бить и учителей — особенно тѣхъ, которые живутъ около Бѣлгорода и на насъ нападаютъ. Такого рода толки повторялись каждый годъ [1]. Такимъ образомъ въ 1605 и 1607 г. встрѣчаемъ подобныя жалобы турокъ. Казацкіе набѣги на мусульманскія государства усиливались разомъ съ усиленіемъ внутренняго своеволія. Польское правительство должно было укрощать и то и другое. Мѣщане и хлопы, покидая свое званіе и присвоивая себѣ имя казаковъ, отправлялись въ Сичу, оттуда ходили воевать на сушѣ и на морѣ, «заживать», какъ говорилось тогда «рыцарской славы», а возвращаясь на родину уже ни за что не хотѣли подчиняться прежней власти, прежнему суду, считали своею собственностію свои грунты, которые прежде даны имъ были только во владѣніе, а не въ собственность, не хотѣли нести никакихъ повинностей, какъ вольные казаки-лыцари, а когда паны хотѣли ихъ принудить,

---

[1] Рук. И. П. Б. польск. f. IV. № 71.

они составляли такъ-называемыя купы (шайки) и расправлялись съ шляхетскими дворами. Мѣщане Брацлавскіе и Корсунскіе обратили въ это время на себя особое вниманіе своимъ своеволіемъ. Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ жалобами турецкаго падишаха и крымскаго хана, побудили польскій сеймъ издать въ 1607 году строгую конституцію противъ казаковъ и вообще украинскаго удальства. Всѣ казаки или именующіе себя казаками, должны были, по силѣ этой конституціи, подчиняться юрисдикціи пановъ — жительствующіе въ коронныхъ имѣніяхъ — старостъ и подстаростъ, а въ имѣніяхъ наслѣдственныхъ — дѣдичныхъ пановъ. И тѣ и другіе имѣли право казнить казаковъ смертію, особенно если они попрежнему вздумаютъ бѣгать на Запорожье и нападать на турецкія и татарскія владѣнія. Что эта конституція не имѣла никакой силы, показываетъ другая, изданная въ 1609 г., въ которой говорится: несмотря на прежнюю конституцію, казаки продолжаютъ своевольствовать, не признаютъ надъ собою власти старостъ и пановъ, имѣютъ своихъ гетмановъ, свое судопроизводство, вмѣшиваются въ управленіе всею Украиною, собираются въ купы, нападаютъ на города и зàмки и вторгаются въ сосѣднія государства. Сеймъ назначилъ тогда коммисію для установленія ряда въ мятежной Украинѣ; всѣхъ казаковъ, которые жительствуютъ въ волостяхъ, слѣдовало непремѣнно подчинять юрисдикціи и управленію старостъ и пановъ, а тѣмъ, которые на Низу, слѣдовало дать особаго старшого, подчиненнаго коронному гетману [1]. Но вслѣдъ затѣмъ, скоро, война Сигизмунда III съ Московскимъ государствомъ была поводомъ послабленія этихъ строгихъ мѣръ, нужно было военныхъ людей. Позволили набирать охотниковъ. Тогда подъ благовиднымъ предлогомъ помощи королю стали собираться своевольныя купы и вмѣсто того, чтобъ идти къ Смоленску, оставались въ Украинѣ казаками и не хотѣли повиноваться посламъ. Это побудило сеймъ издать конституцію, которая оставляла право собранія охотниковъ только тѣмъ лицамъ шляхетскаго званія, которые имѣли для этого проповѣдные листы, а другихъ велѣно стращать оружіемъ и обращать къ прежнему повиновенію старостамъ и панамъ. Умаявшееся отъ большихъ переходовъ и побѣговъ украинское населеніе безпрестанно пополнялось новыми пришельцами изъ Волыни, Червоной Руси, Бѣлой Руси: одни прямо шли въ Сичу, въ казаки; другихъ завлекали паны, заводившіе слободы, но эти пришельцы тотчасъ пропитывались духомъ казацкой вольности.

[1] Vol. Leg. 1617; ibid 1665.

Бывшіе въ Московскомъ государствѣ казаки прошли тамъ хорошую школу и, по возвращеніи въ Украину, стали опытными наставниками въ своевольствѣ: составляли шайки, предводители назывались казацкими полковниками; они нападали на панскія усадьбы и разоряли ихъ. Казаки—писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ гетманъ Жолкѣвскій — овладѣли всею кіевскою Украиною, господствуютъ во всемъ приднѣпровскомъ краѣ, что̀ хотятъ, то и дѣлаютъ. Въ 1612 году своевольный магнатъ Стефанъ Потоцкій вторгнулся въ Молдавію, поддерживая низложеннаго Турціею господаря, былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и навлекъ на Польшу страхъ мести со стороны Турціи. Въ то же время и казаки, которыми, какъ кажется, тогда началъ предводительствовать знаменитый Петръ Конашевичъ Сагайдачный, пускались на море. Въ 1613 году, возвратившіеся изъ Московскаго государства жолнеры составили конфедерацію, требовали себѣ уплаты семидесяти-во̀сьми мильйоновъ, и за отказомъ правительства удовлетворить ихъ требованіямъ, нападали на королевскія имѣнія, самовольно собирали съ нихъ доходы, а жители подвергались необузданности жолнерскаго произвола. Польскій сеймъ долженъ былъ смириться передъ ними и спасти отечество отъ дальнѣйшихъ разореній только тѣмъ, что отсчиталъ имъ требуемую сумму. Естественно было и казацкому своеволію разыграться въ этотъ годъ. Запорожскіе удальцы два раза ходили на море, грабили приморскіе крымскіе города и возвращались съ огромною добычею. Къ этому году, по всѣмъ соображеніямъ, должно относиться знаменитое взятіе Кафы и освобожденіе множества христіанскихъ плѣнниковъ. Вѣсть объ этомъ въ Константинополѣ произвела смятеніе. Обратились къ бывшему тогда въ столицѣ падишаха польскому послу Андрею Горскому съ жалобою, что подданные Рѣчи Посполитой нападаютъ на подвластныя падишаху владѣнія. «Эти казаки — отвѣчалъ Горскій — разбойническое скопище, составленное изъ разныхъ народовъ; никто не разберетъ, какого они племени — кто русинъ, кто москвитинъ, кто волошинъ, а кто и полякъ; они привыкли безчинствовать, когда имъ случай откроется, и не слушаютъ ни короля, ни Рѣчи Посполитой. Если вы ихъ истребите — съ нашей стороны не будетъ никакого неудовольствія». Турецкое правительство приказало румелійскому беглербегу преградить казакамъ обратный путь въ Днѣпръ и истребить ихъ. [1] Но казаки не только избѣжали погрома, а еще ночью приблизившись къ тому мѣсту, гдѣ ту-

---

[1] Рук. И. П. Б. разнояз. Q. № 8.

рецкія галеры остановились, напали на нихъ, взяли шесть галеръ въ плѣнъ и потопили нѣсколько мелкихъ судовъ. На другой годъ, ободренные этимъ успѣхомъ, отправились казаки на море еще съ бо́льшимъ числомъ чаекъ. У нихъ вожами были тогда убѣжавшие отъ турковъ невольники, отрекшіеся ислама, вѣроятно, насильно имъ навязаннаго. По ихъ указанію, казаки, переплывъ поперегъ Черное море, напали на Синопъ, самый цвѣтущій въ то время городъ Малой Азіи, славный столько же своими богатствами, сколько прекраснымъ мѣстоположеніемъ и здоровымъ климатомъ, и прозванный цвѣтистою рѣчью Востока городомъ любовниковъ (мединетъ юль-ушшакъ). Казаки овладѣли старымъ замкомъ, перерѣзали гарнизонъ, ограбили и сожгли арсеналъ, суда въ пристани и всѣ мусульманскіе домы, многихъ мусульманъ перерѣзали, освободили изъ неволи христіанскихъ плѣнниковъ и ушли, прежде чѣмъ жители сосѣднихъ поселеній могли собраться и дать имъ отпоръ.[1]. Современники говорили, что убытку понесли турки милліоновъ на сорокъ. Вѣсть объ этомъ въ Константинополѣ произвела ужасъ. Еще съ тѣхъ поръ, какъ турки овладѣли этимъ городомъ, онъ не видалъ въ стѣнахъ своихъ никакого непріятеля. Падишахъ такъ разгнѣвался, что хотѣлъ тотчасъ казнить своего великаго визиря Нассафхъ-пашу, но жена и дочери упросили ему жизнь; падишахъ на первый разъ утолилъ свой гнѣвъ тѣмъ, что далъ своему визирю нѣсколько ударовъ буздыханомъ[2]. Послѣ этого внушенія, великій визирь немедленно отправилъ въ погоню за казаками Шакшака-Ибрагимъ-пашу: послѣдній съ своими судами успѣлъ вступить въ устье Днѣпра прежде, чѣмъ казаки туда прибыли; но казаки, провѣдавши, что ихъ стерегутъ турки на Днѣпрѣ, высадились въ другомъ мѣстѣ, потащили свои чайки по сухопутью, чтобы потомъ пустить ихъ по днѣпровской водѣ, повыше того мѣста, гдѣ ихъ ожидали турки. Но турки узнали объ этомъ и бросились на нихъ; казаковъ было, какъ говорятъ поляки, до двухъ тысячъ, до двухсотъ изъ нихъ погибло, большинство ушло съ добычею, но пришлось потерять и побросать въ воду нѣсколько награбленнаго, а двадцать человѣкъ попались въ плѣнъ живьемъ и были отправлены въ Цареградъ, гдѣ ихъ казнили въ присутствіи обитателей Синопа, прибывшихъ въ столицу падишаха съ печальною вѣстію о разореніи своего города.[3].

Тогда турецкое правительство обратилось снова къ Польшѣ

[1] Collect. Sękowsk. 126.
[2] Рук. И. П. Б. разнояз. Q. № 8.
[3] Collect. 127.

и объясняло коронному гетману, что такъ-какъ польскій посолъ въ Константинополѣ объявилъ, что поляки не препятствуютъ туркамъ преслѣдовать и истреблять казаковъ, то турецкія и татарскія войска пойдутъ на нихъ въ глубину казацкой земли. Жолкѣвскій отписалъ, что такой походъ въ земли, принадлежащія Рѣчи Посполитой, не можетъ быть допущенъ, когда Польша находится въ мирѣ съ Турціею, что онъ самъ съ польскимъ войскомъ пойдетъ укрощать казаковъ, а турки пусть стерегутъ ихъ на Лиманѣ, не пускаютъ на море и истребляютъ какъ угодно тѣхъ, которые имъ попадутся. [1] Въ это время въ Украинѣ казаки раздражали противъ себя поляковъ и другими поступками: своевольныя шайки, составленныя изъ хлоповъ и мѣщанъ, называвшихъ себя казаками, разоряли въ Брацлавщинѣ владѣльцевъ, нападали на ихъ усадьбы. Хлопы, самовольно поступившіе въ казачество, не только отрекались отъ повиновенія панамъ, но присвоивали себѣ въ собственность грунты — поземельные участки, которые имъ давались отъ пановъ, а такъ-какъ паны хотѣли заставить ихъ повиноваться и не давали имъ грунтовъ и жестоко наказывали непослушныхъ, когда они попадались имъ въ руки, то хлопы стали дѣйствовать противъ пановъ вооруженною силою; невозможно было разобрать, кто настоящій казакъ, и кто самъ себя называетъ этимъ именемъ. Приходили королю жалобы отъ пановъ на такія своевольства. Сверхъ того Жолкѣвскій провѣдалъ, что у казаковъ проявился какой-то самозванецъ, котораго они собирались везти въ Молдавію и посадить на господарство. Еще предъ великимъ постомъ въ 1614 г. Жолкѣвскій сталъ разгонять въ Брацлавщинѣ шайки называвшихъ себя казаками, и очистивши отъ нихъ Брацлавщину, послалъ въ Переяславль къ казакамъ, признаваемымъ правительствомъ въ этомъ званіи, двухъ ротмистровъ требовать прекращенія своевольствъ; онъ извѣщалъ казаковъ, что къ нимъ прибудутъ коммисары для установленія между ними порядка. Обѣщанные коммисары прибыли уже осенью, по возвращеніи казаковъ изъ синопскаго похода, и 15-го октября подъ Житоміромъ заключили договоръ съ казаками. [2] Обязали казаковъ не нападать на сосѣднія государства, когда у Польши нѣтъ съ этими государствами войны, не собирать и не принимать въ свое товарищество своевольныхъ шаекъ, которыя шатаются по Руси и нападаютъ на шляхетскія имѣнія. Всѣмъ тѣмъ, которые, будучи прежде того панскими подданными, са-

[1] Рук. И. П. Б. разнояз. Q. № 8.
[2] Рук. И. П. Б. польск. IV. f. 33.

мовольно называли себя казаками и присвоивали данные имъ отъ пановъ грунты, велѣно оставаться подъ властію пановъ и подчиняться ихъ юрисдикціи. Казакамъ, подъ опасеніемъ потери ихъ правъ, запрещалось созывать толпы народа, подъ предлогомъ рады, и нигдѣ не дозволялось быть казацкой радѣ, кромѣ даннаго издавна казакамъ города Трехтемирова [1]. Тѣ казаки, которыхъ въ этомъ званіи признавало правительство, обязаны были, въ качествѣ пограничной стражи, находиться подъ властію тѣхъ старшихъ, какихъ дастъ имъ коронный гетманъ, и за свою службу имъ предоставлялось каждогодно на рождественскія святки въ Кіевѣ получать десять тысячъ злотыхъ и семьсотъ поставовъ каразеи (сукна нисшаго достоинства) [2].

Это не укротило казаковъ. На слѣдующій годъ они подавали просьбу о снятіи съ нихъ условій, наложенныхъ на нихъ прошлогоднимъ договоромъ, но король извѣстилъ ихъ универсаломъ, [3] что, по опредѣленію сейма, они должны оставаться въ предѣлахъ, указанныхъ бывшею коммисіею. Казаки не слушались. Сами паны опять имъ подали поводъ къ поступкамъ, которыхъ не одобряло правительство. Два магната, Корецкій и Вишневецкій, сдѣлали набѣгъ на Молдавію, пригласивъ съ собой казаковъ. Имъ не посчастливилось, и Корецкаго взяли въ неволю. Но другіе казаки въ то же время отправились на Черное море, переплыли его поперегъ, напали на Трапезонтъ, ограбили этотъ городъ и разбили пашу Цикалу (родомъ генуэзца), потопивъ у него три судна. [4] Въ Константинополѣ вѣсть объ этомъ произвела ужасную тревогу. Визирь Нассафхъ-паша не избѣжалъ своей судьбы: его удавили. Отъ падишаха и его новаго визиря послѣдовали снова къ Польшѣ жалобы, сопровождаемыя угрозами разорить казацкую землю. Между тѣмъ непослушные хлопы продолжали собираться въ шайки и разорять шляхетскія имѣнія и усадьбы. «Несмотря на всѣ наши прежнія мѣры»—писалъ король Сигизмундъ [5]—«казацкое своеволіе доходитъ до ужасающихъ крайностей; громады казаковъ не даютъ Рѣчи Посполитой покоя, шляхетство не можетъ безопасно проживать въ своихъ имѣніяхъ, терпитъ убытки и лишенія; сверхъ того казаки продолжаютъ врываться въ сосѣднія государства и навлекаютъ на Рѣчь Посполитую опасность войны; турецкій императоръ и его визирь требуютъ

[1] Рук. И. П. Б. польск. f. № 99.
[2] Рук. И. П. Б. польск. f. № 33.
[3] Арх. Югоз. Росс. Ч. 1. З. 192.
[4] Рук. И. П. Б. польск. f. № 33.
[5] Арх. Югоз. Росс. Ч. 1. З. 206.

истребленія казаковъ». Отмщая за морскіе походы на Турцію и вмѣстѣ за наѣзды казаковъ на татаръ, учиненные въ одно время съ морскими походами, крымскій ханъ двинулъ многочисленную орду на Украину и произвелъ значительное опустошеніе, а потомъ, по своему обычаю преувеличивая свои подвиги, писалъ польскому королю письмо насмѣшливымъ тономъ: «Мы собрали сто восемдесять тысячъ татаръ и разорили двѣсти палановъ и каждому татарину досталось по семидесяти человѣкъ плѣнныхъ, а воловъ одинъ Богъ знаетъ сколько. Намъ отъ отцовъ нашихъ заповѣдано воевать государства, а вамъ это совсѣмъ не идетъ, — совсѣмъ не ваше дѣло, а когда хочете наѣзжать и воевать чужія государства, такъ надобно умѣть. Не знаемъ, съ вашего ли согласія или безъ вашего, казаки дѣлаютъ наѣзды, только мы этого такъ не оставимъ, а пойдемъ къ Каменцу, и надѣлаемъ вамъ того, что̀ можно надѣлать». [1]

Въ виду такихъ угрозъ назначили снова коммисію для укрощенія казаковъ и приведенія въ порядокъ украинскихъ дѣлъ, но пока эта коммисія составилась, казаки пустились опять на море, и на этотъ разъ уже къ самому Константинополю и близь столицы производили опустошенія. Падишахъ, какъ выражается Жолкѣвскій въ своемъ письмѣ, не привыкши сносить ни отъ кого оскорбленій, разгнѣвался до крайности, когда казаки, разоривъ десятки турецкихъ городовъ, наконецъ, въ окна самаго серая замигали своими походными огнями. Въ турецкомъ диванѣ положили послать большое войско подъ начальствомъ Скиндеръ-Паши, чтобъ истребить казаковъ до тла и заселить Украину мусульманами. Это предпріятіе было само по себѣ вызовомъ Польши къ войнѣ. Скиндеръ-Паша двинулся на Подоль. Жолкѣвскій, не рѣшаясь подвергать Рѣчь Посполитую случайностямъ войны съ Турціею, поспѣшилъ просить мира и заключилъ съ турецкимъ предводителемъ договоръ въ Бушѣ (26-го сентября 1617), обязавшись, между прочимъ, укротить казаковъ и истребить ихъ, если они не будутъ послушны властямъ и станутъ опять дѣлать набѣги на турецкія области. Чрезъ мѣсяцъ послѣ того, 28-го октября, состоялся новый договоръ съ казаками. Ихъ опять обязали не ходить на море, не нападать на турокъ и татаръ и не принимать въ свое званіе своевольныхъ людей, то-есть, не допускать увеличенія своего сословія [2] болѣе того, сколько дозволялось правитель-

---

[1] Рук. И. П. Б. разнояз. Q. № 8.
[2] Арх. Югов. Росс. Ч. 1. З. 206.

ствюмъ. Эта коммисія, какъ и прежнія, не достигла своей цѣли. Сами польскія власти разрушили то, что̀ устанавливали. Вслѣдъ затѣмъ, по поводу войны съ московскимъ государствомъ, королевичъ Владиславъ обратился къ казацкому гетману Конашевичу-Сагайдачному и приглашалъ его воевать Московское государство. Для казацкой удали настало раздолье. Подъ предлогомъ собиранія казаковъ для похода въ Московщину, стали составляться и сновать по Руси своевольныя шайки изъ бѣглыхъ мѣщанъ и хлоповъ, избирали себѣ начальниковъ, которые величали себя казацкими полковниками, и дѣлали наѣзды на шляхетскіе дворы. Изъ дѣлъ того времени видно, что тогда на Руси уже созрѣла и установилась ожесточенная вражда между всѣмъ нешляхетскимъ — мѣщанами, хлопами, казаками съ одной стороны и всѣмъ шляхетскимъ, привиллегированнымъ, съ другой. Краснорѣчиво говоритъ объ этомъ универсалъ короля Сигизмунда III: «Маетности обывателей Кіевскаго воеводства не только отъ чужеземныхъ непріятелей, но и отъ внутренняго своеволія почти уничтожены и доведены до крайняго положенія. Во все наше царствованіе, мы старались не только освободить коронныя земли отъ непріятельскихъ вторженій, но и удержать внутреннее спокойствіе и укротить своевольство частныхъ лицъ, необузданно стремящихся ко всякому злу, но, по какому-то особенному несчастію и по людскимъ грѣхамъ, ничто не помогаетъ, напротивъ своевольство все болѣе и болѣе усиливается». [1] Король взывалъ ко всѣмъ обывателямъ Кіевскаго воеводства, чтобъ они всѣ вооружились и, содѣйствуя коронному гетману, разсѣевали и истребляли сновавшія по Руси шайки самозванныхъ казаковъ.

Но вслѣдъ затѣмъ опять наступили обстоятельства, когда польское правительство стало нуждаться въ казакахъ. Польша, подстрекаемая вструйскимъ дворомъ, стала въ непріязненное отношеніе къ Турціи, вмѣшалась въ молдавскія дѣла, поддерживая возмутившагося противъ турецкаго падишаха молдавскаго господаря Граціана, и отважилась на войну съ Турціею. Война эта была несчастна для Польши. 6-го октября разбито было польское войско подъ Цецорою. Гетманъ Жолкѣвскій палъ въ битвѣ. Много пановъ было взято въ неволю. На этомъ сраженіи казаковъ было мало, всего, какъ говорятъ, до двухъ тысячъ. Въ числѣ ихъ былъ сотникъ чигиринскій Михаилъ Хмельницкій, погибшій въ битвѣ. Съ нимъ находившійся сынъ его, Зиновій-Богданъ, которому, впослѣдствіи, суждено играть

[1] Арх. Югов. Росс. Ч. 1. З. 257.

важную роль, былъ взятъ въ плѣнъ и пробылъ послѣ того въ неволѣ два года. [1] Это былъ молодой человѣкъ, получившій, по тогдашнему, хорошее воспитаніе: онъ учился у іезуитовъ въ Ярославлѣ, владѣлъ хорошо латинью, но не сдѣлался ни полякомъ, ни папистомъ, какъ случалось со многими, получившими такое образованіе. [2]

Война съ Турціею придала смѣлости казацкамъ морскимъ набѣгамъ, которые на этотъ разъ могли совершаться уже безъ преступленія противъ польскаго правительства. Казаки опустошили европейское побережье Турціи на Черномъ морѣ и взяли богатый городъ Варну. Въ сентябрѣ 1620 г. гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный геройски отличился съ своими казаками подъ Хотиномъ, находясь тамъ вмѣстѣ съ польскимъ войскомъ. Одни казаки поправили тогда дѣло. Поляки заключили съ Турціею миръ, оставившій ихъ въ прежнихъ отношеніяхъ съ послѣднею. Поляки обѣщали преградить путь морскимъ набѣгамъ казаковъ на будущее время. [3] Самъ Сагайдачный, недовольный этимъ миромъ, получивъ на сраженіи тяжелую рану, удалился въ кіевобратскій монастырь, и тамъ въ слѣдующемъ году скончался.

Уже не разъ и прежде казаки ополчались за вѣру и въ 1618 г. утопили въ Кіевѣ выдубицкаго игумена Грековича за ревностную пропаганду уніи. [4] Въ 1620 году, воспользовавшись проѣздомъ черезъ Кіевъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный упросилъ его посвятить въ санъ православнаго кіевскаго митрополита Іова Борецкаго, а затѣмъ были посвящены владыки на всѣ русскія епархіи. Это событіе было ударомъ для римско-католической пропаганды, которая до сихъ поръ полагала главнымъ образомъ надежду на то, что православные или дизуниты, какъ ихъ окрестили паписты, не имѣли іерархіи.

Поэтому Сигизмундъ III объявилъ новопоставленныхъ архіереевъ незаконными и приказывалъ ихъ предавать суду, а папа Урбанъ VIII своими буллами разжигалъ противъ нихъ фанатизмъ своей паствы. Но благодаря той же свободѣ, которая въ Польшѣ дозволяла папистамъ свирѣпствовать надъ православіемъ — и возстановленная іерархія утвердилась подъ покровомъ казацкаго оружія. Самъ гетманъ Сагайдачный только этимъ фактомъ показалъ свой протестъ польскимъ стремленіямъ.

---

[1] Jak. Michał. księga pamiętnicza. 431.
[2] Annal. Polon. Clim. I. 20.
[3] Jak. Sobiesk. Pam. wojn. chocimsk.
[4] Рук. И П. Б. IV. № 36.

За услуги, которыя онъ оказывалъ Польшѣ, этотъ гетманъ не пользовался слишкомъ хорошимъ воспоминаніемъ въ послѣдующія времена, когда закоренѣлая вражда къ ляхамъ стала первѣйшею гражданскою добродѣтелью, а дружба съ ляхами—преступленіемъ. Одна малорусская лѣтопись выразилась о немъ, что онъ всегда съ ляхами въ мирѣ жилъ, а посполъство терпѣло. [1] Какъ въ то время это посполъство было далеко отъ того, чтобы жить съ ляхами въ мирѣ, показываетъ, между прочимъ, и то, что во время хотинской битвы, когда запорожцы выручали поляковъ, подольскіе хлопы тайно служили туркамъ и чуть было не успѣли, по наущенію послѣднихъ, зажечь польскаго обоза: [2] видно, что уже въ то время для русскаго хлопа Польша не была отечествомъ. Сагайдачный считалъ ее отечествомъ, и въ этомъ становился въ разрѣзъ съ посполъствомъ, и такое раздѣленіе отчасти перешло вообще на реэстровыхъ казаковъ въ противоположеніе посполъству. Реэстровые казаки, хотя не потеряли связи своей съ остальнымъ народомъ, но, при случаѣ, были готовы на мировую съ ляхами, тогда какъ въ посполъствѣ годъ отъ году развивалась ожесточенная ненависть. Но какъ бы то ни было, однако, справедливость требуетъ признать за Конашевичемъ-Сагайдачнымъ громадную заслугу для борьбы православнаго русскаго народа съ папизмомъ и полящиною — это было возстановленіе іерархіи. Съ этихъ именно поръ борьба русскаго народа съ ополяченнымъ шляхетствомъ, опредѣленнѣе и точнѣе, чѣмъ прежде, покрывалась знаменемъ оскорбленной и униженной православной вѣры.

Строгое запрещеніе безпокоить турецкіе предѣлы, данное вслѣдствіе условій хотинскаго мира, не имѣло у казаковъ силы. Въ слѣдующемъ же году (1622), когда посолъ Рѣчи Посполитой панъ конюшій князь Збаражскій былъ въ столицѣ падишаха, казаки на своихъ чайкахъ сдѣлали набѣгъ. [3] Письмо къ крымскому хану, приписываемое атаману Сирку, [4] исчисляя морскіе походы казаковъ, относитъ этотъ походъ къ 1621 году и говоритъ, что его сдѣлалъ Богданъ Хмельницкій, и «многіе корабли и каторги турецкіе опановалъ и благополучно до Сичи повернулся». Но извѣстіе это невѣрно. Вопервыхъ, изъ современныхъ дѣлъ видно, что походъ этотъ совершенъ былъ не въ 1621, а въ 1622 году; вовторыхъ, Хмельницкій былъ два года въ плѣну, и никакъ не могъ совершить похода въ 1621 г.,

[1] Сказ. ажъ до Богдана Хмельницкаго.
[2] Jak. Sobiesk. Pam. wojny chocimsk. 33.
[3] Рук. И. П. Б. f. 67.
[4] Лѣтоп. Величка. 2: 380.

а что въ 1622 г. не онъ совершилъ его, доказывается тѣмъ, что казаки, впослѣдствіи, указывали полякамъ, которые особенно этотъ походъ считали преступнымъ, что они представили предводителей этой морской шайки къ суду.[1] Трудно предположить, чтобъ виновники этого похода, попавшись въ руки полякамъ, уцѣлѣли. Вслѣдъ затѣмъ, по восточнымъ извѣстіямъ (1622—1623), двадцать тысячъ войска вторгалось въ Молдавію и Валахію. То были (какъ справедливо показалъ Сенковскій) своевольные казаки. Въ отплату за нарушеніе мира, въ іюнѣ 1624 г.[2] Кентемиръ-Мурза, вышедши изъ Молдавіи съ тридцатью (какъ говорятъ) тысячами изъ Бессарабіи, опустошилъ огнемъ и мечомъ дворы и села около Ярослава, Березина, Красна, Меджишева, и ушелъ со множествомъ плѣнниковъ. Въ отмщеніе за то, въ сентябрѣ того же года, казаки на ста чайкахъ спустились въ Черное море. Турецкій флотъ стоялъ тогда въ Крыму въ Кафѣ, занятый укрощеніемъ тамошнихъ междоусобій. Казаки дошли до окрестностей Константинополя и 7-го октября ограбили и отчасти сожгли селеніе Еникіой на берегу Константинопольскаго пролива, потомъ ушли благополучно, избѣгнувъ погони. На слѣдующій годъ триста чаекъ отправились къ Трапезунту и Синопу; въ каждой чайкѣ было по пятидесяти казаковъ — слѣдовательно всѣхъ пятнадцать тысячъ. Начальникъ турецкихъ морскихъ силъ Реджябъ-Паша съ сорока-треми галерами и гальотами поплылъ имъ на встрѣчу и въ кровопролитномъ сраженіи при Карагманѣ (на западномъ берегу Чернаго моря) нанесъ имъ пораженіе. Побѣда эта досталась туркамъ не дешево. Казаки сначала одолѣвали и уже было-овладѣли адмиральскимъ кораблемъ, но перемѣна вѣтра дала успѣхъ ихъ противникамъ; только тридцать чаекъ спаслось; семьсотъ восемьдесятъ плѣнниковъ достались побѣдителямъ и осуждены со скованными ногами работать веслами на турецкихъ галерахъ. Вслѣдъ за тѣмъ сухопутное казацкое войско проникло въ Крымъ помогать крымскому хану Мугаммедъ-Гирею и его брату Шегинъ-Гирею, взбунтовавшимся противъ турецкаго главенства. Казаки, по ихъ просьбѣ, прошли весь Крымъ, осадили турокъ въ Кафѣ и заставили помириться съ Мугаммедомъ. Тогда турецкій посолъ отправился къ польскому королю съ жалобою, требованіемъ немедленно наказать и укротить казаковъ и съ угрозами, въ случаѣ неисполненія воли падишаха.

---

[1] Рук. И. П. Б. IV. 138.
[2] Collect. 178.

Въ то же время снова казачество раздражило поляковъ своимъ противодѣйствіемъ ихъ распоряженіямъ. Казачество не хотѣло знать установленныхъ реэстровъ; вмѣсто шести тысячъ ихъ были десятки тысячъ. Весь народъ стремился оказачиться и тѣмъ самымъ вырваться изъ-подъ власти старостъ, пановъ и вообще польскаго строя. «Казаки (говоритъ современникъ Яковъ Собѣсскій) утратили свои древніе запорожскіе обычаи. Прежде они мало знали семейныя связи, незнакомы были съ избыткомъ и невоздержаніемъ и, кромѣ оружія, ничего не знали. Войско ихъ состояло тогда едва изъ нѣсколькихъ тысячъ, а теперь масса казачества возрастаетъ ежедневно; уже не мужество и заслуги даютъ рыцарское званіе: бѣглецы отъ плуга и ремеслъ изъ русскихъ провинцій наполняютъ ряды ихъ; толпа невоинственныхъ мужиковъ внѣдряется въ права старыхъ и заслуженныхъ воиновъ; споры и распри испортили ихъ древніе обычаи; благоразуміе замѣнилось грабительствомъ, дисциплина—необузданнымъ буйствомъ, повиновеніе начальству—своевольствомъ. Бродячіе отряды по Руси и Литвѣ, въ Кіевскомъ и Брацлавскомъ воеводствахъ, грабятъ костелы, коронныя и дворянскія имѣнія. Когда они идутъ въ походъ, толпы ихъ живутъ грабежемъ; возвращаясь изъ похода, они селятся по короннымъ и дворянскимъ имѣніямъ и отрекаются отъ всякаго повиновенія панамъ. Немногіе изъ старыхъ воиновъ возвращаются въ Сичу; другіе, обогащенные добычею, занимаются хозяйствомъ, живутъ съ женами и дѣтьми и, недовольные бездѣйствіемъ, вмѣшиваются въ уличныя дрязги и отправляютъ на сеймы посольства, защищая права исповѣдующихъ греческую вѣру, непризнающую правъ западной церкви» [1].

Изъ этого современнаго описанія какъ нельзя яснѣе видно, что казачество, распространяясь по Руси, было стражемъ русской народности, препятствовало принятому гражданскому порядку въ Польшѣ. Полякамъ еще болѣе необходимо было, если не совершенно уничтожить казачество, то остановить разлитіе этого воинственнаго элемента на всю массу русскаго народонаселенія, поставить казаковъ въ ограниченное число, въ значеніи исключительно особаго военнаго сословія.

Въ 1625 году казаки послали своихъ депутатовъ съ такими смѣлыми требованіями:

«Обезпечить древнюю православную вѣру, удалить уніатовъ отъ церквей и церковныхъ имѣній, признать законными духовныхъ, посвященныхъ іерусалимскимъ патріархомъ, и уничтожить

---

[1] Jak. Sob. Pam. wojny choc. 44.

изданные имъ во вредъ универсалы, дозволить казакамъ проживать спокойно во всѣхъ коронныхъ и дѣдичныхъ имѣніяхъ Кіевскаго воеводства, уничтожить всѣ стѣснительныя противъ нихъ постановленія (слѣдовательно, дозволить полное расширеніе казачества и возможность всему народу въ Кіевскомъ воеводствѣ перейти въ казачество, а также переходить туда изъ другихъ воеводствъ жителямъ), дозволить казакамъ судиться самимъ между собою, не завися ни отъ какихъ другихъ урядовъ, а въ случаѣ тяжбы съ мѣщанами выбирать поровну судей отъ мѣщанскаго уряда и отъ казаковъ, дозволить казакамъ передавать свои имущества кровнымъ или кому захотятъ по завѣщанію, а не отдавать ихъ уряду, какъ хотѣло правительство, дозволить имъ безпрепятственно ходить на рыбные и звѣриные промыслы (а слѣдовательно и въ Сичь, откуда они могли предпринимать морскіе походы), дозволить имъ вступать въ службу иностранныхъ государей, возвысить имъ жалованье, не допускать жолнеровъ на квартиры въ Кіевскомъ воеводствѣ, не давать кадуковъ по войсковымъ товарищамъ, то-есть, въ случаѣ преступленія не раздавать имуществъ другимъ лицамъ, мимо наслѣдства, дать привиллегію на братство, основанное въ Кіевѣ, и на школы для обученія юношества».

При такой просьбѣ приложенъ былъ перечень утѣсненій, которыя терпитъ православная вѣра въ коронѣ и великомъ княжествѣ. Указывали, что въ Полоцкѣ и Витебскѣ ни въ одной церкви не дозволялось совершать богослуженія, а священниковъ, какъ только покажутся въ городѣ, сажаютъ въ тюрьмы, дѣти умираютъ безъ крещенія, люди живутъ безъ вѣнчанія и отходятъ на тотъ свѣтъ безъ исповѣди и св. причащенія, а полоцкій владыка приказывалъ выкапывать изъ земли погребенныхъ на кладбищѣ и бросать на съѣденіе собакамъ. Ксёндзъ-митрополитъ Рутскій въ Вильнѣ взялъ подъ арестъ виленскихъ предмѣщанъ и они до сихъ поръ сидятъ за порукою подъ слѣдствіемъ; въ Вильнѣ и Полоцкѣ выгнали изъ урядовъ и радъ мѣщанъ греческой религіи, и лишаютъ ихъ тѣхъ правъ, какими они до сихъ поръ пользовались. Уряды не хотятъ даже принимать просьбъ объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ людямъ греческой вѣры отъ апостатовъ, а между тѣмъ, безпокоятъ мандатами и тянутъ въ суды шляхту, которая скрываетъ у себя священниковъ греческой религіи. Въ Могилевѣ, Оршѣ, Мстиславѣ, Витебскѣ, Дриснѣ и другихъ литовскихъ городахъ полоцкой епархіи апостатъ Кунцевичъ запечаталъ церкви и много убійствъ учинилъ надъ людьми. Въ Пинскѣ и во всей пинской епархіи апостатъ Шаховскій отнялъ церкви на унію и людей

насилуетъ. Также въ Луцкѣ, Ровномъ и во всѣхъ городахъ луцкой епархіи отступникъ почаевскій отнялъ церкви и попа Іоанна Жемальскаго, ради уніи, отправилъ въ оковахъ въ Замостье. Въ Кременцѣ, Брестѣ и другихъ городахъ епархіи владимирской, въ Бускѣ, Бельзѣ, Сокалѣ, Красноставѣ хелмскій апостатъ Пакоста, въ Ярославлѣ апостатъ Крупицкій, также въ Перемышлѣ отнимаютъ церкви, мучатъ поповъ и людей. Во Львовѣ отдалили русскихъ отъ всякихъ цеховыхъ ремеслъ, не допускаютъ православныхъ звонить въ колокола, ходить къ больнымъ съ св. причастіемъ, переносить черезъ городъ мертвыхъ и пр. Въ Кіевѣ апостатъ Рутскій также надѣлалъ много несправедливостей людямъ древней греческой религіи и опустошилъ церкви.

Но этимъ не ограничили казаки оборону вѣры. Узнавши, что въ Кіевѣ войтъ Ѳедоръ Ходыка, въ ревности къ распространенію уніи, печатаетъ православныя церкви, казаки отправились туда, убили войта, ограбили католическій монастырь, убили въ немъ священника, отняли угодья, принадлежавшія прежде православной церкви св. Василія, и судили въ Кіевѣ дѣла по своему. Вмѣстѣ съ тѣмъ они, въ совѣтѣ съ митрополитомъ Іовомъ, отправили къ московскому царю посольство, съ просьбою принять казаковъ подъ свое покровительство. Посольство это взялъ на себя луцкій православный епископъ Исаакій. Это сдѣлалось извѣстно полякамъ.

Поляки не могли простить казакамъ такого поведенія. Гетманъ Станиславъ Конецпольскій получилъ повелѣніе укротить казаковъ оружіемъ.

Въ октябрѣ гетманъ съ своимъ кварцянымъ войскомъ вошелъ въ Украину и дошелъ до Канева. 11-го октября казаки прислали къ нему депутатовъ и просили, чтобъ онъ не шелъ на нихъ съ оружіемъ, пока не воротится съ Запорожья ихъ гетманъ Жмайло, а тѣмъ временемъ они совѣтовались на радѣ. Рада ихъ не была согласна; поляки узнали, что съ этой всеобщей рады три тысячи казаковъ ушли изъ Канева. Гетманъ Конецпольскій послалъ за ними погоню; казаки, побившись съ ляхами, ушли къ Черкасамъ, а затѣмъ и остальные изъ Канева прошли туда же. Ихъ было, по польскимъ донесеніямъ, до двадцати тысячъ. Конецпольскій послѣдовалъ за ними къ Черкасамъ. Казаки опять послали просить, чтобъ поляки не наступали на нихъ, и говорили, что гетманъ ихъ Жмайло уже вышелъ изъ Запорожья и скоро будетъ. Но поляки не послушали ихъ просьбы. Казаки ушли изъ Черкасъ. Поляки послѣдовали за ними. Подъ мѣстечкомъ Боровицею, 19-го октября, казаки въ третій разъ послали депутацію съ прежнею просьбою, увѣряя,

что вотъ гетманъ ихъ скоро придетъ и тогда будутъ вести переговоры. Поляки и въ третій разъ не послушали ихъ. Казаки ушли къ Крылову, и поляки за ними. 25-го октября явились казацкіе депутаты и извѣстили, что ихъ гетманъ, наконецъ, пришелъ изъ Запорожья съ пушками и извѣщалъ о своемъ прибытіи. 26-го октября отправились къ казакамъ отъ гетмана коммисары съ условіями, которыя должны были поставить казачество въ то стѣснительное положеніе, въ какомъ желала его содержать Рѣчь Посполитая. Казаки отвѣчали, что объ этомъ у нихъ будетъ рада, и рада эта произошла 26-го октября, и въ тотъ же день тринадцать старшихъ казаковъ явились къ гетману и объявили, что казаки не желаютъ принять ни одного пункта изъ условій, предложенныхъ имъ.

Конецпольскій сказалъ имъ: «Такъ-какъ вы не хотите, какъ прилично вѣрнымъ подданнымъ, пріобрѣсти милость его величества, то за ваше непослушаніе и своеволіе отвѣдаете на своихъ шеяхъ нашихъ сабель, и пролитая кровь останется на вашихъ душахъ». Депутатовъ отпустили, Конецпольскій надѣлъ на себя вооруженіе, и съ высокаго кургана разсматривалъ въ зрительную трубу казацкій таборъ. Началось сраженіе. Казаки защищались храбро. Битва кончилась поздно. На другой день гетманъ приказалъ дѣлать приготовленія къ штурму казацкаго табора, который стоялъ за болотомъ и былъ окопанъ. Но одинъ гайдукъ передался къ казакамъ и объявилъ имъ, что поляки замышляютъ штурмъ.

Тогда казаки, находя мѣсто недостаточно удобнымъ для обороны, хотѣли переправиться на другой берегъ Днѣпра, но въ это время поднялась буря и на рѣкѣ были сильныя волны. Нѣсколько отважныхъ лодокъ пустились на Днѣпръ и потонули. Жмайло приказалъ сниматься съ табора и повелъ своихъ казаковъ ниже по теченію Днѣпра къ урочищу Старому Городищу надъ Кураковымъ озеромъ.

Поляки послѣдовали за ними. Нѣсколько дней прошло въ дракахъ. Наконецъ, казаки, сильно тѣснимые, соглашались покориться, но ни за что не хотѣли выдавать зачинщиковъ, ссылаясь на то, что они будутъ судить ихъ по своему войсковому праву. Они смѣнили съ гетманства Жмайла и выбрали гетманомъ Михайла Дорошенка.

Польскіе коммисары, съѣхавшись съ казаками, стали имъ исчислять вины казаковъ. Вы—говорили имъ они—получили отъ Рѣчи Посполитой важныя права, хотя большая часть васъ и не шляхетскаго званія, однако вы по вольности вашей жизни и по правамъ на имущества почти сравнены съ высшими классами

Рѣчи Посполитой. Къ удивленію цѣлаго свѣта, Рѣчь Посполитая прощала вамъ то, что̀, по всѣмъ правамъ, заслуживало кары, и много разъ заключала съ вами коммисіи, желая прекратить ваши своевольства болѣе убѣжденіями, чѣмъ строгостію, и теперь вы сдѣлали нѣсколько преступленій: 1) вы предпринимали морскіе походы, которые навлекли на Рѣчь Посполитую войну со стороны Турціи; въ особенности преступенъ тотъ вашъ набѣгъ, который былъ совершенъ въ бытность въ Константинополѣ посла Рѣчи Посполитой, пана конюшаго Збаражскаго, посланнаго для окончательнаго заключенія мира; 2) вы сносились съ московскимъ государемъ, съ которымъ Рѣчь Посполитая еще не постановила твердаго мира и признавали за нимъ царскій титулъ, а также сносились съ крымскимъ ханомъ Шегинь-Гиреемъ и помогали ему; 3) принимали къ себѣ разныхъ цариковъ, которые назывались то московскими, то волоскими государями, и давали притонъ разнымъ подозрительнымъ лицамъ, которые могутъ быть вредными для Рѣчи Посполитой; 4) вы самовольно поставили митрополита, владыкъ и архимандритовъ при жизни тѣхъ особъ, которыхъ правительство считаетъ законно занимающими эти должности; 5) лица шляхетскаго званія и владѣльцы безпрестанно жалуются, что ихъ подданные выходятъ изъ повиновенія и потомъ вооруженными купами наѣзжаютъ на ихъ имѣнія, посягаютъ на ихъ жизнь, присвоиваютъ грунты, отнимаютъ пожитки, не даютъ собирать съ ихъ имѣній доходовъ; 6) казаки неоднократно нападали на староства, а въ недавнее время напали на городъ Кіевъ, убили тамъ войта, добраго человѣка, вашего единовѣрца, другихъ взяли въ неволю или отдавали на поруки и ограбили, напали на римско-католическій монастырь, убили священника, отняли у монастыря грунтъ и завели на немъ хуторъ, оскорбили намѣстника подвоеводскаго и на самаго подвоеводу похвалялись, налагали на города разные поборы, брали себѣ стаціи, присвоили себѣ юрисдикцію, отнимали городскія имущества, и разныхъ особъ званія шляхетскаго, духовныхъ, мѣщанъ и жидовъ замучили съ неслыханнымъ варварствомъ».

На это казаки оправдывались такъ:

«Мы сами отослали на сеймъ для покорности тѣхъ предводителей, которые ходили на море во время посольства пана Збаражскаго, представивъ ихъ въ гродскій судъ, чему свидѣтель подвисводчій, а послѣ мы ходили на море, потому что намъ не дали жалованья, обѣщаннаго на прежнихъ коммисіяхъ. Мы посылали въ Москву не для какого-нибудь договора, а напомнить, чтобы, по давнему обычаю, не забыли прислать намъ

казны. Съ Шегинь-Гиреемъ такъ случилось: товарищи наши вышли на добычу съ Дона; въ то время, какъ Шегинь-Гирей поссорился съ Калгою, волна принесла нашихъ товарищей къ берегу въ Крымъ голодныхъ и оборванныхъ; Шегинь-Гирей ихъ принялъ къ себѣ на службу, а такъ-какъ они ему послужили честно, то онъ, показывая любовь къ польскому королю, прислалъ въ Запорожье своихъ пословъ просить, чтобъ мы не нападали на Крымъ, чего мы и не хотѣли дѣлать безъ воли королевской; но такъ-какъ Шегинь-Гирей обязывался утвердить присягою миръ отъ всей орды съ владѣніями его величества короля, то намъ казалось справедливымъ заключить договоръ съ нимъ. О святѣйшемъ патріархѣ и о поставленныхъ имъ духовныхъ его величество знаетъ, и духовные уже объясняли это дѣло. Что касается до разныхъ цариковъ, московскихъ, турецкихъ, волоскихъ и другихъ неизвѣстныхъ лицъ, то мы не чувствуемъ себя виновными въ этомъ: приходъ на Запорожье и выходъ оттуда издавна былъ всѣмъ свободенъ. Кто наѣзжалъ на шляхетскіе дворы и оскорблялъ людей шляхетскаго званія, тѣхъ считаемъ виноватыми и готовы чинить надъ ними правосудіе. Что касается до кіевскаго дѣла, то мы видимъ во всей Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, въ Бѣлой Руси, на Волыни, на Подоли великое утѣшеніе церквамъ Божіимъ, не дозволяютъ священникамъ нашимъ отправлять свободно богослуженія, выгоняютъ ихъ изъ приходовъ, которые отдаютъ унитамъ, и вообще дѣлаютъ великое насиліе совѣсти нашимъ христіанамъ, а кіевскій войтъ, по наущенію попа онаго, близко насъ въ Кіевѣ, печаталъ церкви, отнималъ издавно данные приходамъ доходы и оскорбительными словами бранилъ нашего кіевскаго митрополита; чего не могъ терпѣть не только онъ митрополитъ, но и простѣйшій человѣкъ, когда идетъ дѣло о его совѣсти и о чести. Отдаемся въ томъ на мудрость вашихъ милостей. Объ убійствѣ монаха и оскорбленіи подвоеводчаго не знаемъ, а грунтъ, который мы отобрали, принадлежитъ издавна церкви Василія».

Коммисары предложили имъ условія. Казаки пытались смягчить ихъ, домогались, чтобъ имъ дозволили жить во всѣхъ имѣніяхъ, судиться своимъ судомъ, ходить на море на рыбную ловлю, оставить за собою артиллерію, а болѣе всего — говорили они — просимъ и молимъ, чтобъ наша греческая вѣра не терпѣла утѣсненій, ибо спокойствіе ея присягалъ хранить король. Но казаки должны были уступить. Тѣ, которые входили въ реэстръ и должны были оставаться въ казацкомъ званіи, отступили отъ громады тѣхъ, которые хотѣли одинаковыхъ съ ними правъ, тѣмъ болѣе, что поляки нетолько обѣ-

щали настоящимъ казакамъ оставить права, но еще и прибавить жалованье. Шесть тысячъ реэстровыхъ казаковъ должны были, по прежнему, составлять военное привиллегированное сословіе и получать отъ государства жалованье: изъ нихъ тысяча человѣкъ, по назначенію коронная гетмана, должна была по очереди находиться въ низовьяхъ за порогами, чтобъ не допускать непріятеля къ переправамъ; остальные же, находясь въ волостяхъ, должны были, по требованію коронная гетмана, прибывать къ нему на помощь въ случаѣ нужды. Казакамъ предоставлено заниматься промыслами, торговлею, рыбною и звѣриною ловлями, но безъ ущерба староствамъ. Запрещалось строго ходить на море и разрывать миръ съ Турціею и Крымомъ, а также нападать и по сухопутью на сосѣднія державы, и всѣ чайки, какія были у казаковъ, слѣдовало сжечь при коммисарахъ Рѣчи Посполитой. Запрещалось казакамъ вмѣшиваться въ какія бы то ни было дѣла, неотносящіяся къ войску, заключать съ сосѣдними державами договоры и вступать въ иностранную службу; запрещалось присвоивать себѣ непринадлежащую къ нимъ юрисдикцію, но дозволялось имъ имѣть между собою собственный судъ. Въ случаѣ жалобъ людей другихъ вѣдомствъ на казаковъ начальству казацкому слѣдовало оказывать немедленно правосудіе. Тѣмъ казакамъ, которые жительствовали въ панскихъ имѣніяхъ, дозволялось тамъ жить по прежнему только въ такомъ случаѣ, когда казакъ будетъ послушенъ пану; въ противномъ случаѣ, онъ долженъ, въ теченіе двѣнадцати недѣль, выйти въ коронное имѣніе. Войско будетъ находиться подъ властью старшого, выбраннаго ими, но утвержденнаго коронныкъ гетманомъ, и получать жалованье, которое полагалось въ размѣрѣ шестидесяти тысячъ злотыхъ въ годъ. Затѣмъ, всѣ, называвшіе себя казаками, но не вошедшіе въ реэстръ шеститысячнаго числа, должны подчиниться своимъ старостамъ и дѣдичнымъ панамъ, и всѣ, присвоенные ими въ качествѣ казацкихъ грунты и всякія имущества должны быть отданы панамъ; но тѣ, которые такимъ образомъ должны быть выписаны изъ реэстра, не будутъ подвергаться наказаніямъ отъ старостъ и подстаростъ за то, что они находились въ казакахъ. Но такимъ образомъ ограждались только тѣ изъ бывшихъ въ казацкомъ званіи и терявшихъ его, которые принадлежали прямо къ короннымъ имѣніямъ; о тѣхъ же, которые поступали въ казачество изъ панскихъ дѣдичныхъ имѣній, не упоминалось вовсе въ договорѣ, слѣдовательно, они предоставлены были произволу владѣльцевъ.

Въ такомъ смыслѣ былъ составленъ договоръ 6-го ноября

1625 года на урочищѣ Медвѣжьихъ-Лозахъ, при озерѣ Кураково. Новоизбранный гетманъ Михаилъ Дорошенко (за безграмотностью котораго подписался на договорѣ писарь Савуй Бурчевскій) присягнулъ на вѣрность и точное исполненіе договора; за нимъ дали присягу и другіе казацкіе чины [1].

Послѣ этого въ Константинополь дано знать чрезъ посла, что казаки укрощены, задорнѣйшіе ихъ беи уничтожены, чайки сожжены и всѣ они присягнули не выходить болѣе въ Черное море. По требованію польскаго посла, падишахъ приказалъ хану вызвать своихъ мирзъ, которые съ ордами стояли у Киліи и готовились разорять русскій край.

Татарамъ было это очень непріятно, потому что они были рады предлогу къ грабежу; но казаки скоро сами вывели ихъ изъ затрудненія. Семьдесятъ чаекъ появилось на Черномъ морѣ; посланныя противъ нихъ турецкія галеры переловили половину бывшихъ на нихъ казаковъ и привели плѣнниковъ къ «высокому порогу». Татары, находившіеся въ Стамбулѣ, говорили: «когда казаки не перестаютъ тѣшиться разбоями, такъ и намъ позвольте дѣлать наѣзды на ляшскую землю» [2]. Восточныя извѣстія говорятъ, что турецкое правительство отказало имъ; такъ или иначе, только въ 1626 году огромная толпа татаръ бросилась въ глубину Украины; воевода кіевскій, храбрый Стефанъ Хмѣлецкій, вмѣстѣ съ Дорошенкомъ, разбили ее подъ Бѣлою-Церковью: одиннадцать тысячъ легло на мѣстѣ [3].

Это посѣщеніе требовало со стороны казаковъ новой отплаты. Случай представился. Мухаммедъ-Гирей былъ снова сверженъ и на мѣсто его посаженъ Джанибекъ-Гирей. Изгнанникъ, вмѣстѣ съ братомъ, опять обратился къ казакамъ. Для казаковъ, кромѣ недавняго посѣщенія Украины, былъ еще новый поводъ вмѣшаться въ это дѣло: Гассанъ-паша, правитель Бессарабіи, посадивъ въ Кафѣ на крымскій престолъ Джанибекъ-Гирея, отправился къ устью Днѣпра и занялся устройствомъ укрѣпленій для преграждения казакамъ выхода изъ Днѣпра въ море [4]. Дорошенко отправился въ Крымъ. Въ его войскѣ было много изъ тѣхъ, которые, за составленіемъ реэстра, остались внѣ казацкаго сословія. Они нашли мухаммедова соперника приготовленнымъ: знаменитые наѣздничествами мирзы и, въ числѣ ихъ, Кентемиръ, на котораго татары смотрѣли, какъ на необыкновеннаго богатыря, были уже съ нимъ. Упорная битва

[1] Рук И. П. Б. польск. f. № 67.
[2] Collect. 134.
[3] Lat. jerlicza. 35.
[4] Collect. 183.

продолжалась два дня. На первый день побѣда явно клонилась на сторону казаковъ: «множество татаръ (говоритъ мусульманскій историкъ) получили мученическіе вѣнцы изъ рукъ невѣрныхъ». На другой день мирзы рѣшились съ отчаяніемъ ударить на непріятелей со всѣхъ сторонъ; закипѣла страшная битва, побѣда снова было-склонялась на сторону казаковъ; вдругъ татары, защищавшіе Мухаммеда, «пораженные (говоритъ тотъ же историкъ) ужасною мыслью, что они соединились съ невѣрными на пролитіе мусульманской крови, вспомнивъ, что чрезъ это они лишатся благодѣяній своей вѣры и осуждаютъ себя на вѣчный пламень, покинули союзниковъ и перешли на сторону Джанибекъ-Гирея. Мухаммедъ-Гирей найденъ былъ мертвымъ. Голова Дорошенка, убитаго въ битвѣ, была взоткнута на стѣнахъ Кафы [1].

Очевидно, что договоръ на Медвѣжьихъ-Лозахъ мало удовлетворялъ казаковъ, мало и полякамъ приносилъ пользы. Морскіе походы продолжались своимъ обычнымъ чередомъ. Въ 1629 г. казаки опять посѣтили Босфоръ и, по выраженію письма, приписываемаго атаману Сирку, окуривали мушкетнымъ дымомъ цареградскія стѣны и обитателямъ Цареграда задали великій страхъ и смятеніе [2].

Начальники приморскихъ странъ Турецкой имперіи, Анатоліи и Румеліи жаловались, что казаки безпрерывно разбойничаютъ; пойманные въ плѣнъ изъ нихъ увѣряли турокъ, будто они пустились на море не по своей охотѣ, а по приказанію польскаго правительства. Эти вѣсти казаки распускали для возбужденія войны между Польшею и Турціею, чтобъ, такимъ образомъ, можно самимъ имѣть право на морскія экспедиціи. И вотъ казаки оказались виновными передъ своимъ правительствомъ нетолько въ своеволіи, но въ умышленныхъ покушеніяхъ поссорить Польшу съ Турціею. Внутри Украины договоръ на Медвѣжьихъ-Лозахъ не водворилъ такого порядка, какъ того хотѣлось Польшѣ. Съ этихъ поръ распространилось въ Украинѣ имя «выписчиковъ»; такъ стали называть тѣхъ, которые, какъ и прежде дѣлалось, хотѣли самовольно сдѣлаться казаками; имя это возникло теперь оттого, что Кураковская коммисія исключила (выписала) множество такихъ изъ реэстровъ, куда они были вписаны. Такимъ образомъ, казачество дѣлилось на два рода—на реэстровыхъ и выписчиковъ. Первые, въ числѣ шести тысячъ, признавались въ казацкомъ званіи; вторые хотѣли быть казаками и сами себя считали въ этомъ званіи, въ противность

[1] Ibid. 186.
[2] Лѣт. Величка. 2. 380.

волѣ правительства. Послѣднихъ было несравненно болѣе, чѣмъ первыхъ, и никто не въ состояніи былъ услѣдить за ними: то были, попрежнему, подданные коронныхъ и дѣдичныхъ имѣній, неповиновавшіеся своимъ панамъ, называвшіе себя, въ противность имъ, казаками, бѣжавшіе въ Сичь или составлявшіе внутри Украины своевольныя купы, нападавшія на дворянъ. Издавна, какъ мы видѣли, велось это: нисходящее поколѣніе прежнихъ самозванныхъ казаковъ — дѣти, внуки, племянники, всѣ считали себя казаками, тогда какъ правительство не хотѣло ихъ признавать въ этомъ званіи. Имъ теперь особенно было тяжело это непризнаніе, когда они или отцы ихъ уже были вписаны въ реэстръ; при Сагайдачномъ само правительство, нуждаясь въ военной силѣ, дозволяло быть бо́льшему числу казаковъ. Кураковская коммисія ихъ выгнала, обратила въ хлоповъ. Но хлопы въ Украинѣ вообще давно уже стремились вообще сдѣлаться казаками; теперь это стремленіе усилилось, послѣ того, какъ въ массу хлоповъ возвращаемо было много такихъ, которые, по своимъ понятіямъ, считали за собою нѣкоторое законное право числиться казаками. Реэстровые казаки, смотря по обстоятельствамъ, готовы были укрощать ихъ, по приказанію короннаго гетмана, но также готовы были, при случаѣ, стать съ ними заодно противъ ляховъ, тѣмъ болѣе, когда ихъ соединяла съ русскимъ народомъ религія, требовавшая защиты.

Выписчики, бывшіе въ Крыму съ Дорошенкомъ, по смерти его, выбрали изъ своей среды гетманомъ Тараса, котораго коронный гетманъ называлъ презрѣннымъ хлопомъ, вѣроятно, оттого, что онъ принадлежалъ къ реэстровымъ. Часть реэстровыхъ признала его, но большинство ихъ избрало себѣ предводителемъ Грицька Чорнаго, человѣка, преданнаго полякамъ. Коронный гетманъ утвердилъ его [1]. Грицько, вмѣстѣ съ Хмѣлецкимъ, одержалъ побѣду надъ татарами подъ Бурштыномъ [2]. Онъ удерживалъ своихъ подчиненныхъ въ повиновеніи правительству, не пускалъ на море, не дозволялъ хлопамъ причисляться къ казацкому сословію и строго наказывалъ непослушныхъ. Тарасъ оставался на Запорожьѣ; его силы возрастали; бѣглецы изъ Украины собирались къ нему; онъ разослалъ универсалъ, въ которомъ, называя себя законнымъ предводителемъ казаковъ, приказывалъ неповиноваться Грицьку и признавать его старшимъ, потому что Грицько не былъ избранъ воль-

[1] Рук. И. П. Б. польск. f. № 241.
[2] Lat. jerlicza. 36.

ными голосами, по казацкому обычаю, при арматѣ. Съ своей стороны, Грицько посылалъ на Запорожье свои универсалы, приглашалъ покориться и обѣщалъ всѣмъ прощеніе. Такъ продолжалось полгода. Когда доставлено было слѣдуемое казакамъ жалованье, Грицько не сталъ раздавать его, а прежде сдѣлалъ пересмотръ казакамъ, привелъ въ порядокъ реэстръ, исключилъ изъ него тѣхъ, которые убѣжали къ Тарасу на Запорожье, и замѣстилъ другими, по его соображеніямъ, надежными. Наконецъ, Тарасъ вышелъ съ запорожцами на Украину. Запорожцы — доносилъ коронный гетманъ — поступили хитро: обѣщали привезти армату и покориться. Грицько довѣрялъ имъ и не принялъ предосторожностей: его внезапно схватили, привезли къ Тарасу и казнили жестоко: ему сперва отрубили руки, потомъ голову. Есть извѣстіе, что онъ принялъ унію и за то его особенно мучили казаки. Его приверженцы спасались бѣгствомъ — кто въ лѣсъ, кто въ степь, а большинство пристало къ коронному войску. Тогда Тарасъ оповѣстилъ универсаломъ, что всякъ, кто хочетъ, можетъ сдѣлаться казакомъ, и приглашалъ всѣхъ подниматься на ляховъ [1].

Угнетенія, наносимыя православной вѣрѣ, увеличивались, по мѣрѣ того, какъ папизмъ пріобрѣталъ новыхъ прозелитовъ между русскими дворянами; въ имѣніяхъ пановъ, перемѣнившихъ религію, православные храмы подвергались поруганію; по городамъ все болѣе и болѣе накоплялись религіозные процессы; православные, обличаемые унитами и католиками въ хуленіи западной церкви, томились въ темницахъ. Митрополитъ Іовъ, опираясь на равенство правъ русскаго народа съ польскимъ, созывалъ соборъ съ цѣлію противодѣйствовать насилію, но противъ него гремѣли ужасныя папскія грамоты, возбуждавшія вѣрныхъ сыновъ намѣстника Петрова преслѣдовать непризнающихъ власти апостольскаго престола и единства церкви подъ его главенствомъ. Въ такомъ положеніи были церковныя дѣла, когда польскія войска, возвратившись съ прусской войны, расположены были въ Украинѣ и притомъ даже на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ никогда еще не квартировало кварцяное войско. Тогда между русскимъ народомъ пошелъ слухъ, что польскіе жолнеры пришли съ цѣлію уничтожить православную вѣру и истребить весь южнорусскій народъ, а отечество его заселить поляками. Хмѣльные жолнеры, въ жару ненависти противъ схизматиковъ, похвалялись истребить русскихъ украинцевъ до предѣловъ московщины. Духовные, сопоставляя папскія грамоты съ злоупотребленіями жолнеровъ, квартиро-

[1] Рук. И. П. Б. польск. f. № 241.

навнихъ въ Кіевѣ, призывали православныхъ къ защитѣ вѣры и жизни [1]. Польскіе историки указываютъ на печерскаго архимандрита, какъ на возбудителя народнаго возстанія: печерскимъ архимандритомъ былъ тогда знаменитый Петръ Могила [2]. Вѣроятно и митрополитъ Іовъ Борецкій участвовалъ въ этомъ возбужденіи народа: сынъ его, Стефанъ Борецкій былъ однимъ изъ казацкихъ старшинъ, поднявшихъ возстаніе. [3] Разбирая, вѣроятно, откуда исходятъ призывы къ возстанію, поляки умертвили въ Кіевѣ одного митрополичьяго служку и съ нимъ трехъ другихъ лицъ.

Тарасъ послалъ требованіе, чтобъ жолнеры удалились и не занимали квартиръ восточнѣе Бѣлой Церкви. Начальники отписали, что они будутъ квартировать тамъ, гдѣ имъ приказано отъ правительства. Тогда Тарасъ напалъ на польскія войска, стоявшія близь Корсуня вмѣстѣ съ реэстровыми казаками. Послѣдніе, въ числѣ трехъ тысячъ, лишившись уже своего предводителя Грицько, пристали къ Тарасу. Поляки бѣжали [4].

Возбуждаемый универсалами Тараса и духовенствомъ, народъ возсталъ и началъ прогонять жолнеровъ. Ихъ изгнаніе было для русскихъ тѣмъ удобнѣе, что гетманъ Конецпольскій, замѣчая въ своемъ войскѣ духъ неповиновенія и опасаясь возмущенія за неисправный платежъ жалованья, старался предупредить волненія, пока Рѣчь Посполитая на сеймѣ не назначитъ уплаты, и разставилъ одну хоругвь отъ другой на далекомъ разстояніи такъ, чтобъ не дать имъ сходиться. [5] Застигнутые врасплохъ, иные поплатились жизнію. Всѣ бѣжали, покинувъ свои имущества.

Тарасъ отправилъ къ коронному гетману посольство и требовалъ: уничтожить кураковскую коммисію, ограничивавшую число казаковъ, и выдать казаковъ, приверженцевъ Грицько, убѣжавшихъ отъ войсковаго суда. Что касается до убійства Грицька, то онъ признавалъ это справедливымъ дѣломъ суда. Само собою разумѣется, что коронный гетманъ не могъ принять такихъ условій. Готовясь идти на усмиреніе русскихъ, Конецпольскій послалъ впередъ себя отрядъ подъ начальствомъ Самуила Лаща, короннаго стражника, (т.-е. блюстителя порядка надъ пограничными областями) [6]. По свидѣтельству современника [7], этотъ

[1] Львовск. лѣтоп. Журн. Мин. Нар. Пр. 1838. Апр.
[2] Pamiętn. do panow. Żygm. III. 154.
[3] Львовск. лѣт. ibid.
[4] Рук. И. П.Б. польск. f. № 241.
[5] Pamięt. do pan. Żygm. III. 154.
[6] Рук. И. П. Б. польск. f. № 241.
[7] Lat. Jerl. 50.

панъ не боялся закона, не стыдился людей, наѣзжалъ на шляхетскія имѣнія и домы, разорялъ, умерщвлялъ людей, обрѣзывалъ имъ носы и уши, насильно отдавалъ дѣвицъ и вдовъ за людей своего войска, составленнаго изъ разной сволочи. Его постигли двѣсти тридцать-шесть баннацій и тридцать-семь инфамій за разныя преступленія, но онъ всегда имѣлъ защитника въ Конецпольскомъ, который охранялъ его военными экземптами и такимъ образомъ давалъ потачку его своевольствамъ: кто бы вздумалъ на него искать судомъ, тотъ долженъ былъ отречься жены и дѣтей и спасаться бѣгствомъ. За то онъ былъ набоженъ и для очищенія грѣховъ въ послѣднихъ дняхъ масляницы запирался въ монастырь для духовныхъ упражненій. Этотъ Лащъ на первый день пасхи 1630 (еще какъ кажется до раздѣлки Тараса съ жолнерами подъ Корсуномъ) въ мѣстечкѣ Лисянкѣ вырѣзалъ поголовно все населеніе, не разбирая ни пола, ни возраста; жители искали спасенія въ церкви; жолнеры врывались и туда и перебили всѣхъ безъ разбора. Другой такой же отрядъ перерѣзалъ всѣхъ жителей въ мѣстечкѣ Димерѣ. По дорогамъ жолнеры хватали русскихъ и мучили. Народъ толпами бѣжалъ къ Тарасу и у него набралось нѣсколько десятковъ тысячъ, но это войско, исключая запорожцевъ и реэстровыхъ, не было хорошо вооружено и искусно. Тарасъ переправился съ нимъ на лѣвый берегъ Днѣпра, и думалъ заманить за собою поляковъ, чтобъ потомъ пресѣчь имъ сообщеніе съ правою стороною Днѣпра.

Самуилъ Лащъ, услышавъ о переправѣ казаковъ, прибылъ въ Кіевъ и соединился съ отрядомъ Потоцкаго; они ожидали коронпаго гетмана; съ ними было до двухъ тысячъ реэстровыхъ, не приставшихъ къ Тарасу. Конецпольскій прибылъ только передъ троицынымъ днемъ. Впослѣдствіи, онъ доложилъ сейму, что медленность его происходила оттого, что трудно было достать подводъ и подводчиковъ. Доминикане (вѣроятно кіевскіе), во время литургіи, положили на алтарѣ его саблю, послѣ обѣдни носили ее съ торжествомъ около церкви и поднесли предводителю, чтобы поразить ею поганыхъ схизматиковъ.

Казаки сосредоточили свои силы въ Переяславлѣ. Конецпольскій отправился добывать ихъ. Когда онъ подступилъ къ Переяславлю, Лащъ замѣтилъ, что одинъ казацкій отрядъ пробирается на помощь къ своимъ, и бросился отрѣзать его; казаки, которыхъ было до пятисотъ, дали ему отпоръ; Лащъ, разсудивъ, что не можетъ одолѣть этого отряда, послалъ къ гетману просить помощи; гетманъ самъ, собравъ двѣ тысячи человѣкъ отборнаго войска, поспѣшилъ къ нему на помощь; но казаки убѣжали. Поляки стали ихъ преслѣдовать и отда-

лились отъ своего обоза, а тутъ, какъ будто для приманки, наткнулся на нихъ другой казацкій отрядъ, также шедшій къ Переяславлю; въ немъ было не болѣе двухсотъ человѣкъ. Поляки окружили его. Русскіе бросились въ сарай, и тамъ отчаянно стали защищаться, не отдаваясь врагамъ живыми. Всѣ погибли, кромѣ израненнаго сотника, попавшаго въ неволю отъ изнеможенія силъ. Но въ то время, когда поляки доставляли себѣ удовольствіе истреблять этихъ двѣсти молодцовъ, двое гайдуковъ изъ польскаго лагеря ушли въ Переяславль и донесли Тарасу, что въ польскомъ лагерѣ нѣтъ коронняго гетмана. Казаки высыпали изъ города. Начальство надъ поляками принялъ Потоцкій. Началась жестокая сѣча; двѣ тысячи человѣкъ пало съ обѣихъ сторонъ; казаки успѣли захватить нѣсколько орудій; въ то же время другая часть казацкаго войска стала на перепутьи гетману, и когда Конецпольскій, истребивъ двѣсти человѣкъ и услышавъ гулъ битвы, спѣшилъ къ своему обозу, казаки преградили ему путь и завязали съ нимъ упорную битву. Битва длилась шесть часовъ сряду, и прекратилась потому, что пошелъ сильный дождь, помѣшавшій обѣимъ сторонамъ [1].

По свидѣтельству какъ русскихъ, такъ и польскихъ источниковъ, эта битва стоила полякамъ дорого, такъ что въ одинъ день у Конецпольскаго погибло больше воиновъ, чѣмъ во время всей прусской войны съ Густавомъ-Адольфомъ, продолжавшейся три года [2]. Эта неудача полководца, который показалъ себя лучше въ войнѣ съ знаменитымъ полководцемъ своего времени, чѣмъ съ возставшимъ русскимъ народомъ, зависѣла отъ пренебреженія, какое оказывали поляки къ тому роду войнъ, которыя называли холопьими. Конецпольскій взялъ съ собою противъ Тараса не все свое войско; онъ, между прочимъ, оставилъ на правой сторонѣ Днѣпра одну роту въ окопѣ, другую въ селѣ монастырскомъ; русскіе напали на нихъ и истребили; тогда умертвили они и двадцать кіевскихъ купцовъ, которые везли продовольствіе польскому войску, и сожгли близь Кіева пятьдесятъ байдаковъ и много лодокъ, чтобъ лишить поляковъ возможности прибывать на помощь къ своему коронному гетману.

Конецъ этой войны разсказывается различно. Украинскіе лѣтописцы говорятъ, будто казаки побѣдили поляковъ, а потомъ помирились съ ними. Польскій лѣтописецъ говоритъ, что казаки выдали зачинщиковъ мятежа и присягнули вѣрно

---

[1] Львовск. лѣт. Журн. М. Нар. Пр. 1838. апр.
[2] Pam. do pan. Zygm. III. 1. 154.

служить Рѣчи Посполитой, и повиноваться тому старшему, котораго дастъ имъ коронный гетманъ. Въ своей реляціи [1], поданной на сеймъ, Конецпольскій, подробно разсказывая о началѣ возстанія Тараса, ограничивается нѣсколькими словами объ окончаніи войны: «Нѣсколько недѣль — говоритъ онъ — прошло въ безпрестанныхъ битвахъ, наконецъ, съ божія благословенія казаки увидали свои проступки, просили милосердія, и заключили договоръ на основаніи Кураковскаго». Эта неохота гетмана распространяться о своемъ дѣлѣ показываетъ, что ему не совсѣмъ посчастливилось. Современные великорусскіе собиратели вѣстей въ польскихъ владѣніяхъ слыхали, что лучшіе казаки были тогда съ Конецпольскимъ, и хотя мятежники сначала имѣли успѣхъ, но потомъ смѣнили своего гетмана и признали даннаго имъ другаго, Тимоху Орандаренка [2]. Что Тарасъ дѣйствительно попался полякамъ въ руки и былъ казненъ, подтверждаетъ извѣстіе, которое въ томъ же году польскій посланникъ Пясочинскій въ Константинополѣ сообщилъ о томъ, что гетманъ казацкій съ своею старшиною казнены смертію за то, что осмѣлились нападать на турецкія области [3]. Вѣроятно, возстаніе Тараса не имѣло никакого вліянія на судьбу реэстровыхъ казаковъ: они оставлены были на условіяхъ кураковской коммисіи. Это понятно, когда возстаніе Тараса преимущественно было дѣломъ выписчиковъ, а не реэстровыхъ; изъ послѣднихъ часть (по извѣстію львовской лѣтописи, одна треть всего количества реэстровыхъ) была съ Конецпольскимъ съ самаго начала Тарасова возстанія, а другая, приставши къ выписчикамъ и вмѣстѣ съ ними бывши съ Конецпольскимъ, согласилась отступить отъ своихъ товарищей.

Въ апрѣлѣ 1632 г. скончался король Сигизмундъ III. По польскому обычаю, за смертію короля слѣдовало два сейма: конвокаціонный и элекційный (избирательный). Конвокаціонный былъ всегда важенъ тѣмъ, что на немъ дѣлался обзоръ предъидущаго царствованія и подавались мнѣнія и требованія о разныхъ улучшеніяхъ, которыя должны быть поставлены въ руководство будущему королю.

Тогда остатки православнаго дворянства заявили голосъ въ пользу гонимаго восточнаго исповѣданія. Они потребовали уничтоженія всякихъ постановленій, стѣсняющихъ свободное богослуженіе, всѣхъ привиллегій, выданныхъ однимъ лицамъ во

[1] Рук. имп. П. Б. f. № 241.
[2] Дѣла Арх. Иностр. Дѣлъ.
[3] Pam. do pan. Zygm III. 1. 154.

вредъ другимъ, всѣхъ универсаловъ, мандатовъ, интердиктовъ, запрещающихъ православнымъ строить церкви, имѣть участіе въ магистратахъ, всѣхъ секвестрацій и отдачъ на поруки въ религіозныхъ дѣлахъ, всѣхъ запрещеній на недвижимыя имущества по процессамъ такого свойства, прекращенія силы декретовъ, изданныхъ съ 1596 года въ угоду унитамъ и во вредъ лицамъ, исповѣдующимъ греческую религію, возвращенія полной свободы богослуженія восточной церкви, не только для тѣхъ, которые въ ней твердо пребыли, но и для тѣхъ, которые бы захотѣли возвратиться въ ея лоно отъ уніи, предоставляя это право въ равной степени какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ; должны быть уничтожены всѣ трибунальскіе декреты, изданные въ послѣднихъ годахъ, начиная съ 1627 по 1630 г., клонящіеся къ ограниченію правъ православныхъ относительно свободы богослуженія, крещенія, брака, устройства школъ и типографій, печатанія и чтенія книгъ, не заключающихъ ничего оскорбительнаго противъ короля и Рѣчи Посполитой, чтобъ никто, по такимъ предметамъ не могъ терпѣть безпокойствъ и привлекаемъ къ суду духовному или свѣтскому подъ страхомъ наказаній, и напротивъ, чтобы всякъ, кто сдѣлаетъ насиліе церкви или начнетъ протестъ противъ собраній православныхъ людей, подвергался наказанію, какъ нарушитель общественнаго спокойствія. Требовали, чтобъ за кіевскимъ митрополитомъ было утверждено посвященіе отъ патріарха сообразно древнимъ обычаямъ, чтобы всѣ епархіи, монастыри, коллегіи, типографіи, госпитали съ данными на ихъ содержаніе фондами, присвоенные унитами, возвращены были православію; всѣ церкви, которыя стояли запечатанными, должны быть открыты для православнаго богослуженія; православные должны имѣть право строить вновь церкви даже и въ мѣстностяхъ, принадлежащихъ панамъ римско-католическаго исповѣданія, если тамъ для католиковъ есть уже костёлъ; всѣ метрики и публичные церковные акты, захваченные унитами, слѣдовало возвратить православному духовному вѣдомству и чтобы впередъ, въ случаяхъ ссоръ римскаго духовенства съ греческимъ, дѣло разбиралось не въ Римѣ, а въ трибуналахъ, смѣшаннымъ судомъ; православные ремесленники и купцы въ своихъ занятіяхъ должны имѣть равныя права съ римскими католиками ихъ званія; дворянство православной вѣры не должно быть удаляемо отъ должностей по поводу религіи. Все это должно быть занесено въ присягу будущаго короля. Требовалось, чтобы изъ Вильно и Люблина были удалены іезуитскія коллегіи, потому что людямъ греческой вѣры нѣтъ возмож-

ности приходить въ трибуналъ, когда они тамъ имѣютъ дѣла: еслибъ ихъ было пятьдесятъ человѣкъ — и тогда iезуитскихъ студентовъ наберется до тысячи; отъ iезуитовъ-то повсюду происходитъ безпокойство церквамъ и людямъ греческой вѣры; просили, чтобъ въ Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ было учреждено по одному блюстителю церковныхъ правъ и имуществъ; они по общему довѣрiю могутъ ходатайствовать въ случаѣ несправедливости и насилiй, нанесенныхъ церквамъ и особамъ греческой вѣры; и такъ-какъ каждой особѣ трудно, по дѣламъ, касающимся религiи, имѣть доступъ къ королю, то долженъ быть назначенъ при королевской особѣ одинъ изъ исповѣдующихъ греческую вѣру, который могъ бы охранять передъ нимъ дѣло своей церкви и своихъ единовѣрцевъ. Для бо́льшей крѣпости всего этого, православные домогались, чтобы духовные сенатори за свои дiоцезiи, гетманы за войско и старосты тѣхъ королевскихъ имѣнiй, гдѣ есть послѣдователи греческой религiи—за свои староства, обязаны были присягнуть въ соблюденiи правъ греческой вѣры и исповѣдующихъ ее.

Того же требовали одновременно и диссиденты для себя.

На предложенные пункты паписты отвѣчали, что они соглашаются на все, чего только требуетъ сохраненiе общественнаго спокойствiя, а потому — пусть всѣ некатолики, но правильно думающiе о святой Троицѣ, не испытываютъ никакихъ гоненiй, конфискацiи имѣнiй, тюремныхъ заключенiй; равнымъ образомъ— пусть уничтожатся трибунальскiе декреты, если они противны законамъ; но они не дозволятъ расходящимся съ римскою церковью въ вѣрѣ отправлять богослуженiе въ тѣхъ королевскихъ городахъ, гдѣ до настоящаго времени его не было. Всѣ духовные, будучи пойманы въ преступленiи, должны предаваться духовному суду; тамъ же подвергнутся слѣдствiю, черезъ инквизитора, и министры диссидентовъ въ подобныхъ случаяхъ. Духовные сановники сената подписались подъ этимъ отвѣтомъ въ такой формѣ: Archiepiscopus или episcopus (имя) subscribo salvis iuribus religionis et Ecclesiae catholicae et Regni.

Православные и диссиденты не могли быть довольны такимъ отвѣтомъ и увидѣли въ немъ сильный отпечатокъ iезуитскаго искусства сказать такъ, чтобы потомъ можно было перетолковать сказанное не въ томъ смыслѣ, въ какомъ съ перваго раза могли понять дѣло тѣ, которымъ говорилось. Православные и диссиденты написали на этотъ отвѣтъ реплику, въ которой такимъ образомъ обличали уловки своихъ противниковъ: «очень дивимся нерасположенiю къ себѣ духовныхъ, которые хотятъ тѣ раны, отъ которыхъ страдаемъ мы уже полвѣка, залечивать лекар-

ствами—хуже самыхъ ранъ; притомъ, они отвѣчаютъ на просьбы наши не по пунктамъ, отдѣльно, а на всѣ разомъ, такъ что мы не можемъ разобрать: что̀ мы у нихъ выпросили и въ чемъ они намъ отказали». Диссиденты говорили въ своей репликѣ: «вы, господа духовные, не упоминаете вовсе о дворянствѣ греческой вѣры, но мы не хотимъ вовсе отъ него отдѣляться въ правахъ на свободу совѣсти. Съ другой стороны мы не думаемъ отдѣлять отъ себя и такъ-называемыхъ еретиковъ и считаемъ несправедливымъ выраженіе, что свобода предоставляется тѣмъ, которые думаютъ о святой Троицѣ правильно; такое различіе можно дѣлать только въ кругѣ религіи, а въ кругѣ политической свободы это не допускается. Еслибы мы на это согласились, то потеряли бы наши древнія права и дозволили себѣ нарушать обязательства отцовъ нашихъ, вѣру, честь и совѣсть; тогда бы мы сами подали примѣръ нарушенія того, чего мы домогаемся отъ папистовъ. Допущеніе такого рода различій въ дѣлѣ вѣры повело бы къ инквизиціи: человѣческое коварство найдетъ себѣ лазейку; этакъ древнюю греческую религію обвинять, что она неправильно учитъ о св. Троицѣ, а кто будетъ судьею въ такомъ дѣлѣ, кто будетъ производить слѣдствіе? Каждому не католику придется доказывать, что онъ не еретикъ, чтобъ избѣгнуть преслѣдованія за ересь. Притомъ дѣло ставится такъ, какъ будто католики соглашаются на предоставленіе свободы разновѣрцамъ, единственно на время «*каптуровъ*» (во время междуцарствія утверждались суды, наз. каптуровыми) до восшествія на тронъ новаго короля, ради общественнаго спокойствія, и тѣмъ самымъ не обязываютъ себя ничему продолжительному, незыблемому. «Что это такое? Намъ даютъ охраненіе ради общественнаго спокойствія? Это значитъ только, что насъ не будутъ убивать. Но такимъ охраненіемъ пользуются и хлопы, и корчмари, и всѣ чужеземцы — жиды и татары. Намъ нужно права свободнаго исповѣданія своей религіи, а объ этомъ гг. духовные умышленно отозвались глухо; намъ нужно спокойствія почетнаго, сообразнаго съ нашими шляхетскими правами; да и людямъ другихъ сословій слѣдуетъ дать такое же спокойствіе. Надобно навсегда пресѣчь всякія изгнанія, конфискаціи въ большомъ и маломъ видѣ. О декретахъ также сказано глухо и тоже съ умысломъ такъ выражаются. Намъ говорятъ, что согласны уничтожить силу только такихъ декретовъ, которые противны закону; значитъ, нужно еще толковать: какой декретъ противенъ закону, а какой непротивенъ; и найдутъ, что нѣкоторые изъ нихъ, хотя для насъ тягостные, непротивны за-

кону и оставятъ ихъ во всей силѣ. Запрещеніе явнаго богослуженія въ королевскихъ городахъ, гдѣ его предъ этимъ не было, повлечетъ за собою продолженіе всѣхъ прежнихъ насилій и стѣсненій, а изъятіе духовныхъ отъ свѣтскаго суда приведетъ къ тому, что будутъ освобождать отъ свѣтскаго суда студентовъ и учениковъ шалуновъ, которые, одѣвшись въ платье духовнаго званія, производятъ всякія безчинства. Наконецъ, подпись ихъ милостей сенаторовъ духовнаго сана уничтожаетъ и то, что̀ намъ теперь дастся. Кто дѣлаетъ уступки съ ограниченіями, тотъ — вообще или въ частяхъ — оставляетъ за собою нѣчто изъ того, что̀ будто бы уступаетъ».

Эти энергическія заявленія не измѣнили фанатизма противной стороны, но когда приходилось подписывать каптуръ (то-есть состояніе Рѣчи Посполитой во время безкоролевія до избранія новаго государя), то православные и диссиденты уперлись и не хотѣли ни за что подписывать, пока не получатъ уступокъ въ ихъ религіозномъ дѣлѣ. Послѣ долгихъ споровъ, примасъ Янъ Венжикъ первый уступилъ, а за нимъ и большинство епископовъ: вмѣсто salvis iuribus Catholicae Ecculesiae они подписали свой отвѣтъ на требованія некатоликовъ съ другою оговоркою: salvis iuribus dioecesiae meae. Въ сущности, конечно, это мало измѣняло вопросъ. Православные и диссиденты обратились къ посредству Владислава и, подъ его вліяніемъ, составленъ былъ меморіалъ о примиреніи унитовъ съ неунитами на такихъ условіяхъ: «отдать неунитамъ кіевскую митрополію со всѣми церквами и монастырями, кромѣ Софійскаго собора и Выдубицкаго монастыря, львовскую епархію со всѣми тѣми церквами и монастырями, которые еще не были обращены въ унію, епархіи луцкую и перемышльскую по кончинѣ лицъ, занимавшихъ эти епархіи, архимандритіи печерскую и жидичевскую; въ Литвѣ—двѣ епархіи, пинскую и мстиславскую; объявить свободное богослуженіе въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ, подольскомъ, земляхъ: львовской, галицкой, литичевской; оставить неприкосновенными братства, школы, госпитали, семинаріи съ правомъ заводить ихъ вновь; допускать неунитовъ къ городскимъ должностямъ; дать неунитамъ въ Могилевѣ четыре, въ Оршѣ двѣ церкви, а въ Вильнѣ дозволить достроить церковь св. Духа; прекратить всѣ религіозные процессы, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священникъ принялъ унію, а прихожане не желаютъ ее принимать, церковь отдавать прихожанамъ». Православные не были довольны на этотъ разъ и желали, чтобъ эти уступки, составивъ основаніе на будущее время, послужили началомъ бо̀льшихъ уступокъ, но католики въ посольской избѣ кричали: «гг. неуниты и диссиденты

хотятъ, чтобы въ каптурѣ приговорили обязать новоизбраннаго короля сохранить все это: нѣтъ, не слѣдуетъ принуждать къ этому новаго короля».

Вся это не обѣщало ничего прочнаго. Пока еще существовали въ Польшѣ православные дворяне, можно было, покрайней мѣрѣ, надѣяться, что за православіе будутъ шумѣть и кричать, но съ переходомъ въ папизмъ остальныхъ дворянъ — что̀ неизбѣжно должно было совершиться — православію не было никакого законнаго голоса. На томъ же сеймѣ явились казацкіе послы (Лаврентій Пашковскій, Герасимъ Козка, Дорошъ Кузкевичъ и Ѳедоръ Пухъ) и подали отъ имени гетмана Ивана Петрижицкаго со всѣмъ войскомъ запорожскимъ письмо къ примасу отъ 23-го іюня. Казаки изъявляли сожалѣніе о кончинѣ короля и просили расположить пановъ къ тому, чтобы королевичъ Владиславъ сдѣлался польскимъ королемъ. «Подъ счастливымъ его правленіемъ — писали казаки — мы надѣемся возвращенія и умноженія нарушенныхъ нашихъ правъ и вольностей. Вашему первосвященству довольно извѣстно, какъ равно и всему государству, да и до всѣхъ народовъ дошли слухи о томъ, что мы въ царствованіе покойнаго короля терпѣли большія несправедливости, неслыханныя оскорбленія и находились въ великомъ огорченіи, оттого что униты вступаются въ наши права и вольности, пользуясь покровительствомъ нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, причиняютъ много утѣсненій намъ казакамъ и всему русскому народу: они отняли монастыри съ принадлежащими къ нимъ имуществами, уничтожили святыя церкви, отстранили отъ городскихъ должностей добродѣтельныхъ мѣщанъ и засмутили сельскій народъ: дѣти остаются некрещенными, взрослые сожительствуютъ безъ брачнаго обряда и многіе разстаются съ жизнью, не получивъ передъ смертью святого причащенія. Не вспоминаемъ о другихъ замѣшательствахъ и безпорядкахъ, происходившихъ со времени появленія уніи. Поэтому всенижайше и покорнѣйше просимъ васъ, превелебный во Христѣ отецъ и милостивый панъ, пусть эта новоизмышленная унія со всѣми безпорядками, проистекающими отъ нея, будетъ уничтожена теперь же до коронаціи будущаго государя, а мы, вѣрный и доброжелательный отечеству народъ, будемъ успокоены и удовлетворены; пусть господа униты возвратятъ захваченное ими достояніе тѣмъ, у кого оно находилось прежде, то-есть духовенству нашей греческой церкви, состоящей въ послушаніи у константинопольскаго патріарха, за что мы со всѣмъ народомъ русскимъ желаемъ полагать животъ за цѣлость любезнаго отечества. Если же сохрани Боже сталось бы иначе,

то мы принуждены будемъ искать другихъ мѣръ удовлетворенія, а мы того не желаемъ, будучи увѣрены, что ваше первосвященство, какъ милостивый отецъ и панъ, обратите на это вниманіе».

Просьба эта не понравилась на сеймѣ. Паны находили дерзкимъ то, что казаки осмѣливаются указывать сейму на лицо, которое слѣдуетъ избирать въ короли; еще противнѣе было ревностнымъ католикамъ слушать требованіе объ уничтоженіи уніи. Не меньше того раздражила поляковъ представленная казацкими послами инструкція, въ которой казачество поручало имъ домогаться допущенія казаковъ, какъ рыцарей Рѣчи Посполитой, до избранія новаго короля. Шляхта считала исключительно только себя полноправною въ такомъ важномъ дѣлѣ, и съ негодованіемъ встрѣтила покушеніе нешляхетскаго сословія присвоить и себѣ то, что до сихъ поръ принадлежало одной шляхтѣ. «Казаки называютъ себя членами Рѣчи Посполитой — говорили тогда въ посольской избѣ — правда, они члены, но такіе, какъ ногти и волосы, которые обрѣзываютъ». 17-го іюля примасъ Янъ Венжикъ отправилъ казацкихъ пословъ довольно вѣжливо, но замѣтилъ имъ неумѣстность желанія пользоваться шляхетскимъ правомъ избранія короля, тогда какъ ихъ обязанность повиноваться тому королю, котораго изберетъ шляхта, да не подавать поводовъ къ разрыву съ турецкимъ императоромъ, Крымомъ и другими. Высказавъ имъ на словахъ такое нравоученіе, примасъ вручилъ имъ письменный отвѣтъ за подписомъ своимъ и маршала посольскаго кола Криштофа Радзивилла. Отвѣтъ этотъ былъ такого содержанія: съ Божія благословенія, шляхетское сословіе Рѣчи Посполитой, которому единственно, а не кому либо иному, принадлежитъ избраніе короля, по правамъ и древнимъ обычаямъ, выберетъ такого государя, который будетъ умножать славу, честь и достояніе польской короны, соблюдать вольности каждаго и наградитъ заслуги войскъ Рѣчи Посполитой; тогда сенаторы и чины обоихъ народовъ (польскаго и литовскаго) представятъ королю о вѣрности, преданности и постоянной службѣ запорожскаго войска, дабы король благоволилъ почтить его своею милостью и привлечь благосклонностію къ новымъ услугамъ отечеству, чего требуютъ и теперь паны сенаторы отъ войска запорожскаго. Что касается до греческой религіи, то гг. сенаторы уже снеслись по этому вопросу съ послами воеводствъ и земель короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго, имѣющими право участія въ публичныхъ совѣщаніяхъ. Они съумѣютъ найти вѣрныя средства, ведущія къ успокоенію недоразумѣній и къ удовлетворенію послѣдователей греческой религіи. Богъ дастъ, на будущее

время, при содѣйствіи новаго государя, эти недоразумѣнія совершенно прекратятся, съ соблюденіемъ правъ, присвоенныхъ каждому; къ чему и паны сенаторы съ панами послами обоихъ народовъ не преминутъ съ своей стороны показать старанія, свидѣтельствуя свое доброжелательство старшому на сейчасъ [1] войска запорожскаго и всему войску, желаемъ, чтобы войско запорожское исправляло надлежащую службу, вмѣстѣ съ коронныма войскомъ чинило отпоръ всякимъ непріятельскимъ покушеніямъ и наказывало тѣхъ, которые своими походами на море нарушаютъ миръ съ сосѣдними государствами.

Такой отвѣтъ чрезвычайно не понравился казакамъ, несмотря на его вѣжливый тонъ. Ихъ манили такими обѣщаніями, которыя они уже слышали много разъ и прежде и которыя, какъ они не разъ испытали, никогда не исполнялись. Послы казацкіе, возвратившись изъ Варшавы, навлекли на себя злобу войска: ихъ чуть было не казнили. Впрочемъ, въ это время совершилась какая-то важная перемѣна въ казачествѣ: вмѣсто гетмана Петрижицкаго въ сентябрѣ посланы были на элекційный сеймъ отъ гетмана Андрія Гавриловича новые казацкіе послы: Өедоръ Козминскій, Өедоръ Праличъ и Василій Онушкевичъ.

«Мы никакъ не думали — сказано было въ данной имъ инструкціи — чтобы, послѣ такихъ важныхъ кровавыхъ услугъ, какія мы оказывали во всѣхъ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, охраняя цѣлость отечества, поливая землю своею кровію и устилая ее своими головами, ихъ милости паны, какъ намъ донесли послы наши, прогнѣвались на насъ за то, что мы въ своихъ инструкціяхъ, данныхъ имъ отъ насъ, считая себя членами Рѣчи Посполитой, просили не отдалять насъ отъ участія въ избраніи короля. Если это не нравится ихъ милостямъ— пусть будетъ по ихъ волѣ; надѣемся, что они изберутъ такого государя, который соблюдетъ насъ при нашихъ правахъ, свободѣ и вольностяхъ, пріобрѣтенныхъ нашими предками и утвержденнихъ присягою королей.

«Какъ ни прискорбно для насъ то обстоятельство, что насъ удаляютъ отъ избирательства, но еще прискорбнѣе то, что вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ каждый сеймъ молимъ и слезно просимъ объ успокоеніи, сообразно присягѣ покойныхъ польскихъ королей и послѣдняго короля, нашей древней греческой церкви, находящейся въ послушаніи святѣйшаго константинопольскаго патріарха, и потревоженной новоизмышленными унитами; но насъ водили, откладывали рѣшеніе дѣла отъ сейма до сейма

[1] Т.-е. тому лицу, которое въ то время занимало должность старшаго надъ казаками.

до настоящаго дня, и, наконецъ, на послѣднемъ сеймѣ, предъ отшествіемъ изъ міра сего покойнаго короля, дали обѣщаніе, что его величество усмиритъ тѣхъ, которые произвели смуту между народами, и успокоитъ насъ и нашъ русскій народъ относительно его вольностей и религіи. Еслибъ не кончина его величества, мы надѣялись бы получить утѣшеніе въ нашихъ несчастіяхъ какъ для себя, такъ и для всего русскаго народа. Теперь, когда наступило время и пришелъ случай каждому подавать голосъ и добиваться своихъ правъ, мы внесли нашу покорнѣйшую просьбу ко всѣмъ чинамъ государства на конвокаціонный сеймъ, и слезно просили вашихъ милостей, чтобъ нашъ русскій народъ и наше духовенство не переносили болѣе несправедливостей и обидъ отъ новыхъ и прежде неслыханныхъ унитовъ; но вмѣсто исправленія ошибокъ, въ противность правамъ и привиллегіямъ, которыя нашъ русскій народъ съ своимъ духовенствомъ представилъ его величеству шведскому королю, панамъ-сенаторамъ и панамъ-посламъ. Уличая унитовъ протестаціями и реляціями, мы не были настолько счастливы, чтобъ получить удовлетвореніе нашихъ безпрестанныхъ просьбъ, но еще болѣе почувствовали скорби и страданія оттого, что намъ, обиженнымъ, приказываютъ отказаться отъ своего. Теперь, на нынѣшнемъ элекційномъ сеймѣ, мы поручаемъ нашимъ посламъ слезно просить Рѣчь Посполитую и усильно домогаться, чтобъ нашъ русскій народъ оставался при своихъ правахъ и свободѣ, а наши благовѣрные духовные, находясь при своихъ церквахъ, эпархіяхъ и принадлежащихъ къ нимъ имуществахъ, съ правомъ свободнаго богослуженія, уже болѣе не терпѣли утѣсненій отъ этихъ несносныхъ унитовъ».

Кромѣ этой просьбы о вѣрѣ (сочиненной, очевидно, духовнымъ лицомъ, а не казакомъ), казаки собственно для своего сословія просили исправленій въ дѣлахъ, относящихся до ихъ вольностей, повышенія даваемаго имъ отъ правительства жалованья и опредѣленнаго мѣста для казацкой артиллеріи. Въ заключеніе, они жаловались, что украинные паны, соображаясь съ кураковскою коммисіею, не хотятъ держать на жительствѣ въ своихъ имѣніяхъ казаковъ, но и не допускаютъ ихъ выходить изъ этихъ имѣній, запрещая своимъ подданнымъ покупать у нихъ домы и имущества, и такимъ образомъ приневоливаютъ ихъ самихъ дѣлаться подданными. Предвидя, что никто другой, а Владиславъ, носившій имя, по смерти отца, титулъ шведскаго короля по праву наслѣдства, избранъ будетъ польскимъ королемъ, казаки прислали къ нему съ своими послами письмо, и заявляя надежду и увѣренность имѣть его своимъ

государемъ, заранѣе просили его быть благосклоннымъ и милостивымъ къ казакамъ, которыхъ услуги онъ уже испыталъ. «Если же — было сказано въ казацкомъ посланіи къ нему — сохрани Богъ, кто нибудь будетъ препятствовать вашему величеству получить престолъ отца вашего, то мы обязываемся жертвовать своимъ достояніемъ и жизнію за ваше величество».

Такія выходки казаковъ опять раздражали шляхетство. Маршалъ посольской избы отвѣчалъ казацкимъ посламъ такъ: «вѣдомы намъ ваши рыцарскія дѣянія и услуги, которыя оказывали Рѣчи Посполитой и ваши предки и вы сами. Надѣемся, что и за будущее время вы не утомитесь въ вашей готовности служить отечеству. Но удивительнымъ кажется намъ, что ваши послы, по возвращеніи съ конвокаціи, навлекли на себя такую ненависть и подверглись опасности потерять жизнь». Онъ давалъ казакамъ совѣтъ на будущее время быть осмотрительнѣе и благоразумнѣе, называлъ ихъ послѣднюю инструкцію необычною, а выраженія въ ней неуважительными и оскорбительными для шляхетства. Что касается до просьбъ, съ которыми казаки обратились къ сейму, то маршалъ объявилъ имъ въ общихъ выраженіяхъ, что обо всемъ этомъ на сеймѣ послѣдуетъ разсужденіе въ свое время.

Споръ о религіи между шляхетскими послами сейма возобновился по открытіи элекційнаго сейма. Еще предъ этимъ сеймомъ львовскій архіепископъ Гроховскій, на сеймикѣ въ Брестѣ, подалъ протестацію; нѣкоторыя важныя лица того времени пристали къ нему за одно: Левъ Сапѣга виленскій воевода, троцкій кастелланъ Альбрехтъ-Владиславъ Радзивиллъ, брестскій кастелланъ Масальскій, Александръ-Людовикъ Радзивиллъ, литовскій хорунжій Николай Сапѣга. Протестація ихъ находила постановленія конвокаціоннаго сейма, относительно дизунитовъ и диссидентовъ, несообразными съ честію римско-католической религіи. Самъ составитель протестаціи, львовскій архіепископъ не явился на сеймъ подъ предлогомъ болѣзни, но пустилъ свою интригу въ ходъ, надѣясь, что другіе, опираясь на его протестацію, помѣшаютъ обратиться въ неизмѣнный законъ временному компромису, устроенному конвокаціоннымъ сеймомъ только на время безкоролевья. Это подало поводъ къ живымъ и долгимъ спорамъ. Дѣло православія защищали тогда главнымъ образомъ Кисель, Древинскій и Вороничъ; за унитовъ подвизался Тризна. Диссидентство тогда отдѣлилось отъ православія. По стараніямъ вліятельнаго пана, литовскаго канцлера Радзивилла, диссиденты согласились на устройство депутаціи,

пополамъ изъ диссидентовъ и католиковъ, которая должна была установить правила для свободы диссидентовъ. Диссиденты совѣтовали и православнымъ поступать такъ же, но православные, имѣя въ виду, что, въ такомъ случаѣ, начнутся богословскіе и церковные диспуты, которые ничѣмъ не кончатся, а только пріостановятъ дѣло, не соглашались на депутацію. Наше дѣло — говорилъ Кисель — не богословское, а политическое; идетъ рѣчь не о вѣрѣ, а о мѣрѣ (т.-е. о равноправности)». Паны, подписавшіе протестацію львовскаго архіепископа, прибѣгнули къ извороту иного рода. «Всѣ привиллегіи дизунитамъ — говорили они — давались и утверждались королями, слѣдовательно это дѣло короля, а не дворянства, и потому элекційный сеймъ, будучи безъ короля, не можетъ этимъ заниматься и дѣлать какія-нибудь постановленія; слѣдуетъ отложить это до коронаційнаго сейма». Православные поняли, что это говорилось для того, чтобъ ослабить силу тѣхъ льготъ, какія могло получить православіе отъ короля; тогда всякъ могъ смотрѣть на благопріятныя мѣры въ отношеніи православія отнюдь не такъ, какъ на законоположеніе вольной Рѣчи Посполитой. Древинскій доказывалъ, что права греческой религіи въ Рѣчи Посполитой основываются на ея древности, а не на какихъ-либо королевскихъ привиллегіяхъ. «Дѣйствительно — сказалъ Радзивиллъ — въ дѣлѣ греческой вѣры никакихъ судей быть не можетъ; надобно покончить все братски единодушнымъ признаніемъ свободы. Такъ-какъ православные объявили, что не хотятъ ни о какихъ дѣлахъ ни говорить, ни слушать, пока не уладится дѣло объ ихъ религіи, то, наконецъ, порѣшили на томъ, что неуниты и униты обратятся къ избранному ими посреднику (medium) или третьему лицу, незаинтересованному въ ихъ дѣлѣ. Такимъ третьимъ былъ шведскій король Владиславъ, кандидатъ въ польскіе короли. Выбранные отъ обѣихъ сторонъ — отъ унитовъ и неунитовъ — отправились просить Владислава. Послѣдній, принявъ на себя достоинство третейскаго судьи въ спорѣ между уніею и православіемъ, выбралъ для разсмотрѣнія дѣла двухъ лицъ изъ сената: познанскаго епископа Новодворскаго и бѣльзскаго воеводу Лещинскаго, а изъ рыцарскаго кола четырехъ — Оссолинскаго, Криштофа Радзивилла, Мартина Рея и Дыдинскаго. Эта депутація сдѣлала докладъ, по которому Владиславъ призналъ окончательно законными тѣ уступки, которыя были означены въ меморіалѣ, состоявшемся на конвокаціонномъ сеймѣ. Рѣшеніе Владислава было утверждено избирательнымъ сеймомъ 1-го ноября, къ большой досадѣ католиковъ и папскаго нунція. Дѣлать было не-

чего. Согласившись на третейское рѣшеніе, избирательный сеймъ заранѣе связалъ себѣ руки. Такимъ-то образомъ православные добились легальнаго признанія своей религіи.

По избраніи Владислава, новый король далъ православнымъ дипломъ, въ которомъ ясно и опредѣленно, и притомъ съ новыми расширеніями, высказана была свобода православнаго исповѣданія. Каждому дозволено было переходить изъ православія въ унію, а изъ уніи въ православіе; православнымъ предоставлялось право избирать митрополита, посвящаемаго константинопольскимъ патріархомъ; луцкая епархія отдавалась православному епископу немедленно, а перемышльская и львовская по смерти или послѣ перемѣщенія уніатскаго епископа; въ Литвѣ учреждалась епархія мстиславская, оршанская и могилевская; всѣ процессы о вѣрѣ прекращались; сверхъ уступленнаго по меморіалу православнымъ, кіевскому православному митрополиту отдавался и Софійскій соборъ [1].

Н. Костомаровъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

[1] Рук. Имп. публ. библ. польск. №№ 25, 27, 93.; разнояз. f. № 28.

* *
*

Вышелъ срокъ тюремный, —
По горамъ броди;
Со штыкомъ солдата
Нѣтъ ужь позади.

Воли больше; что же
Стѣны этихъ горъ
Пуще стѣнъ тюремныхъ
Мнѣ тѣснятъ просторъ?

Тамъ подъ темнымъ сводомъ
Тяжело дышать,
Сердце уставало
Биться и желать.

Здѣсь, надъ головою,
Подъ лазурный сводъ
Жаворонокъ вьется
И поетъ, зоветъ.

Мих. М—въ.

РАЗСКАЗЫ ЭДГАРА ПОЭ *.

1. Колодезь и маятникъ.

Меня всего сломила — сокрушила эта долгая агонія; и когда, наконецъ, они меня развязали и позволили сѣсть, то я почувствовалъ, что теряю сознаніе. Послѣдняя фраза, коснувшаяся моего слуха, былъ приговоръ: — страшный смертный приговоръ, послѣ котораго голоса инквизиторовъ какъ будто слились въ неясномъ жужжаніи. Этотъ звукъ напоминалъ мнѣ почему-то идею круговаго движенія — можетъ быть оттого, что въ моемъ воображеніи я сравнивалъ его съ звукомъ мельничнаго колеса; но это продолжалось недолго. Вдругъ мнѣ больше ничего не стало слышно; но за то, я еще нѣсколько времени продолжалъ видѣть — и какъ преувеличено было то, что̀ я видѣлъ! Мнѣ представлялись губы судей: онѣ были совсѣмъ бѣлыя, бѣлѣе листа, на которомъ я пишу эти строки, и тонки до невѣроятности. Еще тоньше казались онѣ отъ жесткаго, непреклоннаго выраженія рѣшимости и строгаго презрѣнія къ человѣческимъ страданіямъ. Я видѣлъ, какъ эти губы произносили приговоръ моей судьбы: онѣ шевелились, слагая смертную фразу, въ которой я различалъ буквы моего имени, и я содрогался, чувствуя что за ихъ движеніемъ не слѣдовало никакого звука.

Я видѣлъ также, впродолженіе нѣсколькихъ минутъ томительнаго ужаса, тихое и едва замѣтное колебаніе черныхъ драпировокъ, облекавшихъ стѣны залы; потомъ взглядъ мой упалъ на семь большихъ подсвѣчниковъ, поставленныхъ на столѣ. Сначала они представились мнѣ какъ образъ Милосердія, по-

* Предлагаемые разсказы, принадлежащіе перу извѣстнаго американскаго писателя Эдгара Поэ (Edgard Poe) и впервые появляющіеся въ переводѣ, отличаются тѣми же достоинствами, какъ и другія его произведенія, уже извѣстныя русской публикѣ.

добно бѣлымъ и стройнымъ ангеламъ, которые должны были спасти меня, но вдругъ смертельная тоска охватила мою душу и каждая фибра моего существа встрепенулась какъ бы отъ прикосновенія вольтова столба, — формы ангеловъ превратились въ привидѣнія съ огненными головами, и я почувствовалъ, что отъ нихъ мнѣ нечего надѣяться помощи. Тогда, въ умѣ моемъ проскользнула, какъ богатая музыкальная нота, мысль о сладкомъ покоѣ, который ждетъ насъ въ могилѣ. Мысль эта мерцала во мнѣ слабо и будто украдкой, такъ что я долго не могъ сознать ее вполнѣ; но въ ту минуту, какъ мой умъ началъ оцѣнять и лелѣять ее, фигуры судей внезапно исчезли, большіе подсвѣчники потухли, наступила непроглядная тьма, и всѣ мои ощущенія слились въ одно, какъ будто душа моя вдругъ нырнула въ какую-то бездонную глубь. Вселенная превратилась въ ночь, безмолвіе и неподвижность.

Я былъ въ обморокѣ, но не могу сказать, чтобъ лишился всякаго сознанія. То, что̀ мнѣ оставалось отъ этого сознанія, я не стану даже пробовать опредѣлять или описывать, — но я знаю, что не все еще меня покинуло. Въ глубочайшемъ снѣ,— нѣтъ! Въ бреду, — нѣтъ! Въ обморокѣ, — нѣтъ! Въ смерти, — нѣтъ! Даже въ самой могилѣ не все покидаетъ человѣка: иначе для него не было бы безсмертія. Пробуждаясь отъ глубокаго сна, мы непремѣнно разрываемъ сѣть какаго нибудь сновидѣнія, хотя, секунду спустя, можетъ быть, уже и не помнимъ этого сновидѣнія. При возвращеніи отъ обморока къ жизни, бываютъ двѣ степени: въ первой мы ощущаемъ существованіе нравственное, во второй — существованіе физическое. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что еслибъ, дойдя до второй степени, можно было вызвать всѣ ощущенія первой степени, то мы бы нашли въ ней всѣ краснорѣчивыя воспоминанія бездны неосязаемаго міра. А что такое эта бездна? Какъ отличимъ мы ея тѣни отъ тѣней смерти? И если впечатлѣнія того, что̀ я назвалъ первой степенью, не возвращаются по призыву нашей воли, то развѣ не бываетъ, что послѣ долгаго промежутка, онѣ являются неожиданно сами собою, и мы тогда изумляемся, откуда могли онѣ взяться? Тотъ, кому никогда не случалось быть въ обморокѣ, не знаетъ, какіе, въ это время, представляются, посреди клубовъ пламени, дворцы и страннознакомыя лица; тотъ не видалъ, какія носятся въ воздухѣ меланхолическія видѣнія, недоступныя простому взгляду; тотъ не вдыхалъ запаха неизвѣстныхъ цвѣтовъ, не слѣдилъ за звуками таинственной мелодіи, прежде никогда имъ не слышанной.

Посреди моихъ повторяемыхъ и энергическихъ усилій уло-

вить какой нибудь слѣдъ сознанія въ томъ состояніи ничтожества, въ которомъ находилась душа моя, выдавались по временамъ минуты, когда мнѣ казалось, что я успѣваю въ этомъ. Въ эти короткія минуты мнѣ представлялись такія воспоминанія, которыя, очевидно, могли относиться только къ тому состоянію, когда сознаніе было во мнѣ, повидимому, уничтожено.

Эти тѣни воспоминанія рисовали мнѣ очень неясно какія-то большія фигуры, которыя поднимали меня и безмолвно несли меня внизъ... потомъ еще ниже, и все ниже и ниже, — до тѣхъ поръ, пока мною овладѣло страшное головокруженіе при мысли о безконечномъ нисхожденіи. Помнился мнѣ также какой-то неопредѣленный ужасъ, леденящій сердце, хотя оно было, въ то время, сверхъестественно спокойно. Потомъ все стало недвижно, какъ будто тѣ, которые несли меня, перешли въ своемъ нисхожденіи за границы безграничнаго и остановились, подавленные безконечной скукой своего дѣла. Послѣ того, душа моя припоминаетъ ощущеніе сырости и темноты, и потомъ все сливается въ какое-то безуміе, — безуміе памяти, ненаходящей выхода изъ безобразнаго круга.

Внезапно звукъ и движеніе возвратились въ мою душу — сердце безпокойно забилось и въ ушахъ моихъ отдавался гулъ его біенія. Затѣмъ пауза — и все опять исчезло. Потомъ снова звукъ, движеніе и осязаніе какъ будто пронизали все мое существо, и за этимъ послѣдовало простое сознаніе существованія безъ всякой мысли. Такое положеніе длилось долго. Потомъ чрезвычайно внезапно, явилась *мысль*, нервическій ужасъ и энергическое усиліе понять, въ какомъ я нахожусь состояніи. Потомъ пламенное желаніе снова впасть въ безчувственность и наконецъ, быстрое пробужденіе души и попытка къ движенію. Тогда явилось полное воспоминаніе о процессѣ, о черныхъ драпировкахъ, о приговорѣ, о моей слабости, о моемъ обморокѣ; — о томъ же, что̀ было дальше, я забылъ совершенно и только впослѣдствіи съ величайшими усиліями достигъ того, что вспомнилъ объ немъ, но и то въ неясныхъ чертахъ.

До этой минуты, я не открывалъ глазъ; я чувствовалъ только, что лежу на спинѣ и не связанный. Я протянулъ руку и она тяжело упала на что-то сырое и жесткое; я такъ и оставилъ ее на нѣсколько минутъ, ломая себѣ голову, чтобъ угадать, гдѣ я нахожусь и *что̀ со мной сталось*. Мнѣ очень хотѣлось осмотрѣться кругомъ, но я не рѣшался: не потому, чтобъ боялся увидать что нибудь страшное, но меня ужасала мысль, что я вовсе ничего не увижу. Наконецъ, съ сильнымъ замираніемъ

сердца, я быстро открылъ глаза и мое ужасное опасеніе подтвердилось: меня окружала тьма ночи.

Я съ усиліемъ вдохнулъ воздухъ, потому что мнѣ казалось, что густота мрака давитъ и душитъ меня — до того тяжела была атмосфера. Продолжая спокойно лежать на спинѣ, я началъ напрягать всѣ силы моего разсудка, чтобъ припомнить обычаи инквизиціи и понять мое настоящее положеніе. Надо мною былъ произнесенъ смертный приговоръ, и съ тѣхъ поръ, кажется, прошло довольно долго времени, но мнѣ ни на минуту не пришла въ голову мысль, что я уже умеръ. Подобная идея, вопреки всѣмъ литературнымъ фикціямъ, совершенно несовмѣстна съ дѣйствительнымъ существованіемъ; — но гдѣ же я былъ, и въ какомъ состояніи? Я зналъ, что приговоренные къ смерти умирали обыкновенно на аутодафе, и даже въ самый вечеръ моего суда была отпразднована одна изъ этихъ церемоній. Привели ли меня опять въ мою темницу, чтобъ ожидать тамъ слѣдующаго аутодафе, которое должно совершиться чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ?... Я тотчасъ понялъ, что этого быть не могло, потому что всѣ жертвы были вытребованы разомъ; притомъ же въ моей первой темницѣ, такъ какъ и въ кельяхъ всѣхъ толедскихъ узниковъ, полъ былъ вымощенъ камнемъ, и свѣтъ не былъ изъ нея совершенно исключенъ.

Вдругъ ужасная мысль пришла мнѣ въ голову и вся кровь моя бурнымъ потокомъ прилила къ сердцу; — на нѣсколько минутъ я снова впалъ въ безпамятство. Придя въ себя, я разомъ вскочилъ на ноги, содрогаясь каждой фиброй моего существа, и началъ ощупывать руками вокругъ себя и надъ собою, во всѣхъ направленіяхъ. Хотя ничего не попадалось мнѣ подъ руку, но я боялся сдѣлать шагъ, чтобъ не удариться о стѣны моей гробницы. Потъ выступилъ изъ всѣхъ моихъ поръ и холодными каплями застылъ у меня на лбу; агонія неизвѣстности сдѣлалась наконецъ невыносима, и я осторожно двинулся съ мѣста, вытянувъ руки впередъ и расширяя глаза, въ надеждѣ уловить откуда нибудь лучъ свѣта. Такъ сдѣлалъ я нѣсколько шаговъ, но все кругомъ было темно и пусто, и вздохнулъ свободнѣе. Мнѣ показалось очевиднымъ, что еще не самая страшная участь мнѣ суждена.

Пока я продолжалъ осторожно подвигаться впередъ, всѣ безчисленные, неясные слухи объ ужасахъ толедскихъ темницъ начали приходить мнѣ на память. Странныя вещи разсказывали объ этихъ темницахъ, — я всегда считалъ ихъ за басни, — но тѣмъ не менѣе онѣ были такъ страшны и таинственны, что о нихъ говорилось не иначе какъ шепотомъ. Долженъ ли я былъ

умереть съ голоду въ этомъ подземномъ мірѣ мрака, или меня ожидала еще ужаснѣйшая казнь?... Что въ результатѣ должна была быть смерть, и смерть горькая — въ этомъ я не сомнѣвался: я слишкомъ хорошо зналъ характеръ моихъ судей. Весь вопросъ, мучившій и занимавшій меня, состоялъ только въ томъ, какого рода и въ какое время воспослѣдуетъ эта смерть.

Наконецъ мои протянутыя руки встрѣтили твердое препятствіе: это была стѣна, повидимому сложенная изъ камней, — очень гладкая, сырая и холодная. Я пошелъ вдоль ея, ступая съ недовѣрчивостью по полу, при воспоминаніи о нѣкоторыхъ разсказахъ. Однакожъ такимъ способомъ никакъ нельзя было опредѣлить размѣръ моей темницы, потому что я могъ обойти кругомъ ея и возвратиться на прежнее мѣсто, не замѣчая этого, такъ-какъ стѣна была вездѣ ровная. Съ этой мыслью, я началъ искать ножика, который былъ у меня въ карманѣ, когда меня повели къ суду; но его уже не было и моя прежняя одежда была замѣнена платьемъ изъ грубой саржи. Я было-хотѣлъ засунуть остріе ножа въ какую нибудь расщелину стѣны, чтобъ обозначить мѣсто, отъ котораго отправлюсь. Это было не трудно сдѣлать и другимъ способомъ, но въ безпорядкѣ моихъ мыслей мнѣ показалось, что это непреодолимая трудность.

Я оторвалъ отъ моего платья кромку и положилъ ее на землю во всю длину, прямымъ угломъ отъ стѣны. Обходя ощупью мою темницу, я долженъ былъ непремѣнно наткнуться опять на этотъ лоскутъ, когда окончу кругъ. По крайней мѣрѣ я такъ думалъ, не взявши въ разсчетъ размѣра темницы и моей слабости. Полъ былъ сырой и скользкій; нѣсколько времени я шелъ на немъ спотыкаясь, потомъ поскользнулся и упалъ. Отъ чрезвычайной усталости, мнѣ не хотѣлось вставать и, оставшись въ лежачемъ положеніи, я заснулъ.

Проснувшись и протянувъ руку, я нашелъ возлѣ себя хлѣбъ и кружку воды. Умъ мой былъ слишкомъ утомленъ, чтобъ размышлять объ этомъ обстоятельствѣ, и я началъ ѣсть и пить съ жадностью. Спустя нѣсколько времени, я опять принялся за свое путешествіе вокругъ тюрьмы и, съ большимъ трудомъ, дошелъ наконецъ до куска саржи. Въ ту минуту, какъ я упалъ, я насчиталъ уже 52 шага, а въ этотъ второй разъ еще 48 шаговъ. Слѣдовательно все вмѣстѣ составляло сто шаговъ, и считая два шага за ярдъ, я предположилъ, что темница имѣетъ пятьдесятъ ярдовъ въ окружности. Впрочемъ, я попадалъ на много угловъ въ стѣнѣ, такъ что никакъ не могъ опредѣлить форму склепа; — потому что я все не могъ удержаться отъ мысли, что это склепъ.

Меня не особенно интересовали эти открытія; я отъ нихъ ничего не надѣялся, но какое-то неопредѣленное любопытство побуждало меня продолжать ихъ. Оставивши стѣну, я рѣшился пройти въ пространство по прямой линіи; сначала я подвигался съ чрезвычайной осторожностью, потому что почва была невѣрная и скользкая, но наконецъ ободрился и пошелъ съ увѣренностью впередъ. Пройдя десять или двѣнадцать шаговъ, я зацѣпился ногой за остатокъ оборванной кромки моего платья и упалъ со всего размаху лицомъ внизъ.

Растерявшись отъ паденія, я не вдругъ замѣтилъ довольно удивительное обстоятельство, привлекшее мое вниманіе нѣсколько секундъ спустя. Вотъ что̀ это было: подбородокъ мой упирался въ полъ темницы, а губы и верхняя часть головы, хотя опущенныя еще ниже подбородка, не дотрогивались ни до чего. Въ то же время мнѣ показалось, что какой-то сырой паръ и запахъ грибовъ поднимается ко мнѣ снизу. Я началъ щупать вокругъ себя и вздрогнулъ, догадавшись что упалъ на самый край кругообразнаго колодца, котораго величину мнѣ невозможно было опредѣлить въ эту минуту. Ощупывая его края, мнѣ удалось отдѣлить отъ нихъ небольшой кусочекъ камня и я бросилъ его въ пропасть, прислушиваясь къ его рикошетамъ; въ своемъ паденіи, онъ ударялся о края колодца и наконецъ погрузился въ воду, съ звукомъ, который повторило эхо. Въ эту минуту, надъ головой моей послышался шумъ, какъ будто отворилась и тотчасъ же затворилась дверь, и слабый лучъ свѣта, внезапно прорѣзавъ темноту, такъ же внезапно исчезъ.

Я ясно увидѣлъ, какая участь была мнѣ приготовлена, и обрадовался, что случай спасъ меня отъ нея. Сдѣлай я еще шагъ, и не видать бы мнѣ больше свѣта! Эта избѣгнутая мною смерть имѣла именно тотъ характеръ, который я считалъ баснословнымъ и нелѣпымъ въ разсказахъ объ инквизиціи. Ея жертвы всегда обрекались на смерть или съ жесточайшими физическими мученіями, или со всѣми ужасами нравственной пытки. Мнѣ суждена была эта послѣдняя: нервы мои были до того разстроены долгими страданіями, что я вздрагивалъ при звукѣ собственнаго голоса и сдѣлался во всякомъ отношеніи отличнымъ субъектомъ для того рода пытки, которая меня ожидала. Дрожа всѣми членами, я ощупью отступилъ снова къ стѣнѣ, рѣшившись лучше умереть тамъ, чѣмъ подвергнуться ужасамъ колодцевъ, которыхъ воображеніе мое представляло нѣсколько во мракѣ моей темницы. При другомъ настроеніи ума, я бы имѣлъ мужество покончить разомъ со всѣми этими

муками, кинувшись въ зіяющую пропасть, но теперь я былъ совершенный трусъ. При томъ же мнѣ невозможно было забыть то, что̀ я читалъ объ этихъ колодцахъ, а именно: — что противъ *внезапнаго* уничтоженія жизни были приняты тамъ самыя тщательныя предосторожности, тѣмъ самымъ адскимъ геніемъ, который изобрѣлъ весь этотъ планъ.

Отъ сильнаго волненія, я не могъ спать нѣсколько часовъ, но наконецъ снова заснулъ. Проснувшись, я опять нашелъ возлѣ себя хлѣбъ и кружку воды. Жажда сжигала меня и я разомъ опорожнилъ кружку. Вѣроятно въ воду было что нибудь подсыпано, потому что едва я ее выпилъ, какъ тотчасъ заснулъ глубочайшимъ сномъ, подобнымъ сну смерти. Сколько времени онъ продолжался, я не знаю, но когда я открылъ глаза, предметы вокругъ меня были видимы. Благодаря какому-то странному сѣрому свѣту, неизвѣстно откуда исходящему, я могъ видѣть все пространство моей темницы.

Я очень ошибся въ ея размѣрѣ; стѣны не могли имѣть больше двадцати-пяти ярдовъ въ окружности, и на нѣсколько минутъ это открытіе чрезвычайно меня смутило, — хотя, по правдѣ сказать, смущаться было нечѣмъ, потому что, при ужасныхъ обстоятельствахъ, окружавшихъ меня, что̀ могла значить бо̀льшая или мѐньшая величина темницы? Но душа моя странно привязывалась къ этимъ мелочамъ и я старался отдать себѣ отчетъ, почему могъ ошибиться въ моемъ измѣреніи. Наконецъ истина блеснула мнѣ какъ молнія. Въ первой моей попыткѣ обойти темницу, я отсчиталъ пятьдесять-два шага до той минуты, когда упалъ; я долженъ былъ быть въ это время шагахъ въ двухъ отъ лоскутка саржи; потому что уже обошелъ почти всю стѣну кругомъ. Но тутъ я заснулъ и, проснувшись, вѣроятно пошелъ назадъ и такимъ образомъ сдѣлалъ двойной обходъ. Безпорядокъ въ мысляхъ препятствовалъ мнѣ замѣтить, что въ началѣ обхода стѣна была у меня по лѣвую руку, а при концѣ, она очутилась по правую.

Я также ошибся относительно формы зданія. Идя ощупью, я попадалъ руками на много угловъ, и оттого мнѣ казалось, что постройка стѣнъ очень неправильна. Вотъ что̀ значитъ дѣйствіе совершенной темноты на человѣка, пробуждающагося отъ обморока или сна! Эти углы просто были легкія неровности въ стѣнѣ; общая же форма темницы была четвероугольная. То, что̀ я принялъ за камни, оказалось теперь плитами желѣза или другаго какого металла, которыго спайки и составляли неровности. Вся поверхность этой металлической постройки была грубо испачкана всѣми отвратительными и

безобразными эмблемами, порожденными суевѣріемъ монаховъ. Фигуры демоновъ съ угрожающими лицами, формы скелетовъ и другія, тому подобныя изображенія оскверняли стѣны на всемъ ихъ протяженіи. Я замѣтилъ, что контуры этихъ чудовищъ достаточно явственны, тогда какъ краски попортились и слиняли какъ будто отъ дѣйствія сырой атмосферы. Тутъ я разглядѣлъ также, что полъ выложенъ камнемъ: посреди его зіялъ кругообразный колодезь, котораго я избѣгнулъ, и кромѣ его не было другаго въ темницѣ.

Все это я видѣлъ неясно и съ нѣкоторымъ усиліемъ, потому что мое физическое положеніе странно измѣнилось во время моего сна. Теперь я лежалъ во весь ростъ на спинѣ на чемъ-то въ родѣ деревянной низкой скамьи, къ которой я былъ крѣпко привязанъ длинной тесьмой, похожей на ремень. Она нѣсколько разъ обвивалась вокругъ всего тѣла, оставляя свободными только голову и лѣвую руку, такъ что я лишь съ усиліемъ могъ доставать пищу, поставленную возлѣ меня на полу въ глиняномъ блюдѣ. Я замѣтилъ съ ужасомъ, что кружки не было, а между тѣмъ меня пожирала невыносимая жажда. Казалось, что довести эту жажду до послѣднихъ предѣловъ входило въ планъ моихъ палачей, потому что мясо, находившееся въ блюдѣ, было изобильно приправлено пряностями.

Я поднялъ глаза и сталъ разсматривать потолокъ. Онъ былъ отъ меня на высотѣ тридцати или сорока футовъ, и походилъ устройствомъ на стѣны. Въ одной изъ его плитъ странная фигура привлекла мое вниманіе. Это было нарисованное изображеніе времени, какъ его обыкновенно представляютъ, только съ той разницей, что вмѣсто косы, оно держало предметъ, который я принялъ съ перваго взгляда за огромные нарисованные часы. Было, однако, въ формѣ этого предмета что̀-то такое, что̀ заставило меня вглядѣться въ него съ большимъ вниманіемъ, и пока я смотрѣлъ на него поднявъ глаза, такъ-какъ онъ находился прямо надо мною, мнѣ показалось, что онъ шевелится. Минуту спустя, эта мысль подтвердилась: внизу часовъ качался маятникъ короткимъ и медленнымъ движеніемъ. Наконецъ, утомившись слѣдить за его однообразнымъ движеніемъ, я обратилъ взоръ на другіе предметы моей кельи. Легкій шумъ привлекъ мое вниманіе, и, взглянувъ на полъ, я увидѣлъ, что по немъ ходятъ огромныя крысы. Онѣ вышли изъ колодца, который былъ видѣнъ мнѣ по правую руку, и въ ту минуту, какъ я смотрѣлъ на него, крысы стали кучами выскакивать оттуда, привлеченныя запахомъ мяса. Съ большимъ трудомъ я могъ отогнать ихъ отъ моей пищи.

Прошло съ полчаса, а можетъ быть, и съ часъ—потому что я не могъ ясно опредѣлить времени — когда я снова поднялъ глаза кверху. То, что̀ я тамъ увидѣлъ, привело меня въ недоумѣніе и изумленіе. Размѣръ маятника увеличился почти на цѣлый ярдъ, и движеніе его стало быстрѣе. Но что̀ меня больше всего смутило, такъ это то, что онъ видимо опустился. Тогда я разглядѣлъ — не стану описывать, съ какимъ ужасомъ — что нижняя его оконечность состояла изъ блестящаго стальнаго полумѣсяца, имѣвшаго около фута длины отъ одного рога до другаго; рога были направлены кверху, а нижняя округлость очевидно была наточена, какъ бритва. Онъ казался такъ же тяжелъ и массивенъ, какъ бритва, утолщаясь кверху своимъ широкимъ концомъ, и былъ прикрѣпленъ къ тяжелому мѣдному пруту, на которомъ раскачивался со свистомъ.

Я не могъ болѣе сомнѣваться въ участи, приготовленной мнѣ изобрѣтательностью монаховъ. Агенты инквизиціи угадали, что я открылъ колодезь — *колодезь*, вполнѣ достойную кару для такого еретика, какъ я... Я совершенно случайно избѣжалъ паденія въ него, но, въ то же время зналъ, что искусство дѣлать изъ казни западню и сюрпризъ для осужденнаго, составляетъ важную отрасль всей этой фантастической системы тайныхъ экзекуцій. Такъ-какъ мое нечаянное паденіе не удалось, то въ планъ этихъ демоновъ вовсе не входило бросить меня туда насильно: слѣдовательно, я былъ обреченъ—на этотъ разъ уже непремѣнно—на другую, болѣе пріятную смерть... Болѣе пріятную! Посреди моей агоніи я улыбнулся, когда мнѣ пришло на умъ это странное слово.

Къ чему послужитъ разсказывать тѣ долгіе, долгіе часы ужаса, впродолженіе которыхъ я считалъ звучащія движенія стали? Она опускалась дюймъ за дюймомъ, линія за линіей, такъ постепенно и незамѣтно, что это можно было замѣтить только послѣ долгихъ промежутковъ времени, казавшихся мнѣ вѣками. Все опускалась ниже — все ниже!... Протекли цѣлые дни—можетъ быть, даже много дней—прежде чѣмъ маятникъ началъ качаться отъ меня достаточно близко, чтобъ я могъ чувствовать движеніе разсѣкаемаго имъ воздуха. Запахъ наточенной стали входилъ въ мои ноздри. Я молилъ небо — молилъ неустанно, — чтобъ сталь поскорѣе опускалась. Я помѣшался, я обезумѣлъ, и силился подняться на встрѣчу этому движущемуся мечу. Потомъ, внезапно, глубочайшее спокойствіе снизошло въ мою душу, и я легъ неподвижно, улыбаясь этой сверкающей смерти, какъ ребенокъ дорогой игрушкѣ.

Опять настала минута полнаго безпамятства, хотя на весьма короткое время, потому что придя въ себя, я не нашелъ, чтобъ маятникъ замѣтно опустился. Однако, это время могло быть и долгое, потому что я зналъ, что вокругъ меня были демоны, которые подмѣтили мой обморокъ и могли остановить движеніе маятника по своей волѣ. Опомнившись совершенно, я почувствовалъ невыразимую, болѣзненную слабость, какъ будто отъ долгаго голода. Даже посреди настоящихъ мукъ, природа требовала пищи. Съ тяжелымъ усиліемъ я протянулъ мою лѣвую руку, на сколько позволяли мои узы, и досталъ небольшой остатокъ мяса, оставленный крысами. Пока я подносилъ его ко рту, въ умѣ моемъ мелькнула какая-то безсознательная мысль радости и надежды. Повидимому, что̀ могло быть общаго между *мною* и надеждой? Но я повторяю, что эта мысль была безсознательная, — человѣку часто приходятъ такія мысли безъ формы. Я чувствовалъ только, что это была мысль радости и надежды, но она угасла почти въ ту же минуту, какъ родилась. Напрасно я старался опять вызвать, уловить ее: мои долгія страданія почти уничтожили во мнѣ всѣ умственныя способности. Я былъ безумный, идіотъ.

Движеніе маятника происходило въ прямой линіи надо мной, и я замѣтилъ, что полумѣсяцъ былъ направленъ такъ, чтобъ пройти сквозь полость сердца. Онъ сначала только задѣнетъ саржу моего платья, потомъ возвратится и прорѣжетъ ее, и потомъ опять, и опять. Несмотря на огромное пространство кривой линіи, описываемой имъ (около тридцати футовъ), и на силу его взмаховъ, которые могли бы прорѣзать самыя стѣны, онъ не могъ, впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, сдѣлать ничего другаго, какъ только задѣть и прорвать мое платье. На этой мысли я остановился; далѣе я не смѣлъ идти. Съ упрямымъ вниманіемъ я налегъ на одну эту мысль, какъ будто этимъ могъ остановить опусканіе стали. Я размышлялъ о томъ, какой звукъ произведетъ полумѣсяцъ, проходя по моему платью, и какое ощущеніе произведетъ на мои нервы треніе саржи о мое тѣло. Я до тѣхъ поръ углублялся въ это, пока у меня въ зубахъ начался зудъ.

Ниже, — еще ниже — онъ все скользилъ ниже. Я сравнивалъ быстроту его раскачиванія съ быстротой нисхожденія, и это доставляло мнѣ ѣдкое удовольствіе. Направо — налѣво, и потомъ онъ высоко взмахивался, и опять возвращался со скрипомъ и визгомъ, и подкрадывался къ самому моему сердцу увертливо и тайкомъ, какъ тигръ! Я попеременно смѣялся и

стоналъ, по мѣрѣ того, какъ мнѣ приходили эти различныя мысли.

Ниже! — неизмѣнно, безжалостно ниже! Онъ звучалъ на разстояніи трехъ дюймовъ отъ моей груди. Я усиливался съ бѣшенствомъ освободить мою лѣвую руку: она была не связана только отъ локтя до кисти. Я могъ доставать ею до блюда, стоявшаго возлѣ меня, и подносить ко рту пищу—больше ничего. Еслибъ я могъ разорвать тесьму, связывающую локоть, я бы схватилъ маятникъ и попробовалъ остановить его. Это было почти то же, что остановить катящуюся лавину!

Все ниже!... непрестанно, неизбѣжно все ниже! Я удерживалъ дыханіе, и метался при каждой вибраціи; судорожно съеживался при каждомъ взмахѣ. Глаза мои слѣдили за его восходящимъ и нисходящимъ полетомъ съ безумнымъ отчаяніемъ, и спазмодически закрывались въ ту минуту, какъ онъ опускался. Какой отрадой была бы смерть — о, какой невыразимой отрадой! И, однако, я дрожалъ всѣми членами при мысли, что машинѣ достаточно спуститься на линію, чтобъ коснуться моей груди этой острой, блестящей сѣкирой... Я дрожалъ отъ *надежды:* это она заставляла такъ трепетать всѣ мои нервы и все существо мое — та *надежда*, которая прорывается даже на эшафотъ и нашептываетъ на ухо приговореннымъ къ смерти, даже въ тюрьмахъ инквизиціи!

Я увидѣлъ, что десять или двѣнадцать взмаховъ приведутъ сталь въ соприкосновеніе съ моей одеждой, и, вмѣстѣ съ этимъ убѣжденіемъ, въ моемъ умѣ водворилось сосредоточенное спокойствіе отчаянія. Въ первый разъ, послѣ стольких часовъ и, можетъ быть, дней, я сталъ думать. Мнѣ пришло на мысль, что бандажи или ремни, которые меня стягивали, были изъ одного куска, обвивавшаго все мое тѣло. Первый надрѣзъ полумѣсяца, въ какую бы часть ремня онъ ни попалъ, долженъ былъ ослабить его на столько, чтобъ позволить моей лѣвой рукѣ распутать его. Но какъ ужасна становилась въ этомъ случаѣ близость стали! Самое легкое движеніе могло быть смертельно! Да и притомъ вѣроятно ли, чтобъ палачи не предвидѣли и не приняли мѣръ противъ этой возможности? Точно ли бандажъ прикрываетъ мою грудь въ томъ мѣстѣ, на которое долженъ опуститься маятникъ? Трепеща лишиться послѣдней надежды, я приподнялъ голову, чтобъ взглянуть на свою грудь. Ремень туго обвивалъ мои члены во всѣхъ направленіяхъ, *исключая только того мѣста, которое приходилось по дорогѣ смертоносному полумѣсяцу.*

Едва голова моя снова приняла прежнее положеніе, какъ

почувствовалъ, что въ умѣ моемъ блеснуло что-то, чего я не умѣю назвать иначе, какъ второй половиной той мысли избавленія, о которой я уже говорилъ въ то время, какъ первая ея половина мелькнула неясно у меня въ мозгу, пока я подносилъ пищу къ губамъ. Теперь *вся* мысль была сформирована— блѣдная, едва сознаваемая, но все-таки полная. Я тотчасъ же началъ, съ энергіей отчаянія, приводить ее въ исполненіе.

Уже нѣсколько часовъ, около скамьи, на которой я лежалъ, разгуливали толпы жадныхъ и смѣлыхъ крысъ; ихъ красные глаза устремлялись на меня такъ, какъ будто онѣ ожидали только моей неподвижности, чтобъ кинуться на меня какъ на добычу. — Къ какой пищѣ были онѣ пріучены въ этомъ колодцѣ? подумалъ я.

Несмотря на всѣ мои усилія отогнать ихъ, онѣ сожрали почти все, что было въ блюдѣ, исключая небольшаго остатка. У меня уже обратилось въ привычку махать безпрестанно рукою къ блюду и отъ блюда, и машинальное однообразіе этого движенія отняло у него все его дѣйствіе, такъ что прожорливыя гадины стали часто вонзать свои острые зубы въ мои пальцы. Собравши остатки пропитаннаго масломъ и пряностями мяса, я крѣпко натеръ ими ремень, гдѣ только могъ достать; потомъ принялъ руку отъ блюда и легъ неподвижно, удерживая даже дыханіе.

Сначала жадныя животныя были изумлены и испуганы этой перемѣной—внезапнымъ прекращеніемъ движенія руки. Въ тревогѣ, онѣ повернули назадъ и нѣкоторыя возвратились даже въ колодезь; но это продолжалось только одну минуту. Я не напрасно надѣялся на ихъ прожорливость: увѣрившись, что я болѣе не шевелюсь, одна или двѣ изъ самыхъ смѣлыхъ крысъ вскарабкались на скамью и начали нюхать ремни. Это было сигналомъ общаго нападенія. Новыя толпы выскочили изъ колодца, полѣзли на скамью и прыгнули сотнями на мое тѣло. Правильное движеніе маятника не смущало ихъ нисколько; онѣ увертывались отъ него и дѣятельно трудились надъ намасленымъ ремнемъ. Онѣ толпились, метались и кучами взбирались на меня; топтались на моемъ горлѣ, касались моихъ губъ своими холодными губами. Я задыхался подъ ихъ тяжестью; отвращеніе, которому нѣтъ названія на свѣтѣ, поднимало тошнотой всю мою внутренность и леденило сердце. Еще минута, и страшная операція должна была кончиться, — я положительно чувствовалъ ослабленіе ремня и зналъ, что онъ уже прорванъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Съ сверхъестественной рѣшимостью, я оставался неподвиженъ: я не ошибся въ моихъ разсчетахъ и

страдалъ не напрасно. Наконецъ я почувствовалъ, что *свободенъ*. Ремень висѣлъ лохмотьями вокругъ моего тѣла; но движеніе маятника уже касалось моей груди: онъ уже разорвалъ сначала саржу моего платья, потомъ нижнюю сорочку; еще взмахнулъ два раза—и чувство ѣдкой боли пронизало всѣ мои нервы. Но минута спасенія настала: при одномъ жестѣ моей руки, избавители мои убѣжали въ безпорядкѣ. Тогда, осторожнымъ, но рѣшительнымъ движеніемъ, медленно съеживаясь и ползкомъ, я выскользнулъ изъ своихъ узъ и изъ-подъ грознаго меча. Въ настоящую минуту, я былъ совершенно свободенъ! Свободенъ— и въ когтяхъ инквизиціи! Едва я сошелъ съ моего ужаснаго ложа, едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по полу тюрьмы, какъ движеніе адской машины прекратилось и я увидѣлъ, что она поднимается невидимой силой къ потолку. Этотъ урокъ наполнилъ сердце мое отчаяніемъ и показалъ, что всѣ мои движенія были подмѣчены. Я для того только избѣгнулъ смертной агоніи одного рода, чтобъ подвергнуться другой! При этой мысли, я судорожно повелъ глазами по желѣзнымъ плитамъ, окружавшимъ меня. Очевидно было, что въ комнатѣ происходитъ что-то странное,—какая-то перемѣна, въ которой я не могъ дать себѣ отчета. Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, похожихъ на сонъ, я терялся въ напрасныхъ и безсвязныхъ предположеніяхъ. Тутъ я замѣтилъ въ первый разъ происхожденіе сѣрнаго свѣта, освѣщавшаго келью: онъ выходилъ изъ расщелины шириною въ полдюйма, опоясывавшей всю тюрьму снизу, отъ основанія стѣнъ, которыя, по этому, казались, и дѣйствительно были совершенно отдѣлены отъ пола. Я старался, но конечно напрасно, заглянуть въ это отверстіе.

Когда я съ уныніемъ привсталъ, тайна перемѣны фигуры комнаты вдругъ стала понятна моему уму. Я уже упоминалъ, что хотя формы рисунковъ на стѣнѣ были достаточно ясны, но цвѣта ихъ казались полинявшими и неопредѣленными. Теперь эти цвѣта принимали съ каждой минутой все болѣе и болѣе яркій блескъ, который придавалъ этимъ адскимъ фигурамъ такой видъ, что человѣкъ и покрѣпче меня нервами содрогнулся бы при видѣ ихъ. Глаза демоновъ,—живые, кровожадные и мрачные—устремлялись на меня изъ такихъ мѣстъ, гдѣ я прежде ихъ не подозрѣвалъ, и блистали грознымъ пламенемъ огня, который я тщетно усиливался считать воображаемымъ.

Воображаемымъ!.. Когда при каждомъ дыханіи, мои ноздри втягивали паръ раскаленнаго желѣза! Удушающій запахъ распространялся въ темницѣ, и глаза, глядящіе на мою агонію, разгарались все ярче и ярче! Безобразные кровавые рисунки

окрашивались все богаче краснымъ цвѣтомъ! Я задыхался — я едва могъ переводить дыханіе. Не оставалось болѣе сомнѣнія въ намѣреніи моихъ палачей; — о, безжалостные! демоны, а не люди!.. Я отступилъ отъ раскаленнаго металла къ центру темницы. Въ виду этой огненной смерти, мысль о свѣжести колодца ласкала, какъ бальзамъ, мою душу. Я бросился къ его смертоноснымъ краямъ и устремилъ взглядъ въ глубину. Блескъ раскаленнаго свода освѣщалъ всѣ его глубочайшія извилины; но, несмотря на это, мой умъ отказывался понять значеніе того, что̀ я видѣлъ. Наконецъ *это* вошло въ мою душу — ворвалось въ нее насильно, запечатлѣлось огненными буквами въ моемъ улетающемъ разсудкѣ. О! гдѣ взять словъ, чтобъ высказаться! — О! ужасъ изъ ужасовъ! — О! лучше всѣ ужасы, только не это! — Съ жалобнымъ воплемъ, я откинулся прочь отъ колодца и, закрывъ лицо руками, горько заплакалъ.

Жаръ быстро увеличивался и я еще разъ раскрылъ глаза, дрожа какъ въ лихорадкѣ. Вторая перемѣна совершилась въ комнатѣ—и на этотъ разъ, она произошла въ ея формѣ. Какъ и въ первый разъ, я сначала напрасно пытался понять, что̀ такое происходитъ; но сомнѣніе мое продолжалось недолго. Мщеніе инквизиціи шло теперь быстрыми шагами, дважды потерпѣвъ отъ меня пораженіе — и недолго уже мнѣ оставалось шутить съ Царемъ Ужаса. Комната прежде была четвероугольная: теперь же я замѣтилъ, что два ея угла сдѣлались острыми, а два остальные тупыми. Эта страшная противоположность увеличивалась быстро съ глухимъ шумомъ и скрипомъ. Въ одну минуту, комната вся перекосилась, но превращеніе на этомъ еще не остановилось. Я уже не желалъ и не надѣялся, чтобъ оно остановилось; я готовъ былъ прижать раскаленныя стѣны къ моей груди, какъ одежду вѣчнаго покоя.—Смерть, говорилъ я себѣ, — смерть, какая бы ни была, только не смерть въ колодцѣ!—Безумный! какъ же я не понялъ, что имъ нуженъ былъ именно *колодезь*, что одинъ только этотъ колодезь былъ причиною огня, осаждавшаго меня? Могъ ли я противиться его пламени? И даже еслибъ могъ, то какъ бы я устоялъ на мѣстѣ? Косоугольникъ все сплющивался съ такой быстротой, что я едва имѣлъ время размышлять. Центръ его, соотвѣтствовавшій самой широкой его линіи, находился прямо передъ зіяющей пропастью. Я хотѣлъ отступить—но стѣны, съуживаясь, гнали меня впередъ. Наконецъ, настала минута, когда мое обожженное и скорченное тѣло почти не находило мѣста, когда ноги мои едва могли стоять на полу. Я болѣе не боролся; но агонія души моей вы-

сказалась въ долгомъ воплѣ невыразимаго отчаянія. Я чувствовалъ, что шатаюсь у края колодца и—отворотился.

И вдругъ послышался безпорядочный гулъ человѣческихъ голосовъ, пальба, звуки трубъ! Могучій крикъ тысячи голосовъ потрясъ воздухъ какъ раскатъ грома! Огненныя стѣны поспѣшно отступили назадъ. Чья-то рука схватила мою руку въ ту минуту, какъ я, отъ изнеможенія, падалъ въ бездну. Это была рука генерала Лассаля. Французская армія вступила въ Толедо: инквизиція была въ рукахъ своихъ враговъ.

2. Красная смерть.

Красная смерть давно опустошала страну. Никогда ни одна чума не носила такой роковой печати. Это была печать крови и она имѣла весь ужасъ и безобразіе крови. Симптомы ея были — острая боль въ тѣлѣ, внезапное головокруженіе, потомъ обильный потъ изъ всѣхъ поръ и разложеніе всего существа. Появленіе красныхъ пятенъ на тѣлѣ и въ особенности на лицѣ жертвы, мгновенно дѣлали ее предметомъ отчужденія для всего человѣчества и лишали всякой помощи и участія. Для начала, развитія и исхода болѣзни требовалось не болѣе получаса.

Но принцъ Просперо былъ счастливъ, неустрашимъ и изобрѣтателенъ. Когда чума опустошила до половины его владѣнія, онъ собралъ вокругъ себя своихъ придворныхъ рыцарей и дамъ, и выбравъ изъ нихъ около тысячи самыхъ бодрыхъ и веселыхъ, удалился съ этимъ многочисленнымъ обществомъ въ одно изъ своихъ укрѣпленныхъ аббатствъ. Это было обширное и великолѣпное зданіе, построенное по плану принца въ эксцентрическомъ и грандіозномъ стилѣ и обнесенное высокой крѣпкой стѣной съ желѣзными воротами. Разъ вступивши туда, придворные взялись за наковальни и крѣпкіе молотки, чтобъ наглухо запаять замки. Они рѣшились оградить себя отъ всякаго внѣшняго вторженія и также пресѣчь всякое покушеніе къ выходу тѣмъ, кто находился внутри. Аббатство было въ изобиліи снабжено съѣстными припасами, и благодаря этой предосторожности, придворные могли смѣло издѣваться надъ заразой. Пусть остальные спасаются какъ знаютъ, а съ ихъ стороны было бы глупо сокрушаться и горевать. Принцъ позаботился, чтобъ не было недостатка въ средствахъ къ удовольствію; отовсюду собраны были шуты-импровизаторы, танцовщики и музыканты; вино лилось въ изобиліи; роскошь и красота ослѣпляли на каждомъ шагу. И такъ, внутри дворца царствовали безопасность и веселье; снаружи свирѣпствовала — красная смерть.

Въ концѣ пятаго или шестаго мѣсяца ихъ пребыванія въ аббатствѣ, въ то время, какъ зараза проявлялась съ еще большей силой, принцъ Просперо вздумалъ устроить для своихъ друзей маскарадъ самаго неслыханнаго великолѣпія.

Роскошна была картина этого маскарада! Но надо сначала описать залы, въ которыхъ онъ происходилъ. Ихъ было семь. То была царственная анфилада! Онѣ были устроены совсѣмъ иначе, нежели въ другихъ дворцахъ, гдѣ анфилады залъ тянутся по прямой линіи, такъ что ихъ можно видѣть всѣ отъ первой до послѣдней, когда обѣ половинки дверей распахнуты настежъ. Здѣсь же было совсѣмъ напротивъ, какъ и можно было ожидать отъ принца и отъ его склонности ко всему необыкновенному. Залы были такъ неправильно расположены, что нельзя было видѣть болѣе одной за разъ. Черезъ каждые двадцать или тридцать ярдовъ былъ внезапный поворотъ, и при каждомъ поворотѣ глазамъ представлялось новое зрѣлище. На правой и на лѣвой сторонѣ въ срединѣ каждой стѣны вдѣлано было высокое и узкое готическое окно, выходившее въ закрытый коридоръ, огибавшій комнату во всѣхъ ея поворотахъ. Въ каждомъ окнѣ были цвѣтныя стекла, гармонировавшія съ цвѣтомъ, преобладавшимъ въ убранствѣ той залы, въ которую оно выходило. Напримѣръ, зала, занимавшая восточный уголъ, обита была голубымъ, и окна были темно-голубаго цвѣта. Вторая комната убрана и обита пурпуровымъ цвѣтомъ, и стекла были пурпуровыя. Третья вся зеленая и окна зеленыя. Четвертая оранжевая освѣщалась окномъ оранжеваго цвѣта, пятая — бѣлая, шестая — фіолетовая.

Седьмая зала была вся увѣшана драпировками изъ чернаго бархата, покрывавшими потолокъ и стѣны, и ниспадавшими тяжелыми складками на коверъ изъ той же матеріи и того же цвѣта. Но только въ этой комнатѣ цвѣтъ оконъ не соотвѣтствовалъ убранству. Стекла были красныя—яркаго цвѣта крови.

Ни въ одной изъ семи залъ, посреди множества золотыхъ украшеній, разсыпанныхъ повсюду, не видно было ни лампъ, ни канделабръ. Ни одна изъ семи залъ не освѣщалась ни лампами, ни свѣчами и никакимъ освѣщеніемъ въ этомъ родѣ. Но въ коридорахъ, опоясывавшихъ ихъ, прямо противъ каждаго окна возвышался огромный треножникъ съ пылающимъ костромъ, отбрасывавшимъ свое пламя сквозь цвѣтныя стекла и ослѣпительно освѣщавшимъ залу. Это производило необыкновенный фантастическій эффектъ. Но въ западной комнатѣ, въ черной комнатѣ, свѣтъ костра, отражавшійся на черныхъ обояхъ и сквозь кровавыя стекла, былъ страшно мраченъ, и придавалъ

лицамъ входившихъ туда такой странный видъ, что очень немногіе изъ танцующихъ отваживались вступать въ это магическое пространство.

На западной сторонѣ стѣны седьмой залы возвышались гигантскіе эбеновые часы. Маятникъ ихъ качался съ глухимъ, тяжелымъ и однообразнымъ звукомъ, и когда минутная стрѣлка обѣгала кругъ циферблата и часы готовились пробить, то изъ внутренности машины исходилъ звукъ отчетливый, звучный, глубокій и чрезвычайно музыкальный, но такого особеннаго тона и такой силы, что музыканты оркестра чрезъ каждый часъ принуждены бывали прерывать на минуту свои аккорды, чтобъ слушать музыку часовъ, танцующіе останавливались, минутное смятеніе пробѣгало въ веселомъ собраніи, и пока раздавался бой, самые сумасбродные блѣднѣли, и самые спокойные и благоразумные проводили рукой по лбу, какъ бы подъ вліяніемъ тяжелаго кошмара. Но когда отголосокъ послѣдняго удара совсѣмъ замолкалъ, общество оживало. Музыканты переглядывались, смѣясь надъ своимъ нервическимъ страхомъ, и увѣряя другъ друга, что слѣдующій бой не произведетъ на нихъ болѣе никакого вліянія. Но по прошествіи трехъ тысячь шестисотъ секундъ, заключающихся въ шестидесяти минутахъ, бой роковыхъ часовъ снова раздавался и снова производилъ то же смятеніе, то же содроганіе и волненіе.

Несмотря на все это, оргія была весела и великолѣпна. Оригинальный вкусъ принца проглядывалъ во всемъ. Его необыкновенное искусство, въ отношеніи выбора цвѣтовъ и разсчитанности эфектовъ, создавало чудеса. Онъ презиралъ все пошлое и условное. Планы его были дики и дерзки, соображенія отличались варварскимъ величіемъ. Многіе сочли бы его съумасшедшимъ; и хотя придворные его чувствовали, что онъ не былъ съумасшедшій, но для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ послѣднемъ, надо было коротко его знать.

По случаю этого празднества, онъ самъ лично распоряжался декораціей и убранствомъ семи залъ, и по его личному вкусу заказаны были всѣ костюмы. Они были придуманы чрезвычайно причудливо, и ослѣпляли, сверкали; были между ними и нелѣпые и фантастическіе; были фигуры, испещренныя арабесками, уродливо закутанныя, невѣроятно сложенныя, чудовищныя какъ фантазіи безумія; было тутъ и прекрасное, и безстыдное, и много страннаго, страшнаго и отвратительнаго. Однимъ словомъ, все это общество, собравшееся въ семи залахъ, можно было принять за осуществленіе сновъ кошмара. И эти воплощенные сны, которымъ каждая изъ залъ придавала свой различный от-

тѣнокъ, сновали и корчились во всѣхъ направленіяхъ. И казалось, что они производили музыку своими ногами, и что странныя пьесы оркестра были отголоскомъ ихъ шаговъ.

Между тѣмъ бой эбеновыхъ часовъ аккуратно раздавался въ опредѣленное время въ бархатной залѣ. И тогда все стихало, все замолкало, маски останавливались какъ прикованныя къ своимъ мѣстамъ. Но страшный бой затихалъ, и всѣ снова смѣялись надъ своимъ страхомъ. И музыка раздавалась еще громче, и танцующіе кружились еще быстрѣе, и на всемъ этомъ, сквозь цвѣтныя окна, отражался блескъ костровъ. Съ приближеніемъ ночи ни одна маска не отваживалась уже проникнуть «въ черную залу». Свѣтъ, пробивавшійся въ нее сквозь кровавыя стекла, дѣлался все ярче, и видъ черныхъ обоевъ внушалъ непреодолимый ужасъ тѣмъ, кто рѣшался вступить туда. Казалось, что бой часовъ раздавался тамъ съ бо̀льшею торжественностью, чѣмъ въ другихъ залахъ, гдѣ подъ звуки музыки кружились танцующія пары.

Лихорадочное веселье оживляло все общество, праздникъ былъ во всемъ разгарѣ, когда раздался полночный бой на часахъ. Этотъ бой произвелъ свое обычное дѣйствіе: музыканты и танцующіе остановились и повсюду воцарилась мрачная неподвижность. На этотъ разъ часы должны были пробить двѣнадцать ударовъ, и впродолженіе этого времени, присутствующіе нѣсколько отрезвились отъ своего опьяненія. Можетъ быть, также благодаря этому, прежде чѣмъ стихъ отголосокъ послѣдняго удара, нѣкоторые замѣтили присутствіе маски, которая до сихъ поръ не привлекала ничьего вниманія. Съ глухимъ шопотомъ пронесся слухъ о вторженіи неизвѣстнаго лица и возбудилъ во всѣхъ ропотъ удивленія и неудовольствія, превратившійся подъ конецъ въ чувство ужаса, и отвращенія. Безъ сомнѣнія, это должно было быть очень необычайное явленіе, чтобъ произвести подобное впечатлѣніе на такое разнородное общество. Какъ ни мало была ограничена маскарадная свобода въ эту ночь, но неизвѣстный переступилъ даже тѣ снисходительныя условія приличія, которыя принцъ допустилъ въ выборѣ костюмовъ. Въ сердцахъ самыхъ безпечныхъ, есть струны, до которыхъ нельзя дотрогиваться; для людей, отвергающихъ все святое, есть однако вещи, съ которыми нельзя шутить. Все общество, повидимому, было глубоко поражено неприличіемъ и неумѣстностью поведенія и костюма незнакомца. Онъ представлялъ фигуру высокую и худую какъ скелетъ, съ головы до ногъ окутанную въ саванъ. На лицѣ его была надѣта маска, изображавшая въ та-

комъ совершенствѣ черты окоченѣлаго трупа, что при самомъ тщательномъ наблюденіи, трудно было ошибиться. Несмотря на всю неумѣстность этой шутки, опьянѣвшее общество, можетъ быть, и допустило бы ее; но маска дошла до того, что олицетворила въ себѣ полный типъ красной смерти. Лобъ и всѣ черты лица ея были испещрены кровавыми пятнами, одежда была испачкана кровью.

Когда глаза принца Просперо обратились на страшную фигуру привидѣнія, — которое, какъ бы для того, чтобъ лучше поддержать свою роль, медленно и торжественно прохаживалось между танцующими,—неодолимый трепетъ ужаса и отвращенія пробѣжалъ по всѣмъ его членамъ; но гнѣвъ тотчасъ же пересилилъ въ немъ всѣ другія чувства.

— Кто осмѣливается, — спросилъ онъ хриплымъ голосомъ у окружавшихъ его придворныхъ: — кто осмѣливается оскорблять насъ такой богохульной насмѣшкой? Схватите его и сорвите маску, чтобъ мы знали, кого намъ придется повѣсить на зубцахъ башни, при солнечномъ восходѣ!

Во время этой сцены, принцъ Просперо находился въ южной или голубой залѣ. Слова его звучно раздались во всѣхъ семи залахъ, потому что онъ былъ человѣкъ здоровый и сильный, и музыка тотчасъ умолкла по мановенію его руки.

Его окружала группа поблѣднѣвшихъ придворныхъ. Сначала, когда онъ заговорилъ, группа эта обнаружила намѣреніе броситься на незванаго пришлеца, который свободнымъ и величественнымъ шагомъ приближался все болѣе и болѣе къ принцу. Но вслѣдствіе какого-то неопредѣленнаго ужаса, внушеннаго дерзостью маски, никто не рѣшился на нее напасть, такъ что, не встрѣчая никакого препятствія, она прошла въ двухъ шагахъ отъ принца, и между тѣмъ какъ собраніе, какъ бы повинуясь одному и тому же чувству, отступало отъ центра залы къ стѣнамъ, она продолжала путь свой не останавливаясь, все тѣмъ же торжественнымъ и мѣрнымъ шагомъ, — изъ голубой комнаты въ пурпуровую, изъ пурпуровой въ зеленую, изъ зеленой въ оранжевую,—изъ этой въ бѣлую — а оттуда въ фіолетовую. Тогда-то принцъ Просперо, внѣ себя отъ ярости, и стыдясь своей минутной трусости, бросился вслѣдъ за незнакомцемъ черезъ всѣ шесть залъ, но никто за нимъ не послѣдовалъ, потому что смертельный страхъ овладѣлъ всѣми. Онъ бѣжалъ, потрясая обнаженнымъ кинжаломъ, и остановился шагахъ въ трехъ или четырехъ отъ призрака. Тотъ началъ отступать, и наконецъ достигши конца бархатной залы, быстро обернулся и сталъ лицомъ къ лицу съ своимъ

преслѣдователемъ. Раздался пронзительный крикъ, кинжалъ выскользнулъ изъ рукъ принца, и онъ упалъ мертвый на траурный коверъ.

Тогда-то вооружившись мужествомъ отчаянія, вся толпа ринулась въ черную залу и схватила незнакомца, стоявшаго прямо и неподвижно, какъ статуя въ тѣни эбеновыхъ часовъ. Но какъ описать ихъ неслыханный ужасъ, когда подъ саваномъ и маской не оказалось никакой осязательной формы...

Тогда для всѣхъ стало ясно — присутствіе Красной Смерти. Она подкралась какъ воръ среди ночи. И всѣ пирующіе упали одинъ за однимъ въ тѣхъ самыхъ залахъ, гдѣ за минуту предъ тѣмъ бушевала оргія, упали, орошенные кровавымъ потомъ, и каждый изъ нихъ умеръ въ томъ положеніи отчаянія и ужаса, въ какомъ застигло его паденіе. И жизнь эбеновыхъ часовъ прекратилась вмѣстѣ съ жизнію послѣдняго изъ этихъ беззаботныхъ существъ. И пламя костровъ потухло. И Мракъ, Разрушеніе и Красная Смерть остались тутъ единственными и безграничными властелинами.

ДО ЧЕЛОВѢКА.

1. Начало исторіи.

Чѣмъ слѣдуетъ начать исторію?

Повидимому, отвѣтъ на это даютъ древнѣйшія записанныя историческія свидѣтельства. Но какое свидѣтельство можетъ быть признано за свидѣтельство историческое? Если вѣрить на слово сохранившимся преданіямъ, то мы имѣемъ исторію, восходящую за предѣлы существованія человѣка и самаго міра. Различныя космогоніи передаются въ разсказахъ разныхъ народовъ съ догматическою увѣренностью, что дѣло было именно такъ, а не иначе; что эти космогоніи суть не соображенія, не миѳы, а фактическая истина. Уже разнообразіе хронологическихъ данныхъ и подробностей въ космогоніяхъ по разнымъ источникамъ заставляетъ насъ или допустить истину одного изъ этихъ преданій, отвергнувъ всѣ остальныя, или вовсе не придавать цѣны космогоническимъ повѣствованіямъ въ смыслѣ фактической истины, хотя онѣ все-таки очень цѣнны, какъ указанія работы мысли того или другаго народа надъ вопросами о происхожденіи міра и человѣка. Но какое основаніе мы имѣли бы для предпочтенія одного изъ этихъ разсказовъ другому? Прежде считали вѣроятнѣйшими тѣ разсказы, которые сокращали по возможности бытіе міра. Тысячи лѣтъ казались въ этомъ случаѣ правдоподобнѣе сотенъ тысячъ и милліоновъ. Въ настоящее время результаты астрономіи, геологіи и исторической антропологіи, скорѣе побудили бы склониться на сторону разсказовъ, увеличивающихъ по возможности періоды минувшаго. Но всѣ традиціонныя космогоніи заключаютъ въ себѣ подробности, *вообще* несогласимыя съ результатами науки. Поэтому она не даетъ вообще возможности предпочесть одно изъ этихъ свидѣтельствъ, какъ вѣроятнѣйшее, другимъ.

Но она идетъ далѣе и даетъ основаніе заключить, что, въ предѣлахъ человѣческой критики, свидѣтельства о столь древ-

нихъ событіяхъ объективнаго значенія имѣть не могутъ. Каждый знаетъ по себѣ и по опыту надъ другими, что человѣкъ склоненъ и къ ошибкѣ и къ преднамѣренной лжи, такъ что можно навѣрное сказать, что часть свидѣтельствъ всякаго человѣка, добровольно или невольно, не соотвѣтствуетъ истинѣ. Чѣмъ человѣкъ развитѣе умственно и нравственно, тѣмъ эта доля невѣрныхъ свидѣтельствъ для него уменьшается, но не исчезаетъ никогда. Допустимъ, среднимъ числомъ, что люди могутъ изъ 5 разъ свидѣтельствовать совершенно вѣрно 4 раза. Понятно, что, при передачѣ чужаго свидѣтельства, передающій можетъ ошибаться въ передачѣ, какъ первый свидѣтель въ своемъ свидѣтельствѣ. Оказывается, что, узнавая дѣла не отъ непосредственнаго свидѣтеля, а изъ вторыхъ рукъ, мы можемъ вѣрить изъ 25 случаевъ лишь въ 16, что̀ уже значительно уменьшаетъ вѣроятность факта, намъ сообщаемаго. Точно также получимъ, что, узнавая дѣло изъ третьихъ рукъ, лишь 64 случая изъ 125 могутъ быть правдивы, а это немногимъ болѣе половины. Иначе говоря, зная правдивость свидѣтеля-очевидца, мы въ четыре раза болѣе склонны вѣрить ему, чѣмъ не вѣрить, но и при самыхъ правдивыхъ людяхъ, передающихъ намъ дѣло, когда мы получаемъ разсказъ изъ третьихъ рукъ, мы почти столько же имѣемъ повода сомнѣваться въ истинѣ событія, какъ и вѣрить ему. Получая же разсказъ изъ четвертыхъ рукъ, мы имѣемъ гораздо болѣе поводовъ не вѣрить ему, и это недовѣріе вправѣ весьма быстро увеличиваться съ увеличеніемъ числа промежуточныхъ свидѣтелей.

Но событія прошедшаго неизбѣжно получались лишь путемъ передачи ихъ отъ одного поколѣнія другому, пока не были записаны такъ прочно, что и позднѣйшія поколѣнія могли имѣть предъ собою прямыя свидѣтельства праотцевъ. Для древнѣйшихъ свидѣтелей, слѣдовательно, мы можемъ, допуская среднюю правдивость и среднее развитіе, вѣрить ихъ свидѣтельствамъ относительно ихъ времени и относительно поколѣнія имъ предшествовавшаго, но уже допускать значительное сомнѣніе относительно событій времени ихъ дѣдовъ, а все, что̀ передается отъ времени прадѣдовъ, или изъ періода еще болѣе ранняго, не можетъ уже намъ внушать довѣрія. Поколѣнія обыкновенно считаются въ тридцать лѣтъ; но допуская ихъ и въ 50, мы получимъ, что полтора вѣка есть крайній предѣлъ минувшихъ событій, о которыхъ можетъ свидѣтельствовать съ нѣкоторою вѣроятностью человѣкъ, вообще правдивый и развитый, такъ что онъ свидѣтельствуетъ невѣрно только одинъ разъ изъ пяти. Но такіе люди не очень обыкновенны, слѣдовательно немногія сви-

дѣтельства о томъ, что было за $1^1/_2$ вѣка, могутъ быть приняты за вѣрныя; далѣе же — ни одно.

Конечно, это все относится къ періоду, когда разсказчикъ не имѣлъ возможности читать самъ разсказы прадѣдовъ о ихъ времени, т.-е. къ періоду до начала записыванія и отмѣчанія событій. Иначе говоря, первыя записанныя свидѣтельства людей могли сохранить съ нѣкоторою вѣроятностью память о событіяхъ, совершившихся за полтора вѣка. Когда свидѣтельства относятся къ событіямъ болѣе древнимъ, они перестаютъ быть *историческими*, а становятся въ глазахъ науки лишь выраженіемъ личнаго или общественнаго вѣрованія въ эпоху жизни лица, отмѣтившаго фактъ. Совокупность различныхъ, взаимно независимыхъ свидѣтельствъ, можетъ раздвинуть періодъ вѣроятныхъ фактовъ, такъ что свидѣтельства, сами по себѣ не историческія, могутъ, своимъ согласіемъ, сдѣлать для позднѣйшаго изслѣдователя правдоподобнымъ фактъ, совершившійся за два, за три вѣка и болѣе. Едва-ли въ какомъ-либо случаѣ это можетъ простираться до тысячелѣтія. А такъ-какъ самые скромные разсказы о первыхъ временахъ человѣка и міра отодвигаютъ эти событія за предѣлы одного тысячелѣтія до начала записыванія событій, то для научнаго изслѣдователя все равно, придаютъ ли космогоніи человѣку и міру древность въ нѣсколько тысячъ или въ нѣсколько сотенъ тысячъ и милліоновъ лѣтъ. Онѣ сохраняютъ свое субъективное значеніе для писателя, который имъ можетъ вѣрить или не вѣрить; онѣ остаются характеристичны для состоянія мысли въ данную эпоху; но объективно-научнаго значенія эти космогоническіе разсказы совсѣмъ имѣть не могутъ.

Поэтому, еслибы исторія не имѣла другихъ источниковъ, кромѣ свидѣтельства личностей, то она была бы ограничена весьма незначительнымъ объемомъ. Къ тому же должно замѣтить, что весьма немногіе свидѣтели пользуются въ глазахъ историковъ достаточнымъ довѣріемъ въ ихъ правдивость и въ ихъ умственное развитіе, чтобы ихъ свидѣтельство признавалось историческимъ само по себѣ. Лишь сравненіе свидѣтельствъ разныхъ лицъ и взаимная ихъ провѣрка придаютъ достовѣрность фактамъ, сообщаемымъ свидѣтелями. Если это бываетъ такъ для событій современныхъ источниковъ исторіи, то понятно, что событія предшествующаго времени были бы крайне сомнительны для историковъ, еслибы эти событія опирались только на свидѣтельства.

Но исторія имѣетъ болѣе прямыя и безспорныя основанія, чѣмъ свидѣтельства. Она опирается на существующіе остатки

жизни прошлаго времени, на живые памятники минувшаго. Здѣсь историкъ имѣетъ столь же прочную почву, какъ естествоиспытатель: наблюденіе, сравненіе наблюденій, заключеніе по наведенію, заключеніе по аналогіи, гипотеза, провѣренная фактами. Самыя свидѣтельства получаютъ въ глазахъ историка гораздо болѣе цѣны какъ предметы наблюденія, чѣмъ какъ свидѣтельства. То, что свидѣтель выдаетъ *невольно* въ языкѣ, въ привычкахъ мысли, въ частностяхъ жизненной опытности и жизненной обстановки, въ вѣрованіи и въ знаніи, несравненно важнѣе, чѣмъ то, о чемъ онъ *намѣренно* передаетъ современникамъ и потомству. И здѣсь *все* становится матеріаломъ для историка. Эротическая пѣсня, погребальный памятникъ, орудіе ремесленника, прихотливый арабескъ художника, форма буквы въ безсмысленной надписи, амулетъ грубаго суевѣрія, химическій составъ древняго меча, положеніе разбитаго горшка въ глубинѣ земли, степень обжиганія горшка, объѣдки ужина антропофаговъ или прибрежныхъ рыбаковъ — все это получаетъ смыслъ и значеніе, группируясь подъ руководствомъ критически вышколенной мысли, требуя самаго тщательнаго наблюденія и приводя къ выводамъ столь же неожиданнымъ, сколько точнымъ.

Конечно, изъ трехъ источниковъ знанія: наблюденія, размышленія и свидѣтельства, — послѣднее при этомъ получаетъ наименѣе значительную роль. Наблюденіе даетъ неоспоримые факты. Наблюденіе, руководимое размышленіемъ, приводитъ къ прочному установленію законовъ естествознанія въ трехъ его отросляхъ: внѣ человѣческой, личной и общественной. Факты наблюденія служатъ для подтвержденія, дополненія, поправки или измѣненія законовъ общаго естествознанія, антропологіи и соціологіи. Размышленіе заключаетъ въ самомъ себѣ свою повѣрку; оно научно, когда опирается на наблюденіи и строго методично; оно не имѣетъ вовсе значенія, если не удовлетворяетъ этимъ двумъ условіямъ. Но свидѣтельство всегда вызываетъ сомнѣніе; его значеніе всегда шатко. Свидѣтельство можетъ противорѣчить и фактамъ наблюденія и выводамъ разума. Если оно противорѣчитъ фактамъ, оно нелѣпо; если оно противорѣчитъ выводамъ, то оно тѣмъ менѣе вѣроятно, чѣмъ шире и полнѣе фактическая основа сдѣланныхъ выводовъ, чѣмъ строже методъ ихъ полученія. Для научной исторіи свидѣтельство, противорѣчащее фактамъ наблюденія, не имѣетъ никакого значенія, точно также какъ свидѣтельство, противорѣчащее общимъ законамъ математики, механики, физики, химіи и физіологіи, вслѣдствіе значительной точности методовъ этихъ наукъ. Описательныя части общаго естествознанія, психологія

и соціологія достигли лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ той точности, что свидѣтельства, противорѣчащія выводамъ этихъ частей, могутъ быть отвергнуты безусловно. Въ другихъ отдѣлахъ этихъ наукъ противорѣчащее имъ свидѣтельство лишь сомнительно и отъ критики самаго свидѣтельства зависитъ большее или меньшее его значеніе. Лишь свидѣтельство, согласное съ законами естествознанія и логическаго мышленія, можетъ быть допущено, но и тогда лишь сравнительная критика однородныхъ свидѣтельствъ, а также всесторонняя критика источниковъ, изъ которыхъ получены свидѣтельства, придаютъ каждому изъ нихъ большее или меньшее *вѣрованіе*. Такимъ образомъ наблюденіе не допускаетъ сомнѣнія, но требуетъ лишь объясненія. Размышленіе даетъ достовѣрный выводъ, пока не доказано, что оно не основательно. Свидѣтельство лишь тогда можетъ быть принято за достовѣрное, когда доказано, что нѣтъ поводовъ въ немъ усомниться.

Историческое наблюденіе, расширяя все болѣе свой матеріалъ, расширяетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и предѣлы исторіи. Далѣе за эпохою первыхъ сколько нибудь достовѣрныхъ свидѣтельствъ, лежатъ памятники археологіи историческихъ народовъ. Еще далѣе идетъ языкознаніе, наблюдая въ формахъ и въ словахъ языковъ факты періодовъ, для которыхъ археологія доставляетъ уже недостаточный матеріалъ. Наконецъ историческая антропологія, обращаясь къ пособію археологіи и геологіи, захватываетъ въ предѣлы своихъ разысканій о доисторическомъ человѣкѣ и періодъ, относительно котораго языкознаніе безмолвно.

Конечно, всего раціональнѣе было бы начать исторію обществъ съ того момента, когда общество вступаетъ въ историческую жизнь, т.-е. когда культура переходитъ въ цивилизацію подъ вліяніемъ работы мысли; но этотъ моментъ для каждаго общества уловить крайне трудно, вслѣдствіе отрывочности, недостаточности памятниковъ, и шаткости выводовъ, на нихъ опирающихся. Къ тому же огромный періодъ культурной жизни человѣчества служитъ необходимымъ введеніемъ въ исторію развитія человѣческой цивилизаціи, которая должна была появляться сначала мѣстно, и развитіе всякаго цивилизованнаго историческаго центра было бы въ значительной мѣрѣ обусловлено культурою окружающаго населенія. Поэтому исторія не можетъ не взять хотя сколько нибудь въ соображеніе тотъ періодъ, когда человѣкъ существовалъ лишь какъ членъ геологическаго міра, со своими особенностями анатомическими, физіологическими, психическими и культурными, но когда еще

работа мысли не имѣла преобладающаго прогрессивнаго значенія. Въ этомъ смыслѣ начальнымъ пунктомъ для историка былъ бы моментъ появленія человѣка на землѣ, т.-е. его обособленія отъ зоологическаго міра.

Но дойдя до этой точки, лежащей уже весьма далеко за предѣлами начала настоящей исторіи, и находясь въ области общаго естествознанія, изслѣдователь не можетъ отказаться отъ задачи естествоиспытателя въ ея цѣлости. Фактъ, на которомъ онъ остановился, какъ не историческій собственно, а естественный, важенъ не самъ по себѣ, въ своей особности. Фактъ этотъ важенъ, какъ одно изъ звѣньевъ неразрывной цѣпи естественнаго процесса. Обособленіе человѣка, какъ организма, поглощается общимъ закономъ обособленія организмовъ, великимъ процессомъ развитія органическаго міра. Здѣсь зоологія является лишь частью науки организмовъ, которая доводитъ изслѣдователя до новаго пункта, до момента появленія организмовъ на землѣ, т.-е. до обособленія органической жизни изъ общихъ процессовъ существованія нашей планеты.

Опять передъ нами одно звѣно огромной цѣпи, и опять изслѣдованіе стремится удовлетворить интересу естествознанія, охватить всю цѣпь длиннаго процесса развитія земли, какъ особаго мірового существа. Геологія, минералогія, химія и физика служатъ здѣсь пособіемъ языкознанію, и оно достигаетъ до третьяго пункта остановки, до момента обособленія земли какъ самостоятельнаго космическаго тѣла.

Этотъ третій пунктъ есть крайній. Минута рожденія земли есть единственная, которая служитъ раціональнымъ началомъ процессу, въ средѣ котораго мы находимся и который еще не кончился. Процессъ этотъ заключаетъ развитіе земли, развитіе организмовъ, развитіе человѣка, какъ вида зоологическаго, его исторію, какъ дѣятеля цивилизаціи. За минутою рожденія земли мысль имѣетъ предъ собою лишь круговой процессъ образованія, развитія, обособленія и разрушенія космическихъ тѣлъ вообще. Астрономія опирается здѣсь на механику и физику въ ихъ вѣчно повторяющихся явленіяхъ, въ ихъ процессахъ, которые прекратиться не могутъ. Въ самой отвлеченной области естествознанія человѣкъ усвоиваетъ здѣсь самую простую истину: законы движенія разнородныхъ массъ неизмѣнны. Пріучаясь къ этой мысли, онъ кладетъ ее въ основаніе для самой широкой аксіомы наведенія, безъ которой наука невозможна. Это аксіома *неизмѣнности законовъ природы*; она охватываетъ бытіе міровъ, существованіе земли, жизнь организмовъ, исторію человѣка.

Уже факты археологіи историческаго періода съ трудомъ подчиняются точнымъ хронологическимъ опредѣленіямъ и отодвигаютъ признаки цивилизаціи въ глубокую древность. Для доисторическаго періода жизни человѣка счетъ годами и вѣками становится невозможнымъ, здѣсь мы получаемъ наименьшія величины въ нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ и геологическія формаціи служатъ отмѣтками времени. Еще громаднѣе размѣры времени, требуемые процессомъ развитія организмовъ. Но весь онъ составляетъ лишь небольшую долю процесса развитія земли. Наконецъ все минувшее нашей планеты, съ минуты ея обособленія, составляетъ лишь часть одного круга существованія въ ряду неизмѣримыхъ для нашего воображенія процессовъ космическаго бытія въ вѣчномъ круговоротѣ движущагося вещества.

Міровые процессы представляютъ изслѣдователю указанія на далекое прошедшее и на неотвратимое будущее, ожидающее человѣчество, организмы вообще и самую нашу планету. Геологическіе процессы указываютъ ему болѣе близкое прошедшее, подготовившее почву, которая обусловила человѣчество во всей его прошедшей и будущей исторіи. Развитіе организмовъ и доисторическихъ людей уясняетъ современному изслѣдователю неизбѣжныя естественныя условія цивилизаціи, ея задачи и опасности, ей угрожающія. Лишь съ помощію этой подготовки историческая мысль можетъ сознательно отнестись къ прошедшему, настоящему и будущему человѣчества. Процессы міровые, процессы геологическіе, развитіе организмовъ, развитіе доисторическаго человѣка и исторія связаны между собою неразрывно.

Конечно, далеко еще то время, когда накопленіе безспорныхъ фактовъ будетъ достаточно для полученія строго-научной связи между этими пятью группами, какъ членами единаго неразрывнаго цѣлаго. По свойству матеріала и по строгимъ требованіямъ научнаго метода, дозволительно даже усомниться, чтобы когда либо человѣкъ дошелъ до подобной отдѣлки своего знанія. Но тамъ, гдѣ останавливается строго-научное наведеніе, предъ человѣкомъ открывается путь выводовъ по аналогіи. Здѣсь, въ дополненіе къ знанію, равнодоступному для всѣхъ, на помощь личности является бо́льшее или меньшее ея развитіе. Мы видѣли выше, какую относительную роль для *научнаго* умозаключенія играютъ факты наблюденія, выводы размышленія и человѣческія свидѣтельства. Конечно, тамъ, гдѣ строго-научное умозаключеніе невозможно, ничто не *обязываетъ* человѣка пользоваться этими данными мысли подобнымъ же образомъ. Если человѣкъ на столько не развитъ, что въ этомъ слу-

чаѣ вѣрованіе, опирающееся на свидѣтельство, не доступное разуму и повѣркѣ фактовъ, для него убѣдительнѣе аналогій, получаемыхъ изъ фактовъ, то онъ и послѣдуетъ своему влеченію, указывая тѣмъ уровень своего развитія. Но для *развитаго* человѣка, усвоившаго *привычку* къ научному мышленію, фактъ, мышленіе и свидѣтельство сохраняютъ и за предѣлами точной науки свое относительное значеніе. И здѣсь, въ области гипотезъ, онъ признаетъ наибольшую убѣдительность за предположеніемъ факта, которому наблюденіе представляетъ аналогію въ реальныхъ фактахъ; за способомъ умозаключенія, который аналогиченъ научнымъ выводамъ; за обобщеніемъ, которое ближе подходитъ къ научной группировкѣ. И здѣсь онъ отнесется къ свидѣтельству, не встрѣчающему аналогій въ реальномъ мірѣ, съ тѣмъ же недовѣріемъ, которымъ пользуется этотъ источникъ знанія и въ области науки. Такимъ образомъ, за областью науки открывается для развитой мысли еще обширная область научныхъ аналогій. Простѣйшія изъ нихъ весьма мало отличаются отъ того, что̀ даетъ наука въ законахъ явленій; но другія идутъ далѣе и далѣе, группируя все бо̀льшее число разрозненныхъ фактовъ, сближая области все болѣе удаленныя одна отъ другой, и, наконецъ, у мыслителей, стремящихся къ широкимъ обобщеніямъ, послѣднія аналогіи представляютъ то, что̀ принято называть *философскимъ міросозерцаніемъ*. Его не должно смѣшивать съ метафизическими построеніями, которыя получаются тогда, когда относительная роль факта и мышленія, указанная выше, нарушена; мышленіе становится не выводомъ изъ фактовъ, не обобщеніемъ фактовъ, но преобладающимъ элементомъ, и мыслитель обольщенъ представленіемъ, что мышленіе можетъ *само изъ себя* почерпать фактическую истину, которая должна господствовать надъ наблюденіемъ, имѣетъ право отвергать точныя данныя послѣдняго и строить міръ по своему. Философское міросозерцаніе можетъ быть и не быть метафизическимъ. Мыслитель можетъ при всемъ своемъ построеніи удерживать въ мысли относительное значеніе наблюденія, мышленія и свидѣтельства; онъ можетъ, переходя сознательно за границу точной науки въ сферы расширяющихся аналогій, столь же ясно сознавать, что лишь первая область совершенно крѣпка, а далѣе онъ имѣетъ предъ собою лишь вѣроятности, уменьшающіяся по мѣрѣ расширенія аналогій и требующія постоянной провѣрки. Въ такомъ случаѣ онъ въ метафизику не впадаетъ, и остается на почвѣ реалистическаго мышленія, которому наука одолжена всѣми своими завоеваніями.

Уже въ сферѣ общаго естествознанія научное наведеніе принуждено иногда останавливаться и пробѣлы пополняются научными аналогіями, особенно въ біологіи, наукѣ организмовъ. Это еще болѣе дѣлается необходимымъ въ наукахъ о человѣческой личности и о человѣческомъ обществѣ. Но такъ-какъ исторія даже тамъ, гдѣ она опирается на обширный и достовѣрный матеріалъ, не можетъ не пользоваться пособіями предшествующихъ наукъ, особенно психологіи и соціологіи, то совершенно неизбѣжно и для нея прибѣгать къ аналогіи при связываніи фактовъ, при ихъ перспективномъ расположеніи, при ихъ осмысливаніи. Но послѣдніе пріемы неизбѣжны для каждаго историка и устанавливаемая имъ перспектива фактовъ, ихъ осмысливаніе, опредѣляется его пониманіемъ историческаго прогресса, т.-е. въ концѣ концовъ, его нравственнымъ идеаломъ какъ личнымъ, такъ и общественнымъ. Выходя за предѣлы историческаго періода, изслѣдователь не имѣетъ никакого руководства относительно процесса развитія міровъ и организмовъ, кромѣ аналогіи настоящаго наблюденія. Законы природы неизмѣнны; міры совершали свои круговороты, всегда въ тѣхъ же фазисахъ, на которые указываютъ современныя астрономическія наблюденія; земля была въ отдаленнѣйшее время мѣстомъ дѣйствія тѣхъ же процессовъ, которые и нынѣ подлежатъ наблюденію физика, химика, метеоролога, геолога; исчезнувшіе организмы развивались и вымирали подобнымъ же образомъ, какъ развиваются и вымираютъ организмы въ наше время; потребности первобытнаго человѣка остались потребностями и для его позднѣйшихъ потомковъ, дополнившись и нѣсколько видоизмѣнившись подъ вліяніемъ новыхъ, пріобрѣтенныхъ потребностей; въ психическихъ процессахъ, наблюдаемыхъ нынѣ у высшаго животнаго, у дикаго островитянина, у нищаго пролетарія, у члена цивилизованнаго меньшинства, у больнаго въ психіатрической клиникѣ нашего времени, надо искать ключа для психической жизни до-историческаго человѣчества; — таковы аксіомы, дозволяющія изслѣдователю приступить къ изученію длиннаго ряда событій, которыя составляютъ преддверіе человѣческой исторіи. До сихъ поръ ничто не дало повода усомниться въ плодотворности этого способа разработки; весьма рѣдко пришлось ученымъ прибѣгать къ добавочнымъ предположеніямъ о существованіи въ прежнее время процессовъ, которые, по сущности или по размѣрамъ, отходятъ отъ процессовъ, подлежащихъ наблюденію. Даже тамъ, гдѣ это было сдѣлано, уже нынѣ оно оказалось во многихъ случаяхъ излишнимъ. Геологическія катастрофы устранены допущеніемъ большей продолжительности

геологическихъ періодовъ. Внезапное появленіе новыхъ органическихъ видовъ устраняется теоріею ихъ постепеннаго измѣненія и перерожденія. Чудесный процессъ мышленія доисторическаго человѣка, въ періодъ созданія миѳовъ, находитъ себѣ аналогіи нетолько въ совершенно историческій періодъ жизни народовъ минувшаго, но и въ настоящемъ. Реальныя аналогіи являются всюду дѣйствительнымъ пособіемъ и, съ ихъ помощью, историческая мысль можетъ уже связать настоящее нетолько съ далекимъ историческимъ прошедшимъ, но и съ доисторическою жизнью человѣка, съ процессомъ развитія организмовъ, съ геологическими измѣненіями, съ космическими круговоротами.

Такимъ образомъ необходимою основою *человѣческой* исторіи является очеркъ процессовъ совершавшихся и совершившихся *до человѣка.*

Неизмѣнный фонъ картины составляютъ при этомъ вѣчно повторяющіеся процессы *космологическіе*, лежащіе *внѣ* исторіи.

Какъ частный случай *одного* изъ этихъ процессовъ представляются историку процессы *геологическіе*, подготовившіе для человѣка землю, такъ какъ она представляется нашему изслѣдованію.

Среди геологическихъ процессовъ самый важный для историка есть тотъ, который подготовилъ *самого человѣка*, измѣняя простѣйшія органическія формы въ высшія, — процессъ *развитія организмовъ* вообще и *позвоночныхъ* животныхъ въ частности.

Но исторія есть процессъ работы мысли надъ культурою, и потому, въ разнообразныхъ проявленіяхъ органической жизни историкъ останавливается съ наибольшимъ вниманіемъ на психическихъ явленіяхъ, давшихъ начало *культурѣ* въ зоологическомъ ряду существъ, и возбудившихъ *работу мысли* въ существахъ, предшествовавшихъ человѣку.

Міръ *до человѣка* имѣетъ свое естественное заключеніе для историка въ существахъ, которыя, по формамъ тѣла и по психическимъ процессамъ, всего ближе подходятъ къ человѣку, такъ что въ различіи его отъ нихъ можно искать причину, обусловившую развитіе человѣческихъ поколѣній въ поколѣнія *прогрессивно-историческихъ* животныхъ.

2. Вселенная и земля.

Вѣчное движеніе и вѣчное измѣненіе движущихся формъ господствуетъ въ безконечномъ пространствѣ міра.

Вооруженный астрономическими инструментами, спектральнымъ анализомъ, неизмѣнными законами механики и матема-

тики, наблюдатель космическихъ явленій имѣетъ предъ собою рядъ безспорныхъ фактовъ и обширное поле для распространенія на всю вселенную тѣхъ явленій, которыя онъ изслѣдуетъ въ своей скромной земной лабораторіи. Повѣркою его предположеніямъ и его математическимъ выкладкамъ служатъ небесныя явленія, которыя онъ можетъ предсказывать съ точностью, весьма рѣдко доступной предсказателямъ явленій и событій земныхъ.

Съ помощью этихъ орудій мысли, разрозненныя астрономическія наблюденія группируются въ теорію вселенной. Свѣтлыя и темныя тѣла міра, связанныя между собою законами всемірнаго тяготѣнія, — загорающіяся и потухающія звѣзды, которыя представляютъ всѣ цвѣта радуги, — неразложимыя туманности, которыя мы видимъ теперь такъ, какъ онѣ были тысячи тысячелѣтій тому назадъ, — маленькія планеты съ ихъ еще болѣе мелкими спутниками, и фейерверки падающихъ звѣздъ, вспыхивающихъ на мгновенье въ нашей атмосферѣ — всѣ эти тѣла и явленія соединяются предъ мыслію наблюдателя въ одинъ процессъ, вѣчно совершавшійся и долженствующій совершаться вѣчно [1].

Въ пространствѣ разсѣяны клубы и клочья туманностей, температура которыхъ слишкомъ низка, чтобы онѣ обладали собственнымъ свѣтомъ. Онѣ намъ видимы лишь тогда, когда, случайно приближаясь къ солнцу, отражаютъ его свѣтъ. Такова большая часть кометъ, заходящихъ въ нашу солнечную систему и разрушаемыхъ или измѣняемыхъ отъ дѣйствія притяженія большихъ планетъ. Иногда это дѣйствіе растягиваетъ эти туманности въ сплошныя кольца или разрывныя кольца, состоящія изъ мелкихъ кусковъ, попадающихъ въ нашу атмосферу; тогда эти куски быстро возвышаютъ свою температуру и представляютъ наблюдателю великолѣпное зрѣлище небеснаго фейерверка періодическихъ потоковъ падающихъ звѣздъ.

Но и предоставленныя самимъ себѣ, подъ вліяніемъ сжиманія, эти темныя туманности возвышаютъ свою температуру; центральныя ихъ части получаютъ форму газообразную, одаренную собственнымъ свѣтомъ, какова должна была быть одна изъ кометъ 1866 года. Затѣмъ вся туманность становится газооб-

[1] Не указывая на общеизвѣстныя сочиненія по астрономіи и космографіи, откуда заимствованы давно принятые большинствомъ астрономовъ факты, сошлюсь для воззрѣній, менѣе доступныхъ читателямъ и новѣйшихъ на мемуары Чіапарелли, Фэ (Fay) въ Comptes rendus 1865 г., наконецъ, на *Spiller*: «Die Weltschöpfung vom heutigen Standpunkte der Wissenschaft» (Berlin. 1868).

разною и самосвѣтящею, и до сихъ поръ найдено 8 небесныхъ облаковъ въ подобномъ состояніи. Всѣ вещества, намъ извѣстныя, могли находиться въ этомъ газообразнымъ состояніи.

Когда условія, производящія возвышеніе температуры туманности (и до сихъ поръ еще гадательныя), достигли предѣла своего дѣйствія, то начинается процессъ охлажденія на оболочкѣ газообразнаго облака. Судя по указаніямъ спектральнаго анализа, одна изъ туманностей близь созвѣздія Гидры представляетъ намъ примѣръ подобнаго состоянія. Свѣтлое газообразное зерно высокой температури окружено при этомъ нѣсколько плотнѣйшею свѣтлою атмосферою низшей температуры. Въ туманностяхъ Андромеды и Геркулеса мы видимъ дальнѣйшій фазисъ міроваго развитія: — среди газообразной атмосферы начинаетъ уже образоваться капельно-жидкое ядро. Наконецъ, когда это внутреннее ядро выросло въ довольно значительную расплавленную массу и окружено сравнительно тонкой газообразной атмосферою, то космическій процессъ далъ въ результатѣ то, что̀ мы называемъ солнцемъ и *неподвижными* звѣздами, хотя теперь уже доказано болѣе чѣмъ для 2000 этихъ тѣлъ, что они перемѣщаются.

Отъ этого центральнаго вращающагося тѣла, отторгаются, вслѣдствіе разности скоростей вращенія, части, образующія планеты, именно отдѣляется кольцо, когда вся масса находится еще въ газообразномъ состояніи (по теоріи Лапласа), и это кольцо даетъ начало планетнымъ тѣламъ, или (по Шпиллеру) отъ массы уже капельно-жидкой, при уменьшеніи ея объема и увеличеніи скорости вращенія, отрывается центробѣжною силою при удобныхъ условіяхъ кусокъ, который, вслѣдствіе пріобрѣтенной скорости, получаетъ одновременно движеніе по орбитѣ и вращеніе около оси. Отъ планеты, такимъ образомъ происшедшей, отдѣляются подобнымъ же способомъ ея спутники.

Солнце, планеты, спутники остываютъ въ пространствѣ. То, что̀ было газообразнымъ,—при чемъ высокая температура тѣла указывается ярко-бѣлымъ свѣтомъ, — переходитъ въ болѣе сгущенное капельно-жидкое состояніе, затѣмъ покрывается твердою корою. Измѣненіе цвѣта звѣздъ свидѣтельствуетъ объ этомъ процессѣ. Иногда расплавленная внутренность тѣла разрушаетъ кору, успѣвшую болѣе или менѣе потемнѣть, и тогда звѣзда предъ нашими глазами временно увеличиваетъ свой блескъ, или даже какъ бы новая звѣзда загорается на небѣ. Но процессъ продолжается безостановочно. Чрезъ сравнительно короткій періодъ становятся темными планеты и ихъ спутники. Та же участь постигаетъ самыя солнца. Существованіе темныхъ звѣздъ въ системахъ

двойныхъ не подлежитъ сомнѣнію и угасаніе звѣздъ, внесенныхъ въ прежніе каталоги, приводитъ къ тому же результату.

Угасшія солнца съ мертвою системою планетъ и спутниковъ продолжаютъ свое движеніе въ пространствѣ, пока не попадутъ въ образующуюся новую туманность. Тогда остатки умершаго міра становятся матеріаломъ для ускоренія процесса образованія міра новаго. Громадный жаръ массы, въ которой готовится новый міръ, быстро расплавляетъ, обращаетъ въ газы міръ умершій, но тѣмъ самымъ и новый міръ быстро переживаетъ одинъ изъ первоначальныхъ фазисовъ своего существованія, чтобы перейти къ послѣдующимъ фазисамъ и въ свое время двигаться въ видѣ темной, мертвой системы неисчислимыя тысячелѣтія, пока ему удастся, въ свою очередь, послужить матеріаломъ для еще новѣйшаго образующагося міра.

Такова вѣроятная судьба всего сущаго во вселенной. Между тѣмъ, какъ однѣ системы доживаютъ послѣдніе милліоны вѣковъ своего существованія, другія едва пережили самые первые милліарды тысячелѣтій своего обособленнаго бытія. Тутъ давно мертвый міръ получаетъ возможность вступить въ процессъ образованія новой солнечной системы; тамъ образующійся міръ, приблизившись къ твердымъ массамъ, разсыпается на кометы и на падающія звѣзды. Насильственная смерть столь же легко грозитъ мірамъ, какъ и неизбѣжное естественное умираніе. Но вѣчное движеніе не прекращается и вѣчно развиваются новые міры на смѣну прежнихъ [1].

[1] Считаю нужнымъ указать хотя въ примѣчаніи на космогоническую теорію, изложенную въ IV томѣ Radenhausen: «Isis» (1863) и совершенно отличную отъ обычныхъ теорій происхожденія міровъ. Обширная начитанность автора, строгая послѣдовательность его мышленія и почтительный отзывъ о его теоріи такого спеціалиста, какъ Моръ, не позволяютъ умалчивать о ней совершенно, хотя я не счелъ возможнымъ внести ее въ текстъ, такъ-какъ она не объясняетъ измѣненій, совершающихся въ звѣздномъ мірѣ, не даетъ представленія о кругооборотѣ міровой жизни и не охватываетъ новѣйшихъ изслѣдованій о кометахъ. За то она обходится безъ расплавленнаго состоянія земли и безъ внутренняго жара, что̀ уменьшаетъ число космическихъ гипотезъ. По Раденгаузену, въ туманномъ пятнѣ, составлявшемъ нѣкогда солнечную систему, одновременно образовалось много центровъ притяженія, изъ которыхъ иные, имѣя возможность привлечь большую массу вещества, возрасли быстрѣе и сдѣлались центральными тѣлами для другихъ. По мѣрѣ накопленія вещества къ какому либо центру, его теплота росла, такъ что тѣла нашей солнечной системы не остывали, а постепенно нагрѣвались, начиная съ 80° холода, постояннаго для междузвѣзднаго пространства. Луна представляетъ намъ первобытное состояніе земли и солнца; земля притянула болѣе веществъ и температура на ней выше, солнце притянуло наиболѣе вещества и потому сдѣлалось центральнымъ тѣломъ всей системы и развило наивысшую температуру. Земля состоитъ изъ накопленія маленькихъ тѣлъ, подобныхъ

Этотъ космическій процессъ рисуетъ намъ прошедшее, настоящее, будущее нашей солнечной системы. Ее ждетъ неизбѣжная гибель черезъ промежутокъ времени, который, впрочемъ, по громадности своей, не можетъ быть и представленъ нашему воображенію. Для нея также существовалъ періодъ туманности и нераздѣльнаго газообразнаго существованія. Затѣмъ, рядомъ обособляющихъ процессовъ, произошли одна за другою планеты съ ихъ спутниками, и былъ моментъ, когда обособилась наша земля. Какъ мы сказали выше, съ этого момента и можетъ историкъ приступить къ разсмотрѣнію процессовъ, начавшихся въ далекомъ прошедшемъ, но еще не кончившихся, и которые, въ одной своей весьма небольшой долѣ, образуютъ наше историческое время.

Какъ оно ни кажется страннымъ, но нашлись серьёзные изслѣдователи, пытавшіеся опредѣлить путемъ научныхъ методовъ вѣроятнѣйшій день рожденія нашей земли. По Шпиллеру, этотъ достопамятный день—21-е декабря новаго стиля. Тогда совпадаютъ условія, которыя могли повести всего скорѣе къ отдѣленію куска вещества отъ массы солнца подъ вліяніемъ центробѣжной силы. Во всякомъ случаѣ, былъ моментъ, когда расплавленная масса земли, окруженная газообразною атмосферою, начала жить геологическою, а не только астрономическою жизнію.

Здѣсь мы вступаемъ въ періодъ, гдѣ всѣ наблюденія оставляютъ насъ, и лишь весьма далекія аналогіи могутъ помочь изслѣдователю связать астрономическое бытіе земли съ тѣми наведеніями совсѣмъ иного рода, къ которымъ приводитъ наблюденіе настоящаго ея состоянія и той части ея исторіи, которая оставила слѣды въ ея слояхъ, доступныхъ прямому изслѣдованію. Современная геологія представляетъ именно теперь значительныя сомнѣнія въ областяхъ, считавшихся вполнѣ установленными. Химическая геологія Бишофа и Мора отвергаетъ всѣ факты, приводимые противоположною школою въ подтвержденіе существованія въ предѣлахъ геологическаго наблюденія, пластовъ, доказывающихъ въ земной корѣ огненное

аэролитамъ, накопленія, продолжавшагося неисчислимо длинное время. Огненно-жидкою она никогда не была. По мѣрѣ ея возрастанія она притягивала газообразныя частицы. Кислородъ сначала соединялся съ щелочными металлами, потомъ съ металлами, сродство къ которымъ у него слабѣе. Наконецъ, уже количество его увеличивалось на столько, что онъ могъ соединиться съ водородомъ и могла произойти на поверхности земли вода, вошедшая въ составъ химическихъ соединеній, потомъ осѣдавшая въ формѣ льда, наконецъ уже, при возвышеніи температуры, перешедшая въ жидкость и начавшая свое геологическое дѣйствіе. § 427 и слѣд.

дѣйствіе въ обширныхъ размѣрахъ и первобытное расплавленное состояніе земли. Хотя приверженцы прежнихъ воззрѣній и доказываютъ, что нѣкоторыя возраженія химиковъ не такъ убѣдительны, какъ они кажутся съ перваго взгляда, но безспорно, что ученіе, опиравшееся, какъ полагали, на большое число доказательствъ, теперь имѣетъ ихъ на лицо весьма немного. Точно также сомнительны теперь въ высшей степени всѣ заключенія объ одновременности геологическихъ явленій въ мѣстностяхъ отдаленныхъ одна отъ другой. Еще недавно господствовавшія и до сихъ поръ повторяющіяся въ неспеціальныхъ трудахъ картины *всемірныхъ* періодовъ состоянія земли съ приложеніемъ даже географическихъ картъ, потеряли всякое научное значеніе. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ даже замѣчательнѣйшіе геологи допускаютъ на дѣлѣ въ несравненно обширнѣйшихъ размѣрахъ одновременность геологическихъ явленій, чѣмъ ее можно допустить на основаніи точныхъ выводовъ. Съ другой стороны, химики-геологи не придаютъ никакого значенія послѣдовательности наслоеній и не пытаются вовсе рѣшить вопроса объ одновременности геологическихъ явленій разныхъ мѣстностей. Очевидно, геологія переживаетъ теперь переходное состояніе; всѣ данныя ея должны быть пересмотрѣны съ цѣлью установить болѣе точное пониманіе исторіи земли, и вопросъ о предѣлахъ распространенія каждаго мѣстнаго геологическаго явленія будетъ однимъ изъ важнѣйшихъ въ этомъ отношеніи. Весьма естественно, что при подобномъ переходномъ состояніи геологіи, неспеціалистъ, имѣющій въ виду воспользоваться ея результатами для общаго представленія о ходѣ развитія земли до человѣка, поставленъ въ затруднительное положеніе и весьма часто можетъ ошибиться въ выборѣ положеній, о вѣроятности которыхъ спорятъ сами спеціалисты. Поэтому читатель долженъ смотрѣть на слѣдующее не какъ на выводъ, опирающійся на *общее* согласіе геологовъ, а какъ на представленіе, извлеченное изъ полемики о *спорныхъ* вопросахъ и, для автора, наиболѣе вѣроятное. Астрономическія наблюденія ведутъ къ допущенію первобытнаго расплавленнаго состоянія земли, еслибы даже геологія не давала на то и никакого доказательства. Одновременность геологическихъ явленій для Западной Европы, повидимому, можетъ быть допущена, пока нѣтъ фактовъ, говорящихъ противъ нея. Нѣкоторыя спорныя явленія еще приходится объяснять двояко, такъ-какъ спорящія школы не выставили ни въ одномъ отношеніи безспорныхъ аргументовъ. [1]

[1] Я имѣлъ преимущественно въ виду: *Фр. Мора*: «Исторія земли», пер. П. И. Шульгинъ (Москва, 1868); *B. V. Cotta*: «Die Geologie der Gegen-

Продолжая развитіе представленія объ исторіи земли въ той послѣдовательности, которую намъ дали сближенія физико-химическихъ опытовъ съ астрономическими наблюденіями, мы имѣемъ предъ собою картину расплавленной, охлаждающейся массы. Какое время требовалось для этого охлажденія, можно заключить изъ слѣдующихъ данныхъ. Гельмгольцъ вычислилъ, [1] что первоначальная температура солнечной массы (слѣдовательно и того, что̀ впослѣдствіи составило нашу землю) должна бы доходить до 28,000,000° Ц., а по опытамъ Бишофа надъ базальтами, для того чтобы охладиться отъ 2,000° Ц. до 500° земля должна была употребить 35,000,000 лѣтъ. Какова бы ни была мѣра точности этихъ вычисленій, но мы должны допустить, что охлажденіе земли должно было имѣть слѣдствіемъ образованіе коры, составъ которой могъ сначала подходить къ составу нѣкоторыхъ безводныхъ аэролитовъ. По мѣрѣ охлажденія осѣдали на нее изъ атмосферы новыя вещества. Наконецъ температура спустилась ниже 100° Ц., и одинъ изъ величайшихъ геологическихъ дѣятелей, вода, явилась на земной поверхности. Тогда, къ дѣйствію газовъ на земную поверхность присоединилось растворяющее, размывающее дѣйствіе воды, между тѣмъ какъ охлажденіе все утолщающейся коры земной вызвало ея сжиманіе, сморщиваніе, изломы, осяданіе, поднятія материковъ и горныхъ хребтовъ. При малой теплопроводимости веществъ, составляющихъ земную кору, весьма скоро, сравнительно, должно было прекратиться всякое вліяніе внутренняго расплавленнаго ядра земли на ея поверхность, и процессы, совершающіеся въ земной корѣ, на столько обособились отъ процессовъ, совершающихся въ бо̀льшихъ глубинахъ, что первые не даютъ уже никакого достаточнаго основанія для заключенія о послѣднихъ.

Съ этого времени въ земной корѣ повторяется непрерывный рядъ процессовъ, совершающихся и на нашихъ глазахъ. При этомъ вода была главнымъ посредникомъ химическихъ замѣщеній. Проникая въ слои земли и разливаясь по ея поверхности, она окисляла вещества, растворяла соединенія, поглощала газы, несла растворы къ другимъ соединеніямъ, производила тамъ обмѣнъ веществъ и, насыщенная новыми растворами, несла

---

wart» II Ausg. (Leipzig, 1868); *H. Vogelsang*: «Philosophie der Geologie» (Bonn, 1867). Къ сожалѣнію, дарвинистъ Гэккель, сочиненія котораго весьма важны для до-человѣческаго періода, совершенно игнорируетъ полемику геологовъ и стоитъ на точкѣ зрѣнія универсальныхъ геологическихъ процессовъ, теперь уже совершенно отсталой.

[1] *Helmholtz:* «Wechselwirkung der Naturkräfte» (1854) § 29. Мнѣніе Бишофа цитировано мною по Шпиллеру.

ихъ далѣе какъ матеріалъ для новыхъ процессовъ, замѣняя такимъ образомъ нѣкоторые слои болѣе прочными соединеніями, уменьшая прочность другихъ слоевъ. Поверхность самыхъ твердыхъ горъ постепенно уступала дѣйствію воды и воздуха, утесы раскалывались на куски, измѣняли свою форму, наконецъ распадались въ пыль, и, хотя химическое дѣйствіе воды и газовъ выказывается медленнѣе или быстрѣе, смотря по климату, но нигдѣ ничто не противостоитъ этому дѣйствію и у подошвы всѣхъ горъ можно видѣть разрушенные ихъ обломки.

Но воздухъ и вода дѣйствуютъ не только химически, а въ то же время механически: бури и волны потоковъ срывали съ высотъ крупные и мелкіе обломки, сбрасывали ихъ въ долины и равнины; стирали неровности и несли свою добычу въ морскую глубину, на дно ручьевъ и рѣкъ, осаждали въ долинахъ плодородную почву. Морскія теченія перетирали то, что̀ падало въ море, отрывали берега въ одномъ мѣстѣ, расширяли ихъ въ другомъ, образуя песчаныя отмели. Приливъ приносилъ на сушу то, что̀ принадлежало океану; отливъ уносилъ въ океанъ добычу съ суши. Вѣтры несли морской песокъ на материкъ и песокъ материка въ море. Восточные вѣтры уносятъ песокъ африканской степи за Канарскіе острова на 40 миль отъ берега, а пассаты приносятъ пыль изъ южной Америки въ Европу. [1] Всѣ эти процессы ведутъ къ уравненію земныхъ неровностей, къ пониженію высотъ, къ возвышенію низменностей, къ наполненію углубленій.

Впродолженіе длиннаго періода времени эти процессы повторялись. Снова и снова вода размывала материки. Осадочные пласты ложились на дно океановъ. Части разрушенныхъ горъ ложились на равнины. Между тѣмъ вода дѣйствовала и на нижніе слои. Известняки растворялись въ окисленной водѣ; глинистые слои размягчались. Внутри земли образовались пустоты, или нижніе слои подавались подъ давленіемъ верхнихъ, когда новыя массы осадковъ ложились на поверхность или поддерживающія части слабѣли. Тогда часть земной поверхности опускалась медленно или обрушалась внезапно. Образовывались трещины. Развивалась теплота въ обширныхъ размѣрахъ. Здѣсь выступали размягченные нижніе слои въ видѣ горъ изъ расщелинъ и твердѣли на поверхности. Тамъ опусканіе одной части влекло за собою поднятіе сосѣдней. Въ другомъ мѣстѣ развитіе теплоты вызывало вулканическія явленія, которыя могли быть слѣдствіемъ и химическихъ процессовъ въ нижнихъ слояхъ,

[1] *Radenhausen*: «Isis» IV, 103.

а, можетъ быть, и дѣйствіе расплавленнаго ядра вызывало иногда поднятія частей земной поверхности, землетрясенія и изверженія. Вулканы переплавляли часть веществъ и пронизывали пласты воднаго происхожденія продуктами, гдѣ дѣйствіе огня очевидно. Вслѣдствіе этихъ мѣстныхъ опусканій, обрушеній, поднятій, много разъ дно моря становилось материкомъ и снова опускалось подъ поверхность воды; на осадочные пласты ложились новые и новые осадки разнаго происхожденія. Разнообразный міръ минераловъ, горныхъ породъ и геологическихъ формацій получилъ свое начало въ тѣхъ формахъ, которыя и теперь доступны наблюденію. О какомъ длинномъ процессѣ здѣсь идетъ рѣчь, видно изъ того, что Фольгеръ могъ назначить лишь *минимумъ* въ 648.000,000 лѣтъ для отложенія извѣстныхъ намъ слоевъ земной поверхности.[1]

Обратимъ вниманіе и еще на одинъ процессъ, имѣвшій важное значеніе въ подготовленіи дальнѣйшихъ явленій жизни земли. Вращеніе земли и наклонное положеніе ея оси опредѣлили климатическія условія, вслѣдствіе которыхъ происходитъ непрерывный круговоротъ воздушныхъ теченій: теплыхъ отъ экватора къ полюсамъ, и холодныхъ — отъ полюсовъ къ экватору. Но эти теченія заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе влажности, при чемъ передаютъ эту влажность материкамъ или всасываютъ въ себя влажныя испаренія материковъ. Тамъ, гдѣ влажность осѣдаетъ въ видѣ дождя или снѣга, она впитывается въ почву или собирается въ источники, ручьи, рѣки и озера. Количество падающей влаги, количество испареній и количество влаги, впитывающейся въ землю, весьма разнообразно, смотря по мѣстнымъ условіямъ, и эти количества опредѣляютъ мѣстное почвенное разнообразіе, образуя въ одномъ мѣстѣ степь, въ другомъ — плодородную почву; изрѣзывая одну страну водными путями и покрывая другую болотами; — возвышая уровень внутреннихъ бассейновъ здѣсь на 1000 метровъ надъ поверхностью океана (какъ недавно открытое озеро Ніаза), или опуская его на 350 метровъ ниже этого уровня (какъ Мертвое море); позволяя одной рѣкѣ нести ежегодно въ море 27 трилліоновъ кубическихъ футовъ воды (какъ Миссисипи), и принуждая другія рѣки изсякнуть не достигнувъ устья (какъ въ Австраліи).

Это разнообразіе мѣстныхъ условій повлекло за собою чрезвычайное разнообразіе въ развитіи *организмовъ* на поверхности земли. Ихъ появленіе на землѣ составляетъ для изслѣдователя

---

[1] *Volger*: «Erde und Ewigkeit» 1857, III Abschnit.

ея исторіи моментъ первостепенной важности. Мы знаемъ, что этотъ моментъ долженъ былъ имѣть мѣсто впродолженіе того длиннаго періода, который прошелъ между первымъ дѣйствіемъ воды на землѣ и настоящимъ временемъ. Съ этого момента слѣдовало бы начать новый періодъ развитія земли, еслибы мы имѣли какую либо возможность, хотя приблизительно, сказать, къ какой эпохѣ исторіи планеты отнести этотъ важный моментъ. До сихъ поръ точные опыты не дали ни одной аналогіи первому появленію органической жизни на землѣ. Я признаю всю важность работъ гетерогенистовъ новаго времени, но *вполнѣ* доказательными эти работы еще признать нельзя. Первобытныя формы жизни могутъ быть возстановлены лишь воображеніемъ. Не только микроскопическія животныя, образовавшія верхніе пласты почвы въ 20 ф. (въ Сѣверной Америкѣ), въ 40 ф. (близь Люнебурга), и даже въ 120 ф. толщиною (подъ Берлиномъ) [1], не могутъ служить представителями этихъ первобытныхъ живыхъ существъ, но и недавно открытое *животное зари жизни* (Eozoon canadense) [2], образующее слои въ 200 ф. толщиною, лежащіе болѣе мили ниже пластовъ, гдѣ до сихъ поръ встрѣчали древнѣйшіе остатки живыхъ существъ (такъ-называемыя силурійская и камбрійская системы), и оно, какъ принадлежащее къ отряду корненожекъ, представляетъ вовсе не *зарю*, а весьма далекую ступень органическаго развитія, потому что можетъ быть отнесено къ извѣстному семейству животнаго царства, тогда какъ начало органической жизни не можетъ намъ представляться иначе, какъ въ формѣ, гдѣ растительный міръ еще не обособился отъ животнаго, тѣмъ менѣе обособились различныя отрасли послѣдняго. Мы можемъ лишь сказать одно, какъ неизбѣжный выводъ изъ начальныхъ посылокъ. Если общее представленіе о процессѣ развитія земли, высказанное выше, вѣрно, то былъ моментъ, когда земля представляла расплавленную массу, вращающуюся въ пространствѣ, и другой неизмѣримо позднѣйшій, который доступенъ геологическимъ изслѣдованіямъ въ своихъ остаткахъ, доказывающихъ существованіе разнообразнаго органическаго міра съ обособленными формами. Между этими двумя моментами долженъ былъ встрѣтиться гдѣ-то третій, когда органическая жизнь получила начало. Будущія изслѣдованія могутъ намъ дать аналогіи для этого процесса, но до сихъ поръ онъ доступенъ лишь мысли въ ея выводахъ. Слѣды его стерты во

[1] *F. A. Pouchet*: «L'Univers» (Paris, 1865). 17.

[2] Открыто Логэномъ (W. E. Logan) въ Канадѣ. См. *Le-Hon*: «L'homme fossile en Europe» (1867), 5 и *B. v. Cotta*, 271.

внутренности земной коры измѣненіемъ строенія нижнихъ пластовъ, бывшихъ театромъ этого событія. Впрочемъ, еслибы самые пласты, заключавшіе *зарю жизни* на землѣ, были предъ глазами геолога въ своемъ первоначальномъ строеніи, онъ, вѣроятно, все-таки не увидѣлъ бы въ нихъ слѣдовъ этой жизни, потому что аналогіи зоологическихъ и растительныхъ простѣйшихъ формъ ведутъ къ допущенію, что первыя живыя существа, родоначальники животнаго и растительнаго міра, едва-ли могли противостоять разрушительному дѣйствію времени, хотя въ какой либо части своего тѣла. Отъ этихъ-то первобытныхъ представителей жизни на землѣ, доступныхъ намъ лишь по умозаключенію, пошли развѣтвленія органическаго міра, сначала обособившія растенія отъ животныхъ, затѣмъ въ каждомъ изъ этихъ царствъ природы вызвавшія обособленіе типическихъ формъ растительной и животной жизни въ ихъ разнообразныхъ отклоненіяхъ и переходахъ. Періодъ, впродолженіе котораго развивался органическій міръ, можно считать весьма недалекимъ отъ минимума, выставленнаго выше Фольгеромъ, и, по всей вѣроятности, лишь невольное отвращеніе нашего ума отъ чиселъ, недоступныхъ нашему воображенію по ихъ величинѣ, побуждаетъ умъ остановиться на минимумѣ, далеко ниже дѣйствительнаго; поэтому логическая возможность перехода отъ простыхъ, необособленныхъ формъ первобытной организаціи къ разнообразію нынѣшнихъ живыхъ существъ должна быть допущена: времени для этого было довольно.

Но мы обратимся въ другомъ мѣстѣ къ процессу развитія органическаго міра, въ томъ видѣ, въ какомъ его развитіе представляется современнымъ изслѣдователямъ на основаніи наиболѣе вѣроятныхъ аналогій, а теперь ограничимся указаніемъ участія этого міра въ геологическихъ процессахъ.

Какъ только организмы явились на поверхности земли, то къ тремъ упомянутымъ уже агентамъ переработки этой поверхности, къ вулканическимъ явленіямъ, къ газообразнымъ веществамъ и къ водѣ, присоединился могущественный четвертый дѣятель. Рядомъ съ процессами переплавки, размыванія, растворенія, химическаго разложенія и соединенія тѣлъ въ мильйонахъ маленькихъ живыхъ аппаратовъ началъ дѣйствовать процессъ переработки неорганическаго вещества въ другія формы, продукты выдѣленія организмовъ, кромѣ того—процессъ переработки неорганическихъ веществъ въ органическія, причемъ эти послѣднія, путемъ поѣданія однихъ живыхъ существъ другими, совершали разнообразные переходы чрезъ усвоивающіе,

переработывающіе и выдѣляющіе органы еще новыхъ живыхъ аппаратовъ. И продукты этихъ процессовъ, неорганическіе и органическіе, въ формѣ минераловъ, твердыхъ, мягкихъ, студенистыхъ частей тѣла, въ формѣ жидкостей и газовъ, ложились слоями на земную поверхность, растворялись въ жидкостяхъ земли и смѣшивались съ ея атмосферою, усложняя геологическіе процессы.

Такимъ образомъ микроскопическія существа при своемъ быстромъ размноженіи въ неизмѣримые періоды геологіи отлагали слои своихъ труповъ въ новыя формаціи, толщиною въ десятки и сотни футовъ. Они окрашивали этими трупами корналины, каменную соль, кремни мѣловой системы. Сланцевые пласты, дающіе трепелъ (tripoli) и распространяющіеся на десятки географическихъ квадратныхъ миль, при толщинѣ, достигающей до 15 ф., состоятъ изъ труповъ существъ, которыхъ въ одномъ кубическомъ дюймѣ содержится до 41,000. Другія существа, которыхъ количество на томъ же пространствѣ превосходитъ мильйонъ, образовали то, что̀ намъ представляется горами мѣла и нѣкоторыхъ другихъ известняковъ. Накопившіеся трупы нуммулитовъ легли слоями, изъ которыхъ почерпалъ человѣкъ матеріалы для Парижа, для пирамидъ, для египетскихъ сфинксовъ. Полипняки создали несчетные острова и подводные рифы. Можетъ быть, даже все содержаніе известняковъ въ корѣ земли есть лишь продуктъ органической жизни. Многочисленныя поколѣнія растеній должны были развиться и погибнуть, чтобы образовать каменно-угольные пласты, доходящіе до 50 и до 100 ф. толщины, расположенные въ нѣсколько этажей одинъ на другимъ, съ небольшими прослойками песчаниковъ и сланцевъ. Въ настоящее время существуютъ двѣ теоріи образованія каменнаго угля. По одной изъ нихъ, наиболѣе распространенной между геологами, торфъ или бурый уголь, происшедшій отъ растеній, преимущественно сухопутныхъ, постепенно превращается въ каменный уголь и въ антрацитъ или графитъ [1]. При этомъ нѣсколько сотенъ стволовъ волокнистыхъ растеній, частью обратившихся въ песчаникъ, указываютъ, по мнѣнію геологовъ, на особенность флоры, покрывавшей ту самую мѣстность, гдѣ пролегаетъ каменный уголь. Допустивъ это предположеніе, мы найдемъ, что самый густой лѣсъ нашего времени далъ бы слой угля, толщиною едва-ли въ полдюйма, и 500 поколѣній подобнаго лѣса образовали бы пластъ футовъ въ 20 приблизительно въ 50,000

[1] *V. Cotta*: «D. Geologie d. Gegenwart» 82. 160.

лѣтъ. Допуская образованіе каменнаго угля изъ сухопутныхъ лѣсовъ, для лѣсовъ, образовавшихъ нѣкоторые ряды пластовъ каменнаго угля, вычисленіе по аналогіи дастъ періодъ существованія болѣе 670,000 лѣтъ, и эпоху отложенія этихъ пластовъ можно, по Бишофу, отнести за 9.000,000 лѣтъ до нашего времени [1]. По теоріи Мора [2]—какъ кажется, болѣе вѣроятной—бурый уголь, получаемый, какъ продуктъ гніенія сухопутныхъ деревьевъ, занесенныхъ въ озера, никогда не переходитъ въ черный каменный уголь; послѣдній получается исключительно отъ отложенія на морскомъ днѣ оторванныхъ морскихъ водорослей, неимѣющихъ волокнистаго сложенія; деревья, стволы которыхъ въ немъ встрѣчаются, представляютъ явленіе случайное, принесены волнами съ суши, и лишь торфъ представляетъ остатки растительности, погибшей тамъ же, гдѣ она росла; все остальное, какъ принесенное издали, не дозволяетъ дѣлать никакого умозаключенія объ общемъ характерѣ флоры даннаго времени, а тѣмъ менѣе о флорѣ мѣстности, гдѣ встрѣчаются растительные остатки. При этомъ предположеніи труднѣе вычислить даже приблизительно время, потребное для образованія громадныхъ словъ каменнаго угля и бураго угля, но все-таки это время приходится принять весьма продолжительнымъ и допустить, что растительные организмы въ своихъ остаткахъ играютъ важную роль въ строеніи коры нашей планеты. Органическая жизнь окрасила воды морей и озеръ; отъ нея волны океана засверкали фосфорическимъ блескомъ; органическая пыль взвилась облаками въ атмосферу на подобіе тумана. Съ появленіемъ организмовъ на землѣ обмѣнъ углерода и азота между почвою и атмосферою сталъ совершаться преимущественно при пособіи организмовъ.

Но рядомъ съ участіемъ органическаго міра въ созданіи горныхъ породъ продолжали дѣйствовать неорганическіе агенты, принося то быструю, то медленную гибель мильйонамъ живыхъ существъ, заставляя ихъ усвоивать новыя привычки жизни или переселяться въ другія мѣстности земли. Постройки полиповъ и горы известковыхъ раковинъ, наравнѣ съ пластами неорганическихъ формацій, размывались, истирались, ложились новыми осадками на дно морей, покрывались новыми пластами, измѣняли свое частичное строеніе, обнажались отъ дѣйствія воды или вулканическихъ явленій обширнаго размѣра, опять становились почвою органической дѣятельности, опять

---

[1] *F. A. Pouchet*, 421 и слѣд.
[2] *Фр. Моръ:* 79 и слѣд., 396 и слѣд.

подвергались разрушенію еще и еще, давая начало новымъ пластамъ и горнымъ породамъ. Въ этихъ продуктахъ лишь отчасти наблюдатель можетъ прослѣдить длинный рядъ событій, совершавшихся съ вещественною частичкою: какъ она переходила чрезъ разнообразные процессы: вступала въ механическія связи, и эти связи разрушались; вступала въ химическія соединенія, и эти соединенія разлагались; вступала въ органическую жизнь одного существа, потомъ другаго, и снова переходила къ бытію неорганическому; до того момента, когда эта частичка, въ одной изъ своихъ переходныхъ формъ, предстала взгляду геолога.

Шли своимъ чередомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе общіе, физическіе, частью космическіе процессы. Охлажденіе всей массы продолжалось. Солнечная система несла землю въ части пространства, которыя могли имѣть разныя температуры. Неизмѣнно повторялись многовѣковые періоды измѣненія направленія земной оси, измѣненія наклоненія ея земной орбиты, измѣненія эксцентрицитета этой орбиты. Въ двадцать-одну тысячу лѣтъ, весеннее равноденствіе, совпадавшее съ точкою ближайшаго отстоянія отъ солнца (перигеліемъ), постепенно удалялось отъ него, совпадало съ точкою дальнѣйшаго отстоянія (афеліемъ) и снова возвращалось къ своему начальному положенію на эклиптикѣ. Геологическія измѣненія выдвигали подъ прямое дѣйствіе солнечныхъ лучей группы острововъ или массы материковъ то въ жаркомъ, то въ умѣренномъ, то въ холодномъ поясѣ, и опять опускали они материки подъ уровень океана, чтобы поднять въ другомъ мѣстѣ. Горные хребты, шедшіе въ одномъ направленіи, смѣнялись другими, съ направленіями совершенно иными. Океаны перерѣзывались, то теплыми теченіями, возвышавшими среднюю температуру нѣкоторыхъ прибрежныхъ странъ, то холодными, охлаждавшими другіе берега. Горячіе вѣтры, приносимые по направленію отъ песчаной тропической степи, смѣнялись свѣжими морскими вѣтрами. Всѣ эти причины могли въ различной степени измѣнять климатическія условія на поверхности земли въ разные геологическіе періоды, то уравновѣшивая другъ друга хотя частью, то усиливая климатическія измѣненія своимъ совокупленіемъ. Островной климатъ мѣстности смѣнялся материковымъ, прибрежный—средиземнымъ. Ледяныя шапки полюсовъ и горныхъ вершинъ разростались далеко въ предѣлы умѣреннаго климата. Громадные ледники присоединяли свое дѣйствіе къ дѣйствію газовъ, воды, вулкановъ и органическаго міра на земную поверхность, разносили глыбы скалъ въ далекія равнины, бороздили пескомъ почву, отлагали длинныя ряды каменныхъ

моренъ, и въ этихъ бороздахъ, въ этихъ моренахъ оставляли запись своего существованія, которую должна была прочесть мысль человѣка-геолога чрезъ сотни тысячъ лѣтъ. Затѣмъ снова сжимались предѣлы такъ-называемыхъ *вѣчныхъ* льдовъ; они уходили къ полюсамъ и къ вершинамъ горъ, оставляя болѣе мѣста дѣйствію солнечныхъ лучей и теплыхъ испареній. Измѣнялась подъ данной широтою и долготою средняя величина температуры и среднее количество влажности воздуха. Измѣнялась относительная длина и рѣзкость зимы и лѣта. Передвигались по земной поверхности и измѣняли свои изгибы линіи одинаковой средней температуры для цѣлаго года, для лѣта и для зимы (изотермы, изотеры и изохимены). Подобныя измѣненія должны были происходить много и много разъ для каждой мѣстности впродолженіе долгаго періода до-человѣческаго существованія земли.

Подъ вліяніемъ климатическихъ измѣненій, измѣнялся и живой покровъ организмовъ на земной поверхности. Сырой, умѣренный климатъ острововъ могъ дозволить развитіе богатыхъ растительныхъ и животныхъ формъ, напоминающихъ современныя тропическія страны тамъ, гдѣ нынѣ распредѣленіе твердыхъ и жидкихъ массъ даетъ мѣсто лишь болѣе бѣднымъ проявленіямъ жизни. Дальнее распространеніе ледниковъ убивало все живое въ предѣлахъ этого царства вѣчной зимы и населяло сосѣднія съ нимъ мѣстности животными и растеніями, переселенцами изъ полярныхъ странъ и горныхъ высотъ. Когда горячее вліяніе новой тропической степи, или болѣе благопріятная комбинація астрономическихъ условій, отодвигали назадъ предѣлы ледниковъ, тогда гибли или переселялись растенія и животныя холодныхъ странъ, другія перерождались или измѣнялись анатомически и физіологически, давая начало новымъ разновидностямъ, видамъ, родамъ и семействамъ существъ. Въ то же время изъ теплыхъ окраинъ начиналось въ страну переселеніе организмовъ, для которыхъ открывалась новая географическая область распространенія: за растеніемъ, принесеннымъ теченіемъ воздушнымъ или волною, шло травоядное животное, имъ питающееся; за этимъ шло хищное, его пожирающее. Въ морѣ появлялись новыя породы молюсковъ; полипы начинали свои постройки. Переродившіеся остатки прежней флоры смѣшивались съ новыми поселенцами, скрещивались съ ними, вступали съ ними въ борьбу за существованіе, и, по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ лѣтъ, новый органическій міръ нетолько покрывалъ почву, но являлся могущественнымъ дѣятелемъ для образованія новаго геологическаго пласта.

Исторія человѣчества есть исторія одной изъ породъ, во множествѣ жившихъ и вымершихъ на земной поверхности. Она есть одно изъ явленій органической жизни въ послѣдній періодъ развитія земли. Изслѣдованію геолога доступны болѣе точно слѣды послѣднихъ событій этого періода, нѣсколькихъ послѣднихъ тысячъ вѣковъ. Далѣе уже слѣды смѣшиваются, стираются, исчезаютъ, и отдаленныя сближенія, смѣлыя аналогіи едва могутъ служить руководителями для возстановленія исторіи этого дальняго *для насъ* времени, хотя оно должно быть признано весьма позднимъ для развитія земли. Размѣры *послѣдняго* ледянаго періода можно уже прослѣдить довольно основательно, но ему, по всей вѣроятности, должны были предшествовать многіе другіе. Мы находимъ остатки флоры и фауны *одного* періода, когда распредѣленіе климатовъ очень отличалось отъ нынѣшняго, но разнообразіе и обособленность формъ этой флоры и фауны не дозволяютъ предположенія, что это былъ періодъ, близкій къ первымъ временамъ органическаго міра. Вѣроятно, много разъ климатическія измѣненія совершались въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ, но мы не знаемъ о нихъ лишь потому, что время унесло всѣ ихъ слѣды. Изслѣдователь, обращающійся къ изученію развитія земли съ единственною цѣлью узнать подготовку почвы для *человѣческой* исторіи, можетъ довольствоваться и тѣмъ, что даютъ ему положительные факты науки. Но тотъ, кто стремится представить себѣ исторію земли въ ея цѣломъ, видитъ за послѣднимъ періодомъ, для котораго эти факты существуютъ, длинный рядъ дальнѣйшихъ періодовъ, все менѣе доступныхъ точному изслѣдованію, но которые, въ своихъ туманныхъ очеркахъ, неизбѣжно вызываются послѣдовательною философскою мыслью, опирающеюся на аксіомы неизмѣнности законовъ природы и непрерывности развитія существъ.

Продолжительность и медленность этого развитія, вмѣстѣ съ относительною молодостью древнѣйшихъ остатковъ, доступныхъ геологу, имѣютъ слѣдствіемъ то обстоятельство, на которое я указалъ выше. Если мы не будемъ брать въ соображеніе вопросы о космическихъ процессахъ и объ общихъ законахъ развитія міровъ, то геологъ, ограничиваясь фактами *своей* науки, вовсе не нуждается въ первобытномъ періодѣ существованія земли въ видѣ расплавленной массы, постепенно охлаждающейся, покрывающейся океаномъ и развивающей на своей поверхности организмы. Наведенія геологіи не идутъ въ этотъ дальній періодъ, и ни одна ея аналогія на него не распространяется. Еслибы мысль ученаго не видѣла въ небѣ раз-

витія, измѣненія и угасанія міровъ и не находила вѣроятнымъ распространить эту аналогію и на нашу землю, то земные факты могли бы привести изслѣдователя лишь къ представленію о вѣчномъ повтореніи геологическихъ процессовъ. Вѣчно могли повторяться мѣстныя измѣненія средней величины температуры и средняго количества влажности, мѣстныя образованія островов и материковъ, океановъ и средиземныхъ морей, мѣстныя поднятія и опусканія почвы, распространенія и съуженія зоологическихъ и ботаническихъ областей, передвиженія однѣхъ органическихъ формъ изъ бóльшихъ широтъ въ меньшія и обратно, наконецъ, вымираніе однихъ видовъ и развитіе другихъ подъ вліяніемъ благопріятствующихъ обстоятельствъ, естественнаго подбора и видоизмѣняющей среды. Древніе мыслители видѣли въ небѣ типъ неизмѣнности, на землѣ — типъ измѣнчивости; тамъ — вѣчное, здѣсь — переходное. Для ученаго новаго времени неподвижныя звѣзды пришли въ движеніе, неизмѣнные міры неба явились указателями всеобщаго процесса измѣненія, умиранія и перерожденія. Напротивъ, земля, въ своей непрерывной жизненности, въ безпрестанной гибели единицъ, видовъ и цѣлыхъ органическихъ царствъ, внесла въ точное естествознаніе возможность говорить о вѣчности, о неизмѣнномъ повтореніи возвращающихся періодовъ, о непрекращавшемся и никогда не долженствующемъ прекратиться процессѣ явленій, которыя мы видимъ своими глазами, ощущаемъ на своемъ тѣлѣ, наблюдаемъ около себя въ самыхъ обыденныхъ фактахъ. Конечно, мыслителю приходится отнести эту кажущуюся вѣчность земныхъ явленій къ краткости геологическаго періода, доступнаго сколько-либо точному наблюденію. Но этотъ *краткій* періодъ приходится измѣрять сотнями тысячъ тысячелѣтій. Это приводитъ неизбѣжно къ вопросу: какъ же долженъ былъ быть продолжителенъ *весь* періодъ развитія земли, когда факты, совершавшіеся въ сотни тысячъ тысячелѣтій, не указываютъ вовсе на процессъ *развитія*, а только на длинный рядъ вѣчно повторяющихся однообразныхъ процессовъ, мѣстно совершавшихся въ корѣ земли?

Особенно важны въ этомъ случаѣ геологическіе остатки организмовъ, хотя преувеличенное значеніе, приписанное имъ еще недавно, теперь исчезло. Прошло время, когда Агассисъ могъ раздѣлять земные пласты на царство рыбъ, царство пресмыкающихся, царство млекопитающихъ и царство человѣка [1]. Въ большинствѣ случаевъ характеристическія окаменѣлости

[1] *L. Agassiz*: «Recherches sur les poissons fossiles» I (1833); «Contributions to the natural history of the United States of America» (1857).

того или другаго пласта оказались мѣстными характеристиками, а не общими. Мысль, что палеонтологія свидѣтельствуетъ о постепенномъ развитіи организмовъ, начиная съ простѣйшихъ, оказалась невѣрна, такъ-какъ низшія формы существъ живутъ и въ наше время, а при заселеніи новаго материка, возникающаго изъ водъ, неизбѣжно было процессу заселенія идти именно такъ, что низшія формы, вообще говоря, должны были встрѣчаться ранѣе, а высшія позже [1]. Но имѣя предъ собою въ пластахъ земли лишь *послѣднія* страницы ея исторіи, мы не можемъ и надѣяться прочесть на нихъ *всю* исторію развитія организмовъ. Тѣмъ не менѣе, существуютъ нѣкоторые факты, при пособіи которыхъ палеонтологія можетъ служить для разграниченія неизмѣримо-длинныхъ періодовъ исторіи земли на отдѣлы. Въ предѣлахъ геологическихъ изслѣдованій нѣкоторыя семейства существъ обособились и вымерли; слѣдовательно, законченный періодъ ихъ существованія дозволяетъ ихъ признать указателями нѣкоторыхъ обширныхъ періодовъ жизни земли. Такимъ образомъ, время существованія граптолитовъ, ортоцератитовъ и трилобитовъ можетъ считаться особымъ *первичнымъ* періодомъ въ жизни земли; точно также алемониты и белемниты не встрѣчаются вмѣстѣ съ названными выше раковинами и вымерли совершенно; это даетъ другой періодъ — *вторичнаго* этажа [2]. На сколько изслѣдованія до сихъ поръ обособляютъ эти періоды, на столько геологъ вправѣ отдѣлять ихъ, но и тутъ мѣстная продолжительность развитія упомянутыхъ существъ могла быть различна, слѣдовательно, точнымъ хронологическимъ критеріемъ и ихъ назвать нельзя. Для этажей же, лежащихъ подъ первичнымъ и надъ вторичнымъ, и для подраздѣленія этажей на системы пластовъ, а системъ на формаціи, мы не имѣемъ никакихъ, сколько-нибудь строго-научныхъ данныхъ. Каждая страна, даже каждая сколько-либо изслѣдованная мѣстность, представляютъ особенный порядокъ напластованія, особенныя формы минералогическія и палеонтологическія [3]. Привычка побуждаетъ геологовъ снова и снова пытаться подвести явленія разныхъ мѣстностей подъ рубрики одновременности, но сколько-нибудь строгое опредѣленіе одновременности явленій возможно лишь въ небольшихъ размѣрахъ, тамъ, гдѣ можно прослѣдить дѣйствительное распространеніе пласта. Геологическая номенклатура все болѣе

[1] Въ этомъ отношеніи весьма наглядно указаніе Спенсера въ его статьѣ: «Нелогическая геологія», «Опыты» т. III, 326 и слѣд.

[2] *V. Cotta*, 118.

[3] Ср. у *V. Cotta*: на стр. 103—112 номенклатуры для разныхъ странъ.

ограничивается значеніемъ геогностическаго описанія и все болѣе теряетъ права на уясненіе исторіи земли [1].

Геологическія явленія представляютъ намъ лишь указанія, какъ неизмѣнно дѣйствующіе процессы подготовили въ послѣдній періодъ существованія земли почву для человѣческой исторіи. Распредѣленіе суши и воды, направленіе береговыхъ линій и горныхъ хребтовъ, обусловливающіе климатическія явленія въ настоящемъ, суть результаты ряда мѣстныхъ геологическихъ явленій, совершавшихся въ разное время, какъ и нынѣ поднятіе и опусканіе материковъ, вулканическія явленія, дѣйствіе газовъ, воды и организмовъ на почву продолжаютъ свое дѣйствіе въ разныхъ мѣстахъ земли. Неизмѣнно дѣйствующіе геологическіе процессы, при данныхъ обстоятельствахъ, въ данный моментъ, произвели здѣсь одно, тамъ другое, и основныя геологическія единицы, формаціи, измѣнялись и по минералогическому составу и по органическимъ остаткамъ, въ нихъ заключеннымъ. Эти остатки принадлежали представителямъ органическаго міра въ его развитіи, но порядокъ ихъ послѣдовательности въ слояхъ земной коры не зависитъ отъ закона этого развитія. Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе суши и воды въ послѣдній періодъ существованія земли давало почву исторіи человѣка, но чтобы связать эту исторію съ развитіемъ органическаго міра, въ особенности же животнаго, необходимо разсмотрѣть этотъ процессъ самостоятельно: тогда факты геологіи являются его подтвержденіемъ, хотя сами они не могутъ указывать на него. Многочисленныя сомнѣнія, возбужденныя въ послѣднее время относительно данныхъ геологіи, какъ исторіи земли, не имѣютъ никакого вліянія на твердость убѣжденія, которое съ каждымъ годомъ все расширяется въ средѣ біологовъ, именно убѣжденія въ развитіи высшихъ органическихъ формъ изъ низшихъ. Этотъ процессъ въ своемъ основномъ законѣ не зависѣлъ вовсе отъ геологическихъ процессовъ, которые обусловливали лишь его проявленія.

---

[1] Такъ-какъ мнѣ придется употреблять нѣкоторые термины этой номенклатуры, то приведу здѣсь списокъ этажей и системъ, на которые ихъ обыкновенно раздѣляютъ. При этомъ я преимущественно руководствуюсь сочиненіемъ Ф. Котта.

Этажъ азоическій,	системы:	первобытная плутоническая, первобытная осадочная.
» первичный,	»	эозоическая, камбрійская, силурійская, девонская, каменно-угольная, діаса или пермская.
» вторичная,	»	тріаса, юрья, мѣловая.
» третичный,	»	эоценовая (заря новой), міоценовая (менѣе новая), пліоценовая (болѣе новая).
» наносный (quaternaire):		дилювій (древніе наносы), аллювій (новые наносы).

3. Органическій міръ.

Одаренныя способностію развитія, органическія формы приспособлялись къ средѣ, въ которой получили начало; видоизмѣнялись подъ вліяніемъ этой среды и ея измѣненій; передавали, на сколько возможно имъ было, полученныя такимъ образомъ измѣненія своему потомству; размножались на сколько могли, но встрѣчали притомъ противодѣйствіе не только въ окружающей средѣ, а еще болѣе въ своихъ сродникахъ. Неумолимая борьба за существованіе началась между особями одной семьи, одного видоизмѣненія, одного вида, и между семьями, видоизмѣненіями, видами, отрядами животныхъ. Въ этой борьбѣ всякое случайное превосходство особи въ ея развитіи, въ ея формѣ, въ ея силѣ, въ ея привычкахъ дѣлало вѣроятнѣе передачу потомству именно ея особенностей строенія. Изъ 300 существъ, едва различимыхъ между собою, но тѣмъ не менѣе получившихъ при рожденіи три различныя наклонности, первая сотня могла оставить въ живыхъ еще 75 особей, когда второй остались лишь 25, а третьей лишь 5 при тѣхъ же обстоятельствахъ. Если они продолжались, то подобная же судьба постигала второе поколѣніе этихъ существъ и чрезъ нѣсколько поколѣній оставались въ живыхъ только существа съ особенностями первой сотни, а изъ нихъ наиболѣе тѣхъ, которыя обладали ея наклонностью въ наиболѣе характеризованной формѣ. Проходило еще нѣсколько поколѣній и потомки были уже такъ отличны отъ своихъ предковъ, что натуралистъ по одному наблюденію формъ не могъ бы признать послѣднихъ за предковъ, а первыхъ за потомство. Къ тому же среда разнообразна и обширна. Бѣдствія борьбы за существованіе уменьшались для формъ, отдаленныхъ одна отъ другой въ пространствѣ, или далекихъ по своему образу жизни. Особи одного происхожденія, попадая въ разныя обстоятельства жизни, если были въ состояніи приспособиться къ своей средѣ, могли одинаково успѣшно вести борьбу со своими совмѣстниками. При этомъ каждая особенность среды давала преимущество потомству существъ съ особенностями строенія, отличными отъ строенія существъ, жившихъ въ нѣсколько другой средѣ. Именно тѣ отличія, которыя имѣли менѣе вѣроятности удержаться здѣсь, получали наиболѣе вѣроятности удержаться тамъ. Изъ потомковъ однихъ и тѣхъ же существъ, чрезъ длинный рядъ поколѣній оставались въ жизни нѣсколько группъ, *подѣлившихъ* между собою пространство и особенности каждой мѣстности такимъ образомъ, что каждая

группа была наилучшимъ образомъ принаровлена къ той мѣстности и къ той средѣ, гдѣ жила, сравнительно со всѣми своими совмѣстниками, но еще болѣе сравнительно съ исчезнувшимъ рядомъ переходныхъ ступеней, связывавшихъ разнообразное потомство съ однообразными предками. Рѣзко-различныя формы, приспособленныя къ различнымъ средамъ, остались прочными и перешли почти неизмѣнными чрезъ длинный рядъ поколѣній, а промежуточныя формы, именно по своей промежуточности не настолько приспособленныя ни къ которой средѣ жизни, прожили недолго, оставили мало потомства себѣ подобнаго, и это потомство чрезъ немногія поколѣнія погибло вполнѣ, унося съ собою всѣ слѣды, анатомическія связи между оставшимися въ живыхъ разнообразными группами.

Не только отсутствіе борьбы, вслѣдствіе отдаленія существъ въ пространствѣ или различія ихъ образа жизни, обезпечивало существованіе органическихъ формъ. И при продолженіи прямой борьбы наставали моменты, когда гибель особей не подвергала болѣе опасности существованіе группы. Когда хищники размножались быстрѣе, или между ними развивались особенности съ бо̀льшимъ искусствомъ ловить добычу, то гибли организмы ихъ жертвъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ готовилась и гибель ихъ хищниковъ по недостатку средствъ жизни. Когда между жертвами развивались особенности съ большимъ искусствомъ избѣгать опасности, то гибель грозила хищникамъ, если они не совершенствовались. Но являлся моментъ, когда средства нападенія и обороны, а также способность размноженія породъ хищниковъ и жертвъ представлялась въ такой комбинаціи, что обѣ породы могли продолжать свое существованіе. Въ послѣднемъ случаѣ получались формы съ длиннымъ рядомъ поколѣній, мало отклонявшихся отъ предковъ, тогда какъ въ первыхъ нѣкоторыя формы должны были или погибнуть или измѣниться. Конечно, случай равновѣсія въ формахъ, въ привычкахъ и въ размноженіи былъ наименѣе вѣроятенъ для случайнаго скопленія органическихъ формъ, пришедшихъ на новый материкъ или тамъ развившихся. Слѣдовательно неизбѣжно чаще встрѣчались случаи гибели первобытныхъ формъ, развитія новыхъ особенностей въ хищникахъ и въ жертвахъ, съ лучшимъ приспособленіемъ къ мѣстности, колебанія условій борьбы, исчезанія промежуточныхъ ступеней существъ. Поэтому, по установленіи равновѣсія на длинный рядъ поколѣній, органическій міръ материка долженъ былъ представить формы, довольно значительно отличающіяся отъ формъ первобытнаго заселенія материковъ,

откуда пришли поселенцы, или отъ формъ, жившихъ на новомъ материкѣ до его послѣдняго погруженія въ океанъ.

Много разъ въ каждой мѣстности земли борьба приходила къ равновѣсію въ длинный періодъ существованія органическаго міра. Близкія породы уживались рядомъ, подѣливъ между собою почву; борющіяся породы продолжали борьбу съ одинаковыми шансами распространенія и гибели. Каждая подобная эпоха равновѣсія обозначала собою несравненно длиннѣйшій промежутокъ времени, чѣмъ другія части періода. Подъ вліяніемъ большей опасности погибнуть, въ породахъ должны были происходить измѣненія быстрѣе и промежуточныя ступени подвергались скорѣйшему истребленію. Въ эпохи равновѣсія породы становились сравнительно прочнѣе и ихъ формы менѣе измѣнчивы. Но наконецъ съ теченіемъ времени опять развивались новыя особенности, усовершенствовавшіяся формы которыхъ нарушали равновѣсіе. Или геологическія измѣненія стѣсняли предѣлы жизни одной породы, расширяли предѣлы жизни другой, заставляли перекочевывать третью. Борьба начиналась при новыхъ условіяхъ. Снова гибли нѣкоторыя породы въ большемъ числѣ, чѣмъ другія. Снова происходили измѣненія въ формахъ, въ привычкахъ тѣхъ, которые переживали катастрофу. Когда наступала новая эпоха равновѣсія и снова длинный рядъ сравнительно прочныхъ поколѣній удерживалъ особенности формъ на долгое время, эти новыя формы опять рѣзко отличались отъ формъ предшествовавшей эпохи равновѣсія въ той же мѣстности; промежуточныя же формы, существовавшія сравнительно недолго, исчезали большею частію безъ слѣда.

Такъ развивался и такъ продолжаетъ развиваться міръ органическій подъ вліяніемъ законовъ размноженія, борьбы за существованіе, приспособленія къ средѣ, видоизмѣненія формъ вслѣдствіе этого приспособленія, дальнѣйшаго и обширнѣйшаго ихъ измѣненія вслѣдствіе естественнаго подбора родичей; подъ вліяніемъ все новыхъ условій борьбы, вызываемыхъ этими измѣненіями; подъ вліяніемъ геологическихъ процессовъ; наконецъ подъ вліяніемъ смѣны періодовъ усиленной борьбы періодомъ сравнительнаго равновѣсія формъ. Наблюденіе организмовъ въ ихъ зависимости, въ особенности же наблюденіе вліянія послѣдней органической группы человѣка на всѣ остальныя, дало уже многочисленныя аналогіи, чисто-научнаго свойства для этого общаго представленія о развитіи организмовъ. Правда, онѣ еще съ достаточною точностью показываютъ измѣненія формъ лишь въ незначительныхъ предѣлахъ, но наука едва присту-

паетъ къ опыту на этой почвѣ. Противорѣчивыхъ фактовъ для этого воззрѣнія нѣтъ, а эмбріологія, палеонтологія и тщательрое изученіе того, что представляетъ современный органическій міръ даютъ съ каждымъ годомъ новыя указанія на вѣроятность этого великаго обобщенія послѣдняго времени, съ которымъ связаны имена Ламарка и Дарвина. Уже изъ предыдущаго можно видѣть, что въ слояхъ земли мы должны встрѣтить преимущественно представителей длинныхъ періодовъ равновѣсія со сравнительно прочными формами породъ. Болѣе короткіе періоды усиленной борьбы съ ихъ многочисленными переходными формами, обладавшими меньшимъ числомъ представителей, и неимѣвшими возможности долго существовать безъ измѣненія, неизбѣжно оставили менѣе слѣдовъ и разнообразіе этихъ остатковъ уменьшаетъ еще значительно для каждой формы вѣроятность ея сохраненія. Слѣдовательно, по самой теоріи измѣненія органическихъ формъ, необходимо встрѣчать въ остаткахъ древнихъ организмовъ данной мѣстности перерывы между прочными формами съ многочисленными представителями. Формы промежуточныя должны были выказать свое существованіе весьма рѣдко. Тѣмъ не менѣе во многихъ случияхъ онѣ уже найдены и хотя далеко не всѣ ступени развитія органическаго міра могутъ быть теперь доступны воображенію даже при пособіи самыхъ смѣлыхъ аналогій, но попытки прослѣдить эти ступени повторяются и органическій міръ прошедшаго и настоящаго, какъ одно цѣлое, все яснѣе выступаетъ предъ воображеніемъ мыслителя. Гордое предпріятіе *естественной* классификаціи живыхъ существъ получаетъ совершенно раціональный смыслъ: она должна соотвѣтствовать *реальному* процесссу развитія органическаго міра и предсказать форму еще неизвѣстнаго существа, составляющаго звѣно между извѣстными, съ тою увѣренностію, съ какою химикъ предсказываетъ формулу еще неоткрытаго эѳира, съ какою астрономъ вычисляетъ мѣсто и величину неизвѣстной планеты по измѣненіямъ въ движеніяхъ другихъ тѣлъ [1].

Если мы хотимъ себѣ представить форму первобытныхъ существъ, родоначальниковъ всѣхъ нынѣшнихъ организмовъ, мы невольно приходимъ къ безформенной плазмѣ бѣлковиннаго вещества, въ которой еще недавно Максъ Шульце и Дюжарденъ открыли фазисъ органическаго вещества, предшествующій

[1] См. *Ch. Darwin*: «On the origin of species» (1859; 4-изд. 1866) по-русски: *Дарвинъ*: «О происхожденіи видовъ», перев. Рачинскій (2-е изд. 1865).

формѣ клѣтокъ [1]. Конечно, намъ нечего искать остатковъ подобныхъ существъ въ слояхъ земли, но ихъ едва видные простымъ глазомъ представители, *монеры*, находятся еще нынѣ и въ прѣсной и въ морской водѣ. Онѣ совершенно однородны, лишены всякихъ органовъ, но тѣмъ не менѣе движутся помощью ложныхъ ногъ, питаются микроскопическими существами, и размножаются простымъ раздѣленіемъ. Это еще не животныя и не растенія, а *организмы вообще*. Можетъ быть, онѣ всѣ произошли тѣмъ же путемъ, какъ теперь происходятъ на глазахъ наблюдателя отъ одной первобытной монеры, но столь же возможно (какъ и думаетъ Гэккель), что первобытныя монеры безъ родителей развиваются постоянно, такъ что оживотвореніе неживаго вещества не перестаетъ совершаться около насъ [2]. Если допустить это предположеніе, въ особенности поддержанное Егеромъ, то несравненно легче объяснить существованіе весьма сходныхъ органическихъ формъ въ геологическихъ формаціяхъ, очевидно раздѣленныхъ огромнымъ періодомъ времени, тогда какъ сохраненіе формъ безъ сомнѣнія въ столь длинный періодъ если и невозможно, то весьма мало вѣроятно. Предположеніе постояннаго оживотворенія мертваго вещества не только не представляетъ существеннаго противорѣчія съ общими современными воззрѣніями, но скорѣе представляетъ для нихъ весьма близкую аналогію. При подобномъ воззрѣніи современный органическій міръ представляетъ совокупность существъ, *органическая* генеалогія которыхъ восходитъ къ первобытнымъ монерамъ, жившимъ въ весьма различные періоды, такъ что предки одного существа принадлежали органическому міру за милліарды лѣтъ, когда органическая жизнь начиналась на землѣ; предки же другаго существа были монеры современныя египетскимъ фараонамъ или крестовымъ походамъ.

Въ такихъ первобытныхъ организмахъ могли произойти два процесса: или внутреннее уплотненіе — образованіе ядра, переходъ однороднаго вещества въ клѣточку (ячейку); или выдѣленіе оболочки на поверхности вещества. Первое имѣетъ мѣсто во всѣхъ организмахъ при происхожденіи клѣточекъ ихъ составляющихъ. На этой ступени находятся и теперь нѣкоторыя *амэбы* (amaebae), которыя живутъ въ водѣ и даже полза-

[1] *Max. Schulze*: «Das Praloplasma: der Rhizopoden und der Pflanzenzellen» (1863).

[2] *E. Haeckel*: «Monographie d. Moneren» въ «Jenaische Zeitschrift f. Medicin u. Naturwissenschaft» (1866) Bd. IV, 64. См. его же: «Natürliche Schöpfungsgeschichte» (1868). Этимъ сочиненіемъ я преимущественно пользовался для послѣдующаго изложенія.

ютъ на сушѣ. Ихъ нельзя отличить отъ безцвѣтныхъ кровяныхъ клѣточекъ высшихъ животныхъ. Иныя изъ нихъ суть не иное что, какъ отдѣльно существующія ячейки другихъ низшихъ животныхъ, или представляютъ одно изъ переходныхъ ихъ состояній. Другія сохраняютъ свою форму въ рядѣ нѣсколькихъ поколѣній, раздѣляясь подобно монерамъ [1].

Выдѣленіе оболочки однородною массою органическаго вещества или голою ячейкою составляетъ процессъ, гдѣ раздѣленіе животныхъ отъ растеній въ первый разъ можетъ быть сколько нибудь опредѣлено, хотя современные ученые (напр. Гэккель) раздвигаютъ предѣлы переходнаго или промежуточнаго царства (протистовъ) далеко за эти предѣлы [2]. Но плотная и толстая оболочка растительной клѣтчатки, охватывающая ячейки растеній и сохраняющаяся на все время ихъ существованія, можетъ быть въ большей части случаевъ ясно противоположена болѣе тонкой и гибкой оболочкѣ животныхъ ячеекъ, или болѣе твердой ихъ оболочкѣ, снабженной отверстіями для сообщенія со внѣшнимъ міромъ, въ другихъ же случаяхъ—оболочкѣ, составляющей принадлежность лишь переходнаго состоянія организма. Болѣе твердая оболочка растительныхъ одноклѣточныхъ организмовъ дала имъ возможность питаться лишь жидкою пищею, тогда какъ весьма близкіе къ нимъ организмы животныхъ могли извлекать пищу и изъ твердыхъ тѣлъ, слѣдовательно имѣли возможность болѣе обширнаго развитія [3].

Впрочемъ, это различеніе растительныхъ организмовъ отъ животныхъ очень ясно на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія, но очень смутно на первыхъ. Голыя амэбы нельзя отнести ни къ растеніямъ, ни къ животнымъ исключительно; но другія амэбы, выдѣляющія оболочку, составляющія ее изъ мелкихъ камней, уже болѣе—прямо принадлежатъ къ животнымъ. Точно также *грегарины*, живущія паразитами, едва-ли дозволяютъ сомнѣваться въ своемъ происхожденіи изъ голыхъ амэбъ и въ своей животности. Подобное же развѣтвленіе замѣчаемъ въ отрядѣ *бичей-бѣгуновъ* (Geisselschwärmer, flagellata), изъ которыхъ однѣ формы (напр. зеленыя Euglena) совершенно неразличимы отъ органовъ размноженія (зооспоръ и антерозоидовъ) нѣкоторыхъ низшихъ растеній, и лишены мерцательныхъ рѣсничекъ; другія же, совершенно родственныя формы, приближаются къ безспорнымъ животнымъ, именно къ рѣсничнымъ

[1] *E. Haeckel*: «Nat. Sch.» 330.
[2] Тамъ же, лекція 15.
[3] Тамъ же, 332.

инфузоріямъ (Ciliata), такъ что легко допустить, что ихъ существъ, близкихъ къ нынѣшнимъ бичамъ-бѣгунамъ, развились какъ рѣсничныя инфузоріи, такъ и нѣкоторыя растенія.

Другую промежуточную форму представляютъ *студенистые грибы* (Myxomicetes), гдѣ совершенно-растительный организмъ даетъ споры, изъ которыхъ выходятъ голыя ячейки, принимающія сначала форму бичей-бѣгуновъ, потомъ форму амэбъ и потомъ снова сливающіяся въ одно растительное цѣлое.

Такія же сомнительныя существа, столь же близко подходящія къ растительному, какъ и къ животному царству, представляютъ микроскопическія существа *кремнисто-ячеекъ* (Diatomeae), кремнистыя оболочки которыхъ составляютъ трепелъ, открытыя Ценковскимъ *лабиринтулы* (Labirintulae) и *моресвѣтки* (Noetilucae).

Животная жизнь опредѣляется уже болѣе въ *корненожкахъ* (Rhizopodae), которыхъ едва-ли правильно отнести (съ Гэккелемъ) къ промежуточному царству. Но здѣсь въ наиболѣе полной формѣ совершается въ первобытной плазмѣ второй процессъ, о которомъ мы говорили выше. Уплотненіе ядра не происходитъ, слѣдовательно нѣтъ клѣточекъ и клѣточнаго строенія, но плазма выдѣляетъ самыя многообразныя оболочки. Дырчатыя раковины этихъ существъ побудили дать большинству ихъ названіе дырчатыхъ (foraminiferoe), и сквозь эти дырки выходятъ ихъ длинныя, сплетающіеся нитеобразныя ложныя ноги, служащія имъ для всевозможныхъ физіологическихъ отправленій [1]. Къ корненожкамъ относится то животное зари жизни (Eozoon), недавно найденное въ Канадѣ, въ Баваріи и въ Шотландіи на глубинѣ, гдѣ до сихъ поръ не думали найти живыхъ организмовъ, животное, присутствіе остатковъ котораго опредѣляетъ, по мнѣнію иныхъ геологовъ (напр. Б. Котты), особый геологическій періодъ или особую систему формацій. Корненожки же образуютъ въ большинствѣ случаевъ тѣ слои известняковъ громадной толщины, которые во всѣ періоды отлагались на днѣ морей, и теперь еще продолжаютъ отлагаться, чтобы потомъ подняться на поверхность и представить человѣку известняковыя горы.

Если въ корненожкахъ, въ грегаринахъ, въ рѣсничныхъ бичахъ-бѣгунахъ, обособился изъ монеръ и амэбъ типъ животныхъ, точно также въ другую сторону обособился типъ растеній [2]. Ближе всего къ первобытнымъ организмамъ надо по-

---

[1] См. *Т. Г. Гёксли*: «Начальныя основанія сравнительной анатоміи» (1865), 11 и слѣд.

[2] Послѣдующее по *E. Haeckel*: «Nat. Sch.» лекція 15.

ставить протококкусы и родственные имъ *простѣйшіе водоросли* (Urtauge, Archephyceae). Изъ нихъ развились зеленые, бурые и багряные *водоросли* (algae), составляющіе ту громадную морскую растительность, изъ которой въ большинствѣ случаевъ вѣроятно произошли (по Мору) и происходятъ въ глубинѣ океановъ каменноугольные пласты, ложащіеся на известняковые остатки корненожекъ и прекращающіе ихъ дѣятельность, пока морскія теченія, вслѣдствіе измѣненія положенія морскаго дна, не станутъ отлагать растительные трупы и образовывать новый слой каменнаго угля въ другомъ мѣстѣ. Водоросли не имѣютъ раздѣленія ствола и вѣтвей.

Изъ первобытныхъ водорослей (по Гэккелю), а можетъ быть изъ корня, родственнаго студенистымъ грибамъ, произошли *лишаи* (Lichenes) и *грибы* (Fungi). Для грибовъ едва-ли послѣдній источникъ не вѣроятнѣе, такъ-какъ они, хотя и совершенно растительныя существа, но въ физіологическомъ отношеніи приближаются къ животнымъ. Они не выдѣляютъ характеристическаго для растенія хлорофила, вдыхаютъ кислородъ и выдыхаютъ углекислоту, какъ животныя, въ противоположность растеніямъ, и питаются органическими веществами, разлагая ихъ, что также противоположно растеніямъ. Здѣсь мы имѣемъ настоящія растенія, сохранившія еще слѣдъ своей близости къ животнымъ.

Изъ земныхъ водорослей развились (по Гэккелю) *мхи* (Muscinae) и *папоротники* (Filicinae), представляющіе уже (за исключеніемъ низшихъ мховъ) раздѣленіе ствола и вѣтвей. Изъ папоротниковъ — голосѣмянныя *цикадеи* и *хвойныя*, съ дифференцированнымъ плодомъ; еще позже — *односѣменодольныя* и *двусѣменодольныя*, съ разнообразными органами оплодотворенія, въ нѣкоторыхъ своихъ представителяхъ (напр. мимозахъ), достигающіе даже чего-то похожаго на чувствительность, которая составляетъ какъ бы нераздѣльную принадлежность животнаго организма.

Возвращаясь къ простѣйшимъ существамъ, изъ которыхъ развились обособленные міры животныхъ и растеній, мы, въ переходахъ формъ амэбъ, въ измѣненіяхъ жизни слизистыхъ грибовъ какъ бы присутствуемъ въ томъ періодѣ, когда еще кругъ метаморфозъ организмовъ не былъ ограниченъ однимъ царствомъ, но распространялся на все. Въ позднѣйшихъ существахъ онъ сталъ съуживаться, такъ что, во всѣхъ формахъ жизни существа, легко его признать или за животное или за растеніе. Тѣмъ не менѣе слѣды прежней близости всѣхъ типовъ органическаго міра еще остались и въ позднѣйшихъ фор-

кахъ. Я уже говорилъ о сходствѣ формъ нѣкоторыхъ животныхъ существъ съ двумя органами размноженія низшихъ растеній, причемъ самые эти органы (зооспоры и антерозоиды) весьма различны одинъ отъ другого по функціи [1]. При этомъ невольно возстаетъ предъ мыслію процессъ, когда-то совершавшійся (а можетъ быть и продолжающій совершаться), когда *дѣйствительно*-тожественныя первобытныя монеры, или близкіе родственники амэбъ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, прослѣдить которыя намъ уже невозможно, обособились такъ, что одни перестали двигаться и развились въ растительныя существа, другія сохранили способность движенія на всю свою жизнь, наконецъ третьи стали органами передачи органическаго развитія, органами оплодотворенія существъ, неспособныхъ вступить собственными силами на дальнѣйшія ступени жизни. Кромѣ того способъ размноженія распаденіемъ одного существа на нѣсколько ему подобныхъ общъ низшимъ животнымъ съ значительнымъ числомъ растеній. Еще въ отрядѣ полиповъ отъ неподвижной колоніи отдѣляются подвижныя существа, подобно зооспорамъ водорослей, чтобы на другомъ мѣстѣ развиться въ новую неподвижную колонію. Высшія растенія не размножаются уже путемъ оживленныхъ самостоятельныхъ органовъ оплодвотворенія (антерозоидовъ), которые поражаютъ изслѣдователя низшихъ существъ своею близостью къ животнымъ формамъ; но высшіе разряды животныхъ, до человѣка включительно, сохраняютъ въ своихъ сперматозоидахъ традицію, связывающую царя созданія съ водорослями, при посредствѣ существъ, къ которымъ одинаково можно приложить и терминъ органа, и терминъ особи. У оболочниковъ (асцидій), имѣющихъ уже сердце (хотя весьма простое) и нервный узелъ, оболочка заключаетъ въ себѣ составную часть, тожественную съ древесной клѣтчаткой. [2].

Ближайшій отрядъ животныхъ къ простѣйшимъ, нами разсмотрѣннымъ, представляютъ *губки* (Spongiae), при чемъ мягкотѣлыя губки состоятъ изъ однородной плазмы или изъ соединенія голыхъ амэбъ. Здѣсь мы имѣемъ предъ собою животное образованіе, удержавшее то строеніе, которое между переходными существами временно занимаетъ студенистый грибъ въ одномъ изъ своихъ состояній. Индивидуализмъ животнаго не имѣетъ

---

[1] См. *Thuret*: «Recherches sur les zoospores des Algues»; «Recherches sur la fecondation des Fucacées et sur les Antheridies des Cryptogames»; «Recherches sur les Antheridies des fougères»; статья Виня (Vignes) о трудахъ Тюрэ въ «Annuaire Scientifique» (1867).

[2] *Т. Г. Гёксли*: «Нач. осн. ср. ан.» 38.

мѣста, такъ-какъ оно представляетъ коллективную жизнь колоніи, съ общими отправленіями и съ общими органами. Въ отличіе отъ предыдущихъ классовъ губки имѣютъ уже два способа размноженія: неполовой и половой. У нихъ находимъ рѣсничные органы, связывающіе ихъ съ одной стороны съ высшими бичами-бѣгунами, съ другой — съ инфузоріями. Губки, имѣющія скелетъ (роговой, кремнистый или известковый), развились, какъ надо полагать, изъ мягкотѣлыхъ губокъ. Вымершія губки въ большомъ количествѣ встрѣчаются въ системахъ первичнаго и вторичнаго періода. Въ нѣкоторыхъ кремнистыхъ губкахъ видятъ иные ученые (напр. Гэккель) переходъ къ кораллямъ. Во всякомъ случаѣ, губки въ своемъ развитіи представляютъ намъ уже животную форму, далеко отошедшую отъ первобытныхъ праорганизмовъ.

Еще дальнѣйшій шагъ въ усовершенствованіи той же вѣтви представляютъ *акалефы* (acalephae), безкишечныя животныя явно *клѣточнаго сложенія*, именно гидры и полипы. Простѣйшія *гидры* (Hydra) по всей вѣроятности развились изъ мягкотѣлыхъ губокъ, и дали начало гидрамъ съ метаморфозами въ индивидуальныя, свободно-плавающія медузы и въ неподвижные полипняки съ весьма разнообразнымъ раздѣленіемъ труда, а также настоящимъ *полипамъ* (actinozoa), строителямъ громадныхъ рифовъ, изготовителямъ коралловъ; хотя возможно, что полипы, частью, произошли изъ кремнистыхъ губокъ. Строеніе гидръ еще весьма просто: два слоя, составляющіе всю сумму ихъ орудій въ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, весьма мало обособлены, но у полиповъ это самое строеніе далеко уже подвинулось впередъ. Внутри тѣла образуется околочревная полость, окружающая главныя внутренности; наконецъ, у нѣкоторыхъ полиповъ развивается уже зачатокъ *нервной системы* [1]. Ея появленіе крайне важно, потому что она заключаетъ въ себѣ главный органъ приспособленія животнаго къ окружающей средѣ и къ встрѣчающимся обстоятельствамъ. Она, въ своемъ развитіи, составляетъ все болѣе могущественное орудіе для борьбы животнаго противъ многочисленныхъ опасностей, ему угрожающихъ, и для устойчивости поколѣній. На сколько нервная система была важна въ борьбѣ за существованіе, можно судить по тому обстоятельству, что изъ всѣхъ животныхъ формъ съ клѣточною тканью лишь гидрамъ и части полиповъ удалось войти въ позднѣйшую равновѣсную систему организмовъ, обойдясь безъ нервовъ. Всѣ остальныя существа должны были выработать себѣ нервы или погибнуть въ борьбѣ.

[1] Тамъ же, 27.

Но акалефы представляютъ высшее развитіе одной только вѣтви животнаго царства, тогда какъ наиболѣе важная для насъ еще не разсмотрѣна. Это—вѣтвь, развившаяся изъ *инфузорій* (Infusoria). Онѣ сохраняютъ на всю жизнь движеніе частью при помощи рѣсничнаго аппарата, частью удерживаютъ этотъ аппаратъ лишь на первой ступени метаморфозы, а потомъ переходятъ въ неподвижное состояніе. Классъ инфузорій связываетъ незамѣтными ступенями формы, которыя съ одной стороны спускаются къ бичамъ-бѣгунамъ, къ низшимъ растеніямъ, съ другой — сближаются съ многочисленными развѣтвленіями животнаго царства, къ которымъ мы перейдемъ ниже. Въ инфузоріяхъ по Гэккелю можно признать корень большинства вѣтвей животнаго міра. Сами по себѣ онѣ представляютъ въ своихъ высшихъ формахъ уже далекую ступень развитія сравнительно съ праорганизмами, хотя не имѣютъ еще ни нервной системы, ни кишечнаго канала [1].

Нервная система появляется уже въ группахъ, которыя можно связать ближе другихъ съ рѣсничными инфузоріями, хотя и тутъ промежутокъ развитія очень великъ. Это тѣ группы изъ отряда, такъ называемыхъ, глистовыхъ (scalecida), которыя не ведутъ паразитной жизни: *струйчатыя* (Turbellaria), *коловратки* (Rotifera) и отрядъ *иглокожихъ* (Echinoderma). Взрослыя животныя всѣхъ этихъ отрядовъ сближены между собою одной особой системою органовъ, имѣющею у нихъ впрочемъ различную функцію [2]. Глистовыя обладаютъ, такъ называемою, водно-сосудистою системою, т.-е. системою сосудовъ, сообщающихся съ внѣшнею поверхностью и болѣе или менѣе обширно развѣтвляющихся въ тѣлѣ. Большую аналогію съ этою системою представляетъ въ иглокожихъ ихъ система присасывательныхъ ножекъ, служащая имъ для перемѣщенія; мы здѣсь имѣемъ какъ бы одинъ и тотъ же органъ, обособившійся по функціямъ вслѣдствіе различнаго приспособленія, но сохранившій слѣдъ анатомической близости. Нервная система названныхъ глистовыхъ весьма проста. У иглокожихъ же личинки не имѣютъ вовсе нервной системы, которая развивается у взрослаго животнаго, получая при этомъ весьма значительную выработку, сравнительно съ нервною системою моллюскоидовъ и даже моллюсковъ. При этомъ развитіе иглокожихъ представляетъ немалыя особенности. Ихъ личинки напоминаютъ скорѣе личинки кольчатыхъ, а взрослыя морскія звѣзды представляютъ въ своихъ лучахъ какъ бы сросшіяся

---

[1] Едва-ли удобно подвести инфузоріи подъ группу *червей* (Würmer), какъ это сдѣлалъ Гэккель.

[2] Для послѣдующаго см. *Т. Г. Гексли*, лекція 8 и *E. Haeckel*, лекція 17.

хвостами кольчатыя животныя, съ нервною системою, весьма сходною съ системою послѣднихъ и со сложными глазами, встрѣчающимися лишь здѣсь. Едва-ли можно допустить (какъ думаетъ Гэккель), что это дѣйствительно продуктъ сростанія кольчатыхъ. Гораздо скорѣе мы имѣемъ въ иглокожихъ замѣчательный образецъ того пути, которымъ въ давно минувшіе періоды подготовлялась форма кольчатыхъ. Въ личинкахъ низшаго класса уже совершался тотъ же процессъ, какъ въ высшемъ классѣ, но личинки еще не давали индивидуума въ настоящемъ смыслѣ: взрослое животное было животное сложное, многоголовая морская звѣзда, съ однимъ общимъ пищеварительнымъ органомъ для всѣхъ существъ, соединенныхъ въ колонію. Лишь съ теченіемъ времени лучи получили самостоятельную жизнь, а наконецъ и переходная ступень сложнаго животнаго исчезла; личинка же стала прямо переходить въ индивидуализированное кольчатое животное. Это можно думать на основаніи общаго закона развитія, который побуждаетъ считать вѣроятнѣйшимъ для позднѣйшей ступени и развитіе, ближайшее къ высшимъ существамъ, а не отступленіе безъ видимаго повода. Индивидуализація животныхъ есть общее правило на высшихъ ступеняхъ, тогда какъ именно промежуточныя существа между амэбами и инфузоріями съ одной стороны, молюсками, суставчатыми и позвоночными съ другой, допускаютъ коллективную жизнь. Кольчатыя на столько близки къ суставчатымъ, что для нихъ образованіе иглокожихъ сростаніемъ было бы вырожденіемъ, отступленіемъ на низшій фазисъ животной жизни, что̀, для свободно-живущихъ существъ, едва-ли правдоподобно.

Но разрядъ глистовыхъ, изъ котораго я упомянулъ двѣ группы, заключаетъ нѣсколько другихъ, ведущихъ временно или постоянно паразитную жизнь. Эта жизнь неизбѣжно могла повести къ вырожденію, а потому нельзя быть увѣреннымъ, что *сосальщики* (Trematada), *круглые глисты* (Nematoida), *ленточные глисты* (Taeniada), *колючеголовые* (acouthocephalae), *волосатиковые* (Gordiacea), несмотря на сходство строенія всѣхъ этихъ животныхъ съ свободно-живущими глистовыми, представляютъ ихъ близкихъ родственниковъ по происхожденію. Для однихъ изъ этихъ животныхъ оно можетъ быть и такъ. Другія же могли выродиться изъ болѣе развитыхъ существъ, потерявшихъ нѣкоторые органы при приспособленіи къ паразитной жизни. Такъ напр. колючеголовые, повидимому, сохранили даже въ своемъ строеніи слѣды не нужнаго имъ кишечнаго канала [1], существо-

[1] *Fr. Rolle*: «Ch. Darwins Lehre» 36 и слѣд.

вавшаго у ихъ предковъ (вѣроятно, кольчатыхъ) и потерявшаго свое физіологическое отправленіе у паразитныхъ потомковъ. Въ сосальщикахъ можно предположить родственниковъ струйчатыхъ. Вообще же вся эта группа иглокожихъ и глистовыхъ должна была выдержать при своемъ развитіи весьма трудную борьбу за существованіе. Отъ нее спаслись лишь существа, успѣвшія выработать уже столь высокое, сравнительно, развитіе, какъ нынѣшніе иглокожіе; другимъ пришлось приспособиться къ паразитной жизни, съ ея жестокими случайностями, которыя губятъ милліоны существъ, оставляя въ живыхъ лишь немногихъ особей, и эти особи поддерживаютъ существованіе вида лишь благодаря своей невообразимой способности размноженія. Спаслись еще существа, которыя, подобно коловраткамъ, имѣли настолько способности противостоять внѣшнимъ вліяніямъ, что о нихъ недавно еще утверждали, что они неистребимы отъ жара и безсмертны [1].

Коловратки важны въ системѣ развитія животныхъ еще и въ томъ отношеніи, что онѣ представляютъ весьма близкій типъ къ зародышной формѣ ракообразныхъ [2], слѣдовательно можно допустить, что онѣ дали начало суставчатымъ. Въ такомъ случаѣ близость коловратокъ къ иглокожимъ могла бы служить объясненіемъ близости кольчатыхъ къ суставчатымъ.

Иглокожіе имѣютъ уже кишечный каналъ, и это сближаетъ ихъ съ низшими классами молюскообразныхъ, *мшанками* (Bryozoa), хотя послѣднія имѣютъ далеко простѣйшее строеніе. Они даже сближаются съ акалефами и, вѣроятно, отдѣлились отъ общаго корня инфузорій весьма недалеко, по времени, отъ того момента, когда сами инфузоріи отдѣлились отъ вѣтви губокъ и акалефовъ. Нервная система мшанокъ состоитъ изъ одного нервнаго узла съ развѣтвленіями; пищевой каналъ выдѣленъ изъ окружающей полости и представляетъ изогнутую трубку, что рѣзко отличаетъ мшанокъ отъ акалефъ и образуетъ изъ мшанокъ низшую группу *кишечныхъ* животныхъ [3].

Другая группа моллюскоидовъ, развивавшихся параллельно мшанкамъ, вѣроятно, изъ того же корня, именно *оболочники* (асцидіи), сохранила до сихъ поръ столь же простой нервный узелъ, какъ мшанки; но въ ней мы находимъ впервые центральный органъ кровообращенія, *сердце*, хотя и самого простаго устройства — мышечную трубку, съ обѣихъ сторонъ от-

---

[1] *F. A. Pouchet*: «L'Univers» 36 и слѣд.
[2] *Fritz Müller*: «Für Darwin» (1864); E. Haeckel, 423.
[3] *Т. Г. Гёксли*, 29 и слѣд.

крытую и періодически измѣняющую (для большинства оболочниковъ) порядокъ своихъ сокращеній. Эта группа крайне важна въ системѣ развитія животныхъ, потому что представляетъ точку связи между безпозвоночными и позвоночными. Въ молодыхъ оболочникахъ (по Ковалевскому) замѣчено начало образованія спиннаго шнурка и спиннаго мозга, потомъ исчезающее у взрослаго животнаго [1].

Затѣмъ мы имѣемъ классъ *плеченогихъ* (Brachiopoda), который, съ одной стороны, можно связать съ настоящими моллюсками, съ другой же—съ мшанками, т.-е. возвести къ предкамъ, основное строеніе которыхъ должно было представлять незначительное отличіе отъ нынѣшнихъ мшанокъ, хотя классъ плеченогихъ представляетъ весьма важную ступень развитія какъ сравнительно со мшанками, такъ и почти со всѣми существами, до сихъ поръ разсмотрѣнными. Понятіе о животной особи едва-ли приложимо къ существамъ, необладающимъ вовсе даже зачатками нервовъ, а въ мірѣ полиповъ, иглокожихъ, глистовыхъ, мшанокъ, оболочниковъ приходится употреблять терминъ: *сложное животное*, при чемъ отношеніе особи къ цѣльму существу остается неяснымъ. Плеченогія *обособлены*. Это животныя простыя и продуктъ ихъ яицъ не производитъ, чрезъ почкованіе, другихъ особей. Внутренности ихъ, въ которыхъ можно отличить кишки, желудокъ, печень, представляютъ дальнѣйшее развитіе внутренностей мшанокъ. Сосудистая система ихъ требуетъ еще подробнѣйшаго изслѣдованія, но у нихъ, какъ и у оболочниковъ, встрѣчаемъ особую систему предсердій и ложныхъ сердецъ, которая своими сообщеніями съ внѣшнею средою какъ бы напоминаетъ отдаленное родство этихъ существъ съ иглокожими и глистовыми. Вообще признаютъ у плеченогихъ и присутствіе сердца. Нервная система плеченогихъ, не столь развитая, какъ у высшихъ иглокожихъ, представляетъ тоже значительное развитіе, сравнительно съ нервнымъ узломъ мшанокъ [2]. Плеченогія представляли одинъ изъ организмовъ, выдержавшихъ, повидимому, наименьшую борьбу за существованіе и поддавшихся лишь медленно измѣненію геологическихъ условій. Четыре рода плеченогихъ (между прочимъ, lingula) пережили всѣ земные перевороты, совершившіеся со времени отложенія пластовъ силюрійской системы, и новые роды не представляютъ особеннаго развитія въ типѣ плеченогихъ. Но въ древнѣйшій періодъ, доступный изслѣдованію,

[1] Тамъ же, 35 и слѣд.; E. Haeckel, 409, 438.
[2] *Т. Г. Гёксли*: 31 и слѣд.

они представляли значительное богатство видовъ рядомъ съ другими раковистыми животными. Теперь неблагопріятныя условія довели ихъ до 80 видовъ, что составляетъ около $^3/_4\%$ всѣхъ видовъ моллюсковъ и моллюскоидовъ, взятыхъ вмѣстѣ [1].

Плеченогія представляютъ, какъ я уже сказалъ, переходную ступень отъ моллюскоидовъ къ настоящимъ моллюскамъ. Одни ученые (напримѣръ, Гэксли) относятъ ихъ къ первымъ, другіе (Гэккель)—ко вторымъ. Во всякомъ случаѣ плеченогихъ можно считать корнями всѣхъ моллюсковъ, низшую ступень которыхъ представляютъ *безголовыя* (acephalae). У нихъ уже находимъ хорошо развитое сердце съ предсердіями и желудочками. Дыхательный органъ представляетъ жабры въ формѣ пластинокъ или отдѣльныхъ волоконъ, пронизанныхъ сѣтью кровяныхъ сосудовъ. Три пары нервныхъ узловъ съ нервными волокнами, распространяющимися по разнымъ органамъ, соединены между собою и даютъ возможность проявиться бо́льшему единству въ воспріятіяхъ и дѣйствіяхъ животнаго. И безголовыя имѣютъ представителей въ древнѣйшихъ пластахъ, дающихъ животные остатки; но они, повидимому, имѣли типъ, дозволявшій иной путь развитія, чѣмъ плеченогія. Они встрѣчаются сначала въ небольшомъ числѣ видовъ, а потомъ число это значительно возрастаетъ, при чемъ новѣйшія формы ихъ представляютъ, какъ надо полагать, высшую организацію, чѣмъ формы древнѣйшихъ періодовъ.

Изъ предыдущаго видимъ, что, съ тѣхъ поръ, какъ появились животныя съ тканью клѣточнаго строенія, борьба за существованіе должна была значительно усилиться. Только путемъ дальнѣйшаго усовершенствованія могло большинство формъ удержаться и приспособиться къ равновѣсной системѣ существъ. Нервная система, особенный кишечный каналъ, центральный органъ кровеобращенія, наконецъ, индивидуализація существъ суть послѣдовательныя ступени, которыя почти неизбѣжно было пройти. Безъ нервовъ удержались лишь гидры и часть полиповъ. Безъ кишечнаго канала лишь полипы, да глистовыя. Съ обособленіемъ кишечнаго канала быстро появляется требованіе особаго центра кровеобращенія и задача индивидуализаціи. У типа болѣе близкаго къ инфузоріямъ индивидуализація совершается постепенно, развитіемъ нервной системы и ея функцій, такъ что тамъ она какъ бы предшествуетъ появленію сердца (у простѣйшихъ суставчатыхъ). Но въ типахъ моллюскоидовъ и моллюсковъ, представляющихъ промежуточныя формы между

[1] *Fr. Rolle*, 238.

развѣтвленіемъ животныхъ инфузоріальныхъ и животныхъ безкишечныхъ, причемъ ступень сложнаго, коллективнаго существованія весьма ясно обозначена—и послѣдовательность этихъ двухъ ступеней развитія болѣе характеризована. Мшанки уже имѣютъ кишечный каналъ; оболочники пріобрѣли сердце; ближайшіе ихъ родственники — плеченогія и простѣйшія позвоночныя — уже индивидуализированы. Съ этихъ поръ всѣ орудія въ борьбѣ за существованіе на лицо (за исключеніемъ немногихъ формъ) и эти лишь орудія совершенствуются. Промежуточныя ступени погибли и типы моллюсковъ, суставчатыхъ, позвоночныхъ далеко разошлись, тогда какъ животныя неклѣточнаго строенія и существа промежуточныя между животными и растеніями остались во многихъ первичныхъ формахъ.

Не дальнихъ родственниковъ безголовыхъ мы видимъ въ существующихъ трехъ группахъ зубоносныхъ моллюсковъ (odontophora). У маленькихъ представителей группы *крылоногихъ* (pteropoda) находимъ тѣ же три пары нервныхъ узловъ, что у безголовыхъ, но въ то же время и голову съ органами зрѣнія въ зачаточномъ состояніи, а появленіе зубнаго органа или языка, способнаго истереть, распилить или скоблить попадающуюся добычу, значительно увеличиваетъ для крылоногихъ средства питанія и облегчаетъ имъ борьбу за существованіе. Отъ общаго предка, вѣроятно, ближе подходившаго къ формѣ крылоногихъ, должны были произойти и *головоногіе* (cephalopoda), у которыхъ типъ моллюсковъ достигъ наибольшаго своего развитія. Явственная голова ихъ получила зрительные и обонятельные органы, хорошо развитые въ большей части видовъ. Края же ноги вооружаются, во время развитія животнаго, многочисленными щупальцовыми придатками, которые часто снабжены могущественными присасывательними бородавками. Ротъ снабженъ крѣпкимъ клювомъ. Въ слояхъ земли, доступныхъ нашему изслѣдованію, мы можемъ прослѣдить развитіе головоногихъ, хотя первые слѣды ихъ встрѣчаемъ въ низшихъ пластахъ силюрійской системы. Многочисленные виды четырежаберныхъ головоногихъ, представляющихъ нѣсколько низшее строеніе, встрѣчаемъ въ осадкахъ древнихъ морей, но изъ нихъ въ настоящемъ являются представителями лишь низшіе виды корабликовъ (nautilus) въ Индійскомъ океанѣ. Позже начинаемъ встрѣчать и остатки двухжаберныхъ головоногихъ, къ которымъ принадлежитъ большинство нынѣ живущихъ формъ. Изъ нихъ иные погибли (напримѣръ, белемниты), но ихъ высшихъ представителей мы видимъ нынѣ въ каракатицахъ, новѣйшіе разсказы о величинѣ и силѣ которыхъ могутъ даже по-

казаться баснословными. Въ оборонѣ отъ враговъ, въ преслѣдованіи добычи эти существа выказываютъ уже такую сообразительность и цѣлесообразность дѣйствій, что ихъ должно признать вооруженными на борьбу за существованіе не только могущественными физическими, но и довольно значительными умственными средствами.

Не такъ далеко ушла въ своемъ развитіи третья группа зубоносныхъ моллюсковъ, *брюхоногія* (gasteropoda), но ихъ типъ, очевидно, былъ доступенъ бо́льшему развитію. Всѣ они имѣютъ явственную голову съ парой глазъ, но образовали два различныхъ типа, приспособленные къ двумъ различнымъ способамъ существованія. Улитки и ихъ ближайшіе родственники имѣютъ уже легкія; между тѣмъ, какъ другіе роды (жаберно-брюхоногія) дышутъ въ водѣ помощью жаберъ, нѣкоторыхъ частей оболочки тѣла, или посредствомъ тонкой стѣнки полости епанчи. Брюхоногихъ встрѣчаемъ тоже между древнѣйшими геологическими остатками. Но сравненіе древнѣйшихъ формъ съ новыми наводитъ на мысль, что ихъ типъ не слабѣлъ и развивается подъ вліяніемъ борьбы и подбора. Мы ихъ поставили послѣдними въ классѣ моллюсковъ, потому что между ними существуетъ небольшая группа хитоновъ, весьма мало измѣнившаяся со времени отложенія пластовъ девонской системы, и представляющая въ строеніи епанчи особенность, не лишенную значенія. Это членистая епанча изъ осьми рядомъ расположенныхъ кусковъ, дозволяющая животному свертываться клубкомъ, подобно кольчатымъ или суставчатымъ [1]. Форма этой епанчи указываетъ въ хитонахъ существа, связывающія типъ моллюсковъ съ весьма отдаленнымъ теперь отъ него типомъ суставчатыхъ и кольчатыхъ. При происхожденіи всѣхъ ихъ изъ одного общаго корня, тутъ нѣтъ ничего особенно-удивительнаго, такъ-какъ въ весьма отдаленное отъ насъ время должны были существовать безчисленныя промежуточныя формы между всѣми типами одного происхожденія. Огромное большинство этихъ промежуточныхъ формъ погибло въ борьбѣ за существованіе, но какое-либо отдѣльное звено цѣпи легко могло удержаться вслѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ, давая добавочное свидѣтельство о дальнемъ родствѣ нынѣ отдаленныхъ типовъ.

Ранѣе выдѣленія типа моллюсковъ надо допустить обособленіе другого основнаго типа безпозвоночныхъ, именно типа членистыхъ животныхъ какъ въ формѣ кольчатыхъ, такъ и въ формѣ суставчатыхъ, потому что группы усоногихъ (Cirrhopoda)

---

[1] Тамъ же, 242.

и пучконогихъ (Ostropoda) между ракообразными, клещей между пауками, не имѣютъ обособленной системы органовъ кровеобращенія, какъ и кольчатыя вообще. Индивидуализація здѣсь представляется не результатомъ окончательнаго обособленія существа изъ коллективнаго животнаго, но постояннымъ усовершенствованіемъ нервной функціи, при чемъ моментъ индивидуализаціи остается гадательнымъ. Обѣ группы, о которыхъ я говорю, сближены между собою особенно строеніемъ нервной системы, уже несравненно болѣе совершенной, чѣмъ у моллюсковъ. Она состоитъ изъ двойной цѣпи нервныхъ узловъ, связанныхъ между собою спайками и, у высшихъ группъ, сливающихся какъ бы въ непрерывный *брюшной мозгъ*, который лежитъ ниже пищеварительныхъ органовъ и даетъ развѣтвленія въ разныя стороны.

Впрочемъ, *кольчатыя* (Annelida) представляютъ классъ весьма сложный и сохраняющій слѣды длиннаго развитія. Нѣкоторыя группы ихъ приближаются по строенію съ одной стороны къ иглокожимъ и даже къ болѣе простымъ существамъ, съ другой стороны къ суставчатымъ; при чемъ медвѣдки (Arctisca) могутъ считаться промежуточною ступенью между кольчатыми и пауками, какъ другія кольчатыя могутъ указывать на существованіе въ древности отрасли этой группы, перешедшей въ насѣкомыхъ или въ тысяченожекъ. У кольчатыхъ находимъ слабое развитіе кровеносной системы или того, что (по Катрфажу) ей соотвѣтствуетъ. Собственно сердца нѣтъ, но цвѣтная жидкость, изрѣдка лишь заключающая тѣльца, помѣщена въ систему сосудовъ со стѣнками, сокращающимися въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; мерцательныя рѣснички ихъ зародышей, остающіяся на нѣкоторыхъ частяхъ тѣла и у взрослаго животнаго, сближаютъ кольчатыхъ съ низшими животными. Сходство строенія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ глистовыми дозволяетъ думать, что нѣкоторыя группы послѣднихъ, живущія паразитною жизнью (напр. колючеголовыя), суть выродившаяся отрасль древнихъ кольчатыхъ. Такимъ образомъ кольчатыя представляли бы группу весьма различнаго происхожденія съ потомствомъ, принаровившимся къ весьма различнымъ формамъ существованія. Весьма недавно (1867) найдены остатки окаменѣлыхъ кольчатыхъ въ пластахъ силюрійской системы [1].

Если и можно допустить, что нѣкоторыя *суставчатыя* (articulata) развились изъ кольчатыхъ, то большинство ихъ надо отнести къ одному корню, который приходится искать въ классѣ

[1] *E. Haeckel*, 419.

ракообразныхъ, тѣмъ болѣе, что морская жизнь представляется намъ первоначальною во всѣхъ формахъ. Кромѣ того въ зародышной формѣ (Nauplius) простѣйшихъ ракообразныхъ мы имѣемъ (по Францу Мюллеру) типъ весьма близкій къ типу коловратокъ, и бывшій, вѣроятно, типомъ взрослаго животнаго для первобытныхъ раковъ, отдѣлившихся отъ коловратокъ. Низшіе раки (къ которымъ принадлежатъ усоногія и пучконогія, упомянутыя выше) сохранили и другіе слѣды связи съ простѣйшими существами, напр. моллюскообразную неподвижность взрослыхъ особей нѣкоторыхъ группъ и простѣйшее строеніе. Затѣмъ надо допустить моментъ, когда ракообразныя перешли къ формѣ, которая составляетъ зародышную форму (zoëa) какъ высшихъ ракообразныхъ, такъ и сухопутныхъ суставчатыхъ. Тогда-то выработался совершенно опредѣленный и обособленный отъ всѣхъ другихъ животныхъ типовъ типъ суставчатыхъ. Здѣсь нѣтъ слѣда ни водоносудистой системы иглокожихъ и глистовыхъ, ни сосудистой системы кольчатыхъ, ни рѣсничекъ. Органъ кровеобращенія представляетъ явственное сердце съ отверстіями, снабженными заслонками и сообщающимися съ полостями тѣла, которыя содержатъ кровь съ тѣльцами. Нервная система состоитъ изъ двойной цѣпи узловъ, соединенныхъ продольными спайками. Тѣло заключено во внѣшнемъ кольчатомъ скелетѣ, къ кольцамъ котораго прикрѣпляются суставчатыя конечности. Шесть переднихъ колецъ (по Гэксли) сливаются въ голову, а придатки этихъ колецъ обращаются въ органы чувствъ и жевательные аппараты [1]. Черты этого типа не только не теряются, но дѣлаются болѣе опредѣленными по мѣрѣ того, какъ мы имѣемъ въ виду высшихъ представителей четырехъ классовъ, составляющихъ группу суставчатыхъ, именно: *ракообразныхъ* (Crustacea), *паукообразныхъ* (Arachnida), *многоножекъ* (Myriapoda) и *насѣкомыхъ* (Insecta). Можно думать, что для суставчатыхъ борьба за существованіе могла быть удачна, вообще говоря, лишь съ приближеніемъ къ этому типу; а изъ тѣхъ, которыя отошли отъ него или не дошли до него, могли остаться немногія формы. Приспособленіе суставчатыхъ къ средѣ разнообразитъ роды ихъ по органамъ дыханія. Несущественныя различія въ числѣ колецъ и оконечностей, передающіяся потомству и становящіяся постоянной характеристикой типовъ, производятъ разнообразіе формъ, но не ставятъ одну выше другой. Я говорилъ уже, что ракообразныя вѣроятно имѣютъ самую длинную генеалогію изъ всѣхъ суставчатыхъ; къ этому классу принадле-

[1] *Т. Г. Гекслu*, 89.

житъ и вымершая форма трилобитовъ, встрѣчающихся между древнѣйшими остатками животныхъ. Слѣды сухопутныхъ суставчатыхъ встрѣчаются въ пластахъ каменноугольной системы. Форму ихъ общаго предка считаютъ близкою къ формѣ скорпіоннаго паука (Solifuga) и полагаютъ, что отъ этого предка произошли какъ пауки, такъ и насѣкомыя [1]. Въ многоножкахъ видятъ отрасль древнихъ насѣкомыхъ, хотя возможно, что они развились прямо изъ ракообразныхъ или частью изъ кольчатыхъ, такъ-какъ, повидимому, типъ насѣкомыхъ былъ съ самого начала такъ ясно опредѣленъ, что переходъ ихъ въ многоножки слѣдовало бы считать вырожденіемъ. Впрочемъ, въ зародышномъ состояніи, многоножки имѣютъ тоже шесть ногъ, какъ насѣкомыя. Недавнія открытія все тѣснѣе связываютъ между собою разные классы и семейства группы суставчатыхъ, и съ другой стороны показываютъ всю ширину ихъ способности приспособленія. Говоря о психическихъ оружіяхъ животныхъ въ борьбѣ за существованіе, мы увидимъ, до какой значительной ступени въ этомъ отношеніи позволилъ достигнуть суставчатымъ ихъ брюшной мозгъ.

Но развитіе молодыхъ оболочниковъ связываетъ этихъ моллюскоидовъ, при всей бѣдности ихъ строенія, съ самымъ важнымъ для насъ классомъ животныхъ, съ позвоночными (Vertebrata). То, чтò мы видимъ у оболочниковъ лишь на первой ступени развитія, дѣлается существеннымъ органомъ взрослаго *амфіокса* (Amphioxus lanceolatus) или ланцетной рыбы. Это — прозрачное существо, длиною въ два дюйма, живущее въ европейскихъ моряхъ; Палласъ еще принималъ его за мягкотѣлое. У него нѣтъ ни сердца, ни окрашенной крови, ни мозга. Близость амфіокса къ молодымъ оболочникамъ показываетъ намъ путь развитія того подцарства животныхъ, которое охватываетъ и всю человѣческую исторію. Моллюски остались жителями воды. Суставчатыя получили начало въ формѣ ракообразныхъ. Точно также позвоночныя получили начало въ формѣ, приспособленной къ жизни въ водѣ, въ формѣ рыбъ (Pisces), простѣйшихъ по строенію и низшихъ по психическому развитію между всѣми позвоночными. Между ископаемыми рыбами сохранились и странныя формы со внѣшнимъ скелетомъ въ видѣ огромныхъ двухъ щитовъ, покрывающихъ голову (Cephalaspidae) или въ формѣ толстыхъ костяныхъ пластинокъ (Pterychtys), при чемъ голова соединена съ тѣломъ подвижнымъ сочлененіемъ, а плавники напоминаютъ переднія оконеч-

[1] *E. Haeckel*, 425.

ности ракообразныхъ [1]. Эти формы, подобно оболочкѣ асцидій или епанчѣ хитоновъ, суть отрывочныя звенья огромной цѣпи, связывающей всѣ организмы по ихъ происхожденію: рыбъ съ суставчатыми, моллюсковъ съ кольчатыми, асцидій съ растеніями. Именно едва замѣтные оболочники въ этомъ случаѣ служатъ центромъ, который, по своему строенію, напоминаетъ единство органическаго міра, развѣтвляющагося изъ монеръ съ одной стороны въ водоросли, а чрезъ нихъ въ мхи, папоротники, голосѣмянныя, односѣменодольныя и двусѣменодольныя; съ другой — въ инфузоріи, чрезъ нихъ въ ракообразныя и моллюскоиды, чрезъ эту ступень въ различные разряды суставчатыхъ, моллюсковъ и рыбъ, а чрезъ послѣднихъ въ земноводныя и пресмыкающіяся, въ птицы, въ млекопитающія, чтобы здѣсь выработать процессъ исторіи.

---

[1] *B. V. Cotta*: «Die Geologie der Gegenwart» (1868), 257; *Fr. Rolle*, 245.

* *
*

Если лѣтъ безстрастный холодъ
Все въ тебѣ оледенилъ,
И забылъ ты какъ любилъ,
Какъ боролся, какъ былъ молодъ.

Если юной жизни гулъ
Мирно спать тебѣ мѣшаетъ,
Что же гробъ тебя пугаетъ?
Въ немъ бы крѣпче ты заснулъ.

Подъ землей ужь не наскучатъ
Дѣти шумомъ... Шуму нѣтъ,
И безсонницы не мучатъ,
И проходитъ злобный бредъ.

Мих. М—въ.

ПЕСТРЕНЬКАЯ ЖИЗНЬ.

(Изъ разсказовъ знакомаго).

Я ходилъ взадъ и впередъ по широкому балкону моего деревенскаго дома и смотрѣлъ вдаль, поджидая изъ города почтаря. Кто жилъ въ какой нибудь глуши, которой такъ много еще въ нашемъ пространномъ отечествѣ, — въ глуши, гдѣ всего два раза въ недѣлю почта сообщаетъ, а часто и разъобщаетъ васъ съ остальнымъ свѣтомъ, — тотъ знаетъ, что̀ такое почтовый день, особенно когда,—какъ было на этотъ разъ—ждешь вѣстей, лично для себя важныхъ. Ожиданіе мое было особенно нетерпѣливо: книга не занимала меня, дѣлать ничего не хотѣлось и я, расхаживая по балкону, посматривалъ вдаль.

А видъ открывался большой и славный: длинная и широкая улица, вправо и влѣво видная изъ конца въ конецъ, съ прочными крестьянскими избами; за ней лѣсъ, поля, перелѣски, и на самомъ заднемъ планѣ замыкали картину одиноко выдвинувшіяся и живописно рисующіяся горы. Проселокъ въ городъ то обозначался изгибающейся полоской, то пропадалъ въ ложбинѣ, у самой деревни ясно чернѣлъ, выбѣгая на пригорокъ, усаженный березками: тутъ было наше деревенское кладбище.

Посматривая вдаль, чаще всего глазъ невольно останавливался на этомъ концѣ-концовъ жизни, и невольно мысль переносилась къ тѣмъ близкимъ нашей семьи, которыхъ такъ много лежитъ тамъ, лежатъ, какъ жили, тѣсно окруженные крестьянами и дворовыми. Невольно припоминалось время, когда нашъ большой, только что выстроенный тогда, деревянный домъ былъ весь сверху донизу полонъ жильцами: бабушками, дѣдушками, дядями, тетками, которые всѣ, всѣ до одного, уже перешли на то послѣднее жилище. Припоминался мнѣ и другой нашъ городской большой деревянный домъ «старый Ларіоновскій домъ», гдѣ я началъ помнить себя окруженнымъ дорогими женскими лицами. Оттуда почти всѣ эти лица, послѣ

смерти бабушки, переѣхали сюда, и переѣхали съ мыслью, какъ сами говорили, «положить здѣсь свои косточки». Живо переносился я въ тотъ міръ, который началъ уже заволокаться какимъ-то сказочнымъ туманомъ вымысла и преданій, и съ любовью старался воскресить его въ своей памяти.

Но собака моя приподняла голову и обернулась; я увидалъ своего слугу.

— Что́ тебѣ? спросилъ я.

— Ничего-съ. Пришелъ вамъ сказать: внизу у нянюшки гостья... Степановна, улыбаясь, отвѣчалъ Петръ.

Петръ зналъ мою слабость къ Степановнѣ, и потому сказывалъ мнѣ, когда она приходила въ домъ. Напряженность ожиданія начинала становиться несносною, я радъ былъ развлечь себя, и пошелъ внизъ.

При воспоминаніи о моемъ житьѣ и побывкахъ въ деревнѣ, начиная съ самаго ранняго возраста, образъ Степановны ярко рисуется передо мною и выдѣляется изъ окружающей среды, видоизмѣняясь отъ времени до времени. Съ дѣтства, я помню, мое любопытство сильно возбуждено было чѣмъ-то необыкновеннымъ въ бойкой молодой и видной бабѣ, которую звали Таней. Ея развязная, всегда чрезвычайно складная рѣчь, свободныя отношенія къ дворнѣ, даже ловкія, какъ будто прямодушныя и чистосердечныя, но всегда льстивыя и некрестьянскія слова и способы обращенія къ намъ, господамъ — все отличало ее.

Позднѣе туманъ таинственности разсѣевается, но тѣмъ не менѣе Татьяна остается личностью замѣчательною; она является, какъ говорится, бабой на всѣ руки: она первая на работѣ, первая въ хороводахъ или веселостяхъ, сваха на всѣхъ свадьбахъ. Все у нея кипѣло, все спорилось: примется ли жать, пѣть пѣсню или плясать, особенно на виду у господъ, она не только сама вездѣ въ головѣ, но умѣетъ всѣхъ подбить и одушевить. Одѣвалась всегда чисто. Избу держала необыкновенно опрятно; у нея самая ранняя разсада; у нея первые цыплята и огурцы. И всѣмъ этимъ она рада попотчивать и похвалиться, и всѣмъ рада услужить. Ну, за то и на зубокъ не попадайся: «одно слово — огонь баба», говорили мужики. Зовутъ ее Татьяной, иногда Татьяной Степановной; почему-то, вмѣстѣ съ ея именемъ, часто упоминаютъ старосту Панкратья...

Теперь Степановнѣ съ небольшимъ пятьдесятъ, но она вдругъ состарилась и, какъ говорится, хизнула; она страдаетъ удушьемъ. Она овдовѣла, и живетъ одна, «божьей старушкой», какъ называетъ себя. Лечитъ, ворожитъ, богомольничаетъ,

даетъ совѣты, и, несмотря на то, что не терпитъ ни въ чемъ нужды и не оставляетъ хозяйства, любитъ, если ее считаютъ убогой старушкой, и подаютъ милостыню или зовутъ на поминанье: ей, кажется, въ этомъ случаѣ всего болѣе льститъ почетъ и уваженье, которымъ вообще пользуются у насъ набожныя старушки. Впрочемъ, она вовсе не ханжитъ, не сбирается на дальнія богомолья, а если попадетъ въ веселый кружокъ, или выпьетъ рюмочку, такъ еще такія гусли разведетъ, что и молодыхъ заткнетъ за поясъ.

Я любилъ Степановну; особенно любилъ потолковать съ ней: она мастерски говорила, знала до нитки всѣ обычаи и повѣрья, и въ ней было, чтò особенно дорого, невычитанное и незаученное въ пѣсняхъ и стихахъ, какъ встрѣчается у разныхъ каликъ перехожихъ, но истинно-поэтическое отношеніе къ жизни и природѣ. Многія ея выраженія и мысли имѣли тотъ дорогой складъ и краску народной поэзіи, которыя сохранились только въ старинныхъ пѣсняхъ: разъ она съ нѣкоторой авторской застѣнчивостью мнѣ даже сказывала пѣсню, ею самой составленную. Но по складу это была не пѣсня, это были исполненные задумчивости вопросы души, къ чему она рвется и о чемъ тоскуетъ: эта практическая и прошедшая огонь и воду женщина имѣла свои минуты неясныхъ поэтическихъ порывовъ. Одно нехорошо: любила Степановна польстить, и ужъ какъ примется, то наговоритъ съ три короба; но кто же сердится за подобный недостатокъ?...

Войдя въ маленькую комнату, заставленную кроватью, сундуками, шкапчиками и увѣшанную по стѣнамъ модными и другими дешевенькими картинками, я нашелъ слѣдующую сцену:

За дубовымъ, всегда вымытымъ и вычищеннымъ столомъ сидѣла нянька моихъ братьевъ, невысокая, полная, хорошо сохранившаяся женщина, съ черными, повязанными покупечески волосами. Вмѣстѣ съ наружностью экс-нянька сохранила, должно полагать, весь жаръ сердца, потому что все мечтала о женихахъ, и влюблялась въ разныхъ фельдшеровъ и писарей, несмотря на то, что недавно овдовѣла, пробывъ замужемъ ни болѣе, ни менѣе, какъ сорокъ лѣтъ. Нянька была умная, услужливая и ловкая женщина, и пользовалась въ нашемъ холостомъ домѣ положеніемъ барской барыни, чтò не помѣшало ей впослѣдствіи, покорясь влеченіямъ сердца или темперамента, выйти замужъ за какого-то прощалыгу-нѣмца, который обобралъ ее до нитки, и пропилъ всѣ ея деньжонки.

Передъ няней, на другомъ концѣ стола, сидѣла высокая, худощавая и нѣсколько сгорбленная Степановна. На ней былъ

синій китайчатый сарафанъ, выложенный полинявшимъ басономъ, чистая ситцевая рубашка и платокъ на головѣ. Круглое, широкое и открытое лицо, несмотря на морщины, сохранило еще бодрый видъ и, что̀ рѣдко случается у крестьянскихъ старухъ, свѣжій цвѣтъ. Вѣки на глазахъ, какъ я началъ ее еще помнить, были всегда припухлы и навислы, что̀ придавало ея взгляду выраженіе добродушнаго лукавства; она говорила, что это случилось съ нею оттого, что однажды умылась божьей росой, да видно на нехорошую росу напала—извѣстно, что росы дѣйствительно бываютъ ядовитыя. Степановна держала въ горсти кучку бобовъ, и по движенію губъ и головы видно было, что она усердно нашептывала на нихъ нелѣпѣйшій, который я зналъ отъ нея же, наговоръ.

— «Сорокъ бобовъ съ бобомъ, сорокъ братьевъ съ братомъ, цари и короли, и весь синклитъ»... подсказалъ я, входя сзади.

— Хи-хи-хи! Такъ, такъ, батюшка! подсмѣиваясь, сказала Степановна, вставъ и отвѣсивъ мнѣ низкій поклонъ.

— А ты все колдуешь: вѣдь это грѣхъ! сказалъ я.

— Нѣтъ, батюшка! горячо вступилась Степановна: — нѣтъ, на бобы не грѣхъ! Это гаданье по божескому, съ молитвой: не то, что на карты, али что̀ другое.

— А о чемъ ворожишь? спросилъ я.

— А вотъ мнѣ: все о женихахъ ворожу! прикрывая шуткой правду и подсмѣиваясь, замѣтила нянька. — Ну, что̀ же, разсказывай! обратилась она къ Степановнѣ, которая, разведя кучки, глубокомысленно соображала ихъ таинственный смыслъ.

— Да что, мать моя, сама видишь—хорошо вышло! Голова легка, сердце радостно — значитъ, въ своемъ удовольствіи... Нога на порогѣ, словно будто ѣдетъ, или въ путь собирается.

— Нянюшка, пожалуйте-ка сюда, таинственно сказала дѣвочка, поварова дочь, заглянувъ въ дверь.

— Ну, что̀ тамъ такое! съ неудовольствіемъ сказала няня, выходя въ дѣвичью.

— Смотри, ужъ не сбылась ли ворожба, сказалъ я Степановнѣ, которая была повѣренной всѣхъ тайнъ няньки, и одинъ разъ, чтобы только услужить ей, безкорыстно сходила пѣшкомъ верстъ за тридцать съ какимъ-то порученіемъ.

Степановна ухмыльнулась, и сдѣлала мнѣ знакъ, что не смѣетъ говорить.

— Ты побудь здѣсь, Степановна; я скоро вернусь! весело сказала нянюшка, войдя въ комнату и надѣвая платокъ. — Да нечего тебѣ дома дѣлать-то: ночевала бы здѣсь, заговѣлась бы вмѣстѣ пельменями.

— Слушаю, матушка! Благодарю покорно. Останусь. Дома-то не дѣти ждутъ: подперла коломъ, да и ушла всѣмъ дворомъ.

Нянька ушла, и Степановна, удостовѣрясь, что никто не слышитъ, таинственно сказала:

— Вѣрно съ заводу пріѣхалъ: ждала все! Вотъ, прости Господи, старыя кости да захотѣли въ гости!

Но кто-то въ это время вошелъ въ смежную комнату, и она тотчасъ замолкла.

— Ну, какъ поживаешь? спросилъ я.

— Живу, батюшка, пока мыши голову не отъѣли. И все бы ничего, да вотъ только духъ коротокъ: чуть хожу, такъ и задохнусь.

— Что же ты не лечишься?

— Лечусь, батюшка, лечусь: сегодня начала уксусъ пить.

— Что ты это, съума развѣ сошла! не выдержалъ я:—вѣдь это ядъ для тебя; ты просто себя отравишь.

— Э? неужто впрямь, батюшка? А мнѣ вотъ татары совѣтывали. Да какъ крѣпонькаго чего выпьешь, такъ какъ будто лучше.

— Не дѣлай ты этой глупости: вотъ пріѣдетъ лекарь — я тебѣ дамъ знать, такъ съ нимъ посовѣтуйся, а теперь брось ты этотъ уксусъ!

— Слышу, батюшка, брошу! Ахъ, я старая дурища: весь вѣкъ прожила, а ума не накопила; а я, признаться, и пришла-то сюда крѣпонькаго уксусу у нянюшки попросить. Посовѣтуйте, батюшка, съ лекаремъ — много милости вашей...

— А вотъ, коль крѣпонькое помогаетъ, такъ рюмочку можно.

— Что вы? я не къ тому, сударь! Хи-хи-хи! Грѣшница, батюшка! У добрыхъ людей не отказываюсь.

Когда ей поднесли рюмку, она и мнѣ прочитала цѣлую рацею, и принесшаго мальчика поблагодарила, перекрестилась, сморщилась, и медленно выпила.

— Ну, что новенькаго? спросилъ я.

— Э-эхъ, батюшка! Какія у насъ новости! Васъ надо про новости спросить. А, впрочемъ, люди говорятъ, война будетъ безпремѣнно, убѣдительно прибавила она: — намеднись такіе столбы на небѣ ходили, что страсть... Да, вѣдь вотъ вы, сударь, не вѣрите, а это вѣрная примѣта! Вамъ вотъ новости-то съ каждой почтой въ такихъ листищахъ присылаютъ, что страхъ. Ну, а мы народъ темный — откуда намъ новости-то узнавать? Такъ намъ Господь Богъ знаменія небесныя посылаетъ! А вамъ, вѣрно, еще ничего ныньче не привозили изъ городу? спросила она.

— Да, нѣтъ еще.

— То-то, смотрю я давича: сидите вы одни у окошечка со своими мыслями многодумными. Всѣмъ-то вы нравомъ, какъ посмотрю я, въ матушку вашу покойницу, — дай ей Богъ царство небесное. Ариѳметчица была, сударь, сказала Степановна убѣдительно и нѣсколько таинственно, вѣроятно, считая это высшею премудростью. — Бывало еще, въ барышняхъ когда была, сидитъ она себѣ или спроситъ что-нибудь, слушаетъ тебя, а все мыслями своими какъ будто въ мечтаніи находится, и все-то она такъ ласково и все-то она такъ тихо да любовно и вразумительно... Ну, а вотъ обликомъ-то вы въ прадѣдушка, Григорья Ларіоновича: высокій такой былъ, да спокойный, носикъ тоже большой имѣли.

Степановна напомнила мнѣ этими словами весь старый міръ, въ которомъ жила она. Мнѣ давно хотѣлось подробнѣе съ нимъ познакомиться.

— Послушай-ка, Степановна! давно ты обѣщала мнѣ разсказать всю свою жизнь съ самаго начала: ну-ка, не полѣнись — вѣдь дѣлать тебѣ нечего.

— Э-э хе-хе! сударь, что вы выдумали! А впрочемъ, батюшка, жизнь моя была пестренькая: много всего я произошла, много вытерпѣла, были у меня и радости, а еще того болѣе горестей; щепотка веселья да полны пригоршни слезъ. Извольте, батюшка, коль не скучно, все разскажу: чего мнѣ, старухѣ, дѣлать!

Степановна покашляла, осторожно прикрывшись рукой, и начала.

Родилась я, батюшка, на старинѣ, откуда всѣ наши мужики прадѣдушкой вашимъ на выводъ куплены. Мать моя, покойница, красавица была: такая бѣлая да румяная, а глаза каріе съ поволокой. А отецъ-то мой былъ человѣкъ не малый: при баринѣ въ довѣренности состоялъ и былъ при немъ первымъ, вотъ какъ бы теперь при васъ Петръ Емельянычъ (она назвала моего единственнаго слугу; ну, не очень-то важный человѣкъ твой отецъ, подумалъ я). И ходилъ онъ всегда въ камзолѣ, и при часахъ, большіе такіе серебряные часы — съ луковицу, а жилетка во все брюхо, вотъ почитай до сихъ мѣстъ, и косичка сѣденькая на затылкѣ — тогда еще съ косичками иные ходили. Былъ ужь онъ немолодъ когда овдовѣлъ, да и влюбился въ мать-то мою, а она была просто изъ крестьянокъ, влюбился и женился. Женился онъ и жили они таково исправно, двоечко насъ дѣтей народилось: братъ Антонъ—изволите вы знать, что тётенькѣ вашей Вѣрѣ Сергѣевнѣ достался — да я, и еще были

мы маленькіе—онъ и умеръ. Вотъ померъ онъ, осталась послѣ него мать наша, молодая вдова, съ двумя дѣтьми. Старый баринъ въ тѣ поры къ молодымъ господамъ въ Москву переѣхалъ и прислалъ сказать: пусть, говоритъ, Мароа гдѣ хочетъ живетъ: хочетъ — при домѣ, хочетъ — ступай на всѣ четыре стороны. Пожила мать моя съ годикъ во дворѣ, ну дѣло вдовье, опять же какое хозяйство у дворовыхъ: ни своего дома, ничего, и перешла она верстъ за пять въ село къ попу. Давно ужь попъ-то ее звалъ: переѣзжай, говоритъ, ко мнѣ, Мароа Семеновна, есть у меня добра довольно, а присмотрѣть некому; а былъ онъ вдовецъ, да зажиточный, и зазвалъ ее къ себѣ, значитъ, какъ бы экономкой — ну, а тамъ не наше дѣло судить.

Вотъ, сударь мой, зажили мы тутъ, какъ у Христа за пазухой: приходъ отца Онуфрія былъ большой, домъ какъ полная чаша, самъ ужь онъ былъ немолодъ, а здоровый такой, борода широкая. А до матушки ужь былъ, сказать нельзя, какъ радѣленъ. «Мароуша» (это матушку-то мою), «не хочешь ли чайку». — «Мароуша, ты бы пирожокъ изъ бѣлой муки затѣять велѣла!» И до черной работы ее не допускалъ: стряпуху держалъ. Вотъ жили мы такъ хорошо да привольно, только разъ и вздумай матушка на мельницу съѣздить, съ мельничихой повидаться: кстати же помолъ былъ, батракъ туда пшеницу везъ. Вотъ вздумала, батракъ лошадь запрягъ, — сѣла матушка на возъ и поѣхала, а онъ другую себѣ обряжалъ. Обрядилъ, собрался парень и поѣхалъ; только глядимъ, немного погодя: бѣжитъ блѣдный, и шапку потерялъ. — Что такое? что ты Гаврило? А Гаврило и говорить не можетъ, только рукой машетъ. Наконецъ собрался говорить: бѣда! Мароу Семеновну возомъ пришибло! Ахъ, свѣты мои! поднялась тревога. Батюшки-то не было; кухарка, отецъ дьяконъ (рядомъ жилъ), дьячекъ, мы тоже бросились, глядимъ: съ версту этакъ, на косогорѣ стоитъ возъ на боку, а изъ-подъ него только ноги видны, прямо ей грудь-то всѣмъ возомъ придавило. Подняли возъ, а у матушки ужь и духу нѣтъ: только кровь у рта запеклась. Батракъ-то говоритъ: «какъ увидалъ я ее, такъ еще ногами дрыгала; да говоритъ — испужался очень», — ну, да одинъ-то что и подѣлаетъ! Должно, говоритъ, лошадь — пугливая такая была, проклятая — испужалась чего, да въ сторону метнулась. Какъ узналъ это отецъ Онуфрій, да увидалъ матушку, такъ и грохнулся на земь — насилу оттащили, да водой отлили; а потомъ схватилъ топоръ, пошелъ къ лошади и хлопъ ее обухомъ въ голову. Такъ и убилъ. «Чтобы глазъ мой, говоритъ, ее не видѣлъ». А лошадь-то сударь — ста полтора стоила!

Правду говоритъ пословица: отецъ съ матерью корабли строятъ, а Господь-Богъ котомочку плететъ. Такъ-то и намъ: остался послѣ матушки большой сундучище всякаго добра и денегъ, можетъ статься, тысячи. Намъ-то мать не открывалась,— ну, чего, извѣстно, еще ребята были: мнѣ девяти годковъ не было, а брату и того меньше, — а сказывала послѣ дьяконова дѣвчонка: вхожу, говоритъ, я разъ въ вашъ амбаръ, а тетка Мароа изъ корчаги въ корчагу все бѣленькіе да желтенькіе кружки пересыпаетъ — деньги-то, значитъ, — и видимо, говоритъ, ихъ невидимо—куча превеликая! И куда все дѣвалось— Богъ вѣдаетъ! Пріѣхала изъ деревни тетка, взяла насъ, хотѣла взять и сундукъ, да батюшка не далъ: «сундукъ-то, говоритъ, мой!» а отдалъ ей кой-что изъ платья—въ коробъ сложилъ. Побранились, побранились съ теткой-то, да и все тутъ: денежекъ да береженья родительскаго — и слѣдъ простылъ! Онуфрію-то Мароуша была мила, а денежки еще милѣе: ну, да извѣстно «завидущіе глаза», что ужъ и говорить!

Остались мы сироты горемычныя безъ крова, безъ пристанища. У тетки-то своихъ дѣтей полна изба — бѣдность голая; тетка была такая злая: всякимъ кускомъ попрекнетъ, да съ тукманкой его дастъ; — ну, да и будешь зла, коль и самой-то ѣсть нечего: крестьянъ-то у барина было много, а земли мало, отъ этого и продавали ихъ на выводъ. И стали съ братцемъ мы жить гдѣ день, гдѣ ночь, да кормиться мірскимъ подаяніемъ: признаться, мы и привыкли, какъ у отца-то Онуфрія еще жили, за ржой да разными поборами по міру съ возомъ ѣздить; только тогда, любо нелюбо, всѣ намъ съ поклономъ да съ почетомъ, а коль мало дадутъ, такъ батюшка или мать еще и пристыдятъ, бывало, а теперь только именемъ христовымъ что выпросишь, и за сухую корку съ три короба благодати насулишь! Только какъ у тетки все колотушка да потасовка, и пріютились мы больше къ одному старому, старичку,—сродни намъ какъ-то по матушкѣ приходился; жилъ онъ самъ въ лачужкѣ, да рыбу удилъ или лапти плелъ — тѣмъ и промышлялъ, а добрый былъ — и призрѣлъ насъ. Стала я подростать; увидала разъ меня барышня, одна помѣщица въ сосѣдствѣ жила. Была она дѣвица и уже немолодая; пріѣхала изъ Питера и жила одна-одинёшенька. Люди-то сказывали: влюблена тамъ была въ одного офицера, да онъ обманулъ ее. А сама была такая ласковая да печальная. Увидала она меня разъ — а я ужъ была на возрастѣ. — Чья, говоритъ, ты дѣвочка? — Я говорю, такъ и такъ, сударыня: сирота, у дѣдушки изъ милости живу. А дѣло было осенью; день-то холодный, а я въ одномъ сара-

фанишкѣ да и тотъ чуть живъ, и выросла я изъ него, босая, локти-то худые. Разспросила меня; разсказала я ей все. — Ахъ, бѣдная, ахъ, бѣдная! переходи, говоритъ, ко мнѣ. — А какъ, я говорю, я, сударыня, дѣдушку оставлю? онъ меня пріютилъ, поилъ-кормилъ, а теперь я его оставлю? — Правда, говоритъ, душенька: ну, такъ ты приходи ко мнѣ чаще и за всѣмъ, что тебѣ нужно. Дала она мнѣ платье, подавала того сего, и съ той поры часто я бывала у нее; учила она меня уму-разуму, и помогала всячиной — дай Богъ ей коль жива много лѣтъ здравствовать — а какъ умерла, такъ пошли Господи ея косточкамъ покой (Степановна взглянула на образа и набожно перекрестилась): во вѣкъ не забуду ее!

Ну, сударь, а тѣмъ временемъ прадѣдушка вашъ купилъ здѣсь земли у башкиръ, да за долгъ съ какого-то татарина еще взялъ, понадобились ему крестьяне, и купилъ онъ у нашего-то господина на выводъ сто душъ. Послали сюда сначала передовыхъ — а потомъ и остальныхъ погнали.

Какъ поднялись это переѣзжать, что было вою да плачу — и вспомнить, такъ слеза прошибетъ! Конечно, не больно дальняя палестина, всего верстъ ста три отъ старины-то будетъ, да вѣдь для мужика и то край свѣта; опять же свое пепелище родное покинуть, свою мать-землю кормилицу, сродниковъ всѣхъ, родительскія косточки... А здѣшняя сторона тогда слыла дикою, бусурманскою; ну, просто разставались какъ на смерть шли: извѣстно, гдѣ мужику али бабѣ на побывки пріѣхать, али письмо писать!

Вотъ уѣхали наши мужики; по деревнѣ-то словно смерть прошла, словно вымерла половина-то: всѣ такіе унылые ходятъ, у кого братъ уѣхалъ, у кого дочь, старые-то дворы заброшенные да пустые стоятъ, — просто и не глядѣлъ бы! На что кажись, мое дѣло сиротское, да вчужѣ за сердце хватало!

Только прошло этакъ съ полгода, слышу я — розыскиваютъ насъ съ братомъ... Прадѣдушка-то вашъ сталъ повѣрять сказски — анъ, нѣтъ двоихъ. Какіе такіе? справляться, а это мы съ братцемъ, — насъ и требуетъ: пришлите мнѣ, говоритъ, дворовыхъ сиротъ Антона и Татьяну. Ну, снарядили насъ, — а какіе сборы-то — все добро подъ мышкой унесешь, — нашли попутчика; распростилась я съ барышней, моей благодѣтельницей, — на прощанье-то она мнѣ платье еще дала, — и отправили прямо въ Оренбургъ: такъ прадѣдушка приказалъ.

Вотъ, сударь мой, идемъ мы путемъ дорогой, пріѣзжаемъ въ городъ — какъ бишь его, дай Богъ памяти — Бугурусланъ никакъ будетъ, Бугурусланъ, такъ и есть, — остановились зачѣмъ

то на базарѣ, и увидалъ меня городничій. А былъ мнѣ тогда ужь шестнадцатый годъ, и была я изъ себя, не въ похвальбу сказать, не дурна. Держала я себя чисто — это барышня-то меня къ чистотѣ пріучала — бѣленькая такая да румяная, правда, жидковата еще была, да веселая, ну, извѣстно, шестнадцать лѣтъ! Увидалъ меня городничій: чья, говоритъ, ты, милая? Я говорю: такъ и такъ — была такого-то господина, а теперь куплена такимъ-то, и ѣду къ барину. — А есть, говоритъ, у тебя бумага? Подводчикъ показалъ бумагу; посмотрѣлъ онъ ее: зайдите, говоритъ, въ полицію; примѣты что-то сомнительны.

Дѣлать нечего: пришли мы въ полицію, и онъ тамъ. Сталъ онъ поодиночкѣ всѣхъ къ себѣ требовать, обликъ такой дѣлаетъ, будто въ самомъ дѣлѣ бумагу свѣряетъ. Позвалъ и меня. Взошла я, а онъ и говоритъ: «что̀, говоритъ, тебѣ, милая, за охота къ помѣщику ѣхать; останься, говоритъ, здѣсь».— Какъ же, я говорю, такъ, сударь, господская я, и останусь здѣсь? Развѣ господинъ не потребуетъ меня? А онъ разсмѣялся: ну, да, говоритъ, это ужь не твоя бѣда, схоронимъ тебя такъ, что и во вѣкъ помѣщикъ тебя не отыщетъ. — А братецъ какъ же? — Ну, а братца, говоритъ, отправимъ. — Нѣтъ, говорю, сударь, насъ всего двоечко съ нимъ на бѣломъ свѣтѣ: вмѣстѣ мы росли и жили, не разстанусь я съ нимъ! Больно я братца-то любила — да и не зачѣмъ мнѣ, говорю, оставаться здѣсь! Ужь коль есть мы рабы, такъ видно намъ Господь Богъ такъ судилъ! Такъ и отказалась. Умасливалъ онъ, умасливалъ меня: очень ужь ты мнѣ понравилась, говоритъ; однако я уперлась. Назвалъ онъ меня напослѣдокъ дурой и отпустилъ.

Такъ мы и пріѣхали къ вашему прадѣдушкѣ Григорію Ларіоновичу. Утро еще было. День-то лѣтній. Встали мы рано, не доѣзжая еще до городу; я прибралась, божьей росой умылась. Пріѣхали. Доложили ему: велѣлъ онъ насъ позвать. Взошли; сердце-то у меня какъ у голубя — такъ и бьется. Вышелъ онъ къ намъ въ шлафрокѣ на бѣличьемъ мѣху, такой у него былъ; высокій такой а степенный, а за нимъ высыпали три барышни: стоятъ обнявшись и смотрятъ на насъ. Оглядѣлъ онъ насъ, и говоритъ мнѣ: «хорошенькая, говоритъ, ты дѣвочка, а хорошо ли ты будешь служить?» Я говорю: «Мы, сударь, ваши рабы, не оставьте насъ вашей милостью, а мы служить вамъ по гробъ рады», да въ ноги ему. «О, говоритъ, да какая ты шустрая: гдѣ это ты научилась и что умѣешь дѣлать?» Я говорю: «Такъ и такъ—никакого за мной рукомесла нѣтъ; а жила я около одной петербургской барышни». «Ну, говоритъ,

и прекрасно. Надинька, вотъ, говоритъ, тебѣ горничная!» Взялъ меня за руку и подводитъ къ тетенькѣ вашей Надеждѣ Сергѣевнѣ. Та покраснѣла, ручку поцаловала у дѣдушки; а онъ говоритъ: «Ну, говоритъ, дѣвочка, служи вѣрно, будь умна да послушна, и тебѣ будетъ хорошо. А ты, говоритъ, Надинька, будь къ ней ласкова да снисходительна: на первый разъ, говоритъ, коль что и не такъ сдѣлаетъ, такъ прости да научи! А о мальчуганѣ я подумаю. Ну, а теперь, говоритъ, всѣмъ снабдить да накормить. Ступайте!»

Намъ подали чай. Степановна каждую чашку, выпивъ, перевертывала вверхъ донышкомъ, клала на него огрызочекъ сахара (она всегда пила въ прикуску), благодарила и отказывалась отъ слѣдующей, что̀ не помѣшало ей повторить эту процедуру раза четыре. Кончивъ чай и отдохнувъ, она сочла нужнымъ спросить: «Не надоѣла ли я вамъ, батюшка?»

— Ты не устала ли, отвѣчалъ я: — а я радъ слушать!

— Э, батюшка, да развѣ бабы устаютъ, когда говорнть? И не вѣрьте этому!

— Ну, такъ продолжай, просилъ я: — да главное, разсказывай про весь нашъ старый домъ — какъ жили въ немъ тогда.

— Слушаю, батюшка! Все, какъ на ладонѣ представлю, скромно замѣтила она и продолжала.

Въ домѣ-то жили тогда: Марѳа Матвѣевна, прабабушка ваша, жена, значитъ, Григорію Ларіоновичу, да сестры ея: Матрена Матвѣевна и Анна Матвѣевна. Матрена-то Матвѣевна при ключахъ была, а главной хозяйкой считалась Варвара Григорьевна, дочь Григорью Ларіоновичу; былъ еще сынъ у него Иванъ, да того чуть застала, ну, да еще молодыя барышни: матушка ваша Марья Васильевна, да племянницы Варвары-то Григорьевны, сиротки, отъ старшей сестры ея: Вѣра Сергѣевна и Надежда Сергѣевна, а Андрей Сергѣичъ въ полку былъ.

Прадѣдушка-то вашъ Григорій Ларіоновичъ былъ человѣкъ разсудительный и справедливый; сердцемъ былъ строгъ, а не сердитъ. Служилъ онъ въ таможнѣ, и домъ у насъ былъ какъ полная чаша: что̀ это мѣховъ, шалей разныхъ, сусы, * ягодъ этихъ, урѣку, кишмишу! аллы-бухары цѣлые мѣшки въ выходѣ стояли; какъ начнется мѣна, такъ каждый вечеръ разнаго добра возами везутъ. А сказывали — былъ онъ человѣкъ некорыстный и народъ не обиралъ: «что слѣдуетъ мнѣ, то, говоритъ, подай,

---

* Бухарская шелковая матерія.

а лишняго я не требую». И въ городѣ всѣ его уважали и почитали, такъ и говорили: «умный и честный человѣкъ Григорій Ларіоновичъ: на его словѣ, какъ на каменной стѣнѣ, хоть домъ строй». И опять же обстоятельный человѣкъ былъ: встанетъ рано поутру, обвяжетъ халатъ шелковымъ платкомъ и весь дворъ обойдетъ и все осмотритъ. Напьется чаю, заложатъ ему иноходца въ бѣговыя дрожки и поѣдетъ онъ на мѣновой дворъ. Оттуда пріѣдетъ, выкушаетъ рюмочку водки, и сейчасъ ему обѣдать подавай. Откушалъ—отдохнетъ, чаю напьется и опять все хозяйство обойдетъ и до всего дойдетъ. Любилъ, чтобы людямъ у него ни въ чемъ недостатка не было и чтобъ всѣ были исправны. Дворня большая: сядутъ ужинать лѣтомъ на дворѣ, а зимой въ застольной, войдетъ Григорій Ларіоновичъ, попробуетъ,—щи всегда съ бараниной, а баранина-то дешева — изъ орды-то что ее погонятъ на мѣну, а нашему-то и даромъ не мало приходило, —коли щи нехороши или въ застольной нечисто, сейчасъ «стряпка, что это у тебя?» и погрозитъ. Та ужь и держитъ ухо востро. Али: «Иванъ, что у тебя рубашка въ дырахъ?» «Да, говоритъ, то-то и то-то дѣлалъ, да разорвалъ, или: холстъ гнилой». Григорій Ларіоновичъ разберетъ: коли дѣло говоритъ: «Матрена, отпусти ему»; а Матрена Матвѣевна,—изволите чай помнить сестру-то прабабушки вашей—хлопотунья такая юркая да добрая была, она всѣмъ отпускомъ и провизіей завѣдывала,—та сейчасъ: «Слушаю, Григорій Ларіоновичъ». И потомъ осмотритъ онъ, кто что сработалъ, и на завтра работу всѣмъ задастъ. Коли ты не поймешь, разспроси: все разскажетъ обстоятельно;—ну, ужь и дѣлай, чтобы такъ все было сдѣлано, не то не прогнѣвайся: рука была претяжелая, а не то на заднемъ дворѣ фить, фить, фить!

— А женскимъ хозяйствомъ заправляла жена его? спросилъ я.

— Нѣтъ, батюшка, Маоѳѣ Матвѣевнѣ онъ воли не давалъ: «Ты, говоритъ, Маоѳа, зла да глупа!» Да въ тѣ поры ужь и устарѣла она, и только ей и дѣла было, что чай все пьетъ, а все презлющая была. Разсердится, бывало, на дѣвчонку—засунетъ ей пальцы въ ротъ, да и деретъ; только и усмиряли ее, что Григоріемъ Ларіоновичемъ стращали: боялась его. А хозяйствомъ при мнѣ всѣмъ заправляла бабушка ваша Варвара Григорьевна. Вы, чай, изволите помнить Варвару-то Григорьевну: высокая и обликомъ на отца, Григорья Ларіоновича, была сходственна, неговорливая, не то что сурова, а смѣху ея или улыбки я въ три года не видала. Говорятъ, съ молоду-то не такая была, да несчастье-то ее подъѣло.

— Какое же несчастье? спросилъ я.

— А замужество-то ея! отвѣчала Степановна. — Оно, признаться, за долго до меня было, да вѣдь тоже разсказывали...

Въ это время, шаркая башмаками, взошла наша усердная, хлопотливая, но раздражительная и вѣчно будто бранящаяся ключница Нимфодора, которую звали обыкновенно Нимфушкой. Ничто не было страннѣе, какъ это имя, носимое сей толстой, переваливающейся съ ноги на ногу, особой.

— Это вы, слышь, приказали меду отпустить Спиридоньевнѣ? сердито спросила она.

— Я, Нимфушка, сказалъ я.

— Да давно ли ей давали? Этакъ вѣдь на нихъ не напасешься: у насъ у самихъ меду-то немного, а онъ нынче кусается!

— Да Спиридоновна просила: нездорова она, замѣтилъ я.

— Мало ли чего онѣ просятъ — всего и давай? А по мнѣ, пожалуй, хоть все раздайте — не мое добро!

Она повернулась, и хотѣла выйти, но, увидѣвъ Степановну, остановилась.

— А! ты здѣсь еще, барышня? Тоже чего-нибудь выклянчить?

— Нѣтъ, матушка, нѣтъ! ничего мнѣ не надо! смиренно замѣтила Степановна. — Вотъ Дмитрій Петровичъ про старину разспрашиваетъ: Да чего лучше, сударь, сказала она, обращаясь ко мнѣ, и кажется, желая подслужиться Нимфушкѣ: — вы про Варвару-то Григорьевну у Нимфадоры Дмитріевны лучше разспросите: она при ней сызмалолѣтства находилась.

— Какъ же не находилась! Слава-Богу, съ дѣтства при ней жила, и въ Петербургѣ-то съ ней горе мыкала, отрывисто, и словно бранясь, замѣтила Нимфушка.

— Нимфушка! дѣло-то не уйдетъ: присядь, да разскажи, какія несчастія были съ бабушкой? сказалъ я.

— Я и постою: не очень люблю я сидѣть-то, сказала она въ пику сидѣвшей Степановнѣ. — Какія несчастія? Да развѣ не слыхали вы, какъ она жила съ вашимъ-то дѣдушкой? словно рубила слова Нимфушка.

— Знаю я, что она жила въ разводѣ, а какъ, и изъ-за чего разошлись — подробно не знаю.

— Изъ-за чего разошлись? Разойдешься небось, какъ послѣдній съ тебя салопишка снимутъ, да день-деньской ссоры, да попреки!

— Да вѣдь бабушка, говорятъ, по любви вышла замужъ? замѣтилъ я.

— Чтò-что по любви! Красивъ былъ, да ловкій—ну, и вышла. Григорій Ларіоновичъ говорилъ: «Варинька, Василій Ни-

колаевичъ человѣкъ заѣзжій: надо разузнать, каковъ онъ. Ты, говоритъ, не безприданница: въ дѣвкахъ не засидишься. Какъ бы послѣ не наплакаться!» «Власть ваша, говоритъ батюшка:— а я его люблю». Ну, посмотрѣли, посовѣтовались, а онъ говоритъ: «мнѣ командировка кончается — въ полкъ требуется возвращаться». Ну, согласился и самъ-то. Денегъ въ руки не далъ: буду, говоритъ, на житье высылать, что̀ слѣдуетъ. Да въ Петербургъ послалъ съ ними свояченицу Матрену Матвѣевну, и меня дали, а мнѣ 12 лѣтъ было. Ну, сначала и ничего, хорошо. Дочь родилась — матушка-то ваша. А тамъ мало-помалу и пошелъ: сегодня въ карты, завтра въ карты; сегодня на свѣту воротится, завтра всю ночь проиграетъ—денежки-то всѣ и спустилъ, да за вещи принялся. Все и спустилъ до чиста: глядь, до того дѣла дошли, что и выйти не въ чемъ, иной разъ и пообѣдать нѐ на что. Варвара Григорьевна его упрашивать, да умаливать, а онъ ей: «не досажай ты мнѣ! И безъ тебя мнѣ горько. Еслибы отецъ-то твой жадный отдалъ все приданое, мнѣ бы было съ чѣмъ подняться: я бы отъигрался, да, можетъ, горы выигралъ. Онъ, говоритъ, кащей, меня обманулъ!» Какъ вскипитъ Варвара Григорьевна: «ты отца моего, говоритъ, не тронь! Лучше меня зналъ онъ тебя, что не отдалъ всего. Дочь у насъ есть: сами теперь голодаемъ, а тогда и ее пустили бы по міру!» Шире, да дале, шире да дале, и пошла рознь. Видятъ—дѣло-то худо. Матрена Матвѣевна стала деньги-то припрятывать; Григорію Ларіоновичу написали, чтобы онъ письма высылалъ на ея имя. Что̀ удастся припрятать, тѣмъ и сыты. Ну, а Василій Николаевичъ догадался, разумѣется, да и сталъ выжимать: то онъ ластится, то волосы на себѣ рветъ, да жизнь клянетъ! Ну, когда дастъ она денегъ, или выиграетъ онъ, такъ ужь такой веселый, да счастливый, что твой соловей. И нельзя сказать, чтобы онъ не любилъ ее: на колѣни станетъ передъ ней, руки цалуетъ; никогда, говоритъ, и картъ въ руки не возьму. А Варвара Григорьевна только ухмыляется печально, да поцалуетъ его: вѣры-то, значитъ, нѣтъ! Разъ воротился онъ домой ночью, блѣдный такой — прямо въ спальню, а я тамъ же спала, разбудилъ ее: «Варя, говоритъ, давай все, что̀ есть—я на честь задолжалъ». Посмотрѣла она на него — «бери, говоритъ, все, мнѣ ничего не надо: вонъ, тамъ въ шкатулочкѣ». Отперъ онъ шкатулку — у самаго руки дрожатъ — взялъ, что̀ тамъ было: деньжонки, серьги брильянтовыя — недавно тихонько выкупили ихъ—жемчугу нитки. «Мало, говоритъ — выпроси у скаредной Матрены: у нея, я знаю, деньги есть».—«Нѣтъ, къ Матренѣ

Матвѣевнѣ не пойду: я, говоритъ, готова голодать, а дочь, да она не должны изъ-за насъ погибать». — «Ступай!» говоритъ. «Не пойду!» Какъ крикнетъ онъ: «ступай!» Она все молчитъ, а я такъ и дрожу подъ одѣялишкомъ. Подбѣжалъ онъ къ ней, поднялъ руку... а она бровью не шевельнется: смотритъ на него, и не мигнетъ. Схватилъ онъ себя за волосы: «загубили, говоритъ, вы, тряпичники, съ отцомъ меня со своимъ! На такой ли курацапкѣ жениться я могъ!» Схватилъ, что̀ было, и ушелъ. Барыня не плачетъ, а только съ открытыми глазами, какъ статуй, лежитъ. Ну, и ничего. Пришелъ къ полдню, подулся, сталъ послѣ заговаривать, мириться. Барыня и не сердится; только холодная вся, и лицо у нея осунулось, да словно отвердѣла она. Прошло мѣсяца съ два—получаютъ письмо отъ Григорья Ларіоновича: заболѣлъ, де, онъ отчаянно, и хочетъ проститься съ дочерью, да наградить ее. Потолковали. Отпустилъ ее Василій Николаевичъ съ Матреной Матвѣевной и дочерью—больше для надежды приданое получить. Выѣхали мы, да сейчасъ же съ большаго-то тракта на Ярославль, да окольными путями, чтобъ не одумался, да не вернулъ! Пріѣхали въ Оленбургъ къ Григорію Ларіоновичу; встрѣтилъ онъ насъ здоровёхонекъ, потому — все это только отводъ былъ. Обнялъ онъ Варвару Григорьевну горячо, заплакалъ, а ни словомъ не попрекнулъ. Такъ она съ этихъ поръ и осталась у него — ни мужняя жена, ни божья вдова. Вотъ и вся недолга! Ну, да невогда мнѣ! Пусть она сказки-то сказываетъ, да Лазаря поетъ!...

Нимфушка кивнула на Степановну, повернулась и ушла, шаркая ногами.

Степановна посмотрѣла ей въ слѣдъ, покачала съ соболѣзнованіемъ головою и, удостовѣряясь, что ее уже не услышатъ, сказала какъ бы про себя:

«Э-х-хъ, злоба-то, злоба-то! А еще свой братъ, раба! Господинъ жалуетъ, а ей куска жаль! Ахъ, поразсказала бы я, да не наше дѣло!...»

Степановна пріостановилась, какъ бы ожидая поощренія, но не услыхавъ его отъ меня, набожно вздохнувъ, замѣтила:

— Ну, да не осуждай и осужденъ не будешь!—Такъ что же, врать, что-ли, дале-то, батюшка?

— Разсказывай, Степановна, — коли не устала!

Степановна продолжала.

Много слезъ пролила я отъ бабушки вашей, покойницы: всю жизнь мою перевернула она, а — грѣха на душу не возьму —

худаго про нее сказать нечего. Какъ пріѣхала она изъ Питера, а не задолго, слышь, передъ тѣмъ померла Прасковья Григорьевна—старшая-то сестра ея—да оставила двухъ дочекъ да сына; ну, и своя дочь, и всѣ остались на ея рукахъ. Григорій Ларіоновичъ призвалъ ее и говоритъ: «ну, Варинька; жена, говоритъ, стара, да и принять по нынѣшнему никого не можетъ (а чего принять по грамотѣ-то не знала, только что дѣвкамъ ротъ драть умѣла); такъ ты будь имъ за мѣсто матери и хозяйкой въ домѣ». Такъ и стала Варвара Григорьевна хозяйкой, и подлинно всѣмъ племянницамъ за мѣсто матери! Ну, конечно, къ своей дочери, чай, больше сердце лежало, а и виду не показываетъ, и не отличить, кто дочь, кто племянница: ей—платье и имъ — платье, ей — учитель и имъ—учитель. И женщина была молодая, въ самой порѣ, а чтобы про нее что услыхать глупости какія—ниже, ни! Холодная всегда да спокойная: улыбки ея не видалъ никто. Мужъ часто писалъ къ ней, и какъ, слышь, убивался; она и писемъ не читала, не то что отвѣчать. Разсердитъ ее кто, бывало, или что набѣдокуритъ, и голосу не возвыситъ, а только взглянетъ на тебя или спроситъ: «что это?»—такъ поджилки и задрожатъ! И всегда разспроситъ твои оправданья и все выслушаетъ до конца, а тамъ и распорядится, и ужь милости не проси, и не разговариваетъ! Развѣ барышни, особенно матушка ваша, покойница, ангелъ этакой добрый — нѣтъ-то нѣтъ упросятъ ее. Однако, коли братъ-то ея, Иванъ Григорьичъ, что набѣдокуритъ, все къ ней: она его много разъ передъ отцомъ отстаивала, ну, да не прикрыла однако!

— А бѣдовый былъ онъ, говорятъ? спросилъ я.—Помнишь ты его?

— Какъ не помнить, сударь! При мнѣ и ссора-то его съ отцомъ была! И не приведи Господи! и вспомнить-то страшно! Что это былъ за человѣкъ, и въ кого онъ только уродился! Живу я,—какъ пріѣхала-то на другой али на третій день, вижу: разъ, ранымъ-ранехонько, входитъ въ калитку какой-то человѣкъ, молодой да здоровый, въ сюртукѣ, и весь-то онъ въ пуху да грязи, небритый да оборванный, лицо красное и глаза налитые, словно лопнуть хотятъ. Попался ему Андрей кучеръ.

— Гдѣ, говоритъ, самъ?

— Чай, должно, кушаетъ, говоритъ Андрей, а самъ не глядитъ на него, не поклонится ему. Ничего. Тотъ ни слова не сказалъ, только, поровнявшись съ людской, свиснулъ. А на свистъ бѣжитъ Алешка, мальчишка худой такой да забитый, а разбойникъ страшный, и отправились съ нимъ во флигель на заднемъ дворѣ.

— Кто это, Андрей Потапычъ? спрашиваю я.

— Не знаешь развѣ, говоритъ, сахара-то нашего, Ивана Григорьича. Это, говоритъ, нашъ молодой баринъ. Баринъ! Э-эхъ! говоритъ, и, не досказавъ, только рукой махнулъ.

— Ну, думаю про себя, хорошъ баринъ! одначе ничего, молчу. Значитъ, не мое дѣло.

Прошло такъ съ мѣсяцъ или два, слышимъ мы, больно закутилъ нашъ Иванъ Григорьичъ. И кутилъ онъ все съ казачьими малолѣтками: у него и *она-то* была казачька. Ужь что слышь, и до прежде того не дѣлалъ съ нимъ Григорій Ларіоновичъ: и резоны-то разные представлялъ, и запиралъ его,—ничего не беретъ, и замки не держатъ; денегъ нѣтъ, всю одежду съ себя долой.

Разъ присылаетъ за старымъ бариномъ Семенъ Семенычъ Бандуристовъ: можетъ, слыхали, что при князѣ правой рукой былъ и такія дѣла дѣлывалъ, одно слово,всей стороной орудовалъ, важнѣе князя былъ, и богатство нажилъ несмѣтное. И всѣ Семенъ Семеныча пуще огня боялись: онъ казнитъ и милуетъ. Прислалъ Семенъ Семенычъ,—нашъ сейчасъ фракъ надѣлъ, и къ нему. Пріѣзжаетъ оттуда Григорій Ларіоновичъ бури чернѣй, и ничего не говоритъ: ходилъ, ходилъ по горницѣ—привычка у него такая была, коли разсердится—«позвать, говоритъ, ко мнѣ Ивана!» Искать, поискать, а Иванъ, слышь, съ кануна еще и домой не приходилъ; ну, а ему доложили только, что дома нѣтъ. «Какъ явится—сейчасъ, говоритъ, ко мнѣ его!» Только и словъ его въ этотъ вечеръ было. Молодая барыня, Варвара Григорьевна-то, знаетъ отцовскій ндравъ, ни слова и не говоритъ; ну, а Марѳа Матвѣевна, материнское тоже сердце—какъ курица забѣгалась, заглядываетъ въ глаза Григорью-то Ларіоновичу, семенила, семенила, и спросила-таки, наконецъ: «что, Григорій Ларіоновичъ, али опять чѣмъ Ванюша прогнѣвалъ?» А Григорій Ларіоновичъ только взметнулъ на нее глазами, и ни слова. Марѳа Матвѣевна и язычекъ прикусила, только на насъ въ дѣвичьей, и то въ тихомолку, сердце сорвала.

И стала въ домѣ тишина: точно передъ грозой притихли всѣ...

На утро, можетъ, сердце у самого-то бы и отошло: извѣстно, ночь—мать наша, успокоительница, да на грѣхъ въ самую что ни на есть полночь бѣдокуръ-то пьяный-распьянехонькій ботъ въ ворота, и пошелъ стучать. Выбѣжалъ караульщикъ. «Что, говоритъ, вы дѣлаете: тятенька и такъ во гнѣвѣ, васъ спрашивалъ». А онъ ему: «Тятенька! Погубитель онъ мой, а не тятенька! Вотъ какъ я его боюсь!» Схватилъ камень, да хвать имъ въ ста-

вень, въ самую-то спальню его! Глядь, немного погодя, ставень отворился, поднялся подъемъ, и высунулся Григорій Ларіоновичъ.

— Кто, говоритъ, это стучитъ?

Дѣлать нечего, караульщикъ сказалъ: «Иванъ Григорьичъ».

— А! говоритъ. Ничего больше и не сказалъ, и окошко закрылъ...

На другое утро, чѣмъ свѣтъ, Варвара Григорьевна сама къ брату ходила, видно уговаривала его; а онъ, слышь, знай на томъ стоитъ: «не покорюсь!» Только и дѣла сдѣлалъ: у сестры рюмочку выпросилъ опохмѣлиться.

А вся рознь, главное, вышла изъ-за того, что Иванъ-то Григорьевичъ влюбился оченно ужь въ казачку, хотѣлъ все жениться на ней да въ казаки записаться: «хочу быть вольнымъ казакомъ, а не куроцапомъ!» говоритъ.

Григорій Ларіоновичъ-то, разумѣется, воспротивился: денегъ ему не даетъ; прокляну, говоритъ, тебя. А тотъ не унялся да и пошолъ съ казачьями малолѣтками кутить: у мамошки своей и днюетъ и ночуетъ. А послѣднее-то время съ малолѣтками, говорятъ, затѣяли чего-то, да и на казачкѣ-то въ Бердѣ жениться хотѣлъ, а тамъ такой былъ попъ, что за синенькую хоть съ козой повѣнчаетъ. Семенъ Семенычъ провѣдалъ все, призвалъ къ себѣ нашего и отпѣлъ ему: «что, говоритъ, вы за отецъ, коли сына усмирить не можете!» — Послѣ это все узнали мы...

Ну, потребовалъ Григорій Ларіоновичъ сына къ себѣ, заперся съ нимъ въ кабинетъ, и что у нихъ тамъ было, Богъ ихъ знаетъ. Марѳа Матвѣевна въ это время только бѣгаетъ да всякому образу поклоны кладетъ. Вышли оба блѣдные, индо трясутся. Только Григорій Ларіоновичъ, что тамъ у него на душѣ не было, а нравъ свой выдержалъ; ничего не любилъ сгоряча дѣлать, такъ и тутъ — обошелъ все хозяйство, какъ будто ни въ чемъ не бывало; только, слышь, что ему ни говорили въ то утро, словно онъ не понималъ, али память у него отшибло. Потомъ велѣлъ дрожки заложить и поѣхалъ къ князю.

А князь чудачище былъ, чай, изволили слышать, а барина нашего очень уважали, и барышнямъ нашимъ, особенно матушкѣ вашей, покойницѣ, всегда, какъ мимо идутъ, такъ изъ кармановъ фуфайки орѣховъ или конфектъ пригоршню всунетъ и въ лобъ поцалуетъ.

Воротился баринъ; часу не прошло, глядь, увезли куда-то нашего чудодѣя, а на другой день слышимъ — лобъ забрили! Отецъ за непослушаніе въ солдаты отдалъ! Господи! что тутъ было слезъ да вытья, и все втихомолку отъ Григорья Ларіоновича—

страсть! Только черезъ недѣлю, какъ привезли Ивана-то Григорьича прощаться да въ сѣрой шинели — его на линію, значитъ, въ дальнюю крѣпость угоняли — тутъ ужь старуха-то не разбираючи выла. Не любили мы ее, а тутъ и наше сердце дрогнуло, просто смотрѣть жалость! то къ сыну-то подойдетъ, бросится ему на шею да умаливаетъ его просить прощенія у отца; то къ самому-то — а онъ въ кабинетѣ заперся — упадетъ у двери да голосомъ воетъ, да причитаетъ: «Батюшка, Григорій Ларіоновичъ, прости ты его». Старушки-то, тетки-то: Матрена Матвѣевна, Анна Матвѣевна также воютъ. Молодая барыня, Варвара Григорьевна, собрала барышень, и всѣ на колѣни у дверей встали и начали молить Григорія Ларіоновича. Долго онъ не отзывался, да видно доняло его — не въ терпежь, значитъ! растворилъ онъ двери, всѣ-было къ нему, а онъ: «Довольно, говоритъ, не то прокляну!» Такъ всѣ и замерли!

Ушелъ и опять заперся!

А Иванъ Григорьевичъ словно каменный: его уговариваютъ— проси прощенія у отца, а онъ только ухмыляется. «Пусть, говоритъ, издѣвается надо мной, а ужь я его тѣшить не буду! Не покорюсь!» Такъ съ тѣмъ и увели!

И стала въ домѣ тишина да печаль. Словно покойникъ на столѣ: ни слова веселаго, ни пѣсенки, все шопотомъ да вздыхаючи, да слезы утираючи! А тутъ, съ недѣлю спустя , приходитъ утромъ женщина, молодая, высокая да статная, и ребенокъ у нея на рукахъ.

— Кого тебѣ, матушка, надо?

— Да Григорія, говоритъ, Ларіоновича.

— Зачѣмъ?

— До нихъ самолично дѣло имѣю.

Доложили Григорію Ларіоновичу. Выходитъ.

— Что, говоритъ, тебѣ, милая?

— А вотъ, говоритъ, что: сгубилъ ты сына своего, бери и внука!

Взяла, да ребенка швыркъ ему на ларь; повернулась да и была такова.

И на что Григорій Ларіоновичъ уменъ и ндравенъ былъ, а тутъ словно голову потерялъ. Призвалъ старухъ своихъ: «Вотъ, говоритъ, такъ и такъ, дѣлайте какъ знаете!»

Послѣ сколько хлопотъ-то съ ребенкомъ было: два раза посылали его—не беретъ; ужь Матрена Матвѣевна сама его отвозила, да насилу-насилу уговорили взять и старикъ ей сто рублей послалъ...

Одначе съ того времени сталъ Григорій Ларіоновичъ все заду-

мываться, да задумываться, а тамъ хворать да расхварываться, и свалился. Лекаря разные лечили, самъ штабъ-лекарь ѣздилъ; ну, да ужь божье посѣщенье придетъ, такъ не отлечишься. Стало плохо ему совсѣмъ, призвалъ онъ благопріятелей: Ивана Ивановича Тарарыкина, да Максима Петровича Пыжова и при нихъ завѣщалъ: «Все, говоритъ, имущество дочери моей любезной Варварѣ, чтобы она, говоритъ, имъ владѣла и внучатъ моихъ обдѣлила сама. А ты, говоритъ, Максимъ (племянникъ ему приходился), помогай ей». Стали они за сына просить — помрачился онъ: «Нѣтъ, говоритъ, сына у меня! Не затѣмъ я копилъ, чтобы все онъ на вѣтеръ пустилъ, а хочетъ Варя — пошлетъ ему что!» Больше и говорить объ немъ не велѣлъ. Причастился, особоровался, призвалъ къ себѣ всѣхъ дворовыхъ и со всякимъ-таки до малаго ребенка простился и всѣхъ обдѣлилъ, и мнѣ — дай Богъ царство небесное — рубль пожаловалъ, тогда вѣдь это деньги большія, сударь, были, — и всѣхъ благодарилъ за службу, и наставленія давалъ, и просилъ служить дочери и внукамъ. А потомъ, къ вечеру и померъ! Хорошо, померъ, батюшка! Дай Богъ всякому такъ умереть. И похороны какія были! Этакихъ похоронъ, кажется, и не бывало: поповъ однихъ семнадцать человѣкъ было, со всѣхъ, почитай, церквей, и гостей видимо-невидимо. Много званыхъ, а много и незванныхъ провожали: для того — былъ человѣкъ почетный и правдивый человѣкъ, всѣ уважали его. И самъ князь — онъ боялся покойниковъ — своего, что ни есть перваго адъютанта прислалъ!

— Ну, а сына-то послѣ воротили?

— Нѣтъ, батюшка! Стала хлопотать Варвара Григорьевна; пока писали да справлялись, увѣдомляютъ—померъ, говорятъ: слышно было — совсѣмъ спился; такъ съ вина и Богу душу отдалъ!

Похоронили покойника; сначала потужили да поплакали, а потомъ и попривыкнули, и поразвлекаться начали, — извѣстное дѣло, живой о живомъ и думаетъ; а въ дому тоже двѣ невѣсты, да и третья на возрастѣ. Матушкѣ-то вашей, Марьѣ Васильевнѣ, семнадцатый годъ пошелъ и Вѣрѣ Сергѣевнѣ тоже— онѣ ровесницы были; ну, а моей Надеждѣ Сергѣевнѣ еще пятнадцатый былъ. А тутъ пріѣхалъ изъ полку офицеромъ Андрей Сергѣичъ, — выписывали его, какъ Григорій Ларіонычъ заболѣлъ, да опоздалъ. Начали къ намъ молодые господа ѣздить: ожилъ домъ пуще прежняго! А особенно этотъ Андрей Сергѣичъ: съ барышнями, что бывали въ гостяхъ у нашихъ, ну,

такъ съ тѣми онъ не очень, особенно сначала, не больно ловокъ и застѣнчивъ былъ; а ужь съ нашей братьей просто огонь—всѣхъ перевертѣлъ! Жилъ онъ въ особомъ флигелькѣ, гдѣ Иванъ Григорьичъ прежде жилъ; призоветъ туда гостей, да тихонько за нами! Ну, мы будто за какимъ-то дѣломъ; иной разъ—дѣло молодое—сама что-нибудь придумаешь али словно нечаянно зайдешь, а тамъ орѣшечковъ да пряничковъ, а не то и сладкой водочки, и пойдетъ дымъ коромысломъ! Я-было сначала, хоть и бойкая была, а держала себя осторожно. Какъ замѣтилъ это онъ, и пуще ко мнѣ присталъ: чуть куда отвернешься, глядь, ужь и онъ тутъ! ловокъ былъ! А то часто, — выдумаетъ же вѣдь проказникъ,—коль я взойду къ старой баринѣ, а онъ ей: «бабушка, у меня грязенъ полъ очень, прикажите вымыть». А Марѳа-то Матвѣевна: «да вотъ подстега! (она никогда по имени насъ не называла, а все какъ бы обругать) вишь, съ жиру-то рожа лопнуть хочетъ,—пусть вымоетъ!» Ну, и пойдешь мыть; а ужь извѣстно, какое мытье, — грѣхъ одинъ!

И привязалась-было я къ нему очень: извѣстно, дѣвчонка молодая! А онъ то къ той, то къ другой — такъ и ревность возмущаетъ. Иногда сцѣпимся мы изъ-за него, разбранимся промежъ себя, а ему любо. И сколько онъ спокою меня лишалъ, и такъ разъ огорчилъ, что, какъ уѣзжалъ онъ, и жаль-то мнѣ его, и убить бы его готова! И злюсь я на него, а у самой слезы такъ и льютъ, такъ и льютъ!

Въ тѣ поры, вскорѣ послѣ его отъѣзда, слышимъ — свадьба у насъ затѣвается: Петръ Иванычъ посватался къ вашей матушкѣ. Давно ужь онъ ѣздилъ, еще при покойникѣ Григорьѣ Ларіонычѣ, и тотъ любилъ его; и знали всѣ, что онъ на барышню мѣтитъ, однако все онъ себя не объявлялъ. Правда, благопріятели закидывали за него слова, да имъ все говорили, что подождать надо, молода еще барышня. А тутъ сталъ за барышней увиваться — можетъ, слыхали — Пандуровъ, Степанъ Степанычъ, военный, да такой ловкій былъ и ужь первый плясунъ: во всякихъ танцахъ произошелъ. Ну, а Петръ Иванычъ тихій да степенный, и опять же, не такъ чтобы молодъ — ужь ему лѣтъ тридцать пять али восемь было, собой тоже не боекъ былъ, и сталъ опасаться, что собьетъ барышню Пандуровъ. О нихъ ужь въ городѣ и говорить начали. Былъ у князя балъ съ машкерами,—переряженными, значитъ. И выдумай же этотъ Пандуровъ: нарядился охотникомъ и за спиной снопъ большущій соломы несетъ, а изъ соломы-то женскія ноги въ башмачкахъ торчатъ, — право, сударь! малой проказникъ! А всѣ и

говорятъ: «это, говорятъ, онъ у Ларіонова внучку утащилъ». Ну, а у Петра Иваныча, я чай, кошки на сердцѣ скребутъ: любили они очень барышню, сейчасъ замѣтно—такъ въ глаза ей и смотрятъ, и только думаютъ, чѣмъ бы ей угодить али мысли ея отгадать. Ну, опять сами же видятъ, что противъ Пандурова, хоть тотъ, можетъ, и нестоющій человѣкъ, а имъ трудно совладать. Одначе, рѣшились и объявили себя. Говорятъ Варварѣ Григорьевнѣ: такъ и такъ, давно я люблю Марью Васильевну, могу ли я ее за себя получить?

Варвара Григорьевна и говоритъ Марьѣ Васильевнѣ: что, говоритъ, Машенька, Богъ судьбу тебѣ посылаетъ: Петръ Иванычъ руки твоей проситъ. Онъ, говоритъ, конечно, супротивъ иного не выкажетъ себя, а мы всѣ его давно знаемъ: человѣкъ онъ хорошій и обстоятельный, и любитъ тебя давно. Я тебя не неволю, а подумай ты хорошенько: это прочный, говоритъ, человѣкъ. Марья Васильевна, голубка этакая кроткая да прелестная, можетъ, у нея мечтанія-то и другія были, однакожь подумала, подумала: «что же, говоритъ, маменька, Петръ Иванычъ хорошій человѣкъ; онъ, можетъ, мое счастіе сдѣлаетъ»— и согласилась.

Какъ только Петру Иванычу объявили объ этомъ, у него даже слезы брызнули!

И чудное, сударь мой, дѣло! Прежде у Марьи Васильевны къ Петру Иванычу никакого пристрастія не было, и еще сама часто подсмѣивалась надъ нимъ; а тутъ, какъ помолвили ихъ, словно обошелъ Петръ Иванычъ нашу барышню! Чуть его долго нѣтъ, ужь барышня отъ окна не отходитъ: «что это Петръ Иванычъ не идетъ? Да не случилось ли чего съ Петромъ Иванычемъ?» А какъ взойдетъ онъ, такъ всѣ щечки и загорятся. Правда, говорятъ, вѣщунъ сердце: или, видно, ей Господь за ея доброту такъ на душу положилъ, что выбрала она Петра Иваныча. Вамъ извѣстно, сударь, что она за нимъ двадцать слишкомъ лѣтъ, какъ за каменной стѣной, прожила въ мирѣ да тишинѣ, душа въ душу, да, чай, и на томъ свѣтѣ Господь ихъ, по добродѣтели ихней, соединитъ!

Ну, какъ затѣялась свадьба, Раису горничную, что жила въ домѣ-то Петра Иваныча,—это ужь Анна Матвѣевна намекнула ему,—сейчасъ же на телѣжку и отправили къ сестрѣ Петра Иваныча, куда-то на фарпостъ. Начали къ намъ чаще барышни ѣздить, приданое шить, и къ тому же случаю въ ефто самое время Елена Константиновна — она съ Марьей-то Васильевной такія ужь подруги были, вѣчно вмѣстѣ — и ту помолвили за Павлищева Игнатъ Ильича, и по... пирова-

ніе... То наши къ нимъ, то они къ намъ, а больше у насъ бывали. Женихи оба пріѣдутъ, съ ними шафера, подружки барышни, и насъ тутъ же посадятъ — приданое шить, да пѣсни пѣть, закусокъ что наставятъ, да конфектъ навезутъ — превеселое житье! Между молодёжью-то, замѣчаемъ, зачастилъ Семеновъ, одинъ офицеръ, онъ съ Павлищевымъ-то былъ друженъ: тотъ его такъ шаферомъ своимъ и назначилъ. Зачастилъ онъ, зачастилъ, и все около Вѣры Сергѣевны. А былъ онъ изъ себя такой строгій, а красивъ: глаза черные, волосы черные, и въ лицѣ ни кровинки. И нѣтъ того, чтобы онъ побалагурить или посмѣшить, а любили его: умный, преумный былъ. И все барышнѣ книжки возилъ; али сядетъ, гдѣ — въ сторонкѣ, съ ней и начнетъ ей разсказывать что, а она такъ и вопьется въ него глазами. Ну, и она была по немъ: хлѣбомъ ее не корми, а книжки давай; и нѣтъ ей ни до чего дѣла: ни до нарядовъ, ни до пересудовъ, — извѣстно, дѣвушки промежъ себя мало ли говорятъ, а все-то она такая спокойная да тихая. И видимъ мы — влюбились они промежъ себя, и барышни всѣ стали замѣчать. Нѣтъ Семенова, — кто дверью стукнетъ, наша Вѣра Сергѣевна такъ и вздрогнетъ; взойдетъ онъ, у нее и глаза заиграютъ: ну, а намъ какъ не примѣтить! Только недолго ихъ счастіе было: сама ли ужъ догадалась Варвара Григорьевна, али шепнулъ ей кто, — она и говоритъ Вѣрѣ Сергѣевнѣ: «чтобъ у меня, говоритъ, этого не было: онъ тебѣ не женихъ! Сама, говоритъ, я вышла за этакого — а Семеновъ-то, на бѣду, также заѣзжій изъ Петербурга былъ — да натерпѣлась горя, и тебя должна отъ него сохранить; да онъ, говоритъ, и жениться не думаетъ. И выкинь, говоритъ, ты его изъ головы: вотъ тебѣ мой совѣтъ и приказъ!» И сама стала смотрѣть за ними. Свадьбы же кончились; Марья Васильевна въ свой домъ переѣхали, Павлищевы въ деревню свою уѣхали: негдѣ нашей парочкѣ видѣться. Прійдетъ Семеновъ къ намъ, а барышнѣ приказъ — и не показываться. Побывалъ разъ-другой, замѣтилъ, и ходить пересталъ. А тутъ слышимъ: ѣдетъ Семеновъ назадъ въ Петербургъ.

Какъ узнала это наша барышня, лица на ней не стало: ходитъ какъ въ воду опущенная! Извѣстное дѣло, сердце молодое; а ей, бѣдняжечкѣ, ни видѣться съ нимъ, ни проститься нельзя... И наканунѣ самаго отъѣзда какими-то судьбами передалъ онъ ей, что, говоритъ, черезъ вашу холодность уѣзжаю я. Ужь это я послѣ узнала. А тутъ, видимъ, заперлась наша барышня въ горницѣ и не выходитъ весь день, головой жалуется. Только, въ сумерки, отзываетъ меня горнич-

ная ея Матрена и говоритъ: «будешь ты у Лиморантьева?» — А Лиморантьевъ адъютантъ былъ у князя, и съ Семеновымъ вмѣстѣ жилъ. А я — что дѣлать, батюшка, грѣшное дѣло — съ Лиморантьевымъ знакомство имѣла. И красавчикъ такой былъ этотъ Лиморантьевъ!...

— Нѣмецъ онъ былъ? спросилъ я, чувствуя, что Степановна перевирала фамилію.

Но Степановна иначе поняла вопросъ мой.

— Нѣмецъ, батюшка,—только вы не подумайте, что нѣмецъ грѣха прибавляетъ! Нѣтъ: еще тутъ грѣха сбавляется, потому — могу нехристіанскій плодъ въ христіанство ввести! а вотъ съ нѣмкой али бусурманкой какой мужчинѣ знакомство имѣть — грѣхъ великій. Это вы замѣтьте себѣ, батюшка, потому — можете душу плода вашего загубить. Да, сударь, это вѣрно, прибавила Степановна съ полнымъ убѣжденіемъ! — Такъ вотъ, продолжала она, спрашиваетъ Матрена: «будешь ты у Лиморантьева?» Я говорю: «не знаю, а что?»—«Передай, говоритъ, безпремѣнно эту записку Семенову; да чтобъ знала только ты, да я!» У меня, говоритъ — на барышню глядя, сердце изболѣло, убивается, что «уйдетъ, говоритъ, онъ и подумаетъ, что я измѣнила ему, а не знаетъ подневоли моей!» — Ужь я, говоритъ, сама уговорила ее: напишите вы къ нему, а какъ доставить — мое дѣло.—«Смотри же, говоритъ, обдѣлай!»—Ну, надо услужить. А я съ Матреной, какъ двѣ сестры жили. Вы, чай, изволите помнить ее: высокая такая да красивая. Сама она никуда не ходила, а была влюблена въ нашего же Степана. И сватался за нее Степанъ, и въ ногахъ у Варвары Григорьевны валялся, но она не соглашалась: «нельзя, говоритъ, Степанъ, потому ты за Настенькой назначенъ, а она за Вѣрочкой. А вотъ, говоритъ, тебѣ мужъ — братъ Степана: онъ тоже Вѣрочкѣ отданъ.» — Такъ за брата и отдали, какъ ни билась Матрена! — «Ножъ, говоритъ, тебѣ въ бокъ вонжу, а твоя не буду!» — А онъ говоритъ: небось, не вонзишь! Я бы самъ, говоритъ, радъ отъ тебя отвязаться, да велятъ, такъ на сатанѣ женишься. — Такъ и промаялись весь вѣкъ! Вотъ только я, сударь, записку взяла, и ночью шмыгъ къ Лиморантьеву. Увидала тамъ Семенова, ни слова не говоря, и отдала ему. Какъ прочелъ онъ ее — «скажи, говоритъ, ты барышнѣ, что великій камень сняла она съ души моей. Вѣкъ я буду любить и помнить ее, а нашей разлучницѣ Богъ судья! Пусть не поминаетъ, говоритъ, меня лихомъ, а мнѣ теперь себя беречь не для кого!» — Я ему говорю: «нѣтъ, сударь, вы извольте лучше написать все» — сѣлъ онъ сейчасъ и вынесъ мнѣ письмецо.

Утромъ отдала его я Матренѣ, а та барышнѣ; и такъ ни барышня, ни я и виду не показали. Только Вѣра Сергѣевна долго мнѣ въ глаза не могла смотрѣть, и еще добрѣе ко мнѣ стала. И все грустила съ тѣхъ поръ, ужасть, какъ грустила; да такъ, кажется, на вѣкъ грустная и осталась.

— Вотъ, батюшка, вскорѣ послѣ этого и приключилась бѣда моя, горе горькое! И всю мою жизнь загубила эта бѣда, а и дѣло-то все было плевое. Извѣстно, молодая кровь!

Много насъ было молодыхъ дѣвокъ въ домѣ, никакъ съ пятокъ. И спали мы всѣ вповалку въ дѣвичьей. Никто насъ не тревожилъ: ну, старая барыня когда пройдетъ, такъ мы на случай, коль надо уйти, возьмемъ, да изъ тулупчика, али другой одежонки и сдѣлаемъ такой видъ, словно кто спитъ, да закутался. И все такъ сходило съ рукъ; какъ вдругъ на бѣду, на самые госпожинки, на заговѣнье, и сдѣлайся ночью со старой барыней, Мареой Матвѣевной, то-есть, припадокъ: пельменей объѣлась, прежадная къ ѣдѣ была. Вотъ и забѣгалась Варвара Григорьевна: послать за лѣкаремъ, да припарокъ матушкѣ, да того, да сего. Входитъ въ дѣвичью, а тамъ одна Матрена спитъ. «Гдѣ остальныя?» Вышли, говоритъ, куда-то, сейчасъ будутъ —«Врешь!» и ей щеки нахлестала.—«Послать, говоритъ, мнѣ ихъ сейчасъ, какъ придутъ». Двѣ-то дѣвчонки точно что скоро воротились, а я съ Ариной и замѣшкались до свѣту. Какъ воротились, какъ сказали намъ, такъ ноги и подкосились! Призвала насъ Варвара Григорьевна, и пошла расправа: «Гдѣ были, голубушки?» Мы туда, сюда.—«У меня, говоритъ, расправа коротка: Аринѣ косу долой, а тебя, говоритъ, чтобъ при барышнѣ и духу не было!» Я въ ноги—куда тебѣ! И барышня просить не смѣла. Случись на ту пору, на бѣду, крестьяне изъ деревни; собрали меня, рабу божью, да и сюда! Пріѣхала я сюда; ну, все еще не чую большаго горя — живу при домѣ. А тогда здѣсь управлялъ имѣніемъ приказщикъ Иванъ Антонычъ. Только прошелъ постъ. Убрались крестьяне. Къ филипповкамъ стали свадьбы затѣваться; призываетъ меня Иванъ Антонычъ, а онъ преехидный такой былъ: «ну, говоритъ, голубушка, городская барышня, я тебѣ женишка нашелъ. Вотъ, говоритъ, тебѣ женишокъ; довольна ли?» И показываетъ мнѣ муженька моего, Кирилушку! А онъ, что ни самый послѣдній мужичишка былъ: бѣдный-пребѣдный, оттого за него никто и не шелъ, да къ тому же корявый такой, коренастый, да низенькій, ноги колесомъ, самъ весь волосами обросъ, и все въ землю смотрѣлъ. Господи! Я въ ноги: «батюшка, Иванъ Антоновичъ, не губи, казни лучше меня!» Упра-

шиваю, умоляю, а онъ одно: «не моя воля, воля барская»; а чего, опослѣ я узнала, совсѣмъ барыня и не приказывала; а сказано было просто: коль будутъ женихи сватать, можешь отдать. Да еще подсмѣивается злодѣй: «А чѣмъ-ста не женихъ? собирайся», говоритъ. Какіе у меня сборы! Я цѣлый день реву, да думаю руки на себя наложить. Пришло воскресенье; собрали меня въ телѣгу, да и къ вѣнцу. Приходъ тогда въ городѣ еще былъ. Повезли насъ черезъ рѣку въ лодкахъ. Осень, да вѣтеръ. Лодку качаетъ, а я молю Бога: «Господи, какъ бы да опрокинулись!» Вижу, не опрокидывается; хотѣла сама въ воду броситься, да свахи удержали. Ей-богу, батюшка, такъ всю переправу за поясъ и держали. А я-то причитаю: «матушка Бѣлая, рѣка быстрая, возьми ты мое тѣло грѣшное. Отдаютъ меня, горемычную, за немилаго, постылаго...» Въ церкви, знаете, какъ сталъ батюшка разспрашивать: желаешь ли ты, раба божія Татьяна, выйти за такого-то; а я такъ-таки громко и говорю: «не желаю». Батюшка — старичокъ былъ, отецъ Павелъ въ то время — замялся: «Какъ же это, говоритъ, такъ?» Только сватъ Алексѣй сейчасъ на ухо ему: «по барскому приказанію!» — Говоритъ: «ну, если такъ, дочь моя, твори волю пославшаго: стерпится — слюбится! Вѣнчается раба божія Татьяна...» и обвѣнчали!

Ну, ужь каково мнѣ было первое время привыкать, и разсказать не можно. Послѣ разныхъ адъютантовъ, да закусочекъ, мужъ-мужикъ неотесаный, изба курная — тогда еще у насъ всѣ по черному топили — да сарафанъ пасконный. Просто душа изнывала. Однако, видно, правду поговорка говоритъ: полежишь, такъ и къ могилѣ привыкнешь — обтерпѣлась. Вижу, дѣлать нѣчего, слезами не пособишь, принялась я за работу. А въ дому только и работники, что я, да мужъ, да свекровь больная. Принялась я работать и все у меня въ рукахъ кипитъ. И въ полѣ успѣю, и коровушекъ приберу; огородъ завела. Больно я люта къ работѣ была: сама работаю и мужа понукаю, а онъ увалень такой былъ, а я завсегда къ работѣ горяча была. Стала на барщину ходить, и на барщинѣ первая работница: кого въ зажинъ, али замолотъ поставить — все Татьяну, да Татьяну. А коль староста попроситъ, или прикащикъ, чтобы скорѣе что покончить — у меня живо закипитъ, я и другихъ подобью: «ну, бабоньки! ну, молодицы! ну, дѣвицы красныя!» да съ приговорами, да съ пѣснями такая жарня пойдетъ, что въ часъ сдѣлаемъ, чего цѣлый день проваландаютъ! Отъ этого, можетъ, батюшка, теперь и духъ захватываетъ. Этто въ церковь Божью пришла, задохнулась, на паперти отдыхаю, а ста-

рушка какая-то посмотрѣла, посмотрѣла на меня, да и говоритъ: «эхъ, матушка, видно, ты къ работѣ больно люта была, работала, себя на жалѣючи». Именно, что не жалѣючи, батюшка; за это меня часто бабы бранили, а не только староста или прикащикъ, послѣ и сама Варвара Григорьевна любили меня, да жаловали.

— Ну, староста-то не за это, чай, любилъ, замѣтилъ я.

Степановна ухмыльнулась.

— И-и, батюшка! Грѣшное дѣло, сударь, любила его! Вотъ какъ любила, что душу свою готова была за него отдать. Да и какъ было не полюбить, сударь: дома, положимъ, я все устроила, и чистенько у меня и хорошѐнько, лошадушку прикупили, скотинкой, птицей развелись, у меня и капусты вдоволь, и огурцовъ и всякой всячины, а и домъ мнѣ опостылъ изъ-за мужа: мужикъ-мужикомъ, и передѣлать его не могла! Не то, чтобы онъ съ тобой поговорить; не то, чтобы онъ тебя приласкать—слова привѣтливаго не услышишь, и вся рѣчь его грубая. А я, батюшка, не на этомъ выросла: я всякое слово понимаю! Ты меня хлѣбомъ не корми, да взглядомъ или словомъ обласкай — это мнѣ дороже всего Вотъ хоть бы вамъ, сударь, въ глаза скажу: не оставляете вы меня милостью вашей, то того мнѣ, то другаго, и завсегда я за васъ и родителей вашихъ должна Господу молитвы возсылать, а мнѣ дороже того, сударь, что вы меня, старуху простую, словомъ своимъ не пренебрегаете и бесѣдовать со мной изволите, тогда какъ вамъ, по разуму вашему, только можетъ съ княгинями, да графинями, али еще и выше съ кѣмъ рѣчи вести! Такъ-то, сударь мой! Такъ могъ ли мнѣ пріятенъ быть мужъ такой, коль я отъ него окромѣ грубаго, да браннаго слова ничего не слыхала! А староста-то со мной завсегда такой ласковый, да привѣтливый: все-то онъ скажетъ тихо, да вразумительно. Да вѣдь и красивъ онъ, сударь, былъ: борода круглая, лицо чистое, да ясное. И за что онъ ни возьмется, на все мастеръ, да ловокъ. Всѣ бабы на него заглядывались, а онъ пуще всѣхъ ко мнѣ — ну, мнѣ и лестно, и полюбила его я, батюшка, вотъ какъ! Что я изъ-за него побой приняла, а укоровъ, да брани отъ своей же братьи, бабъ, и сказать нельзя. А разъ, батюшка, мужъ совсѣмъ было-убилъ! Право, такъ-таки было и убилъ! Такимъ это дѣломъ вышло. Ужь, видно, вамъ все разсказать. Вдолгѣ послѣ ужь нашего, значитъ, знакомства: и наговаривали ему на меня, ужь и самъ онъ запримѣчалъ, и когда поколотитъ, но все ничего. А разъ разсердился на меня братъ его Гаврило,—тоже приставалъ ко мнѣ, да отъѣхалъ, не солоно

хлебавши—и научи его. И нарядили моего муженька въ ночной, а Панкратій, извѣстно, ужь это и зналъ. Ну, хорошо, ушолъ мужъ; лѣто было, я въ сѣняхъ легла и дверь отворила. Заснула; только слышу, въ просонкахъ, кто-то идетъ; а я сдуру-то и спроси: «ты это, Панкраша?»—А мнѣ и отвѣчаетъ: «погоди вотъ, я тебѣ дамъ Панкрашу!» Анъ, это, слышу, мужъ! Я такъ и обмерла: всю ночь не спала. Поутру гляжу—мужъ созываетъ родню. Пришли деверья, а онъ имъ говоритъ: «смотрите, говоритъ, какъ я буду жену учить!» Я ему въ ноги: «Батюшка, говорю, Кирило Михѣичъ, не буду ни впредь, ни послѣ, прости ты меня, бабу глупую! Я-ль тебѣ не служила, не угождала? я-ль тебѣ не работница? Покори ты сердце свое великое, а я буду вѣкъ свой твоя раба послушанія. Убей ты меня, коли окомъ однимъ взгляну». Я причитаю, да передъ образами клятвы кладу, а онъ молчитъ, да только веревку вьетъ: извѣстно, мужикъ необразованный, развѣ слово прошибетъ его! Свилъ веревку претолстѣйшую, да и принялся за меня. А силища была у него страшнѣющая, черезъ силу свою и смерть себѣ получилъ: хотѣлъ котелъ заводскій поднять, у него внутри что-то и лопнуло. Принялся онъ за меня, я и свѣту божьяго не взвидѣла: сначала кричала, да молилась, а потомъ духъ занялся и кричать перестала! Онъ меня бьетъ, а деверья, чѣмъ бы отнять, только приговариваютъ: «хорошенько-ста ее! хорошенько!» Такъ бы онъ меня, батюшка, и убилъ, да ужь сосѣди испугались, да на барскій дворъ дали знать, что Кирило-де жену убьетъ. Пришелъ Иванъ Антонычъ, а ужь я и не дышу, и не чувствую себя. Побранилъ онъ мужа, высѣчь обѣщалъ: «что, говоритъ, бьешь, да мѣры не знаешь; не все за разъ вымещай. Черезъ тебя, говоритъ, дурака, еще бѣды наживешь». Велѣлъ снести меня въ чуланъ, водой отливали и кровь пущали, нѣтъ-то-нѣтъ въ чувствіе привели. Недѣли двѣ, батюшка, я пальцемъ пошевелить и дохнуть не могла. Съ мѣсяцъ прохворала, насилу оклѣмалась.

Ну, вотъ, сударь, пока болѣла я, да поправлялась, и чуть жива осталась изъ-за этого, прости Господи, козла; выхожу—встрѣчается. А ужь онъ словно не узнаетъ меня! слышу, съ Дашкой Варухиной связался! Ахъ, злоба меня взяла великая: изъ-за кого, думаю, я мученіе на себя приняла! Инда плачу съ досады, а сама люблю — вотъ вамъ Христосъ, люблю! Что за чудо тако! Думала, думала — порѣшила: прихожу къ мужу, падаю ему въ ноги: «батюшка, Кирилъ Михѣичъ, хочешь казни, хочешь милуй, а не знаю я, что дѣлать съ собою, либо злые люди напустили на меня, либо Панкрашка меня испортилъ; а

не могу я забыть его! Свози ты меня, говорю, Кирилъ Михѣичъ, въ Мухановку: есть тамъ, говорятъ, знахарка такая, что лечитъ отъ всѣхъ порчъ и насиловъ, пусть полечитъ она меня». Михѣичъ, спасибо, послушался, свезъ меня. Наговорила она мнѣ на вино и велѣла пить по рюмкѣ; ну, и пооблегчало сначала, а тамъ и совсѣмъ прошло. И закаялась я, батюшка; съ тѣхъ поръ этимъ малодушествомъ больше и не занималась.

Такъ, батюшка, и дожила я весь вѣкъ съ своимъ старикомъ и схоронила его. И слава Богу, нужды никакой не вижу — и скотинка у меня есть и все, только осталась я какъ бобыль; умру, нѣкому будетъ душу помянуть! Потому хочу я, батюшка, выписать одну изъ племянницъ, что отъ брата осталась. Съ братцемъ—изволите знать, достался онъ Вѣрѣ Сергѣевнѣ— не удалось мнѣ пожить, такъ пусть хоть его племя старость мою успокоитъ и добро мое нажитое получитъ. А мнѣ теперь, батюшка, ничего не нужно, только о спасеніи души подумать надо. И то слава Богу, добрые люди любятъ и не оставляютъ сироту. Да вотъ чего далеко ходить: проснулась я сегодня поутру, а у меня на окошкѣ лежитъ лепешка, бѣлая, да масляная, намасленая и пребольшущая! Какъ же не помянуть добрыхъ людей.

— Да что же тебѣ за охота милостыню брать, коли свое есть? спросилъ я.

— А нѣтъ, батюшка! Тайная милостыня дѣло великое: она и тому спасенье, кто подаетъ, и тому, кто принимаетъ, и опять же, значитъ, уважаютъ меня, старуху.

Въ это время я услышалъ голосъ почтаря, вошедшаго съ задняго крыльца, и довольно невѣжливо оставилъ разсказчицу. Пока я ждалъ, какъ почтарь развязывалъ плетенку и вынималъ оттуда бережно завернутыя письма и газеты, Нимфушка, чѣмъ-то по обыкновенію недовольная, шаркая ногами, ходила по горницѣ и ворчала.

— Много, чай, наврала, а не сказала, я думаю, какъ у бабушки-то деньги пропали! говорила она словно про себя.

— Какія деньги? спросилъ я, не вслушиваясь хорошенько, что она говорила.

— Да что у бабушки вашей пропали. Въ ту ночь, какъ ихъ хватились — глядь, анъ ларчикъ съ расходными деньгами открытъ и стоитъ пустой, кромѣ ихъ и взять-то нѣкому; а деньги немалыя, рублей двадцать слишкомъ было. У другихъ господъ еще и не такъ бы взыскали...

Но я больше не слушалъ. У меня была въ рукахъ кипа писемъ и газетъ и я спѣшилъ наверхъ, чтобы читать ихъ.

Степановна дожила до освобожденія крестьянъ, но недолго была свидѣтельницей новой жизни. Къ реформѣ она, по свойственному ли старымъ людямъ недовольству всѣми новизнами, или по привычкѣ польстить господамъ, относилась несочувственно. Впрочемъ, можетъ быть, это недовольство было въ ней искренне, потому что она, давно уволенная отъ всѣхъ работъ, ничего лично отъ перемѣны не выигрывала; да къ тому же было обстоятельство, которое дѣйствительно заставило и пожалѣть о помѣщичьей власти. Дѣло въ томъ, что, не дождавшись племянницы по брату, которая отказалась къ ней пріѣхать, и чувствуя приближеніе старости, она пустила къ себѣ въ избу мужнину сестру съ сыномъ, которые обѣщали за ней ходить и успокоивать ее; но, внѣдрившись въ домъ и прибравъ къ рукамъ хозяйство хилѣющей старухи, они не стали, какъ водится, много съ ней церемониться. Жалобы на золовку и племянника составляли нескончаемый источникъ послѣднихъ разговоровъ Степановны. Незадолго до смерти она съ трудомъ пришла ко мнѣ и, едва передохнувъ отъ одышки, воскликнула:

— Батюшка, будьте отецъ родной, спасите вы меня отъ ехидны этой: силушки моей нѣтъ жить съ ней!

— Что случилось, Степановна? спросилъ я.

— Да чего: такими ужастями стращаетъ, что и вымолвить страшно! Стала она въ избѣ кудель трепать, напустила пылищи этой, я и въ прежнее-то время не любила этого, а тутъ просто моченьки моей нѣтъ, я и говорю ей: Михѣевна, говорю (и Степановна стала передавать легкимъ и добродушнымъ голосомъ), вышла бы, я говорю, ты, матушка, на крыльце: нехорошо это въ избѣ дѣлать, духъ мой захватываетъ, матушка. А она мнѣ: «ну, говоритъ, бѣда не велика, коль скорѣе околѣешь!».—Эхъ, я говорю, золовушка, вспомни ты, чей хлѣбъ ѣшь, въ чьемъ домѣ живешь: таскалась бы, я говорю, ты безъ меня по чужимъ угламъ. Тебѣ бы надо за мной, старухой, какъ за матерью ходить, а ты вотъ что говоришь». А она и пошла, и пошла, да вдругъ какъ брякнетъ: «постой, говоритъ, какъ ты околѣешь, такъ я не то съ тобой сдѣлаю: я, говоритъ, тебя въ полѣнницу закладу, ты у меня безъ погребенья недѣлю проваляешься!» Ахъ, мать Пресвятая Богородица! я такъ и обмерла, и отвѣчать ей не могу, только и твержу: спасибо, матушка, спасибо! да скорѣе за посошокъ, да и къ вамъ. А она мнѣ въ слѣдъ-отъ: «ступай, говоритъ, фискаль, фискаль на меня, не больно теперь я боюсь господъ-то: будетъ, говоритъ, имъ надъ нами мудрствовать!»

Я ей замѣтилъ, что Михѣевна сказала правду, и что я дѣйствительно не могу ничего сдѣлать для нея, кромѣ предложенія перейдти жить ко мнѣ въ домъ.

Степановна, по обыкновенію, начала льстить и причитать, но отказалась: «нѣтъ, батюшка, знаю я вашу доброту ко мнѣ, старухѣ, и неоставленіе ваше, да не приходится мнѣ избушку свою бросать: какая ни на есть, да она моя; трудилась, трудилась всю мою жизнь, себя не жалѣя, и вдругъ на старости лѣтъ подъ чужой кровлей умирать? не хорошо это, батюшка, подъ кровомъ чужимъ Богу душу отдать.

— Ну, проси міръ: онъ разсудитъ тебя, сказалъ я.

— Эхъ, батюшка! міръ, да міръ только о своемъ животѣ радѣетъ. Жаловалась я міру; ну, и пугнулъ онъ ее: поучить онъ обѣщалъ. За это она больше и злится на меня. А какъ сказала я: возьмите вы, православные, ее отъ меня — жить съ ней я не хочу—такъ міръ-то на меня же. Куда, говоритъ, намъ съ ней возжаться; твоя, говоритъ, она родня: мужнинъ племянникъ — ему и наслѣдствіе надлежитъ. Много ли, говоритъ, тебѣ надо: умрешь — съ собой не унесешь. Вотъ тебѣ и міръ вамъ и судъ праведный! Да и какого, батюшка, разсужденія отъ нашего мужика ожидать: мужикъ, такъ онъ мужикъ и есть. То ли дѣло господское: онъ тебѣ пригрозитъ и онъ тебя защититъ, онъ и разсудитъ. Хоть бы дѣдушка вашъ, покойникъ, или батюшка — дай Богъ имъ царствіе небесное...

И Степановна зачала свое льстивое и хвалебное слово старому житью. Она принадлежала къ тому разряду придворныхъ, которые любятъ показать себя plus royaliste que le roi, и была, конечно, убѣждена, что, дескать, что̀ бы ты тамъ ни дѣлалъ и ни говорилъ, а не могутъ не быть пріятны твоей помѣщичьей душѣ мои преданныя и рабскія рѣчи.

— А я къ вамъ вотъ съ какой просьбой, батюшка, сказала она: — были вы ко мнѣ всю жизнь добры, не оставьте и по смерти: наблюдите вы, батюшка, чтобы злодѣйка моя не надругалась надо мной. Служила я вѣрой и правдой вамъ, и родителямъ вашимъ, и дѣдушкѣ съ бабушкой, вамъ завѣщаю и душеньку мою: не дайте ей по мытарству идти... Она заплакала и хотѣла сползти со стула, чтобы поклониться въ ноги.

Я обѣщалъ ей, и чтобы прервать тяжелый для нея разговоръ, попотчивалъ ее чаемъ. Она не отказалась.

— Хотѣла-было я у нянюшки должокъ попросить, оглядѣвшись и понизивъ голосъ, продолжала она:—тоже немало услуживала ей, и деньжонки давала ей: кровныхъ двѣнадцать рублевъ, прибавила она значительно. — На что, говоритъ, ихъ

тебѣ, а я, говоритъ, по душѣ твоей панихиды буду служить! Вотъ тебѣ и сказъ. Видно, пока живы, да нужда въ насъ есть, такъ и хороши; а теперь и глядитъ на меня ужь мало, да не очень о молитвахъ-то думаетъ. Грѣхъ только говорить...

И, однако, поговорила и сообщила разныя разности про слабую сердцемъ няньку, пока я не перемѣнилъ предметъ.

Скоро мнѣ пришлось сдержать слово, данное старушкѣ: недѣли черезъ двѣ она умерла. Умерла она какъ-то нечаянно, чуть не на ногахъ, какъ обыкновенно умираютъ наши крестьяне. Разумѣется, ея врагъ и не думалъ исполнить свою угрозу, да и трудно бы это было сдѣлать въ деревнѣ, гдѣ, разумѣется, всѣ тотчасъ узнали бы о такомъ событіи. Я поручилъ одной спеціалисткѣ въ дѣлѣ обрядностей наблюсти, чтобы похороны были какъ слѣдуетъ, и зашелъ самъ посмотрѣть на бѣдную старуху. Дѣйствительно, все было какъ должно, и еслибы Степановна могла изъ гроба выглянуть на свои похороны, она бы, вѣроятно, осталась ими довольна. Гробъ былъ тесовый (у насъ часто хоронятъ крестьянъ въ выдолбленномъ деревѣ или колодѣ); старка-начетница, которую обыкновенно приглашали въ этомъ случаѣ, однообразно и нараспѣвъ читала псалтирь, и даже врагъ покойной, Михѣевна, хлопотала и усердно стряпала поминки изъ присланной муки. Сама Степановна съ сложенными накрестъ руками лежала въ гробу чинно и обрядно, какъ подобаетъ богобоязненной старушкѣ. Но выраженіе лица не соотвѣтствовало положенію: на немъ не было ни той важной церемонности, ни смиренной ужимки, которыя были у нѣкоторыхъ изъ окружающихъ старухъ, да и вообще оно не было похоже на себя, на то лицо, которое носила въ разныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ Степановна. Казалось, смерть смела съ него, какъ ненужный хламъ, всѣ разнообразные штрихи и черты, которые клали на него приниженіе, лесть, веселость, горе, и безчисленная обрядность и заботы ея тревожной жизни: «все это вздоръ, и маска, казалось, рѣшила она, и теперь не нужно!» Блѣдное, изможденное и осунувшееся это лицо было безсмысленно. Оно было похоже на лицо измученнаго отъ скверной дороги фельдъегеря, пріѣхавшаго въ скверное пристанище, но уже и къ нему равнодушнаго. Оно, казалось, говорило: «ну, я свою жизнь отмыкала, а теперь выдѣлывайте, что хотите: мнѣ все равно!»

М. Авдѣевъ.

1868 г. Буруновка.

БИМИНИ.

ПОСМЕРТНАЯ ПОЭМА ГЕЙНЕ.

Прологъ.

Вѣра въ міръ чудесъ! Какъ пышно,
Ты, цвѣтокъ теперь увядшій
Цвѣлъ въ сердцахъ въ былое время,
Воспѣваемое мною!

И само́-то это время
Было чудомъ! Совершалось
Много такъ чудесъ, что люди
Больше имъ и не дивились.

Заурядъ съ сухою прозой
Жизни самой повседневной,
Часто видѣлъ предъ собою
Человѣкъ такія вещи,

Предъ которыми блѣднѣли
Баснословнѣйшія сказки
Въ книгахъ набожныхъ монаховъ,
Въ старыхъ рыцарскихъ романахъ.

Разъ, блистая какъ невѣста,
Изъ пучины океана
Чудо выплыло морское —
Выплылъ цѣлый новый міръ,

Новый міръ съ сортами новыхъ
Человѣковъ, и животныхъ,

Новыхъ птицъ, цвѣтовъ, деревьевъ,
Міровыхъ болѣзней новыхъ!

Въ это время міръ нашъ старый,
Міръ нашъ собственный, чудесно
Тоже весь преобразился;
Это чудо совершили

Изобрѣтенія духа —
Чародѣя новыхъ дней,
Колдовство Бертольда Шварца
И другое волхкованье

Человѣка похитрѣе —
Чернокнижника изъ Майнца;
А вдобавокъ къ нимъ, двѣ книги,
Къ намъ сѣдыми колдунами

Принесенныя въ прекрасномъ
Переводѣ изъ Египта
И античной Византіи;
Чудодѣйственныя книги!

У одной изъ нихъ заглавье—
«Книга Истины», другая
«Книгой Красоты» зовется;
Но какъ ту, такъ и другую

Написалъ самъ Богъ на разныхъ
Двухъ нарѣчіяхъ небесныхъ
И, какъ мы предполагаемъ,
Написалъ собственноручно.

Тутъ же маленькая стрѣлка —
Жезлъ волшебный мореходца ,
Мореходцу указала
Прямо въ Индію дорогу, —

Въ эту общую отчизну
Всякихъ пряностей пикантныхъ,
Гдѣ надменно рвутся къ небу
И ползутъ, впиваясь въ землю,

Фантастичныя растенья,
Травы, мхи, цвѣты, деревья—
Знать растительнаго царства,
Иль коронные брильянты, —

Въ край кореньевъ, надѣленныхъ
Той таинственною силой,
Что̀ людей иль исцѣляетъ,
Или гонитъ въ гробъ, — смотря

Кто мѣшаетъ ихъ: аптекарь
Осторожный и разумный,
Иль венгерецъ безтолковый
Изъ —го баната...

И едва лишь отворились
Двери Индіи цвѣтущей,
Какъ потокъ благоуханій,
Сладострастныхъ до безумья,

Опьяняющихъ всѣ чувства,
Одуряющихъ и разумъ, —
Хлынулъ вдругъ, и въ сердце міра,
Міра стараго ворвался.

И, какъ-будто подъ хлестаньемъ
Плети огненной, безумно
Въ людяхъ кровь забушевала,
Алча золота и счастья.

Но паролью оставалось
Только золото; ужь этотъ
Желтый сводникъ самъ доставитъ
Всѣ земныя наслажденья.

Первымъ словомъ, что̀ испанецъ
Произнесъ въ шатрѣ индійца,
Было «золото»; воды
Онъ спросилъ себѣ ужь послѣ.

Житель Мексики и Перу
Видѣлъ это бѣснованье

Жажды золота; онъ видѣлъ,
Какъ Пизарро и Кортецъ,

Дико золотомъ упившись,
Въ этомъ золотѣ валялись...
Видѣлъ онъ — во время штурма
Храма Квито, Лопецъ Вакка

Стибрилъ солнце золотое, —
Солнце, вѣсившее ровно
Двадцать центнеровъ; но въ кости
Въ ту же ночь его спустилъ онъ.

И съ тѣхъ поръ, у мексиканцевъ
Сохранилась поговорка:
«Это Лопецъ, проигравшій
Солнце предъ восходомъ солнца».

О, большіе это были
Игроки, убійцы, воры!
(Нѣтъ людей безъ недостатковъ);
Но за то они свершали

Чудеса почище всякихъ
Штукъ солдатчины страшнѣйшей,
Начиная съ Олоферна
И кончая фонъ-Радецкимъ.

Въ это время общей вѣры
Въ чудеса, — и сами люди
Чудеса производили;
Да оно и натурально:

Тотъ, кто вѣрой обладаетъ
Въ невозможнѣйшія вещи, —
Невозможнѣйшія вещи
Совершать и самъ способенъ.

Только глупый въ это время
Сомнѣвался; люди съ смысломъ,
Мудрецы склонялись съ вѣрой
Передъ всѣми чудесами.

Странно! нынче не выходитъ
У меня изъ мыслей сказка
Той поры чудесной, — сказка
О Жуанѣ Понсъ де-Лѐонъ,

Что̀ съумѣлъ открыть Флориду,
Но всю жизнь искалъ напрасно
Цѣль своихъ стремленій жадныхъ —
Чудный островъ Бимини!

Бимини! при этомъ звукѣ
Сердце вдругъ затрепетало
У меня въ груди, — и грёзы,
Грёзы юности воскресли

И, въ вѣнкахъ своихъ засохшихъ,
На меня печально смотрятъ...
Пѣнье мертвыхъ соловьевъ
Раздается надо мною...

Соловьи поютъ и стонутъ,
Точно кровью истекая...
И, охваченный испугомъ,
Я вскочилъ, — вскочилъ такъ быстро,

Такъ порывисто я двинулъ
Всѣми членами больными,
Что мгновенно распоролись
Швы въ моей дурацкой курткѣ...

Но тревога эта скоро
У меня смѣнилась смѣхомъ;
Разсмѣялся я, услышавъ, —
(Или такъ мнѣ показалось) —

Что канальи-попугаи
Уморительно, а вмѣстѣ
И весьма меланхолично,
Закричали: Бимини!

Муза, дочь боговъ безсмертныхъ,
Фея умная Парнасса!

О, прійди ко мнѣ на помощь
Чародѣйствомъ стихотворства!

Докажи, что ты колдунья:
Превратй въ корабль волшебный
Пѣснь мою, и пусть доставитъ
Онъ меня на Бимини!

Только вымолвилъ я это —
Ужь исполнилось желанье:
Снаряженъ корабль волшебный,
Снаряженъ и спущенъ въ воду.

Кто со мной на Бимини?
Эй, messieurs, mesdames! Садитесь!
При попутномъ вѣтрѣ, скоро
Будемъ мы на Бимини!

Господа! вы не больны ли
Ревматизмомъ? Вы, mesdames,
Не открыли ли морщинокъ
У себя на лбу прекрасномъ?

Поскорѣй на Бимини!
Тамъ найдете исцѣленье
Отъ постыднѣйшихъ недуговъ;
Гидропатіей тамъ лечатъ!

Ничего не опасайтесь;
Мой корабль построенъ прочно,
Посмотрите — остовъ сдѣланъ
Изъ хореевъ, крѣпче дуба;

На рулѣ сидитъ фантазья,
Въ паруса веселость дуетъ,
Юнгой служитъ ловкій юморъ...
А разсудокъ тутъ? Не знаю!

Наши реи — изъ метафоръ,
Наши мачты — изъ гипербол̆ъ,
Флагъ — пурпурно-желто-черный —
(Краски школы романтизма),

Флагъ трехцвѣтный Барбароссы,
Точь такой, какой я видѣлъ
Разъ въ Кифгейзерѣ и послѣ
Въ старомъ франкфуртскомъ соборѣ...

Вдоль по морю міра сказокъ,
Мой корабль, корабль волшебный,
Ужь несется; бороздами
Грёзы тянутся за нимъ.

Впереди, вздымая пѣну
На лазури океана,
Дико плещется и скачетъ
Войско цѣлое дельфиновъ.

На спинахъ у нихъ усѣлись
Почтари мои морскіе —
Купидоны; изъ забавныхъ,
Странныхъ раковинъ они,

Щеки вздувши, извлекаютъ
Звуки трубные... Но чу!
Изъ пучины океана
Вдругъ донесся смѣхъ лукавый!...

Ахъ, я знаю эти звуки,
Этотъ злой, но сладкій голосъ:
Это хитрыя ундины
Насмѣхаются скептично

Надъ моей дурацкой шкуной,
Надъ дурацкимъ экипажемъ,
Надъ дурацкою поѣздкой
Дураковъ на Бимини!

I.

Тихъ, пустыненъ берегъ Кубы...
Надъ зеркальною водою
Человѣкъ стоитъ и смотритъ
Онъ въ водѣ на свой же образъ.

Онъ старикъ, но станъ свой держитъ
Прямо, чисто по испански;
Весь костюмъ какой-то странный:
Смѣсь солдатскаго съ матросскимъ.

Подъ кафтаномъ изъ оленьей
Желтой кожи шаровары
Рыболова; портупея —
Изъ парчи съ шитьемъ богатымъ.

Къ ней, какъ водится, привѣшенъ
Длинный мечъ, толедской стали;
Пукъ пѣтушьихъ красныхъ перьевъ
Развѣвается на шляпѣ,

Не безъ грусти осѣняя
Измозженное лицо,
Надъ которымъ потрудились
Современники и время, —

Потрудилися усердно,
Въ чемъ свидѣтели—морщины
И, заштопанные плохо,
Шрамы сабельныхъ ударовъ.

Не съ особенно пріятнымъ
Ощущеньемъ смотритъ старецъ
На плачевную фигуру,
Отраженную водою.

Точно что-то отстраняя,
Онъ протягиваетъ руки,
Головой трясетъ и грустно
Восклицаетъ наконецъ:

«Это-ль донъ Жуанъ де-Лѐонъ,
Бывшій пажъ двора Гомеца,
Ловко такъ носившій шлейфы
Дочерей алкадовъ гордыхъ?

«Былъ онъ строенъ и воздушенъ,
Подъ кудрями золотыми

Мысли радужныя рѣзво,
Легкомысленно играли.

«Топотъ лошади Жуана
Былъ знакомъ севильскимъ дамамъ;
Чуть раздастся онъ — сейчасъ же
Всѣ онѣ бросались къ окнамъ...

«Это ль донъ Жуанъ де-Лѐонъ,
Тотъ, что̀ былъ грозою мавровъ
И мечомъ косилъ, какъ сѣно,
Эти головы въ чалмахъ?

«Послѣ битвы при Гренадѣ,
Передъ всею христіанской,
Храброй арміей, Гонзальво
Сдѣлалъ рыцаремъ меня.

«И въ палаткѣ у инфанты
Въ тотъ же вечеръ, я при звукахъ
Трубъ и скрыпокъ несся въ танцахъ
Съ цѣлымъ роемъ дамъ-красавицъ.

«Но ни звуковъ трубъ и скрыпокъ,
Ни любезностей красавицъ
Я не слышалъ въ этотъ вечеръ...
Каблуками, какъ безумный,

«Я стучалъ о по̀лъ палатки
И одно я только слышалъ —
Слышалъ милое бряцанье
Первыхъ, славныхъ шпоръ моихъ.

«Но съ годами появились
Честолюбье и серьёзность.
Я сопутствовалъ Колумбу
Во второмъ его великомъ

«Путешествіи. Глубоко
Неизмѣнно былъ я преданъ
Мужу славному; во вѣки
Я его не позабуду,

«Не забуду безконечно —
Кроткихъ глазъ... Страдалъ онъ, молча,
И лишь ночью муки сердца
Повѣрялъ волнамъ и звѣздамъ.

«По отъѣздѣ адмирала
Вновь въ Испанію, къ Ойедѣ
Въ службу я вступилъ, и вмѣстѣ
Съ нимъ поплылъ по бѣлу свѣту.

«Донъ Ойеда былъ отъ пятокъ
До макушки храбрый рыцарь;
Храбрецовъ такихъ не видѣлъ
Даже Круглый Столъ Артура.

«Въ битвѣ, въ битвѣ находилъ онъ
Сладострастное блаженство
И сражаться съ дикарями
Шелъ всегда съ веселымъ смѣхомъ.

«Разъ отравленной стрѣлою
Былъ онъ раненъ и тотчасъ же,
Раскаливъ желѣзо, выжегъ
Рану всю съ веселымъ смѣхомъ.

«Помню тоже: мы блуждали
По невѣдомымъ болотамъ,
Безъ воды, безъ пищи; вязли
Мы въ грязи по самый поясъ;

«Тридцать дней ужь длилось это;
Изъ двухсотъ людей Ойеды
Больше ста уже погибло,
А межъ тѣмъ, все глубже, глубже

«Становилося болото...
Мы въ отчаяніе впали;
Но Ойеда нашу бодрость
Воскресилъ веселымъ смѣхомъ.

«Послѣ я служилъ съ Вильбао,
Храбрымъ также какъ Ойеда,

Но его превосходившимъ
По уму и знанью дѣла.

«Всѣ орлы высокой мысли
Въ головѣ его гнѣздились,
А въ душѣ его сіяло
Яркимъ солнцемъ благородство.

«Онъ къ владѣніямъ испанскимъ
Сто земель прибавилъ—больше,
Чѣмъ Европа вся, богаче
Чѣмъ Венеція и Фландры.

«Въ награжденіе за эти
Сто земель прекрасныхъ, больше
Чѣмъ Европа и богаче,
Чѣмъ Венеція и Фландры, —

«Получилъ Бильбао галстухъ
Изъ веревки; какъ преступникъ,
Онъ на рынкѣ Себастьяна
Былъ торжественно повѣшенъ...

«Не такимъ бойцемъ великимъ
И съ душой, не столь геройской,
Былъ Кортецъ Фернандо, впрочемъ,
Тоже воинъ знаменитый.

«Я служилъ при немъ въ Армадѣ,
Побѣдившей мексиканцевъ;
Ахъ, не мало натерпѣться
Довелось въ походѣ этомъ!

«Много золота я добылъ,
Но и желтой лихорадкой
Обзавелся... Угостили
Очень щедро мексиканцы!

«На червонцы снарядилъ я
Корабли. Руководимый
Ужь моей звѣздою личной,
Я открылъ здѣсь островъ Кубу.

«И теперь живу на Кубѣ
Губернаторомъ, во имя
Фердинанда Аррагонца
И Жуанны Кастильянки.

«Все, чего такъ жаждутъ люди,
Мной добыто: слава, почесть,
Благосклонность государя,
Даже орденъ Калатравы.

«Я намѣстникъ, я имѣю
Сотню тысячъ добрыхъ пезовъ,
Въ слиткахъ золото, брильянты,
Горы цѣлыя изъ перловъ...

«Ахъ, при видѣ этихъ перловъ
Я томлюсь тяжелой мыслью:
Лучше, лучше мнѣ имѣть бы
Зубы, молодости зубы!

«Зубы молодости! Съ ними,
Ахъ, и молодость погибла!...
Злобно деснами гнилыми
Я скрыплю при этой мысли!

«Зубы молодости! Еслибъ
Васъ, и съ молодостью вмѣстѣ,
Вновь купить возможно было, —
Я сейчасъ, сейчасъ бы отдалъ

«Всѣ мои брильянты, перлы,
Въ слиткахъ золото, сто тысячъ
Добрыхъ пезовъ и, въ добавокъ, —
Даже орденъ Калатравы.

«Все возьмите — почесть, славу,
Перестаньте eccelenza
Называть меня, — зовите
Дуракомъ, молокососомъ!

«Милосердная Мадонна!
Сжалься ты надъ глупымъ старцемъ,

Изнывающимъ позорно
И отъ всѣхъ таящимъ муки!

«Ахъ, тебѣ одной открою
Душу я и въ томъ сознаюсь,
Въ чемъ, конечно, не сознался бъ
Ни единому святому.

«Вѣдь они — мужчины тоже!
А, Carracho *! даже въ небѣ
Не позволю я мужчинѣ
Пожалѣть Жуана Леонъ.

«Ты, ты женщина, Мадонна!
И хотя безплотно-чисто
Все въ тебѣ, но ты постигнешь
Умной, женственной душою,

«Сколько страждетъ бѣдный смертный,
Видя, какъ каррикатурно,
Какъ мизерно сохнутъ, вянутъ
Красота и свѣжесть тѣла!

«Ахъ, счастливѣй насъ деревья!
Сколько ихъ ни есть на свѣтѣ,
Всѣ въ одно и то же время
Обнажаетъ зимній вѣтеръ.

«Всѣ они зимою наги;
Ни одинъ сучокъ зеленый
Глазъ насмѣшливо не колетъ
Сотоварищамъ увядшимъ.

«Ахъ, у насъ, людей, имѣетъ
Каждый собственное время:
У однихъ — зима, а тутъ же,
У другихъ — весна и лѣто!

«И старикъ вдвойнѣ больнѣе
Сознаетъ свое безсилье,

* Испанское восклицаніе, равносильное «Чортъ побери». *Пер.*

Видя свѣжесть молодую...
Милосердная Мадонна!

«Отряхни ты съ этихъ членовъ
Зиму старости, сковавшей
Злобно кровь мою морозомъ,
Снѣгомъ голову покрывшей!

«Прикажи ты солнцу снова
Влить мнѣ въ жилы знойной крови,
Прикажи веснѣ, пусть въ сердцѣ
Соловьевъ она разбудитъ!

«Возврати щекамъ ихъ розы,
Золотыя кудри снова
Головѣ отдай!... О, дѣва!
Возврати мнѣ юность, юность!»

И, сказавъ такія рѣчи,
Застоналъ Жуанъ де-Лèонъ
И, въ отчаяньи глубокомъ,
Онъ закрылъ лицо руками,

И стоналъ онъ, и рыдалъ онъ
Такъ порывисто и громко,
Что потоки слезъ бѣжали
Сквозь изсохнувшіе пальцы!...

П. Вейнбергъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

АМЕРИКАНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Письмо первое.

Я готовлю для васъ, мои друзья, цѣлый рядъ замѣтокъ о жизни въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, написанныхъ искренно и съ возможно большею добросовѣстностію, хотя безъ всякихъ претензій на безусловную вѣрность общихъ выводовъ.

Вы не найдете въ моихъ письмахъ ни строгой систематизаціи фактовъ, ни той логической послѣдовательности въ обрисовкѣ явленій, которыя должны составлять необходимое качество всякаго серьёзнаго трактата.

Серьёзный трактатъ и вѣрность общихъ выводовъ объ американской жизни возможны только послѣ многихъ лѣтъ полнаго и разносторонняго знакомства съ этой жизнію.

Откладывая въ сторону систематизацію, пока еще невозможную, я буду передавать вамъ, съ свободой фельетониста, все, чтò, по моему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія. Мнѣ будетъ наградою сознаніе, что какъ бы небрежно ни писались мои замѣтки, какъ бы мало въ нихъ ни было литературной отдѣлки, во всякомъ случаѣ онѣ будутъ дороги для васъ и по личнымъ воспоминаніямъ и, надѣюсь, по обилію фактовъ, мало извѣстныхъ въ Россіи.

Мои письма не будутъ похожи на тѣ легонькіе разсказцы, которыми такъ щедро награждаютъ насъ путешественники съ туго набитымъ кошелькомъ и потому способные видѣть все въ розовомъ цвѣтѣ. Пустота ихъ наблюденій, — съ окна гостиницы или вагона, особенно ощутительна для тѣхъ, кто, собираясь ѣхать въ Америку, разсчитывалъ бы запастись полезными для него свѣдѣніями. Онъ можетъ прочитать кучу книгъ и кромѣ общихъ фразъ и тяжелаго неудовлетворенія врядъ-ли что вынесетъ изъ нихъ что-либо другое. И неудивительно, если ему

все покажется страннымъ по пріѣздѣ въ Америку; еще менѣе удивительно, если его, вѣрящаго въ безусловную честность американцевъ, одурачатъ и обманутъ на первомъ же шагу.

Многое, чтò можно бы было сказать по этому поводу, я отложу пока до другого времени, до тѣхъ писемъ, въ которыхъ будетъ описана частная и общественная жизнь американцевъ. Теперь ограничусь обзоромъ политической ихъ жизни за прошлый годъ, который останется навсегда памятнымъ въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ, потому что только 3-го ноября 1868 года окончилась борьба, начавшаяся еще въ 1776 году. Поверхностнымъ умамъ казалось, что сдача Ли покончила вопросъ, постоянно грозившій распаденіемъ союзу. Но борьба продолжалась и послѣ того. Съ поля битвъ она перешла въ конгрессъ, продолжалась въ борьбѣ конгресса съ президентомъ, разлилась широкимъ потокомъ по всему союзу, вездѣ волнуя умы, разжигая страсти, и достигла наконецъ своего апогея въ президентскую кампанію прошлаго года (такъ называются послѣдніе 6—7 мѣсяцевъ, предшествующихъ выборамъ президента). 3-го ноября воля народа должна была рѣшить: закончить ли дѣло, за которое уже погибли сотни тысячъ людей и милліарды долларовъ, или оставить все въ прежнемъ хаотическомъ положеніи. Понятно, что вся энергія людей, недавно жертвовавшихъ своею жизнію на поляхъ сраженій, вся страстность фанатиковъ, породившихъ Вилькса Бутса, была поставлена на этотъ ва-банкъ долгой борьбы.

Рискуя навлечь на себя упреки въ повтореніи старыхъ и всѣмъ извѣстныхъ событій, я намѣренъ сдѣлать прежде всего систематическій обзоръ политической жизни Соединенныхъ Штатовъ съ весны 1865 года (окончанія войны), и постараюсь довести въ этомъ письмѣ очеркъ событій до избранія Гранта. Три причины побуждаютъ меня къ этому: 1) рѣдко кто изъ читающей публики слѣдилъ такъ внимательно за событіями послѣднихъ 4-хъ лѣтъ, чтобы изъ отрывочныхъ газетныхъ статей составить цѣльную картину борьбы партій; 2) краткое повтореніе этой борьбы дастъ мнѣ отличный поводъ къ ознакомленію васъ съ положеніемъ партій и потребностями страны въ данную минуту, и такимъ образомъ будетъ служить превосходнымъ введеніемъ къ моимъ будущимъ письмамъ о текущихъ дѣлахъ, и наконецъ 3) въ письмѣ этомъ я постараюсь познакомить васъ съ тѣми подробностями политической борьбы, тѣми деталями, которыя совершенно неизвѣстны у насъ и которыя даютъ живой интересъ дѣлу.

Вамъ хорошо извѣстно, какой высокій образецъ политической мудрости и уваженія къ личной свободѣ представилъ народъ Сѣверныхъ Штатовъ — немедленно послѣ окончанія междоусобной войны. Подобнаго примѣра нельзя отыскать ни въ древней, ни въ новой исторіи. Старый міръ съ своей старой привычкой къ казнямъ и крови, безполезно проливаемой послѣ каждаго возстанія, съ какимъ-то тупымъ изумленіемъ смотрѣлъ на факты, совершающіеся предъ его глазами, и врядъ-ли отчетливо понялъ все величіе духа побѣдителей. Инсуррекціонныя арміи, принужденныя сдаться, распускаются безнаказанно по домамъ, подъ честнымъ словомъ — не подымать болѣе оружія противъ союзнаго правительства; Робертъ Ли, ихъ геніальный полководецъ, человѣкъ, наносившій самые больные удары союзу, пользуется уваженіемъ всей Америки и безпрепятственно читаетъ курсъ военныхъ наукъ молодымъ виргинцамъ. Глава революціи — Джеферсонъ Девисъ вноситъ суду требуемый залогъ въ обезпеченіе своей явки въ случаѣ нужды (онъ былъ арестованъ по подозрѣнію въ знаніи и существованіи заговора на жизнь Линкольна) и ѣдетъ путешествовать по Европѣ какъ бы для того, чтобы наглядно показать всю высоту гражданскаго развитія Америки.

Казнь четырехъ заговорщиковъ на смерть Линкольна, да казнь Вирца (надзирателя надъ плѣнными сѣверянами)—вотъ и вся очистительная жертва возстанію, такъ сильно волновавшему страну впродолженіе четырехъ лѣтъ. Но и эти люди были казнены за убійство, а не за политическія убѣжденія.

Jankee Doodle («янки глупецъ» — первыя слова знаменитой народной пѣсни американцевъ) понялъ лучше многихъ мудрецовъ безполезность политическихъ казней. Оставляя въ сторонѣ людей, онъ тѣмъ съ большею энергіею старался дѣйствовать на самый корень зла, на измѣненіе политическаго и соціальнаго положенія негровъ — класса людей, составляющаго естественный противовѣсъ рабовладѣльческимъ и сепаратистическимъ стремленіямъ плантаторовъ.

Можете себѣ представить, каково было изумленіе республиканской партіи, когда ихъ избранникъ Джонсонъ, мѣсяцъ спустя послѣ смерти Линкольна, издалъ прокламацію, въ которой, говоря, что война окончена, возобновляетъ самоуправленіе Южныхъ Штатовъ на основаніи прежнихъ избирательныхъ законовъ. Онъ обошелъ такимъ образомъ вопросъ о политическихъ правахъ негровъ и возстановилъ въ Южныхъ Штатахъ то самое политическое устройство, которое породило междоусобную

войну со всѣми ея неисчислимыми бѣдствіями. Сознавая необходимость какой-нибудь гарантіи для отстраненія войны на будущее время, Джонсонъ постановилъ правиломъ, что прежде, чѣмъ начнутся засѣданія конвентовъ (собраній, имѣющихъ цѣлію пересмотръ конституцій возмутившихся штатовъ и видоизмѣненіе ихъ сообразно съ новымъ положеніемъ дѣла), всѣ участвующіе въ избраніи членовъ конвента и самые члены собраній обязаны принести клятву въ вѣрности союзу и законамъ, уничтожающимъ рабство.

Въ сущности это постановленіе обезпечивало только ратификацію первой конституціонной поправки, которая при согласіи законодательныхъ собраній южныхъ штатовъ должна была получить требуемое большинство $^3/_4$ всѣхъ собраній и такимъ образомъ сдѣлаться обязательною для всего союза. Самая быстрота, съ которою южные штаты согласились на эту поправку, служила лучшимъ подтвержденіемъ фальшиваго положенія дѣла. Лишенные политическихъ правъ негры должны были подчиниться безконтрольной власти бывшихъ плантаторовъ, которые ненавидѣли ихъ теперь еще болѣе, чѣмъ до войны. Бѣлые, несдерживаемые матеріальнымъ интересомъ, побуждавшимъ прежде къ сохраненію жизни негровъ, могли стрѣлять, какъ дичь, этихъ свободныхъ de jure, потому что de facto ни одинъ правитель, ни одинъ судья, выбранный изъ среды плантаторовъ, не сталъ бы заступаться за нихъ. Негры волновались въ виду угрожающаго имъ поголовнаго истребленія. Рѣзня въ Новомъ Орлеанѣ, подтверждая эти догадки, еще болѣе усилила ихъ волненіе. Объ успокоеніи края, о примиреніи Юга съ Сѣверомъ, о прочной связи штатовъ нельзя было при такихъ обстоятельствахъ и думать; потому что представители Юга, разъ допущенные въ конгрессъ, соединились бы съ демократами Сѣвера и препятствовали бы проведенію наиболѣе коренныхъ реформъ.

Распоряженія Джонсона вызвали рѣшительное противодѣйствіе конгресса, собравшагося въ декабрѣ 1865 года. Онъ отказался принять въ свою среду представителей отъ южныхъ штатовъ и проводить два важныхъ билля о защитѣ гражданскихъ правъ негровъ. Тогда же вносится предложеніе о новой 14-й поправкѣ къ конституціи *, по которой 1) отвергался долгъ южныхъ штатовъ; 2) запрещалось избирать безъ согласія конгресса на должности всѣхъ тѣхъ, которые, бывши на оффиціальныхъ мѣс-

---

* Она обыкновенно называется 14-ой поправкой, потому что по утвержденіи должна составить 14-ю статью конституціи.

тахъ до войны, перешли на сторону конфедераціи и слѣдовательно нарушили присягу въ вѣрности конституціи, и 3) измѣнялся законъ представительства рабовладѣльческихъ штатовъ. (До сихъ поръ при опредѣленіи числа представителей, выбираемыхъ отъ рабовладѣльческихъ штатовъ, къ числу бѣлыхъ гражданъ прибавлялось $^3/_5$ всего числа негровъ. Новой же поправкой предполагалось, что число представителей каждаго штата должно быть пропорціонально его населенію; въ тѣхъ же случаяхъ, когда не всѣ граждане пользуются политическими правами, представительство штата уменьшается, соотвѣтственно числу исключенныхъ гражданъ).

Всѣ резолюціи конгресса сдѣлались законами, несмотря на президентское veto; но разрывъ президента съ конгрессомъ раздулъ огонь, еще тлѣющій подъ пепломъ. Гордая аристократія Юга перестала гнушаться бывшимъ портнымъ. Лестью и ласкательствомъ они поддерживали упорство президента и въ то же время пользовались своей нравственною и матеріальною силою для поддержанія волненія въ странѣ. Демократическая партія Сѣвера, стоящая за самодержавныя права штатовъ и за право выдѣленія отъ союза, была естественною союзницею рабовладѣльческихъ тенденцій. Агенты южныхъ штатовъ, ораторы разъѣзжали по городамъ, волнуя народъ своими рѣчами, и бѣдный народъ, обремененный податями, готовъ былъ вѣрить всякому рецепту отъ зла.

Возбужденіе страны особенно рельефно высказалось во время путешествія Джонсона по сѣвернымъ штатамъ осенью 1866 года. Во всѣхъ городахъ его встрѣчали попеременно: то самыми восторженными демонстраціями, то самыми оскорбительными выраженіями своей ненависти и презрѣнія. Напримѣръ, въ одномъ городѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ, собравшись у станціи желѣзной дороги, встрѣтили Джонсона похороннымъ маршемъ и, когда онъ вышелъ на платформу, подняли знамя съ надписью: «долой Андрью Джонсона! Троекратное хрюканье въ честь Анди (Андрюши)!» И толпа оглушающимъ ревомъ и хрюканьемъ начала выражать свое уваженіе президенту Соединенныхъ Штатовъ.

Въ виду этихъ волненій, конгрессъ боялся оставить Джонсона внѣ своего контроля и растянулъ свою первую сессію на 8 мѣсяцевъ, вмѣсто обыкновенныхъ 3 или 4. Собравшись вновь въ декабрѣ 1866 года, конгрессъ выходитъ изъ прежняго выжидательнаго положенія. Сознана необходимость рѣшительныхъ мѣръ для предотвращенія новой революціи и издается рядъ

законовъ, передѣлывающихъ политическое устройство страны. Прежде всего дано право голоса неграмъ Колумбійскаго округа (veto), вслѣдъ за тѣмъ распространяются политическія права на негровъ во всѣхъ территоріяхъ (veto). (Колумбійскій округъ съ г. Вашингтономъ и территоріи не имѣютъ своихъ законодательныхъ собраній; они должны повиноваться законамъ конгресса). Видоизмѣнивши такимъ образомъ политическое устройство территорій, конгрессъ передѣлываетъ одну изъ нихъ (Небраску) въ штатъ (veto) и наконецъ 2-го марта 1867 года изданъ первый реконструкціонный актъ (veto), по которому всѣ 11 возмутившихся штатовъ дѣлятся на 5 военныхъ округовъ и генераламъ, поставленнымъ во главѣ округа, дано безапелляціонное право смѣны всякаго члена мѣстнаго «незаконнаго правительства», какъ сказано въ актѣ, и «неспособнаго защищать жизнь и имущество гражданъ». Этимъ же актомъ положено, что военное положеніе будетъ снято только въ такомъ случаѣ, когда 1) конвентъ делегатовъ, выбранныхъ всеобщей подачей голосовъ, составитъ конституцію штата, во всѣхъ отношеніяхъ согласную съ союзной конституціею; 2) когда конституція, такимъ образомъ составленная, будетъ ратификована опять-таки всеобщею подачею голосовъ всѣхъ гражданъ штата вмѣстѣ съ конгрессомъ; 3) когда законодательныя собранія штатовъ, созванныя въ силу новой конституціи, согласятся на предложенную 14 поправку, и 4) когда, наконецъ, эта поправка, по утвержденіи ея $^3/_4$ всѣхъ законодательныхъ собраній, будетъ признана всеобщимъ закономъ.

Покончивши съ Югомъ, тотъ же конгрессъ издаетъ рядъ законовъ, все болѣе и болѣе стѣсняющихъ дѣятельность президента. Чтобы не дать ему возможности къ произвольнымъ дѣйствіямъ во время отсрочки засѣданій, было положено, что новый конгрессъ (40-й съ основанія союза) долженъ начать засѣданіе не въ декабрѣ 1867 года, а немедленно послѣ роспуска стараго. Затѣмъ, въ одинъ день съ изданіемъ реконструкціоннаго акта, было проведено конгрессомъ два закона и тоже помимо президента. Одинъ изъ нихъ, знаменитый Tenure of civil offices Bill, послужившій впослѣдствіи поводомъ къ отдачѣ Джонсона подъ судъ, ограничивалъ у президента право на безконтрольную смѣну чиновниковъ и лишалъ его возможности, смѣняя республиканцевъ, за ихъ политическія мнѣнія, назначать на ихъ мѣста демократовъ. Другимъ декретомъ было предписано, что президентъ, главнокомандующій арміи, въ силу конституціи, не можетъ смѣнять главнаго генерала арміи (тогдашняя должность Гранта) безъ согласія сената.

Новый конгрессъ, собравшись на другой день послѣ роспуска стараго, продолжалъ свои засѣданія опять до іюня мѣсяца, и въ это время было издано два дополнительныхъ акта относительно реконструкціи южныхъ штатовъ. Въ одномъ изъ нихъ у президента совсѣмъ отнято право назначать гражданскихъ чиновниковъ въ южныхъ штатахъ, а его власть, какъ главнокомандующаго арміей, ограничивалась еще болѣе: право назначенія окружныхъ генераловъ было отнято у него и передано главному генералу арміи.

Казалось бы, что у президента была отнята всякая возможность къ противодѣйствію конгрессу. Но это только казалось. За нимъ стояла цѣлая армія чиновниковъ, знавшихъ, что съ паденіемъ Джонсона окончится ихъ служба. Однихъ матеріальныхъ интересовъ было достаточно, чтобы стоять за Джонсона независимо отъ того, что большая часть ихъ состояла изъ ярыхъ демократовъ. Обязанные съ одной стороны повиноваться законамъ конгресса, а съ другой, желая угодить Джонсону, протестующему противъ нихъ, они вносили съ собой примѣръ неуваженія къ закону, и гибельный раздоръ между исполнительною и законодательною властію отразился даже на самыхъ ничтожныхъ дѣйствіяхъ правительственной машины. Подобная распря, еще небывалая въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ, начинала серьёзно волновать умы гражданъ. Съ одной стороны сыпались петиціи объ уничтоженіи званія президента и передачѣ его обязанностей сенату; съ другой стали говорить, что конгрессъ стремится къ деспотизму и хочетъ уничтожить власть у человѣка, стоящаго между нимъ и конституціей. Во всѣхъ своихъ доводахъ они ссылались на реконструкціонные акты, какъ на высшее проявленіе деспотическихъ стремленій конгресса.

Въ сущности эти акты были ни болѣе, ни менѣе, какъ рядомъ условій, обыкновенно предписываемыхъ побѣжденной сторонѣ, и пока еще не высохла кровь павшихъ въ борьбѣ, и право силы оставалось пока единственнымъ правомъ, одинаково признаннымъ двумя враждебными половинами союза, до тѣхъ поръ конгрессъ имѣлъ и возможность, и право поступать такимъ образомъ. Однако враги союза и демократы отлично воспользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что актъ этотъ былъ изданъ въ то время, когда самоуправленіе Юга было уже возстановлено (хотя и помимо воли конгресса). Они говорили, что если позволить теперь конгрессу самовольное вмѣшательство во внутреннія дѣла южныхъ штатовъ и предписывать имъ условія, то ничто не помѣшаетъ этому же конгрессу вмѣшиваться впо-

слѣдствіи въ дѣла сѣверныхъ штатовъ. Конституція, такъ долго спасавшая Америку отъ внутреннихъ бѣдствій, будетъ разрушена, президентъ лишенъ власти и на мѣсто всего этого останется произволъ конгресса, деспотически управляющаго страной.

Разнообразныя варіяціи на эту тему, высказываемыя самыми разнообразными ораторами, затрогивали народъ Америки въ самой щекотливой его части. Многіе начинали вѣрить въ возможность деспотизма, еще бо̀льшая часть боялась за цѣлость и неприкосновенность конституціи. Мѣстные выборы, произведенные въ разныхъ штатахъ въ теченіе 1867 года, высказали торжество демократической партіи. Очевидно, что происходилъ поворотъ въ общественномъ мнѣніи. Дѣло запутывалось не на шутку, и республиканская партія начинала видѣть въ смѣнѣ Джонсона лучшій исходъ изъ затруднительнаго положенія.

Не мѣшаетъ замѣтить, что еще въ январѣ 1867 года (тотчасъ послѣ знаменитаго путешествія Джонсона) депутатъ Ашлей внесъ предложеніе объ отдачѣ Джонсона подъ судъ. Его предложеніе тогда не удалось, но теперь республиканцы ждали только удобнаго случая для повторенія этого предложенія. Случай не заставилъ себя долго ждать. Джонсонъ продолжалъ стоять съ непоколебимымъ упорствомъ за свои мнѣнія; но, считая себя защитникомъ свободы, не имѣлъ ни сильнаго характера, ни той сдержанной обдуманности въ поступкахъ, которая одна еще могла дать ему перевѣсъ въ неровной борьбѣ. Запальчивость, обнаруженная имъ въ спорѣ съ военнымъ министромъ, всего лучше подтверждаетъ мои слова. Стантонъ болѣе другихъ министровъ Линкольна заслужилъ признательность народа за великія услуги, оказанныя имъ во время войны. Онъ долженъ былъ заботиться о милліонной арміи въ такое время, когда весь сѣверъ обратился въ арсеналъ и въ общій резервъ для дѣйствующихъ войскъ. Неусыпные труды впродолженіе 4-хъ лѣтъ разбили его нервы и окончательно разстроили его здоровье. Будучи крайнихъ республиканскихъ мнѣній, онъ одинъ изъ всего кабинета постоянно противорѣчилъ его распоряженіямъ * и, понятно, не могъ быть пріятнымъ по-

* Кабинетъ президента состоитъ изъ 7 лицъ, стоящихъ во главѣ министерствъ. Будучи назначены президентомъ, обязанные исполнять его общія предначертанія, они не отвѣтственны предъ народомъ, и въ случаѣ дурнаго управленія министерствомъ, они смѣняются президентомъ. Хотя всѣ распоряженія исполнительной власти исходятъ отъ имени президента, и онъ одинъ отвѣтственъ предъ народомъ, но въ силу обычая установилось правило, по

мощникомъ Джонсону. Въ силу Tenure of Civil offices Bill, президентъ не имѣлъ права смѣнять важное должностное лицо безъ согласія и совѣта сената, и только во время отсрочки засѣданій онъ могъ на время отрѣшить отъ должности виновнаго и временно назначить на его мѣсто другое лицо, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы къ слѣдующему засѣданію сената представить причины, побудившія президента къ подобному поступку. Только послѣ согласія сената, временно отрѣшенное лицо считается окончательно смѣненнымъ; въ противномъ случаѣ, онъ опять вступаетъ въ свои прежнія права и остается на мѣстѣ вопреки воли президента.

Не желая производить скандалъ смѣною Стантона, президентъ хотѣлъ устроить дѣло полюбовно и написалъ въ августѣ 1867 года Стантону слѣдующее лаконическое письмо: «М. г. Государственныя соображенія высокой важности побуждаютъ меня сказать вамъ, что вашъ отказъ отъ мѣста будетъ принятъ».

Стантонъ, такой нервный и раздражительный, немедленно отвѣчалъ ему: «М. г. государственныя соображенія высокой важности побуждаютъ меня продолжать службу въ главѣ министерства и обязываютъ не отказываться отъ должности до слѣдующаго засѣданія сената».

Джонсонъ, озадаченный отвѣтомъ, собралъ свой кабинетъ и, изложивши дѣло, просилъ ихъ мнѣнія. Кабинетъ высказался за Джонсона, и вслѣдъ затѣмъ, 12-го августа, Джонсонъ, временно отрѣшивши Стантона, назначилъ Гранта исправляющимъ должность военнаго министра.

Разумѣется, сенатъ, начавши свою вторую сессію въ декабрѣ 1867 года, получилъ законное увѣдомленіе о причинахъ, побудившихъ президента къ такому поступку, и, не видя въ нихъ ничего иного, кромѣ разногласій политическихъ мнѣній, не согласился съ доводами президента, и Грантъ въ тотъ же день 14-го января 1868 года сдалъ свою должность Стантону.

Президентъ не могъ вынести подобнаго невниманія, и 21-го февраля, несмотря на то, что сенатъ продолжалъ свои засѣданія, смѣнилъ окончательно Стантона и, временно назначивши на его мѣсто генерала Томаса, увѣдомилъ сенатъ о своемъ рѣшеніи. Подобнымъ поступкомъ онъ нарушилъ букву закона; онъ долженъ былъ сначала получить согласіе сената и уже потомъ смѣнить министра.

которому президентъ совѣтуется во всѣхъ важныхъ случаяхъ съ своимъ кабинетомъ.

Сенатъ, по полученіи увѣдомленія отъ Джонсона, отвѣтилъ резолюціей, что президентъ не имѣетъ права *окончательно* смѣнять одно лицо и *временно* назначать на его мѣсто другое. Стантонъ, вопреки желанію президента и готовности Томаса вступить на его мѣсто, упорно оставался во главѣ министерства и только переслалъ въ палату представителей письмо Томаса, предлагающее ему сдать должность.

Поступокъ Джонсона былъ на руку палатѣ представителей, бо̀льшая часть которыхъ состояла изъ непримиримыхъ враговъ президента. 24-го февраля палата огромнымъ большинствомъ (144 противъ 47) вотировала отдачу Джонсона суду сената; составленъ былъ обвинительный актъ изъ 11 пунктовъ, и 4-го марта эти статьи были прочитаны предъ сенатомъ. 5-го марта начался судъ, продолжавшійся до 26-го мая.

Я не буду говорить о процедурѣ суда. Подобныя явленія, кромѣ частнаго своего значенія, имѣютъ высокій нравственный смыслъ, и судъ этотъ, болѣе чего-либо другаго, выказалъ во всемъ блескѣ прочность и разумность государственныхъ учрежденій. Только въ Америкѣ возможно, что глава народа, главнокомандующій арміей и флотомъ, представитель мнѣній могущественной демократической партіи, безпрекословно повинуется рѣшенію народныхъ представителей, является предъ рѣшеткою сената и добровольно подчиняется приговору суда, завѣдомо ему враждебнаго. Неудивительно, что европейскія газеты не поняли этого факта, какъ слѣдуетъ. Привыкшія мѣрить подобныя событія по наполеоновскимъ рецептамъ, онѣ думали, что президентъ Соединенныхъ Штатовъ долженъ отвѣтить на призывъ къ суду чѣмъ-нибудь въ родѣ 18 брюмера. Отсюда ложные толки о готовящемся coup d'état, о созывѣ войскъ и милиціи въ Вашингтонѣ и тому подобныя утки. Ничего подобнаго не было, да и не могло быть. Сила Джонсона опиралась не на 2 или 3 тысячи солдатъ, а на сочувствіи почти цѣлой половины націи. Поддержка со стороны грубой силы погубила бы его навѣрное и отняла бы все нравственное обаяніе его на своихъ приверженцевъ.

Несмотря на страстное нетерпѣніе народа, желающаго окончить семилѣтнюю неурядицу, несмотря на ажитацію партій, доходившую во время суда до своего крайняго предѣла, никто, даже въ пылу ожесточеннаго спора, не заикнулся о возможности насильственнаго противодѣйствія рѣшеніямъ сената. Одни желали видѣть Джонсона оправданнымъ, другіе—смѣненнымъ; но обѣ партіи безпрекословно подчинялись рѣшенію верховнаго

суда. И Джонсонъ, какъ деспотъ, разгоняющій силою конституціонное собраніе, былъ немыслимъ для всѣхъ.

Какой же исходъ изъ двухъ былъ бы лучшимъ? Вотъ вопросъ, который казался такимъ труднымъ годъ тому назадъ, вызывая многосторонпія обсужденія въ печати, а теперь такъ легко и ясно высказывается во всѣхъ подробностяхъ. Будь Джонсонъ призванъ къ суду въ первый годъ своего президентства, тогда обвиненіе его и смѣна съ президентскаго званія (верховный судъ надъ высшими чинами союза не кладетъ никакого наказанія на виновное лицо; онъ можетъ только смѣнить его съ должности, а дальнѣйшее наказаніе его предоставляетъ обыкновеннымъ судамъ по частнымъ искамъ) были бы въ высшей степени благодѣтельны, избавляя страну отъ продолжительной анархіи безурядицы. Смѣна же въ концѣ срока, когда страна уже волновалась, была болѣе, чѣмъ неблагоразумна. Демократы могли указывать на этотъ фактъ, какъ на новое подтвержденіе деспотическихъ стремленій сената; вліяніе Джонсона, ихъ героя-мученика, стало бы далеко выше его личныхъ достоинствъ; и къ нему, какъ къ центру, сгруппировалась бы пораженная партія, сила которой росла бы все болѣе и болѣе отъ наплыва людей, неумѣющихъ отличать сущности дѣла отъ его наружной обстановки и могущихъ испугаться кажущагося деспотизма прогресса.

Что̀ же пріобрѣтала въ замѣнъ этихъ потерь господствующая партія? Въ силу конституціи, на мѣсто смѣненнаго Джонсона, долженъ былъ вступить предсѣдатель сената Уэдъ Гамитонъ, человѣкъ хотя и преклонныхъ лѣтъ, но самыхъ рѣзкихъ убѣжденій, страстно ненавидящій и Джонсона, и плантаторовъ. Опираясь на содѣйствіе конгресса, онъ могъ бы предпринять рядъ рѣшительныхъ реформъ; но 9 мѣсяцевъ, оставшихся ему до смѣны, было мало для того, чтобы народу стали ясны послѣдствія этихъ реформъ, хотя слишкомъ достаточно, чтобы окончательно ожесточить Югъ и еще болѣе усилить демократовъ. Прежній хаосъ продолжалъ бы царствовать, и очень вѣроятно, что, при наступленіи новыхъ выборовъ, разрозненная на различныя фракціи, республиканская партія не устояла бы въ борьбѣ съ демократами. Въ такомъ случаѣ дѣло возсозданія союза погибло бы навсегда.

Разумѣется, въ то время думали не такъ: обвиненіе Джонсона, во что̀ бы то ни стало, было общимъ крикомъ республиканской партіи, которая, основываясь на дѣленіи партій въ сенатѣ (42 республиканца и 12 демократовъ), заранѣе торже-

ствовала свою побѣду. Имъ пришлось горько разочароваться. 26-го мая народъ Соединенныхъ Штатовъ узнаетъ, что хотя большинство сенаторовъ высказалось противъ Джонсона, но для юридическаго обвиненія президента не доставало одного голоса до законнаго большинства $^2/_3$ (35 противъ Джонсона, 19 за). Демократы ликовали. Процессіи, пушечные выстрѣлы, иллюминаціи ознаменовали радостный для нихъ день. Въ палатѣ представителей стали открыто говорить о существованіи подкупа 7 республиканскихъ сенаторовъ, и составлена была коммисія для изслѣдованія этого дѣла. Тадеушъ Стефенсъ, старый аболиціонистъ и предсѣдатель республиканской партіи въ палатѣ представителей, былъ скошенъ на смерть этимъ извѣстіемъ. Съ того числа онъ уже не вставалъ съ постели, и только разъ, почти наканунѣ смерти, былъ введенъ въ засѣданіе, чтобы прочесть новый билль объ отдачѣ Джонсона подъ судъ. Въ то время сенатъ усилился 14-ю новыми членами отъ 7-ми реконструктированныхъ штатовъ (Арканзасъ, Сѣверная и Южная Каролина, Луизіана, Алабама, Георгія и Флорида; Тенеси былъ допущенъ къ представительству въ конгрессъ гораздо раньше, а Виргинія, Мисиссипи и Техасъ до сихъ поръ находятся подъ военнымъ управленіемъ). Новые сенаторы, заклятые враги Джонсона, дѣлали несомнѣннымъ исходъ новаго суда. Но уже прошла первая горячность, и холодный разсчетъ взялъ верхъ надъ страстію. Отказъ палаты представителей принять билль убилъ Стефенса, но спасъ республиканскую партію, которая, вмѣсто безполезной травли на Джонсона, стала серьёзнѣе думать о предстоящихъ выборахъ. Начиная сознавать свое колеблющееся положеніе, они рѣшились отложить въ сторону мелкія несогласія; умѣренные и крайніе республиканцы одинаково сходились въ необходимости выбрать такого кандидата, который своимъ авторитетомъ могъ бы спасти начатое дѣло и закончить примиреніе Юга съ Сѣверомъ.

Еще въ началѣ 1868 года республиканскія газеты приступили къ обсужденію вопроса о кандидатурѣ. Разногласіе въ журналистикѣ не было значительно. Имя Гранта, пропагандируясь все сильнѣе и сильнѣе, стало, наконецъ, общимъ лозунгомъ всей партіи. Герой послѣдней войны, извѣстный всему народу, онъ былъ искомый атлетъ, могущій вынести на своихъ плечахъ какую угодно партію. Имя Гранта почти ручалось за успѣхъ дѣла. Одновременно съ дѣятельностію газетъ и клубовъ, пропагандирующихъ то или другое имя, начинается и политическое броженіе народа, приступающаго къ президент-

ской кампаніи. Во всѣхъ избирательныхъ округахъ созываются конвенты (собранія делегатовъ одной только партіи) для обсужденія мѣстныхъ интересовъ. Въ конвентахъ составляются платформы (письменное изложеніе потребностей края съ точки зрѣнія партіи) и избираются кандидаты на мѣстныя должности.

Отъ каждаго меньшаго конвента посылаются депутаты въ конвентъ, захватывающій бо́льшій районъ; отъ графства къ округу, избирающему представителя въ конгрессъ (одинъ представитель избирается теперь отъ 127,000 чел. населенія); оттуда въ конвентъ штата; оттуда, наконецъ, въ національный конвентъ. Этотъ послѣдній избираетъ кандидатовъ на должность президента и вице-президента. Его платформы соединяютъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, всѣ разнородныя стремленія отдѣльныхъ штатовъ, и, отбрасывая мелочи, возводятъ ихъ на высоту общихъ принциповъ. Согласно установившемуся обычаю, лица, выбранныя кандидатами, обязаны изъявить свое полное согласіе съ платформой конвента; и потому національныя платформы различныхъ партій весьма важны. Онѣ излагаютъ принципы, подъ руководствомъ которыхъ страна будетъ управляться впродолженіе 4 лѣтъ. Но тотъ, кто захочетъ въ нихъ видѣть выраженіе народныхъ потребностей въ данную минуту, тотъ сильно ошибется въ своихъ ожиданіяхъ. Чтобы объяснить кажущееся противорѣчіе въ своихъ словахъ, я долженъ коснуться той скрытой язвы американской жизни, которая мало извѣстна въ Европѣ, и противъ которой только недавно началась глухая борьба недовольныхъ массъ.

Дѣло въ томъ, что конвенты, распускаясь, оставляютъ на цѣлый годъ выбранные изъ среды своей исполнительные комитеты. Они должны пропагандировать избраніе своихъ кандидатовъ; а пропаганда эта не обходится даромъ. Требуется наемъ зданій для митинговъ и для засѣданія комитета, необходимы издержки на устройство процессій и на сотни мелкихъ расходовъ, прямо или косвенно направленныхъ на поддержку своего кандидата въ ущербъ противнику. Когда я разскажу впослѣдствіи все, видѣнное мною въ С.-Луи, то вы убѣдитесь, что взаимное соперничество партій доводитъ это мотовство до крайней степени. Десятки тысячъ долларовъ бросаются иногда на устройство одной демонстраціи. Откуда же берутся деньги?

Въ Англіи введенъ обычай, по которому издержки избранія уплачиваются избираемымъ лицомъ. Тамъ рѣдко случается, чтобы членъ парламента избирался по желанію самого населе-

нія (какъ было съ Миллемъ), или по рекомендаціи центральныхъ клубовъ. Въ бо̀льшей части случаевъ одно и то же лицо предлагаетъ себя въ кандидаты, заявляетъ чрезъ газеты свои политическія убѣжденія, и само начинаетъ работать въ свою пользу, съ помощію бо̀льшей или меньшей суммы денегъ. Только очень богатые люди могутъ быть представителями народа, и подобная система справедливо порицается всѣми людьми съ здравымъ смысломъ.

Обыкновенно въ контрастъ съ Англіей ставятъ Америку съ ея демократизмомъ и допущеніемъ каждаго гражданина къ участію въ политическихъ дѣлахъ страны. Указываютъ на Линкольна, начавшаго свою карьеру плотникомъ; на Джонсона, бывшаго портнымъ, и не безъ основанія думаютъ объ отсутствіи гнета привиллегированныхъ сословій, такъ сильно вліяющаго на политическое и гражданское устройство европейскихъ государствъ. Но на дѣлѣ бываетъ не совсѣмъ такъ. Деньги, необходимыя исполнительнымъ комитетамъ, собираются добровольными пожертвованіями; понятно, что богачи, жертвующіе иногда по нѣскольку десятковъ тысячъ долларовъ, пользуются огромнымъ почетомъ въ глазахъ своей партіи. Очень часто только деньги даютъ перевѣсъ той или другой партіи, особенно во время политическихъ затишій, когда народъ безучастно относится къ выборамъ. Люди, жертвующіе большія суммы, не безъ основанія считаются опорою партій. И неудивительно, что конвенты, движимые чувствомъ благодарности, назначаютъ въ кандидаты подобныхъ людей, или еще чаще тѣхъ, на кого они указываютъ, какъ на достойнѣйшихъ *. Богачи становятся предводителями партій (leader'ами) въ своемъ округѣ, и вліяніе ихъ ростетъ, соразмѣрно ихъ капиталамъ. Лица, заслужившія благосклонность ихъ, могутъ разсчитывать на оффиціальное мѣсто, и много достойныхъ людей, при помощи интригъ и лести, завоевываютъ себѣ кандидатуру въ сладкой надеждѣ поправить свои дѣлишки впослѣдствіи.

Порча и нравственная распущенность въ администраціи и законодательныхъ сферахъ служатъ подтвержденіемъ моихъ словъ и *прямымъ* послѣдствіемъ подобнаго порядка вещей.

---

* Назначеніе богатыхъ людей на должности усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, по существующему обыкновенію, всѣ путевыя издержки, во время засѣданій конвента, уплачиваются членами конвента изъ своихъ денегъ. Рабочій народъ не можетъ участвовать на конвентахъ, и дѣла партій переходятъ мало-по-малу въ исключительное достояніе богатыхъ.

Не буду говорить о злоупотребленіяхъ администраціи. Тамъ лица назначаются волею президента и его министровъ. Интриги и рекомендаціи имѣютъ тамъ еще бóльшую силу. И хотя злоупотребленія чиновниковъ доходятъ иногда до чрезвычайной степени, до взятокъ и самаго наглаго обмана, но они, по крайней-мѣрѣ, не освящаются народнымъ избраніемъ, и отвѣтственность за нихъ падаетъ на президента.

Злоупотребленія народныхъ избранниковъ не проявляются въ формѣ грубыхъ нарушеній закона. Я, по крайней-мѣрѣ, не знаю ни одного подобнаго факта. Существуетъ, однако, множество косвенныхъ путей, чтобы нажиться и разбогатѣть, оставаясь честнымъ человѣкомъ во мнѣніи общества. Возьмемъ, напримѣръ, представителя въ конгрессъ. Онъ получаетъ суточныя деньги и прогоны на проѣздъ отъ своего дома до Вашингтона, и обратно. Повидимому, представитель лишенъ всякой возможности поживиться; но онъ, во всякомъ случаѣ, имѣетъ огромное вліяніе на свой округъ, и часто интересы весьма богатыхъ людей зависятъ отъ того или другаго рѣшенія ихъ представителя. Никто не помѣшаетъ ловкимъ людямъ прикинуться жаркимъ поклонникомъ представителя и, восхищаясь его умственными и нравственными качествами, дарить ему то коляску, то домъ, иногда и дочь съ богатымъ приданымъ. Чье сердце не размягчится при видѣ такой благодати?... И вотъ нашъ представитель гремитъ рѣчами въ конгрессѣ, доказываетъ, что чуть ли не благо всей страны зависитъ именно отъ такого-то рѣшенія, и, смотришь, его предложеніе проходитъ огромнымъ большинствомъ голосовъ, потому что бóльшая часть его сотоварищей не рѣшается перечить ему. У каждаго изъ нихъ есть тоже кое-какіе планы въ будущемъ, и, помогая своему ближнему теперь, они пріобрѣтаютъ его содѣйствіе на будущее время. Отъ времени до времени я буду сообщать вамъ факты, подтверждающіе мои слова, потому что они слишкомъ противорѣчатъ господствующему у насъ мнѣнію. Вы увидите сами, что хотя рѣшенія конгресса въ дѣлахъ высшей политики (обыкновенно безденежныхъ) могутъ быть вполнѣ разумны, за то въ мелкомъ законодательствѣ очень часто прорываются факты, показывающіе всю глубину порчи этихъ, такъ-называемыхъ, представителей народа.

Разумѣется, есть между ними депутаты, безусловно честные, но ихъ мало. Нынѣшній конгрессъ въ своемъ общемъ составѣ кажется наиболѣе распущеннымъ нравственно. Назадъ тому три или четыре мѣсяца. одна демократическая газета публико-

вала списокъ многихъ республиканскихъ членовъ конгресса, и противъ ихъ именъ сопоставляла цифры ихъ богатствъ до войны и теперешнія. Допуская, что редакція отъ излишняго усердія увеличила всѣ цифры вдвое, все-таки нельзя не удивляться той ловкости, съ которою они пользовались обстоятельствами междоусобной войны и безконечныхъ войнъ съ индѣйцами. Жаль одного: демократическая газета позабыла, что въ тѣхъ случаяхъ, когда власть переходитъ къ демократамъ, они тоже не забываютъ своихъ интересовъ.

Говоря, что порочность народныхъ избранниковъ есть *прямое* послѣдствіе существующей избирательной системы, я не смѣю утверждать, чтобы она была послѣдствіемъ *необходимымъ*. Вездѣ есть достаточное число богатыхъ и политически-честныхъ людей, а тѣмъ болѣе въ Америкѣ, гдѣ связь между личными достоинствами человѣка и его богатствомъ служитъ до сихъ поръ отличительной чертой общества. Большая часть теперешнихъ капиталистовъ начинала свою карьеру простыми работниками, и только личной энергіи, да уму обязаны они своимъ успѣхомъ; даже теперь всякій, поставившій себѣ цѣлію разбогатѣть, всегда достигнетъ своей цѣли, если обладаетъ въ достаточной степени необходимыми для того умственными и нравственными качествами. Богатый классъ служитъ до сихъ поръ представителемъ умственной силы народа. Это обнаруживается даже въ томъ уваженіи, съ которымъ американцы относятся къ богатымъ согражданамъ. Повторяю: есть много хорошихъ людей и между богатыми, которые могли править и правили народомъ очень хорошо до тѣхъ поръ, пока не выдвигался впередъ соціальный вопросъ. Но теперь разрывъ между богатыми представителями и массой народа становится все глубже и глубже. Его нельзя предотвратить даже личною честностію правителя.

Дѣло въ томъ, что экономическій строй народа начинаетъ видоизмѣняться, и все болѣе подходитъ къ европейскому типу.

Прежде, при недостаткѣ рабочихъ рукъ, когда не было большихъ капиталистовъ, каждый изъ нихъ работалъ рядомъ съ своими работниками. Отношенія ихъ были почти дружескими. Хозяинъ дорожилъ работникомъ; наемникъ работалъ безъ злобы на своего хозяина, зная, что чрезъ 2—3 года онъ будетъ имѣть достатокъ, и заживетъ своимъ хозяйствомъ. Наплывъ эмигрантовъ все болѣе измѣняетъ эти отношенія. Тысячи ремесленниковъ, негодныхъ къ фермерской жизни, отсѣдаютъ въ мануфактурныхъ городахъ союза. Повышеніе заработной

платы далеко не пропорціонально быстрому накопленію богатствъ въ рукахъ немногихъ. Появляются громадныя промышленныя предпріятія, съ которыми трудно бороться мелкимъ собственникамъ. Разъединеніе богатыхъ отъ бѣдныхъ становится все рѣзче и рѣзче.

А между тѣмъ, наплывъ эмигрантовъ продолжается. Сотни тысячъ работниковъ пріѣзжаютъ ежегодно въ Америку искать работы. Заработная плата начинаетъ падать; зависимость отъ капитала становится все тяжелѣе; появляется пролетаріатъ, и рабочіе уже начинаютъ волноваться, видя впереди только безъисходный трудъ для пользы другаго.

Прежде каждый американецъ разсчитывалъ только на себя; теперь начинаетъ крѣпнуть мысль, что только соединенными усиліями возможно одолѣть общаго врага. Начинаются стачки, устроиваются рабочіе союзы и кооперативныя ассоціаціи (ихъ еще очень мало, не болѣе 10-ти или 15-ти во всемъ союзѣ).

Правда, движеніе это еще въ зародышѣ; да и началось оно только въ Ново-англійскихъ штатахъ; но въ Америкѣ нѣтъ рутинной спячки. Здѣсь завоевываютъ въ одинъ годъ то, что въ другихъ государствахъ дѣлается въ десять. И теперь болѣе, чѣмъ когда либо необходимо было чисто-народное представительство, могущее олицетворить собой стремленіе массъ и разумными мѣропріятіями отстранить возникающую вражду между капиталомъ и трудомъ.

Между тѣмъ, нынѣшній конгрессъ, состоящій изъ людей достаточныхъ, продолжаетъ думать по старымъ рецептамъ. Они хлопочутъ, напримѣръ, о проведеніи желѣзныхъ дорогъ; жалуютъ льготы компаніямъ акціонеровъ, дарятъ имъ казенныя земли (однѣхъ земель раздарено до 1.800,000 акровъ); гарантируютъ проценты, и, покупая подъ шумокъ акціи ими же жалованныхъ дорогъ, не думаютъ о томъ, что есть люди, немогущіе покупать акцій. Они не знаютъ, что благоденствіе рабочихъ массъ въ безконечное число разъ важнѣе проведенія желѣзной дороги, и помощь для нихъ еще необходимѣе, чѣмъ для капиталистовъ.

Они (представители) не сознаютъ фальшиваго положенія, и все еще считаютъ себя представителями народа въ то время, какъ рабочіе (по крайней-мѣрѣ, ихъ мыслящая часть) уже отреклись отъ нихъ.

Лѣтомъ 1868 года, когда республиканская и демократическая партіи готовились къ предстоящимъ выборамъ, начала формироваться третья партія — партія рабочихъ. Въ газетахъ появи-

лись статьи, извѣщающія приготовленія къ третьему національному конвенту въ Чикаго съ цѣлію избрать такого кандидата на президентское званіе, который защищалъ бы интересы рабочаго сословія, безъ всякаго отношенія къ существующимъ политическимъ партіямъ. Конвентъ этотъ не удался. Глубокій политическій тактъ побудилъ друзей рабочаго сословія отсрочить его до болѣе удобнаго времени. Слабая, только что формирующаяся партія не могла бы быть побѣдительницей въ предстоящей борьбѣ, а между тѣмъ, раздѣленіе голосовъ, ослабивши необходимую въ то время республиканскую партію, обезпечило бы побѣду демократовъ.

Вся эта исторія была повѣсткой, которая разыграется въ болѣе серьёзное дѣло. Очень можетъ быть, что чрезъ три года, когда Грантъ залечитъ старыя язвы, и несчастный вопросъ о рабствѣ, волнующій союзъ впродолженіе 97-ми лѣтъ, потеряетъ свою остроту; когда отнята будетъ всякая возможность къ возвращенію стараго порядка вещей, тогда и третья партія—партія чисто-народная, окрѣпнетъ настолько, что сможетъ рекомендовать народу своего президента.

Во всякомъ случаѣ, отсрочка въ формированіи третьей партіи была необходимостію въ то смутное время. Страхъ предъ неопредѣленнымъ будущимъ и ропотъ народа, обремененнаго податями; повсемѣстная неурядица, неудовлетворительность реконструкціонной политики — все это ложилось, волей-неволей, на отвѣтственность господствующей партіи.

Волненія Юга не прекращались. Изъ одинадцати возмутившихся штатовъ, семь были реконструированы; представители ихъ допущены въ конгрессъ. Но едва было снято военное положеніе, какъ посыпалась цѣлая масса петицій отъ мѣстныхъ жителей и отъ правителей штатовъ съ просьбой присылки войскъ для успокоенія края.

Реконструкціонными актами были одинаково затронуты и эгоистическія стремленія плантаторовъ, и патріотизмъ (быть можетъ, ложно-понятый) честныхъ гражданъ. Все становилось въ ряды тайныхъ обществъ, раскинувшихся широкою сѣтью по южнымъ штатамъ. Имѣя главною цѣлію военную подготовку на случай партизанской войны, они практиковались на досугѣ убіеніемъ негровъ и мѣстныхъ республиканцевъ. Одно изъ такихъ обществъ «ku-klux klan» пріобрѣло даже всемірную извѣстность таинственною организаціею и многочисленностію тайныхъ убійствъ, косвенно поощряемыхъ мѣстными чиновниками и журналистикой. «Негръ убитъ — восклицаетъ одна га-

зета—однимъ голосомъ менѣе». Разгорѣвшіяся страсти южанъ сдерживаются только неувѣренностію въ исходѣ предстоящихъ выборовъ.

Становилось явнымъ, что побѣда демократовъ послужитъ сигналомъ къ новой войнѣ, еще болѣе гибельной, чѣмъ предыдущая. Не было бы тогда ни регулярныхъ армій, ни географическаго дѣленія страны на двѣ враждебныя половины. Война была бы вездѣ и нигдѣ. Сосѣдъ дрался бы съ сосѣдомъ, и каждый, засыпая на ночь, не зналъ бы, останется ли живымъ къ слѣдующему утру. Возможность подобнаго исхода рельефно ставилась республиканскими ораторами. Оправдывая дѣйствія конгресса, они старались доказать, что волненія Юга вызываются не декретами конгресса, а надеждою на помощь демократовъ, въ случаѣ побѣды ихъ на предстоящихъ выборахъ. Люди нерѣшительные, выслушивая взаимныя обвиненія партій, и поставленные такимъ образомъ между Сцилой и Харибдой, разумѣется, предпочитали деспотизмъ конгресса кровавымъ тенденціямъ Юга.

Помимо запугиванія трусливыхъ людей, республиканцы еще имѣли сильную поддержку въ имени Гранта. Еще въ маѣ мѣсяцѣ ихъ національный конвентъ, созванный въ Чикаго, единогласно и на первой баллотировкѣ провозгласилъ Гранта своимъ кандидатомъ на президентское званіе, и вслѣдъ затѣмъ всѣ республиканскія газеты, комитеты, клубы, даже частные дома украсились національными флагами съ разными надписями въ честь Гранта и Кольфакса (кандидата на вице-президентское мѣсто). Вездѣ можно было видѣть ихъ портреты, біографіи. Огромныя суммы были брошены на выдѣлку мелкихъ медаліоновъ, булавокъ, брошекъ, браслетъ съ портретами республиканскихъ кандидатовъ. Нанимались люди для распродажи этихъ вещей по городамъ и селамъ... Словомъ, пущено было въ ходъ все, что̀ могло бы затронуть хоть съ какой-нибудь стороны вниманіе людей, непривлеченныхъ прямо къ политической борьбѣ. Ораторы на митингахъ восхваляли его личныя достоинства, и пользовались его именемъ, какъ самымъ сильнымъ аргументомъ для доказательства правоты своего дѣла. Его военныя способности и услуги, оказанныя народу во время войны, служили самымъ могущественнымъ средствомъ для эксплоатаціи массы, глубоко уважающей военные подвиги своей страны.

Демократы, еще неимѣвшіе своего знаменосца (такъ на фигуральномъ языкѣ ораторовъ называется кандидатъ партіи), не уступали противникамъ въ умѣніи волновать массы. Имѣя на своей сторонѣ болѣе богатые классы народа, владѣя огромны-

ми средствами, они поставили цѣлые легіоны ораторовъ. Невозможно описать въ короткихъ словахъ ту ярость, съ которою они критиковали и чернили дѣйствія конгресса.

Однѣ выписки рельефныхъ мѣстъ изъ ихъ рѣчей заняли бы цѣлыя страницы. Слушая ихъ слова, можно было подумать, что положеніе Юга хуже положенія Ирландіи, и что военное положеніе обратится въ хроническое постоянное явленіе. Имя Гранта, какъ будущаго тирана и диктатора, предавалось анаѳемѣ. Убійство его выдавалось дѣломъ, достойнымъ героя. The World, главный органъ демократической партіи, распространенный по всему союзу, имѣлъ наглость сказать: «если Грантъ будетъ избранъ менѣе чѣмъ $^2/_3$ большинства всѣхъ голосовъ, то его убьютъ въ первый же годъ президентства».

Чтобы глубже затронуть народныя чувства, ораторы волновали народъ соціальнымъ вопросомъ. Они старались доказать, что бѣдность ихъ, огромныя подати, всеобщая дороговизна и упадокъ промышленности суть слѣдствія дурнаго управленія республиканцевъ. Вопросъ о національномъ долгѣ служилъ въ подобныхъ случаяхъ неисчерпаемымъ источникомъ всевозможныхъ обвиненій и насмѣшекъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о національномъ долгѣ.

Въ то время, когда силы союза уже истощались въ борьбѣ, а побѣды южанъ дѣлали весьма сомнительнымъ благопріятный исходъ ея, приходилось доставать деньги во что бы то ни стало для покрытія громадныхъ издержекъ войны. Капиталисты не довѣряли прочности договоровъ и, боясь, что, въ случаѣ побѣды Юга, Сѣверъ принужденъ будетъ отказаться отъ платежа долговъ, давали деньги подъ самыми тяжолыми условіями. Давая въ ссуду бумажныя деньги, упавшія въ цѣнѣ, и зная, что онѣ упадутъ еще болѣе, кредиторы выставили условіемъ: 1, что деньги будутъ возвращены золотомъ; 2, проценты (6 со 100) должны быть также уплачиваемы золотомъ; 3, капиталы, отданные въ ссуду, должны быть избавлены отъ таксаціи (налогъ на капиталъ, равный двумъ процентамъ), и 4, государственныя облигаціи могутъ служить фондомъ въ національныхъ банкахъ, выпускающихъ свои собственные билеты. Сведемъ всѣ вмѣстѣ выгоды, получаемыя кредиторами, переводя счетъ на нынѣшній курсъ бумажныхъ денегъ: 6 процентовъ золотомъ почти равны 9 процентамъ бумажными деньгами. Избавленіе капиталовъ отъ таксаціи дѣлаетъ ихъ равносильными 11 процентамъ, получаемымъ по обыкновеннымъ займамъ. Кромѣ того, кредиторы, имѣя государственныя облигаціи основнымъ фондомъ банковъ, вы-

пускают свои собственные билеты, приносящіе еще 6 процентовъ. Такъ что вообще, количество процентовъ, которое можно получить на государственцую облигацію и которое опредѣляетъ ея биржевую стоимость, равняется почти 17 со ста.

Условія очень тяжелы; но выполненіе ихъ было нравственно-обязательно для той партіи, которая съ помощію денегъ достигла желаемыхъ результатовъ. Нарушеніе условій было бы безстыднымъ злоупотребленіемъ власти и отняло бы всякій кредитъ у правительства на будущее время, и врядъ-ли было бы признано верховнымъ судомъ союза. (Судъ съ Америкѣ поставленъ совершенно иначе, чѣмъ въ Европѣ. Здѣсь судья не критикуетъ закона *вообще*, но въ случаѣ *частныхъ* тяжбъ можетъ рѣшить дѣло въ противность буквѣ закона, признавая его не конституціоннымъ. Такимъ образомъ судья, подчиняясь буквѣ и духу конституціи, стоитъ выше законовъ, издаваемыхъ конгрессомъ; и если цѣлый рядъ тяжбъ будетъ рѣшенъ въ противность закону, то, само собою разумѣется, законъ теряетъ свою практическую силу и долженъ быть или отмѣненъ, или введенъ въ конституцію). Правительству, запутанному въ такихъ обязательствахъ, остается одно: по мѣрѣ поправленія финансовъ дѣлать другіе займы, на болѣе выгодныхъ условіяхъ и, съ помощію пріобрѣтенныхъ денегъ, выплачивать старые долги.

Не то говорили народу демократы: «Посмотрите, какъ уважаются ваши интересы людьми, безстыдно называющими себя вашими представителями. Бѣдной женѣ убитаго солдата даютъ пенсію бумажными деньгами, все болѣе теряющими свою цѣну, а богачу платятъ золотомъ. Они берутъ съ васъ подати на всемъ: на квартирѣ, одеждѣ, чаѣ, сахарѣ, рабочихъ инструментахъ и избавляютъ отъ налога людей, получающихъ 17 процентовъ безъ всякаго труда. Они говорятъ вамъ, что эти люди спасли союзъ, съ ихъ помощію окончена война... Неправда! спасли союзъ *ваши деньги*, только чрезъ ихъ посредство. Откуда они берутъ деньги? Кто возвышаетъ ренту и понижаетъ заработную плату? Кто одною рукою платитъ правительству, а другою набиваетъ карманъ деньгами, нажитыми вашимъ трудомъ?»

Я самъ не разъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ народъ, безучастно слушавшій усыпительныя рѣчи о самодержавіи штатовъ, о деспотизмѣ и прочей дребедени конгресса, разгорался живымъ сочувствіемъ къ подобнымъ фразамъ. Глаза, уставшіе отъ дневной работы, блестятъ новымъ огнемъ, толпа впивается въ рѣчь оратора, прерывая его только восторженными That's so, That's so!

(такъ, такъ). Мнѣ больно было видѣть, что ораторъ, несмѣющій надѣть шляпу передъ толпой, можетъ безнаказанно обманывать невинно-довѣрчивыхъ людей и сулить имъ то, чего не въ силахъ дать ни одна изъ политическихъ партій. Сколько лицемѣрія для того, чтобы привлечь лишній десятокъ голосовъ!

Говоря о долгѣ, демократы благоразумно умалчивали, что въ средѣ ихъ партіи существуютъ большія разногласія по этому вопросу.

Демократы западныхъ земледѣльческихъ штатовъ стояли за кандидатуру Пендлетона, пропагандирующаго отверженіе долга или, по крайней мѣрѣ, уплату процентовъ и капитала бумажками.

Демократы восточныхъ промышленныхъ штатовъ, имѣя въ главѣ своей крупныхъ капиталистовъ, и думать не хотѣли объ отверженіи долга. Они готовы были признать всякаго своимъ кандидатомъ, только не Пендлетона.

Разногласіе было видно и въ вопросахъ политическихъ. Крайніе демократы и плантаторы Юга стояли за кандидатуру человѣка рѣшительнаго, способнаго вести дѣло круче Джонсона; благоразумная часть партіи утверждала, что только имена Чэза (бывшаго любимца республиканцевъ и министра финансовъ у Линкольна; теперь онъ главный верховный судья въ союзѣ и джонсоніанистъ), Гендрикса (одного изъ 7 республиканскихъ сенаторовъ, оправдавшихъ Джонсона) или Ганкока (генерала, съ блистательной военной славой, пріобрѣтенной въ рядахъ союзной арміи) могутъ соперничать съ авторитетомъ Гранта.

Понятно, что разногласія между различными фракціями демократической партіи должны были высказаться въ ихъ конвентѣ, собравшемся 4 іюля въ Нью-Йоркѣ.

Я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе поговорить о засѣданіяхъ этого конвента, и надѣюсь, что меня извинятъ за передачу фактовъ, можетъ быть, и мелочныхъ, но совершенно неизвѣстныхъ у насъ въ Россіи.

Обыкновенно конвентъ созывается по указанію исполнительнаго комитета партіи. Всякій штатъ имѣетъ столько голосовъ, сколько представителей отъ него засѣдаютъ въ конгрессѣ. Напримѣръ, Нью-Йоркскій штатъ, имѣя 31 представителя къ палатѣ и 2 сенаторовъ, владѣетъ 33 голосами; Орегонъ съ однимъ представителемъ и 2 сенаторами имѣетъ на конвентѣ 3 голоса, и т. д. Число же депутатовъ отъ каждаго штата иногда бываетъ вдвое болѣе числа голосовъ, и тогда каждый депутатъ имѣетъ только полголоса.

Представьте себѣ огромную, великолѣпную залу, одну изъ лучшихъ въ Нью-Йоркѣ, въ которой засѣдаютъ 634 депутата и присутствуютъ тысячи зрителей. Депутаты каждаго штата сидятъ отдѣльными группами, имѣя впереди себя своего предсѣдателя. Каждая группа дѣйствуетъ въ силу инструкцій отъ конвента своего штата. Эти же инструкціи обязываютъ иногда депутатовъ не раздѣляться въ подачѣ голосовъ и стоять всѣмъ за одного и того же кандидата (по большинству голосовъ между собой). Послѣ обычной процедуры: повѣрки уполномочій и рѣчи предсѣдателя, выбирается комитетъ (по 2 члена отъ каждаго штата) для составленія платформы, устанавливается порядокъ засѣданій и, по утвержденіи платформы, приступаютъ къ выбору своего президента. Штаты выкликаются по алфавитному порядку: предсѣдатель каждой группы отъ лица своихъ депутатовъ произноситъ среди всеобщихъ аплодисментовъ имя своего кандидата на президентское званіе. Составляется такимъ образомъ списокъ кандидатовъ. Затѣмъ приступаютъ къ баллотировкѣ, совершающейся тѣмъ же порядкомъ, т.-е. чрезъ предсѣдателей группъ, съ тѣмъ однако, что каждый депутатъ можетъ подать голосъ за лицо и не находящееся въ спискѣ кандидатовъ.

И вотъ, начинается борьба упорная съ своеобразной тактикой и тонкими соображеніями. Фанатическіе поклонники Пендлетона рвутся изо всѣхъ силъ, чтобы настоять на своемъ кандидатѣ. Стойкіе и опытные политики востока управляютъ своими голосами такъ, чтобы не дать ему требуемаго большинства ²/₃ голосовъ. На четвертой баллотировкѣ упоминается имя Сеймура, бывшаго правителя Нью-Йоркскаго штата. Нью-йоркцы, сидящіе на хорахъ, апплодируютъ этому рѣшенію, и одинъ изъ депутатовъ, видя въ апплодисментахъ какъ бы насиліе публики надъ дѣйствіями конвента, обращается къ президенту, тому же самому Сеймуру, съ предложеніемъ очистить залу. Замѣчателенъ отвѣтъ Сеймура. «Публика, вѣроятно, не повторитъ подобнаго поступка. Что же касается до моей кандидатуры, то, сердечно благодаря членовъ конвента за вниманіе ко мнѣ, я прошу не упоминать болѣе моего имени. Мои склонности всегда побуждали бы меня къ отказу отъ президентскаго званія. Теперь моя честь обязываетъ отказаться отъ кандидатуры, предложенной въ такихъ обстоятельствахъ». Баллотировка идетъ далѣе, но безъ всякихъ результатовъ. Нравственныя пытки делегатовъ усиливаются страшной жарой, стоявшей во всѣ дни засѣданій. Термометръ уже въ полдень показывалъ температуру крови. Лошади падали отъ солнечнаго удара; во всемъ городѣ прекратились работы.

Только несчастные делегаты, сидя въ душной залѣ, подъ напоромъ тысячи зрителей, обязаны были рѣшать судьбу демократической партіи. Послѣ шестой баллотировки, засѣданіе отсрочено до слѣдующаго дня.

Въ гостиницахъ, гдѣ остановились делегаціи, толпился народъ; тамъ шли неоффиціальные дебаты, частныя засѣданія и конференціи между различными делегаціями, приготовляющимися къ новой борьбѣ. Но и другой день не привелъ къ рѣшительнымъ результатамъ. Сначала поднялись-было шансы Пендлетона, но не надолго. Приверженцы его, отчаявшись въ успѣхъ, подаютъ голоса за другихъ кандидатовъ. Къ вечеру Ганкокъ и Гендриксъ имѣли наибольшее число голосовъ.

Неопредѣленность борьбы ажитируетъ все населеніе Нью-Йорка. Толпы народа, не могущаго помѣститься въ залѣ конвента, кишатъ предъ редакціями главныхъ газетъ, и результатъ каждой баллотировки, передаваемый по телеграфу, немедленно выставлялся предъ дверьми редакцій. Обсуждаются шансы за того или другого кандидата, бьются на пари, спорятъ... Словомъ, весь Нью-Йоркъ обратился въ громадный политическій клубъ, и, вмѣсто обычныхъ разговоровъ о деньгахъ, вы вездѣ слышите только о конвентѣ.

Наконецъ наступаетъ третій день. Число кандидатовъ на президентское званіе видимо уменьшается. Борьба идетъ за первенство Ганкока съ Гендриксомъ. Но и тутъ безуспѣшно голоса раздѣлились поровну между тѣмъ и другимъ съ видимымъ намѣреніемъ—не давать ни одному изъ нихъ законнаго перевѣса. Становилось яснымъ, что ни одинъ изъ 19 кандидатовъ, имена которыхъ произносились во время выборовъ, не можетъ удовлетворить желаніямъ всѣхъ фракцій. Надо было отыскать новое лицо, на которомъ могли бы помириться делегаты, уже утомившіеся долгой борьбой. Сеймуръ, человѣкъ лично добрый, но безхарактерный и находящійся въ рукахъ нью-йоркскихъ интригановъ, былъ особенно подходящею для нихъ личностію. Его имя опять произносится при началѣ 22-й баллотировки и, совершенно неожиданно для незнакомой съ закулисной стороной выборовъ публики, всѣ 317 голосовъ единодушно избираютъ Сеймура своимъ кандидатомъ на президентское званіе. Я прилагаю къ письму выписку изъ газетъ о подробностяхъ баллотировки въ президенты *. Просьбы друзей и, главное, безъисходность долгой и утомительной борьбы заставляютъ Сеймура

---

* На слѣд. страницѣ.

Дни.	Вторникъ 7-го іюля.						Среда, 8-го іюля.												Четвергъ, 9-го іюля.			
Число баллотировокъ.	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	13.	14.	15.	16.	17.	18.	19.	20.	21.	22.
ИМЕНА:																						
Adams John Quincy					1																	
Blair F. P.	½	10½	4½	2	9½	5	½	½	½	½	½		½				½	½	13½	13		
Chase S. P.												1½	½				½	½	½		4	
Church Sand	34	33	33	33	33	33	33	33														
Doolittle	13	12½	12	12	15	12	17	12	12	12	12½	12½	13	13	12	12	12	12	12	12	12	12
English	16	12½	7½	7½	7	6	6	6											6	16	19	
Ewing		1½	1	1																		
Field																			6	9	8	
Hankock	33½	40½	45½	43½	46	47	42½	28	34½	34	32	30	48½	56	79½	113½	137½	144½	136½	142	139½	
Hendricks	2½	2	9½	11	19½	30	34½	75	80½	82½	88	89	81	84½	82½	70½	80	87	107½	121	132	
Hoffman																	3	3				
Johnson Andreu	65	52	34½	32	29	21	12½	6	5½	6	5½	4½	4½		5½	5½	6	10	5			
Johnson Reverdy	8½	8	11	8																		
Mc. Clellan												1									½	
Pierce													1									
Packer	26	26	26	26	27	27	26	26	26½	27½	26	26	26	26					22			
Parker	13	15½	13	13	13	13	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	3½				
Pendleton	105	107	119½	118½	122	122½	187½	156½	144	147½	144½	145½	134½	130	129½	107½	70½	56½				
Seymour Horatis				9																		317
Seymour T. U																			6	2		

принять на себя это званіе. Баллотировка за вице-президента не была продолжительна, и кандидатомъ на это званіе былъ избранъ Блэръ (бывшій генераломъ въ союзной арміи).

На другой день уже въ 9 часовъ утра нельзя было достать ни одной газеты въ городѣ. Всякій желалъ лично удостовѣриться въ имени кандидата. Нью-йоркскіе демократы ликовали по поводу избранія своего любимца. «Сеймуръ и Блэръ—наши избранники». «Ура за Сеймура и Блэра!» Подобные надписи и возгласы были повсемѣстны и въ пивныхъ, и на знаменахъ надъ редакціями демократическихъ газетъ. Телеграфъ передаетъ эту вѣсть по всему союзу. Нужды нѣтъ, что никто не знаетъ Сеймура, что его гражданскія заслуги извѣстны только въ одномъ штатѣ. Одинъ фактъ избранія служитъ уже достаточнымъ поводомъ для такихъ же шумныхъ демонстрацій по всему союзу. Неизвѣстность Сеймура для демократовъ вознаграждается распространеніемъ его біографіи въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Читая ихъ, всякій демократъ видитъ въ Сеймурѣ образчикъ ангельской доброты и всевозможныхъ добродѣтелей. Личность, до сихъ поръ незамѣтная, становится предметомъ всеобщихъ разсужденій. Республиканскія газеты раскапываютъ его прежнюю жизнь, и выносится на свѣтъ божій весь тотъ соръ, о которомъ благоразумно умалчивали его поклонники. Кандидаты на президентское званіе служатъ предметомъ всевозможныхъ каррикатуръ и печатныхъ сплетень.

Борьба за президента становилась все упорнѣе. Предводители партій — ораторы надрываются изо всѣхъ силъ, чтобы помочь дѣлу; но не думайте, чтобы усердіе ихъ было безкорыстно. Нѣтъ, они очень хорошо знаютъ, что съ побѣдой ихъ партіи произойдетъ всеобщая перетасовка администраціи. И всѣ крупныя должности (мѣста злачныя и покойныя) будутъ розданы роднымъ, друзьямъ и знакомымъ президента, въ особенности тѣмъ, которые усердно хлопотали о его наименованіи въ конвентѣ и объ его избраніи предъ народомъ.

И такъ, всѣ люди, достаточно развитые, съ авторитетомъ богатства или хорошаго положенія въ обществѣ, борются сознательно. Имѣя досугъ и лишнія средства, они разъѣзжаютъ изъ штата въ штатъ, говорятъ спичи; ихъ шумная дѣятельность выдвигается газетами, на нихъ обращено вниманіе читающей публики. Партія, благодарная имъ за услуги, не забываетъ, въ случаѣ побѣды, выразить свою признательность въ болѣе вещественной формѣ.

Если начнемъ спускаться отъ этихъ столповъ партіи внизъ, то увидимъ, что, съ постепеннымъ уменьшеніемъ развитія,

уменьшается и сознательность борьбы. Большинство самодержавнаго народа, работающее по 10—12 часовъ въ день изъ-за насущнаго хлѣба, не имѣетъ времени читать газеты и входить въ тонкій анализъ политическихъ событій. Городскіе работники еще имѣютъ возможность узнать кое-что на вечернихъ митингахъ; за то работники на фермахъ остаются на всю жизнь круглыми невѣждами, и врядъ ли когда-либо подаютъ свой голосъ. Разумѣется, въ Ново-Англійскихъ и центральныхъ штатахъ союза, гдѣ эмигрантовъ мало, политическое развитіе массы должно быть значительно выше средняго уровня; за то въ восточныхъ штатахъ оно граничитъ часто съ идіотизмомъ.

Приведу въ примѣръ анекдотъ, которому я самъ не повѣрилъ бы, еслибы слышалъ отъ третьяго лица. Въ С.-Луи, въ одномъ домѣ со мною, жилъ сапожникъ изъ нѣмцевъ; онъ живетъ въ Америкѣ уже 15 лѣтъ; былъ въ милиціи во время междоусобной войны, — и что же? Когда я заговорилъ съ нимъ по поводу проходившей мимо процессіи демократовъ, онъ отвѣтилъ: «Сеймуръ нехорошій человѣкъ; если его выберутъ, онъ будетъ вѣшать нѣмцевъ».

Замѣтьте, какой характеристическій отвѣтъ: нѣмецъ, прожившій 15 лѣтъ въ Америкѣ, все еще считаетъ себя нѣмцемъ; а какая тупость политическаго смысла!!!

Казалось бы, что при такомъ низкомъ еще состояніи умственнаго развитія массы, всѣ tutti frutti изъ ирландцевъ, нѣмцевъ, чеховъ, французовъ, мадьяръ должны оставаться безучастными въ избирательной борьбѣ; однако и они начинаютъ формироваться на партіи. Взамѣнъ ясныхъ политическихъ убѣжденій или грубо-эгоистическихъ цѣлей, массы двигаются желаніемъ улучшить свое положеніе; онѣ знаютъ, что настоящее управленіе подходитъ къ концу и скоро начнется новое. Онѣ, разумѣется, желаютъ хорошаго правительства. А такъ-какъ каждая партія сулитъ чуть-ли не золотыя горы въ будущемъ, и вопросъ о томъ, какая изъ нихъ будетъ лучшею, рѣшается массою своеобразнымъ путемъ. Всегда появляются изъ среды народа любители газетнаго чтенія и жаркіе приверженцы той или другой партіи. Съ фанатизмомъ, обыкновенно сопровождающимъ односторонность, они проводятъ свои идеи въ кругу знакомыхъ и сотоварищей по работѣ. Разумѣется, ихъ дѣятельность, незамѣтная и ничѣмъ невознаграждаемая, гораздо плодотворнѣе высокопарныхъ и цвѣтистыхъ рѣчей знаменитыхъ ораторовъ. Искренно вѣря въ справедливость своихъ словъ, они умѣютъ передать эту вѣру и своимъ слушателямъ и, не встрѣчая соперника въ діалектической способности, становятся оракулами своего кружка.

И вотъ, усиліями этихъ неутомимыхъ проповѣдниковъ, вліяніе родныхъ и знакомыхъ, семейныя традиціи дѣлятъ народъ на партіи. Каждый покупаетъ для своего семейства портретъ Гранта или Сеймура и становится или республиканцемъ или демократомъ, потому что для него нѣтъ третьяго выбора.

Въ западныхъ штатахъ (самыхъ необразованныхъ) всего рѣзче обнаруживается табунность въ распредѣленіи партій, и дѣленіе голосовъ почти совпадаетъ съ дѣленіемъ національностей. Почти всѣ нѣмцы становятся республиканцами, а всѣ ирландцы — демократами.

Зато, чѣмъ сбивчивѣе были побужденія, руководящія каждымъ въ выборѣ партіи, тѣмъ безусловнѣе становится его повиновеніе мѣстному исполнительному комитету и приговорамъ конвента. Вообще стройность и единодушіе въ дѣйствіяхъ массъ, которыя часто выдаются у насъ за признакъ политическаго развитія, есть не болѣе, какъ результатъ той политической дисциплины, которая одинаково связываетъ партіи сверху до низу. Долгій опытъ и горькія неудачи убѣдили американцевъ, что дисциплина для партій, готовящихся къ борьбѣ, также необходима, какъ и для войскъ въ сраженіи. Нѣтъ разногласій, журнальной полемики — все это откладывается на послѣ, а теперь всѣ усилія партіи направляются на вербовку наибольшаго числа голосовъ.

Начинается *охота за народомъ*, въ которой демократы видимо берутъ верхъ. Народъ, обремененный податями, очень легко могъ перейти на сторону демократовъ, увѣрявшихъ, что все зло происходитъ отъ дурнаго управленія конгресса. Авторитетъ Гранта былъ еще слабымъ аргументомъ въ виду такого высокаго обвиненія. Республиканцамъ надобно было доказать на дѣлѣ, что они стоятъ за интересы народа и вопросъ о 8-часовой работѣ представлялъ особенно удобный для этого случай.

До сихъ поръ продолжительность дневной работы равняется 10 часамъ въ сутки (обыкновенно отъ 7 утра до 6 вечера; одинъ часъ на обѣдъ и отдыхъ), а при такой работѣ человѣкъ не можетъ имѣть достаточно досуга для умственныхъ занятій и долженъ навсегда остаться двуногимъ животнымъ. Естественно, что работники волнуются противъ этого обыкновенія и требуютъ уменьшенія числа рабочихъ часовъ безъ уменьшенія платы. Со всѣхъ сторонъ посылались петиціи въ конгрессъ и законодательныя собранія штатовъ, начинали устроиваться стачки. Особенно громадна была стачка нѣсколькихъ тысячъ нью-йоркскихъ каменьщиковъ, рѣшившихся работать не иначе, какъ 8 часовъ

въ сутки, за прежнюю плату 5 долларовъ въ день. Стачка была устроена обдуманно, съ большими средствами. Этой стачкой былъ начатъ рѣшительный бой за 8-часовой вопросъ. Работники знали, что побѣда каменьщиковъ положитъ прочное начало этому движенію, и десятки тысячъ долларовъ сыпались добровольными пожертвованіями со всѣхъ концовъ союза для поддержанія стачки. На два мѣсяца (іюль и августъ) прекратились всѣ работы въ городѣ. Несмотря на президентскую кампанію, борьба эта начинала привлекать вниманіе общества. Газеты начинаютъ обсуживать этотъ вопросъ. Въ это-то время конгрессъ издаетъ законъ, по которому продолжительность дневной работы для всѣхъ работниковъ прифедеративнаго правительства ограничивается 8 часами. Разумѣется, конгрессъ не могъ распространить этого закона на всѣхъ; его власть не распространяется на частныя сдѣлки, но тѣмъ не менѣе нравственное значеніе этого закона было такъ велико, что нью-іоркскіе подрядчики принуждены были уступить каменьщикамъ среди всеобщаго ликованія рабочихъ классовъ.

Этотъ законъ, повидимому, прировнялъ шансы двухъ партій. Но исходъ борьбы былъ очень сомнителенъ, и трудно было сказать, какая партія возьметъ верхъ. Въ этотъ критическій моментъ является неожиданный союзникъ для республиканской партіи въ лицѣ демократическаго кандидата на вице-президентство — Блэра. Человѣкъ прямой, рѣзкій, лишенный дипломатическаго такта демократовъ и не маскирующій своихъ намѣреній, онъ, еще до созванія конвента, написалъ письмо къ одному изъ делегатовъ — Бродгэду, съ изложеніемъ своихъ политическихъ мнѣній. Я позволю себѣ привести два отрывка изъ этого курьезнаго письма: «Нѣтъ возможности измѣнить политическій характеръ сената даже въ томъ случаѣ, еслибы демократы избрали своего президента и пріобрѣли большинство въ комитетъ представителей. Мы не можемъ поэтому отмѣнить реконструкціонные акты радикаловъ съ содѣйствіемъ конгресса. Сенатъ будетъ препятствовать этому. Но должны ли мы подчиниться сенату? И какъ можно низвергнуть это препятствіе? Оно можетъ и должно быть ниспровергнуто исполнительною властію, которая клянется въ вѣрности конституціи... Есть только одно средство возстановить конституцію и честное правительство. Избранный президентъ долженъ объявить эти акти (реконструкціонные) недѣйствительными, * съ помощію оружія

---

* Даже 8-лѣтніе мальчики, заучивая конституцію своей страны, знаютъ, что президентъ обязанъ повиноваться рѣшеніямъ конгресса.

прекратить узурпацію Юга, разсѣять правительство сакъ-вояжниковъ (послѣ войны и освобожденія негровъ, начались переселенія въ южные штаты. Предпріимчивый янки, пріѣзжающій съ своимъ сакъ-вояжемъ, покупаетъ землю, строитъ домъ, заводитъ ферму, мельницу, заводъ и, какъ бы на чудо лѣнивой аристократіи Юга, начинаетъ извлекать богатства въ той странѣ, которая, по общему мнѣнію, окончательно раззорена отъ войны. Понятно, что подобные переселенцы, получше всякихъ реконструкціонныхъ актовъ, разрушаютъ прежній складъ жизни на Югѣ и даютъ все бо̀льшую силу мѣстной республиканской партіи. Плантаторы, ненавидящіе шустрыхъ янки, называютъ ихъ сакъ-вояжниками. Въ замѣнъ чего, республиканцы называютъ ихъ и ихъ друзей демократовъ мѣдноголовыми), и допустить бѣлое населеніе къ реорганизаціи своего управленія и къ выбору своихъ сенаторовъ и правителей. Палата представителей, заключающая большинство демократовъ, допуститъ въ свою среду вновь-избранныхъ представителей и, при содѣйствіи президента, легко можетъ принудить сенатъ къ повиновенію конституціи».

Черезчуръ услужливые друзья опубликовали это письмо въ началѣ сентября. Крутыя намѣренія человѣка, могущаго стать во главѣ націи, ошеломили даже рьяныхъ демократовъ; они пробовали затушить это дѣло, обойти молчаніемъ, но враги были бдительны. Всѣ республиканскія газеты перепечатали письмо Блэра; они ссылались на него какъ на лучшее подтвержденіе своихъ мнѣній о возможности новой междоусобной войны. И эффектъ вышелъ необычайный. Всѣ честные и умѣренные демократы, недовѣрявшіе прежде словамъ республиканцевъ, должны были повѣрить слову своего избранника. Они отшатнулись отъ партіи, накликающей новыя бѣды на страну, еще неоправившуюся отъ войны. Напрасно демократическія газеты увѣряли, что Блэръ не болѣе какъ вице-президентъ и что Сеймуръ, лучше его понимающій смыслъ конституціи и законовъ, не можетъ даже и подумать о возможности подобныхъ поступковъ. Республиканцы, вмѣсто отвѣтовъ, указывали на членовъ ku-klux-klan'a и ихъ ловкость въ исполненіи приговоровъ таинственнаго трибунала, и говорили съ большимъ основаніемъ, что у нихъ найдутся люди, готовые убить Сеймура немедленно послѣ 4-го марта 1869 года, для того только, чтобы Блэръ сдѣлался президентомъ. Уже слышались раскаты приближающейся грозы.

Въ Каммилѣ, городкѣ южныхъ штатовъ, бѣлое населеніе не хотѣло дозволить республиканскому кандидату въ члены зако-

нодательнаго корпуса сказать спичь. Несмотря на предостереженіе мэра, выѣхавшаго къ нему на встрѣчу, республиканецъ рѣшился настоять на своемъ, и въ сопровожденіи нѣсколькихъ негровъ въѣхалъ въ городъ. Вооруженные жители смертельно ранили оратора, перебили его свиту, да ужь кстати перерѣзали еще нѣсколько десятковъ негровъ въ городѣ...

Законодательное собраніе Георгіи, обязанное, въ силу реконструкціоннаго акта, признать политическую полноправность негровъ, въ первый же день своихъ засѣданій вотируетъ изгнаніе изъ собранія всѣхъ цвѣтныхъ депутатовъ.

Правитель Арканзаса, въ виду возрастающихъ волненій, не желая быть застигнутымъ врасплохъ при взрывѣ новой войны, закупилъ у центральнаго правительства большой запасъ старыхъ ружей для раздачи неграмъ. Когда пароходъ, везшій оружіе по Мисиссипи, остановился у пристани Мемфиса, толпа вооруженныхъ и замаскированныхъ людей кидается на пароходъ, овладѣваетъ имъ, заставляетъ экипажъ отплыть отъ берега и выбрасываетъ весь грузъ на бортъ.

Можно было бы привести много подобныхъ фактовъ, но я не рѣшаюсь растягивать письмо, и безъ того уже длинное. Скажу только, что чѣмъ болѣе темнѣлъ политическій горизонтъ, чѣмъ чернѣе становились грозовыя тучи, тѣм болѣе возрастали шансы республиканской партіи. Страна была наканунѣ взрыва. Даже самые не смышленые политики начинали чуять близость чего-то недобраго, а опытъ прошлой войны съ ея неисчислимыми бѣдствіями былъ еще слишкомъ свѣжъ въ памяти народа...

Прерываю на время разсказъ и, чтобы сдѣлать яснымъ для васъ дальнѣйшія событія прошлогодней борьбы, позвольте мнѣ передать вкратцѣ правила объ избраніи президента.

Издавая эти правила, составители конституціи старались по возможности избѣжать сильныхъ народныхъ волненій, сопряженныхъ съ непосредственнымъ избраніемъ, и гарантировать спокойное и безопасное избраніе главы исполнительной власти. Въ силу существующихъ законовъ, первый вторникъ ноября мѣсяца назначается днемъ повсемѣстнаго избранія электоровъ, то-есть лицъ, предназначенныхъ къ выбору президента. Число электоровъ каждаго штата равняется числу его представителей въ конгрессѣ. Съѣздъ всѣхъ электоровъ въ одно мѣсто положительно запрещается. Избранники каждаго штата составляютъ отдѣльную группу и, собравшись въ декабрѣ, должны подавать свои голоса за того или другого кандидата. Составляется письменное рѣшеніе собранія; одну копію его посылаютъ съ нарочнымъ въ Вашингтонъ, другую посылаютъ по почтѣ на

имя предсѣдателя сената; подлинникъ остается въ архивахъ штата. Затѣмъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, предсѣдатель сената приступаетъ къ счету голосовъ электоральной коллегіи, вскрывая запечатанные конверты въ присутствіи обѣихъ палатъ конгресса и нарочныхъ отъ каждаго штата. Только тотъ кандидатъ считается избраннымъ, за котораго высказалось большинство всѣхъ электоровъ, то-есть покрайней мѣрѣ 159 голосовъ (всѣхъ электоровъ 317). Когда борятся нѣсколько партій, можетъ случиться, что ни одинъ изъ кандидатовъ не будетъ имѣть законнаго большинства. Въ подобныхъ случаяхъ, предсѣдатель сената провозглашаетъ имена трехъ кандидатовъ, имѣющихъ наибольшее число голосовъ. Палата представителей баллотировкой рѣшаетъ, кто изъ нихъ долженъ быть президентомъ.

Всѣ эти правила не удовлетворяютъ вполнѣ предположенной цѣли. Народъ, вотирующій въ ноябрѣ, знаетъ очень хорошо, что онъ вотируетъ прямо за президента, и выборъ электоровъ обращаетъ только въ пустую формальность. Причина этого заключается въ способѣ избранія электоровъ, совершенно отличномъ отъ избранія представителей. Гражданинъ штата подаетъ голосъ только за одного представителя, который избирается большинствомъ голосовъ цѣлаго штата, и каждый гражданинъ подаетъ голосъ за все число электоровъ, выставленныхъ штатомъ. Въ силу политической дисциплины, партіи вотируютъ за одни и тѣ же имена электоровъ, рекомендуемыхъ конвентомъ; и понятно, что побѣда партіи, имѣющей на своей сторонѣ большинство голосовъ, опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ имя того кандидата, за котораго выскажутся ея электоры.

Вотъ почему уже 4-го ноября весь цивилизованный міръ зналъ объ избраніи Гранта, и уже въ то время можно было бы опредѣлить съ математическою точностію число электоровъ, стоящихъ за Гранта или за Сеймура.

Кромѣ одновременнаго избранія президента, въ каждомъ штатѣ происходятъ еще выборы своего правительства, смѣняемаго чрезъ 2 года. Дни подобныхъ избраній назначаются конституціями различныхъ штатовъ различно.

Выборы въ Мэнѣ и Вермонтѣ назначаются на 2-е сентября, и потому пріобрѣтаютъ особенную важность въ глазахъ народа, приготовляющагося избрать президента. Они суть первые штаты, приступающіе къ выборамъ въ разгарѣ президентской кампаніи, когда уже пущены въ ходъ всѣ средства для побѣды партій. Хотя граждане этихъ штатовъ подаютъ голосъ только за свое

домашнее правительство; но и въ борьбѣ за правителей они дѣлятся на тѣ же партіи, которыя чрезъ 2 мѣсяца будутъ спорить за президента. Вотъ почему вся страна съ лихорадочной тревогой ожидаетъ результатовъ выборовъ въ этихъ маленькихъ штатахъ; побѣда какой-нибудь партіи тамъ служитъ какъ бы предзнаменованіемъ ея побѣды въ другихъ штатахъ, а колебаніе относительнаго числа голосовъ (степени большинства) служитъ превосходнымъ политическимъ барометромъ, показывающимъ состояніе умовъ въ данную минуту.

Велика была радость республиканцевъ, когда телеграфъ (ночью съ 2-го на 3-е сентября) увѣдомилъ страну о рѣшительной побѣдѣ ихъ партіи. Черезъ нѣсколько недѣль оффиціальныя свѣдѣнія подтвердили степень большинства, еще оспариваемую демократическими газетами: Мэнъ далъ 20 т., Вермонтъ 27 т. большинства, значительно превосходящаго большинство республиканцевъ при вторичномъ выборѣ Линкольна (въ 1864 г.). Хорошее предзнаменованіе придало бодрость республиканской партіи, запуганной торжествомъ демократовъ на прошлогоднихъ выборахъ. Разумѣется, рѣшеніе двухъ маленькихъ штатовъ (ставящихъ вмѣстѣ только 12 электоровъ) не могло придать силу партіи, тѣмъ болѣе, что они не принадлежатъ къ числу спорныхъ штатовъ и они всегда стоятъ на сторонѣ республиканцевъ. Вслѣдъ за Мэномъ и Вермонтомъ, становились на очередь еще 5 штатовъ. 13-го октября должны были происходить выборы въ Пенсильваніи (26 электоровъ), Огайо (21 голосъ), Индіанѣ (13 гол.), Айовѣ (8 гол.) и Небраскѣ (3 избир.). Рѣшенія этихъ штатовъ могли дать окончательный перевѣсъ той или другой партіи; тѣмъ болѣе, что первые три штата принадлежатъ къ числу сомнительныхъ и могли стать на ту или другую сторону. Еслибы демократы взяли 2 штата изъ числа этихъ трехъ, то прежнее равновѣсіе возстановилось бы въ полной силѣ. Выигрышъ же этой партіи во всѣхъ трехъ сдѣлалъ бы несомнѣннымъ ея побѣду на президентскихъ выборахъ.

Обѣ партіи сознавали вѣрность того или другаго результата настоящихъ выборовъ. Всѣ высокопоставленныя лица, всѣ лучшіе ораторы кинулись въ эти штаты, чтобы помочь усиліямъ своей партіи. Вѣрность борьбы подкрѣплялась еще болѣе рѣшеніемъ конгресса, который, распускаясь въ августѣ, положилъ, что вторая сессія должна начаться не съ 1-го декабря, по обыкновенію, а съ 15-го октября. Всѣ видѣли въ этомъ рѣшеніи желаніе конгресса приготовиться къ междоусобной войнѣ, которая, въ случаѣ неудачи республикан-

цевъ на выборахъ 13-го октября, была бы болѣе чѣмъ вѣроятна.

Самая ожесточенная борьба закипѣла въ этихъ штатахъ. Обѣ партіи не стыдились пустить въ ходъ обманъ и поддѣлки (объ нихъ я скажу послѣ) для того только, чтобы пріобрѣсть большинство голосовъ. До послѣдней минуты обѣ партіи были увѣрены въ побѣдѣ, и обѣ имѣли на то право. Упорство боя высказалось въ результатахъ баллотировки. Всѣ штаты были взяты республиканцами очень незначительнымъ большинствомъ голосовъ. Въ Пенсильваніи, съ 653 тысячами вотирующихъ, это большинство не превышало 9 тысячъ; въ Огайо (342 т. вотирующ.) оно равнялось только 800 голосовъ. Но чѣмъ сомнительнѣе былъ исходъ, тѣмъ сильнѣе радость. Успѣхъ республиканцевъ сталъ очевиденъ для всѣхъ. Конгрессъ, собравшись 15-го октября, немедленно отложилъ свои засѣданія до 1-го декабря. Демократы пріудержали прежнее самохвальство; они начали сознавать, что окончаніе борьбы становится для нихъ только дѣломъ чести, и еслибы продолжали отстаивать всѣ штаты такъ усердно, какъ отстаивали Пенсильванію и Огайо, то республиканцы не могли бы похвастаться огромнымъ большинствомъ. Нравственное состояніе демократической партіи было аналогично съ состояніемъ войскъ, которыя, послѣ упорной борьбы, начинаютъ сознавать несостоятельность своихъ усилій. Полководецъ ихъ уже не думаетъ о побѣдѣ; онъ заботится только о томъ, чтобы съ возможно меньшими потерями отступить съ поля сраженія, и поддержаніе бодрости духа въ отступающихъ войскахъ становится тогда главной его заботой. Крики: sauve qui peut — разсѣяли французскую армію гораздо скорѣе, чѣмъ всѣ усилія Веллингтона.

Нѣчто подобное этому крику раздалось въ рядахъ демократической партіи немедленно послѣ пенсильванскихъ выборовъ. The World, о которомъ я уже упоминалъ прежде, началъ дѣлать весьма нетонкіе намеки о томъ, что для успѣха партіи необходимъ отказъ Сеймура и въ особенности Блэра отъ своихъ кандидатуръ, а партія должна выбрать новыхъ кандидатовъ, вѣрнѣе обезпечивающихъ успѣхъ. Подобныя вещи, сказанныя за три недѣли до выборовъ, послѣ цѣлаго моря похвальныхъ рѣчей въ честь прежнихъ избранниковъ, служили лучшимъ подтвержденіемъ паники, обхватившей партію. Правда, здравый смыслъ массъ отвергнулъ внушенія хитроумныхъ предводителей и протесты противъ перемѣны кандидатовъ посыпались тысячами отъ клубовъ и исполнительныхъ комите-

товъ. Но это было уже послѣднею вспышкою распадавшейся партіи.

Демократы войны (такъ называются умѣренные демократы, которые, признавая самодержавіе штатовъ, отвергали право отдѣленія отъ союза и поддерживали республиканцевъ во время войны 1861 — 1865 гг.) составили свой конвентъ, рѣшившій признать кандидатуру Гранта. Всѣ интриганы, искатели мѣстъ сдѣлались первыми перебѣжчиками на сторону республиканцевъ. Упадокъ духа остальной партіи, лишенной своихъ предводителей, только облегчилъ пораженіе и сдѣлалъ побѣду республиканцевъ одною изъ блистательныхъ. Та самая Индіана, въ которой еще 13-го октября партіи дѣлились почти поровну, къ 3-му ноября дала республиканцамъ большинство 10 т. голосовъ. Въ такой же степени возросъ успѣхъ ихъ въ другихъ штатахъ. Изъ 37 штатовъ, составляющихъ союзъ, 26 объявило себя за Гранта (214 электоровъ) и только 8 штатовъ съ 80 электорами стали за Сеймура. 3 штата (23 голоса), находящіеся до сихъ поръ подъ военнымъ управленіемъ, не принимали участія въ выборѣ президента.

Въ дополненіе къ предъидущему очерку избирательной борьбы, я хочу прибавить нѣсколько словъ о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ и тѣхъ мелкихъ фактахъ, которые, не укладываясь въ рамку общаго разсказа, тѣмъ не менѣе весьма характеристичны.

Начало президентской кампаніи и назначеніе кандидатовъ на президентское званіе я провелъ въ Нью-Йоркѣ; затѣмъ, въ августѣ мѣсяцѣ, переѣхалъ въ Сентъ-Луи и, оставаясь тамъ до конца выборовъ, былъ свидѣтелемъ избирательной борьбы во всѣхъ ея фазисахъ.

Новизна впечатлѣній, оригинальность борьбы доставляютъ не мало удовольствія вновь пріѣхавшему въ Америку, и еслибы туристъ спросилъ меня о лучшемъ времени для посѣщенія Америки, я бы, не задумываясь, посовѣтовалъ ему пріѣхать сюда лѣтомъ 1872 года и оставаться здѣсь до ноября. Правильными періодами, разъ въ 4 года, американецъ стряхиваетъ съ себя будничную жизнь и становится гражданиномъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Страна, охваченная политической горячкой, доставляетъ превосходный матеріалъ для мыслящаго наблюдателя, потому что въ такіе моменты особенно рельефно высказываются и хорошія, и дурныя стороны народа. Даже тѣ поверхностные туристы, которые въ путешествіяхъ не видятъ ничего другаго, кромѣ посѣщенія театровъ и музеумовъ, даже они останутся довольны, пріѣхавши сюда къ этому времени.

Они увидятъ и услышатъ здѣсь то, чего не найдти имъ въ ихъ скитаніяхъ по Европѣ, и даже одна декоративная сторона борьбы можетъ показать имъ своеобразіе и величіе американскаго народа.

Необходимо замѣтить, что процессіи составляютъ неотъемлемую черту общественной и политической жизни американцевъ. Открытіе желѣзной дороги къ Тихому океану, съѣздъ массоновъ на ежегодное совѣщаніе (конвенты), выборъ должностнаго лица — словомъ, всѣ крупныя и мелкія явленія жизни всегда сопровождаются у нихъ процессіями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда процессіи составляются для ознаменованія какого-нибудь событія или празднества, въ нихъ принимаютъ участіе граждане безъ различія партій; но и во время избирательной борьбы, когда процессіи составляются исключительно изъ членовъ одной партіи, онѣ мало отличаются отъ первыхъ по своему характеру. Это вовсе не тѣ угрожающія демонстраціи, которыя случаются въ Европѣ и служатъ по большей части случаевъ предвозвѣстниками революцій. Это не процессіи 50 тысячъ англійскихъ работниковъ, требующихъ отъ парламента расширенія избирательныхъ правъ, не процессіи французовъ, которые, пройдя по городу съ криками: «работа или смерть!» начинаютъ строить баррикады. Здѣсь не стѣсняется общественная дѣятельность лицъ и партій, имъ нечего протестовать противъ правительства, и если иногда происходятъ враждебныя схватки между партіями, то причины тому надо искать въ чисто-мѣстныхъ обстоятельствахъ, и подобныя дѣйствія никогда не возводятся въ общее правило для всей партіи. Даже въ самомъ разгарѣ политическихъ страстей, процессіи сохраняютъ свой мирный характеръ и доставляютъ не мало удовольствія зрителямъ, толпами высыпающимъ на улицу во время ея прохода. Онѣ производятся отчасти тщеславнымъ желаніемъ щегольнуть предъ другой партіей многочисленностію своихъ приверженцевъ, отчасти для возвышенія нравственнаго духа своихъ членовъ. Разумѣется, съ развитіемъ массъ, процессіи будутъ терять свое теперешнее значеніе: ясно сознанная цѣль еще лучше одушевляетъ людей, чѣмъ музыка и знамена. Но отрицать совершенно вліяніе стройности и гармоніи на нравственный духъ людей значитъ не понимать натуры человѣка. Марсельеза жирондистовъ, идущихъ подъ гильотину, и разухабистая пѣсня русскихъ солдатъ, штурмующихъ Варшаву, одинаково доказываютъ, что звуки могутъ опьянять людей самаго противоположнаго развитія и въ самые критическіе моменты жизни.

Сознаніе необходимости стройнаго порядка отразилось въ

устройствѣ процессій. Онѣ двигаются почти въ военномъ порядкѣ, правильными рядами въ 2, 4 и 6 человѣкъ; онѣ имѣютъ своихъ начальниковъ, которымъ обязаны повиноваться во время движенія, и всѣ идутъ подъ тактъ музыкѣ или, по крайней мѣрѣ, хору барабанщиковъ и флейщиковъ, безъ которыхъ не обходится ни одна процессія. Иногда, на время президентской кампаніи, формируются клубы съ чисто-военной организаціей, которые обязываются присутствовать на всѣхъ политическихъ демонстраціяхъ своей партіи; они имѣютъ свое знамя, вышитое и подаренное какою-нибудь леди, и какое-нибудь внѣшнее отличіе въ одеждѣ, одинаковое для всѣхъ членовъ. Если въ подобную организацію попадаютъ сыновья богатыхъ людей, то иногда тратятся громадныя суммы для того, чтобы дать всѣмъ членамъ ея великолѣпные костюмы. Отряды эти двигаются всегда въ ногу (какъ солдаты), начальники ихъ употребляютъ военныя команды и вообще подражаніе ихъ всему военному переходитъ за предѣлъ необходимости и можетъ показаться иностранцу очень смѣшнымъ, хотя на самомъ дѣлѣ оно доказываетъ только глубокое уваженіе американца къ военному званію, и уваженіе это не безосновательно. Вездѣ солдаты составляютъ касту, изолированную отъ народа, и почти вездѣ служатъ средствомъ для подавленія народныхъ желаній; только въ Америкѣ званіе солдата не отрѣшается отъ званія гражданина. Солдаты, подобно гражданамъ, составляютъ свои политическіе митинги и, во время президентской кампаніи, они посылаютъ своихъ депутатовъ въ конвенты, которые, отъ имени солдатъ и матросовъ союза, тоже назначаютъ кандидатовъ на президентское званіе. Чтобы избѣжать раздѣленія голосовъ, конвентъ отъ арміи и флота обыкновенно собирается одновременно или немного позже національнаго конвента своей партіи съ тѣмъ, чтобы назначить въ президенты то же лицо, на которое упалъ уже выборъ партіи. Наконецъ, солдаты, вмѣстѣ со всѣми гражданами, подаютъ голосъ за того или другаго президента, который, въ силу конституціи, есть главнокомандующій арміей!!

Тутъ я остановлюсь немного и, зная очень хорошо, какъ при этомъ встревожится извѣстнаго сорта людъ, любящій толковать о дисциплинѣ, о вредѣ выборнаго начала и т. д., обращусь къ нимъ спеціально для сообщенія еще болѣе рѣзкаго факта. Въ 1864 году, когда послѣ трехлѣтнихъ, сверхъестественныхъ усилій въ борьбѣ съ Югомъ, еще не было пріобрѣтено рѣшительнаго перевѣса, началась президентская кампанія. Раздоръ партій, ихъ разнорѣчивые взгляды на исходъ войны показывали, что судьба союза зависитъ отъ выбора того или

другаго кандидата. Но даже въ эту критическую минуту никто не заикнулся о томъ, чтобы солдатамъ, стоящимъ на бивуакахъ въ виду грознаго врага, нельзя было спорить о политикѣ и дѣлиться на враждебныя партіи. Почти треть арміи, состоящая изъ демократовъ, позволила себѣ самые ярые нападки на Линкольна, порицала дѣятельность Стантона, осуждала республиканскихъ генераловъ, выставляя смѣненнаго Макъ-Клелана образцомъ великихъ достоинствъ... А между тѣмъ дралась отлично подъ начальствомъ Гранта, дѣйствія котораго порицались на словахъ. Въ Америкѣ, какъ бы на зло нашимъ теоретикамъ, не сбываются тѣ страшныя послѣдствія зла, противъ котораго они такъ краснорѣчиво борятся, и причина тому заключается въ рѣзкомъ разграниченіи слова отъ дѣла. Допуская безусловную свободу въ одной сферѣ, тѣмъ строже смотрятъ за исполненіемъ законовъ въ другой. Горячій поклонникъ Макъ-Клелана и демократъ могъ бы рекомендовать своей партіи передаться на сторону южанъ, произвесть военный бунтъ и т. д. Онъ останется безнаказаннымъ; онъ даже принесетъ пользу властямъ, показывая, до какой степени доходитъ напряженіе страстей и дастъ имъ возможность заранѣе принять мѣры противъ нарушенія военной дисциплины. Само собою разумѣется, что при первой же дѣйствительной попыткѣ къ военному бунту, зачинщики будутъ разстрѣляны въ силу закона. Теперь обращусь къ прерванной нити разсказа.

Я началъ говорить о страсти американцевъ къ военнымъ эволюціямъ, и не могу не сказать здѣсь объ анекдотѣ, весьм характеристичномъ. Надо замѣтить, что въ день политической демонстраціи, уже съ 7-ми часовъ вечера (когда прекращаются дневныя работы) начинаютъ сходится люди къ сборнымъ пунктамъ своихъ организацій. Тамъ имъ раздаютъ факелы, транспарантные фонари съ надписями, и оттуда уже они идутъ въ стройномъ порядкѣ, подъ звуки музыки или барабановъ, къ сборному мѣсту всей партіи. Однажды около 7-ми часовъ, я зашелъ въ мелочную лавку, ничего не зная еще о назначенной въ тотъ день демонстраціи демократовъ, и былъ пораженъ необыкновенною разсѣянностію лавочника, не слушавшаго меня и безпрерывно бѣгавшаго за перегородку на какія-то совѣщанія. Я прождалъ, можетъ быть, 15 минутъ, прежде чѣмъ получилъ требуемое, и при выходѣ только увидалъ разгадку ажитаціи лавочника. Три человѣка, въ томъ числѣ одинъ изъ торговцевъ въ лавкѣ, одѣтые въ мундиры, стояли на тротуарѣ, готовясь идти къ сборному мѣсту своего клуба. Каково было мое удивленіе, когда одинъ изъ трехъ вышелъ впередъ и, по

его командѣ, остальные двое взяли свои копья опредѣленнымъ образомъ и, повернувшись направо, въ ногу пошли по улицамъ.

Дисциплина нѣкоторыхъ клубовъ обязываетъ своихъ членовъ къ экстреннымъ сборамъ по тревогѣ. Однажды Пендлетонъ (любимецъ западныхъ демократовъ), никѣмъ неожиданный, пріѣхалъ глухою ночью въ С.-Луи. Немедленно созываются члены нѣсколькихъ клубовъ, почти бѣгомъ идутъ къ набережной для того, чтобы встрѣтить его троекратнымъ ура и съ криками и музыкой провести его отъ парохода до гостиницы. Народъ пробуждается и, кто полюбопытнѣе, присоединяется къ кортежу. Разумѣется, послѣ того какъ Пендлетонъ сказалъ съ балкона гостиницы благодарственную рѣчь, толпа начинаетъ расходиться; но шаловливая молодёжь клубовъ въ блестящихъ мундирахъ не стѣсняется позднимъ временемъ. Съ криками болѣе или менѣе энергичными, они проходятъ по главнымъ улицамъ города; они прохрюкаютъ у враждебныхъ редакцій, сдѣлаютъ неожиданную серенаду въ честь редакціи своей партіи и, перебудивши такимъ образомъ полгорода, расходятся по домамъ.

Въ началѣ избирательной борьбы, процессіи устроиваются въ небольшомъ размѣрѣ. Обыкновенно тотъ или другой клубъ объявляетъ чрезъ газеты, что вечеромъ того дня у нихъ будетъ поднятъ флагъ въ честь будущаго президента. Съ разныхъ концовъ города идутъ туда делегаціи отъ другихъ клубовъ. Музыка этихъ процессій, а отчасти любопытство, притягиваетъ къ мѣсту подъема знамени огромную толпу взрослыхъ и дѣтей. Съ наскоро устроенныхъ подмостокъ говорятъ спичи, прерываемые повременамъ одобрительными криками слушателей и тушемъ музыки. Наконецъ, посреди неумолкаемыхъ ура делегатовъ, народа, дѣтей, — взвивается флагъ, который остается неспущеннымъ до конца борьбы.

Мало-по-малу усиливается волненіе массъ; формируется все болѣе и болѣе политическихъ клубовъ; митинги партій становятся многочисленнѣе и одушевленнѣе. На каждомъ шагу можно видѣть вывѣшенныя знамена, портреты кандидатовъ, надписи. Мнѣ часто приходилось видѣть, какъ какой-нибудь джентльменъ, правящій щегольскимъ кабріолетомъ, снимаетъ шляпу передъ флагомъ демократическаго клуба. Махая шляпой съ крикомъ: «Hurra for Seymour and Blair», онъ проносится далѣе, и долго еще несутся вслѣдъ за нимъ сочувственные крики демократовъ и свистки его политическихъ враговъ.

Разговоры всѣхъ и каждаго теряютъ свой будничный характеръ; доллары уступаютъ мѣсто политическимъ вопросамъ.

Въ это же время начинаютъ устроиваться политическія дуэли, привлекающія очень много публики и часто имѣющія рѣшительное вліяніе на исходъ избирательной борьбы въ этомъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что кандидаты двухъ партій на какую-нибудь должность соглашаются иногда говорить поочередно спичи однимъ и тѣмъ же слушателямъ. Понятна важность такихъ дебатовъ. Слушатели, взвѣшивая доводы обоихъ кандидатовъ, часто оставляютъ свою партію и даютъ голосъ за того изъ нихъ, кто покажется имъ лучшимъ представителемъ ихъ желаній. Обыкновенно, посредники устанавливаютъ всѣ подробности дуэли. Кладутся правила, какимъ образомъ соперники должны очередоваться между собой, по сколько времени можетъ каждый изъ нихъ говорить; публикуются въ газетахъ тѣ мѣста и то время, въ которое они должны сходиться вмѣстѣ при своихъ разъѣздахъ по избирательному округу. — Главная причина, выдвинувшая Линкольна, бывшаго незамѣтнымъ адвокатомъ, въ ряды первоклассныхъ политиковъ, заключалась въ его знаменитой дуэли съ предводителемъ демократовъ сѣвера, Дугласомъ. — Жалѣю очень, что мнѣ не удалось быть на подобномъ митингѣ. Кандидаты на представительство въ конгрессѣ устроили-было такую дуэль въ С.-Луи; но она разстроилась на первомъ же митингѣ.

Въ сентябрѣ и октябрѣ ажитація борющихся партій доходитъ до своего апогея; каждая партія силится затмить противную блескомъ своихъ процессій и многочисленностію участниковъ. Въ своемъ усердіи онѣ не останавливаются предъ наймомъ людей и платятъ иногда по 1 или 2 доллара за ночь тѣмъ работникамъ, которые желали бы отдохнуть отъ дневныхъ работъ. Происходитъ нѣчто въ родѣ выставки своихъ силъ, устроиваются такъ-называемыя великія процессіи (grand procession). Задолго до того дня публикуется день процессіи, назначается мѣсто сбора и маршрутъ, по которымъ процессія будетъ двигаться. Къ этому времени съѣзжаются делегаціи изъ окрестныхъ мѣстъ и вотъ, въ назначенномъ мѣстѣ, несмотря ни на какую погоду, собираются тысячи, а иногда десятки тысячъ людей. Всѣ онѣ въ стройномъ порядкѣ, въ болѣе или менѣе блестящихъ костюмахъ, съ факелами въ рукахъ, проходятъ по городу, привѣтствуя криками иллюминованные дома и редакціи единомышленныхъ газетъ. Ѣзда дилижансовъ прекращается, но никто не жалуется на это. Весь городъ сбѣгается на улицы, по которымъ должна пройти процессія. Дѣйствительно, трудно не поддаться впечатлѣнію, производимому на постороннихъ электризующею смѣсью музыки, одушевлен-

ныхъ криковъ, неба, облитаго заревомъ отъ факеловъ, иллюминаціи и фейерверковъ... У конечной цѣли движенія, на какой-нибудь площади, устроиваются подмостки, съ которыхъ говорятъ рѣчи наиболѣе знаменитые ораторы, нарочно приглашаемые къ этому дню. Имя той или другой знаменитости политическаго міра привлекаетъ туда еще бо̀льшую массу народа. Всякій желаетъ увидѣть знаменитость, такъ-какъ услышать его нѣтъ почти никакой возможности. Гулъ собравшейся массы, музыка приходящихъ клубовъ, чадъ факеловъ — дѣлаютъ его краснорѣчіе недѣйствительнымъ; но масса экзальтируется помимо его словъ; всѣхъ обниметъ общая обстановка, и долго еще не умолкаетъ музыка въ ту ночь, долго еще слышатся восторженные крики разгулявшихся политиковъ. На слѣдующій день появляется въ газетахъ разборъ процессіи; преувеличенная одной партіей, уменьшенная другою, она служитъ предметомъ всеобщихъ толкованій и надолго остается въ памяти всѣхъ любителей даровыхъ зрѣлищъ.

При мнѣ, въ С.-Луи, было три такихъ процессіи: одна республиканской партіи, а двѣ демократической. Много тысячъ долларовъ было брошено демократами для того, чтобы сдѣлать свою процессію лучше, и дѣйствительно, первенство осталось за ними. Впереди ихъ процессіи, на превосходныхъ лошадяхъ, ѣхалъ отрядъ *рыцарей С.-Луи*, составленный изъ богатѣйшихъ гражданъ города. Эти рыцари и великолѣпные костюмы нѣкоторыхъ клубовъ придавали процессіи чисто-театральный характеръ, который по преимуществу и возбуждалъ фуроръ зрителей. Толпа ревѣла отъ удовольствія. Даже республиканцы, которыхъ можно было замѣтить по презрительнымъ улыбкамъ, даже они невольно по̀ддались общему впечатлѣнію и не портили своимъ хрюканьемъ всеобщаго восторга. Пропуская мимо себя процессію, можно было прочитать огромное множество самыхъ разнообразныхъ надписей на знаменахъ и транспарантныхъ фонаряхъ, начиная съ самой серьезной («мы требуемъ одинаковой системы податей какъ для работниковъ, такъ и для капиталистовъ») и кончая самою глупою (нарисованы оселъ и и негръ съ надписью: «избранники республиканской партіи»).

Процессія республиканцевъ должна была происходить тремя днями позже демократической, и хотя она уступала ей въ богатствѣ костюмовъ, зато имѣла свою артиллерійскую баттарею (6 полевыхъ пушекъ). Кромѣ пушекъ, въ числѣ другихъ курьезовъ, они имѣли огромный, высокій экипажъ, на подобіе нашихъ старинныхъ линеекъ, который везъ болѣе 20 дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья и пѣвшихъ гимны въ честь Гранта.

Позади процессіи ѣхала иллюминованная телега, украшенная дубовыми листьями и цвѣтами, на которой стояли кожевники и дубили кожу (Грантъ до 1862 г. былъ помощникъ отца въ его кожевенной лавкѣ и занимался дубленіемъ кожи). Какъ видите, и эта партія не могла обойтись безъ театральныхъ эффектовъ. Республиканцы могли бы поддержать свой кредитъ въ глазахъ народа, жаднаго до такихъ зрѣлищъ; но уже съ самаго начала движенія случилась бѣда, испортившая имъ все дѣло. Еще наканунѣ разнесся слухъ, что демократы готовятся враждебно встрѣтить демонстрацію республиканцевъ. Начальникъ полиціи, вслѣдствіе этого, присоединилъ къ процессіи отрядъ конныхъ полисменовъ, открывавшихъ движеніе процессіи; за ними ѣхало человѣкъ 200 конныхъ волонтеровъ (слабое подражаніе рыцарямъ С.-Луи) и артиллерія, и затѣмъ уже двигались тысячи пѣшихъ людей.

Демократамъ недолго приходилось ожидать повода къ безпорядкамъ. Редакція главнаго органа республиканцевъ иллюминовала свой домъ и приказала зажечь фейерверкъ въ тотъ моментъ, когда подойдетъ процессія. Блестящій фейерверкъ вспыхнулъ изо всѣхъ оконъ четырехъэтажнаго дома въ то время, когда конница и артиллерія еще не проѣхали мимо. Лошади, раздраженныя уже музыкой, барабаннымъ боемъ, испугались бенгальскихъ огней, треска бураковъ и ракетъ; онѣ начали биться. Крики демократовъ: «Hurra for Seymour and Blair»,—ихъ хрюканье, гиканье на лошадей еще больше разстроиваютъ торжественный кортежъ. Всадники (вовсе не кавалеристы по профессіи) не могутъ справиться съ лошадьми; нѣкоторые изъ нихъ падаютъ. Одинъ кавалеристъ, занятый эквилибристикой, не наклонилъ своего факела въ то время, когда проѣзжалъ подъ огромнымъ флагомъ, вывѣшеннымъ редакціей. Флагъ съ именами Гранта и Кольфакса вспыхнулъ и крики демократовъ по этому поводу переходятъ въ какой-то дикій вопль, дотого испугавшій артиллерійскихъ лошадей, что только смѣлость и находчивость артиллерійской прислуги (изъ отставныхъ солдатъ) отвратили большія несчастія. Возня съ орудіями, рѣзаніе постромокъ заняла слишкомъ полчаса времени и служила лучшимъ средствомъ для поддержанія веселаго расположенія духа демократовъ и безпрерывнымъ шуткамъ и хрюканью въ честь проходившей процессіи. Начальники процессіи употребляли всевозможныя усилія, чтобы предотвратить схватку, на которую такъ назойливо напрашивались демократы. Трусливые люди, женщины стали понемного уходить изъ толпы; полисмены стояли на-чеку. Одинъ брошенный камень, одинъ

выстрѣлъ изъ револьвера — и десятки, если не сотни людей распростились бы съ жизнію. Къ счастію, ничего подобнаго не случилось: изрѣдка можно было видѣть угрожающіе жесты со стороны республиканцевъ, молча и съ свирѣпыми лицами проходившихъ мимо хрюкающихъ демократовъ. Эффектность процессіи была испорчена; публика, разочарованная въ своихъ ожиданіяхъ, начала расходиться, но то, что̀ не понравилось американцамъ, то именно произвело на меня чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Большая простота, отсутствіе блестящихъ мундировъ, длинные ряды работниковъ въ своихъ блузахъ, грязныхъ отъ дневной работы — все это придавало процессіи чисто народный характеръ.

Злость, накипѣвшая въ этотъ день, выразилась въ одинъ изъ слѣдующихъ дней уже пистолетными выстрѣлами. Какой-то республиканскій клубъ, проходя по городу, былъ встрѣченъ толпою, начавшею кричать: «Hurra for Seymour and Blair». Клубъ отвѣчалъ имъ своимъ крикомъ: «Hurra for Grant and Colfax», хотѣлъ-было пройти мимо, но на процессію посыпались каменья и терпѣніе республиканцевъ лопнуло. Съ проклятіями и пистолетными выстрѣлами, они кинулись въ пивную, куда спрятались демократы; произошла серьезная драка... Убитыхъ не было, зато осталось много раненыхъ, а пивная была совершенно разрушена.

Надо замѣтить, что въ восточныхъ, по преимуществу Ново-Англійскихъ штатахъ, никогда не бываетъ подобныхъ примѣровъ. Тамъ даже принято за правило, что, при встрѣчѣ двухъ враждебныхъ процессій, должны прекращаться крики и музыка въ знакъ уваженія къ противной партіи.

Чѣмъ ближе подходитъ время избранія, тѣмъ сильнѣе волнуются массы, тѣмъ чаще и оживленнѣе становятся процессіи. Ежедневно, съ 7 часовъ до поздней ночи, можно слышать музыку проходящихъ процессій, или залпы республиканской батареи. Иногда, въ минуты сильнаго воодушевленія, процессіи проходятъ съ пѣніемъ гимновъ въ честь своего кандидата. (Гимны эти нарочно сочиняются къ президентской кампаніи и переложенные на ноты печатаются въ главныхъ и наиболѣе распространенныхъ газетахъ партіи). Пѣсни эти можно слышать вездѣ: на улицѣ, въ лавкѣ... Ухо привыкаетъ къ нимъ до такой степени, что, слушая только музыку проходящихъ процессій, можно безошибочно опредѣлить партію, ее составляющую.

Общее опьяненіе борьбы переходитъ даже на дѣтей. Маленькія дѣти, едва умѣющія лепетать, уже учатся кричать ура за того или другого кандидата. Любимой игрой ихъ становится

игра въ процессіи. Появляется и барабанщикъ, стучащій палкой по жестяной кастрюлѣ, и знаменоносецъ съ игрушечнымъ флагомъ Соединенныхъ Штатовъ. Часто, незамѣчаемый ими, я видалъ, какъ мальчикъ или дѣвочка, вскарабкавшись на что-нибудь, начинали говорить спичъ, съ необыкновенною вѣрностію подражая интонаціи и жестамъ американскихъ ораторовъ. Говорилась обыкновенно чепуха, состоящая изъ набора фразъ, подслушанныхъ ими на митингахъ, но безтолковость спичей не мѣшаетъ имъ держаться строгаго дѣленія на партіи и стоять всегда за кандидатовъ своихъ отцовъ. Разумѣется, что между политическими партіями ребятишекъ, происходятъ драки еще чаще, чѣмъ между партіями взрослыхъ.

За нѣсколько недѣль до подачи голосовъ, начинается регистрація, т.-е. составленіе избпрательныхъ списковъ. Актъ этотъ весьма важенъ; въ немъ заключается вся формальная сторона предстоящихъ выборовъ, такъ что, вслѣдствіе предварительной регистраціи, самый процессъ подачи голоса становится весьма легкимъ дѣломъ. Всякій гражданинъ Америки, имѣющій болѣе 21 года отроду и прожившій въ своемъ округѣ узаконенное время (время это измѣняется въ различныхъ штатахъ отъ 3 дней до года), долженъ явиться къ судьямъ регистраціи и оставить тамъ свое имя и адресъ. Не сдѣлавшій этого лишается права голоса на предстоящихъ выборахъ. Нѣсколько недѣль полагается на повѣрку этихъ списковъ. Судьи регистраціи, избираемые отъ каждой партіи, смотрятъ, чтобы не было поддѣлки, чтобы лицо, заявивщее себя въ судѣ, дѣйствительно имѣло право на подачу голоса. Исправленные списки именъ и адресовъ печатаются и передаются судьямъ избранія.

Въ день выборовъ (3-го ноября) съ самаго ранняго утра вы видите въ разныхъ частяхъ города длинныя вереницы людей, стоящихъ одинъ за другимъ. Каждый поочередно подходитъ къ судьѣ избранія и отдаетъ ему свой ticket (списокъ людей, избираемыхъ на должности). Ticket этотъ свернутъ. Судья избранія не долженъ видѣть, къ какой партіи принадлежитъ податель билета. Онъ только спрашиваетъ его имя, отмѣчаетъ его въ спискѣ именъ, находящемся передъ нимъ, а ticket кидаетъ въ ящикъ чрезъ прорѣзъ въ крышкѣ. Процедура, какъ видите, очень простая; и только лихорадочная сдержанность участниковъ обнаруживаетъ всю важность подобныхъ событій. Очень часто у мѣста подачи голосовъ происходятъ безпорядки; начинаются драки, убійства... Иногда, при сильномъ возбужденіи партій, болѣе смѣлая, или болѣе многочисленная партія овладѣваетъ мѣстомъ избранія и, стоя съ оружіемъ въ рукахъ, допускаетъ къ избирательнымъ

ящикамъ только тѣхъ людей, которые берутъ ticket-ы ихъ партія. Но даже въ томъ случаѣ, когда полиція не хочетъ или не можетъ воспрепятствовать этому безпорядку, судья обязанъ принимать всѣ тикеты, ему даваемые, безъ всякой критики. Роль судьи чисто пассивна и всѣ бурныя сцены у мѣстъ избранія не касаются его личности. Вечеромъ (послѣ заката солнца) судья обязанъ пересчитать голоса по партіямъ; разборъ того, насколько законна была подача голосовъ, лежитъ на обязанности верховнаго суда штатовъ, который одинъ имѣетъ право исключить голоса того или другаго избирательнаго округа изъ общаго счета избирателей.

Безпорядки особенно часто начинаются партіей меньшинства, которая постоянными задирательствами доводитъ дѣло до болѣе или менѣе серьёзной свалки съ тою цѣлію, чтобы подача голосовъ считалась недѣйствительною. Роль полиціи въ этотъ день особенно важна, потому что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она держится нейтралитета между партіями и строго соблюдаетъ законныя требованія, — безпорядки почти невозможны. Полиція С.-Луи особенно хорошо держала себя въ день избранія. Правленіе города, запуганное недавнею свалкою между партіями, приняло чрезвычайно энергическія мѣры противъ возобновленія дракъ. Начальникъ полиціи устроилъ составъ полиціи наборомъ волонтеровъ, и для вящаго внушенія обѣимъ сторонамъ, вся полиція, вооруженная ружьями и револьверами, прошлась наканунѣ выборовъ, громадною процессіею, по улицамъ города; въ то же время мэръ опубликовалъ прокламацію, которою запрещалось открывать пивныя впродолженіе цѣлаго дня избранія, а несовершеннолѣтнимъ вовсе запрещалось выходить на улицу. (Въ Филадельфіи, во время октябрьскихъ выборовъ, одинъ пьяный ажитаторъ, желая выстрѣлить въ своего противника, промахнулся и убилъ юношу, стоявшаго въ толпѣ). Съ утра 3-го ноября стали разъѣзжать патрули изъ конныхъ полицейскихъ для поддержанія сообщеній между всѣми мѣстами подачи голосовъ. У каждаго мѣста (ихъ было 32 въ С.-Луи, число жителей котораго 215 тысячъ, а число подавшихъ билеты въ тотъ день— 30 тысячъ). Поставлено было значительное число полисменовъ, которые съ необыкновенною ловкостію препятствовали и прекращали возникавшія драки, не давая имъ разгораться въ серьёзный безпорядокъ. Въ центрѣ города, съ большимъ отрядомъ полиціи, въ видѣ резерва, стоялъ самъ начальникъ, готовый двинуться къ мѣсту безпорядка. Впродолженіе цѣлаго дня онъ получалъ телеграфическія извѣстія изъ всѣхъ концовъ города о ходѣ избранія. Противъ всеобщаго ожиданія, этотъ день про-

шелъ въ С.-Луи очень спокойно, такъ что расчувствовавшійся мэръ счелъ долгомъ благодарить публику и особенно начальника полиціи за его распорядительность. (Начальникъ полиціи избирается народомъ и, не подчиняясь мэру, дѣйствуетъ совершенно самостоятельно и часто наперекоръ распоряженіямъ мэра).

Въ Южныхъ Штатахъ день этотъ не обошелся безъ крови. Во многихъ мѣстахъ вооруженные бѣлые допускали только тѣхъ негровъ, которые соглашались подать демократическій тикетъ. Въ Новомъ Орлеанѣ негры, по совѣту гражданскихъ властей и военнаго начальника, не выходили даже изъ домовъ въ тотъ день; такъ-какъ бѣлые объявили, что будутъ стрѣлять на улицахъ во всякаго негра. Даже въ Нью-Йоркѣ возбужденіе народа было такъ сильно, что правитель нью-йоркскаго штата ходатайствовалъ предъ центральнымъ правительствомъ о правѣ распоряжаться союзными войсками, находящимися въ городѣ, для подавленія ожидаемыхъ безпорядковъ.

Помимо открытой силы, партіи часто пользуются разными мошенническими уловками для увеличенія своего числа голосовъ. И тутъ-то появляется во всемъ блескѣ ихъ нравственная распущенность. Часто люди, стоящіе во главѣ партіи, отчетливо понимающіе всю гнусность подобныхъ продѣлокъ, пользуются невѣжествомъ и безнравственностью людей, готовыхъ за 1 или 2 доллара пойдти на всякое мошенничество. Существуютъ различные роды обмановъ.

1) Если въ штатѣ происходятъ выборы не одновременно съ другими, то очень обыкновенный пріемъ заключается въ подвозѣ изъ другихъ штатовъ людей, которые регистрируются въ округахъ новаго города въ качествѣ его постоянныхъ жителей. Подобный обманъ совершается тѣмъ удобнѣе, что въ большихъ городахъ, при постоянной смѣнѣ квартиръ, невозможно иногда доказать фальшивость показаній; особенно, если оно подтверждается клятвеннымъ показаніемъ его пріятелей (такихъ же мазуриковъ, какъ и онъ). Обманъ этотъ былъ пущенъ въ большихъ размѣрахъ во время октябрьскихъ выборовъ и много сотенъ людей было перевезено изъ Мэриленда (демократическаго штата по убѣжденіямъ огромнаго большинства населенія) въ Филадельфію (на подмогу демократической партіи Пенсильваніи).

2) Регистрація продолжается около двухъ недѣль, а подача голосовъ одинъ день (отъ восхода до заката солнца). Понятно, что число регистрировавшихся всегда значительно превышаетъ число подающихъ голосъ: больные, напримѣръ, занятые какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ, отъѣзжающіе куда-нибудь наканунѣ дня избранія, очевидно не могутъ подать голосъ, хотя имѣютъ

возможность регистрироваться. Ловкіе ищейки партій разузнаютъ о такихъ личностяхъ, а герои пивныхъ, запомнивши хорошенько ихъ имя и мѣстожительство, подаютъ за нихъ билеты. Только одно обстоятельство можетъ помѣшать наглому обману: если вблизи судьи избранія случайно находятся люди, лично знающіе этихъ отсутствующихъ.

3) Есть пріемъ еще болѣе наглый. Нѣкоторые смѣльчаки выбираютъ изъ списковъ избранія какое-нибудь лицо, завѣдомо принадлежащее къ противной партіи и, принимая на себя его имя, подаетъ свой ticket. Если никто изъ сосѣдей не уличитъ въ обманѣ, судья беретъ тикетъ и отмѣчаетъ фамилію человѣка, еще собирающагося подать свой голосъ. Можете себѣ представить изумленіе дѣйствительнаго представителя фамиліи, когда судья отказывается принять отъ него ticket, на томъ основаніи, что его фамилія уже отмѣчена. Подобные обманщики извѣстны подъ именемъ повторителей (repeaters); пользуясь раннимъ утромъ, каждый изъ нихъ успѣваетъ подать голосъ за другихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ избранія и можетъ заработать много денегъ. Разумѣется, еслибы каждый старался пораньше дать свой ticket и оставался бы все время вблизи избранія, онъ могъ бы уличить репитера, принявшаго на себя имя его знакомаго или сосѣда. Но подобнаго рвенія къ дѣлу партіи трудно ожидать отъ людей, заработывающихъ свои деньги поденнымъ трудомъ. Подавши свой ticket, они идутъ на работу и репитерамъ остается широкое поприще для обмана.

4) Иногда происходитъ поддѣлка въ счетѣ голосовъ; но это случается очень рѣдко; потому что для этого требуется безчестность избраннаго судьи избранія. Трудность обмана усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что счетъ тикетовъ и сортировку ихъ по партіямъ судья производитъ при содѣйствіи нѣсколькихъ помощниковъ.

5) Зато самый употребительный способъ обмана состоитъ въ поддѣлкѣ натурализаціонныхъ бумагъ. Способъ этотъ особенно процвѣтаетъ въ большихъ городахъ, особенно въ С.-Франциско и Нью-Йоркѣ, такъ-какъ въ нихъ всегда есть значительный процентъ населенія, неимѣющій права гражданства. Во время послѣдней президентской кампаніи обманъ этотъ въ Нью-Йоркѣ дошелъ до чудовищныхъ размѣровъ. Натурализаціонныя бумаги поддѣлывались почти открыто подъ покровомъ демократическихъ властей города. Тысячи превосходно поддѣланныхъ бумагъ, съ готовыми подписями судей, продавались за 2 доллара чрезъ ловкихъ агентовъ тѣмъ лицамъ, которыя желали дать демократическій тикетъ. Стоило только вписать въ бумагу фамилію нѣм-

ца или ирландца, заплатившаго 2 доллара, и каждый изъ нихъ, въ качествѣ вновь испеченнаго гражданина, могъ отправиться къ судьѣ регистраціи; его имя записалось въ списокъ избранія... онъ пріобрѣталъ всѣ права американскаго гражданина. Поддѣлка эта велась такъ нагло, что обратила на себя вниманіе всѣхъ честныхъ людей обѣихъ партій. Судъ Розенберга, пойманнаго въ продажѣ такихъ бумагъ, открылъ еще болѣе глаза публикѣ. Посыпались петиціи въ конгрессъ съ требованіемъ измѣненія натурализаціонныхъ законовъ; изъ гражданъ Нью-Йорка добровольно составился комитетъ для изслѣдованія всѣхъ продѣлокъ поддѣлки съ намѣреніемъ открыть главныхъ ея зачинщиковъ. Мало того, самъ конгрессъ назначилъ изъ своей среды коммисію для формальнаго слѣдствія.

Вслѣдствіе этихъ и другихъ, болѣе другихъ мелкихъ продѣлокъ, произойдетъ въ скоромъ времени измѣненіе натурализаціонныхъ законовъ, дающихъ поводъ грубому и наглому нарушенію самаго священнаго принципа республики.

Выборами 3-го ноября рѣшены весьма важные вопросы. Народъ, ставши на сторону республиканцевъ, сдѣлалъ теперь невозможнымъ возвратъ къ рабству, вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожены разъ навсегда попытки къ выдѣленію изъ союза. Эти вопросы, будучи главными, въ свое время дѣлили людей на партіи и привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе во время президентской кампаніи, но теперь начинаютъ выступать новые вопросы, которые въ каждой партіи находятъ и горячихъ приверженцевъ и страстныхъ порицателей. Прежнія партіи начинаютъ распадаться. Начинается періодъ общественнаго броженія. Изъ множества вопросовъ, привлекающихъ на себя общественное вниманіе, я укажу на самые главные. Въ сферѣ политической: политическая равноправность всѣхъ гражданъ (женщинъ и негровъ); въ сферѣ экономической—управленіе государственныхъ финансовъ, борьба изъ-за тарифа и борьба работниковъ противъ капитала.

Въ слѣдующихъ письмахъ я буду слѣдить шагъ за шагомъ дѣйствія новой администраціи, съ тѣмъ, чтобы опредѣлить ея отношенія къ партіямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, я не буду упускать ни одного факта, относящагося къ вышеупомянутымъ вопросамъ. Теперь позвольте окончить мое первое письмо. 3-го ноября окончилась избирательная борьба и американцы, успокоившись отъ политической горячки, принялись за обыкновенныя занятія. Пусть это же число стоитъ на рубежѣ двухъ писемъ, такъ-какъ каждое изъ нихъ трактуетъ объ эпохѣ, совершенно не похожей одна на другую.

Хочу сказать нѣсколько объяснительныхъ словъ о характерѣ

своихъ писемъ, которыя могутъ, пожалуй, дать поводъ произвольнымъ толкамъ. Въ своемъ письмѣ я даю слишкомъ много мѣста описанію различныхъ злоупотребленій и несообразностей въ американской жизни. Вѣроятно, я буду продолжать письма въ томъ же духѣ, и если они будутъ напечатаны, то, разумѣется, возбудятъ всеобщій восторгъ всѣхъ обскурантовъ. Всякій изъ нихъ постарается засунуть свою лапу и вытащить оттуда тотъ или другой фактъ, чтобы съ безстыдствомъ и невѣжествомъ, свойственнымъ нашимъ юродствующимъ литераторамъ, кричать, что въ свободной Америкѣ злоупотребленій еще болѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Но я пишу не для нихъ, а для васъ, мои дорогіе друзья!

А потому, откладывая въ сторону все безспорное, я стараюсь выдвинуть впередъ тѣ факты, которые мало еще извѣстны намъ и которымъ вы навѣрное отведете должное мѣсто въ общей картинѣ американской жизни.

Закончу письмо словами Шурца (очень умнаго эмигранта, выѣхавшаго изъ Германіи въ 1848 году, бывшаго здѣсь редакторомъ одной изъ самыхъ распространенныхъ нѣмецкихъ газетъ, а теперь выбраннаго въ сенаторы отъ штата Миссури), который, отвѣчая на упреки республиканцамъ, за дурное управленіе страною, сказалъ весьма серьезную фразу, хотя въ шутливой формѣ: «Когда я былъ въ Европѣ, я постоянно слышалъ только одни хорошіе отзывы о тамошнихъ правительствахъ; пріѣхавши сюда, я слышу безпрестанно жалобы на здѣшнее правленіе. Между тѣмъ, какъ люди, даже очень умные люди, поступаютъ совершенно обратно тому, что̀ слѣдовало бы ожидать отъ нихъ: они опрометью бѣгутъ изъ райскихъ мѣстъ, чтобы сдѣлаться гражданами самой дурной страны въ свѣтѣ».

В. Фрей.

1869, октябрь.

АРРІЯ.

— — Предъ нимъ лежалъ
Уже наточенный кинжалъ,
И молвилъ онъ, вздохнувъ невольно:
«А разставаться съ жизнью больно».

Горда, прекрасна и блѣдна,
Стояла передъ нимъ жена.
Вдругъ ярче, радостнѣй, смѣлѣе,
Зажегся взоръ у ней. Она
Одной рукой у бѣлой шеи
Застежку платья сорвала, —
На мужа, на кинжалъ взглянула,
И верхъ туники распахнула:
Свѣжа, полна, какъ снѣгъ бѣла,
Раскрылась грудь... Еще мгновенье, —
И передъ мужемъ со стола
Она безъ страха, безъ волненья,
Другой рукой кинжалъ взяла.
Какъ лучъ блеснулъ ударъ кинжала...
Кровь брызнула и струйкой алой
По бѣлой груди потекла.

На ложе Аррія склонилась;
Послѣдней судорогой билось
Въ ней сердце; взоръ одѣлся мглой...
Жизнь уходила молодая.
Но, холодѣющей рукой
Кинжалъ изъ раны вынимая,
Она сказала умирая:
«Не больно вовсе, милый мой!»

Мих. М—въ.

ТИШЕ ВОДЫ, НИЖЕ ТРАВЫ.

I.

*Уѣздный городъ ***. Августъ 186.*

Случилось то, что̀ рано или поздно, но непремѣнно должно было случиться: третьяго дня я прибылъ въ уѣздный городъ *** и очутился на рукахъ старушки матери...

Тихо шелъ я по пустыннымъ улицамъ уѣзднаго города, слушалъ давно забытый звонъ къ вечернѣ и думалъ, что теперь волны русской жизни плотно и надолго прибили меня къ берегу. Потому надолго, что я усталъ, измученъ, что мои ноги гудутъ и ноютъ; что мнѣ хочется лечь спать... Потому, что больныя кости пріобрѣтены мною почти въ безполезной борьбѣ, результатъ которой заключается лишь въ ясномъ пониманіи повѣсти о плети и обухѣ... Я теперь думаю: горе человѣку, воспитанному иллюзіями пятидесятыхъ годовъ! Въ то время въ явь совершались такія дѣла, отъ которыхъ голова кружилась, которыя вызывали наружу всѣ живыя силы, заставляя соваться во множество маленькихъ дѣлъ и мечтать о большихъ.

Можетъ быть, и окажутся современемъ какіе нибудь результаты этихъ сованій — не знаю; но покуда... Недѣли четыре или пять тому назадъ, помню, шелъ я въ Петербургѣ по какому-то очень серьезному дѣлу; до мѣста оставалось нѣсколько шаговъ, вдругъ говорятъ: «проѣзда нѣтъ!» — Да мнѣ очень нужно. — «Пожалуйте въ обходъ». Повернулъ. Шелъ-шелъ, — думаю: «недалеко» — глядь опять — стоитъ гродовой и, какъ капельмейстеръ, посредствомъ маханія руки дирижируетъ публикой. «Нѣтъ проѣзду! Баба — куд-ды!... Эй, вороти назадъ». Поворотилъ опять... Иду и думаю: «если я не послушаюсь и пойду, — меня воротятъ насильно; если-же послушаюсь, то не исполню крайне нужнаго для меня дѣла... Какъ тутъ быть? Но такъ-какъ за первое наказываютъ сибиркой, а за второе — ни-

чего, снисходятъ, то не есть-ли это знакъ, что лучше своротить?»

И я все сворачивалъ, все сворачивалъ и ужь не помню, куда пришелъ...

На досугѣ и по необходимости припоминая исторію моихъ увѣчій, я нахожу, что отъ природы у меня былъ большой запасъ и любви, и силъ, и энергіи... Что люди, съ которыми меня сталкивала судьба, были большею частію честные, добрые; иные имѣли въ душѣ сокровища несмѣтныя — куда-же все это дѣвалось? Мы не пропили, не промотали ни любви, ни силъ, ни энергіи... Наши знакомые тоже не имѣли противъ насъ ничего, кромѣ добрыхъ желаній и готовности поддержать, и во всякомъ случаѣ не могли ни изломать мнѣ реберъ, ни надѣлить меня лысиной въ тридцать-три года, ни подмѣнить моей энергіи апатіей, доходящею до болѣзненной потребности быть тише воды ниже травы... Кто-же? Когда было побольше силъ, я путался въ объясненіи увѣчій моихъ; думалъ то, что и то виновато, что тотъ и тотъ пошли не туда и т. д. Теперь я нахожу, что все это было безуміемъ. Я даже не понимаю, какъ я могъ винить кого-нибудь, и въ томъ числѣ самого себя, убѣдясь хоть разъ, что существуетъ на свѣтѣ такая минута, когда можно сказать: «нѣтъ проѣзда!»

Я двадцать разъ вѣрилъ, что это не то; теперь, разумѣется, не вѣрю. Теперь мнѣ спать хочется и силъ нѣтъ. Зерно апатіи спѣетъ, спѣетъ въ душѣ... Помню, во время дороги сюда, случилось намъ остановиться близь новой строющейся желѣзной дороги. У одного изъ деревянныхъ бараковъ я замѣтилъ цѣлую толпу мужиковъ, которые валялись ничкомъ, разбросавъ руки и ноги какъ попало; съ перваго взгляда ихъ можно было принять за мертвецки пьяныхъ, но оказалось, что они скорѣе напоминаютъ рыбу, выброшенную на берегъ, обезсилѣвшую и изнывающую на солнцѣ.

— Что съ вами, ребята? спросилъ я ихъ.

— Ослабши... еле-проговорилъ одинъ изъ нихъ, старикъ, съ великимъ трудомъ поднимаясь на локтѣ и стараясь согнуть колѣно... Дюже асс-лабши... Кровь пущали... ну-и...

Старикъ повалился на спину, не удержась на локтѣ, и я долго ждалъ, покуда онъ снова придетъ въ себя...

— Должно быть, много очень крови вамъ выпустили...

— Да, надо быть что перепустилъ... передалъ...

— Какъ же это такъ? Докторъ-то есть у васъ?

— Охъ да есть онъ... О-о-о... Да свой у насъ докторъ-то, неучоный... простой... У яво положонная препорція насчетъ

ефтаго... кровопролитія... примѣрно... Есть стаканъ у яво въ гривенникъ... и есть у яво въ двугривенный стаканъ... О-о-оххъ... Н-ну... хочешь ежели ты фунтъ крови твоей отлить, ну, — гривеннишный стаканъ нальетъ... А ежели ты два фунта пожелалъ... О-охъ... Оссслабши... Пер-пустилъ...

Что же? Прежде вламывался и въ такія «мелочи», все поднималъ вверхъ дномъ... Теперь ужь не то!

Теперь ужь я знаю, къ чему поведетъ это «вверхъ дномъ», эти писанія въ газеты и пр. пр. Теперь я просто сказалъ мужикамъ: «эхъ-ма, какъ же это вы такъ»... спросилъ: «легче-ли» и получивъ въ отвѣтъ «надо быть легче», — надѣлъ шапку да и уѣхалъ...

Да, надолго, надолго прибитъ волнами!...

Но самое дѣйствительное средство, приковывающее меня къ обезличенію, — это матушка и сестра. Я почти позабылъ о ихъ существованіи; знаю, что нѣсколько разъ въ теченіе десяти лѣтъ разлуки съ ними, я посылалъ имъ по нѣскольку рублей, — но что-то очень немного. Денегъ у меня было мало, а когда и случались, то большею частію уходили на какое-нибудь такое дѣло (множество было ихъ тогда), которое казалось мнѣ въ милліоны разъ выше и нужнѣе потребностей матушки напиться съ кумушками чаю, поставить свѣчку, отслужить панихиду... Часто приходилось мнѣ забывать ея нужды... Положимъ, что и свои я тоже не имѣлъ времени помнить, но теперь я мучаюсь этимъ... Какіе результаты этихъ забвеній?... Результаты тѣ, что я каждымъ шагомъ, каждымъ неосторожнымъ движеніемъ моимъ могу разрушить все благосостояніе матушки и сестры, доставшееся имъ собственными, невыносимыми трудами, путемъ клянчанья, просьбъ, но быть можетъ лестью, благосостояніе, которое хуже каторги, которое онѣ однако считаютъ счастіемъ и въ замѣнъ котораго я имъ ничего даже обѣщать не могу...

Когда я явился къ нимъ, радости не было границъ; цалуя меня и раздувая самоваръ и смѣясь и плача, онѣ разсказали мнѣ, что живутъ отлично, что квартира у нихъ казенная, что сестра начальница женскаго училища и получаетъ десять рублей, а мать помощница и получаетъ семь, что все слава-богу.

— И такъ я тебѣ скажу, Вася, купечество насъ полюбило, говорила мать: — такъ это просто необыкновенно... Пирогъ-ли, имянины-ли, — все насъ, все насъ!... И Машу какъ любятъ, — не нахвалятся...

— Да, да! подтвердила сестра: — мнѣ даже ужъ скучно отъ этихъ приглашеній... Я не знаю, за что они меня полюбили...

— Какъ за что, Господи Боже мой... Вонъ и Семенъ Андреичъ говоритъ: какъ, говоритъ, не полюбить, Господи Боже мой... Ты погляди-ко на нашу школу, какой порядокъ, такъ это на рѣдкость... Да опять всѣмъ имъ угодить нужно... Легко это!...

— Ну, весело сказала сестра: — я знаю, какъ имъ угодить, — выучу дочь «По улицѣ мостовой» играть, вотъ и все... Правда, Вася?

— Да чего-жь имъ еще? перебила запыхавшаяся мать: — какого имъ, съ позволенія сказать, рожна?... прибавила она совершенно уже шопотомъ. — А то какъ-же? Андрей Семенычъ говоритъ, что и этого-то они въ кои-то вѣки дождались... И-и-и... Только-бы Господь далъ терпѣнія, а то...

Въ отвѣтъ на все это я, разумѣется, могъ только поддакивать, потому что зналъ, какая начинается чушь за предѣлами этого «угодить». Всѣ были по этому случаю веселы; имя Андрея Семенычa звучало очень часто въ разсказахъ сестры и матери. На отчасти флегматическомъ и блѣдненькомъ лицѣ моей сестры, часто мелькала какая-то недоумѣвающая тѣнь, которая, впрочемъ, почти мгновенно исчезала, когда мать говорила: «Андрей Семенычъ не совретъ, ужь стало быть...» Сестра тотчасъ же припоминала подлинныя слова Андрея Семенычa и дѣлалась веселѣе. «Правда, Вася?» обращалась она ко мнѣ. Я подтверждалъ. Изъ разговоровъ ихъ я понялъ, что Андрей Семенычъ—практическая уѣздная штука; что всѣ его любятъ, что у него есть про запасъ деньжонки, несмотря на то, что онъ уѣздный учитель, что одѣвается онъ хорошо, никогда не пьянъ и избранъ старшиной въ клубѣ. Купить что нужно,— купитъ дешево; все знаетъ, и что понадобится — сдѣлаетъ; «пять рублей мы у него разъ занимали—съ удовольствіемъ далъ... Какъ получили, отдали...» Словомъ, мать находила, что онъ отличный человѣкъ; сестра говорила: «да, онъ здѣсь первый...» А когда этотъ хорошій человѣкъ пришелъ вечеркомъ къ намъ, то матушка тотчасъ же засуетилась и отозвала меня въ другую комнату.

— Ты извини, голубчикъ, сказала она шопотомъ: — ты при немъ не скажи что нибудь про учителей.

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Извини, милый мой... А то, пожалуй, кто его знаетъ... разозлится...

— Нѣтъ, нѣтъ, будьте покойны.

— Прости...

Андрей Семенычъ—фигура уютная, плотная, впрочемъ весьма умѣренная, покойная; не старъ и не молодъ; выпить можетъ пять бутылокъ и пьянъ не будетъ; выступаетъ не спѣша; одѣтъ прилично, а главное—дешево. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ очень любитъ это слово; въ тотъ же вечеръ онъ взялъ себя за рукавъ и, глядя на сукно, разсказалъ цѣлую исторію, потомъ сосчиталъ всѣ копейки, подвелъ итогъ всему, во что обошлось, и засмѣялся... И дѣйствительно, вышло что-то смѣшно...

— А я, сказалъ онъ не спѣша, и усаживаясь на стулъ:—шелъ, признаться... (Тутъ онъ сталъ доставать платокъ и не нашелъ.) Куда же это я его сунулъ... въ шапкѣ? (Происходитъ отыскиваніе шапки, но платка нѣтъ). Нѣтъ, въ шапкѣ нѣтъ... Не въ пальто ли?...

— Вы поглядите въ пальто, говоритъ мать, и со свѣчкой уходитъ вмѣстѣ съ учителемъ въ кухню.

Происходятъ поиски; платокъ отыскиваютъ. Андрей Семенычъ садится на прежній столъ, расправляетъ платокъ и говоритъ:

— А я, признаться, шелъ... (тутъ онъ обходится посредствомъ платка, наконецъ запихиваетъ его въ задній карманъ и оканчиваетъ) дай, думаю, зайду...

— Вотъ и чудесно! Прямо къ чаю! сказала матушка.

Андрей Семенычъ засмѣялся, поправилъ борты сюртука и покосился, впрочемъ безъ злобы, на меня.

Я подался въ уголъ. Разговоры его продолжались съ тою же неторопливою манерою, но, несмотря на мое молчаливое присутствіе въ углу, онъ какъ будто стѣснялся меня, не какъ негодяя, а просто какъ незнакомаго человѣка, у котораго неизвѣстно что на умѣ.

— Вася! отозвала меня матушка: — ты поговори съ нимъ... Извини, голубчикъ, какъ бы не разозлился: подумаетъ, пріѣхалъ изъ Петербурга критиковать.

— Да я съ удовольствіемъ...

— Пожалуйста... Такъ, что нибудь... Поласковѣй... Онъ у попечительницы бываетъ... какъ бы что нибудь...

— Будьте покойны, сказалъ я.

Я кашлянулъ, собрался съ духомъ и сталъ что-то говорить, даже смѣяться. Должно быть, я угодилъ этому борову на двойной подошвѣ, потому что онъ ободрился, и изъ круга уѣздныхъ интересовъ мало по малу сталъ довольно самоувѣренно вламываться въ области, ему, повидимому, весьма слабо извѣстныя.

— Скажите, пожалуйста, говорилъ онъ съ лукавой улыбкой, поглядывая на мать и сестру: — что, ежели, напримѣръ, написать статейку?

— Что же? могъ я только сказать.—Отлично!

— Гм... Право? Какъ вы думаете?

— Превосходно! сказалъ я. — Что же?

— Ничего?.. Гм! А тутъ, я вамъ скажу, много можно, ежели захотѣть... Такъ, хоть постращать... Тутъ и-и-и можно сколько!.. Я давно собирался, да все думаю... чортъ съ вами! А ей-богу какъ-нибудь надо... Напримѣръ, ежели описать, какъ у меня шапку въ клубѣ украли... а? какъ вы думаете?.. Вѣдь это что же... ежели хоть, такъ, для примѣра я возьму,— вѣдь все-таки же два съ полтиной, какъ бы то ни было... А подите-ка у насъ, разыщите...

Я рѣшительно не зналъ, что̀ говорить; однако, говорилъ.

— Вѣдь пишетъ же этотъ, какъ его... Бѣлинскій... въ «Сынѣ Отечества»...

— Едва ли Бѣлинскій... началъ я совершенно невольно.

— Вася! быстро окликнула меня мать и увлекла въ другую комнату.—Не спорь! Не спорь съ нимъ!

— Ради Бога, простите...

— Извини, голубчикъ мой... Онъ на Машу мѣтитъ, какъ бы не разозлился... Прости...

— Ради Бога, извините!..

Но учитель уже вломился въ неизвѣстную страну и производилъ тамъ жестокія опустошенія.

— Да, Бѣлинскій!... непремѣнно!.. вопіялъ онъ, ходя по комнатѣ. — Какъ сейчасъ помню, въ вѣдомостяхъ писалъ онъ, какъ двухъ жидовъ офицеровъ въ Варшавѣ запрягли... О, онъ! онъ! Мы вотъ вмѣстѣ съ Марьей Петровной читали тогда...

— Кажется, Бѣлинскій, сказала сестра.

— Да онъ-съ, онъ.

— Дѣйствительно, произнесъ я.

И тутъ, я уже всему сталъ вѣрить. Хорошій человѣкъ ободрился, выпилъ бутылку водки, но пьянъ не былъ. По его приглашенію и изъ боязни, чтобы онъ не разозлился, и я пилъ, сколько могъ. Въ концѣ концовъ рѣчь перешла на взаимную любовь; матушку мою, хорошій человѣкъ любилъ какъ родную, а относительно сестры сказалъ съ особенной выразительностію:

— Мы вотъ какъ дружны... Дай Богъ только... Потому, что мы оба профессора съ ними, хе-хе-хе!.. Тоже пользу приносимъ! хе-хе-хе.

— Что вы смѣетесь? сказала сестра.—Разумѣется, пользу... Правда, Вася?

— Разумѣется...

Сестра сказала это съ полнымъ убѣжденіемъ, такъ что Андрей Семенычъ устроилъ у себя серьёзное лицо и произнесъ, какъ-то потупясь... и разставляя руки:

— Да само собой... Господи Боже мой... Да кабы не пользу, такъ ктожь-бы, сталъ-бы... Господи Боже мой, само собой...

Порядокъ былъ возстановленъ и снова пошли изліянія. Теперь уже матушка заявляла, что любитъ его, какъ родного, и сестра тоже что-то было-хотѣла сказать, но покраснѣла. Въ заключеніе, и меня попросили любить его какъ родного.

Я на все, на все былъ согласенъ—и счастливый вечеръ продолжался въ томъ же порядкѣ довольно долго...

— Васинька, сказала мнѣ матушка, по уходѣ гостя:—будешь ложиться, такъ поставь сапоги подъ кровать, а не въ кухню... а то пожалуй кто-нибудь... подумаетъ... разозлится...

Я готовъ былъ проглотить мои сапоги, лишь-бы никто не разозлился....

II.

И при всѣхъ этихъ путахъ, какъ однакоже трудно нашему брату удержать въ душѣ эту, совершенно обстоятельно доказанную, потребность молчанія. Въ Петербургѣ возможно достигнуть этого гораздо съ бо́льшимъ успѣхомъ; среди яркихъ контрастовъ, составляющихъ столичную жизнь, можетъ и разгорѣться до пламени и угаснуть совершенно наша несчастная болѣзнь—любовь къ ближнему... Но здѣсь, среди народа, она только разгорается... Даже степи, еще только начинающіяся у истоковъ Дона,—повременамъ сильно допекали меня... И кажется, чему бы тутъ донять?... Горизонтъ, непредставляющій взору ничего, кромѣ длинной, туманной нитки земли и неба; упорный вѣтеръ, неутомимо несущійся на встрѣчу одинокому нищему пѣшеходу, терзающій одинокую вѣтку, бьющій о задокъ кибитки ровно, мѣрно, скучно... Что тутъ? А вѣдь съума сойдешь... Ни лѣсочка, ни жилья на протяженіи двадцати верстъ... Вотъ обогнала насъ, словно обезумѣвъ отъ кнута, маленькая тощая лошаденка, запряженная въ громадную телегу, въ телегѣ помѣщается пять мужиковъ и шестой солдатъ свѣсилъ ноги съ задка... Все это пьяно, весело, все это оретъ, шатается, горланитъ, хлещетъ клячу и повидимому совершенно забываетъ о томъ, что сію минуту, какой-то проходимецъ отхватилъ у нихъ луга, лѣтъ на пять впередъ... Хорошо, что съ этой пьяной телеги соскочило колесо и вся компанія раз-

сыпалась въ разныя стороны — по крайней мѣрѣ, ее можно обогнать и не видѣть этихъ горькихъ людей, ворочающихся въ грязи, со спутанными на лицѣ волосами, не видѣть этой, почти истерически дрожащей лошаденки...

И опять рогожа бьетъ въ задокъ и вѣтеръ гудитъ на встрѣчу.

Подходитъ вечеръ; темно; мысль утомлена совершенно... Наконецъ, замелькали огоньки; среди пустыни выростаетъ громадное степное село, на темномъ небѣ чернѣетъ нѣсколько колоколенъ; у въѣзда, въ кузнѣ шумятъ мѣха, летятъ искры... Пошла широкая улица, обставленная каменными домами; соломенныя крыши непримѣтны въ темнотѣ; попадаются постоялые дворы и дома, двухъэтажные съ рѣзными крыльцами, поднимающимися съ улицы, прямо въ средину второго этажа; вотъ трактиръ съ фонарями и сіяющими окнами, въ которыхъ виднѣются люди. Слава Богу, живое мѣсто... Но что̀ же значитъ, что, завидѣвъ нашу кибитку, — съ высокихъ рѣзныхъ крылецъ, и отворотныхъ лавочекъ, начинаютъ бѣжать за нами толпы людей и вся улица оглашается криками: «Ра-абooота!.. Эй, сдай проѣзжаго... Эй! отдай!...» Что значитъ, что ямщикъ нашъ начинаетъ гнать лошадей во всю мочь, махая надъ кибиткой и надъ тройкой концами возжей, и крича: «У насъ свои есть кому сдать.... Своему сдадимъ»!.. Онъ не замѣчаетъ, что мы избиты толчками, задушены поклажей и сѣномъ, выбивающимся со дна телеги; онъ вырываетъ работу изъ жадныхъ до нея рукъ своихъ собратій, и тащитъ насъ въ какія-то низенькія ворота, которыя захлопываются тотчасъ же, какъ только мы вкатываемъ подъ темный навѣсъ крестьянскаго двора. — «Какому разбойнику сдаешь!» слышно съ улицы: «баринъ! баринъ! онъ васъ убьетъ»... Но этотъ ропотъ толпы заглушается горделивыми возгласами ямщика, который, похаживая по двору, съ кнутомъ въ рукѣ, и въ разстегнутомъ полушубкѣ,—вопіетъ: «Эй, получи работу!.. Тетери сонныя! Гдѣ вы тутъ?» Въ голосѣ его слышно торжество... И это торжество начинается. Изъ всѣхъ угловъ, гдѣ въ темнотѣ пищатъ больныя дѣти, вылѣзаетъ множество разныхъ нуждъ... Никто не спрашиваетъ, кто мы, куда, зачѣмъ, — все вниманіе сосредоточено на трехъ рубляхъ, вручонныхъ моими спутниками въ задатокъ; является множество людей, предъявляющихъ самыя основательныя права на долю въ нихъ. Старушка подползла къ телегѣ и требуетъ полтину. Человѣкъ въ бѣлой рубахѣ и жена его, и еще два человѣка въ бѣлыхъ рубахахъ съ женами требуютъ тоже по полтинѣ. Вылѣзаетъ древній старикъ; кряхтя и ощупью хва-

таясь за столбы навѣса, пробирается онъ къ телегѣ, долгое время молча трясетъ дряхлой головой, причомъ слышна хрипота въ груди,—и шепчетъ:—«Родителю... старичку... колько нибудь... хучь колько вашей милости»... Въ толпѣ раздается: «Братцы!.. Боже мой!..»—«Ловки вы! завтра небось базаръ!..» «Ахъ, Боже мой!..» «Я лошадь даю... Поди къ сусѣду—дастъ-ли? И пойду! И пойди!..» Пока пьютъ могарычь, пока запрягаютъ лошадей, длинные, сухіе остовы которыхъ выступаютъ на средину двора медленно, уныло, съ кускомъ недожованной соломы во рту,—пока все это происходитъ, мы успѣваемъ узнать, что во дворѣ у хозяина не чисто, что въ два года у него пало три тройки, что ребенокъ боленъ, пучитъ, что нужна растирка, а растирки настоящей не видать... и т. д. и т. д. Развивается нестерпимая жажда уйдти отсюда.

На дворѣ уже черная степная ночь; моросить дождикъ; тьма почти, сливаясь съ черною, какъ смоль, степною грязью, образуетъ что-то до того непроницаемое, что глазамъ становится больно. Лошади идутъ шагъ за шагомъ. Помню, пришлось намъ ночевать въ кабакѣ, среди поля. Въ кабакѣ, прилѣпившемся около мельницы, было грязно, неуютно; ни лампадки, ни вѣтки за образомъ, ни картинки на стѣнѣ; словомъ, ничего, на чемъ бы могъ остановиться глазъ; голыя стѣны, запахъ сивухи, столъ, лавка и громадныя дыры въ полу — «отъ плясу», какъ объяснилъ цѣловальникъ... Цѣлую ночь я не могъ сомкнуть глазъ; дождь стучалъ и вѣтеръ ломилъ въ гнилую раму; воображеніе, разыгравшееся на тэму объ этихъ пляшущихъ людяхъ, до того измучило меня, что я не зналъ, какъ дождаться бѣлаго свѣта, дня...

Утро было прелестное; противъ кабака, на мельницѣ, уже стучали поставы, и изъ амбаровъ неслась бѣлая пыль и шумѣли, какъ шелкъ, крылья множества прилетавшихъ къ амбарамъ и улетавшихъ голубей; солнце ярко и тепло пригрѣвало сырую землю; вода шумно неслась съ плотины, и шумѣла внизу; держась въ сторонѣ отъ водопада, дрожала лодка; два мужика, въ мокрыхъ штанахъ и рубахахъ, доставали изъ воды верши и вытряхивали на дно лодки мелкую, сверкавшую рыбу. Все это, болѣе или менѣе, выбивало изъ моей головы ночную муку...

Я пошелъ-было на мельницу, но въ воротахъ амбара наткнулся на мужика, который рылся гдѣ-то у себя въ сапогѣ и нищенскимъ голосомъ говорилъ надсмотрщику:

— Э-эхъ, бра-атъ!... А я думалъ, копеечку мнѣ пожертвуешь, на калачикъ...

— Нѣчего, нѣчего! говорилъ надсмотрщикъ, смотря мужику на сапогъ, и позвякивая деньгами въ горсти.

— Андреянъ!... Э-э-эхъ, братъ...

Я сейчасъ же ушелъ отсюда и наткнулся на сцену, которая спасла мнѣ утренній отдыхъ. На крыльцѣ флигеля, выстроеннаго противъ мельницы, сидѣлъ, повидимому, главный прикащикъ; засунувъ одну руку въ карманъ бешмета, онъ другой рукой щекоталъ брюхо паршивому маленькому щенку, который валялся у его ногъ.

— Э, злая бестія, бормоталъ онъ. — Э! Ужь и продувная только шельма уродилась... И кàкъ тебя шельму окликнуть? а?... Ишь, ишь, зубастая тварь... О-о-о. Нѣчего, нѣчего! поднявъ на минуту свое веселое лицо, крикнулъ онъ по моему направленію, и снова сосредоточился надъ щенкомъ, который уже отбѣжалъ отъ него и, сидя на землѣ, беззаботно трепалъ свое ухо лапой...

— Скажите на милость, отнесся прикащикъ ко мнѣ, какъ къ старому знакомому:—что за чудо! Третій день все думаю, какъ мнѣ его назвать—ну, не нахожу словъ, и шабашъ...

— Какъ-нибудь, сказалъ я.—Подумайте.

— Ужь думали-съ; ужь очень хорошо обдумывали... Теперича, ежели бы онъ шерстью къ сѣрому — ну, волчокъ... Или бы къ полнотѣ — ну, шарикъ... А то шутъ его разберетъ, не то онъ дохлый, не то онъ... песъ его знаетъ... Развелъ блохъ, да и горя мала... И разбирай его фамилію... А что, дѣйствительно, золъ! зуба-астъ... Хотѣли-было назвать «генералъ», ну не дюже полезно... Какъ бы что-нибудь...

— Это нехорошо...

— Н-да! Не подходитъ... Нѣчего, нѣчего! снова взволновавшись, донесшимся съ мельницы «э-эхъ, ма», прогремѣлъ прикащикъ, и потомъ тихимъ, заботливымъ голосомъ принялся исчислять всѣ придуманныя имъ клички. Одна изъ нихъ была до того уморительна, что, сказавъ ее шопотомъ, прикащикъ покатился со смѣху. По крайней мѣрѣ, лѣтъ двадцать мнѣ не приходилось ни слышать, ни самому смѣяться такимъ смѣхомъ. Я стоялъ подъ нимъ какъ подъ освѣжительной душей, и думалъ, какъ бы хорошо было мнѣ теперь это міросозерцаніе.

Какъ бы годилось мнѣ это міросозерцаніе, въ виду тѣхъ безконечныхъ «эхъ-ма», которыя постоянно вылѣзаютъ на свѣтъ Божій изъ жизни, хотя жизнь эта и вдоль и поперегъ

истерзана съ давнихъ временъ тѣмъ, что̀ я буду называть «нѣтъ проѣзду».

На другой день моего пріѣзда сестра повела меня въ классъ. Признаться, я высказалъ-было намѣреніе упереться и не пойти, ибо пора мнѣ знать науку, которой всѣ довольны; но просьба сестры была такъ убѣдительна, она такъ страстно хотѣла моего одобренія, что я долженъ былъ идти. Семенъ Андреичъ былъ съ нами.

Въ классахъ была образцовая чистота и порядокъ; доска была только-что вытерта мокрой губкой и блестѣла; на стѣнахъ висѣли картинки изъ священной исторіи: потопъ, Каинъ убиваетъ Авеля и проч. На передней скамейкѣ сидѣли купеческія дочери, въ люстриновыхъ платьяхъ, подальше помѣщались одѣтыя похуже.

— Такъ лучше, объяснила мнѣ сестра. — Нехорошо, если кто нибудь войдетъ и прямо увидитъ оборванныхъ... а знаютъ онѣ почти одинаково... Вотъ, посмотри, какія у всѣхъ тетрадки... Кузьмина! подите сюда.

Съ задней лавки вышла деревенская дѣвочка босикомъ; тетрадка ея оказалась прекрасная; съ большимъ стараніемъ были изображены въ ней описанія осени, зимы, масляницы.

— Какъ-же это ты, сказала сестра: — пачкаешь тетрадь... Это негодится... Придетъ попечительница, посмотритъ...

Дѣвочка потупилась, — и вертѣла въ худенькихъ пальцахъ кончикъ платка, которымъ была повязана ея голова. Семенъ Андреичъ ласково дотронулся пальцемъ до ея подбородка, и поднимая ея потупленное лицо, говорилъ:

— А ты не жмурься... отвѣчай...

Пересмотрѣли еще нѣсколько тетрадей,—вездѣ было хорошо. Потомъ сестра вызвала нѣсколько дѣвочекъ къ доскѣ, заставила написать нѣсколько строкъ изъ стихотворенія: «Зима; крестьянинъ, торжествуя».. и сдѣлать разборъ; дѣвочки въ запуски принялись отыскивать предложенія, дополненія, подлежащія: онѣ видимо старались угодить сестрѣ; краснѣли, комкали мѣлъ, тревожно оглядывались, если была ошибка, и громко выкрикивали всѣ хоромъ, порываясь отъ доски къ сестрѣ, если были убѣждены, что скажутъ вѣрно.

— Видишь? шептала сестра. — Директору очень-очень понравилось...

Показавъ мнѣ познанія дѣвочекъ, она наконецъ сама стала задавать имъ урокъ; и дѣйствительно, сестра не жалѣла груди и силъ толкуя дѣвочкамъ извѣстное стихотвореніе «Птичка»... Громадныхъ трудовъ стоило ей разъяснить ученицамъ стихъ:

*

«Въ сіяньи голубова дня». Ей нужно было сказать, что̀ такое голубой, что̀ такое голубой день; растолковавъ это, нужно было объяснять, что собственно голубыхъ дней не бываетъ, что тутъ необходимо понимать небо, — но нельзя также думать, чтобы это было только небо, — а что тутъ примѣшано и солнце, и свѣтъ, и много еще другихъ вещей, которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ то, что̀ поэтъ разумѣлъ подъ названіемъ «голубого дня»... Откашлявшись, сестра задала это стихотвореніе списать въ чистыя тетради и урокъ кончился...

Сестра была утомлена; все, что̀ она считала нужнымъ сказать, она говорила не кос-какъ.

— Устали?... сказалъ Семенъ Андреичъ ей, когда мы уходили.

— Устала.

— Да ужь признаться сказать, не даромъ деньги беремъ... Это ужь нечего... Вѣдь это только не зная—кричатъ: мало! мало! А поди-ко, вдолби имъ въ голову-то... жизнь проклянешь... Вы знаете, что̀ я вамъ скажу? обратился онъ ко мнѣ.—У насъ какіе есть мастера, — ты ему твердишь, надсѣдаешься: подлежащее подлежащее,—а онъ тебя жь надуетъ въ лавкѣ...

Я молчалъ, потому что Семенъ Андреичъ продолжалъ.

— Да это еще что... Вы повѣрите мнѣ,—къ намъ однажды привели опредѣлять мальчишку; спрашиваю: какъ твое имя, а онъ брехать принялся... То-есть просто пособачьи—гамъ,гамъ... Что ни спросишь! Ну, собака да и только...Среди урока станетъ напарту на четвереньки—лаетъ!.. Вотъ исторія-то... Маленькій этакой клопъ, что вы съ нимъ подѣлаете... Говорю: гдѣ это вы такого выростили, что себя отъ собаки отличить не можетъ? Да онъ у насъ, батюшка, сирота... Должно быть, гдѣ нибудь въ канурѣ съ собаками росъ—вотъ вы и дѣлайте изъ него человѣка!

Съ этимъ я ужь не могъ не согласиться: дѣйствительно, мудрено сдѣлать человѣка помощію логическаго разбора стиховъ.

— Это правда, сказалъ я.—Что-жь теперь съ нимъ?

— Да что-жь съ нимъ дѣлать... ходитъ... Махнешь этакъ перчаткой около его морды, — ну, поймаетъ зубами... Смѣхъ... Н-нѣтъ, батюшка... Это хорошо разговаривать... Поди-ко, поворочай... Я ей-Богу удивляюсь Марьѣ Петровнѣ, какъ еще они справляются... Почти все одни...

— Да, сказала мать, встрѣтившая насъ въ сѣняхъ и услыхавшая конецъ разговора:—это правда... Ермаковъ такъ часто манкируетъ... постоянно!

— Что! пьяница, прощалыга... свинья! съ снисходительнымъ

пренебреженіемъ проговорилъ Семенъ Андреичъ. — Когда нибудь дождется, — турнутъ, вотъ и сказъ... Я даже такъ думаю, не онъ-ли у меня шапку-то... въ клубѣ...

Семенъ Андреичъ мигнулъ.

— Ей-Богу... Пожалуй, выпилъ лишнее, да и... Ему все равно.

— Ну, что вы.., заступилась матушка.

— Да я и не говорю, а что можетъ быть... Богъ съ нимъ... свинья... больше ничего... Обидно, что другихъ заставляетъ работать изъ-за своего пьянства...

Всѣ эти сочувственныя слова сестра принимала молчаливо, и хотя видно было, что она не считаетъ ихъ лестью, однако я замѣтилъ, что она ждетъ моего мнѣнія. Признаюсь, мнѣ было не легко пристать къ общему хору хваленій. Но подумавъ, я нашелъ, что если точное исполненіе этой программы ведетъ къ тому, что сестрѣ даютъ комнату и свѣчку, то стало быть несогласиться съ этимъ, значитъ поставить сестру на ту дорогу, гдѣ не будетъ ни комнатъ, ни свѣчей, и гдѣ въ концѣ-концовъ она можетъ услышать: нѣтъ проѣзда... Припомнилъ я также кое-что и изъ своей жизни по этому вопросу, изъ своихъ путешествій по пути несогласій; вспомнилъ, что и я тоже былъ учителемъ и пробовалъ смотрѣть на школу и науку, какъ на вещи, разъясняющія бѣдственное положеніе человѣка... Но кромѣ того, что мои бока были помяты лишній разъ — не думаю, чтобы были какіе-нибудь другіе результаты для школы и для меня... Пытливые взоры сестры, которая поминутно взглядывала на меня во время обѣда, правда, мѣшали мнѣ хорошенько подумать надъ этимъ дѣломъ; но тѣмъ не менѣе, когда наконецъ она задала мнѣ роковой вопросъ: — «Ну, какъ ты, Вася?... Хорошо-ли?» въ воображеніи моемъ накопилось столько утвердительныхъ доводовъ, что я долженъ былъ сказать: «хорошо!»

— Только ты, въ самомъ дѣлѣ, не очень мучай себя... У тебя грудь слаба... осмѣлился я пикнуть. Но когда сестра обрадовалась, то, право, мнѣ кажется, я едва не сгорѣлъ отъ испуга и стыда...

Мудрено, мудрено, молчать... Гулялъ я какъ-то по улицѣ, и натолкнулся на слѣдующую сцену. Около полицейскаго управленія стояла телега; на днѣ ея лежала человѣческая фигура, съ ногъ до головы закрытая полушубкомъ; на тротуарѣ стояла баба съ кнутомъ въ рукахъ и, обращаясь къ полушубку, говорила:

— Ма-ашенникъ этакой!... Злодѣй!... Вотъ погоди, прощалыжная душа...

Человѣкъ, лежавшій подъ полушубкомъ, не шевелился. Я подошелъ къ бабѣ и спросилъ, въ чемъ дѣло.

— Да вотъ, батюшка, вора привезла... Пущай его запрутъ въ казаматъ, шельму этакую... бродягу... двухъ лошадей свелъ, нечистая сила... Хорошо, углядѣли во время — догнали... А не угляди мы... Этакая поскуда... Все ты увертывался, все ты увертывался, ну ужь теперя покаешься. Ужь теперя...

— Авось, Богъ милостивъ! вдругъ послышался голосъ изъ-подъ полушубка.

— Ахъ ты, нечистая душа! гнѣвно возразила баба... Что же это всякому вору да... А-ахъ-ты...

— Нич-чево!... Авось!... Ты думаешь, Богъ-то для васъ, только?... Нѣтъ, очнись! Ты думаешь, вора привезла, и все тутъ?... Нѣтъ, погоди маленько... У н-насъ тоже противъ васъ штучка есть...

Баба жестоко негодовала. Но тонъ человѣка подъ полушубкомъ сдѣлался отъ этого въ высшей степени самоувѣреннымъ.

— Нѣтъ, шельма, погоди!... гремѣло подъ полушубкомъ... Такъ бы я тебѣ шельми и дался, кабы у меня ефтаго не было... Такъ бы я тебѣ и легъ въ телегу-то, какже, сдѣлай одолженіе... Нашла дурака... Кабы эфтой штучки у мене противъ васъ, чертей, не было, нашла бы ты меня... держи...

«Эта штучка» до того заинтересовала меня и бабу, что послѣдняя во все горло потребовала, чтобы онъ разъяснилъ эту штучку...

— Кажи, шкура свиная, что у тебя есть? Чѣмъ ты можешь намъ во вредъ?... Кажи! кажи!

Человѣкъ, лежавшій въ телегѣ, вдругъ откинулъ полушубокъ и проворно сѣлъ въ телегѣ, показывая намъ почти голую спину.

— А это что̀? Живодерная шельма! зарычалъ онъ, стиснувъ зубы и сталъ тыкать себя въ затылокъ пальцемъ. — Что это-о?

Мы съ бабой увидѣли, что затылокъ былъ у него разбитъ и волоса запеклись въ крови.

— Что̀? что? что, гн-нусавая? ревѣлъ человѣкъ, повернувшись къ намъ лицомъ и держась обѣими руками за край телеги. — Ай, присѣла? Нѣтъ, еще за эту штучку-то тебя, шельму, надо раастрѣлять!... Аннаѳему.

Баба злилась, но молчала и видимо оторопѣла.

— Ты ловить вора — лови, а, оглоблей его громыхать въ это мѣсто, — не показано! продолжалъ мужикъ. — Что въ законѣ сказано?... — Шельма! Такъ бы я вамъ чертямъ и дался,

ежели-бъ вы мнѣ не повредили... Ду-ура! Вѣдь и мы съ умомъ... Я тебѣ, дурѣ, нарочно затылокъ-то подставилъ!... Кобыла-а! Потому намъ за это снисхождаютъ... Съѣшь вотъ!...

Сказавъ это, мужикъ снова юркнулъ подъ полушубокъ, снова закутался съ головой, и въ то время, какъ баба не знала, что̀ отвѣчать, весело говорилъ оттуда:

— Х-ха!... А то дурака нашли... Нѣтъ, братъ, эта штучка — мое почтеніе... Вотъ какъ я тебѣ скажу... Шельма... Я тебѣ покажу мои права...

Я пошелъ, и думалъ о томъ, что у меня даже и такихъ-то правъ нѣтъ... Положимъ, я не воръ; положимъ, что если у меня и не разбитъ затылокъ, то разбита жизнь,—и все-таки я вижу, что до этого никому нѣтъ дѣла.

Стало быть, какое же право я имѣю говорить?

III.

И я дѣйствительно почти не говорю, а современемъ надѣюсь даже лучше освоиться съ этимъ положеніемъ. И теперь я уже мало-по-малу начинаю напоминать собой богомольца, который зазимовалъ у доброхотнаго дателя—пьетъ, ѣстъ, зѣваетъ, креститъ ротъ, спитъ, и больше ни о чемъ не заботится. Записывая по вечерамъ кое-что въ записную книжку, я уже самъ разыскиваю старую матушкину юбку, чтобы завѣсить окно, а не дожидаюсь, пока матушка сама протянется съ нею къ окну, черезъ мою голову, и не объяснитъ мнѣ, что «какъ бы кто не увидалъ... Подумаютъ, сочиняешь — изуродуютъ... Навѣкъ калѣкой пойдешь»... Все это я теперь знаю, и исполняю самъ. Городишко оказывается самый обыкновенный: грязь, каланча, свинья подъ заборомъ, мѣщанинъ, загоняющій ее полѣномъ и ревущій на нее простуженнымъ голосомъ; все это вмѣстѣ съ всклоченной головой мѣщанина и его рубахой, распоясанной и терзаемой вѣтромъ, составляетъ картину, довольно сильную по впечатлѣнію... Книгъ въ городѣ можно отыскать много; есть книги даже хорошія, но я боюсь ихъ читать; чтеніе это не приведетъ къ добру; читаю, что̀ попадется; бо̀льшею частію повѣсти о любви, но и то рѣдко. Бо̀льшею частію стараюсь думать о вещахъ, отдаленныхъ отъ дѣйствительности; на стѣнѣ у меня виситъ картинка слѣдующаго содержанія: на берегу громаднаго озера изображенъ крошечный человѣкъ, сидящій на корточкахъ въ шляпѣ съ широкими полями; въ рукахъ у него удочка; вдали колокольня, а внизу подписано: «Предпріятіе»... Вотъ, я и думаю: гдѣ

именно тутъ скрывается предпріятіе? Предметъ достойный, и едва-ли истощимый...

По просьбѣ матушки, я отправлялся недавно въ гости къ Семену Андреичу; живетъ свиньей, но доволенъ, и все у него есть. Я засталъ у него Ермакова, и еслибы не полштофъ водки, который уже стоялъ на столѣ и былъ почти осушенъ, я не знаю, что̀ бы мы трое выдумали для разговора. Но Семенъ Андреичъ былъ подъ хмѣлькомъ, а Ермаковъ совершенно пьянъ, поэтому мы всѣ о чемъ-то разговаривали.

— Вѣдь вотъ какая скотина! говорилъ Семёнъ Андреичъ: — нарѣжется и оретъ... Ну, что̀ ты этимъ ораньемъ хочешь сдѣлать?... Кромѣ вреда себѣ и другимъ...

— Плевать! прогремѣлъ Ермаковъ, обнаруживая громадный басъ. — Плевать мнѣ на васъ на всѣхъ...

Ермаковъ былъ человѣкъ крѣпчайшаго сложенія, и, повидимому, большая сила, изъ числа тѣхъ, которые въ трезвомъ видѣ не убьютъ и мухи; но въ пьяномъ видѣ онъ былъ страшенъ; ему было не болѣе тридцати лѣтъ, но лицо уже достаточно распухло и отекло.

— Черти прраклятые, ревѣлъ онъ, сжимая кулаки и косясь на меня.

— Болванъ ты этакой! Ну, если Иванъ-то Егоровъ передастъ Фролову, что̀ ты болталъ на крестинахъ у дьякона! вѣдь порроху не оставятъ... Дуракъ...

Ермаковъ посмотрѣлъ на него, вдругъ приподнялъ плечи, сжалъ кулаки и зубы, и прогремѣлъ что-то до того ругательное, что даже Семенъ Андреичъ не нашелся, что̀ ему возражать; онъ схватилъ Ермакова за плечо и, наливая другой рукой водку, кричалъ:

— Да пей! Пей! Чбортъ...

Ермаковъ выпилъ, и облилъ свою щоку и жилетку.

— Что̀ льешь-то? Эхъ-ма!... Пить не умѣешь, а орешь...

Изъ всего оранья Ермакова я могъ заключить, что въ этомъ гигантскомъ тѣлѣ прочно засѣлъ энергическій протестъ, который однако, благодаря нищенской жизни и подъ вліяніемъ нищенскихъ интересовъ окружающаго, состарился въ немъ, прокисъ, обросъ мохомъ... Милліоны разъ убѣждаясь въ томъ, напримѣръ, что штатный смотритель дѣлаетъ дурно, не пуская учителей курить въ своей комнатѣ, а заставляя ихъ исполнять это на крыльцѣ и т. д. и т. д. — какъ не кончить однимъ ораньемъ, и какъ не развивать этого оранья дальше и больше...

Оранье и скрежетъ зубовъ раздавались ежеминутно, и Се-

менъ Андреичъ поминутно прибѣгалъ въ такихъ случаяхъ къ водкѣ.

— Да выпей! Выпей! Буйволъ!...

— Налей!...

— Такъ-то лучше. Выпилъ, да закусилъ, — анъ оно и... На-ко, закуси!

Ермаковъ закусывалъ солью, которую пальцами клалъ на языкъ.

Я познакомился съ нимъ; онъ нѣкоторое время молча держалъ мою руку въ своей плотной и горячей рукѣ, смотрѣлъ на меня, будто желая что-то сказать, и вдругъ принялся ломать мою руку, скрипѣть зубами, и потащилъ къ полуштофу...

— Выпь... едва проговорилъ онъ.—Выпь... братъ!...

Я выпилъ. Жалко было мнѣ Ермакова.

Уходя, я оставилъ его совершенно пьянымъ: тяжело поднявшись, онъ ухватился за лежанку руками, что-то мычалъ, куда-то хотѣлъ идти, но стоялъ и шатался...

По просьбѣ Семена Андреича, я обѣщалъ еще придти къ нему «посидѣть». Навѣрно современемъ я привыкну къ этой работѣ «посидѣть», и приду къ нему, но до сихъ поръ пока еще не былъ, ибо самъ Семенъ Андреичъ посѣщаетъ насъ ежедневно; часовъ въ шесть вечера непремѣнно слышно изъ кухни, какъ онъ скидаетъ калоши и говоритъ: «а я, признаться, шелъ, да... Гдѣ жь это тутъ гвоздь былъ? Ай вывалился?... Во-во-во... дай, думаю» и т. д. И затѣмъ тянутся медленные, неповоротливые разговоры о томъ, что хорошо бы пробраться въ судебные пристава и проч. Между прочимъ, со словъ Семена Андреича я узналъ, что уѣздный предводитель опредѣлилъ происхожденіе нигилиста «помѣсью дворовой дѣвки съ дьякономъ». Самъ Семенъ Андреичъ понимаетъ ихъ не лучше... «Тутъ у насъ въ клубѣ тоже одинъ появился какъ-то... пьяная размертвецки шельма... Проситъ — «подайте!» Я посмотрѣлъ, вижу—нигилистъ. «Нѣтъ, ужь, говорю, вы потрудитесь получить вашу субсидію изъ Польши... Вы оттуда по пятіалтынному въ день получаете—ну, и съ Богомъ!» Разговоры вообще любопытные... По окончаніи ихъ, я ставлю сапоги подъ кровать и сплю; засыпать я могу быстро: для этого стоитъ только какъ можно ближе пододвинуть лицо къ стѣнѣ и смотрѣть во всѣ глаза... Нельзя, однако, сказать, чтобы результаты всегда были блестящіе: иногда не спишь, несмотря на всѣ усилія.

Тогда зажгу свѣчу, и запишу что-нибудь...
И молчу.

Вчера вечеромъ разговоры съ Семеномъ Андреичемъ были прерваны появленіемъ кухарки.

— Барыня-матушка, тревожно заговорила она, обращаясь къ матери: — нѣтъ ли у васъ какой мази?...

— На что тебѣ?

— Охъ, да тутъ сейчасъ на улицѣ я была — старушка одна знакомая прибѣжала... Дочь у нея рожаетъ, мучается... Такъ плачетъ, ничего сдѣлать не могутъ...

Въ голосѣ кухарки была сильная тревога, и я высказалъ желаніе пойдти къ бабѣ.

— Вася, и я! сказала сестра.

— Куда вы въ грязь этакую! попытался урезонить Семенъ Андреичъ, но сестра уже одѣвалась, и оба съ ней мы побѣжали вслѣдъ за кухаркой, какъ на пожаръ, потому, что помочь бабѣ едва-ли мы могли чѣмъ-нибудь.

На дворѣ была ночь и грязь; намъ пришлось спускаться подъ гору, въ слободку, гдѣ внизу свѣтились огоньки, шумѣла вода на плотинѣ и лаяли собаки.

— Такъ плачетъ, такъ плачетъ, горюшка бѣдная! душевно соболѣзнуя, слезливо говорила кухарка, спускаясь впереди насъ по скользкой тропинкѣ.—Лежитъ одна, ни откуда помочи нѣту, — да и гдѣ теперь, по этакому времю... И бабки-то не разыщешь... И бабки-то всѣ въ разборѣ...

— А Авдотья Ивановна? спросила сестра.

— Да и Авдотьи-то Ивановны теперь ты съ собаками не сыщешь... Кабы у насъ народъ-то былъ умный, а то онъ дуракъ! Къ одному времю всѣ пригоняютъ... Цѣлый годъ кушорка-то сидитъ безъ хлѣба, а какъ осень — хоть разорваться такъ въ ту же пору...

— Да почему же осенью?... спросилъ я.

— А коли вамъ угодно знать, такъ потому, что всѣ по нашимъ мѣстамъ ведутъ счетъ этому дѣлу — съ мясоѣда, послѣ рождества, либо съ масляницы... Потому, кругомъ посты... И считайте теперича девятый мѣсяцъ... когда придется? И есть, что осенью... Теперича у насъ извольте поглядѣть: въ каждомъ домѣ приплодъ... Ну, и гдѣ жь ее, кушорку, сыщешь?...

Свѣдѣніе было новое, и немало изумило меня.

— У насъ такъ-то случилось, у одного чиновника сынъ ро-

дился на масляной, такъ ему проходу не дали... Хотѣли причастія рѣшить, потому считайте на девятый мѣсяцъ, когда придется?... Въ постъ! Ишь кричитъ-то! Мматушки мои... Не ходите, барышня!

Дѣйствительно изъ избушки, къ которой мы подошли, доносились раздирающіе крики; по стекламъ маленькихъ окошекъ бѣгала какая-то проворная тѣнь, и слышался равномѣрный стукъ.

— Что̀ это? спросила сестра.

— О-о, черти! О-о, безумные... Коноплю треплютъ! Да они ее задушутъ, негодные! почти проплакала кухарка, и ушла въ избу.

Мы вошли въ сѣни; маленькая дѣвочка съ распущенными жидкими волосами и въ распоясанномъ платьишкѣ пробиралась босикомъ, съ огаркомъ въ рукахъ, куда-то въ уголъ. Ее догоняла сгорбленная старуха, и совершенно растроганнымъ голосомъ кричала:

— Куда ты, посюда, тащи-ищь?... Всѣ огарки пережгла, негодная.

Съ этими словами она выхватила у нея огарокъ и шлепнула по затылку, причемъ на полъ упала книга.

— Миня блонютъ... пропищала дѣвочка, сначала схватившись за затылокъ, потомъ за книгу, и поплелась обиженная въ избу.

— Да шутъ и съ ученьемъ-то съ твоимъ... Мать умираетъ, освѣтиться нечѣмъ, подлая. У-у...

Я заглянулъ въ избу. Тамъ слышались стоны, и висѣли облака конопляной пыли и костриги. Идти было незачѣмъ. Сестра просила меня проводить ее къ аптекарю, который постоянно дома и можетъ чѣмъ-нибудь помочь. Мы собрались идти, какъ изъ избы вышла наша кухарка вмѣстѣ со старухой, которая прямо повалилась намъ въ ноги, и говорила только «батюшка!», тогда-какъ кухарка объясняла, въ чемъ дѣло. У старухи не было тридцати копеекъ, и она просила ихъ у насъ, чтобы побѣжать къ попу и просить его поскорѣе отворить въ церкви царскія врата, такъ-какъ это облегчаетъ трудность родовъ.

Мы дали, что̀ могли, и всѣ вмѣстѣ вышли вонъ.

Старуха побѣжала впередъ, и, карабкаясь на гору, стонала:

— Батюшка!... дай тебѣ Господи... Дай тебѣ царица небесная!...

Кухарка, позади насъ, вторила ей.

Я съ кухаркой долго дожидались сестру, пока она была въ аптекѣ, наконецъ она вышла: аптекарь далъ кой-какіе совѣты и лекарство. Передавая эти совѣты кухаркѣ, мы всѣ шли къ попу, котораго сестра хотѣла попросить не задержать старуху, и вдругъ наткнулись на нее.

— Акулина! Ты? съ изумленіемъ воскликнула кухарка.

— Горюшки мои бѣдныя! плакалась старуха. — Потеряла деньги-то!... Обронила.

— Всѣ, что̀ ли?

— Да вотъ одна монета выпала... Ищу-ищу — нѣту ничего въ грязи...

— Брось! Брось! Христа-ради! Бѣги къ попу!...

— Да какъ бросить... Ахъ, горюшки мои.

— Бѣги, старая... Ахъ, Боже мой...

— Охъ-охъ-охъ...

Кое-какъ сестрѣ и кухаркѣ удалось уговорить старуху, и она побѣжала къ попу.

— Ну, теперь ты бѣги скорѣй, сказала сестра кухаркѣ: — неси лекарство, да помни, что̀ я сказала...

— Какъ не помнить, матушка... Бѣгу, бѣгу... торопливо говорила кухарка. — И что ужь тутъ искать пятачка... Ахъ, старуха...

— Бѣги, бѣги...

— Бѣгу, матушка, нагибаясь на ходу къ землѣ, говорила кухарка, и вдругъ стала искать въ грязи пятачка...

Кое-какъ ее уломали. Какъ, однако, былъ дорогъ имъ этотъ пятачокъ, оставляющій по себѣ ту страшную готовность разорвать другъдруга въ клочки, которую мнѣ довелось видѣть, въ дорогѣ, на постояломъ дворѣ.

Признаюсь, не безъ непріятнаго чувства въ душѣ, подходилъ я къ поповскому дому. Я хотѣлъ подождать въ сѣняхъ, но сестра втащила меня въ комнату.

Въ передней, на колѣняхъ стояла, старуха, а изъ глубины довольно темной залы слышался звучный голосъ священника.

— Отдай дьячку ключи, да скажи, чтобы поскорѣе отперъ церковь... Я сейчасъ буду. Бѣги. Кухарка выбѣжала изъ залы съ ключами.

Мы вошли, познакомились; сестра передала просьбу; священникъ дѣйствительно торопился; застегивая полукафтанье, онъ торопливо говорилъ другому, бывшему въ комнатѣ духовному лицу...

— А ты тѣмъ временемъ того, Гавріилъ Петровичъ, — под-

бавь что нибудь сюда-то, и онъ при этомъ кивалъ на лежавшую на столѣ бумагу...

— Я сію секунду... Ступай, матушка. Успокойся! отнесся онъ къ бабѣ:—Богъ дастъ все благополучно... Молись поусерднѣй, да не переври, что докторъ-то... Ступай, бѣги... Да и ты, Гавріилъ Петровичъ, того-то...

Священникъ попросилъ насъ посидѣть и ушелъ. Гавріилъ Петровичъ былъ дьяконъ и оказался добрѣйшимъ существомъ; голосъ у него былъ мягкій, юношескій и слегка дрожалъ отъ какого-то постояннаго нервнаго волненія.

— Вотъ этакія сцены переносить, началъ онъ, предварительно нѣсколько разъ кашлянувъ:— право до того непріятно...

Мы согласились. Дьяконъ волновался и ходилъ по комнатѣ.

— Иной разъ, ей-Богу, самъ заплачешь глядя, а не то что... Да ничего не сдѣлаешь! вдругъ, словно выйдя изъ терпѣнія, проговорилъ онъ.—Вѣдь будемте говорить по совѣсти... Я не извергъ... а вѣдь не возьми я — ну, и безъ хлѣба... Я не радъ этому. У меня дѣти. Ихъ учить надо, кормить... Да кромѣ того...

Тутъ онъ исчислилъ множество разныхъ взносовъ, требующихся ежегодно, и самымъ обстоятельнымъ образомъ доказалъ, что нельзя не брать съ народной темноты и невѣжества.

— Да вотъ изволите видѣть эту вотъ вещицу, продолжалъ онъ, взявъ со стола бумагу:—это умерла купчиха-съ. Супругъ желаетъ, чтобы духовенство произнесло надгробныя рѣчи, и обѣщаетъ по три рубли, а ужъ ежели очень хорошо, — то и пять... Вотъ мы съ батюшкой желаемъ получить по два съ полтиной, и теперь представьте себѣ, сколько мы должны принять на душу, чтобы растрогать эти аршинныя души до слезъ?... Намъ нужно эти туши заставить рыдать-съ!... Нуте-ко, придумайте?... И тогда только мы можемъ разсчитывать на полученіе изъ лавки фунта чаю... подмоченнаго.. Потому что денегъ намъ, разумѣется, не дадутъ, надуютъ...

Дьяконъ въ яркихъ краскахъ нарисовалъ свое безвыходное положеніе. Пришедшій изъ церкви батюшка прибавилъ къ этому еще нѣсколько другихъ фактовъ. Онъ, впрочемъ, не волновался какъ дьяконъ, а былъ положительнѣе, и разъ рѣшившись смотрѣть на вещи такъ, а не иначе, шелъ не оглядываясь.

— Э-э, говорилъ онъ: — тутъ церемониться, такъ съ сумой пойдешь...

Когда рѣчь коснулась проповѣди, онъ прямо объявилъ, что нужно повести рѣчь о томъ, что новопреставившаяся была недавно, новобрачная... возлежала... и... что мы видимъ?

— Вотъ! сказалъ онъ дьякону, ткнувъ пальцемъ въ бумагу:— повѣрь, заревётъ и какъ снопъ повалится...

Дьяконъ грустно улыбнулся, однако взялъ проповѣдь съ собой и обѣщалъ составить ее въ указанномъ батюшкою направленіи...

Мы пошли вмѣстѣ.

Дьяконъ всю дорогу жаловался на свою судьбу, и разсказалъ цѣлую систему невозможностей пойдти по другой дорогѣ, выбрать иной путь въ жизни. Все это только вносило новыя лепты въ сокровищницу познаній моихъ о пользѣ молчанія.

Думая такъ, я шелъ молча и не слыхалъ почти, что сестра что-то бормочетъ...

— Что ты?... спросилъ я.

— Что она вретъ? Когда я браню ихъ...

— Кого?

— Да дѣвочка говоритъ: меня бранятъ... Она у меня учится...

— Учишь, учишь, шептала она: — бьешься, бьешься...

Въ голосѣ ея слышалось желаніе успокоенія, сочувствія. Семенъ Андреичъ, сидѣвшій еще у насъ въ то время, когда мы воротились назадъ, успокоилъ ее.

— Вы никакъ уже въ акушерки пустились... Мало вамъ своего дѣла?... Э-эхъ, нѣкому васъ сѣ-ечь!... Хоть ноги-то перцовкой разотрите... она оттягиваетъ... Э-эхъ-ма...

IV.

На дняхъ опять фактъ...

Нужно сказать, что сестра, всегда флегматичная и вялая, въ послѣднее время какъ-то заскучала, нахмурилась, и отъ времени до времени, какъ бы сама съ собою разговаривала: «Что жь мнѣ имъ диктовать?» При этомъ она нѣсколько разъ перелистывала какую-то книгу, и потомъ бросала ее, говоря: «Я не знаю, что̀ мнѣ имъ диктовать?» Я случайно поглядѣлъ эту книгу; это была христоматія, обнимавшая всѣ отрасли человѣческихъ знаній, упрощенныхъ до степени двугривеннаго, болѣе каковой суммы авторъ не разсчитывалъ отыскать въ народномъ карманѣ. Всѣ знанія поэтому принимали смѣющійся оттѣнокъ: тутъ прыгали зайчики, разговаривали мышки, тутъ было и «Здравствуй матушка Москва», и «здравствуй въ бѣломъ сарафанѣ, раскрасавица зима», Царю небесный и таблица умноженія... Мнѣ пришло въ голову, ужь не оттого ли сестра стала бросать книгу что при каждомъ стихотворномъ баловствѣ, попадавшемся тамъ, передъ ней мель-

калъ образъ умирающей бабы, у которой тащутъ свѣчку, чтобы выучить это баловство? Я поглядѣлъ на сестру; она хмурилась, но меня не спрашивала ни о чемъ. Не боялась ли она, что я, молчаливая, постоянно почти лежащая фигура, сочту глупымъ ея вопросъ?

Семенъ Андреичъ счастливѣй меня. Выдался ясный августовскій день. Мы сидѣли на крылечкѣ, на дворѣ.

— Да вы что это такъ? спросилъ онъ сестру, и скорчилъ хмурое лицо.

То, что̀ я думалъ, оказалось справедливымъ.

— Да вамъ какое дѣло? сказалъ Семенъ Андреичъ. — Что вамъ самимъ, что ли, сочинять? Слава Богу, и такъ довольно есть кому...

Чувствуя, что этого мало, для того, чтобы сестра повеселѣла, Семенъ Андреичъ прибавилъ:

— А въ уѣздномъ-то училищѣ, вы думаете лучше? Директоръ пріѣхалъ, спрашиваетъ: «у васъ какая метода?» А дьяконъ ему: «у насъ метода одна — за вихоръ»! И то ничего... Разбирать! Вамъ сказано какъ... какое вамъ дѣло?

Сестра улыбнулась, но молчала и слушала.

— Но все-таки, покрайней мѣрѣ, имъ... начала она, какъ-бы желая успокоить себя какимъ нибудь положительнымъ рѣшеніемъ: — все-таки какая-же нибудь польза...

— Да Господи Боже мой!... Само собой... Да кабы не польза, такъ вѣдь кто-жь-бы... Естественно, что...

Въ это время, среди лая собакъ, приблизился къ намъ отставной солдатъ, въ старой шинели, и съ деревянной ногой.

— Помогите, господа, прохожему солдату!... пѣвучимъ и добродушнымъ, почти веселымъ голосомъ проговорилъ онъ. Это былъ человѣкъ небольшаго роста, тщедушный, но державшій себя бодро...

— Иду на родину изъ службы, — что ты будешь дѣлать — ничего нѣтъ... Помогите, господа, чѣмъ нибудь...

— Ты грамотный? вдругъ почему-то спросила сестра.

— Былъ, сударыня, и грамотный, — да всего теперича лишонъ... Ничего не осталось, только что караулъ ежели закричать, — ну, это могу... Хе-хе-хе...

Нельзя было не засмѣяться.

— Да ей Богу-съ! сказалъ солдатъ. — Надо быть, такъ ужь мнѣ на роду написано, — не потрафлять,.. Женился, взялъ жену ловкую, нѣжную дѣвицу, служилъ чисто, — веселѣй меня ежели въ работѣ, али въ шуткѣ, — человѣка не было...

— Ты чей?

— Здѣшній, здѣшняго уѣзду... Вотъ тутъ имѣніе Хрюшки... слухъ есть, жена тамъ... Богъ е знаетъ...

— Ну, такъ что же, какъ? Ну, служилъ?

— Ну, служилъ-служилъ, угождалъ-угождалъ барину... Бывало, цѣлыя ночи съ нимъ куралесили въ здѣшнемъ городѣ, по оврагамъ, все разыскивали веселыхъ дѣловъ, да-съ!... Бывало, выпью водки, возьму хорошую закуску, — вотъ эдакую вотъ дубину, пойду тамъ ворочать — достану товару... Даже теперь подумаешь—думаешь: чѣмъ у Господа замолю грѣхи? Ну, а въ ту пору имѣлъ надежду; мечталъ такъ, что будто покоряешься господину, онъ тебя тоже не оставитъ. Женатъ былъ, — только что Господи благослови, — хотѣлъ своею частію заняться имѣть уютъ. И такъ будто, что выходило. Ну, а вышло — эво какъ!.

Солдатъ шагнулъ къ намъ деревянной ногой.

— Отчего-жь такъ-то?..

— Оттого, что водка! Вотъ кто насъ губитъ... Ярмонка, изволите видѣть, была вотъ самое это мѣсто (солдатъ показалъ рукою по направленію къ рѣкѣ). Жена у меня первое время — не знаю какъ теперь... Богъ знаетъ... Жена у меня франтовитая была, признаться, супруга... Пошли по ярмонкѣ, — обижается на меня. «Неряха!» А ужь точно, сами знаете, какъ одѣвали нашего брата... Такъ эти слова на пьяную-то голову (а здòрово, дѣйствительно... что) тàкъ повернули!—«Э, думàю, надѣну господское платье, старое, завалящее; пройдусь разокъ!» Ишь вѣдь! Ну, сейчасъ побѣгъ; все господамъ живымъ манеромъ прибралъ, подалъ... Ж-живо вотъ какъ! рукомойникъ несу, съ пьяныхъ-то глазъ, не какъ люди, а наровлю его на одномъ пальцѣ пронесть. «Разобьешь!» «Будьте покойны...» Помои дали вылить, такъ я ихъ подъ облака зашвырнулъ, черезъ пять крышъ... Ну, подгулялъ... Больше ничего. Такимъ манеромъ и нарядился въ господское... думаю, погоди! Хвать, а баринъ: вотъ онъ! Съ таё минуты—воръ-воръ-воръ-воръ! Что хошь! нѣту мнѣ имени, какъ воръ... Пошло и пошло, отъ всего отрѣшонъ... добился подъ красную шапку — чтó станешь дѣлать-то!

Тутъ солдатъ сталъ разсказывать множество подробностей о своихъ трудахъ въ военной службѣ, упоминалъ о городахъ, генералахъ, черкесѣ, туркѣ, венгерцѣ, и множествѣ другихъ подробностей, въ которыхъ путается вниманіе слушателя, если онъ не вникаетъ въ смыслъ путаницы, обыкновенно группирующейся вокругъ заключительной фразы: «А все ничего нѣтъ!»

— А барышня говорятъ: грамотный! Что мнѣ съ грамо-

ты-то? Хошь бы у меня сто пядей во лбу было, тожь бы самое не легче... Какъ захотятъ, такъ и будетъ... Я и рану, сударыня, имѣю,—да и то вотъ... Потому что и рану-то намъ Господь Богъ не сподобилъ настоящую получить. Изуродовать изуродовали, — а къ разряду не подходитъ... Мнѣ бы во сто разъ согласнѣе было, ежелибъ мнѣ обѣ ноги оторвало, или бы безъ руки пошелъ—по крайности первый разрядъ! А то только что калѣка, — весь истыканъ какъ рѣшето... зашили дырья иголочкой,—и гуляй.

Мы помолчали.

— Ну, а ежели, произнесъ Семенъ Андреичъ:—голову оторвать, тогда что... какая цѣна?..

Его громкій смѣхъ разсмѣшилъ и солдата.

— Да ужь лучше, ежели бы голову-то! Вѣрно!.. Теперича вотъ иду въ свою сторону, жену искать, что найду—Богу извѣстно... Гдѣ, какъ... Пожалуй, и такъ выйдетъ, что безъ меня испаскудили бабу—вотъ какъ!

— Ну!

— Ну, да ужь тамъ... Что Богъ дастъ! Коли что... такъ попрошу у барыни,—говорятъ, добрая,—мѣстечка, сяду... Ну, а коли... такъ ужь...

Солдатъ тряхонулъ головой и отступилъ.

— Та-агда ужь не попадайся... Ужь, что подъ руку, то и наше... Передъ Богомъ...

На крыльцо вышла мать.

— Идите обѣдать, сказала она.

— Подайте, господа, солдату...

Ему подали. Онъ ушелъ, сопровождаемый собаками и безъ шапки. Я глядѣлъ на сестру и думалъ: «однако, дѣйствительность не церемонится съ тобой! Помаленьку да помаленьку она выбиваетъ тебя изъ колеи, пробитой съ большими трудами и надеждами... Что будетъ—не знаю!»

— Однако они тоже ловки, эти штукари... сказалъ Семенъ Андреичъ, поднимаясь.—Балакаетъ-балакаетъ,—а глядишь какъ-нибудь и сблаговѣстилъ цѣлковыхъ на пятокъ... Пойдти поглядѣть, не стянулъ ли чего солдатъ-то... Гонять ихъ надо... вотъ что...

Потомъ мы пошли обѣдать...

...Иду недавно, смотрю—среди улицы стоитъ старая, грязная баба и, потрясая надъ землею кулакомъ, вопіетъ:

— Ты меня измучила,—ну, и я тебя измучаю... Какъ же шель-

ма этакая, обратилась она ко мнѣ, воздѣвая руки: — служила-служила восемь лѣтъ, а-а... это что же такое? Погоди да повремени,—и по сѣхъ поръ ни съ тѣхъ поръ, за всѣ-то восемь годовъ,—ни копѣечки не вижу... «Ты у насъ посуды сколько перекокала...Счесть—за тобой еще будетъ!» Да ахъ ты шельма, шельмовка. Чиновница!.. «Я въ судъ пойду!» «Да иди, я скажу заплатила да и все!..» Ахъ ты, подлячка!

— Ну, что-жь ты?

— Что я-то? старуха затряслась всѣмъ дряхлымъ тѣломъ и снова потрясая надъ землею обоими кулаками, почти завизжала:

— Я ей разканальской душѣ... Я... на щепку наплюю — понюхать не дамъ! Ужь не дамъ! Ужь нѣ-э-этъ...

Эта сцена напомнила мнѣ мои права. Они именно такія, какъ у старухи. А то я почти не могъ уже молчать передъ сестрой...

V.

Осенняя непогода въ полномъ разгарѣ; уѣздная нищета еще унылѣе влачитъ свои отрёпья и недуги, по грязи и слякоти, вся промоченная до нитки проливными дождями и продрогшая отъ холоднаго, безпрерывно ревущаго, вѣтра. Не хочется ни выдти, ни взглянуть въ окно...

Вечеръ. Я лежу за перегородкой близь кухни и уже часа два слушаю разговоры Семена Андреича, о томъ, что онъ намѣренъ перелицевать старое пальто, которое можетъ сойдти за новое. Приводятся примѣры, когда дѣйствительно перелицованныя пальто сходили за новыя и т. д. Вѣтеръ воетъ за стѣной, и царапаетъ ее. Пробовалъ упираться глазами въ стѣну — не выходитъ ничего.

Въ кухню входитъ человѣкъ и, благодаря кухаркѣ, которая, увидавъ его, побѣжала просить у матушки щепотку чаю, оказывается ея дальнимъ родственникомъ.

— Семенъ Сафронычъ! Что это вы въ эту пору!... удивляется кухарка.

— Ничего не сдѣлаешь, матушка... Моченьки нѣту—и снизу и сверху—такая страсть—не приведи Богъ! отряхая армякъ говоритъ усталымъ голосомъ Семенъ Сафронычъ. — Двадцать верстъ по эдакому мученью обмолотить, не больно сладко, продолжаетъ онъ, хлопая шапкой не то о притолку, не то объ стѣну, уходитъ въ сѣни, гдѣ долго шаркаетъ сапогами и возвращается, отдуваясь и кряхтя.

— О, Боже мой!...

— Пѣшкомъ, што ли, вы?

— Да, пѣшкомъ, матушка, пѣшкомъ, што сдѣлаешь-то...
— Что жь это вы лошадку-то жалѣете?
— О-о, матушка, кабы жалѣли... Нѣту ее, лошадки-то, пятый день въ лѣсъ вытребована по казенной части сухостой сбирать... нѣту, матушка. Господь е знаетъ, когда пустятъ оттэдова... А приказъ былъ такой, чтобы отнюдь не умедлять, поспѣшать чтобы въ городъ... Ну, и пѣрли.
— Что жь это васъ, по какому дѣлу, суетясь и раздувая самоваръ, говорила кухарка.—Вытребываютъ васъ, али какъ?...
— Вытребываютъ, кормилица... да Богъ е знаетъ. Сказывали, которые тоже изъ деревень шли по эвтому, по выпискѣ, сказывали, будто караулъ хотятъ держать изъ насъ... кольки тамъ на тыщу... Ну, а на постояломъ дворѣ такъ объясняли, будто бы судить, что-ли-то...
— За что жь это судить-то?
— Да Господь е знаетъ... Сказывали, будто бабу, что-ли-то какую присуждаютъ къ Сибири за робенка, ну, и пріумножаютъ... это самое... караулы... Господь е знаетъ, матушка... Тамъ безъ насъ разберутъ... Я ужь у тебя, кормилица, заночую... Попытай у господъ, не будетъ ли ихней милости на печку мнѣ... Вѣришь, пришолъ въ чужую сторону, хоть что хошь... Куда пойдешь-то... Иззябъ весь... вымокъ...
— Вотъ чайку выпьешь, сказала кухарка.
Гость поблагодарилъ и, помявшись, прибавилъ:
— А ты вотъ что, родная... Чайку, чайку... А ты бы... Нѣтъ ли, голубушка, хошь хлѣбца бы. Попытай у господъ, матушка... Передъ Богомъ сказать, и дома-то ребятишкамъ почесть-что не оставилъ... Вѣрное слово! Стыдно сказать, шли дорогой — побиралися, ей-ей... Да покеда чего объяватъ, такъ и тутъ пойдешь по міру ходить... Вѣрно тебѣ говорю...
Гостю дали хлѣба и щей. Пока онъ ѣлъ, пока укладывался на печкѣ спать, изъ запутанныхъ разговоровъ его я узналъ, что человѣкъ этотъ, побиравшійся дорогой, и не имѣющій угла, гдѣ бы преклонить голову, не кто иной, какъ будущій присяжный засѣдатель, совершенно поглощенный вѣрою въ то, что «тамъ разберутъ». Тяжелымъ камнемъ наваливается этотъ фактъ на душу. Подъ вліяніемъ осени и рева вѣтра, начинаетъ разбирать злость, подтачивающая все, что̀ должно бы возбуждать сочувствіе. Закрадывается мысль о томъ, что дѣйствительно ли дѣло — сочувствіе къ чужимъ заплатамъ, и не лучше-ли существованіе Семена Андреича, который вонъ преспокойно ходитъ по комнатѣ и повѣствуетъ о томъ, что въ прошлое воскресенье онъ не достоялъ обѣдни.

*

— Слышу, «паки паки преклонше...» Я и маршъ... къ пирогу... хе-хе, благовѣствуетъ онъ.

Гаже я никогда не чувствовалъ себя.

Судъ, о которомъ я впервые узналъ отъ кухаркинаго гостя, открытъ черезъ нѣсколько дней въ первый разъ въ залѣ мироваго съѣзда. Публики собралось множество; сзади всѣхъ, на какомъ-то возвышеніи, помѣщался Ермаковъ; онъ былъ въ шинели, надѣтой въ рукава; лицо его было пьяно и необыкновенно строго. Но вниманіе мое главнымъ образомъ приковали присяжные засѣдатели, почти всѣ оказавшіеся простыми крестьянами. Какой-то длинный и поджарый мѣщанинъ, съ робкою улыбкой поглядывавшій на своихъ пріятелей, сидѣвшихъ въ публикѣ, долженъ былъ руководить сужденіями гг. присяжныхъ. Взгляды его, бросаемые на товарищей, какъ бы говорили: «ну, только исторія же, ребята, затѣвается?» На лицахъ крестьянъ-присяжныхъ я замѣтилъ только уныніе и страхъ; проходя по комнатѣ, они старались ступать на цыпочкахъ, причемъ, однакожъ, все-таки оставались лужи такихъ размѣровъ, что можно было потерять разсудокъ, особливо если принять въ разсчетъ суровые взоры унтера, который какъ-будто хотѣлъ сказать: «Эхъ вы, судьи!... Вамъ въ свиномъ корытѣ хрюкать, а не то что касаться къ мебели». Присяжные видимо понимали какъ справедливость суровыхъ взглядовъ унтера, такъ и то, что надъ головами ихъ сію минуту что-то должно разразиться. Упираясь мокрыми бородами въ мокрыя груди армяковъ, они стояли предъ налоемъ съ опущенными внизъ головами, глядя въ землю, въ то время, какъ отецъ протоіерей, приготовляясь приводить ихъ къ присягѣ, держалъ къ нимъ краткое «увѣщаніе».

Говорю: увѣщаніе, потому что изъ устъ протопопа выходили такія фразы:

— Постыдитеесь! говорилъ онъ, потрясая головой. — Неужели вы думаете, что можно безнаказанно лжесвидѣтельствовать?... Да! Правда! Предъ лицемъ человѣческимъ ложное слово иногда укрывается, но предъ лицемъ Всевышняго—никогда! Ни во вѣки вѣковъ!... И ежели мы трепещемъ казни міра сего, то во сколько кратъ должны мы трепетать грядущаго суда Господня? Посему заклинаю васъ — судить по сущей справедливости, по сущей чести, по сущей правдѣ, не ложно, не... (тутъ председатель кашлянулъ) цѣлуйте крестъ!

— Позвольте! перебилъ предсѣдатель. — Господа присяжные

засѣдатели! Отецъ протоіерей объяснилъ вамъ, что̀ ожидаетъ васъ за пристрастныя сужденія въ будущей жизни. Теперь, съ своей стороны, я обязанъ вамъ объяснить, что въ сей жизни существуютъ возмездія: а именно...

Тутъ были объяснены размѣры возмездія.

— И поэтому, прошу васъ судить по чистой совѣсти. Говорить только правду; помните, господа, что судьи—вы; отъ вашего суда зависитъ участь человѣка... Не смущаясь ничѣмъ, говорите одну правду и больше ничего.

— Цѣлуйте крестъ.

По окончаніи, присяжные пошли къ своимъ мѣстамъ, по прежнему съ понуренными головами. Когда въ залѣ настала тишина, съ ихъ стороны послышались вздохи.

Вывели подсудимую; это была рябая, некрасивая женщина, лѣтъ двадцати-трехъ, со старческимъ желтымъ лицомъ и тусклыми сѣрыми глазами. Она была въ короткомъ арестантскомъ полушубкѣ и держала на рукахъ ребенка почти грудного, который, увидавъ съ боку себя блестящій штыкъ, потянулся къ нему рукой. Солдатъ хотѣлъ сдѣлать сердитое лицо и уже ощетинилъ усы, но улыбнулся. Бабу обвиняли въ томъ, что она утопила своего незаконнаго ребенка. На вопросъ: «признаетъ ли она себя виновной», баба отвѣчала, что не признаетъ. Въ тонѣ ея голоса и манерѣ не было замѣтно никакой поддѣлки: не было ни принужденной бодрости, ни заученныхъ, со словъ адвоката, отвѣтовъ; она качала ребенка, вздыхала и, смотря въ землю, покорно слушала показанія свидѣтелей.

— Пошли мы на рѣчку, разсказывала дѣвушка-свидѣтельница: — пошли на рѣчку прорубь рубить-съ... Потому, старую прорубь у насъ сусѣднія бабы отняли-съ...

— Вы говорите только о томъ, что̀ знаете по дѣлу.

Дѣвушка кашлянула.

— Прорубили прорубь-съ, только это я нагнулась—глядь, а тамъ что-то краснѣетъ. Увидала я это и кричу дѣвушкамъ: «идите, дѣвушки, на счастье вытащимъ». Стали отдирать ото льду, а тамъ... ребенокъ мертвый-съ... окончила она совершенно тихо. — Больше ничего-съ.

— Больше ничего?

— Ничего-съ... Дали знать въ часть, насъ записали, ребенка взяли въ больницу. Больше не знаю-съ.

Выступила другая свидѣтельница; это была пожилая, высокаго роста, мѣщанка, съ длиннымъ носомъ на сухомъ и желтомъ лицѣ и съ выкатившимися большими глазами. Рваная шубейка была надѣта въ одинъ рукавъ. На вопросъ — знаетъ ли

она подсудимую, свидѣтельница отвѣчала грубымъ и рѣзкимъ голосомъ:

— Какъ не знать-съ, ваше высокоблагородіе; она мнѣ посейчасъ два рубли серебромъ должна. Очення знаемъ-съ...

— Когда она у васъ жила?

— А когда рожала-съ. Она съ солдатомъ-съ бѣгала въ ту пору... Н-ну... солдатъ былъ мнѣ знакомъ, я и пустила ее какъ добрую... Ну, а за мои благодѣянія ..

— Что вы знаете насчетъ ребенка?

— Ды утопила-съ она его... Больше ничего-съ... Потому она имѣетъ очень вредный характеръ, ваше сіятельство... Она посейчасъ не можетъ мнѣ, хошь бы по гривеннику въ мѣсяцъ, двухъ рублей-съ...

Свидѣтельница была въ волненіи.

— Почему вы думаете, что она его утопила?

— Да потому, что очення знаемъ это дѣло... Живши у меня постоянно, она имъ недовольна была, убечь ей отъ ребенка нельзя, а она это любитъ-съ... Надо по совѣсти говорить. Она у меня два мѣсяца жила, съ нимъ-съ на моихъ харчахъ. Я женщина бѣдная-съ; мнѣ взять негдѣ. Теперь вотъ, нешто радость за свои деньги, да по судамъ ходить... а пущай бы лучше тогда шла, куда знала... (Свидѣтельницу просятъ говорить дѣло). Жила, жила она у меня-съ, только приходитъ ко мнѣ одна моя знакомая и говоритъ: «нѣтъ ли у васъ дѣвушки хорошей—мѣсто есть!» А она, Маланья—«Я»—говоритъ. «Да у тебя ребенокъ... Въ благородный домъ нешто возможно?»—«Да я, говоритъ, его отдамъ куму на воспитаніе, ко мнѣ кумъ пріѣхалъ. Я его встрѣтила нониче». А знакомая говоритъ: коли такъ, такъ торопись, тамъ ждать не будутъ, за два серебромъ сейчасъ другая съ охотой пойдетъ. Ну, она сейчасъ собралась и пошла и ребенка взяла... а приходитъ ужъ поздно ночью, и безъ полушубка и ужъ ребенка съ ей нѣту. «Отдала!» говоритъ. Ну, говорю, слава Богу .. Я ей всегда добра желала, ну, она мнѣ хошь бы... Уходитъ она утромъ на мѣсто: смотри, говорю, Маланья, попомни меня старуху, получишь—отдай... а она... Слушаю, ваше сіятельство... Виновата-съ... Мы не учены этому разговору. Вотъ-съ и ушла она... а вечеромъ зашолъ ко мнѣ знакомый фершелъ-съ. «Что это, говоритъ, вчера я вашу Маланью коло рѣчки, за часовней... и съ ребенкомъ и раздѣмши. По этакой, говоритъ, погодѣ, она, пожалуй, и ребенка заморозитъ». А время было не погожее... мѣло и кура, да и студено. Тутъ я и подумала... Анъ глядь пошолъ слухъ—нашли мертваго въ рѣчкѣ; побѣжала я, погля-

дѣла, а ребенокъ-то солдатскій... Ейный, то-есть... Ну, думаю, Малаша, ты мнѣ... да ужь и тебѣ-е!... Я вѣрно знаю-съ, что она рубъ у господъ, какъ пришла, выпросила, ну, она мнѣ — хоть бы...

Болѣе этого взволнованная свидѣтельница ничего не показала. Въ оправданіе свое, подсудимая объяснила, что она дѣйствительно жила у свидѣтельницы, но что не чаяла какъ вырваться отъ нее.

— Въ полночь заполночь — пируютъ. Я лежу больная, хворая, а кругъ тебя пляшутъ... Потому что она, ваше благородіе, нехорошимъ дѣломъ занималась...

— Это не твое дѣло судить! прервала свидѣтельница, быстро поднявшаяся со стула. — Онъ можетъ тяжельше твоего хлѣбъ-отъ мой!

Несмотря на звонокъ предсѣдателя, она продолжала громко.

— Я какъ волкъ бѣгаю голодный, по своимъ дѣламъ, и то у меня хлѣбъ-то рѣдокъ. Что дадутъ мнѣ двѣ копеечки на маслицо, такъ не раздобрѣешь...

Кое-какъ свидѣтельницу усадили на мѣсто.

Во время болѣзни подсудимая не могла работать много, но все-таки ее понукали и она черезъ силу принуждена была ходить на поденщину. Деньги эти у нея отбирали. Среди такихъ мученій, услыхавъ, что есть мѣсто, подсудимая до того этому обрадовалась, что солгала, будто бы къ ней пріѣхалъ кумъ, а на самомъ дѣлѣ побѣжала отыскивать человѣка, который бы взялся принять ея ребенка на воспитаніе. Пошатавшись часа два по улицамъ совершенно напрасно, она хотѣла-было подкинуть ребенка, но пожалѣла, подумавъ, что онъ можетъ замерзнуть, такъ-какъ въ вечернюю пору народу на улицѣ почти не бываетъ, и его могутъ не увидѣть. Наконецъ, ей встрѣтилась старуха, лицо которой она припомнить не можетъ; разговорилась и предложила взять ребенка съ тѣмъ, чтобы подсудимая отдала ей полушубокъ. Подсудимая готова была на все, и отдала полушубокъ, но въ это время старуха пожелала узнать, сколько могутъ дать за полушубокъ и побѣжала къ какому-то знакомому оцѣнить его, а подсудимая осталась ждать съ ребенкомъ на рукахъ и въ одномъ платьѣ. На дворѣ была вьюга и мятель; чтобы укрыться отъ непогоды, она схоронилась съ ребенкомъ за часовню, и здѣсь ее встрѣтилъ фельдшеръ. Старуха воротилась уже безъ полушубка, проклиная какого-то человѣка, который не хотѣлъ подождать за ней долга и оцѣнивъ полушубокъ, удержалъ его у себя. Съ ругательствомъ старуха взяла ребенка и говорила: «Еще замерзнетъ—хоронить

надо. Гдѣ возьму?» Однако, взяла и сказала, гдѣ живетъ, но подсудимая у нея не была.

— Почему же вы не были у нея?

— Недосугъ, ваше благородіе. Да опять и скоро объявился онъ мертвымъ.

— Какимъ же образомъ ребенокъ очутился въ рѣкѣ?

— Да надо быть, что замерзъ онъ у нея на рукахъ, она и бросила.

— Не помните ли, по крайней мѣрѣ, лица старухи?

— Не упомню, кормилецъ. Въ ту пору голова кругомъ шла. Не упомню. Не чаяла, какъ мнѣ вылѣзти изъ вертепу. А тутъ пошла на мѣсто—съ первоначалу непривычно... работы много...

— Коли правду знать хотите, вновь заговорила суровая мѣщанка:—ей не то что съ первоначалу, а больше ничего, что опять она затяжелѣла. Коли ежели правду говорить-съ...

Подсудимая молчала и шушукала на своего ребенка.

Слѣдствіе кончилось, насталъ промежутокъ для совѣщанія присяжныхъ. Всѣ вышли въ коррядоръ. Ермаковъ, подталкивая пріятеля въ бокъ, торопился къ выходу, и угрюмо глядя въ землю, бормоталъ: «горькое, братъ, горькое... горькое дѣло... горькое!»

Шатаясь по корридору, въ ожиданіи приговора, я невольно припоминалъ всю слышанную мною исторію о мѣдномъ грошѣ, и мнѣ было крайне жаль бабу, особливо когда я припоминалъ фразу кухаркина гостя — «тамъ разберутъ». Эти соображенія укрѣпляли во мнѣ непріятные душевные порывы послѣдняго времени.

Мнѣ хотѣлось уйти куда-нибудь, когда судъ вернулся въ залу, но я заглянулъ туда и услыхалъ:

— Не виновата!

Вслѣдъ затѣмъ по всему залу разразился оглушительный крикъ:

— Бра-а-во-о-о-о!

Это горланилъ Ермаковъ. Оглянувшись, я увидѣлъ, что сторожа уже теребили его за борта шинели.

— Урра-а!... гремѣло по корридору надо всей выходившей изъ суда толпой. Кругомъ былъ оживленный говоръ. Тутъ шли и зрители, и присяжные, и члены суда.

— Признаюсь, говорилъ одинъ изъ нихъ: — нелегкое дѣло. Очень, очень нелегкое... Я имъ говорю — «да» или «нѣтъ» — больше ничего не нужно! Больше ничего! А они «Богъ съ ней!» Да поймите вы, господа, что тутъ не Богъ съ ней, не

Господь съ ней, а виновата или нѣтъ. Молчать. «Ну, какъ же?» — «Господь съ ней!» Приз-знаюсь!

— Ну, что ужь! шепталъ какой-то мужичокъ. — Тоже поморили ее въ казаматѣ. Господь съ ней!...

Такъ кончился судъ...

.... Какъ ни оглушительно было оранье Ермакова, но въ эту минуту я совершенно понималъ его... Да, подъ громадою бѣдъ забитости, темноты,—есть надежда, есть живое, хорошее слово. Отъ одного этого слова можно опьянѣть... Возвращаясь изъ суда, я чувствовалъ, что ноги мои какъ-то невольно относятъ меня въ сторону отъ того угла, гдѣ я поставленъ въ необходимость увѣчить себя; я пошелъ ходить по городу, по берегу, и съ каждымъ шагомъ чувствовалъ, что теперь молчать почему-то не могу...

Я прошатался часа два,—и усталый вернулся домой. Семенъ Андреичъ, провѣдавшій обо всѣхъ событіяхъ суда, и находившійся у насъ, разсуждалъ о нихъ такимъ образомъ...

— Ужь не сносить этому чорту головы!.. Ну пом-милуйте!.. Новые суды — и во все горло!.. Вѣдь это на что же похоже?!

Въ волненіи разставивъ руки, онъ прошелся по комнатѣ и прибавилъ:

— Ну, хочешь напиться,—ну нажрись дома,—никто тебѣ не мѣшаетъ... Всему есть мѣра и граница, а то реформа и,—какъ стелька!..

— Да, сказала сестра... Отъ него постоянно пахнетъ виномъ... вчера я спросила у него...

— Да какъ можно съ этакой скотиной разговаривать, перебилъ Семенъ Андреичъ:—я не понимаю? Объ чемъ? Еслибы онъ что-нибудь... а то объ чемъ? Помилуйте...

— Нѣтъ, я спрашивала у него про ту статью... Помнишь, Вася?

— Какую статью? спросилъ я.

— Да помнишь, про Бѣлинскаго, про жидовъ?

— И нахлѣ? перебилъ Семенъ Андреичъ.

— Да... Онъ такъ заоралъ на меня:—вы съ ума спятили!... Опомнитесь!.. Я говорю:—что вы, что вы... Это Семенъ Андреичъ... А онъ васъ...

— Ну да-да, поторопился сказать Семенъ Андреичъ, вѣроятно не желая слышать эпитета, которымъ окрестилъ его Ермаковъ.—Ну да... конечно... Это онъ должно быть съ Бѣлинскаго загорланилъ въ судѣ-то...

Произошелъ всеобщій смѣхъ...

— Правда, Вася,—не Бѣлинскій?...

— Да что вы Господи... Эво съ коихъ поръ... Плевать на нихъ...

— Правда, правда!... довольно громко сказалъ я...

— Вася-Вася-Вася!... необыкновенно торопливо и испуганно звала меня матушка изъ кухни...

Я чувствовалъ, что провинился, слушалъ ея увѣщанія молча, извинялся, но все-таки ясно понялъ, что—больше молчать не могу...

VI.

....Недѣль пять прошло съ тѣхъ поръ, какъ я не брался за мои замѣтки... Благодаря моей, въ извѣстномъ направленіи сломанной кости, — роковое «Богъ съ ней» сдѣлало то, что я вопервыхъ потерялъ изъ виду нить событій, доказывавшихъ мнѣ необходимость молчанія, и пересталъ урезонивать себя въ необходимости этого путемъ дневника, куда я обыкновенно вносилъ факты, подходящіе къ моему собственному положенію; вовторыхъ благодаря тому-же обстоятельству, я весь предался надеждамъ, что если поразрыть да пораскопать эту забитость, это наружное ошаленіе народа, то тамъ найдется что нибудь и почище, нежели «Богъ съ ней»; и втретьихъ, подъ вліяніемъ разныхъ мечтаній, зашумѣвшихъ въ головѣ совершенно неосновательно,—я нашелъ, что, несмотря ни на что, ни на какія грядущія бѣды, я долженъ толковать съ сестрой, разъяснить ей ея положеніе, объяснить ей все: и огарокъ сальный въ избѣ, и солдата съ деревянной ногой, и почему Ермаковъ заоралъ при реформѣ... Помню, что я насказалъ сестрѣ слишкомъ много, слишкомъ широко; помню также, что, немедленно послѣ того, въ мою голову полѣзло такое множество убивающихъ меня воспоминаній, относительно всѣхъ этихъ женскихъ вопросовъ, — что мнѣ сдѣлалось жутковато... Что̀ я надѣлалъ? думалъ я... Развѣ я не знаю, что результаты всѣхъ этихъ путей оканчиваются или сознательнымъ возвращеніемъ въ разрушенныя отчія лона, или по малой мѣрѣ такимъ положеніемъ, какъ мое? Да развѣ можно, думалъ я, говорить о чемъ нибудь лучшемъ, если есть на свѣтѣ такія положенія, какъ мое, гдѣ человѣкъ, совершенно неспособный къ этому, тѣмъ не менѣе молчитъ и находитъ нужнымъ бояться, разсердить какого нибудь Семена Андреича?.. Сама сестра, впрочемъ, облегчила мою душевную тяготу; оказалось, что скоро сказывается сказка, а дѣло дѣлается не скоро; выслушавъ, повидимому, со вниманіемъ мой длиннѣйшій монологъ къ ней, она помолчала и не-

ожиданно спросила: «такъ что-же мнѣ имъ диктовать?» Я не ждалъ такого маленькаго вопроса,—и успокоился относительно разрушительныхъ послѣдствій моей рѣчи. Но опять забиться въ мурью, опять слушать вой вѣтра, поддакивать Семену Андреичу, и молча смотрѣть на сестру, убѣждая себя, что мнѣ дѣлать больше нечего,—я уже не могъ, я уже былъ выбитъ изъ колеи. Мнѣ хотѣлось выдти во что бы то ни стало изъ этого угла, и во что бы то ни стало сдѣлать для сестры какое нибудь небольшое, но практически полезное дѣло. Я подумалъ, что если ей заняться шитьемъ, а не преподаваніемъ народу стихотвореній, то это пожалуй будетъ лучше, и освободитъ ее отъ тѣхъ душевныхъ путъ, которыя накладываетъ школа, купеческіе пироги, страхи передъ легіономъ покровителей и т. д. Чтобы выработать швейную машину я рѣшился на всякій трудъ, готовъ былъ идти въ писаря, въ купеческіе учителя,—но размѣры вознагражденія говорили мнѣ, что машину я могу купить лѣтъ черезъ десять, чрезъ двѣнадцать. Кой отъ куда меня выпроводили безъ разговоровъ, и въ такихъ неудачахъ я было-сталъ уже впадать въ унывіе, какъ неожиданно пришлось убѣдиться, что на свѣтѣ есть добрые люди. На крестинахъ у дьякона, того самаго, который отплевываясь писалъ проповѣдь на погребеніе купчихи, познакомился я съ его шуриномъ, подгороднимъ священникомъ; всѣ они узнали мое желаніе что нибудь дѣлать, всѣ увидѣли, что желаніе это ущерба имъ не дѣлаетъ, и въ качествѣ людей, которыхъ не гнететъ копѣйка, не уродуетъ въ извѣстномъ случаѣ, — оказались добрѣйшими господами. Шуринъ поговорилъ барынѣ помѣщицѣ, которая оказались «изъ нонишнихъ»; помѣщица потолковала съ шуриномъ, тотъ опять съ дьякономъ, потомъ всѣ они потолковали со мной, разузнали меня, убѣдились, что я буду только писать и читать съ ребятами; барыня похлопотала, мнѣ сдѣлали вторичное увѣщаніе, потребовали увѣреній, и наконецъ барыня согласилась меня взять, а шуринъ дьякона обязался, какъ преподаватель закона Божія, смотрѣть за мной... Признаюсь, я крайне былъ радъ этому: теперь машину можно было купить черезъ полгода небольше; теперь я могъ что-нибудь дѣлать, хоть учить мальчишекъ просто читать, и наконецъ сойдясь съ простымъ человѣкомъ, узнать его ближе... Ужь если, думалось мнѣ, жизнь, несмотря на всѣ путы, все-таки выпираетъ такихъ калѣкъ какъ я, ужь если время не церемонится съ такими углами тьмы, какъ тотъ, въ которомъ живетъ сестра,—то неужели же оно не дѣлаетъ ничего и въ самой настоящей тьмѣ?... Я услыхалъ же оттуда хорошее слово...

Въ одинъ осенній вечеръ, въ квартиру моей матушки, заѣхалъ двурѣченскій мельникъ, и объявилъ, что отецъ дьяконъ рекомендовалъ ему подвезти въ Двурѣчки, — куда мнѣ было нужно и куда между прочимъ отправился хромоногій солдатъ искать жену. Иванъ Николаевичъ былъ плотный и умный мужикъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ; одѣтъ онъ былъ покупечески, въ теплый на лисицахъ синій сюртукъ до полу и держалъ себя просто и ласково. Меринъ у него былъ основательный, и телега удобная, прочная; тѣмъ не менѣе, по случаю грязи, мы ѣхали шажкомъ, и скоро разговорились; говорили о барынѣ, которую Иванъ Николаичъ не одобрялъ за незнаніе хозяйства, говорили о мужикахъ, о новыхъ порядкахъ, и изъ разговоровъ Ивана Николаича я пока не примѣтилъ отвѣта на интересовавшіе меня вопросы... Между тѣмъ стало очень темно, — черная степная ночь быстро окутала насъ, окрестность и дорогу, телега иногда стала раскатываться на колеяхъ, и лошадь пошла еще тише.

Вдругъ ось зацѣпилась за какое-то дерево, вѣтки котораго хлестнули насъ по головамъ, и заскрипѣла.

Иванъ Николаичъ тотчасъ-же остановилъ лошадь.

— Э, братъ ты мой, сказалъ онъ мнѣ... Какъ мы съ тобой опознились-то... Всего шестую версту ѣдемъ... Это мы у кладбища... У Прощенаго колодезя... Называемая село Прощенаго колодезя, объяснялъ онъ, осаживая мерина,—и вдругъ какъ будто замеръ, замолкъ на полсловѣ.

— Ма-лчи... Сш... прошепталъ онъ.

Я замолкъ. Кругомъ была тьма, вѣтеръ не громко шумѣлъ въ кладбищенскихъ ветлахъ... Я ничего не видалъ и не слыхалъ.

Мы просидѣли тамъ минуты двѣ, слушая шумъ вѣтра, какъ неожиданно въ глубинѣ кладбища мелькнулъ огонекъ — и исчезъ.

— Пойдемъ! прошепталъ Иванъ Николаичъ, осторожно слѣзая съ телеги и направляясь къ кладбищу; я также осторожно слѣзъ и послѣдовалъ за нимъ. Безъ шума перелѣзли мы чрезъ кладбищенскій ровъ, полный воды, и пройдя нѣсколько шаговъ между могилами, сѣли на какой-то повалившійся камушекъ и ждали чего-то. Въ перерывахъ шума деревъ слышалось едва внятно какъ бы паденіе въ яму комковъ земли, и легкіе удары заступа въ попадавшіеся камушки... Удары эти были необыкновенно торопливы и часты... Огонекъ выглянулъ опять на томъ же мѣстѣ, и почти тотчасъ быстро побѣжалъ прочь, мелькая на секунду и тотчасъ же исчезая, какъ бы подъ полой, которою его прикрывали и которую отдувалъ вѣтеръ...

Огонекъ бѣжалъ проворно, по направленію къ канавѣ, и не-

больше какъ въ тридцати саженяхъ отъ насъ. Здѣсь онъ спустился въ канаву и довольно широкимъ лучомъ ударилъ назадъ, какъ бы освѣщая дорогу тому, кто слѣдовалъ за нимъ, и дѣйствительно мы разглядѣли фигуру бабы и мужика, которые почти по землѣ тащили — гробъ... Огонекъ исчезъ и мы не видали, кто былъ позади и былъ ли кто-нибудь. Затѣмъ донесся какой-то шопотъ, неясный, но испуганный и торопливый, и послышалось шлепанье множества убѣгавшихъ ногъ.

Мы посидѣли еще съ минуту, но ничего уже не слыхали...

— Шутъ ихъ знаетъ что затѣваютъ! сказалъ Иванъ Николаичъ, повидимому размышляя.

Мнѣ пришло въ голову: «ужь нѣтъ ли тутъ чего-нибудь своего?» Но я ни до чего не додумался, а Иванъ Николаичъ, снова усѣвшись въ телегу, поѣхалъ нѣсколько шибче, несмотря на то, что дорога была еще затруднительнѣе. На мои вопросы, насчетъ того, что̀ мы видѣли, — Иванъ Николаичъ довольно сухо отвѣтилъ:

— Окромя бѣды, ничего не затѣютъ... Ужь что-нибудь да на свою же голову воротятъ... Мало, видно, не больно глубоко прошибли ее, голову-то...

Такъ мы болѣе и не разговаривали насчетъ видѣннаго. Потолковавъ на тему о томъ, что̀ именно наворочено на этой бѣдной головѣ, Иванъ Николаичъ сказалъ:

— Теперь вотъ отъ суда онъ отбился, выпустили его изъ присяжныхъ... теперь того и гляди потянутъ его въ земству... оглянуться не успѣетъ... Еще когда надо бы выборку дѣлать, да у насъ все такъ какъ-нибудь... Что̀ посредникъ скажетъ, такъ тому и быть, а мужика только таскаютъ... Изъ деревни въ уѣздъ, изъ уѣзда въ губернію... Да хорошо, коли хлѣбушка есть, а то... Да вонъ одинъ баринъ нашолся: на свои повезъ гласнаго въ губернію, — такъ тотъ и то вылъ...

— Отчего же выть?

— Да оттого выть, что померъ-было въ городѣ-то... Посиди-ко на постоялом дворѣ али бы въ гостинницѣ безъ дѣла... небось! Спалъ-спалъ, пошолъ подъ ворота посидѣлъ, потомъ опять въ мумеръ... Ну-ко-ся? Мужикъ-то пріѣхалъ оттэдова — ровно щепка, худой...

Я упомянулъ-было о томъ, что мужикъ, какъ гласный, могъ и долженъ бы былъ интересоваться губернскимъ собраніемъ, могъ тамъ говорить о своихъ нуждахъ.

— Ахъ, вы господа-господа!... сказалъ Иванъ Николаичъ... Гов-воритъ! Да нешто онъ умѣетъ это!... Чудаки вы, ей-Богу... Тамъ нешто помужицки надо?... Да ежели онъ какое-нибудь

слово выворотить, такъ вѣдь ему въ самое горло звонокъ-то запустятъ да тамъ зазвонятъ... Да и говорить-то ему не о чемъ.

— Какъ?

— А такъ. У нихъ, у членовъ-то вѣдь все кругомъ родня... Все они другъ-дружкѣ либо братъ, либо сватъ... Ужь они все дѣло знаютъ... Одинъ другому шу-шу — ужь они не продадутъ... Будемъ такъ: остался ты тутъ недоволенъ, пошолъ въ губерню, — опять же они самые сидятъ... Такъ аль нѣтъ? Стало-быть, какой же тутъ разговоръ, — изволишь видѣть?... Ну, и пойдешь въ мумеръ спать...

Разговаривая такимъ образомъ, мы наконецъ кое-какъ доплелись до Двурѣчекъ. Село было большое и темнѣло въ оврагѣ...

— Ко мнѣ ночевать, баринъ... Ужь гдѣ теперь къ попу... пригласилъ меня Иванъ Николаичъ.

Спустившись съ горы, при чемъ меринъ выказалъ большой умъ, не допустивъ хозяина осаживать и натягивать возжи, — мы пріѣхали къ небольшому домику въ три окна, стоявшему неподалеку отъ мельницы.

Въ одномъ окнѣ свѣтился огонекъ, несмотря на то, что былъ часъ двѣнадцатый ночи, и вся деревня спала мертвымъ сномъ.

— Ишь, сказалъ Иванъ Николаичъ: — жена-то у меня — копье неизмѣнное! Булатъ! — сидитъ, ждетъ...

Тутъ онъ слѣзъ, отворилъ скрипучія, прочныя и высокія ворота, и ввелъ лошадь съ телегой во дворъ; на дворѣ было тихо, и даже казалось теплѣе, — такъ онъ былъ защищенъ отъ вѣтровъ плотными навѣсами.

Въ жарко натопленной кухнѣ, съ чистыми полами, лавками и столомъ, насъ встрѣтила жена Ивана Николаича, — высокая, черноволосая женщина съ прекрасными черными глазами. Не показывая виду, что она рада пріѣзду мужа, она сказала ему шутливо-сердитымъ голосомъ:

— Н-ну лысы-й... куды лѣзешь!... Что полы топчешь!... Чай ихъ мыть надо... Раздѣвайся въ кухнѣ...

— Ты меня съ такой грубостію не встрѣчай! отвѣтилъ Иванъ Николаичъ, возвращаясь въ кухню.—Потому знаешь, гдѣ я былъ?

— Шутъ тебя знаетъ!

— То-то и есть... Я можетъ нонешній день все съ дѣвушками былъ-то... съ хорошенькими. Хочешь — ай нѣтъ?... Ты вѣдь что такое? болталъ онъ, скидавая сапоги. — Теперь ты что̀? Холера! Сибирская язва... Вотъ какъ въ вѣдомостяхъ пишутъ... Больше ничего... Захочу — сейчасъ, обратаю, сведу на толкучку — а самъ на молоденькой... Хе-хе-хе...

— Да ты-то что̀? лысый хрѣнъ!... Ты думаешь, и я дремала...

У меня, погляди-ко-сь, какіе припасены гусарики... шутила жена, собираясь подавать самоваръ, который уже кипѣлъ: — шутъ ты гороховый!

— Хе-хе-хе! помиралъ Иванъ Николаичъ. — Ужь и огневая баба!... Хе-хе-хе... Нѣтъ, мы ничего... Дружно... Дѣтокъ намъ Богъ съ ней не далъ, ну... его воля... А что такъ, — ладно... Иванъ не былъ?

— Былъ... а ты рубашку передѣнь... Утромъ былъ.

— Принёсъ?

Такъ они пошутили и погорили о дѣлахъ.

Самоваръ поданъ былъ въ чистой горницѣ, изъ которой видна была другая со спальнымъ пологомъ; несмотря на то, что мебель была топорная и выкрашенная темно-красной масляной краской, чистота въ комнатѣ была примѣрная; на стѣнахъ картинки извѣстнаго содержанія, у подоконниковъ бутылки съ наливкой; Иванъ Николаичъ сидѣлъ за чаемъ въ одной рубашкѣ, нанковыхъ панталонахъ и босикомъ; въ комнатѣ было тепло, да онъ и такъ не боялся холоду; послышалось ему, что кто-то стучится въ ворота, — онъ всталъ, и надѣвъ только какіе-то неуклюжіе калоши съ соломой на днѣ, вышелъ въ одной рубахѣ на дворъ. — «Вѣтеръ!» произнесъ онъ, воротясь и снова усѣлся за чай. Онъ пилъ чаю много и съ такимъ апетитомъ и умѣніемъ возбудить жажду въ гостѣ, что и я не отставалъ отъ него. Разговоры поэтому были отрывочные и вялы... Послѣ чаю дѣло зашло опять про земство...

— Нѣтъ, вотъ что, ваше благородіе! сказалъ Иванъ Николаичъ, шлепнувъ широкой ладонью объ столъ. — Дюже, я тебѣ скажу, мутитъ меня самому въ это дѣло... въ земство впереть... Ей-ей... Дюже-дюже, я тебѣ доложу... Объ мірѣ, — я не опасаюсь... Ведро вина, — сейчасъ тебя, куда угодно, тутъ мы посредственника со старшиной — отставимъ, а какъ бы подальше чего не вышло... это вотъ? И боюсь...

— Чего же боитесь-то?

— А Боже мой!.. Какъ не бояться, другъ-то ты мой... Не объ разговорѣ,—это что! Это я могу,—говаривалъ на своемъ вѣку съ архіереями, — старостой былъ, — а что пожалуй... сильны они! Ну, а только ужь и повредилъ-бы имъ... Большую-бы нанесъ имъ ущербу... Ей ей... Изволишь видѣть, какое дѣло... приходитъ зима, время голодное. Мужику ѣсть нечего. По сейчасъ онъ ужь лебеду жуетъ... Слѣдственно требуется хлѣбъ. Такъ? Хорошо. Ну, теперь гляди, какое происшествіе: посредственникъ впихнетъ старшину въ гласные, — рука ему, вотъ они и купятъ хлѣбъ у себя... Чуешь? Иванъ-то Петровъ,

старшина съ коихъ поръ у мужиковъ-же хлѣбъ скупалъ для барина-то... Видѣлъ?.. Посредственникъ — онъ тутъ «чуръ меня» въ сторонѣ, подъ видомъ благочестія... Онъ говоритъ — «какъ угодно. Я полагалъ-бы такъ и такъ, лучше Ивана Петрова нѣту»... Ну и—получай! Ужь цѣпу ва-аз-змутъ ха-арошую! Ужь это... Вотъ въ чемъ обида! Вотъ тутъ-то бы я имъ и перервалъ горло-то... Мы можемъ хлѣбъ по настоящей цѣнѣ доставить... Мы помнимъ Бога... Такъ-то! Мы не дозволимъ себѣ — чего не надо... Намъ этого ненужно... Мы вѣкъ копѣечками жили и проживемъ; рублей не оченно много видали — каменныхъ палатъ нѣту...

— Чего же вы боитесь?

— Эхъ, другъ ты мой... Ужь мы травленные волки.... Какъ не бояться...

Иванъ Николаичъ на минуту задумался и потомъ, понизивъ голосъ, спросилъ меня:

— Кутузова-Смоленскаго фитьмаршала помнишь?

— Помню. .

— Ну...

Онъ всталъ со стула, подошелъ ко мнѣ, и нагнувшись къ уху, проговорилъ шопотомъ:

— Былъ я церковнымъ старостой... въ Рожественѣ... Называемо село Рожествено... Храмъ древній, причтъ бѣдный, ничего не стоитъ. Помочь нечѣмъ... Только что и жили бездождіемъ да градобитіемъ... Тутъ молебны бывали... а то въ годъ одни крестины да двое похоронъ — приходъ слабый... Гляжу я—апъ въ книгахъ въ церковныхъ эдакъ вотъ сказано: «берутся изъ сего храму пять тысячь на ассигнаціи... для, напримѣръ, побѣды одолѣнія французовъ... ну, по покореніи отдадимъ»... Я съ простоты-то и бултыхни къ губернатору...— «Такъ и такъ... Франція теперича наша... сами безъ хлѣба... пожалуйте назадъ, напримѣръ деньги»... Да къ губернатору... Свѣту, свѣту, каковъ есть свѣтъ бѣлый, — не взвидѣлъ я съ эстаго... Волокутъ въ губернію. — «Ты что же это... такъ и такъ... а?.. Франція-а?... Ахъ ты»... Еле-еле уплелъ...

Иванъ Николаичъ сѣлъ на свое мѣсто.

— Не бояться! нѣтъ, братъ — тутъ скажи слово-то да оглянись... Такъ-то, другъ... Какъ васъ? Василій Петровичъ... Такъ-то...

Передъ сномъ Иванъ Николаичъ долгое время ходилъ по сѣнямъ, по двору, оглядывая все-ли заперто, не влѣзъ-ли воръ; поглядѣлъ, накормлена-ли собака и спустилъ ее съ цѣпи...

Подъ чуткій лай сторожевого пса, мы заснули покойно.

На слѣдующій день, взамѣнъ всего, что я зналъ недоброжелательнаго къ бѣдному человѣку, что слышалъ и вчера и сегодня и слышу каждый день, — мнѣ пришлось увидать народнаго благодѣтеля. Это была барыня. Добрыя качества ея души бросались въ глаза всякому, кто хотя только проходилъ мимо ея усадьбы. Такой прохожій непремѣнно видѣлъ въ окнахъ флигелей для прислуги,—людей въ красныхъ кумачныхъ рубахахъ, съ жирными лицами, высовывающимися изъ-за ярко вычищенныхъ самоваровъ; могъ подивиться породистымъ клубящихъ дымъ лошадямъ, которыхъ плотные и рослые кучера, одинъ за однимъ, вели къ водопою; кучера обыкновенно были одѣты въ отличнѣйшіе армяки, въ которыхъ нетолько не было ничего обужено и окорочено, но напротивъ все пущено съ лишкомъ такъ, что подолы волочились по землѣ, а рукава не жалѣя набитыя ватой, распирали мощныя кучерскія руки въ разныя стороны, до того, что жеребцы часто вырывались изъ ихъ рукъ или поднимали ихъ вмѣстѣ съ своими мордами высоко надъ землей; при этомъ кучера имѣли на головахъ блестящія шляпы и выкрикивали «тпру» такими неистовыми басами, что въ тотъ же день получали отъ барыни прибавку. Ничего общаго съ тѣми людьми, которые норовятъ купить у мужиковъ хлѣбъ по грошу и продать имъ по рублю, барыня не имѣла, въ этомъ я убѣдился во время своего визита. Это была женщина, лѣтъ тридцати отроду, высокая, худая блондинка, необыкновенно доброе существо, жившая въ деревнѣ, по убѣжденію, что праздно жить — нельзя, что надобно трудиться и дѣлать пользу ближнему. Мужъ ея, съ которымъ она была не въ ладахъ, жилъ въ Петербургѣ. Но такъ-какъ въ томъ кругу, въ которомъ барыня родилась и въ которомъ жила въ столицахъ и за границей, понятія о трудѣ не идутъ далѣе умѣнья связать косынку, а понятія о пользѣ ближнему получаются посредствомъ подарка этой косынки бѣдной чиновницѣ, получающей пенсію,— то всѣ добрыя намѣренія барыни застыли въ томъ, что называется «благотворительностію» со всѣми аттрибутами, обставляющими ее. Въ качествѣ такого рода особы, она потихоньку любила, чтобы ей были довольны и признательны по возможности до гроба...—«Я не знаю, сказала она мнѣ:—быть можетъ, я вамъ мало назначила... за трудъ? я не знаю». Я сказалъ, что много доволенъ, да и барыня видимо знала, что цѣну она дала хорошую; потомъ она постоянно читала французскія книги, главнымъ образомъ по части морали, и находила, что все это очень-бы было полезно русскимъ мужикамъ, у котоыхъ нѣтъ, напримѣръ, прекраснаго чувства благодарности

Такъ-какъ это чувство въ особенно большихъ размѣрахъ и пріятныхъ формахъ развито у иностранцевъ, то поэтому она была окружена нѣмцами, которые только и дѣлали, что благодарили ее съ утра до ночи, и оканчивали каждую почти фразу такъ: «Эте свине мужикъ русски — непонимайтъ свой благодарнись»... Благодарные получали прямую выгоду.

Спустя нѣсколько дней, произошло открытіе школы. За нѣсколько дней передъ этимъ, крестьянскимъ дѣтямъ было повелѣно собираться въ школу, гдѣ ихъ будутъ поить чаемъ и угощать баранками. Барыни въ этотъ день не было дома, и угощеніемъ завѣдывала одна изъ нѣмокъ, въ большомъ кисейномъ чепцѣ, который возбуждалъ въ дѣтяхъ самый веселый смѣхъ, сильно сердившій распорядительницу. Поэтому, ругательныя фразы, въ родѣ «свине», «чушка», я довольно рано услыхалъ изъ моей комнаты при училищѣ, ибо будущіе ученики стали стекаться на угощеніе чуть ли не до пѣтуховъ. Угощеніе началось, однако, не ранѣе, какъ по окончаніи обѣдни; школа наполнилась множествомъ ребятъ, вслѣдъ за которыми робкою поступью прокралось и нѣсколько родителей, въ глубокомъ молчаніи засѣвшихъ въ дальній уголъ, и принимавшихъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не разсердить нѣмку, которая раздавала баранки. Робкими глазами смотрѣли они на распорядительницу, столь же робко, какъ и дѣти, утирая рукавами полы...

— Мая-а !...запищалъ одинъ мальчишка на своего сосѣда-мужика, и вслѣдъ затѣмъ подъ столомъ упалъ кусокъ баранки. — Пил-ламилъ...

Мальчикъ заплакалъ.

— Эти что̀ такое? спросила нѣмка, грозно взглянувъ на мужика и мальчика.

— Маю баланку узялъ...

— Я іе вамъ-съ хотѣлъ!... пролепеталъ мужичокъ, поднимаясь. — Дюже много... Куды ему съѣсть?... У, сказалъ онъ мальчишкѣ. — Обрадовался...

Мальчишкѣ дали другую баранку.

Чай пили охотно и много. Распорядительница только успѣвала наполнять чашки, пододвигаемыя къ ней съ видомъ необыкновеннаго унынія на лицѣ. А между тѣмъ, посторонніе посѣтители, взрослые, здоровые, прослышавъ объ угощеніи, прибывали съ каждой минутой толпами. Дворовые, какъ люди,

болѣе или менѣе новостренные, съ вѣжливостію раскланивались съ нѣмкой и старались заискать въ ея расположеніи:

— Какое биспакойство... Экую ораву напоить... говорилъ какой-нибудь изъ нихъ, подсаживаясь на уголкѣ и перехватывая на лету чашку, которую искала чья-то другая рука.

Слова мальчишекъ: «мая-а», замирали въ волнахъ комплиментовъ, отпускаемыхъ дворовыми нѣмкѣ, въ хрустѣніи барановъ и кусковъ сахару, и гроханьи ногъ входящихъ посѣтителей. Распорядительница злилась, и тыкала чайникомъ куда попало.

— Каммерзумъ! возгласилъ хромой солдатъ, котораго я видѣлъ въ городѣ, проворно шагая въ комнату своей деревяшкой.

Это непонятное слово относилось къ другому отставному солдату, — садовнику, высокая, сухая фигура котораго выдвигалась между крошечными ребятами за однимъ изъ столовъ. Садовникъ отвѣтилъ хромому тоже какимъ-то непонятнымъ словомъ, и потомъ они попріятельски пожали другъ другу руки.

— Почеркесски, сударыня! сказалъ хромой нѣмкѣ.—Что будешь дѣлать! Тоже видали на своемъ вѣку... И въ теплыхъ, сударыня, и въ холодныхъ земляхъ побывали, всякихъ людей повидали...

— Мольчи! сердито буркнула нѣмка, проносясь мимо солдата съ чайникомъ.

Солдатъ, очевидно, былъ подъ хмѣлькомъ.

— Виноватъ, сударыня! заговорилъ онъ, попятившись.—А что видали на своемъ вѣку — много! Ну, позвольте вамъ сказать,— такой госпожи, такого ангела, не видалъ, какъ барыня наша! Да ты поди, всю вселенную изойди, — не встрѣнёшь. Передъ истиннымъ создателемъ говорю, не найдешь.

Нѣмка опять оборвала солдата. Онъ сѣлъ за столъ, но не молчалъ.

— Ну, что она видитъ за мѣсто своей доброты? продолжалъ онъ, бесѣдуя съ садовникомъ.— Она дѣлаетъ обзоръ хозяйству, — намочится по эстихъ поръ... Будемъ такъ говорить.

— Само собой! сказалъ садовникъ.

— Слѣдственно — надоть ее уважать али нѣтъ?... Что же мужикъ?... Онъ, неумытое рыло, и подъ гору и на гору ѣдетъ на барской лошади — не слѣзетъ. — Да ты бы, нечосаная ты пакля, хуть бы на гору-то слѣзь Хушь бы барыню-то пожалѣлъ. Теперь она намочилась... а ты, такой сякой... Ну, ангелъ — ангелъ — не барыня!

Разговорчивость все болѣе и болѣе охватывала солдата на

потѣху нѣмцевъ, которые столпились у дверей съ сигарами въ зубахъ и развлекались этимъ кормленіемъ. Изъ разсказовъ и разглагольствованій солдата я узналъ, что барыня дала ему клочокъ земли и помогла строиться. Наплывъ новыхъ посѣтителей вытѣснялъ тѣхъ, которые успѣли уже болѣе или менѣе угоститься чаемъ, и такимъ образомъ, спустя нѣсколько времени, были вытѣснены хромой солдатъ и садовникъ. Они вѣжливо поблагодарили распорядительницу, помолились на образъ и вышли.

Я пошелъ вслѣдъ за солдатомъ; мнѣ хотѣлось потолковать съ нимъ.

— Ну, что; сказалъ я ему,— когда онъ, простившись съ садовникомъ, тоже должно быть почеркесски,— заковылялъ-было въ сторону.

Солдатъ узналъ меня.

— Ахъ, баринъ голубчикъ! Жену-то? Нашелъ, какъ не найдти. Э-эхъ, сударь!... Вѣрный мнѣ сонъ снился, когда я сюда шолъ. Летѣлъ бѣлый голубь, — да чорнымъ сталъ. Такъ-то! Барыня вонъ добрая землицы дала... хочу норку рыть, — въ караульщикахъ заслужу... да хушь и не рыть. Ей-Богу.

— Отчего же?

— Эхъ, сударь! меня, другъ ты мой, изувѣчили, — видишь какъ? А бабу мою испаскудили... Я думалъ, она мнѣ жена — а она... видишь что! Сталъ быть, — что жь мнѣ? Она и не помнитъ, какой есть мужъ... Ужь она отвыкла отъ ефтаго.

Мы шли по грязной деревенской улицѣ...

— И баба-то какая была, суды-ирь!.. Что веселые мы съ ней были... Что ловкіе, — ахъ!.. Меня забрили, она и того... съ горя да съ горя то съ однимъ, то съ другимъ... Ну, и истрепали... Теперь что? Посвуда! больше ничего... Устрѣлись тепериче—и мнѣ горе,—и ей тоже бѣда... Хочетъ какъ жена,— да я ей чужой! да любовникъ тутотко, по ночамъ постукиваемъ,—тоже стало-быть выходи,—убью!.. И мене-то боится,— потому дочка есть — чья и Господь вѣдаетъ... И дочка-то почесть сумасшедшая, по одиннадцатому году... Кормить ее мнѣ надо—ну бабѣ стыдно... и бьетъ дочку чтобъ мнѣ въ угоду... Да и прежде, когда еще только по вольному обращенію пошла, и то все била ее .. «какъ вспомню про тебя... (сталъ быть про меня) такъ бить ее.. проклятую...ну, а тоже,—любитъ... Такъ у насъ, — только мученье... къ вину пріучена... хочетъ-хочетъ, въ хозяйствѣ ничего не умѣетъ... бьется-бьется, — толку нѣту и выпьетъ... Кажется, пошелъ бы да въ рѣчку; — ей-Богу право... Ну, все будто надѣешьси... авось Господь!..

Такъ разсказывалъ солдатъ о послѣдствіяхъ произвола надъ нимъ, отозвавшихся на погибели другого человѣка, который повидимому стоялъ въ сторонѣ...

— Вотъ,—гнѣздо будетъ... Богъ дастъ! сказалъ солдатъ, остановившись около одного пустыря, начинавшагося застраиваться.

Небольшой лоскутъ земли былъ обнесенъ низенькимъ плетнемъ; въ одномъ углу стоялъ крошечный срубъ, величиной съ будку, а къ нему примазывалась, изъ простой земли и навоза,—другая половина будущаго дома. На пустоши валялось два-три бревна, нѣсколько охапокъ соломы.

Мы стояли за плетнемъ и не подходили къ дому.

— Строюсь коё-какъ... Что Богъ дастъ... Авось и жена... вонъ жена-то!... эва она!

Изъ-за сруба, не обращаясь лицомъ къ намъ, вышла сгорбленная женщина съ лопатой въ рукахъ и пошла туда, гдѣ долженъ быть огородъ. Она была грязно одѣта, еле плелась, хромая на одну ногу, которая была обвязана грязными тряпками.

— И самоё-то жаль! сказалъ солдатъ. —Гулянки—гулянки, а тоже поди любовники-то колачивали какъ... Совсѣмъ равно дурашная стала... Скучитъ, да пьетъ... Э-эхъ ма-а!...

Солдатъ махнулъ рукой и съ горькимъ вздохомъ попросилъ у меня табачку.

Я пригласилъ солдата къ себѣ, и онъ сдѣлалъ то же въ свою очередь.

Скучно было отъ всѣхъ этихъ сценъ. Разставшись съ солдатомъ, пошелъ я опять въ школу, — но тамъ уже засѣдали кучера, — ребятъ и нѣмки не было. Сидѣть въ своей пустой каморкѣ, въ которой только раздавался стукъ маятника,—было тоже не весело, и я опять пошелъ къ Ивану Николаичу.

— Поѣдемъ, баринъ, въ городъ? сказалъ онъ мнѣ.—Къ ночи домой. Прокатишься.

Я былъ радъ какъ нибудь занять время, и мы поѣхали.

— За хорошинькими! сказалъ Иванъ Николаичъ женѣ, выѣзжая со двора. — Теперь мѣсяца на два завалюсь!

— Хушь совсѣмъ не пріѣзжай! отвѣтила та съ крыльца, и долго стояла провожая насъ.

Снова пришлось ѣхать мимо кладбища Прощенаго Колодезя, — на этотъ разъ ничего особеннаго не случилось. Въ городѣ мы заѣзжали въ лавки, шатались довольно долго по базару, гдѣ Иванъ Николаичъ закупалъ чай, сахаръ, свѣчи и проч.

— Теперича, милый другъ, сказалъ онъ, «справивъ» свои дѣла: — заверну я къ куму, — а ты къ маменькѣ поди, проздравь, праздникъ!... Вечеромъ заѣду.

По случаю воскреснаго дня у матушки былъ пирогъ, и по обыкновенію присутствовалъ Семенъ Андреичъ. Онъ уже плотно закусилъ и выпилъ и почему-то сильно волновался.

— Признаюсь, говорилъ онъ матушкѣ: — по мнѣ какъ вамъ угодно, — а что ежели на вашемъ мѣстѣ, я бы его на порогъ не пустилъ. Какъ угодно.

— Да почему же его не пускать? возражала сестра.

— Да просто потому, что... что съ пьяницей за компанію.

— Онъ не пьяный приходилъ! защищала сестра.

— Ну, что жь изъ этого? какъ бы въ самомъ дѣлѣ имѣя средства опровергнуть сестру, самоувѣренно вопрошалъ Семенъ Андреичъ. — Что жь изъ того слѣдуетъ, — что не пьянъ? Не пьянъ — не пьянъ, а напьется, — вотъ и пьянъ. Очень ясно... Я только не понимаю одного, — какъ можно... Да вотъ Василій Петровичъ, — обратился Семенъ Андреичъ ко мнѣ, съ видимой надеждой получить подкрѣпленіе.—Вотъ вы разсудите... Помните, Марья Петровна какъ-то говорила, что спрашивала она Ермакова объ какомъ-то сочинителѣ .. Богъ его знаетъ, какой онъ тамъ, а въ томъ дѣло, что Ермаковъ этотъ, эта скотина, пьяная харя, лѣзетъ сегодня сюда...

— Онъ принесъ книгу... Онъ мнѣ обѣщалъ принести. А вы его обругали.

— Этакую скотину слѣдуетъ ругать-съ. Слѣдуетъ. Ежели же вамъ нужна книга, — вы скажите, какую — я вамъ дамъ. У меня книги есть. Будте покойны. Если пьяная образина можетъ вамъ носить книги, то само собой естественно, что и я тоже могу принести. А заводить знакомство съ пьяницей... воля ваша!

— Да онъ не былъ пьянъ! Что вы...

— Маша! Маша! поди-ко сюда... мнѣ нужно тебѣ сказать словечко, торопливо выходя въ другую комнату, сказала матушка, все время смотрѣвшая на Семена Андреича и на сестру съ боязнью, плохо прикрытою улыбкой.

Сестра ушла, а Семенъ Андреичъ не переставалъ волноваться.

— Да по мнѣ — какъ угодно! говорилъ онъ почти грубо.

Я чуялъ, что въ семьѣ начинается какая-то тягостная рознь, и не зналъ, какъ дождаться Ивана Николаича.

Глѣбъ Успенскій.

РЕАКЦІОНЕРЫ.

Пыль столбомъ по дорогѣ широкой.
Развалясь въ глубинѣ колесницъ,
Мчатся къ цѣли, должно быть, высокой,
Бюрократы обѣихъ столицъ.
Какъ на счетъ-то казенный удобно,
Божествамъ олимпійскимъ подобно,
По широкой Россіи скакать!
Что жь глядятъ они нѣсколько злобно,
Точно нужно кого распекать?
И куда такъ спѣшатъ безъ оглядки,
Покидая комфортъ и покой?
По губерніямъ смотрятъ порядки?
Или дуетъ ужь вѣтеръ такой?
Что̀ за прыть? Ужь нельзя ли потише?
«Надо быть впереди!» — говорятъ —
«Наша цѣль намъ указана свыше,
Намъ къ чему-то стремиться велятъ».
Въ самомъ дѣлѣ: разсѣялись тучи,
Занялась на востокѣ заря,
Духъ свободы повѣялъ могучій,
Изъ раба — человѣка творя,
Жизнь вливая въ далекія степи,
Судъ правдивый даруя землѣ,
Чувство, мысль разрѣшая отъ цѣпи,
Божій свѣтъ указуя во мглѣ.
Въ добрый часъ! выплывайте изъ тины,
Отрѣшайтесь отъ старой рутины!
Миновали застоя года:
Есть спѣшить и стремиться куда!

Миновавши заставу, начальство
Отпускаетъ браду и усы,

Надѣваетъ, забывши капральство,
Токъ фригійскій, для вящей красы...
Что̀ за воздухъ! Какая погода!
Справа, слѣва — луга и лѣса...
«Недурна, въ самомъ дѣлѣ, свобода! —
Про нее говорятъ чудеса».
Далеко̀ позади уже Питеръ,
Бюрократы жуирують всласть:
Кто перуны металъ, какъ Юпитеръ,
Тотъ во всю улыбается пасть.
Всѣмъ открыта прямая дорога,
Ма̀нитъ въ тѣнь зеленѣющій лѣсъ,
И въ сердцахъ у начальства — эклога,
На умѣ бюрократовъ — прогрессъ.
Либеральны ихъ громкія рѣчи,
(Сто̀итъ музыку разъ завести)
Занимаютъ ихъ виды и встрѣчи
И прельщаетъ ихъ все на пути.

Вотъ — на встрѣчу имъ ѣдутъ студенты;
Видѣнъ въ нихъ корпораціи духъ,
На фуражкахъ — кокарды и ленты,
Пиво пьютъ они каждый за двухъ;
На рапирахъ дерутся исправно
И профессора (онъ *отсталой*)
Говорятъ, освистали недавно:
Закипѣло! народъ удалой!
Все невиннымъ начальство находитъ,
Снисходя ко всему наповалъ:
«Пусть вино молодое побродитъ!
Кто же молодъ изъ насъ не бывалъ?»

Вотъ — въ селеньи народная школа;
Сколько новыхъ порядковъ, затѣй!
Нынче дѣти обоего пола
Незнакомы ужь съ *Другомъ дѣтей* *,
Всѣмъ предметамъ ихъ учатъ наглядно,
Запрещается бить ихъ и сѣчь,
А наставники! слушать отрадно:
Новый методъ, свободная рѣчь!..
Прежде все принимали на вѣру,

* Книга Максимовича.

Ныньче — нѣтъ уже больше чудесъ,
Все *естественно*; взяли манеру:
Чудеса отрицать на отрѣзъ.
Безсознательно вѣрить — не штука!
Только въ разумѣ — истинный свѣтъ;
Все должна доказать намъ наука;
Что есть истина? голый скелетъ!

Вотъ украшенъ усами и въ знакѣ
Засѣдаетъ судья мировой;
Разбираетъ онъ дѣло о дракѣ
И миритъ мѣщанина съ женой.
Тутъ свидѣтель, сидѣлецъ лабазный,
На скамью за рѣшотку попалъ,
А въ толпѣ, между публикой разной,
Въ ожиданьи стоитъ генералъ.
И неловко ему, и обидно,
Порча крови все это ему;
Разсердиться хотѣлось бы... стыдно,
Самъ не знаешь сердиться чему.
А судья съ мужиками учтиво:
Вы да *вы*... Да! сказать-то легко,
А подумаешь: дивное диво!
Какъ шагнули-то мы далеко!

Скачетъ дальше начальство: высоко
Уже на небѣ солнце горитъ,
Справа, слѣва открылся широко
Передъ нимъ благоденствія видъ.
Вотъ уѣзднаго земства собранье,
Вотъ — грядущаго братства звѣно...
Умилительно, право, сліянье
Всѣхъ сословій гражданскихъ въ одно!
И пора! Дворянинъ-предсѣдатель
Видно роль свою понялъ вполнѣ:
Руку жметъ ему, словно пріятель,
Гласный въ сѣромъ, простомъ зипунѣ.
Какъ живое, свободное тѣло,
Любятъ *гласные* вольный просторъ,
Разсуждаютъ открыто и смѣло
(Къ нимъ не вхожъ ни одинъ прокуроръ).
«Средства земскія скудны и малы
«И губернія наша бѣдна;

«Подавайте же намъ капиталы,
«Для успѣха намъ сила нужна!
«Будемъ дѣйствовать честно и дружно
«Противъ старыхъ, наслѣдственныхъ золъ,
«Уравненье повинностей нужно,
«Учрежденіе банка и школъ.»
Какъ отрадно послушать все это!
Много ждетъ нашу Русь впереди...
А бывало, коснись-ко, поди,
Громогласно такого предмета!
Да тебѣ не простили-бъ во вѣкъ
И наслушался ты бы морали;
Про тебя бы вездѣ прокричали:
Безпокойный, пустой человѣкъ!

Вотъ редакція *Вольнаго Слова*;
Съ направленьемъ—журналъ, говорятъ;
Все въ немъ честно, разумно и ново,
А редакторъ его — демократъ.
Судитъ, рядитъ онъ прямо и смѣло,
Правду-матку всѣмъ рѣжетъ въ глаза
И прогрессу такъ преданъ всецѣло,
Что надъ нимъ ужь сбиралась гроза.
Къ интересамъ народнаго быта
Онъ питаетъ святую любовь,
Привиллегій не любитъ открыто,
Кипятитъ феодальную кровь.
«Наконецъ-то сбываются грёзы!
Довелось до того намъ дожить,
Что нелѣпой цензуры курьозы
Перестали смѣшить и бѣсить.
Голосъ правды услышанъ отнынѣ:
Пусть суровъ онъ и желченъ и строгъ —
То не гласъ, вопіющій въ пустынѣ,
А успѣха въ грядущемъ залогъ!»
Такъ толкуютъ въ пути генералы
И любуются сами собой:
«Вотъ какіе-де мы либералы!
Нипочемъ намъ мундиръ голубой!»
Все идетъ у нихъ ладно и гладко:
Быстры кони, исправно шоссе,
Ухмыляются нѣжно и сладко.
Превосходно настроены всѣ...

Между тѣмъ, уже день вечерѣетъ
И прохладой живительной вѣетъ.
Усыплять начинаетъ ѣзда,
Темень смотритъ изъ лѣса густая,
А въ дали голубой золотая
Путеводная встала звѣзда...
Вдругъ—шарахнулись кони сразмаха...
Что такое, не звѣрь ли какой?
Поблѣднѣли герои отъ страха,
«Стой! — кричатъ, задыхаяся — стой!»
Всполошились ужасно, и сами
Еще въ толкъ не возьмутъ, отчего?
Вѣтерокъ не шелохнетъ листами,
Тишина — не слыхать ничего.
Но, зажмуривъ глаза, бюрократы,
Видятъ страшныхъ чудовищъ кругомъ...
Вотъ они, безобразны, косматы...
Вотъ и вихрь поднялся, и трикраты
Въ небесахъ прогремѣлъ уже громъ!...
. . . .
Повскакали долой съ экипажей,
Собираются въ тѣсный кружокъ
Толковать о зловѣщемъ миражѣ:
«Это всѣмъ намъ полезный урокъ!
Изъ чего хлопотали: и что мы
За апостолы новыхъ идей?
Позади мы оставили домы,
Мы оставили женъ и дѣтей;
Было намъ и тепло и уютно,
Окружали насъ страхъ и почетъ...
Гдѣ жь теперь мы? Кругомъ безпріютно!...
Либеральничать такъ не разсчетъ!
Къ достиженью чиновъ и отличій
(Съ соблюденьемъ извѣстныхъ приличій)
Никакихъ мы не знали преградъ;
Наше море — безъ рифовъ и мелей,
Намъ ненужно *возвышенныхъ цѣлей*,
Съ насъ довольно! скорѣе назадъ!»
Повернули ретивые кони
И обратно, почуявши кнутъ,
Какъ испуганы близкой погоней,
Удила закусивши, несутъ.
Отъ испуга еще блѣдноваты,

Злобно смотрятъ на міръ бюрократы;
Мгла ихъ ждетъ на обратномъ пути;
Горячатся и машутъ руками,
Рѣчи грозныя льются рѣками
(Стоитъ музыку разъ завести).
«Что за время! Какія понятья!
Извращенье всѣхъ чувствъ и идей!
Вотъ плоды вредоносныхъ затѣй
«Демагоговъ, достойныхъ проклятья!
«Вѣетъ духъ отрицанья и тьмы,
«Воспаленные бродятъ умы...
. . . .
. . . .
Такъ герои, отъ гнѣва вскипая,
Сбились съ толку въ обратномъ пути;
Мгла и справа и слѣва густая
И дороги ужъ имъ не найти.
Позади же, по прежнему, ясно
Путеводная свѣтитъ звѣзда
И заря занялась не напрасно:
Не затмится она никогда.
Тщетны злой слѣпоты ухищренья!
Къ *свѣту* все неизбѣжно идетъ,
Близко утро, минуютъ смятенья —
Лучезарное солнце взойдетъ!

1868 г. **Яхонтовъ.**

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

II *.

Въ Красный Яръ я прибылъ въ концѣ апрѣля поздно вечеромъ, на почтовой косной. Хотя изъ Астрахани мы выѣхали около 9 часовъ утра, до Краснаго же Яра отъ Астрахани считается по казенному всего только 35 верстъ, но въ лодкѣ рѣдко удается проѣхать ближе 8 часовъ; а какъ почтовые гребцы не считаются здѣсь очень рьяными, то мы и пробыли въ пути болѣе 12 часовъ. Пріѣхавъ, я тотчасъ увидалъ, чѣмъ отличается Красный Яръ отъ другихъ городовъ, хотя небывшему здѣсь трудно этому повѣрить даже. Красный Яръ отличается отъ другихъ городовъ всего земнаго шара тѣмъ, что въ немъ нѣтъ жителей. Вы вѣроятно слыхали поговорку: только и ходу, что изъ воротъ да въ воду; это сказано именно про Красный Яръ: онъ стоитъ на солончаковомъ островѣ, который длиной съ версту, а шириной съ полверсты; кругомъ вода; большіе протоки Волги, или, какъ здѣсь ихъ называютъ, рѣки Бузанъ и Ахтуба **, малые или поздѣшнему ерики и ильмени, т.-е. озера или, лучше сказать, заливы; большая часть ильменей и ериковъ пересыхаютъ къ концу лѣта, но въ полную воду они сливаются съ Волгой и по нимъ ходятъ большія суда. Въ большую полую воду заливаются всѣ острова между Краснымъ Яромъ и Астраханью, иногда такъ высоко, что поверхъ лѣсовъ ходятъ большія суда.

Красный Яръ построенъ съ спеціальною цѣлью—для строптивыхъ: сперва поселили сюда казаковъ для защиты русскихъ людей отъ воровскихъ киргизъ-кайсаковъ и калмыковъ, потомъ Петръ I-й сослалъ сюда стрѣльцовъ, и въ послѣднее время здѣсь много сосланныхъ всѣхъ сортовъ: и политическихъ преступниковъ, и за поддѣлку фальшивыхъ бумагъ, и сосланныхъ административнымъ порядкомъ, безъ именованія рода преступ-

* Первое письмо напечатано въ «От. Зап.» 1868, № 10.

** Названія татарскія: *Ахтубе* порусски *Бѣлый бугоръ*; *Бузанъ—холодная вода.*

лѣній, и по суду за разныя мошенничества; по суду ссылаются сюда на срокъ, а другіе безъ срока. Жизнь здѣсь такъ весела, что одинъ сосланный сюда мастеровой, чтобы избавиться отъ Краснаго Яру, укралъ лошадь; его поймали, продержали сколько-то въ острогѣ и опять послали въ Красный Яръ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что въ острогѣ онъ хоть немного отдохнулъ.

Можетъ быть, вы слыхали П. М. Садовскаго разсказъ про островъ царя Константина и матери его Елены, куда Наполеонъ I-й былъ сосланъ, гдѣ нѣтъ ни земли, ни воды—одна зыбь поднебесная; на картахъ этотъ островъ показанъ не на настоящемъ мѣстѣ: Красный Яръ стоитъ на этомъ островѣ, это я вѣрно знаю. Солончакъ назвать землей нельзя; воды тоже часто не бываетъ; рѣки, ерики и ильмени покрываются такимъ слабымъ льдомъ, что ни конному ни пѣшему переходу нѣтъ; лодка тоже идти не можетъ. Такимъ образомъ сообщеніе со всѣмъ міромъ прекращается на нѣкоторое время. Я уже не говорю про почту: она, напримѣръ, и тогда не ходитъ изъ Астрахани въ Красный Яръ, когда караваны на верблюдахъ переправляются по льду; и тогда тоже не ходитъ, когда здѣшнія барыни съ дѣтьми ѣдутъ въ косныхъ (лодкахъ)—потому опасно. Существуетъ ли на свѣтѣ такое мѣсто, куда бы почта такъ опасливо и осторожно была доставляема? положимъ, въ Красномъ Яру я не получилъ ни одной книжки за прошлый годъ «От. Зап.», положимъ, нѣкоторыя письма пропадаютъ; неразсудительный человѣкъ можетъ назвать даже дурнымъ, что письма, адресованныя сюда, въ Астрахани запаковываются въ субботу, а отправляются въ понедѣльникъ; положимъ, ваше письмо пришло въ Астрахань (а вашему письму другой дороги нѣтъ), въ субботу, но только послѣ упаковки; но почему же оно должно ждать до другой субботы этой операціи? затѣмъ, отправится ли это несчастное письмо въ понедѣльникъ *—это опять вопросъ: въ зиму 1868—69 года почтѣ было часто ѣхать опасно; разъ эта опасливость продолжалась до 6 недѣль. Частныя и офиціальныя лица посылали нарочныхъ, сами пріѣзжали въ Астрахань за своей почтой и часто получали одинъ отвѣтъ: «почта запакована». Здѣсь случается, что офиціальное лицо получаетъ бумагу, въ которой подтверждается исполнить предписаніе за № 00, потомъ еще подтвержденіе, выговоры, нарочнаго,—а тотъ все не исполняетъ по очень простой причинѣ: подтвержденія, выговоры и т. п. получаются съ нарочнымъ, а само предписаніе за № 00 лежитъ запакованное въ астраханской почтовой конторѣ: ѣхать ему опасно...

* Въ Красный Яръ почта приходитъ разъ въ недѣлю: вечеромъ въ понедѣльникъ, отходитъ во вторникъ, отвѣтъ же на письмо вы должны послать по утру въ понедѣльникъ только въ слѣдующій, хоть почта и отправляется во вторникъ около 12 часовъ. Дѣло въ томъ, что запаковывается или покрайней-мѣрѣ принимается она въ понедѣльникъ по утру... Развѣ что для хорошаго человѣка... ну, тогда можно и во вторникъ.

По утру пошелъ я по городу; сперва къ собору, отстоявшему отъ моей квартиры въ нѣсколькихъ саженяхъ; за соборомъ городъ окончился. Меня поразило то обстоятельство, что я не встрѣтилъ на улицахъ ни одной живой души, да и дома казались необитаемыми: окна всѣ закрыты ставнями, ворота заперты; ни на улицахъ, ни въ домахъ не слышно голоса человѣчьяго. Однѣ вороны, или какъ ихъ здѣсь называютъ — коргй каркаютъ и хоть отчасти оживляютъ мертвый Красный Яръ. Тоска взяла меня страшная, я вернулся на квартиру; черезъ нѣсколько минутъ пошелъ опять по городу въ противоположную отъ собора сторону; прошелъ два дома — присутственныя мѣста, училище, больница и я опять за городомъ! Пораженъ еще болѣе: какъ, въ уѣздномъ городѣ нѣтъ острога?! Я вамъ сейчасъ опредѣлю: деревня или городъ и уѣздный ли, губернскій или столичный тотъ городъ, который вы мнѣ назовете, когда вы мнѣ отвѣтите на мои немудрые вопросы. Положимъ, вы въѣзжаете въ богатое село, въ которомъ нѣсколько церквей, нѣсколько фабрикъ, лавокъ съ разными товарами, и думаете, что это городъ.

— Есть здѣсь острогъ? спрбсите вы перваго попавшагося вамъ на встрѣчу.

— Нѣтъ, родимый! какой намъ острогъ! Мы и безъ острога проживемъ.

Вы ошиблись: приняли село за городъ.

Пріѣзжаете въ плохенькую деревеньку; домишки всѣ похожи на избушку Бабы-Яги, которая, то-есть избушка, стоитъ, какъ всѣмъ извѣстно, на курьихъ лапкахъ.

— Есть острогъ? спрашиваете вы.

— А какъ же! Вонъ тамъ на самой площади стоитъ.

Вы въ уѣздномъ городѣ.

— Есть острогъ? спрашиваете вы въ другомъ городѣ.

— Еще бы не было у насъ острога! У насъ и острогъ и арестантскія роты!... У насъ все есть!...

Вы въ губернскомъ городѣ.

Въ столичныхъ городахъ изобиліе остроговъ разныхъ наименованій доходитъ до роскоши. Рѣдкое село пользуется счастьемъ имѣть тигулевку, кутузку, холодную, закланъ (разныя названія одного и того же); да и то только такое село, въ которомъ гдѣ находится квартира становаго.

По острогамъ вы даже можете опредѣлить: старый ли городъ или вновь произведенный изъ деревень въ чинъ города: въ старомъ городѣ есть острогъ, есть и монастырь; въ новомъ — только одинъ острогъ. Мало этого, вы можете опредѣлить, какая часть города новая и какая старая: въ первой находится острогъ, въ старой — монастырь.

Вы даже можете не спрашивать, въѣхавши въ городъ, объ острогахъ: они, вѣроятно, въ назиданіе пріѣзжающихъ и проѣзжающихъ, строятся на видныхъ мѣстахъ. Какъ же мнѣ было не удивиться, обойти весь городъ и не увидать острога! Да

въ городѣ ли я? Подхожу я къ присутственнымъ мѣстамъ, къ небольшому двухэтажному дому; онъ стоитъ между двухъ воротъ; у однихъ стоитъ часовой съ ружьемъ, у другихъ сидитъ солдатъ съ тесакомъ.

— Здѣсь присутственныя мѣста? спросилъ я сидѣвшаго у воротъ съ тесакомъ солдата.

— Здѣсь.

— А острогъ гдѣ?

— Да кого тебѣ тамъ надо? отвѣтилъ онъ мнѣ вопросомъ:— скажи, кого тебѣ надо, я всѣхъ тамъ знаю.

— Мнѣ никого не надо въ острогѣ; только мнѣ странно показалось, что въ вашемъ городѣ острога нѣтъ.

— Какъ городу стоять безъ острога!... Безъ острога какъ можно!... Нельзя.

— Гдѣ же острогъ?

— А вонъ гдѣ! отвѣчалъ онъ, указывая на одно отдѣленіе дома: — вонъ видишь, гдѣ окна съ рѣшотками.

Гляжу: точно окна съ рѣшотками; прохожу мимо—арестанты выглядываютъ... Точно я въ городѣ!... Одно еще меня смущало: какъ острогъ можетъ помѣщаться въ домѣ, а не въ замкѣ извѣстной архитектуры?

Иду еще улицею—вижу, и направо кабакъ и налѣво кабакъ; дальше, налѣво кабакъ, направо два кабака; глянешь въ переулокъ—и тамъ кабаки... вездѣ кабаки!... Въ Красномъ Яру человѣку, захотѣвшему выпить, стоитъ пройдти шаговъ двадцать (дальнее разстояніе) и онъ можетъ найдти вывѣску: *Продажа питей*.

Для кого же эти кабаки? Вѣроятно, есть же въ городѣ люди и много людей, и людей пьющихъ, когда столько столь выразительныхъ вывѣсокъ! Зашелъ въ одинъ кабакъ, — торгуютъ жидъ съ жидовкой; захожу въ другой — жидовка съ жидомъ; въ третій—жидъ съ любовницей... Увы!... Любовница оказалась русской-православной; за что, однакожь, порицается русскими православными не русская любовница, а любовникъ жидъ.

— Для чего у васъ столько кабаковъ? спрашиваю я молодую шинкарку-жидовку.

— Народъ пьетъ.

— Какой народъ? Да народу я не видалъ.

— Какъ не видалъ?

— Гдѣ же народъ?

— Ступайте на базаръ — тамъ и народъ увидите... Какъ народу въ городѣ не видать!...

— Гдѣ у васъ базаръ?

— Ступайте вотъ въ эту улицу налѣво, такъ и дойдете до нашего базара.

Пошелъ въ показанную улицу — никакого базара и признаковъ не замѣтилъ!...

— Позвольте васъ спросить: гдѣ базаръ? спросилъ я чиновника, возвращавшагося со службы.

— Да вотъ, отвѣчалъ онъ, указывая на заборъ.
— Гдѣ?
— Вотъ... Вотъ...
Тогда я замѣтилъ, что у забора стоятъ какія-то подмостки, что-то въ родѣ очень грубо-сдѣланнаго высокаго стула безъ крыши.
— Это базаръ? спросилъ я.
— Да-съ.
Я не зналъ, что̀ и подумать.
— Какъ базаръ?
— Рано утромъ или вечеромъ на эти подмостки кладутъ доски, на доски кладутъ говядину, рыбу, баранину и торгуютъ.
— Всякій день это бываетъ?
— Нѣтъ!... Какъ можно!...
— По какимъ же днямъ бываетъ базаръ?
— Дней не положено, а какъ случится.
— Какъ же я узнаю?...
— Помилуйте! какъ не знать! Вотъ и теперь всѣ знаютъ, что Ахметка завтра бьетъ бычка. Всѣ уже и спѣшатъ купить; не успѣли — всю говядину расхватаютъ... Пойдешь и вернешься ни съ чѣмъ, — базаръ кончился.
— Рыбу, баранину продаютъ ли?
— Какъ случится: когда продаютъ, а когда и нѣтъ.
— Тогда какъ же?
— А тогда ужь какъ знаете... Да что говорить, прибавилъ онъ: — у насъ часто и хлѣба купить нельзя; ни за какія деньги не купишь.
— Это отчего?
— Хлѣбникъ одинъ; запьетъ, — ну, недѣлю, двѣ и пей чай безъ хлѣба!... Пошлешь за хлѣбомъ, а вамъ вмѣсто хлѣба — «хлѣбникъ запилъ!»*
— Чай-то можно и безъ хлѣба пить, а какъ же обѣдать безъ хлѣба?
— Къ обѣду хлѣбникъ не печетъ такого хлѣба... Чернаго, калача не печетъ.
— Гдѣ же покупаютъ?
— Всякъ себѣ дома печетъ.
— Ну, а кому понадобится?
— У шабровъ ** займетъ.
— А пріѣзжій?
— Вамъ надо?... Походите по дворамъ: можетъ, кто и продастъ вамъ.
Я недовѣрчиво посмотрѣлъ на него. Мы раскланялись съ нимъ и разстались.
Осмотрѣлся кругомъ; вижу, четыре-пять лавокъ съ разнымъ

* Впрочемъ, въ настоящее время въ городѣ уже есть два хлѣбника.
** Шаберъ — сосѣдъ.

товаромъ, въ каждой лавкѣ: и съ чаемъ, и съ саломъ, и съ краснымъ товаромъ, кожами, кофе, мыломъ, желѣзными, деревянными лопатами, чайниками, чашками... Заглянулъ въ лавки: въ однѣхъ купцы, большею частію армяне, за прилавкомъ дремлютъ, въ другихъ на прилавкахъ спятъ.

Тутъ же около и между лавокъ близь десятка кабаковъ, въ одномъ домѣ даже два кабака...

Дождался вечера, собственно говоря не вечера, а часовъ четырехъ пополудни, и опять пошелъ на базаръ. Базаръ нѣсколько измѣнился: на двухъ подмосткахъ были наложены доски, на доскахъ лежалъ десятокъ-другой стерлядей, сазановъ; тутъ же около заборовъ помѣщалось нѣсколько торговокъ съ тѣмъ же товаромъ.

— Чтò стоитъ стерлядь? спросилъ подошедшій къ торговкѣ чиновникъ, указывая на аршинную стерлядь.

— Просить лишняго не для чего, затараторила торговка: — мы безъ запроса!... Тридцать копеекъ дайте... Сами видите, какая стерлядь...

— Ты бы монета * просила! иронически проговорилъ чиновникъ.

— Зачѣмъ монетъ!... Мы просимъ, что слѣдуетъ... Сами видите!...

— Вижу, вижу!... Да ты говори толкомъ.

— Сами видите: стерлядь икряная!...

— Что жь, что икряная!...

— Одной икры больше фунта будетъ!... Какъ можно тридцати копеекъ не дать!...

— Пятнадцать хочешь?

— Двадцать-пять меньше нельзя! рѣшительно отвѣтила торговка.

— Пятнадцать!...

Торгъ состоялся на двадцати копейкахъ.

Чиновникъ заплатилъ деньги, взялъ стерлядь подъ жабры и отправился. Торговка осталась одна, покупателей не было; еще базаръ не разъигрался, и я заговорилъ съ торговкой:

— Скажите пожалуйста, спросилъ я: — отчего покупателей нѣтъ?

— Рано еще, отвѣчала та: — вотъ погодите, станетъ и народъ прибывать; а теперь какому народу быть!... Еще и къ вечернямъ не звонили; зазвонятъ къ вечернямъ, и народъ повалитъ: всякъ будетъ знать, что базаръ начался.

— Чтò же покупать будутъ?

— Какъ чтò?

— Да гдѣ же товаръ?

— Рыбу покупать будутъ.

— Да и рыбы тоже, мнѣ кажется, на вашемъ базарѣ мало.

---

* Монетъ — рубль серебромъ.

— Какъ мало... взгляни-ко-сь! отвѣчала она, указывая рукой на лежащихъ и на землѣ, и на двухъ подмосткахъ лещей, стерлядей, сазановъ, берщей.

— Тутъ всѣхъ рыбъ-то десятка четыре, а пяти пожалуй и не наберешь, сказалъ я, посматривая на указанную рыбу.

— Какъ не быть пяти десяткамъ!... Пять десятковъ будетъ!

— Неужто пятью десятками можно накормить весь народъ!

— Какъ можно!... Покупаетъ у насъ только чиновникъ, да тамъ еще кой-какой... А у насъ безъ рыбы ни одинъ не живетъ!...

— Тѣ гдѣ же берутъ?

— У насъ всѣ рыбаки; свою рыбу ѣдятъ!... Какая неволя отъ своей рыбы на базарѣ покупать!... Самъ ловитъ: такую выберетъ, какую знаетъ: ему за свою рыбу денегъ не платить.

Базаръ сталъ разъигрываться; сталъ покупатель приходить. Покупатель дѣйствительно оказался чиновникъ *и кой-какой*; а кой-какой былъ шинкарь и присланный сюда или подъ надзоръ полиціи, или на жительство. Этотъ покупатель раскупилъ почти всю рыбу цѣною отъ 20 до 2 копеекъ за штуку; маленькихъ стерлядокъ можно было купить по 3—5 копеекъ за десятокъ.

Часу въ восьмомъ стали расходиться.

— Отчего народа ни на улицѣ, ни въ домахъ не видно? спросилъ я старуху, неуспѣвшую еще распродать всѣхъ своихъ сазановъ, берщей.

— Мало ли народу!

— Гдѣ же народъ?

— Видѣлъ, сколько народу на базарѣ было!... Другому и купить нечего: такъ выйдетъ поглядѣть на народъ, коли дома дѣла нѣтъ.

На базарѣ, въ самомъ дѣлѣ, было много: во время базара перебывало разнаго народа человѣкъ до тридцати, а то можетъ и больше.

— Здѣсь были чиновники; а жители здѣшніе гдѣ же? спросилъ я.

— Теперь житель въ городѣ не живетъ, отвѣчала старуха: — а всякъ по своимъ мѣстамъ.

— По какимъ же?

— Какъ по какимъ?!... Кто въ море пошелъ, кто на промыслы, кто на ватагу*, кто къ неводу. У насъ, ты самъ знаешь, всѣ рыбаки.

— Вѣдь не всѣ же уходятъ въ море, къ неводамъ; старики, дѣти, женщины, вѣроятно, не могутъ справиться съ неводомъ.

— И старый и малый, кто къ неводу негожъ, всѣ теперь въ садахъ, всѣ въ садахъ!...

— Что̀ они тамъ дѣлаютъ?

— Мало ли тамъ дѣла!...

* Ватаги, промыслы — рыбацкія заведенія.

— Какія?

— Первое дѣло — червя давить...

— Какъ червя давить?

— А такъ: у насъ червя разведется — доржись! * Такъ этого червя не давить, одинъ только годъ оставить — садъ пропалъ: года въ четыре не справишь!... Всякій листокъ обобрать надо!... Въ каждомъ саду и лѣстницы такія подѣланы: яблоки, груши обирать, червя ли давить, лѣстницу подставятъ, да и давятъ.

— И у каждаго сады есть?

— Почесть у каждаго! А у кого нѣтъ, тотъ нанимается къ другому, у кого есть садъ.

— Какъ же домы оставляютъ хозяева? спросилъ я словоохотливую собесѣдницу.

— А какъ оставляютъ: запрутъ на замокъ да и пойдутъ въ садъ; а то такъ цѣпочку наложутъ: всякъ и знаетъ, что хозяевъ дома нѣтъ.

— Такъ — безъ замка?

— Коли замка нѣтъ!...

— Развѣ у васъ воровъ нѣтъ?

— Какъ не быть!... Есть!... Есть воровка — Нестеровна!... Такая воровка, что и сказать нельзя!... Что ни положи, куда ни положи, все утащитъ!... Пропало у тебя что — прямо къ ней... «Ты украла?»—Виновата, матушка, виновата!—«Говори, проклятая! говори, куда дѣла?»—Виновата! А сама въ ноги... А мнѣ что въ ея повинности: мнѣ мое давай!—«Говори, куда дѣла?» — Ицкѣ отнесла. — Ицка жидъ у насъ шинкарь есть... Пойдешь къ Ицкѣ, у Ицкѣ и найдешь.

— Стало быть, если что пропало, къ ней и идти надо, сказалъ я: — она и скажетъ, гдѣ найдти пропажу?

— Она и скажетъ.

— И то хорошо!...

— Какое хорошо!

— По крайней мѣрѣ, выкупить можно: хуже бы было, когда бы она не сказывала.

— Хуже-то хуже...

— Вотъ видишь...

— Да что видѣть-то?! Видѣть-то тутъ нечего! Вотъ у меня котелокъ пропалъ... Котелокъ-то я тридцать копеекъ дала... Пропалъ котелокъ, я къ Нестеровнѣ... «Ты украла, говорю».— Виновата, виновата! А сама въ ноги: такой у ней ужь обычай... «Виновата, говорю, а что мнѣ изъ твоей вины?!... Говори, кому снесла? «Биркѣ», говоритъ... Я къ Биркѣ... Бирка шинкарь... вонъ его кабакъ... Я къ Биркѣ. «Здравствуйте, говорю, Борисъ Моисѣичъ». — Здравствуйте, говоритъ, Дарья Петровна». — «А я къ вамъ по дѣлу, Борисъ Моисѣичъ. — «По какому дѣлу, Дарья Петровна?» спрашиваетъ Бирка...

---

* Здѣсь говорятъ не держись, а доржись.

Будто и не знаетъ, проклятый жидъ, что за дѣло такое... «Нестеровна была у васъ?» спрашиваю. — «Была». — «Оставила вамъ котелокъ?» — Жидъ видитъ, что я знаю: отговариваться не можетъ. — «Оставила», говоритъ. — «За сколько?» — «Да я косушку далъ: десять копеекъ». — «Какъ, говорю, десять? Нестеровна мнѣ говорила, всего за шкаликъ, за пять копеекъ». А Нестеровна мнѣ хоть ничего не говорила, да я знаю жидовскую натуру: безпремѣнно прибавитъ...

При этомъ старуха, лукаво улыбаясь, покивала мнѣ головой.

— Что жь, Бирка отдалъ вамъ котелокъ этотъ? спросилъ я.

— А какъ же? Только я сказала, что котелокъ Нестеровна заложила за пять копеекъ, жидъ и говоритъ: «Да, бишь, за пять копеекъ...» — Давайте котелокъ, говорю, вотъ вамъ пять копеекъ... А сама того — вся дрожу; хочется мнѣ жида отдѣлать, да нельзя: пожалуй, и котелокъ не отдастъ... Отдала я деньги, жидъ мнѣ подаетъ котелокъ, да и говоритъ: «Вотъ вашъ котелокъ... Нарочно у себя и оставилъ, Дарья Петровна, чтобъ не пропалъ вашъ котелокъ»... Я взяла котелокъ, да и давай: «Ахъ, ты жидъ проклятый!... Жидовская харя!... Хотѣлъ слизнуть котелокъ, да еще и прикидывается!... Ишь благодѣтель!...» Да я много тутъ наговорила: и поганая твоя образина!... и Бога ты распялъ, свиное твое ухо!...

— Отчего же такъ воруетъ эта Нестеровна? спросилъ я.

— Кто ее знаетъ!...

— Отъ бѣдности, можетъ быть?

— Какое отъ бѣдности!... при мужѣ она хорошо жила; умеръ у нея мужъ, сперва плакала, мѣсяца два плакала; а тамъ какъ запила, какъ запила!... Теперь, если есть у ней грошъ какой, или стянетъ что—сейчасъ въ кабакъ!...

— Дѣло плохое.

— Да ужь такъ плохо, такъ плохо, что и сказать нельзя.

— Да вы бы что-нибудь съ ней сдѣлали: можетъ быть, она бы и опомнилась.

— Да ужь мы чего-чего съ ней не дѣлали!... И колотили-то ее, какъ собаку, до полусмерти, и въ тигулевку-то сажали— ничего не беретъ!... Общество послало-было ее въ Астрахань... сказали, что тамъ есть такой усмирительный домъ, гдѣ народъ усмиряютъ, да соврали: по другимъ городамъ есть такіе усмирительные дома, а въ Астрахани такого усмирительнаго дома нѣтъ, такъ ее назадъ и прислали.

— Только и есть одна эта Нестеровна воровка? спросилъ я болтливую старуху.

— Какое одна!... Поди, чай, много и воровъ и воровокъ, да только тѣ не оказываются; а Нестеровна знамая воровка!

— Про другихъ же воровъ ты, бабушка, не слыхала; можетъ, на кого слава дурная пала?

— Куды услыхать?!... что блудъ творишь, что воруешь—въ

колокола не благовѣстишь, а все скрываешься!... Да что скрывать: правда на міру, что масло на водѣ — поверхъ всплываетъ.

Съ базару я пошелъ опять по городу: улицы рѣшительно всѣ прямыя, хоть городъ очень недавно сталъ перестроиваться *по плану;* изрѣдка попадаются дома или выступившіе на улицу, или спрятавшіеся за другіе дома; улицы, дворы всѣ чисты — относительно растительности; во всемъ городѣ вы не увидите ни былинки: таково свойство солончаковъ.

— Для чего сѣно накидано на улицѣ? спросилъ я попавшагося мнѣ на встрѣчу солдата, указывая на разостланное на улицѣ сѣно.

— Грязь бываетъ... вода стоитъ послѣ полой воды... Такъ и застилаютъ сѣномъ.

— Лучше бы камнемъ?

— Какъ камнемъ не лучше!... Да камню-то кругомъ Краснаго Яру, можетъ, на тысячу верстъ не увидишь, сколько хочешь ищи!...

И послѣ такого удобренія все-таки въ городѣ не увидите ни былинки, а потому всѣ дворы чисты; улицы тоже были бы чисты, когда бъ всякій что̀ кому не нужно — не выбрасывалъ бы на улицу.

Сколько я ни ходилъ, всѣ дома выстроены изъ барочнаго лѣса; какъ я послѣ узналъ, небольшіе дома покупаютъ въ Астрахани совсѣмъ готовые съ крышей, поломъ, перегородками и даже съ рамами; въ Астрахань же они привозятся, тоже готовые, съ верху, т.-е. изъ губерній, лежащихъ выше Саратова. Для постройки же домовъ по своему вкусу, покупаютъ бѣляну, большую барку, которую пригоняютъ сюда, здѣсь ее разбираютъ и изъ полученнаго матеріала строютъ.

Рѣдко вамъ попадется домикъ изъ сыраго кирпича: развѣ лѣтняя кухня, необходимая принадлежность здѣсь при каждомъ домѣ, или въ Солдатской слободѣ изба, сбитая отставнымъ солдатомъ.

Дома всѣ кажутся двухъэтажными: почти во всякомъ домѣ есть чердакъ съ комнатой и балкономъ; въ комнатахъ этихъ живутъ только лѣтомъ, зимою жить въ нихъ нельзя: въ нихъ печей нѣтъ. Въ домахъ прежней постройки оконъ на улицу очень мало; случается даже одно окно, да и то выглядываетъ не прямо на улицу, а на какой-то выступъ на улицѣ. Бо̀льшая часть оконъ и рѣшительно всѣ балконы, за исключеніемъ двухъ, трехъ домовъ новыхъ, выходятъ во дворъ; говорятъ, эту постройку переняли краснояры отъ татаръ, что̀ очень вѣроятно. Во многихъ домахъ печи изразцовыя, съ изразцовыми столбиками; на изразцахъ разныя изображенія съ надписями: изображенъ молодой человѣкъ въ русскомъ платьѣ, сидящій на бочкѣ; подъ изображеніемъ подпись: *Храню сіе опасно*. Подъ изображеніемъ женщины въ сарафанѣ, которая держитъ въ рукахъ цвѣтокъ: *всегда мнѣ любъ* и т. под. Хоть рѣдко, но и теперь

попадаются плоскія татарскія крыши; а прежде, говорятъ, ихъ было гораздо больше; но теперешнія, обыкновенныя крыши дѣлаются здѣсь не обыкновеннымъ образомъ: сперва сдѣлаютъ татарскую и на потолокъ накладутъ земли; а потомъ, чтобы прикинуться европейцемъ, ставятъ европейскую крышу; но эта европейская крыша — оптическій обманъ, довольно наивно устроенный; сквозь эту крышу вы можете видѣть звѣзды небесныя, которыя обыкновенная крыша вамъ бы заслонила. Если дождевая вода кому польется въ домъ, то не крышу европейскую исправляютъ, а подсыпаютъ земли на татарскую. Я не говорю про старыя крыши; словъ: *старая крыша, старый домъ* въ красноярскомъ лексиконѣ не существуетъ; я пишу эти строки въ домѣ, который достался по закладной прадѣду моего хозяина назадъ тому болѣе 100 лѣтъ; когда онъ построенъ — неизвѣстно, но и теперь онъ такъ крѣпокъ, что его топоромъ не урубишь, какъ говорятъ плотники. Можетъ быть, отчасти и поэтому въ городѣ нѣтъ почти ни одной избушки, повалившейся на бокъ, какія зачастую попадаются въ нашихъ верховыхъ городахъ. Такихъ развалинъ едва-ли наберете во всемъ Красномъ Яру съ десятокъ. Всѣ дома довольно опрятны, чисты; часто ворота украшены рѣпейками; иногда даже перекладина украшена рѣзными узорами, очень похожими на узоры, вышиваемые на деревенскихъ утиральникахъ или полотенцахъ. Кстати должно замѣтить, что красноярцы украшаютъ рѣзьбой и такія вещи, безъ которыхъ они не только могли бы обойдтись, но гдѣ рѣзьба служитъ только помѣхою: прошу, напримѣръ, посидѣть на скамьѣ, украшенной узоромъ въ четверть вершка глубиной.

Насыпьте кучу песку въ аршинъ въ діаметрѣ, вершка въ два вышиною въ центрѣ, и вы увидите бугоръ немногимъ меньше здѣшнихъ бугровъ; на одномъ изъ такихъ бугровъ и стоитъ городъ Красный Яръ; часть бугра занята постройками, часть садами, третья, едва-ли не самая большая, между городомъ и садами — ничѣмъ не занята. Въ полую воду, когда вода не только подойдетъ къ городу, но и войдетъ въ самый городъ, когда всѣ окружающіе городъ луга покроются водой, въ то время домашній скотъ выпускаютъ на эти пастбища, на которыхъ, впрочемъ, травы нѣтъ; есть что-то въ родѣ травы; но того, что̀ называется травой, здѣсь не найдете; по этой причинѣ скотъ на этомъ пастбищѣ можетъ гулять сколько угодно, а кушать только тогда, когда вздумаетъ его хозяйка, хозяйкѣ же эта вздорная мысль рѣдко приходитъ въ голову. Идите вы изъ города хоть къ Бузану; вы видите прекрасный ровный лугъ, который заливается полою водою; кажется, должна бы быть хорошая трава; подхо̀дите ближе, и видите какую-то жидкую, тощую осоку, которую травой назвать языкъ не поворачивается; сивая зелень этой осоки, однообразіе этой сивой зелени производитъ до-нельзя тяжелое впечатлѣніе... Вы идете по тро-

пинкѣ, не прельщайтесь тѣмъ, что лугъ вамъ кажется ровнымъ, гладкимъ, какъ-будто бархатнымъ; едва ступите шагъ въ сторону, сейчасъ замѣтите, что здѣсь прошелъ Егорій съ гвоздемъ и еще не проходилъ Никола съ мостомъ. Вы, вѣроятно, знаете, что на Егорьевъ день земля замерзаетъ, и дороги дѣлаются не только не проѣзжими, но и непроходимыми отъ замерзшей взмѣшанной грязи; это и значитъ — Егорій по дорогѣ гвоздей насажалъ. На Николинъ день снѣгомъ покроется дорога, замостится, и тогда дѣлается возможнымъ по ней ходить. По красноярскимъ лугамъ прошелъ только Егорій съ гвоздемъ, а Никола съ мостомъ, вѣроятно, никогда и не пройдетъ, и луга останутся только съ однимъ гвоздемъ. И вотъ почему: когда полая вода покрываетъ эти луга, то скотъ выходитъ на бугоръ; станетъ сбывать вода, скотъ сходитъ еще не на высохшіе луга, и взмѣшаетъ ихъ такъ же, какъ наши дороги осенью; когда же луга совершенно высохнутъ, то кочки на нихъ такъ тверды, что и по тропинкамъ, по которымъ ежедневно ходятъ за водой, все-таки они замѣтны.

Сады здѣшніе плодовые; въ нихъ гулять тоже нельзя: такъ вѣтви свились, что вы можете только ползать, идти же нѣтъ никакой возможности; и притомъ во всемъ саду вы не видите ни одной былинки; развѣ гдѣ надъ жолобомъ, по которому протекаетъ вода изъ чигиря для поливки сада. Мимо садовъ— единственно возможная прогулка. Вы идете по довольно ровной дорогѣ и у ногъ вашихъ сады. Для верховыхъ жителей это что-то непривычное; здѣсь же иначе и нельзя: садъ безъ поливки бытѣ не можетъ, а потому устроиваютъ чигири, конныя водоподъемныя машины, проводятъ жолобомъ и канавами воду къ каждому дереву. Такъ-какъ на высокое мѣсто воду провести трудно, то возвышенность срываютъ и весь садъ выравниваютъ, а съ дороги въ садъ непремѣнно приходится идти по очень крутому спуску. У этого спуска стоятъ иногда землянки, то-есть холодныя комнаты, сдѣланныя изъ земли; близь нихъ печи для приготовленія кушанья и вышка: въ нѣсколько саженъ вышиною подмостки съ крышей, на которыхъ спятъ.

Въ воскресенье, я пошелъ въ соборъ,—единственная въ Красномъ Яру церковь,—и какъ-то необычайнымъ мнѣ показалось отсутствіе нищихъ, постоянно стоящихъ у церквей въ другихъ городахъ. Въ церкви было гораздо больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ; изъ мужчинъ только тѣ, которые невода тянутъ близь города, пріѣзжаютъ сюда на праздникъ; женщины же всѣ изъ садовъ приходятъ въ церковь. Отсутствіе нищенства и здѣсь бросалось въ глаза: всѣ рѣшительно, какъ мужчины такъ и женщины, были одѣты болѣе, чѣмъ безбѣдно; многіе же и для нашихъ городовъ — роскошно; рѣдкая женщина была повязана шелковымъ платкомъ; бóльшая часть изъ нихъ украшали свои головы сѣтками, шиньонами... Всѣ рѣшительно молодыя женщины и дѣвушки были въ кринолинахъ и съ зонтиками въ рукахъ.

Мужчины въ казакинахъ, выстеганныхъ узоромъ снаружи, въ форменныхъ казацкихъ, въ халатахъ изъ тонкаго сукна, изъ лѣтнихъ матерій, гораздо красивѣе прекраснаго пола: въ Красномъ Яру трудно встрѣтить миловидное личико. Правда, что и между мужчинами красиваго, типическаго лица вы не встрѣтите; какого-какого народа нѣтъ въ Красномъ Яру: русскіе, малороссы, армяне, татары, корсаки, калмыки, евреи; только нѣмцами Богъ обидѣлъ... да, кажется, краснояры объ этомъ не жалѣютъ. Но при здѣшней распущенности нравовъ, въ 200—300 лѣтъ русскіе потеряли свой типъ, и еще не успѣли образовать своего астраханскаго, при-каспійскаго.

Выхожу изъ собора; передо мною идетъ толпа женщинъ и, не стѣсняясь публичностью улицы, продолжаетъ свои пересуды.

— Катька-то?!.. говоритъ одна пожилая женщина: — Катька-то?!.. Охъ, грѣхи наши тяжкіе!...

— Кто бы подумалъ?!.. поддакиваетъ ей другая жалобливымъ голосомъ, покачивая головой.

— Богатаго отца дочь!..

— А я такъ и прежде знала, что изъ той Катьки прока не будетъ, рѣшительно добавила третья.

— Какая смиренница!..

— Грѣхи наши тяжкіе!...

— Какая смиренница? рѣзко возразила третья: — хороша смиренница: по пятнадцатому году гулять пошла!...

— Э-эхъ! родная! Да можетъ, онъ, старый песъ, ее и приворожилъ чѣмъ: вѣдь всяко бываетъ!..

— Али она его!..

— Посуди сама: дѣвка по пятнадцатому году, а ему вѣрныхъ-вѣрныхъ за шестьдесятъ.

— Самъ ёрникъ, отецъ-то... Старикъ-то!..

— Вотъ Богъ ему и воздалъ.

— За отца страждетъ!

— Гдѣ за отца: сама виновата.

Идетъ толпа другая.

— Дурносвистовъ-то, какъ нагрузился!?.. со вздохомъ говорила одна изъ идущихъ.

— Говорятъ: по тысячѣ на лодку.

— Экое счастье!.

Дурносвистову удалось въ нынѣшнемъ году рыбу ловить, такъ этимъ богомольнымъ старухамъ и обидно.

Всѣ прошли; за всѣми ковыляетъ старыми ногами дряблая старушонка.

— Скажи, бабушка, спросилъ я ее: — объ какой это Катькѣ старухи толкуютъ?

— Объ Катькѣ?.. Языкъ чешутъ!.. зашамкала старушонка.— Имъ-то что!

— Можетъ быть, родня какая? продолжалъ я допрашивать старуху, желая во что ни стало завести съ ней разговоръ.

— Родня!.. какая родня!.. Случился съ дѣвкой грѣхъ; толковать-то не объ чемъ, вотъ языкомъ-то и мелютъ!.. А спросико любую, не грѣшна ли она въ этомъ дѣлѣ?.. Что теперь какая изъ кожи лѣзетъ... про Катьку-ту воетъ, та самая гулящая баба была!.. Да и теперь коли сама не грѣшитъ, такъ еще больше на душу свою грѣхъ принимаетъ: молодцамъ дѣвокъ подводитъ! Много ли здѣсь праведныхъ? На кого ни взглянешь — былъ грѣхъ.

— Отчего же это такъ, бабушка?

— Первое дѣло — казатчина.

— Что же казатчина?

— А то казатчина: на два года угонятъ, что женѣ дѣлать? Онъ тамъ грѣшитъ, жена дома ложе сквернитъ!.. Обоимъ грѣхъ тяжкій, да не вольный... Богъ имъ судья, а не мы грѣшные!..

— И у мѣщанъ то же?

— И у мѣщанъ то же.

— Мѣщане не ходятъ же въ двухгодичную службу, отчего и у нихъ то же?

— Другъ отъ друга берутъ: заведется эта погань въ городѣ, ты ее ничѣмъ послѣ и не изведешь!..

— Правда.

— Коли не правда!..

Старуха замолчала, но я отъ нее не отставалъ и продолжалъ допытываться.

— Первое дѣло, ты сказала, бабушка: казатчина; а другая же какая причина этой погани, которая завелась, какъ ты говоришь, въ вашемъ городѣ?

— Другое дѣло, другъ ты мой родной, это жизнь наша; питаться надо; всяка душа пить-ѣсть хочетъ; всякъ, кому только въ мочь, или къ неводу идетъ, неводъ тянуть, а кто въ море идетъ: бабы-то и остаются однѣ... Да что пересуживать?! Прощай, родной!..

— Прощай, бабушка.

Въ Красномъ Яру нетолько не стыдятся своего незаконнаго происхожденія, а какъ-будто гордятся этимъ.

Сижу я разъ на берегу, невдалекѣ отъ меня сидятъ человѣкъ пять мужиковъ. Одного мужика лѣтъ сорока то называютъ Петровичемъ, то величаютъ Каспаровичемъ. На Петровича онъ отзывается какъ-то нехотя; на Каспарыча — благосклоннѣе. Бесѣда разошлась, остался одинъ Петровичъ-Каспарычъ.

— Нѣтъ ли у васъ огня? спросилъ я, подходя къ Петровичу-Каспарычу.

— Нѣтъ-съ, нѣту: мы этимъ дѣломъ, признаться, не занимаемся, отвѣчалъ онъ съ привѣтливою улыбкой.

— Извините...

— Ничего-съ!.. Пришли полюбопытствовать на берегъ? На нашъ Буанъ полюбоваться?

— Да... пошелъ погулять.

Мы разговорились.

— Скажите, какъ васъ зовутъ? спросилъ я, послѣ долгихъ съ нимъ толковъ обо всякой всячинѣ.

— Меня зовутъ Александромъ Каспаровичемъ, отвѣчалъ онъ съ достоинствомъ.

— А мнѣ послышалось, что васъ ваши товарищи одни называли Каспарычемъ, а другіе Петровичемъ.

— Это отъ ихъ самой необразованности! отвѣчалъ Петровичъ-Каспарычъ, снисходительно улыбаясь.

— Какъ отъ необразованности?

— А такъ!.. Онъ опять лукаво засмѣялся и показывалъ видъ, что отъ смѣху не можетъ говорить.

— Скажите, пожалуйста.

— Изволите видѣть: мой отецъ Каспаръ Богданычъ — нѣмецъ; только онъ съ моей родительницей не былъ перевѣнчанъ законнымъ бракомъ, родительница моя была замужемъ за простымъ мужикомъ; вотъ по этому мужику я Петровичъ!.. А я доподлинности знаю, что я Каспарычъ.

— Почему же вы это знаете? Мать, что ли, вамъ это говорила?

— Экой вы!..

— Что?

— Развѣ мать станетъ это сыну говорить?... Всѣ говорятъ, что на ту пору мать съ Каспаромъ Богданычемъ гуляла!... Стало, я по настоящему, по самому дѣлу и выхожу Каспарычъ... Какой я Петровичъ?!..

Въ другой разъ мнѣ случилось слышать подобную штуку въ трактирѣ отъ 16—17 лѣтняго мальчика.

Въ Красномъ Яру два трактира; въ одномъ даже есть комната чистая, въ которой можно остановиться и проѣзжающему, и бильярдъ есть; а другой, тотъ же кабакъ, гдѣ, кромѣ водки, ничего нельзя получить. Такъ въ трактиръ-кабакъ я и зашелъ. Черноглазый, черноволосый красивый мальчикъ подалъ мнѣ водки.

— Какой ты молодчина! сказалъ я ему.

— Наше дѣло такое.

— Ты изъ русскихъ?

— Только одна слава, что изъ русскихъ; а я по настоящему какъ есть, армянинъ.

— Это какъ?

— Меня матушка съ армяниномъ прижила: какой же я русскій?!...

— Мать тоже армянка?

— Мать, нѣтъ! та русская.

— Она замужемъ была за армяниномъ?

— Нѣтъ!... Какое замужемъ; такъ жила!...

Желаніе ли показаться не русскими, заставило этихъ людей отказаться отъ законныхъ отцовъ, или что другое — я не знаю.

Верстахъ въ 4—5 отъ Твери тысячу лѣтъ живетъ карела: отчего мы ее не обрусили? отчего русскіе въ Якутской области не обрусили якутовъ, а и сами объякутились? Гончаровъ разсказываетъ же, что у русскаго, живущаго у якута, дѣти не умѣютъ говорить порусски, а понимаютъ только поякутски; отчего это?

Сталъ я шляться по садамъ, кабакамъ; въ садахъ нельзя сказать, чтобы работа была трудна: подставятъ лѣстницу къ дереву и давятъ-себѣ помаленьку на листьяхъ червь; это дѣлается какъ-то неспѣша и до нельзя апатически; чрезъ нѣсколько минутъ останавливаются, разговариваютъ; потомъ чай пьютъ, потомъ кофе; потомъ обѣдаютъ, потомъ... а между этими *потомъ* работаютъ. Какъ говорятъ про патріарха Филарета Никитича: что онъ зналъ науку, какъ управлять царствомъ, да отчасти уразумѣлъ и священное писаніе,—такъ же можно сказать, что красноярцы пьютъ, ѣдятъ, отдыхаютъ и отчасти работаютъ. Червя давить нетрудно; а завязать лошади глаза, запречь ее въ чигирь — минутное дѣло; *потомъ* лошадь сама знаетъ, что ей надо ходить: ежели есть какой мальчишка около лошади — хорошо; а часто и никого нѣтъ — и то сойдетъ.

Въ кабакахъ тоже дѣятельности мало: кабаковъ много, а покупщиковъ мало.

— Чѣмъ жить? говорилъ мнѣ шинкарь, бывшій морякъ, то-есть ходившій въ море за рыбой и, что рѣдкость здѣсь — русскій.

— Торгуете, отвѣчалъ я.

— Какая торговля?...

— Зачѣмъ же столько кабаковъ открыто: не было бы продажи, не открывали бы столько кабаковъ.

— Надо же чѣмъ-нибудь жить.

— Невыгодно держать кабакъ, занялись бы какимъ другимъ дѣломъ

— Какое выгодно?... Повѣрите ли вы моей совѣсти: въ эту недѣлю на три монета не продалъ.

— Вы сами хозяинъ?

— Нѣтъ, отъ хозяина.

— Сколько вы получаете?

— Бездѣлицу!... Семь рублей въ мѣсяцъ.

— Семь рублей?

— Водку беремъ отъ хозяина по три рубля, по два рубля восемь гривенъ. Сами продаемъ распивочно двадцать-пять копеекъ полштофъ; ну, тамъ нельзя же налить совсѣмъ полную... Солдаты сами черпаютъ изъ ведра, да и то остается лишекъ... Ведро все-таки обойдется покупателю рублей въ шесть.

— Стало быть, можно еще жить, сказалъ я: — когда вы получаете отъ хозяина семь рублей, да еще и барышъ отъ водки есть.

— Чѣмъ же тутъ жить?;... Вѣдь мы, краснояры, и къ чаю, и къ кофею люди привычные... за обѣдъ тоже безъ калачика никто не садится, проговорилъ онъ, усмѣхаясь.

— Ищите другой работы, коли, какъ вы сами говорите, кабакъ держать находите для себя не совсѣмъ выгоднымъ, ежели неубыточнымъ.

— Это время!...

— Какъ время??

— Теперь такое время! Это время для насъ самое тяжелое, и вы посмотрите, какъ краснояры зашумятъ послѣ пятнадцатаго мая!...

— Отчего вы ждете пятнадцатое мая?

— Съ пятнадцатаго мая по пятнадцатое іюля ловъ запрещенъ по рѣкамъ, всѣ ловцы и прибѣгаютъ въ городъ, а тамъ и моряки подвалятъ.

— Морякамъ какая нужда до пятнадцатаго мая: запрещенъ ловъ только въ рѣкахъ...

— Морякамъ тоже послѣ пятнадцатаго мая скоро конецъ приходитъ.

— Какъ конецъ?

— А такъ: настанутъ жары: вода въ морѣ бываетъ такая соленая, все равно, что купоросъ... На припасы нападаетъ чума — ту чуму ничѣмъ не ототрешь.

— Какая чума?

— А такъ, чорная такая слизь, — ничѣмъ ты ее не ототрешь; возьмешь въ руки какой припасъ — такъ онъ весь и ползетъ: просто бросить надо.

— Поэтому моряки и съѣзжаются въ городъ послѣ пятнадцатаго мая непремѣнно?

— Послѣ пятнадцатаго, а то послѣ двадцатаго, двадцать-пятаго выходятъ изъ моря; а сюда приходятъ, кто далеко стоитъ, недѣли черезъ двѣ.

— Тогда и торговля ваша лучше пойдетъ? спросилъ я шинкаря.

— Тогда такая гульня пойдетъ!... Всю ночь напролетъ гуляютъ, по улицамъ ходятъ, пѣсни поютъ!...

На берегу та же мертвенность: нѣсколько судовъ разныхъ наименованій стоятъ на берегу; нѣсколько лодокъ привязано у берега; а нѣкоторыя только сдвинуты переднею частью на берегъ; народу же — будто Мамай прошелъ... Нигдѣ ни души...

Павелъ Якушкинъ.

(*Будетъ продолженіе*).

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИГИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

I.

Боннъ, Годесбергъ, Зивенгевирге.

Годесбергъ, 15-го іюля 1869 г.

Втораго іюля мы пріѣхали въ Боннъ. Была среда и по календарю не значилось никакого праздника, а между тѣмъ всѣ улицы были испещрены флагами и наполнены толпами народа. Городъ имѣлъ праздничный видъ. Мы не знали причины торжества, на которое попали совершенно неожиданно, но, разсматривая развѣшенные со всѣхъ сторонъ флаги, догадывались, что оно имѣло церковный характеръ: чуть не половина этихъ флаговъ была украшена папскимъ гербомъ, или крестомъ по пунцовому полю, или состояла изъ двухъ полосъ папскихъ цвѣтовъ — бѣлаго и желтаго, или наконецъ, носила просто краткую надпись «Pius IX». Праздникъ былъ дѣйствительно клерикальный. Утромъ того дня, въ который мы пріѣхали въ Боннъ, архіепископъ Кёльнскій совершалъ въ мѣстномъ соборѣ обрядъ конфирмаціи, и это событіе и было поводомъ къ общественному торжеству, которое должно было длиться весь день и принять вечеромъ особенный характеръ, перенесшій насъ въ далекое прошлое. Лишь только стемнѣло, какъ по всѣмъ главнымъ улицамъ, кривымъ, узкимъ, окаймленнымъ старинными домами, размѣстилась густая, сплошная масса народа, видимо ждавшаго чего-то. Вскорѣ послышалась музыка и показался яркій свѣтъ цѣлой массы факеловъ. Это былъ громадный *Fakelzug* въ честь архіепископа, направлявшійся къ его квартирѣ. За музыкантами и факельщиками шли знаменоносцы и ѣхали экипажи съ городскими властями и патерами, далѣе шли опять музыканты, факельщики, знаменоносцы, опять ѣхали экипажи съ чиновниками и патерами, и наконецъ все это шествіе замыкалось рядомъ факельщиковъ, число которыхъ и приблизительно даже я не берусь опредѣлить; кажется, полгорода собралось въ это безконечное шествіе. Народъ, стоявшій по сторонамъ, жегъ бенгальскіе огни, кричалъ «hoch», махалъ платками и шляпами. Шумъ на улицахъ не утихалъ до поздней ночи, что въ нѣмец-

комъ провинціальномъ городѣ было признакомъ необычайнаго оживленія.

На другой день мы осмотрѣли соборъ. Это старое зданіе тяжелой романской архитектуры было снаружи также украшено флагами, а внутри роскошно убрано растеніями. Великолѣпныя пальмы стояли зонтиками надъ алтарями, вдоль стѣнъ былъ уставленъ густой рядъ прелестнѣйшихъ деревъ и цвѣтовъ. Въ общемъ, соборъ имѣлъ видъ богатой оранжереи, по отношенію къ которой церковныя вещи, тамъ и сямъ виднѣвшіяся среди зелени, представлялись не болѣе, какъ случайными аксесуарами. Мы не могли, однакоже, входить въ ближайшее разсмотрѣніе приготовленій, сдѣланныхъ жителями Бонна къ пріему архіепископа, и успѣли лишь замѣтить, что нетолько зданіе университета, но даже и памятникъ Бетховена не обошлись безъ флаговъ. Оцѣнивъ по достоинству католическое усердіе, проявлявшееся тамъ повсемѣстно, мы отправились далѣе, къ цѣли нашего путешествія — въ Годесбергъ.

Кто читалъ Гейне, тотъ помнитъ, конечно, что въ Годесбергѣ происходятъ послѣднія сцены одного изъ оригинальнѣйшихъ разсказовъ его «Reisebilder». Здѣсь, въ Годесбергѣ, лежа у ногъ своей милой, передаетъ онъ вызывающую слезы повѣсть о смерти Вероники, здѣсь разсказываетъ о таинственномъ посѣщеніи рыцаремъ прекрасной дамы, ждавшей его у статуи Лаокоона, на берегу Бренты! Вы помните, конечно, все это? Помните и заключительныя строки предпослѣдней главы: «О, мои делійскіе панталоны, мои розовые панталоны, вышитые цвѣтами лотоса! еслибы вы были на мнѣ въ то время, когда я лежалъ у ногъ синьоры Лауры и умолялъ ее полюбить меня, предъидущая глава окончилась бы иначе. Но, увы! на мнѣ были тогда панталоны соломеннаго цвѣта, вытканные какимъ-то прозаическимъ китайцемъ въ Нанкинѣ... Гибель моя была выткана вмѣстѣ съ ними... и я былъ несчастливъ».

«Часто молодой человѣкъ сидитъ за столомъ въ маленькомъ нѣмецкомъ кафе; пьетъ спокойно свою чашку кофе, а между тѣмъ, въ это же самое время въ отдаленной Китайской Имперіи растетъ и цвѣтетъ его несчастіе; его ткутъ, его красятъ и, наперекоръ великой стѣнѣ, оно находитъ дорогу къ молодому человѣку, который принимаетъ его за нанковые панталоны, надѣваетъ ихъ невиннѣйшимъ образомъ и становится несчастнымъ на всю жизнь».

Но воспоминаніе о Гейне отклонило меня отъ предмета, а потому поспѣшимъ перейти отъ Лауры и нанковыхъ панталонъ къ архіепископу Кёльнскому, путешествіе котораго по его епархіи имѣло въ насъ невольныхъ свидѣтелей и наблюдателей.

Въ день пріѣзда нашего въ Годесбергъ начались и здѣсь приготовленія къ пріѣзду архіепископа. Вдоль главной улицы стали уже пестрѣть флаги, а при въѣздѣ въ село было воздвигнуто двое тріумфальныхъ воротъ, убранныхъ зеленью и

цвѣтами. На первыхъ изъ нихъ можно было прочесть слѣдующую надпись:

досточчимому
преосвященнѣйшему архіепископу нашему
Павлу
отъ жителей Годесберга
всенижайшее привѣтствіе.

На другой день передъ этими воротами сталъ собираться народъ, въ ожиданіи пріѣзда достопочтеннаго гостя. Передъ бронзовымъ распятіемъ, устроеннымъ подъ изящнымъ готическимъ навѣсомъ на углу рѣшетки одного изъ великолѣпныхъ садовъ, которыми такъ богатъ Годесбергъ, стоялъ аналой со свѣчами и какими-то священными предметами. Передъ аналоемъ былъ разостланъ пестрый коверъ огромныхъ размѣровъ и лежала роскошно вышитая подушка съ золотыми кистями. Здѣсь долженъ былъ архіепископъ совершить первую молитву и дать народу благословеніе. По одну сторону ковра стояли патеры въ бѣлыхъ балахонахъ, полдюжины мальчиковъ въ подобныхъ же балахончикахъ съ красными висячими воротниками, церковные причетники, церковный швейцаръ, весь въ лиловомъ, съ булавой въ большую человѣческую голову, мальчикъ съ архіерейскимъ жезломъ, другой съ золотымъ распятіемъ и, наконецъ, четыре такіе же, въ церковное платье одѣтые мальчики держали балдахинъ изъ золотаго глазета, украшенный кистями и страусовыми перьями. По другую сторону ковра стояла группа мѣстныхъ властей и аристократовъ: бургомистръ, нѣсколько чиновниковъ и десятокъ разряженныхъ дамъ. Между двумя этими группами духовныхъ и свѣтскихъ представителей Годесберга находилась цѣлая толпа дѣвочекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья и несшихъ корзины съ цвѣтами; онѣ должны были идти впереди и усыпать путь розами и гвоздиками. Далѣе, по направленію улицы виднѣлись вытянутыя въ рядъ дѣти разныхъ возрастовъ и десятка два дюжихъ мужиковъ, несшихъ громадные хоругви, кресты и знамена.

Когда я пробрался сквозь толпу такъ близко къ аналою, что могъ разсчитывать хорошо видѣть все, что должно было совершаться на коврѣ, все было готово и всѣ стояли уже на своихъ мѣстахъ. Пришлось, однакоже, ждать еще болѣе полутора часа. Наконецъ, на шоссе, по направленію изъ Бонна, появилась кучка бѣгущихъ мальчишекъ, которые не были приняты въ кортежъ, вѣроятно, за свой растрепанный видъ; они объявили, что архіепископъ ѣдетъ.

Мы дѣйствительно увидѣли вскорѣ небольшую коляску, несшуюся вскачь. На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ щегольской ливрейный лакей. Шагахъ въ десяти отъ толпы коляска остановилась и изъ нея показалась гладко выбритая физіономія архіепископа.

Мнѣ не случалось ни разу еще видѣть сановниковъ католи-

ческой церкви и, по понятной ассоціаціи идей, я ожидалъ встрѣтить прикидывающагося слабымъ и хилымъ или дѣйствительно слабаго и хилаго старика, который поплетется еле волоча ноги къ приготовленному ему мѣсту и будетъ держаться на немъ только благодаря дюжимъ парнямъ, которые его станутъ поддерживать. Я очень ошибся. Когда лакей открылъ дверцу коляски, изъ нея вышелъ никѣмъ не поддерживаемый плотный, здоровый и бодрый мужчина лѣтъ пятидесяти. Окинувъ бойкимъ, почти наглымъ взглядомъ кланявшихся ему свѣтскихъ представителей Годесберга, онъ, не кивнувъ даже головой, твердымъ шагомъ направился къ аналою. Здѣсь, преклонивъ на мгновенье одно колѣно, онъ быстро всталъ и столь же быстро поворачиваясь къ стоящему возлѣ него мѣстному приходскому попу, выразительно тряхнулъ головой. Я говорю выразительно, потому что движеніе это какъ бы само собой переводилось словами такъ: «ну, братъ, валяй». Попъ понялъ архіепископскій кивокъ именно въ этомъ смыслѣ, и тотъ же часъ началъ свою привѣтственную рѣчь; его жалкая фигура, блѣдная, покрытая потомъ физіономія, дрожащія, искривленныя губы составляли рѣзкій контрастъ съ гордой осанкой и спокойной фигурой его начальника. Глядя на происходящую передо мною сцену, я забывалъ, что имѣю передъ глазами духовныхъ; мнѣ все приходило на мысль воспоминаніе о какомъ-нибудь несчастномъ гарнизонномъ офицерѣ, представляющемся съ рапортомъ пріѣхавшему изъ столицы генералу. Въ фигурѣ архіепископа было дѣйствительно много генеральскаго, много того самоувѣреннаго тона, который чувствуетъ подъ собой прочную почву строгой дисциплины и считаетъ лишнимъ скрывать это подъ ни на что не пригодной ему маской лицемѣрія. Видно было, что архіепископъ помнитъ еще, что предшественники его носили титулъ курфюрстовъ въ этой странѣ, что здѣсь они ни передъ кѣмъ не гнула голову; ему и теперь еще хотѣлось имѣть видъ повелителя.

Когда дрожащій патеръ окончилъ свою рѣчь, архіепископъ надѣлъ лиловыя перчатки, взялъ въ руки жезлъ и подошелъ подъ балдахинъ. Процессія двинулась. Всѣ женщины и часть мужчинъ, стоявшихъ вдоль улицы, становились, при проходѣ мимо нихъ архіепископа, на колѣни и онъ благословлялъ ихъ направо и налѣво.

Хозяйка наша, безсовѣстно надувшая насъ наканунѣ еще на двадцать талеровъ, благоговѣйно сложила руки и минутъ десять стояла чуть не на корачкахъ, впитывая въ себя благодать архіепископскаго благословенія. Послѣ я слышалъ, какъ она съ гордостью хвалилась, что благословеніе ей далъ «der Kölnische selbst».

На другой день съ семи часовъ поднялся колокольный звонъ и народъ сталъ собираться въ церковь. Архіепископъ конфирмовалъ дѣтей и нѣсколькихъ взрослыхъ и, по католическому

обряду, давалъ каждому конфирмовавшемуся оплеуху. Принявшіе оплеуху, благоговѣйно отходили въ сторону и молились. Исторія эта продолжалась часа два. Затѣмъ предъ алтаремъ было поставлено мягкое кресло, архіепископъ сѣлъ и повелъ свою часовую рѣчь. Боже мой, чего не громилъ онъ! Кого не сравнивалъ со львомъ рыкающимъ и ищущимъ поглотити жертву? Кого не упрятывалъ въ геэну? Подъ конецъ такъ разгорячился, что даже всталъ и сталъ сердито стучать жезломъ. Женщины плакали, мужчины зѣвали. По окончаніи всего этого виновникъ торжества, окруженный патерами, отправился въ торжественной процессіи на свою квартиру.

Вечеромъ было устроено шествіе съ фонарями. Толпа фонарщиковъ собралась въ башнѣ, стоящей среди развалинъ стараго замка, той самой башнѣ, съ которой Гейне любовался Рейномъ и Семигорьемъ и оплакивалъ свои нанковые панталоны. Отсюда фонарщики съ музыкой и криками отправились къ квартирѣ своего дорогаго гостя и устроили ему серенаду. Шествіе ихъ по горѣ при блескѣ сотенъ разноцвѣтныхъ фонарей было чрезвычайно эффектно. Имъ заключились празднества.

Годесбергъ не пользуется извѣстностью и вполнѣ того заслуживаетъ. Кромѣ красивыхъ развалинъ замка, разрушеннаго баварцами въ 1583 году, желѣзнаго источника и водолечебнаго заведенія, въ которомъ всегда можно встрѣтить полсотни здоровыхъ голландцевъ, здѣсь нѣтъ рѣшительно ничего, о чемъ бы стоило упоминать даже въ самомъ подробномъ путеводителѣ Особенность Годесберга заключается въ томъ, что онъ служитъ лѣтней резиденціей богачей Кёльна, Эльберфельда и Крефельда. Изученіе нравовъ этой среды было бы, конечно, очень интересно, еслибы только это было возможно для пріѣзжаго; но всѣ эти финансовые тузы живутъ за десятью замками въ своихъ виллахъ, окруженныхъ великолѣпными садами, и показываются только въ часы прогулокъ въ роскошныхъ экипажахъ. Рядомъ съ блестящимъ Годесбергомъ жирныхъ прирейнскихъ негоціантовъ тянется село Годесбергъ, село небогатое, ничѣмъ не отличающееся отъ другихъ селъ и скрывающее въ своихъ переулкахъ и закоулкахъ не мало покосившихся хижинъ, разваливающихся заборовъ, бѣдныхъ и жалкихъ крестьянъ, представителей оборотной стороны медали того Годесберга, которымъ могутъ любоваться изъ оконъ вагоновъ путешественники, проѣзжающіе между Бонномъ и Андернахомъ. О чувствахъ сермяжнаго Годесберга къ Годесбергу бархата и золота могъ я догадываться съ первыхъ же дней моего пребыванія здѣсь, когда, не попавъ однажды на поѣздъ, я принужденъ былъ отправиться въ Боннъ въ коляскѣ и, благодаря этому обстоятельству, подвергъ себя очевидно-намѣренной выходкѣ рабочихъ, бывшихъ на шоссе. Я издали видѣлъ, что они сидѣли и курили трубки; но лишь замѣтили ѣдущую ко-

ляску, тотчасъ же схватили лопаты и стали бросать вверхъ известь, такъ что я былъ осыпанъ ею съ головы до ногъ. Что удивительнаго послѣ всего сказаннаго, если я назову продолжительное пребываніе въ Годесбергѣ не только скучнымъ, но даже тяжелымъ. Напыщенность финансовой знати, бѣдность крестьянъ, ихъ нерасположеніе къ людямъ, ѣздящимъ въ колясках, все это слишкомъ явно, слишкомъ рѣзко очерчиваетъ то страшное зло, которое глубоко лежитъ въ организаціи европейскаго общества. Смотрѣть на все это безучастно—невозможно. Помочь — немыслимо. А вы обречены ежедневно видѣть пошлыхъ, откормленныхъ филистеровъ, разгуливающихъ за золоченными рѣшетками среди сказочныхъ затѣй роскоши, и бѣдняка — работника, покрытаго лохмотьями, копающагося въ навозѣ. Прибавьте ко всему этому то, о чемъ можно заключить по пріему, сдѣланному архіепископу, и вы оцѣните, какая благодать гнѣздится въ этомъ очаровательномъ уголкѣ рейнскаго прибрежья. Когда пройдешься по Годесбергу отъ одного конца до другаго, отъ фантастической виллы какого-то коммерціенъ-рата до лачуги бѣднаго сумасшедшаго старика, вѣчно сидящаго у окна и проницательнымъ голосомъ ведущаго свои несвязныя рѣчи, то невольно получишь желаніе отдохнуть отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній, и глядя на Зибенгебирге, красующіеся по ту сторону Рейна, повторишь не разъ вмѣстѣ съ Гейне:

Auf die Berge will ich steigen
Wo die dunkeln Tannen ragen,
Bäche rauschen, Vögel singen,
Und die stolzen Wolken jagen.

Зибенгебирге представляютъ, въ самомъ дѣлѣ, прекрасное мѣсто отдохновенія для всякаго, кто желалъ бы хотѣ не на долго освободиться отъ невольнаго пребыванія въ Годесбергѣ. Стоитъ только переѣхать черезъ Рейнъ въ маленькій городокъ Кёнигсвинтеръ — и вы у подножія Семи горъ. Передъ вами скалистый Драхенфельсъ, тотчасъ за нимъ изрытый каменоломнями Волькенбургъ, далѣе лѣсистый Петерсбергъ, Лёвенбургъ, Розенау, Нонненштромбергъ... Всѣ эти горы, при незначительной высотѣ и большой доступности, даютъ прекрасныя точки зрѣнія на очаровательную картину рейнскихъ береговъ, представляютъ такое множество живописныхъ видовъ, такъ богаты легендами и историческими воспоминаніями, изобилуютъ такимъ разнообразіемъ горныхъ породъ, что всякій путешественникъ, будь онъ историкъ, ботаникъ, поэтъ, геологъ, или простой туристъ, интересующійся въ большей или меньшей степени всѣми сторонами жизни, всякій найдетъ здѣсь много такого, что надолго оторветъ его отъ впечатлѣній, навѣянныхъ жизнью въ Годесбергѣ.

Наверху Драхенфельса находится обелискъ, поставленный

въ память перехода союзниковъ черезъ Рейнъ во время наполеоновскихъ войнъ. Надпись на этомъ обелискѣ гласитъ о томъ, что Рейнъ долженъ остаться нѣмецкою рѣкою навѣки. Нѣсколько выше обелиска, надъ отвѣсомъ высокой скалы находятся развалины замка, основаніе котораго относятъ къ началу XII-го вѣка. На этомъ же мѣстѣ, еще ранѣе, по словамъ легенды, жилъ страшный, чудовищный драконъ, о которомъ разсказываютъ разныя диковины. Съ площадки замка открывается превосходный видъ на Рейнъ, какъ къ сторонѣ Бонна, такъ и къ сторонѣ Андернаха. Мѣстность же между Годесбергомъ и Роландсъ-экомъ вся передъ вами какъ на ладони. Здѣсь же и поэтическій Нонненвертъ, напоминающій безумную любовь рыцаря Тогенбурга. За Драхенфельсомъ, какъ я сказалъ, находится Вольkенбургъ. Гора эта гораздо ниже Драхенфельса, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что еще сравнительно недавно она была самою высокою изъ всѣхъ семи; теперь, ее, такъ сказать, разобрали, разнесли во всѣ стороны и сильно понизили. Трахитъ, изъ котораго она состоитъ, не содержитъ въ себѣ, подобно трахиту Драхенфельса, легко вывѣтривающихся кристалловъ полеваго шпата, и потому представляетъ отличный строительный матеріалъ. Значительная часть, увезеннаго съ Вольkенбурга, матеріала пошла на построеніе Кёльнскаго собора. Здѣсь также когда-то стоялъ замокъ; но о немъ ужь буквально сказать можно, что его и слѣдъ простылъ. Еслибы мы отправились далѣе съ одной горы на другую, то встрѣтили бы на каждой развалины замковъ или монастырей, на каждой узнали бы новую легенду, на каждой любовались бы новымъ видомъ, на каждой нашли бы или обломокъ трахита, или глыбу долерита, или кусокъ базальта и могли бы купить у мѣстныхъ жителей полную коллекцію образцовъ всѣхъ минераловъ, находимыхъ въ нѣдрахъ Семи горъ.

Историческія сказанія и легенды Семигорья, съ которыми читатель можетъ ближе познакомиться при помощи книги Вольфганга Мюллера изъ Кенигсвинтера (Sommertage in Siebengebirge), очень интересны, конечно; но не меньшій интересъ имѣютъ и тѣ сказанія, которыя геологъ читаетъ на скалахъ и каменныхъ породахъ этихъ живописныхъ горъ. Есть, при томъ же, въ этихъ сказаніяхъ нѣчто такое, чего не дадутъ никакія исторіи и легенды, нѣчто такое, что̀ придаетъ этимъ сказаніямъ особенную прелесть. Съ одной стороны, горныя породы говорятъ о такой древности, передъ которой эпоха среднихъ вѣковъ представляется чуть не вчерашнимъ днемъ; да и не она только, а даже древнѣйшія легенды человѣческаго рода, тѣ легенды, которыя думаютъ дать намъ истинную космогонію и геогенію, и мѣряютъ свое время ничтожною мѣрою тысячелѣтій, и тѣ даже блѣднѣютъ передъ величественной картиной, развертываемой геологіей. Съ другой стороны, исторія борьбы и усилій ума человѣческаго, добивавшагося раскрытія

этихъ великихъ геологическихъ тайнъ, невольно ставитъ рядомъ съ картиной первобытной жизни земли картину борьбы разума, пролагающаго путь среди дебрей и тьмы, застилающихъ истину. Возьмите какую-нибудь одну горную породу, хоть, напримѣръ, столь часто попадающійся на Рейнѣ базальтъ; у него есть своя легенда, отличающаяся отъ легенды о «Riese Drago vom Felsen», и ей подобныхъ только тѣмъ, что она не вымышлена. Поэтъ, художникъ могли бы изобразить намъ этого ветхаго днями, чернаго видомъ исполина, прорывающаго отвѣка покрывавшія его каменныя плиты и выходящаго на свѣтъ среди, столь непохожихъ на современныя, первобытныхъ формъ жизни. Человѣкъ не терзалъ еще его, какъ теперь, своимъ желѣзомъ, да и самого человѣка еще не было. Самъ старикъ Рейнъ не родился еще тогда и не красовался у подошвы Семи горъ. Природа цвѣла тогда иными цвѣтами, пестрѣла иною растительностью, питала иныхъ животныхъ...

Прошли вѣка, перемѣнилось многое. Являлись всякаго рода животныя, и всѣ, въ вихрѣ борьбы за существованіе, проходили мимо базальта и не тревожили его вопросами. Но вотъ явилось, наконецъ, и такое, которое, какъ бы очнувшись отъ долгаго сна, первое прервало безсознательный круговоротъ жизни своими пытливыми вопросами. Стоило только начаться этимъ вопросамъ, и ряду ихъ не стало видно конца. Дошла очередь и до базальта. И его мертвенный покой былъ нарушенъ роковымъ вопросомъ человѣка. На вопросъ этотъ, какъ и на всѣ другіе, явились сначала скороспѣлые, болѣе или менѣе нелѣпые, отвѣты. Но пришло иное время: глубоко стали врѣзываться въ базальтъ заступъ и кирка, разыскивая его всюду, куда бы онъ ни скрывался; по кускамъ разнесли его по музеямъ всего свѣта, и, наконецъ, подвергли его въ лабораторіи цѣлому ряду пытокъ... Все это совершалось среди самой ожесточенной войны—войны терпѣнія, остроумія, проницательности, эрудиціи. Загадка стала разгадываться, вопросъ сталъ получать положительное рѣшеніе. «Споръ о происхожденіи базальта, по словамъ Гумбольдта, останется навсегда прекраснымъ памятникомъ человѣческой проницательности, дѣлающимъ эпоху въ геологіи». Таково значеніе вопроса о базальтѣ въ наукѣ, такъ важны результаты его, полученные при его рѣшеніи.

Но намъ пора окончить нашу прогулку по Зибенгебирге.

Вечерѣетъ. Мы садимся въ лодку и направляемся къ скучному Годесбергу. Въ воздухѣ тихо, Рейнъ едва колышется... Мы оглядываемся еще разъ, еще разъ любуемся уходящимъ въ даль видомъ, и ѣдемъ далѣе...

Und die stolzen Siebenberge
Glühn in rothem Abendstrahle

Und erglühend glänzen grösser,
Stolzer sie in alle Thale. (W. Müller).

II.

Нѣмецкая книжная торговля.

Швальбахъ. Іюль 1869 г.

Было бы и долго, и скучно говорить о томъ, почему скучно жить на водахъ вообще и въ Швальбахѣ въ особенности. На водахъ вообще скучно, конечно, не всѣмъ, такъ-какъ есть же любители рулетки и воздыхатели по баламъ въ курзалахъ; этимъ господамъ, разумѣется, не скучно ни въ Висбаденѣ, ни въ Гомбургѣ, ни въ Баденъ-Баденѣ, ни даже въ Крейцнахѣ. Въ Швальбахѣ же нѣтъ ни рулетки, ни курзала; значитъ, здѣсь скучно даже и этимъ господамъ. Наконецъ, и природа Швальбаха и его окрестностей не представляетъ ничего особенно привлекательнаго и даже болѣе—она утомляетъ своимъ однообразіемъ.

Остается надежда на книги, газеты.

Но въ томъ-то и бѣда, что книгъ въ Швальбахѣ достать нелегко, а читальная зала здѣсь въ такомъ безпорядкѣ, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности слѣдить не только за многими, но даже и за одной какой-нибудь газетой; то и дѣло нѣтъ одного, двухъ нумеровъ. А если ихъ нѣтъ, то добиваться ужь и не пробуйте. Русскихъ газетъ не существуетъ вовсе, хотя треть пріѣзжихъ — русскіе.

Любители романовъ, въ особенности же такіе любители, которые способны упиваться Поль-де-Кокомъ, Дюма и Февалемъ, и перечитывать ихъ произведенія по два и три раза, могутъ найти себѣ нѣкоторое облегченіе отъ швальбахской скуки въ мѣстной маленькой библіотекѣ; остальнымъ же, требующимъ иного чтенія — бѣда. Нѣмецкую книгу вы получите дней въ десять, иногда въ недѣлю, но вѣдь, при кратковременномъ срокѣ пребыванія на водахъ, это долго; ненѣмецкую же вы можете тщетно ожидать мѣсяцъ и болѣе.

Еще въ Крейцнахѣ я былъ жестоко проученъ въ этомъ отношеніи. Покончивъ хлопоты съ квартирой, я отправился купить себѣ нѣсколько французскихъ книгъ. Въ магазинѣ не оказалось ни одной. Я назвалъ еще пять, шесть сочиненій. Та же исторія. Книгопродавцу стало неловко, и онъ, думая выйти изъ затрудненія, предложилъ мнѣ «*L'homme à trois culottes*». Такое предложеніе превратило досаду мою въ смѣхъ и, видя безнадежность своихъ поисковъ, я хотѣлъ уже уйти. Книгопродавецъ остановилъ меня предложеніемъ выписать желаемыя мною книги. Я захотѣлъ узнать, какъ скоро могутъ быть онѣ получены.

— *Фу буеэ ле авуаръ танъ септъ шуръ,* сказалъ онъ утвер-

дительно. Я сдался на это обѣщаніе, записалъ книги и ушелъ, унося одно нѣмецкое сочиненіе, которое пришлось взять по неимѣнію другихъ книгъ. — Я утѣшался, однакоже, что скоро буду имѣть то, что мнѣ было нужно.

«Танъ сентъ шуръ», я, съ нѣмецкою акуратностью являюсь въ магазинъ; но книгъ моихъ нѣтъ. Черезъ недѣлю, — опять нѣтъ. Такъ я и уѣхалъ, не получивъ ихъ.

Случай этотъ далеко не единственный; я слышалъ отъ моихъ знакомыхъ, бывшихъ на водахъ, что ихъ постигала та же участь: многіе изъ нихъ, надо замѣтить при этомъ, жили не въ захолустьяхъ, а въ такихъ городахъ, какъ Аахенъ, напримѣръ. Зло, значитъ, болѣе или менѣе всеобще въ Германіи.

Это только такъ кажется однако. Зло исправляется весьма легко; надо только знать его причину, а причина эта — наше незнаніе, наша неопытность. Послѣ крейцнахской неудачи, о которой я только-что разсказывалъ, ничего подобнаго со мной ужь болѣе не случалось: какъ нѣмецкія, такъ и французскія книги я всегда получалъ во все время моего остальнаго путешествія на третій, рѣдко на четвертый день, въ книгахъ недостатка не имѣлъ и былъ незнакомъ съ томительной швальбахской скукой, которою, сколько я могъ замѣтить, страдали въ большей или меньшей степени всѣ чопорные посѣтители этихъ водъ.

Дѣло въ томъ, что правильное рѣшеніе «книжнаго вопроса», столь важнаго для путешественника, возможно только при знакомствѣ съ организаціей нѣмецкой книжной торговли. Имѣя понятіе объ этой организаціи и примѣняясь къ ней, въ книгахъ нуждаться не придется.

Центральный пунктъ нѣмецкой книжной торговли есть, какъ извѣстно, Лейпцигъ. Здѣсь находится до 200 книгопродавческихъ фирмъ, здѣсь сосредоточивается издательская дѣятельность, здѣсь же и единственная въ Европѣ спеціальная биржа книгопродавцевъ, здѣсь наконецъ происходятъ и столь замѣчательныя въ книжномъ дѣлѣ ярмарки, въ оборотахъ которыхъ участвуютъ всѣ сколько нибудь замѣчательные книгопродавцы стараго и новаго свѣта, торгующіе нѣмецкими книгами. Узлы всей книгопродавческой дѣятельности слѣдуетъ искать однакоже ни въ одной изъ 200 фирмъ, ни въ конторахъ издателей, ни на биржѣ, ни на ярмаркахъ, — они у такъ-называемыхъ комисіонеровъ.

Лейпцигъ находится, какъ я сказалъ уже, въ сношеніяхъ со всѣми сколько нибудь значительными (изъ числа торгующихъ нѣмецкими книгами) книгопродавцами всего свѣта. Такихъ книгопродавцевъ приблизительно тысячи три. Всѣ они связаны съ Лейпцигомъ посредствомъ своихъ коммисіонеровъ, безъ участія которыхъ, по принятому и строго соблюдаемому обычаю, не совершается ни одна торговая сдѣлка. Положимъ, что жи-

вущій внѣ Лейпцига издатель желаетъ разослать изданную имъ книгу книгопродавцамъ; онъ дѣлаетъ это не непосредственно, но всю массу, назначенныхъ для разсылки книгъ, въ одномъ тюкѣ отправляетъ своему лейпцигскому коммисіонеру. Коммисіонеръ дробитъ этотъ тюкъ на маленькія посылки, согласно съ приложеннымъ къ тюку спискомъ, и отсылаетъ ихъ частью непосредственно книгопродавцамъ, по адресу, если онъ состоитъ и ихъ коммисіонеромъ, частью ихъ коммисіонерамъ въ Лейпцигѣ. Такимъ образомъ всѣ книги, назначенныя тому или другому книгопродавцу, стекаются въ Лейпцигѣ въ одинъ пунктъ; здѣсь масса небольшихъ посылокъ опять соединяется въ одинъ тюкъ и отправляется еженедѣльно; кромѣ газетъ, журналовъ, и книгъ, затребованныхъ за бандеролью, отправляемыхъ 2 и 3 раза въ недѣлю. Получателю, какъ и отправителю, дорогъ, конечно, такой упрощенный способъ сношеній, основанный на раціональномъ раздѣленіи труда. Каждый изъ нихъ избавленъ отъ содержанія цѣлой коммисіонерской конторы при своемъ магазинѣ, которая неизбѣжно потребовалась бы, не будь спеціальнаго коммисіонерства и счеты обоихъ не запутаны многочисленностью сношеній. Заказы и справки дѣлаются, какъ само собой разумѣется, все тѣмъ же путемъ. Книгопродавецъ, желающій получить тѣ или другія книги, или тѣ или другія свѣдѣнія, обращается къ своему коммисіонеру. Этотъ послѣдній, находясь въ центральномъ пунктѣ коммисіонеровъ всѣхъ нѣмецкихъ издателей и всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ книгопродавцевъ всего свѣта, имѣетъ полную возможность исполнить порученіе съ такой точностью и въ столь короткое время, какъ не могъ бы, конечно, сдѣлать самъ книгопродавецъ, письменно сносясь съ тѣми лицами, которымъ слѣдуетъ сдѣлать заказъ или отъ которыхъ надо получить справку. Въ послѣднемъ случаѣ, при томъ же, часто неизвѣстно, къ кому обратиться и вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только тогда, когда въ теченіе одного дня можетъ быть спрошена цѣлая масса книгопродавцевъ и издателей непосредственно или въ лицѣ ихъ коммисіонеровъ. Сношенія такого рода до крайности упрощены еще тѣмъ, что лейпцигскіе коммисіонеры, издатели и книгопродавцы сходятся на биржѣ и могутъ бесѣдовать кромѣ того между собою посредствомъ биржеваго листка (Börsenblatt), выходящаго разъ въ недѣлю, по субботамъ.

Сведѐніе счетовъ производится также при посредствѣ коммисіонеровъ. Обыкновенно на время ярмарки, бывающей на святой (Ostermesse), или, смотря по обстоятельствамъ, и въ другое время, книгопродавецъ, находящійся въ сношеніи съ Лейпцигомъ, посылаетъ своему коммисіонеру въ одинъ разъ всю сумму, которую онъ долженъ разнымъ издателямъ, при спискѣ, въ которомъ обозначены цифры долга каждому издателю. Коммисіонеръ дробитъ эту сумму и, поступая точно также и съ

остальными, полученными имъ въ то же время, составляетъ новыя крупныя единицы, обозначающія тѣ суммы, которыя слѣдуетъ получить издателямъ. Составивъ соотвѣтствующіе списки, онъ отсылаетъ деньги издателямъ также въ одинъ разъ. Въ практикѣ такой способъ уплаты очень часто упрощается сведеніемъ счетовъ между коммисіонерами, взаимно предъявляющими другъ другу счеты ихъ довѣрителей. Такъ-какъ въ этомъ случаѣ уплачивается только разность обоюдно предъявленныхъ счетовъ, то нерѣдко тысячные счеты сводятся на номинальную уплату и вся процедура оканчивается повѣркой счетовъ и приложеніемъ къ нимъ подписей обоихъ коммисіонеровъ.

Чтобы придать изложенному выше бóльшую опредѣленность, представимъ примѣръ. Положимъ, что книгопродавецъ Эггерсъ, въ Петербургѣ, желаетъ имѣть 10 экземпляровъ «Histoire de l'humanité par F. Laurent» (изданіе A. Lacroix, Verboeckhoven et C-ie въ Брюсселѣ). Какъ онъ поступаетъ? Онъ посылаетъ заказъ своему коммисіонеру N, N предъявляетъ этотъ заказъ NNN, коммисіонеру Лакруа, NN, если сочиненія въ складѣ у него нѣтъ, посылаетъ требованіе къ Лакруа, отъ котораго и получаетъ нужные 10 экземпляровъ. Эти 10 экземпляровъ переходятъ затѣмъ къ N и отъ этого послѣдняго ужь къ Эггерсу. Такимъ же путемъ совершается и уплата за эти 10 экземпляровъ.

Эта столь сложная, повидимому, процедура, до такой степени упрощаетъ ту дѣйствительную сложность, которую она устраняетъ, что въ Германіи многіе города, лежащіе въ двухъ, трехъ часахъ пути одинъ отъ другаго и сравнительно далеко отъ Лейпцига, предпочитаютъ, однакожь, сноситься между собою не непосредственно, но черезъ Лейпцигъ. Въ послѣднее время, быстрота сообщеній сдѣлала такія сношенія еще болѣе удобными; они могли бы достичь и еще высшей степени совершенства, еслибы эта же быстрота сообщеній не послужила къ ослабленію обычая, котораго прежде строго держались издатели, имѣть склады исключительно только въ Лейпцигѣ у своихъ коммисіонеровъ. Во всякомъ же случаѣ, какъ я сказалъ уже, всякая нѣмецкая книга, выписанная черезъ книгопродавца какого угодно захолустья, является черезъ недѣлю или много дней десять. Время это можетъ быть сокращено, однакожь, на половину и доведено даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ до двухъ дней (смотря по мѣсту). Объ этомъ я скажу ниже.

Изъ вышесказаннаго читателю легко составить понятіе о томъ, въ какое удобное положеніе поставлены коммисіонеры относительно полученія всѣхъ *новыхъ* книгъ. Чтобы стало ясно, что и относительно старыхъ книгъ положеніе ихъ не менѣе удобно, намъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о нѣмецкой торговлѣ старыми книгами, о такъ называемой *антикварной* торговлѣ, существующей во всей Германіи, но особенно развитой въ Лейп-

цигѣ. Нѣмецкіе антиквары имѣютъ съ нашими букинистами общаго только то, что тѣ и другіе торгуютъ старыми книгами; во всемъ остальномъ два типа эти представляютъ между собою полные контрасты. Антикваръ, вообще говоря, такой же книгопродавецъ, какъ и остальные, т.-е. онъ образованъ, знаетъ свое дѣло, ведетъ его правильно и не наровитъ надуть васъ на чемъ только возможно. Большая же часть лейпцигскихъ антикваровъ, кромѣ того, ведутъ дѣло довольно широко: имѣютъ большіе склады книгъ, издаютъ тщательные каталоги и слѣдятъ за всѣми книжными аукціонами. Если только изданіе не представляетъ библіографической рѣдкости, вы можете почти навѣрно разсчитывать, что достанете его у антиквара и достанете при томъ же въ исправномъ видѣ и по крайне дешевой цѣнѣ. Такъ, напримѣръ, за Hist. de la revol. fr. Луи-Блана вы заплатите 6 талеровъ, за Symbolik Крейцера $6^1/_2$, за Geschichte des neuer. Plilos. Вейгельта 20 грошей и т. д. За болѣе старыя сочиненія цѣны назначены еще низшія; такъ въ каталогахъ *Листа и Франке* я нахожу, что всѣмъ сочиненіямъ Болингброка въ 5 томахъ, назначена цѣна 1 талеръ, *Essais* Монтэня изд. 1640 стоютъ 2 талера, *Insula Utopia* Т. Мора 18 гр., собраніе соч. Пика Мирандольскаго изд. 1557 $2^1/_2$ талера и т. д. Всѣ каталоги антикваровъ можно всегда найти у коммисіонеровъ и имѣть, такимъ образомъ, предъ собою громадный выборъ книгъ, которыя вы можете получить отъ коммисіонера по той же цѣнѣ, которая означена въ каталогѣ. Каталоги эти издаются антикварами по спеціальностямъ, съ обстоятельными указаніями года изданія, числа томовъ и проч., и я думаю, что можно сказать безъ преувеличенія, что въ нихъ внесены всѣ книги, какія только были напечатаны въ Германіи въ настоящемъ и прошломъ столѣтіи, такъ же, какъ и множество книгъ болѣе старыхъ, и наконецъ немалое количество книгъ иностранныхъ *.

Положимъ однако же, что, несмотря на всю вѣроятность отъискать затребованную книгу въ Лейпцигѣ, коммисіонеръ не нашелъ ее; ему остается напечатать запросъ въ биржевомъ листкѣ, получаемомъ книгопродавцами всего свѣта, и можно сказать навѣрно, что всегда найдется такой, который откликнется на запросъ. Придется иногда ждать мѣсяцъ, два и болѣе, но книга явится и вы ее получите, въ какомъ захолустьѣ вы бы ни жили.

---

* Сколько мнѣ извѣстно, у насъ очень немногіе знаютъ о возможности выписывать книги и изъ Россіи по антикварнымъ каталогамъ, которые очень легко достать чрезъ всякаго книгопродавца и за появленіемъ которыхъ можно слѣдить по *Litter. Zentral Blatt*. Для выписывающихъ книги въ значительномъ количествѣ разница между обыкновенными и антикварными цѣнамя можетъ составить весьма круглыя суммы. Замѣчу, что въ антикварныхъ каталогахъ попадаются часто сравнительно новыя книги.

Описанная здѣсь организація нѣмецкой книжной торговли прямо наводитъ на мысль о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ поступать для возможно скорѣйшаго полученія книгъ въ томъ случаѣ, если судьба занесетъ васъ на какія-нибудь воды, гдѣ кромѣ романовъ рѣшительно ничего достать нельзя. Обратите вниманіе, на что тратится время. Вы дѣлаете мѣстному книгопродавцу заказъ. Онъ увѣряетъ васъ, что онъ ему дастъ ходъ немедленно же. Не вѣрьте. Сношенія его съ коммисіонерами правильны, и онъ отъ правильности этой ради вашего случайнаго заказа не отступитъ; если онъ пишетъ къ нему по понедѣльникамъ, можно ручаться, что будь заказъ вашъ сдѣланъ во вторникъ, онъ пролежитъ все же-таки до слѣдующаго понедѣльника, а вы будете получать отвѣтъ «завтра» или что нибудь подобное. Такая же правильность заведена и у коммисіонера: и онъ не сдастъ вашей книги ранѣе, чѣмъ не накопится ихъ столько, что составится тюкъ извѣстнаго вѣса. Вся эта процедура идетъ какъ хронометръ, и вы терпите, ждете, и если не предупредить, что желаете получить книгу за бандеролью по скорому поѣзду, то не получите и въ теченіе двухъ недѣль. Если же заявленіе о бандеролѣ сдѣлано, то пройдетъ недѣля или дней 8. Непосредственное сношеніе съ коммисіонеромъ устраняетъ всѣ эти длинноты. Пошлите какому-нибудь лейпцигскому коммисіонеру нѣкоторую сумму, сообразно съ тѣми заказами, которые вы ему будете дѣлать, и затѣмъ выписывайте отъ него что угодно, упоминая впрочемъ, что желаете получать *sous bande*, и вы будете имѣть требуемыя книги черезъ 2, 3 дня, въ какомъ бы германскомъ захолустьѣ вы ни жили. Тамъ просто разрѣшается столь важный, для путешествующаго за границей, книжный вопросъ. Я совершенно серьёзно говорю *важный*, потому что дѣло идетъ здѣсь не объ одномъ только лекарствѣ отъ скуки; дѣло идетъ о возможности не прекращать своихъ занятій, куда бы судьба васъ ни занесла; дѣло идетъ, наконецъ, и о томъ, чтобы не одно только пребываніе въ большихъ центрахъ давало возможность читать то, чего у насъ, по причинѣ, конечно, немногимъ понятной, вовсе прочесть невозможно. Незнакомство съ нѣмецкой книжной торговлей часто лишаетъ однакоже русскихъ путешественниковъ этой отрады. Пусть же будетъ имъ извѣстно, что ларчикъ отпирается просто. Что же касается до затрудненій, могущихъ возникнуть отъ неожиданныхъ перемѣнъ мѣста, то образцовая прусская почта выручаетъ здѣсь всякаго: оставьте вашъ адресъ въ почтовой конторѣ, и будьте увѣрены, что ни письмо ваше, ни посылка не пропадутъ. Наконецъ, телеграфный тарифъ таковъ, что пользоваться имъ возможно и людямъ средняго состоянія. Все это вмѣстѣ позволяло мнѣ получать во все время моего путешествія не только книги, но даже журналы и газеты и даже русскія газеты, такъ что я никогда не терялъ тѣхъ минутъ сладостнаго умиленія, которыя мнѣ, какъ патріоту, доставляли *русскія* извѣстія *о Россіи*.

Итакъ, я кажется сказалъ все, что̀ необходимо знать путешественнику, для котораго книжный вопросъ — важный вопросъ. Прибавлю только, что черезъ коммисіонеровъ удобно выписывать только нѣмецкія книги, французскія всего лучше получать прямо черезъ какой-нибудь брюссельскій или женевскій торговый домъ. Такъ-какъ въ Пруссіи книги, получаемыя изъ-за границы, не досматриваютъ нигдѣ, то по всему Рейну отъ Майнца до Кёльна можно получать французскія книги еще скорѣе нѣмецкихъ. «Съ какимъ наслажденіемъ распечатываю я новость, вышедшую дня за три въ Брюсселѣ! — говоритъ мнѣ иногда мой знакомый. — И, въ самомъ дѣлѣ, — прибавляетъ онъ при этомъ, — чѣмъ Пруссія хуже Бельгіи? Ужели если Бельгія благоденствуетъ, читая эти книги, то не можетъ, читая ихъ, благоденствовать и Пруссія? Такъ, вѣроятно, думали и прусскіе законодатели, и не оскорбили ни себя, ни своихъ соотечественниковъ, унизивъ ихъ передъ сосѣдями». Но взгляды на вещи различны, и я думаю, что лучшій изъ нихъ все-таки—русскій.

Есть люди (подобные только что упомянутому либералу), которые разсуждаютъ такъ, что работа ума и ея успѣхи идутъ теперь не отдѣльно у каждаго европейскаго народа, а находятся во взаимной зависимости и связи, такъ что ни одинъ народъ, дѣйствуя отдѣльно, не можетъ не только затормозить этой работы, но даже не въ состояніи представить ей и малѣйшаго серьёзнаго препятствія. Они утверждаютъ, что борьба съ умственнымъ движеніемъ, веденная той или другой европейской страной отдѣльно, похожа на борьбу академіи съ Ломоносовымъ, отъ котораго можно было отставить академію, но котораго отъ академіи отставить было нельзя. Они утверждаютъ далѣе, что иного смысла въ борьбѣ съ умственнымъ движеніемъ и быть не можетъ, такъ-какъ стало уже азбучною истиной, что таможни и цензура безсильны въ этой борьбѣ, и, слѣдовательно...

Я ихъ всегда прерываю, замѣчая, что, если это и такъ, то всѣ эти разсужденія имѣютъ значеніе для Турціи, для Папской Области, но не для насъ, а потому они по меньшей мѣрѣ неумѣстны. Я не слушаю затѣмъ ихъ возраженій, но думаю, что возраженія эти столь же неосновательны, сколь и неблагонамѣренны. Я исправно пью швальбахскую воду и жду той минуты, когда возвращусь въ любезное отечество.

В. Лесевичъ.

(Продолженіе впредь).

ОДИНЪ ИЗЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ.

(**Тимоѳей Николаевичъ Грановскій. Біографическій очеркъ. А. Станкевича. Москва. 1869**).

Статья первая.

Процессъ, посредствомъ котораго либеральная мысль проникаетъ въ общество, сопровождается такими типическими признаками, которые повсемѣстно и во всѣ времена повторяются съ одинаковымъ постоянствомъ. Самый существенный изъ этихъ признаковъ заключается въ томъ, что мысль представляется намъ дѣйствующею подъ покровомъ тайны, затемняемою множествомъ оговорокъ, окруженною со всѣхъ сторонъ враждебными элементами и сопряженною съ значительными рисками и пожертвованіями для ея представителей. Какъ ни ясны убѣжденія исторіи, доказывающей, что попытки либеральной мысли всегда были направлены единственно къ тому, чтобы устранять различныя недоумѣнія, мѣшающія общественному развитію, что онѣ всегда клонились къ наилучшему устройству умственныхъ и матеріальныхъ (наиболѣе доступныхъ пониманію большинства) интересовъ человѣчества, и что, наконецъ, онѣ, во всякомъ случаѣ, несмотря на противодѣйствія, пріобрѣтали успѣхъ, и успѣхъ тѣмъ болѣе спокойный и надежный, чѣмъ менѣе испытывалось противодѣйствій, — установившаяся практика мало вѣритъ не только указаніямъ исторіи, но даже убѣжденіямъ такихъ фактовъ, которые случились у нея на памяти. На глазахъ ея проходятъ явленія, которыя вчера еще поражали своимъ либерализмомъ, а слѣдовательно и предполагаемою опасностью, а сегодня уже сдѣлались принадлежностью самаго обыкновеннаго порядка вещей, но она и за всѣмъ тѣмъ остается при своемъ недовѣріи, обставляя его, для приличія, ссылками на несвоевременность, неподготовленность и т. д. Отсюда, то прямое послѣдствіе, что, кромѣ чрезвычайной медленности, которою сопровождается укорененіе цивилизующихъ идей въ массахъ, до сихъ поръ не выработано даже достаточно твердыхъ рамокъ, въ которыхъ эти идеи могли бы спокойно формулировать себя и спокойно же выслушивать возраженія. Почему-то, предполагается полезнымъ, чтобы мысль находилась въ состоя-

нiи постоянной тревоги, чтобы она высказывалась не сразу, а только въ размѣрѣ сотой или тысячной доли, и чтобы въ обществѣ царствовало умѣренное невѣжество, въ которомъ видится надежнѣйшiй залогъ его благополучiя. Человѣкъ пытливый очень часто бываетъ несчастливъ въ жизни — практика подмѣчаетъ это обстоятельство, и, не вникая въ его причины, выводитъ заключенiе, что истинное счастiе состоитъ въ возможно большемъ ограниченiи области знанiй доступныхъ, и въ возможно большемъ расширенiи области знанiй, предполагаемыхъ недоступными. Чтобы достигнуть этого счастья, да кстати привлечь къ нему и сосѣдей, которые, быть можетъ, и не желаютъ его, предпринимается цѣлый рядъ усилiй, нерѣдко имѣющихъ очень чувствительное практическое значенiе.

Гдѣ кроется корень этой подозрительности? въ историческихъ ли недоразумѣнiяхъ, которыя составляютъ основной капиталъ всякой рутины, или въ тѣхъ обобщенiяхъ, которыя приноситъ съ собой цивилизующая мысль, и безграничная въѣдчивость которыхъ не можетъ не дѣйствовать устрашающимъ образомъ на неразвитые умы? — на эти вопросы можетъ обстоятельно отвѣтить только будущая исторiя цивилизацiи человѣчества; но не подлежитъ сомнѣнiю, что недовѣрiе къ либеральной мысли принадлежитъ къ числу тѣхъ непререкаемыхъ фактовъ, которые представляются человѣческому уму сами собой всякiй разъ, какъ онъ рѣшается затронуть такiе вопросы, которые освящены всемiрнымъ обычаемъ, или даже просто обычаемъ какой-нибудь страны. Среди всеобщаго господства рутины, дающей свободный прiютъ всевозможнымъ безсилiямъ, человѣкъ, вносящiй въ жизнь новую мысль, является въ мнѣнiи массъ не болѣе, какъ назойливою аномалiей, стремящейся сдвинуть общество съ наѣзжаной колеи единственно ради удовлетворенiя личнаго болѣзненно-развитаго самолюбiя. Призывъ къ сознательности считается на ряду съ оскорбленiемъ; попытка анализировать данное положенiе становится чѣмъ-то въ родѣ преднамѣреннаго озорства, предпринятаго не съ тѣмъ, чтобы раскрыть обществу глаза, а съ тѣмъ, чтобъ породить въ немъ безконечныя волненiя. Что нужды, что, въ концѣ концовъ, отъ анализа все-таки никуда не скроешься, что онъ придетъ самъ собою и будетъ тѣмъ неумолимѣе, чѣмъ внезапнѣе произойдетъ его появленiе,—общественныя массы слишкомъ стѣснены всякими насущными потребностями, чтобы такъ далеко простирать свою предусмотрительность. Даже и тогда, когда эта предусмотрительность приходитъ къ нимъ со стороны, онѣ смотрятъ на нее, какъ на непрошенную помѣху, которая отвлекаетъ ихъ отъ такъ-называемыхъ текущихъ интересовъ жизни, и противъ которой никакiя мѣры предосторожности не могутъ быть сочтены излишними.

Какъ бы то ни было, но на первыхъ же порахъ, какъ только либеральная мысль вступаетъ на арену дѣятельности, эта арена уже представляется ей стрегомою чѣмъ-то въ родѣ зѣва чудо-

вища, которое на каждомъ шагу угрожаетъ поглотить дѣятеля. Опасности, съ которыми приходится имѣть дѣло, безчисленны, но онѣ все-таки были бы не столь непреодолимы, еслибы приходили только извнѣ, не затрогивая самой внутренней сущности мысли. Но въ томъ-то и дѣло, что эти внѣшнія опасности слишкомъ скоро усложняютъ свой грубый характеръ множествомъ разнаго рода признаковъ чисто-интимнаго свойства, и приводятъ за собой цѣлую свиту опасностей внутреннихъ, съ которыми бороться уже гораздо труднѣе. Для примѣра, укажемъ здѣсь на тѣ изъ этихъ опасностей, которыя имѣютъ наиболѣе рѣшительное вліяніе на успѣхи цивилизующей мысли. Опасности эти, по мнѣнію нашему, заключаются, вопервыхъ, въ томъ, что измѣняется самое содержаніе мысли; вовторыхъ, въ томъ, что незамѣтнымъ образомъ дѣятельное проявленіе мысли подчиняется такого рода пріемамъ, которые значительно ослабляютъ ея вліяніе на общество, и втретьихъ, въ томъ, что мысль постепенно изолируется и дѣлается неспособною стоять на одномъ уровнѣ съ позднѣйшими успѣхами человѣческаго разума и понимать потребности той среды, къ которой она обращается.

Что внутреннее содержаніе мысли можетъ замѣниться другимъ, имѣющимъ съ нимъ очень мало точекъ соприкосновенія, и даже на долгое время отодвинуться на задній планъ — это объясняется тѣмъ, что одна изъ самыхъ существенныхъ потребность мысли заключается въ пропагандѣ. Пропаганда необходима не только въ видахъ пріобрѣтенія возможно бо̀льшаго количества прозелитовъ, но и въ видахъ успокоенія собственныхъ колебаній мысли. Предоставленная исключительно самой себѣ, или обращаясь въ средѣ слишкомъ однородной, мысль можетъ достигнуть результатовъ болѣзненныхъ, почти чудовищныхъ. Таковы были нѣкоторыя проявленія средневѣковой мысли, выразившіяся въ религіозномъ фанатизмѣ; таковы же проявленія мысли въ замкнутыхъ корпораціяхъ, почему-либо считающихъ себя отдѣленными отъ жизни extra muros. Цѣлыя поколѣнія прозябаютъ, довольствуясь скудною и такъ сказать загнившею духовною пищею, именно благодаря недостатку въ освѣженіи умственнаго матеріала, или тому, что освѣженіе это происходитъ въ предѣлахъ слишкомъ ограниченной и исключительной среды. Но для того, чтобы пропаганда могла существовать не по имени только, необходимо сдѣлать арену ея на столько свободною, чтобы вопросы и возраженія формулировались во всемъ ихъ объемѣ. Если одна изъ спорящихъ сторонъ имѣетъ возможность высказывать свои положенія безъ утайки, а другая высказывается только съ примѣсью безчисленнаго множества оговорокъ, то послѣдствіемъ такого рода обмѣна мыслей можетъ быть лишь безполезная трата времени. Отсюда то необходимое послѣдствіе, что первые шаги мысли неизбѣжнымъ образомъ направляются къ тому, чтобы обезпечить свободу дѣйствія и оградить отъ насильственныхъ вторженій тѣ рамки, въ кото-

рыхъ ей предстоитъ проявлять себя. Или, говоря точнѣе, первенствующее значеніе пріобрѣтаетъ уже не дѣйствительное содержаніе мысли, а то, что̀, по отношенію къ нему, составляетъ не больше, какъ побочное обстоятельство (инцидентъ). Это искусственное отвлеченіе лучшихъ силъ мысли къ такому дѣлу, которое важно лишь, какъ вопросъ регламентаціи, не только мѣшаетъ своевременному выполненію главной задачи ея, но даже въ значительной степени затемняетъ ее. Ученіе, имѣвшее въ первоначальномъ своемъ источникѣ соціальное или обще-философское основаніе, пріобрѣтаетъ характеръ политическій, совершенно ему чуждый. Одна задача, или лучше сказать, одно слово занимаетъ всѣ умы, это слово: свобода. Но что̀ такое, въ сущности, это слово? представляетъ ли оно какой-нибудь конкретный смыслъ? — Нѣтъ, оно имѣетъ только значеніе рамокъ, которыя необходимы для того, чтобы человѣчество безъ помѣхи и наилучшимъ образомъ могло обсудить и устроить свои интерессы, но которыя никакъ не могутъ служить сами по себѣ цѣлью. Представьте себѣ какое-нибудь политическое или ученое общество, которое, вмѣсто того, чтобы разработывать тѣ предметы, для обсужденія которыхъ оно собралось, истощало бы всѣ свои силы единственно на разрѣшеніе вопросовъ объ устройствѣ и порядкѣ своихъ засѣданій, — что̀ можно было бы сказать о такомъ обществѣ, кромѣ того, что оно пожертвовало своими прямыми цѣлями въ пользу вопросовъ, неимѣющихъ никакого существеннаго значенія? И вотъ, между тѣмъ, подобнаго рода препирательства, — только въ громадныхъ размѣрахъ, — идутъ отъ начала вѣковъ по поводу такого понятія, котораго подразумѣваемость во всякомъ дѣлѣ должна считаться сама по себѣ непререкаемою истиною.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что въ настоящее просвѣщенное время, когда сфера политическихъ правъ постепенно расширяется, странно даже и говорить о какомъ-то непризнаніи принципа свободы. Но это странность только кажущаяся. Свобода, какъ принципъ, дѣйствительно признается всѣми, и всѣ партіи охотно пишутъ это слово на своемъ знамени, потому, что привлекательность его освящена преданіемъ. Но тѣ же партіи очень хорошо понимаютъ и его растяжимость, и знаютъ, что оно ровно ни къ чему не обязываетъ. Свобода въ этихъ случаяхъ принимается какъ нѣчто отвлеченное, совершенно независимое отъ того содержанія, которымъ она наполняется. Въ этомъ смыслѣ ее допускаютъ дѣйствительно очень охотно. Но какъ только содержаніе начинаетъ идти въ разрѣзъ съ господствующими мнѣніями и предразсудками, то никому не кажется ни предосудительнымъ, ни нелогичнымъ противодѣйствовать ему не только путемъ доказательствъ и опроверженій (противъ чего невозможно и претендовать), но и путемъ самой простой травли. Самый принципъ свободы при этомъ представляется нетронутымъ, ибо онъ заслоняется тѣмъ содержа-

ніемъ, которое его наполняетъ; кажется, что попирается въ этомъ случаѣ не свобода, а то ученіе, которое, благодаря ей, увидѣло свѣтъ, и которое въ данную минуту почему либо считается неблаговременнымъ. Какой нибудь мудрецъ московскаго Зарядья засѣлъ въ свою мурью и протестуетъ оттуда противъ непреодолимаго хода человѣческой мысли. Онъ ничего собственно не опровергаетъ, а только цитируетъ и отдаетъ на поруганіе; но спросите его, думаетъ ли онъ при этомъ надругаться надъ принципомъ свободы мысли и слова, — нѣтъ, онъ представитъ вамъ тысячу доказательствъ, что слово «свобода» точно такъ же дорого для него, какъ и для васъ, что онъ никогда и не предполагалъ ругаться надъ нимъ... Отчего же онъ, однакожъ, на каждомъ шагу попираетъ его? — а оттого просто, что онъ не понимаетъ, или не хочетъ понимать, что это слово не имѣетъ самостоятельнаго существованія, что люди держатся за него не въ смыслѣ окончательной цѣли человѣческаго прогресса, а только въ той мѣрѣ, въ какой оно ограждаетъ то существенное и самостоятельное, которое ставится подъ защиту его.

Подобныя увлеченія побочными отвлеченностями составляютъ первую внутреннюю опасность для цивилизующей мысли. Постоянная необходимость борьбы за принципы, чуждые существу мысли, производитъ прецеденты, отъ которыхъ освободиться очень не легко. Философъ, экономистъ, натуралистъ превращаются въ политическихъ дѣятелей, просто въ силу одного обычая, и очень часто истощаютъ всѣ свои силы для того, чтобы сказать только одну извѣчную истину: что арена мысли должна быть, по малой мѣрѣ, свободна отъ травли. И опять-таки, сказать ее не прямо, а подъ покровомъ таинственности, которая даже и инциденту придаетъ смыслъ неполный и значительно видоизмѣненный. Какіе ущербы несетъ отъ подобныхъ уклоненій общество — это даже приблизительно опредѣлить невозможно, но что они существуютъ, мы можемъ въ томъ убѣдиться, если представимъ себѣ такое положеніе вещей, въ которомъ человѣкъ, вмѣсто того, чтобы производить цѣнности, проводилъ бы время въ испрашиваніи себѣ разрѣшеній на это производство. Нелѣпость подобнаго положенія ясна всякому, но къ сожалѣнію, очень мало мы видимъ людей, которые были бы способны дѣлать, по поводу его, тѣ примѣненія и обобщенія, которыми оно такъ богато.

Другая внутренняя опасность, которая сторожитъ цивилизующую мысль въ ея развитіи, заключается въ сокращеніи пріемовъ дѣйствія и въ подчиненіи ихъ принципу такъ-называемаго соглашенія. Нѣтъ почвы болѣе опасной и скользкой, какъ почва соглашеній. Однажды попавъ на нее, человѣкъ, незамѣтно для себя самаго, пріобрѣтаетъ такое множество дурныхъ привычекъ, что только чудо можетъ спасти его отъ окончательнаго паденія. Проповѣдуется снисходительность, терпимость и уступчивость

(и, замѣтимъ въ скобкахъ, проповѣдуется совершенно правильно, въ смыслѣ принципіальномъ), какъ такія качества, которыя наиболѣе приличествуютъ характеру человѣческихъ дѣйствій, и упускается изъ вида та обстановка времени и мѣста, въ которой эти прекрасныя качества должны проявляться, и которая можетъ сообщить имъ характеръ совершенно неожиданный и нежелательный. И, что̀ всего важнѣе, забывается, что уступчивость, какъ орудіе тактики, тогда только можетъ имѣть дѣйствительное значеніе, когда она одинаково практикуется обѣими заинтересованными въ спорѣ сторонами, а не тогда, когда одна сторона расширяетъ свои требованія до безконечности, а другая обязывается въ такой же пропорціи съуживать свои. Нѣтъ сомнѣнія, что терпимость есть дѣйствительно лучшая окраска человѣческой дѣятельности, но не можетъ быть спора и о томъ, что дѣйствіе этого качества тогда только представляется существенно полезнымъ, когда оно ограничивается формальнымъ признаніемъ общей свободы убѣжденій (хотя бы и невѣжественныхъ), а не тогда, когда оно наноситъ ущербъ цѣльности собственнаго убѣжденія лица, практикующаго терпимость. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, терпимость, снисходительность и уступчивость нерѣдко до такой степени измѣняютъ свой характеръ, что дѣлается труднымъ различить, дѣйствительно ли тутъ идетъ объ нихъ рѣчь, какъ о принципахъ, или же онѣ выставляются впередъ только для прикрытія робости и малодушія тѣхъ, которые проповѣдуютъ эти качества. Обыкновенно человѣкъ начинаетъ проповѣдью терпимости, а кончаетъ тѣмъ, что одинъ по одному обрываетъ лепестки того пышнаго цвѣта, который носитъ имя нравственнаго убѣжденія. Понятно, что въ результатѣ оказывается безцвѣтный остатокъ, незамѣтно приравнявшій себя бродячей и безцѣльно-мечущейся толпѣ, которая ничего не знаетъ, кромѣ преданій и завѣщаннаго ими кодекса безсодержательныхъ истинъ.

И между тѣмъ, эта скользкая почва соглашеній есть та самая, на которую всего чаще указываетъ и суровость установившейся практики, и та неизвѣстность, которая со всѣхъ сторонъ охватываетъ дѣло либеральной мысли. Нужно обладать очень сильнымъ и вѣрнымъ вооруженіемъ, чтобы пройти мимо упомянутаго выше чудовищнаго зѣва, не отравивъ навсегда своей памяти воспоминаніемъ объ немъ, чтобы сохранить неприкосновеннымъ *все* свое нравственное убѣжденіе, не отозваться въ извѣстныхъ случаяхъ незнаніемъ и не слукавить передъ своею совѣстью. Тѣмъ не менѣе, объясненіе вредной наклонности къ соглашеніямъ съ помощью однихъ внѣшнихъ опасеній все-таки не исчерпываетъ факта во всемъ его объемѣ, а нуждается въ другихъ, болѣе существенныхъ подкрѣпленіяхъ. Что въ дѣлѣ соглашеній дѣятельнымъ агентомъ является не одинъ страхъ передъ неумолимостью практики, это доказывается тѣмъ, что на этой почвѣ мы встрѣчаемъ такія имена, съ упоминове-

ніемъ которыхъ въ нашихъ умахъ возникаетъ представленіе объ убѣжденіяхъ совершенно опредѣленныхъ. Присутствіе этихъ убѣжденій мы чувствуемъ, несмотря на всѣ колебанія; мы можемъ прослѣдить ихъ, шагъ за шагомъ, несмотря на запутанности, которыми они окружены. Люди, выработавшіе себѣ вполнѣ ясные идеалы, не могутъ уступать ихъ ради одного страха передъ внѣшнею обязанностью, уже потому одному, что самая выработка этихъ идеаловъ сопровождается опасностями на столько значительными, что человѣкъ, испытавшій ихъ, имѣетъ полное право безъ недовѣрія относиться къ своей нравственной силѣ. Тотъ рѣшительный шагъ, который даетъ окраску всей жизни человѣка, никогда не дѣлается безъ тяжкихъ жертвъ. Для многихъ онъ стоитъ радикальной перемѣны въ самомъ образѣ существованія, для многихъ—разрыва съ той коренной средой, къ которой они принадлежали, и которая привязываетъ къ себѣ не только силою воспоминаній и привычки (а кто не испыталъ на себѣ, какъ велика эта сила?), но и силою дѣйствительно оказанныхъ услугъ. Можно ли допустить, что человѣкъ, рѣшившійся однажды на подобный шагъ, есть человѣкъ робкій и легкомысленный; что онъ не съумѣетъ поддержать свои убѣжденія съ тою же твердостью, съ какою къ нимъ первоначально приступалъ? Нѣтъ, подобная мысль можетъ быть допущена много-много, какъ одинъ изъ второстепенныхъ мотивовъ, обусловливающихъ человѣческія дѣйствія, а отнюдь не какъ единственное или даже характеристическое объясненіе ихъ. Этого послѣдняго, очевидно, слѣдуетъ искать совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, а именно въ тѣхъ цѣляхъ, которыя предполагается достигнуть путемъ соглашенія.

Цѣли, которыхъ обыкновенно предполагаютъ достигнуть путемъ соглашеній, въ первоначальномъ, безпримѣсномъ своемъ видѣ, всегда заключаются въ огражденіи интересовъ самой либеральной мысли. Если велики нравственныя страданія, причиняемыя борьбою съ предразсудками и наивнымъ (непреднамѣреннымъ) непониманіемъ истинъ самыхъ безспорныхъ, то они дѣлаются еще болѣе невыносимыми, когда устраняется самый вопросъ о возможности борьбы, и когда предразсудокъ стоитъ твердо, благодаря не внутренней своей силѣ (таковой никогда у него не обрѣтается), а множеству внѣшнихъ обезпеченій, которыя освобождаютъ его даже отъ дачи какихъ-либо отвѣтовъ и объясненій. Устрашаетъ не опасность борьбы и даже не неминуемость поглощенія (хотя и въ этомъ нѣтъ ничего особенно привлекательнаго), но предвидѣніе гораздо болѣе горькое и существенное: предвидѣніе той безгласности и безплодности, которыми имѣетъ сопровождаться поглощеніе. Передъ дѣятелемъ мысли стоитъ очень большая область, которую онъ просто на просто обязывается не трогать, и рядомъ съ нею очень маленькая, въ которой онъ можетъ распоряжаться, подъ опасеніемъ лишенія огня и воды. Эта угроза, всегда присущая, всегда выражаемая

съ самою возмутительною ясностью, имѣетъ изнурительное вліяніе не на одинъ внѣшній образъ дѣйствія, но и на внутренній строй убѣжденій. Начинаетъ казаться, что соглашенія могутъ нѣчто спасти; является надежда, съ ихъ помощью, отстоять хотя наружное бытіе тѣхъ дорогихъ принциповъ, которые въ противномъ случаѣ рискуютъ быть совершенно затоптанными. Пускай мысль захирѣетъ на время, думаютъ ея поборники, пускай она живетъ жизнью неполною и далеко ненормальною, но, покрайней мѣрѣ, она не на всегда будетъ вычеркнута изъ числа умственныхъ цѣнностей, обращающихся въ человѣчествѣ, и современемъ, конечно, возвратитъ себѣ утраченную силу и достоинство. Таковъ силлогизмъ, который обыкновенно предшествуетъ соглашеніямъ, и по нашему мнѣнію, онъ заключаетъ въ себѣ единственно-правдивое и добросовѣстное объясненіе даже такихъ уступокъ, которыя, на первый взглядъ, возмущаютъ насъ.

И дѣйствительно, мы видимъ, что либеральная мысль, хоть медленно, хоть черепашьими шагами, но все-таки проникаетъ въ общество, и что мы, напримѣръ, люди современной Европы, отстоимъ довольно далеко и отъ азіятскаго деспотизма, и отъ идей фаталистической неравноправности людей, царствовавшихъ въ древнихъ республикахъ, и отъ религіозной нетерпимости среднихъ вѣковъ. Когда Людовикъ XIV произносилъ свое знаменитое: l'état c'est moi, то, конечно, были мыслители, которые очень хорошо понимали, что подобная фраза есть плодъ самаго вреднаго тщеславія, однако ни одинъ изъ нихъ не рѣшился выразить это прямо, и знаменитый король такъ и умеръ въ томъ пріятномъ заблужденіи, что въ его лицѣ сосредоточивались и благополучія и невзгоды всей Франціи. Тѣмъ не менѣе, съ небольшимъ черезъ полвѣка, эта самая фраза, никѣмъ въ свое время прямо не опровергнутая, все-таки встрѣтила себѣ опроверженіе самое наглядное и безповоротное. Не доказываетъ ли это, что при извѣстной обстановкѣ убѣжденіе, высказанное, такъ-сказать, въ упоръ, можетъ, безъ всякой для себя пользы, возбудить только слѣпой и авторитетный фанатизмъ и всѣ ужасы сопряженной съ ними ярости? Не доказываетъ ли это, что самая наклонность къ соглашеніямъ заключаетъ въ себѣ своего рода упорство, которое даже не безполезно для успѣховъ мысли?

Что во всѣхъ этихъ предположеніяхъ есть извѣстная доля справедливости — съ этимъ невозможно не согласиться, особенно если мы не будемъ упускать изъ вида ту невыгодную обстановку, среди которой мысль обыкновенно проявляется, но въ абсолютномъ смыслѣ все-таки еще болѣе справедливо, что ничто не дѣйствуетъ на мысль столь растлѣвающимъ образомъ, какъ необходимость прибѣгать къ оговоркамъ и уступкамъ. Ученіе, пораженное этой язвою, кромѣ того, что бываетъ вынуждено дѣлать продолжительные и безполезные обходы, всегда

принимаетъ въ себя столько примѣсей, которыя дѣлаютъ его въ значительной степени неузнаваемымъ. Разительный примѣръ подобнаго извращенія мы видимъ на идеѣ человѣческой равноправности, составляющей одну изъ главныхъ задачъ христіанскаго ученія. Нѣтъ сомнѣнія, что идея эта и сама по себѣ совершенно проста (такъ сказать, присуща пониманію каждаго), да и вполнѣ соотвѣтствуетъ выгодамъ большинства, а между тѣмъ сколько прошло вѣковъ, сколько пролито человѣческой крови для ея торжества, и все-таки твердыхъ основаній, которыя дозволяли бы предполагать, что она дѣйствительно вошла въ общее сознаніе, не имѣется, и скораго конца борьбѣ за возстановленіе первоначальной ея чистоты не предвидится. Другой подобный примѣръ, хотя и не столь разительный, представляетъ идея, ставящая прогрессъ человѣчества въ зависимость отъ уясненія отношеній человѣка къ природѣ. Еще Сенека говорилъ: naturalia non sunt turpia, а много ли даже въ наше время найдется такихъ, которые въ этомъ афоризмѣ не видѣли бы посягательства на спокойствіе общества, а въ дѣятельности, проникнутой подобнымъ направленіемъ, не заподозрили бы элементовъ, стремящихся втоптать въ грязь вѣрованія, которыми живутъ массы! Отчего происходитъ это вѣчное колебаніе, въ которомъ находятся истины, повидимому совершенно безспорныя? Очевидно, что причину его должно искать, между прочимъ, и въ томъ невыгодномъ положеніи, которое обязываетъ мысль поступаться самою существенною частью самой себя, и которое не только замедляетъ ходъ ея, но и самую ея сущность растлѣваетъ множествомъ самыхъ дурныхъ привычекъ, обращающихся нерѣдко въ природу. Если и представляется невѣроятнымъ, что соглашенія до извѣстной степени ограждаютъ мысль отъ опасностей совершеннаго исчезновенія, то не подлежитъ никакому спору, что они же дѣлаютъ ее малосильною и достигающею своихъ результатовъ медленнымъ и мучительнымъ путемъ.

Наконецъ, третью внутреннюю опасность представляетъ та изолированность, въ которую становится мысль вслѣдствіе долговременнаго разобщенія съ жизнью и ея дѣйствительными требованіями. Справедливость этого положенія всего лучше объяснитъ намъ слѣдующій примѣръ. Извѣстно, что послѣ декабрьскаго переворота во Франціи, для либеральной мысли наступили черные дни. Представители ея были разсѣяны по лицу земли: однихъ сослали въ Кайенну или въ Алжиръ, другихъ просто изгнали изъ Франціи, третьи сами удалились за границу. Такимъ образомъ, очень значительная масса людей, стоявшихъ во главѣ либеральнаго движенія (по свидѣтельству одного изъ апологистовъ декабрьскаго переворота, Гранье-де-Кассаньяка, этимъ порядкомъ освободились отъ 26,000 человѣкъ), вдругъ очутилась не только внѣ его, но и внѣ всякаго практическаго участія въ дѣлахъ своей родины. Долгое время

либеральныя стремленія Франціи оставались безъ явныхъ и сколько-нибудь яркихъ руководителей, но такъ-какъ безъ остатка истребить либеральную идею все-таки невозможно, то она и жила подъ пепломъ, постепенно пріобрѣтая себѣ болѣе и болѣе простора. Наконецъ, время убѣдило даже дѣятелей декабрьскаго переворота, что прежняя система стѣсненій представляетъ много такихъ неудобствъ, которыя дѣлаютъ управленіе страной невозможнымъ, и что самая необходимость указываетъ на освѣженіе правительственнаго механизма посредствомъ привлеченія къ нему (разумѣется, въ возможно-ограниченной степени) либеральныхъ элементовъ, какъ на единственный исходъ, требуемый не только честнымъ воззрѣніемъ на дѣло, но и чувствомъ самосохраненія. Но тутъ-то именно и выказались плоды той изолированности, въ которой долгое время находилась либеральная мысль. То, что̀ случилось нѣкогда съ эмигрантами французской революціи, возвращенными къ дѣятельной жизни реставраціей, то же самое повторилось и надъ либералами 1848 года. Кажется, Гейне сравнивалъ первыхъ съ часами, которые, будучи однажды остановлены, и потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ вновь пущены въ ходъ, начинаютъ свой бой именно съ того числа ударовъ, который имъ приходилось выбивать въ ту минуту, когда они были остановлены; это же сравненіе можно примѣнить и къ настоящему случаю. Всѣ современныя извѣстія удостовѣряютъ, что французская либеральная партія, несмотря на сравнительно большой просторъ, полученный ею для своихъ дѣйствій, не можетъ уладиться ни на счетъ своихъ требованій, ни на счетъ своихъ вождей. Прежніе вожаки оказываются оставшимися при тѣхъ же афоризмахъ, которые и до декабрьской катастрофы не дали никакихъ практическихъ результатовъ; новые дѣятели оказываются невнушающими довѣрія по своей малоопытности и совершенному незнанію тѣхъ формальныхъ пріемовъ, которые, несмотря на свою безсодержательность, все-таки необходимы въ борьбѣ съ такимъ строемъ, который самъ весь держится на формализмѣ. Многіе въ этомъ видятъ поводъ, чтобъ упрекать либеральную партію въ безсиліи и осыпать ее насмѣшками, но, кажется, справедливѣе будетъ, если мы отнесемся къ этому факту, какъ къ явленію очень печальному, но совершенно естественному. Мысль живетъ и питается практическими примѣненіями; если однажды нить этихъ примѣненій прервана и устранена ихъ преемственность, то само собою разумѣется, что и самое развитіе мысли прекращается, или, по-крайней-мѣрѣ, ослабляется очень значительно. Странно и даже возмутительно слышать эти легкомысленные упреки и недобросовѣстныя насмѣшки. Сначала, считаютъ ни во что разорить мысль и довести ее до изнеможенія, а потомъ, когда она, несмотря на это варварство, все-таки заявитъ о своемъ правѣ на существованіе, начинаютъ бросать въ нее камнями и плевками за то, что она не можетъ сразу собраться съ силами и овла-

дѣть дѣломъ. Но не достаточно ли свидѣтельствуетъ ея пользу уже то одно, что она осталась жива? Когда Сіейеса спрашивали, что̀ онъ дѣлалъ во время террора девяностыхъ годовъ, то онъ отвѣчалъ, что оставался живъ. По нашему мнѣнію, это отвѣтъ, который съ полною силой можетъ быть примѣненъ не только къ одной какой-нибудь формѣ террора, но и ко всѣмъ террорамъ вообще.

Какъ бы то ни было, но мысль, разобщенная съ средою, которую она почему-либо считаетъ для себя наиболѣе приличною, дѣйствительно утрачиваетъ очень значительную долю своей энергіи и плодотворности. Незамѣтно для самой себя она является въ свѣтъ съ устарѣлыми панацеями, недѣйствительность которыхъ ясна для всѣхъ, кромѣ ея самой. Мало того: она не только продолжаетъ вѣрить въ непогрѣшимость выработанныхъ ею афоризмовъ, но идетъ еще далѣе, т.-е. развиваетъ ихъ до такихъ предѣловъ, за которыми можно встрѣтиться только съ чудовищностью. Разсказываютъ, что нѣкоторые французскіе изгнанники представляютъ въ этомъ смыслѣ примѣры поистинѣ поразительные, и этому легко можно повѣрить. Человѣкъ, сильно пораженный какою-нибудь идей (особенно, если эта идея имѣетъ чисто политическія основанія), и лишенный всякой возможности для ея провѣрки, можетъ дойти до мистицизма, до однопредметной восторженности. Осложненное горечью неудачи, такое напряженное состояніе духа дѣлаетъ невозможнымъ не только ясное пониманіе частныхъ ошибокъ, присущихъ каждому ученію, но и вообще отдѣленіе истины отъ лжи, возможнаго отъ невозможнаго. И вотъ, доведеннаго до такого-то состоянія человѣка вновь призываютъ къ жизни; погребеннаго заживо, утратившаго всякій смыслъ живой дѣйствительности, пробуждаютъ изъ міра мечтаній и пріобщаютъ къ міру практики и дѣятельности. И когда онъ начинаетъ выбивать то же самое количество часовыхъ ударовъ, которое онъ билъ въ ту минуту, когда его заживо замуровывали, надъ нимъ начинаютъ глумиться, на него сыплются упреки и обвиненія! Ужели тутъ есть какой-нибудь смыслъ кромѣ того, что насиліе столь же нахально въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ и въ своихъ оцѣнкахъ?

Таковы вообще условія того процесса, при помощи котораго либеральная мысль проникаетъ въ общество. Они не могутъ быть названы благопріятными ни съ точки зрѣнія внѣшнихъ опасностей, ни съ точки зрѣнія опасностей внутреннихъ. Хотя же отвѣтственность за эти послѣднія и возлагается часто на того или другого изъ дѣятелей мысли, но, по мнѣнію нашему, это дѣлается, въ большей части случаевъ, совершенно несправедливо, ибо въ сущности, и увлеченія мысли несвойственнымъ ей содержаніемъ, и колебанія, и ея разобщенность съ дѣйствительностью — все это вмѣстѣ взятое составляетъ не что иное, какъ неизбѣжное и вмѣстѣ органическое послѣдствіе внѣшняго

гнета, и не можетъ быть отдѣлено отъ него никакою дѣйствительно-замѣтною чертой.

Отъ этихъ общихъ воззрѣній обратимся къ тому, что̀ стоитъ къ намъ ближе, и посмотримъ, въ какомъ положеніи находится либеральная, цивилизующая мысль собственно у насъ. Предупреждаемъ, впрочемъ, читателя, что мы будемъ говорить не о современной эпохѣ, а о томъ обществѣ, среди котораго жилъ и дѣйствовалъ Т. Н. Грановскій, по поводу котораго мы и рѣшились высказать настоящія наши мысли.

Чтобы выполнить нашу задачу, по возможности, обстоятельно, постараемся уяснить себѣ, вопервыхъ, какими свойствами обладала та среда, которая выдѣляла изъ себя нашихъ публичныхъ дѣятелей; вовторыхъ, какого рода подготовку давала она имъ, и втретьихъ, при какихъ спеціальныхъ внѣшнихъ условіяхъ должна была развиваться дѣятельность, имѣвшая какую-нибудь претензію на общественное значеніе.

Среда, выдѣлявшая изъ себя нашихъ общественныхъ дѣятелей, была среда замкнутая, устроившаяся и обезпеченная. Лозунгомъ ея была привиллегія, обусловливавшая и ея собственные эгоистическіе интересы и ея отношенія къ общему теченію жизни. Сравнивая свое нравственное и матеріальное положеніе съ таковымъ же положеніемъ другихъ слоевъ общества, она должна была считать первое удовлетворительнымъ не потому, чтобъ оно не дозволяло желать ничего больше, а потому, что оно все-таки довольно рѣзко и выгодно выдѣлялось изъ общаго уровня. Эта сравнительная точка зрѣнія должна была имѣть рѣшительное вліяніе и на требованія, которыя среда простирала къ жизни, сообщивъ имъ характеръ крайней немногосложности и ограниченности. Ничто такъ не принижаетъ человѣка, не съуживаетъ до такой степени его умственнаго кругозора, какъ легкая возможность сравнивать собственную безспорную бѣдность съ бѣдностью еще болѣе безспорною и абсолютною. Тутъ безпрепятственно расцвѣтаютъ всевозможныя лжи мелкаго самолюбія, и окрашиваютъ своимъ непрочнымъ, но яркимъ цвѣтомъ дѣйствительность самую скудную и неприглядную. Въ такомъ именно положеніи постояннаго самообольщенія находилась и среда, о которой идетъ рѣчь. Жизнь давала ей мало, но за то она оказывалась еще болѣе скупою, какъ только выходила за предѣлы ея; никакими особенными благами она не была надѣлена, но за то, благодаря своей замкнутости, твердо держала въ своихъ рукахъ то малое, которое выпало ей на долю, и не гналась за благами высшими, такъ-какъ не обладала достаточною суммою интеллектуальной развитости, чтобы видѣть въ этихъ благахъ не пустую прихоть, а необходимость. Но когда потребности низменны сами по себѣ, и когда притомъ удовлетвореніе этихъ низменныхъ потребностей не стоитъ никакого труда, то, само собой разумѣется, что и поводовъ къ перенесенію ихъ изъ сферы интересовъ узкоматеріальныхъ въ

сферу интересовъ умственныхъ существуетъ чрезвычайно мало. «Лучше жить незатѣйливо, но за то обезпеченно и спокойно, нежели гнаться за какими-то идеалами, достиженіе которыхъ обставлено всѣми условіями неизвѣстности» — такъ обыкновенно разсуждаетъ индивидуумъ, котораго не терзаетъ ни матеріальная нужда, ни другаго рода нужда, именуемая душевнымъ голодомъ. Такъ же точно разсуждаетъ и цѣлая среда, жизненный строй которой представляетъ нѣчто цѣльное, еще недостаточно предрасположившееся къ разложенію подъ вліяніемъ мысли. Каждый шагъ впередъ пугаетъ ее, и кажется посягательствомъ на ея привиллегированное положеніе. Не движеніе составляетъ ея интересъ, а, напротивъ того, охраненіе и застой. Застой внутри, — потому что движеніе одного общественнаго слоя неминуемо отзывается и на прочихъ слояхъ; застой въ прочихъ слояхъ — потому что тутъ начавшееся однажды движеніе должно произвести уже не просто вызовъ изъ состоянія косности, а окончательное поглощеніе привиллегированной среды. Чувство самосохраненія, хотя и не дальновидно, но очень вѣрно подсказывало ей, что дремотность есть именно то состояніе, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ ея выгодамъ, и она слѣпо вѣрила этому тайному голосу и спѣшила удовлетвориться тѣмъ малымъ, которое было дано ей въ удѣлъ и все-таки представлялось чѣмъ-то громаднымъ въ сравненіи съ безконечно-малымъ, предоставленнымъ въ удѣлъ другимъ. Сверхъ того, она имѣла нѣкоторое основаніе утверждать, что ея дѣятельность все-таки не вполнѣ поглощается одними матеріальными интересами, но что для нея доступны и интересы умственные. Этотъ простѣйшій видъ духовной дѣятельности, на который она считала себя въ правѣ сослаться, представлялся въ тѣхъ отправленіяхъ чиновничества, которые впродолженіе долгаго времени были единственнымъ признакомъ, свидѣтельствовавшимъ о существованіи въ нашемъ обществѣ если не умственнаго движенія въ прямомъ смыслѣ этого слова, то умственной изворотливости. Да, это была именно только изворотливость, не требовавшая ни подготовки, ни развитости, ни знаній; но дѣло не въ томъ, до какой степени она была низменна, а въ томъ, что ею довольствовались, что на нее считали возможнымъ ссылаться, какъ потому что она очищала отъ упрековъ въ умственной сонливости, такъ и потому, что съ помощью ея упрочивалось вліяніе среды на общее теченіе дѣлъ, то-есть опять-таки на общій застой и общую косность.

Спрашивается: могла ли подобная среда дать точку опоры для дѣятельности, освѣщенной мало-мальски живой мыслью? могла ли она защитить ее, дать отпоръ тѣмъ внѣшнимъ наѣздамъ, которые такъ часто подрываютъ самыя умѣренныя требованія добра и истины? Обладала ли она сама по себѣ достаточною устойчивостью, чтобъ не разсыпаться въ прахъ при малѣйшемъ столкновеніи съ чѣмъ бы то ни было, имѣвшимъ

на своей сторонѣ матеріальную силу? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы, конечно, не можетъ подлежать сомнѣнію. Нѣтъ, не могла и не обладала — вотъ все, что приходится сказать по этому поводу. Но этого мало, что она не могла ни защитить, ни отстоять, что возлагать на нее какія-либо надежды, было равносильно намѣренію еще болѣе запутать и безъ того запутанное положеніе; оставаясь безсильною и неустойчивою въ смыслѣ отпора, она, сверхъ того, вынуждалась ко всякой осмысленной дѣятельности относиться какъ къ злѣйшему своему врагу и всячески противодѣйствовать ей.

И въ самомъ дѣлѣ, какою бы краской мы ни окрасили любую общественную дѣятельность, какое бы направленіе ни приписывали ей, но коль скоро въ ней есть участіе мысли, то первыми явленіями, противъ которыхъ направится вся энергія ея разлагающей силы, будутъ: замкнутость и безсознательность. Это отправный пунктъ всякой мыслящей дѣятельности, это рамка, безъ которой невозможно ея дальнѣйшее развитіе. Что будетъ далѣе, какое направленіе приметъ мысль впослѣдствіи — все это можетъ быть очень загадочнымъ; одно несомнѣнно: что она прежде всего поспѣшитъ обезпечить себѣ свободу и сознательность. Но это-то именно и противно той средѣ, о которой идетъ рѣчь. Въ разрушеніи замкнутости она видитъ неминуемость своего обѣдненія, угрозу стать еще ниже того низкаго уровня, на которомъ она уже стоитъ; въ паденіи безсознательности ей слышится угроза еще горшая, имѣющая олицетворить себя въ наплывѣ элементовъ совершенно новыхъ, безпокойно предъявляющихъ претензію на право участія въ жизни. Въ виду этихъ угрозъ, дѣлаются понятными не только опасенія, но даже преувеличенія. Вопросъ о значеніи собственности связывается съ вопросомъ о поголовной рѣзнѣ, вопросъ о значеніи семейства — съ вопросомъ о поголовномъ развратѣ. Сопоставленія эти незамѣтно входятъ въ обычный тонъ жизни, и ежели кто-нибудь изъ людей разумныхъ удивляется имъ, то это означаетъ только совершенное незнакомство съ недальновидными, но крайне упорными инстинктами среды. Нѣтъ спора, что она произноситъ свои сопоставленія совершенно безсознательно, но инстинктъ все-таки служитъ ей до извѣстной степени вѣрно, ибо во всѣхъ радикальныхъ общественныхъ вопросахъ хотя и нѣтъ рѣчи ни о поголовной рѣзнѣ, ни о поголовномъ развратѣ, но несомнѣнно есть рѣчь о прекращеніи господства замкнутости и безсознательности, этихъ палладіумовъ, въ которыхъ неприкосновенно хранятся ближайшіе и самые кровные интересы среды. Съ какой же стати ей окружать своими симпатіями такую дѣятельность, результаты которой прямо противоположны ея непосредственнымъ выгодамъ? съ какой стати ей рисковать, рѣшаться на борьбу въ пользу того, что должно положить конецъ ея собственному благополучію?

Очень можетъ быть, что намъ отвѣтятъ на это примѣромъ,

доказывающимъ, что среда не всегда руководится только инстинктами узкаго эгоизма, и именно приведутъ примѣръ Грановскаго, котораго профессорская дѣятельность въ Москвѣ, по словамъ его біографа, была встрѣчена общимъ сочувствіемъ и имѣла немаловажное воспитательное вліяніе на общество. Но указаніе это едва-ли можетъ быть принято безъ оговорокъ. Мы не будемъ теперь касаться воспитательнаго значенія Грановскаго (опредѣленіе этого вопроса составитъ предметъ слѣдующихъ статей), но скажемъ только, что если оно и было, то захватывало не самую среду, въ которой хранилась дѣйствительная сила того времени, но лишь тѣ ея элементы, которые, въ качествѣ силы, должны были выступить гораздо позднѣе, а въ то время никакой реальной поддержки дать не могли. Однимъ словомъ, въ раіонѣ воспитательнаго вліянія Грановскаго находилась лишь молодежь того времени, а отнюдь не такъ-называемое общество. Что же касается до «сочувствія» этого послѣдняго къ знаменитому профессору московскаго университета, то мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ слово «сочувствіе» несомнѣнно принадлежало къ числу тѣхъ, которыя всего легче ускользаютъ отъ точныхъ опредѣленій и всего труднѣе переходятъ въ дѣйствительную поддержку. Опираясь на самаго Грановскаго, мы можемъ сказать, что и онъ, несмотря на общій снисходительный уровень своихъ требованій, былъ не слишкомъ-то лестнаго мнѣнія объ этомъ «сочувствіи» московскаго общества. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ выражается такъ: «возможно ли веселиться (?) въ обществѣ, которое страшно скучаетъ, потому что у него нѣтъ никакого умственнаго движенія, никакого живого интереса, которое употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы замаскировать эту скуку; я совершенно не понимаю, какъ эти люди не погибаютъ съ тоски». Въ другомъ письмѣ, по поводу успѣха читанныхъ имъ публичныхъ лекцій, онъ прямо даетъ себѣ кличку «boeuf à la mode». Наконецъ, въ третьемъ письмѣ, по поводу подобнаго же успѣха, онъ говоритъ: «публика многочисленна и внимательна, но есть и другія стороны: кривые толки, сплетни, клеветы, обвиненія въ томъ и другомъ и т. п. Мнѣ кажется, что на эти мерзости приличнѣе всего отвѣчать молчаніемъ. Есть споры, которые мараютъ даже того, кто споритъ даже за правое дѣло». Кажется, этого свидѣтельства совершенно достаточно, чтобы опредѣлить отчасти безсознательный, отчасти злостный характеръ того участія, которое пробудили въ московскомъ обществѣ лекціи Грановскаго, и біографъ покойнаго профессора совершенно напрасно старается усилить значеніе сочувственныхъ отношеній и умалить значеніе отношеній злостныхъ. На дѣлѣ, первыя были вполнѣ безсодержательны, и обусловливались только скукою людей, «употребляющихъ всевозможныя усилія, чтобы замаскировать эту скуку», тогда какъ вторыя заключали въ себѣ то узкое, но упорное пониманіе умственныхъ интересовъ, которое вполнѣ исчерпы-

вало взгляды современной Грановскому общественной среды. Поэтому, на первыя разсчитывать было невозможно, тогда какъ со вторыми необходимо было считаться. По нашему мнѣнію, разоблаченіе этого мнимаго сочувствія не только не умаляетъ, но даже увеличиваетъ значеніе Грановскаго, и усилія, дѣлаемыя его біографомъ, въ обратномъ смыслѣ кажутся намъ не вполнѣ умѣстными. Странно было бы, еслибы это сочувствіе существовало дѣйствительно, еслибы въ самомъ дѣлѣ могла найтись какая-нибудь нейтральная почва, на которой могли бы встрѣтиться: и въ высшей степени гуманная личность профессора и совершенно лишенныя всякой гуманности стремленія той среды, къ которой онъ принадлежалъ по своему положенію въ свѣтѣ. Допустить подобную мысль—значило бы приравнять эту среду къ одному изъ лучшихъ дѣятелей нашей мысли, что̀ совершенно невозможно въ виду свидѣтельства самого профессора о грубости и пошлости, въ которыхъ коснѣло современное ему московское общество.

Да и чѣмъ могла заявить эта среда о своемъ сочувствіи, кромѣ противно-безсмысленныхъ возгласовъ, въ родѣ: charmant! sublime! къ которымъ она всегда прибѣгаетъ для выраженія своихъ безпричинныхъ восторговъ? гдѣ доказательства того, что «со времени публичныхъ лекцій Грановскаго московское общество *сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь* (?) сознало свою связь съ университетомъ?» Въ чемъ выразилась эта «связь» въ то время, когда Грановскому внушалось, что «реформація и французская революція должны быть излагаемы съ католической точки зрѣнія, и какъ шаги назадъ; и когда онъ вынужденъ былъ» предложить не читать вовсе революціи? Гдѣ была она въ то время, когда Грановскій, по поводу своей диссертаціи «Аббатъ Сугорій» (кто бы могъ подумать это!), долженъ былъ принести объясненія митрополиту Филарету? Какъ, наконецъ, она заявила себя въ ту минуту, когда отъ Грановскаго требовалось составленіе руководства къ изученію всеобщей исторіи, «написаннаго въ русскомъ духѣ и съ русской точки зрѣнія», и когда онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ цѣлой системѣ уступокъ, чтобъ удержать хоть частицу того, въ чемъ заключалась сущность его историческаго взгляда? Очевидно, что разсчитывать на такія симпатіи, которыя отсутствуютъ именно въ ту минуту, когда ихъ подкрѣпленіе всего болѣе необходимо, все равно, что разсчитывать на помощь тѣхъ оловянныхъ солдатиковъ, которыхъ въ такомъ изобиліи выдѣлываетъ игрушечный мастеръ Ваханскій.

Вотъ какова была эта мнимая популярность Грановскаго, эта мнимая «связь» его съ современнымъ обществомъ, о которой такъ много распространяется его біографъ. Многіе, впрочемъ, не видятъ еще большаго зла въ этомъ отсутствіи популярности и охотно сравниваютъ популярность съ «дымомъ», «пустымъ звукомъ» и т. д. Но это едва-ли справедливо, или,

лучше сказать, справедливо только въ такихъ положеніяхъ, какъ, напримѣръ, то, о которомъ идетъ въ настоящее время рѣчь. Мы дѣйствительно не знаемъ истиннаго значенія слова «популярность»; мы очень часто видимъ людей, которые вчера своею дѣятельностью обращали на себя общее вниманіе, а нынче уже исчезли неизвѣстно куда, и ни мало не формализируемся этимъ исчезновеніемъ. Привычка — не то, что не уважать авторитета, но топтать все, что можно топтать безнаказанно—вотъ ужасная школа, въ которой мы воспитывались. Но это доказываетъ только нашу нравственную несостоятельность и робость и въ то же время наше желаніе увернуться отъ обращенныхъ къ намъ обвиненій посредствомъ преднамѣреннаго извращенія дѣйствительнаго значенія самыхъ общеизвѣстныхъ словъ и понятій. Не рукоплесканіями захмѣлѣвшей толпы выражаетъ себя популярность общественнаго дѣятеля, а тою матеріальною и нравственною поддержкою, которую даетъ общество, и передъ которою невольно задумывается самая нахальная беззастѣнчивость. Вотъ этой-то популярности у насъ никогда не было, какъ не было и многого другого, о чемъ съ такою напыщенностью трактуютъ наши публицисты, а замѣнялось все это дешевыми рукоплесканіями, да трактирными спичами, одинаково готовыми пѣть хвалу и успѣху дѣятеля и его исчезновенію съ арены дѣятельности.

Такова была среда, изъ которой выходили наши общественные дѣятели, и которую они волею или неволею должны были постоянно имѣть въ виду. Теперь посмотримъ, какого рода умственную и нравственную подготовку она могла дать тѣмъ дѣтямъ своимъ, которыхъ выпускала на поприще публичной дѣятельности.

Къ какой исключительной цѣли направлено было все наше воспитаніе? Какую задачу предполагалъ разрѣшить отецъ или педагогъ при взглядѣ на сырой матеріалъ, называющійся ребенкомъ?

Эта цѣль, эта задача опредѣлялись двумя словами: приготовить чиновника.

Никто, конечно, не станетъ оспоривать крайнюю исключительность и ограниченность этой задачи, но мы все-таки могли бы примириться съ нею, еслибъ она хоть съ какой-нибудь стороны была причастна къ знанію и требовала хоть малѣйшей умственной подготовки. Знаніе, какъ бы ни было ограничено его содержаніе, имѣетъ втягивающую силу и человѣкъ, вкусившій его, невольнымъ образомъ дѣлается наклоннымъ къ расширенію его. Но въ томъ-то и дѣло, что даже въ общемъ, самомъ низменномъ сознаніи слово «чиновникъ» означало не что иное, какъ tabula rasa, на которой прихоть и произволъ какъ попало начертывали свои немудрые афоризмы. Чиновникъ, представлявшій собой органъ государства, могъ свободно не знать, что такое государство, въ чемъ заключаются тѣ функціи, которыя отдѣляютъ его отъ

общества и опредѣляютъ его отношенія къ послѣднему; онъ обязывался имѣть ясное понятіе только о «начальствѣ», онъ зналъ только букву «предписанія», и даже не чувствовалъ ни малѣйшаго поползновенія уяснить себѣ ея смыслъ и ея отношенія къ дѣйствительности. Чиновничество изображало собой организованное невѣжество нетолько по отношенію къ общей области знанія, но и по отношенію къ той спеціальности, которой оно служило. Оно ничѣмъ не отличалось отъ среды, его производившей, оно прозябало одной съ ней жизнію, съ тою лишь разницею, что отдѣльные его члены, за свои безсознательныя дѣйствія, отчасти награждались, отчасти отдавались на судъ, тогда какъ безсознательность отдѣльныхъ членовъ среды не подвергалась ни награжденію, ни преслѣдованію. Для того, чтобы согнуть въ бараній рогъ, упечь туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ, ничего другаго не требовалось, кромѣ нѣкоторой доли изворотливости, которая помогала бы выполнить затѣянное предпріятіе въ лучшемъ видѣ. Никто не скажетъ, что эта наука трудная, но никто же не будетъ и отрицать, что это та самая наука, которая составляла весь фондъ нашего недавняго воспитанія. Молодой человѣкъ, окончившій такъ-называемый «курсъ наукъ», хотя и пріобрѣталъ нѣкоторыя знанія, но безъ всякой системы, не работая надъ собой и не ассимилируя ихъ себѣ. Эти знанія соскользали такъ же легко, какъ легко пріобрѣтались, тѣмъ болѣе, что ничто въ дальнѣйшей дѣятельности не требовало ни повторенія, ни примѣненія ихъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ они доставляли возможность убить время съ большимъ или меньшимъ разнообразіемъ, но гораздо чаще бывало такъ, что молодой человѣкъ, выходя изъ школы, считалъ себя счастливымъ, что дѣлался свободнымъ отъ наукъ. Уже Грановскій замѣтилъ эту особенность нашего воспитанія. «Студенты—пишетъ онъ («Біогр. очеркъ», стр. 105)—занимаются хорошо, пока не кончили курса; по выходѣ изъ университета, лучшіе изъ нихъ, тѣ, которые подавали наиболѣе надежды, пошлѣютъ и теряютъ участіе къ наукѣ и ко всему, что̀ выходитъ изъ круга такъ называемыхъ положительныхъ интересовъ; ихъ губитъ матеріализмъ и безнравственное равнодушіе общества». Вотъ подлинныя слова Грановскаго; къ этой меткой характеристикѣ мы можемъ прибавить только, что тогдашнюю молодёжь губилъ совсѣмъ не матеріализмъ (выраженіе, и донынѣ остающееся двусмысленнымъ), а дешевая возможность дешевыхъ удобствъ жизни, и не *положительные* интересы, а напротивъ того совершенное отсутствіе интересовъ, кромѣ тѣхъ, которые насильно навязывались всеобщею скукою. Все это губило не только въ будущемъ, т.-е. по окончаніи школы, но уже въ самой школѣ, воспитаніе которой только случайно касалось знанія, а всею своею сущностью было направлено къ тому, что̀ Грановскій неточно называлъ матеріализмомъ и положительными интересами, и чему слѣдуетъ присвоить совершенно иныя названія.

Въ самомъ дѣлѣ, ежели мы вникнемъ въ содержаніе нашего воспитанія, то увидимъ, что въ немъ преобладалъ элементъ спекулятивно-мистическій, съ совершеннымъ почти исключеніемъ какихъ бы то ни было *реальныхъ* знаній. Но если реальное знаніе, по самой природѣ своей, ограничиваетъ человѣка въ томъ смыслѣ, что отнимаетъ у него возможность выбора между *множествомъ* путей къ прогрессу, и сосредоточиваетъ его вниманіе на *одномъ*, то ничто не представляетъ такой широкой арены для всевозможныхъ фантастическихъ концепцій, какъ тотъ спекулятивный мистицизмъ, который царствовалъ въ нашихъ школахъ. Все, что̀ идетъ впередъ съ завязанными глазами, что̀ бьетъ на удачу, встрѣчаетъ себѣ готовый пріютъ въ немъ; предположеніе самое странное, самое рискованное можетъ надѣяться хоть на время найти для себя возможность укрѣпиться въ этомъ убѣжищѣ всевозможныхъ гадательностей. И при этомъ, совершенное отсутствіе всякой системы, дававшее возможность самымъ легкомысленнымъ образомъ относиться къ знанію, и на каждомъ шагу мѣнять взгляды на ту или другую его отрасль. Возьмемъ для примѣра хоть всеобщую исторію: ее предполагалось возможнымъ преподавать «въ связи съ успѣхами и открытіями естествовѣдѣнія», но въ то же время не отрицалась и другая возможность: излагать ее «въ русскомъ духѣ и съ русской точки зрѣнія». Что̀ такое этотъ русскій духъ, или русская точка зрѣнія въ наукѣ — это очень вразумительно разъяснилъ намъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, «Русскій Вѣстникъ» въ публикованныхъ статьяхъ о «народности въ наукѣ»; это же разъясняютъ намъ, въ настоящее время, «Московскія Вѣдомости», заявляющія (1869 г. № 184), что «истинно національная политика можетъ быть успѣшна только какъ послѣдствіе соотвѣтственнаго успѣха въ основной національности государства», или, говоря словами болѣе вразумительными, только та національность можетъ имѣть вліяніе и силу, которая можетъ представить доказательство дѣйствительной цивилизаціи. И это разнообразіе взглядовъ, которое признавалось возможнымъ прилагать къ преподаванію исторіи человѣчества, прилагалось не къ ней одной, а проникало всюду, и вездѣ давало возможность освѣщать знаніе не тѣмъ свѣтомъ, который ему принадлежитъ, а тѣмъ, который признается наиболѣе удобнымъ для требованій, образующихся совершенно отъ него независимо. Подобная шаткость въ столь важномъ актѣ человѣческой жизни, какъ воспитаніе, имѣла послѣдствіемъ такую же шаткость въ дальнѣйшемъ ея развитіи. Пріобрѣтая знаніе въ самомъ недостаточномъ количествѣ, и притомъ такое, которое не представляло никакихъ примѣненій въ дѣйствительности, молодой человѣкъ не задумывался надъ своимъ будущимъ, не искалъ въ его неизвѣстности возможности какихъ-либо новыхъ путей, но успокоивался на тѣхъ, которые были приготовлены жизнью и ея преданіями. Онъ прямо дѣлался «чиновникомъ», то-есть человѣкомъ, кото-

рому воспитаніе даетъ возможность жить на чужой счетъ, совершенно на одномъ уровнѣ съ любымъ изъ членовъ среды, въ которой сосредоточивалась вся сумма нашихъ тогдашнихъ умственныхъ интересовъ. Можно ли удивляться, что дѣло, начатое съ подобными намѣреніями, приносило и результаты, вполнѣ соотвѣтствовавшіе этимъ намѣреніямъ? Можно ли требовать, чтобы «чиновникъ», оказывавшійся таковымъ чуть ли не на рукахъ нянекъ, не продолжалъ быть и въ дальнѣйшихъ фазисахъ жизни тѣмъ же чиновникомъ, то-есть человѣкомъ», который ни въ какой другой способности не ощущалъ нужды, кромѣ способности «гнуть въ бараній рогъ?»

Нѣтъ; скорѣе можно удивляться тому, что даже подобныя злосчастныя условія иногда уступаютъ передъ силою даровитости и таланта. Въ доказательство, сошлемся на воспитаніе Грановскаго, одного изъ тѣхъ представителей нашего недавняго прошлаго, которые выражали собой лучшія стремленія того времени. «Въ ученіи его не было никакой послѣдовательности, никакого плана», говоритъ его біографъ: «оно велось отрывочно и случайно»; затѣмъ, хотя присутствіе въ его семействѣ нѣкоторыхъ свѣтлыхъ личностей (изъ нихъ, въ особенности, выдается г-жа Герито) и смягчало эти недостатки, въ томъ смыслѣ, что благодаря этимъ личностямъ, онъ успѣлъ воспитать въ себѣ вкусъ къ умственному труду, но стоитъ только заглянуть въ лежащій передъ нами «Біографическій очеркъ», чтобъ убѣдиться, чрезъ сколько колебаній и мытарствъ долженъ былъ пройти Грановскій, прежде нежели вступилъ на ту стезю, на которой создалось впослѣдствіи его благотворное общественное значеніе. Что̀ доказываетъ эта нерѣшительность выбора между юридической, дипломатической и даже военной карьерами, которая ознаменовала первые сознательные шаги его въ жизни? По нашему мнѣнію, она доказываетъ только ту истину, что Грановскій самъ не зналъ, куда ему удобнѣе пріютиться, и всѣ профессіи считалъ для себя равно доступными (замѣтимъ въ скобкахъ, что онъ былъ уже не ребенкомъ, а довольно развитымъ юношей). Въ этомъ предположеніи утверждаетъ насъ и мысль о самоубійствѣ («Біогр. оч.», стр. 24), которая волновала Грановскаго въ эту переходную эпоху. Біографъ его справедливо видитъ въ этой мысли слѣдствіе стремленій къ задачамъ и цѣлямъ жизни, безъ достиженія которыхъ существованіе теряетъ смыслъ и цѣну; даровитая и впечатлительная натура Грановскаго не могла примириться съ тѣмъ безразличіемъ, въ которое бросала его воспитательная подготовка, и не могла не ужасаться при видѣ нравственныхъ опасностей, представляемыхъ этимъ безразличіемъ. Кого изъ мыслящихъ людей не волновалъ этотъ вопросъ, и многіе ли разрѣшали его для себя? Много ли найдется такихъ, которые не оставили въ этой борьбѣ лучшей части своего нравственнаго бытія? Однакожь, скажутъ намъ, Грановскій все-таки разрѣшилъ эту зада-

чу, и нашелъ, наконецъ, такую область, которую вполнѣ могъ назвать своею. Да, это, пожалуй, отчасти и такъ, но кто же можетъ сказать навѣрное, что, не будь случайнаго стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ, онъ не очутился бы въ лагерѣ совершенно противоположномъ, и, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться воспитателемъ современнаго ему поколѣнія, не сдѣлался бы просто способнымъ и обладающимъ прекраснымъ перомъ чиновникомъ? Даровитость его, конечно, и въ этомъ случаѣ осталась бы неприкосновенною, но вѣдь, съ точки зрѣнія пользъ общества, важность вопроса не въ этомъ, а въ томъ, какимъ бы питалась содержаніемъ эта несомнѣнная даровитость и какое было бы ея вліяніе на жизнь.

Такимъ образомъ, выступая на арену общественной дѣятельности, русскій дѣятель встрѣчался, вопервыхъ, съ неопредѣленностью своей собственной воспитательной подготовки, и вовторыхъ, съ совершенно яснымъ пониманіемъ, что общество, которому онъ приноситъ свое служеніе, не только не дастъ ему никакой защиты, но даже при первомъ случаѣ отвернется отъ него. Спрашивается, при какихъ же внѣшнихъ условіяхъ приходилось дѣйствовать двигателямъ русской мысли, столь недостаточно вооруженнымъ и столь мало поддержаннымъ?

Эти условія достаточно извѣстны всѣмъ и каждому, чтобы нужно было распространяться объ нихъ. Вотъ какимъ образомъ г. Станкевичъ выражается объ эпохѣ, непосредственно слѣдовавшей за смертью Грановскаго. «Въ русскомъ обществѣ — говоритъ онъ — около того времени начинало пробуждаться сознаніе. Оно начинало чувствовать необходимость перемѣнъ, невозможность оставаться въ прежнемъ порядкѣ вещей. Общественная нравственность, справедливость, робко, неясно начинала поднимать свой голосъ, заявлять свои требованія въ лицѣ лучшихъ людей. Современному человѣчеству нельзя жить, забывая о добрѣ, нравственности, чести, о началахъ, на которыхъ зиждутся христіанскія общества, и это начинало понимать все бóльшее и бóльшее число людей. Послѣ мрачной ночи занималась прекрасная заря»... Если это сужденіе можетъ быть названо вѣрнымъ относительно эпохи намъ современной, то изъ него, конечно, можно вывести весьма характеристическую посылку и къ эпохѣ предшествующей. Окажется, что русскіе временъ Грановскаго (ибо до «прекрасной зари» онъ не дожилъ) были люди, забывшіе о добрѣ, нравственности, чести и даже вообще о началахъ, на которыхъ зиждутся христіанскія общества; что они походили на тѣхъ персовъ и грековъ временъ Александра Македонскаго, о которыхъ Нибуръ (Соч. Грановскаго, т. II, стр. 119) произноситъ слѣдующую меткую характеристику: «въ это несчастное время, злое начало въ человѣкѣ пришло къ спокойному и полному сознанію самого себя; все чистое, благородное, совѣсть, свойственный даже порочнымъ людямъ стыдъ дурныхъ и безчестныхъ дѣлъ исчезли»... Жить

въ такое время, быть дѣйствующимъ лицомъ въ подобной средѣ — участь далеко незавидная; но намъ кажется, что характеристика г. Станкевича, какъ ни кажется она вѣрною въ общихъ чертахъ своихъ, все-таки примѣнена не совсѣмъ туда, куда слѣдуетъ. Не говоря уже о томъ, что она страннымъ образомъ противорѣчитъ его же свидѣтельству о сочувствіи, которое встрѣтилъ Грановскій со стороны московскаго общества, мы думаемъ, что общество, которое «скучаетъ», не можетъ быть злымъ въ прямомъ значеніи этого слова. Оно не имѣетъ повода «забывать о добрѣ» уже потому одному, что никогда не было на столько знакомо съ понятіемъ о злѣ, чтобъ имѣть возможность провести ясную границу между нимъ и понятіемъ о добрѣ. Безсознательность, отсутствіе какихъ-либо опредѣленныхъ задачъ, коснѣніе — вотъ типическія черты подобныхъ обществъ. Не къ обществу слѣдуетъ отнести упреки, дѣлаемые г. Станкевичемъ, а къ тѣмъ его эманаціямъ (историческимъ и всякимъ другимъ), которыя хотя безспорно исходятъ изъ общества, но, съ теченіемъ времени, до такой степени обособляются и отверждаются, что могутъ быть разсматриваемы какъ нѣчто внѣшнее, въ свою очередь воздѣйствующее на свой первоначальный источникъ. Не въ коснѣющемъ и скучающемъ обществѣ заключается творческая сила зла, а именно въ тѣхъ застывшихъ и обособившихся его эманаціяхъ, съ которыми спеціально должна была имѣть дѣло мысль и которыя встрѣчали ея первый проблескъ и неотступно слѣдили за всѣми дальнѣйшими ея проявленіями...

Изъ всего вышеизложеннаго, съ достаточною ясностью обнаруживается, что общее неблагопріятное положеніе, въ которомъ находится цивилизующая мысль, въ разсматриваемыхъ нами условіяхъ усложнялось еще многими другими обстоятельствами, которыя принадлежали собственно времени и мѣсту, и ставили ея существованіе въ предѣлы еще болѣе тѣсные и зависимые отъ всякаго рода случайностей.

Тѣмъ не менѣе, и у насъ, какъ и вездѣ, мы видимъ, что дѣйствіе цивилизующей мысли не прекращается. Несмотря на то, что практика отвергаетъ не только немедленныя примѣненія этой мысли—это было бы до извѣстной степени объясняемо тѣмъ, что непосредственныя примѣненія затрогиваютъ именно ту ближайшую обстановку, въ которой человѣкъ живетъ въ данную минуту, и къ измѣненію которой онъ недостаточно приготовленъ — но и теоретическую ея разработку, всегда, даже въ эпохи самаго непрогляднаго общественнаго ослѣпленія, находятся такіе самоотверженные люди, которые, однажды убѣдившись, что въ истинѣ заключается дѣйствительное благо человѣчества, считаютъ, что сокрытіе ея несовмѣстно съ достоинствомъ человѣка убѣжденнаго и сознающаго свою нравственную силу. Обыкновенно, подобныхъ людей называютъ героями, но, въ сущности, это только личности, которыя въ такой

степени сознали вѣрность выработанныхъ ими началъ, что послѣднія вошли въ ихъ жизнь и сдѣлались составною ея стихіей наравнѣ со всѣми другими инстинктивными движеніями. Но на этихъ-то людяхъ собственно и зиждется то непрестающее движеніе, которое мы замѣчаемъ въ исторіи.

Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ себѣ авторитетъ та мысль, что исторія заключаетъ въ себѣ силу утѣшенія не только для тѣхъ, которые занимаются ею, какъ наукой, но и для всѣхъ вообще людей, вносящихъ въ жизнь новую мысль, новое убѣжденіе. Справедливость этой мысли нельзя опровергнуть, но, тѣмъ не менѣе, весьма заблуждался бы тотъ, кто полагалъ бы силу этихъ утѣшеній только въ противоположеніи добродѣтельныхъ дѣяній гнуснымъ, или въ томъ, что исторія представляетъ множество примѣровъ самоотверженія и твердо перенесенныхъ страданій. Утѣшающее значеніе исторіи заключается, вопервыхъ, въ томъ, что она представляетъ картину не только постепеннаго распространенія цивилизаціи, но и постояннаго истощенія силъ ей противодѣйствующихъ, и, вовторыхъ, въ томъ, что примѣры героизма и самоотверженія, которыми и по настоящее время ознаменовывается каждый шагъ на пути прогресса, обѣщаютъ современемъ сдѣлаться вовсе ненужными. Несмотря на поборниковъ безсознательности и произвола, человѣчество продолжаетъ жить; несмотря на ненормальность такого явленія, какъ самоотверженіе, оно освѣщаетъ отъ времени до времени исторію не ради оправданія своей раціональности, а единственно ради объясненія своей условной умѣстности.

Что̀ же заставляетъ этихъ героическихъ людей, этихъ двигателей исторіи, дѣйствовать даже въ такія минуты, когда мысль подвергается всякаго рода искушеніямъ, которыя или насилуютъ, или запутываютъ ее? Что̀ побуждаетъ ихъ покидать пути рутины, на которыхъ ихъ ждетъ спокойный и непререкаемый успѣхъ, и вступать на такіе пути, гдѣ ихъ подстерегаетъ неизвѣстность и подозрительность? Прежде всего, какъ уже сказано выше, ихъ вынуждаетъ къ тому необходимость пропаганды, какъ неотъемлемая принадлежность самой мысли, ищущей провѣрки и успокоенія собственныхъ сомнѣній; но, кромѣ того, есть еще и другой возбудитель, который въ этомъ случаѣ является двигателемъ не менѣе дѣятельнымъ, и который носитъ имя общаго блага.

Цивилизующая мысль, разсматривая человѣка, въ равной степени признаетъ право гражданственности за всѣми его свойствами и опредѣленіями, то-есть ни одного изъ нихъ не стѣсняетъ, не преслѣдуетъ, не считаетъ проклятымъ. Сверхъ того, она заключаетъ въ себѣ такую внутреннюю силу обобщеній, которая постоянно захватываетъ все бо̀льшую и бо̀льшую область жизни. Признавая извѣстное право нормаль-

нымъ и соотвѣтствующимъ пользамъ человѣка, она стремится перенести его всюду, гдѣ встрѣчается возможность для примѣненій. Предметъ ея воздѣйствій—не каста, не цѣхъ, а человѣчество вообще; значеніе этихъ воздѣйствій не только цивилизующее, но и эманципирующее. Вотъ почему и предполагается заранѣе, что окончательный результатъ ея — общее благо. То, что мы утверждаемъ здѣсь о свойствахъ и дѣйствіи цивилизующей идеи—совсѣмъ не умозрѣніе; это истина, которая на каждомъ шагу подтверждается исторіей. Вездѣ, гдѣ исторія записываетъ на страницахъ своихъ торжество либеральной или цивилизующей идеи, вездѣ она въ то же время записываетъ и фактъ распространенія области пользованія извѣстными благами жизни. Напротивъ того, вездѣ, гдѣ мы видимъ сокращеніе упомянутой выше области, мы можемъ быть увѣрены, что встрѣтимся съ мыслью совершенно иного свойства. Слѣдовательно, идея цивилизующая и идея общаго блага, въ сущности, составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, которое мы дѣлимъ только потому, что къ такому дѣленію обязываетъ насъ свойство человѣческаго мышленія.

Представленіе объ общемъ благѣ обязываетъ цивилизующую мысль ко многому, и прежде всего къ дѣятельному проникновенію въ массы. Правда, что процессъ этого проникновенія сопряженъ для нея съ весьма существенными опасностями, на которыя мы указали выше, и которыя могу извратить самый характеръ и дѣйствіе мысли. Но не слѣдуетъ ли смотрѣть на эти опасности, какъ на неизбѣжныхъ спутниковъ всякой пропаганды, которые будутъ существовать до тѣхъ поръ, покуда мысль не завоюетъ для себя условій болѣе благопріятныхъ? Но слѣдуетъ ли останавливаться передъ этими предвидѣніями, и оставаться въ выжидательномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ возможность періодическаго появленія ихъ? Когда уничтожится эта возможность? Сама ли собой она уничтожится, или падетъ подъ усиліями тѣхъ, которые выходятъ съ намѣреніемъ перейти вселенную изъ конца въ конецъ, но, благодаря враждебнымъ условіямъ, успѣваютъ удержать за собой только пядь земли?

Вопросы эти ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ теоріей такъ-называемаго абстенціонизма, о которой мы и предполагаемъ бесѣдовать съ читателемъ въ слѣдующей статьѣ.

ТЕОРІЯ ДАРВИНА И ОБЩЕСТВЕННАЯ НАУКА.

Jus istud non humani generis proprium est, sed omnium animalium quae in coelo, quae in terra, quae in mari nascuntur.

Institutes.

Étant donné l'Homme avec ses besoins, ses goûts, ses penchants, déterminer les conditions du système social le mieux approprié à sa nature.

V. Considerant. (Destinée sociale).

I. Теорія Дарвина и соціологическіе выводы изъ нея Густава Іегера.

Въ послѣдней статьѣ «Что̀ такое прогрессъ?» (Отеч. Зап. 1869 г., ноябрь) мы сказали, что въ Германіи существуетъ цѣлая спеціальная литература по вопроссу объ отношеніи теоріи Дарвина къ принципу раздѣленія труда. Мы выразились не совсѣмъ точно. Такой спеціальной литературы, собственно говоря, нѣтъ. Но всѣ дарвинисты принуждены болѣе или менѣе долго и внимательно останавливаться надъ понятіемъ раздѣленія труда и приводить его въ связь съ теоріей Дарвина. Опредѣленіе этой связи становится въ особенности необходимымъ при изученіи жизни и формъ нѣкоторыхъ низшихъ организмовъ, живущихъ колоніями. Естественное дѣло, что принципъ раздѣленія труда, доселѣ большинствомъ мыслящихъ людей признаваемый за единственное организующее начало общественной жизни, получаетъ особенно глубокій интересъ при освѣщеніи его такимъ широкимъ и свѣтлымъ воззрѣніемъ, какова теорія Дарвина. Поэтому мы имѣли сначала въ виду сдѣлать сводъ наиболѣе замѣчательныхъ современныхъ изслѣдованій спеціально по этому предмету. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, такое строгое опредѣленіе границъ нашего труда оказалось крайне неудобнымъ, если не просто невозможнымъ. Въ настоящее время однимъ изъ самыхъ блестящихъ и послѣдовательныхъ дарвинистовъ есть іенскій профессоръ Эрнстъ Гэккель, о которомъ можно безъ преувеличенія сказать, что онъ plus darwiniste que Darwin, и естественно, что воззрѣнія его по этому самому имѣютъ для насъ первенствующее значеніе. Но Гэккель вводитъ въ науку, не говоря уже о совершенно новой терминологіи, такъ много своеобразныхъ взглядовъ и взгляды эти у насъ

такъ мало извѣстны, * что весьма трудно говорить о какомъ нибудь его частномъ взглядѣ, не касаясь всей цѣпи его положеній. И это не единственная причина, почему мы рѣшились нѣсколько раздвинуть границы нашей статьи, быть можетъ, въ ущербъ ихъ опредѣленности. Расширеніе это находитъ себѣ оправданіе уже и въ томъ важномъ значеніи, которое мы, какъ извѣстно читателю, придаемъ принципу раздѣленія труда. Подъ общимъ заглавіемъ «Теорія Дарвина и общественная наука» мы будемъ говорить о различныхъ вопросахъ, затрогиваемыхъ, рѣшаемыхъ и перерѣшаемыхъ теоріей Дарвина и тѣмъ или другимъ изъ ея со дня на день прибывающихъ сторонниковъ. Основная наша задача состоитъ все-таки въ опредѣленіи, съ точки зрѣнія Дарвиновой теоріи, взаимнаго отношенія между физіологическимъ раздѣленіемъ труда, то-есть раздѣленіемъ труда между органами въ предѣлахъ одного недѣлимаго, и раздѣленіемъ труда экономическимъ, то-есть раздѣленіемъ труда между цѣлыми недѣлимыми въ предѣлахъ вида, расы, народа, общества. Съ нашей точки зрѣнія задача эта сводится къ изысканію основныхъ законовъ кооперацін, то-есть фундамента общественной науки. Поэтому мы постараемся представить въ настоящей статьѣ возможно большій рядъ соціологическихъ выводовъ изъ теоріи Дарвина и дать имъ посильную критическую оцѣнку. При этомъ намъ, можетъ быть, не разъ придется, по чисто внѣшнимъ причинамъ въ родѣ тѣхъ, какія мы привели относительно Гэккеля, нѣсколько удаляться отъ своей главной темы, не выбиваясь однако изъ предѣловъ теоріи Дарвина и ея позднѣйшихъ представителей. Вѣруя и исповѣдуя, что судьба соціологіи существеннымъ образомъ опредѣляется ея связью съ біологіей, мы думаемъ, что попытки приложенія такого широкаго біологическаго обобщенія, какъ теорія Дарвина, къ вопросамъ общественной жизни заслуживаютъ полнаго вниманія. Удачны эти попытки или неудачны, — это другой вопросъ. Нѣмецкій переводчикъ книги Дарвина, Броннъ, самъ замѣчательный ученый, спрашиваетъ въ концѣ своего перевода: «какъ ты себя чувствуешь, читатель? Ты обдумываешь, чего эта книга не затронула изъ твоихъ прежнихъ воззрѣній на важнѣйшія явленія природы? что уцѣлѣло изъ твоихъ, доселѣ непоколебимыхъ убѣжденій?» — Изъ числа этихъ «прежнихъ воззрѣній» и «доселѣ непоколебимыхъ убѣжденій» мудрено вычеркнуть задачи соціологіи.

---

* Если не ошибаемся, болѣе или менѣе основательное знакомство съ характеромъ работъ Гэккеля русская читающая публика могла почерпнуть только изъ недавно вышедшей книги г. Ил. Мечникова «Ученіе объ органическихъ формахъ, основанное на превращеніи видовъ». «Natürliche Schöpfungsgeschichte», популярное изложеніе ученія того же Гэккеля, готовится, какъ слышно, къ переводу.

Іегеръ извѣстенъ русской публикѣ по «Микроскопическому міру» и, кажется, «Зоологическомъ письмамъ» (Zoologische Briefen. Wien, 1864). О Зоологическихъ письмахъ мы еще будемъ имѣть случай говорить, а теперь остановимся надъ небольшой книжкой того же автора, вышедшей въ прошломъ году: «Теорія Дарвина и ея отношеніе къ морали и религіи» (Die Darwin'sche Theorie uud ihre Stellung zu Moral und Religion, von Dr. G. Jäger. Stuttgart, 1869). Это рядъ публичныхъ чтеній, изъ которыхъ бо̀льшая часть посвящена популярному изложенію теоріи Дарвина; ихъ мы не будемъ касаться, для насъ интересны только двѣ послѣднія главы. Имѣющіеся здѣсь выводы и положенія составляютъ, какъ говоритъ въ предисловіи авторъ, извлеченіе изъ его болѣе обширной и еще неоконченной работы по предмету религіи. Іегеръ желаетъ разъяснить два пункта, на которые многіе напираютъ, чтобы уронить въ общественномъ мнѣніи теорію Дарвина, именно происхожденіе человѣка отъ обезьяны и якобы ниспроверженіе этою теоріею основъ нравственности и общественности.

Первый пунктъ занимаетъ его недолго. Онъ рѣшаетъ его такимъ образомъ: Еслибы какой нибудь историкъ все свое знаніе убилъ на то, чтобы доказывать, что древніе германцы были варвары, лѣнтяи и пьяницы и что нѣмцы и теперь ни на волосъ не лучше, то конечно такой историкъ заслуживалъ бы упрека. Но если онъ, изслѣдуя тѣ способы и пути, которыми кочевые дикари поднялись постепенно на высоту современной культуры, употребляетъ свои изслѣдованія на то, чтобы освѣтить средства и пути дальнѣйшаго прогресса, то онъ заслуживаетъ не упрека, а благодарности. Точно также, еслибы дарвинистъ вздумалъ только ругать людей потомками обезьянъ, то онъ былъ бы не правъ и не уменъ. Но за что же его бранить, если онъ, изучая условія, выдвинувшія человѣка изъ животной среды на высоту человѣческаго достоинства и человѣческой разумности, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какимъ образомъ должны быть комбинированы условія жизни, чтобы и общество и его члены въ отдѣльности возможно скоро достигли возможной для человѣка высоты развитія?

Разсужденіе это совершенно логично. Дарвинисты, разумѣется, не мальчишки, чтобы «ругаться» обезьянами. Но должно съ сожалѣніемъ сказать, что весьма немногіе изъ послѣдователей теоріи Дарвина указываютъ, какимъ образомъ должны быть комбинированы условія жизни, чтобы люди возможно скоро могли достичь возможно высокой ступени развитія, тогда какъ теорія Дарвина представляетъ обильный источникъ для подобныхъ указаній. Этого рода вопросы какъ бы не существуютъ для большинства біологовъ. Мало того. Рѣшая ихъ только вскользь и мимоходомъ, недостаточно вдумываясь въ ихъ смыслъ и значеніе, біологи (а въ томъ числѣ и большинство дарвинистовъ) не разъясняютъ дѣло, а только запутываютъ его.

Такое забвеніе человѣка среди ликованій знанія, среди роскошнаго пира науки, получившей въ лицѣ теоріи Дарвина новыя широкія и свѣтлыя перспективы, если не извиняется, то объясняется прошедшимъ ученаго сословія. Вотъ какъ жалуется Гэккель на современное состояніе науки: «Необыкновенное усиленіе за послѣднее время раздѣленія труда до такой степени децентрализировало всѣ области біологической науки, что зоологовъ и ботаниковъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, у насъ весьма мало; вмѣсто ихъ мы имѣемъ съ одной стороны мастозоологовъ, орнитологовъ, малакозоологовъ, энтомологовъ, мицетологовъ, фикологовъ, и проч., а съ другой — гистологовъ, органологовъ, эмбріологовъ, палеонтологовъ и проч.» (Generelle Morphologie, Vorwort, XX). «Вслѣдствіе всеобщаго пренебреженія къ неизбѣжнымъ философскимъ основаніямъ, въ зоологіи и ботаникѣ господствуетъ такая темнота и такое вавилонское смѣшеніе языковъ, что нелегко условиться въ значеніи самыхъ общихъ и основныхъ понятій. Въ анатоміи и эмбріологіи накоплено множество совершенно лишняго и нѣтъ существенно важнаго» (XXIII). «Большинство естествоиспытателей, занимающихся органическими формами, довольствуются голымъ знаніемъ этихъ формъ; они видятъ ряды безконечно разнообразныхъ формъ, знаютъ внутреннія и внѣшнія морфологическія отношенія животныхъ и растительныхъ организмовъ, восторгаются ихъ красотою, радуются ихъ разнообразію и изумляются ихъ цѣлесообразности; они описываютъ и различаютъ всѣ отдѣльныя формы, надѣляютъ каждую изъ нихъ особымъ именемъ и видятъ въ ихъ систематическомъ расположеніи свою высшую цѣль....... Мы слышимъ, правда, пышныя фразы объ исполинскихъ успѣхахъ біологіи и особенно морфологіи; мы знаемъ, съ какимъ самоуслажденіемъ ученые любуются ежегоднымъ количественнымъ приращеніемъ нашихъ зоологическихъ и ботаническихъ знаній....... Мы должны открыто заявить, что видимъ въ этомъ исключительно количественномъ приращеніи больше балласту, чѣмъ дѣйствительной пользы. Куча камней не превратится въ зданіе, если вы будете ежегодно увеличивать ее. Напротивъ, тѣмъ труднѣе оріентироваться въ ней, и возведеніе зданія поневолѣ откладывается въ долгій ящикъ» (3—5). Далѣе, Гэккель указываетъ на Сциллу и Харибду эксцентрической мысли: метафизическіе туманы съ одной стороны и безконечную специализацію съ другой. «Чисто-эмпирическіе естествоиспытатели—говоритъ онъ—думающіе обогатить науку голымъ открытіемъ новыхъ фактовъ, вносятъ въ нее не болѣе, чѣмъ спекулятивные философы, полагающіе возможнымъ обойти факты и построить природу изъ собственной чистой мысли. Одни—фантазеры-мечтатели, другіе, въ лучшемъ случаѣ — простые копировщики природы (Copirmaschinen der Natur). Въ сущности дѣло получаетъ такой видъ, что чистые эмпирики довольствуются неполною и неясною, имъ

самимъ невѣдомою философіей, а чистые философы — столь же неудовлетворительною эмпиріей... Чистый эмпирикъ наваливаетъ безпорядочную груду камней; съ другой стороны, чистый философъ строитъ воздушные замки, невыдерживающіе малѣйшаго дуновенія эмпиріи. Одинъ довольствуется сырымъ матеріаломъ, другой—планомъ зданія» (73). Это говоритъ не дилетантъ, а, безспорно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ ученыхъ, котораго, кажется, Бюхнеръ даже приравниваетъ Копернику, на томъ основаніи, что одинъ столь же сильно расшаталъ антропоцентрическую біологію, какъ другой геоцентрическую астрономію. (Самъ Гэккель проводитъ гораздо болѣе удачную параллель между развитіемъ астрономіи и біологіи, именно онъ признаетъ Коперникомъ біологіи Ламарка, а ея Ньютономъ — Дарвина). И, однако, этотъ же замѣчательный ученый, на себѣ испытавшій выгоды и невыгоды раздѣленія труда въ области мысли, и такъ сильно возстающій противъ него, тотъ же замѣчательный ученый находитъ возможнымъ говорить, напримѣръ, слѣдующее: «Одинъ изъ наиболѣе общихъ сравнительно анатомическихъ законовъ есть великій законъ раздѣленія труда или обособленія (полиморфизмъ или дифференцированіе) — законъ, представляющій, какъ *въ человѣческомъ обществѣ*, такъ и въ организаціи отдѣльныхъ животныхъ и растительныхъ недѣлимыхъ, важнѣйшее творческое начало; начало, которымъ обусловливается и увеличивающееся разнообразіе, и дальнѣйшее развитіе органическихъ формъ» (Natürliche Schöpfungsgeschichte, 22). Будемъ надѣяться, что подобныя противорѣчія будутъ встрѣчаться все рѣже и рѣже. Будемъ надѣяться, что не только люди, интересующіеся вопросами общественной жизни, сознàютъ важное для нихъ значеніе низшихъ наукъ и преимущественно біологіи; но что и господа біологи, покончивъ съ послѣдними результатами раздѣленія труда въ области своей спеціальной науки, покончивъ эти, такъ-сказать, свои домашнія дѣла, направятъ свои знанія къ построенію вѣнца наукъ—науки общественной. Будемъ надѣяться, что, какъ говоритъ Вольтеръ, la raison finira par avoir raison, и что мостъ отъ науки къ жизни будетъ, наконецъ, перекинутъ.

А пока возьмемъ то, что̀ есть, возьмемъ Густава Іегера. Но прежде вернемся на минуту къ обезьянамъ. Іегеръ говоритъ: «По ученію Дарвина, человѣкъ происходитъ отъ обезьяны» (97). Надо замѣтить, что самъ Дарвинъ ни единымъ словомъ не касается этого вопроса; приведенный Іегеромъ выводъ дѣлается другими, и дѣлается часто и многими совершенно неосновательно. «Нѣкоторые soi disant послѣдователи Дарвина — говоритъ іенскій профессоръ Галліеръ (Davwin's Lehre und die Specification. Hamburg. 1865 г., S. 20) — совсѣмъ безсмысленно производятъ человѣка отъ обезьяны, и даже отъ какого либо изъ нынѣ существующихъ видовъ обезьянъ; можно только

сказать, что человѣкъ и обезьяна имѣютъ общаго предка, весьма отличнаго отъ нихъ обоихъ, и изъ котораго они развились, какъ двѣ различныя вѣтви родословнаго дерева рядомъ безчисленныхъ промежуточныхъ ступеней». Единовременное существованіе двухъ данныхъ организмовъ показываетъ только, что они развивались рядомъ, а отнюдь не то, что одинъ изъ нихъ развивался изъ другаго. Они могутъ имѣть общаго предка, и тѣмъ не менѣе быть совершенно отличными другъ отъ друга. Галліеръ высказываетъ далѣе мнѣніе, что люди, видящіе въ теоріи Дарвина только теорію непосредственнаго перехода одной формы въ другую, «никогда книги Дарвина не читали». Не заходя такъ далеко, мы замѣтимъ только, что предположеніе о происхожденіи человѣка отъ обезьяны отнюдь не установлено наукою.

Переходя къ вопросу объ отношеніи теоріи Дарвина къ религіи и нравственности, Іегеръ говоритъ, что вопросъ этотъ сводится къ двумъ: 1) къ вопросу объ отношеніи человѣка къ природѣ, и 2) объ отношеніи человѣка къ человѣку.

Что касается до перваго пункта, то каждый видъ вступаетъ въ борьбу за существованіе съ единственною цѣлью самосохраненія и самозащиты. Онъ только тогда достигаетъ возможно высокой ступени развитія, и надолго удерживаетъ за собою мѣсто въ природѣ, когда доводитъ до возможной степени напряженности свое враждебное отношеніе къ остальнымъ дѣятелямъ природы. Верховный законъ жизни каждаго даннаго вида есть самосохраненіе и самозащита, и, слѣдовательно, практически существуетъ только одна точка зрѣнія для опредѣленія отношеній каждаго вида къ окружающей природѣ, и именно точка зрѣнія «эгоцентрическая», то-есть такая, съ которой каждый видъ признаетъ себя средоточіемъ всего хозяйства природы, и повинуется только одному завѣту: плодитесь и множитесь, населяйте землю и покоряйте ее. Тому же верховному закону самосохраненія повинуется и человѣкъ, и, слѣдовательно, практическое отношеніе его къ природѣ опредѣляется «антропоцентрическою» точкою зрѣнія, то-есть такою, которая выдѣляетъ человѣка изо всей природы, противопоставляетъ его ей. Съ образованіемъ новаго вида, ему, самосохраненія ради, приходится выдерживать сильнѣйшую борьбу съ своими ближайшими родичами, съ тѣми именно, съ которыми онъ, по сходству образа жизни, можетъ конкуррировать. Для одержанія въ этой борьбѣ побѣды, онъ долженъ не только стремиться къ уничтоженію своихъ конкуррентовъ, но и стараться усилить тѣ физическія и духовныя особенности, которыми обусловливается побѣда. Это естественно ведетъ къ усугубленію пропасти, отдѣляющей данный видъ отъ ближайшихъ къ нему представителей жизни, чѣмъ постепенно устраняется возможность пониженія уровня развитія, движенія регрессивнаго. Въ приложеніи къ человѣку, этотъ Дарвиномъ открытый

законъ гласитъ такъ: становись по возможности въ противоположность съ животнымъ міромъ, и преимущественно съ тѣми его формами, которыя наиболѣе къ тебѣ близки; приводи ихъ каждому своему ближнему, какъ страшный примѣръ, какъ нѣчто такое, отъ чего для него обязательно удаляться; развивай тѣ свои физическія и нравственныя особенности, которыми ты отличаешься отъ звѣрей; совершенствуйся постоянно, противополагай себя по возможности остальной природѣ. Словомъ, опять-таки плодитесь и множитесь, населяйте землю и покоряйте ее. Дарвинисты не только признаютъ этотъ библейскій завѣтъ формулою высшаго для органической жизни закона, но съ почтеніемъ преклоняются передъ самою формулою: лучше и выразительнѣе практическія требованія теоріи Дарвина и не могутъ быть формулированы. Только очень глупые и очень недобросовѣстные люди могутъ утверждать, что ученіе Дарвина низводитъ человѣка до звѣринаго образа, и стремится практически стереть пограничную черту, проведенную исторіей развитія человѣка между нимъ и низшими формами жизни. Совершенно наоборотъ: Дарвинъ открылъ законъ, побуждающій человѣка къ постоянному усовершенствованію и къ постепенному удаленію отъ чисто-животной жизни. И такъ-какъ ни одинъ дарвинистъ не пожелаетъ отказаться отъ своихъ человѣческихъ правъ, то онъ и принимаетъ законъ, который, собственно говоря, есть не что иное, какъ формула самыхъ этихъ правъ.

Таковы, по Іегеру, отношенія человѣка къ природѣ. «Что касается до отношеній человѣка къ человѣку — разсуждаетъ далѣе Іегеръ — то дарвинисту предстоитъ здѣсь рѣшить два вопроса. Вопервыхъ, что̀ выгоднѣе съ точки зрѣнія самосохраненія—жизнь въ одиночку, или жизнь общественная? И, вовторыхъ, какая изъ формъ общественной жизни, съ той же точки зрѣнія, предпочтительнѣе?

Относительно преимуществъ жизни обществомъ, дѣло ясно, и не требуетъ особенныхъ доказательствъ. Каждый охотникъ знаетъ, какъ трудно приступиться къ животнымъ общественнымъ, такъ-какъ здѣсь сотни глазъ устремлены во всѣ стороны. Каждый сельскій хозяинъ знаетъ, какъ безпомощенъ человѣкъ передъ такими врагами, которые, какъ, напримѣръ, саранча, набѣгаютъ цѣлыми стаями. Образованіе обществъ было всегда лучшимъ средствомъ и нападенія, и защиты. Корень общества есть семья. Животныя, живущія семьями, отличаются отъ несемейныхъ, вопервыхъ, болѣе высокимъ развитіемъ средствъ передачи впечатлѣній, болѣе развитымъ языкомъ жестовъ и звуковъ, и, вовторыхъ, болѣе высокимъ умственнымъ развитіемъ. Забота о подростающемъ поколѣніи вызываетъ массу изумительныхъ хитростей, уловокъ, наклонностей, совершенно ненужныхъ для животныхъ одинокихъ. Подростающее поколѣніе получаетъ, кромѣ своихъ личныхъ опытовъ, еще

всю сумму родительскихъ опытовъ педагогическимъ путемъ. И такимъ образомъ къ борьбѣ за существованіе животныя семейныя оказываются гораздо болѣе подготовленными и изощренными, чѣмъ животныя, такъ-сказать, холостыя. А, слѣдовательно, теорія Дарвина санкціонируетъ семью.

Если молодыя особи, по окончаніи воспитанія, не удаляются отъ родительской пары, семья разростается въ общество. Общество можетъ быть двухъ родовъ; и различеніе ихъ чрезвычайно важно, такъ-какъ одинъ видъ общественной жизни, который Іегеръ называетъ органическимъ, способствуетъ, по его мнѣнію, возвышенію умственнаго развитія, этого важнѣйшаго орудія человѣка въ борьбѣ за существованіе, а другой, который онъ называетъ коммунистическимъ—этимъ свойствомъ не обладаетъ. Во избѣжаніе неточности, мы приведемъ его очеркъ «коммунистическаго» общества прямо въ переводѣ:

«Въ коммунистической формѣ выступаютъ только тѣ выгоды общежитія, которыя обусловливаются количествомъ членовъ и сосредоточеніемъ многихъ силъ по направленію къ одной общей цѣли: защиты или нападенія. Однако, самое это обстоятельство снимаетъ съ отдѣльныхъ членовъ общества часть труда, который имъ пришлось бы затратить для самозащиты, *неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего является приниженіе нѣкоторыхъ способностей и упадокъ энергіи чувства самосохраненія* (курсивъ въ подлинникѣ). Я приведу только одинъ примѣръ, именно судьбу чувства зрѣнія. Тамъ, гдѣ сотни глазъ единовременно направлены во всѣ стороны, каждой отдѣльной особи нѣтъ никакой надобности сосредоточивать свое вниманіе на приближеніи врага, стадо можетъ предоставить это дѣло случаю, какъ это и бываетъ въ дѣйствительности, хотя, конечно, иногда и ставятся особые сторожа. И результатомъ такого недостатка изощренія бываетъ извѣстное отупѣніе, ослабленіе умственныхъ силъ. Я не могу удержаться, чтобы не осудить здѣсь, съ точки зрѣнія сравнительной зоологіи, нынѣ вновь поднимающіяся коммунистическія идеи. Кто желаетъ низвести людей до коммунистической формы общежитія, то-есть низвести до положенія стада барановъ, тотъ желаетъ довести и отдѣльныхъ членовъ общества до характера организаціи барановъ. При этомъ нужно имѣть въ виду нетолько ослабляющее вліяніе неупотребленія органовъ защиты, но и обстоятельства, о которыхъ мы упоминали выше, говоря о воспитаніи дѣтенышей. Въ вопросѣ о коммунизмѣ собственность играетъ такую же роль, какъ въ жизни животныхъ дѣтеныши, для защиты которыхъ они должны развивать и совершенствовать всѣ свои физическія и духовныя силы. Здѣсь можно провести еще одну зоологическую паралелль. Изъ млекопитающихъ наиболѣе тупы, наименѣе развиты тѣ, которыя таскаютъ своихъ дѣтенышей при себѣ, въ сумкахъ, и довольствуются самыми нехитрыми заботами объ нихъ. Они во всѣхъ отношеніяхъ ниже тѣхъ, которымъ приходится ис-

пытывать, при кормленіи и воспитаніи молодаго поколѣнія, болѣе сложныя затрудненія. Такимъ образомъ, если отнять у людей заботу о собственности, они, въ сравненіи съ тѣми, кто на такую глупость не согласится, немедленно спустятся до той ступени, на которой въ ряду млекопитающихъ стоятъ сумчатыя» (104).

Коммунистической формѣ общежитія противополагается органическая. Творческимъ началомъ въ этой послѣдней является «единственный естественный, то-есть во всѣхъ животныхъ и растительныхъ организмахъ дѣйствующій, принципъ раздѣленія труда». Преимущества этого вида коопераціи многочисленны. Мы опять приведемъ собственныя слова Іегера: «Какъ я уже сказалъ въ первомъ чтеніи, организація животнаго или растительнаго недѣлимаго основывается на томъ, что извѣстныя группы клѣточекъ соединяются для образованія орудій въ борьбѣ за существованіе всей совокупности клѣточекъ; однѣ берутъ на себя трудъ питанія, другія — воспріятія впечатлѣній, третьи — передвиженія и т. д. Очевидно, что чѣмъ больше число этихъ орудій, чѣмъ богаче арсеналъ, предназначенный для нападенія и защиты, тѣмъ организмъ способнѣе къ одержанію побѣды. Что̀ справедливо для организма, который мы называемъ животнымъ или растительнымъ недѣлимымъ, то справедливо и для общественной совокупности отдѣльныхъ животныхъ» (105). Какъ примѣръ этого особенно благопріятнаго положенія общества, построеннаго на принципѣ раздѣленія труда, Іегеръ приводитъ государство муравьевъ. Кромѣ этого умноженія орудій, необходимыхъ въ борьбѣ за существованіе, раздѣленіе труда представляетъ и другія преимущества. Только оно можетъ дать удовлетвореніе индивидуальнымъ особенностямъ, тогда какъ въ обществѣ, построенномъ на противоположномъ началѣ, можетъ оказаться пригоднымъ только одинъ какой-нибудь видъ индивидуальныхъ особенностей; всѣ остальныя должны погибнуть. Поэтому населеніе общества по типу раздѣльнаго труда можетъ возрастать гораздо скорѣе, а слѣдовательно, окажется въ борьбѣ за существованіе сильнѣе.

Но — продолжаетъ свой обзоръ Іегеръ—раздѣленіе труда выгодно нетолько для цѣлаго общества, а и для каждаго изъ его членовъ въ отдѣльности. Чѣмъ уже и спеціальнѣе область труда, избранная человѣкомъ, тѣмъ легче онъ можетъ въ ней освоиться и тѣмъ сильнѣе разовьетъ соотвѣтствующую способность. Правда — замѣчаетъ авторъ — «an und für sich» такая односторонность развитія можетъ повлечь за собою нѣкоторые неблагопріятные результаты, и именно парализовать въ извѣстной степени независимость. Но это не бѣда, потому что такимъ образомъ прочнѣе устанавливаются общественныя связи, ибо человѣкъ не можетъ удалиться изъ общества. Притомъ же, принципъ раздѣленія труда имѣетъ тенденцію открывать, рядомъ съ переполненными уже и занятыми сферами труда, все новыя и но-

вия его области. Такимъ образомъ, чѣмъ общество богаче разнообразіемъ, чѣмъ оно болѣе расчленено, тѣмъ богаче для каждаго его члена выборъ занятій. Онъ можетъ свободно выбрать тотъ именно родъ занятій, который наиболѣе соотвѣтствуетъ личнымъ его особенностямъ, и вотъ новое благодѣяніе раздѣленія труда— свобода. Далѣе, каждый членъ общества по типу раздѣльнаго труда избавленъ отъ необходимости нести на себѣ другія отрасли труда, ибо при раздѣленіи труда каждый работаетъ нетолько для себя, а и для другихъ. Каждый можетъ на извѣстное время отдохнуть отъ борьбы за существованіе, слѣдствіемъ чего является искусство, поэзія и другія тонкія наслажденія жизнью.

Іегеръ резюмируетъ свои выводы такъ: «По воззрѣніямъ дарвинистовъ, высшій законъ и основное условіе общественной жизни есть любовь къ ближнему, и внутри общества не должно быть иной борьбы за существованіе, кромѣ той, которая ведетъ къ раздѣленію труда. Дарвиновскій терминъ «борьба за существованіе» не есть призывъ къ возстановленію кулачнаго права. Борьба за существованіе неограниченна по отношенію къ остальной природѣ, и здѣсь кулачное право на своемъ мѣстѣ; но борьба между человѣкомъ и человѣкомъ ограничена общественною жизнью, принципомъ любви къ ближнему. Дарвинизмъ стоитъ за укрѣпленіе брачныхъ и семейныхъ узъ, какъ корней общественной жизни; онъ стоитъ за общество противъ эгоизма; онъ ставитъ общее благо выше правъ отдѣльныхъ личностей и требуетъ отъ отдѣльныхъ лицъ такой дѣятельности, которая соотвѣтствовала бы общему благу, требуетъ отъ нихъ даже отреченія отъ пріобрѣтенныхъ ими правъ, если они оказываются несовмѣстными съ общимъ благомъ. Дарвинизмъ становится на сторону собственности и противъ коммунистическихъ мечтаній. Онъ требуетъ возможно болѣе рѣзкаго раздѣленія труда, въ томъ убѣжденіи, что отъ этого выигрываютъ и общество и его отдѣльные члены, ибо общество только тогда благоденствуетъ, когда члены его находятся на высшей ступени развитія. Я думаю, что послѣ сказаннаго никто не вздумаетъ повторять безсмысленную фразу, что теорія Дарвина есть ученіе противогосударственное и противообщественное» (109).

Затѣмъ слѣдуютъ выводы религіозные, которые мы пока оставимъ, чтобы оглянуться назадъ. Мы привели весь рядъ разсужденій Іегера въ видѣ, весьма близкомъ къ подлиннику, стараясь не проронить ничего; читатель найдетъ, можетъ быть, что приведенные выводы и доводы не заслуживаютъ никакого вниманія, но это будетъ не совсѣмъ справедливо. Конечно, an und für sich эти выводы и доводы особенной драгоцѣнности не составляютъ, но они любопытны, какъ одна изъ первыхъ и немногихъ попытокъ приложенія теоріи Дарвина къ рѣшенію вопросовъ экономическихъ и этическихъ. Очевидная крайняя бѣглость и поверхностность всего построенія Іегера избавляетъ насъ отъ обязанности тщательнаго и подробнаго разсмотрѣнія

его, но представить его читателю мы тѣмъ не менѣе считали дѣломъ нелишнимъ. Притомъ же въ основаніи взглядовъ Іегера лежитъ несомнѣнная истина, не говоря уже о благомъ намѣреніи автора защитить теорію Дарвина отъ безсмысленныхъ инсинуацій. Іегеру мы должны быть благодарны за то, что онъ возымѣлъ это намѣреніе, хотя бы приведеніе его въ исполненіе оказалось еще болѣе неудачнымъ. Когда является какое-нибудь широкое ученіе, подрывающее ходячія воззрѣнія на данный предметъ и ошеломляющее толпу не столько своей новизной (ничто не ново подъ луною, не нова и теорія Дарвина), сколько своею законченностью и готовностью отразить всѣ противорѣчащіе научные доводы, тогда поднимаются инсинуаціи. Все принятое на вѣру держится въ умахъ очень крѣпко, именно потому, что оно принято на вѣру, чѣмъ затрудняется провѣрка воззрѣній. Если я дошелъ до извѣстнаго убѣжденія строго-научнымъ путемъ, т.-е. путемъ обобщенія единичныхъ, опытомъ и наблюденіемъ уясненныхъ фактовъ, или путемъ вывода изъ такого обобщенія, то для меня не представляется никакихъ затрудненій (кромѣ развѣ чисто техническихъ) во второй, въ третій разъ пересмотрѣть каждый винтъ и каждое колесо этого логическаго механизма. Я могу повторить опыты и наблюденія, провѣрить обобщеніе, пересмотрѣть выводъ. Я знаю, откуда я вышелъ и кáкъ, какими путями и станціями дошелъ. Получить убѣжденіе на вѣру, съ другой стороны, значитъ именно не знать этихъ путей и станцій, а между тѣмъ убѣжденіе существуетъ, и вычеркнуть его такъ же трудно, какъ трудно лечить болѣзнь, ходъ развитія которой неизвѣстенъ. Какая-нибудь счастливая и совершенно неожиданная случайность можетъ, правда, явиться на выручку, но это исключеніе, на которое нельзя разсчитывать. Вообще же говоря, убѣжденіе, корни котораго обладателю убѣжденія неизвѣстны, будетъ непремѣнно бороться за свое существованіе всѣми средствами и оружіями, какія попадутся подъ руку. Если научныя средства изсякнутъ – вопросъ переносится на иную почву, на почву неблагонадежности въ религіозномъ, гражданскомъ или нравственномъ отношеніи. Такъ было всегда, и безъ сомнѣнія, такой порядокъ вещей продолжится до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать убѣжденія, полученныя на вѣру. Такъ и теорія Дарвина встрѣтила цѣлую массу упрековъ не только въ научной несостоятельности,—этого рода упреки дарвинизму разлетаются съ замѣчательною быстротою, — а и въ томъ, что ею подрываются основы общества и нравственности. Игнорировать эти упреки и инсинуаціи, смотрѣть на нихъ какъ на нѣчто совершенно ничтожное и имѣющее своевременно исчезнуть, дѣйствовать или, лучше сказать, бездѣйствовать такимъ образомъ крайне неблагоразумно. Инсинуаціи всегда и вездѣ встрѣчали и встрѣчаютъ сочувствіе, потому что большинство людей нелегко разстается съ привычнымъ знаменемъ,

*

хотя бы знамя это давно уже превратилось въ грязную и оборванную вѣтошку. Поэтому оставлять инсинуаціи въ покоѣ, значитъ тормозить движеніе мысли, съуживать сферу вліянія новаго ученія. Гэккель замѣчаетъ, что Дарвинъ не сдѣлалъ многихъ невольно напрашивающихся выводовъ изъ его теоріи, логически изъ нея вытекающихъ, только для того, чтобы ученіе его могло свободнѣе пройти и встрѣтило бы какъ можно менѣе препятствій. Такой образъ дѣйствія, если Дарвинъ дѣйствительно имѣлъ это обстоятельство въ виду, едва-ли можетъ быть оправданъ теоретически, а практика его уже осудила: упреки и инсинуаціи, что могли, взяли. Вопервыхъ, всегда найдутся запальчивые и увлекающіеся послѣдователи, которые выжмутъ изъ ученія весь сокъ и сдѣлаютъ это, по всей вѣроятности, гораздо менѣе удачно, чѣмъ могъ бы сдѣлать самъ основатель ученія. Вовторыхъ, въ обширномъ лагерѣ инсинуаторовъ всегда найдется хоть одинъ человѣкъ съ нюхомъ, достаточно сильнымъ для того, чтобы дочитать недописанное. А одинъ такой человѣкъ есть уже цѣлый легіонъ: извѣстно, что стоитъ только одному соловью запѣть, и вся роща огласится восхитительными звуками. Давно уже сказано, что хотя голосовъ на божьемъ свѣтѣ и немного, но за то эхо дѣвать некуда. Конечно, Галилеямъ сплошь и рядомъ приходится говорить свое «e pur si muove!» про себя, «въ сторону». Но если научная теорія уличается въ безнравственности и противообщественности, то, во избѣжаніе невѣрныхъ толкованій, самое лучшее — представить тѣ соціологическіе выводы, которые изъ нея дѣйствительно вытекаютъ, а не навязываются ей ея противниками. Такъ и дѣлаетъ Іегеръ.

Вѣрность исходной точки Іегера не подлежитъ для насъ ни малѣйшему сомнѣнію, и мы и сами ее высказывали. Она непосредственно примыкаетъ къ теоріи Дарвина. Въ природѣ идетъ вѣчная, безустанная и повсемѣстная борьба за существованіе. Слабые организмы или, вѣрнѣе, организмы, сравнительно мало приспособленные къ средѣ, гибнутъ, сильные губятъ. Природа — безконтрольное царство тупой силы. Природа — bellum omnium contra omnes. Ежеминутно совершаются въ ней милліоны насильственныхъ смертей, милліоны, съ человѣческой точки зрѣнія, страшныхъ и позорныхъ преступленій. Говоря о томъ изумительномъ, хотя и общеизвѣстномъ фактѣ, что муравьи имѣютъ въ лицѣ тли свой дойный скотъ и что операція доенія совершается какъ бы по взаимному соглашенію между тлею и муравьями, Дарвинъ замѣчаетъ, что подобныя явленія не доказываютъ, «чтобы какое-либо животное въ мірѣ совершало какое-либо дѣйствіе исключительно на благо животнаго инаго вида»; они показываютъ только, что «каждый видъ пытается воспользоваться инстинктами другихъ видовъ, какъ каждый пользуется тѣлесною слабостью прочихъ» (О происхожденіи видовъ. Спб. 1864, стр. 171). Поэтому практически взаимныя

отношенія между всѣми индивидуализированными дѣятелями природы дѣйствительно опредѣляются «эгоцентрическою» точкою зрѣнія. Законъ борьбы за существованіе есть распространеніе на всю природу не столько теоріи Мальтуса, сколько теорій Гоббза, Пуффендорфа, Мандевиля и проч. Это, говоря языкомъ Канта, велѣніе практическаго разума, категорическій императивъ для каждаго недѣлимаго. И человѣкъ не изъятъ изъ дѣйствія этого всемогущаго закона. И онъ борется на жизнь и смерть, и либо падаетъ въ этой борьбѣ, либо побѣждаетъ. Эксцентрики-идеалисты, высылающіе человѣка за границу природы, не могутъ съ этимъ согласиться. Имъ жалко разстаться съ нагроможденными ими теоріями врожденныхъ хорошихъ чувствъ и идей. Они думаютъ или по крайней мѣрѣ говорятъ, что, введя человѣка въ границы природы, придется отказаться отъ всего, что̀ составляетъ красу человѣчества. Но за этимъ несогласіемъ яко бы унизить человѣка скрывается цѣлая бездна либо лицемѣрія, либо трусости и какой-то пришибенности мысли. Вотъ что̀ говоритъ Кузенъ, человѣкъ не мало потрудившійся на поприщѣ изгнанія человѣка за границу природы *: «Война коренится въ природѣ идей различныхъ народовъ, которыя, будучи по необходимости идеями частными, ограниченными, исключительными, по необходимости враждебны, хищны, завоевательны». Война неизбѣжна, а потому побѣда не только «необходима и полезна», а и справедлива «въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова». «Вооружаться противъ побѣдителя, значитъ вооружаться противъ человѣчества, противъ прогресса цивилизаціи». Побѣжденный «заслуживаетъ своей участи, ибо побѣдитель лучше, нравственнѣе побѣжденнаго и только поэтому онъ и побѣдитель». Что же касается до всей массы жертвъ, которыми сопровождается всякая побѣда, то «знайте, что не побѣдителя надо въ этомъ винить, а Провидѣніе, даровавшее ему побѣду. Пора философіи исторіи перешагнуть черезъ филантропическое декламаторство». Признакъ великаго человѣка — «успѣхъ», великимъ воиномъ можно быть «только подъ условіемъ полученія великихъ успѣховъ, то-есть опять-таки, надо говорить прямо, онъ долженъ произвести страшныя опустошенія на землѣ» (faire d'épouvantables ravages sur la terre). Стоило ли выгонять человѣка за границу природы, чтобы привести его тамъ къ столь нехитрымъ рѣшеніямъ! Теорія Дарвина показываетъ, что эта сторона кузеновскаго идеала прекрасно вмѣщается въ границахъ природы, хотя дарвинизмъ и не помышляетъ ввести ее въ границы человѣческаго общества.

Er nennt's Vernunft und braucht's allein
Um thierischer alle jedes Thier zu sein!

---

* Я не помню, откуда именно я сдѣлалъ эту выписку, но знаю, что это слова Кузена.

Найдутся, может быть, и между последователями Дарвина такie, которые добѣгутъ до подобныхъ словоизверженiй. Но они будутъ по крайней мѣрѣ ссылаться не на «всеблагое» Провидѣнiе, а на слѣпую силу природы, силу неразумную и нецѣлесообразную. Найдется далѣе еще бóльшее число такихъ дарвинистовъ, которые, исходя изъ своей теорiи, придутъ совершенно послѣдовательно къ дiаметрально-противоположнымъ рѣшенiямъ. А доживи Кузенъ до нашихъ дней, онъ былъ бы, вѣроятно, однимъ изъ яростнѣйшихъ противниковъ теорiи Дарвина; онъ увидалъ бы въ ней, вѣроятно, окончательное погребенiе «du Vrai, du Bien et du Beau». Такимъ образомъ отсылка человѣка за границу природы, въ качествѣ «вѣнца творенiя», не мѣшаетъ требованiю d'épouvantables ravages sur la terre во имя прогресса и цивилизацiи; и не только не мѣшаетъ, а помогаетъ. Съ другой стороны, убѣжденiе, что человѣкъ есть такой же дѣятель природы, какъ и майскiй хрущъ (Iегеръ), хотя и стоящiй на неизмѣримо болѣе высокой ступени развитiя, это убѣжденiе не мѣшаетъ требованiю «любви къ ближнему»; и опять-таки вѣра въ обязательность для человѣка закона борьбы за существованiе не только не мѣшаетъ этому, а еще помогаетъ. Болѣе подробное развитiе этой любопытной параллели мы откладываемъ до другого раза, когда намъ придется говорить о соображенiяхъ болѣе обстоятельныхъ и замѣчательныхъ, чѣмъ соображенiя Iегера. Параллель эта можетъ быть проведена черезъ всю исторiю человѣческой мысли. Не только отдѣльныя личности, ставящiя человѣка теоретически на недосягаемую высоту надъ природой, практически низводятъ его даже ниже уровня этой природы, тогда какъ противники ихъ, будучи теоретически реалистами, практически оказываются идеалистами; но и цѣлые историческiе перiоды окрашены одною изъ этихъ двуличневыхъ красокъ. Конечно, сложность отношенiй можетъ иногда временно сбивать это нормальное теченiе, но это не мѣшаетъ ему оставаться нормальнымъ.

Теоретическое, бiологическое сближенiе человѣка съ природою предписываетъ практическое, соцiологическое удаленiе отъ нея. Такова исходная точка Iегера. Въ главѣ о религiи онъ редижируетъ эту формулу такимъ образомъ: въ наукѣ о природѣ слѣдуетъ употреблять методъ объективный, въ вопросахъ общественныхъ — субъективный. Мы обѣими руками подписываемъ эти положенiя. Надо однако сказать, что не только аргументацiя Iегера крайне плоха, но залетѣвшiя къ нему случайно вѣрныя мысли получаютъ даже до невѣроятности дикую обработку. Глава о религiи особенно дика, но читатель можетъ это видѣть уже и изъ приведенной нами части его разсужденiй. Слѣдуетъ вопервыхъ замѣтить, что видъ, какъ единица абстрактная, своего ego не имѣетъ; претендовать на него можетъ только конкретная единица — недѣлимое, а потому объ «эгоцентриче-

ской» точкѣ зрѣнія какого бы то ни было вида не можетъ быть и рѣчи. Дѣйствія любаго организма управляются интересами не вида, а его собственными, личными, индивидуальными. Только при извѣстныхъ условіяхъ интересы недѣлимаго могутъ совпасть съ интересами вида и расширить личное *я* недѣлимаго, сдѣлать его видовымъ *я*. Но общее правило таково, что между представителями одного и того же вида идетъ сильнѣйшая борьба за существованіе; такъ-какъ они требуютъ для поддержанія своего существованія однихъ и тѣхъ же условій, то естественно, что недостатокъ наличнаго запаса этихъ условій непремѣнно разжигаетъ между ними борьбу. Борьба эта парализируется только коопераціей. Только она можетъ раздвинуть предѣлы индивидуальнаго *я*, направивъ совокупныя усилія кооперирующихъ на борьбу съ внѣшнимъ міромъ, причемъ борьба между кооперирующими, борьба внутри общества становится дѣломъ не только не полезнымъ, а и прямо невыгоднымъ, вреднымъ. Придавъ эгоцентрическую точку зрѣнія цѣлому виду, единицѣ абстрактной и постоянно колеблющейся, Іегеръ въ своихъ дальнѣйшихъ соображеніяхъ уже совершенно запутывается и приходитъ къ самымъ дикимъ и нелѣпымъ заключеніямъ. Нечего кажется и говорить, что его очеркъ «коммунистическаго общежитія» не имѣетъ никакого смысла. Не совсѣмъ даже легко догадаться, о чемъ тутъ собственно рѣчь идетъ, не говоря уже о бездвѣ противорѣчій на пространствѣ нѣсколькихъ строкъ. Эти нѣсколько строкъ напомнили намъ знаменитый афоризмъ добряка Смайльса, утверждающаго, что «хорошія учрежденія» не только не составляютъ чего-либо въ общественной жизни важнаго, но могли бы имѣть, еслибы явились на бѣломъ свѣтѣ, весьма неблагопріятные результаты. Этотъ добрякъ очень негодуетъ на людей, которые хотятъ «выстроить насъ въ параллелограммы и довести до совершенства посредствомъ отреченія отъ всякой надежды, борьбы, препятствій, — отъ всего того, что̀ до сихъ поръ способствовало формировкѣ человѣка» («Самодѣятельность»). Іегеръ, повидимому, также полагаетъ, что обстоятельства, до сихъ поръ способствовавшія формировкѣ человѣка, никоимъ образомъ не должны быть сданы на руки исторіи и замѣнены иными. Во всякомъ случаѣ очевидно, что это почтенный нѣмецкій профессоръ, надѣвающій на ночь колпакъ и терпѣть не могущій коммунистовъ, о которыхъ впрочемъ имѣетъ представленіе довольно туманное. Это можно видѣть уже изъ того, что онъ противополагаетъ «органической» формѣ общежитія форму «коммунистическую». Не говоря уже о томъ, что онъ выставляетъ достойнымъ подражанія образцомъ органическаго общежитія общину муравьевъ, которая хотя и дѣйствительно построена на очень ярко обозначенномъ принципѣ раздѣленія труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ общество, знающее только государственную собственность; не говоря уже объ этомъ, принципу

раздѣленія труда можетъ быть, по законамъ логики, противопоставленъ только соизмѣримый съ нимъ принципъ простаго сотрудничества. Можно разсуждать, что удобнѣе — широкое пальто или узкое пальто, но законами здраваго смысла возбраняется сравнивать широкое пальто съ узкими брюками. Итакъ, оставимъ коммунизмъ въ покоѣ и будемъ сравнивать принципы простаго и сложнаго сотрудничества.

Подобно большинству біологовъ и экономистовъ (если не всѣмъ біологамъ и экономистамъ), Іегеръ отождествляетъ раздѣленіе труда физіологическое и раздѣленіе труда экономическое. Фактъ этого повальнаго заблужденія, безъ сомнѣнія, заставитъ сильно призадуматься будущаго историка науки, но за то и объяснитъ ему вѣроятно многое. Дѣйствительно, это фактъ по истинѣ изумительный, и по степени изумительности едва-ли найдется ему много равныхъ въ исторіи человѣческой мысли. Что предки наши вѣрили, что солнце обращается вокругъ земли, а не земля около солнца, — это понятно: предки наши были люди необразованные, а зрѣніе имъ говорило, что солнце дѣйствительно вертится около земли. Что люди даже ученые вѣрили, что «видовъ столько, сколько ихъ было создано въ началѣ» (Линней), — это опять-таки понятно: палеонтологіи не было, фактовъ подъ руками было недостаточно, никто образованія новаго вида своими глазами не видалъ. Взгляды большинства, не просто образованныхъ, а ученыхъ людей, на законъ раздѣленія труда представляютъ явленіе гораздо болѣе странное и гораздо труднѣе объяснимое. Мы видимъ цѣлую массу людей, между которыми есть звѣзды наипервѣйшей величины, которыми справедливо гордятся и наука и философія, которые имѣютъ въ своемъ распоряженіи огромные запасы фактическихъ знаній, которые, далѣе, изощрили свой умъ на самыхъ тонкихъ логическихъ упражненіяхъ; и вся эта масса хоромъ утверждаетъ: дважды два—четыре, а потому и дважды четыре тоже четыре. Что можетъ быть изумительнѣе такого зрѣлища? Мы не преувеличиваемъ. Послушайте, что говоритъ хоть тотъ же Іегеръ, правда, звѣзда не первой величины, но и не послѣдняя спица въ колесницѣ. Притомъ же и звѣзды первой величины говорятъ то же и тѣми же словами. «Организація животнаго или растительнаго недѣлимаго основывается на томъ, что извѣстныя группы клѣточекъ соединяются для образованія орудій въ борьбѣ за существованіе всей совокупности клѣточекъ; одни берутъ на себя трудъ питанія, другія — воспріятія впечатлѣній, третьи — передвиженія и т. д. Очевидно, что чѣмъ больше число этихъ орудій, чѣмъ богаче арсеналъ, предназначенный для нападенія и защиты, тѣмъ организмъ способнѣе къ одержанію побѣды». — Вотъ вамъ дважды два четыре. Дальше: «что справедливо для организма, который мы называемъ животнымъ или растительнымъ недѣлимымъ, то справедливо и для общественной совокупности отдѣльныхъ живот-

ныхъ». — Развѣ это не «дважды четыре то же четыре»? Развѣ не очевидно до послѣдней степени, не ясно какъ божій день, что если въ обществѣ, подобно тому, какъ въ организмѣ группы клѣточекъ, одно недѣлимое возьметъ на себя трудъ питанія, другое — воспріятія впечатлѣній, третье — передвиженія и т. д., развѣ не ясно, что въ этомъ случаѣ арсеналъ каждаго изъ нихъ станетъ не богаче, а бѣднѣе, чѣмъ еслибы каждый изъ нихъ совершалъ всѣ эти отправленія? Гёте говоритъ: «чѣмъ существо несовершеннѣе, тѣмъ болѣе сходны между собою его части и тѣмъ болѣе сходны онѣ съ цѣлымъ. Чѣмъ совершеннѣе существо, тѣмъ болѣе части его разнятся одна отъ другой. Чѣмъ сходнѣе эти части, тѣмъ менѣе онѣ подчинены другъ другу. Подчиненіе частей есть признакъ совершенства творенія». Слова эти (гдѣ Гёте разумѣетъ и общество)* съ особенною любовью цитируются біологами (Гэккель — «Generelle Morphologie», Вирховъ — «Atomen und Individuen», Спенсеръ и проч.). А между тѣмъ распространеніе этого воззрѣнія на человѣческое общество есть очевидное «дважды четыре то же четыре». Человѣкъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ разнообразнѣе его составъ, чѣмъ разнообразнѣе его отправленія. Слѣдовательно общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе широкій просторъ предоставляетъ его укладъ многостороннему, а не одностороннему развитію отдѣльныхъ членовъ. Слѣдовательно общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ сходнѣе между собою его части и чѣмъ менѣе онѣ подчинены другъ другу. Отчего же люди ученые, люди мыслящіе, люди, которымъ звѣздная книга ясна, съ которыми говоритъ морская волна, не понимаютъ такой простой истины? Мудрый Эдипъ, разрѣши! Никогда еще, быть можетъ, истина не представлялась въ столь простомъ и обнаженномъ видѣ и никогда, можетъ быть, люди не отворачивались отъ нея столь упорно, какъ бы стыдясь ея наготы. Поэтому-то мы и въ нынѣшнемъ году опять принимаемся за прошлогоднюю пѣсню; она прошлогодняя, но очевидно не старая, хоть мы отъ души желали бы ей поскорѣе состарѣться. До

---

* Die Pflanze geht von Knoten zu Knoten und schliesst zuletzt ab mit der Blüthe und dem Samen. In der Thierwelt ist es nichts anders. Die Raupe, der Bandwurm geht von Knoten zu Knoten und bildet zuletzt einen Kopf; bei den höher stehenden Thieren und Menschen sind es die Wirbelknochen, die sich anfügen und anfügen, und mit dem Kopfe abschliessen, in welchem sich die Kräfte concentriren. Was so bei einzelnen geschieht, geschieht auch bei ganzen Corporationen. Die Bienen, auch eine Reihe von Einzelheiten, die sich an einander schliessen, bringen als Gesammtheit etwas hervor, das auch den Schluss macht und als Kopf des Ganzen anzusehen ist, die Bienenkönigin. Wie dieses geschieht, ist geheimnissvoll, schwer auszusprechen; aber ich könnte sagen, dass ich darüber meine Gedanken habe. So bringt ein Volk seine Helden hervor, die gleich Halbgöttern zu Schutz und Heil an der Spitze stehen». (Eckermann. Gespräche mit Göthe. 1837. II, 65).

сихъ поръ это обобщеніе раздѣленія труда физіологическаго и экономическаго есть едва-ли не самая крупная и безспорно самая распространенная попытка связать біологію съ соціологіей; и мы твердо убѣждены, что пока этотъ пунктъ не будетъ надлежащимъ образомъ установленъ, разумная связь соціологіи и біологіи немыслима, а слѣдовательно немыслима и соціологія. Намъ могутъ замѣтить, что сторонники раздѣленія труда ставятъ вопросъ совсѣмъ не такъ, какъ мы это дѣлаемъ, что они ничего не говорятъ о судьбѣ недѣлимаго въ обществѣ, что они берутъ за центръ изслѣдованія самое общество, юридическую личность, и утверждаютъ, что оно, общество, выигрываетъ отъ раздѣленія труда. На это мы отвѣчаемъ, что въ этой постановкѣ вопроса и заключается корень заблужденія. Кто видѣлъ эту юридическую личность? Кто говорилъ съ нею? Кому она разсказывала о своихъ страданіяхъ и наслажденіяхъ, о своихъ желаніяхъ и нежеланіяхъ, надеждахъ и отчаяніи? Кому она пѣла свои пѣсни, кому посылала свои проклятія? — Однако раздѣленіе труда въ обществѣ фактъ? — Фактъ, такой же фактъ, какъ и физіологическое раздѣленіе труда. Ставьте ихъ рядомъ, но не спиной другъ къ другу, а лицомъ къ лицу. Пусть каждый видитъ, какъ они между собою относятся, въ какой между собою находятся зависимости. Собственно говоря, несправедливо и то, что сторонники раздѣленія труда имѣютъ въ виду только юридическую, идеальную личность общества. Они ничего не имѣютъ въ виду и только путаются въ понятіяхъ и словахъ. «Общество - говоритъ Спенсеръ — составляется изъ отдѣльныхъ личностей; все, что сдѣлано въ обществѣ, сдѣлано соединеннымъ дѣйствіемъ отдѣльныхъ личностей и, слѣдовательно, только дѣйствія отдѣльныхъ личностей могутъ дать ключъ къ разрѣшенію соціальныхъ явленій. Но дѣйствія отдѣльныхъ лицъ зависятъ отъ законовъ ихъ натуръ и, слѣдовательно, не могутъ быть поняты, пока непоняты эти законы. Законы же эти, если свести ихъ къ простѣйшему ихъ выраженію, оказываются результатомъ общихъ законовъ ума и тѣла. Изъ этого слѣдуетъ, что біологія и психологія необходимы какъ толкователи соціологіи, или — говоря еще проще: всѣ соціальныя явленія суть явленія жизни, суть самыя сложныя проявленія жизни, должны сообразоваться съ законами жизни и могутъ быть поняты тогда, когда поняты законы жизни» («Умственное, нравственное и физическое воспитаніе», 47 стр.). Физіологическое раздѣленіе труда есть законъ жизни. Понятъ ли онъ былъ Спенсеромъ, если онъ нашелъ возможнымъ признать экономическое раздѣленіе труда продолженіемъ физіологическаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ первое представляетъ похороны послѣдняго, а послѣднее — похороны перваго? «Дарвинизмъ — говоритъ Іегеръ — требуетъ возможно болѣе рѣзкаго раздѣленія труда, въ томъ убѣжденіи, что отъ этого выигрываютъ и общество и его отдѣльные члены, ибо

общество только тогда благоденствуетъ, когда члены его находятся на высшей ступени развитія. Я думаю, что послѣ сказаннаго никто не вздумаетъ повторять безсмысленную фразу, что теорія Дарвина есть ученіе противогосударственное и противообщественное». Легко можетъ быть, что безсмысленная фраза будетъ повторяться и «послѣ сказаннаго». Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что и въ самомъ «сказанномъ» есть безсмысленныя фразы, а такова и вышеприведенная. Очевидно, что тутъ дѣло даже и не въ юридической личности, а просто въ путаницѣ. Іегеръ признаетъ, что недѣлимое тѣмъ выше по развитію, чѣмъ многостороннѣе въ немъ совершается физіологическая работа, чѣмъ, какъ онъ выражается, его арсеналъ разнообразнѣе. Въ обществѣ «органическомъ», т.-е. въ кооперацiи по типу раздѣльнаго труда, арсеналъ этотъ не оставляется въ распоряженіи одного недѣлимаго, а раздается по частямъ всѣмъ членамъ: одинъ получаетъ одно оружіе, другой — другое и т. д. Ясно ли, что каждый изъ нихъ обѣднѣлъ относительно разнообразія оружія, т.-е. уровень его развитія понизился? И однако по Іегеру выходитъ, что тутъ-то именно онъ и находится на высшей ступени развитія. Опять-таки, развѣ это не «дважды два четыре и дважды четыре то же четыре»? Мы не думаемъ утверждать, чтобы первобытное состояніе людей было выше того, котораго они достигли теперь, хотя въ этомъ движеніи раздѣленіе труда играло значительнѣйшую роль. Мы только сопоставляемъ принципы физіологическаго и экономическаго раздѣленія труда, какъ сопоставляетъ ихъ и Іегеръ, и не можемъ не изумляться той едва вѣроятной слѣпотѣ, съ которою онъ, какъ и всѣ біологи, сшиваетъ бѣлыми нитками два взаимно исключающіеся процесса. У Іегера эти бѣлыя нитки особенно замѣтны, такъ-какъ дѣло осложняется его ночнымъ колпакомъ и нерасположеніемъ къ коммунистамъ. Тому смутному образу, который онъ рисуетъ подъ именемъ коммунистическаго общежитія, онъ между прочимъ приписываетъ свойство принижать нѣкоторыя способности, вслѣдствіе малаго ихъ примѣненія и изощренія. Обвиненіе это онъ даже печатаетъ курсивомъ, и, повидимому, ему и въ голову не приходитъ, что такова отличительная черта именно рекомендуемаго имъ «органическаго» общежитія. Это напоминаетъ намъ одно весьма любопытное примѣчаніе Макъ-Куллоха къ французскому переводу «Богатство народовъ» Адама Смита. Вотъ оно: «Умственныя способности крестьянина, обращенныя постоянно на множество разнообразныхъ предметовъ, проходящихъ передъ его глазами, не могутъ сосредоточиться и погружены въ спячку; между тѣмъ какъ однообразныя ремесленныя занятія возбуждаютъ разсудочную дѣятельность городскаго работника» (русскій переводъ г. Бибикова, 292 стр.). Примѣчаніе это вызвано словами Смита о нравственномъ превосходствѣ сельскаго населенія сравнительно съ городскими рабочими. Мы

привели макъ-куллоховское изрѣченіе не для того, чтобы сравнивать городское и сельское населеніе, а только какъ образецъ логики защитниковъ экономическаго раздѣленія труда: однообразныя занятія возбуждаютъ разсудочную дѣятельность, а разнообразныя погружаютъ человѣка въ спячку! Право, иногда можно серьёзно предложить человѣчеству облечься въ черное платье, обшитое плерезами, въ знакъ траура по здравому смыслу. Большинство экономистовъ и біологовъ разсуждаютъ о принципѣ раздѣленія труда до такой степени оригинально, что трудно даже себѣ представить, какимъ образомъ могли возникнуть такіе вывороченные на изнанку силлогизмы. Никакая Аріадна не позаботилась оставить у входа въ этотъ темный лабиринтъ, логической нити, по которой можно бы было прослѣдить ходъ мыслей господъ полиморфистовъ. Можно утвердительно сказать, что истинное значеніе раздѣленія труда понято, почти исключительно, только соціалистами всѣхъ оттѣнковъ, и только они и представляютъ небольшіе оазисы въ этой безпредѣльной пустынѣ. Намъ хочется привести здѣсь одинъ изъ такихъ оазисовъ, именно нѣсколько чрезвычайно меткихъ и удачныхъ замѣчаній Маркса (Das Kapital. Kritik der Politischen Oekonomie. Hamburg, 1867). Хотя замѣчанія эти относятся къ раздѣленію труда въ тѣсномъ смыслѣ, къ раздѣленію труда фабричному, но подъ ними смѣло можетъ быть поставленъ гораздо болѣе широкій пьедесталъ.

«Раздѣленіе труда уродуетъ рабочаго, развивая въ немъ извѣстную спеціальную способность и подавляя при этомъ цѣлый міръ производительныхъ силъ. Такъ въ Ла-Платѣ убиваютъ цѣлаго быка изъ-за одной шкуры или изъ-за одного жиру. Не только различныя спеціальныя отрасли труда дѣлятся между различными недѣлимыми, но дѣлится и самое недѣлимое, превращаясь въ автоматическое орудіе спеціальной работы *; и такимъ образомъ осуществляется старая басня Мененія Агриппы, изображающая человѣка клочкомъ его собственнаго тѣла **. Работникъ, за неимѣніемъ *матеріальныхъ условій производства* товаровъ, продаетъ свою рабочую силу капиталу и затѣмъ, въ силу раздѣленія труда, его *индивидуальная рабочая сила* существуетъ только тогда и постольку, когда и поскольку она запродана капиталу. Она функціонируетъ только въ извѣстномъ сочетаніи, существующемъ только послѣ ея запродажи въ за-

---

* Дугальдъ Стюартъ называетъ фабричныхъ рабочихъ «Living automatons... employed in the details of the work». (D. St. Works ed. by sir W. Hamilton. Edinburgh, V. III, 1855, «Lectures on Polit. Econ.», p. 318. (Эта и слѣдующія выноски принадлежатъ Марксу).

** У кораловъ каждое недѣлимое дѣйствительно представляетъ желудокъ для всей группы. Но онъ снабжаетъ согражданъ пищею, а не выводитъ ее, какъ римскій патрицій. (Притча Мененія Агриппы изображаетъ защитительную рѣчь желудка противъ обвиненія его прочими частями тѣла въ тунеядствѣ Н. М.)

веденіи капиталиста. Лишенный возможности самостоятельнаго дѣла, мануфактурный рабочій производителенъ только въ качествѣ *составной части* заведенія предпринимателя [1]. Какъ на челѣ избраннаго народа было написано, что онъ собственность Іеговы, такъ раздѣленіе труда выжигаетъ на рабочемъ клеймо, на которомъ значится, что онъ собственность капитала.

«Знанія и воля, развиваемыя самостоятельнымъ крестьяниномъ или ремесленникомъ хотя бы въ маломъ масштабѣ, въ томъ родѣ, какъ дикарь сосредоточиваетъ въ своихъ личныхъ качествахъ все военное искусство, — здѣсь разбиваются по всѣмъ частямъ мануфактуры. Духовныя производительныя силы напряженно развиваются въ одну сторону, потому что притупляются со многихъ сторонъ. То, что̀ теряютъ рабочіе, *концентрируется* въ капиталѣ [2]. Фабричное раздѣленіе труда имѣетъ тенденцію обособлять духовныя силы процесса производства и противоставлять ихъ рабочимъ въ качествѣ *чужой собственности* и *господствующей надъ ними власти*. Этотъ *процессъ обособленія* получаетъ начало уже при той простой кооперацін, когда капиталистъ представляетъ въ своемъ лицѣ единство и волю всего общественнаго рабочаго тѣла. Онъ усиливается при мануфактурномъ порядкѣ, превращающемъ цѣлаго рабочаго въ часть. Онъ завершается наконецъ, когда промышленность отрываетъ *науку* отъ труда, какъ самостоятельную участницу производства, и отдаетъ ее въ услуженіе капиталу [3].

«Мануфактурный порядокъ обогащаетъ всю совокупность раздѣленныхъ рабочихъ силъ, т.-е. капиталъ [4], истощая инди-

---

[1] «L'ouvrier qui porte dans ses bras tout un métier, peut aller partout exercer son industrie et trouver des moyens de subsister; l'autre (фабричный рабочій) n'est qu'un *accessoire* qui, séparé de ses confrères, n'a plus ni capacité ni indépendance, et qui se trouve forcé d'accepter la loi, qu'on juge à propos de lui imposer» (Storch: «Cours d'écon. polit». St. Petersbourg, 1815 t. 1, p. 204).

[2] A. Fergusson: «History of Civil Society», франц. перев. 1783, I. II, p. 135, 136. «L'un peut avoir gagnée que lautre a perdu».

[3] Человѣкъ науки и работникъ отдѣлены другъ отъ друга огромнымъ пространствомъ, и наука, вмѣсто того, чтобы, въ рукахъ работника, способствовать росту его производительныхъ силъ для него самого, почти вездѣ вступала въ борьбу съ нимъ... Знаніе обращается въ орудіе, способное отдѣлиться отъ труда и стать съ нимъ въ противорѣчіе». (W. Thomson: «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth. London 1824», p. 274).

[4] Въ другомъ мѣстѣ Марксъ говоритъ: «Какъ отдѣльныя личности, рабочіе суть единицы, вступающія въ сношенія не между собою, а съ капиталомъ. Ихъ кооперація начинается только уже въ самомъ процессѣ работы, а между тѣмъ этотъ-то процессъ и лишаетъ ихъ самостоятельности. Приступая къ нему, они уже закрѣпощены капиталу. Какъ кооперирующіе, какъ члены мануфактурнаго организма, сами они суть только извѣстный моментъ въ существованіи капитала. Поэтому производительная сила, развиваемая рабочимъ при порядкѣ раздѣльнаго труда, есть производительная сила капи-

видуальныя производительныя силы рабочихъ. «Невѣжество есть мать не только предразсудковъ, а и индустріи. Мысль и воображеніе могутъ, правда, заблуждаться; но привычка извѣстнымъ образомъ двигать руку или ногу не нуждается ни въ той, ни въ другомъ. Можно сказать, что фабричный рабочій тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ ничтожнѣе его духовныя силы, такъ что фабрику можно разсматривать какъ *машину, составныя части которой суть люди»* [1]. И дѣйствительно, въ половинѣ восемнадцатаго вѣка на фабрики съ особеннымъ удовольствіемъ брали полуидіотовъ для исполненія нѣкоторыхъ несложныхъ операцій, составлявшихъ однако секретъ [2].

«Человѣческій умъ, говоритъ Адамъ Смитъ, по необходимости развивается подъ вліяніемъ ежедневныхъ занятій. Человѣкъ, всю жизнь проводящій за немногими простыми операціями... не имѣетъ случая къ упражненію своего ума... Онъ вообще принижается до такой степени, до какой только можетъ принизиться человѣческая природа». Отмѣтивъ тупость, какъ результатъ раздѣленія труда, Смитъ продолжаетъ: «Однообразіе его стоячей жизни естественно понижаетъ и его духовную энергію... Оно разрушительно дѣйствуетъ и на его тѣло и дѣлаетъ его неспособнымъ къ какому либо постороннему занятію. Повидимому, ловкость его въ его спеціальномъ дѣлѣ изощряется на счетъ высокихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Однако, во всякомъ промышленномъ и цивилизованномъ обществѣ, въ такое состояніе *необходимо* долженъ впасть трудящійся бѣднякъ (the labouring poor), т.-е большинство» [3].

тала» (315). «Въ противоположность хозяйству крестьянина или независимаго ремесленника, капиталистическая кооперація не есть особая историческая форма коопераціи, но сама кооперація является здѣсь специфическою исторической формою капиталистическаго производства» (317). Надо замѣтить, что Марксъ различаетъ раздѣленіе труда «общественное» и фабричное. Въ первомъ случаѣ каждый представитель труда производитъ товаръ. Напримѣръ, скотоводъ производитъ шкуру, кожевникъ превращаетъ шкуру въ лайку, башмачникъ дѣлаетъ изъ лайки башмаки, и шкура, лайка и башмаки суть товары. При фабричномъ раздѣленіи труда ни одинъ спеціалистъ рабочій товара не производитъ (Н. М.).

[1] A. Fergusson l. c. p. 134, 135.

[2] J. D. Tuckett. «A History of the Past and Present State of the Labouring Population» Lond. 1846 v. I, p. 149.

[3] A. Smith. «Wealth of Nations». B. V, ch. I, art. II. Какъ ученикъ Фергюсона, указывавшаго на неблагопріятныя послѣдствія раздѣленія труда, Смитъ здѣсь совершенно ясенъ. Въ началѣ своего сочиненія, гдѣ раздѣленіе труда выхваляется ex professo, онъ отмѣчаетъ его только мимоходомъ, какъ источникъ общественнаго неравенства. Только въ 5-ой книгѣ, говоря о правительственномъ вмѣшательствѣ, онъ слѣдуетъ за Фергюсономъ. Въ «Misère de la Philosophie» я указалъ на историческое значеніе Фергюсона, А. Смита, Лемонтэ, и Сэ въ вопросѣ о раздѣленіи труда. Тамъ-же указано въ первый разъ и значеніе раздѣленія труда, какъ специфической формы капиталистическаго процесса производства (122).

Чтобы нѣсколько парализировать проистекающее изъ раздѣленія труда обезображеніе массы народа, Смитъ рекомендуетъ правительствамъ, хотя и въ гомеопатическихъ дозахъ, народное образованіе. Но тутъ съ нимъ весьма послѣдовательно полемизируетъ его французскій переводчикъ и комментаторъ, Гарнье, сенаторъ первой французской имперіи. Онъ объявляетъ, что народное образованіе несовмѣстно съ основнымъ закономъ раздѣленія труда и что ввести его значитъ «уничтожить всю нашу общественную систему». «Какъ всѣ другіе виды раздѣленія труда, говоритъ онъ, раздѣленіе между трудомъ физическимъ и умственнымъ * становится рѣзче и опредѣленнѣе по мѣрѣ обогащенія общества. Подобно всякому другому, это раздѣленіе труда есть результатъ прошедшихъ успѣховъ и причина будущихъ... Имѣетъ-ли правительство право противодѣйствовать этому раздѣленію труда и задерживать его дальнѣйшій естественный ходъ?»

«Извѣстная степень духовнаго и физическаго приниженія неразрывно связана уже съ тѣмъ раздѣленіемъ труда, которое установилось въ обществѣ вообще. Мануфактурный порядокъ еще усиливаетъ это распаденіе различныхъ отраслей труда и, раздробляя недѣлимое, захватываетъ самый корень его жизни. «Раздроблять человѣка значитъ казнить его, если онъ заслуживаетъ смертнаго приговора, и просто убивать, если онъ его не заслуживаетъ. Раздѣленіе труда есть убійство народа». ** (Марксъ. 345 -- 348).

И такъ, не всѣ облекаютъ принципъ раздѣленія труда розовой оболочкой счастія и совершенства, какъ цѣлаго общества, такъ и его отдѣльныхъ представителей. Существуетъ въ этомъ вопросѣ и оппозиція, ядро которой составляютъ соціалисты; люди, какъ извѣстно, состоящіе въ сильномъ подозрѣніи въ многоразличныхъ проступкахъ и преступленіяхъ. Но какой бы судъ ни произнесъ надъ ними будущій историкъ науки, онъ съ уваженіемъ отмѣтитъ ихъ критику принципа раздѣленія труда, хотя бы она и не простиралась дальше извѣстной частной области. Что-же касается до неудачнаго вмѣшательства біологіи въ этотъ вопросъ, то оно тѣмъ болѣе печально, что можетъ вызвать во многихъ вопросъ: да законно ли послѣ этого и вообще вмѣшательство біологіи въ общественную науку? И не имѣемъ ли мы права сказать господамъ біологамъ:

* Фергюсонъ именно говоритъ: «l'art de penser, dans un période où tout est séparé peut lui même former un métier à part».

** «To subdivide a man is to execute him, if he deserves the sentence, to assassinate him if he does not... The subdivision of labour is the assassination of a people» (D. Urquhart. «Familiar Words». London 1855, p. 119). Гегель придерживался самыхъ еретическихъ мнѣній о раздѣленіи труда. «Unter gebildeten Menschen kann man zunächst solche verstehn, die Alles machen können, was Andere thun», говоритъ онъ въ своей философіи права.

ne sutor ultra crepitam? При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла такое сомнѣніе необходимо должно разсѣяться. Дѣло не въ біологіи, а въ біологахъ. Гэккель совершенно правъ, утверждая, что «для пониманія въ высшей степени сложныхъ явленій общественной жизни необходимо сравнительное изученіе соотвѣтственныхъ явленій въ мірѣ животныхъ», и что «будущимъ государственнымъ людямъ, экономистамъ и историкамъ придется главнымъ образомъ обратить свое вниманіе на сравнительную зоологію, т.-е. на сравнительную морфологію и физіологію животныхъ, если они пожелаютъ получить вѣрное понятіе о своемъ спеціальномъ предметѣ». (Gen. Morph. B. II, S. 437). Правъ и Фогтъ, говоря о «Frevler, welche sich an dem Menschenleben versündigen, weil sie das Thierleben nicht können, nicht verstehen». (Altes und Neues aus Thier - und Menschenleben. Frankfurt, 1859, B. I, S. 34). И когда эта сравнительно-зоологическая точка зрѣнія приводитъ людей къ самымъ невѣроятнымъ заблужденіямъ, то въ этомъ надо винить не самую точку зрѣнія, а людей, не умѣющихъ съ нею справиться. Конечно, уже одинъ *способъ* ссылки на притчу Мененія Агриппы (на нее ссылаются и сторонники раздѣленія труда, но съ совершенно противоположной стороны) показываетъ, что Марксъ, не имѣющій спеціальныхъ знаній о законахъ жизни, тѣмъ не менѣе понимаетъ значеніе физіологическаго раздѣленія труда безконечно глубже, чѣмъ кто-либо изъ біологовъ. Но въ основѣ его соображеній все-таки лежатъ эмпирическія данныя біологической науки, и окончательнаго освѣщенія вопроса мы все-таки должны ожидать отъ біологіи. Вернемся однако въ глубину Густава Іегера. Мы видѣли, что онъ рекомендуетъ человѣку съ особеннымъ тщаніемъ всмотрѣться въ жизнь общины муравьевъ, удовлетворяющей самымъ высокимъ требованіямъ «органическаго» общежитія. А требованія эти суть благоденствіе общества и совершенство его членовъ, достигаемыя путемъ раздѣленія труда. Мы можемъ уже a priori сказать, что при томъ значеніи (совершенно вѣрномъ для органической жизни), которое Іегеръ придаетъ понятію совершенства, община муравьевъ этимъ требованіямъ не удовлетворитъ, какъ не удовлетворитъ имъ никакое общество въ мірѣ; потому что самое сопоставленіе совершеннаго (т.-е., по Іегеру, рѣзко расчлененнаго) общества и совершеннаго недѣлимаго содержитъ въ себѣ contradictio in adjecto. Требованіе единовременнаго осуществленія этихъ двухъ условій равняется требованію пальмъ и ліанъ въ окрестностяхъ Колы или Мезени. А потому можно быть увѣрену, что Іегеровская Аркадія—муравейникъ—либо не представляетъ особенно рѣзкихъ общественныхъ обособленій, либо состоитъ изъ весьма несовершенныхъ (сравнительно съ видовымъ типомъ) недѣлимыхъ.

Относительно весьма значительнаго развитія экономическаго раздѣленія труда въ муравьиной общинѣ не можетъ быть ни

какого сомнѣнія. Каждый видъ состоитъ изъ плодовитыхъ самцовъ и самокъ и затѣмъ изъ одной, двухъ, а у нѣкоторыхъ видовъ и трехъ кастъ безполыхъ рабочихъ; кромѣ того нѣкоторые муравьи имѣютъ рабовъ изъ другого вида. Касты рѣзко отличаются одна отъ другой какъ своимъ внѣшнимъ видомъ и организаціей, такъ и родомъ занятій. Дарвинъ такъ описываетъ разницу между кастами одного африканскаго муравья: «степень различія такъ же велика, какъ еслибы мы увидѣли толпу плотниковъ, строющихъ домъ, изъ которыхъ нѣкоторые были бы ростомъ аршина въ два съ половиной, а прочіе ростомъ въ двѣ съ половиой сажени; но мы должны представить себѣ при этомъ, что у крупныхъ плотниковъ головы не втрое, а вчетверо больше, чѣмъ у мелкихъ, а челюсти разъ въ пять. Сверхъ того челюсти этихъ рабочихъ муравьевъ разнаго роста удивительно разнятся въ очертаніяхъ, а также въ формѣ и количествѣ зубцовъ» (l. c. 123). Этимъ различіямъ въ организаціи соотвѣтствуютъ столь-же рѣзкія различія и въ общественныхъ обязанностяхъ. Тутъ есть воины, никогда не работающіе, и рабочіе, никогда не сражающіеся. Есть даже такія должности, которыя совершенно необъяснимы. Такъ Бэтсъ («Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ») разсказываетъ, что онъ никакъ не могъ добраться, чѣмъ занимается одна большеголовая каста безполыхъ рабочихъ однаго бразильскаго вида: они не работаютъ, не сражаются, не наблюдаютъ за работами, а только расхаживаютъ вокругъ малыхъ работниковъ. Бэтсъ остановился наконецъ на предположеніи, что они, въ качествѣ pièces de résistance, охраняютъ своей огромной и твердой головой всю массу рабочихъ отъ нападеній насѣкомоядныхъ птицъ. Въ такомъ случаѣ, это своего рода «пушечное мясо». У одного мексиканскаго вида есть каста безполыхъ рабочихъ, которая никогда не покидаетъ гнѣзда; она отличается необыкновеннымъ развитіемъ брюха, которое выдѣляетъ сладкую жидкость, вслѣдствіе чего это каста замѣняетъ для своего вида тлю. Тотъ же видъ имѣетъ другую касту, обязанность которой состоитъ въ кормленіи брюхатыхъ сидней. Наконецъ надъ всѣми этими второстепенными различіями господствуетъ различіе между способными къ дѣторожденію и неспособными. И такъ, съ точки зрѣнія общественнаго раздѣленія труда, мирмекофильство Іегера совершенно оправдывается: раздѣленіе труда у муравьевъ дѣйствительно высоко развито. Второй вопросъ состоитъ въ совершенствѣ отдѣльныхъ недѣлимыхъ, т.-е. въ физіологическомъ раздѣленіи труда. Извѣстенъ опытъ Губера съ однимъ рабовладѣльческимъ видомъ муравья. Видъ этотъ устроился такимъ образомъ, что самцы и самки заботятся о продолженіи своего рода и больше ничего не дѣлаютъ, не умѣютъ дѣлать, даже питаться сами не могутъ; безполые только охотятся за рабами, т.-е. дерутся постоянно съ другимъ видомъ и захватываютъ его въ плѣнъ, и больше опять таки ничего не дѣлаютъ, потому что и уходъ за личинками и

куколками, и постройка муравейника лежатъ на обязанности рабовъ. Когда муравейникъ переселяется, господа не сами идутъ, а ихъ переносятъ рабы. Словомъ, даже Гарнье не нашелся бы ничего противу-полиморфнаго замѣтить въ этой Аркадіи Іегера. Губеръ заперъ штукъ тридцать этихъ господъ, давшихъ себѣ, по выраженію Фигаро, трудъ родиться, отдѣльно отъ рабовъ. Несчастные очутились въ положеніи щедринскихъ генераловъ на необитаемомъ островѣ. Губеръ положилъ имъ много пищи, положилъ личинокъ и куколокъ, но безъ помощи «мужика» они никакъ не могли устроиться. Не имѣя даже Московскихъ Вѣдомостей для развлеченія, несчастныя жертвы великаго и благодѣтельнаго принципа раздѣленія труда начали скоро дохнуть съ голоду: они потрудились родиться, но не потрудились научиться брать пищу въ ротъ, ибо мудрый законъ раздѣленія труда исковеркалъ ихъ челюсти. Губеръ пустилъ тогда къ нимъ раба. «Мужикъ» отъискался и все пошло какъ по маслу. Мужикъ сталъ кормить не успѣвшихъ околѣть господъ и личинокъ, сталъ приводить все въ порядокъ, устроивать ячейки и проч. Такова страна, wo die Zitronen blühen! Такова Утопія, которую Іегеръ, посовѣтовавшись съ своимъ ночнымъ колпакомъ, противопоставляетъ «съ сравнительно зоологической точки зрѣнія» «коммунистическимъ мечтаніямъ» о «стадѣ барановъ»! И опять-таки сравнительно зоологическая точка зрѣнія тутъ рѣшительно не причемъ. Она съ безпощадною ясностью свидѣтельствуетъ, что организація отдѣльныхъ недѣлимыхъ при коопераціи раздѣльнаго труда должна необходимо понизиться и дѣйствительно понижается, потому что физіологическое раздѣленіе труда становится при этомъ менѣе напряженнымъ. Это такая азбучная истина, что мы боимся даже, какъ бы читатель не обидѣлся нашими пространными толкованіями. Но, мой добрый и умный читатель, вы видите, что этой азбучной истины не понимаютъ великіе философы, почтенные ученые, что въ средѣ біологовъ *ни одинъ* голосъ не поднимается противъ хора, твердящаго: дважды два четыре и дважды четыре тоже четыре. У муравьевъ есть скотоводство, а у нѣкоторыхъ даже земледѣліе. Быть можетъ, у нихъ есть и наука? Кто ее воздѣлываетъ? Если кто воздѣлываетъ, то безъ сомнѣнія плодовитые самцы и самки въ моменты остающагося у нихъ послѣ ихъ спеціальныхъ занятій досуга. Такъ должно думать по аналогіи. Ибо не у однихъ же людей «человѣкъ науки и работникъ отдѣлены другъ отъ друга огромнымъ пространствомъ, и наука, вмѣсто того, чтобы, въ рукахъ работника, способствовать росту его производительныхъ силъ для него самаго, почти вездѣ вступила въ борьбу съ нимъ» (см. выше). Быть можетъ, у муравьевъ существуютъ и біологія и политическая экономія. Быть можетъ, муравьи-біологи и политико-экономы проповѣдуютъ величіе принципа раздѣленія труда...

Происхожденіе безполыхъ рабочихъ въ муравейникѣ Дарвинъ

объясняетъ естественнымъ подборомъ, путемъ постепеннаго накопленія легкихъ измѣненій въ организаціи и въ инстинктѣ, измѣненій, сопряженныхъ съ безплодіемъ нѣкоторыхъ членовъ общины. Предположеніе свое Дарвинъ защищаетъ необыкновенно ловко и остроумно, хотя, какъ онъ самъ говоритъ, пунктъ этотъ представляетъ самый опасный подводный камень для его теоріи. Объ отношеніи, въ которомъ находятся раздѣленіе труда и подборъ родичей, мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же отмѣтимъ слѣдующій любопытный фактъ изъ жизни пчелъ, общественное устройство которыхъ, какъ извѣстно, также основано на глубоко проведенномъ принципѣ раздѣленія труда. Пчелиная матка кладетъ сначала яйца, изъ которыхъ должны выдти безполые рабочіе, затѣмъ яйца трутней и наконецъ самое незначительное число яицъ, имѣющихъ развиться въ матокъ. Если маткѣ (царицѣ) случается умереть уже послѣ кладки всѣхъ яицъ, т.-е. когда есть въ наличности яйца, личинки или куколки новаго поколѣнія матокъ, то смерть старой царицы проходитъ почти незамѣченною. Населеніе улья ждетъ, терпѣливо и не покидая текущихъ общественныхъ дѣлъ, окончательнаго развитія молодыхъ матокъ, которыя тотчасъ по окончаніи послѣдней метаморфозы рѣшаютъ вопросъ о престолѣ единоборствомъ. Но если матка умираетъ во время кладки рабочихъ яицъ и слѣдовательно не оставляетъ прямыхъ наслѣдниковъ, то весь рой поднимаетъ страшную возню. Немедленно отбирается нѣсколько рабочихъ яицъ или личинокъ, ихъ кладутъ внизъ головой (такъ лежатъ личинки только царицы, личинки рабочихъ лежатъ горизонтально) въ нарочно расширенныя ячейки, кормятъ особою пищею и вообще ухаживаютъ за ними гораздо болѣе, чѣмъ за личинками обыкновенныхъ рабочихъ. Результатомъ этихъ хлопотъ бываетъ то, что изъ личинокъ развиваются не безполые рабочіе, а плодовитыя самки, которыя опять таки единоборствомъ рѣшаютъ вопросъ о томъ, кому изъ нихъ властвовать. Надо замѣтить, что личинки рабочихъ только въ извѣстномъ раннемъ возрастѣ способны къ такому преобразованію. Этотъ изумительный фактъ показываетъ, что раздѣленіе труда, если не у муравьевъ, то по крайней мѣрѣ у пчелъ, производится, повидимому, не однимъ медленнымъ и безсознательнымъ процессомъ естественнаго подбора. Тутъ очевидно дѣло не въ томъ только, что для нѣкоторыхъ членовъ общины (Дарвинъ говоритъ «для всей общины») выгодно безплодіе другихъ, вслѣдствіе чего плодовитые самцы и самки передаютъ потомству такія свои особенности, которыя связаны съ возможностью производить безполыхъ особей. Тутъ мы видимъ прямую непосредственную фабрикацію особей той или другой касты. Можно думать, что общественныя насѣкомыя обладаютъ особеннымъ секретомъ, за который дорого бы дали экономисты и біологи, ибо съ помощью его можно достигнуть любой степени раздѣленія труда. Если такъ, то раздѣленіе труда сдѣ-

лало изъ общественныхъ насѣкомыхъ такихъ художниковъ, передъ которыми компрачикосы, какъ выражается Расплюевъ, «мальчишки и щенки». Уловить однако секретъ столь драгоцѣннаго искусства невозможно при наличномъ уровнѣ человѣческихъ знаній. Что та или другая пища въ извѣстной, весьма значительной степени вліяетъ на будущность ребенка, на весь его духовный и физическій складъ, это мы знаемъ и безъ муравьевъ. То же самое относится и къ просторности помѣщенія. Но какимъ образомъ связано горизонтальное положеніе личинки съ образованіемъ у вполнѣ развитого насѣкомаго щеточекъ и придатковъ, служащихъ орудіями работы, и съ анормальнымъ развитіемъ половыхъ органовъ? Какимъ образомъ съ другой стороны вертикальное положеніе личинки вліяетъ на отсутствіе рабочихъ инструментовъ и присутствіе способности къ дѣторожденію? Во всякомъ случаѣ, если экономисты и біологи будутъ продолжать работать въ томъ же духѣ и направленіи, въ какомъ работали до сихъ поръ, то можно ожидать, что они догонятъ муравьевъ. Средство производить морфологическіе индивидуумы вмѣсто физіологическихъ будетъ найдено, и жизнь человѣческая потечетъ столь-же ровно, какъ и жизнь муравьевъ. Покорно понесетъ каждый выпавшую ему долю. Кому въ утробѣ матери будетъ предписано воздѣлывать науку, тотъ понесетъ этотъ крестъ безъ ропота и будетъ терпѣливо подставлять свои неумѣлыя челюсти для принятія жареныхъ рябчиковъ, разжевываемыхъ спеціально для того изготовленными особями. Кому выпадетъ счастіе безполаго существованія, тотъ будетъ съ веселіемъ строить грады и веси и мостить стогны. Плодовитые будутъ спокойно, по желанію Іегера, плодиться и множиться и покорять землю. Безмятежное существованіе этой Аркадіи не будетъ смущаться возгласами въ родѣ извѣстнаго «nous sommes hommes comme eux!» или ироническими вопросами:

When Adam delved and Eva span,
Who was then the gentleman?

Новыя птицы, новыя пѣсни. Но чтобы услышать новыя пѣсни, надо сначала получить новыхъ птицъ. Если эти птицы дѣйствительно желательны, наука должна торопиться. Когда Христосъ узналъ, что Іуда продаетъ его, онъ сказалъ ему: «что дѣлаешь, дѣлай скорѣе...»

Надо однако замѣтить, что пчелы обладаютъ далеко не всѣми секретами органически-общественнаго благоденствія. Ибо хотя онѣ и могутъ по произволу измѣнять будущность своихъ яицъ и личинокъ, но вопервыхъ это искусство имѣетъ свои предѣлы. Такъ рабочая личинка старше двухъ дней до такой степени пропитана уже духомъ своей касты, что произвести ее въ матки нѣтъ уже возможности. Далѣе, при всѣхъ пчелиныхъ художествахъ, въ ульяхъ сплошь и рядомъ происходятъ кровавыя побоища и революціи: рабочіе избиваютъ трутней, матки изби

ваютъ своихъ плодовитыхъ дочерей и сестеръ. У муравьевъ, впрочемъ, сколько извѣстно, подобныхъ періодическихъ революцій не бываетъ, хотя происходятъ ожесточенныя битвы между населеніями различныхъ муравейниковъ. Два роя пчелъ также не уживаются. Но при этомъ происходятъ чрезвычайно любопытныя событія. Чтобы соединить два роя въ одинъ, пчеловоды бросаютъ ихъ въ воду. Когда пчелы совершенно утомятся, ихъ вынимаютъ и кладутъ на солнце, и обсушенныя насѣкомыя совершенно забываютъ свою вражду, обтираютъ другъ друга, чистятъ, помогаютъ другъ другу очнуться и проч. Общее несчастіе обогащаетъ ихъ нервную систему новымъ сочувственнымъ опытомъ. Но такой результатъ имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если по крайней-мѣрѣ одна изъ царицъ удалена. Если онѣ обѣ на лицо, то немедленно образуются подъ ихъ предводительствомъ двѣ враждебныя партіи и начинается отчаянная война *.

Такимъ образомъ, органическимъ общежитіемъ не достигается не только совершенство отдѣльныхъ недѣлимыхъ, но и мирное и безпечальное житіе всего общества. Любопытнѣе всего, что Іегеръ и не подозрѣваетъ совершенной несовмѣстности своихъ измышленій объ органическомъ общежитіи съ тою своею исходною точкою, которую мы признали безупречною. А между тѣмъ очная ставка этихъ двухъ сторонъ его разсужденій какъ нельзя болѣе удобна и напрашивается сама собой. Мы уже видѣли, что Іегеръ неосновательно придалъ эгоцентрическую точку зрѣнія цѣлому виду. Неосновательно потому, что видъ есть, вопервыхъ, величина абстрактная, а вовторыхъ постоянно колеблющаяся. Борьба за существованіе и подборъ родичей, приспособленіе къ даннымъ условіямъ жизни и наслѣдственная передача этихъ приспособленій могутъ постепенно произвести въ строеніи организмовъ безконечно разнообразныя и почти невѣроятно глубокія видоизмѣненія. Накопленныя въ извѣстномъ, хотя и неопредѣленномъ и неопредѣлимомъ количествѣ, измѣненія эти порождаютъ новый видъ, т.-е., по Іегеру, новую эгоцентрическую точку зрѣнія въ природѣ. Прекрасно понятыя Іегеромъ общія практическія требованія дарвинизма указываютъ этому новому виду необходимость углублять все больше и больше пропасть, отдѣляющую его отъ ближайшихъ къ нему родичей. Такимъ обра-

* Говоря о взаимной ненависти пчелиныхъ матокъ, Дарвинъ, котораго одинъ мои покойный другъ-учитель, по моему мнѣнію, весьма удачно, называлъ «геніальнымъ буржуа-натуралистомъ», замѣчаетъ: «Хотя это намъ и трудно, но намъ слѣдуетъ восхищаться дикой, инстинктивной злобой пчелы-матки, уничтожающей молодыхъ матокъ, своихъ дочерей, тотчасъ по ихъ рожденіи, или погибающей въ борьбѣ съ ними; ибо это несомнѣнно полезно обществу; и материнская любовь, и материнская ненависть, хотя послѣдняя, къ счастью, большая рѣдкость — все едино передъ неумолкными законами стественнаго подбора» (l. c., 164).

зомъ теоретическое сознаніе родства съ низшими формами жизни, вопреки всѣмъ возгласамъ о безнравственности и тому подобнымъ инсинуаціямъ, заключаетъ въ себѣ требованіе практическаго удаленія отъ низшей жизни. Но, признавъ далѣе раздѣленіе труда творческимъ началомъ общественной жизни, Іегеръ совершенно смазываетъ свою исходную точку, и его «любовь къ ближнему» оказывается висящею на воздухѣ. Если раздѣленіе труда и можетъ поддержать эту любовь, то только въ томъ же смыслѣ, въ какомъ веревка поддерживаетъ висѣльника. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣленіе труда есть одинъ изъ могучихъ факторовъ происхожденія видовъ. Очевидно, что послѣдовательно и глубоко проведенное, оно можетъ накопить постепенно такое количество, на первый взглядъ, неважныхъ и незначительныхъ измѣненій въ организаціи каждой изъ обособившихся общественныхъ группъ, что сумма этихъ измѣненій можетъ, наконецъ, дать новый видъ. Конечно, безполыя особи различныхъ кастъ и плодовитые самцы и самки у общественныхъ насѣкомыхъ представляютъ одинъ и тотъ же видъ. Но здѣсь образованіе новыхъ видовъ путемъ раздѣленія труда задерживается именно безплодіемъ нѣкоторыхъ членовъ общества. И это безплодіе является вмѣстѣ съ тѣмъ могучимъ средствомъ для сосредоточенія всѣхъ общественныхъ силъ въ одну сторону, по направленію къ одной цѣли. Что же касается до человѣческаго общества съ его сложными и запутанными интересами, съ его сталкивающимися и отталкивающимися стремленіями, то здѣсь общая цѣль, будучи значительно отдалена отъ большинства членовъ общества, легко можетъ совершенно стушеваться. И обособившіяся путемъ раздѣленія труда группы, когда породившій ихъ принципъ достигаетъ извѣстной ступени развитія, преслѣдуютъ цѣли совершенно различныя. Далѣе, нѣтъ ничего невозможнаго, что раздѣленіе труда въ связи съ различіемъ условій жизни раздробитъ видъ homo sapiens по крайной-мѣрѣ на два вида. Высшіе и низшіе классы современнаго европейскаго общества уже теперь значительно разнятся между собою по своей организаціи. И при извѣстныхъ условіяхъ эти пока еще даже и не разновидности могутъ пріобрѣсти характеръ строго очерченныхъ видовъ. Стоитъ только послѣдовательно проводить принципъ раздѣленія труда, въ родѣ того, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Гарнье. Послѣдовательность эта, впрочемъ, дѣло далеко не новое и испытанное уже практически. Такъ въ древней Индіи каждому судрѣ, осмѣливавшемуся читать книги и тѣмъ нарушавшему раздѣленіе между трудомъ физическимъ и умственнымъ и вообще строго органическій укладъ индійской жизни, — вливалось въ уши кипящее масло; а если дерзость его простиралась до того, что онъ выучивалъ содержаніе книги наизусть, его казнили смертью. Въ рабовладѣльческихъ американскихъ штатахъ негры, подъ страхомъ наказанія, не смѣли учиться читать и проч. Намъ незачѣмъ распространять-

ся здѣсь о томъ, какъ и почему эти мѣропріятія не повлекли за собою образованія новыхъ видовъ. Но во всякомъ случаѣ очевидно, что раздѣленіе труда можетъ произвести подобный результатъ въ ту или другую сторону, можетъ разбить человѣчество на два вида. Спрашивается, какъ, по Іегеру, высшій изъ этихъ видовъ долженъ будетъ относиться къ низшему? Отвѣтъ ясенъ. Высшій видъ долженъ будетъ становиться въ болѣе и болѣе рѣзкую противоположность съ низшимъ, особенно сильно съ нимъ бороться, какъ съ наиболѣе близкою ему формою низшей жизни, приводить эту форму каждому своему ближнему какъ страшный примѣръ, котораго должно удаляться и т. д. Но намъ незачѣмъ останавливаться на этой гипотезѣ образованія новаго вида, хотя гипотеза эта есть не болѣе, какъ одна изъ ненаписанныхъ Дарвиномъ страницъ его теоріи. Съ насъ достаточно того факта, что раздѣленіе труда, способствуя распаденію общества на нѣсколько группъ, постепенно отодвигаетъ общую цѣль этихъ группъ назадъ и замѣняетъ ее частными цѣлями, все болѣе расходящимися, а иногда и прямо враждебными одна другой. Въ предѣлахъ каждой изъ этихъ группъ личное *я* ея представителей можетъ, а въ извѣстной степени и должно, расшириться и совпасть съ групповымъ *я*. Но затѣмъ въ цѣломъ обществѣ мы все-таки имѣемъ не одну, а нѣсколько эгоцентрическихъ точекъ зрѣнія. И каждая изъ нихъ обязываетъ своихъ представителей все болѣе и болѣе усугублять пограничныя межи, проведенныя раздѣленіемъ труда. Такъ древніе спартанцы напаивали илотовъ до пьяна, чтобы указать своему юношеству страшный примѣръ, отъ котораго должно удаляться.

Таковы результаты органическаго общежитія, отнюдь не вяжущіеся съ любовью къ ближнему, если подъ ближнимъ разумѣть не человѣка изъ извѣстнаго слоя общества, а человѣка вообще. Кажется, мы вправѣ были сказать, что раздѣленіе труда поддерживаетъ эту любовь не больше и не меньше, чѣмъ веревка поддерживаетъ висѣльника. Еслибы висѣльника не снимали съ висѣлицы и не хоронили послѣ того, какъ правосудіе насытилось, — веревка все глубже и глубже врѣзывалась бы въ его горло и наконецъ тѣло все-таки рухнуло бы. Если предоставить любовь къ ближнему на волю принципа раздѣленія труда, этотъ принципъ будетъ въѣдаться все и глубже и глубже, поддерживая любовь къ ближнему, но послѣдовательно уменьшая число ближнихъ. Наука! Біологи и экономисты! Снимите этого висѣльника и похороните его, откройте муравьиный секретъ безплодія... Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе...

Мы еще вернемся къ этому предмету и разсмотримъ его подробнѣе, говоря о другихъ попыткахъ опредѣленія практическихъ требованій дарвинизма. Здѣсь мы замѣтимъ только что 1) борьба за существованіе есть несомнѣнно основаніе того стественнаго права, которое, по опредѣленію древнихъ рим-

лянъ, non humani generis proprium est, sed omnium animalium quæ in coelo, quæ in terra, quæ in mari nascuntur; что 2) въ силу самаго этого закона борьбы за существованіе, борьба не должна имѣть мѣста въ средѣ общества; что 3) это отсутствіе борьбы за существованіе можетъ быть достигнуто исключительно кооперацієй простаго сотрудничества, ибо кооперація сложнаго сотрудничества или раздѣленія труда не устраняетъ, а только видоизмѣняетъ борьбу за существованіе. При этомъ не могу отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ привести выписку изъ Маркса, для сравненія воззрѣній этого писателя на раздѣленіе труда съ таковыми же большинства біологовъ. «Происхожденіе этихъ кастъ и цеховъ слѣдуетъ тому же закону, которымъ управляется распаденіе животныхъ и растеній на виды и подвиды, съ тою разницею, что на извѣстной ступени развитія наслѣдственность кастъ и замкнутость цеховъ санктируется законодательнымъ путемъ» (l. c. 322). Замѣтьте, что Марксъ не говоритъ того, что̀ говорятъ біологи, т.-е. не отождествляетъ раздѣленіе труда физіологическое и экономическое; и говоритъ то, чего не говоритъ ни одинъ біологъ, именно, что процессъ общественныхъ дифференцированій паралеленъ процессу дифференцированій не *недѣлимыхъ*, а *видовъ*. Усмотрѣть это было бы, повидимому, прямымъ дѣломъ біологовъ, и однако они усмотрѣли не это *.

Намъ остается еще взглянуть на теологическіе выводы Іегера изъ теоріи Дарвина. Мы ограничимся простымъ изложеніемъ ихъ, опять-таки потому, что они слишкомъ бѣглы и поверхностны, чтобы заслуживать подробной критической оцѣнки.

Дарвинистъ, по мнѣнію Іегера, отнюдь не долженъ вступаться въ рѣшеніе вопросовъ чисто-догматическаго свойства. Его дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы подвергать тотъ или другой религіозный догматъ критикѣ объективной науки о природѣ. Онъ долженъ удовольствоваться рѣшеніемъ одного вопроса: какую роль играетъ религія вообще, и та или другая религія въ частности — въ борьбѣ за существованіе? На сколько она способствуетъ совершенствованію человѣка и укрѣпленію въ немъ

---

* Исключеній во всякомъ случаѣ немного, и представителями этихъ исключеній являются тѣ біологи, которые принимаютъ горячо и близко къ сердцу вопросы общественной жизни. Такъ Фогтъ, говоря о государствахъ животныхъ, замѣчаетъ: «Die Verkümmerung der Organisation hält damit gleichen Schritt; die Individuen selbst gehen nach und nach in solchen allzu wohl regierten Staaten zu Grunde, und oft erstreckt sich die Reduction so weit, dass die einzelnen Individuen nur noch als Organe der Gesammtheit erscheinen, ohne bestimmenden freien Willen, ohne Ortsbewegung, ohne Selbstständigkeit in jeder Beziehung! (Altes und Neues, I, 30). Но если тамъ и сямъ и можно встрѣтить подобныя отрывочныя указанія, то, несмотря на самые тщательные поиски, намъ не удалось найти ни одного біолога, который устоялъ бы передъ соблазнительнымъ параллелизмомъ раздѣленія труда физіологическаго и экономическаго.

чувства самосохраненія? Съ этой точки зрѣнія Іегеръ раздѣляетъ всѣ религіи на два класса. Однѣ коренятся въ воззрѣніяхъ человѣка на природу, другія — въ его воззрѣніяхъ на людей. Первыя авторъ называетъ естественными (Naturreligionen), вторыя — этическими. Естественныя религіи вытекаютъ изъ стремленія человѣка уразумѣть причины окружающихъ его явленій природы. По мнѣнію Іегера, историческій процессъ развитія мысли распадается на три періода: въ первомъ человѣкъ только воспринимаетъ впечатлѣнія и удерживаетъ ихъ въ головѣ помощію памяти (cognitio rerum); во второмъ — онъ стремится уловить причины явленій (investigatio causarum); въ третьемъ наконецъ, когда человѣкъ въ своемъ исканіи причинъ замѣчаетъ, что самыя общія изъ найденныхъ имъ причинъ все-таки имѣютъ свои причины, онъ довольствуется историческимъ методомъ, т.-е. разсматриваетъ каждое явленіе какъ продуктъ извѣстнаго ряда причинъ и слѣдствій. Этотъ историческій методъ есть единственный пригодный не только въ наукѣ, а и на практикѣ, ибо всякое практическое дѣло основывается на знаніи исторіи данныхъ явленій. Когда человѣкъ достигаетъ ступени investigationis causarum, онъ переходитъ отъ одной причины къ другой, за каждой найденной причиной ищетъ другой, еще неизвѣстной, и, если не находитъ ея, то замѣняетъ ее какимъ-нибудь отвлеченіемъ, маскируетъ для самаго себя свое незнаніе голымъ словомъ, символомъ. Первая ступень естественныхъ религій есть фетишизмъ, обожествляющій множество причинныхъ дѣятелей, не пытаясь опредѣлить ихъ взаимную связь. На второй ступени человѣкъ уже уменьшаетъ число божественныхъ дѣятелей, приводя ихъ къ извѣстнымъ, наиболѣе распространеннымъ или наиболѣе бросающимся въ глаза элементамъ, каковы: огонь, вода, земля, воздухъ и т. д. Третья форма возникаетъ вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что за этими дѣятелями скрываются другіе, болѣе общіе и высшіе. Являются личные, антропоморфизированные боги, какъ въ естественныхъ религіяхъ древнихъ германцевъ, грековъ и римлянъ. Но investigatio causarum, по самому принципу своему, не можетъ остановиться на какой-нибудь формѣ. Люди начинаютъ искать за своими божествами еще высшей силы и доходятъ наконецъ до мысли о конечной причинѣ, т.-е. отъ политеизма или многобожія переходятъ къ монотеизму, къ ученію о единомъ божествѣ. Такъ миѳологія древнихъ германцевъ завершалась единымъ Allvater, такъ надъ греческими богами высилась Мойра, надъ римскими — Фатумъ. Но движеніе и здѣсь не останавливается. Видя, что ultima causa ему не дается, человѣкъ отбрасываетъ ее совсѣмъ, слѣдствіемъ чего является атеизмъ. Въ немъ расплылись естественныя религіи древнихъ грековъ.

Въ чемъ же состоитъ значеніе естественныхъ религій и той точки зрѣнія, на которую, по мнѣнію Іегера, долженъ въ этомъ случаѣ стать дарвинистъ? На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ

такимъ образомъ. Такъ-какъ въ естественныхъ религіяхъ только одна человѣческая способность ищетъ Бога, именно мыслительная, то онѣ ведутъ къ высокому методическому развитію мысли, о чемъ можно судить, напримѣръ, по философскимъ системамъ древнихъ грековъ. Можно бы было думать, что естественныя религіи, имѣя предметомъ изысканіе причинъ явленій природы, которое составляетъ задачу и естествознанія, должно было содѣйствовать развитію послѣдняго. Но природа никогда не открываетъ своихъ тайнъ голой спекулятивной мысли, а требуетъ строгаго эмпирическаго изслѣдованія. Поэтому естествознаніе только тогда могло занять подобающее ему положеніе, «когда *этическія* религіи придали человѣку ту нравственную силу, ту стойкость стремленія, безъ которыхъ невозможна успѣшная работа на этомъ поприщѣ». Что же касается до естественныхъ религій, то, хотя онѣ и способствовали развитію мысли, онѣ не даютъ руководящей нити для опредѣленія отношеній человѣка къ человѣку. Поэтому ихъ вліяніе на ходъ общественнаго развитія незначительно. Онѣ не противодѣйствовали разщепленію общества на политическія партіи, философскія школы, разрозненныя соціальныя группы.

Совсѣмъ иное значеніе имѣютъ этическія религіи, центръ тяжести которыхъ лежитъ не въ изслѣдованіи явленій природы, а въ опредѣленіи взаимныхъ отношеній между людьми. Низшую форму ихъ составляетъ почитаніе предковъ, какое существуетъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ южно-африканскихъ племенъ. Далѣе, человѣкъ, сильно поработавшій на благо общества, воздвигнувшій знамя, вокругъ котораго сгруппировался цѣлый народъ, становится основателемъ монотеистической религіозной системы. Тутъ Іегеръ ссылается на Ветхій Завѣтъ, гдѣ Богъ называется Богомъ Авраама, Исаака и Іакова, и, приведя отрывокъ изъ 118 псалма, спрашиваетъ: «Гдѣ вы найдете въ такъназываемой классической литературѣ римлянъ и грековъ подобное выраженіе воинственности и энергіи въ борьбѣ за существованіе?» (114). Практическое требованіе, съ которымъ дарвинистъ подходитъ къ каждой теологической системѣ, разсматривая ее какъ орудіе въ борьбѣ за существованіе, требованіе это до такой степени удовлетворяется еврейскимъ представленіемъ о Богѣ, что съ нимъ и въ сравненіе не могутъ идти естественныя религіи, перескакивающія отъ отвлеченія къ отвлеченію и замыкающіяся атеизмомъ. Если іудеи и пали въ политической борьбѣ съ римскимъ колоссомъ, то тѣмъ не менѣе грековъ и римлянъ теперь и въ поминѣ нѣтъ, тогда какъ евреи существуютъ. Притомъ же распаденію Рима значительно содѣйствовало христіанство, преемственно связанное съ іудействомъ. Сила соціальной патріархальной идеи Бога (die Kraft der socialen patriarchalischen Gottesidee) еще разъ заявила себя въ лицѣ магометанства, съ помощію котораго сложилось государство, грозившее ниспровергнуть весь цивилизованный міръ. «Магоме-

танство имѣло въ сравненіи съ іудействомъ еще то преимущество, что оно терпимо относилось къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, тогда какъ евреи не терпѣли язычниковъ». Но фатализмъ уже съ раннихъ поръ подсѣкъ корни силы магометанства, ибо фатализмъ есть ничто иное, какъ отреченіе отъ самосохраненія и самозащиты.

Поставленныя нами въ ковычкахъ слова Іегера составляютъ такую грубую и чисто-фактическую ошибку, что мы на минуту остановимся. Что магометанство никогда не отличалось терпимостью, что оно напротивъ завѣщаетъ своимъ послѣдователямъ безпощадную войну со всѣми, кто его не исповѣдуетъ, что, наконецъ, религіозный фанатизмъ и въ самой средѣ магометанъ образовалъ двѣ непримиримо враждебныя секты шіитовъ и суннитовъ, — это, кажется, до сихъ поръ никѣмъ не подвергалось сомнѣнію. Равнымъ образомъ, извѣстно и то, что хотя іудеи также не страдали избыткомъ вѣротерпимости, но сливались и сближались, даже въ религіозной сферѣ, съ язычниками весьма часто. Іегеру, довольно толсто намекающему на то, что онъ глубоко изучилъ еврейскую исторію и литературу, можно бы было это знать и не дѣлать такихъ грубыхъ промаховъ. Мы дѣлаемъ это замѣчаніе въ видѣ исключенія, потому что не имѣемъ намѣренія слѣдить за всѣми, весьма многочисленными частными ошибками Іегера. Они большой важности не представляютъ, а между тѣмъ въ большинствѣ случаевъ выступаютъ во всеоружіи очевидности. Мы будемъ останавливаться только на тѣхъ пунктахъ, которые имѣютъ непосредственную связь съ спеціально занимающими насъ вопросами. Вообще же замѣтимъ, что біологи, рѣшающіеся оставить свою спеціальную сферу для кратковременныхъ наѣздовъ въ область соціологіи, обнаруживаютъ въ большинствѣ случаевъ замѣчательную неподготовленность къ этого рода экскурсіямъ. Вы видите, что человѣкъ никогда о вопросахъ общественной жизни серьёзно не думалъ, никогда ими не интересовался и довольствуется первымъ встрѣчнымъ доводомъ или объясненіемъ, которое, въ качествѣ перваго встрѣчнаго, по теоріи вѣроятностей должно быть неудовлетворительно. Іегеру, конечно, Богъ проститъ, да притомъ же онъ очевидно, по мѣрѣ своихъ силъ, думалъ о вопросахъ историческихъ, экономическихъ, этическихъ и проч. Послѣдуемъ за нимъ.

Христіанство, хотя и родилось на почвѣ юдаизма, имѣетъ передъ нимъ огромныя преимущества. Христосъ завѣщалъ, вопервыхъ, любить Бога, а, вовторыхъ, любить ближняго, какъ самаго себя. Юдаизмъ предписывалъ совсѣмъ иное. Онъ требовалъ не любви къ Богу, а страха предъ Богомъ. А всякій страхъ задерживаетъ развитіе; страхъ передъ Богомъ задерживаетъ изученіе природы, точно такъ же, какъ любовь къ Богу способствуетъ этому изученію. «Кто основатели нашихъ теперешнихъ знаній о природѣ? Это люди, которые, какъ Сваммердамъ, публиковали свои изслѣдованія подъ заглавіемъ «Библіи при-

роды», которые изучали явленія природы только для того, чтобы изумляться премудрости Бога и искать доказательства его бытія».

Что Іегеръ изо всѣхъ предковъ современной науки нашелъ нужнымъ и возможнымъ привести исключительно одну Библію природы Сваммердама—это, конечно, довольно характеристично. Но да отпустится ему все это. Слѣдующія его соображенія для насъ гораздо любопытнѣе. Принципъ происхожденія, говоритъ онъ, игралъ въ еврейскомъ обществѣ первенствующую роль. Евреи раздѣлялись на племена, роды, семейства, сліянію которыхъ препятствовала слабо сдерживаемая законодательствомъ кровная месть, составляющая рѣзкій контрастъ съ христіанскою любовью къ ближнему. Каковы же результаты этой организаціи? Для отвѣта на этотъ вопросъ, слѣдуетъ опредѣлить ея отношеніе къ закону индивидуальныхъ различій, указанному и развитому Дарвиномъ. Законъ этотъ «учитъ насъ, что общность происхожденія не есть ручательство за сходство организмовъ. Сынъ умнаго отца можетъ быть очень глупъ; сынъ отца, имѣющаго извѣстную способность, можетъ ея не имѣть, а имѣть совсѣмъ другія; то же самое относится и къ братьямъ. Всякая же организація основывается на соединеніи подобныхъ элементовъ и разъединеніи элементовъ несходныхъ. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, теряется, какъ говорятъ, много силы отъ тренія, при чемъ цѣлое очевидно становится менѣе способнымъ къ нападенію и защитѣ, чѣмъ цѣлое, состоящее изъ сходныхъ частей. Одно это уже достаточно говоритъ о невыгодности организующаго начала въ еврейскомъ обществѣ. Въ ближайшей связи съ индивидуальными измѣненіями находится раздѣленіе труда, такъ-какъ оно составляетъ результатъ этихъ измѣненій. Организація еврейскаго общества не давала индивидуальнымъ измѣненіямъ возможности располагаться по принципу раздѣленія труда и задерживала его свободное развитіе. Къ этому присоединяется еще насильственное навязываніе человѣку какого-нибудь дѣла только потому, что его отецъ занимался этимъ дѣломъ» (117). Кромѣ этой задержки развитія раздѣленія труда и этого препятствія свободному примѣненію индивидуальныхъ особенностей, «генеалогическая» организація еврейскаго общества находилась въ самой тѣсной связи съ религіозною замкнутостью. Евреи видѣли въ себѣ народъ, Богомъ избранный. Ихъ религія была религіей государственной, и они держались въ сторонѣ отъ язычниковъ. Это было для нихъ весьма невыгодно, ибо сила общества зависитъ не только отъ степени совершенства его отдѣльныхъ членовъ и не только отъ высоты общественной организаціи, но и отъ численности членовъ.

Христіанство сдѣлало великій шагъ впередъ, провозгласивъ любовь къ ближнему и низвергнувъ ветхозавѣтное правило: око за око, зубъ за зубъ. Перегородки, раздѣлявшія племена,

колѣна, роды, семьи, пали; и генеалогическій принципъ смѣнился принципомъ раздѣленія труда, предоставившимъ широкій просторъ закону индивидуальныхъ измѣненій. Религія, заключаетъ Іегеръ, перестала быть достояніемъ извѣстнаго народа; она сдѣлалась всемірною религіею, подъ знамя которой можетъ собраться огромное количество борцовъ за существованіе.

Не знаешь, за что ухватиться въ этой путаницѣ. Вопервыхъ, если и существуетъ законъ индивидуальныхъ измѣненій, то существуетъ и законъ наслѣдственной передачи этихъ измѣненій, законъ, указанный и развитый тѣмъ же Дарвиномъ. Причина и размѣръ дѣйствія этихъ, повидимому, встрѣчныхъ теченій намъ точнымъ образомъ неизвѣстны. Однако, если и справедливо, что у умнаго отца можетъ быть глупый сынъ и т. п., то тѣмъ не менѣе, вообще говоря, особенности организаціи предковъ передаются потомкамъ. Это знаетъ каждый конноваводчикъ, каждый скотоводъ, каждый псарь, каждая птичница. Всѣ они увѣрены, что могутъ воспроизвести въ потомствѣ данныхъ особей тѣ изъ ихъ особенностей, которыя почему-либо высоко цѣнятся. И Дарвинъ прямо говоритъ: «Быть можетъ, всего разумнѣе было бы смотрѣть на наслѣдственную передачу всякаго любого признака, какъ на правило, а на не передачу его, какъ на исключеніе» (l. c. 11). Съ этой точки зрѣнія исчезаетъ и кажущаяся рѣзкая противоположность между законами индивидуальныхъ измѣненій и наслѣдственной передачи. Если въ какомъ-нибудь недѣлимомъ происходитъ какое-нибудь даже легкое измѣненіе, напримѣръ, вслѣдствіе неупотребленія извѣстнаго органа, особенной пищи и т. п., то уклоненіе это передается наслѣдственно; и притомъ передача эта можетъ произойти различными путями, которые, при настоящемъ уровнѣ нашихъ знаній, совершенно необъяснимы. Напримѣръ, возвращеніе къ давно утраченнымъ признакамъ, сходство дѣтей не съ родителями, а съ дѣдами, прадѣдами или дядями составляютъ для насъ явленія весьма темныя. Переданное наслѣдственно уклоненіе можетъ въ потомкахъ получить новое измѣненіе вслѣдствіе скрещиванія, или осложниться новымъ воздѣйствіемъ измѣнившихся условій жизни, и если всѣ эти измѣненія выгодны для представителей извѣстнаго вида, они подхватываются подборомъ родичей. Такимъ образомъ сплетается необыкновенно сложная сѣть, въ которой индивидуальныя измѣненія, сами по себѣ, играютъ роль совершенно пассивную. Они представляютъ не первичныя явленія, а результатъ приспособленія къ несходнымъ внѣшнимъ условіямъ, тогда какъ законъ наслѣдственности есть законъ коренной, непосредственно связанный только съ фактомъ дѣторожденія. Вся теорія Дарвина исчерпывается взаимными отношеніями двухъ законовъ: приспособленія и наслѣдственности. Законъ наслѣдственности, будучи совершенно изолированъ, предписы-

ваетъ каждому организму воспроизводить только подобныхъ себѣ потомковъ. Съ другой стороны, изолированный законъ приспособленія говоритъ, что каждый организмъ отличается отъ своихъ родичей. Сплетеніе этихъ двухъ законовъ породило въ теченіе милліоновъ лѣтъ то изумительное, сколько бы мы гипотетически ни принимали первичныхъ формъ органической жизни, разнообразіе растительной и животной жизни, въ которомъ намъ нынѣ такъ трудно осмотрѣться. Разсматривать процессы приспособленія и наслѣдственной передачи отдѣльно, мы можемъ только теоретически и условно, какъ теоретически и условно принимаются въ геометріи математическія точки, линіи, плоскости. И даже такое условное изолированіе возможно только для процесса наслѣдственной передачи, потому что мы можемъ мысленно устранить вліяніе разнородной среды; тогда какъ отвлечь процессъ приспособленія, разсматривать его отдѣльно отъ закона наслѣдственности мы (въ общей картинѣ исторіи природы или исторіи человѣчества) не въ силахъ, ибо для этого пришлось бы устранить самый фактъ дѣторожденія, т.-е. самый фактъ исторіи. Далѣе, будучи закономъ болѣе сложнымъ, такъ-какъ онъ обнимаетъ взаимнодѣйствіе между организмомъ и разнообразной, разнородной средой, законъ приспособленія подлежитъ гораздо болѣе многостороннему измѣняющему и регулирующему вмѣшательству человѣка, чѣмъ простой законъ наслѣдственности. Возможность прямаго вліянія человѣка на наслѣдственную передачу ничтожна въ сравненіи съ возможностью вліянія его на обстановку (въ самомъ обширномъ смыслѣ), т.-е. на приспособленіе. Въ силу закона консервативной наслѣдственности (lex hereditatis conservativae Гэккеля) организмъ цѣликомъ воплощается въ своихъ потомкахъ, и еслибы дѣйствовалъ только одинъ этотъ законъ, измѣняемость видовъ оказалась бы немыслимою. Но вліяніе измѣнившихся условій жизни влечетъ за собою и измѣненія организма, которыя вновь передаются потомству на ряду съ наслѣдственными признаками родителей (lex heriditatis adaptatae). Изъ всего этого слѣдуетъ, что Іегеръ совершенно неосновательно раздуваетъ значеніе закона индивидуальныхъ измѣненій, умалчивая въ то же время о законѣ наслѣдственной передачи. Только благодаря этой односторонности Іегеръ и можетъ противополагать генеалогическій принципъ еврейскаго общества излюбленному имъ принципу раздѣленія труда, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они переплетаются тысячами нитей. Прежде всего они другъ другу нисколько не мѣшаютъ; ибо если природа и исторія раздробятъ населеніе данной мѣстности вертикально, т.-е. установятъ обособленныя національныя и племенныя единицы, единицы генеалогическія, то внутри этихъ единицъ могутъ безпрепятственно существовать и горизонтальныя перегородки по принципу раздѣленія труда, т.-е. единицы сословныя, профессіональныя и т. д. Іегеръ не различаетъ этихъ горизонтальныхъ и верти-

кальныхъ дѣленій, что имѣетъ смыслъ только съ извѣстной общей точки зрѣнія, на которую Іегеръ не становится. Онъ ухитряется и противополагать принципъ генеалогическій принципу раздѣленія труда и въ то же время самымъ грубымъ образомъ ихъ смѣшивать. Такъ, на стр. 118, онъ говоритъ о еврейскихъ «erbliche Kasten», а въ выноскѣ замѣчаетъ: «oder Stämmen, wie die deutsche Nation bis vor Kurzem». Kaste — каста, сословіе и Stamm—племя,—это двѣ вещи различныя. Единство Германіи даже болѣе широкое, чѣмъ теперешнее, еще отнюдь не ручается за уничтоженіе горизонтальныхъ перегородокъ. Далѣе, каждое индивидуальное измѣненіе стремится упрочиться путемъ наслѣдственной передачи въ потомствѣ, вмѣстѣ съ чѣмъ принципъ раздѣленія труда, соотвѣтствующій закону индивидуальныхъ измѣненій, постепенно переходитъ въ принципъ генеалогическій, соотвѣтствующій закону наслѣдственности. Въ обществѣ этотъ переходъ можетъ встрѣтить особенно благопріятствующія условія тогда именно, когда въ обществѣ раздѣленіе труда сдѣлало значительные успѣхи. При этомъ генеалогическій принципъ можетъ мѣнять свою подкладку, смѣнить гербъ на золото, но это не мѣшаетъ ему оставаться генеалогическимъ. Іегеръ можетъ сколько угодно толковать, что «общность происхожденія не есть ручательство за сходство организмовъ», но закона наслѣдственности онъ не имѣетъ никакого права вычеркивать изъ своихъ разсчетовъ. Сама по себѣ, общность происхожденія есть самое вѣрное и единственное ручательство за сходство организмовъ. Ручательство это теряетъ свою силу только практически, въ связи съ измѣненіемъ условій жизни. Приводимые Іегеромъ факты, что у умнаго отца можетъ быть глупый сынъ и проч., ровно ничего не доказываютъ, и ровно ни къ чему не обязываютъ. Вопервыхъ, имъ можно противопоставить мильйоны противоположныхъ фактовъ. Вовторыхъ, на нихъ слѣдуетъ смотрѣть либо какъ на исключеніе («всего разумнѣе смотрѣть на наслѣдственную передачу всякаго любаго признака, какъ на правило, а на непередачу его, какъ на исключеніе» — Дарвинъ), либо какъ на продукты закона скрытой или перемежающейся наслѣдственности (Gesetz der unterbrochenen oder verborgenen oder abwechselnden Vererbung, lex hereditatis interruptae s. latentis s. alternantis—Гэккель), либо какъ на результаты приспособленія. Въ первомъ случаѣ они ничто, во второмъ зависятъ отъ игнорируемаго Іегеромъ закона, въ третьемъ могутъ быть въ извѣстной мѣрѣ регулированы, представляютъ тлѣющій уголь, который можетъ быть залитъ водой, а можетъ быть и раздутъ до того, что при благопріятныхъ условіяхъ произведетъ цѣлый пожаръ. Раздѣленіе труда несомнѣнно играетъ въ этомъ отношеніи роль мѣховъ, и, путемъ побѣды прогрессивной наслѣдственности надъ наслѣдственностью консервативной, можетъ только поднять постепенно, въ теченіе множества поко-

лѣній, признаки индивидуальные до степени признаковъ видовыхъ. Іегеръ полагаетъ, что раздѣленіе труда составляетъ результатъ индивидуальныхъ измѣненій. Такъ думалъ и Платонъ. Адамъ Смитъ полагалъ, напротивъ, что раздѣленіе труда есть источникъ неравенства. Споръ этотъ, поднятый до гипотетическаго момента появленія раздѣленія труда и неравенства, если не теоретически, то практически можетъ быть уподобленъ знаменитымъ пререканіямъ о томъ, что̀ прежде появилось на свѣтъ—курица, или яйцо? Онъ, можетъ быть, даже имѣетъ свою цѣну въ качествѣ умственной гимнастики, но практически совершенно безплоденъ. Отправляясь отъ факта индивидуальныхъ измѣненій, Іегеръ, желая поразить генеалогическій принципъ и возвеличить принципъ раздѣленія труда, приходитъ къ столь трудно постижимой путаницѣ, что мы боимся, какъ бы читатели не заподозрили нашу вышеприведенную цитату въ невѣрности перевода. Вотъ собственныя слова Іегера: «Der Sohn eines intelligenten Vaters kann ein sehr unintelligenter Mensch sein, der Sohn eines Vaters, der eine bestimmte Befähigung hat, kann eine Befähigung nach einer ganz andern Richtung aufweisen, und die gleichen Unterschiede finden sich zwischen Geschwistern. Nun besteht in aller Welt die Organisation darin, dass Gleichartiges verbunden und Ungleichartiges gesondert wird, wo nicht — geht eine Menge Kraft, wie man sagt, durch Reibung verloren und ein solches Ganze ist offenbar weniger befähigt zu Angriff und Vertheidigung, als ein aus Gleichartigem Zusammengesetztes» (117). Одно изъ двухъ: или это отрицаніе семьи, какъ цѣлаго, весьма стойкаго въ борьбѣ за существованіе — что̀ такъ старался доказать Іегеръ выше; или это отрицаніе расчлененнаго по принципу раздѣленія труда общества, съ той же точки зрѣнія устойчивости въ борьбѣ— что̀ Іегеръ такъ старается доказать на всемъ протяженіи своихъ размышленій. Можно даже сказать, что это отрицаніе и того, и другаго, ибо ни генеалогическій принципъ, ни принципъ раздѣленія труда не даютъ общества равныхъ, сходныхъ членовъ. Но, во всякомъ случаѣ, первый стоитъ въ этомъ отношеніи гораздо выше. Разбросать семью, родъ, племя, народъ по закоулкамъ индивидуальныхъ измѣненій, подхваченныхъ и раздутыхъ раздѣленіемъ труда — это не особенно выгодно. А, главное, Іегеръ все забываетъ законъ наслѣдственности и связанное съ нимъ превращеніе принципа раздѣленія труда въ принципъ генеалогическій. Древніе римляне очень хорошо понимали, что «servi aut nascebantur, aut fiebant»; нашимъ предкамъ также было извѣстно, что «рабы раждаются или бываютъ; раждаются, иже отъ нашихъ рабынь прибывающе намъ; бываютъ иже отъ языческаго закона, ревше отъ плѣна рабынямъ сущимъ» (Кормчая книга). И неизвѣстно это только Густаву Іегеру. Легко, конечно, сказать, что въ обществѣ по типу раздѣльнаго труда, въ противоположность генеалогической

общественной организаціи, нѣтъ «насильственнаго навязыванія человѣку какого-нибудь дѣла только потому, что его отецъ занимался этимъ дѣломъ». Конечно, никто не навязываетъ мужику его мужицкаго дѣла только потому, что его отецъ занимался этимъ дѣломъ; никто не навязываетъ сыну нищаго нищенскаго промысла; никто не требуетъ, чтобы рабочій непремѣнно отдавалъ своихъ дѣтей на фабрику. Каждому изъ нихъ предоставляется полная свобода дѣйствія: хочешь воздѣлывать вмѣсто земли науку—вотъ гимназія, университетъ, академіи; хочешь занимайся торговлей, промышленностью, хочешь отдохни отъ борьбы за существованіе за роялемъ, передъ мольбертомъ — никто не препятствуетъ. И дѣйствительно, кто же препятствуетъ? Густавъ Іегеръ, по крайней-мѣрѣ, нисколько не препятствуетъ...

Еще два слова, и мы покончимъ съ Іегеромъ. Въ остальной части своей книги онъ подходитъ съ мѣркой пригодности въ борьбѣ за существованіе къ нѣкоторымъ религіознымъ догматамъ, и разсматриваетъ, какъ оружіе въ борьбѣ, вѣру въ безсмертіе души, въ чудеса, христіанское представленіе о Богѣ и проч. Одинъ нѣмецкій журналъ выразился по поводу этихъ его поразительныхъ измышленій такъ: «Dr. Іегеръ показалъ только, какимъ образомъ дарвинистъ можетъ примириться съ теологіей, но не наоборотъ». На это Іегеръ отвѣчаетъ: «Это дѣло не мое, а теологовъ. Чтобы примириться съ религіей, я серьёзно и старательно изучалъ священное писаніе. Если они такъ же серьёзно и старательно будутъ изучать теорію Дарвина, и они съ нею примирятся». Мы, съ своей стороны, замѣтимъ только, что Dr. Іегеръ ничего не показалъ, кромѣ своего ночнаго колпака. Чтобы показать читателю характеръ соображеній Іегера, мы приведемъ одинъ примѣръ. Безсмертіе души — говоритъ онъ—съ научной точки зрѣнія не существуетъ, но, какъ орудіе въ борьбѣ за существованіе, вѣра въ безсмертіе души можетъ служить хорошими шпорами для «Gefühlsmenschen», побудить ихъ и къ усовершенствованію, и къ самопожертвованію. И въ этомъ ея практическое оправданіе. Что же касается до ‹Verstandsmenschen› въ родѣ самаго Густава Іегера, то они должны укрѣплять эту вѣру, сами оставаясь, однако, внѣ ея вліянія. Впрочемъ, ферштандсменьшъ Іегеръ утверждаетъ, что онъ какъ-то даже и въ собственной головѣ можетъ единовременно удержать оба эти воззрѣнія. Мы едва смѣемъ даже упомянуть о томъ, на сколько такое «примиреніе съ религіей» преступно съ истинно-религіозной, христіанской точки зрѣнія. Но оно отвратительно и со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, и предложить его можетъ только такой Verstandsmensch, какъ Густавъ Іегеръ или Рудольфъ Вагнеръ. Оно представляетъ, однако, вполнѣ удовлетворительный короллярій къ возвеличенію принципа раздѣленія труда: вѣра для однихъ и невѣріе для другихъ, для

однихъ одно міросозерцаніе, для другихъ — другое, или два взаимно-исключающіяся міросозерцанія въ одной головѣ, два разныхъ человѣка въ одномъ человѣкѣ, — что̀ можетъ быть пригоднѣе для Іегеровскаго идеала — муравьиной кучи, гдѣ уже есть плодовитые и безполые, рабы и господа? Омерзительность измышленій Іегера нѣсколько услащается его изумительною наивностью. «Теорія Дарвина и ея отношеніе къ религіи и морали» очень напоминаетъ надѣлавшую въ свое время много шуму книгу извѣстнаго гёттингенскаго физіолога, Вагнера («Ueber Wissen und Glauben, mit besonderer Beziehung zur Zukunft der Seelen. Fortsetzung der Betrachtungen über Menschenschöpfung und Seelensubstanz, Göttingen», 1854 г.). Сходства много и въ пріемахъ, и въ самыхъ положеніяхъ. И мы закончимъ нашу статью отзывами Лотце и Вирхова о книжкѣ Вагнера. «Трудно—говоритъ первый—успокоиться на принципіальномъ противорѣчіи двухъ міросозерцаній и признавать научную невозможность религіозною необходимостью. Можно сознавать недостаточность научныхъ доказательствъ въ пользу безсмертія души, и все-таки вѣровать въ него; но быть убѣжденнымъ въ невозможности безсмертія или свободы воли, и въ то же время требовать, чтобы въ нихъ вѣровали — это безсмысленная игра. На что̀ же послѣ этого наука, если она можетъ допустить существованіе въ насъ, единовременно и впродолженіе всей жизни, двухъ различныхъ направленій мысли, въ родѣ того, какъ колеса и зубцы машины дѣйствуютъ каждый по своему, не имѣя другъ объ другѣ понятія? Такое раздѣленіе мнѣній безсмыслица. Еслибы оказалось, что знанія наши исключаютъ тотъ или другой моральный постулятъ, то можно спасти то или другое, но, во всякомъ случаѣ, что-нибудь о̀дно». Вирховъ говоритъ: «Немногіе натуралисты будутъ въ состояніи поставить свои религіозныя и научныя убѣжденія въ совершенную независимость другъ отъ друга и вести себя въ различное время различно. Большинство не выдержитъ, и постарается привести свои воззрѣнія къ единству». Отзывы эти были высказаны еще по поводу первыхъ упражненій Вагнера въ «двойной бухгалтеріи» въ 1852 г., въ «Аугсбургской Всеобщей Газетѣ». Вагнеръ приводитъ ихъ въ своей книгѣ, откуда мы ихъ и заимствуемъ. Лотце и Вирховъ выражаются очень сдержанно, быть можетъ, въ уваженіе прежнихъ научныхъ заслугъ Вагнера. Не такъ отдѣлалъ его болѣе пылкій Фогтъ («Köhlerglaube und Wissenschaft», 1855 г.).

Любопытно, что Іегеръ совершенно увѣренъ, что онъ водрузилъ какое-то собственное знамя; такъ прямо и говоритъ—«водрузилъ знамя». Читатель видитъ, что онъ водрузилъ свой ночной колпакъ.

Ник. Михайловскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Искусство и жизнь, *критическія сочиненія* **Николая Соловьева.** *Изданіе* **С. П. Анненкова.** *3 т. Москва. 1869 г.*

Бываютъ сильные, здоровые умы, которые, на какой бы степени развитія ни стояли, какъ бы ни былъ узокъ ихъ кругозоръ, обладаютъ удивительною ясностью и логичностью взглядовъ; каждой вещи умѣютъ они дать свое, свойственное ей, названіе и мѣсто; вы можете не соглашаться съ ними въ двухъ, трехъ отвлеченныхъ пунктахъ, но въ тысячѣ практическихъ, жизненныхъ вопросахъ навѣрное вполнѣ сойдетесь.

Но есть умы до такой степени дряблые и больные, что чѣмъ больше они развиваются, тѣмъ больше въ нихъ все перепутывается. Ихъ можно сравнить съ окончательно-разстроенными желудками. Извѣстно, что здоровая, питательная пища, легко перевариваемая здоровымъ желудкомъ, подвергаетъ испорченный еще большему разстройству. То же самое случается и съ больными умами: чѣмъ больше напитываются они умственной пищи, тѣмъ больше въ нихъ происходитъ тьмы и хаосу. Въ особенности плохо приходится такимъ умамъ въ переходныя эпохи умственнаго броженія, когда сталкиваются и борятся между собою различныя системы и мнѣнія. Случается, что они смѣшиваютъ въ одну безобразную нескладицу цѣлый рядъ самыхъ разнокалиберныхъ взглядовъ и представляютъ изъ себя зрѣлище разстроенной шарманки, которая въ одно и то же время наигрываетъ и арію изъ «Травіаты», и финалъ изъ оперы Глинки, и «Акулина перевернись».

Такую фантасмагорію наигрываютъ 3 тома критическихъ сочиненій г. Соловьева. Вообще вся пресловутая дѣятельность этого достопочтеннаго критика представляетъ явленіе въ высшей степени курьёзное. Еслибы мы ограничились тѣмъ, что отнесли г. Соловьева къ извѣстной кликѣ Стебницкихъ, Авенаріусовъ, В. Крестовскихъ и прочихъ бывшихъ и настоящихъ сопутниковъ доктора Хана, мы далеко еще не опредѣлили бы мѣста г. Соловьева. Сверхъ всего общаго съ этими дѣятелями нашей литературы, г. Соловьевъ имѣетъ еще свою оригинальность, свой собственный оттѣнокъ. Ему слѣдуетъ отвести особенное мѣсто въ нашей современной литературѣ, поставить ему

*

на этомъ мѣстѣ маленькій пьедестальчикъ и воздвигнуть на немъ «изъ мѣди литое» изображеніе этого знаменитаго критика, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ мы увидимъ ниже, самъ очень этого желаетъ. Дѣло въ томъ, что когда вы возьмете всѣхъ единомышленниковъ г. Соловьева вкупѣ или каждаго въ отдѣльности, у васъ можетъ явиться негодованіе и презрѣніе къ нимъ, если вы только понимаете, какое значеніе имѣетъ въ литературѣ ихъ дѣятельность, но въ то же время вы ни разу не засмѣетесь; вамъ будетъ далеко не до смѣха. Съ г. Соловьевымъ вы кое въ чемъ даже согласитесь, и при всемъ томъ рѣдкая страница его обойдется вамъ безъ гомерическаго хохота. Вспомните же при этомъ, что не разъ уже въ нашей литературѣ являлись дѣятели, которые чѣмъ серьёзнѣе дѣлали мину, тѣмъ болѣе возбуждали смѣхъ, и что чѣмъ болѣе возбуждали смѣха, тѣмъ болѣе думали о себѣ,—вспомните Тредьяковскаго, отчасти Сумарокова, гр. Хвостова, и вамъ невольно придетъ въ голову, что г. Соловьевъ имѣетъ всѣ типическія особенности дѣятелей подобнаго рода и всѣ задатки, что имя его, если перейдетъ въ потомство, будетъ красоваться на ряду съ вышеупомянутыми именами.

Вы возьмите въ разсчетъ на первый разъ хоть ту чудовищную нескладицу, какая представляется въ воззрѣніяхъ г. Соловьева. Вы видите передъ собою человѣка, получившаго очевидно реальное образованіе, знакомаго съ естествознаніемъ и даже медициною, по крайней мѣрѣ всѣ свои доводы онъ старается подкрѣплять не какими-либо отвлеченными теоріями, а фактами естествознанія и физіологіи. Въ то же время вы видите въ немъ поборника труда, врага праздности и всякой распущенности; такъ во второй части онъ посвящаетъ этому предмету цѣлую статью, въ которой на основаніи физіологическихъ данныхъ изслѣдуетъ различные виды труда и послѣдствія праздной, распущенной жизни, и въ этой статьѣ вы можете найти нѣсколько мыслей, не лишенныхъ справедливости. Что касается искусства, этого конька г. Соловьева, то и по этому предмету вы можете встрѣтиться въ статьяхъ г. Соловьева съ мыслями, ничѣмъ не отличающимися отъ мыслей «Современника», противъ котораго г. Соловьевъ особенно ратуетъ. Такъ на страницѣ 7, I части онъ говоритъ: «искусство для искусства то же, что наука для науки, два понятія почти немыслимыя съ тѣхъ поръ, какъ поэзія разсталась съ романтизмомъ, а наука съ метафизикой. Наше искусство менѣе всего можно упрекнуть, что оно живетъ для себя, потому что оно въ высшей степени реально. Оно имѣло много ложныхъ взглядовъ на жизнь, узко и криво смотрѣло на нее, но никогда отъ жизни не отрывалось. Быть можетъ, наука не сдѣлалась столько практической у насъ, сколько искусство реальнымъ. У насъ почти нѣтъ повѣсти, которая бы не составлялась на болѣе или менѣе подробномъ изученіи жизни; въ иностранной же, особенно французской ли-

тературѣ, еще сплошь, да рядомъ пишутся романы безъ малѣйшаго признака наблюдательности, въ прежнемъ романическомъ вкусѣ. Дюма и Феваль у насъ почти невозможны». На 296 стр., III части г. Соловьевъ еще яснѣе выражаетъ взглядъ совершенно солидарный съ тѣми, противъ которыхъ онъ болѣе всего ратуетъ: «Въ идеѣ, одной идеѣ, поэтическая она или научная, заключается источникъ вдохновенія и никогда не ослабѣвающій стимулъ человѣческой энергіи, и до тѣхъ поръ, пока она не созрѣла въ головѣ, никогда не слѣдуетъ писать, какъ бы ни великъ былъ запасъ наблюденій», а на стр. 204, I части, г. Соловьевъ, ратуя противъ діалектическихъ тучъ и мистическихъ облаковъ эстетиковъ гегелевской школы, говоритъ: «логически невозможно ни доказать, ни отвергнуть красоты, какъ невозможно логически доказать или отвергнуть вліянія на насъ красиваго женскаго лица. Красота доказывается не столько логически, сколько физіологически. Гдѣ красота, тамъ конецъ абстракту».

Но эти реалистическіе задатки такъ и остались задатками въ видѣ отдѣльныхъ фразъ, не вяжущихся нисколько съ цѣлымъ. Въ сущности же г. Соловьевъ возмнилъ, что общество наше тонетъ въ сквернахъ плотскаго сенсуализма и необузданнаго растленія, что міру поэтому угрожаетъ неминуемая гибель. Все это произошло оттого, что народились злокозненные нигилисты и нигилистки, начали отвергать искусство и красоту, стричь волосы и колебать всѣ нравственныя основы. Видя такой развратъ, г. Соловьевъ нашелся вынужденнымъ выступить въ ополченіе противъ общественнаго зла, но выступить не такъ, какъ другіе: тѣ вооружались діалектическимъ туманомъ и мистическими облаками, г. же Соловьевъ вознамѣрился пустить въ дѣло всѣ свои физіологическія знанія и бить нигилистовъ, какъ онъ выражается, ихъ же собственнымъ оружіемъ, т.-е. на лягушкѣ (см. 203 стр., ч. I). Фигуральнымъ языкомъ очень легко выразиться такимъ образомъ и вскричать: «вооружимтесь лягушками и грянемъ на нихъ», но на дѣлѣ на литературномъ поприщѣ, чтобы разить враговъ, нужно противопоставить вражьей силѣ свою собственную систему воззрѣнія и чтобы система эта имѣла хоть какую-нибудь связность. Мы видѣли, что г. Соловьевъ отвергъ діалектическіе туманы и мистическія облака; въ то же время онъ отвергаетъ и позитивизмъ, и матеріализмъ; однимъ словомъ, всѣ существующія въ настоящее время философскія системы (хотя намъ кажется, что если г. Соловьевъ пытается доказывать эстетическое чувство путемъ физіологическимъ, то этимъ уже однимъ онъ становится въ ряды позитивистовъ, если не матеріалистовъ, и за это одно онъ долженъ, по всей вѣроятности, ждать порядочной нахлобучки со стороны г. Страхова и комп.). Отвергнувши такимъ образомъ всѣ существующія міровоззрѣнія, г. Соловьевъ, конечно, принужденъ былъ создать свою собственную филосо-

фію, чтобы опереться на что-нибудь. Онъ такъ и сдѣлалъ. Не найдя изъ современныхъ мыслителей ни одного себѣ по душѣ, онъ обратился къ древнимъ философамъ и тамъ нашелъ себѣ кума въ лицѣ Пиѳагора. Пиѳагоръ, какъ извѣстно, училъ о гармоніи міровъ, и г. Соловьевъ, опираясь на него, началъ доказывать, что жизнь, въ тѣсномъ смыслѣ, нельзя иначе и лучше опредѣлить, какъ стремленіемъ природы къ высочайшей гармоніи (см. стр. 195, ч, II). Отправляясь изъ этой идеи, г. Соловьевъ и началъ разить нигилистовъ: нигилистки стригутъ волосы, но міровая гармонія природы опредѣлила женщинѣ изящную округленность формъ, въ томъ числѣ волнистую прелесть косъ и локоновъ, слѣдовательно нигилистки нарушаютъ гармонію природы, одинъ изъ элементовъ которой есть нравственность человѣка. Нравственность, по нашему мыслителю, есть стремленіе человѣка къ гармоніи въ жизни; она вытекаетъ, по мнѣнію г. Соловьева, изъ того же эстетическаго чувства, изъ котораго вытекаютъ и всѣ изящныя произведенія искусства, поэтому нравственность тождественна съ прекраснымъ: все, что̀ нравственно — прекрасно, что̀ прекрасно — нравственно; и съ другой стороны, чуть что-нибудь нарушаетъ чувство изящнаго, есть уже по этому самому безнравственно. На этомъ основаніи нигилистки, не беря въ разсчетъ все другое, что̀ разгуливаетъ въ игривомъ воображеніи г. Соловьева, безнравственны уже потому, что подстригаютъ волосы, нарушая этимъ чувство изящнаго. На этомъ основаніи безнравственнымъ станешь и ты, прелестнѣйшее существо, если ты обезобразишь красоту твоихъ ланитъ, подвязавши ихъ платочкомъ, когда у тебя болятъ жемчужные зубки; а ты, несчастное созданіе, обезображенное оспою, хотя само по себѣ и не безнравственно, потому что не виновато въ своемъ безобразіи, но въ тебѣ олицетворилась безнравственность самой природы, и ты не плачь, а обртись къ г. Соловьеву, который задастъ природѣ порядочный нагоняй за то, что она, развратная, причинила тебѣ зло, отступивши отъ міровой гармоніи.

Пожалуй, мы еще согласимся съ г. Соловьевымъ, что все нравственное прекрасно... Но все-таки намъ кажется, что это не даетъ еще намъ права выводить нравственность изъ эстетическаго чувства, и къ ужасу г. Соловьева мы не перестаемъ предполагать, что нравственно все то, что̀ никому не вредно и всѣмъ полезно, на этомъ основаніи мы думаемъ, что рѣшительно все равно, со всѣми-ли любовными прелюдіями или безъ всякихъ прелюдій падаютъ молодые люди другъ другу въ объятія; въ обоихъ случаяхъ фактъ долженъ произвести въ насъ впечатлѣніе прекраснаго, если только онъ основанъ на разумныхъ и естественныхъ основаніяхъ и влечетъ за собою столь же разумныя и вполнѣ нравственныя послѣдствія... мы никакъ не можемъ согласиться съ г. Соловьевымъ, чтобы въ прелюдіяхъ любви и заключалась вся суть, что безъ нихъ наруша-

лась бы нравственная гармонія и непремѣнно слѣдовалъ бы развратъ... Что же касается положенія, что все прекрасное есть нравственно, то въ этомъ мы тѣмъ болѣе имѣемъ право не согласиться съ г. Соловьевымъ, что и самъ онъ не соглашается съ собою, хотя и нѣсколько разъ высказываетъ это положеніе. Не самъ-ли онъ отдаетъ преимущество женщинамъ передъ мужчинами въ томъ, что женщины гораздо чаще влюбляются въ мужчину за глубокомысліе, предпочитая послѣднее наружной красотѣ, тогда какъ мужчины по большей части увлекаются одною наружною красотою (см. стр. 18, ч. II). Слѣдовательно не все прекрасное нравственно, и г. Соловьевъ самъ предпочитаетъ прекрасное ума прекрасному тѣла и прекрасное нравственнаго чувства прекрасному ума. Но впрочемъ трудно рѣшить, что̀ чему предпочитаетъ г. Соловьевъ, потому что на одной страницѣ онъ говоритъ одно, на другой совсѣмъ другое, и случается, что онъ спускается до такой пошлости и плоскости, что все прекрасное, о которомъ онъ ратуетъ, принимаетъ у него видъ одной внѣшней галантерейности, какой отличаются люди, обладающіе ловкостью вполнѣ военнаго человѣка. — Подобное понятіе о прекрасномъ онъ выражаетъ, между прочимъ, въ своемъ приговорѣ о Помяловскомъ. — Въ этомъ приговорѣ г. Соловьевъ впадаетъ совершенно въ тонъ Сенковскаго, да, тотъ самый г. Соловьевъ, который смѣется надъ дѣятелями новаго направленія за то, что они Бѣлинскаго считаютъ первымъ отрицателемъ, и утверждаетъ, что первымъ отрицателемъ слѣдуетъ считать не Бѣлинскаго, а Сенковскаго и отъ него должны вести свое начало дѣятели молодой мысли нашего времени. Но вы вслушайтесь только, кто болѣе похожъ на Сенковскаго? Что̀ такое былъ Сенковскій? Если онъ былъ отрицателемъ въ какомъ-либо отношеніи, то развѣ только въ отношеніи науки: несмотря на всю свою ученость, онъ былъ лишенъ всякаго теоретическаго развитія, вслѣдствіе этого онъ не понималъ, къ чему служитъ наука и всѣ возможныя знанія и относился къ ученымъ, какъ къ шарлатанамъ, подобно любому невѣждѣ; — оттого «Библіотека для Чтенія» и имѣла такой громадный успѣхъ преимущественно въ провинціи, въ кругу людей темныхъ и видящихъ въ знаніяхъ одно зло. Что же касается до искусства, то Сенковскій его не отрицалъ, а только не понималъ; передъ нимъ были нѣсколько великановъ въ родѣ Байрона, Гёте, Шекспира, которымъ онъ поклонялся, потому что всѣ имъ поклонялись; что же касается до россійскихъ современныхъ ему писателей, то онъ, не владѣя никакимъ теоретическимъ масштабомъ для оцѣнки ихъ, руководствовался отчасти личнымъ самолюбіемъ, отчасти кумовствомъ: если писатель льстилъ его самолюбію, былъ съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ и сотрудничалъ въ его журналѣ, Сенковскій называлъ его русскимъ Байрономъ, Гёте; въ противномъ случаѣ мѣшалъ его съ грязью. — Когда появился Гоголь и всталъ во враждеб-

ныя отношенія съ Сенковскимъ, послѣдній напалъ и на Гоголя. Но вѣдь надо-же было для нападенія имѣть какое нибудь основаніе? Объ этомъ Сенковскій не задумался; всѣ свои приговоры противъ Гоголя онъ основалъ на томъ, что Гоголь безнравственъ, потому что изображаетъ постоянно мошенниковъ, что Гоголь унижаетъ, извращаетъ поэзію, изображая міръ пошлости и грязи, что Гоголя нельзя читать порядочному человѣку, потому что сочиненія его изобилуютъ сальными выраженіями и такими двусмысленностями, что никакая мать не рѣшится дать своей дочери его читать, а о томъ, чтобы читать Гоголя въ гостиной въ присутствіи дамъ, и думать нечего. Тогда Бѣлинскій поднялъ на ноги всего Гегеля, чтобы доказать, что поэтическое произведеніе прекрасно не столько своимъ содержаніемъ, сколько отношеніемъ идеи къ формѣ, что какую-бы дѣйствительность ни изображалъ поэтъ, произведеніе его будетъ и прекрасно и нравственно, если нравственно самое отношеніе поэта къ изображаемой имъ дѣйствительности и т. д. Теперь посмотрите, за что осуждаетъ г. Соловьевъ Помяловскаго: «Можно привести цѣлую талантливую личность, которая, мы думаемъ, сдѣлалась жертвою презрѣнія къ изящному. Мы говоримъ о Помяловскомъ. Талантъ его не росъ, а уменьшался послѣ его первыхъ произведеній. Очерки бурсы носили уже чисто обличительный характеръ и отличались почти безпримѣрнымъ цинизмомъ. Отчехвостить, стилибонить, сдѣлать вселенскую смазь, бить по брюху зарю, мордобитіе, трехсаженныя салазки и тому подобныя выраженія мало кому понятны. Это слова скорѣй копіиста, чѣмъ художника. Подъ конецъ безцеремонность въ немъ росла, и въ послѣднихъ сочиненіяхъ встрѣчается наконецъ фраза съ новымъ словомъ: «сипондрація». Безобразное это слово такъ понравилось автору, что онъ его нѣсколько разъ повторяетъ. «И она, вспомнивши прежніе годы своей съ нимъ сипондраціи, влѣпила ему препорядочную безешку». Мы нарочно обратили вниманіе на эти слова и фразы: ими выражалось паденіе очень замѣчательнаго таланта. Помяловскій, что называется, измѣнилъ поэзіи» (см. стр. 15, 16 ч. I). И такъ талантъ Помяловскаго палъ, онъ измѣнилъ поэзіи на томъ основаніи, что не заставлялъ бурсаковъ и простыхъ людей говорить галантерейнымъ языкомъ, за то, что былъ вѣренъ дѣйствительности!... Чѣмъ-же это не Сенковщина, и еслибы Бѣлинскій возсталъ изъ гроба, то конечно онъ подумалъ-бы, что «Библіотека для Чтенія» еще существуетъ, Сенковскій еще живъ и продолжаетъ нападать на новыхъ поэтовъ за то, что они унижаютъ поэзію, употребляя низкія, неизящныя слова и выводя Богъ вѣсть какихъ людей! Но курьезнѣе всего здѣсь то, что г. Соловьевъ въ то же время рьяный поклонникъ Бѣлинскаго, цитуетъ его, гдѣ только возможно и не въ шутку думаетъ, что онъ воскресилъ его идеи и поддерживаетъ ихъ!

О, что касается до того, что̀ думаетъ о себѣ г. Соловьевъ,

то это превосходитъ все и даетъ ему полное право на патентъ и Тредьяковскаго, и Сумарокова, и гр. Хвостова вмѣстѣ. Мы полагаемъ, что читатели наши достаточно помнятъ знаменитый споръ объ искусствѣ, который продолжался въ нашей литературѣ чуть не 10 лѣтъ, между представителями новыхъ идей и гегельянцами. Читатели конечно помнятъ и то, что дѣятели «Современника», какъ бы они ни понимали искусства, никогда не доходили до отрицанія его. Доказывать, что прекрасное есть жизнь, вовсе не значитъ отрицать прекрасное; утверждать, что изображенія искусства ниже подлинниковъ, существующихъ въ жизни, вовсе не значитъ въ свою очередь отрицать искусства. Всѣ эти доводы сами по себѣ были бы совершенно излишни и рѣшительно не для чего было бы и задумываться о томъ, какой цвѣтокъ лучше, дѣйствительный или нарисованный на бумагѣ, еслибы не было массы людей, утверждавшихъ, что прекрасное искусства выше прекраснаго въ дѣйствительности и что поэтому искусство вполнѣ исчерпывается тѣмъ, что̀ творитъ прекрасное, заштопывая этимъ какую-то прорѣху въ природѣ. Доказывая, что искусство никогда не возвысится до природы, реалисты хотѣли этимъ не унизить его, а только показать иную цѣль, соображаясь съ тою ступенью развитія человѣчества, на которой не можетъ уже удовлетворять вполнѣ всѣмъ потребностямъ развитаго человѣка искусство, заключающееся въ одномъ безцѣльномъ воспроизведеніи жизни, хотя бы и совершенно вѣрномъ, вполнѣ художественномъ. Вѣрный своимъ идеямъ, отъ которыхъ никогда не отступалъ, «Современникъ», естественно возсталъ противъ нѣсколькихъ юношескихъ парадоксовъ, появившихся въ «Русскомъ Словѣ», которые, на основаніи нѣкоторыхъ политико-экономическихъ данныхъ, вздумали совсѣмъ отрицать искусство. Каково же должно быть ваше удивленье, когда вы узнаете, что если «Современникъ» возсталъ противъ отрицанія искусства, то этимъ онъ обязанъ былъ не кому иному, какъ г. Соловьеву!... «Упадокъ періода цвѣтущей дѣятельности отрицателей искусства тоже зависитъ не отъ подвиговъ и завоеваній людей положительнаго направленія въ этой сферѣ, а отъ самой несостоятельности поклонниковъ теоріи безобразія. Слабость ихъ обнаруживалась вопервыхъ тѣмъ, что они раздѣлились на двѣ партіи; и два дружественные и почти одно и то же говорившіе журнала — обратились въ смертельныхъ враговъ. Это «Начало конца» замѣчено было прежде всего г. Incognito въ «Отеч. Запискахъ», 1864. (Слушайте, слушайте, что̀ будетъ дальше!). Около того же времени выступили и *мы* противъ отрицателей искусства и очень скоро замѣтили, что они въ своихъ обоюдныхъ нападеніяхъ стали приводить слова и выраженія людей не ихъ партіи. Это уже было, разумѣется, шагъ назадъ, отступленіе; но еще не уступка — такъ-какъ людей, убѣжденныхъ въ серьёзномъ значеніи искусства, они продолжали бранить. *Мы* тоже были въ

числѣ авторовъ, обруганныхъ съ перваго же раза отрицателями, и потомъ любезно польщенныхъ подражаніемъ и усвоеніемъ нѣкоторыхъ изъ *нашихъ* мыслей,—мыслей положимъ незначительныхъ, но все-таки показывавшихъ, что успѣхъ писателя въ публикѣ не всегда соотвѣтствуетъ успѣху его въ сферѣ положительной истины» (см. 204 стр., ч. I).

Какъ вамъ это понравится? Бѣлинскій, настоящій Бѣлинскій! Вспомните только, какъ подсмѣивался послѣдній надъ журналами, которые порицали его за философскія идеи и сами потомъ начали подражать ему, коверкая философскіе термины. Не то же ли самое случилось и съ г. Соловьевымъ? Какъ же послѣ того онъ не Бѣлинскій? И вѣдь можно же дойти до такого ослѣпленія! Человѣкъ все дремалъ и дремалъ, пребывая въ какой-то Аркадіи, наивно думая, что отъ «Современника» до «Русскаго Слова», отъ Ивана до Петра все подрядъ отрицатели искусства, что даже и Добролюбовъ въ душѣ былъ отрицатель и только кривилъ душою въ пользу искусства (см. 179 стр., I т.), потомъ вдругъ г. Соловьевъ проснулся, разбуженный шумомъ спора, съ удивленіемъ увидѣлъ, что «Современникъ» ратуетъ въ пользу искусства, сейчасъ же радостно разсмѣялся и возомнилъ, что это вліяніе его, его, знаменитаго Николая Соловьева...

Не мѣшаетъ обратить вниманіе и на способъ изложенія г. Соловьева. По большей части онъ не доказываетъ, не излагаетъ, а вѣщаетъ. Изъ его бурной фантазіи, какъ изъ волкана, вылетаетъ цѣлый потокъ неудержимыхъ рѣчей, въ видѣ непреложныхъ афоризмовъ, которые необыкновенно воспламеняются и дѣлаются окончательно безсвязными, когда дѣло доходитъ до прекраснаго пола и въ особенности стриженныхъ нигилистокъ. Когда мы читали предисловіе, въ которомъ г. Соловьевъ поощрительно одобряетъ своего издателя за то, что онъ понимаетъ вещи, издавая великія творенія безсмертнаго критика, мы съ удивленіемъ прочли слѣдующія строки: «сочиненія эти, какъ вамъ извѣстно, появлялись въ журналахъ и газетахъ большею частью подъ вліяніемъ разныхъ набѣгавшихъ вопросовъ. Зарождалось такимъ образомъ нѣсколько критическихъ тэмъ, которыя двигались и развивались, такъ сказать, параллельно; мнѣ поэтому не разъ приходилось возвращаться къ одному и тому же предмету. Теперь, желая придать больше объединенія своимъ статьямъ, я передернулъ или перемѣстилъ въ нихъ нѣкоторыя страницы, чѣмъ и подвелъ еще болѣе все, высказанное мною въ печати, подъ вопросы, означенные въ заглавіяхъ». Намъ показалось весьма страннымъ это передергиваніе страницъ; мы думали, что каждая статья мало-мальски связно мыслящаго писателя есть стройное цѣлое, въ которомъ каждая страница на своемъ мѣстѣ и за себя отвѣчаетъ, и тѣмъ болѣе мы были вправѣ ожидать этого отъ писателя, ратующаго изо всѣхъ силъ о всеобщей гармоніи и красотѣ. Но когда мы

начали читать статьи г. Соловьева, мы поняли, что онъ имѣлъ полное право передергивать не только страницы, но и строки: онъ могъ бы всѣ періоды своихъ статей переписать на отдѣльные листочки, потомъ перетасовать эти листочки хорошенько — и вышло бы то же самое, только развѣ пришлось бы сгладить кое-гдѣ слишкомъ уже безсвязныя мѣста.

Исторія новѣйшаго времени отъ вѣнскаго конгресса до парижскаго мира (1815—1856). *Сочиненіе д-ра* Фридриха Лоренца. *Съ приложеніями и дополненіями. Подъ редакціей и съ предисловіемъ* В. В. Маркова. *Спб. 1869.*

Книга эта была уже издана въ 1860 году; но, не говоря уже о дополненіяхъ переводчика (касающихся русской исторіи и отчасти исторіи славянъ), текстъ настоящаго изданія значительно расширенъ, вслѣдствіе возстановленія многихъ пробѣловъ и сокращеній, допущенныхъ въ изданіи 1860 года. Книга Лоренца составляетъ довольно удобный для справокъ сборникъ фактовъ, и намъ кажется, что г. Марковъ въ одномъ мѣстѣ своего обширнаго предисловія весьма удачно опредѣляетъ ея значеніе, говоря: «къ сочиненію съ такими качествами и въ такомъ размѣрѣ, какъ книга Лоренца, охотно прибѣгнутъ многіе, ищущіе указаній насчетъ жгучихъ вопросовъ современности, и *прежде всего*—масса читателей ежедневныхъ газетъ» (XI). Мы прибавили бы охотно, что не только *прежде всего*, а и *послѣ всего* книга Лоренца годится преимущественно для чисто-фактическихъ справокъ, потому что авторъ не обладаетъ ни однимъ изъ качествъ, нужныхъ для историка, въ настоящемъ и полномъ значеніи этого слова. Какъ отъ всякой науки, такъ и отъ исторіи требуется изысканіе законовъ явленій, а для опредѣленія законовъ историческихъ явленій нужна огромная масса знаній, повидимому, ничего общаго неимѣющихъ съ исторіей, какъ она преподается въ школахъ, и какъ мы привыкли ее понимать. Требованіе это книгою Лоренца не удовлетворяется ни на волосъ. Это объясняется отчасти близостью къ намъ явленій, описываемыхъ авторомъ, но въ такомъ случаѣ мы вправѣ ожидать отъ историка труда съ значеніемъ, такъ-сказать, педагогическимъ. Мы вправѣ ожидать, что историкъ освѣтитъ событія какимъ либо самостоятельнымъ взглядомъ, выставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ общія положенія, въ силу которыхъ онъ считаетъ свой взглядъ вѣрнымъ и справедливымъ. Ничего подобнаго въ «Исторіи новѣйшаго времени» нѣтъ, и это отсутствіе руководящаго принципа поставляется даже г. Марковымъ въ особенную заслугу Лоренцу. Мы думаемъ, что похвала эта, будучи отнюдь для автора не лестна, есть въ устахъ переводчика не болѣе, какъ результатъ недоразумѣнія. Мы не особенно вѣруемъ въ такъ-называемую историческую объективность, но такъ-какъ

изложеніе причинъ этого невѣрія завело бы насъ слишкомъ далеко, то мы ограничимся ссылкою на конкретный примѣръ несостоятельности этой «объективности», заимствуемый самимъ г. Марковымъ у самаго Лоренца. Поговоривъ о томъ, что Лоренцъ не придерживается никакой опредѣленной политической партіи, и о томъ, что это очень хорошо и похвально, г. Марковъ замѣчаетъ: «Тамъ, гдѣ нѣтъ партій, вытекшихъ изъ антагонизма непримиримыхъ или трудно примиримыхъ между собою интересовъ, гдѣ нѣтъ сословной раздѣльности, источника вражды и столкновеній, тамъ не можетъ быть и насильственныхъ народныхъ переворотовъ, насильственныхъ потрясеній. Въ этомъ отношеніи мы опять должны указать на другую, сочувственную намъ сторону въ воззрѣніяхъ д-ра Лоренца: на его отрицаніе революціоннаго принципа, на его сознательное и глубокое отвращеніе къ революціонному способу дѣйствія. Такой взглядъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ условіямъ нашей жизни, слагавшейся вовсе не революціоннымъ путемъ» (XL). Замѣтьте, что въ другомъ мѣстѣ г. Марковъ категорически говоритъ, что, въ противоположность нашему отечеству, въ Западной Европѣ партіи и революціи составляютъ законный историческій продуктъ. Ясно, что или Лоренцъ, отрицая и ненавидя революціонный принципъ, не совсѣмъ свободенъ отъ духа партій и, слѣдовательно, не совсѣмъ объективенъ; или же, что историческая объективность состоитъ въ изложеніи событій съ такой точки зрѣнія, которая никуда не годится въ отечествѣ историка, но за то можетъ оказаться вполнѣ справедливою и плодотворною за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ. Восхваляя отсутствіе всякой тенденціи въ книгѣ Лоренца, г. Марковъ забываетъ, что одно дѣло — сознательно подтасовывать факты въ угоду какой-нибудь партіи, и другое дѣло—свободно и честно отдаться на волю сознательно усвоенныхъ политическихъ мнѣній. Идеалъ безпристрастнаго (собственно безучастнаго) историка вяжется у г. Маркова съ идеаломъ исчезновенія въ нашемъ отечествѣ партій и направленій, и слитія всѣхъ мыслей и чувствъ въ одну мысль и чувство. И этотъ идеалъ есть также плодъ недоразумѣнія. Здѣсь г. Марковъ упускаетъ изъ виду, что одно дѣло — всеобщій вѣчный миръ, какъ идеалъ международныхъ отношеній, и другое дѣло — осуществленіе этого идеала и практическій вопросъ о всеобщемъ разоруженіи. Исчезновеніе отдѣльныхъ партій и направленій можетъ осуществиться двоякимъ путемъ: либо по достиженіи обществомъ такого идеальнаго состоянія, когда всѣ члены его безусловно солидарны, и нѣтъ между ними рѣзкихъ различій—ни по занимаемому ими въ обществѣ положенію, ни по степени умственнаго развитія, ни по характеру нравственныхъ идеаловъ. Такое идеальное состояніе никогда и нигдѣ никакимъ государствомъ достигнуто не было. Но и во ожиданіи подобнаго историческаго момента возможно временное исчез-

новеніе различія направленій; однако, это второе исчезновеніе не имѣетъ ничего общаго съ первымъ. Оно можетъ произойти, и дѣйствительно происходитъ, тогда, когда одно какое-нибудь направленіе, благодаря особеннымъ историческимъ условіямъ, терроризируетъ остальныя и становится на первый планъ. Такое единодушіе едва-ли желательно, и г. Марковъ, очевидно, столь добросовѣстенъ и благодушенъ, что не объ немъ говоритъ. Слѣдуетъ поэтому думать, что, провозглашая примиреніе и единомысліе, г. Марковъ имѣетъ въ виду первый случай исчезновенія партій, то-есть онъ полагаетъ, что отечество наше находится нынѣ уже въ томъ идеальномъ фазисѣ развитія, о которомъ говорено выше. Однако, едва-ли эта мысль о nec plus ultra современнаго положенія Россіи помѣщается въ головѣ г. Маркова достаточно отчетливо. Думаемъ, что она носится тамъ такъ себѣ, безъ кормила и весла. Это видно изо всего его предисловія. Трактуется въ предисловіи о русскихъ партіяхъ и направленіяхъ, трактуется много, и въ концѣ-концовъ у читателя остается такое впечатлѣніе, какъ будто онъ ничего о русскихъ партіяхъ и направленіяхъ въ предисловіи г. Маркова не читалъ. Это иногда бываетъ. Г. Марковъ желаетъ прослѣдить судьбу всѣхъ оттѣнковъ общественной мысли, игравшихъ у насъ какую-нибудь роль отъ конца крымской кампаніи до того мгновенія, когда г. Маркову вздумалось дать оцѣнку этимъ оттѣнкамъ общественной мысли. Авторъ желаетъ отдать всѣмъ имъ должную справедливость, и затѣмъ опредѣлить — каково должно быть нормальное теченіе русской мысли теперь? Что касается до пункта примиренія, предлагаемаго и рекомендуемаго г. Марковымъ, то указать его весьма трудно, ибо, кромѣ общихъ мѣстъ о необходимости единодушія и сліянія всѣхъ наличныхъ направленій въ одно органическое цѣлое, во всемъ предисловіи къ книгѣ Лоренца не обрѣтается ровно ничего. Совѣты, съ которыми г. Марковъ обращается къ представителямъ различныхъ направленій, прекрасны. Но всѣ они имѣютъ то несчастное свойство, что сводятся къ одному: будьте умны и добродѣтельны, и не будьте глупы и злокозненны — и все пойдетъ прекрасно. Увѣщаніе и въ этомъ своемъ видѣ не менѣе прекрасно, но оно было столь же прекрасно сто лѣтъ тому назадъ, и не потеряетъ своей цѣны и въ 1970 году; оно въ одинаковой мѣрѣ годится и для Россіи, и для любаго изъ существующихъ, когда либо существовавшихъ, и когда либо имѣющихъ существовать обществъ. Эта его всеобщая пригодность едва-ли не свидѣтельствуетъ о его совершенной негодности. Правда, г. Марковъ предлагаетъ нѣкоторый свой девизъ, якобы наиболѣе подходящій къ условіямъ времени и долженствующій представлять органическое сочетаніе всѣхъ существующихъ направленій, лишенныхъ своей исключитель-

ности. Но девизъ этотъ, какъ и всѣ тезисы переводчика Лоренца, страдаетъ крайнею неуловимостью, и можетъ быть истолкованъ на весьма разные манеры. Дѣйствительно, что̀ можетъ быть неуловимѣе и туманнѣе «возможно свободнаго развитія жизни въ національномъ духѣ»? И какая начинка не уложится въ эту кулебяку? Немудрено, что г. Марковъ раздаетъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, и устремляется всею силою своей логики и своего краснорѣчія только на людей, не совсѣмъ вѣрящихъ въ nec plus ultra прогресса въ нашемъ отечествѣ. А впрочемъ, и это устремленіе совершается имъ въ такой мѣрѣ благодушно и наивно, что едва-ли его предисловіе обратитъ кого либо на рекомендуемый имъ путь истины, но едва-ли и вооружитъ кого либо противъ автора. Такое благодушіе весьма естественно въ человѣкѣ, убѣждающемъ своихъ соотечественниковъ бросить всякую рознь, «чтобы мы могли бодро и стройно, подобно музыкальному чуду нашего времени, называемому органономъ, шествовать по пути развитія, цивилизаціи и прогресса». Это говоритъ, впрочемъ, не г. Марковъ, а г. Богоявленскій, совѣтникъ славнобубенскаго губернскаго правленія, какъ, по крайней-мѣрѣ, свидѣтельствуетъ г. Всеволодъ Крестовскій въ своемъ романѣ «Панургово стадо». Г-же Марковъ говоритъ вотъ что̀: «Подобно струнамъ въ музыкальномъ аккордѣ, истинныя, присущія имъ (существующимъ направленіямъ) начала должны войти въ гармоническое созвучіе, и только тогда получится правильный, вѣрный тонъ». Вы видите, что г. Марковъ есть утопистъ самой высокой пробы, несмотря на то, что утописты и фантазеры получаютъ отъ него многочисленные репримавды. Что же касается до самой его утопіи, то̀ она отнюдь не нова, и тостъ за сліяніе и уподобленіе музыкальному чуду нашего вѣка, называемому органономъ, былъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ провозглашаемъ не однимъ совѣтникомъ Богоявленскимъ. А съ тѣхъ поръ воды, кажется, утекло немало.

Ученіе объ органическихъ формахъ, основанное на теоріи превращенія видовъ. *Составлено по сочиненію* Эрнста Геккеля: «*Generelle Morphologie*» *подъ редакціею* Ил. Мечникова. *Спб. 1869. Изданіе* А. Заленскаго.

Геккель принадлежитъ къ числу крупнѣйшихъ дѣятелей современной науки. Не одни обширныя и разностороннія фактическія знанія даютъ ему право на такое положеніе въ ученой сферѣ, но и замѣчательное философское развитіе, равно удаленное какъ отъ натуръ-философскаго мистицизма, такъ и отъ кропотливаго и безцѣльнаго собиранія голыхъ фактовъ. Уже въ первой своей самостоятельной работѣ («Монографія Лучистыхъ», 1862 г.), Геккель самымъ рѣшительнымъ образомъ сталъ на

сторону теоріи Дарвина, а дальнѣйшая его дѣятельность показала, что едва-ли кто-нибудь въ равной ему степени оцѣнилъ глубокое и совершенно революціонное (въ наукѣ, разумѣется) значеніе этой теоріи. «Общая органическая морфологія», популяризація которой составляетъ задачу книжки г. Мечникова, перестраиваетъ, сообразно съ началами теоріи Дарвина, всю науку объ органическихъ формахъ, причемъ авторъ самымъ нетерпимымъ образомъ относится къ обѣимъ крайностямъ, столь часто и безповоротно втягивающимъ въ себя пытливую мысль,— къ спеціальнымъ знаніямъ, не освѣщеннымъ философскою мыслью, и къ метафизическимъ построеніямъ помимо данныхъ опыта и наблюденія. Нетерпимость свою относительно послѣднихъ, Геккель объясняетъ такъ: «Я, лично, тѣмъ болѣе рѣшительный врагъ этихъ ученій, что нѣкогда самъ былъ ими слѣпо увлеченъ. Какъ вѣрный ученикъ и искренній почитатель Іоганна Мюллера, я до такой степени проникся мнѣніями моего великаго учителя, что не могъ избавиться и его виталистическихъ предразсудковъ; я исповѣдывалъ постоянство видовъ, отрицалъ generatio aequivoca, вѣрилъ въ цѣлесообразную дѣятельность творческой жизненной силы и проч. Человѣкъ, стремящійся къ истинѣ, наиболѣе ненавидитъ и преслѣдуетъ тѣ заблужденія, которыя нѣкогда раздѣлялъ» (G. M. I. 189). При такихъ условіяхъ съ одной стороны и при необходимости расчищать совершенно новый и трудный путь — съ другой, нѣтъ ничего удивительнаго, что Геккель даетъ въ своемъ трудѣ много мѣста полемикѣ. Понятно также, что онъ долженъ нерѣдко приходить, и дѣйствительно приходитъ, къ рѣшеніямъ слишкомъ смѣлымъ и преждевременнымъ, отнюдь не оправдываемымъ настоящимъ уровнемъ нашихъ знаній. Г. Мечниковъ справился съ своей нелегкой задачей весьма хорошо. Дѣло было не просто въ популяризаціи, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ г. Мечниковъ, Геккель, не въ примѣръ другимъ нѣмецкимъ ученымъ, излагаетъ свои мысли до послѣдней степени просто и ясно, и на этомъ пунктѣ его можно упрекнуть развѣ только въ стремленіи къ введенію и установленію многочисленныхъ новыхъ терминовъ. Г. Мечниковъ съумѣлъ, вопервыхъ, уложить большое двухтомное сочиненіе Геккеля на 5—6 листахъ (приблизительно, если свести форматъ книжки къ формату, напримѣръ, «Отечественныхъ Записокъ»), не упустивъ ничего существенно важнаго, а вовторыхъ, нашелъ еще мѣсто для нѣкоторыхъ критическихъ замѣчаній. Само собою разумѣется, что если кто хочетъ вполнѣ познакомиться съ воззрѣніями Геккеля, тому слѣдуетъ обратиться къ оригиналу, который, повторяемъ, написанъ ясно и общедоступно. Желая книжкѣ г. Мечникова всякаго успѣха, обращаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе издателя на ея ни съ чѣмъ несообразную цѣну. Эта маленькая книжка, изданная правда недурно, стоитъ 1 руб. 25 копѣекъ.

Картины изъ жизни насѣкомыхъ. *Составилъ* А. Ганике. *Съ 174 рисунками. Спб. 1869. Изданіе* А. Мюнкса.

Книга эта, представляющая мѣстами передѣлку, мѣстами переводъ сочиненія Ташенберга «Was da Pricht und fliegt»., предназначается для дѣтей 11—15 лѣтняго возраста. Написана она, надо правду сказать, языкомъ довольно варварскимъ. И хотя г. Ганике еще въ предисловіи оговариваетъ «недостатки слога во многихъ мѣстахъ, которые почти нѣтъ возможности изгладить въ переводахъ», но, вопервыхъ, онъ и оговорку эту дѣлаетъ не совсѣмъ порусски, а, вовторыхъ, многіе «недостатки слога» очевидно зависятъ просто отъ небрежности. Г. Ганике приводитъ пѣснь Анакреона о поющей цикадѣ въ слѣдующемъ переводѣ Державина:

«Счастливъ, золотой кузнечикъ,
Что въ лѣсу куешь одинъ
На цвѣтичный сѣвъ лужечекъ,
Пьешь съ нихъ (?) медъ, какъ господинъ и т. д.

Столь неосновательное несогласованіе мѣстоименій съ существительными въ качествѣ поэтической вольности, да еще у пѣвца Фелицы, вполнѣ извинительно. Но г. Ганике и въ прозѣ сплошь и рядомъ подобнымъ же образомъ согласуетъ части предложенія. Онъ говоритъ, напримѣръ: «изъ этого слѣдуетъ, что въ названные годы личинки этого насѣкомаго попадали на благопріятное мѣсто въ необыкновенныхъ количествахъ, тогдакакъ въ промежуточное время ее (?) или вовсе не замѣчали, или она появлялась въ маломъ числѣ и не собиралась для составленія большаго общества; въ первомъ возрастѣ *эти личинки*, впрочемъ, никогда не собираются, а только въ болѣе высокой степени развитія» (12). Это весьма неграмотно, и неграмотность эта прямо зависитъ онъ небрежности. Иногда трудно даже понять, что̀ хочетъ сказать переводчикъ. Напримѣръ: «истинною родиною ихъ (блохъ) остается шерсть собакъ и другихъ животныхъ. Есть даже нѣсколько породъ блохъ, которыя живутъ на *различныхъ* животныхъ, придерживаясь добросовѣстно *своей* почвы» (37). Это слѣдуетъ, кажется, понимать такимъ образомъ, что нѣкоторыя блохи не тревожатъ человѣка. Несмотря однако на эти «недостатки слога», книга г. Ганике будетъ для дѣтей небезъинтересна и небезполезна, и могла бы быть еще интереснѣе и полезнѣе, еслибы авторъ болѣе вдумался въ свою задачу. Кромѣ пріятнаго и полезнаго, въ смыслѣ пріобрѣтенія знаній, чтенія, кромѣ назначенія своего служить руководствомъ для наблюденій, книга имѣетъ повидимому и нѣкоторыя нравоучительныя цѣли. Такъ на страницѣ 244-й читаемъ такое восклицаніе, очевидно обращенное къ человѣку: «Учись, лѣнивая порода, живущая восемьдесятъ лѣтъ и все-таки жалующаяся на недостатокъ времени, учись не тратить его понапрасну, глядя на это малень-

кое насѣкомое». Такихъ нравоученій въ книгѣ множество, и мы противъ нихъ ничего не имѣемъ. Но, разъ они допущены, слѣдовало бы заняться этимъ дѣломъ обстоятельно, а не спустя рукава. А то, не говоря уже о томъ, что, описывая жизнь пчелы, авторъ (или переводчикъ) изображаетъ осу злодѣйкой, достойной всякаго порицанія, а чрезъ нѣсколько страницъ, говоря о самой осѣ, едва не предлагаетъ присудить ей монтіоновскую премію за добродѣтель; не говоря уже объ этомъ, въ «картинахъ» попадаются разсужденія и сравненія совершенно безсмысленныя. Напримѣръ, описаніе сраженія между двумя колоннами муравьевъ, авторъ заключаетъ такъ: «Большой проливной дождь разогналъ сражающихся, подобно тому, какъ хорошо направленныя пожарныя трубы въ состояніи охладить взволнованные умы при народныхъ возстаніяхъ» (257). Если подобными «благоглупостями» и можно «благоудивить» почтенныхъ нѣмцевъ, слѣдящихъ за политикой, то одиннадцатилѣтнему ребенку они совсѣмъ ненужны. Жизнь общественныхъ насѣкомыхъ можетъ дать сюжетъ для картинъ, интересныхъ и поучительныхъ и не для однихъ дѣтей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить нѣкоторыя главы изъ остроумнаго «Altes und Neues aus Thier—und Menschen Leben» Фогта. Само собою разумѣется, что мы не требуемъ чего-нибудь въ томъ же родѣ для дѣтей 11—15 лѣтъ. Но, во всякомъ случаѣ, изъ жизни общественныхъ насѣкомыхъ, обладающихъ многими изъ учрежденій и общественныхъ отношеній, которыя, за исключеніемъ ихъ, имѣются только у человѣка, можно и для дѣтей сдѣлать гораздо болѣе удачный и богатый выборъ сравненій и нравоученій. Мы рекомендовали бы эту задачу журналу «Дѣтское Чтеніе», который, повидимому, хочетъ вести свое дѣло добросовѣстно. Что касается до «Картинъ изъ жизни насѣкомыхъ» г. Ганике, то изъ нихъ, безъ ущерба для интереса и полезности книги, можно бы было выкинуть кое-что и кромѣ неудачной морали. Такъ, напримѣръ, г. Ганике (или Ташенбергъ) говоритъ «о клещахъ, которыя природа *для разнообразія* прикрѣпила къ оконечности брюшка» уховёртки. Если физіологическое значеніе какого-нибудь органа неизвѣстно, то такъ и слѣдуетъ говорить, что оно неизвѣстно. А то пытливый ученикъ можетъ освѣдомиться, почему же природа распорядилась *для разнообразія* прикрѣпить эти клещи именно къ брюшку уховёртки, а, напримѣръ, не къ носу алжирскаго бея? Потому ли, что это было бы менѣе «разнообразно», или потому, что на носу алжирскаго бея мѣсто еще со времени «Записокъ сумасшедшаго» занято шишкой?

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПОСМЕРТНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ.

(H. Heine's Nachgelassene Schriften. Hamburg, 1869).

Такъ-называемыя посмертныя сочиненія писателей могутъ быть подведены подъ двѣ категоріи. Къ первой относятся тѣ, которыя писатель самъ, по разнымъ причинамъ, не печатаетъ при своей жизни, желая при этомъ, однако, чтобы они были изданы послѣ его смерти. Вторую категорію составляютъ тѣ произведенія, которыя авторъ не считаетъ годными къ печати ни при своей жизни, ни послѣ смерти, но которыя потомъ извлекаются на свѣтъ трудолюбивыми почитателями таланта покойника, дорожащими каждою строкою его, каждымъ словомъ. Такимъ образомъ, первая категорія часто представляетъ большой интересъ; вторая, большею частію, не только лишена интереса, не только не доставляетъ никакихъ новыхъ матеріаловъ для характеристики умершаго, но часто даже вредитъ его репутаціи, такъ-какъ усердные поклонники выкапываютъ изъ груды оставшихся бумагъ то, чему самая приличная участь — забвеніе. «Меня всегда пугало — говоритъ г. Некрасовъ въ примѣчаніи къ собранію своихъ стихотвореній—то обиліе плохихъ стиховъ, которое наводняло литературу по смерти каждаго поэта, сколько-нибудь обращавшаго на себя вниманіе публики». И онъ совершенно правъ въ этомъ отношеніи. Каждому писателю, стоящему высоко въ литературѣ, слѣдовало бы строго на-строго заказывать, чтобы почитатели его не печатали послѣ его смерти ничего такого, что не предназначалось въ печать имъ самимъ; можно ли предположить въ самомъ дѣлѣ, чтобъ авторъ рѣшился оставить въ своемъ портфелѣ вещь, достойную занять мѣсто въ ряду его произведеній?.. Мы не говоримъ здѣсь, конечно, о письмахъ и т. п. матеріалахъ, имѣющихъ не столько литературное, сколько біографическое значеніе; ими всегда можно и должно пользоваться, но и тутъ не мѣшаетъ поступать осмотрительнѣе, чѣмъ это дѣлаютъ усердные архиваріусы литературы, считающіе долгомъ предавать тисненію записки даже въ родѣ такихъ: «сего числа былъ

у васъ и не имѣлъ удовольствія застать дома, о чемъ сожалѣю; покорнѣйшій вашъ слуга такой-то».

Изъ сочиненій Гейне, не появившихся въ свѣтъ при его жизни, два-три относятся къ первой категоріи, всѣ остальныя— ко второй. Между первыми главное мѣсто занимають его «Мемуары», которые, несомнѣнно, бросили бы яркій свѣтъ на многія стороны жизни поэта, до сихъ поръ остающіяся неразъясненными и служащія поводомъ къ самымъ разнорѣчивымъ и часто крайне-оскорбительнымъ для памяти Гейне толкованіямъ, а съ другой стороны они, конечно, прибавили бы много драгоцѣнныхъ матеріаловъ для характеристики той эпохи, съ которой былъ такъ тѣсно связанъ поэтъ, и отдѣльныхъ личностей, игравшихъ въ то время общественную роль. Мы говоримъ: бросили *бы*, прибавили *бы*, потому что заботливое австрійское правительство постаралось о сохраненіи въ ненарушимости этого *желательнаго* наклоненія. Мемуары эти долго находились въ рукахъ Густава Гейне, брата нашего поэта; въ то время, когда публика, знавшая о ихъ существованіи, нетерпѣливо ждала появленія ихъ, во многихъ газетахъ появилось извѣстіе, что австрійское правительство, чрезъ посредство князя Меттерниха, купило эту драгоцѣнную рукопись и съ подобающими почестями схоронило ее въ архивахъ придворной библіотеки. Извѣстіе это, несмотря на неоднократное повтореніе его, осталось неопровергнутымъ со стороны тѣхъ, кого такой лестный отзывъ ближе всего касался, и такимъ образомъ мы имѣемъ полное право вѣрить въ его справедливость, а вѣря, не сомнѣваемся, что развѣ ужь нашимъ потомкамъ придется познакомиться съ этими матеріалами.

Но и въ числѣ изданныхъ теперь посмертныхъ сочиненій (проданныхъ вдовою поэта книжной торговлѣ Гофманъ и Кампе и редактированныхъ Штродтманомъ, извѣстнымъ біографомъ Гейне) есть одинъ отрывокъ, оставшійся ненапечатаннымъ при жизни поэта, помимо воли этого послѣдняго. Этотъ отрывокъ озаглавленъ въ посмертномъ изданіи «Ватерло» и первоначально входилъ въ извѣстное сочиненіе Гейне «Исповѣдь». По словамъ Штродтмана, Гейне самъ исключилъ эти страницы изъ «Исповѣди» и намѣревался присоединить ихъ, въ видѣ отдѣльной статьи, къ первому тому своихъ «Vermischte Schriften», но отказался отъ этого намѣренія вслѣдствіе настойчивыхъ просьбъ своего друга и издателя Юлія Кампе, который боялся, что напечатаніе этой статьи сильно повредитъ популярности Гейне въ нѣмецкой публикѣ. Мы приведемъ здѣсь эту статью цѣликомъ, какъ по причинѣ ея внутренней цѣнности, такъ и потому, что она представляетъ новое указаніе, за что гнѣвались почтенные нѣмцы на своего знаменитаго соотечественника и что̀ могло ему вредить въ ихъ добродѣтельно-патріотическихъ понятіяхъ.

«При Ватерло — пишетъ Гейне — погибли не только фран-

цузы и императоръ; правда, французы сражались тамъ за свой собственный очагъ, но они были въ то же самое время священными когортами, явившимися какъ представители дѣла революціи, и ихъ императоръ бился здѣсь не только за свою корону, но и за знамя революціи, которое онъ несъ въ своихъ рукахъ; онъ былъ гофалоньеромъ демократіи, точно также, какъ Веллингтонъ явился штандартъ-юнкеромъ аристократіи въ тотъ день, когда войска того и другого встрѣтились на Ватерлоскомъ полѣ... И аристократія побѣдила; побѣдило неправое дѣло застарѣлыхъ привиллегій, восторжествовали низкое холопство и ложь, а потерпѣли при Ватерло пораженіе интересы свободы, равенства, братства, правды и разума, потерпѣло пораженіе человѣчество. Мы въ Германіи не были проведены тѣми Тартюфами, которые, соединяя въ себѣ грубую силу съ трусливымъ лицемѣріемъ, объявляли, что тутъ шла борьба только противъ одного человѣка, называвшагося Наполеономъ Бонапарте; мы очень хорошо знали, что въ этомъ одномъ человѣкѣ побивали и насъ, издѣвались и надъ нами, распинали и наше тѣло, что на «Беллерофонѣ» перевозились въ ссылку и мы, что Гудсонъ Ло мучилъ и насъ, что мученическій утесъ св. Елены былъ и нашею собственною Голгоѳою, и что Ватерло была наша первая станція на этомъ страдальческомъ пути!

«Ватерло! Роковое имя! Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а каждый разъ, какъ произносилось передъ нами это слово, всѣ змѣи безсильнаго гнѣва начинали шипѣть въ нашей груди и терзали нашъ слухъ, какъ язвительный хохотъ враговъ. И мы чувствовали ихъ слюну на нашихъ покраснѣвшихъ щекахъ... Но слава Богу! позорныя чары разрушены, и страшное, раздирательное значеніе этого имени исчезло!

«Какому чудесному событію обязаны мы избавленіемъ отъ кошмара-Ватерло — это извѣстно всякому. Уже іюльская революція дала намъ большое удовлетвореніе, но оно было неполное; это былъ только бальзамъ для старыхъ ранъ — бальзамъ, который, однако, не могъ совершенно залечить ихъ. Французы, правда, прогнали старшую бурбонскую линію, двойное несчастіе которой заключалось въ томъ, что она была навязана побѣжденнымъ иноземными завоевателями послѣ того, какъ эта старая, отжившая династія сдѣлалась во Франціи жертвою жесточайшаго оскорбленія. Позорная казнь добродушнаго и гуманнаго Людовика XVI, это страшное преступленіе, могла еще быть оправдана оскорбленными, но ни въ какомъ случаѣ не оскорбителями, потому что оскорбившій не прощаетъ никогда. 21-е января, дѣйствительно, было слишкомъ незабвеннымъ днемъ для того, чтобы французъ могъ спокойно спать, пока на тронѣ Франціи сидѣлъ хоть какой-нибудь Бурбонъ старшей линіи; эта линія сдѣлалась невозможною и, рано или поздно, ее, какъ злокачественный нарывъ, надо было вырѣзать изъ

французскаго государственнаго тѣла, точно также, какъ случилось съ Стюартами въ Англіи, когда тамъ выступили на первый планъ такія же причины стыда и недовѣрія. Людовикъ-Филиппъ и его семейство оказались возможными для французовъ, потому что его отецъ принималъ участіе въ вышеупомянутомъ преступленіи націи, да и самъ онъ нѣкогда принадлежалъ къ застрѣльщикамъ революціи. Людовикъ-Филиппъ былъ великій и благородный государь. Онъ обладалъ всѣми буржуазными добродѣтелями простаго буржуа и не имѣлъ ни одного порока большаго барина. Онъ хорошо ѣздилъ верхомъ и сражался при Жемаппъ и Вальми. Мадамъ Жанлисъ была его воспитательницею и въ научномъ отношеніи онъ былъ образованъ какъ ученый; онъ могъ, въ случаѣ бѣдности, заработывать себѣ хлѣбъ уроками математики и умѣлъ пустить кровь слугѣ, пораженному апоплексическимъ ударомъ, для чего и постоянно носилъ при себѣ портфёль съ хирургическими инструментами. Онъ былъ вѣжливъ, великодушенъ и прощалъ въ одинаковой степени легитимистамъ, клеветавшимъ на него, и республиканцамъ, коварно покушавшимся на его жизнь; онъ не боялся пуль, угрожавшихъ его собственной груди, но когда оказалось, что приходится стрѣлять въ народъ, по сердцу его разлилась прежняя филантропическая мягкость, и онъ сбросилъ съ себя корону; надѣлъ шляпу, взялъ подъ руку свой старый зонтикъ и свою жену и откланялся. Онъ былъ человѣкъ. Баснословными богатствами владѣлъ онъ, но при этомъ оставался трудолюбивымъ какъ самый бѣдный ремесленникъ. У него была привита оспа и этою болѣзнью онъ никогда не былъ боленъ. Онъ былъ справедливъ и ни разу не нарушилъ присяги, которую принесъ законамъ. Онъ далъ французамъ осьмнадцать лѣтъ мира и свободы. Онъ былъ экономенъ, цѣломудренъ и имѣлъ только одну возлюбленную, которую звали Марія-Амалія. Онъ былъ полонъ духомъ терпимости и не любилъ іезуитовъ. Онъ былъ образецъ государя, Маркъ-Аврелій въ парикѣ новаго времени, коронованный мудрецъ, честный человѣкъ... И, несмотря на все это, французы все-таки не могли ужиться съ нимъ, потому что онъ былъ государемъ не національнаго происхожденія, избранникомъ не народа, а маленькаго кружка денежныхъ людей, посадившихъ его на вакантный тронъ потому, что онъ представлялся имъ лучшею гарантіею ихъ собственности и что при этомъ воцареніи имъ нечего было бояться протеста со стороны европейской аристократіи, той самой, которая въ прежнее время содѣйствовала реставраціи не столько изъ любви къ Людовику XVIII, сколько изъ ненависти къ Наполеону I. Правда, что европейскіе государи были не совсѣмъ довольны тѣмъ, что ихъ protégé выпроводили изъ Франціи такъ безцеремонно, но такъ-какъ они никогда не любили его искренно, то это чувство досады не было особенно сильно; quasi-легитимизмъ Людовика-Филиппа, его знатное проис-

хожденіе и кротость размягчили, наконецъ, сердца недовольныхъ, и они оставили въ покоѣ гальскаго пѣтуха, потому что это былъ пѣтухъ, а не орелъ.

«Вполнѣ соглашаясь, что съ королемъ Людовикомъ-Филиппомъ поступили крайне несправедливо, что ему заплатили самою грубою неблагодарностью, что онъ кончилъ какъ настоящій мученикъ и что февральская революція вообще оказалась прискорбнымъ событіемъ, навлекшимъ на міръ неслыханныя бѣдствія, мы, тѣмъ не менѣе, должны сознаться, что для французовъ, національное чувство которыхъ возвысилось этимъ переворотомъ, а равно и для демократіи вообще, въ которой онъ усилилъ идеальное самосознаніе, эта революція была большимъ удовлетвореніемъ. Большимъ, но все еще не полнымъ, и скоро оно смѣнилось жалкимъ смиреніемъ. Виною этого послѣдняго были тѣ уполномоченные народа, которые вслѣдствіе или своего неумѣнья, или малодушія, или двуличности, испортили великое дѣло, порученное имъ народомъ. Я не хочу сказать этимъ, что они были дурные люди; напротивъ того, для насъ было бы лучше, еслибы мы попали въ руки отъявленнымъ злодѣямъ, которые дѣйствовали бы энергически и послѣдовательно и, можетъ быть, пролили бы много крови, но при этомъ сдѣлали бы для народа что-нибудь великое. Но эти «добрые люди и скверные музыканты» совершили громадное преступленіе; въ минуту страшнѣйшей бури, они, изъ честолюбія, схватились за руль государства и, не имѣя рѣшительно никакихъ свѣдѣній въ политическомъ мореплаваніи, взяли на себя командованіе кораблемъ, избравъ себѣ компасомъ только собственное тщеславіе. Кораблекрушеніе было неизбѣжно.

«Съ первыхъ же шаговъ «временнаго» правительства, назвавшаго себя такимъ образомъ, обнаружилась неспособность маленькихъ людей. Уже одно названіе «временное правительство» офиціально засвидѣтельствовало о ихъ трусости и напередъ уничтожило все хорошее, что̀ они могли бы сдѣлать для народа, который вручилъ имъ верховную власть и далъ имъ въ охраненіе стражу изъ 300 тысячъ человѣкъ. Никогда еще народъ не вытаскивалъ изъ горшка фортуны дряни хуже той, которою оказались люди, составлявшіе временное правительство. Между ними находились жалкіе комедіанты, которые, какъ двѣ капли воды, даже по цвѣту бороды, были похожи на любителей-актеровъ, представляющихъ героическія роли, такъ забавно выведенныхъ Шекспиромъ въ «Снѣ въ лѣтнюю ночь». Эти мизерные аматеры дѣйствительно пуще всего боялись, чтобъ ихъ *игру* не приняли за серьёзное, и столяръ Снугъ считалъ нужнымъ предупреждать, что онъ не въ самомъ дѣлѣ левъ, а только левъ временный, только Снугъ столяръ, и что публикѣ не слѣдуетъ бояться его рева, такъ-какъ это только временный ревъ... Но при этомъ, вслѣдствіе тщеславія, онъ порывался играть всевозможныя роли и главнымъ дѣломъ для

него было, какого цвѣта бороду надѣть въ той или другой роли — яркокраснаго или трехцвѣтную.

«Право, иноземныя державы не имѣли никакого основанія бояться этихъ временныхъ львовъ. Сначала онѣ, правда, пришли въ нѣкоторое смущеніе, но скоро оправились, разсмотрѣвъ, что за животныя скрывались въ львиной кожѣ, и имъ не было никакой стати смотрѣть на февральскую революцію, какъ на политическое оскорбленіе, какъ на строптивый вызовъ, потому что онѣ имѣли право сказать: «Намъ все равно, кто ни управляетъ Франціею. Правда, въ 1815 году мы посадили на тронъ старшихъ Бурбоновъ, но сдѣлали это не изъ нѣжности къ нимъ, а изъ ненависти къ Наполеону Бонапарте, съ которымъ мы воевали въ то время и котораго убили при Ватерло и похоронили — слава тебѣ, Господи! — на св. Еленѣ. Пока онъ былъ живъ, мы не имѣли ни одного свободнаго часа... Ну, а теперь онъ умеръ, и такъ-какъ между всѣми временно-правительственными львами нѣтъ ни одного, способнаго снова нарушить наше милое спокойствіе, то для насъ рѣшительно все равно, кто бы ни управлялъ Франціею. Все равно — правитъ тамъ Луи-Бланъ, или Томъ Пусъ, карликъ обоихъ полушарій, который гораздо знаменитѣе Луи-Блана, но въ свою очередь, точно также, какъ этотъ послѣдній, не можетъ, по отношенію къ миніатюрности, выдержать сравненіе съ покойнымъ Богуславскимъ, котораго укладывали въ пастетъ и въ такомъ видѣ подавали на столъ саксонскаго курфюрста... Но храбрый полякъ, зубами и маленькой саблей прокусывалъ и прорубалъ пастетъ, освобождалъ себя изъ заключенія и потомъ, какъ побѣдитель, гордо расхаживалъ по столу курфюрста — геройская штука, едва-ли возможная для вашего карлика Луи-Блана, который врядъ ли выкарабкается съ такимъ героизмомъ изъ февральскаго пастета».

«Прошу имѣть въ виду, что въ такихъ презрительныхъ выраженіяхъ отзываются о Луи-Бланѣ иноземные государи. Что касается до меня, то я говорилъ бы болѣе почтительно и одобрительно объ этомъ трибунѣ, который, во время своего эфемернаго владычества, если не обнаружилъ особеннаго ума, то тѣмъ болѣе отличался почти нѣмецкою сентиментальностью. Во всѣхъ своихъ рѣчахъ онъ постоянно подпадалъ вліянію прекрасныхъ порывовъ своего сердца, онъ всегда повторялъ въ нихъ, что тронутъ до слезъ, и при этомъ хныкалъ такъ громко и усердно, что эта водянистая чувствительность доставила ему нѣкоторую популярность и по ту сторону Рейна: нѣмецкія мамки и няньки стали называть именемъ плаксиваго французскаго демагога своихъ маленькихъ питомцевъ, которые постоянно ревутъ. Многіе насмѣхались надъ дѣтскою наружностью Луи-Блана. Но я никогда не могъ смотрѣть безъ нѣкотораго изумленія на его голову; не потому, что я удивлялся въ ней присутствію многихъ знаній — нѣтъ, онъ, напротивъ

того, лишенъ всякихъ знаній—но потому, что я не постигалъ, какимъ образомъ въ такой маленькой головенкѣ могло помѣститься столько незнанія; я не понималъ, какъ могъ этотъ ограниченный, крошечный черепъ заключать въ себѣ такія колоссальныя массы невѣжества, какія онъ выбрасывалъ изъ себя при всякомъ удобномъ случаѣ въ такомъ большомъ, даже чрезмѣрномъ изобиліи! Тутъ высказывается всемогущество Божіе! Но несмотря на полное отсутствіе научныхъ знаній и учености, въ Луи-Бланѣ надо признать, однако, истинную способность къ исторіографіи. Жаль только, что онъ взялся описывать именно тѣ битвы титановъ, которыя мы называемъ исторіею французской революціи. Жаль, что онъ не выбралъ сюжета, болѣе соотвѣтствующаго его росту, напримѣръ, войнъ пигмеевъ съ журавлями, о которыхъ говоритъ намъ Геродотъ.

«Но какъ ни малъ Луи-Бланъ, онъ по таланту и образу мыслей все-таки стоялъ гораздо выше многихъ изъ своихъ сотоварищей по тому временному правительству, которое такъ мало пугало иноземныхъ государей. Все, что говорили эти послѣдніе — чистая правда. Между всѣми членами временнаго правительства не было ни одного, мало-мальски похожаго на того буяна, того драчуна, того страшнаго корсиканскаго сорванца, который разбивалъ караулы во всѣхъ столицахъ міра, повсюду колотилъ стекла въ окнахъ, ломалъ фонари и обращался съ нашими высокими особами, какъ съ какими нибудь дворниками, потому что звонилъ въ ихъ калитки по ночамъ и нарушалъ ихъ сладкій сонъ. Наши высокія особы могли спать совершенно безмятежно во время господства временнаго правительства во Франціи...

«Нѣтъ, изъ всѣхъ героевъ этого Круглаго Стола ни одинъ не былъ похожъ на Наполеона, ни одинъ не былъ на столько невѣжливъ, чтобы выиграть сраженіе при Маренго, ни одинъ не имѣлъ дерзости поколотить пруссаковъ при Іенѣ, ни одинъ не позволилъ себѣ увлеченія побѣдою при какомъ нибудь Аустерлицѣ или Ваграмѣ, ни одинъ не одержалъ побѣды въ битвѣ при пирамидахъ... Въ чемъ бы ни упрекали г. Ламартина, фланкера февральскихъ героевъ, но никто не можетъ обвинить его въ томъ, что онъ уничтожилъ мамелюковъ при пирамидахъ. Правда, онъ предпринималъ путешествіе на Востокъ и въ Египтѣ проѣжалъ мимо пирамидъ, съ вершины которыхъ сорокъ вѣковъ могли смотрѣть на него, если это имъ было угодно, — но на самыя пирамиды его знаменитая персона не произвела особенно сильнаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что онѣ уже очень привыкли къ великимъ людямъ, такъ-какъ видѣли самыхъ величайшихъ, напр. Моисея, Пиѳагора, Платона, Юлія Цезаря, Наполеона, изъ которыхъ послѣдній проѣзжалъ мимо ихъ на верблюдѣ. Очень можетъ быть, что г. Ламартинъ тоже катался на верблюдѣ по нильской долинѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ не вступалъ тамъ ни въ одно сраженіе и не

проглотилъ ни одного мамелюка... Нѣтъ, этотъ верблюжій всадникъ былъ хамелеонъ, но отнюдь не Наполеонъ, онъ не ѣлъ мамелюковъ, онъ всегда являлся прирученнымъ и не кровожаднымъ животнымъ, и когда въ 1848 г. ему пришлось играть роль временнаго льва, онъ ревѣлъ точно такъ же нѣжно, сладко, умильно, какъ обѣщалъ ревѣть въ шекспировской комедіи, для того чтобы не испугать дамъ, столяръ Снугъ... Въ иноземныхъ канцеляріяхъ дѣйствительно никто не испугался при полученіи мелодическаго манифеста, изданнаго новымъ французскимъ ministre des affaires étrangères, котораго справедливо назвали ministre étranger aux affaires, — и его дипломатическія «Méditations» и «Harmonies» не мало позабавили представителей абсолютной прозы...

«Дѣйствительно, эти послѣдніе были совершенно спокойны на счетъ плановъ и намѣреній льва, который въ то время щебеталъ марсельезу мира, и вполнѣ убѣждены, что это былъ не Наполеонъ, не богъ пушечнаго грома, не богъ молніи, не молнія боговъ... Они, можетъ быть, уже задолго до насъ замѣтили, что этотъ двусмысленный человѣкъ былъ не только не молніею, но именно противоположностью ея — громоотводомъ, и имъ не трудно было понять, какую пользу могъ принести для нихъ такой инструментъ въ то время, когда страшнѣйшій народный ураганъ грозилъ раздробить старое, готическое зданіе общества...

«Не я назвалъ Ламартина громоотводомъ; онъ самъ заклеймилъ себя этимъ названіемъ. Какъ случается со всѣми хвастливыми болтунами, у него вырвались однажды слѣдующія наивныя слова: «Меня обвиняютъ, что я былъ въ заговорѣ съ предводителями республиканской партіи, стремившимися къ ниспроверженію порядка вещей; да, я дѣйствовалъ заодно съ ними, но въ такомъ же родѣ, въ какомъ громоотводъ состоитъ въ заговорѣ съ молніею». Этотъ ложный братъ, при всей своей двуличности, былъ и олицетворенная неспособность, и такъ-какъ онъ считался поэтомъ, то прозаикамъ представлялся снова случай подсмѣяться надъ тѣмъ, что̀ выходитъ, когда поэту поручаютъ управленіе государственными дѣлами. Нѣтъ, вы ошибаетесь; великіе поэты были часто и великими государственными людьми; музы совершенно неповинны въ правительственной неспособности двуличнаго человѣка, да еще вопросъ — поэзія-ли то, чему удивляются въ немъ французы. Его щегольское краснорѣчіе, его блестящее изложеніе напоминаютъ скорѣе ритора, чѣмъ поэта. Несомнѣнно то, что этотъ chantre d'Eloah не грѣшилъ чрезмѣрностью поэтическаго таланта; онъ ни что иное, какъ лирическій честолюбецъ, который въ стихахъ постоянно наводилъ на насъ скуку, а въ прозѣ надувалъ насъ.

«Я не имѣю, конечно, надобности особенно указывать, что только 20-го декабря 1852 г. французскій народъ получилъ полное удовлетвореніе, посредствомъ котораго можетъ быть

вполнѣ залечена старая рана его національнаго чувства. Я отъ всей души сочувствую этому тріумфу, такъ какъ отъ всей души скорбѣлъ прежде и о пораженіи. Я самъ ветеранъ, самъ инвалидъ съ оскорбленнымъ серцемъ и понимаю восторгъ бѣдныхъ инвалидовъ. Къ этому присоединяется еще во мнѣ злорадство, вызываемое тѣмъ, что я читаю всѣ мысли нашихъ старыхъ враговъ на ихъ лицахъ, — враговъ, которые притворяются радостными, тогда какъ на сердцѣ у нихъ кошки скребутъ. Не новый человѣкъ сидитъ теперь на французскомъ престолѣ, но тотъ самый Наполеонъ Бонапарте, котораго иноземные государи объявили опальнымъ, съ которымъ они вели войну и котораго, какъ имъ казалось, они низложили и умертвили. Онъ все еще живъ, все еще царствуетъ, и именно тѣмъ, что имя его — Наполеонъ III, онъ опровергаетъ мнѣніе, что владычество его кончилось; иноземныя же державы, признавая нынѣшняго императора подъ такимъ именемъ, даютъ удовлетвореніе французскому національному чувству посредствомъ столько же благоразумнаго, сколько справедливаго, заглаживанія прежняго оскорбленія.

«Послѣдствіе такого удовлетворенія безконечны и, безъсомнѣнія, будутъ благодѣтельны для всѣхъ народовъ Европы, особенно же для нѣмцевъ. Жаль только, что многіе изъ старыхъ ватерлоскихъ героевъ не дожили до этого времени. Ихъ Ахиллесъ, герцогъ Велингтонъ, уже предчувствовалъ этотъ исходъ, и на послѣднемъ ватерлоскомъ обѣдѣ, который онъ давалъ своимъ мирмидонамъ въ годовщину сраженія, наружность его была плачевнѣе и мизернѣе, чѣмъ когда либо. И дѣйствительно, онъ издохъ скоро послѣ того, и Джонъ Булль стоитъ надъ его могилой, почесываетъ у себя за ухомъ и ворчитъ: «Стало быть, я ни за что, ни про что навалилъ на себя громадные долги, изъ-за которыхъ я принужденъ работать, какъ каторжный?... Какой же мнѣ прокъ изъ ватерлоскаго сраженія?» Да, это сраженіе потеряло теперь свое прежнее, постыдное значеніе, и Ватерло сдѣлалось не что иное, какъ названіе проигранной битвы, ни больше, ни меньше какъ какой нибудь Азенкуръ и Креси, или, говоря понѣмецки, какая нибудь Іена и Аустерлицъ».

Въ этой статьѣ, отличающейся многими достоинствами Гейне, какъ поэта, и многими недостатками его, какъ публициста, статьѣ, въ которой онъ, по своему обыкновенію и по русской пословицѣ, готовъ для краснаго словца не пощадить и роднаго отца, статьѣ, наконецъ, интересной по отзывамъ о такихъ лицахъ, о которыхъ въ прежнихъ сочиненіяхъ Гейне нѣтъ почти ни одного слова, — читатель встрѣчается и съ тѣми личностями, по поводу которыхъ поэтъ и прежде исписалъ цѣлыя страницы. Это — Наполеонъ I и Людовикъ-Филиппъ. Благоговѣйное поклоненіе Гейне Наполеону извѣстно каждому, читавшему его сочиненія; это поклоненіе, непростительное для публициста и

объясняемое только своего рода поэтичностью колоссальной фигуры Наполеона, — не оставляло, какъ мы видимъ, Гейне до послѣднихъ дней его жизни; въ этомъ отношеніи, Наполеонъ составляетъ почти единственное исключеніе, такъ-какъ не было человѣка, взглядъ на котораго оставался всегда неизмѣннымъ въ вѣчно-подвижномъ, вѣчно увлекавшемся впечатлѣніемъ данной минуты, поэтѣ. Смотря на знаменитаго корсиканца сквозь очки такого поэтическаго энтузіазма, Гейне не хотѣлъ даже, какъ мы видѣли по приведенной статьѣ, понимать настоящее значеніе такихъ событій, какимъ былъ напримѣръ декабрьскій coup d'état. Говоримъ: не хотѣлъ понимать, потому что не понять его онъ не могъ...

Мысли о Наполеонѣ разсѣяны и въ другихъ мѣстахъ лежащаго передъ нами тома посмертныхъ сочиненій. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«Наполеонъ былъ сдѣланъ не изъ дерева, служащаго матеріаломъ для производства сильныхъ міра; онъ былъ изваянъ изъ того мрамора, изъ котораго дѣлаютъ боговъ...

«Императоръ былъ цѣломудренъ какъ желѣзо... Его враги — туманныя привидѣнія, которыя по ночамъ танцуютъ вокругъ вандомской колонны и кусаютъ ее... Они ругаются надъ нимъ, но все-таки не безъ нѣкотораго уваженія; бросая въ него грязью изъ правой руки, они держатъ въ лѣвой шляпу, которую сняли съ головы...

«Возрожденіе невозможно для той націи, правительство которой не обнаруживаетъ высокой нравственной силы. Эта сила даетъ возрожденіе. Вотъ почему пятнадцатилѣтнее правленіе Наполеона было необходимо; онъ исцѣлилъ больную націю мечомъ и желѣзомъ; его царствованіе было лечебнымъ сезономъ. Онъ былъ Моисеемъ французовъ; какъ Моисей водилъ свой народъ по пустынѣ, чтобы исцѣлить его этимъ моціономъ, такъ Наполеонъ водилъ французовъ по Европѣ...»

Что касается до Людовика-Филиппа, то враги поэта найдутъ въ приведенной статьѣ новый поводъ къ заподозрѣнію его въ продажной лести. Извѣстно, что въ числѣ нападеній, сыпавшихся со всѣхъ сторонъ на Гейне какъ при его жизни, такъ и послѣ смерти, — очень важную роль играло обвиненіе въ томъ, что онъ будто бы былъ продажнымъ писателемъ, такъ-какъ получалъ отъ французскаго правительства пенсію изъ фонда, назначеннаго на содержаніе тайныхъ агентовъ, сыщиковъ и т. п., и вслѣдствіе этого хвалилъ французовъ вообще и правительство Людовика-Филиппа; на основаніи этого факта, извращеннаго самымъ безсовѣстнымъ образомъ, даже такой историкъ литературы, какъ напр. Шерръ, не затруднился назвать Гейне «нравственнымъ негодяемъ». Мы не станемъ и не можемъ останавливаться здѣсь на значеніи этого обстоятельства, предоставляя себѣ когда нибудь вернуться къ нему. Мы спросили бы только этихъ господъ обвинителей: а какъ со-

гласить ихъ указаніе съ тѣмъ, что Гейне такъ симпатически относился къ Людовику-Филиппу уже въ то время, когда на престолѣ Франціи сидѣлъ Наполеонъ III? Тоже объяснить продажностью? То-есть, что Наполеонъ III платилъ за восхваленіе лица, изгнанію котораго онъ былъ обязанъ своимъ воцареніемъ? — А затѣмъ мы попросили бы повнимательнѣе просмотрѣть *всѣ* сочиненія Гейне и сообразить, сколько разъ въ нихъ Людовику-Филиппу достается такъ, какъ могло доставаться только отъ Гейне?... Могли бы мы привести еще не мало другихъ фактовъ, но, повторяемъ, не здѣсь имъ мѣсто...

Ко времени Людовика-Филиппа относится въ посмертныхъ сочиненіяхъ еще одинъ отрывокъ подъ заглавіемъ «Февральская революція». Это — послѣдняя корреспонденція, написанная Гейне для журнала «Allgemeine Zeitung» 3-го марта 1848 г. и почему-то оставшаяся ненапечатанною. Впрочемъ, статья сама по себѣ не особенно замѣчательная и не представляетъ ничего новаго.

«До сихъ поръ — пишетъ Гейне — я не могъ ничего сообщить вамъ о событіяхъ трехъ великихъ февральскихъ дней,— не могъ потому, что голова моя была совершенно ошеломлена. Барабанный бой, выстрѣлы и марсельеза не умолкаютъ. Отъ этой марсельезы, этой нескончаемой пѣсни, у меня почти лопнулъ мозгъ, и ахъ! снова поползла оттуда самая опасная для государства чернь мыслей, которую я давно уже заточилъ тамъ. Чтобы хотя отчасти подавить возмущеніе, происшедшее въ моей душѣ, я повременамъ напѣвалъ мои родныя, нѣмецкія пѣсенки съ патріотично-душеспасительнымъ содержаніемъ... Напрасно! Сатанинская пѣсня заглушала во мнѣ всѣ сладкіе, благородные звуки... Драма, разыгравшаяся въ нашъ бенефисъ въ истекшемъ февралѣ, была уже, кажется, представлена въ томъ же самомъ Парижѣ восьмнадцать лѣтъ тому назадъ, только подъ другимъ заглавіемъ — «іюльская революція». Но хорошую пьесу можно посмотрѣть и два раза. Во всякомъ случаѣ, теперь она явилась въ улучшенномъ и увеличенномъ видѣ; особенно конецъ совершенно новъ, и былъ принятъ съ громкими аплодисментами. Мнѣ на этомъ представленіи досталось очень хорошее мѣсто; я былъ на улицѣ, съ обѣихъ сторонъ загороженной баррикадами. Пробраться домой мнѣ удалось только съ большимъ трудомъ. Здѣсь я имѣлъ случай вполнѣ подивиться способности, которую обнаруживаютъ французы при постройкѣ своихъ баррикадъ. Тѣ укрѣпленія, на постройку которыхъ нѣмецкая основательность употребила бы цѣлые дни, импровизируются здѣсь въ нѣсколько минутъ; точно колдовствомъ, выскакиваютъ они изъ земли, и, глядя на это, думаешь, что тутъ невидимо помогали работѣ подземные духи. Французы—народъ быстроты и ловкости. Героическіе подвиги, совершенные ими въ эти февральскіе дни, тоже возбуждаютъ наше изумленіе, но не должны приводить насъ въ уны-

віе по отношенію къ самимъ намъ. И другіе люди не лишены отваги и энергіи; человѣкъ, по своей натурѣ, храброе животное. Презрѣніе къ смерти, съ которымъ сражались французскіе рабочіе, должно, собственно говоря, удивлять насъ только потому, что оно отнюдь не происходитъ изъ религіознаго чувства, и нисколько не связано съ прекрасною вѣрою въ загробную жизнь, въ которой человѣкъ получаетъ награду за то, что здѣсь на землѣ онъ умеръ за свое отечество. Не меньше и, могу сказать, точно такъ же безкорыстна была честность, выказанная этими бѣдными людьми въ блузахъ и рубищахъ. Да, ихъ честность была безкорыстна, и этимъ отличалась она отъ того торгашескаго разсчета, по которому устойчивая честность доставляетъ больше практики и барышей, чѣмъ удовлетвореніе воровскихъ наклонностей, которое въ концѣ-концовъ не приводитъ ни къ чему хорошему. Немало удивились богатые тому, что бѣдная голь, цѣлыхъ три дня господствовавшая въ Парижѣ, нигдѣ и ни разу не посягнула на чужую собственность. Богачи трепетали за свои денежныя шкатулки, и крайне изумились, когда увидѣли, что у нихъ ничего не украдено. Многимъ приходилась даже не совсѣмъ пò сердцу строгость, обнаруженная народомъ по отношенію къ ворамъ, которыхъ заставали на мѣстѣ преступленія, а нѣкоторые господа почти сердились, когда узнавали, что этихъ воровъ тутъ же разстрѣливали. «При такомъ управленіи—думали они—нельзя вѣдь быть вполнѣ спокойнымъ и за свою жизнь». Разрушилъ разъяренный народъ много, особенно въ Пале-Роялѣ и Тюильри, но не разграбилъ ничего. Только оружіемъ завладѣвалъ онъ вездѣ, гдѣ только находилъ его, а въ упомянутыхъ двухъ королевскихъ дворцахъ народу было позволено тоже брать съѣстные припасы. Одинъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, жившій въ нашемъ домѣ и принимавшій участіе въ битвѣ, принесъ своей больной бабушкѣ горшокъ варенья, завоеванный имъ въ Тюильри. Маленькій герой самъ не коснулся лакомства, и доставилъ горшокъ нераспечатаннымъ. Какъ радовался онъ, когда старушка принялась кушать и расхваливать варенье Людовика-Филиппа, какъ онъ называлъ это лакомство! Бѣдный Людовикъ-Филиппъ! Въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ снова браться за страннический посохъ! И брести куда же? Въ туманно-холодную Англію, гдѣ варенье изгнанія имѣетъ вдвойнѣ горькій вкусъ!»

Выше мы привели нѣсколько отрывочныхъ мыслей о Наполеонѣ. Отрывки эти взяты нами изъ особаго отдѣла, вошедшаго въ томъ посмертныхъ сочиненій Гейне и озаглавленнаго редакторомъ: «Мысли и Экспромты». Это — цѣлый рядъ отдѣльныхъ замѣтокъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, замѣтокъ, писанныхъ въ разное время, и бòльшая часть которыхъ, по указанію Штродтмана, относится къ тридцатымъ и сороковымъ годамъ; только весьма немногія написаны позже.

Этотъ отдѣлъ, какъ и всѣ остальныя прозаическія статьи посмертнаго тома, могутъ быть, кажется безъ ошибки, отнесены ко второй изъ вышеназванныхъ нами категорій, — но отнесены только отчасти въ томъ отношеніи, что почти всѣ эти статьи если не прибавляютъ ничего новаго и къ характеристикѣ Гейне, и въ сокровищницу литературы, то все-таки далеко не представляютъ ничего обиднаго для памяти поэта, и отнюдь не могутъ быть причислены къ балласту, извлекаемому безъ нужды усердными собирателями. Между ними есть даже такія страницы, читая которыя, недоумѣваешь, почему поэтъ рѣшился предать ихъ забвенію. Укажемъ, для примѣра, на отрывки изъ «Путевыхъ картинъ», которые, при жизни автора, не вошли въ знаменитое сочиненіе, носящее это заглавіе. Одинъ изъ нихъ въ высшей степени поэтиченъ; въ немъ мы снова встрѣчаемся съ таинственнымъ мертвецомъ Маріею, о которой такъ часто говоритъ поэтъ. Дѣло происходитъ въ Италіи; поэтъ слушаетъ игру маленькой уличной арфистки... *

«Малютка, вѣроятно, замѣтила — разсказываетъ онъ — что въ то время, какъ она играла и пѣла, я нѣсколько разъ взглядывалъ на ея розу, и дѣвушка лукаво улыбнулась, когда я, по окончаніи ея игры, бросилъ не совсѣмъ мелкую монету на оловянную тарелочку, съ которою она пошла для сбора своего гонораріи.

«Между тѣмъ, наступила ночь, и темнота внесла единство въ мои чувства. Улицы опустѣли, а небо наполнилось звѣздами. Въ этихъ звѣздахъ было столько благоуханія, столько цѣломудрія, столько чистоты, что у меня самаго сдѣлалось на душѣ такъ, какъ у чистой звѣзды. Въ эту минуту ко мнѣ незамѣтно подошла маленькая арфистка и полушутя, полудерзко спросила: «не хочу ли я получить ея розу».

«Я былъ настроенъ, какъ чистая звѣзда, и отвѣчалъ: «нѣтъ». Но роза поблѣднѣла, дѣвушка покраснѣла, изъ арфы вырвался тихій, единственный звукъ, такой болѣзненный, какой можетъ издать только раненая на смерть душа... и я слышалъ уже когда-то этотъ звукъ, и въ то время онъ прозвучалъ такимъ же горькимъ упрекомъ. Печальное воспоминаніе вдругъ охватило меня. Я снова очутился въ полутемной комнатѣ, лампа снова мерцала прежнимъ боязливо-грустнымъ свѣтомъ, я раскрылъ голубыя, полосатыя занавѣски, закрывавшія постель, поцаловалъ губы мертвой Маріи, и изъ ихъ уголковъ вылетѣлъ самъ собою звукъ оставленной арфы, и это былъ тотъ же самый звукъ...

«Съ испугомъ сказалъ я маленькой арфисткѣ: «Ну, хорошо, милое дитя, дай мнѣ твою розу. Хотя она уже и начала вянуть, и пахнетъ не совсѣмъ свѣжо, и хотя розу безъ запаха можно сравнить съ женщиной безъ цѣломудрія, — но это ни-

* См. 2-й т. русскаго изданія Гейне.

чего не значитъ для человѣка, который давно-давно страдаетъ сильнымъ насморкомъ».

«Малютка засмѣялась, и отдала мнѣ свою розу, и это случилось на одной изъ улицъ Тріента, передъ гостиницею della grande Europa, въ виду многихъ тысячъ открытыхъ и еще большаго количества неоткрытыхъ звѣздъ, которыя всѣ должны засвидѣтельствовать, что эта исторія не происходитъ въ моей комнатѣ и не есть какая-нибудь аллегорія.

«Да, дорогой читатель, не думай ничего дурнаго... Звѣзды смотрѣли съ неба такъ свѣтло и цѣломудренно, и свѣтили мнѣ такъ глубоко, глубоко въ сердце... Но въ этомъ сердцѣ трепетало воспоминаніе о мертвой Маріи. Я давно уже не думалъ о ней, и теперь въ Тріентѣ, едва я ступилъ ногой на итальянскую почву, образъ ея снова выплылъ на поверхность моей души, и мнѣ казалось, что она, живая, стоитъ передо мною, и говоритъ мнѣ: «Отчего вы не взяли меня съ собою въ Италію, какъ обѣщали?»—«Но, дитя мое—отвѣчалъ я какъ будто сквозь грезы—вѣдь вы умерли». — «Дорогой другъ, немножечко умереть — пустяки; это не мѣшаетъ дѣлу». — «Но какимъ образомъ пожаловали вы сюда? Я думалъ, что буду имѣть удовольствіе свидѣться съ вами не раньше, какъ черезъ нѣсколько мильйоновъ лѣтъ... Или, можетъ быть, эти мильйоны уже пролетѣли? Господи, какъ скоро проходитъ время!»

«Ахъ, нѣтъ, любезный читатель, не Марію видѣлъ я исповѣдовавшеюся въ соборѣ; я не на столько суевѣренъ, чтобы думать, что мертвецы выходятъ изъ могилъ для того, чтобы исповѣдью очистить себя отъ послѣднихъ грѣховъ любви — грѣховъ ничтожныхъ, и въ которыхъ они нисколько неповинны. Но, во всякомъ случаѣ, странно, что нѣмецкая любовь преслѣдуетъ въ Италію, какъ привидѣніе, даже самаго разумнаго человѣка, и что именно я, любезный читатель, немедленно по пріѣздѣ моемъ въ теплую, цвѣтущую Италію, долженъ разсказывать тебѣ исторію, происходящую въ нѣмецкій зимній вечеръ, когда холодный сѣверный вѣтеръ свистѣлъ въ трубѣ и колотилъ снѣжными хлопьями объ окна. Но въ комнатѣ, гдѣ происходитъ эта исторія, и гдѣ я сидѣлъ одинъ съ Маріею— ахъ! тамъ было благоуханно-тепло, каминъ горѣлъ привѣтливо, одѣтые полусумракомъ цвѣты возвышались въ свѣтлыхъ горшкахъ, ласковыя изображенія святыхъ покрывали стѣны. А Марія сидѣла у фортепіано и играла старую итальянскую мелодію. Голова ея была наклонена; свѣча, стоявшая передъ нею, бросала удивительно милый свѣтъ на ея маленькую руку, и я стоялъ противъ нея, смотрѣлъ на эти движущіяся руки, на каждую ямочку, каждую жилку ихъ... Между тѣмъ, звуки такъ задушевно и тепло проникали въ мое сердце; я стоялъ и былъ полонъ невыразимо-блаженныхъ грезъ... Звуки становились все полнѣе и побѣдительнѣе, по временамъ снова расплываясь

въ побѣжденную покорность; я умиралъ, я жилъ, и снова умиралъ; вѣчности съ шумомъ проносились мимо меня, и когда я проснулся, она кротко стояла передо мною, и голосомъ, отъ котораго дрожь пробѣжала по моимъ жиламъ, просила, чтобы я надѣлъ на ея пальцы кольца, снятыя ею во время игры на фортепіано. Я исполнилъ эту просьбу, и при каждомъ кольцѣ говорилъ чтò-нибудь. Надѣвая рубиновое кольцо, я сказалъ: «любите меня не иначе, какъ безусловно»; сафировое — «будьте мнѣ всегда вѣрны»; брильянтовое — «будьте всегда такъ чисты, какъ теперь»; и, наконецъ, я прижалъ всю руку къ моимъ губамъ, и сказалъ: «Марія, отчего во вчерашнемъ концертѣ вы постоянно избѣгали встрѣчи со мною и ни разу не взглянули на меня?» А она отвѣчала мнѣ мягкимъ голосомъ: «останемся добрыми друзьями».

«Но все то, чтò я разсказываю тебѣ здѣсь, любезный читатель, произошло не вчера и не третьяго дня, и цѣлыя тысячелѣтія, нѣсколько тысячъ тысячелѣтій протекутъ прежде, чѣмъ эта исторія получитъ развязку, несомнѣнно хорошую развязку! Потому что знай — время безконечно, но вещи въ этомъ времени, осязательныя тѣла — имѣютъ начало и конецъ; онѣ могутъ, правда, дробиться на мельчайшія частицы, но эти частицы, атомы, имѣютъ свое опредѣленное количество, и опредѣленно также количество образовъ, создающихся изъ ихъ соединенія. И сколько бы времени ни продолжалось это раздробленіе, но рано или поздно, по вѣчнымъ комбинаціоннымъ законамъ этого вѣчнаго броженія, всѣ образы, уже существовавшіе на нашей землѣ, должны снова встрѣчаться, притягивать и отталкивать другъ друга, цаловаться, губить одинъ другаго, какъ было прежде и будетъ потòмъ... И такимъ образомъ случится когда-нибудь, что снова родится на свѣтъ мужчина, точно такой, какъ я, и родится женщина, точно такая, какъ Марія; только въ головѣ мужчины, надо надѣяться, будетъ меньше безумія, и встрѣтятся они оба въ лучшей странѣ, и будутъ долго смотрѣть другъ на друга, и женщина протянетъ, наконецъ, мужчинѣ руку и скажетъ: «останемся добрыми друзьями!»

«Но, увы! до этого еще далеко», думалъ я въ то время, когда стоялъ на кровати, на которой лежала мертвая Марія, прекрасное, блѣдное тѣло, кроткія, безмолвныя губы. Я попросилъ старую женщину, которую взяли сидѣть надъ трупомъ, пойти спать въ сосѣднюю комнату и предоставить мнѣ свою должность; потому что была уже полночь, а такой старухѣ, съ такими красными вѣками, нуженъ покой. Не знаю, чтò значилъ косвенный взглядъ, который она бросила на меня, выходя изъ комнаты; но этотъ взглядъ сильно испугалъ меня. Маленькое пламя лампы дрожало; ночныя фіалки, стоявшія на столѣ, пахнули все тоскливѣе и тоскливѣе»...

Изъ другихъ дополненій къ «Путевымъ картинамъ», вошедшимъ въ составъ посмертнаго тома, лучше и характеристичнѣе другихъ тѣ, въ которыхъ авторъ говоритъ о своихъ соотечественникахъ. Но съ ними, а равно и съ остальнымъ составомъ этого тома, мы познакомимся въ слѣдущемъ мѣсяцѣ.

П. Вейнбергъ.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О БРАЧНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ БАЙРОНА.

(«Unsere Zeit». № 1, 1870).

Въ біографіи Байрона, однимъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ представляется его женитьба. Въ 1815 г. совершился его бракъ съ дѣвушкою изъ аристократическаго семейства, миссъ Мильбенкъ, а черезъ годъ съ небольшимъ поэтъ уже писалъ свое знаменитое стихотвореніе «Прости, и если навсегда, то навсегда прости!», обращенное къ женѣ, съ которой онъ разошелся — и разошелся, дѣйствительно, навсегда. Извѣстно, съ какимъ ужасомъ возмущаемаго цѣломудрія смотрѣла чопорно-добродѣтельная англійская аристократія на Байрона, представлявшагося ей олицетвореніемъ чуть-ли не всѣхъ сатанинскихъ пороковъ; разлука его съ женой только усилила это впечатлѣніе. Къ женѣ отнеслись какъ къ несчастной, благородной жертвѣ распутства и деспотическаго произвола; въ «мучителя» посыпались всевозможныя проклятья. Возмущенный, истерзанный, поэтъ бросилъ, какъ извѣстно, свое отечество, пошелъ въ полу-добровольное, полувынужденное изгнаніе, а чрезъ нѣсколько лѣтъ его уже не было на свѣтѣ; онъ умеръ подъ чужимъ небомъ, сражаясь за освобожденіе своего отечества. Жена многими годами пережила его; она умерла только въ 1860 г.

Но вопросъ объ отношеніяхъ Байрона къ женѣ, о причинѣ вѣчной разлуки, всегда оставался окруженнымъ таинственностью. Самъ поэтъ до конца своей жизни утверждалъ, что настоящая причина этого обстоятельства неизвѣстна ему, такъ-какъ жена первая изъявила желаніе разойтись и постоянно, даже живя на чужбинѣ, требовалъ, чтобъ оно было гласно изслѣдовано и разъяснено; жена тоже хранила упорное молчаніе, несмотря на всѣ просьбы и разспросы. Когда, въ 1829 г., вышла извѣстная біографія поэта, написанная Томасомъ Муромъ, ее отдали леди Байронъ, съ просьбою сдѣлать поправки или дополненія, какія окажутся нужными по ея мнѣнію. Она представила съ своей стороны изложеніе происшествій, относившихся къ роковому 1816 г., — изложеніе, расходившееся въ нѣкоторыхъ подробностяхъ съ фактами, которые были сообщены Томасомъ Муромъ; но главнѣйшій пунктъ, таинственная причина семейной

катастрофы — былъ, попрежнему, обойденъ ненарушимымъ молчаніемъ. Въ публикѣ продолжали ходить самые разнорѣчивые слухи. Сначала, какъ мы сказали, вся масса проклятій обрушилась на поэта; мало по малу, подъ обаяніемъ геніальныхъ произведеній, которыми Байронъ обогащалъ міръ, стала образовываться реакція противъ этого обвинительнаго приговора; — реакція эта особенно усилилась послѣ героической, мученической смерти поэта. Цѣломудренное пуританство, правда, не потеряло своихъ представителей; не только въ обществѣ, но и въ литературѣ раздавались попрежнему голоса, вопіявшіе противъ безнравственной жестокости чудовища — Байрона; находились критики, какъ напр. Маколей, употреблявшіе всѣ усилія къ тому, чтобы разрушить романтическій ореолъ, которымъ окружила поэта смерть его, и не только унижавшіе достоинство его поэтическихъ произведеній, но и бичевавшіе, какъ пагубное нравственное заблужденіе, поклоненіе его генію, снисходительный взглядъ на его моральные недостатки. Съ другой стороны было много людей, смотрѣвшихъ на дѣло иначе. Этимъ людямъ недостатки поэта казались совершенно искупленными его смертью; образъ его возставалъ передъ ихъ глазами въ мрачномъ блескѣ своего генія, озаренный восходящими лучами свободы, на служеніе которой онъ отдалъ жизнь свою. Что касается до леди Байронъ, то эти люди смотрѣли на нее, какъ на узко-сердечную, ограниченную женщину, которая измѣряла рутиннымъ масштабомъ мѣщанской морали человѣка съ необыкновенною душою, и холодное, черствое сердце которой, несмотря на разныя другія добродѣтели ея, было чуждо женственному чувству всепрощенія... Но толки только оставались толками. Леди Байронъ жила въ совершенномъ одиночествѣ и хранила въ душѣ тайну; ее же она унесла и въ могилу. Это послѣднее, какъ выше упомянуто, случилось въ 1860 г. Газеты коротко извѣстили о ея смерти и напомнили публикѣ о замѣчательнѣйшихъ эпизодахъ ея жизни. Съ разныхъ сторонъ послышались похвалы благородной безропотности, съ которою эта женщина переносила свою печальную участь, незапятнанной чистотѣ ея характера, благотворительности, которой она, до послѣдней минуты, посвящала всю свою дѣятельность. Но напрасно ожидали многіе, что по крайней-мѣрѣ таинственная исторія ея отношеній къ мужу будетъ разъяснена. Дѣлу, повидимому, предстояло быть сданнымъ на вѣчныя времена въ архивъ, — какъ вдругъ, въ сентябрѣ прошедшаго года, одна журнальная статья извѣстной американской писательницы Бичеръ-Стоу, автора «Хижины дяди Тома», снова возбудила замолкнувшій-было вопросъ и надѣлала въ англійскомъ обществѣ и литературѣ много шуму.

Сущность этой статьи заключается въ слѣдующемъ:

Въ 1856 г. Бичеръ-Стоу получила отъ леди Байронъ, съ которою она познакомилась еще въ 1853 г., письменное приглаше-

ніе—пріѣхать къ ней на дачу, находившуюся около Лондона, для переговоровъ объ одномъ важномъ дѣлѣ. Бичеръ-Стоу нашла вдову поэта очень больною, почти при смерти и занятою мыслью о необходимости привести въ порядокъ всѣ свои земныя дѣла передъ отходомъ въ вѣчность. Фактъ, послужившій поводомъ къ этому свиданію, весьма любопытенъ, какъ характеристика извѣстной части лондонскаго общества и ея отношеній къ великому поэту. Въ это время было объявлено о скоромъ выходѣ въ свѣтъ дешеваго изданія сочиненій Байрона,— дешеваго для того, чтобы и вся масса публики могла ознакомиться съ ними. Предвидя, что патетическіе эпизоды семейной драмы поэта должны много способствовать къ распространенію популярности этихъ произведеній, друзья леди Байронъ обратились къ ней съ вопросомъ: не считаетъ ли она себя отвѣтственною предъ обществомъ за правду, хорошо ли она поступитъ, если отвѣтитъ молчаніемъ на вещи, несомнѣнная ложь которыхъ ей вполнѣ извѣстна, и этимъ допуститъ сочиненія ея мужа произвести сильное впечатлѣніе на умъ и сердце народа? Въ виду этихъ настояній, леди Байронъ, по свидѣтельству Бичеръ-Стоу, рѣшилась разсказать всю свою семейную исторію такому лицу, которое было бы чуждо въ этомъ отношеніи всѣхъ личныхъ и мѣстныхъ взглядовъ и чувствъ, не принадлежало бы ни къ англійскому народу, ни къ тому сословію, среди котораго разыгралась эта семейная драма; леди Байронъ надѣялась, что только такое лицо можетъ высказать въ этомъ дѣлѣ совершенно безпристрастное мнѣніе и съ этимъ послѣднимъ хотѣла сообразоваться въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

На этомъ свиданіи, которое, по словамъ Бичеръ-Стоу, «своею торжественностью было похоже на исповѣдь умирающаго», авторъ «Хижины дяди Тома» услышалъ много интересныхъ подробностей. Краткими и ясными чертами обрисовала леди Байронъ жизнь своего мужа, обрисовала въ томъ видѣ, въ какомъ эта жизнь сложилась въ ея умѣ послѣ долгихъ размышленій и соображеній. Она указала на наслѣдственныя обстоятельства, сдѣлавшія изъ Байрона исключительную и раздражительную до бѣшенства натуру. Она говорила о его печальномъ дѣтствѣ, ученическихъ годахъ и вліяніи, оказанномъ на такой характеръ, какимъ былъ онъ, классическаго образованія, которое давали ему въ дѣтствѣ, по установленному обыкновенію. Рѣзкими красками изобразила она внутреннюю жизнь молодыхъ людей того времени и указала на то, что привычки и склонности, не оказывавшія особенно гибельнаго вліянія на товарищей ея мужа, людей здоровыхъ нравственно и физически, на Байрона дѣйствовали крайне пагубно, страшно разстроили его нервы и усилили наслѣдственную болѣзнь души. По ея мнѣнію, Байронъ былъ одною изъ тѣхъ несчастныхъ натуръ, въ которыхъ такъ мало равновѣсія между природными и умственными силами, что онѣ постоянно находятся въ опасности окончиться

полнымъ помѣшательствомъ; и дѣйствительно, по ея словамъ, онъ, въ разные моменты своей жизни, подпадалъ до такой степени вліянію этого неравновѣсія, что на него нельзя было смотрѣть, какъ на человѣка, способнаго вполнѣ отвѣтствовать за свои дѣйствія. Затѣмъ, она разсказала о своемъ первомъ знакомствѣ съ Байрономъ, о ихъ свадьбѣ, о бурныхъ дняхъ ихъ брачнаго сожительства, объ открытіи ею страшной тайны, навѣки разрушившей ея существованіе, о рожденіи дочери, наконецъ, о разлукѣ, послѣдовавшей потому, что всѣ ея усилія— вырвать мужа изъ сѣтей страшнаго преступленія, остались тщетными.

Въ заключеніе разсказа, леди Байронъ передала Бичеръ-Стоу рукопись, въ которой заключалось систематическое изложеніе всего, что она сообщила устно. Наша писательница, послѣ нѣскольких дней обдумыванія, посовѣтовала леди Байронъ обнародовать эту тайну только по своей смерти, и, съ этою цѣлью, сообщить всѣ факты, въ подробности, нѣсколькимъ довѣреннымъ лицамъ, съ порученіемъ — сдѣлать ихъ извѣстными тогда, когда ея уже не будетъ на свѣтѣ...

Но прошло девять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ умерла леди Байронъ, а желанные документы все не являлись на свѣтъ. Какъ ни грустно было это обстоятельство для Бичеръ-Стоу, съ благоговѣніемъ смотрѣвшей на умершую, которая, по ея словамъ, была одною изъ замѣчательнѣйшихъ личностей нынѣшняго столѣтія, — но, можетъ быть, открытіе, сообщенное леди Байронъ, и до сихъ поръ осталось бы неизвѣстнымъ, еслибъ въ появившейся въ 1868 г. книгѣ «Воспоминаніе о лордѣ Байронѣ», исторія его супружескихъ отношеній не была снова разсказана во всѣхъ подробностяхъ, уже извѣстныхъ, причемъ всѣ симпатіи автора прямо относились къ поэту. Что касается до леди Байронъ, то она представлялась здѣсь холодною, узкосердечною, математически-правильною доньею Инецъ «Донъ-Жуана», женщиною, которая принесла счастіе своего мужа въ жертву своимъ мелкимъ общественнымъ предразсудкамъ, а главная вина которой состояла въ томъ, что она всю жизнь упорно скрывала тайную причину этой семейной разлуки...

Тогда-то Бичеръ-Стоу сочла своимъ долгомъ выступить въ защиту жены поэта съ тѣми документами, которые были у нея въ рукахъ. Этимъ и объясняется появленіе въ англійскомъ журналѣ вышеозначенной статьи.

Тайна, которую открыла здѣсь американская писательница, была такого рода, что не могла не произвести сильнѣйшаго впечатлѣнія на добродѣтельное англійское общество: Байронъ, устами умершей жены, обвинялся въ преступной связи съ своею родною сестрой, — связи, которая и сдѣлала невозможнымъ дальнѣйшее сожительство съ нимъ жены.

По разсказу Бичеръ-Стоу эти отношенія между Байрономъ и

его сестрою (извѣстною Августою, къ которой поэтъ написалъ столько удивительнѣйшихъ стихотвореній), начались въ промежуткѣ между двумя предложеніями, которыя онъ дѣлалъ своей женѣ. Въ первый разъ она отказала ему, усомнясь въ своей способности сдѣлаться для него тѣмъ, чѣмъ, по ея мнѣнію, должна была быть жена такого человѣка. Это было въ 1813 г. Несмотря на отказъ, между молодыми людьми завязалась дружеская переписка, и миссъ Мильбенкъ все болѣе и болѣе привязывалась къ отвергнутому ею человѣку. Но въ это время Байронъ, на нѣсколько мѣсяцевъ погрузившійся въ чистую, безпорочную жизнь, снова предался всевозможному разврату и наконецъ, дошелъ до преступной связи съ родной сестрой. Сознаніе вины, раскаяніе, боязнь быть открытымъ, стали невыносимо терзать его. Друзья и близкіе видѣли эти терзанья и, не догадываясь о причинѣ ихъ, приписывали это состояніе просто безпорядочной, распутной жизни; вслѣдствіе этого, къ нему со всѣхъ сторонъ стали приставать съ просьбами жениться, т.-е. бросить якорь въ той гавани, въ которой, по ихъ словамъ, обрѣталъ спокойствіе и счастіе уже не одинъ заблудшійся и видимо погибшій. Въ минуту безъисходнаго отчаянья, поэтъ схватилъ перо и написалъ въ одно и то же время двумъ женщинамъ, что проситъ ихъ руки. Одна изъ нихъ отказала ему, другая приняла предложеніе; это была миссъ Мильбенкъ, будущая жена поэта.

Уже съ первыхъ минутъ (мы продолжаемъ держаться изложенія Бичеръ-Стоу) бѣдная женщина увидала, какая жизнь предстоитъ ей. Не успѣли захлопнуться за новобрачными дверцы кареты, уносившей ихъ изъ церкви домой, какъ Байронъ бѣшено крикнулъ молодой женѣ: «Вы могли избавить меня отъ этого несчастія! Когда я въ первый разъ сдѣлалъ вамъ предложеніе, все было въ вашихъ рукахъ. Въ то время вы могли сдѣлать изъ меня все, что̀ было бы вамъ угодно; но теперь вы скоро убѣдитесь, что вышли замужъ за дьявола!» Несчастная не подозрѣвала еще, какую страшную тайну прійдется узнать ей; но она уже теперь убѣдилась, что счастіе ея разбито. Тѣмъ не менѣе, надо было или примириться съ дѣйствительностью, или постараться измѣнить ее. Къ этому послѣднему устремила она всѣ свои силы: она ухаживала за нимъ, успокоивала его, хотѣла осязательными фактами показать ему, что онъ можетъ найти въ ней дѣйствительную подругу жизни. И въ самомъ дѣлѣ, въ сочиненіи Томаса Мура находимъ указанія самаго Байрона на то, что онъ рѣдко встрѣчалъ болѣе безмятежное, добродушное, пріятное и милое созданіе, чѣмъ его жена; да и леди Байронъ не скрыла отъ Бичеръ-Стоу, что въ бурныхъ дняхъ ихъ сожительства нерѣдко встрѣчались незабвенные часы истиннаго блаженства.

Но вдругъ открылась передъ нею страшная тайна. И что же? она снова нашла въ себѣ силу не только перенести это несчастіе, но и стараться уничтожить его. Она рѣшилась не оставить заблудшихся и употребить всѣ усилія къ возвращенію

ихъ на путь истины. Началась для нея жизнь, полная невыразимыхъ мученій. Байронъ сопротивлялся ей всею силою своей софистики, отвергалъ христіанскій законъ, какъ авторитетъ, которому слѣдовало подчиняться, отстаивалъ право всякаго человѣка слѣдовать побужденіямъ собственной натуры. Видя, что его софизмы не дѣйствуютъ на свѣтлый разсудокъ жены, поэтъ началъ указывать ей на удобство супружескихъ отношеній на европейскомъ материкѣ, гдѣ мужчина и женщина сходятся для того, чтобы взаимно прикрывать свои тайные грѣхи, — и наконецъ далъ ей понять, что только при такомъ условіи она могла бы разсчитывать на мирную и дружескую жизнь съ нимъ. Когда же и эта попытка не удалась, онъ рѣшился отдѣлаться отъ непокорной. Именно въ это время (въ декабрѣ 1815 г.), родилась у нихъ дочь Ада. Какъ въ предшествовавшіе этому рожденію мѣсяцы, такъ и во время родовъ, Байронъ обращался съ женою крайне неделикатно и грубо, тревожилъ ее, пугалъ выдуманными извѣстіями.... А 6-го января 1816 г. она уже получила отъ него письмо, въ которомъ онъ приказывалъ ей, поскорѣе оставить его домъ, такъ-какъ (эти слова передаетъ Бичеръ-Стоу), «онъ и не можетъ и не хочетъ долѣе держать ее при себѣ». Леди Байронъ давно уже считала своего мужа или совершенно помѣшаннымъ, или близкимъ къ сумасшествію; въ іюлѣ 1815 г. она совѣтовалась на этотъ счетъ съ своимъ докторомъ, Бальи, и тотъ, не высказывая положительнаго мнѣнія, нашелъ однако, что временная разлука обоихъ супруговъ была бы очень полезна для больнаго; въ то же время онъ совѣтовалъ леди Байронъ, въ перепискѣ съ мужемъ во время этой разлуки, говорить только о легкихъ успокоительныхъ вещахъ, избѣгая всего, что̀ могло бы хоть слегка раздражить его. Получивъ вышеупомянутое письмо отъ 6-го января, она рѣшилась послѣдовать совѣту доктора и назначила свой отъѣздъ на 15-е января. Наканунѣ этого дня она вошла въ комнату мужа и застала тамъ его и «сообщницу его преступленій». Бѣдная женщина протянула ему руку и сказала: «Байронъ, я пришла проститься». Поэтъ, по словамъ Бичеръ-Стоу, заложилъ руки за спину, подошелъ къ камину и съ саркастическою улыбкой спросилъ: «когда мы трое снова встрѣтимся?» — «Вѣроятно въ небѣ», — отвѣчала леди Байронъ, и это были послѣднія слова ея мужу...

Поступая такъ безчеловѣчно, Байронъ не ожидалъ, конечно, такого громкаго и рѣзкаго протеста, какимъ встрѣтило его общество. Увидѣвъ невозможность побѣдить эту оппозицію и мучимый въ то время страхомъ, что постыдная интрига его будетъ открыта, онъ покинулъ родину, отправился въ Швейцарію и въ этомъ же году написалъ «Манфреда.» «Всякій — пишетъ Бичеръ-Стоу — кто будетъ читать эту трагедію, не упуская изъ виду разсказанной нами исторіи, согласится, что она взята прямо изъ жизни автора... Герой ея — мрачный ми-

зантропъ, мучимый раскаяніемъ и угрызеніями совѣсти при воспоминаніи о кровосмѣсительной страсти, которою онъ погубилъ душу и тѣло своей сестры; а что авторъ очень хорошо сознавалъ свое преступленіе и произносилъ надъ нимъ строгій приговоръ, это доказываютъ многія мѣста названной трагедіи». Затѣмъ американская писательница указываетъ на сочиненіе Томаса Мура, какъ на собраніе фактовъ, свидѣтельствующихъ, что послѣдующая жизнь Байрона была постоянною цѣпью позорныхъ дѣлъ, въ числѣ которыхъ немаловажную роль играетъ и безпутная растрата имущества, отданнаго въ его распоряженіе женою.—Что касается до послѣдующей жизни этой послѣдней, то американская писательница представляетъ ее рядомъ христіанскихъ подвиговъ благотворительности и любви. Она является въ этомъ разсказѣ основательницею многихъ школъ для бѣдныхъ, утѣшительницею страждущихъ, неусыпною воспитательницею своей дочери Ады, которая наслѣдовала отъ отца не только блистательныя дарованія, но и раздражительность, часто доходившую до крайнихъ предѣловъ. Когда Ада умерла, леди Байронъ сдѣлалась второю матерью для ея дѣтей. Впослѣдствіи она примирилась также и съ сестрой Байрона, виновницей своихъ несчастій; подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ ея, эта заблудшаяся женщина снова вернулась на путь истины, и леди Байронъ закрыла ей глаза съ словами утѣшенія и любви. Ту же самую нѣжность обнаруживала она въ отношеніи къ «несчастному плоду грѣха», дитяти, родившемуся отъ преступной связи Байрона съ сестрою... «Ни въ одномъ женскомъ сердцѣ—такъ заканчиваетъ Бичеръ-Стоу свой разсказъ — никогда не было болѣе божественной силы вѣры и любви... Говоря съ нею, казалось, что слышишь рѣчи святаго праведника. Она была кротка, незлобива, доступна всякому, какъ дитя; съ глубочайшею симпатіею относилась она къ заботамъ, печалямъ и интересамъ всѣхъ приближавшихся къ ней; главное же достоинство ея заключалось въ свѣтломъ умѣ, который и въ самыхъ мельчайшихъ вещахъ никогда не принималъ несправедливости за нравственное право, но въ то же время былъ на столько кротокъ, что снисходилъ ко всякой слабости и относился съ состраданіемъ къ каждому проступку. Она принадлежала къ тѣмъ немногимъ друзьямъ, съ которыми не разлучаетъ насъ никакое отсутствіе ихъ, и одно существованіе которыхъ въ этомъ свѣтѣ служитъ уже помощью для всякой благородной мысли, поддержкою для всякой достойной цѣли, утѣшеніемъ для всякой скорби!»

Таковъ разсказъ Бичеръ-Стоу. И изъ группировки сообщаемыхъ ею фактовъ, и изъ разсужденій, которыми она сопровождаетъ это фактическое изложеніе, ясно видно, куда клонятся симпатіи автора. Леди Байронъ вездѣ окружена ореоломъ благородной страдалицы, онъ — вездѣ является «чудовищемъ разврата и порока», неимѣющимъ въ свою пользу никакихъ

оправданій, никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Разсказъ написанъ какъ бы по предвзятой теоріи, въ силу которой напирается на тѣ факты, которые могутъ служить ей подтвержденіемъ, и пропускаются или извращаются тѣ изъ нихъ, которые опровергаютъ ее и заставляютъ невольно усомниться въ справедливости разсказа. Такъ, напримѣръ, Бичеръ-Стоу настаиваетъ на томъ, что не леди Байронъ оставила своего мужа, а онъ прогналъ ее, тогда какъ въ своихъ замѣчаніяхъ на сочиненіе Томаса Мура, леди Байронъ положительно заявляетъ, что она оставила Лондонъ по совѣту своего врача, Бальи; что касается до вышеприведенныхъ словъ Байрона, что «онъ не можетъ и не хочетъ долѣе держать ее при себѣ», то въ подлинности ихъ нельзя быть убѣжденнымъ по одному только разсказу американской писательницы. Далѣе, еслибы дѣйствительно справедлива была та прощальная сцена, которую мы привели со словъ Бичеръ-Стоу, то чѣмъ же объясняются послѣдующія за этою разлукой обстоятельства, о которыхъ совершенно умалчиваетъ разсказчица, — какъ напр. веселыя письма, которыя писала леди Байронъ своему мужу, приглашеніе ея матери, чтобы онъ пріѣхалъ въ деревню къ женѣ и т. п.? — Мы читали также указаніе Бичеръ-Стоу на «Манфреда», какъ на доказательство его преступленія; но въ то же время она нѣсколько разъ повторяетъ о боязни быть открытымъ, которая мучила поэта. Какъ же согласить такое противорѣчіе? Человѣкъ самъ скрываетъ старательнѣйшимъ образомъ свою вину, и самъ же дѣлаетъ на нее весьма ясные намеки? — Наконецъ, вотъ еще одно обстоятельство весьма темнаго свойства: Бичеръ-Стоу объявляетъ, что она получила отъ леди Байрона обстоятельную рукопись; но этой рукописи въ подлинникѣ не печатаетъ, а излагаетъ ее въ собственной редакціи, до такой степени испещряя разсказъ своими соображеніями, намеками и выводами, что невозможно рѣшить — что̀ принадлежитъ лично ей и что̀ — леди Байронъ...

Какъ бы то ни было, а статья американской писательницы надѣлала много шуму. Образовались два лагеря. Одинъ повѣрилъ Бичеръ-Стоу на̀ слово и вооружился противъ «безнравственнаго поэта» всею силою пуританской добродѣтели. Нѣкоторыя газеты, какъ напр. «Times» и «Saturday Review», прямо и положительно объявили, что съ этихъ поръ на имя Байрона легло клеймо вѣчнаго позора и отверженія, и даже возбудили удивительный вопросъ — не слѣдуетъ ли истребить въ англійскихъ умахъ всякое воспоминаніе объ этомъ человѣкѣ, не слѣдуетъ ли, для блага міра, рѣшиться никогда не раскрывать его сочиненій. Другой лагерь положительно призналъ открытіе, сдѣланное Бичеръ-Стоу, ложнымъ и наполнилъ газеты и журналы опроверженіями, основанными на такихъ фактахъ, что не довѣрять имъ довольно трудно. Мы укажемъ на главнѣйшія изъ нихъ.

Въ томъ же самомъ «Times», который произнесъ такой замѣчательный смертный приговоръ величайшему изъ поэтовъ,— появилось, спустя нѣсколько дней, письмо адвоката леди Байронъ, изъ котораго видно, что она, за нѣсколько дней до своей смерти, сдала всѣ свои рукописи троимъ, назначеннымъ ею, душеприкащикамъ, и что г-жа Бичеръ-Стоу въ числѣ ихъ не находилась. Что касается до разсказа этой послѣдней, то адвокатъ прямо объявляетъ его «неполнымъ, недостовѣрнымъ и напечатаннымъ безъ разрѣшенія покойной». — Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, появилось въ газетахъ новое письмо — лорда Вентворта, внука Байрона, по дочери его Адѣ. Онъ заявляетъ, что три года тому назадъ нашелъ въ бумагахъ леди Байронъ ея собственноручную замѣтку объ отношеніяхъ къ мужу, но въ этой замѣткѣ, по словамъ лорда, — нѣтъ такого тяжелаго обвиненія, какое взваливаетъ на поэта Бичеръ-Стоу. «И вообще — пишетъ Вентвортъ — разсказъ ея совершенно противорѣчитъ тому, что̀ я вычиталъ въ различныхъ письмахъ леди Байронъ. Леди Байронъ, въ своей собственной, вышеупомянутой замѣткѣ, говоритъ, что эту послѣднюю можно обнародовать не прежде, какъ показавъ ее одному лицу, читавшему сожженные мемуары лорда Байрона, для того, чтобы по нимъ это лицо могло исправить ея погрѣшности, если таковыя окажутся. Весь разсказъ Бичеръ-Стоу невѣренъ».

Въ сентябрьскихъ нумерахъ того же «Times» лордъ Линдзей напечаталъ замѣтки своей бабушки, леди Барнардъ, одной изъ самыхъ близкихъ пріятельницъ жены Байрона. Она видѣлась съ этою послѣднею въ маѣ 1816 г., черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ супруги разъѣхались, и тогда же записала все, что̀ разсказала ей по свѣжей памяти леди Байронъ. Этотъ разсказъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Байронъ нерѣдко обращался съ женою жестоко, холодно, неделикатно, что уживаться съ нимъ было весьма мудрено вслѣдствіе безпрерывной, дикой перемѣнчивости въ его расположеніи духа и постоянной склонности его мистифировать другихъ по отношенію къ себѣ, и что, наконецъ, леди Байронъ не была женщиною, способною понимать такой холерически-меланхолическій, дикій и неукротимый характеръ. Но точно также неопровержимо доказываетъ этотъ разсказъ, что разошлись они совсѣмъ не изъ-за такого преступленія, въ какомъ обвиняетъ поэта Бичеръ-Стоу... Свѣдѣнія, сообщаемыя Анною Барнардъ, крайне интересны и сами по себѣ, и какъ объясненіе многихъ подробностей, обнародованныхъ Бичеръ-Стоу. Такъ, напримѣръ, она разсказываетъ, что когда однажды леди Байронъ обратилась къ мужу съ горькими словами: «ахъ, Байронъ, Байронъ, какъ ты мучишь меня!» онъ назвалъ себя помѣшаннымъ и съ такимъ отчаяніемъ бросился къ ея ногамъ, что она не могла не почувствовать къ нему искренняго состраданія, хотя впослѣдствіи пришла къ убѣжденію, что какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ,

его отчаяніе было притворное. Другая характеристическая сцена произошла въ одинъ изъ вечеровъ, когда Байронъ, какъ онъ часто самъ сознавался, вернулся домой изъ «вертепа порока».— «Онъ увидѣлъ меня — такъ разсказывала леди Байронъ Аннѣ Барнардъ — такою гордою, такъ сосредоточенно-спокойною, что имъ овладѣлъ, повидимому, припадокъ раскаянія. Онъ называлъ себя чудовищемъ, *несмотря на то, что сестра его была тутъ же*, и бросился къ моимъ ногамъ, съ отчаяніемъ восклицая, что я не могу, не могу простить ему такихъ поступковъ, что онъ навсегда потерялъ меня. Потрясенная такимъ возвратомъ добрыхъ чувствъ, я заплакала и сказала: «все забыто, Байронъ, больше ты никогда не услышишь отъ меня объ этомъ!» Вдругъ онъ вскочилъ, скрестилъ на груди руки, посмотрѣлъ на меня и громко расхохотался. «Что это значитъ», спросила я.— «Ничего больше, какъ философскій экспериментъ; я хотѣлъ только испытать силу твоей рѣшимости»... Самъ Байронъ впослѣдствіи сознавался Томасу Муру, что жена, никогда не умѣвшая или не хотѣвшая понимать его, всегда принимала за припадки помѣшательства его мистификаціи, къ которымъ онъ чувствовалъ болѣзненную склонность... Но среди всѣхъ этихъ подробностей, выставляющихъ въ яркомъ свѣтѣ личность поэта, леди Барнардъ не только не упоминаетъ ни о чемъ похожемъ на тѣ отношенія къ сестрѣ, о которыхъ говоритъ Бичеръ-Стоу, но, напротивъ того, сообщаетъ еще такіе факты, которые приводятъ къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ. Такъ, напримѣръ, леди Байронъ разсказывала ей, что мужъ неодновратно пытался поколебать и ея нравственные принципы, развратить и ея добродѣтель, и что она, видя передъ собою такую бездну, приблизила къ себѣ сестру Байрона, какъ охранительницу, какъ защиту. Довольно мудрено согласить это показаніе съ разсказомъ Бичеръ-Стоу.

Еще болѣе многозначительны обнародованныя, тоже по поводу этого разсказа, письма леди Байронъ къ той самой женщинѣ, которую авторъ «Хижины дяди Тома» выставляетъ главною виновницею несчастія жены поэта, то-есть къ его сестрѣ. Письма эти были писаны непосредственно передъ разлукой супруговъ и послѣ нея. Первое письмо помѣчено 15-го января 1816 г., то-есть тѣмъ днемъ, когда леди Байронъ уѣхала изъ дома своего мужа, гдѣ въ то время жила и сестра. «При тѣхъ обстоятельствахъ, которыя предстоятъ намъ — пишетъ она сестрѣ — я не хочу просить тебя оставаться въ этомъ домѣ, хотя бы одной минутой долѣе, чѣмъ ты сама этого пожелаешь. Это было бы самымъ сквернымъ возмездіемъ за все то, что ты для меня сдѣлала. Но совершенно искренно говорю я, что, что̀ бы ни случилось, я не найду никого на свѣтѣ, чье сообщество было бы для меня пріятнѣе твоего, или могло бы болѣе способствовать моему счастію. Эти чувства никогда не измѣнятся, и мнѣ было бы очень прискорбно, еслибы ты не

поняла ихъ». Во второмъ письмѣ, писанномъ на слѣдующій день, то-есть 16-го января, леди Байронъ называетъ свою золовку «своею драгоцѣннѣйшей Аугустой», и говоритъ: «большое утѣшеніе для меня составляетъ мысль, что ты теперь въ Пикадилли» (улица, гдѣ жилъ Байронъ). Остальныя письма заключаютъ въ себѣ выраженіе такихъ же нѣжныхъ чувствъ; въ одномъ изъ нихъ заключаются, между прочимъ, слѣдующія интересныя строки (это письмо писано на слѣдующій день послѣ того, какъ отецъ леди Байронъ предложилъ устроить формальный разводъ разъѣхавшихся супруговъ): «Драгоцѣннѣйшая Аугуста! Твой братъ просилъ тебя узнать у меня, съ моего ли согласія дѣйствовалъ мой отецъ, когда предложилъ разводъ. Да, съ моего согласія. Нельзя предположить, чтобы въ моемъ настоящемъ, печальномъ положеніи я была въ состояніи подробно объяснить причины, не только оправдывающія эту мѣру, но и принуждающія меня принять ее... Я напомню только Байрону о неоднократно заявлявшемся имъ, непреодолимомъ отвращеніи къ брачной жизни и о рѣшительномъ желаніи, которое онъ высказывалъ съ самаго начала, освободиться отъ этого рабства, которое онъ находилъ совершенно невыносимымъ, сознаваясь, однако, въ то же время, что съ моей стороны никогда не было недостатка въ усиліяхъ долга и склонности. Онъ слишкомъ жестоко убѣдилъ меня, что всѣ эти попытки мои способствовать его счастію, были совершенно безполезны, и въ высшей степени непріятны для него»...

Приводимъ еще два факта, тоже немалозначительные, и касающіеся личности этой сестры, сдѣлавшейся въ настоящее время предметомъ толковъ и разговоровъ всей Англіи. Вдова знаменитаго поэта и друга Байрона, Шелли, хорошо знавшая Аугусту и Байрона, пишетъ въ «Times»: «Мистриссъ Лей (фамилія мужа Аугусты) находилась съ Байрономъ въ отношеніяхъ матери къ сыну, такъ-какъ она была гораздо старѣе его, и внѣшность ея не представляла ничего замѣчательнаго... Впослѣдствіи, по просьбѣ мистриссъ Лей, я сдѣлала леди Байронъ свадебный визитъ, и Аугуста выражала мнѣ самое искреннее желаніе свое, чтобъ этотъ бракъ исправилъ ея брата. Байронъ самъ отворилъ мнѣ дверь гостиной, и принялъ мои поздравленія такъ дико, какъ я этого ожидала, съ тѣмъ, совершенно демоническимъ выраженіемъ, которое часто принимало его лицо. Никогда, сколько я помню, не слышала я даже намека на эти противоестественныя и невѣроятныя отношенія къ сестрѣ... Мистриссъ Лей была очень милая и добрая женщина, мать семерыхъ дѣтей, счастливая въ замужествѣ, и очень любимая мужемъ». Другой современникъ, графъ Стенгопъ, разсказываетъ о мистриссъ Лей, которую онъ зналъ очень близко, слѣдующія подробности: «Наружность ея была довольно непривлекательна, все въ ней напоминало какую-то

монахиню, и на искусство нравиться она не могла имѣть никакихъ притязаній. По отношенію къ характеру и внѣшнимъ проявленіямъ его, я нашелъ ее до преувеличенія робкою и чувствительною, и совершенно неспособною дѣлать то, въ чемъ теперь обвиняютъ ее».

Какъ ни краснорѣчивы эти факты, и какъ, повидимому, ни разбиваютъ они разсказъ Бичеръ-Стоу, но едва-ли можно по нимъ дѣлать уже теперь окончательное заключеніе; мы думаемъ, что явится еще много документовъ за и противъ, и между ними очень важное мѣсто должны занять тѣ вышеупомянутыя рукописи, которыя леди Байронъ передала своимъ душеприкащикамъ. Впрочемъ, и тутъ трудно будетъ поручиться за достовѣрность извѣстій; есть обстоятельство, которое служитъ также отчасти поясненіемъ, почему леди Байронъ разсказала своей пріятельницѣ-американкѣ такую невѣроятную исторію? Говоримъ: разсказала, потому что нѣтъ никакого повода заподозрить Бичеръ-Стоу въ недобросовѣстности, думать, что она сама сочинила все это. Обстоятельство, о которомъ мы упоминаемъ, слѣдующаго рода. Нѣкто Робертсонъ напечаталъ въ одной изъ англійскихъ газетъ, что онъ очень долго былъ знакомъ съ леди Байронъ, и знаетъ, что она, въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни, разсказывала свое прошедшее многимъ лицамъ, и взводила на мужа разныя обвиненія; но эти разсказы во многомъ отличались одинъ отъ другаго, и люди, коротко знавшіе ее, не вѣрили имъ. «Подозрительность и раздражительность—пишетъ Робертсонъ—перешли у нея въ родъ помѣшательства. Обвиненіе, которое она высказывала чаще всего, сомнительно, а то обвиненіе, которое передаетъ Бичеръ-Стоу, относительно ново, и совершенно невѣроятно».

Весьма возможно, стало быть, что вся эта исторія была сочинена въ припадкѣ полупомѣшательства, а Стоу приняла ее за наличную монету... А что обнародованіемъ этого факта она возбудила такое вниманіе, вызвала столько толковъ,—объясняется тѣсною связью, существующею между почти всѣми произведеніями Байрона и его жизнью. Поэтому и крайне желательно самое точное разъясненіе всей этой исторіи, — желательно, конечно, не для произнесенія приговора надъ нравственностью поэта, какъ это сдѣлали добродѣтельные англійскіе журналисты, а для уясненія такихъ мѣстъ, напримѣръ, какія встрѣчаются въ «Манфредѣ», и дѣйствительно заставляютъ задумываться, когда читаешь исторію Бичеръ-Стоу...

КОЕ-ЧТО НА СЧЕТЪ ЗЕМСКАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ.

Причины охлажденія публики къ земскимъ собраніямъ. — Какъ разрѣшился на декабрьскихъ собраніяхъ вопросъ о народномъ образованіи въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ. — Московскіе земскіе представители отнимаютъ у женщины-учительницы 25 рублей изъ сотни. — Дѣло о школѣ Лесевича и проч. и проч.

Сроки засѣданій петербургскаго земскаго собранія постоянно почти совпадаютъ съ тѣмъ временемъ, когда Рубинштейнъ открываетъ рядъ своихъ блестящихъ концертовъ въ той же залѣ, такъ что любители музыки, случайно наткнувшись въ какой-нибудь газетѣ на объявленіе объ открытіи засѣданій земскихъ представителей, начинаютъ радоваться: значитъ, молъ, и Рубинштейнъ скоро явится! Этимъ только и ограничивается участіе публики къ земскимъ собраніямъ, которыя въ послѣдніе два года никѣмъ уже изъ постороннихъ не посѣщаются: сидятъ, да пишутъ по обязанности одни только газетные стенографы, да сами господа гласные (и то далеко не всѣ), оживленныя пренія которыхъ—не что иное, какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Совсѣмъ не то мы замѣчаемъ въ театрахъ и на концертахъ; далеко не то мы даже видимъ на засѣданіяхъ окружнаго суда, въ нарочито тѣсныя камеры котораго изъ ста человѣкъ желающихъ нерѣдко попадаютъ только десять-двадцать счастливцевъ, а остальные терпѣливо выжидаютъ въ громадныхъ корридорахъ, не сдѣлается ли кому изъ счастливцевъ дурно, или не захочется ли кому изъ нихъ ѣсть до безпамятства.

Чтò жь за причины такого явнаго равнодушія къ дѣлу, бьющему почти всѣхъ, хотя не въ одинаковой степени, прямо по карману, къ дѣлу, которое очень близко касается всѣхъ и каждаго; во всякомъ случаѣ, несравненно ближе, чѣмъ, напримѣръ, судебныя засѣданія? Положимъ, любопытно иногда посмотрѣть и полюбоваться, какъ тамъ, на судѣ, притворно плачутъ и актерствуютъ обвиняемые въ подлогахъ и мошенничествѣ; небезъинтересно изрѣдка послушать, какъ тамъ распинаются наши молодые и немолодые адвокаты, тщетно стараясь доказать, что кліентъ ихъ чистъ и непороченъ, какъ птица небесная, хотя и сами въ душѣ глубоко убѣждены, что кліентъ

ихъ — плутъ и пройдоха отъявленный. Не мѣшаетъ иногда послушать, какъ иной, не по лѣтамъ и не по фигурѣ увлекающійся адвокатъ, указывая пальцемъ на физіономію противника, говоритъ, что за одну такую гнусную фигуру можно уже послать человѣка въ каторгу, хотя не трудно доказать, что при существованіи ссылки за одну лишь гнусную фигуру, многимъ бы пришлось очень и очень плохо.

Все это, разумѣется, небезъинтересно, и, даже, далеко не безполезно, но какъ же можно, однако, сравнить степень интереса судебныхъ засѣданій съ тѣмъ, который заключается въ земскихъ собраніяхъ? Какъ бы то ни было, но вѣдь земство завѣдуетъ всѣмъ народнымъ хозяйствомъ, отъ котораго зависитъ благосостояніе массъ, а, слѣдовательно, и насъ самихъ. Неужели можно жить въ полномъ довольствѣ и спокойно, безъ тяжелыхъ, страшныхъ сновъ, хотя бы и послѣ сытнаго обѣда, въ такой мѣстности, въ которой, какъ, напримѣръ, въ Холмскомъ уѣздѣ, народъ мретъ голодной смертью, а господа, завѣдующіе его хозяйствомъ, преспокойно получаютъ себѣ жалованье, и толкуютъ, какъ бы имъ получше устроить для себя банки, именно на тѣ самыя деньги, которыя съ народа же собраны на случай голода? Неужели можно хладнокровно вспомнить, что тысячи обвиняемыхъ, весьма нерѣдко совсѣмъ невинныхъ, единственно по недостатку сколько-нибудь порядочныхъ помѣщеній для ареста, заживо гніютъ въ какихъ-то маленькихъ посудныхъ шкафчикахъ (въ Харьковѣ, напримѣръ, какъ видно изъ опубликованнаго донесенія мѣстнаго прокурора), или валяются во вшивыхъ, холодныхъ помѣщеніяхъ при уѣздныхъ полиціяхъ, безъ отопленія зимой и безъ освѣщенія, по той только причинѣ, что сумму на отопленіе и освѣщеніе въ смѣту включить позабыли? Неужели лишены всякаго общественнаго интереса плачевныя свѣдѣнія о народномъ образованіи, о медицинской части и, даже, о путяхъ сообщенія между деревнями, находящимися чуть не подъ самымъ Петербургомъ, въ которомъ всѣ дорожки и тропинки для лѣтняго гулянья такъ отлично вымощены? Изъ донесеній самихъ же гласныхъ видно, что въ дождливое время (а когда оно у насъ не дождливое-то?) сообщенія между деревнями совершенно прерываются, такъ что крестьяне вынуждены сидѣть у моря и ждать погоды, не имѣя подъ руками лодокъ. Чувствуется иногда крайняя необходимость продать хлѣбъ, а между тѣмъ, нельзя, потому что и лошадь, и человѣкъ или въ жидкой грязи утонутъ, или, все равно, неминуемо погибнутъ при переправахъ чрезъ рѣки. Приходитъ срокъ расплатиться съ наемными людьми, напримѣръ, съ пастухами, а тутъ сиди, да жди, потому что дождь опять пошелъ, хлѣбъ везти нельзя, слѣдовательно, и денегъ нѣтъ. Поневолѣ приходится держать при себѣ и кормить наемныхъ людей до той поры, пока не просохнетъ, а когда трясина можетъ просохнуть? Извѣстное дѣло, когда морозомъ закуетъ, а

здѣсь еще и зимой-то жди, когда закуетъ! Здѣсь даже и всѣмъ извѣстныя названія: никольскіе и рождественскіе морозы — не имѣютъ ни малѣйшаго смысла. Зимній «Никола съ мостомъ» такъ и остался нынче безъ леданаго моста, а очутился съ лодкой. «Видно—говорили въ народѣ — съ мостомъ-то у насъ будетъ весенній Никола, когда прійдетъ пора яровину сѣять».

Устраненіе всѣхъ исчисленныхъ и еще многаго-множества всякихъ другихъ неудобствъ, дѣлающихъ нашу сельскую жизнь просто невозможною и невыносимою, прямо зависитъ отъ представителей земства на собраніяхъ, про которыя, между тѣмъ, всѣ у насъ толкуютъ, что ходить на нихъ совсѣмъ не стоитъ: тоска, де, одна только смертная, а толку никакого нѣтъ. Почему же, однако, такъ?

Причина, мнѣ кажется, ясная: недостатокъ, или, вѣрнѣе сказать, полнѣйшее почти отсутствіе всякой самостоятельности и силы. Разговоровъ на нашихъ собраніяхъ много, нерѣдко высказываются дѣльныя мысли и искреннее желаніе принести посильную пользу, но полнѣйшая импотенція (то-есть безсиліе, немощность) обращаетъ всѣ эти дѣльныя мысли и желанія въ ничто. Прорѣхъ вездѣ и во всемъ страшно много: тамъ надо починить, тутъ сшить новое, потому что старая вещь совсѣмъ ужь развалилась, въ третьемъ мѣстѣ нужно бы заплату поставить, хотя бы по способу чинки Тришкина кафтана, а денегъ-то, смотрятъ, и нѣтъ. Одинъ изъ гласныхъ, напримѣръ, замѣчаетъ, и очень основательно замѣчаетъ, что нужно бы устроить сколько-нибудь порядочныя помѣщенія для арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей, которые (то-есть арестуемые) иногда и вовсе невинно, а иной разъ за кражу сайки въ припадкѣ голода, принуждены высиживать по мѣсяцу и больше въ ужасныхъ помѣщеніяхъ, даже и для свиней негодныхъ. Другой соглашается съ гуманнымъ гласнымъ, но возражаетъ, и опять-таки очень основательно, что рѣчь въ собраніи зашла не о тюремныхъ помѣщеніяхъ, а о разрѣшеніи отпуска одному уѣздному земству необходимой суммы на постройку больницы, которой тамъ нѣтъ.

«Насущный вопросъ земства — основательно возражаетъ гласный въ отвѣтъ первому, основательно поднявшему тоже насущный вопросъ земства объ арестантскихъ помѣщеніяхъ — именно и состоитъ въ возможно большемъ обезпечиваніи народнаго здравія, а устройство тюремныхъ помѣщеній — хотя тоже дѣло человѣколюбія, но не представляетъ такой насущной потребности, какъ устройство больницъ».

Оба мнѣнія, какъ видите, одинаково основательны; съ справедливостью обоихъ нельзя не согласиться: порядочное помѣщеніе для арестуемыхъ необходимо; больница тоже необходима, въ особенности, если помѣщенія для арестуемыхъ такъ устроены, что арестуемые выходятъ изъ нихъ больными, которыхъ необходимо отправлять въ больницу; но если принять одно

мнѣніе, отвергая другое, то не будетъ ли полно это просто-на-просто чинка Тришкина кафтана, то-есть отрѣзываніе полы кафтана для наставки короткихъ рукавовъ? По моему мнѣнію, это именно и напоминаетъ Тришкинъ кафтанъ, но, съ другой стороны, чѣмъ же виноватъ бѣднякъ, если у него сукна въ запасѣ нѣтъ, а приходится урѣзывать отъ своего же кафтана и чинить имъ тѣ мѣста, гдѣ сохраненіе теплоты нужнѣе? На каждомъ собраніи всегда отыщутся и такіе гласные, которые, въ видахъ соблюденія земской экономіи, предлагаютъ, что всего благоразумнѣе было бы и на больницу денегъ не выдавать до поры до времени, и годныхъ для людей тюремныхъ помѣщеній не строить, но большинство рѣдко соглашается съ такимъ мнѣніемъ, хотя нельзя и отъ него отнять нѣкоторой доли справедливости и, во всякомъ случаѣ, самаго безкорыстнаго отношенія къ земскимъ интересамъ *.

Изъ всѣхъ преній разныхъ губернскихъ собраній о пользахъ и нуждахъ земства, ясно видно, что гг. гласные очень много хорошаго желали бы сдѣлать, но они не въ силахъ, и не могутъ, такъ-какъ наличныхъ капиталовъ нѣтъ, а недоимокъ много. Вотъ недоимки-то эти и представляютъ собою одну изъ главнѣйшихъ причинъ хронической болѣзни нашего земства, называемой полатыни импотенціею, потому-то о недоимкахъ на всѣхъ собраніяхъ шли самыя оживленныя пренія, къ сожалѣнію, неприведшія ни къ какимъ почти результатамъ, какъ и всѣ вообще подобнаго рода пренія и консиліумы врачей, когда эти господа собираются въ большомъ количествѣ около больнаго, страдающаго хроническою, неудобо-объяснимою болѣзнью. Предлагаются различныя средства латинской кухни, и внутреннія, и наружныя, а послѣ, при вскрытіи

* Вотъ маленькая выписка изъ преній по предмету ходатайства лужскаго земства объ отпускѣ ему опредѣленной суммы на постройку больницы, безъ чего уѣздное земство будетъ поставлено въ безвыходное положеніе, ибо срокъ контракта истекаетъ черезъ полтора года, и домохозяинъ не иначе соглашается на продолженіе его, какъ съ условіемъ, чтобъ земство на свой счетъ ремонтировало этотъ домъ, на что потребуется до 4 тыс. Гл. *Жуковскій* сказалъ, что помочь лужскому земству надо, но слѣдуетъ также собрать подробныя свѣдѣнія о положеніи больничныхъ домовъ въ другихъ уѣздахъ: быть можетъ, есть еще нуждающіяся въ средствахъ не менѣе лужской больницы, и она только опередила ихъ своимъ заявленіемъ. Собраніе постановило удовлетворить просьбу лужскаго земства на основаніяхъ, имъ самимъ указанныхъ. Гл. *Домонтовичъ*, напомнивъ слова графа Татищева, объяснившаго, что больница будетъ построена деревянная, ибо земство не рискнуло просить у собранія 35 тыс., потребныхъ на возведеніе каменнаго дома, предлагалъ къ ассигнованнымъ уже 15 тыс. прибавить еще столько же, если лужское земство согласится гарантировать и эту ссуду; на это гл. *Шмитъ* возразилъ, что если объ этомъ не было сдѣлано заявленія, то входить въ обсужденіе этого вопроса собраніе не можетъ: «мы не обязаны обсуждать нужды уѣздовъ, мы находимся въ положеніи капиталистовъ, которые даютъ не больше того, что̀ у нихъ просятъ». (См. отчеты).

умершаго, оказывается, что ему бы давно еще слѣдовало доставить пищу порядочную (не изъ аптеки, а изъ обыкновенной кухни), а также помѣщеніе порядочное, съ воздухомъ, непроникнутымъ насквозь кислятиной и тухлятиной.

На нынѣшнемъ московскомъ губернскомъ собраніи 11-го декабря, вопросъ о сборѣ недоимокъ возбудилъ оживленныя пренія, особенно послѣ заявленія г. Зиберта, который, какъ на одну изъ дѣйствительныхъ мѣръ для понужденія къ исправному платежу позаимствованныхъ уѣздными земствами суммъ, указалъ на необходимость, по его мнѣнію, установить пеню въ $^1/_2$% въ мѣсяцъ, какъ это дѣлается въ другихъ учрежденіяхъ. Г. Зибертъ добавилъ, что онъ не считаетъ пеню въ полпроцента слишкомъ высокой, потому что капиталъ земства, заключающійся въ различныхъ процентныхъ бумагахъ, даетъ не менѣе процентовъ, а даже нѣсколько болѣе. Возраженія противъ этого предложенія сводились, главнымъ образомъ, къ тому, что многіе уѣзды оказываются неисправными въ платежахъ, вслѣдствіе недоимокъ, накопляющихся на плательщикахъ, а недоимки эти, въ свою очередь, являются отъ особыхъ, часто случайныхъ причинъ, каковы, напримѣръ, пожары, неурожаи, падежи на скотъ. Къ понужденію уплаты недоимокъ, замѣтилъ Н. М. Смирновъ, предпринимались всевозможныя мѣры: продавали скотъ и другое имущество у неплательщиковъ, а недоимки все-таки не погашались; остается теперь продавать развѣ рубашки и кафтаны. Главной причиной недоимокъ, закончилъ ораторъ, — желудокъ.

Трудно не согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго гласнаго, которому, какъ лицу духовному, ближе, чѣмъ кому другому, знакомъ бытъ народа, но нельзя, однако же, не замѣтить, что вопросъ о томъ: какъ именно собрать недоимки — такъ и остался открытымъ до слѣдующей сессіи вопросомъ и на петербургскомъ, и на московскомъ, и на всѣхъ другихъ губернскихъ собраніяхъ, на которыхъ его даже и не подымали, а такъ, прямо, махнули на него рукой. На московскомъ собраніи, послѣ самыхъ оживленныхъ преній, пришли, наконецъ, къ сознанію необходимости спросить у уѣздныхъ управъ, почему именно не уплачиваются имъ недоимки, хотя большинство гласныхъ пріѣхало тоже, разумѣется, изъ уѣздовъ же, слѣдовательно, прямо бы, безъ ненужной переписки, могли указать эти причины. Многіе нашли, что всего вѣрнѣе наложить на неплательщиковъ *пеню*, а предсѣдатель губернской управы замѣтилъ, кстати, что слово *пеня*, безъ ущерба дѣлу, легко можно замѣнить словомъ «процентъ». Противъ возможности замѣны одного слова другимъ никто не спорилъ, но многіе за то находили, что отъ подобной замѣны едва-ли земству будетъ легче.

Подобныя безнадежныя и безплодныя (разумѣется, не по винѣ почтенныхъ гласныхъ) пренія, мало-по-малу, отучили

отъ посѣщенія собраній людей серьёзныхъ, которые и сами очень хорошо понимаютъ, что отыскать новые способы къ исправному взносу недоимокъ — дѣло далеко не шуточное; а легкомысленные люди тоже бросили ходить, потому что земскія рѣчи кажутся имъ слишкомъ уже серьёзными, а, главное, скучными.

Постоянно скверныя денежныя земскія дѣла привели, наконецъ, къ тому, что на всѣхъ почти земскихъ собраніяхъ образовались сильныя партіи гг. гласныхъ, основное убѣжденіе которыхъ заключается въ томъ, что изъ земскихъ денегъ ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ тратить ни копейки ни на какія земскія нужды и пользы, какими бы важными онѣ ни казались. Опытный наблюдатель въ каждомъ собраніи замѣтитъ людей этой партіи, хотя она не вездѣ рѣшается высказываться прямо и открыто, а нерѣдко прикрывается такими хитрыми фразами, что сразу, пожалуй, и не замѣтишь. Въ симбирскомъ, напримѣръ, уѣздномъ собраніи, благоразумно-экономная партія дѣйствуетъ, какъ видно, совершенно открыто, а въ столицахъ — нѣтъ. Когда въ симбирскомъ собраніи въ нынѣшнемъ году зашла рѣчь о народныхъ школахъ, то гг. гласные, почти единогласно, за исключеніемъ, какъ пишутъ, только лишь одного, порѣшили ассигновать на уѣздъ, со ста тысячами жителей, всего *сто рублей*, такъ чтобы образованіе обошлось, среднимъ числомъ, каждой тысячѣ человѣкъ по цѣлковому, а каждому человѣку по одной десятой копейки въ годъ: расходъ, какъ видите, очень незначительный, и необременительный даже для бѣдныхъ людей, хотя, съ другой стороны, трудно себѣ представить школу, которой содержаніе съ квартирой, отопленіемъ и проч., и съ учителемъ стоило бы, положимъ на 50 учениковъ, около четвертака въ годъ. Жаль, что въ корреспонденціи изъ Симбирска, въ «Соврем. Изв.», подробно не сказано, какъ именно порѣшили распорядиться гг. гласные ассигнованными ста рублями: вразъ ли ихъ кому-нибудь подарить, напримѣръ, какому-нибудь священнику, или дьячку, или нѣсколькимъ; или же завести на нихъ училища? Если порѣшили подарить, то употребленіе хотя и небольшой земской суммы никакъ нельзя назвать экономнымъ, а во второмъ—слишкомъ уже что-то экономно!

Съ особенной рѣзкостью взгляды экономической партіи выразились въ прошломъ году на холмскомъ уѣздномъ собраніи, на которомъ порѣшили умирающему съ голода народу не давать изъ продовольственнаго капитала ни копейки, а беречь эту копейку на черный день, хотя неизвѣстно, что еще можетъ быть чернѣе того дня, въ который народъ начинаетъ мереть съ голода? Объ этомъ нужно спросить гг. холмскихъ гласныхъ, которые, впрочемъ, отданы уже подъ судъ за излишнее усердіе къ земскимъ интересамъ. Они, какъ читателю, конечно, небезъизвѣстно, закупили по дешевой цѣнѣ на крестьян-

скія же продовольственныя деньги гнилаго хлѣба, и начали имъ торговать съ большой, разумѣется, выгодой для земства; а на выручки вздумали устроить банкъ для землевладѣльцевъ.

Въ другихъ мѣстностяхъ, менѣе дикихъ, не слишкомъ отдаленныхъ отъ центровъ просвѣщенія, экономическая партія не осмѣливается дѣйствовать слишкомъ-то ужь открыто. Она прямо не отвергаетъ, напримѣръ, пользы народнаго просвѣнія, на томъ основаніи, что оно, де, удерживаетъ народъ отъ пьянства, привлекая его въ театры и цирки, и, вообще, смягчаетъ нравы. Замѣчательно, что эти господа, продающіе голодному народу гнилой хлѣбъ по двойной цѣнѣ, удивительно, какъ заботятся о смягченіи чужихъ нравовъ! На земскихъ собраніяхъ они не возражаютъ слишкомъ прямо и рѣзко, потому что не чувствуютъ за собой силы, но стараются всякое дѣло затянуть, запутать, отложить въ долгій ящикъ. «Просвѣщеніе — говорятъ они — безспорно, необходимо, но, намъ бы казалось, прежде чѣмъ тратить деньги, собранныя съ бѣднаго, обремененнаго народа, не нужно ли собрать мнѣнія отъ всѣхъ уѣздныхъ управъ (нерѣдко они сами же тамъ и сидятъ), и потомъ просить губернскую управу, чтобы она, собравши всѣ эти мнѣнія, съ своими соображеніями представила къ будущей сессіи собранія?...» и т п.

Публика наша (да и не наша только, а всякая другая) любитъ и уважаетъ только лишь то, за чѣмъ она признаетъ силу и значеніе. Этимъ отчасти объясняется, почему, напримѣръ, люди, непонимающіе въ музыкѣ, какъ говорится, ни уха, ни рыла, бѣгутъ слушать, или, вѣрнѣе, смотрѣть Патти, и платятъ за то бѣшенныя деньги: какъ, де, я не пойду, если всѣ туда бѣгутъ? Такъ было и съ земскими собраніями первыхъ съѣздовъ, когда еще никто не понималъ, что̀ изъ всего этого выйдетъ, а между тѣмъ, замѣчалъ, что въ гласные самоотверженно шли даже генералы, и иногда очень даже старые и почтенные. Всѣ смотрѣли на новинку выпуча глаза и слушали развѣсивъ уши, боясь высказывать, до поры до времени, свои личные взгляды и мнѣнія, хотя съ перваго же раза многое на этихъ *мужицкихъ* собраніяхъ непріятно бросалось въ глаза. Я помню, какъ въ одномъ губернскомъ городѣ хоры дворянскаго собранія трещали отъ великаго множества собравшихся на нихъ, разодѣтыхъ, какъ на балъ, дамъ и дѣвицъ, съ лорнетами и биноклями. Помню даже одинъ наивный запросъ нѣкоей барышни, обращенный къ почтенной мамашѣ: «Какая же тутъ разница съ дворянскими выборами? — спрашивала дѣвица.—Тамъ шары клали—и тутъ кладутъ. И толкотня такая же. И тамъ Павелъ Семенычъ на предсѣдательскомъ креслѣ сидѣлъ — и здѣсь опять онъ же. Я не понимаю, что̀ жь тутъ новаго?

— Ахъ, мой другъ, раздражительно отвѣчала мать:—я удивляюсь, какъ ты не видишь разницы! Тамъ все только дворяне

сидѣли, и, притомъ, всѣ въ мундирахъ, а здѣсь? Развѣ ты не видишь, что вонъ, позади, мужикъ сидитъ, а вонъ дьяконъ какой-то?... Да ты посмотри, сколько здѣсь совершенно неизвѣстныхъ никому людей, Богъ-знаетъ откуда!...»

Очень скоро первое очарованіе миновало. Въ управахъ начались такъ-называемыя пререканія, которыя нерѣдко проистекали единственно изъ-за того, что въ иную управу, сгоряча, пошелъ генералъ, и никакъ ни въ чемъ не хотѣлъ уступить другому, равному себѣ. Важныя лица скоро раскусили, въ чемъ дѣло, и оставили службу. Начались безконечныя ходатайства, остававшіяся, по обыкновенію, безъ отвѣта, и проч. и проч. Скоро земскіе служаки убѣдились, что доходовъ у земства очень мало, да и тѣ все убываютъ, да убываютъ, тогда какъ расходы все прибываютъ, а публика, съ своей стороны, поняла, что земскіе служаки страдаютъ полнѣйшимъ безсиліемъ, а кому неизвѣстно, что ни надъ чѣмъ у насъ такъ зло, съ такимъ презрѣніемъ не хохочутъ, какъ надъ безсиліемъ, хотя бы оно произошло вовсе не по винѣ больнаго?

Впрочемъ, странно бы было ожидать со стороны публики особеннаго участія къ земскимъ собраніямъ, когда и самихъ гласныхъ приводится иной разъ разъискивать по всему городу и придумывать мѣры, какъ бы ихъ насильственно удержать на засѣданіяхъ? Такія вещи въ провинціальныхъ городахъ случались сплошь да рядомъ, а вотъ недавно, въ минувшемъ декабрѣ, повторились и на московскомъ собраніи при обсужденіи доклада о мѣрахъ противъ слишкомъ уже частыхъ пожаровъ по деревнямъ. «Въ нынѣшнюю сессію—пишутъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»—это уже не первый подобный случай: нѣсколько разъ приходилось откладывать, за несвоевременнымъ отъѣздомъ гласныхъ, обсужденіе болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ, а вчерашнее собраніе не могло быть даже вовсе открыто до 2-го часа за неприбытіемъ законнаго меньшинства членовъ собранія. Г. предсѣдателемъ былъ возбуждаемъ даже вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли, въ виду частыхъ отсрочекъ въ обсужденіи вопросовъ, назначать засѣданія вмѣсто одного—по два раза въ день».

Мнѣ кажется, что при такомъ явномъ, не только равнодушіи, но даже презрѣніи гг. гласныхъ къ своему дѣлу, можно назначать засѣданія хотя по три раза въ сутки,—и все-таки толку изъ этого никакого не выйдетъ, а стороннюю публику нечего и обвинять въ ея равнодушіи. Что-жь, въ самомъ дѣлѣ, за охота ѣздить понапрасну въ пустую залу, если у каждаго и своихъ занятій не мало?

Оставляя затѣмъ болѣе или менѣе разрѣшенный вопросъ о равнодушіи публики въ сторонѣ, обратимся къ краткому изложенію того, что̀ сдѣлано на нынѣшнихъ декабрскихъ петербургскомъ и московскомъ земскихъ собраніяхъ и, кстати, сравнимъ, кто изъ нихъ больше сдѣлалъ.

Вопросъ о народномъ образованіи занималъ на нынѣшнемъ

петербургскомъ собраніи самое видное мѣсто, и продолжительныя пренія по нему увѣнчались такими результатами, какихъ трудно было ожидать, судя по прошлогоднему собранію. Коммисія, составленная еще въ прошломъ году, выработала и представила собранію проектъ, который почти весь цѣликомъ былъ утвержденъ и въ нынѣшнемъ году будетъ приводиться въ исполненіе. Прежде всего коммисія постаралась строго разграничить обязанности губернскаго и уѣзднаго земства къ народному образованію, и пришла къ тому убѣжденію, что губернскому земству слѣдуетъ постараться о подготовленіи порядочныхъ учителей для училищъ всей губерніи, пріохотить ихъ разными способами къ своимъ занятіямъ, а потомъ уже все остальное предоставить уѣзднымъ земствамъ, тѣмъ болѣе, практика уже доказала, что даже теперь сами общества порядочнымъ учителямъ платятъ охотно по 200, по 500 рублей, тогда какъ плохіе пробавляются шестью рублями въ мѣсяцъ, да больше, какъ видно, они и не заслуживаютъ. Г. Якобсонъ, какъ членъ коммисіи, кстати напомнилъ, для какой цѣли собраніе прошлой сессіи образовало коммисію. «Во всей губерніи 298 школъ; въ этихъ школахъ учителей, священниковъ и діаконовъ всего 45, остальные же— это безсрочно-отпускные солдаты, бомбардиры, церковные сторожа и т п., получающіе въ годъ отъ 25 до 60 руб., и по настоящему неимѣющіе права преподавать въ школахъ. Министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило оставить эти школы при прежнихъ учителяхъ, чтобъ не допустить большинство школъ до закрытія, но съ тѣмъ, чтобъ они были постепенно замѣняемы новыми. Для изысканія способовъ приготовленія этихъ новыхъ учителей и была образована коммисія. Я слышу удивленіе, для чего нужно быть педагогомъ, чтобъ дать крестьянскимъ мальчикамъ понятіе о грамотѣ; но опытъ показалъ противное: недостаточно знать свой предметъ, нужно умѣнье передавать свои знанія другимъ. Земству остается выискать самыя удобныя, лучшія и дешевыя средства для достиженія этой цѣли—приготовленія мало-мальски со смысломъ преподающихъ учителей. Коммисія не указывала ни на крестьянъ, ни на семинаристовъ, она предлагаетъ брать способныхъ молодыхъ людей изъ всѣхъ сословій».

Съ этою цѣлью коммисія предположила назначить при педагогическихъ курсахъ 20 стипендій по 200 рублей каждую для желающихъ вступить въ сельскіе учителя, нанять для стипендіатовъ особенную квартиру, въ Петербургѣ, при Андреевскомъ училищѣ, снабдить ихъ книгами и всякими учебными пособіями и, наконецъ, для поощренія, назначить учителямъ за выслугу лѣтъ пенсіи, хотя въ скромныхъ размѣрахъ и избавить отъ рекрутства. Предложено было также, чтобы собраніе гарантировало своимъ воспитанникамъ немедленное опредѣленіе на должности и цифру жалованья, а также, чтобы приготовляемые на счетъ земства учителя были обязаны ему извѣстнымъ сро-

комъ службы. Послѣднія предложенія, впрочемъ, принадлежали не коммисіи, а членамъ собранія и приняты не были, точно такъ же, какъ и вопросъ о пенсіи.

Московское земство, по вопросу о народномъ образованіи, пришло къ тѣмъ же почти результатамъ, какъ и петербургское, съ нѣкоторыми только измѣненіями въ частностяхъ. Москвичи порѣшили завести у себя собственную учительскую школу на счетъ земства, съ комплектомъ учениковъ въ 50 человѣкъ, непремѣнно изъ урожденцевъ Московской губерніи. Школа будетъ изъ трехъ классовъ съ трехгодичнымъ срокомъ. Петербургское земство почти единогласно отвергло мысль объ обязательномъ служеніи учителей въ теченіе опредѣленнаго количества лѣтъ, на томъ основаніи, что порядочное содержаніе будетъ удерживать учителей на мѣстахъ крѣпче всякаго принужденія; но москвичи взглянули на этотъ предметъ съ другой стороны. Они нашли необходимымъ постановить, что по окончаніи курса въ школѣ, воспитанники отъ земства обязываются служить московскому земству, въ качествѣ сельскихъ учителей, въ теченіе шести лѣтъ.

Петербургское земство постановило ходатайствовать объ освобожденіи своихъ будущихъ учителей отъ рекрутства, москвичи же къ такому ходатайству не приступали. Вопросъ объ освобожденіи учителей отъ рекрутства и въ Петербургѣ, впрочемъ, не прошелъ безъ возраженій. Одинъ изъ гласныхъ заявилъ, что онъ вообще ко всякимъ привиллегіямъ относится враждебно, хотя нельзя не замѣтить, что привиллегія освобожденія учителей отъ рекрутства едва-ли не представляетъ собою единственную изъ всѣхъ привиллегій, къ которой нельзя относиться враждебно. Откуда же, спрашивается, набраться учителей, если и тѣхъ немногихъ, которыхъ земство умѣетъ подготовить, въ солдаты забрѣютъ? Вѣдь это просто выходитъ—не въ коня кормъ тратить. Ну, что̀ бы, напримѣръ, сказалъ извѣстный дѣятель по народному просвѣщенію, екатеринославскій баронъ Корфъ, если бы у него въ одно прекрасное утро забрили въ солдаты всѣхъ любимыхъ его учителей, надъ приготовленіемъ которыхъ онъ столько трудился? Вѣдь тогда и у самаго живого, энергичнаго человѣка (а много ли ихъ у насъ?) руки бы опустились, какъ у земледѣльца, у котораго нѣсколько лѣтъ сряду хлѣбъ, то градомъ выбьетъ, то въ скирдахъ сгоритъ, или червякъ съѣстъ. Впрочемъ, носятся слухи, что вопросъ объ освобожденіи сельскихъ учителей отъ рекрутства въ скоромъ времени будетъ разрѣшенъ законодательнымъ порядкомъ въ видѣ общей для всего государства мѣры, что̀, по моему мнѣнію, совершенно необходимо. Ну, сами посудите, какія послѣдствія могутъ выйти изъ того, если, напримѣръ, въ одной губерніи сельскихъ учителей будутъ отдавать въ солдаты, а въ другой, сосѣдней, нѣтъ? Очень естественно, что каждый учитель изъ первой губерніи будетъ стремиться въ сосѣднюю, хотя бы и на меньшее жало-

ванье. На обязательное служеніе земству въ теченіе извѣстнаго количества лѣтъ много разсчитывать нечего, потому что, если ужь человѣкъ твердо рѣшится отбиться отъ ненавистнаго ему дѣла, то онъ непремѣнно отобьется. Не только насильно удерживать, а рады даже будутъ приплатить отъ себя, только уйди, христа-ради!

Вопросъ о томъ, гдѣ всего лучше подготовлять народныхъ учителей: въ Петербургѣ ли, или въ уѣздахъ, возбудилъ тоже интересныя пренія, при чемъ гласный г. Шмитъ указалъ на нѣкоторыя противорѣчія въ докладѣ коммисіи, которая, остановившись на Андреевскомъ училищѣ, въ то же время отдавала предъ нимъ всѣ преимущества уѣздной Ораніенбаумской нормальной школѣ. «Ораніенбаумская нормальная школа—сказано въ докладѣ,—производитъ весьма отрадное впечатлѣніе, какъ замѣчательными успѣхами своихъ воспитанниковъ, такъ и непринужденнымъ, безъискусственнымъ ихъ развитіемъ. Сохраняя всѣ привычки и преданія простой сельской жизни, ученики дѣлаютъ значительные успѣхи въ умственномъ и нравственномъ отношеніи подъ отеческимъ, можно сказать, руководствомъ старшаго учителя». «Слушатели педагогическихъ курсовъ не ведутъ казарменнаго образа жизни, а живутъ на вольныхъ квартирахъ, въ своей естественной средѣ». «Итакъ, коммисія сама находитъ, что эта среда самая лучшая для образованія народныхъ учителей; почему же житье въ Петербургѣ, на общей квартирѣ, будетъ ихъ естественной средой? Коммисія предполагаетъ ограничиться только образованіемъ учителей, и оставила безъ вниманія воспитательную часть. Предположенный ею надзиратель, при скудномъ жалованьѣ, останется простымъ надсмотрщикомъ Въ предположенную семинарію будутъ приниматься только мальчики; между тѣмъ въ провинціи есть учителя, и хорошіе учителя—дѣвушки; земству не слѣдуетъ пренебрегать этимъ контингентомъ будущихъ народныхъ учителей». По всѣмъ этимъ соображеніямъ, г. Шмитъ предложилъ учредить одну или двѣ семинаріи, но только непремѣнно въ уѣздахъ, подальше отъ Петербурга, и даже, если можно, не въ городахъ, а въ самыхъ уѣздахъ; въ воспитанники ея принимать молодыхъ людей изъ крестьянскаго сословія, а также устроить отдѣленіе для дѣвушекъ.

Итакъ, читатель видитъ, что вопросъ о дѣвушкахъ или женщинахъ-преподавательницахъ петербургскою земскою коммисіею былъ вовсе обойденъ, тогда какъ на московскомъ собраніи онъ возбудилъ горячіе споры, окончившіеся — увы! непризнаніемъ за женщиною права получать одинаковое съ мужчиною жалованье. Споры эти ясно доказали, что наши земскіе представители не отстали еще и, вѣроятно, не скоро отстанутъ отъ укоренившагося въ нашемъ обществѣ, убѣжденія, по которому, за совершенно одинаковый трудъ и одинаковое искусство, кухаркѣ платится въ мѣсяцъ 4 или 6 рублей, а повару 12 или 15,

единственно за то только, что поваръ — мужикъ, а кухарка — баба.

Вотъ что̀ пишутъ по поводу этихъ любопытныхъ споровъ на послѣднемъ московскомъ земскомъ собраніи:

«При дальнѣйшей разработкѣ проекта организаціи учительской семинаріи, между прочимъ, постановлено, что предъ каждымъ выпускомъ воспитанниковъ и стипендіатокъ московскаго губернскаго земства, попечительный совѣтъ озабочивается пріисканіемъ для нихъ мѣстъ въ сельскихъ школахъ Московской губерніи, съ жалованьемъ изъ мѣстныхъ средствъ — *учителю не менѣе 100 р., а учительницѣ не менѣе 75 р. въ годъ.* Эта разница въ цифрѣ жалованья учителямъ и учительницамъ, вызвала весьма пространныя возраженія со стороны гр. Уварова. Въ сущности они сводились къ тому, что несправедливо за одинъ и тотъ же трудъ одному платить болѣе, нежели другому; что это даже оскорбительно для женщинъ и не совсѣмъ въ наше время нравственно. Къ мнѣнію гр. Уварова присоединился и г. Ковалинскій — и пренія по этому вопросу затянулись на весьма продолжительное время. Въ числѣ возраженій, вызванныхъ гр. Уваровымъ, одно принадлежало, между прочимъ, гласному Голохвастову, который объяснилъ, что въ этомъ случаѣ дѣло самое простое: «*женщинамъ преимущественно доступенъ до сихъ поръ одинъ видъ труда — быть учительницами; мужчина же можетъ посвятить себя и другой дѣятельности: военной или гражданской службѣ, торговлѣ, онъ можетъ быть псаломщикомъ, дьячкомъ... Очень понятно, что при спросѣ на учительскія должности явится болѣе женщинъ, а чѣмъ болѣе предложеній на трудъ, тѣмъ и трудъ цѣнится дешевле;* и нельзя же земству изъ одного только принципа гуманности тратить денегъ болѣе, когда оно можетъ тратить ихъ менѣе. *Я не вижу ничего и оскорбительнаго въ этомъ случаѣ для женщинъ, заключилъ г. Голохвастовъ: земство, напримѣръ, опредѣлило учителямъ жалованье въ 100 р., между тѣмъ ни одинъ городовой не получаетъ менѣе 150 р.* Неужели же изъ этого можно выводить, что должность городоваго почтеннѣе учительской?» Предложеніе гр. Уварова объ уравненіи жалованья — собраніемъ не принято. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно положило ежегодно вносить въ смѣту губернскаго земства по 125 р. сер. на каждаго выпущеннаго воспитанника и 100 р. на каждую выпущенную стипендіатку. Изъ суммъ этихъ—100 р. и 75 р. назначать на пособіе учителямъ и учительницамъ, приготовленнымъ на счетъ земства, а 25 р. на выдачу имъ наградъ».

Бѣдняжки, право, эти женщины! Съ одной стороны, изъ-за ничего не дѣлающей, но красивой бабенки, благородные рыцари-мужчины всегда готовы въ упоръ выстрѣлить пріятелю прямо въ сердце изъ пистолета и рискуютъ прослыть ворами и грабителями изъ-за того только, чтобы разодѣть *свою* бабу, какъ куклу; съ другой-же, какъ скоро кукла эта не пожелала вѣчно оста-

ваться куклой,—рыцари сейчасъ-же норовятъ утянуть двадцать-пять цѣлковыхъ изъ скуднаго сто-рублеваго ея жалованья! «Вѣдь некуда-де тебѣ, голубушка, дѣваться-то: въ солдаты тебя никто не купитъ, въ городовые, дьячки и псаломщики тоже не примутъ; ну, и служи за полцѣны, *если желаешь!* Вашей сестры бездомной много вѣдь по улицамъ шляется: подумаешь да и пойдешь за 5 цѣлковыхъ и даже меньше въ мѣсяцъ, если не пожелаешь вѣкъ свой такъ и оставаться на улицѣ, а, впрочемъ, если желаешь на улицѣ оставаться,то и оставайся: я, голубушка, тебя не неволю: мнѣ же будетъ лучше и удобнѣе жить!»

Подобныя разсужденія чрезвычайно вѣрны и логичны и вполнѣ согласны съ основными началами политической экономіи, но, иной разъ, какъ вникнешь въ нихъ хорошенько, то какъ-то вдругъ страшно и обидно дѣлается, что на свѣтъ въ такую пору родился. Иной разъ, утомившись чтеніемъ различныхъ земскихъ протоколовъ, даже сонъ увидишь такой странный: будто я самъ не человѣкъ вовсе, а рыба, изъ породы крупныхъ сельдей, и живу не на землѣ, а въ громадномъ озерѣ, въ которомъ плаваютъ миріады малыхъ и большихъ рыбъ, а у тинистыхъ береговъ кишитъ многое множество раковъ, лягушекъ, головастиковъ и всякой иной гадины. Крупныя рыбины, съ разверстыми глотками, плаваютъ вольно и важно, то и дѣло хватаютъ и глотаютъ мелюзгу, а иногда и крупныхъ, но жидкихъ селедокъ, не обращая, повидимому, никакого на нихъ вниманія. Малая, запуганная рыбёшка цѣлыми тучами бросается къ берегамъ, а тамъ, у береговъ, ждутъ уже ее раки и всякая гадина и тащатъ за хвостъ, каждая въ свою норку...

Много у насъ пишутъ и толкуютъ по женскому вопросу, а куда какъ еще далеко не дошли до его, не то что полнаго, а даже приблизительнаго разрѣшенія! Съ одной стороны, само правительство даетъ возможность женщинамъ сдѣлаться чиновниками (телеграфистки, бухгалтеры или бухгалтерки? Я потому говорю *чиновниками*, что *чиновницъ* у насъ и постоянно было много); съ другой стороны само общество, въ лицѣ представителей земства, при первомъ-же случаѣ, старается утянуть у женщины-работницы двадцать-пять цѣлковыхъ, за то только единственно, что она — женщина, а не нашъ братъ, мужикъ, имѣющій возможность продать себя въ солдаты! Ну, и пусть-бы, кто хочетъ, въ солдаты и въ дьячки шелъ, хоть бы всѣ туда пошли, чтожъ за бѣда? Неужели кто думаетъ, что отъ этого народное образованіе очутилось-бы еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ оно у насъ находится теперь? Какое странное заблужденіе!

Мнѣ кажется, что вопросъ о неравности мужскаго и женскаго жалованья на московскомъ земскомъ собраніи былъ поставленъ не совсѣмъ правильно, потому и проигранъ, тогда какъ, еслибы тотъ же самый вопросъ разсматривать именно съ точки зрѣнія г. Голохвастова, то рѣшеніе большинства могло быть про-

тивоположнаго свойства. Вмѣсто того, чтобы говорить о *нравственности* или *безнравственности* извѣстнаго поступка и объ *оскорбленіи* женщины (гдѣ ужъ тутъ объ оскорбленіи думать, когда отъ ломтя черстваго хлѣба урѣзываютъ четвертую часть), всего бы лучше было доказать, что земству гораздо *выгоднѣе* прибавить даже женщинѣ жалованье, а ужь никакъ не убавлять, и именно вотъ почему. Земству чрезвычайно выгодно, если, приготовленные имъ, порядочные учителя, станутъ сидѣть на своихъ мѣстахъ какъ можно дольше. Московское собраніе вполнѣ сознало это, учредивши обязательный срокъ службы для своихъ стипендіатовъ и, на всякій случай, не освободивши ихъ отъ рекрутства. Г. Голохвастовъ говоритъ, что женщинѣ можно дать грошъ—и за тотъ она служить станетъ, потому что некуда дѣваться, а мужчина можетъ поступить даже въ городовые, которые, вмѣсто ста рублей учительскаго жалованья, получаютъ не менѣе полутораста; слѣдовательно, что-же изъ всего этого выходитъ съ точки-же зрѣнія самаго г. Голохвостова, по которой «земству изъ одного только принципа гуманности нельзя тратить денегъ болѣе, когда оно можетъ тратить ихъ менѣе»? * Выходитъ, что ни одинъ изъ учителей московскихъ училищъ, не связанный по рукамъ и по ногамъ, не останется на своемъ мѣстѣ, а постоянно и во время даже ненавистныхъ ему уроковъ, станетъ обдумывать, какъ-бы ему удрать или въ городовые, или въ дьячки, гдѣ и дѣла меньше и денегъ даютъ больше, тогда какъ женщина, при сколько нибудь сообразномъ съ самыми скромными потребностями содержаніи, сидѣла бы да сидѣла на мѣстѣ, потому что ей дѣться больше некуда. Кажется очень ясно, что земству несравненно было бы выгоднѣе привлечь къ учительству именно какъ можно больше женщинъ, но, въ такомъ случаѣ, не урѣзывать еще и безъ того потѣшнаго жалованья.

О способности женщины быть учительницей — смѣшно-бы и говорить, потому что тысячи гувернантокъ и учительницъ ее вполнѣ доказали; но я все-таки приведу нѣсколько фактовъ изъ

* Не мѣшаетъ здѣсь, кстати, привести единогласное постановленіе московскаго губернскаго собранія о возобновленіи въ г. Коломнѣ, на счетъ губернскаго земства, разрушающейся крѣпостной стѣны. По сметѣ на возобновленіе этой стѣны и восьми башень, которыя можно обратить въ мѣста для заключенія по приговорамъ мировыхъ судей, потребуется 37 тыс. р. и до 1,500 ежегоднаго ремонта. Въ виду того, что коломенская стѣна есть одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ старины въ Московской губерніи, предложеніе объ ассигнованіи этого расхода принято собраніемъ единогласно. Безспорно: возобновленіе древностей—дѣло хорошее и Москвѣ оно какъ-то особенно нравится; но почему бы и здѣсь, кстати ужь, не припомнить Голохвастовской фразы: «земству нельзя тратить денегъ болѣе, когда оно можетъ тратить ихъ менѣе»? Неужели возобновленіе развалившейся коломенской стѣны для земства (т.-е. для всего народа) важнѣе, чѣмъ народное образованіе, обезпеченное московскимъ земствомъ, надобно сказать, совсѣмъ нищенски?

новѣйшей земской практики, такъ-какъ у насъ многія, вполнѣ уже, сто лѣтъ тому назадъ, доказанныя истины, могутъ считаться новыми. (Въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ, на земскомъ собраніи, одинъ изъ гласныхъ въ теченіе цѣлаго часа доказывалъ, что по желѣзнымъ рельсамъ ѣздить легче, чѣмъ по грязной дорогѣ; слѣдовательно, заключилъ свою рѣчь гласный, необходимо устроить желѣзную дорогу до пристани Волги отъ города).

Вотъ что пишетъ въ своемъ отчетѣ за 1869-й годъ, извѣстный уже нашимъ читателямъ, членъ Александровскаго училищнаго совѣта, баронъ Н. А. Корфъ. Описывая положеніе школы въ селѣ Покровскомъ, онъ говоритъ:

«Этому училищу пришлось выдержать въ минувшую зиму тяжкое испытаніе: оказалась необходимость удалить изъ школы учителя Н. Т. *Станиславскаго*, несмотря на то, что онъ въ прошломъ году занимался съ такимъ успѣхомъ, что былъ поощренъ совѣтомъ наградою. Если всякая перемѣна учителя почти всегда дурно отзывается на успѣхахъ учениковъ, то тѣмъ болѣе могла встревожить меня необходимость смѣнить преподавателя въ ноябрѣ мѣсяцѣ, чуть не въ половинѣ учебнаго года. Но, къ счастію для дѣла, Покровская школа выдержала эти неблагопріятныя обстоятельства, благодаря неусыпному труду и талантливому преподаванію наставницы, занявшей мѣсто учителя, Юліи Осиповны *Комаровской*: школа не только не пошла назадъ, но подвинулась впередъ, и, принимая во вниманіе обширность программы обученія и число учениковъ, *можетъ быть названа лучшею школою изъ училищъ въ русскихъ селахъ ввѣреннаго мнѣ училищнаго участка*. 55 учениковъ школы подраздѣляются на три класса: 11 учениковъ младшаго, т.-е. I отдѣленіе школы поступили разновременно, и за одинъ мѣсяцъ и полтора мѣсяца обучены учительницею чтенію и письму, по звуковому способу, на столько удовлетворительно, что трудно желать лучшаго: всѣ 11 учениковъ равносильны, т.-е. одинаково успѣли и образуютъ стройный классъ. Слѣдующее, второе отдѣленіе школы состоитъ изъ 35 учениковъ, въ теченіе прошлой зимы поступившихъ неграмотными и доставшихся въ руки учительницы только знакомыми съ процессомъ чтенія и письма. Преподаванію учительницы эти ученики обязаны тѣмъ, что при испытаніи каждый, изъ читавшихъ въ незнакомой книгѣ, разсказалъ читанное, т.-е. читалъ сознательно. Ученики этого отдѣленія отлично усвоили всѣ упражненія 1-й части «Родного Слова», бойко рѣшаютъ въ головѣ задачи до 10 съ дробями и именованными числами... и т. д.».

И потомъ, на стр. 96-й отчета:

«Говоря о личномъ составѣ учительской корпораціи, не могу не обратить вниманія совѣта на то, что въ истекающемъ учебномъ году въ III училищномъ участкѣ сдѣланъ первый опытъ преподаванія женщины въ многочисленной мужской

школѣ: въ селеніи Покровскомъ обучала 53 мальчиковъ и 2 дѣвочекъ Юлія Осиповна *Комаровская*. Казалось бы, какого рода *опытъ* могъ быть нуженъ, чтобы узнать, что женщина способна обучать дѣтей не менѣе мужчины?..... Отъ опыта требовалось отвѣта не на этотъ вопросъ, но на слѣдующіе: *вынесетъ ли одинокая дѣвушка обстановку сельскаго учителя, которому подчасъ приходится имѣть дѣло съ пьяными сельскими урядниками, съ родителями учащихся, часто отличающимися грубостію? вынесетъ ли дѣвушка совершенное одиночество въ селѣ, отсутствіе всякаго женскаго общества, отсутствіе чей-бы то ни было защиты, и какъ отзовутся на ней эти обстоятельства?* Эти вопросы я считаю и до настоящей поры не разрѣшенными опытомъ: они не разъяснены и поступленіемъ на должность учительницы, Ю. О. *Комаровской*, рекомендованной мною Покровскому сельскому обществу. Я позволилъ себѣ рекомендовать ее только потому, что зналъ, что въ полуверстѣ отъ ея будущаго мѣста жительства живетъ попечитель Покровской школы, нашъ почтенный сочленъ, Д. Т. *Гнѣдинъ*, съ *семействомъ;* къ нему въ домъ, а не въ волостное правленіе, направилъ я г-жу *Комаровскую*, при письмѣ, въ которомъ просилъ Д. Т. *Гнѣдина* принять въ ней участіе. Съ самаго дня поступленія на должность, г-жа *Комаровская* проводитъ свободные часы среди почтенной семьи Д. Т. *Гнѣдина*. При такой обстановкѣ нельзя не ожидать успѣха отъ дѣятельности преподавательницы въ сельской школѣ; но вездѣ ли возможна подобная обстановка? вездѣ ли есть попечитель, и всякій ли семейный попечитель школы пожелаетъ на столько сблизить учительницу съ своей семьей? Повторяю, что все это — вопросы, еще не разрѣшенные, и на которые отвѣтитъ время. Что касается назначенія г-жи *Комаровской*, то оно осязательно доказываетъ, что, при извѣстной обстановкѣ, *преподаваніе дѣвушки въ многочисленной мужской школѣ можетъ увѣнчаться блестящимъ успѣхомъ* (см. гл. I, § 1—2) и, полагаю, можетъ навести совѣтъ на мысль, что, при недостаткѣ въ подготовленныхъ преподавателяхъ и крайнемъ затрудненіи найти сколько-нибудь удовлетворительныхъ учителей, желательно было бы, чтобы въ числѣ лицъ, ищущихъ учительскаго хлѣба, появлялись женщины, которыхъ возможно рекомендовать въ село не иначе, какъ послѣ совѣщанія съ мѣстнымъ попечителемъ школы, если онъ изъявитъ готовность принять учительницу подъ свою защиту отъ нужды, горя и оскорбленій, которыя могли бы превзойти силы дѣвушки. При опредѣленіи Ю. О. *Комаровской* предоставлялось *опыту* рѣшить вопросъ, какъ отнесется сельское общество къ учительницѣ въ мужской школѣ? Сначала смотрѣли дико на появленіе преподавательницы въ школѣ для мальчиковъ не только крестьяне, но и сами ученики: волостное правленіе не рѣшалось съ нею заключить условіе, дозволивъ ей впрочемъ преподаваніе; старшіе ученики неохотно обучались у «барышни». Вскорѣ

однако труды учительницы и успѣхи ея преподаванія побѣдили всѣ препятствія: ученики полюбили учительницу, а волостное правленіе немедленно, послѣ произведеннаго мною испытанія въ школѣ, *заключило съ нею условіе на 260 руб. сер. въ годъ жалованья, вмѣсто 170 руб.*, *которые получалъ въ Покровскомъ учитель*, предмѣстникъ г-жи *Комаровской*».

Другой примѣръ въ томъ же родѣ приведенъ въ журналахъ Чистопольскаго земскаго собранія за 1866 годъ, да примѣровъ такихъ можно бы отыскать множество, еслибы имѣть подъ руками всѣ журналы и отчеты. Въ уѣздѣ этомъ, въ пригородѣ Билярскѣ, до 1863 года существовало одно только штатное мужское училище, но когда въ него изъявили желаніе вступать и дѣвочки, то вдова священника, г-жа Лаврова, изъявила желаніе устроить для нихъ особенное отдѣленіе, въ которомъ въ 1866 году было уже 52 дѣвочки и дѣло шло очень успѣшно, хотя г-жа Лаврова съ дочерью — единственныя попечительницы, учительницы и основательницы школы, ни откуда не получали ни копейки. «Г-жа Лаврова сообщала въ палату о своемъ стѣснительномъ положеніи; въ прошеніи она излагаетъ, что волостное правленіе увѣдомило ее, что она *должна* получать по 75 руб. жалованья въ годъ, но, несмотря на это, она не получала ничего и не получаетъ до сей поры, такъ что четвертый годъ труды ея остаются безъ поддержки; бумагу, книги и матеріалы для рукодѣлья ученицъ покупаетъ она на свой счетъ и, по своей бѣдности, не надѣется поддержать своей школы долгое время».

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что дѣвушка и женщина не только способны поставить въ завидное положеніе испорченную уже негоднымъ, уволеннымъ учителемъ — въ чемъ, впрочемъ, мало кто и сомнѣвался; но даже поддерживать самое существованіе школы на свои скудные гроши, на что, можно положительно сказать, неспособенъ мужскаго пола педагогъ, думающій и могущій поступить въ городовые. Баронъ Корфъ хотя и говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего отчета: «взглядъ народа на обученіе женщинъ грамотѣ, убѣжденіе его въ томъ, что дѣло женщины — смотрѣть за горшками — не измѣнились и въ теченіе втораго учебнаго года», но однако же мы видимъ, что взглядъ простаго народа на женщинъ-учительницъ несравненно правильнѣе и прогрессивнѣе взгляда на этотъ предметъ большинства представителей московскаго земства. Просвѣщенные московскіе земскіе представители урѣзываютъ изъ скуднаго жалованья учительницы 25 цѣлковыхъ, а волостное правленіе, убѣдившись, что въ женщинѣ толку больше, чѣмъ въ ея предшественникѣ, мужчинѣ (который, вѣроятно, поступилъ въ псаломщики), назначаетъ женщинѣ жалованья 260 руб., вмѣсто прежнихъ 170-ти, да баронъ Корфъ, сверхъ того, представляетъ ее же къ 50-тирублевой наградѣ. Вотъ ужь именно: «что городъ — то норовъ; что де-

ревня — то обычай!» Не трудно, кажется, понять, что, если земству желательно привлечь учительницъ въ свои школы, то ихъ нужно обезпечить, или въ равной степени, или даже прочнѣе, чѣмъ мужчинъ, такъ-какъ женщина, кромѣ лишеній всякаго рода, должна перенести еще не мало и оскорбленій, а Кита Китыча, надѣющагося добиться мѣста городоваго, никто не обидитъ, а скорѣе онъ самъ каждаго обидитъ. Въ выгодѣ же привлеченія къ школьному дѣлу женщинъ, нѣтъ ни малѣйшихъ сомнѣній, о чемъ уже говорилось выше.

Въ петербургскомъ собраніи вопросъ объ участіи женщинъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія такъ и остался открытымъ, вѣроятно до слѣдующей сессіи, но въ общемъ вопросъ о сельскихъ школахъ разрѣшенъ едва-ли не основательнѣе, чѣмъ въ Москвѣ. При самомъ концѣ засѣданія о школахъ, г. предсѣдатель управы заявилъ собранію, что онъ получилъ письмо отъ одного землевладѣльца на имя собранія. Сущность письма въ слѣдующемъ: пораженный съ одной стороны недавнимъ голодомъ, а съ другой — недостаткомъ школъ для народнаго образованія, авторъ письма предлагалъ собранію: скупать осенью по дешевымъ цѣнамъ хлѣбъ, складывать его на зиму въ помѣщичьи амбары, а весной продавать его съ барышемъ, и на вырученныя деньги заводить народныя школы и т. п.; но это предложеніе, какъ и слѣдовало ожидать, было встрѣчено смѣхомъ.

Изъ провинціальныхъ земствъ, по части народнаго просвѣщенія, новгородское опередило столичныя; впрочемъ, оно такъ и слѣдовало. Москвичи, экономничая на просвѣщеніи, не щадятъ за то издержекъ на возобновленіе ветхихъ стѣнъ въ Коломнѣ, въ которыя можно бы было замуравливать лицъ, арестуемыхъ новыми судебными учрежденіями *, а древній Новгородъ, центръ древней свободы и просвѣщенія на Руси, старается, какъ бы реставрировать эти скудные остатки старины, отъ которыхъ, кромѣ праха, ничего и не осталось. Въ великомъ Новгородѣ еще 30-го августа минувшаго года открыта земская учительская школа, безъ всякаго обремененія земства (на доходы съ почты) и, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ,

* Справедливость заставляетъ насъ замѣтить, что московская городская дума, щедростію своею по части просвѣщенія, затмила всѣ земства, какъ столичныя, такъ и провинціальныя. Въ «Русск. Вѣдом.» читаемъ, что въ засѣданіи 3-го декабря дума опредѣлила открыть съ новаго года пять новыхъ женскихъ училищъ, отчисливъ для этой потребности новый ежегодный расходъ почти въ 10,000 руб. сер. Если прибавить къ этой суммѣ тѣ 15,000 руб., которые будутъ съ 1870 года ассигнуемы на содержаніе прежде существовавшихъ пяти начальныхъ училищъ, и 1,000 руб., назначаемыхъ для организаціи педагогическихъ курсовъ съ цѣлью образованія наставницъ для начальныхъ женскихъ училищъ, то составится сумма 26,000 руб., которые ежегодно затрачиваетъ городъ на пользу начальнаго образованія дочерей бѣднѣйшихъ классовъ городскаго населенія.

то устроена она вполнѣ удовлетворительно. Въ школѣ соблюдены всѣ условія, существенно необходимыя для того, чтобъ не отвлекать молодыхъ крестьянъ отъ ихъ быта. Бревенчатыя стѣны школы напоминаютъ просторную, чистую крестьянскую избу; ученики спятъ на деревянныхъ лавкахъ, на которыхъ постланы тюфяки изъ соломы, и подушки, набитыя сѣномъ. Одежда чисто крестьянскаго покроя. Крестьянское нижнее платье изъ бѣлаго холста, верхнее такое же изъ пестряди, для выхода изъ дому лѣтомъ — сѣрый армякъ, зимою — нагольный тулупъ. Пища также чисто крестьянская, такая, какую желательно, чтобъ готовили себѣ крестьяне. Утромъ въ 5½ часовъ, молоко или сбитень съ чернымъ хлѣбомъ; въ полдень на обѣдъ щи или супъ и каша; въ 7 часовъ вечера, на ужинъ, щи или супъ. Ежедневно, когда только позволяетъ погода, воспитанники занимаются два или три часа полевыми работами. Въ школѣ нѣтъ прислуги; ночное дежурство, топка печей, содержаніе комнатъ въ чистотѣ, носка дровъ и воды — все это дѣлается самими учениками. При школѣ есть мастерская для обученія столярному ремеслу; предполагается устроить еще кузницу, такъ-какъ обдѣлка дерева и ковка — главные промыслы сельскаго населенія Новгородской губерніи. Наконецъ ежегодно, съ 15-го мая по 15-е августа, ученики распускаются въ свои родныя деревни, для занятій лѣтними крестьянскими работами.

Сверхъ того, новгородское земство открыло еще женскую учительскую школу, опередивъ, такимъ образомъ, и петербуржцевъ и, отчасти, москвичей, которые, хотя и предположили помѣстить въ педагогическіе курсы г-жи Чепелевской нѣсколько земскихъ стипендіатокъ, но урѣзкою 25-ти рублей отъ скуднаго, будущаго ихъ жалованья, все дѣло испортили. Московскіе земскіе представители и для своихъ женщинъ-учительницъ утвердили шестилѣтній обязательный срокъ службы, хотя, казалось бы, при невозможности женщинѣ вступить въ городовые и дьячки, подобная предосторожность едва-ли не лишняя; впрочемъ, при урѣзкѣ жалованья, быть можетъ, и не совсѣмъ лишняя. Итакъ, новгородское земство, честь ему и слава, опередило обѣ столицы, а уже о провинціальныхъ земствахъ — и говорить нечего!

Въ Симбирскомъ уѣздѣ, напр., какъ я уже сообщалъ, на просвѣщеніе ста тысячъ жителей, земство отпустило 100 руб.; а, вѣроятно, есть на обширной Руси и такіе уѣзды, для которыхъ и сумма въ 100 рублей показалась бы слишкомъ ужь значительною. Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, съ бѣдняковъ-чувашъ мѣстныя власти за все берутъ штрафы въ пользу сельскихъ школъ, на которыя чуваши, по словамъ корреспондента, начали смотрѣть, какъ на особенное какое-то наказаніе божеское. Чебоксарское уѣздное собраніе, сообщаетъ корреспондентъ, въ распоряженіе училищнаго совѣта ассигновало на народное образованіе 1,000 руб. Если на каждую

школу, чтобы она была таковой въ полномъ смыслѣ, отчислить изъ тысячи хоть по двѣсти рублей, то тысячи рублей хватитъ только на пять школъ, а ихъ въ одномъ 2-мъ участкѣ не менѣе десяти. Чѣмъ же, при сдѣланномъ разсчетѣ, содержатся остальныя школы? Штрафами должностныхъ и другихъ провинившихся лицъ. Штрафы эти при волостныхъ правленіяхъ составляютъ порядочную сумму; да иначе и быть не можетъ: не предувѣдомленный писарь вышелъ встрѣчать начальника не съ стеариновой, нарочито для него купленной свѣчей, а съ сальной — штрафъ въ пользу училищнаго капитала; полчасомъ раньше или позже пришла почта — съ членовъ штрафъ; ямщикъ тихо везетъ начальника, или что-нибудь у него въ дорогѣ поломалось — опять штрафъ въ пользу училищнаго капитала; прогуливаясь вечеромъ по селу, начальникъ наткнулся на корову — штрафъ съ пастуха и старосты; десятидворный явился на волостной сходъ безъ бляхи — тоже штрафъ и т. д. и т. д. Есть, наконецъ, такія губерніи, въ которыхъ земскія учрежденія только что открылись, не знаютъ, какъ имъ быть и что́ дѣлать (напр. Олонецкое). Дѣло въ томъ, что нѣкоторымъ гласнымъ, чтобы доѣхать до губернскаго города, приходится проскакать 2,000 верстъ, а между тѣмъ, какъ извѣстно, гласнымъ содержанія никакого не полагается, а, если гдѣ и положили, тамъ его уничтожили, какъ противозаконное.

Чтобы покончить на этотъ разъ съ сельскими школами, я считаю не безъинтереснымъ для читателя сообщить нѣкоторыя, доставленныя мнѣ, свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ училища г. Лесевича въ селѣ Денисовкѣ, въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, о которомъ много было писано въ газетахъ, а также упоминалось и въ «Отечественныхъ Запискахъ» *. Читатель, быть можетъ, помнитъ, что школа въ Денисовкѣ была основана на пожертвованныя помѣщикомъ Лесевичемъ деньги; что въ школу эту опредѣленъ былъ учителемъ нѣкто Безуглый и, что, по доносамъ добрыхъ людей, школу заподозрили во вредномъ направленіи и устранили Безуглаго отъ должности. По жалобѣ помѣщика въ сенатъ, дѣло это вновь пересматривалось, и сенатъ, не замѣтивъ въ ней ровно никакихъ признаковъ вреднаго направленія, указомъ своимъ отмѣнилъ постановленіе полтавскаго училищнаго совѣта и предписалъ сдѣлать распоряженіе о допущеніи крестьянина Безуглаго къ преподаванію.

Казалось бы, что училищный совѣтъ, получивши отъ губернатора копію съ сенатскаго указа, немедленно обязанъ былъ исполнить его буквально; но не тутъ-то было: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается! Губернскій совѣтъ, постановленіе котораго отмѣнилъ сенатскій указъ, опредѣлилъ:

---

* См. въ одной изъ лѣтнихъ книжекъ статью подъ заглавіемъ: «Съ больной головы, да на здоровую».

просить уѣздный лубенскій совѣтъ *имѣть строгое наблюденіе*, дабы въ Денисовскомъ училищѣ *немедленно былъ опредѣленъ законнымъ образомъ законоучитель, и малороссійскія книги, находившіяся въ училищѣ, не были употребляемы впредь, ни при обученіи, ни для чтенія учениковъ, и даже были устранены изъ училища*, о чемъ губернскій совѣтъ будетъ ожидать увѣдомленія.

Чтобы вникнуть въ смыслъ подчеркнутыхъ строкъ, необходимо припомнить, что всѣ непріятности возникли по доносу бывшаго законоучителя, отца Михайловскаго, признанному сенатомъ ложнымъ доносомъ. Такъ-какъ человѣку, хотя бы и *отцу*, уличенному въ ложныхъ доносахъ, неловко было уже оставаться въ училищѣ проповѣдникомъ евангельскихъ истинъ, то учредителю, г. Лесевичу, предоставлено право ходатайствовать о назначеніи новаго законоучителя, о чемъ онъ и подалъ два прошенія: архіерею и въ губернскій училищный совѣтъ, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ прошлаго года, но до 15-го октября никакого отвѣта не получалъ. Не получалъ ожидаемаго отвѣта и уѣздный училищный совѣтъ до половины октября, а между тѣмъ губернскій совѣтъ 6-го сентября обратился именно къ нему *съ требованіемъ о немедленномъ* опредѣленіи, законнымъ образомъ, законоучителя! Ну, не странно-ли: въ апрѣлѣ получили просьбы *о немедленномъ* назначеніи законоучителя, а въ сентябрѣ, т.-е. чрезъ пять почти мѣсяцевъ, требуютъ *немедленнаго* опредѣленія! Къ кому же можетъ относиться подобное требованіе, какъ не къ самимъ же себѣ? Вотъ тебѣ и сокращеніе переписки!

Далѣе, губернскій полтавскій училищный совѣтъ требуетъ, чтобы книги на малороссійскомъ языкѣ были *немедленно удалены изъ училища*. Посмотримъ, не имѣетъ ли и это предписаніе того же смысла, какъ и первое, т.-е. предписанія, даннаго самимъ себѣ? Доносъ отца Михайловскаго потому именно и признанъ былъ сенатомъ ложнымъ, что въ училищѣ книгъ на малороссійскомъ языкѣ не оказалось, иначе доносъ не былъ-бы ложнымъ; что же, спрашивается, удалять-то, если тамъ ничего нѣтъ? Въ первый годъ по основаніи училища, тамъ дѣйствительно было нѣсколько малороссійскихъ книгъ, собственно только для чтенія, а не для обученія, но ихъ отобралъ у учениковъ нѣкто отецъ Григорій, три года уже умершій, подъ предлогомъ представленія ихъ архіерею. Судьба этихъ книгъ такъ и канула въ вѣчность, вмѣстѣ съ отцомъ Григоріемъ, и остались въ училищѣ только двѣ: священная исторія свящ. Опатовича и псалмы въ переводѣ Максимовича, которые и тогда, т.-е. въ 1866 году, устранены не были. Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, священная исторія и псалмы царя Давида серьёзно признаются губернскимъ полтавскимъ училищнымъ совѣтомъ книгами вредными и, въ нѣкоторомъ родѣ, опасными даже по отношенію къ цѣлости и нераздѣльности Россійскаго государства?

Ужъ это, какъ-то черезчуръ, въ особенности, въ виду то-

го, что сенатъ, признавая дѣйствія гг. Лесевича и Безуглаго непротивузаконными, тѣмъ самымъ уже призналъ противузаконными дѣйствія самого училищнаго совѣта!

Очень жалко и досадно, что новыя наши учрежденія дѣйствуютъ иногда на такихъ старыхъ, отжившихъ свой вѣкъ, началахъ, которыя даже въ самыхъ духовныхъ консисторіяхъ нѣкоторыми признаются уже нынче не совсѣмъ какъ будто правильными. Тѣмъ болѣе это досадно, что училищные совѣты принадлежатъ какъ бы къ земству, а земство Полтавской губерніи, по крайней-мѣрѣ, постоянная медицинская коммисія при полтавской управѣ, заявила свою дѣятельность вовсе не съ той стороны, съ какой заявилъ ее совѣтъ — учрежденіе чрезвычайно важное, отъ котораго зависитъ, во многомъ, успѣхъ или неуспѣхъ народнаго образованія въ извѣстной мѣстности. Впрочемъ, и сама полтавская губернская управа, какъ изъ «Трудовъ медиц. коммисіи», видно, начала дѣйствовать энергически только лишь въ самое послѣднее время, иначе бы на 99-й стр. «Трудовъ» не могла появиться подобная фраза: «коммисія, получивъ отъ старшаго врача увѣдомленіе *о постыдномъ содержаніи психическихъ больныхъ*, подробно осмотрѣла домъ умалишенныхъ на мѣстѣ, и убѣдилась, что мнѣніе доктора Цитовича вѣрное». Полтавская губ. управа, какъ извѣстно, существуетъ съ 1865 года; почему же, спрашивается, въ теченіе четырехъ лѣтъ она охраняла это *постыдное содержаніе* психическихъ страдальцевъ? Почему несчастные горожане-страдальцы до сей поры оставались ею незамѣченными, тогда какъ они страдали и стонали предъ самыми глазами и ушами членовъ управы, и деньги платили такія же, какъ и всѣ другіе земскіе люди? Впрочемъ, мало ли какихъ вопросовъ можно предложить, конечно, болѣе или менѣе основательныхъ? Вѣроятно, другихъ дѣлъ у управы было слишкомъ много, такъ что больные въ Полтавѣ поневолѣ, до поры до времени, принуждены были изнывать на *постыдномъ содержаніи;* а, быть можетъ, это и просто сдѣлано въ видахъ экономіи, которая иногда завлекаетъ земскихъ представителей слишкомъ ужь далеко. Такъ, недавно мы въ одной газетной корреспонденціи прочитали, что въ Гороховецкомъ уѣздѣ, во всѣхъ открытыхъ тамъ земскихъ лечебницахъ, вотъ ужь около трехъ мѣсяцевъ не имѣется рѣшительно никакихъ медикаментовъ. Экономная мѣстная управа, изволите-ли видѣть, задумала съ новаго года выписать всѣ медикаменты вразъ, оптомъ, потому-де дешевле. Разсчетъ, разумѣется, вѣрный: кромѣ несомнѣнной выгоды при оптовой покупкѣ, земство еще выигрываетъ тѣ три мѣсяца экономіи, которые гороховецкіе мужики принуждены были провести безъ шпанскихъ мушекъ и англійской соли. У насъ, вѣдь, и то правда, случается, что даже уѣздные города проводятъ цѣлые мѣсяцы безъ обыкновенной, поваренной соли, а ужь не то что безъ англійской, представляющей, въ нѣкоторомъ родѣ, роскошь.

Конечно, экономія — вещь хорошая и необходимая, но однако же не такая, изъ-за которой больные страдаютъ *на постыдномъ содержаніи,* безъ лекарствъ; не старушечья экономія, руководствуясь которой, изъ ума выжившая старуха цѣлый день держитъ зажженнымъ ночникъ, чтобы не тратить лишней спички. Земскія денежныя дѣла — никто противъ того спорить, конечно, не станетъ — находятся въ положеніи, далеко не блестящемъ. Изъ послѣднихъ отчетовъ новгородскаго земскаго собранія мы видимъ, что тамъ на губернскія потребности, по смѣтѣ на 1869-й годъ, предполагалось собрать съ уѣздовъ 60,629 рублей, а собрано всего 18,690 р., такъ что въ недоимкѣ осталось около 42 тысячъ: тутъ не много удѣлишь на земскія пользы и нужды! «Земскія учрежденія — говорится въ новгородскихъ отчетахъ — поставлены въ трудное положеніе: сборовъ не поступаетъ, само земство не уполномочено взыскивать ихъ, а мѣстная правительственная власть, указывая на неисполненіе обязательныхъ повинностей, даже начинаетъ дѣйствовать сама на счетъ земства. Всѣ расходы нынѣшняго года удовлетворены изъ запаснаго капитала и др.; но что будетъ въ 1870 г., когда запасный капиталъ будетъ отчисленъ въ земскій банкъ. Долги уѣздовъ ежегодно увеличиваются, и въ послѣдующіе годы цифра можетъ значительно увеличиться и дойти до такихъ размѣровъ, что уплата будетъ крайне трудна». Не лучше оказалось и положеніе московской *уѣздной* земской управы. Изъ приложеннаго къ отчету счета земскихъ сборовъ съ 1-го сентября 1868 года по 1-е сентября 1869 года мы узнаемъ, что по смѣтѣ на 1869 годъ всѣхъ сборовъ исчислено 83,287 р. 45 к. сер., а недоимокъ за четыре предшествовавшіе года накоплено было 102,114 р. 69 коп. Петербургское и московское губернское земства, какъ видно, такой крайности не терпятъ (у петербургскаго сохранился даже остатокъ отъ смѣтной суммы въ 23 т.), но однако и они принуждены приводить въ исполненіе только лишь развѣ сотую часть того, что̀, при другихъ обстоятельствахъ, слѣдовало бы исполнить немедленно. Дороги въ Петерб. губ., по причинѣ ея гнилаго климата, прямо уже называются на собраніяхъ *непроѣздимыми*, а, между тѣмъ, управа затрудняется даже, какими средствами поправлять и существующія шоссе, а ужь не то, что думать о насыпкѣ новыхъ.

Губернское собраніе прошлой сессіи поручило управѣ заняться отысканіемъ источниковъ на шоссированіе новыхъ трактовъ; теперь управа докладываетъ собранію, *что въ виду подобныхъ источниковъ не имѣется:* свободные остатки отъ смѣтныхъ назначеній прошлыхъ лѣтъ необходимы для составленія запаснаго капитала; дѣлать хотя бы долгосрочный заемъ на нужды губерніи управа не находитъ удобнымъ, въ виду накопившихся недоимокъ и недавняго голода; установить дополнительный сборъ — по той же причинѣ. Остается одинъ источникъ: косвенный налогъ въ видѣ сбора за проѣздъ по шоссе; управа хотя и при-

знаетъ эту мѣру полезною, но въ настоящее время земство С.-Петербургской губерніи не имѣетъ еще въ своемъ распоряженіи достаточно большихъ для этого участковъ шоссированныхъ дорогъ.

На собраніи предлагаются различныя мѣры, но всѣ эти мѣры оказываются неудовлетворительными. Такъ-какъ шоссированіе большими участками, съ ассигновкою десяти тысячъ ежегодно, потребуетъ, по разсчету, лѣтъ пятьдесятъ, а между тѣмъ желательно, чтобъ ѣздить представилась возможность и пораньше нѣсколько (потому что, при такихъ условіяхъ, ни одному изъ присутствовавшихъ гласныхъ не удастся даже глазкомъ взглянуть на плоды своихъ трудовъ), то предлагается сдѣлать заемъ, но у кого? Сначала думаютъ у правительства, но потомъ приходятъ къ мысли *занять у самихъ себя*, то-есть изъ различныхъ отдѣльныхъ земскихъ капиталовъ, пока они не всѣ еще вышли. Предложеніе это, впрочемъ, тоже не прошло, потому что, какъ напримѣръ, возможно трогать продовольственный или страховой капиталы или капиталъ общественнаго призрѣнія, когда та же самая непроходимая грязь и слякоть на немощеныхъ дорогахъ въ соединеніи съ скверными климатическими условіями, того и жди произведутъ голодъ и повальную эпидемическую болѣзнь, а деревни могутъ погорѣть? Волей-неволей, а приводится признать мощеніе *непроѣздимыхъ* дорогъ покуда *роскошью* и передать этотъ вопросъ опять-таки туда, откуда онъ и вышелъ въ формѣ вопроса, а именно въ губернскую же управу, которой «поручить продолжать заниматься вопросомъ объ изысканіи средствъ для шоссированія, имѣя въ виду заявленіе г. Павловича» (о займѣ). Управа, разумѣется, рада стараться, но вопросъ: что̀ она *изыщетъ* въ пустомъ-то карманѣ?

Оказывается надобность устроить переправы черезъ рѣки, потому что переправляться не на чемъ; и народъ, какъ еще въ третьемъ году было сказано, гибнетъ. Собраніе разрѣшаетъ управѣ четыре тысячи семьсотъ рублей на паромы, канаты и проч., но такъ-какъ всего этого еще недостаточно, то просятъ разрѣшить ей взысканіе платы за перевозъ съ мужиковъ. (Плата эта отмѣнена графомъ Перовскимъ въ 1843 году). Сейчасъ, разумѣется, посыпались возраженія. «Крестьянскія проселочныя дороги — сказалъ баронъ Фредериксъ — проѣздимы только зимою; если къ этому неудобству прибавить условіе, что крестьянинъ долженъ возить съ собою наличныя деньги и уплачивать ихъ, при совершенномъ недостаткѣ ихъ, — это будетъ крайне вредно и обременительно для недостаточныхъ классовъ». «Справедливость требуетъ освободить крестьянъ отъ этой платы», закончилъ г. гласный, «и я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ просить объ этомъ собраніе». Нѣкоторые гласные возражали, что правительство взимаетъ же особую плату за перевозъ, и что кто ѣздитъ, тотъ пусть и платитъ, иначе гдѣ же и уравнительность? Гл. *Жуковскій* не менѣе энергично защищалъ учрежде-

ніе таксы; «гдѣ удобства, тамъ нужны и деньги; если мы, при всякомъ подобномъ случаѣ, будемъ ссылаться на бѣдность низшихъ классовъ, то мы никогда ничего не сдѣлаемъ для благосостоянія губерніи. Ссылаться на бѣдность невозможно». Завязались оживленныя пренія, во время которыхъ нѣкоторые изъ гласныхъ указывали на то, что для крестьянъ нестолько будетъ обременительна плата за перевозъ, сколько поборы лицъ, которые будутъ назначены для взиманія ея.

Отыскался, между тѣмъ, министерскій циркуляръ, разрѣшающій таксу, а потому и была утверждена представленная управой; но потомъ, уже послѣ ея утвержденія, опять возникли недоразумѣнія: предоставить ли управѣ прямо сообщить свои объясненія и свѣдѣнія г. министру, или же предварительно представить въ собраніе особымъ докладомъ? Въ преніяхъ, между прочимъ, было высказано барономъ Фредериксомъ, что достоинству собранія нисколько не вредитъ перерѣшеніе едва рѣшеннаго вопроса, если только того требуютъ интересы самаго дѣла.

«Да о чемъ же, гг. гласные, пренія-то у насъ идутъ? произнесъ г. Гроздовъ. — Собраніе приняло таксу управы, вѣроятно, имѣя на то какія-нибудь основанія; и вдругъ оно станетъ требовать отъ управы объяснительнаго доклада, другими словами, требовать, чтобъ ему объяснили, почему оно, собраніе, постановило такое рѣшеніе? Можно было не утверждать; но принять и затѣмъ спрашивать себя, почему мы это сдѣлали, по моему мнѣнію, неудобно».

Послѣ этой короткой, но дѣйствительно энергической рѣчи, собраніе окончательно уже рѣшилось принять таксу, составленную управой.

На московскомъ собраніи дорожныя пренія были короче, хотя самыя работы, о которыхъ шла рѣчь, оказались очень крупными. На постройку шоссе между Москвою и Дмитровымъ быстро разрѣшено выдать 93 тысячи въ два срока: въ 1870—50 и въ слѣдующемъ — остальныя. Заикнулся-было одинъ гласный даже насчетъ концессіи на желѣзную дорогу, но это предложеніе не прошло: побоялись, что правительство не утвердитъ.

Не безъинтересны, наконецъ, были на всѣхъ состоявшихся губернскихъ собраніяхъ, о которыхъ я имѣю свѣдѣнія, пренія о земскихъ пользахъ и нуждахъ, куда преимущественно входятъ всѣ ходатайства земства объ уничтоженіи ненужныхъ, по его мнѣнію, расходовъ. Почти вездѣ опять ходатайствовали (впрочемъ, уже во второй и третій разъ) объ уничтоженіи мировыхъ посредниковъ и членовъ отъ правительства при мировыхъ съѣздахъ. Новгородское земство, преимущественно, какъ мы уже видѣли, преизобилующее недоимками, ходатайствуетъ объ этомъ уничтоженіи всѣхъ усерднѣе. По его мнѣнію, на мировыхъ посредниковъ и членовъ земству непроизводительнымъ образомъ приходится расходовать суммы, несообразно съ долей получае-

мой имъ пользы, такъ-какъ дѣятельность мировыхъ посредниковъ совершенно измѣнилась въ настоящее время и вся почти, развѣ за исключеніемъ составленія владѣнныхъ записей, можетъ быть передана въ другія учрежденія, безъ ущерба для самаго дѣла.

Московское земство ходатайствуетъ объ уничтоженіи, безполезнаго по его мнѣнію, статистическаго комитета. Расходъ этотъ, одинъ изъ гласныхъ назвалъ малопроизводительнымъ и упомянулъ о необходимости, по его мнѣнію, возобновить ходатайство о сложеніи съ земства этой обязательной для него статьи ежегодныхъ затратъ. Земство уже однажды входило къ кому слѣдуетъ съ ходатайствомъ по этому поводу, замѣтилъ онъ, но это ходатайство остается до сего времени неразрѣшеннымъ.

Не знаю, на сколько подобное ходатайство удовлетворимо, но мнѣ кажется, что секретари губернскихъ статистическихъ комитетовъ, въ защиту свою, могутъ представить, кому слѣдуетъ, свои «памятныя книжки».

Новое распоряженіе о сборѣ съ управъ, какъ съ частныхъ учрежденій, вѣсовыхъ и страховыхъ денегъ, при отправкѣ ими пакетовъ по почтѣ (о которомъ было уже сказано въ декабрьск. кн. «Отеч. Записокъ» въ статьѣ «Наши общественныя дѣла»), также вызвало цѣлый рядъ ходатайствъ. Новгородское земство просило, по крайней мѣрѣ, отсрочить хотя ненадолго это распоряженіе, потому что оно объявлено по закрытіи уже уѣздныхъ собраній, которыя не успѣли, слѣдовательно, внести въ свои смѣты новаго расхода. Нѣкоторыя изъ уѣздныхъ собраній Петербургской губерніи тоже хотѣли было ходатайствовать чрезъ губернское, но баронъ Корфъ очень основательно возразилъ, что онъ не предвидитъ никакихъ практическихъ результатовъ подобнаго ходатайства. Такъ-какъ, впрочемъ, никому не было извѣстно, какъ именно великъ предстоитъ новый расходъ, то порѣшили: «не давать губернской управѣ никакихъ инструкцій по этому предмету». Московское собраніе поступило въ данномъ случаѣ еще рѣшительнѣе: оно прямо увеличило цифру экстраординарныхъ расходовъ управы съ семи тысячъ на 13,277 рублей, «въ виду новаго распоряженія» — какъ говорится въ отчетахъ. Какъ посмотрѣли на этотъ предметъ другія управы и на сколько онѣ разсчитываютъ на успѣшность ходатайства, видно изъ объявленій, уже появившихся въ нѣкоторыхъ газетахъ, въ родѣ нижеслѣдующаго:

Тихвинская уѣздная земская управа симъ честь имѣетъ увѣдомить, что всѣ учрежденія и лица, имѣющія получать отъ нея свѣдѣнія или отвѣты, благоволятъ присылать ей почтовыя марки, по двѣ на каждый отвѣтъ; въ противномъ случаѣ, съ 1-го января 1870 года, управа не будетъ имѣть возможности, при всемъ желаніи, удовлетворять требованій.

Не лишены были интереса на московскомъ собраніи разсужденія объ оспопрививаніи, расходъ на которое вразъ увеличенъ съ 285 р. на 3,000. Изъ преній было ясно, что оспенная матерія, получаемая изъ московскаго воспитательнаго дома, очень плоха, тогда какъ на содержаніе при воспитательномъ домѣ телятъ отпускается ежегодно двѣ тысячи рублей въ годъ. «Меня такая цифра приводитъ въ изумленіе! — воскликнулъ гласный г. Смирновъ, — какъ, для содержанія четырехъ телятъ надо расходовать 37 руб. въ мѣсяцъ, содержать кромѣ того двухъ врачей и двѣ прислуги. Да этого въ наше время не имѣютъ даже многія барыни!...» Тутъ предсѣдатель собранія, князь А. В. Мещерскій, остановилъ дальнѣйшія сравненія оратора. Какъ видно было изъ письма почетнаго опекуна, дѣло заключалось въ томъ, что подрядчикъ, обязавшійся поставлять телятъ, ставитъ ихъ до 400 головъ въ годъ; принимаются отъ него лишь тѣ, которые находятся въ оспѣ; за каждаго, удовлетворяющаго этимъ условіямъ теленка, онъ получаетъ по 2 р. 50 к.

Неизвѣстно, удовлетворился ли почтенный гласный подобнымъ разъясненіемъ, но онъ, какъ видно, не успокоился. Прежде, по распоряженію правительства—заявилъ г. Смирновъ—изъ каждой губерніи, на разъѣзды фельдшерамъ и на покупку инструментовъ для оспопрививанія, высылалось по 285 руб. ежегодно въ вольное экономическое общество; изъ этихъ денегъ составился очень значительный капиталъ, именно около 500 тыс. руб., названный оспеннымъ, а потому, прибавилъ г. Смирновъ, слѣдовало бы ходатайствовать о возвращеніи изъ этого капитала суммы, причитающейся на Московскую губернію. На это заявленіе предсѣдатель губернской управы пояснилъ, что еще при самомъ введеніи въ дѣйствіе положенія о земствѣ состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы оставшуюся отъ оспеннаго капитала сумму считать собственностью вольнаго экономическаго общества.

Тѣмъ это оспенно-лимфатическое дѣло и кончилось: ассигновали три тысячи рублей, чтобы лимфа была хорошая, и занялись другими предметами.

Тѣмъ и я закончу свою статью. Разсудить о томъ: много, или мало сдѣлали земскія собранія послѣдней сессіи и могли ли они сдѣлать больше, — предоставляю уже самимъ читателямъ. Мнѣ нужно было только собрать и сгруппировать факты.

Н. Демертъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

Письмо второе.

I.

Январь 1870 г.

Что это, у насъ революція? Нѣтъ, не революція, а фарсъ, но фарсъ, который можетъ далеко повести и наполеоновскую династію и всю Францію.

Неугомонная французская нація долгое время терпѣливо сносила самодержавіе Наполеона III. Но Наполеонъ III самъ заявилъ свою несостоятельность: онъ ничего не разрѣшилъ, ничего не выяснилъ для будущаго страны и доказалъ свое полнѣйшее безсиліе относительно прочихъ государствъ. Онъ, разумѣется, вовсе того не желая, представилъ и Франціи и Европѣ свою политическую неспособность. Онъ явился спасителемъ буржуазнаго порядка, а что вышло изъ безумныхъ финансовыхъ плановъ 1858 г.? Воровство, раззоренье, движимый кредитъ и тому подобныя кассы. Онъ явился охранителемъ сельской собственности, а между тѣмъ только увеличивалъ налоги, не уничтожилъ акциза на съѣстные припасы и захватывалъ всю сельскую молодежь въ солдаты. Бывшій соціалистъ, эмансипаторъ рабочихъ классовъ, онъ даже не могъ набрать жильцовъ въ изобрѣтенныя имъ cités ouvrières и долженъ былъ обратить ихъ въ складныя мѣста для ружей Шаспо,— этимъ и ограничилось разрѣшеніе вопроса о столкновеніяхъ хозяевъ съ рабочими.

Съ другой стороны, заключивъ виллефранкскій миръ и тѣмъ потерявъ представившійся ему случай сдѣлаться освободителемъ всѣхъ угнетенныхъ народовъ и забрать въ руки Европу, Наполеонъ III отправляетъ свои войска въ Мексику. Что выходитъ изъ этой экспедиціи? Австрійскаго принца разстрѣливаютъ, а американская республика очень ясно показываетъ, что европейское и монархическое вмѣшательство въ дѣла новаго свѣта невозможно. Наконецъ, на старомъ континентѣ, гдѣ всѣ на него смотрѣли съ омерзеніемъ за покровительство папѣ и папской гнили, онъ такъ далеко зашелъ съ бисмарковской политикой, что самъ попалъ въ свои сѣти и навсегда отнялъ у

себя возможность помѣшать пробужденію народа какими нибудь военными фокусами. А годы все шли, все накоплялись вмѣстѣ съ ошибками и промахами, онъ старѣлся, началъ хворать и рисковалъ умереть съ увѣренностью, что сынъ не будетъ ему наслѣдовать.

Тогда онъ сказалъ себѣ: Я интригами добился французскаго престола,—если я опять стану интриговать для того, чтобы на немъ удержаться, я, быть можетъ, еще и удержусь!

И онъ принялся за дѣло. Онъ принялся изучать двѣ вещи: положеніе страны, и силу и слабость враждебныхъ ему партій.

Теперь Наполеонъ III соображается съ тѣми результатами, которые ему дало помянутое изученіе, и хочетъ спасти династію во что бы то ни стало, — хотя бы даже цѣною паденія Франціи.

У насъ не революція совершается, а продѣлывается интрига.

II.

Загляните за кулисы, или только дайте себѣ трудъ подумать и сообразить, вы тотчасъ же увидите, что все, что ни совершалось у насъ, совершалось съ вѣдома и по желанію Бонапарта,—все, начиная съ установленія публичныхъ преній въ законодательномъ корпусѣ до конституціоннаго письма 27 декабря 1869 г. Правда, многія газеты толковали о «внезапномъ, но миролюбивомъ» пробужденіи общественнаго духа, да мало ли о чемъ толкуютъ многія газеты. Очень легко, напримѣръ, прослѣдить превращеніе Эмиля Оливье, теперешняго министра. Эмиль Оливье, избранный въ 1857 г. парижскими республиканцами, считавшійся до 1866 г. честнымъ дѣятелемъ, однимъ изъ пяти законодательнаго корпуса, вдругъ дѣлается бонапартистомъ, примирителемъ имперіи съ свободой, покровителемъ императрицы Евгеніи и спасителемъ Наполеона IV. Дѣло это, разумѣется, очень хитрое и на него потребовалось не мало ловкости. Но тюильрійскій интриганъ ловокъ и далеко превосходитъ даже Валевскаго и Морни, своихъ незабвенныхъ помощниковъ. Что бы теперь ни говорили, Оливье не всегда былъ только «обыкновеннымъ пошлымъ честолюбцемъ», не искалъ «только удобнаго случая» прыгнуть изъ оппозиціи въ министры. Еслибы это было такъ, онъ бы тотчасъ же продался и уже три года красовался бы министромъ, вмѣстѣ съ г. Руэромъ. Прочтите знаменитую книгу *19 февраля* (но читайте и между строками), книгу, въ которой Оливье объясняетъ свои первыя экскурсіи въ министерскія палаты и въ бонапартовскіе покои. Вы поймете, что велъ игру не Оливье, что Оливье попался въ руки къ ловкимъ людямъ, которые, эксплуатируя и его личную гордость и его добрыя намѣренія, искусно направляли его и незамѣтно подготовляли въ министры. Будущаго основателя парламентской имперіи подкупали не сразу, а такъ сказать гомеопатическимъ образомъ. Дѣло было ведено такъ тонко, что когда Оливье спохватился,

онъ увидалъ себя до того компрометированнымъ, что ему отступать уже было невозможно. Въ началѣ предпослѣдней сессіи законодательнаго корпуса онъ почуялъ, что попался въ западню, попробовалъ-было очиститься отъ скверны, и снова протянулъ руку оппозиціи. Онъ сдѣлалъ двѣ-три нападки на Руэра и на правительство. И тогда-то старый тюильрійскій игрокъ, напустивъ на него всѣ продажныя газеты (къ которымъ не замедлили присоединиться и радикальныя), сдѣлалъ такія блестящія предложенія, надавалъ такихъ прекрасныхъ обѣщаній добродушному молодому человѣку, что этотъ послѣдній въ самомъ дѣлѣ вообразилъ себя счастливымъ виновниковъ письма *19-го января 18'7 г.*, и создателемъ новой правительственной системы,—системы, которую императоръ собирался установить цѣлые три года. Послѣ этой послѣдней попытки выбиться изъ сѣтей, Оливье погрязъ окончательно въ бонапартизмѣ, и такъ себя обезчестилъ, что при общихъ выборахъ 1870 г. парижскіе избиратели его отвергли, а выбрали Банселя. Оливье явился простымъ правительственнымъ кандидатомъ Варскаго департамента. Ставъ такимъ образомъ наряду со всѣми прочими депутатами не народа, а министерства внутреннихъ дѣлъ, Оливье утратилъ всякое личное значеніе. Онъ съ этой минуты сдѣлался комическимъ актеромъ, который обязанъ играть, когда пожелаетъ директоръ театра, ту или другую либеральную роль,—роль, требуемую публикой или обстоятельствами. Онъ даже не имѣлъ утѣшенія слѣдовать тому или другому своему влеченію, не могъ даже сообразовываться съ расположеніемъ своего духа, — онъ игралъ какъ и когда то было угодно помянутому директору и единственному автору пьесы.

III.

Наполеонъ III, разумѣется, не вѣрилъ, что ему предстоитъ неминуемая гибель въ 1869 г., какъ это ему предсказывали, но онъ разсчиталъ, что Франція неспособна терпѣть болѣе восемнадцати лѣтъ подобнаго правленія. Этимъ, быть можетъ, слѣдуетъ объяснять колебанія его политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Но хотя въ этихъ колебаніяхъ и проявляется несостоятельность его величества, однако всегда и вездѣ можно замѣтить одну послѣдовательную идею, проведенную съ обычной ловкостью. Императоръ французовъ ловитъ въ свои сѣти французскихъ либераловъ, какъ какихъ-нибудь карасей, дѣлаетъ ихъ орудіемъ для уничтоженія враждебныхъ ему партій, подготовляетъ наслѣдника на свое мѣсто и простираетъ дерзость даже до того, что подстрекаетъ на громкіе возгласы о республикѣ.

Въ 1868 г. изданы были законы о прессѣ и о собраніяхъ и сходкахъ. Законы эти, тонко обдуманные, то примѣнялись во всей своей строгости, то смягчались, смотря по тому, чего требовалъ интересъ правительства; они имѣли для Бонапарта то

удобство, что прилагая ихъ, онъ могъ измѣрять силу и мужество своихъ враговъ и могъ мѣшать пробужденію общественнаго духа. Цѣлые шесть мѣсяцевъ полиція, присутствовавшая на публичныхъ сходкахъ и собраніяхъ, никому, казалось, не мѣшала, но въ сущности она позволяла распространять только то, что̀ считала полезнымъ. Жители деревень — отъявленные собственники, и не дурно было снова внушить имъ, что *свобода* и *анархія*, *коммунизмъ* и *республика*—синонимы. Пресса, между тѣмъ, была придавлена административнымъ правосудіемъ. Но такъ-какъ пресса все-таки могла повредить и такъ-какъ Наполеонъ III убѣдился, что подъ его владычествомъ политическое образованіе массъ остановилось, а всѣ несогласія и распри, въ средѣ демократическихъ партій были живы (несогласія и распри, благодаря которымъ удался государственный переворотъ), то всѣмъ генералъ-прокурорамъ дана была новая инструкція. Со времени амнистіи прошлаго 15-го августа французскимъ журналистамъ было дозволено публиковать все, что̀ только приходило имъ въ голову. Единственныя преслѣдованія, случившіяся за послѣднее время, были вызваны тѣмъ, что наконецъ нѣкоторымъ толковымъ публицистамъ удалось провести республиканскую пропаганду въ армію. Къ арміи цесарь не позволяетъ прикасаться, приберегая ее на случай новаго государственнаго переворота, но все остальное въ имперіи, даже самъ императоръ, его супруга, его сынъ, ихъ обезьяна, ихъ собака, — всѣ къ вашимъ услугамъ: можете издѣваться сколько вашей душѣ угодно.

Спуская шлюзы, Наполеонъ III разсчитывалъ на наводненіе глупости и безумія. Разсчетъ былъ вѣренъ и успѣхъ превзошелъ ожиданія.

Во время преслѣдованій, появленіе «Фонаря» Рошфора считалось важнымъ европейскимъ событіемъ, и забавный шутникъ, благодаря этому, сошелъ за политическаго дѣятеля. Во время преслѣдованій подписка на памятникъ Бодену, придуманная газетами «Reveil» и «Avenir National», сильно, напугала правительство. Наполеонъ III увидалъ, что каждый новый процессъ все больше и больше соединяетъ прессу противъ общаго врага, угрожая образовать цѣлую оппозиціонную армію, армію не безтолковую, а сметливую, не безпорядочную, а регулярную. Дѣло было плохо, преслѣдовать не годилось; надо было измѣнить политику. Наполеонъ III тотчасъ же ее измѣнилъ.

При первомъ послабленіи возгорѣлись всѣ прежнія распри, несогласія, споры: что ни газета, то и лагерь; что ни статья, то и противникъ. Такъ-какъ смѣяться запрещали, то всѣ принялись за смѣхъ. И смѣялись такъ много, что перестали думать. Мысль замѣнилась остротой, каламбуромъ. Въ эти шесть мѣсяцевъ можно было далеко подвинуть политическое образованіе молодаго поколѣнія, которому бонапартовская система помрачила умъ до того, что оно все старое перезабыло и новому ничему не научилось. Слѣдовало бы вызвать молодежь изъ-за

конторокъ и прилавковъ, гдѣ ее тщательно удерживали всѣми силами и способами впродолженіе цѣлыхъ восьмнадцати лѣтъ, слѣдовало бы пробудить ее, оживить, поставить на ноги, одушевить, а ее только щекотали да убивали въ ней послѣднюю вѣру въ будущее. Придворные пороки, разумѣется, порицались, но отъ нихъ ужь не приходили въ негодованіе, — надъ ними только подшучивали и подсмѣивались. А такъ-какъ подсмѣиваться было запрещено, то всякій поставлялъ себѣ за особую заслугу подсмѣиваться, и всѣ другъ передъ другомъ щеголяли тѣмъ, кто зайдетъ подальше, кто выдумаетъ посмѣшнѣе каламбуръ или остроту. Самыя радикальныя газеты были увлечены общимъ потокомъ, и вмѣсто того, чтобы взяться за серьёзное дѣло, схватились за шуточки, за остроуміе и прибаутки. Именно въ то время, когда серьёзная политическая дѣятельность была необходима, оказалось, что серьёзныхъ дѣятелей нѣтъ, а есть только шутники. Бонапартъ могъ теперь безопасно установить парламентскій образъ правленія: Франція уже не относилась къ нему серьёзно. Онъ именно этого и желалъ и поэтому относился такъ невозмутимо ко всеобщимъ насмѣшкамъ. Онъ помнилъ, что ни исторія съ булонскимъ орломъ, ни исторія съ шляпой великаго дяди не помѣшали ему быть избраннымъ въ 1848 г. въ представители народа. Онъ помнилъ тоже, что монументальный носъ, украшавшій всѣ иллюстрированные журналы республики, нисколько не воспрепятствовалъ возрожденію имперіи. Онъ убѣдился собственнымъ опытомъ, что пословица: насмѣшка убиваетъ, несправедлива во Франціи. Къ тому же онъ зналъ, что чѣмъ больше на него нападаютъ журналисты, тѣмъ больше они рискуютъ потерпѣть неудачу.

Какъ бы то ни было, пока взрывы хохота въ средѣ читающей публики парализовали активное отношеніе къ дѣлу, опасность со стороны народнаго здраваго смысла была устранена стѣсненіемъ права сходокъ. Замѣтьте, что послѣднее совпало съ нѣкоторымъ послабленіемъ прессы, точно такъ же, какъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ строгія мѣры противъ прессы совпадали съ свободой собраній.

Во время выборовъ, когда рабочіе сбирались въ числѣ 500, 1,000 и 2,000 человѣкъ и обсуждали политическіе вопросы, обнаружились явленія утѣшительныя, для будущности французской демократіи. Въ неизбирательныхъ собраніяхъ мало показывалось серьёзныхъ соціалистовъ и людей, занимавшихся политикою, такъ-какъ политическіе и религіозные вопросы были исключены изъ программы подобныхъ сходокъ. Въ избирательныхъ собраніяхъ говорили многіе серьёзные ораторы, и видно было, какъ со дня на день, подъ вліяніемъ этихъ трезвыхъ рѣчей, масса быстро развивалась въ политическомъ отношеніи, обнаруживая чрезвычайную чуткость и проницательность. Еслибы легальный срокъ права сходокъ былъ сколько нибудь

продолженъ, нѣтъ сомнѣнія, республиканское воспитаніе рабочихъ было бы сдѣлано. Этому имперія изъ самосохраненія должна была во что бы то ни стало воспрепятствовать.

IV.

3,500 голосовъ оппозиціи противъ 4,000, пріобрѣтенныхъ правительствомъ посредствомъ принужденія и подкупа, убѣдили Наполеона III въ томъ, что съ одной стороны перемѣна необходима, съ другой — что онъ можетъ устроить ее по своему вкусу, благодаря пониженію значенія самой страшной для него политической партіи, — партіи республиканской.

Онъ подумалъ: республиканцы не идутъ дальше насмѣшекъ и бездѣйствуютъ, а между тѣмъ буржуазія, которая жалѣетъ о своихъ орлеанскихъ принцахъ, можетъ пріискать мнѣ преемника, если не при жизни, то послѣ смерти. Орлеанисты неспособны противиться военной силѣ и по большей части соскучились ожидать возвращенія своихъ любимыхъ принцевъ и очень охотно примирились бы съ имперіей, еслибы имъ предоставить должностныя мѣста и почести, по которымъ они вздыхаютъ цѣлые двадцать лѣтъ. Выдвинувъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и предоставивъ имъ говорить рѣчи, какъ, напримѣръ, г. Тьеру, я ничѣмъ не рискую, пока въ моихъ рукахъ полиція и войско. Въ случаѣ надобности я снова могу прибѣгнуть къ государственному перевороту, а для подготовленія его, въ случаѣ, еслибы они вздумали выказывать неповиновеніе и излишнюю требовательность, я могу напустить на эту непопулярную партію соціалистовъ, которые чувствуютъ отвращеніе къ буржуазіи, и республиканцевъ, которые не забываютъ, что 24-е февраля дѣло ихъ рукъ. Вся Франція, значительно оглупѣвшая въ теченіе моего двадцатилѣтняго правленія, будетъ рукоплескать, когда реакціонеры 1849 г. въ 1870 г. явятся ложными либералами. Если они удовольствуются (въ чемъ я совершенно увѣренъ) ролью нетребовательныхъ честолюбцевъ, я позволю имъ принять участіе въ управленіи. Чѣмъ больше они будутъ либеральничать въ незыблемыхъ границахъ моей власти, тѣмъ больше они, дѣлаясь явными бонапартистами, скомпрометируются и орлеанизмъ будетъ процвѣтать только въ моихъ передних.

Игра, которую велъ Наполеонъ III, выразилась въ двухъ документахъ, которые слѣдуетъ прочесть, перечесть и обдумать всякому, кто желаетъ понять настоящее положеніе дѣлъ, и результаты, которые рано или поздно изъ него произойдутъ.

27-го декабря, на другой день послѣ провѣрки полномочій, которая узаконила, съ незначительными исключеніями, всѣ подкупы и насилія администраціи, завѣдывавшей общими выборами, — на другой день послѣ ораторскаго успѣха г. Форкада де-ла Рокета, который опредѣлилъ крайнюю границу смиренія

и наивности нынѣшняго законодательнаго корпуса—Наполеонъ III принялъ отставку г. Форкада съ братіею и написалъ г. Эмилю Оливье знаменитое письмо, въ которомъ каждое слово разсчитано и взвѣшено.

«Г. Депутатъ!

«Министерство подало въ отставку и я, зная *вашъ патріотизмъ*, обращаюсь къ вамъ съ полнымъ *довѣріемъ* и прошу васъ указать мнѣ лицъ, которыя могли бы вмѣстѣ съ вами образовать кабинетъ, служащій вѣрнымъ представителемъ большинства законодательнаго корпуса и которыя бы прилагали на словахъ и на дѣлѣ духъ *senatus consulta 8 сентября*. Я полагаюсь на преданность законодательнаго корпуса великимъ интересамъ страны и ожидаю отъ нихъ помощи въ предпринятомъ мною основаніи конституціонной системы на *правильныхъ и прочныхъ началахъ*. Наполеонъ».

Письмо, какъ видите, сухое, но учтивое, письмо на англійскій манеръ, совершенно конституціонное, потому что слово «конституціонный» въ немъ упоминается, но для французовъ, необсобенно отличающееся парламентскими свойствами.

Хотя Эмиль Оливье впродолженіе цѣлыхъ пяти дней, дѣлалъ для обезпеченія себѣ поддержки большинства законодательнаго корпуса все, что могъ, доходилъ даже до объятій съ Кассаньякомъ, котораго Гизо называлъ глупымъ негодяемъ, а Ледрю-Роллень сыщикомъ на основаніи секретныхъ списковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и съ Жеромомъ Давидомъ, побочнымъ сына принца Жерома,—онъ все-таки не находилъ товарищей для образованія своего кабинета. По мѣрѣ того, какъ онъ ограничивалъ свои поиски, набирая сколько возможно болѣе членовъ прежняго министерства, всѣ друзья, старые и новые, отъ него отшатнулись и ему пришлось удовольствоваться людьми въ родѣ Клемана-Дювернуа.

Вотъ въ двухъ словахъ исторія послѣдняго: рожденъ въ неизвѣстности, снискалъ въ Алжирѣ протекцію принца Наполеона, завѣдывалъ редакціей Algérie Nouvelle, вскорѣ запрещеннаго, потомъ раззорившійся редакторъ Courrier de Paris, республиканецъ, потомъ редакторъ въ газетѣ Жирардена въ Presse, которая получила при немъ предостереженіе и даже подвергалась опасности быть запрещенной въ случаѣ его дальнѣйшаго редакторства, за тѣмъ черезчуръ либеральный редакторъ газеты *Temps* и вдругъ снабженный экипажемъ, 24,000 франковъ жалованья въ качествѣ редактора *Epoque*, газеты портнаго его величества, затѣмъ главный редакторъ *Peuple français*, личнаго органа императора, который издавался на счетъ liste civile Наполеона и продавался вдвое дешевле настоящей своей стоимости, наконецъ депутатъ Варскаго департамента, избранный не народомъ, а всевозможными административными происками, принятый съ большимъ презрѣніемъ въ качествѣ депутата, но получившій силу и значеніе вслѣд-

ствіе сотрудничества съ авторомъ Жизни Цезаря. Еслибы Эмиль Оливье оперся на эту гнилую опору, лжелиберальная имперія тотчасъ бы обнаружилась. Г. Маню, министру финансовъ, поручено было предостеречь Эмиля Оливье. Ему намекнули, что выборомъ Клемана Дювернуа онъ не принесетъ удовольствія императору. Но Эмиль Оливье, уже наученный собственнымъ опытомъ, не положися ни на того, ни на другого, и обратился къ Одилону-Барро.

Одилонъ-Барро, это серьезный парламентскій дѣятель. Прими онъ предложеніе Эмиля Оливье, вся эта комедія обратилась бы очень скоро въ трагедію.

1-го января Наполеонъ принимаетъ по обыкновенію въ своей тронной залѣ законодательный корпусъ, но онъ говорливѣе обыкновеннаго и бросаетъ президенту законодательнаго корпуса слѣдующія слова: «Никогда соглашеніе между мною и законодательнымъ корпусомъ не было болѣе необходимымъ и болѣе полезнымъ. Новыя обстоятельства увеличили его прерогативы, *не уменьшивъ власти, врученной мнѣ націею*. Раздѣляя отвѣтственность съ народными представителями, я чувствую въ себѣ новыя силы для встрѣчи грядущихъ затрудненій. Когда путешественникъ совершилъ долгій путь и слагаетъ съ себя часть своей ноши, онъ не ослабѣваетъ, *но получаетъ новыя силы для успѣшнаго продолженія дороги*».

Вечеромъ 1-го января, всѣ обсуждавшіе императорскую рѣчь и замѣтившіе въ его словахъ иронію, порядкомъ отрезвили оптимистовъ, которые воображали, что г. Оливье явится спасителемъ и свободы и имперіи. Бо́льшая часть журналистовъ была убѣждена, что разсчеты бывшаго республиканца не удались, и что ближайшій № Journal Officiel объявитъ, что Эмиль Оливье возвратилъ Наполеону III его письмо отъ 27 декабря. Газета другаго Эмиля (Жирардена), La Liberté, въ тотъ же вечеръ испустила вопль отчаянія: «Если въ 24 часа г. Оливье не найдетъ себѣ товарищей, онъ удаляется!»

Но 3-го января въ Journal Officiel были напечатаны вмѣстѣ и коротенькая рѣчь императора и великое событіе сформированія новаго кабинета. Визитъ къ Одилону Барро-произвелъ надлежащее дѣйствіе и на дворъ и на законодательный корпусъ. Онъ заставилъ Цезаря скрежетать зубами, и заставилъ членовъ центра принять мѣста, которыя могли быть заняты другими.

2-го января гг. Наполеонъ Дарю, Шевандье де-Вальдромъ, Бюффе, Легри, де-Таліуэ, Луве, Морисъ Ришаръ сдѣлались министрами иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, народнаго просвѣщенія, общественныхъ работъ, изящныхъ искусствъ, а самъ г. Оливье оставилъ себѣ портфёль министра юстиціи; г. де-Шорье, произведенный изъ вице-президентовъ въ президенты государственнаго совѣта, военный и морской министры, генералъ Лебёфъ и адмиралъ Риго де-Женульи, оста-

ются на своихъ мѣстахъ, а старый маршалъ Вальянъ сохраняетъ половину своего министерства императорскаго двора.

Благодаря тремъ послѣднимъ, Людовикъ-Наполеонъ сберегъ главное—ружья Шаспо, которыя онъ можетъ пустить въ дѣло, какъ только *путешественникъ сберется съ новыми силами для продолженія своего пути*. Благодаря тремъ другимъ, Бюффе, Дарю особенно и Таліуэ, орлеанизмъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе и *улица Пуатье* приняла участіе въ дѣлахъ. Вы вѣроятно помните, какое значеніе имѣлъ комитетъ улицы Пуатье съ 1849 по 1851 годъ. Это былъ постоянный заговоръ соединенныхъ силъ реакціи противъ республики для возстановленія какого бы то ни было короля, Генриха V или внука Людовика-Филиппа — все равно. Заговорщики въ соединеніи съ іезуитами, возстановители церкви и порядка успѣли низвергнуть республику, — да! но, сами того не подозрѣвая, они устроили имперію. Теперь, еслибы они похоронили имперію, удалось ли бы имъ воскресить республику? Наказаніе вышло бы очень справедливое. Будемъ на это надѣяться.

V.

Г. Бюффе—долговязый, невзрачный человѣкъ, и его умственныя силы тоже не поражаютъ особой глубиной. Онъ, впрочемъ, думаетъ о себѣ очень много, и принимаетъ на себя видъ неприступнаго величія, что̀ многихъ вводитъ въ заблужденіе. Его кажущееся значеніе доставило ему два раза министерское кресло во время республики и президентъ Наполеонъ дурачилъ его самымъ комичнымъ образомъ. Въ промежутокъ своихъ двухъ министерствъ, онъ былъ однимъ изъ виновниковъ знаменитаго закона 31-го мая, закона, который лишалъ права голоса всѣхъ рабочихъ соціалистовъ, живущихъ въ меблированныхъ квартирахъ и не могущихъ обезпечить для себя постоянное жилище на три года въ общинѣ или въ округѣ большихъ городовъ. Когда президентъ, которому принадлежала честь изобрѣтенія этого закона, впослѣдствіи нашелъ нужнымъ его отмѣнить, г. Бюффе не согласился на это и подалъ въ отставку. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, совершился coup d'état; удачу его должно приписать тому, что народъ не желалъ жертвовать жизнію на защиту законодательнаго собранія, которое лишило его избирательныхъ правъ. Въ числѣ тѣхъ, которые протестовали противъ «преступленія», въ числѣ представителей, которые въ послѣдній разъ собрались въ меріи X парижскаго округа и объявили Людовика-Наполеона Бонапарта лишеннымъ президентскаго сана, находился г. Бюффе. Онъ былъ схваченъ вмѣстѣ съ прочими, отведенъ въ казармы на набережной д'Орсе и посаженъ въ какую-то тюрьму, гдѣ впрочемъ недолго продержали его величественную особу. Онъ вошелъ въ законодатель-

ный корпусъ только въ 1863 г. въ составъ оппозиціи. И вотъ онъ теперь является однимъ изъ спасителей имперіи.

Сынъ историка войны съ Россіею, крестникъ Наполеона I-го и Жозефины, графъ Наполеонъ Дарю бонапартистъ только по своему рожденію. Конечно, это не его вина. Съ перваго взгляда онъ даже нѣсколько напоминаетъ Наполеона I: онъ часто нюхаетъ табакъ и закладываетъ руки за спину, какъ маленькій капралъ. Только онъ ростомъ гораздо выше своего крестнаго. Онъ всегда былъ самымъ чистокровнымъ орлеанистомъ; въ царствованіе Людовика-Филиппа онъ былъ перомъ Франціи. Во время республики онъ сдѣлался представителемъ народа, — конечно непопулярнымъ, и это доставило ему мѣсто вице-президента законодательнаго собранія. Когда вице-президентъ Дюпенъ (позорной памяти) постыдно измѣнилъ своимъ обязанностямъ 2-го декабря, у г. Дарю собрались депутаты правой стороны, не желавшіе сложить съ себя свое званіе. Депутаты, предводительствуемые г. Дарю, прямо отъ него направились на Бургонскую площадь и явились къ дверямъ національнаго собранія. Ему-то именно и сказалъ Эспинасъ: сюда нельзя войдти! Наплевать мнѣ на всѣхъ представителей! Онъ же первый получилъ въ грудь или спину — исторія объ этомъ умалчиваетъ — первое оскорбленіе, нанесенное депутату. Маркизъ Таліуэ, его тогдашній и теперешній сотоварищъ, имѣлъ честь получить первый ударъ штыка. Этотъ вельможа простеръ свое сопротивленіе гораздо далѣе г. Дарю. Г. Дарю возвратился домой, а г. маркизъ отправился вмѣстѣ съ прочими представителями въ мерію X-го округа и имѣлъ честь находиться нѣсколько дней въ заточеніи, въ Венсенскомъ замкѣ. Но въ 1859 г. онъ принялъ званіе депутата Сартскаго департамента. И вотъ въ настоящее время онъ либеральный министръ!

Эти три человѣка могутъ ли забыть 2-е декабря? Нѣтъ, не могутъ. Способны ли они отмстить за него? Быть можетъ, способны. За г. Дарю стоитъ человѣкъ ему близкій, маленькій Тьеръ, который, говорятъ, и побудилъ его принять министерскій портфёль, на томъ основаніи, что все можетъ случиться. Можно, напримѣръ, и честнымъ образомъ — разумѣется, честнымъ относительно! можно не измѣнять своему конституціонному императору. То же можно разсчитывать на будущее. Примѣръ и разсчетъ г. Дарю могутъ привлечь много искателей мѣстъ изъ партій орлеанистовъ и легитимистовъ. Дальновидные люди говорятъ почти вслухъ: «скорѣе, скорѣе занимайте позицію, а потомъ мы выбросимъ Бонапарта за дверь!» Бонапартъ уже это знаетъ, и если онъ даетъ власть всему этому скопищу отъявленныхъ роялистовъ, такъ это потому, что онъ ихъ знаетъ; они больше привязаны къ своимъ должностямъ, тѣмъ къ своимъ королямъ. Кромѣ того Наполеонъ еще думаетъ, что онъ всѣхъ сильнѣе и хитрѣе.

Вообще думаютъ, что министерство Оливье-Дарю, составлен-

ное изъ смѣси бывшихъ орлеанистовъ и бонапартистовъ съ прибавкой бывшаго республиканца, можетъ держаться при настоящемъ составѣ законодательнаго корпуса и при разстройствѣ республиканской партіи, которая теперь не въ состояніи дисциплинироваться и не въ состояніи оказывать вліянія на народныя массы, хотя ихъ тенденціи и становятся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе республиканскими.

Поэтому вопреки надеждамъ, которыя поддерживаются даже полуоппозиціонными депутатами, ихъ партизаны начинаютъ нынѣ сильно противиться мысли о распущеніи законодательнаго корпуса и о всеобщей подачѣ голосовъ. Радикалы, напротивъ, начинаютъ сильно эту мысль отстаивать.

Полемика эта, какъ мнѣ кажется, начата черезчуръ безстыдно правою стороною и черезчуръ опрометчиво лѣвою. Непосредственное распущеніе законодательнаго корпуса не дало бы особенно хорошихъ результатовъ, какъ не дали и послѣдніе выборы. Я даже думаю, что Оливье съ братіею ловки до дерзости и имѣли бы на своей сторонѣ всю выгоду въ случаѣ новыхъ выборовъ. Это бы очистило ихъ въ глазахъ умѣренной буржуазіи, на которую они разсчитываютъ опереться. Вообще я думаю, какими бы макіавелевскими замыслами ни былъ преисполненъ Наполеонъ III начиная съ 1860 по 1869 годъ, внезапный плебецитъ и неожиданное, такъ-сказать, волшебное учрежденіе настоящей парламентской системы возбудило бы энтузіазмъ, не скажу всего народа, но большинства, и обезпечило бы Наполеона IV гораздо лучше, чѣмъ весь этотъ фальшивый трусливый конституціонализмъ, котораго народная масса не совсѣмъ понимаетъ и который не представляетъ никакой гарантіи для человѣка разумнаго. Возобновляя на выворотъ свой «coup d'état», вполнѣ отрекаясь отъ 2-го декабря великимъ политическимъ актомъ совершенно противнаго направленія, дряхлый преступникъ, очень можетъ статься, очистился бы нѣсколько отъ преступленій въ глазахъ большинства; онъ, по крайней-мѣрѣ, привлекъ бы къ себѣ не только одни ветхіе, изношенные обломки всѣхъ правительственныхъ системъ, которыя согласны дѣлать все и всегда, но, за исключеніемъ нѣкоторыхъ истинныхъ героевъ, онъ привлекъ бы къ себѣ дѣятельныхъ и честныхъ людей новаго поколѣнія. Люди, выдвинутые снова императоромъ, заставляютъ молодёжь изучать внимательнѣй современную исторію; это изученіе возбуждаетъ въ нихъ подозрительность и недовѣріе; скажу болѣе — снова разжигаетъ все презрѣніе и всю ненависть, которыми отличались отжившее и отживающее поколѣнія.

VI.

Предъ призываньемъ тѣни Бодена, что̀ случилось всего годъ тому назадъ, немного было людей, которые твердо помнили

всѣ ужасы, совершавшіеся въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ и на Монмартрскомъ бульварѣ, которые ненавидѣли Бонапарта и на сколько хватало голосу, кричали противъ него, — этихъ людей было такъ немного, что они терялись въ толпѣ. Но съ тѣхъ поръ молодёжь многому научилась, многое знаетъ. Теперь она уже не можетъ безсознательно ограждать и охранять шайку бандитовъ, которая, какъ теперь это доказано, устроила имперію. Къ несчастію, презрѣніе, питаемое молодёжью къ наполеоновскимъ слугамъ, не обратилось въ несдержимую ненависть. Виной этому было то болѣзненное вышепомянутое мною подсмѣиванье, которымъ забавлялась пресса. Будь на мѣстѣ пересмѣшниковъ прежніе республиканцы, они бы иначе заговорили съ отупѣвшимъ народомъ, и 1870 годъ ознаменовался бы новой революціей.

Благодаря равнодушному презрѣнію молодёжи, совершились парижскіе выборы, которые показались-было такими революціонными; благодаря ему, *непримиримые* вошли въ составъ законодательнаго корпуса, гдѣ они ничего не осмѣлились сдѣлать; благодаря ему, авторъ *Фонаря* пошелъ въ ходъ, какъ остроумный преслѣдователь Наполеона и его августѣйшей фамиліи.

Будь молодёжь подготовлена иначе, намъ бы, конечно, не пришлось быть свидѣтелями очень печальныхъ зрѣлищъ въ іюнѣ и октябрѣ 1869 г.

Незначительныя ночныя вылазки, которыя издали представлялись Европѣ прелюдіей къ революціи, очень легко были усмирены полиціей. Тысячи гражданъ побѣжали безъ оглядки, какъ только городовые пустили въ ходъ кулаки. А затѣмъ, манифестація, объявленная нѣкоторыми опрометчивыми газетами заранѣе, даже не началась, потому только, что прошелъ слухъ о превосходствѣ ружей Шаспо и потому, что парижскій гарнизонъ усилили нѣсколькими лишними полками!

Все это показало имперіи, что ея сила велика и что этой силы боятся. Но въ то же время, это заставило образумиться ея враговъ; они, наконецъ, поняли, что надо поменьше смѣяться, а побольше дѣйствовать, — и дѣйствовать непосредственно на войско. Военный министръ, — тотъ самый, котораго г. Оливье сохранилъ, какъ сокровище, въ министерствѣ, сдѣлалъ большую ошибку: онъ сослалъ въ Африку, на исправленіе, двухъ солдатъ, которые случайно присутствовали на вечерней сходкѣ въ Folies-Belleville. Вѣсть объ этой ссылкѣ тотчасъ же разлетѣлась, и на сходкѣ въ Clichy открывается подписка на выкупъ изъ военной службы двухъ «жертвъ деспотизма». Пресса ухватывается за это и въ нѣсколько недѣль изъ жертвованныхъ 15, 25 и 10 сантимовъ составляются 10,000 франковъ, между тѣмъ какъ лучшіе журналисты принимаются за перо и выясняютъ самымъ нагляднымъ образомъ несчастное унизительное положеніе войсковыхъ парій.

Министерство дѣлаетъ новый промахъ: по случаю этого «злоумышленія» на войско, свобода прессы вдругъ стѣснена процессомъ. Пропаганда, разумѣется, идетъ гораздо успѣшнѣе, вслѣдствіе этого стѣсненія; солдаты начинаютъ принимать живое участіе въ бѣдняжкахъ «журналистахъ», которыхъ преслѣдуютъ за то, что они желаютъ имъ добра и ихъ защищаютъ.

Министерство снова отличается: военный министръ отдаетъ приказъ сажать въ тюрьму солдатъ, которые осмѣлятся читать ту или другую опасную газету. Пресса распространяетъ извѣстіе объ этомъ указѣ и дѣлаетъ на него свои замѣчанія. Затѣвается новый процессъ, и затѣвается какъ разъ въ самый день утвержденія новаго министерства (на другой день послѣ публикаціи въ Journal Officiel). Новое министерство съ перваго же шагу дѣлается непопулярнымъ и вынуждено съ самаго начала идти гораздо дальше въ уступкахъ, чѣмъ того желалъ бы императоръ.

Этотъ камешекъ, попавшій подъ колесо тѣхъ, кто «вступилъ на колесницу государства», какъ выражается г. Бюффе, очень имъ докученъ. Чтобы его какъ нибудь откинуть, надо теперь тотчасъ же прекратить преслѣдованія, надо, значитъ, заставить военнаго министра отказаться отъ его распоряженія, иначе, пожалуй, войско выйдетъ изъ повиновенія.

А Наполеонъ III только войскомъ и держится.

Клодъ Франъ.

НОВОСТИ ПО ЖЕНСКОМУ ДѢЛУ.

Изъ всѣхъ возраженій, приводимыхъ противъ равноправности женщинъ, безспорно, одно изъ самыхъ вѣскихъ то, которое недавно было повторено демократическою французскою газетою Charivari, а именно, что требовать правъ для женщинъ, въ настоящее время, когда такъ трудно отстоять права мужчинъ, значитъ противодѣйствовать прогрессу, главнѣйшими противницами котораго являются женщины. Еслибы дѣйствительно равноправность женщинъ вела къ такому результату, то, конечно, стоило бы надъ этимъ призадуматься. Но доводы, обыкновенно приводимые къ подтвержденію этого положенія, говорятъ противъ него же.

Въ настоящемъ случаѣ, Charivari, указывая на вліяніе женщинъ во всѣхъ слояхъ французскаго общества, начиная отъ императрицы до крестьянки, говоритъ: «Императрица, уѣзжая въ Египетъ, требуетъ, чтобъ законодательный корпусъ не былъ созванъ до ея возвращенія. Жены государственныхъ сановниковъ отдаляютъ мужей своихъ отъ всякихъ нравственныхъ стремленій, и внушаютъ имъ одну только заботу—о своей

личной выгодѣ. Куртизанки втягиваютъ мужчинъ въ жизнь, полную лишь одними опьяняющими удовольствіями, и заглушаютъ въ нихъ тѣ немногія, остававшіяся сѣмена правды и чести, которыя еще нѣсколько ихъ сдерживали. Жены литераторовъ запугиваютъ мужей своихъ законами о печати. Жена буржуа побуждаетъ мужа эксплуатировать до послѣдней степени работника и потребителя; ея единственная мысль — разбогатѣть. Работница — бѣдное созданіе, отупѣвшее отъ нищеты, болѣзненное, запуганное — не понимаетъ, что дружное дѣйствіе можетъ даровать побѣду. — Рабочіе устроили стачку. «Не говори никому, шепчетъ она мужу, иди къ хозяину, прими его условія, у тебя будетъ работа, и кто знаетъ, онъ впослѣдствіи зачтетъ тебѣ въ заслугу твою покорность». Крестьянка помогаетъ мужу ночью отвести подальше межу сосѣдняго поля и захватить клочокъ земли; она же убѣждаетъ его вотировать вмѣстѣ съ полевымъ сторожемъ, въ надеждѣ что администрація за это разрѣшитъ проведеніе канала или желѣзной дороги черезъ ихъ общину и тѣмъ возвыситъ цѣнность ихъ земли».

Если все, сказанное Charivari, справедливо и относится къ большинству женщинъ не одной Франціи, то прежде всего нельзя не видѣть, что женщинамъ приписывается вліяніе, прямо указывающее на ихъ большую силу, съ которою приходится считаться. Всякую вредную, и даже просто безполезную для себя силу въ природѣ, человѣкъ старается изслѣдовать сначала, чтобы потомъ подчинить себѣ и направить на пользу. Что же дѣлаетъ онъ съ общественною силою, оказывающеюся столь вредною для него, обратить которую на пользу себѣ и другимъ ему легко уже потому, что сила эта разумная? Вмѣсто того, чтобы указать женщинамъ ту же цѣль, къ которой стремится онъ самъ, мужчина указываетъ ей другую, идти дальше которой онъ ей не позволяетъ, лишая ее съ перваго же разу всѣхъ воспитательныхъ и матеріальныхъ преимуществъ, которыми самъ пользуется. Законы, обычаи, религію, воспитаніе онъ направляетъ такъ, чтобъ скрыть отъ женщины и сдѣлать ей недоступнымъ смыслъ тѣхъ великихъ истинъ, достиженіе которыхъ составляетъ цѣль его желаній, ради которой онъ готовъ жертвовать всѣмъ для него дорогимъ и близкимъ.

Что же выходитъ? Ограниченная домашнею дѣятельностью, въ которой, при всемъ желаніи, женщина не можетъ сознавать себя безупречною, такъ-какъ и для такой дѣятельности нужна подготовка, которой она не имѣетъ, она привыкла видѣть только себя и своихъ окружающихъ, благо которыхъ она понимаетъ по своему. Ей все равно—пусть весь міръ гибнетъ, лишь бы ей и «своимъ» было хорошо. Интересы ея не совпадаютъ, а идутъ въ разрѣзъ съ интересами мужчинъ. «Мы строимъ зданіе, говоритъ Рише, и убѣжденные въ его прочности, отходимъ. Вслѣдъ за нами идутъ женщины и равно-

душно разрушаютъ нашу постройку, въ которой онѣ не участвовали, которая предназначается не для нихъ, и смыслъ которой имъ непонятенъ».

Недавно во время стачки прикащиковъ въ Парижѣ, хозяева только кликнули женщинъ, и онѣ явились, не понимая, что вредятъ въ концѣ концовъ и себѣ и «своимъ». Къ тому же ѣсть надо, а ѣсть нечего, поле дѣятельности ограничено, остается только пользоваться первымъ представившимся случаемъ, каковы бы ни были его послѣдствія, заработать себѣ кусокъ хлѣба. Винить ихъ трудно. Раздраженныя, отовсюду изгоняемыя, «отупѣвшія отъ нищеты», онѣ ищутъ себѣ прежде всего хлѣба, во что бы то ни стало.

Веронскія женщины составили ассоціацію съ цѣлью «охранять молодыхъ людей отъ заразы новыми идеями и возвращать заблудшихъ овецъ въ лоно католической церкви». Онѣ молятся за успѣхъ вселенскаго собора, и счастливы, когда получатъ грамату и благословеніе Пія IX. Это опять говоритъ противъ женщинъ, но вникнувъ поглубже, увидимъ все то же. Онѣ «не вѣдаютъ что̀ творятъ». Не находя себѣ нигдѣ дѣятельности, не зная чѣмъ наполнить свою жизнь, женщины бросаются въ ханжество, становятся ревностными помощницами религіозныхъ пропагандистовъ всякаго сорта и въ этомъ находятъ пищу для ума и сердца.

Проститутки, о которыхъ говоритъ Charivari, заглушаютъ въ себѣ чувства долга, чести, любви и руководствуются лишь собственною выгодою, зная, что за ними признаются какія-то особенныя, для нихъ однѣхъ существующія права. До общечеловѣческихъ правъ, еслибъ онѣ и хотѣли, имъ не достигнуть, а передъ ними нищета. Поступки ихъ могутъ возмущать нравственное чувство, но не менѣе должно оно возмущаться и причинами, толкнувшими ихъ на дорогу проституціи, съ которой нѣтъ для нихъ возврата. Сколько тутъ вины со стороны общества, такъ неумолимо къ нимъ относящагося! Онѣ развращаютъ другихъ, положимъ, но кто развратилъ ихъ самихъ?.. до начала здѣсь не добраться..

Charivari прибавляетъ: «для кого же хлопотать о правахъ женщинъ? для двухъ, трехъ образованныхъ, обладающихъ качествами мужчины?»... Слѣдовательно эти двѣ, три образованныя женщины обладаютъ качествами мужчины. Но почему же это такъ? не родились же онѣ съ такими качествами (предполагая, конечно, однѣ хорошія), а пріобрѣли ихъ благодаря тому, что образованы, развиты, свободны. И такъ образованіе, развитіе, свобода—вотъ способы, посредствомъ которыхъ можно вредное вліяніе женщинъ обратить въ полезное.

Сами женщины такъ хорошо это понимаютъ, что нѣтъ страны, въ которой бы движеніе женское, съ чего бы ни началось оно, не поставило себѣ главной, основной задачей — образованіе. Въ Англіи, Америкѣ, Франціи, Италіи, Швейцаріи, Германіи —

всюду открываются женскія коллегіи, школы, университеты. О политическихъ правахъ женщины заявляютъ только въ тѣхъ странахъ, гдѣ образованіе ихъ, до извѣстной степени, удовлетворительно (Америка, Англія) *.

При этомъ женщины, отлично понимая, что положеніе ихъ будетъ тѣмъ легче, чѣмъ болѣе будетъ образованныхъ мужчинъ, стараются о распространеніи образованія не только между женскимъ, но и между мужскимъ подростающимъ поколѣніямъ.

Для чего же хлопочутъ женщины о своемъ образованіи? Если для того, чтобы пріобрѣсть ясный взглядъ на вещи, болѣе опредѣленное отношеніе къ жизни, то и это безспорно заслуживало бы уваженія и поддержки; но стремленіе къ образованію возникаетъ. всюду у женщинъ главнымъ образомъ вслѣдствіе, добытаго опытомъ, сознанія въ неподготовленности ихъ къ добросовѣстному, удовлетворительному исполненію какой либо изъ отраслей дѣятельности, какъ существующихъ для нихъ въ настоящее время, такъ и открывающихся для нихъ въ будущемъ. Поэтому люди, упрекающіе женщинъ въ томъ, что онѣ думаютъ болѣе о своихъ правахъ, нежели о своихъ обязанностяхъ, ошибаются; женщины, заявляя новыя требованія, тѣмъ самымъ отказываются отъ правъ безъ обязанностей, которыми до сихъ поръ пользовались. Возстающіе противъ равноправности женщинъ, какъ ее понимаютъ сами женщины, забываютъ, что будущность принадлежитъ тому ученію, которое будетъ имѣть на своей сторонѣ женщинъ, а черезъ нихъ и воспитаніе подростающаго поколѣнія.

Въ Россіи, при отсутствіи общественной и политической жизни, необходимость даровать женщинамъ средства къ образованію, хотя бы такому, какое получаютъ мужчины, не успѣло еще проникнуть въ сознаніе общества и правительства. За границей же университеты одинъ за другимъ постепенно открываются для женщинъ. Въ настоящее время для нихъ открыты университеты въ Вѣнѣ, Кембриджѣ, Копенгагенѣ, Эдинбургѣ, Дублинѣ. Въ проектируемый университетъ въ Стокгольмѣ (первый въ Швеціи) рѣшено допускать и женщинъ. Въ Берлинѣ существуетъ женскій лицей Викторія. Лондонская коллегія аптекарей выдаетъ женщинамъ, слушающимъ курсъ въ этомъ учрежденіи, дипломы. Профессора Гёксли, Оливеръ, Гётри читаютъ лекціи женщинамъ въ Кенсингтонскомъ музеѣ, съ платою шиллинга за лекцію. Желающимъ держать экзаменъ выдаются свидѣтельства. Въ Женевѣ международная ассоціація женщинъ основала коллегію для молодыхъ дѣвушекъ. Въ Лондонѣ, на послѣднемъ собраніи «British Association» записано

* 300 женщинъ внесены въ списокъ муниципальныхъ избирателей Линкольна. 150 въ Стамфордѣ, 1,300 въ Норвичѣ.

было 600 женщинъ, занимающихся естественными науками, а на конгрессѣ соціальныхъ наукъ было около 200 участницъ.

Кромѣ того образовались общества съ цѣлью содѣйствовать женскому образованію. Такъ въ Лондонѣ существуетъ «женское медицинское общество», при содѣйствіи котораго около ста женщинъ получили медицинское образованіе. Въ Парижѣ составился Союзъ обученія (Ligue de l'enseignement) подъ предсѣдательствомъ Масе, знакомаго русской публикѣ въ качествѣ искуснаго популяризатора и разсказчика. Общество поставило себѣ цѣлью распространять образованіе въ наименѣе просвѣщенныхъ департаментахъ Франціи. Оно открыло нормальную сиротскую школу для дѣвочекъ въ общинѣ Эстиссакъ, основало народныя библіотеки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, выдаетъ вознагражденіе лицамъ, способствующимъ своими трудами цѣли общества и проч.

Въ Германіи многочисленные ферейны открываютъ дѣтскіе сады и школы въ городахъ и селахъ. Эти ферейны, подъ различными формами и при различной организаціи, стремятся возвысить общественное и экономическое положеніе женщинъ. Число ихъ растетъ чрезвычайно быстро; почти во всѣхъ большихъ нѣмецкихъ городахъ есть ихъ по нѣскольку; но они не ограничиваются одними нѣмецкими городами; недавно открылся ферейнъ и въ Пестѣ.

Основанные съ различными спеціальными цѣлями, какъ-то: развитіе женскаго труда, промышленности, образованія, обученія женщинъ, уходу за больными, ферейны, удовлетворяя главному своему назначенію, стараются выяснять, путемъ обсужденія, права и обязанности женщинъ, измѣнившіяся вслѣдствіе поворота во взглядахъ общества на положеніе ихъ въ семьѣ и внѣ ея. Послѣдняя цѣль — выясненіе правъ и обязанностей женщинъ — общая почти всѣмъ ферейнамъ, служитъ имъ точкою соединенія. Представительницы различныхъ кружковъ ежегодно собираются въ одномъ изъ большихъ городовъ и обсуждаютъ средства достигнуть, какъ общихъ, такъ и частныхъ своихъ цѣлей.

На общихъ собраніяхъ нѣсколькихъ соединенныхъ ферейновъ, отдаются отчеты въ положеніи дѣлъ каждаго изъ нихъ. Въ этихъ собраніяхъ принимаютъ участіе лица обоего пола, различныхъ сословій и званій, ученые, профессора, чиновники, духовные и др.

3-го октября прошлаго года происходило такое общее собраніе въ Касселѣ. На немъ присутствовало около 600 человѣкъ и въ числѣ прочихъ рѣшеній принято рѣшеніе ходатайствовать передъ правительствомъ объ учрежденіи новыхъ и преобразованіи существующихъ уже семинарій учительницъ.

Польза, приносимая общими собраніями соединенныхъ ферейновъ, состоитъ еще въ томъ, что они заставляютъ нѣмецкіе города принимать участіе въ такомъ дѣлѣ, къ которому

населеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ до тѣхъ поръ относилось враждебно. Къ числу такихъ городовъ принадлежалъ и Кассель, въ которомъ, однако, послѣ происходившаго собранія, организовался кружокъ изъ 50 лицъ, съ цѣлью содѣйствовать развитію труда и образованія между женщинами. За годъ передъ тѣмъ то же случилось и въ Брауншвейгѣ. Такимъ образомъ первоначальное общество развитія женскаго труда и образованія, Lette-Verein, названное такъ по имени своего основателя, учредило уже четыре другихъ общества.

4-го ноября въ Берлинѣ созванъ былъ конгрессъ съ цѣлью обсудить средства для улучшенія общественнаго положенія женщинъ. Кромѣ депутатовъ отъ всѣхъ ферейновъ Германіи и сосѣднихъ странъ, въ этомъ конгрессѣ принимали участіе депутаты отъ нѣкоторыхъ мужскихъ обществъ и представители обществъ Англіи, Швейцаріи и Америки. Кромѣ упомянутой цѣли, конгрессъ имѣлъ въ виду установить сношенія между отдѣльными обществами по главнѣйшимъ вопросамъ и достигнуть возможнаго единства въ дѣйствіяхъ ихъ.

На конгрессѣ, открывшемся подъ предсѣдательствомъ профессора Гольцендорфа (вице-президентомъ и секретарями были выбраны женщины), въ числѣ представителей мужскихъ обществъ, присутствовалъ Бюхнеръ, который, вмѣстѣ съ профессоромъ Эминггаузенъ, настаивалъ на необходимости преобразовать женскія среднія учебныя заведенія и открыть высшія. При этомъ онъ указалъ на весьма плохое образованіе, даваемое въ женскихъ высшихъ школахъ, въ которыхъ не могутъ формироваться даже сносныя учительницы; воспитанницы этихъ школъ выходятъ съ поверхностными познаніями, годными только для салона.

Шульце-Деличъ предложилъ женскимъ промышленнымъ товариществамъ присоединиться къ мужскимъ, основаннымъ съ тою же цѣлью, и дѣйствовать съобща, а делегатъ отъ ландтага, Вирховъ, говорилъ за учрежденіе женской школы сидѣлокъ при больныхъ. Подобная школа уже существуетъ въ Дармштадтѣ, а въ Берлинѣ выстроенную ферейномъ больницу намѣреваются обратить въ училище для обученія уходу за больными.

Делегатами отъ нѣкоторыхъ мужскихъ обществъ были женщины.

Конгрессъ принялъ слѣдующія главнѣйшія рѣшенія: установить постоянныя сношенія съ заграничными обществами, однородными по цѣли, и пригласить ихъ къ участію, посредствомъ депутацій и кореспонденцій, въ совѣщаніяхъ, которыя положено устроивать каждый годъ; основать собственный органъ, въ которомъ будетъ обсуждаться все касающееся до положенія, воспитанія, круга дѣятельности женщинъ, и устроить школы для ихъ научнаго образованія и ремесленнаго обученія.

Рядомъ съ практикой на Западѣ идетъ разработка женскаго вопроса и въ теоріи.

Ліонская академія наукъ и искусствъ еще въ 1858 году объ-

явила конкурсъ на сочиненіе, въ которомъ должны быть разсмотрѣны вопросы объ экономическомъ положеніи женщинъ, ихъ воспитаніи, заработной платѣ, отрасляхъ дѣятельности, какъ отнятыхъ у нихъ конкуренціей мужчинъ, такъ и вновь открывшихся для нихъ вслѣдствіе преобразованій, происшедшихъ въ нравахъ и взглядахъ общества.

На конкурсъ представлено было около двадцати сочиненій; во всѣхъ указывалась необходимость реформъ въ воспитаніи дѣвочекъ.

Теперь открытъ новый конкурсъ съ преміею въ 1,200 франковъ за сочиненіе по тому же предмету. Въ сочиненіи долженъ быть сдѣланъ обзоръ всего сдѣланнаго съ 1858 года во Франціи и въ другихъ государствахъ, относительно образованія и воспитанія, круга дѣятельности женщинъ, ихъ положенія экономическаго и общественнаго и пр., а также указаны тѣ учрежденія и законы, изъ которыхъ получило начало движеніе по женскому вопросу.

Сочиненіе на конкурсъ должно быть представлено къ 1-му февралю 1870 года.

Въ Лондонѣ вышелъ сборникъ статей * по женскому вопросу, изданный г-жею Ботлеръ, основательницею женской газеты «New Days». Въ числѣ статей сборника помѣщенъ этюдъ пастора Ботлера о допущеніи женщинъ какъ учительницъ въ высшія школы и университеты, съ точки зрѣнія пользы, которую подобное преподаваніе оказало бы на нравственное воспитаніе юношей. Тамъ же помѣщена статья Джемса Стюарта, читавшаго лекціи астрономіи женщинамъ, о несомнѣнной способности ихъ къ чисто-научнымъ занятіямъ и о пользѣ подобныхъ занятій для нихъ.

Въ Англіи и Франціи все чаще и чаще появляются въ печати указанія на то, что женщинамъ слѣдуетъ не ограничиваться занятіями медициною, но изучать юриспруденцію и богословіе, а также добиваться духовныхъ должностей **.

Въ Берлинѣ недавно напечатанъ отчетъ о распредѣленіи занятій берлинскаго населенія между полами.

Изъ этого отчета, дѣлящаго жителей Берлина на кормящихъ и кормимыхъ, разумѣя подъ первыми лицъ, имѣющихъ опредѣленныя занятія, а подъ вторыми живущихъ на счетъ другихъ, оказывается, что наибольшее число женщинъ кормящихъ приходится на классъ служанокъ (1 на 8), затѣмъ слѣдуютъ портнихи (1 на 31), продавщицы мануфактурныхъ издѣлій (1 на 108), воспитательницы и учительницы (1 на 206), занимающіяся искусствами, литературою, артистки (1 на 734). Менѣе всего женщины занимаются торговлею книгами, нотами,

---

* Woman's Work and Woman's culture. A series of Essays. Edited by Josephine C. Butler. London.

** Въ Америкѣ уже есть женщины, занимающія духовныя должности.

картинами (1 на 8,506); перчаточное ремесло, повидимому столь доступное женщинамъ, занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ (1 на 8,110), а также и башмачное (1 на 5,911). Объяснить такой фактъ можно скорѣе всего конкурренціею мужчинъ, оттѣснившихъ женщинъ.

Изъ кормимыхъ наименьшій процентъ приходится на классъ, занимающійся воспитаніемъ и обученіемъ, затѣмъ слѣдуютъ торговцы, почтовые, телеграфные чиновники, артисты, литераторы, актеры. Въ Берлинѣ 110,913 замужнихъ женщинъ, изъ нихъ 5,407 имѣютъ опредѣленныя занятія и принадлежатъ къ разряду кормящихъ; не замужнихъ, не имѣющихъ занятій—43,417. Цифра эта объясняетъ движеніе, направленное къ улучшенію положенія женщинъ, въ которомъ приняла участіе наслѣдная принцесса прусская *.

Въ послѣднее время въ Германіи, странѣ педагогики, появились два спеціальныхъ органа, посвятившихъ себя разработкѣ вопроса о женскомъ образованіи. Хорошо понимая, что все основаніе общества покоится на воспитаніи женщины, лучшіе люди стараются на новой, непротооренной еще дорогѣ,—устройства школъ для женщинъ, соотвѣтственно новымъ требованіямъ, изыскать и лучшія, новыя средства. Въ одномъ изъ упомянутыхъ органовъ «Vierteljahresschrift für höhere Töchterschulen», разработывается подробно все касающееся женскаго образованія, а именно: на комъ лежитъ обязанность открывать женскія школы, на правительствѣ или обществѣ; должна ли школа развивать преимущественно чувство у дѣвочекъ или умъ, каковъ долженъ быть методъ преподаванія и пр. Далѣе слѣдуютъ вопросы чисто-практическіе: о величинѣ классныхъ и рекреаціонныхъ комнатъ, ширинѣ корридоровъ, способѣ отопленія, вентиляціи, устройствѣ гимнастики, школьныхъ скамеекъ, времени ученья, должны ли быть послѣобѣденные классы, какіе промежутки между уроками, сколько дѣвочекъ слѣдуетъ помѣщать въ одной комнатѣ и пр. Образовалась такимъ образомъ цѣлая литература по этимъ вопросамъ, въ обсужденіи которыхъ участвуютъ не одни педагоги, но и врачи.

Въ другихъ государствахъ, Италіи, Испаніи, Швеціи, Даніи существуютъ также спеціальные журналы по женскому вопросу и общества, о дѣятельности которыхъ пока еще мало извѣстно.

Е. Л.

---

* Интересно было бы прослѣдить у насъ въ Россіи отношеніе женщинъ къ труду. По всей вѣроятности, результаты оказались бы такіе, что ужаснули бы самыхъ ярыхъ оптимистовъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Нѣсколько словъ о мнимомъ антагонизмѣ г. Балакирева противъ концертовъ «Русскаго Музыкальнаго Общества». — Разборъ «Пророка» Мейербеера. — Замѣчательное совпаденіе мнѣній рецензента «С.-Петерб. Вѣдомостей» съ мнѣніями старшинаго рецензента пятидесятыхъ годовъ. — Не менѣе замѣчательная разноголосица, когда дѣло доходитъ до теоріи музыки. — Новыя роли г-жи Патти.

Текущій музыкальный сезонъ нашъ замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Къ интереснымъ явленіямъ сезона мы причислимъ между прочимъ и соревнованіе концертовъ Русскаго Музыкальнаго Общества съ концертами безплатной школы. — Такъ-какъ и тѣ и другіе концерты предпочтительно симфоническіе, то нѣкоторые приписываютъ учредителю концертовъ «безплатной школы» г. Балакиреву намѣренія, которыя, намъ кажется, чужды артистической его натуры. Увѣряютъ, что г. Балакиревъ устроилъ симфоническіе свои концерты съ цѣлью затмить концерты Русскаго Музыкальнаго Общества и доказать на дѣлѣ, что онъ несравненно лучшій дирижеръ и капельмейстеръ, чѣмъ г. Направникъ, замѣнившій его въ Русскомъ Музыкальномъ Обществѣ. Слухи эти распространяютъ слишкомъ усердные ревнители того круга, о которомъ мы упомянули въ 6-мъ № 1869 года «Отечественныхъ Записокъ». Въ сущности мы убѣждены, что г. Балакиревъ предпринялъ свои концерты безъ всякаго злостнаго намѣренія — и потому только, что для *безплатной школы* потребовалась необходимость въ денежныхъ средствахъ— и что ему г. Балакиреву захотѣлось услышать въ оркестровомъ исполненіи кой-какія пьесы, не вошедшія въ програму концертовъ Русскаго Музыкальнаго Общества. Людямъ, занимающимся серьезно и съ любовью искусствомъ, нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ проискамъ, правда свое возьметъ рано или поздно, происки же предоставляются тѣмъ личностямъ, которымъ нечего другаго дѣлать, «какъ въ мутной водѣ рыбу ловить» и служить прихвостнями у талантливыхъ артистовъ.

Объ особенностяхъ концертовъ Русскаго Музыкальнаго Общества и «безплатной школы» мы поговоримъ въ одномъ изъ послѣдующихъ обозрѣній, а теперь скажемъ только, что и г. Направникъ и г. Балакиревъ одинаково замѣчательно хорошіе и талантливые дирижеры.

И тотъ и другой одарены повидимому громадною памятью, потому что оба они дирижируютъ цѣлыми симфоніями наизусть, т.-е. безъ партитуры (въ чемъ, сказать мимоходомъ — мы не видимъ существенной надобности), и оба они пользуются, повидимому, довѣріемъ и уваженіемъ музыкантовъ оркестра, что̀ весьма важно для точности и надлежащихъ оттѣнковъ исполненія.

Въ настоящемъ обозрѣніи мы займемся предпочтительно «Пророкомъ» Мейербеера, поставленномъ на Маріинской сценѣ въ декабрѣ (1869 года) подъ названіемъ *Іоганъ Лейденскій*.

Г-жа Лавровская имѣла въ роли Фидесы такой рѣшительный, громадный, можно сказать, успѣхъ и самая опера произвела такое сильное впечатлѣніе на массу публики, что мы рѣшились посвятить артистическому этому событію значительную часть настоящаго обозрѣнія.

Недавно еще въ Западной Европѣ и въ особенности въ Парижѣ оперы Мейербеера почитались высшимъ выраженіемъ лирической (въ смыслѣ оперномъ) драмы.

Необычайный успѣхъ Роберта былъ причиною, какъ говорятъ, преждевременнаго удаленія Россини съ опернаго поприща; онъ же, Мейербееръ, затмилъ славу автора «Фенеллы» (la muette de Portici) и цѣлымъ рядомъ громадныхъ оперъ (Робертъ, Гугеноты, Пророкъ, Сѣверная Звѣзда, le Pardon de Ploërmel и наконецъ Африканка) упрочилъ за собою славу первоклассного опернаго композитора. До 1831 года, т.-е. до появленія на Парижской сценѣ «Роберта», Мейербееръ пользовался уже значительною извѣстностью. Итальянскія его оперы, какъ напримѣръ «Il crocciato» и «l'esule di Granata», написанныя чисто въ итальянскомъ стилѣ, исполнялись въ Италіи съ большимъ успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе Мейербееръ, предназначивъ «Роберта» для парижской сцены, счелъ необходимымъ измѣнить прежній свой стиль по примѣру Глюка и Россини. Нельзя, конечно, приписать безусловно переворотъ, совершившійся въ стилѣ Мейербеера и великихъ его предшественниковъ, исключительному вліянію парижской сцены или требованіямъ парижской публики; мы констатируемъ только фактъ.

Глюкъ, написавшій значительное количество оперъ въ итальянскомъ стилѣ, появляется въ Парижѣ въ 1774 году — на 62 году отъ рожденія, слѣдовательно очень уже немолодыхъ лѣтъ, и полагаетъ начало современной, можно сказать, лирической драмы (Iphigenie en Aulide) *.

Россини, покидая Италію, отрѣшается отъ фіоритурнаго стиля, доставившаго ему громкую славу, и пишетъ «Вильгельма Теля»; Мейербееръ дѣлаетъ то же.

Причину подобныхъ измѣненій въ стилѣ, въ пріемахъ, въ

* Въ «Орфеѣ» и «Алцестѣ», написанныхъ первоначально на итальянскій текстъ, исполненныхъ въ Вѣнѣ, Глюкъ положилъ это основаніе.

манерѣ геніальныхъ композиторовъ, слѣдуетъ искать глубже: *требованіе* парижской сцены для этого недостаточно. Всѣ они, т.-е. и Глюкъ, и Россини, и Мейерберъ искали *правды*, и не находя ея въ формахъ итальянской оперы, пробовали изобрѣсти новыя формы и поднять лирическую драму до уровня исторической драмы.

«Дѣйствительно, говоритъ одинъ изъ рецензентовъ пятидесятыхъ годовъ, въ операхъ, напримѣръ Мейербеера, нельзя искать однихъ мелодическихъ вдохновеній; знаменитый композиторъ пренебрегаетъ мимолетными впечатлѣніями чувственности; онъ смѣло взываетъ къ психическимъ началамъ человѣка, и, начертавъ свои музыкальныя поэмы, съ твердостью ожидаетъ приговора *разума*, а не *чувствъ*».

Заключеніе это подлежитъ сомнѣнію, потому что небывалая до того роскошная постановка оперъ Мейербеера и побочныя, можно сказать, средства въ родѣ электрическаго солнца, катанья на конькахъ и пр. и пр., доказываютъ, что великій композиторъ не прочь былъ затронуть и всѣ пять чувствъ, еслибы это было въ его власти; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ произведеніяхъ его затронута и духовная сторона жизни.— Такъ, напримѣръ, въ Робертѣ представлена «Борьба добраго и злаго начала», въ Гугенотахъ «Борьба протестантизма съ католицизмомъ», а въ Пророкѣ «Кровавый эпизодъ изъ исторіи анабаптистовъ».

Вообще лирическія драмы Мейербеера, написанныя имъ для парижской сцены, отличаются болѣе глубокимъ и серьёзнымъ содержаніемъ отъ оперъ, написанныхъ имъ для Италіи. Между сими послѣдними, задуманными по образцамъ итальянской школы, такая же разница (сравнительно говоря), какъ между трагедіями псевдо-классической французской школы и трагедіями Шиллера. Мейербееръ не доросъ до Шекспира, но относительно выше современника своего, Виктора Гюго.

Въ виду постановки «Пророка» на маріинской сценѣ, мы считаемъ нелишнимъ, повторяемъ еще разъ, представить обстоятельный разборъ означенной оперы, и поговорить объ исполненіи ея нашими русскими артистами.

«Пророкъ» поставленъ былъ въ первый разъ на парижской сценѣ въ 1849 году, съ неслыханнымъ великолѣпіемъ.

О катаньѣ на конькахъ, объ освѣщеніи электрическимъ солнцемъ, и о пышной процессіи во время коронованія лже-пророка — французскія газеты прокричали на весь міръ, но художественной оцѣнки произведенія со стороны французскихъ рецензентовъ мы что-то не помнимъ.

Берліозъ, лучшій тогдашній французскій музыкальный критикъ, отозвался о «Пророкѣ», на сколько мы можемъ припомнить, довольно сдержанно и нѣсколько свысока, а Скудо (въ «Revue des deux mondes») слишкомъ пристрастно.

При постановкѣ «Пророка» на нашей итальянской сценѣ въ

1853 году — опера эта была разобрана довольно обстоятельно однимъ изъ современныхъ тому времени критиковъ.

Раздѣляя во многихъ отношеніяхъ воззрѣнія тогдашняго рецензента, мы считаемъ себя въ правѣ, при настоящемъ разборѣ, почерпнуть изъ давно забытыхъ статей кой-какія данныя.

При постановкѣ «Пророка» въ Берлинѣ, Мейербееръ написалъ длинную увертюру. Здѣсь ее однакоже не исполняютъ; она замѣняется 20 тактами довольно оживленной прелюдіи, которая ничего не выражаетъ. Интродукція, написанная въ пасторальномъ родѣ, начинается двумя кларнетами, представляющими вѣроятно пастушескія свирѣли. Одинъ кларнетъ помѣщенъ въ оркестрѣ, а другой за кулисами. Долго они перекликаются, подражая одинъ другому; наконецъ къ нимъ присоединяется оркестръ, и слышна легкая трель треугольника, напоминающая звуки бубенчиковъ и колокольчиковъ пасущагося стада.

Одной этой черты достаточно, чтобы убѣдиться, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Мейербееръ стремился къ *реализму*, а между тѣмъ въ музыкальныхъ замѣткахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (въ № 350 прошлаго 1869 года), сказано между прочимъ, «что Мейербееръ былъ чуждъ *современныхъ оперныхъ тенденцій,* — пренебрегалъ правдоподобіемъ и не искалъ въ музыкальной драмѣ изображеній характеровъ выдержанныхъ. Послѣ подобнаго категорическаго отзыва, можно было бы вывести заключеніе, что рецензентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» раскритикуетъ въ пухъ и прахъ «Пророка», но оказывается противное.

Рецензентъ съ восторгомъ отзывается объ этой оперѣ вообще, и даже провозглашаетъ, что «Пророкъ» лучшее произведеніе Мейербеера, забывая Гугенотовъ!

Въ противность показанію вышеупомянутаго рецензента, утверждающаго, что Мейербееръ «не искалъ изображенія выдержанныхъ характеровъ», мы скажемъ, что онъ, напротивъ, имѣлъ неоспоримое достоинство отлично образовывать характеры дѣйствующихъ лицъ.

«Для произведенія контраста и соблюденія надлежащихъ оттѣнковъ, Мейербееръ во всѣхъ почти своихъ операхъ выводитъ на сцену лицо, которое рѣзко отличается и отдѣляется отъ прочихъ. Музыкальныя фразы Бертрама (въ «Робертѣ») и Марселя (въ «Гугенотахъ») не имѣютъ ничего общаго съ фразами прочихъ дѣйствующихъ лицъ. Въ «Пророкѣ» выведены на сцену три анабаптиста: они нечто иное, какъ Бертрамъ, помноженный на три, или утроенное злобное начало. Они постоянно появляются, ходятъ и поютъ всегда вмѣстѣ»

Рецензентъ (1853 года), слова котораго мы привели здѣсь, сѣтуетъ, что умышленная эта тройственность наводитъ уныніе; мы готовы согласиться съ этимъ мнѣніемъ, но не менѣе того, не можемъ не отдать полной справедливости прекрасному хо-

ралу, исполняемому анабаптистами, при первомъ появленіи ихъ на сцену.

Хоралъ этотъ отзывается, какъ справедливо замѣчаетъ прежнихъ временъ рецензентъ, какимъ-то мрачнымъ и зловѣщимъ выраженіемъ.

Къ пѣнію анабаптистовъ присоединяется вся хоральная масса, хоръ усиливается болѣе и болѣе и, наконецъ, разражается со всею силою на первоначальной фразѣ хорала.

Наиболѣе очертанная роль въ разбираемой оперѣ, какъ въ музыкальномъ, такъ и въ драматическомъ отношеніяхъ, роль Фидесы, престарѣлой матери Іогана Лейденскаго.

Роль эта исполнялась въ Парижѣ г-жею Віардо, у насъ же исполняетъ ее г-жа Лавровская. Сравнивать или проводить паралель между этими двумя пѣвицами, было бы и несвоевременно и несправедливо. Г-жа Віардо приняла на себя трудную роль Фидесы, будучи уже въ полномъ развитіи и физическихъ и артистическихъ своихъ силъ, а г-жа Лавровская при началѣ артистическаго своего поприща.

Дай-то Богъ, чтобы эта *голосоломная* роль не подѣйствовала бы зловредно на молодой, свѣжій и симпатическій голосъ даровитой нашей соотечественницы, но въ настоящую минуту, мы можемъ положительно сказать, что послѣ г-жи Віардо, мы никогда не слыхали такой Фидесы, какъ г-жа Лавровская.

Въ итальянскихъ операхъ выходъ первенствующаго субъекта, т-е. пѣвца или пѣвицы, сопровождается обыкновенно особою обстановкою. Ему предшествуетъ менѣе или болѣе значительная ритурнель и за симъ слѣдуетъ, такъ-называемая, входная арія. Мейербееръ не подчинялся этому обычаю. Фидеса его входитъ незамѣтно на сцену, въ сопровожденіи Берты, и заявляетъ свое присутствіе небольшимъ речитативомъ или, вѣрнѣе сказать, нѣсколькими фразами, произнесенными говоркомъ. Въ партитурѣ сказано—«babilland avec bonhomie», и дѣйствительно фраза эта превосходно изображаетъ какъ бы старческое лепетаніе.

Съ первой минуты г-жа Лавровская попадаетъ въ надлежащій тонъ. Она не придаетъ пѣвучести этой первой фразѣ, и дѣйствительно произноситъ ее съ добродушнымъ лепетаніемъ, но, къ сожалѣнію, гримировка ея весьма неудовлетворительна. Неужели нельзя состарить молодое ея лицо, не обезображивая какими-то черными штрихами, вовсе не похожими на старческія морщины?

Дуэтино Фидесы съ Бертою (г-жа Платонова), названный въ партитурѣ неизвѣстно почему романсомъ въ два голоса, чрезвычайно милъ.

Въ этомъ дуэтинѣ Берта испрашиваетъ у Обертала, у котораго она состоитъ въ подданствѣ, дозволеніе выдти замужъ за сына Фидесы. Простота и наивность музыкальной фразы отлично выражаютъ характеръ сельской, простодушной, но есте-

ственно-граціозной дѣвушки. Въ фразахъ Фидесы, которая поддерживаетъ ходатайство Берты, болѣе чувства, чѣмъ граціи, и этотъ обдуманный контрастъ оттѣненъ и обрисованъ Мейербееромъ какъ нельзя лучше. Жаль только, что въ угоду тогдашней публикѣ, композиторъ заключилъ этотъ дуэтъ вычурною и, по мнѣнію нашему, совершенно неумѣстною каденціею.

Пѣвицы наши удачно превозмогаютъ нарочито придуманныя вокальныя трудности этой каденцы, но жаль, повторяемъ еще разъ, что композиторъ не сохранилъ этому хорошенькому дуэтино первоначальной его простоты и выразительности.

Первый актъ оканчивается необъяснимымъ событіемъ. Оберталь, появляясь на сцену, приказываетъ схватить анабаптистовъ, волновавшихъ народъ. Ихъ увлекаютъ въ зàмокъ, и за ними поднимается подъемный мостъ. Дѣло, казалось бы, крѣпко, а между тѣмъ, когда Оберталь, отказавъ въ законной просьбѣ Берты, уводитъ ее къ себѣ въ зàмокъ, то анабаптисты вновь откуда-то появляются и вновь обращаются къ народу, возбуждая его къ сопротивленію.

Это сдѣлано, конечно, для эфектнаго заключенія перваго дѣйствія, и хоралъ, исполняемый всею массою голосовъ, производитъ сильное впечатлѣніе, но фактъ внезапнаго освобожденія анабаптистовъ такъ и остается необъясненнымъ.

Второе дѣйствіе происходитъ въ харчевнѣ, принадлежащей Іогану (г. Никольскій), сыну Фидесы. «Въ харчевнѣ собирается, разумѣется, народъ грубый, простой — замѣчаетъ рецензентъ прежнихъ временъ — онъ веселится по своему, и въ Германіи, напримѣръ (да и у насъ также), пьетъ пиво и пляшетъ, или скорѣе сказать, кружится до упаду. Это грубое веселье Мейербееръ съумѣлъ передать однимъ почеркомъ пера. Начало мотива вальса онъ далъ контрбасамъ, которые такъ тяжело и неуклюже подскакиваютъ, что невольно приходитъ въ мысль, что эти *массивные весельчаки* не разъ въ жизни пивали пиво въ запуски».

Нѣсколько наивное это замѣчаніе не лишено, однакожъ, нѣкоторой доли правды.

Дѣйствительно, неуклюжее подскакиванье контрбасовъ представляетъ что-то комически-типичное.

Появленіе Іогана сопровождается небольшою, довольно граціозною, кантиленою, оканчивающеюся весьма странною, вычурною гармонизаціею. По окончаніи кантилены, анабаптисты, которые попали также въ харчевню, переговариваются между собою, указывая на Іогана, въ которомъ они находятъ разительное сходство съ изображеніемъ пророка Давида, находящимся въ Мюнстерѣ.

«Вычурная гармонизація этого довольно длиннаго разговора, справедливо замѣчаетъ прежній рецензентъ, непріятно прерываетъ пирушку. Не понимаешь, почему всѣ замолкли, зачѣмъ

не пляшутъ, не чокаются, не веселятся, и появленіе вновь мелодіи вальса привѣтствуется съ удовольствіемъ».

По мнѣнію рецензента, неприятное это впечатлѣніе происходитъ оттого, будто бы, что въ веселой пирушкѣ *коварные* (sic!) проповѣдники не у мѣста, а слѣдовательно и мрачные акорды, которыми выражается ихъ присутствіе, не кстати, и нарушаютъ музыкальное единство и послѣдовательность».

Что касается до присутствія анабаптистовъ въ харчевнѣ, то мы въ этомъ не видимъ ничего *предосудительнаго;* людямъ, ищущимъ возмутить народъ, такъ и подобаетъ быть на народныхъ сходбищахъ; но дѣйствительно можно было бы значительно сократить вводный ихъ разговоръ и не прерывать на столь долгое время народную пирушку.

Наконецъ народъ расходится, остаются на сценѣ лишь анабаптисты и хозяинъ харчевни.

«Іоганъ, оставшись наединѣ съ анабаптистами, проситъ ихъ растолковать ему сонъ, дважды ему приснившійся».

«Вы, какъ люди *умные* и *ученые*, говоритъ онъ простодушно, не можете ли мнѣ объяснить, что̀ значатъ странныя мои сновидѣнія.

«Мнѣ снилось, что я находился въ великолѣпномъ храмѣ; царская корона украшала мою голову, и простертая передо мною толпа народа возсылала молитвы ко Всевышнему, прославляя меня. Между тѣмъ, на мраморныхъ стѣнахъ храма, вдругъ появились огненныя слова: «Горе, горе обманщику!» Ужасъ объялъ меня. Я хотѣлъ бѣжать... Но кровавые потоки прекратили мнѣ путь. Испуганный страшнымъ явленіемъ, я искалъ убѣжища на возвышеніи, на тронѣ, но тщетно... Тронъ обрушился; мрачная бездна открылась предо мною, я погибалъ преслѣдуемый проклятіями, а изъ глубины пропасти раздавался голосъ милосердія, и возносилъ къ престолу Всевышняго, прося моей пощады».

Длинный этотъ разсказъ написанъ по *Вагнеровской* системѣ. Тутъ чистая декламація съ *симфоническимъ* сопровожденіемъ оркестра; мы говоримъ: «симфоническимъ» для того, чтобы выразить, что главная роль тутъ принадлежитъ оркестру *. Неопредѣленность музыкальныхъ фразъ, колебаніе гармоніи, прекрасно выражаютъ туманность мыслей, которыя часто во снѣ переплетаются безъ всякой логической послѣдовательности.

Прежній рецензентъ обращаетъ особенное вниманіе на поэтическое намѣреніе, проявляющееся въ ритурнели разсказа о сновидѣніи.

«Скрипки (con sordine) на верхнихъ нотахъ, весьма легато и

---

* Въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ» сказано, что «сонъ» этотъ очень эфектенъ въ оркестрѣ, *но безъ всякой музыки*. Странно! тѣмъ болѣе, что въ «С.-Петерб. Вѣдомостяхъ» восхищаются разсказами въ «Ратклифѣ», написанными совершенно по этому образцу.

піаниссимо, говоритъ онъ, обрисовываютъ легкую и такъ сказать эфирную фразу; на третьемъ тактѣ альты, віолончели и духовые начинаютъ мотивъ, который впослѣдствіи, во время коронованія преступнаго Іогана, вполнѣ развивается, слѣдовательно предсказаніе таинственнаго сна подтверждается, такъ сказать, оркестромъ. Мысль поэтическая, но слушатель, какъ справедливо замѣчаетъ рецензентъ, не можетъ съ перваго раза оцѣнить поэтическое это намѣреніе, не предвидя, что фраза ритурнели появится потомъ въ полномъ развитіи во время коронованія.

Мы сказали выше, что разсказъ этотъ написанъ по *Вагнеровской* системѣ, но тутъ нѣтъ со стороны композитора *подражанія*, потому что Мейербееръ наврядъ-ли имѣлъ въ то время какое либо понятіе о Вагнеровскихъ произведеніяхъ, такъ-какъ Лоэнгринъ, въ которомъ съ полнотою высказались уже тенденціи германскаго реформатора, появился только спустя два года послѣ постановки «Пророка».

Продолжаемъ разборъ оперы.

Анабаптисты, вслѣдствіе найденнаго ими сходства Іогана съ изображеніемъ Давида, желая имѣть его главою своихъ преступныхъ замысловъ, увѣряютъ его, что сновидѣніе предрекаетъ трактирщику скипетръ и корону.

Іоганъ, разумѣется, не вѣритъ предсказанію и повторяетъ коварнымъ проповѣдникамъ, что всѣ его надежды на счастіе сосредоточены въ желаніи соединиться бракомъ съ возлюбленною его Бертою. Мисль эту Іоганъ выражаетъ въ простенькой, красивой кантиленѣ. Контрастъ между напыщеннымъ изложеніемъ *сновидѣнія* и этою наивною пѣснью обрисованъ мастерски.

Сладкозвучный голосъ г. Никольскаго придаетъ этой кантиленѣ особую прелесть.

Анабаптисты уходятъ. Іоганъ, оставаясь одинъ, слышитъ шумъ стремительныхъ шаговъ (подражательные звуки фаготовъ на самыхъ нижнихъ нотахъ весьма неудачны) *. Вбѣгаетъ Берта трепещущая, взволнованная и проситъ укрыть ее отъ преслѣдователей.

Вслѣдъ за ней появляется Оберталь и требуетъ чтобы Іоганъ выдалъ ему дѣвушку, укрывающуюся въ его домѣ, грозя, въ противномъ случаѣ, умертвить мать Іогана, которую вооруженные солдаты приводятъ на сцену. Іоганъ недолго колеблется и передаетъ Берту во власть графа.

Положеніе это подаетъ поводъ къ прекрасному романсу (*arioso* сказано въ партитурѣ).

Мы слышали это безподобное *arioso* при исполненіи его незабвенною Віардо, и смѣло скажемъ, что во многихъ отно-

---

* Рецензентъ «С.-Петерб. Вѣдомостей» дѣлаетъ то же замѣчаніе, забывая, что въ «Ратклифѣ» сдѣлано то же, съ тою разницею, что тамъ фаготъ подражаетъ храпу пьянаго человѣка.

шеніяхъ г-жа Лавровская передаетъ его съ тою же выразительностью и съ тѣмъ же увлеченіемъ.

Подобно знаменитой своей предшественницѣ, Лавровская сначала тихимъ, ласковымъ голосомъ благодаритъ сына, какъ бы опасаясь растравить раны его сердца; но мало по малу увлекается собственнымъ чувствомъ; голосъ ея возвышается и мажорная фраза чисто-Мейербееровскаго типа выражаетъ всю безпредѣльность и благодарность къ сыновнему пожертвованію.

Этимъ *arioso* г-жа Лавровская вызываетъ всеобщія восторженныя рукоплесканія.

Восторгъ этотъ вполнѣ заслуженный, но насъ пугаетъ успѣхъ молодой пѣвицы въ этой странно-трудной роли, написанной для исключительнаго голоса громаднаго протяженія.

Такъ напримѣръ, въ вышеупомятомъ *arioso кантабиле* растянуто на почти двѣ октавы отъ нижняго *si* до верхняго *la-dies*, и это не въ видѣ проходящихъ нотъ, а съ необходимостію широкаго пѣнія. Въ мажорной фразѣ, когда бархатный *mezzo* сопрановый голосъ возвышается постепенно до верхняго *la-dies*, просто духъ захватываетъ, такъ опасаешься что чудный голосъ нашей пѣвицы пострадаетъ отъ этого непосильнаго протяженія тесситуры.

По окончаніи arioso, Фидеса уходитъ, благословляя своего сына. Іоганъ остается одинъ. Погруженный въ горестныя думы, онъ соображаетъ, какими бы средствами освободить Берту изъ рукъ Оберталя. Въ это время вдали слышенъ хоралъ анабаптистовъ. Іоганъ вспоминаетъ сдѣланное ему предсказаніе; онъ призываетъ анабаптистовъ и спрашиваетъ ихъ: намѣрены ли они помочь ему въ достиженіи предполагаемой цѣли. Квартетъ, возникающій изъ этого положенія, напоминаетъ, по фактурѣ, первую часть знаменитаго терцета въ Вильгельмъ-Теллѣ, но какая разница во вдохновеніи, какъ справедливо замѣчаетъ рецензентъ, писавшій о «Пророкѣ» въ 1853 году.

Впрочемъ, замѣчаетъ онъ, между прочимъ, въ этомъ квартетѣ есть мѣста, доказывающія какъ Мейрбееръ глубоко обдумываетъ драматическія стороны своей музыки.

Когда Іоганъ колеблется и готовъ уже принять предложеніе анабаптистовъ, въ оркестрѣ появляется фраза изъ arioso Фидесы, какъ бы напоминая невидимое присутствіе матери сыну, готовому сдѣлаться преступнымъ.

Рецензентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» обращаетъ вниманіе «на одну рѣзкую, злобную, жесткую фразу анабаптистовъ», говоритъ онъ. — Это, parlante, въ которомъ анабаптисты, стараясь возбудить рѣшимость Іогана, почти говоромъ произносятъ одинъ послѣ другаго «а сладость мщенія!» говоритъ одинъ изъ анабаптистовъ — «а твои надежда!» нашептываетъ другой.

Рецензентъ справедливо обращаетъ вниманіе на эти отрывистыя фразы, чисто декламаціоннаго характера; но при этомъ

случаѣ не худо было бы сознаться, что эти фразы имѣли непосредственное вліяніе на одно мѣсто въ «Ратклифѣ». Тамъ отрывистыя восклицанія поручены только не солистамъ, а различнымъ хоральнымъ массамъ.

«Леслей, а! Леслей» говорятъ попеременно сопраны, альты и теноры, обращаясь къ Леслею съ просьбою пропѣть пѣсню.

Въ третьемъ дѣйствіи сцена представляетъ озеро, покрытое льдомъ. Послѣ интродукціи чисто-Мейрбееровской фактуры, т.-е. шумной и блестящей, начинается невидѣнный до Мейрбеера балетъ — «балетъ на льду!» Всѣ струнные инструменты трепещутъ легкими трелями, а духовые, подъ предводительствомъ флейтъ, скользятъ быстрыми тріолетами до самыхъ верхнихъ нотъ. Вотъ какъ описываетъ эти танцы рецензентъ 1853 года: «Движенія эти должны изображать, говоритъ онъ, катанье на конькахъ, и дѣйствительно вскорѣ со всѣхъ сторонъ показываются молодыя дѣвушки, дюжіе парни и мальчики съ корзинами на головѣ. Все это населеніе очень ловко разъѣзжаетъ на конькахъ по натянутому холсту, представляющему ледъ».

Не знаю, до какой степени это эстетически, замѣчаетъ рецензентъ, но для публики занимательно до крайности.

Лучшій нумеръ танцевъ, по нашему мнѣнію, галопъ, который въ настоящее время исполняется какъ слѣдуетъ, т.-е. въ скоромъ танцѣ, тогда какъ въ прежнее время у насъ исполняли его вообще медленно, въ угоду балетмейстера, придумавшаго для танцовщицъ какой-то граціозный, но вовсе неподходящій къ обстоятельствамъ костюмъ, т.-е. къ танцующимъ на льду, въ трескучій морозъ.

Послѣ катанья на конькахъ и танцевъ, декорація мѣняется, и сцена представляетъ палатку анабаптистовъ. Имъ попался въ плѣнъ какой-то человѣкъ, котораго они желаютъ сдѣлать своимъ сообщникомъ, уговаривая пристать къ ихъ лагерю. Разговоры эти сопровождаются попойкою, и долго происходятъ почему-то въ потьмахъ, до тѣхъ поръ, пока одному изъ анабаптистовъ не приходитъ наконецъ весьма логическая мысль: «Да зачѣмъ это, восклицаетъ онъ: — сидимъ мы въ потемкахъ».

При этомъ онъ высѣкаетъ огонь (при звукѣ подражательной фразы въ оркестрѣ), и тутъ только узнаютъ анабаптисты, что собутыльникъ и собесѣдникъ ихъ не кто иной, какъ ненавистный Обертали, котораго тотчасъ же и посылаютъ, разумѣется, на казнь.

Въ тріо этомъ есть весьма удачныя мѣста, но есть также очень неумѣстные эфекты! — Такъ, напримѣръ, когда анабаптисты, узнавъ Обертали, хватаются за кинжалы, тутъ вновь появляется мелодія вакхической пѣсни, слышанной въ началѣ терцета. Мейербееръ постарался скрыть эту несообразность, предоставивъ скрипкамъ тремоло на верхнихъ нотахъ, но не менѣе того вакхическая мелодія все-таки остается тою же вакхическою

пѣснью, и нисколько не выражаетъ злобы, которою кипятъ дѣйствующія лица.

Обертали, осужденнаго на смерть, уводятъ солдаты; — но въ это время входитъ Іоганъ и приказываетъ отложить казнь. Зачѣмъ Іоганъ, вступившій въ заговоръ, собственно изъ одной мести къ графу, милуетъ его, — остается загадочнымъ.

При перемѣнѣ декораціи сцена представляетъ то же озеро, покрытое льдомъ, на которомъ катались на конькахъ. На задней декораціи видѣнъ городъ Мюнстеръ; время на разсвѣтѣ. Войско, находящееся подъ начальствомъ Іогана, негодуетъ на него за бездѣйствіе, и собирается идти на приступъ безъ дозволенія. Іоганъ появляется и укрощаетъ мятежъ; всѣ предъ нимъ преклоняются. Слѣдующая за симъ молитва начинается хораломъ, который исполняетъ весь оркестръ унисономъ. Первая часть аріи Іогана, сопровождаемая пицикато басовъ, имѣетъ какое-то мистическое, весьма умѣстное выраженіе.

«Странно, говоритъ прежній рецензентъ, что при переходѣ въ ut-major, кантилена совершенно перемѣняетъ свой характеръ и какъ нельзя болѣе напоминаетъ нѣкоторыя избитыя итальянскія кантилены» *. «Зачѣмъ, восклицаетъ рецензентъ, начинать духовное пѣніе и сводить его на свѣтскій романсъ. Строгая логическая послѣдовательность sine qua non, какъ правильной рѣчи, такъ и хорошей мелодіи».

Іоганъ смирилъ мятежниковъ. Вдругъ раздаются трубные звуки со стѣнъ осажденнаго города. Іоганъ имѣетъ какое-то видѣніе, повинуясь которому онъ повелѣваетъ приступъ и возвѣщаетъ заранѣе своимъ войскамъ вѣрную побѣду.

Вслѣдствіе этого исполняется побѣдный гимнъ. Арпеджіо арфы, трубные звуки, полныя массы оркестра и хоровъ, изобиліе звучности производятъ совершенно полное впечатлѣніе.

Пока поется гимнъ, занялась заря и блестящее, ослѣпительное электрическое солнце восходитъ на горизонтѣ.

Гимнъ этотъ г. Никольскій поетъ чуднымъ звучнымъ голосомъ, но не съ достаточною энергіею. Воспоминанія о Маріо въ былыя времена, сильно вредятъ достойному нашему соотечественнику.

Четвертый актъ безспорно лучшій изъ всей оперы. Въ немъ сосредоточенъ весь драматическій интересъ и мѣстами вдохновеніе композитора достигаетъ полнѣйшаго развитія. Этотъ актъ начинается прекраснымъ хоромъ фугато. По окончаніи хора вниманіе обращается на женщину, покрытую рубищемъ. Жалобнымъ голосомъ несчастная взываетъ къ проходящимъ, испрашивая подаянія для отправленія тризны за упокой души умершаго ея сына.

* Замѣчательно, что отзывъ рецензента «С.-Петер. Вѣдомостей» на счетъ этой аріи, какъ будто скопированъ съ рецензіи 1853 года.

«Ритурнель романса, названнаго «la complainte de la mendiante», весьма оригинально, и прекрасно выражаетъ тихую, робкую жалобу *. Непонятно, отчего композиторъ не воспользовался этою удачною музыкальною мыслью (разумѣется, съ нѣкоторыми измѣненіями и бо̀льшимъ развитіемъ для самаго романса), замѣчаетъ рецензентъ 1853 года.

Дѣйствительно, потому что музыкальная фраза «Donnez, donnez» хотя и довольно трогательна, но имѣетъ неотъемлемый отпечатокъ многихъ, давно уже извѣстныхъ французскихъ романсовъ.

«Мажорная» фраза «au sein de votre richesse», рѣшительно приводитъ насъ въ огорченіе!» восклицаетъ старинный рецензентъ.

Это правда: фраза не имѣетъ никакой связи съ предъидущею и очень напоминаетъ самый избитый водевильный напѣвъ.

Оказывается, что мнѣніе устарѣлаго рецензента согласно въ этомъ случаѣ съ мнѣніемъ выдающаго себя за архи-передоваго критика г-на о трехъ звѣздочкахъ.

Послѣ романса, Фидеса остается одна на сценѣ. Въ проходящемъ пилигримѣ она узнаетъ Берту; неожиданная встрѣча озаряетъ минутною радостью сердце несчастной женщины. Берта разсказываетъ, какимъ образомъ она спаслась изъ за̀мка Оберталя.

Начало дуэта отзывается вліяніемъ французской школы; но ларгето, въ которомъ Фидеса объявляетъ, что сынъ ея болѣе не существуетъ, превосходно. Оно начинается безъ оркестра; чудная, исполненная чувствъ, музыкальная фраза переходитъ имитаціями отъ одного голоса къ другому. Сочетаніе голосовъ въ этомъ мѣстѣ весьма эфектно; но, къ сожалѣнію, въ оркестрѣ замѣтно тутъ излишнее притязаніе на оригинальность. Пиццикато басовъ и скачки октавами фаготовъ, портятъ, кажется намъ, изящное впечатлѣніе, производимое хорошимъ сочетаніемъ голосовъ. Окончательная каденца этого дуэта кажется намъ также слишкомъ вычурною и не совсѣмъ удобною для голосовъ.

Въ аллегро Фидеса разсказываетъ, что она нашла однажды окровавленную одежду своего сына, и невидимый голосъ провозгласилъ, что сынъ ея палъ жертвою самозванца, опустошавшаго Фландрію. Берта клянется отмстить за смерть своего жениха.

Окончаніе дуэта въ игривомъ темпѣ $^{6}/_{8}$ вовсе не соотвѣтствуетъ драматическому настроенію духа дѣйствующихъ лицъ.

---

* Рецензентъ «С.-Петерб. Вѣдомостей», говоритъ, лучшее мѣсто этого романса, оркестровое начало, и находитъ весьма слабой мажорной фразой. Какъ подумаешь, какъ люди сходятся иногда во мнѣніяхъ.

Послѣ дуэта декорація перемѣняется и сцена представляетъ торжество декоративнаго искусства. Величественные своды, пилястры, колонны ясно обрисованы въ необъятной перспективѣ. Сотни люстръ ярко освѣщаютъ первый планъ — и виднѣются въ изобиліи въ самой глубинѣ сцены.

Начинается великолѣпное шествіе подъ звуки торжественнаго марша, исполняемаго двумя оркестрами. Шествіе открываютъ вооруженные солдаты; за ними слѣдуютъ, въ пышныхъ одѣяніяхъ, разные чины съ ассистентами; нѣкоторые изъ нихъ несутъ на бархатныхъ подушкахъ: мечъ, скипетръ, корону и мантію. Потомъ идутъ пѣвчіе; молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ, усыпаютъ путь цвѣтами. Наконецъ появляется самозванецъ подъ балдахиномъ. Роскошная бѣлая парчевая одежда его осыпана драгоцѣнными каменьями. Шествіе замыкаютъ три мрачные, зловѣщіе анабаптиста, сохранившіе черное одѣяніе, и наконецъ сановники въ золотыхъ парчевыхъ мантіяхъ, подбитыхъ горностаемъ.

Процессія медленно проходитъ чрезъ сцену, и скрывается въ глубинѣ перспективы.

Рецензентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» находитъ, что маршъ, сопровождающій шествіе, тривіаленъ и грубъ до возмутительности — но почтенный рецензентъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ, грубо ошибается.

Маршъ этотъ вполнѣ соотвѣтствуетъ шествію: онъ торжественъ, блистателенъ, и звучностью своею отлично наполняетъ высокіе своды базилики. Болѣе замысловатаго значенія отъ подобнаго марша и требовать не слѣдуетъ. Съ этимъ торжественнымъ маршемъ можетъ только сравниться свадебный маршъ изъ Sommernachtstraum Мендельсона; но вѣдь и этотъ маршъ г-нъ о трехъ звѣздочкахъ находитъ плоскимъ и тривіальнымъ. О вкусахъ не спорятъ и заговариваться никому помѣшать нельзя.

«По окончаніи шествія, народъ, котораго латники, поставленные у крыльца, не пускаютъ во внутренность храма, становятся у рѣшетки на колѣни, и раздаются звуки органа и духовнаго пѣнія». Такъ было прежде, по удостовѣренію рецензента 1853 года, но нынѣ неизвѣстно, почему сцена остается пустою, за исключеніемъ Фидесы. Этого одобрить нельзя, потому что это охлаждаетъ всю послѣдующую великолѣпную сцену — и вовторыхъ, непонятно, по какой причинѣ солдаты, выгоняя всѣхъ со сцены, оставили одну только нищую.

Фидеса, услыхавъ, что молятся за благоденствіе самозванца, приходитъ въ негодованіе и проклинаетъ преступника. Заклятіе, сопровождаемое величественными звуками органа, поразительно и наводитъ ужасъ. «Жаль, что со вступленіемъ оркестра, слѣдующая фраза принимаетъ совершенно другой харак-

теръ и помрачаетъ своею бравурною вокализаціею ясное, восторженное впечатлѣніе».

Мы совершенно раздѣляемъ на этотъ счетъ мнѣніе прежняго рецензента; это доказываетъ, что 17 лѣтъ тому назадъ въ нашей критикѣ раздавались уже голоса за истинный драматизмъ и противъ неумѣстной бравурной вокализаціи.

Г-жа Лавровская ведетъ эту сцену безподобно. Задушевный, симпатическій ея голосъ какъ нельзя лучше сочетается со звуками органа и отлично раздается на всю залу.

Послѣ заклинанія начинается обратное шествіе. Въ скрипкахъ появляется, піаниссимо и легато, воздушная фраза, слышанная уже при разсказѣ о сновидѣніи Іогана.

Пѣвчіе (небольшой хоръ исключительно изъ женскихъ голосовъ) выходятъ на авансцену и поютъ чудную мелодію, тихо ударяя каждый первый тактъ ритма въ тембры (родъ колокольчиковъ) сребристаго звука. Мелодія эта не отличается новизною, но способъ ея изложенія и эфектный контрапунктъ скрипокъ очаровательны. Послѣ значительнаго развитія, съ эпизодическими фразами, въ которыхъ голоса чередуются и контрапунктически сочетаются, первоначальная мелодія повторяется всѣми массами оркестра и хоровъ.

Въ хорѣ этомъ сначала до конца соблюденъ необычайный колоритъ; каждый звукъ, каждая фраза на своемъ мѣстѣ и достигаетъ полнаго значенія *.

По окончаніи этого чуднаго хора, на возвышеніи показывается самозванецъ въ царскомъ облаченіи, въ порфирѣ и съ короною на головѣ. Народъ преклоняетъ колѣна. Фидеса съ ужасомъ узнаетъ въ самозванцѣ своего сына.

«Сынъ мой!» восклицаетъ она съ пронзительнымъ воплемъ. Самозванецъ смущается. Первое движеніе побуждаетъ его броситься въ объятія своей матери; но заговорщики его окружаютъ и грозятъ немедленно умертвить Фидесу, если онъ ее признаетъ. Несчастный повинуется. Онъ медленно сходитъ съ возвышенія и, подойдя къ своей матери, спрашиваетъ окружающихъ:

«Кто эта женщина?» Фидеса, какъ громомъ пораженная, долго не можетъ придти въ себя, но, наконецъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, отвѣчаетъ: «Кто я?.. Я несчастная мать, которая вскормила и взлелѣяла тебя, недостойнаго сына, а ты, ты, неблагодарный, не узнаешь меня!...» Народъ приходитъ въ волненіе и тихо ропщетъ. Самозванецъ гордо отходитъ отъ своей матери. «Женщина эта заблуждается! Я не понимаю, что она говоритъ? Чего она желаетъ?» — «Чего хочу я?» возра-

* Удивительно, что и рецензентъ «С.-Петерб. Вѣдомостей» съумѣлъ оцѣнить это, и онъ отзывается съ большою похвалой объ этомъ мѣстѣ оперы.

жаетъ Фидеса: «Я желала бы простить виновнаго, желала бы хоть на минуту прижать къ своему сердцу заблудшее дѣтище!...» Народъ болѣе и болѣе волнуется; приверженцы самозванца, анабаптисты, воины и сановники обступаютъ его и требуютъ немедленно наказать женщину, осмѣлившуюся оклеветать его. Наконецъ, злоумышленники обнажаютъ кинжалы и устремляются на Фидесу. Самозванецъ отталкиваетъ ихъ. На лицѣ несчастной матери проглядываетъ лучъ надежды. «Онъ заступился за меня», шепчетъ она съ чувствомъ. Но самозванецъ обращается къ народу: «Женщина эта помѣшана, вѣроятно», говоритъ онъ: «лишь небесное чудо можетъ возвратить ей разсудокъ!»

Фидеса въ ужасѣ, въ негодованіи! Она хочетъ бѣжать, но ей заграждаютъ путь. Медленно, величественно самозванецъ подходитъ къ своей матери, которая, рыдая, закрываетъ себѣ лицо; онъ простираетъ надъ нею руки и повелѣваетъ ей преклонить колѣна. Фидеса гордо, съ презрѣніемъ взглядываетъ на недостойнаго, но глаза ея встрѣчаются со взоромъ возлюбленнаго сына. Мгновенно она забываетъ все ее окружающее; любящій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строгій, повелительный взоръ ея сына манитъ, притягиваетъ ее къ себѣ. Несчастная женщина трепещетъ, колеблется, но скорбная, скрытая отъ толпы улыбка показывается на устахъ Іогана, и побѣжденная мать упадаетъ къ его ногамъ. Самозванецъ, въ знакъ благодаренія, подниматъ руки къ небесамъ, вдохновенное лицо его сіяетъ торжествомъ.

«Воины — говоритъ онъ, обращаясь къ своимъ приверженцамъ — обнажите оружіе, и если эта женщина продолжаетъ признавать меня за своего сына, поразите меня, какъ недостойнаго обманщика!» Воины повинуются, кинжалы устремлены на грудь самозванца. Фидеса вскрикиваетъ, и бросается къ сыну, но онъ останавливаетъ ее движеніемъ руки, и не удаляя отъ груди своей смертоносное оружіе, спрашиваетъ тихо и съ глубокимъ выраженіемъ: «сынъ ли я твой?»

Народъ шопотомъ и съ нетерпѣніемъ повторяетъ: «говори, отвѣчай!»

Фидеса вновь падаетъ на колѣни, опасенія за жизнь сына сокрушили ея силы: она въ изнеможеніи и раздирающимъ, прерывистымъ голосомъ, не поднимая глазъ на преступнаго сына, произноситъ, задыхаясь:

«Народъ... добрые люди... пощадите — я васъ обманула... онъ мнѣ не сынъ!»

Описаніе безподобной этой сцены мы выписали цѣликомъ изъ рецензіи 1853 года; вотъ что̀ говоритъ далѣе рецензентъ объ исполненіи тогдашнихъ артистовъ:

«Для тѣхъ, которые не знаютъ новой оперы, мы разсказали, по возможности, истинно-драматическое положеніе этой сцены;

но какъ описать игру великихъ артистовъ — Віардо и Маріо? Невозможно! Тутъ каждое движеніе, каждое выраженіе лица — верхъ совершенства!

«Въ минуту, когда самозванецъ, въ полномъ сознаніи своего вліянія на страстно любящую его мать, подходитъ къ ней съ намѣреніемъ заставить ее преклонить колѣни, лицо Маріо въ высшей степени выразительно; въ полуопущенномъ его взорѣ столько глубокаго, могучаго чувства, что зрители заранѣе уже сознаютъ его владычество надъ несчастною матерью — какъ описать мимику Віардо, когда глаза ея встрѣчаютъ взоръ ея сына? Какъ изобразить улыбку Маріо, который, такъ-сказать, минутно считаетъ мрачность драматическаго положенія.

«Невозможно, повторяемъ мы, рѣшительно невозможно?»

Однакоже, и этого описанія достаточно для того, чтобы убѣдиться, что при настоящемъ исполненіи многаго недостаетъ.

Голосъ у г-на Никольскаго безподобенъ, поетъ онъ исправно, съ безукоризненно вѣрною интонаціею; но у него нѣтъ и не можетъ быть того обаянія, которое какъ лучи исходили отъ художественно привлекательнаго прекраснаго лица *прежняго* Маріо.

Игра г. Никольскаго удовлетворительна, но не увлекательна, и не проникнута тѣмъ глубокимъ смысломъ, которымъ отличалась, въ особенности въ этой сценѣ, художественная игра достославнаго его предшественника.

Г-жа Лавровская гораздо болѣе подходитъ къ типу, созданному г-жею Віардо; голосъ ея мѣстами даже симпатичнѣе и можно сказать *доброкачественнѣе*, но и у нея не достаетъ еще той полноты драматургіи, которой отличалась знаменитая ея предшественница. По долгу безпристрастія мы сочли необходимымъ высказать это мнѣніе, но отъ души привѣтствуемъ достойныхъ нашихъ артистовъ за исполненіе этихъ двухъ трудныхъ ролей.

Разборъ музыкальнаго финала 4-го дѣйствія, сдѣланный стариннымъ рецензентомъ, такъ согласенъ съ нашимъ собственнымъ воззрѣніемъ, что мы передадимъ здѣсь его цѣликомъ.

«Къ сожалѣнію, говоритъ рецензентъ 1853 г., во всей этой истинно драматической сценѣ, т.-е. послѣ окончанія хора коронованія, вдохновеніе вдругъ измѣнило композитору. Фраза «je suis, helas! je suis la pauvre femme!», несмотря на вычурный тонъ (la bemol mineur) и энармоническую гармонизацію, напоминаетъ множество давно заброшенныхъ итальянскихъ каптиленъ. Слѣдующая фраза: l'ingrat, l'ingrat, il ne me reconnait pas, самая слабая, обветшалая, короткая шеститактная фраза. Къ несчастію, на ней сооруженъ весь мелодическій интересъ остальной части финала.

Прерывающіеся звуки «livrez la nous» могли быть допущены въ партіи Фидесы, когда она произноситъ задыхающимся отъ волненія голосомъ: «Et toi, tu ne me reconnais pas», но когда

они переходятъ въ массу хора, то дѣлаются противны изящному вкусу.

Это то же самое, что декламировать заикаясь: «О, Ты... простран...ствомъ без...ко...нечный!»

Эти прерывающіеся, неэстетическіе звуки, нѣсколько скрашенные плавнымъ пѣніемъ другой части хора, продолжаются *сорокъ-семь тактовъ* довольно медленнаго темпа, и, наконецъ, разражаются съ громомъ и шумомъ на скудной мелодической фразѣ: «l'ingrat, il ne me reconnait pas». Еслибы вдохновеніе не измѣнило Мейербееру и подъ перо его подвернулась истинно-мелодическая мысль, то при его глубоко-обдуманной фактурѣ, какое поразительное впечатлѣніе произвелъ бы этотъ финалъ, а теперь разсудокъ удовлетворенъ, а чувство — нѣтъ! Маэстро не довольствуется изложеніемъ скудной своей мелодіи съ необычайнымъ шумомъ въ la bemol; онъ переноситъ ее квинтою ниже въ re bemol, что противно *психическимъ* законамъ, потому что въ подобныхъ положеніяхъ волненіе увеличивается, растетъ, *возвышается* или вдругъ прекращается; обратное же дѣйствіе (т.-е. постепенное пониженіе звучности) въ этомъ случаѣ нераціонально.

Далѣе композиторъ переноситъ ту же скудную фразу въ три различные отдаленные тоны — все это сжато, быстро; маэстро, какъ бы самъ недовольный, мучитъ, теребитъ свою фразу; наконецъ еще разъ излагаетъ ее опять въ «la bemol» на аккордѣ $^4/_6$ и усталый, измученный, вновь прибѣгаетъ къ прерывающимся фразамъ, изображающимъ народное заиканіе.

Когда самозванецъ возноситъ руки надъ главою своей матери, маэстро прибѣгнулъ къ такой неслыханной гармоніи, что и описать ее даже страшно. Желая изобразить мистическіе, не земные звуки, вотъ какую гармоническую прогрессію придумалъ композиторъ. Скрипки дѣлаютъ тремоло на самой высокой октавѣ, аккорда «ut majeur» съ квинтою «sol» наверху; потомъ безъ всякаго промежутка слѣдуютъ аккорды «fa dies, re majeur, la bemol, mi majeur, si bemol, la и наконецъ re» *. Прошу спѣть этотъ пассажъ безъ акомпанимента! Какъ ни увѣренъ пѣвецъ въ своей интонаціи, но собственный слухъ ему мѣшаетъ и онъ ищетъ такъ сказать ощупью слѣдующаго звука. Это *оригинальничанье* знаменитаго композитора тѣмъ болѣе непонятно, что того же самаго эфекта можно было бы достигнуть болѣе правильною гармоніею.

Въ музыкальной фразѣ «tu cherissais ton fils» Мейербееръ вновь возвышается до высокаго драматизма; отвѣтъ Фидесы «Si je l'aimais!» безподобенъ.

---

* Рецензентъ «С.-Петерб. Вѣдомостей» находитъ *прекрасною* эту дикую гармонизацію. О вкусахъ не спорятъ.

Однакоже, отыскиваніе эфектовъ, основанныхъ на необыкновенныхъ звукахъ, и тутъ увлекло композитора за предѣлы изящнаго вкуса.

Неужели нельзя было избрать, для сопровожденія пѣнія, другаго инструмента, какъ басъ-кларнетъ. Осиплые, нѣсколько грубые звуки этого инструмента не подстать дивному голосу Маріо (увы! это писано въ 1853 году). Однакоже, слушатели растроганы; теплое чувство согрѣваетъ душу; всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ отвѣта несчастной матери на вопросъ: «suis-je ton fils?» Увы! въ оркестрѣ появляется опять гармонія, или вѣрнѣе сказать, дисгармонія, нами уже описанная, и вновь разражается скудная шеститактная фраза (въ sol majeur), и на этотъ разъ сопровождаемая плясовымъ хоромъ «Miracle! sublime spectacle!» Вы думаете, кончено? Напрасно! Несчастная мелодія возвращается въ *si majeur*, и опять въ *sol*, въ *la*, и такъ до совершеннаго истощенія.

Пятый актъ какъ въ драматическомъ отношеніи, такъ и въ музыкальномъ чрезвычайно слабъ. Развязка драмы, а именно смерть самозванца, погибающаго подъ развалинами взорваннаго на воздухъ по его распоряженію замка, и пиръ, предшествовавшій этой катастрофѣ, болѣе пригоденъ для балетнаго представленія, чѣмъ для заключенія серьёзной драмы.

Толпы женщинъ въ коротенькихъ юбкахъ, съ цвѣтами на головѣ, пѣнящіеся кубки вина и застольныя пѣсни — все это вовсе не соотвѣтствуетъ мрачному хактеру оперы.

Бравурная арія Фидесы, съ неумѣстными каскадами вокализаціи, портитъ характеръ этой партіи, прекрасно очертанной въ предыдущихъ актахъ.

Тріо вялъ и невыносимо скученъ, и, наконецъ, послѣдній нумеръ самозванца есть не что болѣе, какъ застольная пѣснь, смахивающая, какъ справедливо замѣтилъ рецензентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», на «la ci darem la mano», передѣланное въ $^6/_8$ *.

Въ общей сложности можно положительно вывести заключеніе, что «Пророкъ» по достоинству своему ниже и Гугенотовъ и Роберта.

Объ исполненіи главныхъ двухъ ролей мы упомянули въ теченіе разбора оперы; о прочихъ же партіяхъ скажемъ, что всѣ наши достойные артисты способствовали успѣху «Пророка».

Въ текущій сезонъ на русской оперной сценѣ постановка этой оперы представляетъ самое крупное явленіе.

За симъ привлекаетъ въ Маріинскій театръ г-жа Меньшикова въ роляхъ Антониды (въ «Жизни за Царя») и въ «Русалкѣ».

---

* Замѣчаніе, впрочемъ, это было уже сдѣлано однимъ изъ музык. критиковъ.

Прочіе дебютанты: г-жа Давыдова, г. Орловъ и Корсовъ, не произвели особеннаго впечатлѣнія на публику.

На итальянской сценѣ г-жа Патти продолжаетъ первенствовать безусловно.

Въ текущемъ сезонѣ она появилась въ трехъ новыхъ роляхъ: въ ролѣ Травіаты, въ ролѣ Маргариты и въ ролѣ Дочери полка. Наиболѣе законченная ея роль, безспорно, роль Травіаты. Въ партіи Маргариты она также безподобна, но многихъ смущаетъ *бѣлокурый* парикъ, который она считаетъ необходимымъ вслѣдствіе установившейся традиціи о бѣлокурости гётевской Маргариты (la blonde Marguerite).

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ статью «Наши провинціальные мировые судьи и ходатаи по дѣламъ», помѣщенную въ 10 № «Отеч. Записокъ» 1869 г., вкралась ошибка, по поводу которой мы получили слѣдующее письмо отъ предсѣдателя лебедянскаго мироваго съѣзда:

«Въ октябрской книжкѣ издаваемаго вами журнала за 1869 г., помѣщена статья безъ подписи ея авторомъ, озаглавленная: «Наши провинціальные мировые судьи и ходатаи по дѣламъ». Статья эта представляетъ провинціальную мировую юрисдикцію дѣломъ совершенно неудавшимся, а мировыхъ судей и ихъ съѣзды вполнѣ несостоятельными къ отправленію правосудія. Какъ доказательство этой несостоятельности провинціальнаго мироваго суда, въ статьѣ этой на страницѣ 333 повѣствуется между прочимъ о дѣятельности Лебедянскаго съѣзда мировыхъ судей слѣдующее: «судебныя рѣшенія многихъ съѣздовъ свидѣтельствуютъ о такой ихъ несообразительности, что трудно было бы повѣрить, если бы такой источникъ, какъ сборникъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ сената могъ возбудить какія нибудь сомнѣнія, и отсылая любопытствующихъ къ этому сборнику, мы замѣтимъ, что нерѣдко можно встрѣтить такіе факты, какъ напримѣръ постановленіе съѣзда мировыхъ судей Лебедянскаго мироваго съѣзда, по дѣлу объ истязаніи собаки, которое съѣздъ разбиралъ при закрытыхъ дверяхъ вопреки требованія прокурора».

Не входя въ разсмотрѣніе доводовъ, представляемыхъ авторомъ статьи, и основательности выводимаго имъ заключенія, я, какъ предсѣдатель Лебедянскаго съѣзда мировыхъ судей, считаю своею обязанностію представить настоящій фактъ, сколько онъ относится до вышесказаннаго съѣзда, въ настоящемъ истинномъ его видѣ.

На съѣздѣ Лебедянскихъ мировыхъ судей дѣла, подобнаго тому, о какомъ упоминаетъ авторъ статьи, никогда не производилось и разногласія между съѣздомъ и товарищемъ прокурора на счетъ разсмотрѣнія какого либо дѣла при закрытыхъ дверяхъ никогда не происходило.

Состоявшееся 23-го декабря 1868 года рѣшеніе уголовнаго кассаціоннаго департамента, помѣщенное въ сборникѣ подъ № 968, до Лебедянскаго съѣзда относиться не можетъ. Эго не-

опровержимо доказывается тѣмъ, что на приговоръ съѣзда Лебедянскаго уѣзда, состоящаго въ Тамбовской губерніи, не могло быть протеста товарища прокурора окружнаго суда, какъ это выражено въ вышесказанномъ рѣшеніи кассаціоннаго департамента, потому что городъ Сумы, а слѣдовательно и Сумскій окружный судъ, находятся въ Харьковской губерніи. А если бы правительствующій сенатъ кассировалъ приговоръ Лебедянскаго съѣзда, то для новаго разсмотрѣнія этого дѣла онъ конечно не избралъ бы съѣзда находящагося въ Харьковской губерніи.

Изъ этого слѣдуетъ что въ изложеніи рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента, въ томъ видѣ, въ какомъ оно напечатано въ сборникѣ, вкралась ошибка и вмѣсто слова Лебединскаго напечатано слово Лебедянскій.

Не желая оставлять на съѣздѣ мировыхъ судей Лебедянскаго уѣзда нареканія за нарушеніе, которое никакъ на него возводимо быть не можетъ, покорнѣйше прошу васъ, г. редакторъ, помѣстить настоящее заявленіе мое въ слѣдующемъ нумерѣ издаваемаго вами журнала.

Примите увѣреніе совершеннаго моего почтенія

Князь Викторъ Васильчиковъ.

11-го декабря 1869 г.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

С. В. ЗВОНАРЕВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Аничкова дворца, д. № 64 (Меншикова).

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

Выводы естествознанія по отношенію къ основнымъ началамъ религіи. Спб. 1870. Ц. 50 к. Вѣс. 1 ф.

Отвѣты на обыкновенные вопросы дѣтей: какъ и изъ чего это дѣлается и какъ называется? Изъ области техническихъ производствъ. Спб. 1870. Ц. 1 р. 25 к. Вѣс. 2 фун.

Человѣческое тѣло, его строеніе, жизнь и воля, проф. Бока. Руков. для учащихся съ 25 рис. Перев. подъ ред. Паульсона. Спб. 1870. Ц. 40 к. Вѣс. 1 ф.

Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство кіевское. О. Миллера. Ц. 3 р. Вѣс. 3 ф.

Остзейскій вопросъ М. Н. Погодина къ проф. Ширену по поводу книги г. Самарина. М. 1870. Ц. 60 к. Вѣс. 1 ф.

Духовныя стихотворенія Ѳ. Н. Глинки. М. 1870. Ц. 2 р. Вѣс. 2 ф.

Письма русскаго офицера о войнѣ 1812—1815 въ 5 ч. М. 1870. Ц. 2 р.

Еврейское племя, этнографическіе этюды Іеллинска въ приложеніи: столѣтіе эманципаціи Евреевъ и ея христіанскіе защитники Исидора Канна Спб. 1870. Ц. 1 р. 25 к.

Дача на Рейнѣ, романъ Ауэрбаха, 3 т. съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Спб. 1870. Ц. 4 р. 50 к. Вѣс. 5 ф.

О самоуправленіи сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учрежденій. Князя А. Васильчикова т. I. Спб 1870. Ц. 1 р. 75 к. Вѣс. 2 ф.

Новочеркаскій водопроводъ (устройство и эксплоатація его) и данныя для проэктированія водоснабженій 14 лист. чертежей оставилъ Бѣлелюбскій. Спб. 1870. Ц. 3 р. Вѣс. 2 ф.

Руководство для сельскихъ учителей И. Бѣлова съ приложеніемъ уроковъ по русскому языку, родиновѣденію и отечествовѣденію. Спб. 1870 Ц. 1 р. Вѣс. 1 ф.

Преданіе суду и дальнѣйшій ходъ уголовнаго дѣла до начала судебнаго слѣдствія. Сборникъ практическихъ замѣтокъ К. К. Арсеньева. Спб. 1870. Ц. 1 р. Вѣс. 1 ф.

Марфа Посадница или покореніе Новгорода. Трагедія въ 5 дѣйств. въ стих. Ступишина, Спб. 1870. Ц. 80 к. Вѣс. 1 ф.

Практическое руководство къ учрежденію сельскихъ и ремесленныхъ банковъ по образцу нѣмецкихъ ссудныхъ товариществъ. Составилъ Колюпановъ М. 1869. Ц. 1 р. 50 к. Вѣс. 2 ф.

Медицина страстей или страсти, разсматриваемы въ отношеніи къ болѣзнямъ, законамъ и религіи. Соч. Декюре. 2 т. Спб. 1869. Ц. 4 р. Вѣс. 3 ф.

Въ разбродъ, романъ въ 2-хъ ч. А. Михайлова. Спб. 1870. 1 р. 75 к. Вѣс. 2 ф.

Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г. Разсказы и воспоминанія очевидцевъ. Спб. 1870. Ц. 1 р. 25 к. Вѣс. 2 ф.

Сахарометрія, составленная инженеръ-технологомъ Бирюковымъ. Одесса. 1868. Ц. 75 к. Вѣс. 1 ф.

Изъ мрака къ свѣту, ром. Шпильгагена въ 4 ч. Спб. 1870. Ц. 2 р. Вѣс. 2 ф.

Юность знаменитыхъ людей, соч. Миллера съ 25-ю карт. художника Баяра. Спб. 1870. Ц. 2 р. 50 к.

Война и міръ ром. гр. Толстаго. т. VI М. 1870. Ц. 2 р. Вѣс. 2 ф. за полный экз. 6 т. Ц. 10 р.

Руководство къ судебной медицинѣ для врачей и юристовъ. Перев. Чацкина. 2-е изд. М. 1870. Ц. 3 р. 50 к. Вѣс. 3 ф.

Причины вырожденія человѣка неполнота и неправильность его тѣлеснаго и душевнаго развитія въ настоящіе время. Составлено по нѣмецкому сочиненію Рейха О. В. Мильчевскимъ. М. 1869. Ц. 2 р. Вѣс. 2 ф.

Сочиненія Островскаго, томъ пятый. Спб. 1870 Ц. 2. р. Вѣс. 3 ф. Ц. полному экз. 5 т. 8 р. 50 к.

О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву. Изслѣдованіе Таганцева. Спб. 1870. Ц. 1 р. 50 к. Вѣс. 2 ф.

Мнѣніе о восточномъ вопросѣ по поводу послѣднихъ рецензій на вооруженныя силы Россіи. Р. Фадѣева. Спб. 1870. Ц. 50 к. Вѣс. 1 ф.

Волокъ Картины петербургской, московской и провинціальной жизни. Спб. 1870. Ц. 1 р. 50 к. Вѣс. 2 ф.

Повѣсти, очерки разсказы Всеволода Крестовскаго. Т. I. Спб. 1870. Ц. 1 р. 40 к. Вѣс. 2 ф.

О вліяніи школъ на здоровье. Руд. Вирхова. Спб. 1870. Ц. 30 к. Вѣс. 1 ф.

Популярно - медицинскія беседы Д-ра Бока. Перев. Смирнова. М. 1870. Ц. 1 р. Вѣс. 2 ф.

Музыкальный разборъ «Рогнѣды», оп. Сѣрова. Ростислава. Спб. 1870. Ц. 50 к. Вѣс. 1 ф.

Балетный міръ. Живыя картины (матеріалъ для характеристики нашихъ нравовъ). Спб. 1870. Ц. 1 р. Вѣс. 1 ф.

Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. Историческій очеркъ раскольничьяго ученія о бракѣ вып. 2-й (Царствованія Императора Николая I) Проф. Нильскаго. Спб. 1870 Ц. 1 р. Вѣс. 2 ф.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КАПИТАНА ГАТРАСА.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

Сочиненіе *Жюля Верна.* Съ 259-ю рисунками художника *Ріу.* Переводъ *Марко-Вовчка.* Роскошное изданіе С. В. Звонарева. Спб. 1870. Цѣна 3 р. 50 к.

ИСТОРІЯ ЧЕРЕЗЧУРЪ ДОБРОЙ СОБАКИ.

Сочиненіе *Шервиля.* Съ 54 рисунками художника *Андрье.* Переводъ *Марко-Вовчка.* Роскошное изданіе С. В. Звонарева. Спб. 1870. Цѣна въ папкѣ 2 р.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ РОШЕНА ВАЛЬВРИ.

Сочиненіе *Мало.* Съ 42 рисунками художника *Э. Баяра.* Переводъ *Марко-Вовчка.* Роскошное изданіе С. В. Звонарева. Спб. 1870. Цѣна въ папкѣ 3 р.

Н. Е. СМИРНОВЪ.

СОВРЕМЕННЫЕ ТИПЫ.

ОЧЕРКИ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Содержаніе т. I: Очерки кавказской жизни. Бѣдная дѣвушка. На дальнемъ сѣверѣ. Старая грѣшница. Т. II: Тяжелый трудъ. Станціонный писарь. Сумасшедшій актеръ. Сватьба. Ростовщикъ. Цѣна за оба тома 2 р. 50 к. съ пересылкою.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ
у М. БЕРНАРДА,

поставщика Двора Его Императорскаго Величества, коммиссіонера придворной пѣвческой капеллы, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, № 10.

Для фортепіано.

Arditi. L'extase. Valse chantée par M-me Lucca (60 к.).
Альбомъ самыхъ любимыхъ русскихъ романсовъ: Булахова, Варламова, Глинки, Гурилева, Даргомыжскаго, Алябьева, Дерфельдта, гр. Віельгорскаго и др., переложенныхъ для одного фортепіано М. Бернардомъ. Сто романсовъ въ 10-ти тетрадяхъ (каждая тетрадь 1 р.).
Arnold. La fille villageoise. Idylle (60 к.).
Behr. Les beaux yeux. Polka de salon). Les adieux à la Styrie. Mélodie (60 к.). Au son des cloches. Fantaisie (60 к.).
Bendel. Une promenade du matin. Fantaisie (60 к.). Elégie (60 к.).
Baumfelder. Romeo et Juliette. Valse brillante (60 к.).
Bernard. Aux mânes de Rossini. Elégie (50 к.). Valse d'adieu (75 к.). O cara memoria. Air de Carafa paraphrasé (75 к.). Réminiscences de Russie. Choix de 36 chansons favorites (1 р. 50 к.). Дѣтскій садъ. Картинно-музыкальный альбомъ въ трехъ отдѣленіяхъ: I Дѣтскія игры. II Музыкальный вечеръ. III. Дѣтскій балъ (2 р. 50 к., съ пересылкою 3 руб.).
Chopin. Oeuvre posthume: Valse (75 к.).
Dubuque. Ожиданіе. Romance favorite de Donauroff transcrite (75 к.).
Egghard. Боже, царя храни! Hymne national (60 к.). Le réveil des fleurs. Morceau de salon (60 к.). Ma bien aimée. Poësie (50 к.). Petit ange. Rêverie (60 к.).
Funke. Ecoutez-moi. Rêverie (30 к.).
Ganz. Qui vive! Grand galop (1 р.).
Jungmann. Une belle journée d'été. Mélodie (60 к.).
Кажинскій. 6 небольшихъ фантазій на любимыя русскія пѣсни (каждая 60 к.).
Ketterer Si vous n'avez rien à me dire. Romance favorite (75 к.). Valse des roses (85 к). Les folies. Galop (85 к.).
Köhler. Transcription en forme de fantaisie sur «Сердце» de Gourileff (1 р.). Impressions d'amour (85 к.).
Kuhe. Fantaisie sur la Traviata de Verdi (85 к.). Paraphrase sur un air allemand (60 к.). L'enlevement du sérail. Fantaisie (1 р.). Belisario. Fantaisie (85 к.)
Löw. Le réveil des oiseaux. Impromptu (60 к.).
Meltzer. Mélodie champêtre. Nouvelle édition (1 р.).
Meyer. Вдоль по улицѣ. Air russe favori transcrit et varié (75 к.).
Mendelssohn-Bartholdy. Lieder ohne Worte Liv 8 (1 р.). Всѣ 8 тетрадей въ одной книгѣ съ портретомъ автора (5 р.).
Mozart. Sonate F dur. Nouvelle édition (1 р.).
Richards. Une matinée d'été. Fantaisie (60 к.).
Schubert. Moments musicals: Andantino (40 к.). Allegro moderato (30 к.). Impromptu (40 к.).
Schulhoff. Largo funêbre (75 к.).
Smith. Lucrezia Borgia. Fantaisie de concert (1 р.). Aux armes. Morceau militaire (85 к.).
Rubinstein. Danses nationales: № 1 Русская и трепакъ. № 2 Лезгинка. № 3 Мазурка. № 4 Чардасъ. № 5 Тарантелла. № 6 Вальсъ (каждый 1 р. 15 к.). Deux mélodies favorites (75 к.).
Tschaikowsky. Romance (1 р.). Scherzo à la russe (1 р. 80 к.).
Spindler. Oberon. Fantaisie (85 к.). Lucrezia Borgia. Fantaisie (1 р.). Пряхa. Pièce de salon (75 к.).

Voss. Marche de parade de S. M. la Reine Olga de Würtemberg paraphrasée (1 p.). Thème de Verdi transcrit (75 к.)
Wachtmann. Rose d'hiver. Mazurka (40 к.). Mélodie célèbre de Servais (40 к.). L'hirondelle. Valse (40 к.).

Танцы для фортепіано.

Budik. Nayaden-Quadrille (60 к.). Käthchen-Polka (50 к.).
Шубертъ. С.-петербургскіе вечера. Кадриль изъ любимыхъ русскихъ романсовъ (75 к.). Flotte Bursche. Quadr. (75 к.).
Daase. Patti-Polka (30 к.).
Faust. In wilder Hast. Galop (40 к.). Mia cara. Polka-Masurka (40 к.). Klein und niedlich. Polka (40 к.).
Himmelman. Mazurka de bal de Varsovie (40 к.). Quadrille du beau monde (75 коп.).
Hermann. Vielliebchen-Polka-Mazurka (40 к.).
Hertel. Quadrille d'après le ballet: Don Parasol (60 к.).
Jeschko. Harlekin-Polka (30 к.).
Кухачъ. Кадриль изъ южно-славянскихъ пѣсенъ (75 к.).
Laade. Au revoir. Polka (60 к.).
Лобри. Птичка-Polka (50 к.). Petite valse (30 к.).
Leutner. Berliner-Quadrille (60 к.).
Майеръ. Зыбь и пробой. Вальсъ (1 р.).
Strauss. Mailust-Polka (40 к.). Flick und Flock. Quadrille (60 к.). Quadrille chevaleresque (60 к.).
Svenske. Les chateaux en Espagne. Valse (75 к.).

Для пѣнія.

Виноградовъ. Духовно-музыкальныя сочиненія: № 1 Да исправится молитва моя (60 к.). № 2 Нынѣ силы небесныя (30 к.) № 3 Вкусите и видите (30 к.). № 4 Милость мира (50 к.). № 5 Взбранной воеводѣ (30 к.).
Бетховенъ. Шесть духовныхъ пѣсней (1 р.).
Богуславскій. Предсмертная пѣснь Никитина (50 к.).
Донауровъ. Если ты любишь (40 к.). Ахъ, зачѣмъ (50 к.).
Дюбюкъ. Ночная серенада (60 к.). Солнце горы золотило (50 к.) Вѣрь, у любви нѣтъ болѣе права (75 к.). Люби пока любить ты можешь (60 к.).
Монюшко. 12 новыхъ русскихъ романсовъ (по 40 и 50 к.).

Вновь получены въ большомъ выборѣ *новыя изданія классической музыки* и *оперъ* по *чрезвычайно дешевымъ цѣнамъ*. Каталогъ оныхъ высылается по требованію.

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер., получаютъ двадцать-пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., пользуются означенною уступкою, и кромѣ того, ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгодою этой пользуются тѣ, которые обратятся непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно отъ него выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, кромѣ изданій придворной пѣвческой капеллы, дешевыхъ изданій классической музыки и оперъ и сочиненій, изданныхъ самими авторами, цѣны которымъ крайнія и за пересылку коихъ прилагается особо.

Въ томъ же магазинѣ вышла 2-го января первая тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXXI), содержащая въ себѣ новѣйшія сочиненія: *Контскаго*, *Дюбюка*, *Ричардса*, *Бера*, *Дорна* и др., 4 новыхъ танца, 1 русскій романсъ, 1 пьесу въ 4 руки и и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. Подписная цѣна 10 р., съ пересылкою 11 руб. Желающіе подписаться, получаютъ тотчасъ всѣ вышедшія тетради.

Вновь получены: *рояли*, *піанино* берлинской фабрики Зейлера, *фисгармоники*, *скрипки*, *віолончели*, *флейты*, *гармонифлейты*, *цитры*, *гитары*, *метрономы* и проч. по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Депо лучшихъ итальянскихъ струнъ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви, въ Санктпетербургѣ.

ДЛЯ ФОРТЕПІАНО ВЪ ДВѢ РУКИ.

Вейера, Ф. Hommage à la Russie, 12 фантазій на любимыя русскія пѣсни, Op. 100.

№ 1. Національный гимнъ, Львова. № 2. Соловей, Алябьева. № 3. Ты не пой соловей, Варламова. № 4. Вотъ на пути село большое. № 5. Старый мужъ, грозный мужъ, Верстовскаго. № 6. Вѣтка, Титова. № 7. За Ураломъ за рѣкой. № 8. На зарѣ ты ея не буди, Варламова. № 9. Ты не повѣришь, какъ ты мила. № 10. Не бѣлы снѣги. № 11. Лучина, лучинушка. № 12. Коса, Цыганская пѣсня. Каждый № по 75 к. Всѣ 12 № вмѣстѣ 6 руб. сер.

Fleurs mélodiques de la Russie, 12 фантазій, Op. 102.

№ 1. Красный сарафанъ, Варламова. № 2. Пѣсня Вероники изъ трагедіи Уголино. № 3. Вотъ ѣдетъ тройка удалая. № 4. Ангелъ, Варламова. № 5. Скажи, зачѣмъ. № 6. Ты душа-ль моя, Львова. № 7. Сарафанчикъ. № 8. Вечеркомъ румяну зорю, Алябьева. № 9. Онъ меня разлюбилъ, Пашкова. № 10. Разлюби меня, Варламова. № 11. Она миленькая, Гурилева. № 12. Люби меня, Пашкова. Каждый № по 85 коп. Всѣ 12 № вмѣстѣ 7 руб.

Lyre de Moscou, 12 фантазій, Op. 141.

№ 1. Хожу я по улицѣ и Ой вы уланы. № 2. Жилъ былъ у бабушки и Антипка балалайку. № 3. Ивушка и А мы жила на горѣ. № 4. Пряди моя пряха и Не хай такъ. № 5. Ножка и Ленъ ты мой ленъ. № 6. Нѣтъ, онъ меня не любитъ и Тройка. № 7. Не искушай меня и Кубокъ. № 8. Садомъ, садомъ кумасенька и Ѣхали ребята. № 9. Хочешь что-ли моя радость и Какъ у нашихъ у воротъ. № 10. Крамбамбули и Ты почувствуй дорогая. № 11. Спать мнѣ не хочется, и Ты поди, коровушка домой. № 12. Гаданіе и Настасья. Каждый № по 75 коп. Всѣ 12 № вмѣстѣ 6 руб. сер.

Альбомъ 50-ти русскихъ и цыганскихъ пѣсенъ......	2	р.	50 к.
Германа, Ф. Première revêrie russe........................	—	»	60 »
Deuxième revêrie russe........................	—	»	60 »
Polka russe........................	—	»	60 »
Fantaisie russe........................	—	»	75 »
Troisième revêrie russe........................	—	»	75 »
Quatrième revêrie russe........................	—	»	75 »
Revêrie petite russiènne........................	—	»	60 »
Дюбюка. А. Альбомъ 130 русскихъ народныхъ пѣсенъ......	3	»	— »
Ахъ морозъ морозецъ........................	—	»	85 »
Не брани меня родная и Кубокъ........................	1	»	— »
Ахъ шли наши ребята........................	—	»	85 »
Пловцы........................	—	»	85 »
Горныя вершины........................	—	»	85 »
Пѣснь Офеліи.			
Вдоль по улицѣ мятелица мететъ....	—	»	60 »
Не будите меня молоду........................	—	»	60 »
Вотъ мчится тройка........................	—	»	75 »
Ужь какъ палъ туманъ и Ахъ! сѣни мои сѣни........	—	»	75 »
Лучина лучинушка и Во полѣ березенька........	—	»	75 »
Молодка молодка молодая и Какъ у насъ во садочкѣ..	—	»	50 »
Во лѣсахъ-то было во дремуч. и У воротъ дѣвка стоитъ..	—	»	60 »
Вспомни, вспомни и Мнѣ моркотно молоденькѣ.......	1	»	— »

Скучно матушка весною и По улицѣ мостовой........ — р. 75 к.
Не одна во полѣ дороженька.......................... — » 60 »
Ахъ не кукушечка и Противъ краснаго солнышка. .. — » 60 »
Не бѣлы-то снѣги и По мосту мосту..................... — » 75 »
Ахъ ты степь моя донская и Зеленая роща.............. — » 75 »
Ахъ ты молодость и Все по свѣтлицѣ бъ.................. — » 60 »
Среди долины ровныя и Полоса-ль моя.................... — » 60 »
Внизъ по матушкѣ по Волгѣ и За долинами.............. — » 60 »
Волга рѣчинька глубока и Ты поди моя коровушка... — » 85 »
Какъ у нашего широкаго двора и Во лузяхъ. .... — » 60 »
Ужь какъ слава тебѣ Боже на небѣ! слава!.......... — » 60 »
Боже Царя храни,...................................... — » 50 »

Куллака, Ф. Сарафанчикъ,.................................. 1 » — »
Ты душа-ль моя.. 1 » — »
Горныя вершины,..... .... 1 » — »
На зарѣ ты ея не буди.. 1 » — »
Любила я... — » 60 »
Не бѣлы снѣги.. — » 60 »
Онъ меня разлюбилъ......................... ... — » 75 »
Ненаглядный ты мой.................................... — » 75 »

Мейеръ, Л. Русская цыганская пѣсня: Скажи зачѣмъ, Ор. 45 — » 75 »

Ноке, В. Я цыганъ удалецъ, Ор. 23............... 1 » — »
Ѣхали ребята, Ор. 25............................... 1 » — »
Не хочу, не хочу! Ор. 27.......................... 1 » — »
Кубокъ янтарный, Ор. 28......................... 1 » — »
Нѣтъ! нѣтъ! меня онъ не полюбитъ, Ор. 29......... 1 » — »
Что ты жадно глядишь на дорогу, Ор. 30............ 1 » — »
Хуторокъ, Ор 31.. 1 » — »
Не уѣзжай голубчикъ мой, Ор. 32.................... 1 » — »
Не брани меня родная, Ор. 33......................... 1 » — »
Погадай-ка мнѣ старушка, Ор. 34.................... 1 » — »

Шуберта, В. Его ужь нѣтъ!.................................. — » 60 »
Мнѣ жаль тебя.. — » 45 »

Страуса, И. Hommage au public russe.............. 1 » 50 »

Вильма, Н. Мнѣ жаль тебя..................................... — » 60 »
Крошка... — » 75 »
Кокетка.. — » 60 »
Ангелъ.. — » 60 »
Птичка.. — » 60 »
Ты не пой соловей.................................... — » 60 »
Она моя.. — » 60 »
Смолкни пташка....................................... — » 60 »
Вечеръ... — » 60 »
Пряха.. — » 75 »
Я помню все.. — » 75 »

Петрова, Л. Альбомъ русскихъ романсовъ и пѣсень Тетрадь 1-ая: Погадай-ка мнѣ старушка. Что ты жадно глядишь на дорогу. Не брани меня родная. Хуторокъ. Нѣтъ! Онъ меня не полюбитъ. Хочешь что-ли моя радость. Ахъ морозъ морозецъ. Не уѣзжай голубчикъ мой. Крошка. Его ужь нѣтъ. Цыганка. Кокетка. Тетрадь 2-ая: Люби меня. Я не могу ее забыть. Пряха. Какъ отъ вѣтки родной Птичка. Не отходи отъ меня. Право маменькѣ скажу Не искушай меня безъ нужды. Скажи, зачѣмъ? Сердце. Какъ у нашего широкаго двора. Соловей. Тетрадь 3-ья содержитъ 25 любимыхъ русскихъ народныхъ пѣсень, цѣна каждой тетради 1 руб. сер.

Въ этомъ же магазинѣ можно получить всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ.

А. Витнеръ.

МОЩЕНО ЗОЛОТОМЪ.

РОМАНЪ

Августа Мегью.

РОМАНИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНІЕ ВЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Толпа.

Кенсингтонскій омнибусъ принужденъ былъ остановиться; за нимъ остановился Гензомскій, за Гензомскимъ тележка для развозки посылокъ; потомъ остановилась Ченлинская повозка, потомъ Горнская, «Голубая королевская», «Атласъ» и двѣ ручныя колясочки.

Проѣхала только королевская полицейская карета, и господинъ въ полицейской формѣ, который всегда сидитъ на придверной лавочкѣ снаружи кареты, продолжалъ такъ же спокойно читать свою газету, нисколько не обращая вниманія на остановку экипажей и на толпу.

Этотъ черный глухой полицейскій ящикъ заставилъ на минуту толпу разступиться.

Кучеръ съ кенсингстонскаго омнибуса крикнулъ полицейскому кучеру:

— Эй вы! голубой красавецъ! почемъ у васъ товаръ?

А кондукторъ съ «Атласа» крикнулъ полицейскому кондуктору:

— Не выйдетъ ли кто изъ вашихъ сѣдоковъ помочь бѣдной леди?

Толпа не только запрудила улицу, но и на тротуарахъ сбилась, какъ крысы въ углу. Былъ морозный, ледяной зимній день; восточный вѣтеръ дулъ съ такою силою, что жегъ вамъ глаза. Но несмотря на стужу, толпа съ каждой минутой все

увеличивалась. Со всѣхъ сторонъ сходились любопытные. Народу собралось столько, что никому изъ заднихъ рядовъ не удалось пробраться къ самому мѣсту происшествія и большая часть не знала, что̀ именно случилось.

— Что тамъ такое, Джимъ? спросилъ одинъ кучеръ у кондуктора, который выбрался изъ толпы и подошелъ опять къ своему омнибусу.—Что тамъ, сметану что-ли опрокинули или съ какой нибудь леди приключилась истерика?

Уже наступили сумерки и улицы начинали пустѣть; дневная торговля окончилась и дѣловые люди начинали расходиться по домамъ.

Но только что успѣлъ полисменъ подойти къ женщинѣ, сидѣвшей на крыльцѣ чьего-то великолѣпнаго дома и сказать ей: «здѣсь сидѣть не годится,—уходите!» тотчасъ-же всѣ, кто шелъ, остановились, какъ вкопанные. Остановились и торговые джентльмены, спѣшившіе домой обѣдать, и няньки, катившія дѣтей въ колясочкахъ, и краснорядцы съ товарами и каменщики съ порожними козами, и разсыльные, и уличные мальчишки, и солдаты, и наклейщики объявленій, и почтальоны, и яблочники,—однимъ словомъ, вся разнородная масса, которая составляетъ лондонскую толпу. Какъ только показывался какой новый прохожій, сейчасъ его толпа подхватывала и онъ уподоблялся пробкѣ, попавшей въ водоворотъ, такъ что, наконецъ, толпа стала похожа на любопытное собраніе всевозможныхъ образчиковъ довольства и нищеты, красоты и безобразія.

Самыя важныя дѣла пріостановились. Кандитерскій служитель не могъ двинуться, а у него на головѣ былъ замороженный пуддингъ въ жестяной формѣ, и этотъ пуддингъ, понемножку таявшій среди толпы, былъ заказанъ однимъ лицомъ къ званому обѣду и обѣдавшіе уже ѣкушали дичь; не могъ двинуться и разсыльный съ электрическо-телеграфной станціи, а у него въ сумкѣ лежало торговое извѣстіе первой важности, только что переданное подводнымъ телеграфомъ; докторскій мальчикъ напрасно кричалъ самымъ строгимъ голосомъ, чтобы не давили его «апаратовъ»; напрасно силился пробраться слуга изъ моднаго магазина съ картонкой, гдѣ тщательно уложена была изящная наколка для одной леди; леди уже совсѣмъ была одѣта въ театръ и съ томительной тоской ожидала этого посланнаго, а посланный могъ только время отъ времени кричать: «да пропустите! Да не напирайте! Вы мнѣ погубите всѣ перья и ленты!» И многое множество другихъ дѣлъ меньшей или большей важности пріостановилось. И надо было стоять и ждать, пока каждый изъ желающихъ удовлетворитъ свое любопытство.

Одинъ молочникъ стоялъ въ самыхъ первыхъ рядахъ и обратился къ своей сосѣдкѣ, пожилой дамѣ:

— Она что-то не похожа на плутовку? сказалъ онъ.—Правда?

— Разумѣется и не похожа! отвѣтила ему пожилая дама.—Только, коли вы спрашиваете моего искреннаго мнѣнія, такъ я вамъ скажу, что по моему она хватила черезъ край. Она пьяна.

— Встаньте! вскрикнулъ полисменъ и грубо схватилъ женщину за руку.—Встаньте! нельзя вамъ здѣсь сидѣть на холодѣ,—слышите? Гдѣ вы живете?

Женщина поглядѣла кругомъ какимъ-то безжизненнымъ, тупымъ взглядомъ и пробормотала:

— Нигдѣ.

Плотникъ, съ мѣшкомъ инструментовъ за плечами, подошелъ къ женщинѣ и ласково ее спросилъ:

— У васъ нѣтъ квартиры, а?

— Меня выгнали съ квартиры... вотъ уже два дня, какъ выгнали... отвѣтила женщина.

Она говорила такъ тихо, такъ невнятно, что плотникъ наклонилъ голову къ самому ея лицу.

— А у васъ нѣтъ никого, — нѣтъ ни родныхъ, ни друзей, которые бы васъ приняли?

— Нѣтъ, нѣтъ! я здѣсь чужая!

И она тихо зарыдала.

Кто-то въ толпѣ проговорилъ:

— Ну, Билль, пойдемъ! Это просто какая-то плутовка и больше ничего!

Докторскій мальчикъ, который тоже продрался въ первые ряды и глазѣлъ, вдругъ вспомнилъ, что долженъ несть пилюли больному ребенку, и кинулся слѣдомъ за тѣмъ, кого называли Биллемъ.

— Послушайте, сказалъ полисменъ: — коли вы не встанете, такъ мнѣ придется отвести васъ въ караулку.

— О, благодарю васъ! отвѣчала женщина. — Куда хотите...

Полисменъ все стоялъ около нея и не зналъ, какъ лучше поступить, а въ толпѣ начались различные толки; нѣкоторые увѣряли, что «она ужь почти дошла», другіе — что «она хочетъ разжалобить, да выманить что нибудь на выпивку».

Нашлись впрочемъ такіе, которые говорили, что она больна и что ее надо тотчасъ же отвести къ доктору.

Кто-то вскрикнулъ:

— Одѣньте-ка ее получше, да накормите ее, такъ увидите какая это красавица!

— Ее надо отвести въ рабочій домъ, замѣтилъ плотникъ.

А человѣкъ, съ какими-то сапожными колодками подъ мышкой, вдругъ вырвался изъ рядовъ и съ большимъ волненіемъ крикнулъ:

— Всякій британецъ и всякая британка имѣютъ право требовать себѣ пищи и крова! Я объявляю, что это позоръ оставлять бѣдное созданье безъ помощи: умирай, какъ собака, на улицѣ!

— Разумѣется, это позоръ! разумѣется, это позоръ! раздалось со всѣхъ сторонъ въ толпѣ, словно всѣхъ вдругъ поразила эта мысль.

— Говорю вамъ, что ее не примутъ въ «Союзѣ», вскрикивалъ полисменъ, обращаясь во всѣ стороны: — и я не могу тоже держать ее въ караулкѣ. Вставайте, молодка, и пойдемте. Одно для васъ мѣсто и есть, это въ пріютѣ для бездомныхъ! Пойдемте!

Она не двинулась, даже не шевельнулась, сидѣла по прежнему и, казалось, ее клонилъ сонъ.

Полисменъ взялъ ее за руку и поднялъ, но она была такъ слаба, такъ обезсилена холодомъ и голодомъ, что не могла устоять на ногахъ, пошатнулась и опять опустилась на ступени крыльца.

— Какъ это можно тащить ее! закричали въ толпѣ: — она ступить шагу не въ силахъ! Какъ это можно!

— Бобъ, чего вы не сбѣгаете за докторомъ? крикнулъ какой-то разнощикъ. — Вы не видите что ли, что бѣдная женщина не можетъ встать?

Какая-то женщина изъ сосѣдняго дома, которая долго уже стояла у своего порога, покрывшись шалью, и наблюдала, вдругъ исчезла и потомъ опять появилась съ чашкой горячаго чаю въ рукахъ.

— Вотъ чай, моя милая, сказала она, подходя и приставляя чашку къ губамъ больной. — Выпейте поскорѣе, это будетъ гораздо лучше, чѣмъ слушать всѣ ихъ толки!

Бѣдная горемыка послушалась и стала пить. Сначала она пила съ большимъ трудомъ, но скоро какъ будто немножко оживилась и проговорила:

— О, благодарю васъ! благодарю васъ! Это меня согрѣло!

Потомъ она еще выпила нѣсколько глотковъ, провела рукой по лбу, какъ будто-бы очнулась отъ тяжелаго сна, откинула назадъ волосы и проговорила:

— Довольно, благодарю васъ. Теперь я могу идти.

Полисменъ взялъ ее подъ руку и повелъ, какъ пьяную, въ караулку.

Женщина шаталась и казалась такою слабою, такою беззащитною, что многіе, глядя ей въ слѣдъ, не знали, что съ ней такое: пьяная ли она или такъ обезсилена голодомъ.

Толпа маленькихъ мальчиковъ и разныхъ бездомныхъ бродягъ, мужчинъ и женщинъ, пошли за ней слѣдомъ.

— Ахъ, она видала лучшіе дни! сказала добросердечная женщина, которая приносила чашку чаю и которая съ чашкой въ рукѣ смотрѣла вслѣдъ горемыкѣ. — По ея разговору сейчасъ видно, что она изъ хорошаго общества; и руки у нея такія, что, видно, она не много трудила ихъ работою.

Сейчасъ же собрался кружокъ женщинъ около говорившей и одна изъ нихъ сказала:

— Знаете, мистриссъ Перксъ, вѣдь на ней всего на всего одна черненькая кофточка! При такой-то погодкѣ! Просто кровь вся леденѣетъ, такъ нынче холодно, а она всего на всего въ черненькой кофточкѣ!

Тоненькая, сухая женщина, которая все кашляла, замѣтила съ презрительнымъ киваньемъ:

— Я могу вамъ сказать только одно: коли она благородная и прекрасная, такъ чего жъ она не идетъ къ своимъ друзьямъ? Они вѣрно ей помогутъ, — по крайности дадутъ хоть на проѣздъ въ Америку! Ужь коли такія, какъ она, сходятъ у васъ за прекрасныхъ и за отличныхъ, такъ что жъ остается тѣмъ, которыя добродѣтельны въ своемъ поведеніи? Что намъ остается? Вы развѣ не замѣтили, въ какомъ она положеніи? А на рукѣ ничего нѣтъ и похожаго на обручальное кольцо!

— Какъ вамъ не стыдно, мистриссъ Спареръ! вскрикнула та, которая приносила чай. — Я надѣюсь, что вамъ самимъ не придется такъ терпѣть... И надѣюсь, что въ случаѣ несчастья, васъ такъ жестоко не осудятъ, какъ вы ее осудили!

Стужа помѣшала продолжать споръ, и мистриссъ Спареръ и всѣ сосѣдки разошлись по домамъ толковать объ этомъ дѣлѣ съ мужьями и съ домашними жильцами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вымороженные.

Мы уже сказали, что былъ холодный зимній день.

Снѣгъ шелъ всю ночь и на другой день въ лондонскихъ предмѣстьяхъ всякій, кто рано просыпался, открывъ глаза думалъ:

«Отчего это на дорогѣ такъ тихо и отчего такой яркій свѣтъ сегодня? Пѣнье слышу, а колесъ не слыхать?»

И вдругъ пѣнье прерывалось и раздавался на улицѣ крикъ:

— Сюда, полиція! Сюда! Скорѣй!

Онъ вскакивалъ съ постели, кидался къ окну и видѣлъ при утреннемъ свѣтѣ, какъ темная, словно вся дымящаяся лошадь растянулась во всю свою длину на бѣлой дорогѣ и билась въ снѣгу, какъ въ какой-нибудь пѣнѣ, а кучеръ лежалъ у ней на шеѣ, а ворохи зеленой капусты катились и валились во всѣ стороны.

Соня-горожанинъ былъ пробужденъ визгомъ желѣзныхъ лопатъ, которыми такъ скребли мостовую, словно сотня точильщиковъ вдругъ принялась точить ножи. А другіе сони, спавшіе еще дольше, были пробуждены нѣсколькими дюжинами разнощиковъ, которые высыпали изъ ближняго трактира съ замерзлой зеленью и принимались кричать самыми пронзительными голосами:

— Бѣдные вымороженные огородники! бѣдные вымороженженные огородники!

Вы заснули въ черномъ, грязномъ, задымленномъ городѣ, а проснпаетесь въ какомъ-то серебристомъ, блестящемъ, ослѣпляющемъ глаза своею бѣлизною.

Каждая крыша, каждый карнизъ крыльца, балконы, — все подъ бѣлой пеленой; всѣ уличные фонари увѣнчаны снѣжной шапкой; красныя и зеленыя лампы около аптекъ похожи на огромные драгоцѣнные камни, оправленные въ застывшія массы серебра.

Различныя вывѣски на магазинахъ почти совсѣмъ залѣплены; чудовищный золотой сапогъ надъ лавкой сапожника съ одной стороны посеребренъ; золотое руно надъ чулочной фабрикой словно превратилось въ мягкую бѣлую шерсть; три шара надъ ростовщичьей лавочкой стали похожи на три пука калиновыхъ цвѣтовъ, а на шеяхъ громадныхъ львовъ и единороговъ, украшающихъ первый этажъ королевскихъ поставщиковъ, лежали снѣжныя волны, какъ бѣлая, густая матовая грива.

Даже земля уподоблялась бѣлизною свадебному пирогу. По утру вы могли бы посчитать, сколько проѣхало по дорогѣ, потому что каждыя колеса оставляли за собою блестящую полосу, словно какая чудовищная змѣя проползла. И въ людныхъ улицахъ все перемѣнилось. Прежде здѣсь васъ оглушалъ шумъ и стукъ, а теперь здѣсь все тихо, какъ ночью и все, что движется, мелькаетъ такъ же неслышно, безшумно, какъ привидѣнье. Такъ тихо, что васъ заставляетъ вздрагивать всякій

комокъ снѣгу, падающій съ крыши на землю. Колеса самыхъ тяжелыхъ подводъ точно обернуты въ вату и ѣдутъ, какъ будто по мягчайшему мху. Погонщики идутъ рядомъ съ лошадьми, лошади безпрестанно скользятъ и спотыкаются и отъ нихъ валитъ паръ.

Въ это время появляется на улицахъ «ледяная» тележка. Яблочникъ не можетъ ужь возить свой товаръ на рынки, избираетъ себѣ другую торговлю и является въ городъ съ прозрачными обломками льда, которые чрезвычайно походятъ на зазубренные стеклянные осколки. Въ омнибусы впрягаютъ запасную лошадь, потому что снѣгъ замерзъ, дороги превратились въ какіе-то особаго рода катки и подниматься на возвышенье или спускаться съ него сдѣлалось очень трудно. Для удобства пассажировъ, перила желѣзной лѣсенки на омнибусахъ обернуты сѣномъ и у всѣхъ сидящихъ на верху омнибуса колѣни закутаны шерстяными одѣялами и платками; при каждой остановкѣ, кондукторъ спрыгиваетъ на землю и топочетъ ногами по мостовой, и хлопаетъ по своему нагруднику съ такой энергіей, словно выбиваетъ пыль изъ ковра.

Валитъ ли снѣгъ или сіяетъ яркое солнце, работа не стоитъ, занятія и дѣла идутъ своимъ чередомъ. Рабочіе, сидѣльцы и прикащики, которыхъ вы встрѣчаете на улицахъ, бѣгутъ рысцой, понуривъ голову и засунувъ руки въ карманы. Шеи у нихъ увязаны толстыми шарфами, а кончики носовъ, выглядывающіе изъ шарфовъ, словно вылуженная мѣдь; и всѣ осторожно скользятъ, и всѣ чихаютъ и кашляютъ. Только передъ булочными мостовая прометена и тутъ пѣшеходамъ не предстоитъ опасности. Кажется, цѣлый городъ вдругъ закишалъ маленькими и большими метельщиками, которые ходятъ отъ одного дома къ другому, стучатся въ двери и предлагаютъ очистить мостовую передъ окнами, согласно парламентскому акту, за два пенса. У всякаго, кто ни попадается вамъ на встрѣчу, шляпа опушена инеемъ, а у полисмена капюшонъ скорѣе походитъ теперь на горностаевую пелеринку какого нибудь вельможи, чѣмъ на обыкновенную полицейскую форму.

Воздухъ удивительно прозраченъ и вы можете также ясно видѣть конецъ самой длинной улицы, какъ въ раннее лѣтнее утро. Все бѣло кругомъ. Небо похоже на аспидный сводъ, а парки и скверы похожи на громадныя карты неизслѣдованныхъ странъ, гдѣ нѣтъ еще дорогъ, развѣ кое-гдѣ пѣшеходы протоптали узкую тропинку. Деревья стоятъ всѣ сѣдыя; далекіе предметы кажутся вдвое ближе, а двигающіеся люди представляются чѣмъ-то въ родѣ пятенъ на листѣ бумаги.

Всѣ уличныя статуи, украшающія столицу, совершенно потеряли свои артистическія формы и скорѣе похожи теперь на снѣгурокъ, которыхъ школьники лѣпятъ изъ снѣгу. У иныхъ въ складки греческихъ тогъ столько забилось снѣжной пыли, что греческія тоги имѣютъ видъ одежды штукатурщика. Серъ Робертъ Пиль, устремившій взоры на Чипсейдъ весь бѣлый, словно какой мельникъ высыпалъ на него куль муки. У стараго майора Картурейта, что сидитъ въ креслѣ на Бѣртонскомъ холмѣ, по крайней мѣрѣ фунта два снѣгу на макушкѣ, около глазъ, около носа, около губъ, и это придаетъ ему такой видъ, какъ будто его только что намазали мыльной кисточкой и сейчасъ будутъ ему брить щеки и голову. Парикъ Георга III, у Чарингъ-Кросса, побѣлѣлъ въ одну ночь, какъ прекрасные волосы Маріи Антуанеты. Верховое изображеніе герцога Веллингтона, на углу Гайдъ-парка, продолжаетъ, несмотря на сугробъ, давящій затылокъ, величественно указывать своимъ жезломъ, а его терпѣливый конь до того занесенъ снѣгомъ, что его свѣтлость какъ бы сидитъ на бѣлой кожѣ, подобно воину тѣлохранителю.

Столица снабжаетъ теперь водою очень скудно; предусмотрительные домовладѣльцы обернули свои водяныя трубы соломою; кранщики ходятъ туда и сюда съ громадными ключами и устроиваютъ временные краны и затычки для снабженія жителей водою, а жители толпятся съ ведрами и кувшинами и каждый ждетъ своей очереди у крана, откуда вода медленно выливается и течетъ по снѣгу, словно жиръ.

Если чувствуется недостатокъ въ водѣ, за то во всѣхъ трактирахъ, харчевняхъ и пивныхъ выставлены на окнахъ объявленія, что «горячее старое вино» и «горячій приправленный пряностями эль» готовы для всякаго желающаго. Пользуясь суровостью погоды, на всѣхъ углахъ улицъ появляются столики со всевозможными теплыми яствами. Облако пару стоитъ надъ кострюлями съ «горячими угрями» и надъ котелками съ гороховой похлебкой; пары вырываются изъ мисокъ съ жаренымъ картофелемъ. Идя по улицамъ, вы слышите запахъ печеныхъ яблокъ и жареныхъ каштановъ и видите у столиковъ подлѣ жаровень сидятъ старыя женщины въ кучерскихъ курткахъ и положивъ ноги въ яблочныя корзинки, а изъ жаровни во всѣ дырочки вырывается яркое оранжевое пламя.

Стаи бойкихъ лондонскихъ воробьевъ исчезли съ наступленіемъ стужи; которые остались, уже не имѣютъ прежней юркости и живости, а словно застыли и издали представляются темными комочками перьевъ. Въ предмѣстьяхъ города видны трезубча-

тые слѣды снигирей на снѣжныхъ садовыхъ дорожкахъ и ихъ красныя грудки издали похожи на алыя ягоды по бѣлому полю. Наступаютъ сумерки, сквозь окна вы видите пылающіе камины и думаете:

«Какъ комфортабельны англійскіе дома въ сравненіи съ холодными, пустыми улицами! Какъ хорошо сидѣть теперь въ уютной комнатѣ, у ярко горящаго камина!

Разумѣется, хорошо. Но, съ другой стороны, какъ плохо тѣмъ, у кого нѣтъ каминовъ, кто бродитъ по улицамъ и кого холодъ прохватываетъ до самыхъ костей!

Для тѣхъ, кто можетъ закутаться въ теплую фланель, и въ отличное пальто, сильный морозъ только «здоровая, укрѣпляющая, живящая погода»; для такихъ даже зимніе вечера отрадны. Для юнаго поколѣнія уэст-эндскаго квартала рождество, это веселый праздникъ, время всякихъ игръ, подарковъ и гуляній. Для людей постарше это время тоже очень веселое, время «выставки скота», «сюрпризныхъ корзинъ» и присылки жирныхъ индѣекъ изъ деревень; для нихъ мясныя лавки завалены мясами перваго сорта, дичью, копченымъ саломъ и изукрашены красивыми бантами и кокардами; для нихъ на окнахъ бакалейныхъ магазиновъ выставлены всевозможные сухіе плоды и пряности, леденцы, соленья и варенья и ковен-гарденскій рынокъ заваленъ зелеными гирляндами и наполненъ запахомъ превосходныхъ сочныхъ плодовъ.

Но каково встрѣчать зимній праздникъ тѣмъ, кто съ наступленіемъ холода теряетъ послѣднія средства къ существованію? Весело ли покажется на рождество тѣмъ, на комъ мерзлыя лохмотья? Какъ отрадны покажутся длинные вечера, когда ихъ проводишь, скорчась подъ какой-нибудь аркой или подъ заборомъ? веселитъ ли видъ роскошно снабженнаго рынка тѣхъ, кто сбираетъ и пожираетъ гнилыя апельсинныя корки, чтобъ какъ нибудь обмануть свой голодъ?

Быть можетъ, читатель воображаетъ, что о нищетѣ толкуютъ ради красоты слога и что она вовсе не такъ часто встрѣчается, какъ говорятъ и пишутъ. Я посовѣтовалъ бы такому читателю припомнить, что въ жизненной лотереи, какъ и во всѣхъ прочихъ лотереяхъ, сравнительно немного выигрышныхъ билетовъ и что на одинъ выигрышъ приходится тысяча пустыхъ билетовъ. Я попросилъ бы тоже припомнить, что для несчастнаго бѣдняка зимняя пора еще и потому ужасна, что въ эту пору работа попадается рѣже.

Уже не говоря о такъ-называемыхъ «паріяхъ», въ зимнее время приходится плохо даже людямъ съ опредѣленными занятія-

ми; кирпичники, огородники, жнецы, хлѣбопашцы, моряки, береговые рабочіе и рабочіе на докахъ — всѣ терпятъ нужду.

Скептики, не вѣрящіе въ истину этихъ словъ, и особливо тѣ, кто считаетъ бѣдность слѣдствіемъ лѣни и распущенности, должны посѣтить «пріютъ для бездомныхъ», пріютъ, который отворяется только тогда, когда термометръ доходитъ до точки замерзанія и въ которомъ не даютъ ничего, кромѣ сухаго хлѣба и теплаго крова.

При наступленіи холоднаго зимняго вечера нѣсколько сотенъ бездомныхъ валятъ къ этому пріюту. Здѣсь вы можете видѣть нищихъ всѣхъ странъ свѣта: тутъ вы увидите угрюмаго американскаго моряка, тощаго польскаго изгнанника, блѣднаго германскаго бродягу, слезливаго, чернокожаго корабельнаго повара, дрожащаго отъ стужи, ланкастерскаго мятельщика, безпомощнаго китайца-побироху, и полуоцѣпенѣвшаго итальянскаго мальчика-музыканта. Здѣсь, такъ-сказать, лохмотный конгрессъ всѣхъ націй, сборище всевозможнаго убожества и нищеты, лишеній, паденій и страданій со всѣхъ концовъ земли. Здѣсь представители всякаго ремесла, торговли и занятій. Тутъ рабочіе съ полей, съ желѣзныхъ дорогъ, съ дока; тутъ маляры, каменьщики, разорившіеся торговцы, ремесленники, лавочные сидѣльцы, разсыльные мальчики, ирландскіе переселенцы. Здѣсь тоже бѣдныя швеи, которыхъ выгнали за неплатежъ съ квартиры; здѣсь слуги и служанки, потерявшія или ненашедшія должности; здѣсь откупщицы стульевъ на публичныхъ гуляньяхъ, полузамерзшія торговки овощей и зелени, уличные разнощики, воры, нищіе, попрошайки, записные бродяги. Здѣсь всѣ оттѣнки и степени нищеты, несчастія, порока, даже преступленія, потому что здѣсь не спрашивается, кто вы такой и что вы такое: здѣсь принимаютъ всякаго, кто не имѣетъ пристанища. Пріютъ для бездомныхъ—это гостиница нищихъ, харчевня воровъ, притонъ всѣхъ отверженныхъ, послѣдняя, такъ сказать, станція по дорогѣ къ окончательному паденію.

Тѣмъ, кто только знаетъ аристократическіе кварталы Лондона, очень мудрено разсказать, гдѣ стоитъ пріютъ для бездомныхъ.

Въ великобританской столицѣ есть нѣкоторыя улицы, которыя съ большимъ трудомъ отъискиваютъ самые опытные кучера, и Плей-Гоузъ-Ярдъ, гдѣ находится пріютъ, именно принадлежитъ къ числу такихъ улицъ.

Дорога туда лежитъ по длинной узкой улицѣ; улица эта еще болѣе съуживается отъ ряда лавочекъ, которыя идутъ цѣпью по обѣимъ ея сторонамъ; на углу каждаго поворота въ переу-

локъ, находится распивочная, съ огромной лампой надъ входомъ, а у распивочной навѣсъ, подъ которымъ разставлены заранѣе наготовленныя копеечныя порціи устрицъ. Во всѣхъ булочныхъ выставлены по окнамъ крупныя объявленія съ отраднымъ извѣстіемъ, что хлѣбъ «опять сдѣлался доступенъ всякому кошельку», а въ чайныхъ распивочныхъ выставлены забавныя предостереженія противъ опасности пить чай, въ который подмѣшанъ порохъ. Ростовщиковъ въ этихъ мѣстахъ множество, на дверяхъ у нихъ висятъ шерстяныя и вязаныя тамбуромъ одѣяла, повѣшенныя за одинъ уголъ, какъ на аукціоной продажѣ, и цѣлая батарея часовъ, величиною съ кулакъ, выставлена на окнахъ. Здѣсь тоже нѣтъ недостатка въ угольныхъ и въ картофельныхъ лавкахъ, и въ нихъ ходячая цѣна товара обозначается обыкновенно на двери или на стѣнѣ мѣломъ, углемъ или известкой. Въ лѣтнее время здѣсь каждое воскресенье появляется легкая повозка и отвозитъ желающихъ на загородное гулянье.

Дворъ, окрещенный именемъ театра, такъ запруженъ, что смѣшно было бы думать о возможности пробраться туда въ экипажѣ. Еще не доѣзжая до него, вы принуждены не разъ останавливаться, и эти остановки производятъ страшное смятеніе между яблочниками и разными торговцами и торговками; складные столики и скамьи начинаютъ передвигаться и переноситься, чтобы дать мѣстечко вашей колыскѣ или фаэтону. Чѣмъ ближе къ «театру», тѣмъ все кругомъ бѣднѣе. Тутъ ужь не видно ростовщиковъ; булочныя, бакалейныя, угольныя лавки исчезаютъ, и ихъ замѣняетъ лавочка, гдѣ продается *все*.

Лѣтъ двѣсти пятьдесятъ тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ театръ, но вѣрно въ немъ никогда не разъигрывалось такихъ драмъ, какія теперь разъигрываются каждый вечеръ въ пріютѣ для бездомныхъ.

Если вы явитесь сюда ввечеру, вы тотчасъ же узнаете пріютъ, потому что тогда большая лампа въ желѣзной клѣткѣ зажжена надъ входомъ. Это часъ пріема, и по обѣ стороны прохода къ пріюту выстроился уже цѣлый полкъ оборвышей.

Нигдѣ на свѣтѣ вы не увидите ничего подобнаго.

Войдите въ пріютъ и поглядите изъ верхнихъ оконъ. Всѣ они стоятъ въ снѣгу и дрожатъ отъ холоду. Многіе безъ рубашекъ, и сквозь дырявые мерзлые лохмотья сквозитъ голое тѣло; иные прикрѣпили себѣ рукава веревочкой; иные безъ сапогъ, безъ башмаковъ и стоятъ на одной ногѣ, а другую поджали,— и нога, на которой они стоятъ, синяго, мертвеннаго цвѣта, точно полуизжаренное мясо.

Въ этой толпѣ вы отличите разныхъ иностранцевъ и земляковъ. Тутъ вы увидите загорѣлаго матроса въ ветхой красной рубахѣ, ласкарца въ грязномъ бѣломъ передникѣ, француза въ коротенькомъ синемъ сюртукѣ, деревенскаго рабочаго въ испачканномъ землей и глиной платьѣ, и ирландокъ, и базарныхъ торговокъ въ смятыхъ шляпкахъ.

Здѣсь собрались нищіе всѣхъ возрастовъ, здѣсь женщины и дѣвочки, мужчины и мальчики всѣ вмѣстѣ. Старообразныя дѣти дрожатъ какъ въ лихорадкѣ и дышутъ себѣ на руки, чтобы отогрѣть коченѣющіе пальцы; несмотря на стужу, матери стоятъ съ открытой грудью и кормятъ грудныхъ дѣтей, но молока нѣтъ, дѣти понапрасну выбиваются изъ силъ и кричатъ. Всѣ мужчины заложили руки въ карманы и время отъ времени вздрагиваютъ, а женщины безпрестанно пробуютъ закутаться получше въ свои лохмотья.

Это толпа молчаливая; въ ней вы не услышите ни остротъ, ни переговоровъ, ни восклицаній; единственные звуки здѣсь, это пискъ и плачъ ослабѣвшихъ младенцевъ, споръ мальчишекъ за передовыя мѣста ко входу, да постоянный кашель, которымъ словно перекликаются другъ съ другомъ и который напоминаетъ стадо блеющихъ овецъ.

Они всѣ ждутъ, чтобы отворились двери пріюта, и когда время пріема близко, въ переднихъ рядахъ каждый вынимаетъ и развертываетъ грязный билетикъ, дающій имъ право переночевать ночь или двѣ въ пріютѣ.

Къ этому самому пріюту препроводилъ полисменъ полузамерзшую женщину, которую нашелъ на порогѣ великолѣпнаго дома.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пріютъ.

Въ этотъ самый вечеръ нѣкоторые любознательные джентльмены явились въ пріютъ, чтобы осмотрѣть помѣщеніе и присутствовать при пріемѣ. Въ конторѣ, направо отъ входа, начальникъ заведенія объяснялъ имъ съ величайшими подробностями всѣ пріютскіе уставы и правила.

Входъ былъ очень похожъ на входъ въ какой-нибудь маленькій второстепенный театръ, а контора была очень похожа на чуланчикъ, гдѣ обыкновенно сидятъ офиціанты, отбирающіе билеты при входѣ.

Въ углу конторы стояло много четвероугольныхъ корзинъ съ нарѣзанными ломтиками хлѣба.

— Мы даемъ каждому приходящему полфунта лучшаго хлѣба, говорилъ начальникъ заведенія джентльменамъ: — и когда они выходятъ отсюда, тоже полфунта хлѣба на дорогу; дѣтямъ, какъ бы они молоды ни были, полагается такое же количество хлѣба, что̀ увеличиваетъ порцію матерей. Вотъ этотъ джентльменъ (начальникъ заведенія показалъ на чиновника, стоявшаго у окна) вноситъ вотъ въ эту книгу (книга была очень толстая) имя, лѣта, торговлю или ремесло и мѣсто рожденія приходящаго, а также и то, гдѣ приходящій ночевалъ предыдущую ночь.

Джентльмены пробѣжали глазами многіе листы этой книги. Въ первыхъ трехъ графахъ обозначены были лѣта, ремесла, мѣсто родины; въ четвертой графѣ,—въ графѣ о ночлегѣ въ предъидущую ночь, встрѣчалось почти все одно: «на улицѣ» и потомъ шло: «тоже», «тоже». Это «тоже» повторялось вплоть до конца страницы.

— Теперь мы сейчасъ отворимъ двери, джентльмены, сказалъ начальникъ заведенія.—Уже пять часовъ. Мы всѣхъ новенькихъ принимаемъ здѣсь, а тѣ, которые уже были у насъ и приходятъ по билетамъ, тѣхъ проводятъ черезъ другую контору.

Въ калиткѣ показалась голова негра, черная, какъ чернила, а глаза бѣлые, какъ круто сваренныя яйца.

— Ваше имя? спросилъ чиновникъ, быстрымъ дѣловымъ тономъ.

— Типо Себъ, былъ отвѣтъ.

— Сколько лѣтъ?

— Тринадцать, мастеръ, отвѣтилъ мальчикъ такимъ умоляющимъ голосомъ, словно исповѣдовался въ какомъ-нибудь проступкѣ.

— Гдѣ родились?

— На морѣ, мастеръ!

— А! значитъ, у васъ нѣтъ мѣста жительства? замѣтилъ чиновникъ, вписывая отвѣтъ.—А гдѣ вы ночевали прошлую ночь?

— У меня было полпенни на кофе—я спросилъ себѣ кофе и тамъ спалъ...

Тутъ подошелъ къ мальчику начальникъ заведенія, которому очень хотѣлось выставить на видъ всѣ удобства и достоинства пріюта передъ пріѣзжими джентльменами, и сказалъ:

— А гдѣ бы вы спали нынѣшнюю ночь, еслибы вы не пришли сюда? На улицѣ, я полагаю? Ну, разумѣется! прибавилъ

онъ, когда мальчикъ, въ отвѣтъ на его вопросъ, печально склонилъ голову. — Что вы нынче ѣли?

— Мнѣ одна леди дала два бисквита, мастеръ!

— Ну, а здѣсь вамъ дадутъ полфунта отличнаго хлѣба. Ну, теперь почему вы пришли сюда? Вы пріѣхали на кораблѣ, — у васъ была какая нибудь должность? Вы получали жалованье?

Мальчикъ, который тотчасъ же запустилъ зубы въ поданный ему хлѣбъ, на минуту пріостановился и проговорилъ:

— Да, мастеръ, я получалъ два фунта и мнѣ ихъ выдали назадъ тому три недѣли; и кромѣ того у меня еще разная одёжа и бѣлье. И все это осталось у мистера Финна, гдѣ я квартировалъ.

— А! сказалъ начальникъ пріюта и, обратясь къ джентльменамъ, прибавилъ:—это старая исторія! Она повторяется безпрестанно. Къ намъ каждый день приходятъ такіе. Должаетъ, напримѣръ, за недѣлю хозяину квартиры, а хозяинъ сейчасъ беретъ его платье и оставляетъ ему только то, что на немъ надѣто. Я это знаю, знаю! Ну, вы можете идти, мальчикъ!

Мальчикъ, дрожа всѣми продрогшими членами, двинулся по указанному направленію; на немъ была только старая синяя шерстяная рубаха и онъ ежился, прижимая плечи къ ушамъ, какъ бы надѣясь этимъ способомъ хоть немного отогрѣться.

— Поглядите, джентльмены, вполголоса сказалъ начальникъ пріюта:—видите вы этого, что теперь показался у окошечка калитки? Это уже записной бродяга. Онъ является къ намъ акуратно каждый годъ; онъ проводитъ каждую зиму непремѣнно въ городѣ, какъ какой-нибудь лордъ.

Затѣмъ начальникъ пріюта обратился къ небритому бродягѣ.

— Опять вы къ намъ пришли, а?

— Да, сэръ, пришелъ опять, отвѣчалъ бродяга, ухмыляясь и притрагиваясь до полей изодранной, грязной шляпы. — Вы ужь знаете теперь хорошо мое имя и лѣта и тоже откуда я родомъ.

Бродяга представлялъ собою превосходное олицетвореніе тѣхъ нищихъ, которыхъ во времена Генриха VIII называли «доблестными ребятами». Ростомъ онъ былъ около шести футовъ, сложенія крѣпкаго, желѣзнаго. Платье на немъ было изъ бумазеи и полосатаго плису, и это платье до того было загрязнено, что все лоснилось; оно казалось вымазано дегтемъ; рукава куртки, для большей теплоты, были укрѣплены около кисти веревочками. На немъ не было рубахи и воротникъ куртки былъ вздернутъ на сколько возможно высоко; сквозь распоротые швы и дыры видиѣлось голое, съежившееся отъ холоду тѣло.

— Позвольте, сказалъ чиновикъ:—я посмотрю, какъ вы были записаны; кажется, вы въ прошломъ году были коверныкъ ткачемъ?

Бродяга замѣтилъ, что пожалуй и такъ можно записать,—все равно.

— А гдѣ вы спали прошлую ночь? спросилъ секретарь.

— Въ Беснельгринскомъ, сэръ.

— А гдѣ вы спали позапрошлую ночь? спросилъ начальникъ пріюта.

— Позапрошлую? Позапрошлую я спалъ въ Уайтчепельскомъ, сэръ.

— А третьяго-дня въ которомъ?

— Третьяго дня, кажется, въ Сенджоржскомъ. Нѣтъ, сэръ, ошибся! въ Степнейскомъ.

Начальникъ пріюта значительно посмотрѣлъ на джентльменовъ, какъ бы желая имъ сказать:

— Вы видите, онъ обошелъ всѣ рабочіе дома!

Потомъ, обращаясь къ бродягѣ, онъ прибавилъ:

— Вѣдь тамъ, какъ переночуете, такъ поутру даютъ тесать каменья, а! Я полагаю, васъ не очень-то тянетъ къ этой работѣ?

Бродяга съежился и отвѣчалъ съ прежнимъ смѣхомъ:

— Ваша правда, сэръ; это мнѣ не по вкусу и не по темпераменту.

Когда бродяга ушелъ, начальникъ заведенія сказалъ:

— Мы, видите, пускаемъ въ пріютъ и подобныхъ бродягъ. Нельзя иначе: начни мы сомнѣваться да наводить справки, такъ мы не столько поймаемъ виновныхъ, сколько погубимъ невинныхъ.

Начали входить другіе; ихъ разспрашивали и записывали. У всѣхъ была одна и та же исторія — голодъ, холодъ, нищета.

— Теперь, джентльмены, сказалъ начальникъ заведенія: — если вамъ угодно, такъ мы отправимся наверхъ и вы поглядите на спальное отдѣленіе.

Съ этими словами онъ отправился впередъ, а джентльмены послѣдовали за нимъ.

— Вотъ, сказалъ онъ, проходя черезъ одну комнату: — это наша мужская умывальная. Здѣсь умываются приходящіе передъ отходомъ ко сну.

Умывальная эта походила на четвероугольное пространство, устроиваемое для пѣтушьяго боя; въ одномъ углу была широкая лѣстница, а на противоположной сторонѣ огромное корыто съ насосомъ.

Въ умывальной было нѣсколько грязныхъ оборванныхъ человѣкъ; одни умывались и отчищали въѣвшуюся въ тѣло грязь, другіе уже окончили умыванье и взбирались по лѣстницѣ на платформу, гдѣ висѣли длинныя полотенца, и вытирались. Тутъ же у дверей стояла толпа новыхъ пришельцевъ, которые ночевали въ пріютѣ предъидущія ночи и теперь ожидали, пока имъ помѣтятъ билеты.

— Чѣмъ вы занимались съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдній разъ отсюда ушли? спросилъ начальникъ заведенія у одного блѣднаго работника.

Работникъ былъ въ холстинномъ платьѣ, испятнанномъ масляной краской.

— Я здѣсь не былъ двѣ недѣли, сэръ, отвѣтилъ работникъ: — мнѣ помогъ одинъ пріятель; онъ открываетъ пирожную лавочку, такъ у него была работа. — Я работалъ.

Начальникъ заведенія обратился къ джентльменамъ и замѣтилъ:

— Вы видите, они тогда только сюда являются, когда ихъ къ этому принуждаетъ послѣдняя крайность. Если только у нихъ есть чѣмъ заплатить за ночлегъ въ какой-нибунь канурѣ, они ни за что не пойдутъ въ пріютъ. Теперь пожалуйте въ спальное отдѣленіе, джентльмены.

Спальное отдѣленіе вовсе не походило на обыкновенные дортуары. Здѣсь не было ни кроватей, ни простынь, ни одѣялъ. Это длинная, пустая, выбѣленная известью зала съ четвероугольными колоннами; она нѣсколько напоминала огромный запасной чуланъ, какіе попадаются въ окрестностяхъ Темзенской Улицы или около доковъ. Тутъ стояли длинные ряды какихъ-то плотно сдвинутыхъ ящиковъ, — эти ящики и служили постелями. Въ каждомъ ящикѣ лежалъ матрацъ изъ какой-то непромокаемой, словно осмоленной, ткани, набитой соломой, и кожанная попона, болѣе похожая на передникъ бочара, чѣмъ на одѣяло.

— Мы употребляемъ такія одѣяла потому, пояснилъ начальникъ пріюта: — что они очень прочны, а главное, потому, что въ нихъ не заводится насѣкомыхъ и всякой нечистоты.

Посреди залы былъ большой двухлицевой каминъ, гдѣ ярко пылалъ огонь. Мѣсто около камина огорожено и на этой огородкѣ, въ дождливую погоду, приходящіе развѣшивали просушивать платья.

Около этой огороды сидѣли бездомные люди; яркое красное пламя камина било прямо въ отупѣвшія, измученныя лица, окрашивая ихъ въ огненный цвѣтъ; всѣ сидѣли, протянувъ руки къ

огню, отогрѣвая оцѣпенѣвшіе члены. Многіе сдернули съ себя лохмотья и выставили обнаженныя ноги. Будь это дозволено, они, казалось, растянулись бы у этого огня, какъ кошки.

Не слышно было ни говору, ни смѣху, ни даже стону, всѣ жадно ѣли полученный хлѣбъ и скрипѣли зубами, какъ заморенныя лошади. Одному горемыкѣ, котораго била жестокая лихорадка, позволено было сидѣть у самаго огня внутри огороды. Онъ сидѣлъ, весь скорчившись и жарился у самыхъ угольевъ.

Время отъ времени раздавался кашель въ рядахъ, то громкій, рѣзкій, словно лай, то глубокій и протяжный, словно вытье, то старческій, слабый и дрожащій, какъ жалобное блеяніе.

Здѣсь были десятилѣтніе мальчики, представлявшіеся двадцатилѣтними карликами, и старые люди съ дрожащими губами и сведенными руками. Каждый изъ нихъ, казалось, отупѣлъ отъ долгой нужды и лишеній; даже крѣпкіе, дюжіе молодцы, и тѣ сидѣли неподвижно и безсмысленно смотрѣли на пылающій каминъ. Только боль заставляла нѣкоторыхъ опоминаться, и тогда они принимались разуваться или разстегивать платья.

— Что это вы такъ дрожите? спросилъ начальникъ заведенія у одного старика.

Старикъ этотъ былъ на видъ совершенно отупѣлый и все тѣло его дрожало, какъ студень; онъ держалъ въ одной рукѣ хлѣбъ, а въ другой ножъ и напрасно силился отрѣзать кусокъ: руки у него тряслись и ножикъ только въ нихъ прыгалъ и скользилъ.

— Да про-про-студа, мастеръ, отвѣтилъ старикъ. — Напа-ла вотъ, напала и... и... не могу ее... ее избыть! Тоже... тоже нога вотъ... вотъ совсѣмъ замучила! Мнѣ вотъ пошелъ... пошелъ шестьдесятъ-пятый годъ... и я не... не могу поступить никуда.. никуда! Приходъ не хо... хочетъ нику... никуда при... пристроить!

Говоря это, онъ принялся обнажать раны на ногѣ.

Проходя обратно черезъ эту залу, посѣтители могли видѣть, что бо́льшая часть горемыкъ лежала уже по ящикамъ, прикрывшись кожаной попоной. Всѣ они скорѣе походили на какіе-то темные свертки, чѣмъ на живыя спящія существа.

— Въ другихъ залахъ вы увидите то же самое, джентльмены, говорилъ начальникъ заведенія, ведя посѣтителей дальше. — У насъ есть еще двѣ залы наверху, одна для мужчинъ, другая для женщинъ, куда мы принимаемъ... принимаемъ не простыхъ людей, а людей... людей, принадлежавшихъ къ лучшему обществу. Вы видите много пустыхъ ящиковъ теперь, но къ двѣнадцати часамъ ночи ни единаго пустаго мѣстечка не оста-

нется. Сегодня ночь будетъ очень холодная... Да! не будь нашего благодѣтельнаго учрежденія, сколько несчастныхъ погибло бы отъ стужи! Посмотрите вонъ на того человѣка, что сидитъ въ своемъ ящикѣ; онъ калѣка и всегда къ намъ является и ужь выбралъ себѣ мѣстечко съ краю; тутъ ему очень удобно:, никто черезъ него не шагаетъ.

Въ это время проходили мимо деревянной колонны, на которой былъ прикрѣпленъ термометръ. Начальникъ заведенія взглянулъ на термометръ и крикнулъ дежурному:

— Подложите еще угольевъ!

Въ дверяхъ показался другой дежурный и, подходя къ начальнику заведенія, сказалъ ему:

— Серъ, у рѣшотки стоитъ полисменъ съ женщиной; онъ ее привелъ сюда и говоритъ, что нашелъ ее чуть живую гдѣ-то на крыльцѣ. И она, кажется, не изъ простыхъ.

— Хорошо, отвѣтилъ начальникъ заведенія: — запишите ее и проводите наверхъ; я сейчасъ туда приду.

— Полисменъ полагаетъ, что она очень отощала и что ей надо дать чего-нибудь поѣсть, серъ, продолжалъ дежурный.

— А! такъ вы скажите смотрительницѣ, чтобы она сейчасъ же дала ей кашицы.

Дежурный отправился, а начальникъ заведенія обратился къ посѣтителямъ и сказалъ:

— Да, джентльмены! наше учрежденіе по истинѣ благодѣтельно! Что бы, напримѣръ, сталось съ этой бѣдной женщиной безъ насъ? Куда бы она дѣлась? Неугодно ли вамъ въ верхнюю залу?

Въ верхней залѣ докторъ осматривалъ всѣхъ приходящихъ. Эта зала была такая же длинная, пустая и непріютная, какъ и нижняя, но такъ-какъ по воскреснымъ днямъ здѣсь совершалась церковная служба, а теперь стояли ряды опрокинутыхъ стульевъ, то она походила на опустѣвшую школу. Впрочемъ, единственнымъ признакомъ того, что здѣсь совершалось богослуженіе, былъ темноватый налой, который стоялъ въ уголку.

Здѣсь на скамейкахъ сидѣли только что пришедшіе — мужчины по одну сторону, а женщины по другую. Посреди стоялъ докторъ и держалъ въ рукѣ развернутую записную книжку и карандашъ.

— Мужчины, подходите! крикнулъ докторъ.

Мужчины двинулись къ нему.

Помощникъ доктора крикнулъ:

— Подходите по одиночкѣ и показывайте руки. Пальцы хорошенько раздвиньте!

Съ этими словами фельдшеръ поднесъ зажженную свѣчу и докторъ началъ осматривать протянутыя къ нему руки.

— Женщины, подходите! крикнулъ фельдшеръ, когда осмотръ мужчинъ былъ оконченъ.

Тотчасъ же подошли женщины.

На концѣ скамейки сидѣла женщина, которую привелъ полисменъ; она отодвинулась отъ всѣхъ, на сколько это было возможно. Когда велѣли подходить къ доктору, она встала послѣ всѣхъ; казалось, ее вывелъ изъ горькаго раздраженія поднявшійся кругомъ шумъ. Она тоже подошла, но такъ низко опустила голову, что лица ея было совсѣмъ не видно.

— Какими болѣзнями наиболѣе страдаютъ приходящіе сюда люди? спросилъ одинъ изъ посѣтителей у доктора.

— По большей части упадокъ силъ отъ голода и холода, простуда горловая, соединенная съ грудными болѣзнями, и т. п. Вотъ просмотрите, если угодно, нашъ прошлогодній медицинскій отчетъ, вы увидите.

Посѣтители просмотрѣли медицинскій отчетъ. Это было ужасное перечисленіе недуговъ, до которыхъ довели нищета и лишенія. Желательно бы, чтобъ его прочли тѣ, довольно многочисленныя у насъ особы, которыя утверждаютъ, что бѣдняки эксплуатируютъ общественную благотворительность. Кто даже совсѣмъ не понималъ медицину, читая это, ясно видѣлъ, какая долгая мучительная агонія привела къ каждому изъ упомянутыхъ въ спискѣ недуговъ. «Катарръ», «гриппъ», «ревматизмъ», «бронхитъ», «лихорадка», «удушье», «ломъ въ чреслахъ», «воспаленіе легкихъ», «боль во всѣхъ суставахъ», «харканье кровью», «судороги и боли въ кишкахъ» — все это свидѣтельствовало о многихъ ночахъ, проведенныхъ на холодѣ и сырости, а «вереда», «гнойныя раны», «поносъ», «нервическая горячка», «худосочіе» и «чрезвычайный упадокъ силъ вслѣдствіе лишеній» о постоянной нуждѣ и голодѣ.

Прочитавъ этотъ медицинскій отчетъ, самый ярый «экономистъ» почувствовалъ бы нѣкоторую жалость къ тѣмъ, кого подобное существованіе «подвигаетъ на эксплуатацію общественной благотворительности».

Дошла очередь до женщины, приведенной полисменомъ. Она тоже протянула руки и разставила пальцы. Зоркій, опытный глазъ доктора тотчасъ же замѣтилъ, какъ тонки и худы были эти пальцы, такъ тонки и худы, что свѣтились насквозь подъ гладкой, прозрачной кожицей.

Докторъ взялъ ее за кисть руки и, щупая пульсъ, пристально на нее поглядѣлъ и спросилъ:

— Здѣсь для васъ не мѣсто. Вы замужняя?

Онъ сдѣлалъ этотъ вопросъ обычнымъ своимъ дѣловымъ тономъ и удивился, замѣтивъ, что женщина вся вспыхнула.

Она отвѣтила тихимъ, неровнымъ голосомъ:

— Я замужняя и — и — лучше бы я...

— Я не хотѣлъ васъ обидѣть, прервалъ ее докторъ ласково. — Но я не вижу на васъ обручальнаго кольца и потому спрашиваю.

Она отвѣтила:

— Я должна была заложить свое обручальное кольцо.

Докторъ подозвалъ начальника заведенія, отвелъ его въ сторону и они съ минуту говорили вполголоса.

Затѣмъ начальникъ заведенія подошелъ къ женщинѣ и сказалъ ей:

— Мнѣ очень жаль, но правила нашего пріюта не дозволяютъ намъ принимать женщинъ въ вашемъ положеніи. Я скажу вамъ, что мы можемъ для васъ сдѣлать: мы дадимъ вамъ шиллингъ, какъ это у насъ положено въ подобныхъ случаяхъ, и вы найдете себѣ гдѣ нибудь ночлегъ, а потомъ вы обратитесь къ приходу, въ которомъ проведете ночь!

Услыхавъ это наставленіе, женщина поблѣднѣла, какъ смерть, и отступила въ совершенномъ отчаяніи.

— Я уже ходила, спрашивала, пролепетала она: — мнѣ сказали, что надо идти туда, гдѣ я родилась... Я слышала, что въ пріютѣ принимаютъ всѣхъ.... Теперь идти некуда — умирать на улицѣ...

— Еслибы вы не могли больше ждать, мы бы помѣстили васъ въ госпиталь, сказалъ начальникъ заведенія успокоивающимъ тономъ: — но теперь мы не можемъ этого сдѣлать и, я полагаю, вамъ лучше всего отдохнуть здѣсь, подкрѣпиться другой порціей хлѣба и теплой похлебки, а потомъ отправиться и нанять себѣ гдѣ нибудь уголокъ для ночлега.

Женщина съ минуту подумала, — о томъ, быть можетъ, что̀ съ ней станется, когда выйдетъ шиллингъ, который ей обѣщали, потомъ закрыла лицо руками и конвульсивно зарыдала.

Джентльмены посѣтители, которые наблюдали за женщиной, подошли къ ней ближе и одинъ изъ нихъ у нея спросилъ:

— Развѣ у васъ нѣтъ ни друзей, ни родныхъ въ городѣ?

Но женщина имъ не отвѣтила, отступила и поглядѣла на нихъ, какъ бы спрашивая, какое они имѣютъ право вмѣшиваться въ ея горькія дѣла.

— Мы желали бы вамъ быть полезными, продолжалъ одинъ

изъ джентльменовъ.—Мы васъ спрашиваемъ не изъ любопытства, а изъ участія. Прошу васъ, скажите, гдѣ вашъ мужъ?

Она съ горечью отвѣтила:

— Онъ бросилъ меня. Онъ обобралъ меня и бросилъ!

Потомъ, какъ бы спохватившись, она торопливо прибавила:

— Не спрашивайте меня больше, не спрашивайт! Прошу васъ, не спрашивайте!

Начальникъ заведенія, который тоже подошелъ къ женщинѣ, сказалъ, обращаясь къ джентльменамъ:

— У насъ уже былъ подобный случай прошлаго года. Молодая прекрасная дѣвушка убѣжала отъ родителей и противъ ихъ воли вышла замужъ. Такъ мы сейчасъ же увѣдомили письмомъ родителей, и тѣ явились и снова приняли ее къ себѣ въ домъ.

Женщина, въ отвѣтъ на слова начальника пріюта, только отрицательно покачала головой и очень горько усмѣхнулась.

— Вы вѣдь вѣроятно поссорились съ вашими родителями, сказалъ начальникъ пріюта, обращаясь прямо къ ней. — Ну, я, знаю, знаю! Такъ вотъ что: пойдемте и напишемъ родителямъ доброе, покорное, выражающее все ваше раскаяніе, письмо!

— И объявимъ имъ, что ихъ дочь въ лохмотьяхъ и пришла проситься переночевать въ пріютъ для бездомныхъ? Нѣтъ! нѣтъ!

— Никто изъ вашихъ друзей не въ состояніи вамъ помочь? спросилъ снова одинъ изъ джентльменовъ-посѣтителей.

Казалось, вопросы начали ее раздражать. Она поглядѣла въ лицо джентльмену и съ укоромъ проговорила:

— О! развѣ вы не можете понять, что когда сюда заходятъ, такъ послѣ того не желаютъ давать знать о себѣ друзьямъ? Что хотятъ скрывать свою нищету? Еслибы я желала объявлять о себѣ, я бы уже это сдѣлала!

Джентльменъ долженъ былъ прекратить свои вопросы. Онъ попробовалъ извиниться и проговорилъ:

— Вы не поняли меня. Я вовсе не желалъ...

Тутъ подошелъ докторъ, и начальникъ пріюта, указывая на женщину, сказалъ ему:

— Она при вопросахъ при входѣ сказала, что провела послѣднія три ночи на улицахъ, что у нея нѣтъ никакого занятія, ни ремесла, что ей двадцать-три года и что зовутъ ее Катерина Мертонъ.

— Это имя моей матери! вскрикнула женщина, услыхавъ послѣднія слова.

Начальникъ пріюта, докторъ и джентльмены-посѣтители отошли отъ нея и начали между собою совѣтоваться.

— Судя по ея манерамъ, по ея выраженіямъ, можно безошибочно утверждать, что она изъ порядочнаго семейства, сказалъ одинъ.

— Да не только манеры и выраженія, сказалъ другой: — у нея черты лица такія... такое лицо... Она вовсе не похожа на всѣхъ остальныхъ!

— Она видимо ослабѣла отъ долгихъ и жестокихъ лишеній, сказалъ докторъ: — и вмѣстѣ съ тѣмъ находится въ состояніи крайняго нервическаго раздраженія. Я совѣтую не разспрашивать ее больше, — пусть успокоится.

Начальникъ пріюта вскрикнулъ:

— Да! у насъ бываетъ много такихъ удивительныхъ случаевъ! Къ намъ иногда являются такіе, у которыхъ друзья и родные не только состоятельные люди, но даже занимаютъ высокое положеніе въ провинціи!

Наконецъ, по совѣту доктора, было рѣшено передать Катерину Мертонъ на попеченье надзирательницы, которая тотчасъ же дастъ ей чашку горячаго чаю, а докторъ съ своей стороны пропишетъ ей что нибудь такое, что̀ нѣсколько возстановитъ ея силы.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ вышеописаннаго, умолкло все: и болтовня отогрѣвшихся дѣтей, и разговоры женщинъ, и пискъ младенцевъ. Нѣкоторыя акуратныя женщины, которыя занимались починкой своего платья, оставили работу, и прятали подъ деревянное изголовье письма, и другія подобныя сокровища. Мужчины расползлись отъ огня по ящикамъ и спали тамъ такъ крѣпко, какъ бѣлки зимой. Ведра съ хлористою известью были поставлены по угламъ залъ и на порогахъ, уголья въ каминахъ чуть уже теплились и газъ былъ спущенъ; проходя въ этой полутьмѣ по безмолвнымъ заламъ и видя ряды туго обвернутыхъ фигуръ, темныхъ, неподвижныхъ, какъ муміи, казалось, проходишь по какимъ-то катакомбамъ. Тишину нарушали только храпѣнье уснувшихъ, да кашель тѣхъ, кого сонъ не бралъ.

Это было зрѣлище, достойное вниманія. Здѣсь около двухсотъ самыхъ горемычныхъ бездомныхъ людей на бѣломъ свѣтѣ лежало на полу, словно стадо овецъ, людей, чьи дни были непрерывнымъ рядомъ страданій и лишеній, чья жизнь походила на одну долгую, мучительную операцію, въ которой сонъ игралъ роль хлороформа.

Невольно, глядя на этихъ спящихъ, приходило на мысль:

что̀ такое имъ снится? Говорятъ, когда корабельный экипажъ умиралъ съ голоду у сѣвернаго полюса, то каждому изъ него всякую ночь снились роскошныя пиршества. Можетъ статься, и эти горемыки видѣли во снѣ сытные обѣды и ужины.

Вотъ одинъ застоналъ — можетъ, ему приснилось преслѣдованіе полисмена, заключеніе въ тюрьму. Вотъ послышалось тихое рыданіе мальчика, — можетъ ему приснилось, что онъ дома и что мать и сестры со слезами кидаются его обнимать.

Всѣ эти паріи общества, которые теперь здѣсь спятъ, разбредутся весной куда глаза глядятъ по цѣлой странѣ и послужатъ, такъ сказать, удобреніемъ для будущаго посѣва преступленій.

Всякій, проходящій по этому пріюту для бездомныхъ и голодныхъ, думаетъ: слова Господу, что у меня есть кровъ и кусокъ хлѣба! и прибавляетъ, какъ добрый фарисей: слава Господу, что я не таковъ, какъ эти отверженные!

Но фарисей не задаетъ себѣ вопроса, въ силу какой прирожденной ему добродѣтели онъ отличается отъ *этихъ*. Какъ это вышло, что онъ сытъ и хорошо одѣтъ и столько *этихъ* ходятъ полунагіе и терзаются голодомъ?

Фарисей, не зная и не желая знать всѣхъ предъидущихъ неправдъ, которыя помогли ему въ созиданіи его земнаго благополучія, по большей части утверждаетъ, что онъ самъ созидатель своего благосостоянія.

Позвольте спросить однако, кто и что̀ дало вамъ возможность развить ваши способности и таланты, не утративъ необходимой энергіи?

Фарисеи не грѣшатъ особой искренностью, иначе я посовѣтовалъ бы имъ спуститься съ высоты подмостокъ и смиренно принести благодарственную молитву за то, что они родились въ палатахъ, а не въ «разбойничьей норѣ» или, выражаясь основательнѣе, не въ нищенской закутѣ. Этимъ можно, помоему, удовлетворительно объяснить процвѣтаніе многаго множества добродѣтелей.

Разумѣется, всякому респектабельному джентльмену непріятно признать себя роднымъ братомъ *этихъ* грязныхъ, тупыхъ созданій, но дѣлать нечего: логика не щадитъ ничего и никого!

Въ описываемую нами ночь начальникъ пріюта, обходя въ послѣдній разъ дозоромъ залы, сказалъ надзирательницѣ:

— Ну, что эта женщина, которую привелъ полисменъ, какъ она себя чувствовала, когда уходила, — лучше?

— О, да! отвѣчала надзирательница: — гораздо лучше. Я ей дала чашку горячаго чаю и посадила ее въ своей комнатѣ, по-

ближе къ камину. Я взяла ее въ свою комнату, серъ, потому что она, бѣдняжка, казалась мнѣ такай приличной, скромной. Я дала ей шиллингъ на ночлегъ, но она такая безпомощная, словно маленькій ребенокъ, и ничего не знаетъ о лондонскихъ нравахъ и обычаяхъ!

— Ну, а сказала она вамъ что нибудь о себѣ? спросилъ начальникъ пріюта.

— Сказала, бѣдная простушка, сказала! отвѣтила смотрительница.—Когда она отогрѣлась, такъ сейчасъ же принялась плакать,—и такъ горько плакала, что я и выразить вамъ не могу, сэръ! Я ее тогда стала убѣждать, что земная жизнь наша,—это одно только тяжелое испытаніе, юдоль скорби, и она заговорила. И такъ живо заговорила, сэръ, какъ будто ужь ея бѣдное сердце больше не выдержало и рвалось на части, и она рада была хоть передъ кѣмъ нибудь излить свое горе.

— Ну, что-жь вы узнали? спросилъ начальникъ пріюта.—Родители ея зажиточные люди?

— О, да! очень зажиточные, сэръ, сколько я могла понять изъ ея словъ; они очень богатые и очень гордые, похожи на родителей той черноволосой дѣвушки, помните? которая убѣжала изъ дому съ актеромъ. Только она мало говорила о своихъ родителяхъ, и я никакъ не могла допроситься, чтобы она дала мнѣ ихъ адресъ. Когда она поминала о гордости своего отца, я глядѣла на нее и думала: бѣдное созданье! ты сама не понимаешь, что ты не смиреннѣе отца! Да, сэръ! это, какъ говоритъ пословица, обломокъ отъ старой скалы! Я, говоритъ, лучше умру на улицѣ, чѣмъ возвращаться мнѣ домой.

— Гордость нѣкоторыхъ вещей возмутительна! замѣтилъ начальникъ пріюта.

— Ахъ! вздохнула смотрительница.—Каждый изъ насъ слѣпъ, когда дѣло касается его самаго! мы не видимъ бревна въ своемъ глазу... Такъ она и ушла. Я съ трудомъ кое чего дозналась, — по ея нѣкоторымъ словамъ и восклицаніямъ. Она была замужемъ за молодымъ индійскимъ офицеромъ и мужъ ея умеръ; послѣ его смерти она воротилась къ родителямъ, но у нея осталась послѣ мужа прекрасная пенсія, такъ что она могла жить совершенно независимо.

— Куда жь все это дѣвалось? спросилъ начальникъ пріюта.

— Позвольте минуту, сэръ, я все разскажу, возразила смотрительница.—И такъ, по моимъ соображеніямъ, она послѣ смерти мужа, поселилась у родителей, но скоро начала тамъ очень тосковать и съ тоски стала брать уроки французскаго языка у одного изгнанника, который жилъ съ ними по сосѣдству. Ну,

вмѣсто того, чтобы слушать правила французской грамматики, она слушала разные французскіе балясы, и конецъ былъ такой, что она даже тайно обвѣнчалась съ своимъ учителемъ.

— А! понимаю, вскрикнулъ начальникъ пріюта.—Онъ стоялъ ниже ея и она не желала огорчать семейство вѣстью объ унизительномъ бракѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ, вовсе не то! Вы вывели слишкомъ поспѣшное заключеніе, сэръ! возразила смотрительница. — Дѣло въ томъ, что выходя замужъ, она лишалась пенсіи, которую получала за покойнаго мужа; — потому-то она и скрыла! Она даже не довѣряла этой тайны самымъ близкимъ своимъ друзьямъ,— боялась, что какъ-нибудь все откроется и ей перестанутъ выдавать пенсію!

— Ну, и кончилось тѣмъ, что все-таки это кто-то провѣдалъ, отправился и донесъ куда слѣдуетъ? сказалъ начальникъ пріюта.

— Нѣтъ, сэръ, вовсе нѣтъ! возразила смотрительница. — Вы позвольте мнѣ вамъ разсказать все по порядку! И такъ, продолжала она, отеревъ губы, откашлявшись, какъ бы приготовлялась къ долгому ораторству, и складывая оба указательные пальца: — и такъ она все скрыла, и никому даже не снилось, что она вышла замужъ за француза, пока бѣдняжка не почувствовала, что она сдѣлалась матерью, что она носитъ подъ сердцемъ дитя, сэръ, и что никакія шали и мантильи не могутъ уже этого замаскировать! Тутъ и наступила бѣда.

— А! понимаю! сказалъ начальникъ пріюта. — Родители узнали и выгнали ее изъ дому. Понимаю!

— Имѣйте крошечку терпѣнья, сэръ! Прошу васъ, имѣйте крошечку терпѣнья! прервала смотрительница. — Вы все узнаете. Я догадываюсь, что ея отецъ—человѣкъ очень гордый и очень горячій: онъ не спросилъ ничего и осыпалъ ее жестокими упреками. Онъ назвалъ ее развратницей, и погрозилъ выгнать ее изъ дому.

— Однако, какая же она глупенькая! вскрикнулъ начальникъ пріюта.—Отчего жь она не показала отцу свидѣтельства о своемъ бракѣ? Покажи она свидѣтельство, отецъ...

— Какъ же вы такъ можете разсуждать, сэръ? возразила смотрительница: — вѣдь я уже вамъ говорила, что она больше всего боялась потерять эту индійскую пенсію? И кромѣ того, она такая же гордая, какъ отецъ, и такая же скорая и горячая. Какъ только она услыхала его оскорбительныя слова, она вспыхнула тоже. Она знала, что вышла замужъ законнымъ образомъ, что, пока у ней пенсія, она независима, и потому она ушла отъ

родителей и поселилась вмѣстѣ съ мужемъ. Ей было все равно, чтò бы родители о ней ни подумали.

— Господи! вскрикнулъ начальникъ пріюта:—на какія безумства способны нѣкоторыя сумасбродныя существа! Убѣжать, представиться преступницей, когда все дѣло могли разъяснить однимъ словомъ! Ну, и что жь изъ этого вышло? По всѣмъ вѣроятностямъ французъ вскорѣ началъ съ ней дурно обращаться. Подобные браки всегда этимъ кончаются!

— Ахъ! бѣдняжка была жестоко наказана за свои необдуманные поступки, сэръ! вздохнула жалостливая смотрительница. — Какіе удивительные романы бываютъ въ жизни, сэръ! Итакъ она поселилась съ мужемъ, и отказалась отъ всякихъ почестей, и отъ всякихъ удобствъ для того, кого она любила, и только заботилась о томъ, какъ бы сохранить пенсію, потому что учительство не приносило имъ большихъ доходовъ: у него отроду только была одна ученица, именно та, которая вышла за него замужъ!

— Да, на одно учительство не прокормишься! замѣтилъ начальникъ пріюта. — У насъ теперь пропасть иностранцевъ, которые съ радостью стали бы давать уроки своего языка изъ-за обѣда.

— Очень скоро открылось, продолжала смотрительница мрачнымъ голосомъ: — что французъ женился на ней въ надеждѣ на ея деньги. Онъ, вѣрно, еще прежде уроковъ прослышалъ, что она богатая, и хоть она передъ свадьбой объясняла ему, что все потеряетъ, если узнаютъ о ея замужествѣ, онъ не повѣрилъ, но только притворился, что вѣритъ, и что ему деньги ни по чемъ. Онъ полагалъ, она все это выдумала, чтобы удержать деньги въ своихъ рукахъ.

— Такъ, такъ! проговорилъ начальникъ пріюта. — За всякимъ грѣхомъ непремѣнно слѣдуетъ и наказаніе! Я предвижу теперь, какъ пошло дѣло!

— Когда она еще жила у отца, продолжала смотрительница: — уже тогда французъ начиналъ приставать, чтобы она дала ему денегъ, и сказалъ ей, что по закону онъ, какъ ея законный мужъ, имѣетъ право на все, чтò ей принадлежитъ. Но пока она жила у отца, онъ еще сдерживался и доволенъ былъ двумя, тремя золотыми, но какъ только вышелъ скандалъ и они поселились вмѣстѣ, онъ сейчасъ же ей сказалъ на чистомъ французскомъ языкѣ: я, сударыня, не позволю себя водить за носъ! И чтò жь вы думаете? Отобралъ у ней всѣ какія были деньги, и отправился въ Лондонъ, и прямо явился въ индій-

скую контору, и тутъ показалъ свое брачное свидѣтельство и объявилъ, чтобы впередъ пенсію выдавали ему, а не женѣ!

— Экая низкая собака! вскрикнулъ начальникъ пріюта.—Ну, и что̀ жь? Молодчикъ попался въ свою же западню? Ему объяснили, что пенсіи больше выдавать не будутъ?

— Да, сэръ! И вы вообразите, какой это былъ ударъ, какое горе бѣдняжкѣ женѣ! сказала смотрительница. — Еслибы вы слышали, какъ она тутъ разъ вскрикнула: человѣкъ, для котораго я оставила отца, мать, домъ! Онъ... И даже не могла окончить!

— Что̀ жь онъ сдѣлалъ? спросилъ начальникъ пріюта.

— Онъ бросилъ ее, сэръ! Онъ ее безжалостно бросилъ на произволъ судьбы, какъ только узналъ, что ошибся въ своихъ низкихъ разсчетахъ! Я, впрочемъ, полагаю, что ему было совѣстно взглянуть ей въ лицо послѣ этой продѣлки, и что частію стыдъ заставилъ его скрыться.

— Какой тамъ стыдъ! возразилъ начальникъ пріюта. — Онъ женился изъ-за денегъ, а видя, что денегъ нѣтъ, раскланялся. Очень ясно!

— Еслибы вы слышали, какъ она говорила объ этомъ негодяѣ! сказала мягкосердая смотрительница. — Жалость просто! Видно, она его очень, очень любила. Разсказывала она, то-есть не то, что разсказывала, а словно сама съ собой вспоминала, какъ она ждала его первое время, когда еще ничего не знала, зачѣмъ онъ уѣхалъ, какъ тревожилась, не случилось ли съ нимъ какого несчастья, и глядѣла въ окно день и ночь, и писала къ нему письма, и въ этихъ письмахъ умоляла его поскорѣй воротиться домой. И долго, долго такъ она его ждала, и совсѣмъ измучилась. Наконецъ, подошло время получать пенсію, она заняла нѣсколько шиллинговъ и поѣхала въ Лондонъ.

— Ну, и здѣсь, наконецъ, поняла, что̀ онъ за птица? сказалъ начальникъ пріюта.

— Да, сэръ! Она искала его вездѣ, во всѣхъ мѣстахъ, о которыхъ когда-нибудь слыхала, или читала, но она нигдѣ его не могла отъискать. Наконецъ, наступаетъ день полученія пенсіи и она отправляется въ контору, и тутъ ее поражаетъ страшное извѣстіе! Ей говорятъ, что ея наглость превосходитъ всякое воображеніе и уличаютъ ее въ томъ, что она вышла замужъ!

— Да, признаюсь! потерять вдругъ и деньги и мужа; это тяжеленько! сказалъ начальникъ пріюта. — Но это принесло и пользу: она по крайней мѣрѣ увидала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; она убѣдилась, каковъ ея избранный.

— Когда женщина привязывается къ человѣку, такъ это удивительно, какъ она бываетъ слѣпа и глуха, сэръ, возразила опытная смотрительница. — Она, несмотря ни на какія доказательства, не хочетъ вѣрить ничему дурному. Эта бѣдняжка осталась въ Лондонѣ и все надѣялась, что гдѣ нибудь его встрѣтитъ, и все никакъ не могла повѣрить, что онъ рѣшился ее бросить. Она жила тѣмъ, что продавала свои вещи, какъ дѣлаютъ всѣ несчастныя, которыя къ намъ сюда приходятъ. Наконецъ, продавать стало нечего, и ее выгнали съ квартиры за неплатежъ.

— О, я не могу равнодушно слушать о такомъ безуміи! вскрикнулъ начальникъ пріюта. — Отчего жь она не написала родителямъ?

Смотрительница нетерпѣливо ему отвѣтила:

— Какъ вы можете этому удивляться, сэръ, когда вы видали и видите цѣлые десятки людей, которые лучше готовы терпѣть всѣ муки, голодать, мерзнуть, — все, что угодно, чѣмъ пойдти и сказать, что они виноваты, что ихъ собственная глупость всему злу причина? У нихъ есть своего рода гордость, серъ, у этихъ безумцевъ!

— Глупая, грѣшная гордость! сказалъ начальникъ пріюта.

— Но если вы подумаете хорошенько, сэръ, такъ вы увидите тоже, что очень должно быть тяжело являться имъ съ повинной, — писать домой, что вотъ они дошли до того, что помираютъ съ голоду на улицахъ, и тутъ же вспоминать, какъ въ былое время все было иначе... Да, сэръ, очень должно быть тяжело! Ужь какъ я упрашивала эту молодую женщину написать къ родителямъ, у меня просто въ горлѣ пересохло! а все-таки я ее не упросила. «Нѣтъ, говоритъ, нѣтъ! Я этого не сдѣлаю! Не сдѣлаю ни за что на свѣтѣ! Лучше сейчасъ умереть!» Я въ жизнь мою не видывала такой упрямицы, сэръ, увѣряю васъ!

— Тѣмъ хуже для нея, отвѣчалъ начальникъ пріюта.—Она же и поплатится за свое упрямство. А она ничего не говорила о томъ, что опять сюда придетъ, завтра по утру? Джентльмены, которые посѣтили сегодня заведеніе, приняли въ ней большое участіе и очень желаютъ ей какъ нибудь помочь.

— Она ничего навѣрно не обѣщала, сэръ, отвѣчала смотрительница.—Я говорила ей придти, но полагаю, что она напугана разспросами и ужь больше не придетъ къ намъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

По волѣ вѣтра и теченья.

Какъ мрачны торговые кварталы Лондона въ воскресные дни! Какое безмолвье и безлюдье!

Въ эти воскресные дни видъ ихъ напоминаетъ время чумы, описанной Дефо, когда въ каждомъ домѣ всѣ двери и окна наглухо были заперты, а жители разбѣжались по предмѣстьямъ. Въ эти дни вы видите, что въ Сити, гдѣ цѣлую недѣлю такъ людно и шумно, никто не живетъ. Выйдя изъ церкви, вы на прочихъ улицахъ слышите запахъ вкусныхъ воскресныхъ завтраковъ, но въ Сити ничего подобнаго, — развѣ открыта одна булочная, между тѣмъ какъ въ будни здѣсь въ этотъ самый часъ страшная суета, непролазная толпа; здѣсь пожирается неисчислимое количество бисквитовъ и проглатывается невѣроятное число чашекъ кофе, и разные чиновники, сидѣльцы, секретари, краснорядцы, конторщики облѣпливаютъ всѣ столы, какъ мухи сладкій тортъ.

Въ воскресный день вы можете видѣть, что громадныя каменныя зданія, кипящія цѣлую недѣлю жизнію, необитаемы: изъ красивыхъ рѣшетчатыхъ трубъ не показывается ни струйки дыма, воздухъ чистъ, не слышно никакого запаха кухни и улица совершенно пуста,—та самая улица, которая еще вчера была до того запружена разными омнибусами, кебами и повозками, что вы могли совершать свой путь, перепрыгивая съ крыши одного экипажа на другой, какъ по непрерывному ряду домовыхъ крышъ. На мостовыхъ, гдѣ вчера кишали суетящіяся торопливыя толпы, сегодня вы едва увидите двухъ-трехъ пѣшеходовъ, да одинъ омнибусъ, въ которомъ сидитъ одинокій пассажиръ и который тянется медленно и лѣниво по улицѣ.

Около Ольдъ-Балей, гдѣ въ другіе дни громоздятся цѣлые ряды подгородныхъ извощичьихъ повозокъ, въ воскресенье расхаживаютъ пѣтухи и куры, и копаются въ сору, какъ на фермерскомъ дворѣ. Передъ зданіемъ уголовнаго суда, куда въ другіе дни чрезвычайно трудно пробраться сквозь толпы «свидѣтелей» и «друзей подсудимаго», которые даже завладѣваютъ всѣми мѣстами въ ближайшихъ харчевняхъ, пивныхъ и трактирахъ, теперь прогуливаются голуби; всѣ харчевни, пивныя и трактиры заперты, и человѣкъ въ суконной курткѣ, который обыкновенно отрѣзываетъ и разноситъ порціи, и ко-

торый обыкновенно весь въ поту отъ этого упражненія, теперь сидитъ и отдыхаетъ, или отправляется на какую-нибудь прогулку.

Прилавочная и конторская молодёжь, которая вчера наполняла всѣ обѣденныя залы въ Бicклерсбюри у Джо, у Неда и у другихъ трактирщиковъ, пользующихся популярностью, теперь исчезла. Исчезли полки носильщиковъ и рабочихъ, которые толпились около церкви св. Павла; исчезли отряды банкировъ, купцовъ, факторовъ и маклеровъ, которые подкрѣплялись изысканными закусками, или кушали сандвичи, запивая дорогимъ виномъ въ тавернѣ «Южной Америки», или портили себѣ желудокъ сливочными пирожками въ «Пюрсельскомъ заведеніи». Харчевня «Лавроваго Дерева» тоже заперта, и передъ прилавкомъ не видно ни одного служащаго изъ Сити, который здѣсь во всѣ другіе дни проворно ѣстъ свою порцію «горячихъ овощей»; таверны на Ломбардъ-Стритѣ убрали съ выставки розовую лососину и копченую семгу, спустили сторы на окнахъ и заперли двери желѣзными засовами, а содержатели ихъ отправились пить чай, куда-нибудь въ Гемпстидъ или подобное пріятное мѣсто.

Идя по опустѣлымъ улицамъ, вы ни въ одномъ окнѣ никого не увидите,—передъ вами только спущенныя сторы, да засунутыя ставни, словно всѣ магазинныя помѣщенія вдругъ поднялись во всѣ этажи.

Улицу Темзы почти невозможно узнать: всѣ зданія на пристани закрыты, только кое-гдѣ пріотворено маленькое окошечко или калитка въ воротахъ, и черезъ это окошечко или калитку вы можете видѣть огромные пустые фургоны съ торчащими вверхъ дышлами; возы не загромождаютъ дороги и не видно тяжелыхъ тюковъ, которые спускаютъ на веревкахъ, какъ чудовищныхъ пауковъ, вертящихся въ воздухѣ. Мѣняльныя лавки и конторы похожи на опустѣлыя классныя комнаты. На противоположномъ берегу Биллингсгетская улица безлюдна, мрачна и тиха, какъ монастырская келья.

Спуститесь поближе къ рѣкѣ, и тутъ вы замѣтите то же безмолвіе и ту же тишину. Слышенъ только плескъ воды, да голоса маленькихъ воровъ, которые играютъ въ орлянку около Розмари-Лена.

Англійскій банкъ запертъ, и имѣетъ видъ дома, отдаваемаго въ наемъ. Поглядите сквозь чугунную рѣшотку во дворъ, вы увидите тамъ только одинокую статую королевы Викторіи.

Завернувъ въ узкіе переулки Кожанаго-Рынка, вы встрѣтите только двухъ-трехъ тряпичниковъ, которые, пользуясь без-

людьемъ, копаются во всѣхъ уголкахъ, отъискивая кости, гвозди и всякую ветошь и плѣсень. Не слышно голосовъ, не слышно шаговъ, только доносятся откуда-то звуки фортепіано и мелодія 100-го псалма наполняетъ рынокъ, какъ пустую комнату.

И куда вы ни пойдите — въ Уайтчепельскіе или Темпльскіе мясные ряды, къ Канонъ-Стриту, къ Баркену, или къ Бишопсгету, — или въ какую угодно контору, — въ почтовую напримѣръ,— вездѣ такая тишина, безлюдье и безмолвіе, какъ будто вы явились сюда не въ два часа пополудни, а въ два часа ночи.

Если гуляющаго джентльмена непріятно поражаетъ пустота мрачныхъ улицъ, то можете себѣ представить, какъ бездомному, голодному, иззябшему человѣку не весело бродить по нимъ цѣлый день.

Въ одно воскресенье, — именно на другой день послѣ описаннаго нами пріема въ пріютѣ для бездомныхъ, — молодая женщина медленно бродила по безлюдному городу. Она часто оглядывалась, какъ бы боясь какой непріятной встрѣчи, часто останавливалась, садилась гдѣ нибудь на скамьѣ или на крыльцѣ, склоняла голову на руки и подолгу сидѣла неподвижно, какъ бы погруженная въ глубокій сонъ.

Ей дали шиллингъ въ пріютѣ для бездомныхъ; часть она заплатила за ночлегъ, а на остальныя кормилась. Она экономничала, какъ могла, и ѣла только тогда, когда отъ голоду голова начинала помрачаться. Она чувствовала, что съ каждымъ часомъ силы ея падаютъ, что разсудокъ теряется и что она гибнетъ и нравственно и физически.

Раннимъ утромъ, — ночь она продремала сидя въ грязной кофейной, — она дотащилась до Уэстъ-Энда, но когда здѣсь все начало просыпаться и стали показываться щеголеватые пѣшеходы, она повернула въ сторону и поплелась въ опустѣвшую улицу Сити. Пока толпы направлялись въ церковь, она пряталась подъ воротами, а когда колокола перестали трезвонить, осторожно пробралась въ одну старую часовню и попробовала молиться. Но въ часовнѣ было тепло, а она до того измучилась и назяблась, что ее тотчасъ же одолѣлъ сонъ.

Днемъ была оттепель, но къ ночи опять стало холодно; чистое небо горѣло и сверкало яркими звѣздами; мостовая покрылась слоемъ льду и комки заледенѣвшей грязи рѣзали ноги, какъ стекло. Слякоть, забившаяся въ дырявую обувь, застыла, мокрые чулки примерзли къ больнымъ ногамъ, и каждый шагъ ея былъ пыткой.

У нея было полпенни, и она хотѣла зайти въ кофейную,

спросить себѣ полчашки кофе, и тутъ, за этимъ кофе, отдохнуть, положить голову на столъ и на минуту задремать. Но надо было ждать ночи. То тамъ, то сямъ били городскіе часы; она прислушивалась къ этому бою, считала удары и наконецъ стала думать, что ночь никогда не настанетъ.

Вечеръ становился все холоднѣе, улицы все безлюднѣе. Отчаяніе все болѣе и болѣе ею овладѣвало.

Полисмены отгоняли ее отъ крылецъ, не позволяли ни сѣсть, ни лечь подъ заборомъ, и она начала думать, что лучше всего покончить съ такой жизнью и, дрожа всѣмъ тѣломъ, побрела къ рѣкѣ.

Но рѣка была какая-то свинцовая, и отъ воды пахнуло такимъ ужаснымъ холодомъ, что все ея мужество пропало и она почувствовала, что не въ состояніи рѣшиться на такую смерть.

Она отошла отъ рѣки; она почти спала на ходу и все старалась отъискать уголокъ, гдѣ бы ее никто не замѣтилъ и гдѣ бы можно было ей прилечь. Она прислонилась къ какой-то стѣнѣ и, стоя, продремала до разсвѣта. На разсвѣтѣ ее разбудилъ стукъ колесъ, говоръ и шумъ. Она была такъ же слаба, такъ же измучена, но у нея вдругъ явилась почему-то надежда, что съ ней случится что-то хорошее.

Она пережила этотъ день; она ничего не ѣла, вся дрожала отъ холоду, но все бродила, все на что-то надѣялась. Ее безпрестанно клонилъ сонъ и мысли начинали мѣшаться.

Но когда она увидала, что снова наступаетъ вечеръ, что зажигаются опять лампы и фонари, ея сонливость и оцѣпененіе исчезли; ею вдругъ овладѣло бѣшенство при мысли, что придется провести еще такую ночь, какія она проводила на улицѣ.

А небо между тѣмъ покрылось тучами, пошелъ снѣгъ или, лучше сказать, какой-то ледяной дождь, который билъ въ лицо и кололъ его словно мелкими иглами.

Куда ей преклонить голову? Ее выпроводили изъ рабочаго дома и не приняли въ пріютъ для бездомныхъ. Больше некуда идти.

Гдѣ и какъ искать милости? Да и время теперь нѣтъ. Она просила — отказали. Ну, она теперь принудитъ дать убѣжище!

Она читала, что отчаянныя женщины попадаютъ въ тюрьмы за скандалы. И она попадетъ.

Она схватила большой камень и хотѣла швырнуть его въ уличную лампу. Но ей пришло въ голову, что, можетъ статься, полиція не взыщетъ съ нея за это, проститъ ее, пожалѣетъ; она подумала, поглядѣла и пустила камнемъ въ ярко освѣщен-

ЮЖНАЯ РУСЬ

и

КАЗАЧЕСТВО ДО ВОЗСТАНІЯ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Статья вторая и послѣдняя.

Избраніе Владислава было чрезвычайно важною эпохою для православія, но преимущественно для казаковъ. Возстановленіе православной іерархіи было ихъ дѣломъ; оно совершено было прежде ими въ противность тогдашняго правительства, въ противность всей шляхетской націи и, однако, эта нація должна была признать ихъ смѣлое дѣло законнымъ. Новый король, нуждавшійся въ нихъ въ то время, потому что уже начиналась война съ Московскимъ государствомъ, показалъ къ нимъ самое благосклонное вниманіе [1]. Отпуская казацкихъ пословъ, 18-го ноября, онъ имъ далъ такое посланіе къ войску запорожскому: «Объявляемъ нашу королевскую милость старшому, атаманамъ и всѣмъ молодцамъ войска запорожскаго. Еще при жизни блаженной памяти нашего родителя мы видѣли отъ вашихъ милостей расположеніе къ нашей особѣ; въ разныхъ мѣстахъ вы жертвовали за насъ жизнію, и теперь, по смерти родителя нашего, продолжаете быть такими же и оказываете намъ неизмѣнную преданность. Мы принимаемъ это съ благодарностію и обѣщаемъ при всякомъ случаѣ сохранять въ своей памяти ваше мужество и расположеніе къ намъ. Такъ-какъ мы съ согласія чиновъ Короны польской и великаго княжества Литовскаго избраны, по волѣ Божіей, королемъ, чего желали и вы, то увѣрены, что, радуясь этому, вы будете намъ вѣрны и послушны, будете стараться вашею службою и рыцарскими подвигами, когда послѣдуетъ отъ насъ повелѣніе, заслужить нашу милость, и въ настоящихъ обстоятельствахъ Рѣчи Посполитой,

[1] Р. И. II. Б. IV. № 22.

2.

какъ только позоветъ васъ коронный гетманъ противъ нашего непріятеля, не соблюдающаго присяги и мира, не станете медлить, а поспѣшите, по указанію, къ услугамъ намъ и Рѣчи Посполитой. Вы уже испытали нашу королевскую милость въ уравненіи правъ отцовъ вашей греческой вѣры съ отцами унитами, и на будущее время мы будемъ это поддерживать, а васъ за труды ваши обѣщаемъ вознаградить. Что касается до другихъ просьбъ, внесенныхъ вашими послами, предъ коронаціею, то мы оставляемъ ихъ, сообразно посполитому праву, до будущаго времени и разсудимъ о томъ съ панами сенаторами. Сколько позволитъ законъ и справедливость, вы не будете забыты милостію нашею. Послы ваши подробнѣе скажутъ обо всемъ, а мы, увѣряя васъ въ неизмѣнной нашей милости, желаемъ вамъ отъ Бога добраго здоровья».

Видно, что Владиславъ въ это время понялъ, какое важное значеніе могутъ имѣть казаки для королевской власти. Но королевское благоволеніе не могло ихъ защитить отъ вражды къ нимъ всего дворянства, которая усилилась съ этого времени: на казаковъ смотрѣли какъ на стихію опасную для республиканской свободы шляхетства, такую стихію, которою легко могъ воспользоваться монархизмъ, а его очень боялось шляхетство. Несмотря на то, что казачество выиграло въ томъ, что Рѣчь Посполитая признала возстановленную имъ православную іерархію, оно не могло быть довольно и съ этой стороны. Домогательство казаковъ участвовать на сеймахъ было отвергнуто и трудно было возобновлять его. Самая свобода греческой религіи должна была существовать болѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ. Владиславъ предоставлялъ равную свободу какъ унитамъ, такъ и православнымъ: казалось, что могло быть справедливѣе? Но оказывалось, что за унитовъ было безъ малаго все дворянство Рѣчи Посполитой, а за православіе, кромѣ безгласной, порабощенной громады простого народа, небольшая часть дворянства, еще не успѣвшаго утратить вѣры отцовъ своихъ, да казаки, то-есть тѣ изъ народа, которые стремились вырваться изъ порабощенія, освященнаго закономъ и, слѣдовательно, стать на борьбу съ закономъ, властію, государствомъ. Пока унія, источникъ раздоровъ, раздвоявшій народъ русскій, не была уничтожена, всѣ льготы и привиллегіи православію не могли имѣть большой силы. Такъ-какъ сеймъ постановилъ однѣ церкви отдать православнымъ, другія унитамъ, то нужна была еще коммисія для разбора: какія церкви должны быть православными, и какія унитскими. Вмѣстѣ съ церквами, шла рѣчь и о церковныхъ имуществахъ. Это по-

вело къ спорамъ, въ которыхъ та сторона, за какую была сила шляхетскаго большинства, всегда брала верхъ. По челобитью русскихъ—говоритъ украинскій лѣтописецъ—никакого облегченія не получили [1]. Въ февралѣ 1633 года, во время коронаціи, примасъ, возлагая корону на Владислава, напомнилъ ему, что, получая корону и помазаніе отъ римско-католической церкви, король долженъ охранять и распространять римско-католическую вѣру и не считать всенароднымъ правомъ тѣхъ уступокъ, которыя онъ, для всеобщаго спокойствія, обѣщалъ еретикамъ [2]. Это показывало, что непринадлежащимъ къ римско-католическому исповѣданію надобно было ожидать всевозможнѣйшаго противодѣйствія со стороны духовенства, не считавшаго гражданскихъ постановленій обязательными для церкви. Въ послѣдній день коронаційнаго сейма прочитанъ былъ дипломъ, который король давалъ въ пользу православныхъ для успокоенія католиковъ: было сказано, что эта свобода имъ дается до будущаго сейма, и притомъ тогда только, если королевскій посолъ упроситъ на то соизволенія папы. Несмотря на такія условія, католики встрѣтили это съ негодованіемъ. Надобно было канцлеру приложить къ диплому печать. Коронный канцлеръ, самъ будучи духовнымъ лицомъ, отказалъ, король обратился къ литовскому Альбрихту Радзивиллу. Этотъ панъ прежде счелъ нужнымъ посовѣтоваться съ своимъ духовнымъ отцомъ, и будучи приглашенъ королемъ, сказалъ, что не можетъ этого сдѣлать, потому что духовный отецъ не разрѣшаетъ ему. «Вашъ духовный отецъ — сказалъ ему Владиславъ—способенъ только поправлять часы (этимъ точно отличался духовникъ Радзивилла), а не его дѣло мѣшаться въ то, что̀ можетъ волновать Рѣчь Посполитую». — Я, сказалъ Радзивиллъ послѣ сильныхъ домогательствъ короля — во всемъ прочемъ повинуюсь вашему величеству, а тамъ, гдѣ идетъ дѣло о святой римско-католической вѣрѣ, не могу поступить противъ совѣсти никоимъ образомъ.— «Я вамъ ничего не дамъ», сказалъ выведенный изъ терпѣнія король.—«Какъ угодно вашему величеству», сказалъ Радзивиллъ, и сѣлъ на свое кресло. «Когда—сказалъ король—сдѣлается вакантная печать коронная или литовская, отдамъ ее еретику». Это очень поразило ревностныхъ католиковъ.

Но примасъ, хотя духовное лицо, а за нимъ епископы, угождая новому королю, брали на свои души грѣхъ выдачи диплома и упросили литовскаго подканцлера приложить печать къ

[1] Лѣт. Самовидца. 4.
[2] Pam. do panow. Żygm. T. 1. 208.

диплому, а за нимъ согласился и великій литовскій канцлеръ Радзивиллъ, но для охраненія своей католической репутаціи занесъ въ краковскія гродскія книги манифестацію, что онъ поступилъ такъ только въ качествѣ министра, а не по собственному убѣжденію, и притомъ присоединилъ оговорку, что дипломъ этотъ быть можетъ дѣйствителенъ единственно съ папскимъ согласіемъ.

На слѣдующемъ сеймѣ (1634) дозволено схизматикамъ отправлять свободно богослуженіе [1]. Католики-фанатики были очень недовольны. Но болѣе всего лишало силы по отношенію къ православію всѣ сеймовыя и королевскія распоряженія то, что дворянство русское продолжало покидать вѣру отцовъ и русскую народность. Защита православія, оказанная на сеймѣ дворянствомъ, не представляла ничего прочнаго, когда дѣти тѣхъ, которые тогда стояли за православіе и даже тѣ самыя лица, которыя числились православными, перешли въ католичество. Такъ, между прочимъ, православная церковь понесла большую потерю, когда отступилъ отъ нее князь Іеремія Вишневецкій, владѣтель неизмѣримыхъ пространствъ и неисчислимыхъ поселеній въ южнорусскомъ краѣ. Неудивительно, что эту потерю глубоко почувствовали ревнители православнаго благочестія. Къ намъ дошло письмо, писанное по этому поводу кіевскимъ митрополитомъ Исаіею, полное огорченія: «Милостивый князь! — взывалъ онъ къ отступнику — сердца всѣхъ насъ духовныхъ и всего христіанства исполнились скорбію, когда мы увидѣли, что ваша княжеская милость, вожделѣнная утѣха наша, отрекаетесь отъ древней греческой религіи, религіи вашихъ предковъ и родителей. Плачетъ и сѣтуетъ церковь Божія, мать наша, ибо ваша княжеская милость изволите презирать ее. Мы съ великимъ упованіемъ ожидали желаннаго утѣшенія, а обрѣли, сверхъ чаянія, печаль.... Всѣмъ намъ вѣдомо, милостивый князь, какими страшными клятвами, условіями, обязательствами, связала васъ относительно религіи родительница вашей княжеской милости, отходя отъ міра сего. На чью душу падетъ грѣхъ, Господь то знаетъ. Но мы знаемъ, что отцовская клятва сушитъ, а материнская искореняетъ. Какое утѣшеніе, какую пользу получаютъ тѣ, которые, для суеты сего ничтожнаго міра, отступаютъ отъ своей древней религіи? Развѣ не видимъ этого очами своими? Что у насъ творится? Спросилъ бы я всѣхъ — зачѣмъ отрекаются отъ древней греческой вѣры, зачѣмъ пренебрегаютъ ею? Если для мудрости

[1] Pam. Albr. Radziw. 1. 23.

міра сего, то мудрость міра есть глупость передъ Богомъ, по слову апостола. Если думаютъ убѣгать заблужденія, то, по милости Божіей, въ церкви христовой еще не найдено заблужденій и не можетъ найтись; скорѣе тамъ оно найдется, гдѣ каждый годъ что нибудь прибавятъ или убавятъ. Если же для славы міра сего,—то это маловажное дѣло!» Припомнивъ отступнику предковъ его, которымъ греческая религія не помѣшала быть славными въ исторіи, митрополитъ коснулся того побужденія, которое, дѣйствуя на легкомысленныхъ, болѣе всего располагало русскихъ дворянъ къ отступничеству. «Недоброжелательные наши противники—выражается митрополитъ — говорятъ, что греческая вѣра есть вѣра холопская. Если въ самомъ дѣлѣ такъ, то и апостолы и патріархи и всѣ святые отцы восточной церкви, которыхъ мы почитаемъ великими — были холопской вѣры». Въ заключеніе митрополитъ, отъ имени всей церкви, умоляетъ князя обратиться къ вѣрѣ отцовъ своихъ и утѣшить всѣхъ, и пророчитъ ему, въ такомъ случаѣ, подъ сѣнію родительскаго благословенія благополучіе въ земной жизни и вѣчный животъ по кончинѣ [1]. Но то былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Іеремія не только не возвратился къ вѣрѣ своихъ предковъ, но и сдѣлался свирѣпымъ гонителемъ ея. И никто изъ отступниковъ русскихъ дворянъ не возвращался назадъ. Православная церковь теряла родъ за родомъ и, по мѣрѣ того, какъ русскіе дворяне дѣлались измѣнниками и гонителями восточнаго православія, казаки дѣлались его единственными защитниками и мстителями.

Въ это время выступила въ нѣдрѣ русскаго православія энергическая личность. То былъ Петръ Могила. Митрополитъ Исаія Копинскій (который изъ архимандритовъ устинскаго монастыря принялъ этотъ санъ по смерти Іова Борецкаго въ 1631 году) послалъ этого человѣка, находившагося въ санѣ печерскаго архимандрита, на сеймъ ходатайствовать о свободѣ вѣры. Ученый, горячій, владѣвшій даромъ убѣжденія такъ же хорошо, какъ владѣлъ прежде мечомъ, когда служилъ въ войскѣ, вкрадчивый и хитрый, потомокъ молдавскихъ князей и, слѣдовательно, аристократъ по рожденію, этотъ человѣкъ во время сейма овладѣлъ умами своихъ единовѣрцевъ дворянъ, давалъ имъ совѣты, подвигалъ къ настойчивости, и такъ ихъ очаровалъ, что всѣ видѣли въ немъ залогъ спасенія вѣры. Престарѣлый Исаія всѣмъ показался неспособнымъ болѣе нести пастырское бремя; положили отрѣшить его и избрали Петра ми-

[1] Акты Зап. Росс. IV, 526.

трополитомъ. Король утвердилъ его. Тогда Петръ послалъ ректора кіевскихъ школъ Исаію Трофимовича въ Константинополь за патріаршимъ благословеніемъ, а самъ отправился во Львовъ, и тамъ волошскій митрополитъ, по патріаршему соизволенію, посвятилъ его въ санъ кіевскаго митрополита. Петръ испросилъ у короля привиллегію на преобразованіе кіевской школы, находившейся при братскомъ монастырѣ, въ коллегію, и, пріѣхавъ въ Кіевъ, низвергъ Исаію Копинскаго и отправилъ его на смиренное пребываніе въ Печерскомъ монастырѣ [1]. Современный лѣтописецъ Ерличъ [2] повѣствуетъ, что это сдѣлано было очень грубо и жестоко. «Престарѣлаго и хвораго Исаію — говоритъ этотъ православный, но ополяченный дворянинъ—схватили въ одной волосяницѣ, положили на лошадь словно какой-нибудь мѣшокъ, повезли въ Печерскій монастырь, гдѣ онъ, въ великой нищетѣ и униженіи, печально провелъ остатокъ жизни: это сдѣлано съ нимъ для того, чтобъ онъ не безпокоилъ Петра Могилы духовнымъ и свѣтскимъ судомъ и не искалъ правъ своихъ». По извѣстію того же лѣтописца, Петръ Могила былъ человѣкъ жадный и жестокій и истязалъ бичами монаховъ Николаевскаго монастыря, допрашивая у нихъ, гдѣ спрятаны монастырскія деньги. Нѣкоторые отъ его жестокости переходили въ унію. Но извѣстія Ерлича если могутъ быть справедливы, какъ сообразныя съ духомъ тогдашнихъ польскихъ нравовъ, то въ равной степени могутъ быть ложны или преувеличены, потому что самъ лѣтописецъ вообще мало соблюдалъ критики въ обращеніи съ тѣмъ, что до него доходило въ его время, да кромѣ того еще и потому, что Ерличъ, какъ дворянинъ, не любилъ казаковъ, а Петръ Могила былъ къ нимъ благосклоненъ и постоянно находился съ ними въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Тотъ же Ерличъ разсказываетъ, что митрополитъ отправилъ къ казакамъ печерскаго чернеца Никодима Силича, обвинивъ его въ наклонности въ уніи, а казаки у себя сдѣлали этому монаху казацкое увѣщаніе, продержавъ шестнадцать недѣль подлѣ пушекъ, а потомъ выпустили. По словамъ Грондскаго, [3] незадолго предъ смертію, Петръ Могила ободрялъ казаковъ къ возстанію. Было ли точно такъ или нѣтъ — во всякомъ случаѣ видно, что современное дворянство считало его благопріятелемъ казаковъ; этого было достаточно, чтобъ очернить имя его. Несомнѣнно, Петръ ока-

---

[1] Опис. Кіево-соф. соб. и ист. кіевск. іер. 170.
[2] Latop. Jerl. 1. 56.
[3] Hist. belli cos. polon. 51.

залъ важныя услуги православію. Онъ укрѣпилъ древнія стѣны Софійскаго храма, открылъ основаніе Десятинной церкви и возобновилъ ее, доставилъ благочестію предметы поклоненія древней святынѣ, напечаталъ нѣсколько нужныхъ для православія книгъ, но самая важная заслуга его была — открытіе коллегіи, перваго высшаго учебнаго заведенія въ русской землѣ, имѣвшаго важное вліяніе на развитіе умственнаго образованія русскаго народа въ грядущія времена [1].

. По восшествіи на престолъ Владислава, началась война съ Московскимъ государствомъ. Казаки участвовали въ ней.

Въ числѣ рыцарей, заслужившихъ тогда похвалу отъ короля, по извѣстію одной малорусской лѣтописи [2], былъ Богданъ Хмельницкій, получившій отъ короля саблю за храбрость: черезъ двадцать-одинъ годъ послѣ того, онъ замѣтилъ, что сабля сія порочитъ Богдана. Но въ то же время, когда одни казаки воевали противъ москвитянъ, другіе ихъ братья отправились на Черное Море. Предводитель этой экспедиціи былъ Сулима. Казаки плавали по Азовскому Морю, воротились въ Черное, разграбили при устьѣ Днѣстра Аккерманъ, Килію и Измаилъ на устьѣ Дуная, грабили, раззоряли села и деревни [3]. Неизвѣстно, это ли событіе вооружило снова турокъ противъ Польши, или же оно не предваряло побѣга турокъ и татаръ на польскія владѣнія, но только во всякомъ случаѣ оно дало имъ поводъ оправдываться въ нарушеніи міра. Польское войско было занято войною въ Московіи; на южныхъ границахъ стоялъ Конецпольскій съ небольшимъ отрядомъ войска: обстоятельство это обѣщало туркамъ большія выгоды. Абазъ-паша, правитель Бессарабіи, родомъ русинъ, ренегатъ, вторгнулся съ татарами въ польскія области; это полчище ограбило и разорило окрестности Каменца и ушло въ Молдавію. Конецпольскій съ кварцянымъ войскомъ, стоявшій близъ Бара, погнался за ними: въ войскѣ его были и казаки, вездѣ поспѣвавшіе воевать. Орда была разсѣяна. Конецпольскій сталъ у Каменца. Въ октябрѣ 1633 года Абазъ-паша аттаковалъ его и, встрѣтивъ мужественное сопротивленіе, ушелъ и началъ возбуждать турецкое правительство къ войнѣ съ Польшею. Между тѣмъ московское правительство искало содѣйствія Турціи противъ Польши [4]. Польскій посолъ Тршебинскій пріѣхалъ для объясненій къ Константинополь и былъ принятъ сухо. Дворъ жаловался на нарушеніе міра, указывая на новые казац-

---

[1] Пам. кіевск. ком. II. 1. 103.
[2] Сказ. о Гетм. укр. до Богд. Хм.
[3] Лѣт. пов. о Мал. Росс. 141.
[4] Pam. do pan. Żygm. III. I. 222.

кіе разбои по морю. Падишахъ требовалъ дани отъ поляковъ. Ничто (говоритъ турецкій историкъ) не могло удержать падишаха отъ предпріятія вести войну. Невѣрнымъ отказали въ мірѣ, и только по великодушію, польскому послу возвратиться въ отечество [1]. Въ Адріанополѣ падишахъ назначилъ уже шегріара (главнокомандующаго) на предстоящую войну. Но войны на этотъ разъ не было.

Поляки поспѣшили помириться съ Московскимъ государствомъ. Поляновскій договоръ прекратилъ войну. Польскіе историки говорятъ, что падишахъ тогда склонился къ миру потому, что не надѣялся болѣе на союзъ съ московскимъ государствомъ [2].

Восточные писатели помѣщаютъ это событіе въ 1633 году и говорятъ, что 28 шевала (13 апрѣля) падишахъ получилъ извѣстіе, что ляхи, занятые войною съ москвитянами, желаютъ отдаться съ покорностію на волю падишаха [3], но это извѣстіе несправедливо, ибо война поляковъ съ москвитянами началась только въ октябрѣ 1633 года. Польскіе историки помѣщаютъ это событіе въ 1634 году. Стоя въ Адріанополѣ, падишахъ, прежде чѣмъ начинать военныя дѣйствія, послалъ Шагинь-агу въ Польшу для объясненій; послѣдній прибылъ въ Варшаву въ іюлѣ 1634 г. [4]. По восточнымъ источникамъ [5] польскій король изъявилъ согласіе быть покорнымъ волѣ падишаха, а польскій историкъ говоритъ, что турецкій посолъ объяснилъ, что нападеніе Абазъ-паши сдѣлано безъ воли падишаха и вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на казацкіе разбои [6]. Положили, что падишахъ накажетъ Абазъ-пашу, а поляки усмирятъ казаковъ; на этихъ условіяхъ заключили мирный договоръ. Со стороны Оттоманской Порты дано обѣщаніе удержать татаръ отъ нападеній на Польшу и наказывать ихъ; польское же правительство обязалось совершенно изгнать казаковъ съ днѣпровскихъ островов [7].

Султанъ, въ знакъ своей справедливости, приказалъ казнить смертью Абазъ-пашу, какъ виновника раздора.

Полякамъ надлежало теперь принять дѣйствительныя мѣры къ прекращенію казацкихъ морскихъ походовъ, для взаимнаго спокойствія какъ Польши, такъ и Турціи. Собственно забота о

---

[1] Collect. 87.
[2] Pam. do pan. Żygm. III. I. 227.
[3] Collect. 193.
[4] Pam. do pan. Żygm. III. I. 227.
[5] Collect. 193.
[6] Pam. do pan. Żygm. III. I. 228.
[7] Collect. 124. 190.

преграждении пути казакамъ изъ Днѣпра въ Черное море падала не на поляковъ, а на турокъ, потому что устьемъ Днѣпра владѣли послѣдніе. Давно уже была построена крѣпость Очаковъ съ сосѣдними укрѣпленіями для того, чтобъ можно было обстрѣливать устье Днѣпра и не допускать казаковъ выходить въ море. Но въ началѣ XVII-го вѣка отъ плохой поддержки эти укрѣпленія разсыпались. Въ 1626 году турецкое правительство занялось возобновленіемъ и поправкою устьднѣпровскихъ укрѣпленій: назначили построить двѣ крѣпости на обѣихъ сторонахъ Днѣпра [1]. По извѣстію Боплана, видѣвшаго это мѣсто въ 1635 году [2], Очаковъ вмѣщалъ въ себѣ до двухъ тысячъ жителей, имѣлъ укрѣпленный замокъ съ якорнымъ мѣстомъ для галеръ, которыя стояли тамъ для укрощенія казаковъ. На югъ отъ Очакова былъ другой замокъ, обстрѣливавшій Днѣпръ, а на другомъ берегу башня, гдѣ турецкая стража давала знать галерамъ о тревогѣ. Наконецъ, для большей безопасности, были протянуты поперегъ Днѣпра цѣпи. Казаки, по выраженію Боплана, смѣялись надъ этими средствами. Составивъ флотилію изъ чаекъ и достигнувъ близости устья, казаки скрывались въ камышахъ, верстахъ въ двадцати (въ трехъ или четырехъ миляхъ) отъ турецкихъ галеръ и дожидались темныхъ ночей предъ новолуніемъ, и тогда прокрадывались посреди турецкихъ галеръ. Иногда они рубили толстыя деревья и пускали съ сучьями по водѣ прямо на цѣпи, протянутыя чрезъ рѣку, а сами кричали; турки, не видя ночью ничего, но замѣчая, что цѣпи трогались, полагали, что это казацкія чайки, наткнулись на цѣпи и палили по нимъ усердно, а тѣмъ временемъ казаки проплыли, извиваясь между шхерами [3]. Ихъ грабежи и раззоренія не обходились даромъ; часто турецкія галеры гнались за ними въ погоню, иногда удавалось казакамъ уклониться отъ опасности и потомъ напасть въ расплохъ и одержать верхъ, но часто они терпѣли пораженія. На возвратномъ пути они умѣли безопасно достигнуть Днѣпра — Словуты, какъ они называли эту рѣку на своемъ поэтическомъ языкѣ. На востокъ отъ Очакова былъ заливъ, близь котораго находилась низкая лощина; казаки входили въ этотъ заливъ, и оттуда по лощинѣ переносили свои суда съ добычею въ Днѣпръ; двѣсти или триста человѣкъ несли каждую чайку [4]. Чтобъ укрощеніе казацкихъ разбоевъ было дѣйствительнѣе, надобно было воспрепятствовать стекаться бѣглецамъ изъ Украины

---

[1] Ibid. 182.
[2] Опис. Укр. Бопл. 9.
[3] Лѣтоп. пов. о Мал. Росс. I. 48.
[4] Опис. Укр. Бопл. 67.

въ Запорожье и для того уничтожить народонаселеніе южноднѣпровскаго края. Это падало на поляковъ.

Съ этою цѣлью коронный гетманъ Конецпольскій въ 1635 г. заложилъ на Днѣпрѣ крѣпость Кодакъ; трудъ этотъ возложенъ на французскаго офицера Левассёра де-Боплана, автора любопытнаго описанія Украины. Мѣсто выбрано было выше пороговъ, ниже Самары и Князева острова [1]. Въ новопостренной крѣпости поставленъ гарнизонъ, подъ начальствомъ француза полковника Маріона [2].

Въ августѣ того же года, изъ морскаго похода возвращался Сулима. Казаки увидѣли небывалый замокъ. Сулима бросился на него въ расплохъ; казаки перебили весь гарнизонъ, не пощадивъ и командира.

Важныя событія готовились въ Украинѣ; имъ предшествовала, по замѣчанію русскаго лѣтописца, большая радуга на западѣ [3].

Онъ не пускалъ казаковъ не только воевать, но даже ловить рыбу и держалъ въ крѣпости человѣкъ двадцать схваченныхъ молодцевъ.

Донесли Конецпольскому о поступкѣ Сулимы. Новое возмущеніе поднималось. Сулима стоялъ гдѣ-то въ окопахъ, вѣроятно, по обычаю всѣхъ возмущавшихся гетмановъ, скликая къ себѣ толпы. Къ нему пришли реэстровые казаки. Ихъ посланецъ явился къ предводителю возстанія. «Ляхи хотятъ насъ всѣхъ истребить. Примите насъ къ себѣ: будемъ защищаться вмѣстѣ», говорилъ онъ. Съ тѣхъ поръ, какъ поляки начали проводить рѣзкую черту между реэстровыми и нереэстровыми, и первыхъ, только въ маломъ числѣ, почитали за законное сословіе, а послѣднихъ за своевольныхъ, между реэстровыми и нереэстровыми возникло недовѣріе. Послѣдніе были изъ простонародія, и самовольство дѣлало ихъ казаками. Реэстровые хотя часто соединялись съ ними, но всегда такое соединеніе навлекало на нихъ неудовольствіе и гоненіе правительства. «Присягните намъ, что у васъ нѣтъ дурнаго умысла», сказали имъ.

Они присягнули. Вооруженная толпа ихъ, многочисленнѣе той, которая была подъ начальствомъ Сулимы, вступила въ окопы [4]. Они были подосланы Конецпольскимъ [5]. Для избѣжанія кровопролитія, хотя бы и безполезнаго для нереэстровыхъ, но всетаки не безвреднаго для реэстровыхъ, реэстровые въ другой

[1] Ibid. 19.
[2] Львск. лѣт. Жур. Мин. Нар. Пр. 1838. Апр.
[3] Сказ. о Гетм. до Богд. Хм.
[4] Львовск. лѣт. Ж. М. Н. Пр. 1838. Апр.
[5] Опис. Укр. Бопл. 20.

разъ поклялись, что старшинамъ не будетъ ничего дурнаго. Но потомъ Сулиму съ пятью старшинами заковали въ цѣпи. Осенью ихъ отправили въ Варшаву на сеймъ. Сеймъ этотъ происходилъ въ ноябрѣ 1635 года. Турецкій и татарскій посланники находились уже въ Варшавѣ и жаловались на казаковъ. «Если хотите мира съ нами (говорили они), скорѣе чините судъ и расправу надъ злодѣями; нынѣшній годъ уже пять разъ ходили на море! Шесть старшинъ были приговорены къ смерти»; львовская лѣтопись говоритъ, что четыремъ отрубили головы [1]. Литовскій канцлеръ Радзивиллъ въ своихъ запискахъ говоритъ [2], что Сулимѣ отрубили голову, потомъ разрубили его тѣло на четыре части и развѣсили на четырехъ концахъ города. Передъ казнію, онъ просилъ похоронить съ нимъ золотой образъ, который папа Павелъ V когда-то прислалъ ему за то, что онъ, разбивши турецкую галеру, послалъ въ даръ папѣ триста плѣнныхъ турокъ. Радзивиллъ говоритъ, что Сулима обратился въ католичество, но это не помогло ему, и онъ долженъ былъ подвергнуться той же участи, какъ и его товарищи, оставшіеся въ православіи.

Реэстровые получили похвалу отъ короля за то, что не пристали къ Сулимѣ и выдали непослушныхъ. Въ видѣ милости положили увеличить казацкое сословіе еще одною тысячью, но за то, кромѣ ихъ, никому не дозволяли именоваться казакомъ, и всѣхъ выписанныхъ изъ реэстровъ и не попавшихъ туда, несмотря на самовольное принятіе на себя казацкаго званія, обязывали повиноваться панамъ, въ имѣніяхъ которыхъ они жили. Тогда паны жестоко наказывали непокорныхъ. Гетманъ Конецпольскій получилъ предписаніе разставить кварцяное войско въ Украинѣ; жолнеры обращались съ народомъ грубо и своевольно. Ми-сь-мо людъ рицерськи — кричали украинцы — тому сь мо не привикли; то намъ не звичай!» Но и реэстровые казаки также не удовольствовались похвалами; имъ не платили жалованья и только водили обѣщаніями, притомъ же ихъ хотѣли держать въ рукахъ. Кварцяное войско, по приказанію короннаго гетмана, заняло Корсунъ, который, по старому обычаю, былъ мѣстомъ для казацкой арматы (артиллеріи). Одинъ изъ начальниковъ польскихъ отрядомъ, сынъ подольскаго воеводы, вошелъ въ Корсунъ и расположилъ свой отрядъ и свою челядь въ домахъ жителей, считавшихъ себя уже издавна казаками, и сверхъ того насильственно овладѣлъ мѣстечками: Бузыномъ, Вороне, Пивами и Лозами, которыми издавна владѣлъ кіевскій Николаевскій мона-

[1] Львск. лѣт. Ж. М. Н. Пр. 1838. Апр.
Опис. Укр. Бопл. 20.

стырь. Это раздражало реэстровыхъ: связь съ выписчиками и вообще съ народомъ не могла быть подавлена сословными интересами до такой степени, чтобъ неудовольствіе народа не находило отголоска въ реэстровыхъ казакахъ.

Въ 1636 г. казаки обратились съ жалобами къ королю; посланниками ихъ были сотники: черкасскій—Барабашъ, и чигиринскій — Зиновій-Богданъ Хмельницкій.

Тогда посредникомъ между казаками и правительствомъ выступилъ Адамъ Кисель, ораторъ за православіе на сеймахъ. Онъ считалъ себя искуснымъ дипломатомъ. Переговариваясь съ казаками, онъ увѣрялъ ихъ въ своемъ расположеніи, назначалъ имъ сроки для уплаты жалованья, а когда эти сроки проходили, назначалъ другіе, между тѣмъ завелъ между ними шпіоновъ, ссорилъ между собою старшинъ, подкупалъ подарками, и, такимъ образомъ, тянулъ время. Простые казаки собирались составить чернецкую (т.-е. изъ черни, безъ старшинъ) раду, а за подобными радами слѣдовали у казаковъ возмущенія. Кисель всѣми мѣрами ихъ удерживалъ отъ этого и водилъ обѣщаніями. Старшимъ, какъ титуловали его поляки, или гетманомъ, какъ величали его сами казаки, былъ у нихъ тогда Василь Томиленко, патріотъ, прямодушный простакъ, управляемый лукавымъ писаремъ своимъ Онушкевичемъ, угодникомъ Киселя и пановъ. Дождавшись до праздника св. Иліи срока, указаннаго Киселемъ для уплаты казакамъ жалованья, и не получивши этого жалованья, казаки не рѣшались собирать, какъ грозили, чернецкой рады, въ которой могли участвовать уже и не казаки, а неопредѣленное число посполыства. Они принудили своего старшаго созвать на рѣкѣ Русавѣ вальную (генеральную) раду, въ которой, при старшинахъ, участвовали всѣ простые реэстровые казаки. Кисель, узнавши объ этомъ, отправился туда самъ.

То было въ первыхъ числахъ августа 1636 года.

«Намъ обѣщали деньги въ маѣ» — говорили казаки — «а не доставляютъ и въ августѣ; мы много потерпѣли, оставаясь безъ денегъ; на море намъ ходить не позволяютъ, а мы оттуда получали себѣ пропитаніе; мы и братьевъ своихъ воевали и непокорныхъ выдали подъ мечъ его величества, и за то теперь отъ урядовъ и подстаростъ переносимъ утѣсненія и оскорбленія; и денегъ намъ не даютъ». Старшины безуспѣшно пытались усмирить волненіе. Одни кричали: идемъ на Запорожье, а оттуда на море! Другіе кричали: идемъ на города, на уряды (власти), которые насъ обижаютъ! Вырвали изъ рукъ у Томиленка камышину и хоругвь и кричали: собирать чернецкую раду! Но этотъ шумъ произвели выписчики, которые затесались

на раду; реэстровые были умѣреннѣе и, послѣ нѣсколькихъ часовъ шума, Киселю удалось уговорить ихъ подождать до праздника Рождества Богородицы.

«Будемъ еще ждать — сказали наконецъ реэстровые — да только, если намъ не заплатятъ и тогда нашего жалованья, и не удовлетворятъ за тѣ обиды, которыя намъ дѣлали уряды, такъ мы заберемъ армату и уйдемъ на Запорожье».

Послѣ того прошелъ еще мѣсяцъ. Денегъ не было. «Съ казаками — писалъ тогда Кисель къ коронному гетману — могутъ удаться три способа: они уважаютъ духовныхъ греческой религіи и любятъ богослуженіе, хотя сами больше походятъ на татаръ, чѣмъ на христіанъ; вовторыхъ, на нихъ дѣйствуетъ страхъ королевскаго имени, а втретьихъ, они любятъ взять тамъ, гдѣ можно достать. Сообразно этому, я употребилъ съ ними три способа». Кисель обдаривалъ старшинъ и наобѣщалъ ихъ потомству разныхъ благъ и правъ, потомъ убѣдилъ митрополита послать къ казакамъ двухъ игуменовъ, и тѣ уговаривали лыцарей именемъ православной вѣры не подниматься изъза корысти на Рѣчь Посполитую и не навлекать бѣды на церковь, мать свою. Наконецъ, Кисель составилъ фальшивое письмо отъ короля къ себѣ и послалъ его Томиленку, показывая видъ, что дѣлаетъ это не по обязанности, а изъ расположенія къ казацкой старшинѣ. Въ этомъ письмѣ отъ лица короля высказывались укоры казакамъ за то, что они, не довѣряя королевскому обѣщанію, собирались устроивать чернецкую раду и бѣжать на Запорожье; слѣдовали затѣмъ увѣренія въ непремѣнной присылкѣ денегъ, а потомъ угрозы въ случаѣ непокорства и непослушанія. Посылая копію съ такого письма, Кисель совѣтовалъ казакамъ отправить депутатовъ на предстоящій сеймъ и просить огражденія отъ обидъ, сохраненія своихъ правъ и исправной уплаты жалованья.

Но эти уловки не предупредили волненія. Осенью, не дождавшись жалованья, чигиринскій полкъ взбунтовался и выступилъ къ Крылову; прочіе полки еще колебались. Но изо всѣхъ полковъ собирались охотники идти на Запорожье, съ тѣмъ, чтобы оттуда выплыть на море; выписчики толпами приставали къ реэстровымъ и сообщали имъ мятежный духъ. Казаки снова установились въ Корсунѣ, когда имъ было это запрещено, и армата перенесена была въ Черкасы по приказанію короннаго гетмана, потомъ захватили четыре кіевскихъ пушки, взяли свою армату изъ Черкасъ и перевезли въ Крыловъ.

Но морской походъ въ этомъ году не состоялся: ограничились выходомъ нѣсколькихъ чаекъ. Наступила осень; время было не-

удобное для плаванія по Черному морю. Притомъ же казакамъ предстояла надежда воевать и съ дозволенія правительства. Крымскій ханъ воевалъ съ буджацкими татарами, которые, находясь подъ начальствомъ мурзъ Кантемировъ, не повиновались хану, и въ то же время были врагами Польши, безпрестанно дѣлая нападенія на польскія области. По этому поводу, крымскій ханъ вошелъ съ Польшею въ дружескія сношенія и правительство дозволяло казакамъ подать ему помощь. Посланникъ Рѣчи Посполитой Дзершекъ повезъ хану обычные upоминки и на дорогѣ прибылъ къ казакамъ, которымъ было приказано проводить его. Сначала его приняли не слишкомъ доброжелательно. «Не годится — говорилъ ему Томиленко — чтобъ ваша милость везъ упоминки хану, когда еще не уплачено жалованье казакамъ: для хана у васъ деньги есть, а для казаковъ ихъ нѣтъ!» Однако, Дзершекъ былъ отпущенъ, когда казакамъ блеснула надежда на войну; толпа удальцовъ отправилась помогать хану: то были все выписчики и запорожцы. Ими предводительствовалъ Карпъ Павловичъ Гудзанъ, носившій у казаковъ прозвище Павлюкъ и подъ этимъ прозвищемъ извѣстный въ исторіи. Одна малорусская лѣтопись говоритъ, что его звали также Павлюкъ Баюнъ, и Полурусъ, потому что онъ былъ крещеный турокъ. По извѣстію современнаго стихотворца-историка, этотъ удалой казакъ служилъ уже прежде у крымскаго хана и помогалъ ему противъ донскихъ казаковъ при взятіи Азова. Онъ былъ участникомъ Сулимы и, по просьбѣ канцлера, избавился отъ казни. Съ этимъ предводителемъ отправились къ хану подобные ему удальцы. Но были и такіе, которые въ то время пошли на войну съ цѣлію не помогать хану, а разорять его подданныхъ, пользуясь тѣмъ, что изъ Крыма вышла съ ханомъ военная сила.

Эти обстоятельства удержали казаковъ и отъ похода на море и отъ возстанія на нѣкоторое время. Старшины уговорили тѣхъ, которые были посмирнѣе и оставались дома, подождать, и отправили на сеймъ просьбу, чрезъ тѣхъ же сотниковъ, какъ и прежде: черкасскаго Ивана Барабаша и чигиринскаго—Зиновія-Богдана Хмельницкаго.

Требованія ихъ въ этой просьбѣ были умѣренны и касались болѣе одного реэстроваго сословія. Покоряясь постановленіямъ кураковской коммисіи, хотя всегда несносной для казаковъ, лыцари просили только, чтобъ имъ отдали задержанное по ихъ разсчету за четыре года жалованье, чтобъ коммисія, которая пріѣдетъ для пересмотра реэстра, вписывала, на мѣсто убылыхъ товарищей, другихъ по желанію казаковъ, чтобъ армата

ихъ содержалась на казенный счетъ и имъ вольно было посылать на селитренные заводы за порохомъ и въ рудокопни за желѣзомъ для починки орудій. О своихъ утѣсненіяхъ отъ пановъ они писали такъ: «не довольно того, что выгоняютъ насъ изъ шляхетскихъ имѣній, не допускаютъ насъ жительствовать и въ имѣніяхъ вашего величества, и Богъ вѣдаетъ, сколько уже казаковъ ушло съ женами и дѣтьми въ Бѣлгородъ и поселилось въ московской землѣ. Прогоняютъ съ безчестіемъ пословъ нашихъ; не оказываютъ намъ правосудія, не дозволяютъ имѣть усадебъ и жилищъ въ городахъ, не позволяютъ продавать и покупать горилки, пива и меда, даже на свадьбы и крестины нельзя намъ приготовлять напитковъ, да притомъ еще паны старосты между собою ссорятся, другъ на друга наѣзжаютъ, а намъ, казакамъ, достается: насъ бьютъ; дворы, оставшіеся послѣ казаковъ, умершихъ на службѣ его величества, хотя и должны были оставаться съ казацкими правами, но свидѣтель панъ подкоморій Черниговскій, что какъ только не станетъ на свѣтѣ какого-нибудь товарища, такъ тотчасъ старосты и подстаросты ограбятъ его имущество, а вдову выгонятъ изъ дома, и стариковъ, которые уже, по дряхлости, негодны къ службѣ, не уважаютъ, грабятъ и обижаютъ».

На такую просьбу казаки получили очень непріятный отвѣтъ. Считая слѣдуемое казакамъ жалованье только за три года, а не за четыре, имъ, отъ имени короля, отказывали въ позволеніи брать съ заводовъ запасы для артиллеріи, въ правѣ покупать мѣста въ городахъ для поселенія и, ради сохраненія выгодъ владѣльцевъ, въ правѣ приготовлять себѣ напитки, объявляли, что въ казацкіе реэстры на будущее время будутъ записываться только тѣ, которые будутъ угодны старостамъ, по представленію послѣднихъ, а не по желанію самихъ казаковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, объявлялся казакамъ выговоръ за самовольное вторженіе въ Корсунъ, за неудовольствія, распространившіяся въ войскѣ, и строго подтверждалось, чтобъ ни одна чайка не осмѣливалась появляться на морѣ, а всѣ, невошедшіе въ реэстръ, должны служить панамъ безпрекословно.

Въ апрѣлѣ 1637 года прибыли къ казакамъ коммисары Станиславъ Потоцкій и Адамъ Кисель вмѣстѣ съ скарбовымъ писаремъ, который привезъ жалованье казацкому войску. Когда собрали раду, то сразу увидали, что на нее собралось, вмѣсто того числа, въ какомъ должны были состоять реэстровые, болѣе десяти тысячъ человѣкъ. Замѣтили, сверхъ того, что деньги не успокоятъ казаковъ, что ихъ просьбы о жалованьѣ болѣе предлогъ къ неудовольствіямъ, имѣющимъ другіе источники.

Надобно было исключить лишнихъ—сдѣлать *выпись*, но коммисары не рѣшились приступить къ этому, боясь, чтобъ тотчасъ не сдѣлалось открытаго бунта. Произвели только *пописъ*, то-есть записку въ реэстръ семи тысячъ человѣкъ; это продолжалось нѣсколько дней сряду. Наконецъ, третьяго мая снова собрали всѣ полки на вальную раду. Казаки подняли шумъ, требовали возвратить имъ Корсунъ для арматы, не хотѣли отдавать назадъ четырехъ захваченныхъ ими кіевскихъ пушекъ. Коммисары не въ силахъ были ихъ успокоить, и только дали имъ совѣтъ обратиться снова къ королю съ просьбою объ этомъ, а сами отговаривались тѣмъ, что должны исполнять данную имъ инструкцію. Наконецъ, велѣно было казакамъ присягнуть. «Зачѣмъ насъ заставляютъ присягать — закричали казаки — мы уже прежде присягали и сохранѣемъ присягу».

Тутъ Потоцкій обратился къ нимъ съ такою энергическою рѣчью:

«Напрасно волнуетесь, паны молодцы; еслибы пришлось Рѣчи Посполитой извлечь мечъ противъ васъ, она извлечетъ его и изгладитъ самое имя ваше. Пусть на этихъ мѣстахъ обитаютъ дикіе звѣри въ пустыняхъ вмѣсто мятежнаго народа. Вы уйдете на Запорожье. Что же изъ этого? Женъ и дѣтей своихъ оставите здѣсь; стало быть нужно будетъ воротиться, и тогда придется подклонить головы подъ мечъ Рѣчи Посполитой. Если же вы стращаете насъ, что уйдете куда-нибудь подалѣе — на Донъ, напримѣръ, такъ это неправда. Днѣпръ—ваше отечество. Другаго Днѣпра нѣтъ на свѣтѣ. Дона нельзя сравнить съ Днѣпромъ. Тамъ неволя, здѣсь — свобода. Какъ рыбѣ нельзя жить безъ воды, такъ казаку безъ Днѣпра, — чей Днѣпръ, того и казаки! Теперь, прощайте, мы ѣдемъ къ его величеству и скажемъ, что вы бунтуете».

Нѣкоторые изъ казаковъ расчувствовались такъ, что прослезились. Томиленко положилъ свою булаву и камышину и сказалъ:

«Челомъ бью всему войскому запорожскому. Возвращаю урядъ свой».

Съ этими словами онъ удалился изъ рады.

Казаки стояли въ недоумѣніи, и не знали что̀ имъ дѣлать: выбирать ли новаго старшаго, или просить прежняго принять снова свое достоинство. Сторона Томиленки одержала верхъ. Казаки позвали своего гетмана и убѣждали его не покидать уряда. «Не хотимъ измѣнять его величеству и Рѣчи Посполитой», сказали они: — «но пусть прежде панъ коронный гетманъ присягнетъ».

«Панъ коронный гетманъ прежде васъ не будетъ присягать», отвѣчали коммисары.

Смятеніе продолжалось до вечера; наконецъ, казаки присягнули, поднявши пальцы вверху, на основаніи кураковскаго договора. Какого-то Грибовскаго, который кричалъ отважнѣе всѣхъ, Томиленко приказалъ приковать къ пушкѣ. Онъ потомъ убѣжалъ изъ войска и скрылся на Запорожьѣ.

Послѣ этой рады, Кисель писалъ къ коронному гетману, что для того, чтобы держать казаковъ въ послушаніи — лучшее средство имѣть въ казацкомъ войскѣ шпіоновъ, и зная все, что̀ у нихъ дѣлается, подкупать, при надобности, старшинъ, но постоянно ссорить ихъ между собою, чтобъ не допустить между казаками единства и согласія. Черезъ нѣсколько недѣль оказалось, что мѣры эти не всегда бываютъ дѣйствительными.

Павлюкъ воротился съ войны, въ которой, по его выраженію, казаки съ малыми силами побѣдили и въ прахъ обратили многочисленнаго непріятеля. Услыхавши, что̀ творится на Украинѣ, онъ, съ толпой удалыхъ, налетѣлъ на Черкасы, забралъ тамъ орудія и увезъ на Запорожье. «Тутъ имъ слѣдуетъ быть!» сказалъ онъ.

Томиленко оставался въ нерѣшимости. Душою онъ былъ привerженъ къ казацкой свободѣ и склоненъ былъ пристать къ Павлюку; но какъ человѣкъ старый, не видѣлъ и не надѣялся успѣха: реэстровые казаки смотрѣли на возстаніе двусмысленно; только самые отважные и молодые не скрывали сочувствія къ поступку выписчиковъ. Томиленко извѣстилъ короннаго гетмана о поступкѣ Павлюка и счелъ приличнымъ въ своемъ донесеніи отозваться съ огорченіемъ о панѣ канцлерѣ, по милости котораго Павлюкъ остался въ живыхъ. Томиленко не скрывалъ, что съ реэстровымъ войскомъ легко было отбить армату у Павлюка, который налетѣлъ на нее съ двухсотеннымъ отрядомъ, но извинялся тѣмъ, что слушался приказаній коронаго гетмана, запретившаго казакамъ ссориться между собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Томиленко отправилъ къ Павлюку двухъ казаковъ съ совѣтомъ покориться и возвратить взятыя орудія.

16-го іюня Павлюкъ отвѣчалъ Томиленку изъ Микулина Рога, гдѣ находилась тогда Запорожская Сичъ; онъ писалъ, что казаковъ огорчило безчестіе, нанесенное казацкой арматѣ, и казаки, по милости Божіей, не сдѣлавъ никому оскорбленія, перенесли ее на приличное для ней мѣсто, въ Запорожье, гдѣ предки ихъ прославились своими подвигами; притомъ же пребываніе арматы въ волостяхъ требуетъ ея содержанія, которое падаетъ на бѣдныхъ жителей, и безъ того уже отягощенныхъ постоемъ квар-

цянаго войска, вопреки кураковской коммисіи, потому что жолнерамъ не слѣдуетъ занимать квартиръ далѣе Бѣлой Церкви. «Сознайтесь, писалъ Павлюкъ, когда армата наша стояла въ волостяхъ, то и выписы были часты, изъ шляхетскихъ имѣній выгоняли или подчиняли панской юрисдикціи нашихъ товарищей и вдовъ казацкихъ, а чуть какой-нибудь казацкій товарищъ провинится, паны уряды клевещутъ на цѣлое войско передъ коронныиъ гетманомъ, а коронный гетманъ передъ его величествомъ». Павлюкъ отказывался возвратить орудія, выражаясь, что мертваго изъ могилы назадъ не носятъ, и приглашалъ, напротивъ, всѣхъ реэстровыхъ прибыть къ нимъ съ остальными орудіями. «Но сохрани васъ Боже, прибавлялъ Павлюкъ, если вы захотите быть нашими врагами и, вмѣстѣ съ жолнерами, поднимете руки на женъ и дѣтей нашихъ и на наши имущества: ваши жены, дѣти и имущества достанутся намъ въ руки, прежде, чѣмъ наши вамъ: но мы этого вовсе не хотимъ; у насъ и у васъ одна родная земля, и лучше намъ жить заодно въ братствѣ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Павлюкъ разослалъ по Украинѣ универсалъ, которымъ призывалъ весь народъ въ казачество. «Всякъ, кто пожелаетъ быть казакомъ, — было сказано въ немъ — не долженъ быть принужденъ къ подданству панамъ». Подобныя приглашенія были какъ нельзя болѣе по сердцу русскому народу въ Украинѣ; многіе, услышавъ ихъ, тотчасъ бѣжали въ Запорожье. Томиленко продолжалъ оставаться въ нерѣшимости, не отправлялъ назадъ павлюковыхъ посланцевъ, присланныхъ къ нему съ письмомъ, и сообщилъ коронному гетману объ универсалѣ, которымъ Павлюкъ бунтуетъ народъ. 9-го іюля Павлюкъ написалъ Томиленку другое письмо, требовалъ возвращенія своихъ посланцевъ, по прежнему убѣждалъ реэстровыхъ соединиться съ выписчиками въ одно тѣло, такъ чтобъ столицею казачества была Сичъ: тамъ бы находилась казацкая армата, тамъ бы жили старшины, а казаки могутъ проживать гдѣ кому угодно— въ Сичѣ ли, или въ Украинѣ,—въ селахъ и хуторахъ, съ своими семьями занимаясь хозяйствомъ. Во всякомъ случаѣ — пойдутъ ли къ нему реэстровые или нѣтъ, Павлюкъ просилъ дать ему извѣстіе, когда кварцяные жолнеры двинутся на него съ оружіемъ.

Сочувствіе къ Павлюку и его выписчикамъ возрастало между реэстровыми. Томиленко все еще не смѣлъ раздѣлять его явно, но и не противодѣйствовалъ ему. Тогда угодники панской власти, вѣроятно, дѣйствуя по наущенію Киселя, старавшагося, по собственному его признанію, производить между казаками раз-

доры, подобрали кружокъ казаковъ, собрали раду на рѣкѣ Русавѣ и потребовали къ себѣ Томиленка. Тамъ низложили его съ достоинства и дали старшинство переяславскому полковнику Саввѣ Кононовичу, родомъ великоруссу, преданному панскимъ видамъ. Вмѣстѣ съ Томиленкомъ отрѣшили ненадежныхъ старшинъ и замѣстили ихъ другими лицами, настроенными и подкупленными заранѣе. Писарь Онушкевичъ, должно быть заправлявшій этогою интригою, остался въ своемъ званіи при новомъ старшомъ. Окончивъ свое дѣло, послали къ коронному гетману утвержденія новоизбраннаго казацкаго начальника.

Конецпольскій утвердилъ его, но утвержденіе не застало въ живыхъ Савву Кононовича.

Вѣсть о переворотѣ передана была въ Сичу скорѣе, чѣмъ коронному гетману.

Павлюкъ, услышавъ, что Томиленка замѣнилъ Кононовичъ, немедленно вышелъ съ своими выписчиками, сталъ кошемъ у Крылова и отправилъ въ Переяславль отрядъ, по извѣстію одного современнаго дневника польскаго, подъ начальствомъ чигиринскаго полковника Карпа Скидана и Семена Быховца.

Посланный отрядъ переправился черезъ Днѣпръ, ночью ворвался въ Переяславль внезапно, когда тамъ никому не снилось о такомъ посѣщеніи. Схватили Савву Кононовича, писаря Хведора Онушкевича и новопоставленныхъ старшинъ, заковали и повезли за Днѣпръ; все это сдѣлано было съ такою быстротою, что переяславскіе казаки не спохватились отстаивать свое наначальство. Въ Крыловѣ, на радѣ, поставили узниковъ посреди майдана, по казацкому обычаю, выговорили имъ преступленія ихъ противъ войска, измѣну казацкому дѣлу и казнили. Кононовича и Онушкевича разстрѣляли; другихъ предали смерти инымъ способомъ.

По всему видно, къ этому событію относится народная пѣсня о Савѣ Чаломъ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ украинской поэзіи; это можно предполагать въ особенности по тѣмъ варіантамъ, въ которыхъ измѣнника Саву не убиваютъ, какъ въ другихъ варіантахъ, казаки тотчасъ же въ его собственномъ домѣ, а везутъ въ кандалахъ и предаютъ смерти на казацкой радѣ.

Та же рада, которая, состоя изъ выписчиковъ, судила Савву Кононовича и другихъ старшинъ реэстроваго казацкаго войска, провозгласила казацкимъ гетманомъ Карпа Павловича Гудзана или Павлюка. Томиленко, добровольно уступая ему старшинство, остался его товарищемъ и другомъ.

Но въ ту же ночь, когда выписчики такъ ловко схватили

Савву съ нѣкоторыми единомышленниками, другіе изъ послѣднихъ успѣли убѣжать: главнымъ изъ ускользнувшихъ былъ реэстровый товарищъ Ильяшъ Караимовичъ, родомъ армянинъ, какъ говоритъ о немъ украинская лѣтопись, а можетъ быть еврей караимъ, какъ можно судить по его прозвищу. Онъ такъ былъ ловокъ и счастливъ, что не только спасся самъ, но еще схватилъ и увезъ съ собою двухъ казаковъ изъ отряда, приходившаго въ Переяславль за Саввою—Смольчугу и Ганжу, и доставилъ ихъ коронному гетману. Тамъ, подъ пыткою, эти два плѣнника сообщили полякамъ подробное извѣстіе о томъ, что̀ затѣвали мятежники. Своевольно составленныя шайки—показывали они—будутъ нападать на домы шляхетскихъ особъ и казаковъ, преданныхъ Рѣчи Посполитой; уже нѣкоторыхъ владѣльцевъ ограбили; уже нѣкоторые бѣжали изъ своихъ имѣній. Будутъ жечь костёлы и убивать католическихъ духовныхъ, искоренять унію, думаютъ соединиться противъ поляковъ съ донскими казаками, наконецъ, думаютъ отдаться московскому царю и признать его государемъ надъ всею Украиною. Другіе удальцы бѣгутъ въ Запорожье и тамъ строятъ чайки, чтобъ выходить на море. Такія недобрыя вѣсти принесли Конецпольскому плѣнные казаки Смольчуга и Ганжа.

Стоя тогда въ Барѣ, Конецпольскій задумалъ прежде заманить къ себѣ Павлюка съ товарищами хитростію, и послалъ къ нему двухъ ротмистровъ, Комаровскаго и Сокола: чрезъ нихъ онъ извѣщалъ Павлюка, что Рѣчь Посполитая ожидаетъ войны съ Турціею, приглашалъ, по этому поводу, явиться къ нему въ войско и вмѣстѣ съ тѣмъ отпустить схваченныхъ, какъ онъ узналъ, въ Переяславлѣ старшинъ.

Обращаясь такъ снисходительно съ мятежниками, Конецпольскій 3-го сентября издалъ универсалъ ко всѣмъ старостамъ, подстаростамъ, державцамъ, намѣстникамъ владѣльцевъ и вообще ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ (урядамъ) въ Украинѣ, и въ этомъ универсалѣ говорилось такъ: «Всѣхъ тѣхъ, которые пристали къ мятежникамъ и не воротятся на свои мѣста жительства, не считая казаками, присылайте ко мнѣ, а если ихъ нельзя будетъ поймать, то карайте ихъ женъ и дѣтей, истребляйте ихъ жилища: пусть лучше крапива растетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они живутъ, чѣмъ будутъ распложаться измѣнники короля и Рѣчи Посполитой».

Павлюкъ, оставаясь съ своимъ войскомъ подъ Крыловымъ, 21-го сентября послалъ Конецпольскому два отвѣта: одинъ былъ отъ него, другой отъ писаря войсковаго Стефана Домарадскаго.

Павлюкъ представлялъ совершенное имъ дѣло въ такомъ видѣ: Нѣсколько десятковъ человѣкъ, безъ вѣдома и согласія всего войска, составили раду на рѣкѣ Русавѣ и низложили со старѣйшинства заслуженнаго и почтеннаго Василія Томиленка, отставили достойныхъ и почтенныхъ старшинъ и полковниковъ, дали начальство человѣку недостойному и неспособному и чужеземцу москвитину Саввѣ, выбрали такихъ-же какъ онъ старшинъ. Савва самовольно забралъ пушки, принадлежавшія Трехтемировскому монастырю, и слѣдовательно, посягнулъ на церковное достояніе, называлъ запорожцевъ и выписчиковъ измѣнниками, грозилъ идти на нихъ съ своими единомышленниками и искоренить ихъ, дѣлалъ народу разныя оскорбленія. Это побудило насъ къ тому, что мы послали схватить Савву съ его единомышленниками, судили и казнили по своему обычному войсковому праву. — «Мы бы рады были — писалъ писарь — по требованію вашей милости выпустить Савву, только это трудно: онъ убитъ; невозможно было удержать войска». Павлюкъ увѣрялъ короннаго гетмана, что выписчики взяли пушки и завезли на Запорожье въ тѣхъ видахъ, чтобы, сообразно желанію правительства, не пропускать своевольныхъ людей на Черное море, изъявлялъ свою готовность служить королю и Рѣчи Посполитой, порицалъ прежнихъ гетмановъ, допускавшихъ татаръ причинять въ Украинѣ опустошенія, и въ доказательство своей бдительности и способности охранять край, прислалъ нѣсколько плѣнныхъ татаръ, взятыхъ недавно при погромѣ своевольнаго татарскаго загона, появившагося въ украинскихъ предѣлахъ. Что касается до требованія короннаго гетмана явиться къ нему, подъ предлогомъ ожидаемой войны, то Павлюкъ на это отвѣчалъ, что пусть прежде коронный гетманъ пришлетъ ему отъ имени короля знаки — хоругвь, булаву, бунчукъ, бубны, ссылаясь на старинный обычай, по которому польскіе короли всегда такъ поступали съ казаками, когда призывали ихъ на войну. Иными словами — это значило, чтобы польское правительство утвердило Павлюка въ званіи казацкаго гетмана и вмѣстѣ съ тѣмъ признало бы казаками всю толпу бѣглыхъ хлоповъ, стекавшихся къ нему въ неопредѣленномъ числѣ, а слѣдовательно тѣмъ не только уничтожалась кураковская коммисія, которою поляки такъ дорожили, но совершенно подрывались бы права старостъ и дѣдичныхъ пановъ въ Украинѣ, ибо каждый подданный могъ тогда самовольно назваться казакомъ и панъ терялъ право и надъ его личностію и надъ его имуществомъ и наконецъ надъ своею землею, которая составляла грунтъ, данный непокорному хлопу: по тогдашнему народному понятію

тотъ участокъ земли, на которомъ сидитъ и который обрабатываетъ земледѣлецъ, былъ его достояніемъ во всякомъ случаѣ. Вдобавокъ, въ письмѣ писаря требовалось возвращеніе свободы Смольчугѣ и Ганжѣ, какъ невиннымъ людямъ.

Конецпольскій отвѣчалъ казакамъ, что, требуя себѣ знаковъ, подобно тому, какъ нѣкогда получали короли съ казаками, они нарушаютъ обязанность подданныхъ и осмѣливаются предписывать законы своему государю; коронный гетманъ повелѣвалъ собственно казакамъ быть послушными не тому старшому, кого они сами выберутъ, а тому, кого имъ дадутъ, и пребывать въ границахъ повиновенія, указанныхъ кураковскимъ договоромъ. Онъ оправдывалъ Савву Кононовича и его товарищей и выражался такъ: «невинная кровь вашихъ товарищей и старшинъ вопіетъ объ отмщеніи и повергнетъ васъ въ гибель. Долго Рѣчь Посполитая смотрѣла сквозь пальцы на ваши своевольства, но болѣе не станетъ ихъ сносить; она и сильнымъ монархамъ давала отпоръ и чужеземныхъ народовъ подчиняла своей власти. Поэтому если вы не останетесь въ послушаніи королю и Рѣчи Посполитой, сообразно кураковскому договору, то знайте, что Рѣчь Посполитая рѣшилась не только превратить ваши своевольства, но истребить навсегда имя казацкое».

Послѣ такого отвѣта Павлюку не оставалось ничего, какъ вступить въ открытую вражду съ поляками. Оставаться въ предѣлахъ кураковскаго договора значило оставить народъ, стекавшійся къ нему, на произволъ панству; по кураковскому договору, казацкое званіе принадлежало однимъ реэстровымъ, а реэстровые набирались по рекомендаціи старостъ и подстаростъ и недавно были приведены въ опредѣленный комплектъ, слѣдовательно, выписчикамъ, изъ которыхъ состояло павлюково войско, не было уже мѣста. Павлюкъ и его товарищи не только не могли оставаться при тѣхъ должностяхъ, которыя себѣ они присвоили, но еще должны были ожидать наказанія отъ польской власти за убійство Саввы, которое отнюдь не оправдывалось короннымъ гетманомъ, какъ того домогался-было Павлюкъ. Въ этихъ видахъ Павлюкъ издалъ универсалъ, призывающій всю Украину къ вооруженію.

Универсалъ этотъ во многихъ копіяхъ былъ разосланъ въ города, мѣстечки, села: казакамъ, посланнымъ съ нимъ, велѣно спѣшить день и ночь.

Содержаніе универсала было таково:

«Карпъ Павлồвичъ Гудзанъ, полковникъ войска его королевскаго величества, старшồй на всей Украинѣ и на Заднѣпріи. Панамъ атаманамъ городовымъ и всему товариществу нашему,

жительствующему какъ въ городахъ его королевскаго величества такъ и въ княжескихъ, шляхетскихъ и всему вообще посполитому народу рода христіанскаго, жительствующему въ Украинѣ, на Заднѣпріи и во всей Сиверщинѣ: желаемъ отъ Бога добраго здоровья и во всемъ счастливаго благополучія. Дошло до насъ вѣрное извѣстіе, что непріятели нашего христіанскаго народа русскаго и нашей древней греческой вѣры, ляхи, задумавши зло и забывши страхъ Божій, идутъ въ Украину и за Днѣпръ и хотятъ какъ войско его королевскаго величества, такъ и подданныхъ королевскихъ, княжескихъ и панскихъ обратить въ ничто, пролить кровь христіанскую, учинить поруганіе надъ женами и дѣтьми нашими и окончательно насъ поработить; поэтому именемъ моимъ и старшинства моего и именемъ всего войска запорожскаго повелѣваемъ вамъ и убѣждаемъ васъ, чтобы вы всѣ единодушно, отъ мала до велика, кто только называетъ себя товарищемъ и хранитъ святую благочестивую истинную вѣру, покинувши всѣ свои занятія, и немедленно собирались ко мнѣ. Поручаю васъ Богу. Изъ Лубны. 11-го октября 1637 года».

Это воззваніе нашло себѣ въ то время особенно воспріимчивую почву. Кромѣ того, что южнорусскій народъ всегда радъ былъ возможности подняться на пановъ,—въ этотъ годъ былъ неурожай и вслѣдствіе его настала дороговизна; бѣдняки голодали; священники, по причинѣ дороговизны хлѣба, разрѣшали въ постъ ѣсть мясо, а голодъ, какъ извѣстно, всегда наилучшій товарищъ народнымъ мятежамъ. На призывъ Павлюка прежде всего и охотнѣе всѣхъ отозвались на лѣвой сторонѣ Днѣпра такъ-называемыя новыя слободы, населенныя бѣглецами съ правой стороны; они искали тамъ избавленія отъ панской юрисдикціи и отъ панщины, но не могли найти этого на долгое время нигдѣ, куда только досягалъ строй Рѣчи Посполитой. Эти слободы расположены были вдоль Днѣпра до Кременчуга и ниже; изъ оныхъ поселеній жители первые стали прибѣгать къ Павлюку. Вслѣдъ затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ стали собираться шайки; закричали: на свободу, на свободу! — говоритъ современникъ, — зашумѣла въ кабакахъ горилка, одни спѣшили къ Павлюку и Скидану, другіе стали расправляться. съ шляхтою и съ жидами. Нападетъ такая шайка на панскій дворъ, ограбятъ державцовъ или ихъ намѣстниковъ, отнимаютъ у нихъ камышины, знаки власти, даютъ имъ въ руки въ насмѣшку кіи и приказываютъ доставлять себѣ одежду, лошадей, запасы, порохъ, оружіе. Владѣльцы получали отъ полковника Скидана увѣщанія не препятствовать своимъ подданнымъ идти въ казаки. Въ имѣніяхъ Киселя образовалась

сильная шайка подъ начальствомъ Мурки и Носка̀. Кисель убѣжалъ. Сосѣди его бѣжали.

Самъ Павлюкъ, по написаніи универсала, отправился въ Сичъ, а въ Украинѣ остался Скиданъ, избранный въ достоинство чигиринскаго полковника на радѣ, избравшей Павлюка старшимъ.

Съ своей стороны Конецпольскій, услышавъ о смятеніи, приказалъ польному гетману Николаю Потоцкому стянуть войско, разставленное по квартирамъ на правой сторонѣ Днѣпра. Потоцкій приказалъ отрядамъ собираться въ Паволочь, куда прибылъ и самъ. Но пока войско собралось, наступилъ ноябрь. Прошелъ срокъ платежа жалованья. Жолнеры стали требовать уплаты, иначе отказывались отъ службы и грозили составлять конфедераціи. Кромѣ жалованья, ихъ волновала еще и другая причина: многихъ изъ нихъ, за своевольства и безчинства, требовали къ суду; придираясь къ жалованью, они хотѣли, чтобы за то, что они согласятся ждать, имъ дали экземпты, т.-е. изъятія отъ суда. Вѣсть о такомъ безпорядкѣ въ польскомъ войскѣ придала бодрости русскимъ. Скиданъ, называя себя опекуномъ всей Украины, продолжалъ разсылать во всѣ стороны универсалъ за универсаломъ — и къ народу, и къ реэстровымъ казакамъ, призывалъ всѣхъ, кто только хочетъ быть товарищемъ, спѣшить какъ возможно скорѣе и на конѣ и пѣшкомъ добывать правъ и свободы противъ *душмановъ* ляховъ, враговъ вѣры. Въ Нѣжинѣ, староствѣ Потоцкаго, русскіе, составлявшіе городскую стражу, отказали старостѣ въ повиновеніи, покидали свои знамена, привлекли къ себѣ толпу сосѣднихъ хлоповъ и ушли къ Скидану. Возстаніе охватило Вишневеччину—средину тогдашней лѣвобережной Украины, названной такъ отъ находившихся тамъ имѣній, принадлежавшихъ князьямъ Вишневецкимъ. Въ Полтавѣ организовался отрядъ подъ предводительствомъ Остранина, подобный отрядъ шелъ къ Скидану изъ Гадяча. На правой сторонѣ Днѣпра полки чигиринскій, а на лѣвой переяславскій первые изъ реэстровыхъ перешли на сторону возстанія. Остальные еще колебались: Скиданъ грозилъ имъ смертію, если они не пристанутъ къ нему. Народное негодованіе уже постигало всякаго, кто не сочувствуетъ общему дѣлу. Но съ другой стороны близость польскаго войска держала въ страхѣ правобережную Украину: 26-го ноября Потоцкій издалъ къ реэстровымъ универсалъ, приказывалъ ловить мятежниковъ и самимъ присоединяться къ войску! «Если же будетъ иначе—кончалъ онъ свой универсалъ— то знайте, что ваши жены и дѣти погибнутъ и вы сами падете подъ мечами войска его королевскаго величества». Когда польское войско собралось въ Паволочи, корсунскій полкъ,

устрашенный угрозами Потоцкаго, прислалъ изъявленіе покорности и готовности бить мятежниковъ; но потомъ, когда услыхали казаки, что въ польскомъ войскѣ безладица, корсунцы перешли къ Скидану и онъ назначилъ въ Корсунѣ раду на 29-ое ноября. Бѣлоцерковскій полкъ сначала покорился, когда Потоцкій прибылъ въ Бѣлую церковь: казаки вышли къ нему на встрѣчу, кланялись до земли въ знакъ покорности. Потоцкій сначала по начальнически накричалъ на нихъ, а потомъ приказывалъ склонять къ повиновенію казаковъ другихъ полковъ. Но когда онъ уѣхалъ изъ Бѣлой церкви въ Паволочь, бѣлоцерковцы, ободренные слухомъ о безпорядкѣ въ польскомъ войскѣ, ушли къ Скидану. За ними Кіевскій полкъ ушелъ къ нему же по Днѣпру. Русскіе, полагая большую надежду на безладицу, возникшую между поляками, стали роптать на Павлюка, зачѣмъ онъ остается долго въ Сичѣ и пропускаетъ удобное время напасть на враговъ. Назначенная Скиданомъ въ Корсунѣ рада была нестройная, шумная и притомъ на нее явилось немного, кричали противъ Скидана и Павлюка. Скиданъ ушелъ изъ Корсуна въ Мошны и оттуда 4-го декабря пустилъ еще универсалъ въ такихъ выраженіяхъ:

«Карпъ Скиданъ, полковникъ и опекунъ всей Украины. Панамъ молодцамъ, черни войска запорожскаго, товарищамъ и братьямъ моимъ милымъ, даю вамъ знать, что я послалъ васъ звать на корсунскую раду, но увидѣлъ, что васъ мало послушныхъ. Теперь, зная, что ляхи наступаютъ войною и на вѣру нашу, и на вольность нашего войска, приказываю подъ смертною казнію, чтобы всѣ и пѣшіе и конные поскорѣе собирались въ Мошны давать отпоръ бездушнымъ непріятелямъ нашимъ».

Со дня на день ожидали русскіе Павлюка съ нетерпѣніемъ и начинали уже терять надежду, и поговаривали даже, что Павлюкъ не придетъ, а останется въ Запорожьѣ; но Павлюкъ наконецъ явился съ запорожцами. Причина его медленности объяснилась. Онъ сносился съ крымскимъ ханомъ, которому оказалъ недавно услугу, и умолялъ его подать помощь казакамъ, но ханъ отказалъ казакамъ и сообщилъ о томъ польскому правительству, выставляя свое доброжелательство къ Рѣчи Посполитой. Такимъ образомъ, Павлюкъ, ожидая ханскаго отвѣта, дѣйствительно пропустилъ драгоцѣнное время, когда польское войско страдало неурядицей и легко было, напавши внезапно, побить его. Потоцкій, между тѣмъ, утишилъ волненіе между своими жолнерами, убѣдилъ ихъ ждать жалованья три недѣли, и когда они

успокоились, выступилъ съ войскомъ въ Корсунъ. Оставшіеся тамъ жители изъявили передъ поляками покорность. По украинскимъ извѣстіямъ, жолнеры опустошали и предавали поруганію церкви, умерщвляли жонъ и дѣтей. «Все это хлопская неправда», говорили послѣ поляки о такихъ извѣстіяхъ. Потоцкій прежде, чѣмъ расправляться оружіемъ съ мятежниками, написалъ къ нимъ универсалъ, гдѣ убѣждалъ ихъ сжалиться надъ собственною кровью, опомниться и просить прощенья и пощады, пока еще остается время и возможность получить милосердіе отъ короля. «Но мои просьбы—писалъ послѣ того Потоцкій—не смягчили ихъ упрямства. Они болѣе вѣрили въ универсалы Скидана, которые летали повсюду одинъ за другимъ». Скиданъ, на универсалъ Потоцкаго, отвѣчалъ ему: «Казаки уже не дозволятъ болѣе выписывать себя, уменьшать свое сословіе да дурачить себя коммисіями». «Нечего дѣлать, сказалъ Потоцкій—кто словъ не слушаетъ, того побоями вразумляютъ».

Передъ вечеромъ 5-го (15) декабря польское войско перешло рѣку Рось черезъ Шахновъ мостъ, направляясь къ деревнѣ Кумейкамъ. Передовой отрядъ, подъ начальствомъ Лаща, въ числѣ тысячи пятисотъ человѣкъ, отдѣлился отъ главнаго корпуса войска и пошелъ впередъ для взятія языковъ. Онъ подходилъ къ самымъ Мошнамъ, гдѣ стояло казацкое войско, схватилъ тамъ нѣсколько языковъ, но одинъ изъ его солдатъ перебѣжалъ къ казакамъ и разсказалъ имъ, что еще нѣсколько польскихъ хоругвей не успѣли примкнуть къ своему войску и идутъ позади. Павлюкъ, по этому извѣстію, задумалъ обойдти польское войско, завладѣть переправой на рѣкѣ Роси и перерѣзать путь заднимъ хоругвямъ. Казаки всѣмъ таборомъ пошли вслѣдъ за Лащомъ, который поспѣшно присоединился къ своему войску. Пойманные имъ языки объявили, что у Павлюка и Скидана около двадцати тысячъ и они дожидаются на помощь съ съ лѣвой стороны Днѣпра ополченія подъ начальствомъ кіевлянина Кизима. Пушекъ у нихъ восемь.

По этимъ вѣстямъ Потоцкій приказалъ немедленно выступать. Польское войско двинулось впередъ таборомъ, состоявшимъ изъ возовъ, поставленныхъ въ десять рядовъ.

6-го (16) декабря поляки увидали казацкое войско, которое заходило имъ въ бокъ. Кисель, русскій по происхожденію, православный по вѣрѣ, не могъ удержаться отъ слезъ и воздыханій, увидя своихъ единовѣрцевъ и земляковъ. «Славные люди—говорилъ онъ — какъ смѣло, какъ бодро идутъ на смерть! Зачѣмъ идутъ они на своего государя короля и Рѣчь Посполитую, а не на враговъ христова креста!»

«Сегодня день русскаго Николая! говорили нѣкоторые: — св. Николай—патронъ нашего гетмана. Счастливое предзнаменованіе!

— Не могу долѣе терпѣть хлопскаго нахальства, сказалъ Потоцкій, и приказалъ ударить на казаковъ.

Хлопы зажгли деревню Кумейки: они думали, что дымъ будетъ безпокоить поляковъ, и ошиблись: вѣтеръ дулъ на казаковъ.

Стремительно бросилась на казаковъ польская пѣхота, грянули пушки, понеслось пять конныхъ хоругвей одна за другою, и во мгновеніе—доносилъ послѣ того Потоцкій—едва успѣешь прочитать «Ave Maria» (радуйся благодатная Марія), поляки прошибли казацкій таборъ въ двухъ мѣстахъ. Считая себя уже побѣдителями, поляки кричали: «сдайтесь! сдайтейсь! Просите милосердія!» Хлопы въ отвѣтъ имъ кричали: «не сдадимся ляхамъ! Одинъ на одномъ свои головы положимъ». Часть казацкой конницы тотчасъ убѣжала; польская конница погналась на нею, но не догнала, только нѣкоторыхъ изрубила въ погони. Пѣшіе русскіе изъ частей разбитаго табора состроили тѣснѣйшій, и защищались отчаянно. Потоцкій приказалъ зажечь сѣно на казацкихъ возахъ; огонь дошелъ скоро до пороха, лежавшаго на другихъ возахъ; лишенные пороха, русскіе отбивались оглоблями, дугами, осколками телегъ, и чуть какому-нибудь поляку приходилось упасть съ лошади, тотчасъ хлопы на него бросались и терзали поляка на части, хотя вслѣдъ затѣмъ налетали на хлоповъ поляки и изрубливали ихъ въ куски. Ожесточенная рѣзня длилась до сумерокъ. Вечеромъ истрѣбленные, изрубленные недобитки покинули побѣдителямъ шесть пушекъ и ушли къ заднимъ; тамъ изъ остатковъ табора составили еще тѣснѣйшій таборъ, и поставили свои двѣ оставшіяся у нихъ пушки. Потоцкій намѣревался всю ночь освѣщать ихъ, по собственному его выраженію, а между тѣмъ, послалъ къ нимъ предложеніе, чтобъ они сдались и просили милосердія.

Отвѣта не было. Поляки стали палить, но съ казацкой стороны не послѣдовало ни одного выстрѣла.

Тогда Потоцкій самъ поѣхалъ по разбитому казацкому табору, и среди труповъ, валявшихся въ изобиліи, наткнулся на раненыхъ, которые сказали ему, что казаки, пользуясь темнотою, ушли со всѣмъ таборомъ къ Боровицѣ, оставивши своихъ раненыхъ на произволъ судьбы. Казацкія лошади, пораженныя польскими пулями, метались въ разныя стороны безъ сѣдоковъ.

Вслѣдъ затѣмъ явилось къ польному гетману нѣсколько

реэстровыхъ; они просили прощенія, увѣряли, что находились въ казацкомъ таборѣ поневолѣ, предлагали свои услуги и просили, чтобъ имъ позволили, вмѣстѣ съ поляками, преслѣдовать своихъ пораженныхъ единовѣрцевъ. «Вы не прежде можете служить отечеству, какъ очистившись, напередъ, присягою», отвѣчалъ имъ польный гетманъ.

Позволивъ своему войску отдохнуть, Потоцкій еще разъ послалъ къ казакамъ универсалъ: именемъ короля обѣщалъ онъ имъ прощеніе, если они раскаятся и начнутъ просить милосердія; въ противномъ случаѣ, онъ грозилъ поступить такъ, какъ ему Богъ положитъ на сердце, и какъ укажетъ долгъ рыцарской отваги. Къ этому универсалу приложилъ свое посланіе Кисель: онъ совѣтовалъ казакамъ выдать зачинщиковъ возстанія, и ручался, что король даруетъ имъ прощеніе.

На другой день Потоцкій послалъ своего племянника, Станислава Потоцкаго, впередъ; тотъ дошелъ до Боровицы надъ Днѣпромъ, и узналъ, что изъ-за Днѣпра подходитъ казакамъ новое подкрѣпленіе.

Тогда польный гетманъ двинулъ свой обозъ къ Мошнамъ по грустному полю казацкаго погрома, гдѣ на снѣжной равнинѣ пестрѣли багровыя полосы крови, и куда только можно было окинуть взоромъ, по полю, болоту, по лѣсу, вездѣ виднѣлись человѣческія тѣла, отрубленныя головы, руки, ноги, лошадиные трупы, осколки возовъ, брошенное оружіе, обгорѣлыя бревна деревни Кумеекъ. Когда поляки ушли далѣе, хлопы похоронили тѣла русскихъ воиновъ, и насыпали—говоритъ современникъ—надъ ними высокія могилы на память грядущимъ временамъ, дабы знали потомки, что подъ ними лежатъ казацкія головы, павшія въ несчастный день св. Николая, покровителя земли Русской.

Въ казацкомъ таборѣ подъ Боровицей было неладно. По разбитіи казаковъ подъ Кумейками, Скиданъ и другой полковникъ, Чечуга, увидали, что дѣло ихъ пропадаетъ: не желая доставаться панамъ, и, надѣясь сохранить себя для будущаго возстанія, они убѣжали. Павлюкъ оставался на мѣстѣ, и думалъ перенести обозъ на лѣвый берегъ и подкрѣпить себя свѣжими силами. Но тутъ пришли въ казацкій таборъ универсалъ Потоцкаго и посланіе Киселя. Реэстровые возмутились, взваливали всю бѣду на Павлюка, кричали, что онъ ихъ подвелъ, взбунтовалъ обѣщаніями, а самъ ушелъ въ Сичу, и тамъ пропустилъ удобное время. Нашлись ораторы, которые доказывали, что слѣдуетъ выдать полякамъ Павлюка; этимъ можно загладить вину свою, а сопротивляться долѣе и безразсудно и безполезно.

Ихъ сталъ удерживать одинъ изъ старшинъ, Дмитро Томашевичъ-Гуня, котораго совѣту и распорядительности казаки одолжены были тѣмъ, что ушли изъ-подъ Кумеекъ. Казаки провозгласили его своимъ старшимъ, и взяли подъ стражу Павлюка и Томиленка. Гуня не взялъ на себя старшинства цѣною выдачи полякамъ прежнихъ предводителей. Казаки избрали какого-то Снирскаго.

(10-го) 20-го декабря Потоцкій появился подъ Боровицею.

Поляки дали залпъ по казакамъ.

Выписчики стали-было отвѣчать выстрѣлами, но реэстровые выкинули мирное знамя, и послали сказать Потоцкому, что они готовы просить милосердія и выдадутъ зачинщиковъ.

Потоцкій обѣщалъ имъ помилованіе, но съ условіемъ, если они приведутъ къ нему Павлюка, Скидана, Томиленка и прочихъ старшинъ.

Выписчики бросились бѣжать: одни по степи, другіе къ Днѣпру, и многіе тутъ же утонули въ Днѣпрѣ, потому что, по причинѣ теплой зимы, Днѣпръ дурно замерзъ. Тогда убѣжали Гуня и полковникъ Хвилоненко. Реэстровые привели къ Потоцкому скованными Павлюка, Томиленка и какого-то Ивана Злого. «А гдѣ же Скиданъ?» закричалъ на нихъ Потоцкій. «Нема, дмухнувъ кудись!» отвѣчали реэстровые. Вмѣсто нихъ чигиринцы представляли двухъ сотниковъ своего полка: Кузю и Курила, которые недавно отличались тѣмъ, что сожгли нѣсколько шляхетскихъ усадьбъ и перебили въ нихъ хозяевъ. «Знать не хочу! кричалъ Потоцкій:—чтобъ мнѣ былъ Скиданъ: даю вамъ три дни срока; доставьте его или живаго, или мертваго!»

(14-го) 24-го декабря польный гетманъ приказалъ собраться казакамъ на раду, и выслалъ къ нимъ коммисаровъ, своего племянника и Киселя. Когда эти коммисары прибыли въ назначенное мѣсто надъ Днѣпромъ, казацкіе довбиши взяли бубенъ польскаго гетмана и ударили въ него, созывая раду. Явились ихъ тысячи. Коммисары говорили имъ рѣчь:

«Вы сдѣлали преступленіе, которому подобнаго не было на свѣтѣ отъ вѣка-вѣковъ; вы не только подняли руки свои на войско вашего государя, но еще хотѣли привлечь на насъ татаръ: мы объ этомъ получили подробное извѣстіе. Все мы знаемъ. Такъ ли?»

Казаки подтвердили, что дѣйствительно Павлюкъ сносился съ ханомъ.

«За такую измѣну — продолжали коммисары — вы сами себѣ подписали приговоръ собственною вашею кровью; вы въ

бою утратили орудія, хоругви, камышину, печать, всѣ знаки, данные вамъ королемъ, всѣ вольности, право избирать изъ среды себя старшихъ, погубили и самое имя казацкое. Теперь у васъ долженъ быть уже иной порядокъ. Если вамъ даруется жизнь, то это вы должны приписать великодушію его величества короля къ побѣжденнымъ».

Впереди стоялъ избранный казаками старшій.

Коммисары сказали ему:

«Положи бунчукъ, булаву, печать, всѣ полковники и старшина тоже положите ваши знаки; вамъ дадутся другіе начальники».

Избранные начальники повиновались.

«Слѣдуетъ — продолжали коммисары — повѣрить реэстры, чтобъ узнать: кто изъ васъ погибъ; дѣти измѣнниковъ не будутъ включены въ казацкіе ряды, но это будетъ на вальной радѣ, которая соберется послѣ того, какъ о васъ сдѣлается постановленіе на сеймѣ, а до того времени вы будете слушать пана Ильиша Караимовича и повиноваться ему во всемъ».

Вмѣстѣ съ Караимовичемъ назначены были въ полки полковниками люди, такъ же, какъ и онъ, преданные правительству, но только временно, до сеймоваго постановленія, а въ заключеніе казакамъ велѣли присягнуть; казаки все исполнили, и дали отъ себя присяжный листъ, достопамятный тѣмъ, что онъ былъ подписанъ Богданомъ Хмельницкимъ, бывшимъ въ это время войсковымъ писаремъ. Въ дневникѣ современника Окольскаго (источника, впрочемъ, не вездѣ безукоризненной вѣрности) присяжный листъ этотъ приведенъ въ такомъ видѣ:

«Мы, наинижайшіе подножки его королевской милости нашего милостиваго пана, свѣтлѣйшаго сената и всей Рѣчи Посполитой, нашихъ милостивцевъ вѣрные подданные: Левко Будновскій и Лютай—войсковые асаулы, полковники: черкасскій Яковъ Гегнивый, каневскій—Андрей Лагода, чигиринскій—Григорій Хомовичъ, корсунскій—Максимъ Нестеренко, переяславскій — Ильяшъ Караимовичъ, бѣлоцерковскій—Ячына, яблоновскій— Терешко, судьи: Богданъ и Каша, и писарь Богданъ Хмельницкій, затѣмъ всѣ сотники, атаманы и братія чернь, молодцы войска его королевской милости запорожскаго, на будущія времена даемъ сіе свидѣтельство какъ для насъ, такъ и для нашихъ потомковъ, на вѣчную память о карѣ нашихъ преступленій противъ непобѣдимаго величества его королевской милости нашего милостиваго пана и всей Рѣчи Посполитой, и о милосердіи надъ нами. По наущенію старшихъ своихъ, мы, забывъ кураковскій договоръ, написанный нашею кровью по-

рядокъ, установленный въ войскѣ запорожскомъ г. великимъ коронимъ гетманомъ краковскимъ каштелляномъ Станиславомъ на Конецполѣ Конецпольскимъ и нашу присягу, сначала недостойно убили старшину нашу, данную намъ на русавской радѣ именемъ его королевской милости гг. королевскими коммисарами, черниговскимъ подкоморіемъ и носовскимъ старостою Адамомъ изъ Брусилова Киселемъ, и брацлавскимъ воеводичемъ полковникомъ его королевской милости Станиславомъ изъ Потока Потоцкимъ, сдѣлавъ набѣгъ на Черкасы, взяли тамъ запорожскую армату, а потомъ, сверхъ постановленнаго по реэстру съ дозволенія его королевской милости и Рѣчи Посполитой, числа семи тысячъ казаковъ, набравши къ себѣ поспольство (простонародіе), дерзнули съ старшимъ своимъ Павлюкомъ вступить въ битву съ коронным войскомъ, состоящимъ подъ начальствомъ ясновельможнаго пана брацлавскаго воеводы польнаго короннаго гетмана, присланнымъ для укрощенія нашего несчастнаго бунта. На полѣ битвы, между Мошнами и Кумейками, Господь Богъ совершилъ надъ нами свой справедливый приговоръ: таборъ нашъ былъ отъ короннаго рыцарства разорванъ, артиллерія наша взята, мы утратили знамена, камышины и всѣ отъ давнихъ временъ заслуженныя отличія, полученныя отъ ихъ милостей королей и Рѣчи Посполитой, бо̀льшая часть нашего войска пала въ битвѣ, а остатокъ его г. ясновельможный гетманъ догналъ подъ Боровицею, по справедливому суду божію, осадилъ, осыпалъ окопами, и хотѣлъ истребить приступомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погибли прежніе старшины; тогда мы всѣ, бывшіе съ нашимъ старшимъ въ боровицкой осадѣ, въ тѣхъ видахъ, чтобъ до конца не пролилась христіанская кровь и головы наши могли еще быть полезны Рѣчи Посполитой, просили ясновельможнаго польнаго короннаго гетмана о милосердіи, чрезъ посредство ихъ милостей гг. коммисаровъ, еще прежде устроившихъ наше войско и давшихъ намъ старшину, выдали Павлюка, Томиленка и нѣкоторыхъ другихъ, а Скидана, зачинщика того же возмущенія, убѣжавшаго, всѣ обязуемся отыскать и отдать въ руки г. польнаго короннаго гетмана. За наше преступленіе г. ясновельможный польный коронный гетманъ не захотѣлъ дать и назначить намъ старшаго надъ нашимъ войскомъ изъ среды нашей, какъ прежде было въ обычаѣ, оставляя это до дальнѣйшей воли его величества короля и Рѣчи Посполитой, но только у насъ избраны были полковники, а до времени главное начальство поручено г. Ильяшу, переяславскому полковнику, который никогда не участвовалъ въ бунтахъ, и находился при

коронномъ войскѣ. Посему мы, оставаясь въ такомъ порядкѣ на дальнѣйшее время, для испрошенія милосердія и милости его королевскаго величества и Рѣчи Посполитой, назначили изъ своей среды пословъ, какъ къ его королевской милости, свѣтлѣйшему сенату и всей Рѣчи Посполитой, такъ и къ ясновельможному г. великому коронному гетману краковскому коштеляну Станиславу на Конецполѣ Конецпольскому. Что же касается Запорожья, морскихъ челновъ и обычной стражи, то мы обязываемся быть готовыми и идти въ походъ, какъ только послѣдуетъ приказаніе ясновельможныхъ господъ гетмановъ коронныхъ и назначенныхъ коммисаровъ для сожженія челновъ и изведенія изъ Запорожья черни, какая тамъ окажется сверхъ числа, назначеннаго для тамошней стражи. Касательно нашихъ реэстровъ, приведенныхъ въ безпорядокъ настоящимъ нашимъ пораженіемъ, мы отдаемся на волю и милосердіе его величества и всей Рѣчи Посполитой, а также коронныхъ гетмановъ, оставаясь въ томъ числѣ, въ какомъ оставили насъ гг. коммисары, въ такомъ порядкѣ, какого потребуетъ милосердіе его величества, и пребывая на вѣчныя времена въ вѣрности, службѣ и подданствѣ Рѣчи Посполитой, въ чемъ, поднявъ руки къ небу, присягаемъ и для вѣчной и нескончаемой памяти о карѣ, постигшей насъ за наши преступленія, дабы на будущія времена подобныхъ бунтовъ не было, такъ и о милосердіи, надъ нами показанномъ, даемъ настоящее писаніе и кровавое обязательство за войсковою печатью и за подписомъ войсковаго писаря. Это обязательство должно всегда находиться при войсковыхъ реэстрахъ, дабы мы всегда помнили и о карѣ надъ нами, и о милосердіи его королевскаго величества и всей Рѣчи Посполитой. Писано въ полной радѣ подъ Боровицею наканунѣ Рождества Христова лѣта Господня 1637 г. Богданъ Хмельницкій именемъ всего войска его королевской милости собственноручно съ приложеніемъ печати».

Это обязательство, написанное и, вѣроятно, сочиненное во свидѣтельство на будущія времена, какъ въ этомъ писаніи говорится, человѣкомъ, который черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ того, на челѣ казаковъ и русскаго народа нанесъ жесточайшій ударъ шляхетской Рѣчи Посполитой, дѣйствительно можетъ оставаться на грядущія времена свидѣтельствомъ того, какъ лживы, безплодны, и безсильны всякіе договоры, постановленія, законоположенія, когда они составляются въ разрѣзъ со всемогущею логикою событій и ходомъ историческихъ задачъ. По отобраніи присяги отъ казаковъ, польный гетманъ намѣревался провести первые дни праздника на мѣстѣ, но въ тотъ

же день вечеромъ дали ему знать, что къ рѣкѣ Ирклею подходитъ шайка мятежниковъ на помощь Павлюку подъ предводительствомъ Кизима; и Потоцкій счелъ нужнымъ предупредить его: въ первый день праздника онъ отправилъ за Днѣпръ отрядъ въ шесть тысячъ съ своимъ племянникомъ. Ему приказано было узнать, какъ велики силы Кизима, и если можно будетъ, то и расправиться съ нимъ. Но Кизимъ успѣлъ узнать о печальной судьбѣ Павлюка и повернулъ къ Лубнамъ.

Молодой Потоцкій выступилъ 25-го числа, съ нимъ отправились и реэстровые. Казаки, какъ будто съ ними ничего не бывало, выступали въ праздничномъ видѣ—играли на свистѣлкахъ, били въ бубны, подлѣ ихъ начальника Ильяша Караимовича несли бунчукъ подъ бѣлымъ знаменемъ съ двумя хвостами на рогатинѣ. За нимъ и за молодымъ Потоцкимъ, 26-го числа, и самъ польный гетманъ сталъ переправляться на лѣвый берегъ Днѣпра. Реэстровые, отправившись быстро впередъ, неожиданно для Потоцкаго, поймали Кизима и привезли его, скованнаго, къ гетману. Вѣроятно, онъ былъ схваченъ хитростію или выданъ своими.

Въ послѣднихъ числахъ декабря (н. с.) польный гетманъ съ войскомъ стоялъ у Переяславля. Ильяшъ совѣтовалъ идти на поднѣпровскія слободы и разорить это гнѣздо мятежа, но Потоцкій отложилъ такое предпріятіе подъ тѣмъ предлогомъ, что прежде надобно было испросить королевскаго разрѣшенія на разореніе цѣлаго края; притомъ же тогда продолжалось, какъ до него доходили слухи, возмущеніе въ верхнихъ краяхъ лѣвобережной Украины. Онъ отправился въ свое староство Нѣжинъ. «По дорогѣ — писалъ онъ — мои глаза увидали ужасные слѣды грабежей и убійствъ; хлопство недавно лило кровь шляхетскую и священническую; теперь испуганные поселяне, застигнутые приходомъ польскихъ войскъ, выдавали мятежниковъ, и вмѣстѣ съ ними святыни ограбленныхъ костѣловъ, драгоцѣнности, набранныя въ домахъ убитыхъ шляхтичей». Когда уже Кизимъ попался въ плѣнъ, его сынъ, не зная объ отцовской судьбѣ, съ толпою хлоповъ ворвался въ Лубны, перерѣзалъ шляхетскую челядь князя Вишневецкаго, сжегъ бернардинскій монастырь, изрубилъ монаховъ и разбросалъ собакамъ тѣла ихъ. Но недолго тѣшился молодецъ; черезъ нѣсколько дней послѣ того и онъ попался въ плѣнъ и былъ закованъ вмѣстѣ съ отцомъ. Слѣдуя къ Нѣжину, Потоцкій сажалъ мятежниковъ на колъ, такъ что вся дорога была уставлена казненными, словно вѣхами. «Надобно навести на

всѣхъ страхъ — говорилъ польный гетманъ — десятокъ сотнѣ, сотня тысячѣ пусть показываетъ примѣръ». По собственному его признанію, онъ затѣмъ только и ѣздилъ въ Нѣжинъ, чтобъ доставить себѣ удовольствіе повидать на колахъ русскихъ хлоповъ.

Въ Нѣжинѣ нѣсколько дней происходили казни. «Я изъ васъ восковыхъ сдѣлаю!» кричалъ Потоцкій. «Если ты панъ-гетманъ будешь отыскивать и казнить виновныхъ — говорили ему русскіе, — то разомъ посади на̀ колъ все Поднѣпріе и Заднѣпріе».

Польный гетманъ разставилъ свое войско на лѣвой сторонѣ Днѣпра, поручилъ надъ нимъ начальство племяннику, а самъ уѣхалъ въ Пруссію.

Проѣзжая черезъ Кіевъ, онъ приказалъ посадить на колъ Кизима вмѣстѣ съ сыномъ на горѣ Киселевкѣ, передъ стѣнами замка. Павлюкъ, Томиленко, Иванъ Злый и еще какіе-то два ихъ товарища доставлены были въ оковахъ въ Варшаву.

Въ февралѣ 1638 г. собрался сеймъ. Послы заявляли крайнее ожесточеніе противъ казаковъ и требовали стереть ихъ съ лица земли. Присвоеніе Павлюкомъ старшинства не только надъ казацкимъ сословіемъ, но и надъ всею Украиною, поляки толковали такъ, что этотъ мятежникъ покушался оторвать Украину отъ польской короны и сдѣлаться самому государемъ: поэтому приговорили надѣть ему на голову раскаленную желѣзную корону и дать въ руки раскаленную желѣзную палку въ качествѣ царственнаго жезла или скипетра. Кисель горячо заступался за жизнь преступниковъ. «Они сдались добровольно— говорилъ онъ—я поручился, что Рѣчь Посполитая даруетъ имъ жизнь; иначе они бы защищались до послѣдней возможности. Если теперь, несмотря на мое поручительство, ихъ казнятъ, то это подорветъ вѣру въ слово не только поручителя, но и довѣрителя, то-есть Рѣчи Посполитой». Протестъ Киселя не уважили. Но король отмѣнилъ комическую казнь, приготовленную Павлюку: ему и его сообщникамъ, привезеннымъ въ Варшаву вмѣстѣ съ нимъ, отрубили головы, и потомъ взоткнули ихъ на колы. Сеймъ опредѣлилъ, что казаки, за непослушаніе и частыя возмущенія, должны потерять свои привиллегіи, дарованныя имъ прежними королями, и, впослѣдствіи, слѣдуетъ уничтожить ихъ совершенно какъ сословіе, но чтобы слишкомъ не раздражить русскій народъ, положили скрыть это намѣреніе до времени и ограничиться на первый разъ тѣмъ, чтобы лишить казаковъ права избирать себѣ начальниковъ, а дать имъ начальствующихъ лицъ изъ преданныхъ Рѣчи Посполитой лю-

дей и преимущественно изъ шляхты. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено овладѣть Запорожьемъ и устроить тамъ постоянную сторожу, дабы не допустить сборовъ народа и для морскихъ походовъ и для возмущенія Украины. Реэстровыхъ казаковъ вообще хотѣли поставить въ кругъ строго опредѣленныхъ обязанностей — стеречь Низъ Днѣпра отъ чужихъ и своихъ; по очереди два полка на третій годъ должны стоять на Запорожьѣ и наблюдать, чтобъ съ юга татарскіе загоны не переправлялись черезъ Днѣпръ и не вторгались въ земли, принадлежащія Рѣчи Посполитой, а съ сѣвера своевольные хлопы не приходили на Низъ съ намѣреніемъ, составивши въ днѣпровскихъ лугахъ и камышахъ полчища, назадъ идти въ Украину и произвести тамъ возмущеніе. Казаки должны были находиться подъ властію короннаго гетмана и состоять подъ непосредственнымъ начальствомъ не выбраннаго старшаго, какъ прежде, а назначеннаго правительствомъ коммисара. Чтобъ остановить разливъ казачества на всю Украину, положено очертить казацкое мѣстопребываніе чрезъ сеймовыхъ коммисаровъ, и впослѣдствіи отнюдь не допускать приписовъ новыхъ земель къ казацкому вѣдомству. Въ это время къ суровымъ мѣрамъ противъ казаковъ, но въ то же время и къ сохраненію ихъ на случай, располагали поляковъ требованія Турціи и Крымскаго хана уничтожить казаковъ до тла. Турецкій императоръ писалъ къ польскому королю: «Если вы теперь не уничтожите казаковъ на днѣпровскихъ островахъ и не истребите ихъ вовсе, то невозможно вамъ будетъ удерживать ихъ набѣговъ на наши счастливыя владѣнія, а потому, знайте: отселѣ, если хоть одинъ челнъ появится на Чорномъ морѣ, то это будетъ нарушеніемъ мира и тогда всѣ провинціи и волости Рѣчи Посполитой будутъ обращены въ прахъ». Крымскій ханъ поздравлялъ короля съ побѣдами надъ своевольными казаками, но въ то же время предостерегалъ, что разсѣянные польскими силами, они снова собираются на днѣпровскихъ островахъ и думаютъ нападать на татаръ, а потому побуждалъ короля, для сохраненія спокойствія и мира между поляками и татарами, истребить казаковъ. «Несправедливо будетъ—выражалъ онъ—если эти мятежники начнутъ опять нарушать между нами дружбу; нашъ татарскій народъ то и дѣло, что колетъ намъ глаза этою дружбою, и жалуется на казаковъ; поэтому, если хотите съ нами жить въ согласіи, то пусть вовсе не будетъ ни одного казака на днѣпровскихъ островахъ и присылайте намъ упоминки; а еслибы у васъ не доставало войска для истребленія казачества, то извольте написать—по мѣрѣ надобности мы пришлемъ свое войско для уничтоженія обоюднаго нашего непріятеля». Изъ этихъ отзывовъ

поляки поняли, что мусульманскіе сосѣди Польши боятся казаковъ, а такъ-какъ, при всей досадѣ на казацкое своеволіе, поляки все-таки не могли положиться на прочность дружбы съ мусульманами и казаки, въ случаѣ разрыва съ послѣдними, были для Польши очень полезны, то самыя сильныя требованія мусульманскихъ державъ объ уничтоженіи казаковъ побуждали поляковъ сохранять ихъ существованіе на окраинѣ своего королевства до поры до времени, но поставивъ ихъ въ такое положеніе, въ которомъ имъ трудно было бы дѣлать своевольные набѣги на Турцію и Крымъ и поднимать къ возстанію русское населеніе Украины.

Казаки отправили на сеймъ пословъ своихъ, Романа Половца, Іосифа Пашкевича и Данила Пуловича съ просьбою, въ которой увѣряли, что пристали къ мятежникамъ поневолѣ, и просили возвратить имъ прежнія права.

Имъ отвѣчали: «казаки своими послѣдними поступками заслужили того, чтобъ ихъ совершенно уничтожить, но король по своему благодушію, оставляетъ ихъ существованіе, но чтобъ не возникли впередъ своевольства и бунты, и чтобъ злые люди не находили способовъ вовлекать ихъ въ дурныя предпріятія, необходимымъ оказалось дать войску запорожскому другую ординацію».

Вслѣдъ за послами, возвратившимися съ такимъ зловѣщимъ отвѣтомъ, прибыли въ Украину коммисары и въ половинѣ февраля 1638 г. собрали вальную раду подъ Трехтемировымъ и приказали казакамъ присягать, но не такъ, какъ это дѣлалось прежде, что всѣ разомъ поднимали вверхъ пальцы, а каждый казакъ одинъ за другимъ долженъ былъ выходить и присягать за себя отдѣльно. Присягу давали они въ томъ, что будутъ слушаться правительства, не станутъ ходить на море, не будутъ заводить чернечихъ радъ, не осмѣлятся принимать никого въ свое сословіе и будутъ готовы укрощать своеволіе хлоповъ, когда только потребуется. По произведенному реэстру оказалось, что подъ Кумейками пало всего на всего шесть тысячъ русскихъ, и выбыло тысяча-двѣсти реэстровыхъ: убылыя мѣста не были пополнены; явно показалось, что поляки желаютъ, чтобъ казаковъ было поменьше. Объявили казакамъ, что дѣти убитыхъ подъ Кумейками никогда не наслѣдуютъ званія отцовъ своихъ. Два казацкихъ полка, образовавшіеся передъ тѣмъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, Миргородскій и Яблоновскій, были уничтожены. Чигиринскій и Бѣлоцерковскій полки должны были отправляться съ полковникомъ Мелецкимъ, оставленнымъ въ званіи коммисара надъ казаками, на Запорожье, чтобъ выгнать и вывесть

оттуда всѣхъ бѣглецовъ и оставаться на Запорожьѣ, въ качествѣ сторожи. Объявлено казакамъ, что о дальнѣйшемъ ихъ устройствѣ на будущія времена будетъ учинено постановленіе на сеймѣ.

Полковникъ Мелецкій отправился съ казаками на Запорожье. Прибывши туда уже во второй половинѣ марта, когда рѣки были въ полномъ разливѣ, онъ послалъ къ запорожцамъ старшихъ казаковъ объявить имъ королевскую милость, и требовалъ выдачи Скидана, Чечуги и другихъ зачинщиковъ бывшаго возстанія, убѣжавшихъ изъ-подъ Боровицы. Но запорожцы заковали присланныхъ отъ Мелецкаго казаковъ и оставили на берегу Днѣпра письменный отвѣтъ Мелецкому очень неутѣшительнаго содержанія, какъ онъ выразился въ своемъ донесеніи. Мелецкій попытался-было дѣйствовать противъ нихъ оружіемъ, но тотчасъ убѣдился, что это невозможно: реэстровые неохотно шли противъ своихъ иноземцевъ и нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ же перешли къ запорожцамъ. «Еслибы — писалъ Мелецкій — я не былъ очень остороженъ, то меня непремѣнно бы убили». Онъ поспѣшилъ убраться изъ Запорожья. Тогда запорожцы выбрали старшимъ полтавца Остранина, который, во время возстанія Павлюка, организовалъ для него шайку въ полтавщинѣ. Немедленно отправили универсалы по Украинѣ, и сами вслѣдъ выступали изъ Запорожья туда же; атаманъ Гуня отправилъ къ крымскому султану Калгѣ просьбу о помощи противъ поляковъ. Между тѣмъ поляки, занявши войскомъ своимъ лѣвый берегъ Днѣпра, считали себя окончательно побѣдителями. До сихъ поръ, говорили они, обширныя степи и захолустья Украины были извѣстны только казацкимъ старшинамъ да полковникамъ; теперь ихъ узналъ каждый нашъ цюра (оруженосецъ); теперь, въ случаѣ бунта, войску не придется выступать въ далекій походъ; войско всегда на готовѣ, находясь посреди мятежной страны. Жолнеры дѣлали безчинства выше мѣры и предѣловъ; повсюду виднѣлись висѣлицы съ трупами и колья со взоткнутыми на нихъ головами, въ городахъ и селахъ слышались стоны бичуемыхъ до крови и старыхъ и малыхъ за то единственно, что они русскаго рода; церкви того вѣроисповѣданія, во имя котораго русскіе поднимали оружіе, предавались поруганію. Отъ такихъ утѣсненій народъ толпами бѣжалъ въ Московское государство, гдѣ царь давалъ украинцамъ привольныя земли для поселенія; другіе бѣжали въ Сичь, а третьи кланялись поляку, по выраженію современника, какъ волкъ, упавшій въ яму, явно передъ нимъ проклинали «дружину», а втайнѣ готовили своимъ братьямъ продовольствіе и порохъ.

Весною, когда только стали одѣваться зеленью лѣса, разнесся слухъ, что Остранинъ и Скиданъ съ запорожцами идутъ изъ Сичи въ Украину: часть ихъ ополченія плыла на лодкахъ, часть слѣдовала сухопутьемъ. Украина заволновалась. Въ Нѣжинѣ, гдѣ находилось главное мѣстопребываніе оставленнаго начальникомъ надъ войскомъ, расположеннымъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, Станислава Потоцкаго, русскіе начали съ того, что ночью сняли съ кольевъ взоткнутыя головы своихъ братій и ушли къ Остранину. Потоцкій пошелъ съ коронными войсками и реэстровыми казаками, состоявшими подъ начальствомъ Ильяша Караимовича, наперерѣзъ Остранину. Восемьдесять человѣкъ реэстровыхъ были поставлены на караулѣ близъ Кременчуга. Остранинъ напалъ на нихъ и истребилъ большую часть; двадцать человѣкъ ушло. Кременчугъ и прилежащія къ нему слободы Пива, Максимовка, Чорная Диброва и др. взбунтовались и пристали къ Остранину. Усиливая свое ополченіе, Остранинъ дошелъ до Голтвы при впаденіи Хорола въ Пселъ, посреди овраговъ, болотъ и лѣсовъ: мѣстность была удобна для защиты. Самый городъ, окруженный оградой изъ частокола, заключалъ въ срединѣ замокъ, огражденный также кольями; съ трехъ сторонъ его защищала рѣка съ утесистыми берегами; пространство отъ берега до городской стѣны было изрѣзано рытвинами и водомоинами, покрытыми кустарникомъ, и только единственная дорога вела съ моста на Пселѣ въ ворота замка. Эту естественную защиту казаки дополнили искусственными средствами, насыпавъ передъ городскою оградою валъ, пересѣкающій дорогу, ведущую съ моста въ ворота. Съ четвертой стороны, посреди неровнаго лѣсистаго мѣстоположенія, былъ протянутъ также высокій валъ, усаженный постоянно воинами; передъ этимъ валомъ находились старыя укрѣпленія; казаки обратили ихъ въ шанцы и поставили на нихъ пушки. Въ довершеніе всего, на высокихъ крышахъ городскихъ строеній сидѣли чародѣи и чаровницы, которые должны были смотрѣть въ даль и чародѣйственными заклинаніями отводить по вѣтру непріятельскій огонь и выстрѣлы.

Поляки подступили къ Голтвѣ 5-го мая. Пѣхотинцы тотчасъ же выкопали валъ отъ рѣки до рѣки и устроили предъ нимъ шанцы. Осмотрѣвъ мѣстность, предводитель въ тотъ же день, предъ вечеромъ, приказалъ готовить мостъ на Пселѣ и отрядилъ два полка нѣмецкой пѣхоты и реэстровыхъ казаковъ, чтобъ захватить мостъ на Пселѣ по дорогѣ, ведущей въ ворота замка. Но казаки сожгли мостъ отбили реэстровыхъ съ

большимъ урономъ; самъ предводитель послѣднихъ Ильяшъ воротился раненый.

Сумерки прекратили дѣло. Ночью Потоцкій приказалъ поскорѣе дѣлать мостъ, замѣтивъ, что Голтва приступнѣе со стороны Псела. Казаки надѣялись на рѣку и не заботились здѣсь объ искусственной защитѣ, такъ-какъ съ той стороны, которая не была ограждена рѣкою, Потоцкій составилъ планъ окружить Голтву съ двухъ сторонъ: за рѣку послалъ нѣмецкую пѣхоту, а остальныхъ рѣшился повести на штурмъ прямо на валъ. Казаки составили планъ также съ двухъ сторонъ предупредить нападеніе непріятеля. Остранинъ обратилъ одну часть войска въ ту сторону, гдѣ были нѣмцы, а другой велѣлъ зайдти въ бокъ польскому войску, завалить пути деревьями, колодами, накопать рытвинъ и, пробравшись ярами, стать въ тылу поляковъ. «Холопье коварство», какъ называетъ эти дѣйствія русскихъ польскій современный дневникъ: «удалось лучше, чѣмъ благородные планы дворянъ». Мостъ еще не былъ конченъ, а уже разсвѣтало. Изъ казацкихъ шанцовъ грянули выстрѣлы; поляки отвѣчали имъ также изъ своихъ пушекъ. Перестрѣлка разгоралась, а между тѣмъ на другой сторонѣ сильная толпа казаковъ ринулась на нѣмцевъ. Поляки хотѣли подать нѣмцамъ помощь, но увидѣли вокругъ себя колоды, рытвины, и вдругъ на нихъ сзади бросились казаки. Все польское войско спѣшило обратиться на этихъ казаковъ, но казаки быстро ушли въ яръ, а нѣмцы, оставленные на произволъ судьбы, погибли всѣ до единаго, «лучше рѣшаясь (говоритъ современникъ) пропасть, чѣмъ сдаться». Поляки отступили. Потеря ихъ была очень велика: кромѣ двухъ нѣмецкихъ ротъ, совершенно истребленныхъ, семь хоругвей были разбиты; другія также потеряли много воиновъ. Окольскій, описывая это событіе, удивляется, почему, при полной справедливости поляковъ въ этой войнѣ, Богъ въ самомъ началѣ послалъ на нихъ такую неудачу. «Я думаю (разсуждаетъ онъ), что Богъ устроилъ такъ для того, что многіе изъ нашихъ пановъ, живучи далеко отъ Украины, считали войны съ холопами неважными, называли казаковъ панскими овчарами и мясниками и не признавали славы тѣхъ, которые ихъ побѣждали; за то Богъ насъ и наказалъ; ибо хотя между казаками нѣтъ ни сенаторовъ, ни князей, ни воеводъ, и хотя они холопы, однако такіе холопы, которые достойны быть Квинтами-Цинцинатами, еслибъ права contra plebejos (противъ простаго народа) не препятствовали имъ».

«Ляхи ушли постыдно — говорилъ своимъ казакамъ Остранинъ — и намъ теперь лучше всего двинуться за ними къ Луб-

намъ: тамъ и шляхи есть, и товарищество надойдетъ, и живность будетъ, и сборъ людской и оборона удобнѣе, чѣмъ здѣсь». Казаки вышли изъ-подъ Голтвы и погнались за Потоцкимъ. 14-го мая поляки остановились у Сулы подъ Лубнами. Остранинъ ожидалъ успѣха и оживлялъ своихъ казаковъ надеждою прибытія свѣжихъ силъ. Полковникъ Скиданъ, отправленный къ Чернигову, долженъ былъ явиться съ новонабранными дружинами; изъ степей шелъ къ нему другой отрядъ подъ начальствомъ Путивльца; третій отрядъ велъ къ нему Сикирявый; четвертый, изъ-подъ Кіева, Солома. Толпа русскихъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, сбѣгалась къ нему изъ сосѣднихъ селеній. Между тѣмъ, надѣясь, что если ему удалось разъ справиться съ поляками, то удастся и въ другой, Остранинъ, полагая, что свѣжіе отряды явятся къ нему во время битвы, рѣшился еще разъ отважиться на битву и, двинувшись прямо къ польскому стану, сталъ противъ него, готовый принять новое нападеніе. Казаки распрягли лошадей, прицѣпили колесо къ колесу и заиграли на трубахъ и бубнахъ. Поляки бросились на нихъ. Сраженіе открылось съ обѣихъ сторонъ густою стрѣльбою, потомъ поляки атаковали казацкій таборъ. Достойно замѣчанія, что въ этотъ день въ польскомъ войскѣ отважнѣе и пламеннѣе дѣйствовали реэстровые казаки, еще недавно подъ Кумейками бившіеся за вѣру и родину противъ поляковъ, вмѣстѣ съ тѣми, которые теперь опять ополчились подъ тѣмъ же знаменемъ. Реэстровые были закрыты гуляй-городинами — деревяннымъ заборомъ на колесахъ. Битва длилась цѣлый день; русскіе защищались съ неослабнымъ мужествомъ до темной ночи. Поляки оставили нападеніе съ тѣмъ, чтобъ возобновить его на другой день.

Но солнце не освѣтило для нихъ казацкаго табора. Остранинъ отступилъ передъ разсвѣтомъ черезъ болото.

Поляки послали за нимъ въ погоню отрядъ подъ начальствомъ Гамицкаго. который верстъ за пятнадцать отъ Лубенъ напалъ неожиданно на русскій отрядъ Путивльца, Мурки и Рипки, шедшихъ на помощь къ Остранину. Русскіе, по обычаю, оцѣпили свои возы, поднявъ оглобли въ видѣ копій, и составили изъ возовъ таборъ. Поляки развернулись передъ ними кругомъ, начали палить на нихъ изъ орудій, а гусарскія хоругви пробивали таборъ своими налетами. Русскіе защищались упорно цѣлый день до ночи, но у нихъ не было воды; они ожидали, что Остранинъ подастъ имъ помощь, а Остранинъ не выручалъ ихъ. Сдѣлалось въ таборѣ волненіе. Рѣшили просить у поляковъ мира и послали къ Потоцкому какого-то Василевича.

«Хотя вы недостойны никакого милосердія», отвѣчали имъ, «но вамъ даруется жизнь; выдайте своихъ старшинъ». И казаки, говорятъ современники, оплакали своего Путивльца и другихъ: «нехай твоя голова за вси наши голови!» — говорили они — «прощай, нашъ господарю!» Они выдали предводителей и положили оружіе. Тогда, несмотря на данное Потоцкимъ обѣщаніе сохранить жизнь положившимъ оружіе, жолнеры бросились на нихъ и перебили всѣхъ до единаго. Злоба противъ русскихъ была такъ велика, что тогда не считали священными никакихъ обязательствъ, данныхъ имъ, и современный дневникъ, описывая это событіе, находитъ поступокъ поляковъ очень умѣстнымъ, потому что иначе мятежники увеличили бы число вооруженнаго народа.

Поляки продолжали стоять обозомъ подъ Лубнами и дожидались свѣжихъ силъ изъ-за Днѣпра. Къ нимъ между прочимъ долженъ былъ придти князь Іеремія Вишневецкій съ своимъ войскомъ.

Тѣмъ временемъ Остранинъ дошелъ до Лохвицы, потомъ до Миргорода, набралъ тамъ пороху, который для него изготовили, и воротился къ Лукомлю на Сулѣ ниже Лубенъ верстъ за двадцать-пять, и тамъ сталъ обозомъ, сильно окопавшись. Его силы значительно увеличивались. Изъ слободъ на Хоролѣ, на Пселѣ, прибѣгали къ нему жители; Роменщина доставила ему нѣсколько тысячъ хлопства. Онъ высылалъ изъ своего обоза отряды, чтобъ захватить на Днѣпрѣ переправы и не допускать къ полякамъ новыхъ силъ. Скиданъ отправился къ Переяславлю; русскіе истребили паромы и всякія перевозныя снасти, захватили Ржищевъ, Трехтемировъ, Стайки и Триполье. Другой отрядъ подъ начальствомъ Нестора Бардаченка отправился къ Кіеву. Но поляки узнали объ этомъ и послали туда же другимъ путемъ реэтровыхъ казаковъ, подъ начальствомъ Захарія и Залѣсскаго. Въ Кіевѣ въ то время было войско Лаща и татары князя Корецкаго. Русскіе стали рубить и жечь байдаки и челны на Днѣпрѣ, но съ одной стороны на нихъ ударили реэстровые, съ другой лащовщики; Бардаченко съ своими молодцами засѣлъ-было на островѣ у Чарторьи, но его вытѣснили оттуда и онъ уплылъ внизъ по Днѣпру. 20/30 мая Іеремія Вишневецкій прибылъ къ Днѣпру и сталъ переправляться.

Остранинъ, услыша объ этомъ, перешелъ на другую сторону Сулы и сталъ на Слѣпородѣ, болотистой рѣчкѣ, между Яблоновымъ и Лубнами. Онъ ожидалъ Скидана, который долженъ былъ придти изъ-за Днѣпра со свѣжими силами и порохомъ, и отправилъ отрядъ подъ начальствомъ Сикиряваго къ польскому

лагерю набрать вѣстей, захватить лошадей и, если можно, зажечь Лубны. Но въ это время, 27-го мая (8-го іюня), прибылъ въ обозъ Потоцкаго князь Вишневецкій и поляки двинулись на Остранина къ Слѣпороду. Остранинъ, не допуская къ себѣ непріятеля, ушелъ опять къ Лукомлю. Между тѣмъ, Сикирявый, поглядѣвши около Лубенъ, воротился назадъ къ Слѣпороду, думая, что Остранинъ еще тамъ, и наткнулся на таборъ реэстровыхъ казаковъ: онъ счелъ этотъ таборъ за свой и прямо въ него въѣхалъ; но увидѣвши, что это непріятели, обратился назадъ; реэстровые бросились на его отрядъ, разогнали его, а самаго Сикиряваго взяли въ плѣнъ. Окольскій говоритъ, что онъ имѣлъ славу чародѣя, умѣвшаго заговаривать оружіе, и его взяли на дубѣ, куда онъ влѣзъ. Подвергнутый допросу, онъ далъ такое свѣдѣніе: «Остранинъ думаетъ бѣжать въ московскую землю; онъ уже отправилъ въ Бѣлгородъ жену и дѣтей; изъ-подъ Лукомля онъ два раза покушался уйти, да чернь его не пускала».

Послѣ взятія Сикиряваго поляки напали на русскій отрядъ, вѣроятно, тотъ самый, который былъ у Сикиряваго; онъ засѣлъ въ пасѣкѣ; русскіе защищались отчаянно, отбили нападенія и въ глазахъ поляковъ пошли къ Остранину; но другой отрядъ, какъ говорятъ поляки, человѣкъ въ тысячу, не такъ легко отдѣлался отъ нихъ: они загнали его въ болото, вытаскивали оттуда казаковъ по одиночкѣ и рубили головы.

Узнавши о погибели Сикиряваго и объ усиленіи польскаго войска, Остранинъ хотѣлъ-было идти на востокъ къ московской границѣ, но чернь требовала, чтобъ онъ велъ ее внизъ къ Днѣпру, на тотъ берегъ, гдѣ надѣялись увеличенія силъ своихъ отъ присоединенія къ нимъ тамошнихъ русскихъ жителей. Поляки переправились черезъ Сулу у Лукомля по мосту, оставленному казаками, и погнались за Остраниномъ. 14-го іюня они догнали его подъ Жовнинымъ, слободою князя Вишневецкаго. Послѣ упорной битвы, продолжавшейся цѣлый день, уже въ сумерки поляки прорвали таборъ, отняли у русскихъ четыре пушки и много возовъ съ продовольствіемъ. Тогда Остранинъ съ частью конницы переправился вплавь черезъ Сулу и бѣжалъ. Полковники Кудра и Романъ Пешта сомкнули таборъ наскоро и заключили въ него три польскія хоругви, которыя туда вскочили, но Вишневецкій ударилъ на таборъ, три раза былъ отбитъ, три раза возобновлялъ нападеніе, и напослѣдокъ прорвалъ снова таборъ и освободилъ заключенныя въ срединѣ табора хоругви, успѣвшія выскочить оттуда съ значительнымъ, однако, урономъ.

Военное поприще Остранина здѣсь кончилось. Едва-ли неудача въ битвѣ была причиною его бѣгства. Прежніе его подвиги подъ Голтвою и подъ Лубнами не показываютъ въ немъ человѣка трусливаго десятка, да и теперь казаки вообще не падали еще духомъ. Вѣроятно, внутреннія несогласія были причиною этого. Вслѣдъ за тѣмъ, казаки избрали предводителемъ Дмитра Томашевича-Гуню и, быть можетъ, соперничество съ этимъ другимъ вождемъ удалило Остранина. Гуня, какъ извѣщаетъ дневникъ Окольскаго, еще въ февралѣ изъ Запорожья сносился съ крымскимъ султаномъ Калгою и именовалъ себя гетманомъ. Но потомъ, какъ намъ извѣстно, гетманомъ сталъ называться Остранинъ, послѣ Остранина же опять Гуня. Эти обстоятельства побуждаютъ догадываться, что въ казацкомъ войскѣ господствовали партіи и раздоры, и партія Гуни прогнала теперь Остранина, такъ какъ весною партія Остранина, назвавшагося гетманомъ послѣ Гуни, одержала верхъ надъ послѣднимъ.

15-го іюня Вишневецкій принялся штурмовать казацкій таборъ.

Тогда русскіе послали сказать полякамъ, чтобъ имъ прежде всего выдали Ильяша Караимовича и шесть старшинъ, начальниковъ реэстровыхъ казаковъ, возвратили пушки и знамена, взятыя подъ Кумейками, и утвердили старшинами тѣхъ, которыхъ они сами захотятъ, а потомъ уже обѣщались толковать о прочемъ. Поляки послали къ нимъ для переговоровъ хорунжаго Дзика.

— Если вы хотите милости, сказалъ Дзикъ: — то зачѣмъ такъ упорно бьетесь съ коронымъ войскомъ?

— Какъ вашу милость зовутъ? спросили казаки.

— Дзикъ! отвѣчалъ хорунжій.

— Иды жъ, Дзику, сказали казаки: — и щчобъ дзиковиня зъ тебе не було!

Едва Дзикъ ушелъ на пушечный выстрѣлъ, какъ двѣ тысячи выстрѣловъ послѣдовали за нимъ на поляковъ. «Такъ-то (замѣчаетъ полякъ-современникъ) ни шляхетскіе титулы, ни высокія достоинства, ни мысль объ обширности владѣній пановъ не могли обуздать холопьяго упрямства, ополчившагося подъ предлогомъ вольности и сохраненія жизни».

Казаки не думали унывать. Они дожидались съ часу на часъ Скидана изъ-за Днѣпра и вслѣдъ за нимъ другихъ партій. Поляки также получили вѣсть, что польный гетманъ разбилъ партіи мятежниковъ на правой сторонѣ Днѣпра, прибывшія къ Кіеву и, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнали о надеждахъ казаковъ. По-

тоцкій и Вишневецкій, главные распорядители въ войскѣ, отправили нѣсколько хоругвей къ Днѣпру, чтобъ препятствовать приставать къ берегу русскимъ партіямъ. Для этого достаточно было небольшихъ отрядовъ, потому что, стоя на берегу, поляки имѣли выгоды предъ казаками, которые плыли по Днѣпру и должны были принимать выстрѣлы съ берега. Въ то же время предводители рѣшились продолжать стычки съ казаками въ таборѣ, съ надеждою взять его или, по крайней мѣрѣ, обезсиливать до прихода польнаго гетмана. Такъ шли дѣла до 20-го іюня; поляки на днѣпровскихъ берегахъ всякій день уничтожали казацкія партіи. Скиданъ, на котораго казаки полагали надежду, въ сильной схваткѣ съ реэстровыми былъ раненъ, отправленъ въ Чигиринъ и на пути попался въ плѣнъ полякамъ; другія партіи не доходили до табора: ихъ разсѣевали, челны съ запасами топили.

Наконецъ, казаки, услышавъ, что въ польское войско скоро явится польный гетманъ и приведетъ съ собою свѣжее войско, нашли неудобнымъ мѣсто, гдѣ они стояли; они ожидали еще вспомогательныхъ силъ изъ-за Днѣпра: надобно было стать къ нему поближе; казаки снялись и въ виду враговъ двинулись на югъ. Поляки напирали на нихъ; казаки отбивались отъ нихъ искусно и храбро и шли *оборонною рукою*, какъ говорили тогда, къ чести Гуни, которому отдавали справедливость и непріятели. Такъ, наконецъ, они благополучно дошли до устья Старицы, впадающей въ Днѣпръ. Здѣсь казаки поспѣшно окопались.

22-го іюня вечеромъ прибылъ въ польскій обозъ польный гетманъ съ остальнымъ кварцянымъ войскомъ. Онъ двинулся за казаками и окружилъ ихъ таборъ, поставленный подъ защитою болотъ и лѣсовъ. Съ тѣхъ поръ много дней не переставали стычки одна за другою. У поляковъ было больше средствъ, тогда какъ казаки были отрѣзаны отъ сухопутья. По сторонамъ польскіе отряды нападали и истребляли вооруженныя толпы хлоповъ, спѣшившихъ на помощь осажденному русскому войску, и не допускали въ русскій таборъ продовольствія. Русскіе терпѣли голодъ. Но полякамъ также скоро стало несносно стоять надъ ними. По причинѣ неурожая, уже нѣсколько лѣтъ поражавшаго лѣвобережную Украину, дороговизна была чрезвычайная; былъ недостатокъ корма для лошадей и оттого много ихъ пало; много жолнеровъ отъ плохой пищи и безпрестанныхъ трудовъ лежало больными, много было раненыхъ. Эти обстоятельства побудили польнаго гетмана написать къ

осажденнымъ универсалъ: онъ имъ предлагалъ милосердіе, если они сдадутся.

15-го іюля Гуня благодарилъ польнаго гетмана, и посылая своихъ пословъ, писалъ между прочимъ такъ:

«Слезно и покорно просимъ вашу милость пана нашего милостиваго оказать намъ милосердіе и отпущеніе грѣховъ, въ которыхъ мы были обвинены, а вмѣстѣ и того, чтобъ насъ оставили пользоваться древними нашими правами и вольностями, дарованными намъ отъ польскихъ королей по силѣ кураковской коммисіи и переяславской транзакціи, дабы, также, по совершившемся между нами примиреніи съ нами не поступали такъ, какъ подъ Боровицею, чтобъ не было измѣны и убійствъ, ибо хотя мы сами тамъ не были, но слыхали и видѣли множество членовъ, взоткнутыхъ на колья въ разныхъ украинскихъ городахъ, что̀ намъ на вѣки памятно будетъ. По этой-то причинѣ, подвергая жизнь свою опасности, мы не прибѣгали къ вашей милости; теперь же, когда ваша милость прислали намъ свое обѣщаніе, то мы просимъ покорно сжалиться надъ нами: забудьте наши проступки, примите и введите насъ въ милость его величества въ такомъ же порядкѣ для службы, какъ прежде было, и мы желаемъ оставаться безъ всякаго измѣненія правъ нашихъ и вольностей, а равнымъ образомъ объ успокоеніи нашей греческой религіи просимъ. А какъ намъ сообщаютъ, что ваша милость хотите насъ оставить въ какомъ-то новомъ порядкѣ, то мы просимъ объявить о томъ нашимъ посланцамъ».

Польный гетманъ, между тѣмъ, получилъ надежду на скорое прибытіе свѣжихъ силъ, продовольствія и артиллеріи съ французскимъ инженеромъ Бопланомъ. Онъ объявилъ, что о прежнихъ правахъ рѣчи нѣтъ, а они должны повиноваться конституціи сеймовой. «Мы не нарушаемъ вашихъ правъ — сказалъ Потоцкій—но такова воля его величества и Рѣчи Посполитой».

Нѣсколько назначенныхъ имъ коммисаровъ пріѣхали въ казацкій таборъ со спискомъ конституціи. Гуня далъ знакъ, чтобъ казаки были готовы на раду. Собралась толпа. Очистился майданъ. Положили бубны и бунчукъ и разостлали копну сѣна. Гуня посадилъ поляковъ подлѣ себя; подали хлѣба, горилки, вареной рыбы. Гуня сперва выпилъ воды: такъ слѣдовало по казацкому обычаю. Потомъ пили горилку, и самъ Гуня испилъ за здравіе польнаго гетмана и всего рыцарства. Когда убрали питье и ѣду, предводитель казаковъ всталъ и сказалъ толпѣ казаковъ: «Паны молодцы! ихъ милости принесли намъ королевскую волю!» Прочитали конституцію, толпа зашумѣла. Гуня, обратившись къ коммисарамъ, просилъ повременить, пока усмирится волненіе.

Будете плакать и жалѣть, сказали коммисары, вы раздражаете такого доброжелательнаго пана.

Тогда польный гетманъ (говоритъ дневникъ) началъ дѣйствовать по примѣру Перикла, опустошавшаго лакедемонскія жилища; онъ разослалъ отряды по окрестностямъ и приказалъ истреблять русскія селенія, не щадя ни пола, ни возраста.

Узнавши объ этомъ, Гуня написалъ польному гетману такое письмо:

«Видя вокругъ насъ невыразимыя кровопролитія, мы не можемъ разумѣть прихода вашей милости иначе, какъ только такъ, что ваша милость переправился чрезъ Днѣпръ противъ запорожскаго войска не для мирныхъ сношеній, а для того, чтобъ всѣхъ истреблять до конца, ибо, распустивъ отряды, которые тѣшатся невинною христіанскою кровью и поступаютъ съ нами, какъ съ непріятелями св. креста и злодѣями, показываешь, что у васъ нѣтъ ни правды, ни страха Божія. Вы бы воевали уже съ однимъ запорожскимъ войскомъ, жертвующимъ жизнью, по волѣ Высочайшаго Бога, за наши кровавыя заслуги, но оставили бы въ покоѣ несчастный народъ, котораго вопли и невинная кровь взываютъ о мести къ Богу и насъ къ тому же побуждаютъ! За наши права и вольности, данныя намъ издавна королями польскими, права, добытыя саблею, а не чѣмъ-нибудь другимъ, и теперь нарушаемыя измѣнниками, мы готовы лучше умереть и одинъ за другимъ положить головы, чѣмъ довольствоваться такимъ договоромъ, какой былъ подъ Кумейками. Мы не желаемъ кровопролитія; и чтобъ насъ никто не обвинялъ, мы не хотимъ биться съ вашею милостію; но кто будетъ на насъ наступать, противъ того и мы будемъ обороняться. Удостой, ваша милость, обойтись съ нами такъ, чтобъ это было согласно и съ честью вашей милости и безъ стѣсненія, какъ насъ самихъ, такъ и бѣднаго невиннаго народа».

Польный гетманъ отвѣчалъ въ тотъ же день:

«Давнія ваши права вы потеряли чрезъ ваше своеволіе и посягательство на величество короля; но будете имѣть такія права, какія вамъ дастъ Рѣчь Посполитая».

Казаки опять написали:

«Хотимъ тѣхъ правъ, какія имѣли прежде».

Гуня просилъ гетмана не довѣрять реэстровымъ. «Вони хлибъ сіль зъ нами илы, и насъ зрадили, то и вашу милость зрадять!» писалъ онъ.

Съ тѣхъ поръ съ высокихъ шанцевъ польскія пушки палили въ казацкій лагерь; пѣхота безпрестанно возобновляла приступы; конница стояла наготовѣ. Поляки хотѣли обезсилить

казаковъ и истощить ихъ пороховые запасы; казаки, съ своей стороны, не уступали непріятелямъ въ дѣятельности, хотѣли утомить коронное войско; показывая свою непреклонность, они надѣялись, что польскіе жолнеры, по обычному своеволію, соскучивъ неудачами и продолжительностью осады, начнутъ уходить изъ войска, а между тѣмъ сами ожидали сильнаго подкрѣпленія, которое долженъ былъ привести къ нимъ по Днѣпру Филоненко. Гуня ободрялъ ихъ своею смѣлостью и распорядительностью: онъ не прятался сзади, шелъ впереди, и однажды польный гетманъ во время вылазки приказалъ направить на него выстрѣлы изъ трехъ пушекъ; но вмѣсто казацкаго гетмана былъ убитъ казакъ, который несъ передъ нимъ бунчукъ. Въ отплату, на другой день, Гуня, примѣтивъ польскаго гетмана, выстрѣлилъ въ него, но попалъ въ коня. Съ каждымъ днемъ возрастало воинственное ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ. Поляки построили высокую батарею, съ которой можно было бы доставать до средины обоза; но, по совѣту Гуни, 22-го іюля ночью молодцы выскочили изъ своего обоза, прокрались къ шанцамъ, вмѣшались въ толпу реэстровыхъ казаковъ, узнали военный сигналъ, розданный въ тотъ день по войску, и передали его своему предводителю. Тогда толпа казаковъ вышла изъ обоза и подошла къ батареѣ. Отряженные на батарею окликаютъ ихъ. Они произносятъ сигналъ. Думая, что это реэстровые казаки, посланные за языкомъ, поляки спрашиваютъ: «есть языкъ?»—«И не одинъ!» отвѣчаютъ казаки, и вслѣдъ за тѣмъ они бросаются на батарею, умерщвляютъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, овладѣваютъ батареею, принимаются ее портить и заклепывать пушки. Но тревога быстро распространилась по лагерю и со всѣхъ сторонъ съ криками бѣжали воины къ батареѣ; казаки должны были уходить.

Еще послѣ того продолжались нѣсколько времени однообразныя схватки. Но полякамъ, какъ и казакамъ, съ каждымъ днемъ становилось тяжелѣе. Жолнеры роптали на гетмана. «Что жь это?» кричали они: «мы будемъ вѣрно здѣсь зимовать и основывать колонію на Днѣпрѣ?». Они стали убѣгать. Казаки также терпѣли голодъ. «Прійде тутъ не співати, а вити, якъ собаці; хліба нема, борошна мало, тільки вода, та трохи шкапини» (лошадинаго мяса), говоритъ польскій дневникъ, изображая ропотъ казаковъ ихъ языкомъ. Они ждали къ себѣ на помощь свѣжихъ войскъ съ полковникомъ Филоненкомъ, но Филоненка не было какъ не было, а другой отрядъ, шедшій къ нимъ, подъ предводительствомъ кіевлянина Саввы, былъ разбитъ и предводитель взятъ въ плѣнъ. Русскіе еще разъ рѣшились вступить въ перегово-

ры. Въ послѣдній день іюля Гуня написалъ письмо къ польному гетману, изъявляя желаніе примириться и снова просилъ не довѣрять реэстровымъ казакамъ, которыхъ называлъ недовирками. Гетманъ послалъ къ нимъ офицеровъ для переговоровъ. «Пусть (говорили имъ русскіе) коронное войско не вноситъ намъ новаго порядка, который учрежденъ послѣдней конституціей; пусть казаки останутся при своихъ прежнихъ правахъ, а мы не хотимъ принимать назначеннаго надъ нами коммисара». «Постановленіе сейма (возражали имъ)—твердыня правъ вашихъ и свободы. Коммисары будутъ охранять васъ отъ своевольства черни и произвола жолнеровъ. Вы откроете себѣ двери ко всякой милости короля и Рѣчи Посполитой».

«Посланцы (замѣчаетъ дневникъ) говорили пространно и краснорѣчиво и увидѣли, что сказка глухому сказывалась».

Послѣ продолжительныхъ преній, 2-го августа, Гуня написалъ польному гетману новое письмо, въ которомъ изъявлялъ желаніе отдаться на волю короля.

«Сжалься, вельможный милостивый панъ (писалъ онъ), оставь насъ въ цѣлости. Пока послы наши не возвратятся отъ его милости короля, нашего милостиваго господина, въ это время мы не только коммисару, но хлопцу будемъ повиноваться и уважать его, если узнаемъ, что такова воля его величества, которой не станемъ противиться. А теперь просимъ покорно не мучь насъ, добродѣй!»

Съ безпредѣльнымъ уваженіемъ къ особѣ короля, вѣнценосца, русскіе вообще соединяли ненависть къ сеймовому правленію и хотѣли, чтобъ воля короля была выше сейма. Такое направленіе, разумѣется, было противно польскому дворянству, которое тогда болѣе, чѣмъ прежде старалось ограничить власть короля.

Въ тотъ же самый день казаки узнали, что давно ожидаемый Филоненко, наконецъ, приближается: но, къ несчастью ихъ, и поляки тогда же узнали о томъ же. Польскій гетманъ тотчасъ отрядилъ на правый берегъ значительныя подкрѣпленія подъ командой Лаща и краковскаго воеводы, а 4-го августа объявилъ генеральный штурмъ.

Казаки отбивались дружно и удачно, и удивляли враговъ своими военными хитростями. Около окоповъ вырыты были круглыя ямы и не одинъ полякъ падалъ туда стремглавъ; лежавшіе на брюхѣ казаки палили въ непріятеля по ногамъ, или хватали его живьемъ; другіе, выскочивъ изъ обоза, смѣшивались съ реэстровыми, посылали выстрѣлы по направленію къ табору; потомъ, давши пройти впередъ полякамъ, палили по

нимъ въ тылъ. Битва продолжалась день и ночь. Поляки были отбиты и увидѣли, что нѣтъ никакой возможности взять казацкаго табора приступами; только голодомъ можно было побѣдить осажденныхъ.

На другой день казаки готовились встрѣчать Филоненка. Съ радостью побѣдителей, они разставили вездѣ по валамъ стражу, втащили еще на валъ нѣсколько пушекъ, въ надеждѣ отражать нападеніе, когда враги возобновятъ его во время входа въ обозъ вспомогательныхъ силъ, приводимыхъ Филоненкомъ; но Филоненко долженъ былъ выдержать предварительную схватку на правой сторонѣ Днѣпра. Поляки, поставленные тамъ, привѣтствовали его (говоритъ дневникъ) фейерверкомъ изъ пушекъ и мушкетовъ. Правда, Филоненко искусно отклонился отъ битвы, бросился къ Днѣпру, быстро овладѣлъ челнами и веслами и поплылъ прямо къ обозу, но за то, впопыхахъ, потерялъ часть продовольствія и пороха. Онъ приблизился къ казацкому обозу уже ночью. Тогда поляки грянули всѣми силами, стараясь не допустить его войти въ обозъ. Одни изъ нихъ дрались съ защитниками входа въ обозъ, другіе съ Филоненкомъ, который туда силился пробиться. Дѣло кончилось при солнечномъ восходѣ. Поляки должны были отступить; Филоненко прошелъ въ обозъ, но такъ много потерялъ продовольствія и пороха, что привезеннаго едва хватило казакамъ на два дня. Вмѣсто торжества и одобренія за храбрость, его встрѣтилъ ропотъ. Польскій дневникъ говоритъ, будто казаки, въ наказаніе за растраченное продовольствіе, посадили его на̀-цѣпь.

Лишившись надежды на продовольствіе, казаки опять вступили въ переговоры съ поляками. Гуня уже не является здѣсь дѣйствующимъ лицомъ. И онъ и Филоненко какъ-будто исчезаютъ. Такъ-какъ оба впослѣдствіи являются въ московской землѣ, то, безъ сомнѣнія, въ это время они убѣжали изъ табора. «Victor dat leges (побѣдитель даетъ законы), закричалъ польный гетманъ, ударивъ рукою по саблѣ, когда встрѣчалъ казацкихъ пословъ:—высылайте ко мнѣ своихъ знатнѣйшихъ». По этому приглашенію, къ нему явился Романъ Пешта, котораго имя впослѣдствіи является, какъ имя предателя Богдана Хмельницкаго и доносчика на своихъ товарищей. Мы просимъ (сказалъ онъ), чтобъ о казакахъ состоялась новая конституція, а прежняя была отмѣнена. Полковники осажденныхъ подъ Старицею казаковъ, Романъ Пешта, Иванъ Бояринъ и Василь Сакунъ, присягнули отъ имени всего своего войска, до рѣшенія королевскаго, повиноваться коронному гетману и не принимать въ казачество посполитыхъ. Сверхъ того, какъ реэстровымъ,

бывшимъ при польскомъ войскѣ, такъ и находившимся въ осадѣ, велѣно взаимно присягнуть въ томъ, что они не станутъ дѣлать другъ другу оскорбленій.

По просьбѣ казаковъ, въ Кіевѣ, 9-го сентября, назначена рада въ присутствіи короннаго гетмана. Разумѣется, разсужденія казаковъ не могли быть свободны. На этой радѣ выбрали четырехъ пословъ къ королю: Романа Половца, Ивана Боярина, Яца Волченка и Богдана Хмельницкаго. Въ инструкціи, данной имъ, они не смѣли уже, какъ дѣлалось прежде, просить возвращенія стародавнихъ вольностей, умоляли только оставить имъ грунты и имущества и обязывались во всемъ повиноваться волѣ правительства.

Спустя потомъ три мѣсяца, 4-го декабря, польный гетманъ собралъ казаковъ на урочище Масловъ-Ставъ слушать рѣшеніе короля и Рѣчи Посполитой. Казаки лишались своихъ прежнихъ правъ и не могли выбирать себѣ начальниковъ. Вмѣсто избраннаго изъ ихъ среды гетмана, какъ они сами его называли, или старшого, какъ титуловали его прежде поляки, назначили имъ коммисара шляхтича: первымъ такимъ коммиссаромъ былъ тогда Петръ Комаровскій. Всѣ полковники на шесть полковъ назначены были также изъ лицъ шляхетскаго званія: въ переяславскій—Станиславъ Сикиржинскій, въ черкасскій—Янъ Гижицкій, въ корсунскій—Кирилло Чижъ, въ бѣлоцерковскій—Станиславъ Ралевскій, въ чигиринскій — Янъ Закржевскій; войсковыми асаулами были лица изъ казаковъ, но особенно отличившіеся вѣрностію Рѣчи Посполитой: Ильяшъ Караимовичъ и Левко Бубновскій. О писарѣ не говорится. Прежній писарь Богданъ Хмельницкій означенъ въ числѣ сотниковъ чигиринскаго полка; онъ былъ, вѣроятно, пониженъ въ достоинствѣ за участіе въ двухъ послѣднихъ возстаніяхъ, такъ же точно, какъ и другіе два, бывшіе полковниками, Романъ Пешта и Иванъ Бояринъ, лишились своихъ полковничьихъ должностей и сдѣланы: первый — чигиринскимъ полковымъ асауломъ, а второй — каневскаго полка сотникомъ. Въ числѣ сотниковъ черкасскаго полка означенъ Богушъ (по другимъ актамъ Бокунъ) Барабашъ. Вмѣсто Терехтемирова, назначенъ главнымъ мѣстомъ управленія казачества Корсунъ [1].

Главные предводители возстанія, Остранинъ и за нимъ Гуня, убѣжали въ Московское государство. Съ ними убѣжало значительное число выписчиковъ. Они открыли путь и другимъ; не хотѣвшіе возвращаться въ хлопское состояніе и видѣть пору-

---

[1] Рук. И. П. Б. польск. f. № 194. — Diar. Okolskiego. — Continua diar. Okolsk.

таніе отеческой вѣры, толпами переселялись туда и водворялись на привольныхъ и плодоносныхъ поляхъ нынѣшней Курской и Харьковской губерній. Остранинъ съ своими казаками поселился въ Чугуевѣ, но въ 1641 году новопоселенцы взбунтовались, умертвили его, и убѣжали въ прежнее свое отечество[1].

А между тѣмъ, въ этомъ ихъ отечествѣ, по укрощеніи казаковъ, безъ удержу изливалась шляхетская злоба надъ русскимъ народомъ за то, что ему не по душѣ было шляхетское владычество. «Церкви и церковные обряды жидамъ запродали — говоритъ украинская лѣтопись — дѣтей казацкихъ въ котлахъ варили, жонкамъ перси деревомъ вытискали»[2]. То же повѣствуетъ другой лѣтописецъ: «что мучительство Фараоне противъ ляшскому тиранству? Дѣтей въ котлахъ варяху, женамъ сосцы древіемъ изгнетаху и иная неисповѣдимая творяху бѣды»[3]. Объ этихъ варварствахъ того времени сохранилось извѣстіе и въ великорусскихъ актахъ: «Польскіе и литовскіе люди ихъ (украинцевъ) христіанскую вѣру нарушили, и церкви ихъ и людей сбирая въ хоромы пожигаютъ, и пищальное зеліе насыпавъ имъ въ пазуху, зажигаютъ, и сосцы у женъ ихъ рѣзали, и дворы ихъ и всякое строенье разорили и пограбили»[4]. Казаки уже не въ силахъ были шевельнуться: они сами стали почти хлопами. «Ни чести имъ, ни славы не было — говоритъ украинскій лѣтописецъ[5] — бѣда ихъ сталась хуже турецкой неволи; полковники и всѣ старшины шляхтичи обращались съ ними какъ съ рабами, приказывали топить себѣ печи, ходить за лошадьми и собаками, чистить дворы свои. То же дѣлали съ ними старосты и подстаросты». Польскій лѣтописецъ[6], согласно съ этими извѣстіями, говоритъ: «коммисары и полковники присвоивали казацкое жалованье, обращались съ казаками, какъ съ своими хлопами, обогащались на счетъ казаковъ, а между тѣмъ, уменьшеніе казачества дало вольный проходъ татарамъ въ земли Рѣчи Посполитой». Въ 1640 году, въ февралѣ, крымскіе татары ограбили цѣлый край около Переяславля, Корсуня, и обширныя владѣнія Вишневецкихъ. Забирали людей и скотъ, сожигали села, города, зàмки, дворы и возвращались домой, не опасаясь погони за собою, и хотя коронный гетманъ, Конецпольскій, узнавъ

---

[1] Ворон. акты. I. 100—102.
[2] Лѣт. сам. 5.
[3] Ист. о пров. бр.
[4] Ворон. акты. I. 100—102.
[5] Ист. о пров. бр.
[6] Pam. do pan. Żygm. III. I. 225.

объ этомъ не въ пору, и явился съ войскомъ, но уже не могъ догнать татаръ, которые увели съ собою до тридцати тысячъ плѣнниковъ и унесли множество добычи. Такую-то пользу Рѣчь Посполитая получила отъ укрощенія казаковъ: одно несчастіе народа. Прежде казаки охраняли край отъ татаръ и стоили малыхъ издержекъ; теперь же приходилось держать наемное войско съ большими издержками. Все это дѣлалось въ угоду украинскимъ старостамъ и дѣдичнымъ владѣльцамъ, которые, допустивъ къ себѣ жидовъ, отдавали имъ въ аренду, ради прибытка, все, и въ томъ числѣ церкви; жиды держали у себя ключи отъ церквей и всякій, кто имѣлъ надобность совершать бракъ или крещеніе, долженъ былъ платить жиду-арендатору. Впослѣдствіи это до того стало омерзительно хлопамъ, что они, соединившись съ казаками, взбунтовались и омыли тамошніе края шляхетскою кровью. То же говоритъ одинъ римско-католическій священникъ, написавшій въ 1648 году нравоучительную брошюру для своей паствы, испытавшей уже мстящую руку Богдана Хмельницкаго. «Увлекаемые непомѣрною роскошью, распространившеюся во всей Польшѣ, паны утѣсняютъ бѣдныхъ подданныхъ, продаютъ ихъ въ работы жидамъ, отдавая имъ въ аренды имѣнія, а въ Украинѣ не дозволяютъ схизматикамъ вступать въ бракъ и крестить младенцевъ, не заплативъ жиду особаго налога; а это особенно дурно потому, что жиды ищутъ дѣтской крови» [1].

Коронный гетманъ Конецпольскій, вмѣстѣ съ французскимъ инженеромъ Бопланомъ, отправился въ Кодакъ и оставался тамъ цѣлый мѣсяцъ, пока крѣпость не приведена была въ оборонительное положеніе [2]. Казаки были призваны посмотрѣть на укрѣпленія. «Каковъ кажется вамъ Кодакъ?» спросилъ ихъ насмѣшливо коронный гетманъ. — «Что человѣческими руками созидается, то человѣческими руками разрушается», отвѣчалъ ему полатини [3] чигиринскій сотникъ Богданъ Хмельницкій.

Н. Костомаровъ.

---

[1] Jawor niebiesky Lublinu okazany.
[2] Опис. Укр. Бопл.
[3] Annal. Polon. Clim. I. 21. (Manutfacta manu destruo)

ИСТОРІЯ ОДНОГО ГОРОДА *.

Войны за просвѣщеніе.

Василискъ Семеновичъ Бородавкинъ, смѣнившій бригадира Ѳердыщенку, представляетъ совершенную противоположность своему предмѣстнику. Насколько послѣдній былъ распущенъ и рыхлъ, на столько-же первый поражалъ расторопностью и какою-то неслыханной административной въѣдчивостью, которая съ особенной энергіей проявлялась въ вопросахъ, касавшихся выѣденнаго яйца. Постоянно застегнутый на всѣ пуговицы, и имѣя наготовѣ фуражку и перчатки, онъ представлялъ собой типъ градоначальника, у котораго ноги во всякое время готовы бѣжать невѣдомо куда. Днемъ онъ, какъ муха, мелькалъ по городу, наблюдая, чтобъ обыватели имѣли бодрый и веселый видъ; ночью—тушилъ пожары, дѣлалъ фальшивыя тревоги и вообще заставалъ врасплохъ.

Кричалъ онъ во всякое время, и кричалъ необыкновенно. «Столько вмѣщалъ онъ въ себѣ крику», говоритъ по этому поводу лѣтописецъ, «что отъ онаго многіе глуповцы и за себя и за дѣтей навсегда испугались». Свидѣтельство замѣчательное и находящее себѣ подтвержденіе въ томъ, что впослѣдствіи начальство вынуждено было дать глуповцамъ разныя льготы именно «испуга ихъ ради». Аппетитъ имѣлъ хорошій, но насыщался съ поспѣшностью, и при этомъ роптаd. Даже спалъ только однимъ глазомъ, что приводило въ немалое смущеніе супругу его, Варвару Владиміровну, которая, несмотря на двадцати-пятилѣтнее сожительство, не могла безъ содраганія видѣть его остальное, совершенно круглое и любопытно на нее устремленное око. Когда же совсѣмъ нѣчего было дѣлать, то-есть не предстояло надобности ни мелькать, ни заставать

* Предшествующій отрывокъ этой «Исторіи» напечатанъ въ 1-мъ № «Отеч. Зап.» 1870 г.

врасплохъ (въ жизни самыхъ расторопныхъ администраторовъ встрѣчаются такія тяжкія минуты), то онъ или издавалъ законы, или маршировалъ по кабинету, наблюдая за игрой сапожнаго носка, или возобновлялъ въ своей памяти военные сигналы.

Была и еще одна особенность за Бородавкинымъ: онъ былъ сочинитель. За десять лѣтъ до прибытія въ Глуповъ, онъ началъ писать проектъ «о вящемъ арміи и флотовъ по всему лицу распространеніи, дабы черезъ то возвращеніе (sic) древней Византіи подъ сѣнь россійскія державы уповательнымъ учинить», и каждый день прибавлялъ къ нему по одной строчкѣ. Такимъ образомъ составилась довольно объемистая тетрадь, заключавшая въ себѣ три тысячи шестьсотъ пятьдесятъ-двѣ строчки (два года было высокосныхъ), на которую онъ не безъ гордости указывалъ посѣтителямъ, прибавляя при томъ:

— Вотъ, государь мой, куда я виды свои простираю!

Вообще, политическая мечтательность была въ то время въ большомъ ходу, а потому и Бородавкинъ не избѣгнулъ общихъ вѣяній времени. Очень часто видали глуповцы, какъ онъ, сидя на балконѣ градоначальническаго дома, взиралъ оттуда, съ полными слезъ глазами, на синѣющія вдалекѣ византійскія твердыни. Выгонныя земли Византіи и Глупова были до такой степени смежны, что византійскія стада почти постоянно смѣшивались съ глуповскими, и изъ этого выходили безпрестанныя пререканія. Казалось, стоило только кликнуть кличъ... И Бородавкинъ ждалъ этого клича, ждалъ съ нетерпѣніемъ, доходившимъ до негодованія.

— Сперва съ Византіей покончимъ-съ, мечталъ онъ: а потомъ-съ...

На Драву, Мораву, на дальнюю Саву,
На тихій и синій Дунай...

Д-да-съ!

Сказать ли всю истину: по секрету, онъ даже заготовилъ на имя извѣстнаго нашего географа, К. А. Арсеньева, довольно странную резолюцію. «Предоставляется вашему благородію — писалъ онъ — на будущее время извѣстную вамъ Византію во всѣхъ учебникахъ географіи числить тако: Константинополь, бывшая Византія, а нынѣ губернскій городъ Екатериноградъ, стоитъ при изліяніи Чернаго моря въ древнюю Пропонтиду, и подъ сѣнь россійской державы пріобрѣтенъ въ 17.. году съ распространеніемъ на оный единства кассъ (единство сіе въ томъ состоитъ, что византійскія деньги въ столичномъ городѣ Санктпетербургѣ употребленіе себѣ находить должны). По об-

ширности своей, городъ сей, въ административномъ отношеніи, находится въ вѣдѣніи четырехъ градоначальниковъ, кои состоятъ между собой въ непрерывномъ пререканіи. Производитъ торговлю грецкими орѣхами, и имѣетъ одинъ мыловаренный и два кожевенныхъ завода». Но, увы! дни проходили за днями, мечты Бородавкина росли, а клича все не было. Проходили черезъ Глуповъ войска пѣшія, проходи войска конныя.

— Куда, голубчики? съ волненіемъ спрашивалъ Бородавкинъ солдатиковъ.

Но солдатики въ трубы трубили, пѣсни пѣли, носками сапоговъ играли, пыль столбомъ на улицахъ поднимали, и все проходили, все проходили.

— Валомъ валитъ солдатъ! говорили глуповцы, и казалось имъ, что это люди какіе-то особенные, что они самой природой созданы для того, чтобъ ходить безъ конца, ходить по всѣмъ направленіямъ. Что они спускаются съ одной плоской возвышенности для того, чтобы лѣзть на другую плоскую возвышенность, переходятъ черезъ одинъ мостъ для того, чтобы перейти вслѣдъ затѣмъ черезъ другой мостъ. И еще мостъ, и еще плоская возвышенность, и еще, и еще...

Въ этой крайности Бородавкинъ понялъ, что ему слѣдуетъ ограничить свои задачи только такъ-называемыми насущными потребностями края. Въ числѣ этихъ потребностей, первое мѣсто занимала, конечно, цивилизація, или, какъ онъ самъ опредѣлялъ это слово, «наука о томъ, какъ каждому Россійской Имперіи доблестному сыну отечества быть твердымъ въ бѣдствіяхъ надлежитъ».

Полный этихъ смутныхъ мечтаній, онъ явился въ Глуповъ, и прежде всего подвергнулъ строгому разсмотрѣнію намѣренія и дѣянія своихъ предшественниковъ. Но когда онъ взглянулъ на скрижали, то такъ и ахнулъ. Вереницею прошли передъ нимъ и Клементій, и Великановъ, и Ламврокакисъ, и Бакланъ, и маркизъ де-Санглотъ, и Ѳердыщенко, но что̀ дѣлали эти люди, о чемъ они думали, какія задачи преслѣдовали—вотъ этого-то именно и нельзя было опредѣлить ни подъ какимъ видомъ. Казалось, что весь этотъ рядъ—не что иное, какъ сонное мечтаніе, въ которомъ мелькаютъ образы безъ лицъ, въ которомъ звенятъ какіе-то смутные крики, похожіе на отдаленное галдѣнье захмѣлѣвшей толпы... Вотъ вышла изъ мрака одна тѣнь, хлопнула: разъ—разъ! — и исчезла невѣдомо куда; смотришь, на мѣсто ея выступаетъ ужь другая тѣнь, и тоже хлопаетъ какъ попало, и исчезаетъ... «Раззорю!», «не потерплю!», слышится со всѣхъ сторонъ, а что̀ раззорю, чего не потерплю—

того разобрать невозможно. Радъ бы посторониться, прижаться къ углу, но ни посторониться, ни прижаться нельзя, потому что изъ всякаго угла раздается все то же «раззорю!», которое гонитъ укрывающагося въ другой уголъ, и тамъ въ свою очередь опять настигаетъ его. Это была какая-то дикая энергія, лишенная всякаго содержанія, такъ что даже Бородавкинъ, несмотря на свою расторопность, нѣсколько усомнился въ достоинствѣ ея. Одинъ штатскій совѣтникъ Двоекуровъ съ выгодою выдѣлялся изъ этой пестрой толпы администраторовъ, являлъ умъ тонкій и проницательный, и вообще выказывалъ себя продолжателемъ того преобразовательнаго дѣла, которымъ ознаменовалось начало восьмнадцатаго столѣтія въ Россіи. Его-то и взялъ себѣ Бородавкинъ за образецъ.

Двоекуровъ совершилъ очень много. Онъ вымостилъ улицы: дворянскую и большую, собралъ недоимки, покровительствовалъ наукамъ и ходатайствовалъ объ учрежденіи въ Глуповѣ академіи. Но главная его заслуга состояла въ томъ, что онъ ввелъ въ употребленіе горчицу и лавровый листъ. Это послѣднее дѣйствіе до того поразило Бородавкина, что онъ тотчасъ же возымѣлъ дерзкую мысль поступить точно такимъ же образомъ и относительно прованскаго масла. Начались справки, какія мѣры были употреблены Двоекуровымъ, чтобы достигнуть успѣха въ затѣянномъ дѣлѣ, но такъ-какъ архивныя дѣла, по обыкновенію, оказались сгорѣвшими, то пришлось удовольствоваться изустными преданіями и разсказами.

— Много у насъ всякаго шуму было! разсказывали старожилы:—и черезъ солдатъ сѣкли, и зàпросто сѣкали... Многіе даже въ Сибирь черезъ это дѣло ушли!

— Стало быть, были бунты? спрашивалъ Бородавкинъ.

— Мало ли было бунтовъ! У насъ, сударь, на счетъ этого такая примѣта: коли сѣкутъ — тàкъ ужъ и знаешь, что бунтъ!

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказывалось, что Двоекуровъ былъ человѣкъ настойчивый, и, однажды задумавъ какое-нибудь предпріятіе, доводилъ его до конца. Дѣйствовалъ онъ всегда большими массами, то-есть и усмирялъ и расточалъ безъ остатка; но въ то же время понималъ, что одного этого средства недостаточно. Поэтому, независимо отъ мѣръ общихъ онъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, непрерывно и неустанно дѣлалъ набѣги на обывательскіе дома, и усмирялъ каждаго обывателя по одиночкѣ. Вообще во всей исторіи Глупова поражаетъ одинъ фактъ: сегодня расточатъ глуповцевъ и уничтожатъ ихъ всѣхъ до единова, а завтра смотришь опять появятся

глуповцы, и даже, по обычаю, выступятъ на сходкахъ впередъ, такъ-называемые «старики» (должно быть, «изъ молодыхъ да ранніе»). Какимъ образомъ они наростали — это была тайна, но тайну эту отлично постигъ Двоекуровъ, и потому розогъ не жалѣлъ. Какъ истинный администраторъ, онъ различалъ два сорта сѣченія: сѣченіе безъ разсмотрѣнія и сѣченіе съ разсмотрѣніемъ, и гордился тѣмъ, что первый въ ряду градоначальниковъ ввелъ сѣченіе съ разсмотрѣніемъ, тогда какъ всѣ предшественники сѣкли какъ попало, и часто даже совсѣмъ не тѣхъ, кого слѣдовало. И дѣйствительно, воздѣйствуя безпрерывно, онъ добился результатовъ самыхъ блестящихъ. Въ теченіи всего его градоначальничества, глуповцы не только не садились за столъ безъ горчицы, но даже развели довольно обширныя горчичныя плантаціи. «И процвѣла оная весь, какъ кринъ сельный, посылая сей горькій продуктъ въ отдаленнѣйшія мѣста державы Россійской, и получая взамѣнъ онаго драгоцѣнные металлы и мѣха».

Такъ свидѣтельствуетъ «Лѣтописецъ».

Но въ 1870 году Двоекуровъ умеръ, и два градоначальника, послѣдовавшіе за нимъ, не только не поддержали его преобразованій, но даже, такъ сказать, загадили ихъ. И что̀ всего замѣчательнѣе, глуповцы явились неблагодарными. Они не только не печалились упраздненію начальственной цивилизаціи, но даже какъ будто радовались. Горчицу перестали ѣсть вовсе, а плантаціи перепахали, и засадили капустою и засѣяли горохомъ. Однимъ словомъ, произошло то, что̀ всегда случается, когда просвѣщеніе слишкомъ рано приходитъ къ народамъ младенческимъ, и въ гражданскомъ смыслѣ незрѣлымъ. Даже лѣтописецъ не безъ ироніи упоминаетъ объ этомъ. «Много лѣтъ выводилъ онъ (Двоекуровъ) хитроумное сіе зданіе, а о томъ забылъ, что строитъ на песцѣ». Но лѣтописецъ, очевидно, въ свою очередь забываетъ, что въ томъ-то и заключается замысловатость человѣческихъ дѣйствій, чтобы сегодня одно зданіе на «песцѣ» строить, а завтра зачинать новое зданіе на томъ же «песцѣ» воздвигать.

Такимъ образомъ, оказывалось, что Бородавкинъ поспѣлъ какъ разъ кстати, чтобы спасти погибавшую цивилизацію. Страсть строить на «песцѣ» была доведена въ немъ почти до изступленія. Дни и ночи онъ все выдумывалъ, что̀ бы такое выстроить, чтобы оно вдругъ, по выстройкѣ, грохнулось и наполнило вселенную пылью и мусоромъ. И такъ думалъ, и этакъ, но настоящимъ манеромъ додуматься все-таки не могъ (есть секретное извѣстіе, что, несмотря на свою расторопность,

онъ былъ «головой скорбенъ»). Наконецъ, за недостаткомъ оригинальныхъ мыслей, остановился на томъ, что пошелъ по стопамъ своего знаменитаго предшественника.

— Руки у меня связаны, горько жаловался онъ глуповцамъ: — а то узнали бы вы у меня, гдѣ раки зимуютъ!

Тутъ же кстати онъ довѣдался, что глуповцы, по упущенію, совсѣмъ отстали отъ употребленія горчицы, а потому на первый разъ ограничился тѣмъ, что объявилъ это употребленіе обязательнымъ, и въ наказаніе, прибавилъ прованское масло. И въ то же время положилъ въ сердцѣ своемъ: не класть оружія, доколѣ въ городѣ останется хоть одинъ недоумѣвающій. А такъ-какъ по всему можно было заключить, что планъ этотъ созрѣлъ въ его умѣ окончательно, и что онъ его не покинетъ, то мутныя предчувствія, словно тяжелая туча, нависли надъ Глуповымъ.

Но глуповцы тоже были себѣ на умѣ. Энергіи дѣйствія они съ большою находчивостью противопоставили энергію бездѣйствія.

— Что хошь съ нами дѣлай! говорили одни: — хошь — на куски рѣжь; хошь — съ кашей ѣшь, а мы несогласны!

— Съ насъ, братъ, не что возьмешь! говорили другіе: — мы не то что прочіе, которые тѣломъ обросли! насъ, братъ, пожалуй, и уколупнуть негдѣ!

И упорно стояли при этомъ на колѣнахъ.

Очевидно, что когда эти двѣ энергіи встрѣчаются, то изъ этого всегда происходитъ нѣчто весьма любопытное. Нѣтъ бунта, но и покорности настоящей нѣтъ. Есть что-то среднее, чему мы видѣли примѣры при крѣпостномъ правѣ. Бывало, попадется барынѣ тараканъ въ супъ, призоветъ она повара, и велитъ того таракана съѣсть. Возьметъ поваръ таракана въ ротъ, видимымъ образомъ жуетъ его, а глотать не глотаетъ. Точно также было и съ глуповцами: жевали они довольно, а глотать не глотали.

— Сломлю я эту энергію! говорилъ Бородавкинъ, и медленно, безъ торопливости обдумывалъ планъ свой.

А глуповцы стояли на колѣнахъ и ждали. Знали они, что бунтуютъ, но не стоять на колѣнахъ не могли. Господи! чего они ни передумали въ это время! Думаютъ: станутъ они теперь ѣсть горчицу, — какъ бы на будущее время еще какую ни на есть мерзость ѣсть не заставили; не станутъ — какъ бы шелепъ не пришлось отвѣдать. Казалось, что колѣни въ этомъ случаѣ представляютъ средній путь, который можетъ

умиротворить и ту и другую стороны. Вотъ почему они и держались его такъ упорно...

И вдругъ затрубила труба и забилъ барабанъ. Бородáвкинъ, застегнутый на всѣ пуговицы и полный отваги, выѣхалъ на бѣломъ конѣ. За нимъ слѣдовалъ пушечный и ружейный снарядъ. Глуповцы думали, что градоначальникъ ихъ ѣдетъ покорять Византію, а вышло, что онъ замыслилъ покорить ихъ самихъ...

Такъ начался тотъ замѣчательный рядъ событій, который описываетъ лѣтописецъ подъ общимъ наименованіемъ «войнъ за просвѣщеніе».

Первая война «за просвѣщеніе» имѣла, какъ уже сказано выше, поводомъ горчицу, и началась въ 1780 году, то-есть почти вслѣдъ за прибытіемъ Бородавкина въ Глуповъ.

Тѣмъ не менѣе, Бородавкинъ сразу палить не рѣшился; онъ былъ слишкомъ педантъ, чтобы впасть въ столь явную административную ошибку. Онъ началъ дѣйствовать постепенно, и съ этою цѣлью прежде всего созвалъ глуповцевъ и сталъ ихъ заманивать. Въ рѣчи, сказанной по этому поводу, онъ довольно подробно развилъ передъ обывателями вопросъ о подспорьяхъ вообще, и о горчицѣ, какъ о подспорьѣ, въ особенности; но оттого ли, что въ словахъ его было болѣе вѣры въ правоту защищаемаго имъ дѣла, нежели дѣйствительной убѣдительности, или оттого, что онъ, по обычаю своему, не говорилъ, а кричалъ — какъ бы то ни было, результатъ его убѣжденій былъ таковъ, что глуповцы испугались и всѣмъ обществомъ пали на колѣни.

«Было чего испугаться глуповцамъ», говоритъ по этому случаю лѣтописецъ: «стоитъ передъ ними человѣкъ роста малаго, изъ себя мозглявый, словъ не говоритъ, а только крикомъ кричитъ. Даже не сердится и не угрожаетъ, а весь звенитъ и гудётъ»...

— Поняли, старички? обратился онъ къ обезпамятѣвшимъ обывателямъ.

Толпа низко кланялась и безмолвствовала. Натурально, это его пуще взорвало.

— Чтò я... на смерть чтò ли васъ веду... ммерррзавцы!

Но едва раздался раскатъ, какъ глуповцы повскакали съ колѣней и разбѣжались во всѣ стороны.

— Разорю! закричалъ онъ имъ въ догонку.

Весь этотъ день Бородавкинъ скорбѣлъ. Молча расхаживалъ

онъ по заламъ градоначальническаго дома и только изрѣдка тихо произносилъ: «подлецы!»

Болѣе всего заботила его Стрѣлецкая слобода, которая и при предшественникахъ его отличалась самымъ непреоборимымъ упорствомъ. Стрѣльцы довели энергію бездѣйствія почти до утонченности. Они нетолько не являлись на сходки по приглашеніямъ Бородавкина, но завидѣвъ его приближеніе, куда-то исчезали, словно сквозь землю проваливались. Нѣкого было убѣждать, не у кого было ни о чемъ спросить. Слышалось, что кто-то гдѣ-то дрожитъ, но гдѣ дрожитъ и какъ дрожитъ— розыскать невозможно.

Между тѣмъ, не могло быть сомнѣнія, что въ Стрѣлецкой слободѣ заключается источникъ всего зла. Самые безотрадные слухи доходили до Бородавкина объ этомъ крамольничьемъ гнѣздѣ. Явился проповѣдникъ, который перелагалъ фамилію «Бородавкинъ» на числа и доказывалъ, что ежели выпустить букву *р*, то выйдетъ 666, то-есть князь тьмы. Ходили по рукамъ полемическія сочиненія, въ которыхъ объяснялось, что горчица есть быліе, выросшее изъ тѣла дѣвки-блудницы, прозванной за свое распущенство горькою — отъ того-де и пошла въ міръ «горчица». Даже сочинены были стихи, въ которыхъ авторъ очень неодобрительно отзывался о поведеніи градоначальниковой родительницы. Внимая этимъ пѣснопѣніямъ и толкованіямъ, стрѣльцы доходили почти до восторженнаго состоянія. Схватившись подъ руки, они бродили вереницей по улицѣ, и дабы навсегда изгнать изъ среды своей духъ робости, во все горло орали.

Бородавкинъ чувствовалъ, какъ сердце его, капля по каплѣ, переполняется горечью. Онъ не ѣлъ, не пилъ, а только произносилъ сквернословія, какъ бы питая ими свою бодрость. Нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ чувствовать себя добродѣтельнымъ и въ то же время знать, что добродѣтель эта никѣмъ не признается, кромѣ ея обладателя и его деньщика. Мысль о горчицѣ казалась до того простою и ясною, что непринятіе ея нельзя было истолковать ничѣмъ инымъ, кромѣ злонамѣренности. Сознаніе это было тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ больше долженъ былъ употреблять Бородавкинъ усилій, чтобы обуздывать порывы страстной натуры своей.

— Руки у меня связаны! повторялъ онъ, задумчиво покусывая темный усъ свой: — а то бы я показалъ вамъ, гдѣ раки зимуютъ!

Но онъ не безъ основанія думалъ, что натуральный исходъ всякой коалиціи есть все-таки сѣченіе, и это сознаніе подкрѣп-

ляло его. Въ ожиданіи этого исхода, онъ занимался дѣлами и писалъ втихомолку уставъ «о нестѣсненіи градоначальниковъ законами». Первый и единственный параграфъ этого устава гласилъ такъ: «ежели чувствуешь, что законъ полагаетъ тебѣ препятствіе, то, снявъ оный со стола, положи подъ себя. И тогда, все сіе, сдѣлавшись невидимымъ, много тебя въ дѣйствіи облегчитъ».

Однакожъ, покуда уставъ не былъ утвержденъ, отъ стѣсненій уклониться было невозможно. Черезъ мѣсяцъ, Бородавкинъ вновь созвалъ обывателей и вновь закричалъ. Но едва успѣлъ онъ произнести два первыхъ слога своего привѣтствія («объ оныхъ, стыда ради, умалчиваю», оговаривается лѣтописецъ), какъ глуповцы разсыпались кто куда могъ, не успѣвъ даже встать на колѣни. Тогда Бородавкинъ рѣшился пустить въ ходъ настоящую цивилизацію.

Раннимъ утромъ выступилъ онъ въ походъ и далъ дѣлу такой видъ, какъ будто совершаетъ простой военный променадъ. Утро было ясное, свѣжее, чуть-чуть морозное (дѣло происходило въ началѣ сентября). Солнце играло на каскахъ и ружьяхъ солдатъ; крыши домовъ и улицы были подернуты легкимъ слоемъ инея; вездѣ топились печи и изъ оконъ каждаго дома виднѣлось веселое пламя.

Хотя главною цѣлью похода была Стрѣлецкая слобода, но Бородавкинъ хитрилъ. Онъ не пошелъ ни прямо, ни направо, ни налѣво, а сталъ маневрировать. Глуповцы высыпали изъ домовъ на улицу и громкими одобреніями поощряли эволюціи искуснаго вождя.

— Слава-тѣ, Господи! кажется, забылъ про горчицу! говорили они, снимая шапки и набожно крестясь на колокольню.

А Бородавкинъ все маневрировалъ да маневрировалъ и около полдёнъ достигъ до слободы Негодницы, гдѣ сдѣлалъ привалъ. Тутъ всѣмъ участвующимъ въ походѣ роздали по чаркѣ водки и приказали пѣть пѣсни, а ввечеру взяли въ плѣнъ одну мѣщанскую дѣвицу, отлучившуюся слишкомъ далеко отъ воротъ своего дома.

На другой день, проснувшись рано, стали отыскивать «языка». Дѣлали все это серьёзно, не моргнувъ. Привели какого-то еврея и хотѣли сначала повѣсить его, но потомъ вспомнили, что онъ совсѣмъ не для того требовался, и простили. Еврей, положивъ руку подъ стегно, свидѣтельствовалъ, что надо идти сначала на слободу Навозную, а потомъ кружить по полю до тѣхъ поръ, пока не явится урочище, называемое «Дунькинымъ

врàгомъ». Оттуда же, проминовавъ три повёрки, идти направо.

Такъ и сдѣлали, но не успѣли пройти и четверти версты, какъ почувствовали, что заблудились. Ни земли, ни воды, ни неба — ничего не было видно. Потребовалъ Бородавкинъ вѣроломнаго жида, чтобъ повѣсить, но его уже слѣдъ простылъ (впослѣдствіи оказалось, что онъ бѣжалъ въ Петербургъ, гдѣ въ это время успѣлъ получить концессію на желѣзную дорогу). Плутали такимъ образомъ среди бѣлаго дня довольно продолжительное время и сдѣлалось съ людьми словно затмѣніе, потому что Навозная слобода стояла въ явѣ у всѣхъ на глазахъ, а никто ея не видалъ. Наконецъ, спустились на землю дѣйствительные сумерки и кто-то крикнулъ: грабятъ! Закричалъ какой-то солдатикъ спьяна, а люди замѣшались, и думая, что идутъ стрѣльцы, стали биться. Бились крѣпко всю ночь, бились не глядя, а какъ попало. Много тутъ было раненыхъ, много и убіенныхъ. Только когда ужь совсѣмъ разсвѣло, увидѣли, что бьются свои съ своими же и что сцена этого недоразумѣнія происходитъ у самой околицы Навозной слободы. Положили: убіенныхъ похоронить, на мѣстѣ битвы заложить монументъ, а самый день, въ который она происходила, почтить наименованіемъ «слѣпорода» и въ воспоминаніе объ немъ учредить ежегодное празднество.

На третій день сдѣлали привалъ въ слободѣ Навозной; но тутъ, наученные опытомъ, потребовали заложниковъ. Затѣмъ, переловивъ всѣхъ куръ, устроили поминки по убіеннымъ. Странно показалось глуповцамъ это послѣднее обстоятельство, но такъ-какъ Бородавкинъ секрета своего не разглашалъ, то подумали, что такъ слѣдуетъ «по игрѣ», и успокоились. Даже заложникамъ, проливавшимъ горькія слезы, говорили:

— Чтò слюни-то распустили! поиграютъ-поиграютъ господа, и отпустятъ! еще слаще дома-то покажется!

Но когда Бородавкинъ, послѣ поминовенія, приказалъ солдатикамъ вытоптать прилегавшее къ слободѣ озимое поле, тогда обыватели призадумались.

— Ужли, братцы, въ самдѣлѣ такая игра есть? говорили они промежь себя, но такъ тихо, что даже Бородавкинъ, зорко слѣдившій за направленіемъ умовъ, ничего не разслышалъ.

На четвертый день, ни свѣтъ ни заря, отправились въ «Дунькину врàгу», боясь опоздать, потому что переходъ предстоялъ длинный и утомительный. Долго шли, и дорогой безпрестанно спрашивали заложниковъ: скоро ли? Велико было всеобщее изумленіе, когда вдругъ, посреди чистаго поля, аманаты крик-

нули: здѣся! Кругомъ не было никакого признака поселенья; вездѣ виднѣлось голое мѣсто, и только вдали углублялся довольно глубокій провалъ, въ который, по преданію, скатилась нѣкогда пушкарская дѣвица Дунька, спѣшившая, въ нетрезвомъ видѣ, на любовное свиданіе.

— Гдѣ жь слобода? спрашивалъ Бородавкинъ у аманатовъ.

— Нѣту здѣсь слободы! отвѣтствовали аманаты: — была слобода, вездѣ прежде слободы были, да солдаты все уничтожили!

Но словамъ этимъ не повѣрили, и рѣшили: сѣчь аманатовъ до тѣхъ поръ, пока не укажутъ, гдѣ слобода. Но, странное дѣло! чѣмъ больше сѣкли, тѣмъ слабѣе становилась увѣренность отыскать желанную слободу! Это было до того ново, что Бородавкинъ растерзалъ на себѣ мундиръ, и поднявъ правую руку къ небесамъ, погрозилъ пальцемъ и сказалъ:

— Я васъ!

Положеніе было неловкое; наступила темень, сдѣлалось холодно и сыро, и въ полѣ показались волки. Бородавкинъ ощутилъ припадокъ благоразумія, и издалъ приказъ: всю ночь не спать и дрожать.

На пятый день, отправились обратно въ Навозную слободу и по дорогѣ вытоптали другое озимое поле. Шли цѣлый день, и только къ вечеру, утомленные и проголодавшіеся, достигли слободы. Но тамъ уже никого не застали. Жители, завидѣвъ издали приближающееся войско, разбѣжались, угнали весь скотъ, и окопались въ неприступной позиціи. Пришлось брать съ бою эту позицію, но такъ-какъ порохъ былъ не настоящій, то какъ ни палили, никакого вреда, кромѣ нестерпимаго смрада, сдѣлать не могли. Спать легли съ тощими желудками.

На шестой день, Бородавкинъ хотѣлъ-было продолжать бомбардировку, но замѣтилъ измѣну. Аманатовъ ночью выпустили, и многихъ настоящихъ солдатъ замѣнили оловянными. Когда онъ сталъ спрашивать, на какомъ основаніи освободили заложниковъ, ему сослались на какой-то регламентъ, въ которомъ будто бы сказано: «аманата сѣчь, а будетъ который высѣченъ, и такого болѣе сутокъ отнюдь не держать, а выпущать домой на излеченіе». Волею-неволей Бородавкинъ долженъ былъ согласиться, что поступлено правильно, но вспомнилъ про свой проектъ «о нестѣсненіи градоначальниковъ законами», и горько заплакалъ.

— А это что? спросилъ онъ, указывая на оловянныхъ солдатиковъ.

— Для легости, ваше благородіе! отвѣчали ему: — провіанту онъ не проситъ, а маршировку исполнять можетъ!

Пришлось согласиться и съ этимъ. Заперся Бородавкинъ въ избѣ и началъ держать самъ съ собою военный совѣтъ. Хотѣлось ему наказать «навозныхъ» за ихъ наглость, но съ другой стороны припомнилась осада Трои, длившаяся десять лѣтъ, несмотря на то, что въ числѣ осаждавшихъ были Ахиллесъ и Агамемнонъ. Не лишенія страшили его, не тоска о разлукѣ съ милой супругой печалится, а то, что въ теченіе этихъ десяти лѣтъ можетъ быть замѣчено его отсутствіе изъ Глупова. Вспомнился ему по этому поводу урокъ изъ исторіи, слышанный въ дѣтствѣ, и сильно его взволновалъ. «Несмотря на добродушіе Менелая», говорилъ учитель исторіи, «никогда спартанцы не были столь счастливы, какъ во время осады Трои; ибо хотя многія бумаги оставались неподписанными, но за то многія спины пребыли невыстеганными, и второе съ лихвою вознаградило за первое»...

— Нѣтъ-съ! это не такъ-съ! говорилъ Бородавкинъ, расхаживая въ волненіи по избѣ и возражая невидимому собесѣднику: — надобно, чтобъ все было подписано-съ! и все было бы выстегано-съ! Вотъ это порядокъ-съ!

Къ довершенію всего, полились затяжные осенніе дожди, угрожая испортить пути сообщенія и прекратить подвозъ продовольствія.

— И на кой чортъ я не пошелъ прямо на стрѣльцовъ! восклицалъ Бородавкинъ, глядя изъ окна на увеличивавшіяся съ минуты на минуту лужи: — въ полчаса былъ бы ужь тамъ!

Въ первый разъ онъ понялъ, что многоуміе въ нѣкоторыхъ случаяхъ равносильно недоумію, и результатомъ этого сознанія было рѣшеніе: бить отбой, а изъ оловянныхъ солдатиковъ образовать благонадежный резервъ. Но такъ-какъ въ этихъ колебаніяхъ прошелъ почти цѣлый день, то немедленно выступить онъ побоялся, и чтобъ поддержать въ войскѣ духъ храбрости, приказалъ слегка попалить.

. На седьмой день выступили чуть свѣтъ, но такъ-какъ ночью дорогу размыло, то люди шли съ трудомъ, а орудія вязли въ разступившемся черноземѣ. Предстояло атаковить на пути гору Свистуху; скомандовали: въ атаку! передніе ряды бросились впередъ, но оловянные солдатики за ними не послѣдовали. И такъ-какъ на лицахъ ихъ, «ради поспѣшенія», черты были нанесены въ большомъ безпорядкѣ, то издали казалось, что солдатики иронически улыбаются.

— Трусы! процѣдилъ сквозь зубы Бородавкинъ, но явно сказать не осмѣлился, и вынужденъ былъ отступить съ урономъ.

Пошли въ обходъ, но здѣсь наткнулись на болото, котораго никто не подозрѣвалъ. Посмотрѣлъ Бородавкинъ на геометрическій планъ выгона — вездѣ все пашня, да по мокрому мѣсту покосъ, да кустарнику мелкаго часть, да камню не настоящаго часть, а болота нѣтъ, да и полно.

— Нѣтъ тутъ болота! врете вы, подлецы! маршъ! скомандовалъ Бородавкинъ, и всталъ на кочку, чтобъ ближе наблюсти за переправой.

Полѣзли люди въ трясину и сразу потопили всю артиллерію. Однако, сами кое-какъ выкарабкались, выпачкавшись сильно въ грязи. Выпачкался и Бородавкинъ, но ему было не до того. Взглянулъ онъ на погибшую артиллерію, и увидѣвъ, что пушки, до половины погруженныя, стоятъ, обративъ жерла къ небу, и какъ бы угрожая ему разстрѣляніемъ, началъ тужить и скорбѣть.

— Сколько лѣтъ копилъ, берегъ, холилъ! ропталъ онъ: — что̀ я теперь дѣлать буду! ка̀къ городомъ буду править!

Войско было окончательно деморализировано. Когда вылѣзли изъ трясины, передъ глазами опять открылась обширная равнина, и опять безъ всякаго признака жилья. По мѣстамъ валялись человѣческія кости и возвышались груды кирпича; все это свидѣтельствовало, что въ свое время здѣсь существовала довольно сильная и своеобразная цивилизація (впослѣдствіи оказалось, что цивилизацію эту, принявъ въ нетрезвомъ видѣ за бунтъ, уничтожилъ бывшій градоначальникъ Урусъ-Кугушъ-Кильдабаевъ, когда бралъ приступомъ Глуповъ), но съ той поры прошло много лѣтъ, и ни одинъ градоначальникъ не позаботился о возстановленіи ея. По полю пробѣгали какія-то странныя тѣни; до слуха долетали таинственные звуки. Происходило что-то волшебное, въ родѣ того, что̀ изображается въ 3-мъ актѣ «Руслана и Людмила», когда на сцену вбѣгаетъ испуганный Фарлафъ. Хотя Бородавкинъ былъ храбрѣе Фарлафа, но и онъ не могъ не содрогнуться при мысли, что вотъ-вотъ на встрѣчу выйдетъ злобная Наина...

Только на осьмой день, около полдень, измученная команда увидѣла стрѣлецкія высоты и радостно затрубила въ рога̀. Бородавинъ вспомнилъ, что великій князь Святославъ Игоревичъ, прежде нежели побѣждать враговъ, всегда посылалъ сказать: иду на вы! — и руководствуясь этимъ примѣромъ, командировалъ своего ординарца къ стрѣльцамъ съ такимъ же привѣтствіемъ. Между тѣмъ, войска сдѣлали привалъ, и стали

чиститься, причемъ вычистили мѣломъ и оловянныхъ солдатиковъ.

На другой день, едва позолотило солнце верхи соломенныхъ крышъ, какъ уже войско, предводительствуемое Бородавкинымъ, вступало въ слободу. Но тамъ никого не было, кромѣ заштатнаго попа, который въ эту минуту разсчитывалъ, не выгоднѣе ли ему перейти въ расколъ. Попъ былъ древній и скорѣе способный поселять уныніе, нежели вливать въ душу храбрость.

— Гдѣ жители? спрашивалъ Бородавкинъ, сверкая на попа глазами.

— Сейчасъ тутъ были! шамкалъ губами попъ.

— Какъ сейчасъ? куда-жь они бѣжали?

— Куда бѣжать? зачѣмъ отъ своихъ домовъ бѣжать? Чай, здѣсь гдѣ нибудь отъ тебя схоронились!

Бородавкинъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, и рылъ ногами землю. Была минута, когда онъ самъ начиналъ вѣрить, что энергія бездѣйствія должна восторжествовать.

— Надо было зимой походъ объявить! раскаявался онъ въ сердцѣ своемъ: — тогда бы они отъ меня никуда не спрятались!

— Эй! кто тутъ! выходи! крикнулъ онъ такимъ голосомъ, что оловянные солдатики дрогнули и чуть было не бросились бѣжать.

Но слобода безмолвствовала, словно вымерла. Вырывались откуда-то вздохи, но таинственность, съ которою они выходили изъ невидимыхъ организмовъ, еще болѣе раздражала огорченнаго градоначальника.

— Гдѣ они, бестіи, вздыхаютъ? неистовствовалъ онъ, безнадежно озираясь по сторонамъ, и видимо теряя всякую сообразительность: — сыскать первую бестію, которая тутъ вздыхаетъ, и привести ко мнѣ!

Бросились искать, но какъ ни шарили, никого не нашли. Самъ Бородавкинъ ходилъ по улицѣ, заглядывая во всѣ щели — нѣтъ никого! Это до того его озадачило, что самыя несообразныя мысли вдругъ цѣлымъ потокомъ хлынули въ его голову.

— Ежели я теперича ихъ огнемъ раззорю... нѣтъ, лучше голодомъ поморю!.. думалъ онъ, переходя отъ одной несообразности къ другой.

И вдругъ онъ остановился, какъ пораженный, передъ оловянными солдатиками.

Съ ними произошло что-то совсѣмъ необыкновенное. Постепенно, въ глазахъ у всѣхъ, солдатики начали наливаться кровью. Глаза ихъ, доселѣ неподвижные, вдругъ стали вращаться

я выражать гнѣвъ; усы, нарисованные какъ попало, встали на свои мѣста и начали шевелиться; губы, представлявшія тонкую розовую черту, которая отъ бывшихъ дождей почти уже смылась, оттопырились, и изъявляли намѣреніе нѣчто произнести. Появились ноздри, которыхъ прежде и въ поминѣ не было, и начали раздуваться.

— Что скажете, служивые? спросилъ Бородавкинъ.

— Избы... избы... ломать! невнятно, но какъ-то мрачно произнесли оловянные солдатики.

Средство было отыскано.

Начали съ крайней избы. Съ гикомъ бросились «оловянные», на крышу и мгновенно ожесточились. Полетѣли внизъ вязки соломы, жерди, деревянныя спицы.

— Тише! тише! кричалъ Бородавкинъ, вдругъ заслышавъ около себя какой-то стонъ.

Стонала вся слобода. Это былъ неясный, но сплошной гулъ, въ которомъ нельзя было различить ни одного отдѣльнаго звука, но который всей своей массой представлялъ едва сдерживаемую боль сердца.

— Кто тутъ! выходи! опять крикнулъ Бородавкинъ во всю мочь.

Слобода смолкла, но никто не выходилъ. «Чаяли стрѣльцы», говоритъ лѣтописецъ, «что новое сіе изобрѣтеніе, подобно всѣмъ прочимъ, одно мечтаніе представляетъ, но недолго пришлось имъ въ сей сладкой надеждѣ себя утѣшать».

— Катай! произнесъ Бородавкинъ твердо.

Раздался трескъ и грохотъ; бревна, одно за другимъ, отдѣлялись отъ сруба, и по мѣрѣ того, какъ они падали на землю, стонъ возобновлялся и возрасталъ. Черезъ нѣсколько минутъ, крайней избы какъ не бывало, и «оловянные», ожесточившись, уже брали приступомъ вторую. Но когда стрѣльцы, послѣ короткаго перерыва, вновь услышали ударъ топора, продолжавшаго свое разрушительное дѣло, то сердцà ихъ дрогнули. Выползли они всѣ вдругъ, и старые и малые, и мужескъ и женскъ полъ, и, воздѣвъ руки къ небу, пали среди площади на колѣни. Бородавкинъ сначала было-разбѣжался, но потомъ вспомнилъ словà инструкціи: «при усмиреніяхъ нестолько стараться объ истребленіи, сколько о вразумленіи» — и притихъ. Онъ понялъ, что часъ тріумфа уже наступилъ, и что тріумфъ едва-ли не будетъ полнѣе, если въ результатѣ не окажется ни расквашенныхъ носовъ, ни свороченныхъ на сторону скулъ.

— Принимаете ли горчицу? внятно спросилъ онъ, стараясь, по возможности, устранить изъ своего голоса угрожающія ноты.

Толпа безмолвно поклонилась до земли.

— Принимаете ли, спрашиваю я васъ? повторилъ онъ, начиная ужь закипать.

— Принимаемъ! принимаемъ! тихо гудѣла, словно шипѣла толпа.

— Хорошо. Теперь, сказывайте, кто промежъ васъ память любезнѣйшей моей родительницы въ стихахъ оскорбилъ?

Стрѣльцы позамялись; не ладно имъ показалось выдавать того, кто въ горькія минуты жизни былъ ихъ утѣшителемъ; однако, послѣ минутнаго колебанія, рѣшились исполнить и это требованіе начальства.

— Выходи, Ѳедька! небось! выходи! раздавалось въ толпѣ.

Вышелъ впередъ бѣлокурый малый, и сталъ передъ градоначальникомъ. Губы его подергивались, словно хотѣли сложиться въ улыбку, но лицо было блѣдно, какъ полотно, и зубы тряслись.

— Такъ это ты? захохоталъ Бородавкинъ, и немного отступя, словно желая осмотрѣть виноватаго во всѣхъ подробностяхъ, повторилъ: — такъ это ты?

Очевидно, въ Бородавкинѣ происходила борьба. Онъ обдумывалъ, мазнуть ли ему Ѳедьку по лицу, или наказать инымъ образомъ. Наконецъ, придумано было наказаніе такъ сказать смѣшанное.

— Слушай! сказалъ онъ, слегка поправивъ Ѳедькину челюсть: — такъ-какъ ты память любезнѣйшей моей родительницы въ стихахъ обезславилъ, то вотъ тебѣ мой приказъ: отнынѣ ты каждый день долженъ сію драгоцѣнную мнѣ память въ стихахъ же прославлять, и стихи тѣ ко мнѣ приносить!

Съ этимъ словомъ, онъ приказалъ дать отбой.

Бунтъ кончился; невѣжество было подавлено, и на мѣсто его водворено просвѣщеніе. Черезъ полчаса, Бородавкинъ, обремененный добычей, въѣзжалъ съ тріумфомъ въ городъ, влача за собой множество плѣнниковъ и заложниковъ. И такъ-какъ въ числѣ ихъ оказались нѣкоторые переодѣтые военачальники и другія первыхъ трехъ классовъ особы, то онъ приказалъ обращаться съ ними ласково (выколовъ, однако, для вѣрности, глаза), а прочихъ сослать на каторгу.

Въ тотъ же вечеръ, заперши въ кабинетѣ, Бородавкинъ писалъ въ своемъ журналѣ слѣдующую отмѣтку:

«Сего 17-го сентября, послѣ труднаго, но славнаго девятидневнаго похода, совершилось всерадостнѣйшее и вожделѣннѣйшее событіе. Горчица утверждена повсемѣстно и навсегда,

причемъ не было произведено въ расходъ ни единой капли крови».

«Кромѣ той», иронически прибавляетъ лѣтописецъ, «которая была пролита у околицы Навозной слободы, и въ память которой доднесь празднуется торжество, именуемое свистоплясскою»...

Очень можетъ статься, что многое изъ разсказаннаго выше покажется читателю черезчуръ фантастическимъ. Какая надобность была Бородавкину дѣлать девятидневный походъ, когда Стрѣлецкая слобода была у него подъ бокомъ и онъ могъ прибыть туда черезъ полчаса? Какъ могъ онъ заблудиться на городскомъ выгонѣ, который ему, какъ градоначальнику, долженъ быть вполнѣ извѣстенъ? Возможно ли повѣрить исторіи объ оловянныхъ солдатикахъ, которые будто бы не только маршировали, но, подъ конецъ, даже налились кровью?

Понимая всю важность этихъ вопросовъ, издатель настоящей лѣтописи считаетъ возможнымъ отвѣтить на нихъ нижеслѣдующее: исторія города Глупова прежде всего представляетъ собой міръ чудесъ, отвергать который можно лишь тогда, когда отвергается существованіе чудесъ вообще. Но этого мало. Бываютъ чудеса, въ которыхъ, по внимательномъ разсмотрѣніи, можно подмѣтить довольно яркое реальное основаніе. Всѣ мы знаемъ преданіе о бабѣ Ягѣ костяной ногѣ, которая ѣздила въ ступѣ и погоняла помеломъ, и относимъ эти поѣздки къ числу чудесъ, созданныхъ народною фантазіей. Но никто не задается вопросомъ: почему же народная фантазія произвела именно этотъ, а не иной плодъ? Еслибъ изслѣдователи нашей старины обратили на этотъ предметъ должное вниманіе, то можно быть заранѣе увѣреннымъ, что открылось бы многое, что̀ доселѣ находится подъ спудомъ тайны. Такъ, напримѣръ, навѣрное обнаружилось бы, что происхожденіе этой легенды чисто административное, и что баба Яга была не кто иное, какъ градоправительница, или, пожалуй, посадница, которая для возбужденія въ обывателяхъ спасительнаго страха именно этимъ способомъ путешествовала по ввѣренному ей краю, при чемъ забирала встрѣчавшихся по дорогѣ неосторожныхъ Иванушекъ, и, возвратившись домой, восклицала: «покатаюся, поваляюся, иванушкина мясца поѣвши». Другаго толкованія невозможно даже допустить, потому что баба Яга была женщина, а вопросъ о самостоятельности женщинъ (внѣ сферы высшей администраціи) возбужденъ лишь недавно.

Но, кромѣ того, въ настоящемъ случаѣ разсказъ лѣтописца уже потому не представляется неправдоподобнымъ, что находитъ себѣ множество оправданій въ той дѣйствительности, которую каждый изъ насъ хоть разъ въ жизни имѣлъ случай провѣрить собственнымъ опытомъ.

Вотъ какъ начинаетъ лѣтописецъ свой разсказъ объ эволюціяхъ Бородавкина: «Многіе знаменитые военоначальники», говоритъ онъ, «не встрѣчая въ мирное время опасностей дѣйствительныхъ, представляютъ себѣ таковыя въ воображеніи, и на малыхъ пространствахъ предпринимаютъ отдаленныя маршировки, дабы духъ храбрости въ себѣ обновить». И далѣе: «подобно тому, какъ въ публичныхъ зрѣлищахъ намалеванное полотно можетъ представлять лѣса, озера и долины, — такъ и въ жизни нѣкоторыя эволюціи могутъ представлять покоренія царствъ, не будучи, въ сущности, таковыми».

Кажется, этихъ выписокъ совершенно достаточно, чтобы убѣдить читателя, что лѣтописецъ находится на почвѣ далеко не фантастической, и что все разсказанное о походахъ Бородавкина можно принять за документъ вполнѣ достовѣрный. Конечно, съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что Бородавкинъ девять дней сряду кружитъ по выгону; но не должно забывать, вопервыхъ, что ему незачѣмъ было торопиться, такъ-какъ можно было заранѣе предсказать, что предпріятіе во всякомъ случаѣ окончится успѣхомъ, и, вовторыхъ, что всякій администраторъ, прибѣгающій къ эволюціямъ, всегда имѣетъ при этомъ въ виду поразить воображеніе обывателей. Еслибъ можно было представить себѣ такъ-называемое исправленіе на тѣлѣ безъ тѣхъ предварительныхъ обрядовъ, которые ему предшествуютъ, какъ-то: снимапія одежды, увѣщаній со стороны лица исправляющаго и испрошенія прощенія со стороны лица исправляемаго,—что бы отъ него осталось? Одна пустая формальность, смыслъ которой былъ бы понятенъ лишь для того, кто ее испытываетъ! Точно то же слѣдуетъ сказать и о походѣ, предпринимается ли онъ съ цѣлью покоренія царствъ, или просто съ цѣлью взысканія недоимокъ. Отнимите отъ него предварительныя эволюціи — что останется?

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что Бородавкинъ могъ избѣжать многихъ весьма важныхъ ошибокъ. Такъ, напримѣръ, эпизодъ, которому лѣтописецъ присвоилъ названіе «слѣпорода»—изъ рукъ вонъ плохъ. Но не забудемъ, что успѣхъ никогда не обходится безъ жертвъ, и что если мы очистимъ остовъ исторіи отъ тѣхъ лжей, которыя нанесены на него временемъ и предвзятыми взглядами, то въ результатѣ всегда получится большая или меньшая пор-

ція «убіенныхъ». Кто эти «убіенные»? Правы они или виноваты? Какимъ образомъ они очутились въ званіи «убіенныхъ»? — это разберется послѣ. Но они необходимы, потому что безъ нихъ не по комъ было бы творить поминки.

Стало быть, остается неочищеннымъ лишь вопросъ объ оловянныхъ солдатикахъ; но и его лѣтописецъ не оставляетъ безъ разъясненія. «Очень часто мы замѣчаемъ», говоритъ онъ, «что предметы, повидимому совершенно неодушевленные (камню подобные), начинаютъ ощущать вождѣленіе, какъ только приходятъ въ соприкосновеніе съ зрѣлищами, неодушевленности ихъ доступными». И въ примѣръ приводитъ какого-то ближняго помѣщика, который, будучи разбитъ параличемъ, десять лѣтъ лежалъ недвижимъ въ креслѣ, но и за всѣмъ тѣмъ радостно мычалъ, когда ему приносили оброкъ...

Я согласенъ, что въ объясненіи этомъ есть извѣстная доза преувеличенія, однако нахожу, что удовлетвориться имъ очень и очень возможно.

Всѣхъ войнъ «за просвѣщеніе» было четыре. Одна изъ нихъ описана выше; изъ остальныхъ трехъ первая имѣла цѣлью разъяснить глуповцамъ пользу отъ устройства подъ домами каменныхъ фундаментовъ; вторая возникла вслѣдствіе отказа обывателей разводить персидскую ромашку, и третья наконецъ имѣла поводомъ учрежденіе въ Глуповѣ академіи. Вообще видно, что Бородавкинъ былъ утопистъ, и что еслибъ онъ пожилъ подольше, то навѣрное кончилъ бы тѣмъ, что выстроилъ бы въ Глуповѣ фаланстеръ.

Подробно описывать этотъ рядъ блестящихъ подвиговъ нѣтъ никакой надобности, такъ-какъ дальнѣйшіе походы уже не представляютъ тѣхъ интересныхъ эпизодовъ, какими отличалась первая война. Но не лишнее будетъ указать здѣсь на общій характеръ ихъ.

Со стороны Бородавкина замѣчается весьма значительное усовершенствованіе. Онъ съ большею тщательностью подготовляетъ матеріалы для возмущеній и съ большею быстротою подавляетъ ихъ. Самый трудный походъ, имѣвшій поводомъ заведеніе академіи, продолжался лишь два дня; остальные — не болѣе нѣсколькихъ часовъ. Обыкновенно, Бородавкинъ, напившись утромъ чаю, кликалъ кличъ; сбѣгались оловянные солдатики, мгновенно наливались кровью и во весь духъ бѣжали до мѣста. Къ обѣду, Бородавкинъ возвращался домой, и пѣлъ благодарственную пѣснь. Такимъ образомъ, онъ достигъ, на-

конецъ, того, что черезъ нѣсколько лѣтъ, ни одинъ глуповецъ не могъ указать на тѣлѣ своемъ мѣста, которое не было бы высѣчено.

Со стороны обывателей, какъ и прежде, царствовало полнѣйшее недоразумѣніе. Изъ разсказовъ лѣтописца видно, что они и рады были не бунтовать, но никакъ не могли устроить это, ибо не знали, въ чемъ собственно заключается бунтъ, и что должно разумѣть подъ исполненіемъ требованій начальства. И въ самомъ дѣлѣ, Бородавкинъ опутывалъ ихъ чрезвычайно ловко. Обыкновенно онъ ничего порядкомъ не разъяснялъ, а дѣлалъ извѣстными свои желанія посредствомъ прокламацій, которыя секретно, по ночамъ, наклеивались на угловыхъ домахъ всѣхъ улицъ. Прокламаціи писались въ духѣ нынѣшнихъ объявленій отъ магазина Кача, при чемъ крупными буквами печатались слова совершенно несущественныя, а все существенное изображалось самымъ мелкимъ шрифтомъ. Сверхъ того, допускалось употребленіе латинскихъ названій; такъ напримѣръ, персидская ромашка называлась не персидской ромашкой, а «Pyrethrum roseum», иначе слюногонъ, слюногонка, жгунецъ, принадлежитъ къ семейству «Compositasas» и т. д. Изъ этого выходило слѣдующее: грамотѣи, которымъ обыкновенно поручалось чтеніе прокламацій, выкрикивали только тѣ слова, которыя были напечатаны прописными буквами, а прочія скрадывали, Какъ напримѣръ (см. прокламацію о персидской ромашкѣ):

Извѣстно

какое опустошеніе производятъ клопы, блохи и т. д.

Наконецъ нашли!!!

Предпріимчивые люди вывезли съ дальнаго востока и т. д.

Подумайте!

обитатели города Глупова! и т. д.

Изъ всѣхъ этихъ словъ, народъ понималъ только: «извѣстно», «подумайте», и «наконецъ нашли». И когда грамотѣи выкрикивали эти слова, то народъ снималъ шапки, вздыхалъ и крестился. Ясно, что въ этомъ не только не было бунта, а было скорѣе совершенно безпрекословное исполненіе предначертаній начальства. Народъ, доведенный до вздыханія — какого еще идеала можно требовать!

Стало быть, все дѣло заключалось въ недоразумѣніи, и это оказывается тѣмъ достовѣрнѣе, что глуповцы даже и до сего дня не могутъ разъяснить значеніе слова «академія», хотя его-то именно и напечаталъ Бородавкинъ крупнымъ шрифтомъ (см. въ полномъ собраніи прокламацій № 1089). Мало того: лѣтописецъ доказываетъ, что глуповцы даже усиленно добивались,

чтобъ Бородавкинъ пролилъ свѣтъ въ ихъ темныя головы, но успѣха не получили и не получили именно по винѣ самого градоначальника. Они нерѣдко ходили всѣмъ обществомъ на градоначальническій дворъ и говорили Бородавкину:

— Развяжи ты насъ, сдѣлай милость! укажи намъ конецъ!

— Прочь, буяны! обыкновенно отвѣчалъ Бородавкинъ.

— Какіе мы буяны! знать не видывалъ ты, какіе буяны бываютъ! Сдѣлай милость скажи, каку-таку выдумку ты на насъ выдумалъ!

Но Бородавкинъ молчалъ. Почему онъ молчалъ? потому ли, что считалъ непониманіе глуповцевъ не болѣе, какъ уловкой, скрывавшей за собой упорное противодѣйствіе, или потому, что хотѣлъ сдѣлать обывателямъ сюрпризъ — достовѣрно опредѣлить нельзя. Но должно думать, что тутъ примѣшивалось отчасти и то и другое. Никакому администратору, ясно понимающему пользу предпринимаемой мѣры, никогда не кажется, чтобъ эта польза могла быть для кого-нибудь неясною или сомнительною. Съ другой стороны, всякій администраторъ непремѣнно фаталистъ и твердо вѣруетъ, что, продолжая свой административный бѣгъ, онъ, въ концѣ концовъ, все-таки очутится лицомъ къ лицу съ человѣческимъ тѣломъ. Слѣдовательно, если начать предотвращать эту неизбѣжную развязку предварительными разглагольствіями, то не значитъ ли это еще больше растравлять ее и придавать ей болѣе ожесточенный характеръ? Наконецъ, всякій администраторъ добивается, чтобы къ нему питали довѣріе, а какой наилучшій способъ выразить это довѣріе, какъ не безпрекословнымъ исполненіемъ того, чего не понимаешь? Кажется, этихъ основаній вполнѣ достаточно, чтобъ объяснить сдержанность, которую соблюдалъ Бородавкинъ во всемъ этомъ дѣлѣ.

Какъ бы то ни было, но глуповцы всегда узнавали о предметѣ похода лишь по окончаніи его.

Но какъ ни казались блестящими пріобрѣтенные Бородавкинымъ результаты, въ существѣ они были далеко не благотворны. Строптивость была истреблена—это правда, но въ то же время было истреблено и довольство. Жители понурили головы и какъ бы захирѣли; нѐхотя они работали на поляхъ, нѐхотя возвращались домой, нѐхотя садились за скудную трапезу и слонялись изъ угла въ уголъ, словно все опостылѣло имъ.

— Ахъ! пропади оно прòпадомъ! говорили они межь собой:— инъ запалилъ бы онъ со всѣхъ сторонъ — и дѣло съ концомъ!

Въ довершеніе всего, глуповцы насѣяли горчицы и персидской ромашки столько, что цѣна на эти продукты упала до не-

вѣроятности. Послѣдовалъ экономическій кризисъ и не было ни Молинари, ни Безобразова, чтобъ объяснить, что это-то и есть настоящее процвѣтаніе. Не только драгоцѣнныхъ металловъ и мѣховъ не получали обыватели въ обмѣнъ за свои продукты, но не на что было купить даже хлѣба.

Однако, до 1790 года дѣло все еще кой-какъ шло. Съ полной порціи обыватели перешли на полпорцію, но даней не задерживали и къ просвѣщенію оказывали даже нѣкоторое пристрастіе. Въ 1790 году, повезли глуповцы на главные рынки свои продукты, и никто у нихъ ничего не купилъ: всѣмъ стало жаль клоповъ. Тогда жители перешли на четверть порціи и дани задержали. Въ это же время, словно на смѣхъ, вспыхнула во Франціи революція и стало всѣмъ ясно, что «просвѣщеніе» полезно только, такъ сказать, непросвѣщенное. Бородавкинъ получилъ бумагу, въ которой ему рекомендовалось: «по случаю извѣстнаго вамъ происшествія извольте прилежно смотрѣть, дабы неисправимое сіе зло искореняемо было безъ всякаго упущенія».

Только тогда Бородавкинъ спохватился и понялъ, что шелъ слишкомъ быстрыми шагами. Начавъ собирать дани, онъ съ удивленіемъ и негодованіемъ увидѣлъ, что дворы пусты, и что если встрѣчались кой-гдѣ куры, то и тѣ были тощія отъ безкормицы. Но, по обыкновенію, онъ обсудилъ этотъ фактъ не прямо, а съ своей собственной оригинальной точки зрѣнія, то-есть увидѣлъ въ немъ бунтъ, произведенный на сей разъ уже не невѣжествомъ, а излишествомъ просвѣщенія.

— Вольный духъ завели! кричалъ онъ безъ памяти: — на французовъ поглядываете! Я покажу вамъ французовъ!

И вотъ начался цѣлый рядъ походовъ, — походовъ уже противъ просвѣщенія. Въ первый походъ, Бородавкинъ спалилъ слободу Навозную, во второй — раззорилъ Негодницу, въ третій — расточилъ Болото. Но подати все задерживались. Наступала минута, когда ему предстояло остаться на развалинахъ одному съ своимъ секретаремъ, и онъ дѣятельно приготовлялся къ этой минутѣ. Но Провидѣніе не допустило. Въ 1798 году, уже собраны были скоровоспалительные матеріалы для сожженія всего города, какъ вдругъ Бородавкина не стало... «Всѣхъ расточилъ онъ», говоритъ по этому случаю лѣтописецъ, «даже поповъ для напутствія не оказалось. Вынуждены были позвать сосѣдняго капитанъ-исправника, который и засвидѣтельствовалъ исшествіе многомятежнаго духа его».

Н. Щедринъ.

БѢШЕНЫЯ ДЕНЬГИ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Вмѣсто пролога).

ЛИЦА.

Савва Геннадичъ Васильковъ — провинціалъ, лѣтъ 35. Говоритъ слегка на «о», употребляетъ поговорки, принадлежащія жителямъ городовъ средняго теченія Волги: *когда же нѣтъ* — вмѣсто да; *ни, Боже мой!* вмѣсто отрицанія, *шаберъ* вмѣсто сосѣдъ. Провинціальность замѣтна и въ платьѣ.
Иванъ Петровичъ Телятевъ, неслужащій дворянинъ лѣтъ 40.
Григорій Борисовичъ Кучумовъ, лѣтъ 60-ти, важный баринъ, въ отставкѣ съ небольшимъ чиномъ, имѣетъ и по женѣ и по матери много титулованной родни.
Егоръ Дмитричъ Глумовъ.
Надежда Антоновна Чебоксарова, пожилая дама съ важными манерами.
Лидія Юрьевна, ея дочь, 24 лѣтъ.
Андрей, слуга Чебоксаровыхъ.
Григорій, слуга Телятева.
Николай, слуга Кучумова.
Мальчикъ изъ кофейной.
Гуляющіе.

Въ Петровскомъ паркѣ, въ саду Сакса; направо отъ зрителей ворота въ паркъ, налѣво кофейная.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Проходятъ гуляющіе, нѣкоторые останавливаются и читаютъ афишу на воротахъ. Телятевъ *и* Васильковъ *выходятъ изъ кофейной.*

Телятевъ (*что-то жуетъ*).

Ну, да, ну, да! (*въ сторону*). Когда онъ отстанетъ!

Васильковъ.

Я хочу сказать, что она, по своей миловидности, очень привлекательная дѣвица.

Телятевъ.

Вотъ новость! Какое открытіе вы сдѣлали. Кто же этого не знаетъ! (*Снимаетъ шляпу и кланяется*). Совершенная правда-съ. Чебоксарова хороша,—дважды два четыре. Вы еще такой безспорной истины не знаете ли?

Васильковъ.

Я хотѣлъ вамъ сказать, что она мнѣ очень понравилась.

Телятевъ.

Еще лучше. Да кому же она не нравится! Помилуйте вы меня! И что тутъ для меня интереснаго, что она вамъ нравится. Вы, должно быть, издалека пріѣхали?

Васильковъ.

Да, не близко таки.

Телятевъ.

Вотъ бы вы меня удивили, еслибъ сказали, что вы ей понравились. Это была бы штука любопытная! А что она вамъ нравится, диковины тутъ нѣтъ. Я знаю человѣкъ пятнадцать, которые въ нее влюблены безъ памяти, только изъ взрослыхъ людей, а если считать съ гимназистами, такъ и конца нѣтъ. А вы знаете что? Вы попробуйте сами ей понравиться.

Васильковъ.

Да развѣжъ это такъ трудно?

Телятевъ.

Ну, да ужь я вамъ скажу.

Васильковъ.

А что-жь нужно для того? какія качества?

Телятевъ.

Такія, какихъ нѣтъ у насъ съ вами.

Васильковъ.

А, позвольте, напримѣръ?

Телятевъ.

А напримѣръ: полмилліона денегъ, или около того.

Васильковъ.

Это ничего...

Телятевъ.

Какъ, ничего! Батюшка вы мой! Да чтожь, милліоны-то какъ грибы ростутъ? Или вы Ротшильдамъ племянникъ, тогда и разговаривать нечего.

Васильковъ.

Хотя ни то, ни другое; но нынче такое время, что съ большимъ умомъ...

Телятевъ.

Вотъ видите ли, съ умомъ, да еще съ большимъ. Значитъ,

прежде надо умъ имѣть. А у насъ большіе умы такъ же рѣдки, какъ и милліоны. Да оставимте лучше объ умѣ говорить; а то кто нибудь изъ знакомыхъ услышитъ, смѣяться станутъ. Умные люди сами по себѣ, а мы сами по себѣ. Значитъ, умъ по боку. Ну его! Гдѣ его взять, коли Богъ не далъ!

Васильковъ.

Нѣтъ, я не такъ скоро откажусь отъ этой способности. Но что же еще нужно, чтобы ей понравиться?

Телятевъ.

Красивый гвардейскій мундиръ, да чинъ, по крайней-мѣрѣ, полковника, да врожденную свѣтскость, которой ужь научиться никакъ нельзя.

Васильковъ.

Это же очень странно. Неужели никакими другими достоинствами, никакими качествами ума и сердца нельзя покорить эту дѣвушку?

Телятевъ.

Да какъ же она узнаетъ про ваши качества ума и сердца? Астрономію что ли вы напишите, да будете читать ей!

Васильковъ.

Жалѣю, очень жалѣю, что она такъ недоступна.

Телятевъ.

Да вамъ-то что же?

Васильковъ.

Вотъ видите-ли, я съ вами откровенно буду говорить; у меня особаго рода дѣла и мнѣ именно нужно такую жену, блестящую и съ хорошимъ тономъ.

Телятевъ.

Ну, да мало ли что кому нужно! Что, вы богаты очень?

Васильковъ.

Нѣтъ еще.

Телятевъ.

Значитъ, надѣетесь разбогатѣть.

Васильковъ.

Въ настоящее время...

Телятевъ.

Да что вы все съ настоящимъ временемъ!

Васильковъ.

Потому болѣе, что именно въ настоящее время разбогатѣть очень возможно.

Телятевъ.

Ну, это кому какъ Богъ дастъ. Это еще буки. А въ настоя-

щее-то время вы имѣете что нибудь вѣрное? Скажите! Я васъ не ограблю.

Васильковъ.

Я вполнѣ увѣренъ, что не ограбите. Вѣрнаго я имѣю, безъ всякаго риску, три лѣсныя дачи при моемъ имѣніи, что можетъ составить тысячъ пятьдесятъ.

Телятевъ.

Это хорошо, пятьдесятъ тысячъ деньги; съ ними въ Москвѣ можно имѣть на сто тысячъ кредита; вотъ вамъ и полтораста тысячъ. Съ такими деньгами можно довольно долго жить съ пріятностями.

Васильковъ.

Но вѣдь надо же будетъ платить наконецъ.

Телятевъ.

А вамъ-то какая печаль! Что вы ужь очень заботливы! Вотъ охота лишнюю думу въ головѣ имѣть! Это дѣло предоставьте кредиторамъ, пусть думаютъ и получаютъ, какъ хотятъ. Что вамъ въ чужое дѣло мѣшаться: наше дѣло умѣть занять, ихъ дѣло умѣть получить.

Васильковъ.

Не знаю, такихъ операцій не производилъ; наши операціи имѣютъ совсѣмъ другія основанія и разсчеты.

Телятевъ

Вы еще молоды, дойдете и до нашихъ разсчетовъ.

Васильковъ.

Не спорю. Но позвольте просить васъ познакомить меня съ Чебоксаровыми. Хотя я имѣю мало вѣроятности понравиться, но надежда, знаете ли, никогда не покидаетъ человѣка. Я какъ увидалъ ее съ недѣлю тому назадъ, все о ней и мечтаю. Я узналъ, гдѣ они живутъ, и въ томъ же домѣ квартиру нанялъ, чтобы видѣть ее почаще. Стыдно дѣловому человѣку увлекаться; но, что дѣлать, я въ любви еще юноша. Познакомьте, прошу васъ.

Телятевъ.

Извольте, съ удовольствіемъ.

Васильковъ (*крѣпко жметъ ему руку*).

Если я вамъ могу быть чѣмъ нибудь полезенъ...

Телятевъ.

Бутылку шампанскаго, я другихъ взятокъ не беру. Будетъ бутылка?

Васильковъ.

Когда же нѣтъ! Во всякое время и сколько вамъ угодно

(*крѣпко жметъ Телятеву руку*). Я, право, такъ вамъ благодаренъ.

Телятевъ.

Да позвольте, позвольте, руку-то! Это чортъ знаетъ что!

Васильковъ (*оглядывается, не выпуская руки Телятева*).

Кажется, онѣ?

Телятевъ.

Онѣ, онѣ.

Васильковъ.

Пойду поближе, полюбоваться. Право, я такой чувствительный!... Вамъ, можетъ быть, смѣшно.

Телятевъ.

Да вы руку-то...

Васильковъ.

Извините! Я надѣюсь васъ найти на этомъ мѣстѣ.

Телятевъ.

Надѣйтесь. (*Васильковъ поспѣшно уходитъ. Входитъ Глумовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Телятевъ и Глумовъ.

Глумовъ.

Что за шутъ гороховый съ тобой разговаривалъ?

Телятевъ.

Это мнѣ Богъ на шапку послалъ за мою простоту.

Глумовъ.

Что жь тебѣ за барышъ?

Телятевъ.

Шампанскимъ поитъ.

Глумовъ.

А! это недурно.

Телятевъ.

Я вотъ погляжу, погляжу на него, да должно быть денегъ у него займу.

Глумовъ.

Это еще лучше, коли дастъ, разумѣется.

Телятевъ.

Думаю, что дастъ; я ему нуженъ.

Глумовъ.

Перестань, сдѣлай милость! Кому и для чего ты можешь быть нуженъ!

Телятевъ.

А вотъ слушай.

Глумовъ.

Слушаю.

Телятевъ.

Я увидалъ его въ первый разъ здѣсь, въ паркѣ, съ недѣлю тому назадъ. Иду я по той аллеѣ и издали вижу: стоитъ человѣкъ, розиня ротъ и вытаращивъ глаза; шляпа на затылкѣ. Меня взяло любопытство, на что онъ такъ удивляется. Слона не водятъ, пѣтухи не дерутся. Гляжу и, чтожь бы ты думалъ, на кого онъ такъ уставился? Угадай!

Глумовъ.

На кого, не знаю. Какое диво въ паркѣ можетъ быть.

Телятевъ.

На Чебоксарову.

Глумовъ.

У него губа-то не дура.

Телятевъ.

Коляска Чебоксаровыхъ остановилась, кругомъ нея толпа молодежи, онѣ обѣ разговаривали съ кѣмъ-то, ужь не знаю; а онъ стоитъ поодаль, такъ и впился глазами. Коляска тронулась, онъ бросился вслѣдъ за ней, человѣкъ пять сшибъ съ ногъ, и мнѣ досталось. Сталъ извиняться, тутъ мы и познакомились.

Глумовъ.

Поздравляю.

Телятевъ.

А сегодня, представь себѣ, увидалъ, что я разговаривалъ съ Чебоксаровыми, ухватилъ меня чуть не за воротъ, втащилъ въ садъ, спросилъ бутылку шампанскаго, потомъ другую, ну, мы и выпили малымъ дѣломъ. А вотъ здѣсь открылся мнѣ, что влюбленъ въ Чебоксарову и желаетъ на ней жениться. Видишь ты, по его дѣламъ,—а какія у него дѣла, самъ чортъ не разберетъ, — ему именно такую жену нужно; ну, разумѣется, просилъ меня познакомить его съ ними.

Глумовъ.

Ахъ, онъ эѳіопъ! Вотъ потѣха-то! Пріѣхалъ откуда-то изъ Камчатки и прямо жениться на лучшей нашей невѣстѣ. Видишь ты, у него дѣла такія, что ему непремѣнно нужно жениться на ней. Какая простота! Мало ли у кого какія дѣла! Вотъ и у меня дѣла такія, что мнѣ нужно на богатой невѣстѣ жениться, да не отдаютъ. Что онъ такое за птица? Что онъ дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ?

Телятевъ.

Это ужь одному аллаху извѣстно.

Глумовъ.

Объясни мнѣ его слова, манеры; и я тебѣ сразу скажу, кто онъ.

Телятевъ.

Нѣтъ, пожалуй, и съ двухъ не скажешь. Онъ дворянинъ, а разговариваетъ, какъ матросъ съ волжскаго парохода.

Глумовъ.

Судохозяинъ, свои пароходы имѣетъ на Волгѣ.

Телятевъ.

Сталъ расплачиваться за вино, вынулъ бумажникъ вотъ какой *(показываетъ руками)*, полъаршина навѣрное. Чего тамъ нѣтъ! Акціи всякія, счеты на разныхъ языкахъ, засаленыя письма на сѣрой бумагѣ, писанныя мужицкимъ почеркомъ.

Глумовъ.

Да богатъ онъ?

Телятевъ.

Едва-ли. Говоритъ, что есть имѣніе небольшое и тысячъ на пятьдесятъ лѣсу.

Глумовъ.

Невелико дѣло. Виноватъ, онъ не пароходчикъ.

Телятевъ.

Онъ небогатъ, или скупъ; заплатилъ за вино и сейчасъ же при мнѣ записалъ въ книжку въ расходъ.

Глумовъ.

Не конторщикъ ли? А какъ характеромъ?

Телятевъ.

Простъ и наивенъ, какъ институтка.

Глумовъ.

Простъ и наивенъ... не шулеръ ли?

Телятевъ.

Не могу сказать. А вотъ пьетъ шампанское, такъ на диво: отчетливо, методически, точно воду зельтерскую. Выпили по бутылкѣ, и хоть бы краска въ лицѣ прибавилась, хоть бы голосъ поднялся.

Глумовъ.

Ну, такъ сибирякъ, навѣрное сибирякъ.

Телятевъ.

Сигары куритъ дорогія, пофранцузски говоритъ отлично, только съ какимъ-то акцентомъ небольшимъ.

Глумовъ.

Теперь знаю, агентъ какого-нибудь торговаго дома лондонскаго, и толковать нечего.

Телятевъ.

Разбирай его, какъ знаешь! вотъ задачу-то задалъ!

Глумовъ.

Ну, да кто бы онъ ни былъ, а комедію сыграть нужно. Мы ужь и то давно не смѣялись, всѣ пріуныли что-то.

Телятевъ.

Только въ твоей комедіи комическія-то роли, пожалуй, достанутся намъ.

Глумовъ.

Нѣтъ, мы будемъ играть злодѣевъ, по крайней мѣрѣ, я... И вотъ съ чего начинается: ты познакомь этого чудака съ Чебоксаровыми, а я скажу Надеждѣ Антоновнѣ, что у него золотые пріиски; и будемъ любоваться, какъ она станетъ за нимъ ухаживать.

Телятевъ.

А ну, какъ узнаютъ, что это вздоръ, какъ окажется, что у него только и есть Чухломская деревня.

Глумовъ.

А намъ-то что! Мы скажемъ, что отъ него слышали, что онъ самъ хвасталъ.

Телятевъ.

Ну, зачѣмъ же!

Глумовъ.

Что жь, тебѣ его жалко? Эка телячья натура! Ну, мы скажемъ, что ошиблись, что у него не золотые пріиски, а пріиски брусники по лѣсамъ. *(Подходитъ Васильковъ).*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Телятевъ, Глумовъ, Васильковъ.

Телятевъ.

Нагляделись на свою красавицу?

Васильковъ.

До сытости.

Телятевъ.

Позвольте васъ познакомить! Савва Геннадичъ Васильковъ, Егоръ Дмитричъ Глумовъ.

Васильковъ *(крѣпко жметъ руку Глумова).*

Очень пріятно.

Глумовъ.

А мнѣ вотъ непріятно, что вы крѣпко руку жмете.

Васильковъ.

Извините, провинціальная привычка.

Глумовъ.

Васъ зовутъ: «Савва», вѣдь это не то, что Савватій?

Васильковъ *(очень учтиво).*

Нѣтъ, то другое имя.

Глумовъ.

И не то, что Севастьянъ?

Васильковъ.

Нѣтъ, Севастіанъ погречески значитъ: достойный почета, а Савва слово арабское.

Глумовъ.

А Савёлъ?

Васильковъ.

Ну, ужь напрасно. Возьмите святцы и посмотрите.

Телятевъ.

Вы и погречески знаете?

Васильковъ.

Учился немного.

Глумовъ.

А потатарски?

Васильковъ.

Простой разговоръ понимаю — казанское нарѣчіе, а вотъ въ Крыму былъ, такъ съ трудомъ объяснялся.

Глумовъ *(въ сторону).*

Ужь это чортъ знаетъ, что̀ такое!

Телятевъ.

А вы давно изъ Крыма?

Васильковъ.

Дней десять, не болѣе. Я проѣздомъ былъ изъ Англіи.

Глумовъ *(въ сторону).*

Какъ вретъ-то!

Телятевъ.

Какъ же вы изъ Англіи въ Крымъ попали?

Васильковъ.

А на Суэзскомъ перешейкѣ земляныя работы меня интересовали и инженерныя сооруженія.

Глумовъ *(въ сторону).*

А можетъ быть, и не вретъ. *(Василькову)* Вы насъ застали, когда мы про бракъ разговаривали, то-есть не про тотъ бракъ, который бракуютъ, а про тотъ, который на простонародномъ языкѣ законнымъ называется.

Васильковъ.

Хорошій разговоръ.

Глумовъ.

Вотъ я хочу посвататься на Чебоксаровой.

Васильковъ.

Судя по ея красотѣ, вѣроятно, многіе желаютъ того же.

Глумовъ.

Но эти многіе глупы; они сами не знаютъ, зачѣмъ хотятъ жениться. Красота имъ нравится и они хотятъ только сами воспользоваться этой красотой, то-есть, похоронить ее, какъ мертвый капиталъ. Нѣтъ, красота не мертвый капиталъ, она должна приносить проценты. Только дуракъ можетъ жениться на Чебоксаровой безъ разсчета; на ней долженъ жениться или шулеръ, или человѣкъ, составляющій карьеру. У перваго ея красота будетъ служить приманкой для неопытныхъ юношей, у другаго приманкой для начальства и средствомъ къ быстрому повышенію.

Васильковъ.

Я буду спорить.

Глумовъ.

Вотъ вамъ разсчетъ вѣрный и благоразумный! Вотъ вамъ современный взглядъ на жизнь.

Васильковъ.

Я буду спорить.

Глумовъ.

Всѣ эти кислые толки о добродѣтели глупы ужь тѣмъ, что непрактичны. Нынче вѣкъ практическій.

Васильковъ.

Позвольте, я буду съ вами спорить.

Глумовъ.

Спорьте, пожалуй.

Васильковъ.

Честные разсчеты и теперь современны. Въ практическій вѣкъ честнымъ быть нетолько лучше, но и выгоднѣе. Вы, кажется, не совсѣмъ вѣрно понимаете практическій вѣкъ и плутовство считаете выгодной спекуляціей. Напротивъ, въ вѣка фантазіи и возвышенныхъ чувствъ плутовство имѣетъ болѣе простора и легче маскируется. Обмануть неземную дѣву, заоблачнаго поэта, обыграть романтика или провести на службѣ начальника, который занятъ элегіями, гораздо легче, чѣмъ практическихъ людей. Нѣтъ, вы мнѣ повѣрьте, что въ настоящее время плутовство спекуляція плохая.

Телятевъ.

Чебоксаровы подходятъ.

Васильковъ (*быстро хватая его за руку*).

Познакомьте; умоляю васъ!

Телятевъ.

Ой! (*Отдергиваетъ руку*). Съ величайшимъ удовольствіемъ. (*Подходятъ Надежда Антоновна и Лидія*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Надежда Антоновна, Лидія, Васильковъ, Телятевъ, Глумовъ.

Телятевъ (*Надеждѣ Антоновнѣ*).

Хотите, съ милліонщикомъ познакомлю?

Надежда Антоновна.

Да ты, тюлень, и солгать не дорого возьмешь.

Телятевъ.

Вѣдь я даромъ; процентовъ съ васъ не возьму.

Надежда Антоновна.

Познакомь! Да вѣдь ты дрянь, тебѣ вѣрить нельзя.

Телятевъ.

Ей-богу! Ну, вотъ еще!.. Савва Генадичъ!

Надежда Антоновна.

Погоди, погоди! что̀ за имя!

Телятевъ.

Ничего! не бойтесь! Милліонщиковъ всегда такъ зовутъ. (*Васильковъ подходитъ*). Честь имѣю вамъ представить друга моего, Савву Геннадича Василькова.

Надежда Антоновна.

Очень пріятно.

Васильковъ.

Искренно желалъ. Знакомства въ Москвѣ не имѣю.

Телятевъ.

Отличный человѣкъ, погречески говоритъ. (*Отходитъ къ Лидіи*).

Надежда Антоновна.

Судя по вашему имени, вы въ Греціи родились?

Васильковъ.

Нѣтъ, я въ Россіи, недалеко отъ Волги.

Надежда Антоновна

Вы гдѣ живете?

Васильковъ.

Въ деревнѣ, а то все въ разъѣздахъ.

Надежда Антоновна (*Глумову*).

Егоръ Дмитричъ, сыщите моего человѣка! (*Глумовъ подходитъ*).

Васильковъ.

Да позвольте, я бѣгомъ сбѣгаю. Его какъ зовутъ?

Надежда Антоновна.

Андреемъ.

Васильковъ.

Сію минуту отыщу вамъ.

Надежда Антоновна.

Возьмите у него мою шаль, что-то сыро становится. (*Говоритъ тихо съ Глумовымъ. Васильковъ уходитъ*).

Телятевъ (*Лидіи*).

Я противъ сырости мѣры принялъ.

Лидія.

Жаль; вы такой добрый, васъ можно бы любить, но вы такой развратный человѣкъ.

Телятевъ.

Я развратный человѣкъ?... Да вы добродѣтельнѣй меня не найдете. Я вамъ сейчасъ докажу.

Лидія.

Докажите!

Телятевъ.

Извольте! я вамъ представлю моего соперника, который уничтожитъ меня въ вашемъ сердцѣ.

Лидія.

Это совсѣмъ не такъ трудно; гораздо легче, чѣмъ вы думаете. (*Васильковъ съ шалью почти бѣгомъ подбѣгаетъ къ Надеждѣ Антоновнѣ; за нимъ Андрей*).

Васильковъ.

Нашелъ, вотъ онъ здѣсь-съ. (*Подаетъ шаль*).

Надежда Антоновна.

Ахъ, какъ вы меня испугали. (*Надѣвая шаль*). Благодарю васъ. Андрей, вели коляскѣ дожидаться у театра.

Андрей.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Телятевъ (*Василькову*).

Савва Генадичъ!

Лидія.

Какое имя!.. Онъ иностранецъ?

Телятевъ.

Изъ Чухломы.

Лидія.

Какая это земля? я не знаю. Ея нѣтъ въ географіи.

Телятевъ.

Недавно открыли. (*Васильковъ подходитъ*). Позвольте вамъ представить моего друга, Савву Генадича Василькова (*Лидія кланяется*). Онъ бывалъ въ Лондонѣ, въ Константинополѣ, въ Тетюшахъ, въ Казани; говоритъ, что видѣлъ красавицъ, но подобныхъ вамъ никогда.

Васильковъ.

Да перестаньте-жь! Я конфужусь.

Лидія.

Вы знаете въ Казани мадамъ Чурило-Пленкову?

Васильковъ.

Когда же нѣтъ!

Лидія.

Она, говорятъ, разошлась съ мужемъ.

Васильковъ.

Ни, Боже мой!

Лидія.

Подворотникова знаете?

Васильковъ.

Онъ мой шабёръ. (*Лидія взглядываетъ на Телятева. Нѣсколько времени молчанія. Васильковъ, конфузясь, отходитъ*).

Лидія.

На какомъ онъ языкѣ говоритъ?

Телятевъ.

Онъ очень долго былъ въ плѣну у ташкентцевъ. (*Говорятъ тихо*).

Глумовъ (*Надеждѣ Антоновнѣ*).

У него пріиски, самые богатые по количеству золота, изъ каждаго пуда песку фунтъ золота намываютъ.

Надежда Антоновна (*Взглядываетъ на Василькова*).

Неужели?

Глумовъ.

Онъ самъ говоритъ. Оттого онъ такъ и дикъ, что все въ тайгѣ живетъ съ бурятами.

Надежда Антоновна (*ласково смотритъ на Василькова*).

Скажите! По наружности никакъ нельзя догадаться.

Глумовъ.

Какъ же вы золотопромышленника узнаете по наружности? Не надѣть же ему золотое пальто! Довольно и того, что у него всѣ карманы набиты чистымъ золотомъ; онъ прислугѣ на водку даетъ горстями.

Надежда Антоновна.

Какъ жаль, что онъ такъ неразумно тратитъ деньги.

Глумовъ.

А для кого же ему беречь, онъ человѣкъ одинокій. Ему нужно хорошую жену, а главное, умную тещу.

Надежда Антоновна (*очень ласково смотритъ на Василькова*).

А онъ вѣдь и собой не дуренъ.

Глумовъ.

Да, между тунгусами былъ бы даже красавцемъ.

Надежда Антоновна (*Лидіи*).

Пройдемъ, Лидія, еще разъ. Господа, я гуляю, мнѣ докторъ велѣлъ каждый вечеръ гулять. Кто съ нами?

Васильковъ.

Если позволите.

Надежда Антоновна (*пріятно улыбаясь*).

Благодарю васъ, очень рада. (*Уходятъ: Надежда Антоновна, Лидія, Васильковъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Глумовъ и Телятевъ.

Глумовъ.

Ну, комедія начинается.

Телятевъ.

Ты таки сказалъ?

Глумовъ.

Развѣ я пропущу такой случай!

Телятевъ.

То-то она поглядывала на него очень сладко.

Глумовъ.

Пусть маменька съ дочкой за нимъ ухаживаютъ, а онъ таетъ отъ любви; мы доведемъ ихъ до экстаза, да потомъ и разочаруемъ.

Телятевъ.

Не ошибись. Повѣрь мнѣ, что онъ женится на Чебоксаро-

вой и увезетъ ее въ Чебоксары. Мнѣ страшно его, точно сила какая-то идетъ на тебя. *(Подходитъ Кучумовъ).*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Телятевъ, Глумовъ, Кучумовъ.

Кучумовъ *(издали).*

Ma in Ispania, ma in Ispania... mille e tre... (*Подходитъ гордо, подымая голову кверху*).

Телятевъ.

Здравствуй, князинька!

Кучумовъ.

Какую я сегодня кулебяку ѣлъ, господа, просто объяденье! Mille e tre...

Глумовъ.

Не на похоронахъ ли, не отъ кандитера ли?

Кучумовъ.

Что̀ за вздоръ! Ma in Ispania... Купецъ одинъ зазвалъ. Я очень много для него сдѣлалъ, а теперь ему нужно какую-то привиллегію имѣть. Ну, я обѣщалъ. Что̀ для меня значитъ!

Глумовъ.

Да и обѣщать-то ничего не значитъ.

Кучумовъ.

Какой у тебя, братецъ, языкъ злой. (*Грозитъ пальцемъ*). Ужь ты дождешься, выгонятъ тебя изъ Москвы. Смотри. Мнѣ только слово сказать.

Глумовъ.

Да ты давно бы сказалъ; можетъ быть, Богъ дастъ, попаду въ общество людей поумнѣй васъ.

Кучумовъ.

Ну, ну! (*Махнувъ рукой*). Съ тобой не сговоришь.

Телятевъ.

А коли не сговоришь, такъ и не начинай. Я всегда такъ дѣлаю.

Кучумовъ.

Mille e tre... Да, да, да. Я и забылъ. Представьте, какой случай: я вчера одиннадцать тысячъ выигралъ.

Телятевъ.

Ты ли, не другой ли кто?

Глумовъ (*горячо*).

Гдѣ и какъ, говори скорѣй!

Кучумовъ.

Въ купеческомъ клубѣ.

Телятевъ.

И получилъ?

Кучумовъ.

Получилъ.

Телятевъ.

Разсказывай по порядку!

Глумовъ.

Удивительно, если правда.

Кучумовъ (*съ сердцемъ*).

Ничего нѣтъ удивительнаго! Будто ужь я и не могу выиграть! Заѣзжаю я вчера въ купеческій клубъ, прошолъ раза два по заламъ, посмотрѣлъ карточку кушанья, велѣлъ приготовить себѣ устрицъ...

Глумовъ.

Какія теперь устрицы!

Кучумовъ.

Нѣтъ, забылъ, велѣлъ приготовить перменей. Подходитъ ко мнѣ какой-то господинъ...

Телятевъ.

Незнакомый?

Кучумовъ.

Незнакомый. Говоритъ: не угодно ли, вашему сіятельству, въ бакару? Извольте, говорю, извольте! Денегъ со мной было много, рискну, думаю, тысчонку-другую. Садимся, начинаемъ съ рубля, и повезло мнѣ, что называется, дурацкое счастіе. Ужь онъ мѣнялъ, мѣнялъ карты, видитъ, что дѣло плохо; довольно, говоритъ. Стали считаться, двѣнадцать съ половиной тысячъ... Вынулъ деньги...

Глумовъ.

Ты говорилъ одиннадцать.

Кучумовъ.

Ужь не помню хорошенько. Что-то около того.

Телятевъ.

Кто же это проигрываетъ по двѣнадцати тысячъ въ вечеръ? Такихъ людей нельзя не знать.

Кучумовъ.

Говорятъ, пріѣзжій.

Глумовъ.

Да я вчера былъ въ купеческомъ клубѣ, тамъ никакого разговора не было.

Кучумовъ.

Я пріѣхалъ очень рано, почти еще никого не было и всю игру-то мы кончили въ полчаса.

Глумовъ.

Съ тебя ужинъ сегодня.

Телятевъ.

Ужинъ у насъ есть съ Василькова, а ты насъ поди коньячкомъ поподчуй, что-то сыро становится.

Кучумовъ.

Да ты, пожалуй, цѣлую бутылку выпьешь, вѣдь это по рюмкамъ-то дорого обойдется.

Телятевъ.

Нѣтъ, я рюмку, много двѣ.

Кучумовъ.

Коли двѣ, пожалуй. А я васъ въ воскресенье обѣдомъ накормлю дома, дамъ вамъ севрюгу свѣжую, ко мнѣ изъ Нижняго привезли живую, дупелей и такого бургонскаго, что вы...

Телятевъ (*беретъ его подъ руку*).

Пойдемъ, пойдемъ! У меня ужь зубы начинаютъ стучать отъ сырости; пожалуй, лихорадку схватишь. (*Уходятъ. Подходятъ: Надежда Антоновна, Лидія, Васильковъ и человѣкъ Чебоксаровыхъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Надежда Антоновна, Лидія, Васильковъ и Андрей.

Надежда Антоновна (*Андрею*).

Вели коляскѣ подъѣхать поближе!

Андрей.

Слушаю-съ! (*Уходитъ и скоро возвращается*).

Надежда Антоновна (*Василькову*).

Благодарю васъ, намъ пора ѣхать. Прошу васъ бывать у насъ.

Васильковъ.

Когда прикажете?

Надежда Антоновна.

Когда угодно. Я принимаю отъ 2-хъ до 4-хъ, лучше всего вы пріѣзжайте къ намъ обѣдать за-просто. По вечерамъ мы ѣздимъ гулять.

Васильковъ.

Почту за счастіе быть у васъ при первой возможности. Лидія Юрьевна, я человѣкъ простой, позвольте мнѣ выразить вамъ все мое удивленіе къ вашей несравненной красотѣ.

Лидія.

Благодарю васъ. (*Отходитъ и замѣтя, что мать говоритъ съ Васильковымъ, выражаетъ нетерпѣніе*).

Надежда Антоновна.

Такъ мы васъ ждемъ.

Васильковъ.

Не преминую. Завтра же воспользуюсь вашимъ обязательнымъ приглашеніемъ. Я живу недалеко отъ васъ.

Надежда Антоновна.

Неужели?

Васильковъ.

Въ одномъ домѣ, только по другой лѣстницѣ. (*Надежда Антоновна*, *уходя*, *нѣсколько разъ оглядывается. Васильковъ долго стоитъ безъ шляпы неподвижно и смотритъ имъ въ слѣдъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Васильковъ (*одинъ*).

Васильковъ.

Какъ она ласкова со мною. Удивительно! Должно быть, она или очень доброе сердце имѣетъ, или очень умна, что черезъ грубую провинціальную кору видитъ мою доброту. Но какъ еще я сердцемъ слабъ! Вотъ, что значитъ очень долго и постоянно заниматься чистой и прикладной математикой. При сухихъ выкладкахъ сердце скучаетъ, за-то, когда представится случай, оно отмститъ и одурачитъ математика. Такъ и мнѣ сердце отмстило; я вдругъ влюбился, какъ несовершеннолѣтній, влюбился до того, что готовъ дѣлать глупости. Хорошо еще, что у меня воля твердая, и я, какъ бы ни увлекался, — изъ бюджета не выду. Ни Боже мой! Эта строгая подчиненность однажды опредѣленному бюджету не разъ спасала меня въ жизни. (*Задумывается*) О, Лидія, Лидія! Какъ сердце мое таетъ при одномъ воспоминаніи о тебѣ! Но ежели ты безсердечна, ежели ты любишь одни только деньги!... Да, такая красавица легко можетъ взять власть надъ моей младенческой душой. Я чувствую, что буду игрушкой женщины, ея покорнымъ рабомъ. Хорошо еще, что у меня довольно разсчета и я никогда не выйду изъ бюджета. (*Подходятъ: Кучумовъ, Телятевъ, Глумовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Васильковъ, Кучумовъ, Телятевъ, Глумовъ.

Телятевъ.

Ну что, познакомились? Легче стало на душѣ? Поздравляю. (*Цѣлуетъ Василькова*).

Васильковъ.

Я вамъ много обязанъ, и повѣрьте, не забуду.

Телятевъ.

Если забудете, я вамъ напомню. За вами бутылочка, поѣдемте ужинать, тамъ и разопьемъ. (*Кучумову*). Князинька, вотъ нашъ новый пріятель, Савва Генадичъ Васильковъ.

Кучумовъ.

А! Да! Вы пріѣзжій?

Васильковъ.

Пріѣзжій, ваше сіятельство.

Телятевъ.

Нѣтъ, онъ не сіятельство, онъ просто Гриша Кучумовъ, а это мы такъ его зовемъ, оттого что очень любимъ.

Кучумовъ.

Да! Наше общество слишкомъ взыскательно, слишкомъ высоко, довольно трудно попасть новичку, — много, много надо имѣть...

Телятевъ.

Что онъ вздоръ-то говоритъ!

Глумовъ.

Кабы наше общество было взыскательнѣе, такъ бы намъ съ тобой туда не попасть.

Телятевъ.

А вотъ что, не выпить ли здѣсь разгонную?

Васильковъ.

Если общество желаетъ. Человѣкъ, подай бутылку шампанскаго.

Глумовъ.

И четыре большихъ стакана.

Кучумовъ.

Ну да, четыре. Я тоже сдѣлаю вамъ честь, выпью съ вами.

Глумовъ.

Отсюда прямо въ клубъ, вотъ насъ партія (*Кучумову*). Мы твои вчерашнія двѣнадцать тысячъ-то пересчитаемъ.

Кучумовъ.

Не прилѣжи своихъ.

Телятевъ (*человѣку, который стоитъ у воротъ*).

Гришка! Григорій Алексѣичъ! (*подходитъ Григорій*). Григорій Алексѣичъ, надѣньте на меня пальто! Карета моя близко?

Григорій (*надѣвая пальто*).

Здѣсь, сударь, у воротъ!

Кучумовъ (*своему лакею*).

Николай (*подходитъ Николай*). Ну, что жь ты ротъ разинулъ! Стой здѣсь! Посадишь меня въ карету (*мальчикъ изъ кофейной подаетъ шампанское и стаканы*).

Васильковъ.

Пожалуйте, господа, покорно прошу (*всѣ берутъ стаканы*).

Телятевъ.

За успѣхъ! хотя вѣроятности мало.

Глумовъ.

За хлопоты, а успѣха не будетъ

Кучумовъ.

За какой успѣхъ?

Глумовъ.

Хочетъ жениться на Чебоксаровой.

Кучумовъ.

Да какъ это возможно! Да наконецъ, я не позволю.

Телятевъ.

Твоего позволенія и не спросятъ.

Васильковъ.

Угодно три тысячи пари? Я одинъ держу противъ троихъ, что женюсь на Чебоксаровой.

Кучумовъ.

Я никогда не держу пари.

Глумовъ.

Я бы и держалъ, да денегъ нѣтъ.

Телятевъ.

А я боюсь проиграть.

Васильковъ.

Ха, ха, ха! Господа москвичи! Вы струсили! Такъ зачѣмъ же было смѣяться! Идетъ, что ли, на чистоту? Вотъ три тысячи (*вынимаетъ деньги, всѣ киваютъ отрицательно*). Вино развязало мнѣ языкъ. Я полюбилъ Чебоксарову и женюсь на ней непремѣнно. Что я сказалъ, то и будетъ, я даромъ слова не говорю. Поѣдемте ужинать.

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Чебоксарова.
Лидія.
Кучумовъ.
Телятевъ.
Васильковъ.
Глумовъ.
Андрей.

Богато меблированная гостиная, съ картинами, коврами, драпри. Три двери: двѣ по бокамъ и одна входная.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Васильковъ *ходитъ взадъ и впередъ, изъ дверей налѣво выходитъ* Телятевъ.

Телятевъ.

Я думалъ, что ты давно уѣхалъ. Что же ты нейдешь къ дамамъ? Не хватаетъ храбрости?

Васильковъ.

Все мое несчастіе, что я не умѣю поддерживать разговора.

Телятевъ.

Какое тутъ умѣнье! Не нужно только заводить, особенно послѣ обѣда, ученыхъ споровъ. Говори, что̀ въ голову придетъ, лишь бы только была веселость, остроуміе, легкое злословіе, а ты толкуешь объ усѣченныхъ пирамидахъ, о кубическихъ футахъ.

Васильковъ.

Я уже теперь обдумалъ одинъ веселый анекдотъ, который хочу разсказать.

Телятевъ.

Такъ иди скорѣе, пока не забылъ.

Васильковъ.

А ты куда же торопишься?

Телятевъ.

Меня Лидія Юрьевна за букетомъ послала.

Васильковъ.

О, я вижу по всему, что ты мой самый опасный соперникъ.

Телятевъ.

Не бойся, другъ! Кто впродолженіе двадцати лѣтъ не пропустилъ ни одного балета, тотъ въ мужья не годится. Меня

не страшись и смѣло иди разсказывать свой анекдотъ (*Васильковъ уходитъ въ дверь налѣво; оттуда же выходитъ Глумовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Телятевъ и Глумовъ.

Глумовъ.

Этотъ еще здѣсь? Каковъ гусь! Нѣтъ, я вижу, пора его выгнать. Довольно, потѣшились. Жаль, что мы не подержали пари.

Телятевъ.

Я и теперь держать не стану.

Глумовъ.

Однако онъ тогда, въ купеческомъ, ловко насъ обработалъ. Хорошъ Кучумовъ! Говорилъ, что двѣнадцать тысячъ наканунѣ выигралъ, а тутъ 600 рублей отдать не могъ. Въ первый разъ человѣка видитъ и остался долженъ... Ты куда?

Телятевъ.

На Петровку.

Глумовъ.

Поѣдемъ вмѣстѣ. (*Уходятъ. Входятъ: Кучумовъ и Надежда Антоновна*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Кучумовъ и Надежда Антоновна.

Кучумовъ.

Muta d'aciento e de pensier...

Надежда Антоновна.

Съ нѣкоторыхъ поръ я только такія извѣстія и получаю.

Кучумовъ.

Хм, да... непріятно! e de pensier.

Надежда Антоновна.

Что ни день, то и жди какой нибудь новости въ такомъ родѣ.

Кучумовъ.

Но что же онъ тамъ дѣлаетъ, вашъ мужъ? Какъ же это такъ... допустить?... Не понимаю. Нашъ братъ, человѣкъ со смысломъ...

Надежда Антоновна.

А что жь онъ сдѣлать можетъ! Вѣдь вы читали, что онъ пишетъ: неурожай, засуха, лѣса всѣ сожжены на заводѣ, а отъ завода каждый годъ убытокъ. Онъ пишетъ, что ему теперь не-

премѣнно нужно тысячъ тридцать, что имѣніе ужь назначено въ продажу.

Кучумовъ.

Да что жь онъ, чудакъ... Развѣ у него мало знакомства! Да вотъ я напримѣръ... Вы ему такъ и напишите, чтобъ онъ ко мнѣ адресовался прямо. Muta d'aciento...

Надежда Антоновна.

Ахъ, другъ мой! Я всегда была въ васъ увѣрена.

Кучумовъ.

Ну, да что такое, что за одолженіе! По старому знакомству, я радъ... Что для меня значитъ...

Надежда Антоновна.

Григорій Борисычъ, но... ради Бога... я откровенна только съ вами, а для другихъ мы пусть останемся богатыми людьми. У меня дочь, ей двадцать-четыре года; подумайте, Григорій Борисычъ!

Кучумовъ.

Конечно, конечно.

Надежда Антоновна.

Намъ надо поддерживать себя... Пока еще есть кредитъ... но немного. Подойдетъ зима; театры, балы, концерты. Надо спросить у матерей, чего все это стоитъ. У меня Лидія ничего и слушать не хочетъ, ей чтобъ было. Она ни цѣны деньгамъ, ни счету въ нихъ не знаетъ. Поѣдетъ по магазинамъ, наберетъ товаровъ, не спрашивая цѣны, а потомъ я по счетамъ и расплачивайся.

Кучумовъ.

А жениховъ не предвидится?

Надежда Антоновна.

На ея вкусъ трудно угодить.

Кучумовъ.

Такую дѣвушку въ прежнее время давно тихонько бы увезли. Да, кажется, еслибъ у меня не старуха...

Надежда Антоновна.

У васъ шутки... А каково мнѣ, матери! Столько лѣтъ счастливой жизни, и вдругъ... Прошлую зиму я ее вывозила всюду, ничего для нея не жалѣла, прожили все, что было отложено ей на приданое, и все даромъ А нынче, вотъ ждала отъ мужа денегъ, и вдругъ такое письмо. Я ужь и не знаю, чѣмъ мы жить будемъ. Какъ я скажу Лидинькѣ? Это ее убьетъ.

Кучумовъ.

Да, вы, пожалуйста, коли что нужно, безъ церемоніи... Ужь позвольте мнѣ замѣнить Лидинькѣ отца на время его отсут-

ствія. Я знаю ее съ дѣтства и люблю, повѣрьте мнѣ больше, чѣмъ дочь... люблю... да.

Надежда Антоновна.

Не знаю, какъ вы любите, а для меня нѣтъ жертвы, которую бы я не принесла для нея.

Кучумовъ.

И я тоже самое, тоже самое. Зачѣмъ у васъ этотъ Васильковъ? Надо быть разборчивѣе.

Надежда Антоновна.

Отчего жъ ему не бывать?

Кучумовъ.

Непріятенъ... Кто онъ такой, откуда взялся, никто не знаетъ.

Надежда Антоновна.

И я не знаю. Знаю, что онъ дворянинъ, прилично держитъ себя.

Кучумовъ.

Да, ну такъ чтожъ?

Надежда Антоновна.

Хорошо говоритъ пофранцузски.

Кучумовъ.

Да. Невелико же достоинство.

Надежда Антоновна.

Говорятъ, что у него какія-то дѣла, важныя.

Кучумовъ.

И только. Немного же вы знаете.

Надежда Антоновна.

Кажется, неглупъ.

Кучумовъ.

Ну, ужъ объ этомъ позвольте мнѣ судить. Какъ же онъ къ вамъ попалъ?

Надежда Антоновна.

Не помню, право. Его представилъ кто-то, кажется Телятевъ. У насъ всѣ бываютъ.

Кучумовъ.

Ужь не думаетъ ли онъ жениться на Лидинькѣ?

Надежда Антоновна.

Кто же знаетъ, можетъ быть, и думаетъ.

Кучумовъ.

А состояніе есть?

Надежда Антоновна.

Я, признаться сказать, такъ мало о немъ думаю, что не интересуюсь его состояніемъ.

Кучумовъ.

Толкуетъ все, «нынѣшнее время, да нынѣшнее время».

Надежда Антоновна.

Теперь всѣ такъ говорятъ.

Кучумовъ.

Вѣдь этакъ можно и надоѣсть. Говори тамъ, гдѣ тебя слушать хотятъ. А что такое нынѣшнее время, лучше-ль оно прежняго? Гдѣ дворцы княжескіе и графскіе? Чьи они? Петровыхъ да Ивановыхъ. Гдѣ роговая музыка, я васъ спрашиваю. А бывало на закатѣ солнца, надъ прудами, а потомъ огни, а посланники-то смотрятъ. Вѣдь это слава Россіи. Гонять такихъ господъ надо.

Надежда Антоновна.

Зачѣмъ же? Напротивъ, я хочу приласкать его. Въ нашемъ положеніи всякіе люди могутъ пригодиться.

Кучумовъ.

Ну, едва-ли этотъ на что нибудь годится. Ужь вы лучше на насъ старичковъ надѣйтесь. Конечно, я жениться не могу, жена есть. Охъ, охъ, охъ, охъ! Фантазіи вѣдь бываютъ у стариковъ-то; вдругъ ничего ему не жаль. Я сирота, у меня дѣтей нѣтъ,—меня, куда хочешь, поверни, и въ посаженые отцы и въ кумовья. Старику ласка дороже всего, мнѣ свои сотни тысячъ въ могилу съ собой не брать. Прощайте, мнѣ въ клубъ пора.

Надежда Антоновна (*провожая до двери*).

Можно надѣяться васъ скоро видѣть?

Кучумовъ.

Да, разумѣется. Я еще вашей дочери конфекты проигралъ. Вотъ я какой старикъ-то, во мнѣ все еще молодая кровь говоритъ. (*Уходитъ*).

Надежда Антоновна.

Эхъ, не конфекты намъ нужны. (*Стоитъ задумавшись. Выходитъ Васильковъ и беретъ шляпу*.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Надежда Антоновна и Васильковъ.

Надежда Антоновна.

Куда вы торопитесь?

Васильковъ.

Честь имѣю кланяться.

Надежда Антоновна.

Погодите! (*Садится на диванъ*).

Васильковъ.

Что прикажете?

Надежда Антоновна.

Садитесь! (*Васильковъ садится*). Я хочу съ вами поговорить. Мы давно знакомы, а я совершенно не знаю васъ; мы почти не разговаривали. Вы, должно быть, не любите старухъ?

Васильковъ.

Нисколько. Но что же вамъ, сударыня, угодно знать обо мнѣ?

Надежда Антоновна.

Мнѣ, покрайней мѣрѣ, нужно знать васъ на столько, чтобъ умѣть отвѣчать, когда про васъ спрашиваютъ; у насъ бываетъ много народу, никто васъ не знаетъ.

Васильковъ.

Оттого меня и не знаютъ, что я жилъ въ провинціи.

Надежда Антоновна.

Вы гдѣ воспитывались?

Васильковъ.

Въ высшемъ учебномъ заведеніи, но болѣе самъ занимался своей спеціальностью.

Надежда Антоновна.

Это прекрасно. Ваши родители живы еще?

Васильковъ.

Только мать жива, но и она безвыѣздно въ деревнѣ.

Надежда Антоновна.

Значитъ, вы почти одинокій человѣкъ. Вы служите?

Васильковъ.

Нѣтъ, занимаюсь частными предпріятіями, имѣю дѣло больше съ простымъ народомъ: съ подрядчиками, съ десятскими.

Надежда Антоновна (*снисходительно кивая головой*).

Да, десятники, сотники, тысячники... я слышала одну диссертацію...

Васильковъ.

Нѣтъ, у насъ только одни десятники.

Надежда Антоновна.

Ахъ, это очень хорошо... да, да, да, я вспомнила. Это теперь въ моду вошло... и нѣкоторые даже изъ богатыхъ людей... для сближенія съ народомъ... Ну, разумѣется, вы въ красной шелковой... въ бархатномъ кафтанѣ. Я видѣла зимой въ вагонѣ мильйонщика, и въ простомъ бараньемъ... Какъ это называется?

Васильковъ.

Полушубкѣ.

Надежда Антоновна.

Да, въ полушубкѣ и въ бобровой шапкѣ.

Васильковъ.

Нѣтъ, я своей одёжи не мѣняю.

Надежда Антоновна.

Но вѣдь, чтобъ такъ проводить время, нужно имѣть состояніе.

Васильковъ.

Вопервыхъ, это самое дѣло ужь очень доходно.

Надежда Антоновна.

То-есть весело, вы хотите сказать. Поютъ пѣсни, водятъ хороводы — вѣроятно, у васъ свои гребцы на лодкахъ.

Васильковъ.

У меня ничего подобнаго нѣтъ; впрочемъ, вы правы: нашего дѣла безъ состоянія начинать нельзя.

Надежда Антоновна.

Ну, еще бы, конечно, я такъ и думала. Съ перваго разу видно, что вы человѣкъ съ состояніемъ. Вы что-то не въ духѣ сегодня. (*Молчаніе*). Зачѣмъ вы спорите съ Лидіей! Это ее раздражаетъ, она дѣвушка съ характеромъ.

Васильковъ.

Что она съ характеромъ, это очень хорошо; въ женщинѣ характеръ — большое достоинство. А вотъ что̀ жаль, Лидія Юрьевна имѣетъ мало понятія о такихъ вещахъ, которыя теперь уже всѣмъ извѣстны.

Надежда Антоновна.

Да зачѣмъ ей, скажите, мой другъ, зачѣмъ ей имѣть понятіе о вещахъ, которыя всѣмъ извѣстны! Она имѣетъ высшее образованіе. У насъ богатая французская библіотека. Спросите ее что-нибудь изъ миѳологіи, ну, спросите! Повѣрьте, она такъ хорошо знакома съ французской литературой, и знаетъ то, о чемъ другимъ дѣвицамъ и не грезилось. Съ ней самый ловкій свѣтскій говорунъ не сговоритъ и не удивитъ ее ничѣмъ.

Васильковъ.

Такое оборонительное образованіе хорошо при другомъ. Разумѣется, я не имѣю права никого учить, если меня не просятъ. Я бы не сталъ и убѣждать Лидію Юрьевну, еслибы...

Надежда Антоновна.

Что̀ «еслибы»?

Васильковъ.

Еслибы не надѣялся принести пользу. Съ перемѣной убѣж-

деній, въ ней измѣнился бы взглядъ на людей; она бы стала болѣе обращать вниманія на внутреннія достоинства.

Надежда Антоновна.

Да, на внутреннія достоинства... Это очень хорошо вы говорите.

Васильковъ.

Тогда могъ бы и я надѣяться заслужить ея расположеніе. А теперь быть пріятнымъ я не могу, а быть смѣшнымъ не хочу.

Надежда Антоновна.

Ахъ, нѣтъ, что̀ вы! Она еще такъ молода, она еще десять разъ перемѣнится. А я, признаюсь, всегда съ удовольствіемъ васъ слушала, и безъ васъ часто говорила ваши слова дочери.

Васильковъ.

Благодарю васъ. Я хотѣлъ уже ретироваться, чтобъ не играть здѣсь жалкой роли.

Надежда Антоновна.

Ай, ай, стыдно!

Васильковъ.

Мнѣ вѣдь особенно унижаться не изъ чего: не я ищу, меня ищутъ.

Надежда Антоновна.

Молодой человѣкъ, вы найдете во мнѣ союзницу, готовую помогать вамъ во всѣхъ вашихъ намѣреніяхъ. (*Таинственно*) Слышите, во всѣхъ; потому что я нахожу ихъ честными и вполнѣ благородными. (*Входитъ Лидія и останавливается у двери*).

Васильковъ (*встаетъ и цалуетъ руку Надежды Антоновны*).

До свиданья, Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна.

До свиданья, мой добрый другъ! (*Васильковъ кланяется Лидіи и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Надежда Антоновна и Лидія.

Лидія.

Что̀ вы съ нимъ говорили? О чемъ? Онъ ужасенъ, онъ сумасшедшій.

Надежда Антоновна.

Ужъ повѣрь мнѣ, я знаю, что̀ дѣлаю. Наше положеніе не позволяетъ намъ быть очень разборчивыми.

Лидія.

Какое положеніе! Его нельзя терпѣть ни въ какомъ положеніи. Онъ не знаетъ нашей жизни, нашихъ потребностей, онъ чужой.

Надежда Антоновна.

Ахъ, онъ часто говоритъ правду.

Лидія.

Да кто же ему далъ право проповѣдывать! Что̀ онъ за пророкъ! Согласитесь, maman, что гостиная не аудиторія, не технологическій институтъ, не инженерный корпусъ.

Надежда Антоновна.

Лидія, ты ужь очень безжалостна съ нимъ.

Лидія.

Ахъ, maman, да какое же есть терпѣніе его слушать! Какіе-то онъ экономическіе законы выдумалъ! Кому они нужны? Для насъ съ вами, надѣюсь, одни только законы и есть — законы свѣта и приличій. Если всѣ носятъ такое платье, такъ я, хоть умри, а надѣвай. Тутъ некогда думать о законахъ, а надо ѣхать въ магазинъ и взять. Нѣтъ, онъ сумасшедшій!

Надежда Антоновна.

А мнѣ кажется, онъ просто оригинальничаетъ. Такъ многіе дѣлаютъ. Онъ не очень образованъ, а можетъ быть, и не уменъ, остроуміемъ не отличается, а говорить надо что-нибудь, чтобъ быть замѣтнымъ: вотъ онъ и хочетъ показаться оригиналомъ. А, вѣроятно, и думаетъ, и поступаетъ, какъ и всѣ порядочные люди.

Лидія.

Можетъ быть, и такъ; но онъ надоѣлъ до невозможности.

Надежда Антоновна.

Онъ человѣкъ съ состояніемъ, къ такимъ людямъ надо быть снисходительнѣе. Вѣдь прощаемъ же мы прочихъ; половина тѣхъ господъ, которые къ намъ ѣздятъ, хвастуны, и лгутъ ужасно.

Лидія.

Мнѣ что̀ за дѣло, что они лгутъ, по крайней-мѣрѣ, съ ними весело, а онъ скученъ. Вотъ чего простить нельзя.

Надежда Антоновна.

Есть, мой другъ, и еще причина быть къ нему снисходительнѣе, и я тебѣ совѣтую...

Лидія.

Что̀ за причина? Говорите!

Надежда Антоновна.

Ты благоразумна... я надѣюсь, что у тебя достанетъ присутствія духа выслушать меня хладнокровно.

Лидія (*съ испугомъ*).

Что̀ такое, что̀ такое!

Надежда Антоновна.

Я получила письмо отъ отца изъ деревни.

Лидія.

Онъ боленъ, умираетъ?

Надежда Антоновна.

Нѣтъ.

Лидія.

Что̀ же такое? Говорите!

Надежда Антоновна.

Наши надежды на нынѣшній сезонъ должны рушиться.

Лидія.

Какимъ образомъ? Я ничего не понимаю.

Надежда Антоновна.

Я писала къ мужу въ деревню, чтобъ онъ намъ выслалъ денегъ. Мы много должны, да на зиму намъ нужна очень значительная сумма... Сегодня я получила отвѣтъ...

Лидія.

Что̀ же онъ пишетъ?

Надежда Антоновна (*нюхая спиртъ*).

Онъ пишетъ, что денегъ у него нѣтъ, что ему самому нужно тысячъ тридцать, а то продадутъ имѣніе; а имѣніе это послѣднее.

Лидія.

Очень жаль! Но согласитесь, maman, что вѣдь я могла этого и не знать, что вы могли пожалѣть меня и не разсказывать мнѣ о вашемъ разореніи.

Надежда Антоновна.

Но, все равно, вѣдь послѣ ты узнала бы.

Лидія.

Да зачѣмъ же мнѣ и послѣ узнавать? (*Почти со слезами*). Вѣдь вы найдете средства выдти изъ этого положенія, вѣдь непремѣнно найдете, такъ оставаться нельзя. Вѣдь не покинемъ же мы Москву, не уѣдемъ въ деревню; а въ Москвѣ мы не можемъ жить, какъ нищіе! Такъ или иначе, вы должны устроить, чтобъ въ нашей жизни ничего не измѣнилось. Я этой зимой должна выдти замужъ, составить хорошую партію. Вѣдь вы мать, ужели вы этого не знаете? Ужели вы не придумаете, если ужъ не придумали, какъ прожить одну зиму, не уронивъ своего достоинства? Вамъ думать, вамъ! Зачѣмъ же вы мнѣ-то разсказываете о томъ, чего я знать не должна? Вы лишаете меня спокойствія, вы лишаете меня беззаботности, ко-

торая составляетъ лучшее украшеніе дѣвушки. Думали бы вы, maman, однѣ и плакали бы однѣ, если нужно будетъ плакать. Развѣ вамъ легче будетъ, если я буду плакать вмѣстѣ съ вами? Ну, скажите, maman, развѣ легче?

Надежда Антоновна.

Разумѣется, не легче.

Лидія.

Такъ зачѣмъ же, зачѣмъ же мнѣ-то плакать? Зачѣмъ вы навязываете мнѣ заботу? Забота старитъ, отъ нея морщины на лицѣ. Я чувствую, что постарѣла на десять лѣтъ. Я не знала, не чувствовала нужды, и не хочу знать. Я знаю магазины: бѣлья, шелковыхъ матерій, ковровъ, мѣховъ, мёбели; я знаю, что, когда нужно что-нибудь, ѣдутъ туда, берутъ вещь, отдаютъ деньги, а если нѣтъ денегъ, велятъ commis пріѣхать на домъ. Но откуда берутъ деньги, сколько ихъ нужно имѣть въ годъ, въ зиму, я никогда не знала, и не считала нужнымъ знать. Я никогда не знала, что̀ значитъ дорого, что̀ дешево, я всегда считала все это жалкимъ, мѣщанскимъ, копеечнымъ разсчетомъ. Я съ дрожью омерзѣнія отстраняла отъ себя такія мысли. Я помню одинъ разъ, когда я ѣхала изъ магазина, мнѣ пришла мысль: не дорого ли я заплатила за платье! Мнѣ такъ стало стыдно за себя, что я вся покраснѣла, и не знала, куда спрятать лицо; а между тѣмъ, я была одна въ каретѣ. Я вспомнила, что видѣла одну купчиху въ магазинѣ, которая торговала кусокъ матеріи; ей жаль и много денегъ-то отдать, и кусокъ-то изъ рукъ выпустить. Она подержитъ его, да опять положитъ, потомъ опять возьметъ, пошепчется съ какими-то двумя старухами, потомъ опять положитъ, а commis смѣются. Ахъ, maman, за что̀ вы меня мучите?

Надежда Антоновна.

Я понимаю, душа моя, что я должна была скрыть отъ тебя наше разстройство; но нѣтъ возможности. Если остаться въ Москвѣ, — мы принуждены будемъ сократить свой расходъ, надо будетъ продать серебро, нѣкоторыя картины, брильянты.

Лидія.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, сохрани Богъ! Невозможно, невозможно! Вся Москва узнаетъ, что мы разорены; къ намъ будутъ являться съ кислыми лицами, съ притворнымъ участіемъ, съ глупыми совѣтами. Будутъ качать головами, ахать, и все это такъ искусственно, форменно, — такъ оскорбительно! Повѣрьте, что никто не дастъ себѣ труда даже притвориться хорошенько. (*Закрываетъ лицо руками*). Нѣтъ! Нѣтъ!

Надежда Антоновна.

Но, что̀ же намъ дѣлать?

Лидія.

Что̀ дѣлать? Не терять своего достоинства. Отдѣлывайте заново квартиру, покупайте новую карету, закажите новыя ливреи людямъ, берите новую мёбель, и чѣмъ дороже, тѣмъ лучше.

Надежда Антоновна.

Гдѣ же деньги?

Лидія.

Онъ за все заплатитъ.

Надежда Антоновна.

Кто онъ?

Лидія.

Мужъ мой.

Надежда Антоновна.

Кто твой мужъ, гдѣ онъ?

Лидія.

Кто бы онъ ни былъ.

Надежда Антоновна.

Не дѣлалъ ли кто тебѣ предложенія?

Лидія.

Никто не дѣлалъ, никто не смѣлъ дѣлать; мои женихи отъ меня, кромѣ презрѣнія, ничего не видали. Я сама искала красавца съ состояніемъ, — теперь мнѣ нужно только богатаго человѣка, а ихъ много.

Надежда Антоновна.

Не ошибись въ своихъ разсчетахъ.

Лидія.

Неужели красота потеряла свою цѣну! Нѣтъ, maman, не безпокойтесь! Красавицъ мало, а богатыхъ дураковъ много. *(Входитъ Андрей).*

Андрей.

Господинъ Телятевъ.

Лидія.

Вотъ вамъ первый.

Надежда Антоновна *(Андрею).*

Проси! *(Андрей уходитъ).*

Лидія.

Оставьте насъ, не мѣшайте. Вотъ кто заплатитъ за все.

Надежда Антоновна.

А если?...

Лидія.

А если?... Ну, что жь? Вы говорите, что у Василькова большое состояніе, — тогда пошлите за нимъ. У него золотые пріиски, онъ глупъ, — золото наше.

Надежда Антоновна (*уходя*).

Я лучше теперь пошлю, надо его приготовить. (*Уходитъ. Входитъ Телятевъ съ букетомъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Телятевъ и Лидія.

Лидія.

Какъ вы проворны, какъ вы меня балуете! Говорите, зачѣмъ вы это дѣлаете?

Телятевъ.

Развѣ это новость для васъ? Когда же я не исполнялъ вашихъ приказаній?

Лидія.

Зачѣмъ же вы всегда меня балуете?

Телятевъ.

Я ужь такъ устроенъ для услугъ, — это мое призваніе. Что мнѣ дѣлать, больше у меня и дѣла никакого нѣтъ.

Лидія.

Значитъ, развлеченіе, отъ скуки. Однако, вы своими угожденіями кружите мнѣ голову.

Телятевъ.

Я же виноватъ!

Лидія.

Это или совсѣмъ не вина, или вина большая, смотря по тому, искренны ваши поступки, или нѣтъ.

Телятевъ.

Конечно, искренны.

Лидія.

Но вѣдь постоянныя угожденія, постоянная лесть — это все своего рода удочки, на которыя вы насъ ловите. Вы заставляете предполагать въ васъ такую преданность, къ которой нельзя оставаться равнодушной.

Телятевъ.

Тѣмъ лучше; не все же намъ однимъ быть неравнодушными, пора и вашему чувству проснуться.

Лидія.

Да, хорошо вамъ говорить, когда у васъ всякое чувство давно ужь сдѣлалось только фразой. У васъ въ жизни было столько

практики по этой части, что вы умѣете владѣть собой во всякомъ положеніи. А вы представьте неопытную дѣвушку, у которой чувство проснется въ первый разъ—ея положеніе очень трудно и опасно.

Телятевъ.

Очень можетъ быть. Я своего мнѣнія сказать не могу; ни разу дѣвушкой не былъ.

Лидія.

Если разъ обнаружить свое чувство, то или сдѣлаешься игрушкой мужчины, или будешь смѣшна; и то, и другое нехорошо. Вѣдь нехорошо?

Телятевъ.

Нехорошо.

Лидія.

Такъ не кружите мнѣ голову напрасно, будьте искреннѣе, я васъ прошу объ этомъ! Не говорите того, чего не чувствуете; не любезничайте со мной, если я вамъ не нравлюсь!

Телятевъ.

Кто вамъ сказалъ! Помилуйте! Я всегда говорю то, что̀ чувствую.

Лидія.

Неужели?

Телятевъ.

Даже меньше говорю, чѣмъ чувствую.

Лидія.

Зачѣмъ же?

Телятевъ.

Не смѣю... Развѣ позволите?

Лидія.

Я прошу васъ.

Телятевъ.

Я перестаю вѣрить ушамъ своимъ. Не во снѣ ли я? Что̀ за счастливый день! Которое нынче число?

Лидія.

Отчего счастливый день?

Телятевъ.

Да могъ ли я ждать! Вы любезны со мной, вы для меня сходите на землю съ вашей неприступной высоты. Вы были Діаной, презирающею мужской родъ, съ луной въ прическѣ, съ колчаномъ за плечами; а теперь вы преобразились въ простую, сердечную, даже наивную пейзанку, изъ тѣхъ, которыя въ балетахъ пляшутъ, перебирая свой передникъ. Вотъ такъ. (*Дѣлаетъ обыкновенные пейзанскіе жесты*).

Лидія.

Развѣ это для васъ счастье?

Телятевъ.

Вѣдь я не «Мѣдный Всадникъ», не «Каменный гость».

Лидія.

Какъ легко васъ осчастливить! Что̀ жь, я очень рада, что могу осчастливить васъ.

Телятевъ.

Меня осчастливить? Лидія Юрьевна, вы ли, вы ли это?

Лидія.

Что̀ васъ удивляетъ? Развѣ вы не стоите счастья?

Телятевъ.

Не знаю, сто̀ю ли; но вѣдь я съума сойду.

Лидія.

Сойдите!

Телятевъ.

Я надѣлаю глупостей.

Лидія.

Надѣлайте.

Телятевъ.

Или вы зло шутите, или вы...

Лидія.

Договаривайте!

Телятевъ.

Или вы меня любите!

Лидія.

Къ несчастію, послѣднее справедливѣе.

Телятевъ.

Да какое же это несчастіе! Это счастіе, блаженство! Лучше придумать нельзя. (*Слегка обнимаетъ Лидію*).

Лидія.

Jean, ты мой?

Телятевъ.

Рабъ, рабъ, негръ, абиссинецъ...

Лидія (*поднимая на него глаза*).

На долго ли?

Телятевъ.

Навѣкъ, на всю жизнь, даже болѣе, если это можно.

Лидія.

Ахъ, какъ я счастлива!

Телятевъ.

Нѣтъ, какъ я-то счастливъ! (*Цалуетъ ее*).

Лидія.

Ахъ, Боже мой, какое блаженство! Maman!

Телятевъ.

Какъ, maman? Зачѣмъ тутъ maman? Намъ третьяго ненужно.

Лидія.

Я знаю, Jean, что ненужно; но я такъ счастлива.

Телятевъ.

Тѣмъ лучше.

Лидія.

Моя душа такъ полна, мнѣ хочется подѣлиться съ ней моей радостью.

Телятевъ.

Не надо ничѣмъ дѣлиться! Намъ больше останется.

Лидія.

Да, да, твоя правда, радостью не надо дѣлиться, ея и такъ немного на землѣ. Но все равно, должны же мы будемъ ей сказать.

Телятевъ.

Вотъ ужь не понимаю. Что̀ ей сказать?

Лидія.

А то, Jean, что мы любимъ другъ друга и желаемъ быть неразлучны на всю жизнь.

Телятевъ.

Да, вотъ что̀! Значитъ, по формѣ, какъ слѣдуетъ, законнымъ бракомъ. Ну, извините, я этого не ожидалъ.

Лидія.

Что̀ я слышу? Чего же вы ожидали? Говорите?

Телятевъ.

Быть вашимъ слугой, рабомъ, чѣмъ угодно. А что касается брака — это ужь не мое дѣло.

Лидія.

Какъ же вы осмѣлились?

Телятевъ.

Я ни на что̀ не осмѣливался. Я только не запрещалъ вамъ любить меня, и никому запрещать не буду.

Лидія.

Да развѣ вы стоите моей любви?

Телятевъ.

Совершенная правда, что не стою; но развѣ любятъ только тѣхъ, которые сто̀ятъ! Что̀ жь бы я былъ за дуракъ, еслибы сталъ отказываться отъ вашей любви и читать вамъ мораль? Извините, учить васъ морали я никакъ не возьмусь, это мнѣ

и не по способностямъ, и совсѣмъ не въ моихъ правилахъ. По моему, чѣмъ въ женщинѣ меньше нравственности, тѣмъ лучше.

Лидія.

Вы чудовище! Вы гадкій!

Телятевъ.

Справедливо, и потому вы сами должны благодарить меня, что я не женился на васъ. *(Лидія уходитъ).* Вотъ было-попался-то! Хорошо еще, что цѣлъ. Нѣтъ, эти игрушки надо бросить; такъ заиграешься, что и не увидишь, какъ въ мужья попадешь. Долго ль до грѣха, человѣкъ слабъ. *(Идетъ къ дверямъ. Входитъ Васильковъ).* Честь и мѣсто. *(Уходитъ. Входитъ Надежда Антоновна).*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Надежда Антоновна и Васильковъ.

Надежда Антоновна.

Здравствуйте! Очень рада! Вотъ видите, мнѣ ваше общество сдѣлалось необходимымъ. Сядьте ко мнѣ поближе.

Васильковъ.

Вы присылали за мной?

Надежда Антоновна.

Извините, что побезпокоила. Мнѣ нужно совѣта, я — существо совершенно безпомощное, — только одного серьёзнаго человѣка и знаю, это васъ.

Васильковъ.

Благодарю васъ! Чѣмъ могу служить?

Надежда Антоновна.

Я говорила съ дочерью, мы хотимъ измѣнить свой образъ жизни; намъ надоѣло шумное общество; мы не станемъ никого принимать, кромѣ васъ. Хотя у насъ средства очень большія, но вѣдь это не обязываетъ бѣситься съ утра до ночи.

Васильковъ.

Я полагаю.

Надежда Антоновна.

Лидія хочетъ докончить свое образованіе; въ этомъ дѣлѣ безъ руководителя нельзя; мы и рѣшились обратиться къ вамъ.

Васильковъ.

Всей душой радъ служить вамъ; но чему же я могу учить Лидію Юрьевну? Сферической тригонометріи?

Надежда Антоновна.

Ахъ, да, именно, именно. Согласитесь, что быть учителемъ молодой дѣвушки довольно пріятно.

Васильковъ.

Конечно; но для чего Лидіи Юрьевнѣ сферическая тригонометрія?

Надежда Антоновна.

Она вообще съ большими странностями, но добрая, очень добрая дѣвушка. *(Таинственно)*. Она вѣдь не любитъ этихъ шаркуновъ.

Васильковъ.

Удивляюсь.

Надежда Антоновна.

Что касается до меня, я давно ихъ не жалую. Вотъ вамъ каждая мать, безъ опасенія, можетъ довѣрить свою дочь. Простите меня, мой другъ, за откровенность; но я очень бы желала, чтобы вы Лидіи понравились.

Васильковъ.

Благодарю васъ.

Надежда Антоновна.

Кажется, еслибъ можно, я рѣшилась бы употребить даже власть, чтобъ только видѣть ее счастливой!

Васильковъ.

Развѣ другаго средства уже нѣтъ?

Надежда Антоновна.

Не знаю, попытайте сами. А вы любите мою дочь? Погодите, я погляжу вамъ въ глаза. Ну, не говорите, не говорите, я вижу; только вѣдь вы очень робки; хотите, я ей скажу за васъ? А то заспорите и поссоритесь — сохрани Богъ.

Васильковъ.

Позвольте мнѣ самому! Мнѣ еще нужно подготовиться къ моему объясненію, подумать.

Надежда Антоновна.

О чемъ думать, что̀ готовить? *(Входитъ Лидія)*.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Васильковъ, Надежда Антоновна и Лидія.

Надежда Антоновна.

Вотъ, Лидія, Савва Геннадичъ дѣлаетъ тебѣ предложеніе чрезъ меня: онъ проситъ твоей руки. Хотя съ своей стороны я согласна, и очень рада, но твоей воли нисколько не стѣсняю.

Лидія.

Въ такомъ дѣлѣ, разумѣется, я должна имѣть свою волю, и еслибъ мнѣ кто-нибудь понравился, повѣрьте, maman, я скорѣе бы послушалась своего сердца, чѣмъ вашего совѣта. Но ко всѣмъ моимъ поклонникамъ я равнодушна одинаково: вы знаете, сколькимъ женихамъ я ужь отказала; а выдти замужъ надо, пора ужь, потому я и предоставляю себя въ полное ваше распоряженіе.

Васильковъ.

Значитъ, вы меня не любите?

Лидія.

Нѣтъ, не люблю. Зачѣмъ я буду васъ обманывать! Но мы съ вами послѣ объяснимся. Maman, вы беретесь устроивать мою судьбу, помните, что вы же должны будете и отвѣчать за мое счастье.

Надежда Антоновна *(Василькову).*

Слышите, мой другъ?

Васильковъ.

Я очень жалѣю.

Лидія.

Очень? Что я васъ не люблю?

Васильковъ.

Нѣтъ, что я поторопился.

Лидія.

Откажитесь, еще есть время. Должно быть, и съ вашей стороны любовь не очень сильна, когда вы такъ легко отъ меня отказываетесь. Не сердитесь, а благодарите меня, что я съ вами откровенна; притвориться ничего не стоитъ, но я не хочу этого. Всѣ невѣсты говорятъ, что влюблены въ своихъ жениховъ, но вы не вѣрьте имъ, — любовь приходитъ послѣ. Отбросьте въ сторону самолюбіе и согласитесь! За что̀ мнѣ было полюбить васъ? И лицо ваше не изъ красивыхъ, и имя неслыханное, и фамилія какая-то мѣщанская. Все это мелочи, къ этому можно привыкнуть, но не вдругъ. За что̀ вы сердитесь? Вы меня любите, благодарю васъ. Заслужите мою любовь, и мы будемъ счастливы.

Надежда Антоновна.

Главное, вы помните, что ни я, ни отецъ для нея ничего не жалѣли, рѣшительно ничего. Все-таки она приноситъ для васъ жертву.

Васильковъ.

Я не хочу жертвы.

Лидія.

Вы кажется сами не знаете, чего хотите.

Васильковъ.

Нѣтъ, я знаю, чего хочу. Можно жениться безъ любви, любовь придетъ современемъ, вы правы. Но я желаю, чтобъ вы меня уважали, безъ этого ужь бракъ невозможенъ.

Лидія.

Все это, разумѣется, само собой, иначе бы я не пошла за васъ.

Васильковъ.

Откровенность за отровенность. Вы мнѣ сказали, что не любите меня, а я вамъ скажу, что я полюбилъ васъ, можетъ быть, прежде, чѣмъ вы того заслуживали. Вы должны тоже заслужить мою любовь; иначе, я не скрою отъ васъ, она очень легко можетъ перейти въ ненависть.

Лидія.

Вотъ какъ!

Васильковъ.

Откажитесь отъ меня, еще есть время.

Лидія.

Зачѣмъ отказываться? Ха, ха, ха. Будемте играть комедію, заслуживать любовь другъ друга.

Васильковъ.

Я не комедіи желаю, а свѣтлой жизни и счастія.

Лидія.

Нѣтъ, вы именно комедіи желаете. Вы дѣлаете мнѣ предложеніе — я изъявляю согласіе; чего же вамъ еще? Вы меня любите, вы только должны быть безконечно счастливы, а не разсуждать объ обязанностяхъ. Свои обязанности всякій долженъ знать про себя. О томъ, какъ жить, разсуждаютъ только люди бѣдные, которымъ жить нечѣмъ.

Надежда Антоновна.

Я вижу, вижу, что вы другъ друга любите; и всѣ споры ваши только, такъ-сказать, литературные.

Васильковъ.

Позвольте, въ качествѣ жениха, поднести вамъ. Я сегодня нечаянно купилъ эти вещи, а вотъ онѣ и пригодились. *(Подаетъ коробку, въ которой серьги и брошка)*.

Надежда Антоновна.

О! да эти вещи стоятъ нѣсколько тысячъ.

Васильковъ.

Всего три.

Лидія.

Мнѣ кажется, есть возможность полюбить васъ. (*Протягиваетъ Василькову руку, онъ почтительно цалуетъ*).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Надежда Антоновна.
Васильковъ.
Лидія, его жена.
Кучумовъ.
Телятевъ.
Глумовъ.
Василій, камердинеръ Василькова.
Андрей } Васильковыхъ.
Горничная }

Та же гостинная, что во 2-мъ дѣйствіи, но богаче меблированная. Направо отъ зрителей дверь въ кабинетъ Василькова, налѣво въ комнаты Лидіи, по срединѣ выходная.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Изъ кабинета выходитъ Васильковъ, *съ портфёлемъ и съ газетами, быстро пробѣгаетъ ихъ глазами, потомъ звонитъ. Входитъ* Василій.

Васильковъ.

Казанское имѣніе Чебоксаровыхъ съ заводомъ и лѣсомъ на-дняхъ продается. Жалко! И заводъ можетъ приносить большой доходъ, и лѣсу много. Василій Иванычъ, сходи къ Павлу Ермолаеву, скажи ему, чтобъ онъ сейчасъ же шелъ на биржу и подождалъ меня тамъ. Мнѣ нужно совершить на его имя довѣренность. Скажи ему также, чтобы онъ былъ готовъ на всякій случай, я его пошлю въ Казань.

Василій.

Слушаю, сударь.

Васильковъ.

Ты, Василій Иванычъ, одѣлся бы какъ поскладнѣе.

Василій.

Никакъ невозможно-съ. Теперь, ежели эти сапоги, толстый спинжакъ и бархатный картузъ, я выхожу на подобіе, какъ англичанинъ при машинѣ; такая ужь честь, и всякій понимаетъ.

Васильковъ.

Твое дѣло, Василій Иванычъ. Ступай! (*Василій уходитъ. Васильковъ вынимаетъ счетъ и разсматриваетъ. Изъ комнатъ Лидіи выходитъ Надежда Антоновна*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Васильковъ и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна.

Медвѣдь! Недавно женился, и все за дѣломъ.

Васильковъ.

Одно другому не мѣшаетъ, маменька.

Надежда Антоновна.

Что за маменька!

Васильковъ.

Слово хорошее, ласкательное и вѣрно выражаетъ предметъ.

Надежда Антоновна.

Ну, хорошо, хорошо. (*Подходитъ къ нему*). Но счастливъ ли ты? Скажи, счастливъ ли, сынокъ? (*Беретъ его за ухо*).

Васильковъ (*цалуя ея руку*).

Да, я счастливъ, совершенно счастливъ. Я могу теперь сказать, что въ моей жизни было нѣсколько дней блаженства. Ахъ, маменька...

Надежда Антоновна.

Опять маменька!

Васильковъ.

Извините!

Надежда Антоновна.

Я ничего другаго и ожидать не могла, кромѣ счастья, иначе бы я и не отдала за тебя Лидиньку.

Васильковъ.

Я былъ бы еще счастливѣе, еслибъ... еслибъ...

Надежда Антоновна (*садится*).

Чтò, еслибъ? Чего вамъ еще мало, неблагодарный!

Васильковъ.

Еслибъ всю жизнь можно было разъѣзжать по Москвѣ то съ визитами, то по вечерамъ и концертамъ... ничего не дѣлая; еслибъ не стыдно было такъ жить и были бы на то средства.

Надежда Антоновна.

Если всѣ порядочные люди такъ живутъ, значитъ, не стыдно, а средства нужны небольшія.

Васильковъ.

Однако! По моимъ соображеніямъ, я прожилъ много. Я не считаю, да и не знаю, сколько прожила Лидія; я въ ея разсчеты не мѣшаюсь.

Надежда Антоновна.

И прекрасно дѣлаете.

Васильковъ.

У нея свое, у меня свое. Но я разсчитываю, много ли мнѣ придется такимъ образомъ прожить въ годъ.

Надежда Антоновна.

Ахъ, какіе пустяки! Да живите, какъ живется; вѣдь васъ такіе расходы стѣснить не могутъ.

Васильковъ.

Какъ не могутъ!? Вѣдь такъ въ полгода проживешь тысячъ 25.

Надежда Антоновна.

Ну, много-ли это! Неужели вамъ жаль? Я васъ не узнаю.

Васильковъ.

Совсѣмъ не въ томъ вопросъ, жаль или нѣтъ; а въ томъ, гдѣ взять ихъ.

Надежда Антоновна.

Ну, ужь это я не знаю. Вамъ это должно быть лучше извѣстно.

Васильковъ.

Чтобъ такъ жить, надо имѣть милліонъ.

Надежда Антоновна.

Мы не запрещаемъ вамъ имѣть ихъ и два.

Васильковъ.

Ни двухъ, ни одного нѣтъ у меня; мое состояніе обыкновенное.

Надежда Антоновна.

Надѣюсь, все-таки за полмилліона. И это хорошо.

Васильковъ.

У меня есть имѣніе, есть деньги небольшія, есть дѣла; но все-таки я болѣе семи, осьми тысячъ въ годъ проживать не могу.

Надежда Антоновна.

А пріиски?

Васильковъ.

Какіе пріиски, что вы!

Надежда Антоновна.

Золотые.

Васильковъ.

Не только золотыхъ, и мѣдныхъ нѣтъ.

Надежда Антоновна (*встаетъ*).

Зачѣмъ же вы насъ обманули такъ жестоко!

Васильковъ.

Чѣмъ я васъ обманулъ?

Надежда Антоновна.

Вы сказали, что у васъ есть состояніе.

Васильковъ.

И дѣйствительно есть, очень порядочное.

Надежда Антоновна.

Подите вы! Вы не понимаете, чтò говорите. Вы не знаете самыхъ простыхъ вещей, которыя маленькимъ дѣтямъ извѣстны.

Васильковъ.

Да позвольте! Чѣмъ же это не состояніе. Чтожъ это такое?

Надежда Антоновна.

Что? Нищета, бѣдность, вотъ что. Того, чтò вы называете состояніемъ, дѣйствительно, довольно для холостаго человѣка; этого состоянія ему достанетъ на перчатки. Что же вы сдѣлаете съ моей бѣдной дочерью?

Васильковъ.

Я хотѣлъ сдѣлать ее счастливою и постараюсь достигнуть.

Надежда Антоновна.

Безъ состоянія? Смѣшно.

Васильковъ.

Я имѣю достаточно и стараюсь пріобрѣтать.

Надежда Антоновна.

Что, достаточно? Ей нужно состояніе, а состоянія вамъ пріобрѣсть нельзя: откуповъ нѣтъ, концессіи на желѣзную дорогу вамъ не дадутъ. Состояніе можно только получить по наслѣдству, да еще при большомъ счастьѣ выиграть въ карты.

Васильковъ.

Нѣтъ, еще есть средство: ограбить кого нибудь. Не его ли вы мнѣ посовѣтуете?

Надежда Антоновна.

Вы думаете? Какъ хорошо вы меня знаете. Нѣтъ, я вижу, мнѣ нужно принимать свои мѣры и поправлять нашу ошибку.

Васильковъ.

Что поправлять? Какая ошибка? Прошу васъ, не мѣшайтесь въ чужія дѣла (*беретъ шляпу*).

Надежда Антоновна.

Выходите?

Васильковъ.

Мнѣ пора. До свиданья (*уходитъ*).

Надежда Антоновна.

Вотъ еще хлопоты съ этимъ зятемъ. Впрочемъ, кто же бы взялъ Лидію, еслибъ узнали, что у нея ничего нѣтъ. Надо будетъ для него постараться, ужь нечего дѣлать (*входитъ Андрей*).

Андрей.

Господинъ Кучумовъ.

Надежда Антоновна.

Вотъ кстати. (*Андрею*) Проси. (*Андрей уходитъ*) Я сейчасъ за него и примусь. (*Входитъ Кучумовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Надежда Антоновна и Кучумовъ.

Кучумовъ.

Pace e joia son con voi!

Надежда Антоновна.

Очень рада. Садитесь!

Кучумовъ (*садясь*).

Pace e joia... А гдѣ-жь наша нимфа?

Надежда Антоновна.

Полетѣла съ визитами, она сейчасъ будетъ.

Кучумовъ.

А сатиръ, который у насъ ее похитилъ?

Надежда Антоновна.

Побѣжалъ по своимъ дѣламъ. У него все какія-то дѣла.

Кучумовъ.

Черствый человѣкъ! Впрочемъ, что-жь ему! Онъ мужъ, а вотъ мы таемъ да облизываемся, какъ лисица на виноградъ.

Надежда Антоновна.

Старичекъ, старичекъ, что вы!

Кучумовъ.

Сердцемъ молодъ, Надежда Антоновна, волканическая натура.

Надежда Антоновна.

Ахъ, да. Вы получили отъ мужа письмо?

Кучумовъ.

Получилъ. Не безпокойтесь! Завтра же пошлю ему. Какая это сумма! Выкиньте изъ головы!

Надежда Антоновна.

У меня еще до васъ просьба.

Кучумовъ.

Что такое, что такое! Радъ, душевно радъ.

Надежда Антоновна.

Не можете-ли вы доставить одному моему знакомому мѣсто

повыгоднѣе, — да еще опеку, большую, или управленіе богатымъ имѣніемъ?

КУЧУМОВЪ.

Надо знать, кому.

НАДЕЖДА АНТОНОВНА (*пожимая плечами*).

Зятю.

КУЧУМОВЪ.

Что, видно, плохо дѣло! Я такъ и ожидалъ.

НАДЕЖДА АНТОНОВНА.

Да, мой истинный другъ, мы немножко ошиблись.

КУЧУМОВЪ.

Какое жь онъ право имѣлъ на вашу дочь? Прикидывался, чай, что золотомъ осыплетъ? А теперь вышло, что самаго корми. Знаете, онъ, должно быть, хапуга по природѣ. Въ немъ, вѣроятно, подъяческой крови много! Онъ для чего мѣсто ищетъ? Чтобъ взятки брать. Какъ же мнѣ его рекомендовать! Онъ, пожалуй, осрамитъ меня, каналья.

НАДЕЖДА АНТОНОВНА.

Вы меня-то пожалѣйте, онъ мнѣ зять.

КУЧУМОВЪ.

Да вѣдь вы сами говорили, что въ немъ ошиблись. То-то мнѣ рожа-то его...

НАДЕЖДА АНТОНОВНА.

Ахъ, перестаньте! Неужели вамъ не пріятно быть покровителемъ человѣка, у котораго жена такая хорошенькая?

КУЧУМОВЪ.

Какъ, непріятно? Кто вамъ сказалъ! Очень пріятно.

НАДЕЖДА АНТОНОВНА.

Я Лидію знаю, она не захочетъ остаться неблагодарной.

КУЧУМОВЪ.

Да я всѣ средства... всѣхъ знакомыхъ на ноги...

НАДЕЖДА. АНТОНОВНА.

Вы думаете, женщины не умѣютъ быть благодарными. Нѣтъ, если онѣ захотятъ...

КУЧУМОВЪ.

Да я лечу, сейчасъ лечу... Какъ, что, куда? Приказывайте. (*Входитъ Лидія*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

НАДЕЖДА АНТОНОВНА, КУЧУМОВЪ и ЛИДІЯ.

КУЧУМОВЪ.

Ахъ, ахъ, нѣмѣю.

Лидія.

Очень жаль будетъ, если онѣмѣете, вы такъ хорошо говорите. Измучилась. (*Садится на кресло*). Всю Москву объѣздила.

Надежда Антоновна.

Да, Лидія, Григорій Борисычъ не только хорошо говоритъ, но хорошо и дѣла дѣлаетъ; онъ завтра посылаетъ отцу твоему деньги на выкупъ имѣнія, да и намъ оказываетъ услуги. Мы должны быть ему очень, очень благодарны. (*Взглядываетъ на дочь. Входитъ Андрей*).

Андрей.

Господинъ Глумовъ.

Надежда Антоновна.

Проси его ко мнѣ, я его у себя приму. (*Уходитъ; за ней Андрей*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Кучумовъ и Лидія.

Лидія.

Скажите, пожалуйста, что вы за благодѣтель такой! Вѣдь помогать другимъ, — отнимать у себя. Что̀ васъ побуждаетъ?

Кучумовъ.

И вы, вы меня спрашиваете?

Лидія.

Отчего-жь мнѣ не спрашивать?

Кучумовъ.

Да я не только состояніемъ, я для васъ готовъ жизнью...

Лидія.

Всего вѣроятнѣе, что такая жертва мнѣ будетъ не нужна. Но вы дѣйствительно посылаете отцу денегъ?

Кучумовъ.

Завтра же.

Лидія.

Это благородно. Нельзя не цѣнить такой дружбы.

Кучумовъ.

Больше, чѣмъ дружба, Лидія Юрьевна, гораздо больше. Знаете что? Я лучше куплю это имѣніе у вашего отца и подарю его вамъ.

Лидія.

Ну что-жь, купите и подарите. Я очень люблю подарки.

Кучумовъ.

Я завтра же пишу вашему отцу, что покупаю у него имѣніе

и пошлю ему въ задатокъ 380 тысячъ. Что мнѣ деньги! Мнѣ ваше расположеніе, только ваше расположеніе.

Лидія.

Какъ же можетъ выразиться мое расположеніе? Вы у насъ и такъ, какъ родной.

Кучумовъ (*подвигаясь*).

Какъ родной, какъ родной...

Лидія.

Однако же, вы можете быть мнѣ родня! Для брата вы ужь старенки. Хотите быть папашей на время?

Кучумовъ (*опускаясь на колѣна и цалуя ея руку*).

Папашей, папашей.

Лидія (*отнимая руку*).

Шалишь, папашка!

Кучумовъ.

Шалю, шалю! (*Опять цалуетъ руку. Глумовъ показывается на порогѣ и быстро уходитъ*).

Лидія (*встаетъ*).

Тебѣ стыдно шалить, ты немаленькій. (*Кучумовъ встаетъ съ колѣнъ. Входитъ Андрей*).

Господинъ Телятевъ.

Лидія.

Проси. (*Андрей уходитъ*).

Кучумовъ.

Addio, mia carina! Лечу по вашимъ дѣламъ.

Лидія.

По какимъ?

Кучумовъ.

Послѣ узнаете. (*Уходитъ. Входитъ Телятевъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лидія и Телятевъ.

Телятевъ.

Казните, да только поскорѣе. Если вы хотите дуться на меня, такъ я убѣгу куда нибудь въ лѣсъ. Вы лучше прибейте меня, только потомъ смилуйтесь надо мной. Я не могу жить безъ васъ, на меня нападаетъ сплинъ и я застрѣлюсь, какъ англичанинъ.

Лидія.

За что мнѣ сердиться на васъ?

Телятевъ.

Ну, вотъ какія слова! Вѣдь это кинжалы.

Лидія.

Чѣмъ вы хуже другихъ? есть и хуже васъ.

Телятевъ.

Ну, вотъ опять. Терзать желаете? Говорите прямо, что негодяй.

Лидія.

Не спорю. Вы много виноваты передо мной, очень много! Вы причина того, что я вышла за человѣка, котораго не люблю.

Телятевъ.

Не любите? Это очень хорошо.

Лидія.

Да кажется, и онъ меня не любитъ.

Телятевъ.

Не любитъ! Безподобно!

Лидія.

Что же тутъ хорошаго?

Телятевъ.

Не знаю, какъ для васъ; а для нашего брата, безпутнаго холостяка, это находка. Мы вѣдь сироты, всю жизнь такихъ случаевъ ищемъ.

Лидія.

Вы безнравственный до мозга костей.

Телятевъ.

Ну, еще какъ нибудь побраните!

Лидія.

Довольно бранить. За что? За то, что вы меня любите? За любовь развѣ можно бранить? За то, что вы не женились на мнѣ, любя меня? такъ вѣдь это прошло. Этой бѣды вамъ поправить нельзя.

Телятевъ.

Жениться нельзя. Это вѣрно. Любить можно.

Лидія.

Развѣ я могу запретить! Это льститъ женскому самолюбію. Чѣмъ больше поклонниковъ, тѣмъ лучше.

Телятевъ.

Ну, на что вамъ много? Возьмите пока одного.

Лидія.

Вы еще плохо жизнь знаете. Одного-то и нехорошо, сейчасъ разговоры пойдутъ, а какъ много-то, такъ и подозрѣнія нѣтъ. Какъ узнаешь, который настоящій.

Телятевъ.

Такъ вы возьмите меня настоящаго, да еще человѣка четыре сверхштатныхъ.

Лидія (*смѣясь*).

Вы такой шутъ, что на васъ рѣшительно сердиться нельзя.

Телятевъ.

Гнѣвъ прошелъ. Можно теперь любезныя слова говорить?

Лидія.

Говорите, я люблю васъ слушать. Вѣдь вы милый! А?

Телятевъ.

Ей Богу, милый. Какъ вы похорошѣли! Знаете, какая перемѣна въ васъ? Такая перемѣна всегда...

Лидія.

Нѣтъ, вы, пожалуйста, пожалѣйте меня! Я еще недавно дама, не успѣла привыкнуть къ вашимъ разговоромъ! Я знаю, какія вы вещи дамамъ разсказываете.

Телятевъ.

Какъ жаль, что вы не привыкли! Привыкайте поскорѣй, а то скучно. Обратимся къ старому. Скоро вы заведете cavalier servente?

Лидія.

Да развѣ у насъ это принято?

Телятевъ.

Надо завести этотъ прекрасный обычай. Хорошее перенимать не стыдно.

Лидія.

А мужья что скажутъ?

Телятевъ.

Привыкнутъ понемножку. Ну, конечно, сначала многихъ изъ насъ, кавалеровъ, побьютъ довольно чувствительно, особенно купцы; многихъ сведутъ къ мировымъ; а тамъ дѣло и пойдетъ своимъ порядкомъ. Первые должны пожертвовать собой, за то другимъ будетъ хорошо. Безъ жертвъ никакое полезное нововведеніе не обходится.

Лидія.

Прекрасно, но едва-ли это скоро введется.

Телятевъ.

Уже начинаемъ, ужь нѣсколько жертвъ принесено: одного въ синюю кубовую краску окрасили, съ другимъ еще хуже было.

Лидія.

Ну, вотъ, когда этотъ похвальный обычай укоренится...

Телятевъ.

Тогда вы возьмете меня.

Лидія.

Если будете стоить. Вы очень вѣтрены.

Телятевъ.

Отчего я вѣтренъ, знаете ли?

Лидія.

Оттого, что душа мелка.

Телятевъ.

Нѣтъ! Оттого, что мнѣ постояннымъ быть не для кого. Прикажите, и я буду постояннѣе телеграфнаго столба.

Лидія.

Испытаемъ.

Телятевъ.

Испытаете? Да я за одно это сейчасъ буду у ногъ вашихъ.

Лидія.

Нѣтъ, ужь отъ этой церемоніи вы меня увольте! Можно и безъ нея обойтись.

Телятевъ.

Какъ угодно. Однако, я все-таки чувствую потребность оказать вамъ какую нибудь видимую, осязательную ласку.

Лидія (*подаетъ ему руку*).

Цѣлуйте! (*Входитъ Глумовъ и остается въ глубинѣ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Лидія, Телятевъ и Глумовъ.

Телятевъ (*не замѣчая Глумова*).

Въ перчаткѣ? Что это за поцѣлуй! Электричество, которымъ такъ переполнено мое сердце и которое я желаю передать вамъ, не дойдетъ до вашего сердца черезъ перчатку. Лайка дурной проводникъ. (*Цѣлуетъ руку нѣсколько выше перчатки*).

Лидія.

Ну, довольно! Вамъ нельзя ничего позволить! Вы всегда дѣлаете больше того, что̀ вамъ дозволяютъ.

Телятевъ.

Да много ли больше-то? Всего на полвершка; стоитъ-ли объ этомъ разговаривать!

Лидія.

Нынче на полвершка, завтра на полвершка, этакъ... (*Увидавъ Глумова*). А! Егоръ Дмитричъ! мы васъ и не видимъ.

Глумовъ.

Ничего, продолжайте, продолжайте, я вамъ не мѣшаю.

Лидія.

Что такое: продолжайте! Что за тонъ! Вы не хотите-ли придать какую нибудь важность тому, что я позволила Телятеву, моему старому другу, поцѣловать мою руку! Я съ охотой позволю и вамъ то же сдѣлать. (*Протягиваетъ ему руку*).

Глумовъ.

Покорно благодарю! Я рукъ не цѣлую ни у кого. Я позволяю себѣ цѣловать руки только у матери, или у любовницы.

Лидія.

Ну, такъ вамъ моей руки не цѣловать никогда.

Глумовъ.

Какъ знать! Жизнь велика; гора съ горой не сходится...

Лидія.

Пойдемте, Иванъ Петровичъ. (*Подаетъ руку Телятеву*). Онъ грубый человѣкъ (*Глумову*). Вы мужа дожидаетесь? Подождите, онъ скоро придетъ.

Глумовъ.

Да-съ, я вашего супруга дожидаюсь, у меня есть много интереснаго передать ему.

Лидія.

Сдѣлайте милость, разсмѣшите его чѣмъ нибудь! Онъ такой задумчивый. Забавлять лучше васъ никто не умѣетъ, вы очень забавны. (*Уходятъ Телятевъ и Лидія*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Глумовъ *одинъ*, потомъ Василій.

Глумовъ.

Да, я васъ позабавлю! Ай, Лидія Юрьевна, браво! Я еще только задумалъ подъѣхать къ ней съ любезностями, а ужь тутъ двое. Теперь остается только ихъ стравить, всѣхъ втроемъ и съ мужемъ. Василій! (*Входитъ Василій*).

Василій.

Что, сударь, прикажете?

Глумовъ.

Когда у васъ Кучумовъ бываетъ, въ какое время?

Василій.

За всегда, сударь, во второмъ часу. Баринъ въ это время дома не бываетъ.

Глумовъ.

Гдѣ же онъ бываетъ?

Василій.

Въ своемъ засѣданіи, съѣзжаются тоже все люди богатые,—разговоръ промежъ нихъ идетъ о дѣлахъ.

Глумовъ.

О какихъ дѣлахъ?

Василій.

Какъ все чтобъ лучше, чтобъ имъ денегъ больше.

Глумовъ.

А твой баринъ богатъ?

Василій.

Само собою.

Глумовъ.

Вѣдь по вашему, у кого есть сторублевая бумажка, тотъ и богатъ.

Василій.

Можетъ, и не сто, и не тысяча, а и больше есть.

Глумовъ.

Невелики деньги.

Василій.

Поищемъ, такъ найдемъ. Да что говорить-то! Даже еще и не приказано, и не всякій понимать можетъ. Тоже и наука, а не то, что, лежа на боку. Мы, можетъ, ночи не спали,—страху навидѣлись. Какъ вы обо мнѣ понимаете? Я до Лондона только одинадцать верстъ недоѣзжалъ, назадъ вернули при машинахъ. Стало быть, намъ много разговаривать нельзя. (*Уходитъ*).

Глумовъ.

Что онъ тутъ нагородилъ! Кучумовъ бываетъ во второмъ часу, это важное дѣло, такъ мы и запишемъ. (*Входятъ: Васильковъ, Лидія, Телятевъ и Надежда Антоновна*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Глумовъ, Васильковъ, Лидія, Телятевъ и Надежда Антоновна.

Глумовъ (*Василькову*).

Здравствуй!

Васильковъ.

Здравствуй!

Глумовъ.

Что ты такъ озабоченъ?

Васильковъ.

Да вѣдь у меня дѣла-то не то, что у васъ по улицамъ собакъ

гонять. Господа кавалеры, вы меня извините, толкуйте съ дамами; а мнѣ некогда, у меня дѣлъ много, я пойду заниматься.

Телятевъ и Глумовъ.

Ступай! Ступай!

Васильковъ.

Къ обѣду освобожусь. Коли хотите обѣдать, такъ оставайтесь безъ церемоніи! Милости просимъ! А не хотите, такъ убирайтесь. (*Уходитъ въ кабинетъ*).

Надежда Антоновна.

Учтиво, нечего сказать.

Телятевъ.

Мы на него не сердимся, онъ добрый малый. А не убираться ли намъ, въ самомъ дѣлѣ?

Глумовъ.

Поѣдемъ. Я домашнихъ обѣдовъ, за просто, не люблю. Въ нихъ всегда есть что-то фамиліарное: либо квасъ по серединѣ стола въ большомъ графинѣ, либо домашнія наливки, либо миска съ отбитой ручкой, либо пирожки свѣчнымъ саломъ пахнутъ. У васъ, конечно, все роскошно, но я все-таки предпочитаю обѣдать въ гостиницѣ, или клубѣ.

Телятевъ.

Поѣдемъ въ Англійскій, нынче тамъ обѣдъ.

Глумовъ.

Поѣдемъ. (*Раскланиваются и уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Лидія и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна.

Лидія, мужъ твой или скупъ, или не имѣетъ состоянія.

Лидія (*съ испугомъ*).

Что вы говорите!

Надежда Антоновна.

Онъ давеча сказалъ мнѣ, что такъ жить ему не позволяютъ средства и что надо сократить расходы. Что жь будетъ, если онъ узнаетъ, сколько мы сдѣлали долговъ до свадьбы и что все придется платить ему. Твоихъ долговъ онъ и знать не хочетъ.

Лидія.

А гдѣ жь пріиски?

Надежда Антоновна.

Выдумка Глумова.

Лидія.

Я погибла. Я, какъ бабочка, безъ золотой пыли жить не могу; я умру, умру.

Надежда Антоновна.

Мнѣ кажется, у него есть деньги, только онъ скупъ. Еслибъ ты оказала ему побольше ласки... Переломи себя.

Лидія (*задумавшись*).

Ласки? Ласки? О, если только нужно, онъ увидитъ такую ласку, что задохнется отъ счастья. Это мнѣ будетъ практикой. Мнѣ нужно испробовать себя, сколько сильна моя ласка, и что она стоитъ на вѣсъ золота. Мнѣ это годится впередъ, мнѣ безъ золота жить нельзя.

Надежда Антоновна.

Страшныя слова говоришь ты, Лидія.

Лидія.

Страшнѣй бѣдности ничего нѣтъ.

Надежда Антоновна.

Есть, Лидія: порокъ.

Лидія.

Порокъ! Что̀ такое порокъ? Бояться порока, когда всѣ порочны, и глупо и неразсчетливо. Самый большой порокъ есть бѣдность. Нѣтъ, нѣтъ! Это будетъ первый мой женскій подвигъ. Я доселѣ была скромно кокетлива, теперь я испытаю себя, насколько я могу обойтись безъ стыда.

Надежда Антоновна.

Ахъ, перестань, Лидія! Ужасно, ужасно!

Лидія.

Вы старуха, вамъ бѣдность не страшна; я молодая, и хочу жить. Для меня жизнь тамъ, гдѣ блескъ, раболѣпство мужчинъ и безумная роскошь.

Надежда Антоновна.

Я не слушаю.

Лидія.

Кто богаче, Кучумовъ или Телятевъ? Мнѣ это нужно знать, они оба въ моихъ рукахъ.

Надежда Антоновна.

Они оба богаты и мотаютъ, но Кучумовъ богаче и добрѣе.

Лидія.

Только мнѣ и нужно. Гдѣ у васъ счеты изъ магазиновъ и лавокъ? Давайте сюда!

Надежда Антоновна (*достаетъ изъ кармана*).

Вотъ всѣ. (*Уходитъ. Лидія беретъ ихъ и рѣшительнымъ ша*

гомъ идетъ въ кабинетъ мужа. На встрѣчу ей выходитъ Василъковъ).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Лидія и Васильковъ.

Лидія.

Я шла къ тебѣ.

Васильковъ.

А я къ тебѣ.

Лидія.

Вотъ и прекрасно. Мы сошлись на полдорогѣ; куда же намъ идти, къ тебѣ, или ко мнѣ? Туда (*указываетъ на свои комнаты*). Туда, что ли? Говори, милый ты мой! А? Ну!

Васильковъ.

Остановимся пока на полдорогѣ. Поболтаемъ полчасика до обѣда. Ты меня, Лидія, прости, я тебя такъ часто оставляю одну.

Лидія.

Чѣмъ рѣже я тебя вижу, тѣмъ дороже ты для меня (*обнимаетъ его*).

Васильковъ.

Чтò съ тобою, Лидія? Такая перемѣна меня удивляетъ.

Лидія.

Да развѣ я не живой человѣкъ, развѣ я не женщина! Зачѣмъ же я выходила замужъ? Мнѣ нечего стыдиться моей любви къ тебѣ! Я не дѣвочка, мнѣ 24 года. Не знаю, какъ для другихъ, а для меня мужъ все, — понимаешь, все. Я и такъ долго дичилась тебя, но вижу, что это совершенно напрасно.

Васильковъ.

Совершенно напрасно.

Лидія.

Теперь ужь, когда мнѣ придетъ въ голову задушить тебя въ своихъ объятіяхъ, такъ я задушу. Ты мнѣ позволь.

Васильковъ.

Да какъ не позволить.

Лидія.

Я не знаю, чтò со мной сдѣлалось. Я не любила тебя прежде, и вдругъ привязалась такъ страстно. Слышишь, какъ бьется мое сердце? Другъ мой, блаженство мое! (*плачетъ*).

Васильковъ.

Но объ чемъ же ты плачешь?

Лидія.

Отъ счастія.

Васильковъ.

Я долженъ плакать. Я искалъ въ тебѣ только изящную внѣшность и нашелъ доброе, чувствительное сердце. Полюби меня, я того стою.

Лидія.

Я тебя и такъ люблю, мой дикарь.

Васильковъ.

Да, я дикарь; но у меня мягкія чувства и образованный вкусъ. Дай мнѣ твою прелестную руку *(беретъ руку Лидіи)*. Какъ хороша твоя рука! Жаль, что я не художникъ.

Лидія.

Моя рука! У меня нѣтъ ничего моего, все твое, все твое *(прилегаетъ къ нему на грудь)*.

Васильковъ *(цалуя руку Лидіи)*.

Дай мнѣ обѣ! *(Лидія прячетъ счеты въ карманъ)*. Что ты тамъ прячешь?

Лидія.

Ахъ, пожалуйста, не спрашивай меня! Другъ мой, прошу тебя, не спрашивай!

Васильковъ.

Зачѣмъ ты такъ просишь? Если есть у тебя тайна, такъ береги ее про себя, я до чужихъ тайнъ не охотникъ.

Лидія.

Развѣ у меня могутъ быть тайны? Развѣ мы не одна душа? Вотъ мой секретъ: въ этомъ карманѣ у меня счеты изъ магазиновъ, по которымъ maman должна заплатить за мое приданое. Она теперь въ затрудненіи, отецъ денегъ не высылаетъ, у него какое-то большое предпріятіе. Я хотѣла заплатить за нее изъ своихъ денегъ, да не знаю, достанетъ ли у меня въ настоящую минуту. Видишь, какой вздоръ.

Васильковъ.

Покажи мнѣ эти счеты!

Лидія *(отдаетъ счеты)*.

На! зачѣмъ они тебѣ, не понимаю.

Васильковъ.

А вотъ зачѣмъ: за то блаженство, которое ты мнѣ нынче доставила, я заплачу за твое приданое. Все равно, вѣдь я могъ жениться на бѣдной, пришлось бы дѣлать приданое на свой счетъ. А еще неизвѣстно, любила ли бы она меня, а ты любишь.

Лидія.

Нѣтъ, нѣтъ! Я тоже должна чѣмъ нибудь заплатить матери за ея заботы обо мнѣ.

Васильковъ.

Береги свои деньги, дитя мое, для себя. Василій (*входитъ Василій*)! Подай со стола изъ кабинета счеты (*Василій приноситъ счеты и уходитъ. Входитъ Надежда Антоновна. Васильковъ садится къ столу и начинаетъ разбирать счеты*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Васильковъ, Лидія и Надежда Антоновна.

Лидія (*тихо Надеждѣ Антоновнѣ*).

Онъ все заплатитъ (*ложится на диванъ и беретъ книгу въ руки. Громко*). Maman, не будемте мѣшать ему, онъ занятъ. (*Надеждѣ Антоновнѣ, которая садится въ головахъ Лидіи — тихо*). Онъ у меня въ рукахъ.

Васильковъ (*считая на счетахъ*).

Лидія, тутъ счетъ за обои и за драпировки, которыя никакъ не могутъ идти въ приданое.

Лидія.

Ахъ, мой другъ, все это надо было поновить къ нашей свадьбѣ, къ намъ такъ много народу стало съѣзжаться. Не будь моей свадьбы, мы бы не рѣшились на такую трату.

Надежда Антоновна.

Простояло бы еще зиму.

Васильковъ.

Ну, хорошо, хорошо (*считаетъ*).

Лидія (*Надеждѣ Антоновнѣ тихо*).

Я вамъ говорю, что онъ заплатитъ за все, рѣшительно за все. (*Входитъ горничная, очень модно одѣтая, и подаетъ Лидіи счетъ; та показываетъ ей рукой на мужа. Горничная подаетъ счетъ Василькову; тотъ, пробѣжавъ его, киваетъ головой на жену, и продолжаетъ стучать на счетахъ. Горничная опять подаетъ счетъ Лидіи, та беретъ его и небрежно бросаетъ на столъ. Горничная уходитъ. Входитъ Андрей съ двумя счетами, — повторяется точно та же исторія. Андрей уходитъ. Входитъ Василій съ десяткомъ счетовъ и подаетъ ихъ Василькову*).

Василій.

Вотъ ихъ сколько, сударь! Что̀ французовъ тамъ дожидается!

Васильковъ.

Подай барынѣ! (*Василій подаетъ, Лидія бросаетъ ихъ на полъ*).

Василій (*подбирая счеты*).

Зачѣмъ же бросать! Счетъ—вѣдь это документъ, по ёмъ надо деньги платить.

Лидія.

Вонъ отсюда! Я не могу видѣть тебя (*Василій разглаживаетъ каждый счетъ, кладетъ ихъ аккуратно на столъ и уходитъ*).

Васильковъ (*встаетъ и ходитъ по комнатѣ*).

Я кончилъ. Тутъ 32,547 рублей 98 копеекъ. Эта сумма для меня слишкомъ значительна, но я заранѣе далъ тебѣ слово и потому заплатить долженъ. Я займу сегодня, сколько будетъ нужно; но, чтобъ сохранить равновѣсіе въ бюджетѣ, мы должны будемъ надолго значительно сократить наши расходы. Черезъ улицу, напротивъ, есть одно-этажный домикъ въ три окна на улицу; я его смотрѣлъ, онъ для насъ будетъ очень достаточенъ. Надо распустить прислугу: я себѣ оставлю Василья, а ты одну горничную, подешевле, — повара отпустимъ и наймемъ кухарку. Лошадей держать не будемъ.

Лидія (*смѣется*).

Какъ же мы безъ лошадей останемся! Вѣдь лошади для того и созданы, чтобъ на нихъ ѣздить. Неужели вы этого не знаете? На чемъ мы выѣзжать будемъ? Въ аэростатѣ вѣдь никто еще не ѣздилъ. Ха, ха, ха!

Васильковъ.

Когда сухо,—пѣшкомъ, а грязно—на извощикѣ.

Лидія.

Вотъ любовь-то ваша!

Васильковъ.

Я оттого и не хочу раззориться, что люблю тебя.

Лидія.

Подите скорѣй! Commis дожидаются, они люди порядочные. Это неучтиво! Имъ надо заплатить.

Васильковъ.

Платите вы, у васъ есть свои деньги.

Лидія.

Я не заплачу.

Васильковъ.

Васъ заставятъ судомъ.

Лидія.

Но мнѣ нечѣмъ заплатить! Боже мой! (*закрываетъ лицо руками*).

Надежда Антоновна (*горячо*).

За что вы терзаете насъ? Мы заслуживаемъ лучшей участи. Мы ошиблись, — вы бѣдны, но мы же стараемся и поправить

эту ошибку. Конечно, по грубости чувствъ, вы едва-ли поймете нашу деликатность, но я приведу вамъ въ примѣръ моего мужа. Онъ имѣлъ видное и очень отвѣтственное мѣсто; чрезъ его руки проходило много денегъ,—и знаете ли, онъ такъ любилъ меня и дочь, что, когда требовалась какая нибудь очень большая сумма для поддержанія достоинства нашей фамиліи, или просто даже для нашихъ прихотей, онъ... онъ не зналъ различія между своими и казенными деньгами. Понимаете ли вы, онъ пожертвовалъ собою для святаго чувства семейной любви. Онъ былъ преданъ суду и долженъ былъ уѣхать изъ Москвы.

Васильковъ.

И подѣломъ.

Надежда Антоновна.

Вы не умѣете цѣнить его, оцѣните хоть насъ! Вы бѣдны, мы васъ не оставимъ въ бѣдности; мы имѣемъ связи. Мы ищемъ и непремѣнно найдемъ вамъ хорошее мѣсто и богатую опеку. Вамъ останется только подражать моему мужу, примѣрному семьянину. (*Подходитъ къ Василькову, кладетъ ему руку на плечо и говоритъ шепотомъ*). Вы не церемоньтесь!... понимаете? (*Показываетъ на карманъ*). Ужъ это мое дѣло, чтобъ на васъ глядѣли сквозь пальцы. Пользуйтесь вездѣ, гдѣ только можно.

Васильковъ.

Да подите-жъ прочь съ вашими совѣтами! Никакая нужда, никакая красавица меня воромъ не сдѣлаютъ. Если вы мнѣ еще о воровствѣ заикнетесь, я съ вами церемониться не буду. Лидія, перестань плакать! Я заплачу за тебя, но въ послѣдній разъ и съ такимъ условіемъ: завтра же переѣхать въ этотъ домикъ съ тремя окнами,—тамъ и для маменьки есть комната,—и вести жизнь скромную. Мы не будемъ никого принимать (*разсматриваетъ счеты*).

Лидія (*прилегая на плечо къ матери*).

Надо съ нимъ согласиться (*тихо*). У насъ будутъ деньги и мы съ вами будемъ жить богато (*громко мужу*). Мой другъ, я согласна. Не противиться тебѣ, а благодарить тебя я должна (*тихо матери*). Какъ я проведу его (*громко мужу*). Мы не будемъ никого принимать.

Васильковъ (*считая*).

Я знаю, что ты у меня умница.

Лидія.

Но старикъ Кучумовъ, онъ благодѣтель всего нашего семейства, почти родственникъ.

Васильковъ (*считая*).

Ну, Кучумова можно (*Лидія судорожно сжимаетъ матери руку*).

Надежда Антоновна (*тихо*).

Ты что-то затѣваешь?

Лидія (*тихо*).

Затѣваю. Никто такъ меня не унижалъ, какъ онъ. Я теперь не женщина, я змѣя! и я его больно ужалю.

Васильковъ.

Однако, ты порядочная мотовка!

Лидія (*кидается ему на шею*).

Ну, прости меня, душа моя, жизнь моя! Я сумасшедшая, избалованная женщина; но я постараюсь исправиться. Мнѣ такіе уроки нужны, не жалѣй меня!

Васильковъ.

Значитъ, миръ?

Лидія.

Миръ, миръ, надолго, навсегда.

Васильковъ.

Ну, вотъ и прекрасно, моя милая! По крайней мѣрѣ, мы теперь знаемъ другъ друга. Ты знаешь, что я разсчетливъ, я знаю, что ты избалована, но за то любишь меня и доставишь мнѣ счастье, на которое грубому труженику нельзя было надѣяться и которое мнѣ дорого, очень дорого, моя Лидія, мой ангелъ! (*Обнимаетъ жену*).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Надежда Антоновна.
Васильковъ.
Лидія.
Кучумовъ.
Телятевъ.
Глумовъ.
Василій.

Весьма скромная зала, она же и кабинетъ, по сторонамъ окна, на задней стѣнѣ направо отъ зрителея дверь въ переднюю, налѣво во внутреннія комнаты, между дверей изразцовая печь, меблировка бѣдная: письменный столъ, старое фортепьяно.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Васильковъ (*сидитъ у стола и собираетъ бумаги*). Василій (*стоитъ за стуломъ*).

Васильковъ.

Ну что, Василій Иванычъ, барыня, кажется, начинаетъ привыкать и къ новой квартирѣ и къ тебѣ?

Василій

На счетъ квартиры не знаю, сударь, что сказать. Все смѣются съ маменькой пофранцузски. А про меня ужь что! Какъ еще только я живъ!

Васильковъ.

Что̀ ты, Богъ съ тобою!

Василій.

Да помилуйте, Савва Геннадичъ, сударь! Имъ нужно, чтобъ въ штиблетахъ, а я не могу. Какой же я камардинъ, коли я при васъ служащій, все одно какъ помощникъ. Помилуйте, Савва Геннадичъ, мы, можетъ быть, съ вами нужду видали вмѣстѣ, — можетъ быть, тонули вмѣстѣ въ рѣкѣ по нашему дѣлу.

Васильковъ.

Ну, да, да, конечно (*встаетъ со стула*).

Василій.

Ну, и за фрукты тоже съѣла-было совсѣмъ.

Васильковъ.

За какіе фрукты?

Василій.

Конечно, по нашему званію... и всего-то вотъ сколько было (*показываетъ на палецъ*).

Васильковъ.

Чего?

Василій.

Рѣдечки... всего-то вотъ столько было. Сидѣлъ въ передней, доѣдалъ.

Васильковъ.

Ужь ты, Василій Иванычъ...

Василій.

Да невозможно, сударь, Савва Геннадичъ! Мы народъ рабочій, на томъ воспитаны. Да мнѣ дороже она, Богъ-знаетъ чего.

Васильковъ.

Такъ слушай, Василій Иванычъ! Безъ меня, кромѣ Кучумова, никого не принимай!

Василій.

Ужь будьте покойны! (*Уходятъ. Входитъ Лидія*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Лидія (*одна*).

Лидія.

Что̀ такъ долго не ѣдетъ этотъ противный старичишка! Вотъ ужь три дня я томлюсь въ этой канурѣ, мнѣ страшно

подойти къ окну. Теперь, чай, нарочно ѣздятъ мимо, чтобъ увидать меня въ окнѣ. У Глумова, пожалуй, и стихи готовы. Старичокъ, Кучуминька, миленькій! выручи меня изъ заключенія! Переѣхали бы мы съ maman на старую квартиру и зажили лучше прежняго. Развлечь себя хоть музыкой! Звуки вальса имѣютъ много утѣшенія. Что ни говори, а Страусъ и Гунгль лучшіе знатоки женскаго сердца (*пробуетъ фортепьяно*). Экая дрянь! Это онъ нарочно завелъ, чтобъ меня унизить. Погоди же, мой другъ, я тебя утѣшу (*прислушивается, слышитъ стукъ экипажа*). Посмотрѣла бы, да стыдно свѣтской дамѣ подойти къ косящату окну! Не Кучумовъ ли? онъ всегда въ 2 часа бываетъ. Онъ, онъ! Идетъ на крыльцо, слышу его походку. Ну, что-то будетъ? (*За сценой голосъ Кучумова: дома барыня? Голосъ Василья: пожалуйте! У себя-съ! Кучумовъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Лидія и Кучумовъ.

Лидія.

Наконецъ-то, а еще папаша.

Кучумовъ (*цѣлуя руку Лидіи, грозно оглядываетъ комнату*).

Что такое? Что такое? Куда это вы попали? Что за обстановка! Это постоялый дворъ какой-то. Но, я васъ спрашиваю, что все это значитъ? Мой ангелъ, не сердитесь на меня, что я такъ грубо васъ спрашиваю! Въ такихъ комнатахъ иначе нельзя говорить, какъ грубо. Какъ это случилось? Чѣмъ вы себя довели до такого униженія? Вы срамите фамилію Чебоксаровыхъ!

Лидія.

Вы меня не упрекайте, а лучше пожалѣйте!

Кучумовъ.

Нельзя васъ жалѣть, милостивая государыня. Вы позорите свой родъ. Что̀ бы сказалъ вашъ бѣдный отецъ, еслибы узналъ ваше униженіе.

Лидія.

Что же мнѣ дѣлать?

Кучумовъ.

Бѣжать, сударыня, бѣжать безъ оглядки.

Лидія.

Куда? У maman ничего нѣтъ. Онъ за насъ всѣ долги заплатилъ.

Кучумовъ.

Его прямая обязанность. За обладаніе такимъ сокровищемъ, за то счастье, которое вы доставили этому моржу, онъ обязанъ исполнять всѣ ваши желанія.

Лидія.

Видно, онъ не считаетъ за большое счастіе обладать мною.

Кучумовъ.

А не считаетъ, тѣмъ лучше. Вы должны знать цѣну себѣ. Переѣзжайте съ maman на старую квартиру, въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго; а жить въ курятникѣ позорно.

Лидія.

Но, папаша, чѣмъ же намъ жить! У maman нѣтъ ничего, у меня тоже. На кредитъ нельзя разсчитывать.

Кучумовъ.

Кредитъ! Да на что вамъ кредитъ? Стыдно, стыдно! Надо было прямо обратиться ко мнѣ. Вамъ стыдно было попросить у меня денегъ, а не стыдно феѣ жить въ такомъ шалашѣ! Вы, фея наша легкокрылая, вы забыли свое могущество. Вамъ стоитъ сдѣлать только одинъ жестъ, и этотъ шалашъ превратится во дворецъ.

Лидія.

Какой жестъ, папаша?

Кучумовъ.

Вы, и какъ фея и какъ женщина, должны это знать лучше, чѣмъ мы, мужчины. У фей и женщинъ въ запасѣ много жестовъ.

Лидія (*бросаясь ему на шею*).

Такой жестъ, папаша?

Кучумовъ.

Такъ, такъ, такъ... (*Зажмуривъ глаза, опускается на стулъ*). Съ тебя будетъ пока сорока тысячъ на первый разъ?

Лидія.

Я не знаю, папаша.

Кучумовъ.

Теперь вамъ много не нужно, вы переѣдете на старую квартиру, она отдѣлана превосходно и еще не занята. Гардеробъ у тебя восхитительный! На первое время вамъ сорока тысячъ слишкомъ довольно. Послушай, если ты не возьмешь, я выброшу ихъ изъ кареты, нарочно проиграю въ клубѣ. Во всякомъ случаѣ, я эту сумму уничтожу, если ты не хочешь взять ее.

Лидія.

Ну, такъ давай, папаша!

Кучумовъ (*берется за карманы*).

Ахъ, Боже мой! Это только со мной съ однимъ случается. Нарочно положилъ на столѣ бумажникъ и позабылъ. Дитя, прости меня! (*Цалуетъ у ней руку*). Я тебѣ привезу ихъ завтра на новоселье. Я надѣюсь, что вы нынче же переѣдете. Закажу у Эйнемъ пирогъ, куплю у Сазикова золотую солонку фунтовъ въ пять, и положу туда деньги. Хорошо бы положить все золотомъ для счастья, да такой суммы едва-ли найдешь. Всетаки полуимперіаловъ съ сотню наберу у себя.

Лидія.

Merci, merci, папаша. (*Гладитъ его по головѣ*).

Кучумовъ.

Блаженство! Блаженство! Что такое деньги! Имѣй я хоть милліоны, но если не вижу такихъ глазъ, такихъ ласкъ, я нищій. (*Входитъ Надежда Антоновна*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лидія, Кучумовъ и Надежда Антоновна.

Лидія.

Maman, Григорій Борисычъ совѣтуетъ намъ переѣзжать на старую квартиру.

Кучумовъ.

Разумѣется. Нельзя оставаться, дорогая моя, нельзя.

Надежда Антоновна.

Ахъ, Григорій Борисычъ, не говорите! Что я терплю! Какъ я страдаю! Вы знаете мою жизнь въ молодости; теперь, при одномъ воспоминаніи, у меня дѣлаются припадки. Я бы уѣхала съ Лидіей къ мужу, но онъ пишетъ, чтобъ мы не ѣздили. О вашихъ деньгахъ ничего не упоминаетъ.

Кучумовъ.

Не дошли. (*Считаетъ по пальцамъ*). Вторникъ, среда, четвергъ, пятница... Онъ ихъ получилъ вчера вечеромъ, или сегодня утромъ.

Лидія.

Maman, намъ бы переѣхать сейчасъ же.

Надежда Антоновна.

Ахъ, Лидія, нужно подумать. Мнѣ все кажется, что твой мужъ притворяется, а что онъ очень богатъ.

Лидія.

Богатъ онъ, бѣденъ ли, но онъ насъ унизилъ, и между нами все кончено. Григорій Борисычъ сдѣлалъ для насъ много

и не желаетъ, чтобъ я жила съ мужемъ. Наша жизнь будетъ вполнѣ обезпечена, папашка мнѣ обѣщалъ.

Надежда Антоновна.

Папашка! Гдѣ ты научилась? Ахъ, Лидія, какъ ты говоришь! Невозможно, невыносимо слушать матери.

Лидія.

Скажите! Стыдно? Я теперь рѣшилась называть стыдомъ только бѣдность, все остальное для меня не стыдно. Maman, мы съ вами женщины, у насъ нѣтъ средствъ жить даже порядочно; а вы желаете жить роскошно, какъ же вы можете требовать отъ меня стыда! Нѣтъ, ужь вамъ поневолѣ придется смотрѣть кой на что сквозь пальцы. Такова участь всѣхъ матерей, которыя воспитываютъ дѣтей въ роскоши, и оставляютъ ихъ безъ денегъ.

Кучумовъ.

Benissimo! Я никакъ не могъ ожидать, чтобы въ такой молодой женщинѣ было столько житейской мудрости.

Лидія.

Maman, папашка обѣщаетъ намъ на новоселье сорокъ тысячъ.

Надежда Антоновна *(съ радостью)*.

Неужели? *(Кучумову)*. Вы очень, очень добрый человѣкъ. Однакожь, все-таки подумать надо.

Лидія.

О чемъ думать! Здѣсь униженіе, тамъ — счастіе.

Надежда Антоновна.

Пойдемте въ мою комнату, обсудимте вопросъ со всѣхъ сторонъ. Главное, чтобъ приличіе было сохранено.

Лидія *(матери)*.

Въ этомъ положитесь на меня.

Кучумовъ.

Я ужь не мальчишка, умѣю пользоваться счастьемъ втихомолку, много не болтаю. *(За сценой голосъ Василія: не приказано принимать. Голосъ Глумова: что ты врешь! Кучумовъ, Лидія, Надежда Антоновна уходятъ. Шляпа Кучумова остается на столѣ. Входятъ Глумовъ и Василій)*.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Глумовъ и Василій.

Глумовъ.

Что ты, болванъ, выдумываешь! Меня не велѣно принимать! Невозможно!

Василій.

Совсѣмъ я не болванъ; на болванахъ чепчики шьютъ. А что не велѣно пущать, опять же не моя вина.

Глумовъ.

Кто жь не велѣлъ пущать, баринъ или барыня?

Василій.

Да нешто для васъ не все равно! Кто бы ни приказалъ, а, значитъ, пущать не буду. А коли хотите знать, такъ вотъ вамъ разъ: и баринъ не велѣлъ, и барыня, и ни за что къ вамъ не выдутъ.

Глумовъ.

Ты глупъ безгранично, исторически; но все-таки ты можешь знать причину, почему меня не велѣно принимать. Не знаешь ли? Не слыхалъ ли ты, любезный другъ, хоть краемъ своего ослинаго уха? Такъ повѣдай, рубль серебромъ деньга немалая.

Василій.

Покорно благодарю. Пожалуйте. *(Беретъ рубль и прячетъ въ карманъ)*. А что я вамъ проповѣдаю? Извѣстно, дѣла, обстоятельства. Вы придете, другой, третій; рюмка водки, другая, пятая, десятая, а все разсчетъ. А дѣла наши, баринъ говоритъ, повидимости, подходятъ тонкія. А вы разсудите сами! Пожалуй, корми дармоѣдовъ-то, пользы отъ нихъ никакой, а все изъ кармана. Вотъ кабы знакомство хорошее, степенное, а то какое у насъ знакомство!...

Глумовъ.

Ну, довольно! Дай клочокъ бумаги, и убирайся! Я напишу барину записку и уйду.

Василій.

Да вотъ бумага-то, на столѣ! Только вы отъ хорошей, зря, не рвите! А я, что жь, я уйду. *(Уходитъ)*.

Глумовъ *(беретъ бумагу и перо)*.

Что бы такое ему написать? *(Замѣчаетъ шляпу)*. Чья эта шляпа? *(Беретъ ее въ руки)*. Ба, ба, ба! Да это Кучумова. Значитъ, князинька здѣсь. Вотъ и прекрасно. Васильковъ теперь ужь получилъ письмо, Телятевъ тоже; съѣдутся всѣ вмѣстѣ. Вотъ будетъ сцена. Напишу для отклоненія подозрѣнія что-нибудь. *(Пишетъ и читаетъ)* «Любезнѣйшій другъ, я заходилъ къ тебѣ посовѣтоваться по одному дѣлу. Жаль, что не засталъ. Завтра зайду пораньше. Твой Глумовъ». Написано крупно, положу посрединѣ стола, чтобъ онъ увидалъ сразу. *(Голосъ Телятева: ну, а я все-таки войду)*. *(Входятъ Телятевъ и Василій)*.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Глумовъ, Телятевъ и Василій.

Телятевъ *(Глумову)*.

Ты былъ у Лидіи Юрьевны?

Глумовъ.

Нѣтъ, зачѣмъ мнѣ она. Я заходилъ къ Саввѣ, да не засталъ, записку ему оставилъ. Прощай! Если ты хочешь Василькова видѣть, такъ ступай на биржу, онъ тамъ цѣлый день проводитъ.

Телятевъ.

Тѣмъ лучше.

Глумовъ.

Онъ, кажется, новой отраслью промышленности занялся, шелкомъ маклеруетъ.

Телятевъ.

Отличное занятіе.

Глумовъ.

Въ хорошій день рублей пять выторгуетъ.

Василій.

Вотъ ужь это, сударь, что напрасно, то напрасно.

Глумовъ.

Помнишь, сколько къ намъ провинціаловъ наѣзжало! Подумаешь, у него горы золотыя, — тàкъ развернется. А глядишь, покутитъ недѣль шесть, либо въ солдаты продается, либо его домой по этапу вышлютъ, а то пріѣдетъ отецъ, да, какъ въ трактирѣ за волосы ухватитъ, такъ и везетъ его до самаго дому верстъ четыреста. *(Глядитъ на часы)*. Однако, мнѣ пора. Какъ я заболтался. *(Быстро уходитъ)*.

Телятевъ *(садится къ столу, держа свою шляпу въ лѣвой рукѣ)*.

Ну, какъ же, Василій Иванычъ, принимать не велѣли?

Василій.

Да также, сударь.

Телятевъ.

Да вы это, Василій Иванычъ, по глупости, можетъ быть?

Василій.

Нѣтъ, истинно, истинно. Что вы! Смѣю ли я!

Телятевъ.

И вамъ, Василій Иванычъ, меня не жаль?

Василій.

Какъ не жаль, сударь. Извѣстно, вы не какъ другіе.

Телятевъ.

Лучше!

Василій.

Не въ примѣръ.

Телятевъ.

Садитесь, Василій Иванычъ! *(Василій Иванычъ садится и опирается руками въ колѣна)*. Давайте съ вами разговаривать.

Василій.

Вы думаете, не могу?

Телятевъ.

Ничего я не думаю. Вы, я слышалъ, были въ Лондонѣ, а въ Марокко не были?

Василій.

Этакихъ странъ я, сударь, и не слыхивалъ. Морокъ, такъ онъ морокомъ и останется, а намъ не для чего. У насъ, по нашимъ грѣхамъ, тоже этого достаточно, обморочатъ какъ разъ. А знаютъ ли они тамъ холодъ и голодъ, вотъ что?

Телятевъ.

Про голодъ не слыхалъ, а холоду не бываетъ оттого, что тамъ очень жарко.

Василій.

Ну, и пущай они дохнутъ съ голоду ли, съ жару ли, а намъ пуще всего уповать нужно.

Телятевъ.

На что же уповать, Василій Иванычъ?

Василій.

Чтобъ какъ все къ лучшему. По нашему теперь тоже дѣлу, босоты и наготы навидались. Конечно, порядокъ такой, искони-бѣ; а Богъ невидимо посылаетъ.

Телятевъ.

Василій Иванычъ, въ философіи далеко уходить не годится.

Василій.

Я и про что другое могу.

Телятевъ.

Прощайте, Василій Иванычъ. *(Въ разсѣяніи беретъ со стола правой рукой шляпу Кучумова и хочетъ надѣть обѣ)*. Это какъ же, Василій Иванычъ?

Василій.

Грѣхъ, сударь, бываетъ со всякимъ.

Телятевъ.

Какой же тутъ грѣхъ-то, Василій Иванычъ?

Василій.

Бываетъ, что и уносятъ.

Телятевъ.

Вы, Василій Иванычъ, заврались!

Василій.

А вотъ что, сударь: помѣряйте обѣ, которая впору, та и ваша.

Телятевъ.

Вотъ, Василій Иванычъ, умныя рѣчи пріятно и слушать. *(Примѣриваетъ сначала свою)*. Это моя. А это чья же? Да это князинькина. Значитъ, онъ здѣсь?

Василій *(таинственно)*.

Здѣсь-съ.

Телятевъ.

Гдѣ же онъ? *(Василій молча и величественно указываетъ на дверь во внутреннія комнаты)*. Отчего же его принимаютъ, а меня нельзя?

Василій.

Потому, сродственникъ.

Телятевъ.

Такой же сродственникъ, какъ и вы, Василій Иванычъ. Ужь вы меня извините, я останусь, а вы подите въ переднюю.

Василій.

Оно точно, что въ это время баринъ никогда дома не бываетъ, а если въ другой разъ...

Телятевъ.

Ну, довольно, Василій Иванычъ! Учтивость за учтивость; а то я скажу вамъ: «пошелъ вонъ!»

Василій.

Можно, для васъ все, сударь, можно. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Телятевъ *(одинъ)*.

Телятевъ *(вынимаетъ изъ кармана письмо и читаетъ)*.

Не будь, Телятевъ, легковѣренъ,
Бываютъ въ мірѣ чудеса;
Князекъ надуть тебя намѣренъ
У Васильковой въ два часа.

И все такъ точно, и надулъ. Онъ сродственникъ, а меня и принимать не приказано. Что же мнѣ дѣлать? Уступить даромъ какъ-то неловко, что-то за сердце скребетъ. Подожду ихъ, по-

смотрю, какъ она его будетъ провожать. Вотъ удивятся, вотъ рты-то разинутъ, какъ я встану передъ ними, какъ statua gentilissima. А статуя Командора,—мнѣ одинъ нѣмецъ божился до того, что заплакалъ, — представляетъ совѣсть. Ужасно будетъ ихъ положеніе. А не лучше ли явиться къ нимъ самому, оно, конечно, не совсѣмъ учтиво... Гдѣ они скрываются? (*Подходитъ къ двери и прислушивается*). Никого нѣтъ. Проникну далѣе. (*Отворяетъ осторожно дверь, уходитъ и такъ же осторожно затворяетъ. Входятъ Васильковъ и Василій*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Васильковъ и Василій.

Васильковъ (*быстро*).

Былъ безъ меня кто-нибудь?

Василій.

Господинъ Глумовъ. Вотъ и записку оставили.

Васильковъ (*строго*).

А еще кто?

Василій.

Господинъ Кучумовъ... а...

Васильковъ.

Ну, хорошо, ступай! (*Василій уходитъ*). Кучумовъ такъ старъ, что и подозрѣвать нельзя; моя жена женщина со вкусомъ. (*Останавливается передъ столомъ въ задумчивости и видитъ записку Глумова. Вынимаетъ изъ кармана письмо и сличаетъ съ запиской Глумова*). Ничего не похоже, а я думалъ, что онъ. (*Читаетъ письмо*).

Изъ дома мужъ уходитъ смѣло
Съ утра на биржу дѣлать дѣло,
И вѣритъ, что жена отъ скуки
Сидитъ и ждетъ, сложивши руки.
Несчастный мужъ!

Для мужа другъ велико дѣло,
Когда жена сидитъ безъ дѣла.
Мужъ занятъ, а жена отъ скуки,
Глядишь и бьетъ на обѣ руки.
Несчастный мужъ!

«Будь дома въ два часа непремѣнно, и ты поймешь смыслъ этихъ словъ». (*Короткое молчаніе*). Что это, шутка или несчастіе? Если это шутка, то глупо и непростительно шутить надъ человѣкомъ, не зная его сердца. Если это несчастіе, то зачѣмъ

же оно приходитъ такъ рано и неожиданно. Еслибъ я зналъ свою жену, я бы не колебался. Какъ любитъ, какъ чувствуетъ простая дѣвушка или женщина, я знаю; а какъ чувствуетъ свѣтская дама—я не знаю. Я души ея не вижу: я ей чужой и она мнѣ чужая. Ей не нужно сердца, а нужны рѣчи. А у меня рѣчей нѣтъ. О, проклятыя рѣчи! Какъ легко мы перенимаемъ чужія рѣчи, и какъ туго перенимаемъ чужой умъ. Теперь говорятъ какъ въ англійскомъ парламентѣ, а думаютъ все еще какъ при Аскольдѣ. А дѣлаютъ... Да что здѣсь дѣлаютъ. Ничего не дѣлаютъ. Но, что же, однако, значитъ это письмо? Пойду, покажу его Лидіи. Но если, если... Боже! Что мнѣ дѣлать тогда, что мнѣ дѣлать? Какъ повести себя? Нѣтъ, нѣтъ, стыдно въ такомъ дѣлѣ готовиться, стыдно роль играть! Что подскажетъ мнѣ глупое провинціальное сердце, то и сдѣлаю. (*Открываетъ ящикъ съ пистолетами, осматриваетъ ихъ, опять кладетъ на мѣсто; ящикъ остается открытымъ. Идетъ къ двери; навстрѣчу ему тихо, пятясь задомъ, показывается Телятевъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Васильковъ и Телятевъ.

Васильковъ.

Телятевъ, такъ друзья не дѣлаютъ.

Телятевъ.

А, здравствуй. (*Тихо*). Постой, погоди, они сейчасъ выйдутъ.

Васильковъ.

Отвѣчай мнѣ на мои вопросы, или я тебя убью на мѣстѣ.

Телятевъ.

Потише ты, я говорю тебѣ! (*Прислушивается*). Ну, что нужно? Спрашивай!

Васильковъ.

Ты къ моей женѣ пріѣхалъ?

Телятевъ.

Да.

Васильковъ.

Зачѣмъ?

Телятевъ.

Пріятно провести время, полюбезничать. Какіе ты странные вопросы дѣлаешь!

Васильковъ.

Отчего же ты къ моей женѣ ѣдешь, а не къ другимъ?

Телятевъ.

Оттого, что у меня вкусъ хорошъ.

Васильковъ.

Мы будемъ стрѣляться.

Телятевъ.

Ну, хорошо, хорошо! Ты только не шуми. Я слышу голоса.

Васильковъ.

Чьи бы голоса ни были, они мнѣ не помѣшаютъ.

Телятевъ.

Ты съума сошелъ, Савва. Опомнись, выпей холодной воды.

Васильковъ.

Нѣтъ, Телятевъ. Я человѣкъ смирный, добрый; но бываютъ въ жизни минуты... Ахъ, я разсказать тебѣ не могу, что̀ дѣлается въ моей груди... Видишь, я плачу... Вотъ пистолеты! Выбирай любой.

Телятевъ.

Коли ты подарить хочешь, такъ давай оба, къ чему ихъ рознить; а коли стрѣляться, такъ куда торопиться, чудакъ! У меня сегодня обѣдъ хорошій. Послѣ сытнаго обѣда мнѣ всегда тяжело жить на свѣтѣ; тогда, пожалуй, давай стрѣляться.

Васильковъ.

Нѣтъ, нѣтъ, сейчасъ, здѣсь, на этомъ мѣстѣ, безъ свидѣтелей.

Телятевъ.

Ну, ужь вѣдь я тоже съ характеромъ, я здѣсь не буду, говорю тебѣ наотрѣзъ. Что за мѣсто! Всякое дѣло, Савва, нужно дѣлать порядкомъ. Да! Постой! Прежде всего скажи ты мнѣ, зачѣмъ ты переѣхалъ въ такую гнусную квартиру?

Васильковъ.

Средствъ нѣтъ жить лучше.

Телятевъ.

Такъ возьми у меня. *(Вынимаетъ бумажникъ)*. Сколько тебѣ нужно? Да, пожалуй, бери всѣ, я въ Москвѣ и безъ денегъ проживу.

Васильковъ.

Ты этими деньгами хочешь купить мою снисходительность, хочешь купить жену у меня? *(Беретъ пистолетъ)*.

Телятевъ.

Послушай, любезный другъ! Ты меня лучше убей, только не оскорбляй! Я тебя уважаю больше, чѣмъ ты думаешь и чѣмъ ты сто̀ишь.

Васильковъ.

Извини! Я человѣкъ помѣшанный.

Телятевъ.

Я просто предлагаю тебѣ деньги, по добротѣ сердечной,

или, лучше сказать, по нашей общей распущенности; когда есть деньги, давай первому встрѣчному, когда нѣтъ — занимай у перваго встрѣчнаго.

Васильковъ.

Ну, хорошо, давай деньги! Сколько тутъ?

Тѣлятевъ.

Сочтешь послѣ. Тысячъ около пяти.

Васильковъ.

Надо счесть теперь и дать тебѣ росписку.

Тѣлятевъ.

Ужь отъ этого, сдѣлай милость, уволь. Съ меня берутъ росписки, а я ни съ кого; хоть бы я и взялъ, я ее непремѣнно потеряю.

Васильковъ.

Спасибо. Я тебѣ заплачу хорошіе проценты.

Тѣлятевъ.

Шампанскимъ, другихъ процентовъ не беру.

Васильковъ.

А все-таки за то, что ты ухаживаешь за моей женой, мы съ тобой стрѣляться будемъ.

Тѣлятевъ.

Не стòитъ, повѣрь мнѣ, не стòитъ. Если она честная женщина, изъ моего ухаживанія ничего не выдетъ, а мнѣ все-таки развлеченіе; если она дурная женщина, не стòитъ за нее стрѣляться.

Васильковъ.

Чтò же мнѣ тогда дѣлать, въ этомъ послѣднемъ случаѣ? *(Съ отчаяніемъ)*. Чтò мнѣ дѣлать?

Тѣлятевъ.

Бросить ее, и все тутъ.

Васильковъ.

Я былъ такъ счастливъ, она такъ притворялась, что любитъ меня! Ты только подумай! Для меня, для провинціала, для несчастнаго тюленя, ласки такой красавицы — вѣдь рай! И вдругъ она измѣняетъ. У меня оборвалось сердце, подкосились ноги, мнѣ жизнь не мила; она меня обманываетъ.

Тѣлятевъ.

Такъ ты ее убей, а меня-то за что же!

Васильковъ.

За то, что вы ее развратили. Она отъ природы созданіе доброе; въ вашемъ омутѣ женщина можетъ потерять все,—и честь, и совѣсть, и всякій стыдъ. А ты развратнѣй всѣхъ. Нѣтъ, нѣтъ, бери пистолетъ, а то я тебя убью стуломъ.

Телятевъ.

Ну, чортъ съ тобой! Ты мнѣ надоѣлъ. Давай стрѣляться! (*Проходитъ къ пистолетамъ и прислушивается у двери*). Вотъ что: передъ смертью попробуемъ спрятаться за печку!

Васильковъ.

Нѣтъ, нѣтъ, стрѣляться!

Телятевъ (*беретъ его за плеча*).

Тише ты, тише, ради Бога! (*Насильно уводитъ его за печку къ выходной двери. Входятъ Кучумовъ и Лидія*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Васильковъ, Телятевъ, Кучумовъ и Лидія.

Кучумовъ (*поетъ*).

«In mia mano al fin tu sei».

Лидія.

Прощай, папашка!

Кучумовъ (*поетъ*).

Лобзай меня! Твои лобзанья... Addio, mia carina!...

Лидія.

Изволь, папашка! (*Цѣлуетъ его. Телятевъ и Васильковъ выходятъ изъ-за печки*). Ай! (*Отходитъ въ сторону*).

Кучумовъ (*грозя пальцемъ*).

Но, но, но, господа! Я по правамъ старой дружбы. Honni soit, qui mal y pense!

Васильковъ (*указываетъ двери*).

Вонъ! Завтра я пришлю къ вамъ секунданта.

Кучумовъ.

Ни, ни, ни, молодой человѣкъ! Я съ вами драться не стану; моя жизнь слишкомъ дорога для Москвы, чтобъ поставить ее противъ вашей, можетъ быть, совсѣмъ безполезной.

Васильковъ.

Такъ я убью васъ. (*Идетъ къ столу*).

Кучумовъ.

Но! молодой человѣкъ, но! Такъ не шутятъ, молодой человѣкъ, не шутятъ! (*Быстро уходитъ. Входитъ Надежда Антоновна*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Васильковъ, Телятевъ, Лидія и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна.

Что за шумъ у васъ!

Васильковъ.

Возьмите отъ меня вашу дочь! Мы съ вами въ разсчетѣ. Я возвращаю ее вамъ такую же безнравственную, какъ и взялъ отъ васъ; она жаловалась, что перемѣнила свою громкую фамилію на мою почти мѣщанскую; — за то я теперь вправѣ жаловаться, что она запятнала мое простое, но честное имя. Она, выходя за меня, говорила, что не любитъ меня; я, проживя съ ней только недѣлю, презираю ее. Она шла за меня ни съ чѣмъ, — я заплатилъ за ея приданое и за ея наряды; это пусть она зачтетъ за то, что я недѣлю пользовался ея ласками, хотя и не одинъ.

Лидія.

Ха, ха, ха! Какая трагедія!

Надежда Антоновна.

Чтò вы! Чтò вы! У васъ какое-то недоразумѣніе. Бываютъ случаи, что люди расходятся, но всегда мирно, прилично.

Васильковъ (*Телятеву*).

Другъ мой, не оставляй меня; мнѣ нужно сдѣлать нѣкоторыя распоряженія. Вотъ твои деньги, возьми ихъ! Я хотѣлъ за твою доброту заработать тебѣ огромные проценты. Возьми ихъ! (*Отдаетъ деньги Телятеву, тотъ кладетъ ихъ небрежно въ карманъ. Лидія пристально смотритъ на деньги*). Нужно сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, написать къ матушкѣ... Я застрѣлюсь. (*Опускаетъ голову на грудь*).

Телятевъ.

Полно, полно! Савва, ты дурачишься. У моего знакомаго двѣ жены бѣжали, чтò-жь ему два раза надо было застрѣлиться? Савва, ну, взгляни на меня! Послушай, я человѣкъ благоразумный, я тебѣ много могу дать хорошихъ совѣтовъ. Вопервыхъ, ты не вздумай стрѣляться въ комнатѣ — это не принято: стрѣляются въ Петровскомъ паркѣ; вовторыхъ, мы съ тобой сначала пообѣдаемъ хорошенько, а тамъ видно будетъ.

Васильковъ (*Надеждѣ Антоновнѣ*).

Берите скорѣе вашу дочь отъ меня. Берите её скорѣй!

Лидія.

Скорѣе, чѣмъ вы думаете. Мы сами сегодня хотѣли переѣхать. Мы наняли нашу старую квартиру и постараемся изъ ея зеркальныхъ оконъ даже не глядѣть на эту жалкую лачугу съ жалкимъ обитателемъ ея. Вы играли комедію, и мы играли комедію. У насъ больше денегъ, чѣмъ у васъ; но мы женщины, а женщины платить не любятъ. Я притворялась, что люблю васъ, притворялась съ отвращеніемъ, но мнѣ нужно

было, чтобъ вы заплатили наши долги. Я въ этомъ успѣла, съ меня довольно. Оцѣнили ли вы мою способность притворяться? Съ такой способностью женщина не погибнетъ. Застрѣлитесь, пожалуйста, поскорѣй! Телятевъ, не отговаривайте его. Вы мнѣ развяжете руки, и ужь въ другой разъ я не ошибусь въ выборѣ или мужа, или... ну, сами понимаете кого. Прощайте! Все мое желаніе не видѣть васъ болѣе никогда. *(Матери)*. Вы послали за экипажемъ?

Надежда Антоновна.

Посылала, онъ готовъ. *(Уходитъ, за ней Лидія)*.

Васильковъ.

Кончено, теперь все уже для меня кончено.

Телятевъ.

Ну, гдѣ же кончено? Мало ли еще осталось въ жизни?

Васильковъ.

Нѣтъ, уже все. Еслибы я самъ былъ злой человѣкъ, какъ она, я бы теперь грызъ себѣ руки, колотился головой объ стѣну; еслибъ я самъ ее обманывалъ, я бы ее простилъ. Но я человѣкъ добрый, я ей вѣрилъ, а она такъ коварно насмѣялась надъ моей добротой. Надъ чѣмъ хочешь смѣйся: надъ лицомъ моимъ, надъ моей фамиліей, но надъ добротой!.. Надъ тѣмъ, что я любилъ ее, что послѣ каждой ласки ея я по часу сидѣлъ въ кабинетѣ и плакалъ отъ счастья! Другъ, во мнѣ оскорблено не самолюбіе, а душа моя! Душа моя убита, осталось убить тѣло. *(Плачетъ)*.

Телятевъ.

Послушай! Ты лучше замолчи! А то я самъ расплачусь; хороша будетъ у меня физіономія! Перестань, Савва, перестань! Отдайся ты на мою волю хоть на нѣсколько часовъ! Мы съ тобой пообѣдаемъ; чѣмъ я тебя буду кормить, поить, это мое дѣло.

Васильковъ *(беретъ пистолетъ и кладетъ въ карманъ)*.

Другъ мой, что это? *(Подбѣгаетъ къ окну)*. Карета! онѣ уѣзжаютъ! *(Совершенно убитый)*. Вези мой трупъ, куда хочешь, пока онъ не ляжетъ гдѣ-нибудь подъ кустомъ за заставой. *(Уходитъ)*.

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА:

Чебоксарова.
Лидія.
Васильковъ.
Кучумовъ.
Телятевъ.
Глумовъ.
Андрей.
Горничная.

Будуаръ въ прежней квартирѣ Чебоксаровыхъ, направо отъ зрителей дверь въ залу, прямо входная, налѣво зеркальное окно.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лидія *въ утреннемъ костюмѣ лежитъ на кушеткѣ,* Чебоксарова *входитъ.*

Надежда Антоновна.

Что, не былъ?

Лидія.

Нѣтъ еще.

Надежда Антоновна.

Я совершенно потеряла голову. Что намъ дѣлать! Кучумовъ, недѣлю тому назадъ, вмѣсто того, что обѣщалъ привезти на новоселье, далъ мнѣ только 613 рублей, и то съ такими гримасами, съ такими ужимками, какъ будто онъ дѣлаетъ Богъ знаетъ какое одолженіе. У насъ опять накопилась пропасть долговъ. Не забудь, вся мебель новая, та продана твоимъ злодѣемъ.

Лидія.

Онъ обѣщалъ непремѣнно привезти сегодня. Ему не вѣрить стыдно, когда онъ сдѣлалъ такое одолженіе отцу.

Надежда Антоновна.

Да сдѣлалъ ли, я что-то сомнѣваюсь. Вотъ я сегодня получила письмо отъ мужа; онъ пишетъ, что никакихъ денегъ не получалъ, что имѣніе его продано, а самъ онъ теперь живетъ у своего пріятеля. Онъ мнѣ пишетъ, что послѣ продажи, за удовлетвореніемъ долга, ему остается очень незначительная сумма и что на нее онъ хочетъ съ какимъ-то татариномъ или башкиромъ завести кумысъ.

Лидія.

Теперь я понимаю. Знаете, кто купилъ имѣніе?

Надежда Антоновна.

Кто?

Лидія.

Кучумовъ. Онъ обѣщалъ купить и подарить его мнѣ.

Надежда Антоновна.

Едва-ли. Твой отецъ пишетъ, что на торгахъ далъ самую большую сумму какой-то Ермолаевъ, повѣренный Василькова. Ужь не онъ ли? (*Показываетъ на окно*).

Лидія.

Смѣшно! Гдѣ ему! Вы сами видѣли, что онъ занималъ деньги у Телятева и обѣщалъ большіе проценты; а большіе проценты даютъ только въ нуждѣ. Да онъ и слишкомъ глупъ для такого дѣла. Не упоминать о немъ будетъ гораздо покойнѣе.

Надежда Антоновна.

Ужь конечно.

Лидія.

Я считаю себя опозоренной, что вышла за него. Мнѣ надо, чтобъ всякая память о немъ изгладилась изъ моего воображенія. Я бросила бы ему всѣ его подарки, еслибъ они не были такъ драгоцѣнны. Я ихъ велѣла всѣ передѣлать, чтобъ они не имѣли прежней формы.

Надежда Антоновна.

Я пойду спрошу, привезли ли коляску. Я ухитрилась взять въ долгъ у одного каретника и гербы велѣла сдѣлать. Лошадей будемъ брать извощичьихъ, а своей коляски не имѣть нельзя. Извощичій экипажъ всегда замѣтенъ. (*Уходитъ*).

Лидія.

Да, опытность великое дѣло. Я все еще очень довѣрчива. А съ довѣрчивостью можно сдѣлать ошибку неисправимую. (*Входитъ Андрей*).

Андрей.

Господинъ Кучумовъ.

Лидія.

Проси! (*Андрей уходитъ. Входитъ Кучумовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Лидія и Кучумовъ.

Кучумовъ (*становясь на колѣна и цалуя руку Лидіи*).

Il segretto per esser felice…

Лидія.

Что за шалости! садитесь, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Кучумовъ.

Какая холодность! Что за тонъ, дитя мое!

Лидія.

Э! Полно! Довольно шутить! Послушайте! Вы меня заставили переѣхать отъ мужа; вы должаемъ: мнѣ стыдно напоминать вамъ о деньгахъ, точно я у васъ на содержаніи, вы сами навязались съ деньгами.

Кучумовъ (*садится*).

Вамъ меня надо или убивать, или прощать за мою разсѣянность. Сейчасъ отсчитывалъ деньги въ бумажникъ, чтобы взять съ собой, вошла вдругъ жена, я его кинулъ въ столъ и заперъ. Заболтался съ ней, такъ и позабылъ. Я вамъ привезу деньги черезъ полчаса.

Лидія.

А кто купилъ имѣніе отца?

Кучумовъ.

Разумѣется, я.

Лидія.

Отецъ пишетъ, что купилъ повѣренный Василькова.

Кучумовъ.

Иначе и быть не можетъ, я далъ довѣренность Васильеву, одному знакомому купцу. Я у него сына крестилъ. Онъ законовъ не знаетъ и передовѣрилъ отъ себя другому. Какое онъ мнѣ уморительное письмо прислалъ! Я вамъ привезу его черезъ десять минутъ (*встаетъ и оглядываетъ комнату. Поетъ*). So son rico, tu sei bella. Вотъ это мило и это недурно. Какой у васъ вкусъ! Тутъ надо зелени. Я пришлю большую пальму и тропическихъ растеній. Здѣсь подъ пальмой будетъ мѣсто нашихъ интимныхъ разговоровъ. Я это сегодня же пришлю. (*Садится подлѣ Лидіи*).

Лидія (*отодвигаясь*).

Ну, вотъ, когда вы привезете намъ деньги, я васъ опять буду звать папашей и, можетъ быть, полюблю.

Кучумовъ (*поетъ*).

Jo son rico! tu sei bella! Такъ-какъ въ моей честности сомнѣнія быть не можетъ, то любви своей вамъ откладывать нечего, мое блаженство.

Лидія.

Вы думаете! Я сегодня въ дурномъ расположеніи духа, мнѣ не до любви. Я ужь сколько времени только и слышу о богатствѣ: у мужа золотые пріиски, у васъ золотыя горы, Телятевъ чуть не милліонщикъ, и Глумовъ, говорятъ, вдругъ богатъ сталъ. Всѣ мои поклонники прославляютъ мою красоту, всѣ

сулятъ меня золотомъ осыпать, а ни мужъ мой, ни мои обожатели не хотятъ ссудить меня на время ничтожной суммой на булавки. Мнѣ не въ чемъ выѣхать; я ѣзжу въ извощичьей колясквѣ на клячахъ.

Кучумовъ.

Это ужасно! Но вѣдь черезъ полчаса все будетъ поправлено. Я виноватъ, я признаюсь, я одинъ виноватъ.

Лидія.

Я живу безъ мужа, вы ко мнѣ ѣздите каждый день въ извѣстный часъ; что̀ подумаютъ, что̀ будутъ говорить.

Кучумовъ.

Пища для разговора дана, слѣдовательно, разговоръ будетъ, какъ вы строго себя ни ведите. По моему, ужь если переносить осужденія, такъ лучше не даромъ; терпѣть напраслину дѣло ужасное, idol mio. Вѣдь я вамъ говорю, черезъ полчаса... ну... могутъ тамъ встрѣтиться обстоятельства: необходимые взносы; въ конторѣ вдругъ столько денегъ нѣтъ; ну, черезъ день, два... въ крайнемъ случаѣ, черезъ недѣлю вы будете имѣть все, больше чего желать невозможно.

Лидія (*встаетъ*).

Черезъ недѣлю! Черезъ десять минутъ, чтобы все было! Слышите, что я говорю! Иначе я васъ пускать не велю.

Кучумовъ.

Десять минутъ? Я не Меркурій, чтобы такъ быстро летать. Меня могутъ задержать дѣла.

Лидія.

Никто васъ не можетъ задержать: деньги у васъ въ ящикѣ, письмо, вѣроятно, въ другомъ. До свиданья.

Кучумовъ.

Я себя оправдаю въ вашихъ глазахъ; но я вамъ долго-долго (*грозитъ пальцемъ*) не прощу такого обращенія со мной. (*Уходитъ*).

Лидія.

Вотъ когда моя самоувѣренность колебаться начинаетъ. Какой-то холодъ пробѣгаетъ по мнѣ. Кучумовъ обманываетъ меня или нѣтъ? (*Рѣшительно*). Обманываетъ. Онъ еще не исполнилъ ни одного своего обѣщанія. Затѣмъ что же у меня? Отчаяніе и самоубійство, или... тоже самоубійство, только медленное и мучительное... (*Входитъ Андрей*).

Андрей.

Господинъ Телятевъ.

Лидія (*задумчиво*).

Проси. (*Андрей уходитъ. Входитъ Телятевъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Лидія и Телятевъ.

Лидія.

Что васъ давно не видать? Гдѣ вы пропадаете?

Телятевъ.

У человѣка, которому дѣлать нечего, всегда дѣлъ много. Что вы такъ серьёзны! Ай, ай, ай. (*Смотритъ на нее пристально*).

Лидія.

Что вы? Что съ вами?

Телятевъ.

Морщинка, вотъ тутъ, на лбу; маленькая, маленькая, по морщинка.

Лидія (*съ испугомъ*).

Не можетъ быть.

Телятевъ.

Посмотрите въ зеркало! Ай, ай, ай! Въ ваши-то лѣта. Стыдно!

Лидія (*передъ зеркаломъ*).

Не говорите лучше! Надоѣли.

Телятевъ.

Думать не надобно, Лидія Юрьевна; больше всего, думать остерегайтесь. Боже васъ сохрани! У насъ женщины тѣмъ и сохраняютъ красоту, что никогда ничего не думаютъ.

Лидія.

Ахъ, Иванъ Петровичъ, на моемъ мѣстѣ посѣдѣть легко. Какъ мнѣ не думать! Кто-жь за меня думать будетъ?

Телятевъ.

Да чего же вамъ лучше? Ваше положеніе солидное: вы живете однѣ, въ великолѣпной квартирѣ, совершенно свободны, вы богаты, что̀ я самъ отъ васъ слышалъ, поклонниковъ у васъ много, мужъ для васъ не существуетъ.

Лидія (*съ радостію*).

Онъ застрѣлился?

Телятевъ.

Нѣтъ, раздумалъ.

Лидія.

Жаль. Можно вамъ повѣрить тайну?

Телятевъ.

Очень можно,

Лидія.

Вы умѣете ихъ беречь?

Телятевъ.

Нѣтъ, не умѣю. Зато я умѣю ихъ терять сейчасъ же, это лучше. Скажите мнѣ въ одно ухо, у меня въ ту же минуту вылетитъ въ другое; а черезъ часъ, хоть убейте, никакой тайны не вспомню.

Лидія.

Наши дѣла очень плохи, намъ просто жить нечѣмъ.

Телятевъ.

Въ рѣдкомъ семействѣ не найдется такой тайны.

Лидія.

Слушайте! Вы несносны. Я переѣхала отъ мужа потому... нѣтъ, мнѣ стыдно.

Телятевъ.

Ахъ, что вы! Продолжайте! меня-то стыдно? Я ужь такой особенный человѣкъ, что меня никогда, ни одна женщина не стыдилась.

Лидія.

Ну, такъ и мнѣ васъ не стыдно. Я переѣхала отъ мужа въ надеждѣ на Кучумова; онъ мнѣ обѣщалъ дать взаймы сорокъ тысячъ.

Телятевъ.

Ахъ, онъ чудакъ! Да отчего жь не восемьдесятъ?

Лидія.

А онъ можетъ и восемьдесятъ?

Телятевъ.

Еще бы! Онъ и двѣсти можетъ, то-есть обѣщать, а заплатить гдѣ же! У него рѣдко и десять рублей найти въ карманѣ можно.

Лидія.

Вы лжете на него. Онъ выкупилъ отцово имѣніе, оно стоитъ большихъ денегъ; я сама видѣла, какъ онъ далъ моей maman шестьсотъ рублей.

Телятевъ.

Насчетъ имѣнія я сказать ничего не могу; а откуда у него шестьсотъ рублей, я знаю. Онъ пять дней бѣгалъ по Москвѣ, искалъ ихъ, насилу ему дали на мѣсяцъ и взяли вексель въ двѣ тысячи рублей. Я думалъ, что онъ ищетъ денегъ для вашего мужа, которому онъ ужс давно проигралъ въ клубѣ эту сумму и не заплатилъ.

Лидія (*въ отчаяніи*).

Вы меня убиваете!

Телятевъ.

Чѣмъ? Онъ человѣкъ очень хорошій. Вы не безпокойтесь.

Мы всѣ его любимъ; только онъ забывчивъ очень. У него точно было большое состояніе, но онъ часто забываетъ, что все прожито. Да ему легко и забыть: у него теперь и обѣды, и балы, и ужины, и великолѣпные экипажи, только все это женнино, и все еще при жизни отдано племянницамъ. А ему собственно выдается деньгами не болѣе десяти рублей на клубъ. Въ именины и въ праздники даютъ ему пятьдесятъ, а иногда сто рублей. Ну, вотъ тогда и посмотрите на него! Пріѣдетъ въ клубъ, садится въ концѣ стола, тутъ у него и трюфели, и шампанское, и устрицы; а какъ разборчивъ! Прислугу всю съ ногъ собьетъ, человѣкъ пять такъ и бѣгаютъ около него. А ужъ что достается бѣднымъ поварамъ!

Лидія (*блѣднѣя*).

Что̀ мнѣ дѣлать! Я столько задолжала.

Телятевъ.

Есть отчего въ отчаянье придти! Кто нынче не долженъ!

Лидія.

Телятевъ! У васъ огромное состояніе, пожалѣйте меня! Не дайте мнѣ погибнуть! (*Телятевъ опускаетъ голову*). Телятевъ, поддержите честь нашей фамиліи! Я могу полюбить васъ! вы добрый, милый. (*Телятевъ еще ниже опускаетъ голову*). Jean, я гибну! Спасите меня! Если вы мнѣ поможете въ этой бѣдѣ, я ваша. (*Кладетъ ему обѣ руки на плечи и склоняется головой*).

Телятевъ.

Все это очень мило съ вашей стороны, и я былъ бы совершенно счастливъ; но, Лидія Юрьевна, я самъ-то теперь не свой.

Лидія (*смотритъ на него во всѣ глаза*).

Какъ? Вы женитесь или женаты?

Телятевъ.

Не женюсь и не женатъ, а должно быть, завтра свезутъ меня къ Воскресенскимъ воротамъ.

Лидія.

Какъ къ Воскресенскимъ воротамъ?

Телятевъ.

Такъ, привезутъ съ квартальнымъ и опустятъ.

Лидія.

Не можетъ быть. Гдѣ же ваши деньги? Я знаю, что вы давали мужу взаймы.

Телятевъ.

Ну, что жь изъ этого! Развѣ мнѣ чужихъ-то жалко?

Лидія.

А своихъ у васъ нѣтъ?

Телятевъ.

Я ужь и не помню, когда они были. Я вчера узналъ, что я долженъ тысячъ до трехсотъ. Все, что вы у меня видѣли когда-нибудь, все чужое: лошади, экипажи, квартира, платье. За все это денегъ не плачено, за все это писали счеты на меня, потомъ векселя, потомъ подали ко взысканію, потомъ получили исполнительные листы. Деньгами взято у ростовщиковъ видимо-невидимо. Всѣ кредиторы завтра явятся ко мнѣ; картина будетъ поразительная. Мёбель, ковры, зеркала, картины взяты на прокатъ, и нынче же обобраны. Коляска и лошади отъ Ваханскаго; платье портной возьметъ завтра чѣмъ свѣтъ! Я увѣренъ, что кредиторы насмѣются досыта. Я ихъ приму, разумѣется, въ халатѣ, это единственная моя собственность; предложу имъ по сигарѣ, у меня еще съ десятокъ осталось. Посмотрятъ они на меня, да на пустыя стѣны и скажутъ: «гуляй Иванъ Петровичъ, по бѣлому свѣту!» Одинъ за жену сердитъ, этотъ, пожалуй, продержитъ мѣсяца два въ ямѣ, пока не надоѣстъ кормовыя платить. Ну, а тамъ и выпустятъ, и опять я свободенъ, и опять кредитъ будетъ, потому что я добрый малый и у меня еще живы одиннадцать тетокъ и бабушекъ и всѣмъ имъ я наслѣдникъ. Что я гербовой бумаги извелъ на векселя, вы не повѣрите. Если ее съ пуда продавать, такъ больше возьмешь, чѣмъ съ меня.

Лидія.

И вы такъ покойны?

Телятевъ.

Что жь мнѣ безпокоиться-то? Совѣсть моя такъ же чиста, какъ и карманы. Кредиторы мои давно получили съ меня втрое, а взыскиваютъ, только чтобъ форму соблюсти.

Лидія.

Гдѣ жь мнѣ денегъ взять, то-есть большихъ денегъ, много денегъ! Неужели нѣтъ ни у кого?

Телятевъ.

Есть, какъ не быть!

Лидія.

У кого же они?

Телятевъ.

У дѣловыхъ людей, которые ихъ даромъ не бросаютъ.

Лидія

Не бросаютъ? жаль!

Телятевъ.

Еще какъ жаль-то! Теперь и деньги-то умнѣй стали, все къ

дѣловымъ людямъ идутъ, а не къ намъ. А прежде деньги глупѣй были. Вотъ именно такія деньги вамъ и нужны.

Лидія.

Какія?

Телятевъ.

Бѣшеныя. Вотъ и мнѣ доставались все бѣшеныя, никакъ ихъ въ карманѣ не удержишь. Знаете ли, я недавно догадался, отчего у насъ съ вами бѣшеныя деньги? Оттого, что не мы сами ихъ наживали. Деньги, нажитыя трудомъ—деньги умныя. Онѣ лежатъ смирно. Мы ихъ манимъ къ себѣ, а онѣ нейдутъ; говорятъ: мы знаемъ, какія вамъ деньги нужны, мы къ вамъ не пойдемъ. И ужь какъ ихъ ни проси, не пойдутъ. Что̀ обидно-то, знакомства съ нами не хотятъ имѣть.

Лидія.

Я въ актрисы пойду.

Телятевъ.

Талантъ нуженъ, Лидія Юрьевна.

Лидія.

Я въ провинцію.

Телятевъ.

Что за разсчетъ. Увлечете какого-нибудь мушника Тулумбасова, или ужь много-много средней руки помѣщика. Что за карьера!

Лидія.

Телятевъ, помогите, мнѣ нужны деньги!

Телятевъ.

А вотъ, пожалуйте сюда! (*Подводитъ ее къ окну*). Видите?

У воротъ стоитъ
Домикъ крошечка,
Онъ на всѣхъ глядитъ
Въ три окошечка.

Вотъ гдѣ деньги.

Лидія

У мужа!

Телятевъ.

Да, у него. Онъ не только богаче всѣхъ насъ, но такъ богатъ, что подумаешь, такъ голова закружится. Нынче не тотъ богатъ, у кого денегъ много, а тотъ, кто ихъ добывать умѣетъ. Если у вашего мужа теперь наличныхъ тысячъ триста, такъ можно поручиться, что черезъ годъ будетъ мильйонъ, а черезъ пять — пять.

Лидія.

Не можетъ быть. Я не вѣрю вамъ. Подите прочь. Это онъ васъ подослалъ ко мнѣ.

Телятевъ.

А вотъ послушайте. Когда вы его оставили, поѣхали мы обѣдать въ Троицкій. Сидитъ, на свѣтъ не глядитъ, ни ухи не ѣстъ, ни вина не пьетъ. Подходили къ нему какія-то странныя личности, шептались что-то, онъ какъ-будто сталъ поживѣе. Потомъ вдругъ несутъ ему телеграмму, прочелъ ее и глаза засіяли. «Нѣтъ, говоритъ, глупо стрѣляться. Покутимъ, говоритъ, нынѣшній день, поздравь меня». Ну, я его поздравилъ, поцаловались, и поѣхали, и поѣхали. Познакомилъ я его кое съ кѣмъ изъ старыхъ своихъ знакомыхъ, то-есть не изъ старыхъ, а изъ прежнихъ, а онѣ еще молоденькія.

Лидія (*глядя въ окно*).

Погодите! Что это за коляска! Кружева! Неужели это maman взяла для меня? Какая прелесть, какая роскошь!

Телятевъ.

Нѣтъ, вы ошиблись. Это коляска, которую онъ подарилъ моей знакомой и съ лошадями и кучера нанялъ такого, что̀ въ Зоологическомъ саду показывать можно. Вотъ она ѣдетъ отъ него, блондиночка, а глаза васильки.

Лидія.

Ай! Я упаду въ обморокъ. Это не коляска, это мечта. Можно задохнуться отъ счастья сидѣть въ этой коляскѣ. Что̀ со мною? Я его ненавижу и какъ будто ревную. Я бы убила эту блондинку. Носъ у нея и такъ невѐликъ, а она его еще вздергиваетъ.

Телятевъ.

Это не ревность, а зависть.

Лидія.

Онъ ее любитъ?

Телятевъ.

Что? Коляску?

Лидія.

Нѣтъ, блондинку.

Телятевъ.

Зачѣмъ же! И любить да и деньги давать, ужъ слишкомъ много расходу будетъ. Хотите слушать, что̀ вашъ мужъ мнѣ разсказалъ про себя?

Лидія.

Говорите!

Телятевъ.

Учился онъ много, чему ужь не помню. Разныя есть науки, Лидія Юрьевна, про которыя мы съ вами и не слыхали.

Лидія.

Говорите, говорите!

Телятевъ.

Поѣхалъ за границу, посмотрѣлъ, какъ ведутъ желѣзныя дороги, вернулся въ Россію и снялъ у подрядчика небольшой участокъ. Самъ съ рабочими и жилъ въ баракахъ, да Василій Иванычъ съ нимъ. Знаете Василья Иваныча? Золото, а не человѣкъ.

Лидія.

Ахъ, подите вы!

Телятевъ.

Первый подрядъ удался, онъ взялъ побольше, потомъ еще побольше.—Теперь получилъ какую-то телеграмму. «Ну, говоритъ, Вася, ближе мильйона не помирюсь». А я говорю: «и не мирись». Что-жь, мнѣ вѣдь все равно, убытку не будетъ.

Лидія.

Я умираю.

Телятевъ.

Что съ вами?

Лидія (*ложится на диванъ*).

Позовите maman! Позовите, скорѣй!

Телятевъ (*въ дверь*).

Надежда Антоновна! (*Входитъ Надежда Антоновна*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лидія, Телятевъ и Надежда Антоновна.

Лидія.

Maman, ради Бога!

Надежда Антоновна.

Что съ тобой, Лидія? Что съ тобой, дитя мое?

Лидія.

Ради Бога, maman, подите къ моему мужу, позовите его сюда, скажите, что я умираю.

Телятевъ.

Берите моихъ лошадей, Надежда Антоновна, и поѣзжайте скорѣе!

Надежда Антоновна (*всматривается въ дочь*).

Да, да, я вижу, ты въ самомъ дѣлѣ нехороша. Я сейчасъ ѣду. (*Уходитъ. Входитъ Андрей*).

Андрей.

Господинъ Глумовъ.

Лидія (*привставъ*).

Принимать его, или нѣтъ? Еще мужъ придетъ, или нѣтъ, неизвѣстно. Утопающій хватается за соломенку. (*Андрею*) Проси! (*Андрей уходитъ. Входитъ Глумовъ*).

ЯВЛЕНIЕ ПЯТОЕ.

Лидія, Телятевъ и Глумовъ.

Глумовъ.

Что съ вами?

Лидія.

Немного нездорова. А съ вами что? Я слышала, что вы разбогатѣли.

Глумовъ.

Еще нѣтъ, а надѣюсь. Очень выгодную должность занялъ.

Телятевъ.

И совершенно по способностямъ.

Глумовъ.

Счастливый случай, больше ничего. Одна пожилая дама долго искала не то, чтобъ управляющаго, а какъ бы это назвать...

Лидія.

Un secrètaire intime?

Глумовъ.

Oui, madame! Ей нужно было честнаго человѣка, которому бы она могла довѣрить...

Телятевъ.

И себя и свое состояніе?

Глумовъ.

Почти такъ. У ней дома, имѣнія, куча дѣлъ: гдѣ же ей управляться! Съ наслѣдниками она въ ссорѣ. Я стараюсь все обратить въ капиталъ, на что имѣю полную довѣренность, и пользуюсь значительними процентами за коммисію.

Телятевъ.

Благородная, довѣрчивая женщина. Признайся, Глумовъ, вѣдь немного найдешь такихъ.

Глумовъ.

Да, должно быть, одна только осталась; я наперечетъ всѣхъ знаю.

Телятевъ.

Мы сейчасъ только говорили о бѣшеныхъ деньгахъ, что онѣ перевелись, а ты счастливѣй насъ, ты ихъ нашелъ.

Глумовъ.

За то какъ долго и прилежно я искалъ ихъ.

Лидія.

Значитъ, у васъ теперь денегъ много?

Глумовъ.

«Много»—вѣдь это понятіе относительное. Для Ротшильда было бы мало, а для меня довольно.

Лидія.

Дайте мнѣ взаймы тысячъ двадцать.

Глумовъ.

Молоденькимъ, хорошенькимъ женщинамъ взаймы денегъ не даютъ, потому что неделикатно имъ напоминать, когда онѣ забудутъ о долгѣ, а взыскивать еще неделикатнѣе. Имъ, или учтиво отказываютъ, или дарятъ.

Лидія.

Ну, какъ хотите, только дайте.

Глумовъ.

Теперь не могу, извините. Помните, вы сказали, что мнѣ никогда вашей руки не цаловать? Я злопамятенъ.

Лидія.

Цалуйте.

Глумовъ.

Теперь ужь поздно, или лучше сказать, рано. Подождите меня годъ, я пріѣду цаловать ваши ручки. Я завтра отправляюсь съ своей довѣрительницей въ Парижъ, она не знаетъ счета ни на рубли, ни на франки, я буду ея кассиромъ. Она страдаетъ одышкой и общимъ ожирѣніемъ; ей и здѣсь-то доктора больше года жизни не даютъ, а въ Парижѣ съ переѣздами на воды и съ помощію усовершенствованной медицины, она умретъ скорѣе. Вы видите, что мнѣ некогда, годъ я долженъ сердобольно ухаживать за больной, а потомъ могу пожинать плоды трудовъ своихъ, могу и проживать довольно много, пожалуй, при вашемъ содѣйствіи, если вамъ будетъ угодно.

Лидія.

Вы злой, злой человѣкъ!

Глумовъ.

Прежде вамъ эта черта во мнѣ нравилась; мы съ этой стороны похожи другъ на друга.

Лидія.

Да, пока вы не переходили границъ, а теперь, прощайте.

Глумовъ.

Прощайте! Я уѣзжаю съ сладкой надеждой, что въ годъ вы обо мнѣ соскучитесь, что вы меня оцѣните, и мы, вѣроятно, встрѣтимся, какъ родные.

Лидія.

Довольно, довольно!

Глумовъ.

До свиданья.

Телятевъ.

Прощай, Глумовъ. Счастливаго пути! Вспомни обо мнѣ въ Парижѣ, тамъ на каждомъ перекресткѣ еще блуждаетъ моя тѣнь.

Глумовъ.

Прощай, Телятевъ. (*Уходитъ. Входитъ Надежда Антоновна съ склянками, за ней горничная съ подушками, кладетъ ихъ на диванъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лидія, Телятевъ, Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна.

Тебѣ надо лечь, Лидія, непремѣнно. Напрасно ты себя, мой другъ, утомляешь! По лицу твоему видно, что ты ужасно страдаешь. Я такъ и мужу сказала. Онъ сейчасъ придетъ. Вотъ твой спиртъ и капли, которыя тебѣ всегда помогали.

Лидія (*ложится на подушки*).

Какъ онъ васъ принялъ?

Надежда Антоновна.

Очень вѣжливо, хотя довольно холодно. Онъ спросилъ, серьёзно ли ты больна, я отвѣчала, что очень. Что вы, Иванъ Петровичъ, смѣетесь?

Телятевъ.

Мнѣ равнодушно нельзя оставаться: надо, либо плакать, либо смѣяться.

Надежда Антоновна.

Вы не знаете ни натуры, ни сложенія Лидіи; она такая нервная, такая нервная... это у нея съ дѣтства.

Телятевъ.

Извините, я дѣйствительно не знаю сложенія Лидіи Юрьевны, это для меня тайна.

Лидія.

Иванъ Петровичъ, вы такой болтунъ, вы меня разсмѣшите.

Надежда Антоновна.

Да вы, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ разсмѣшите, а онъ войдетъ.

Телятевъ.

Скрыться прикажете?

Лидія (*томно*).

Нѣтъ, останьтесь! Мнѣ такъ пріятно видѣть васъ, вы мнѣ даете силу.

Телятевъ.

Если вамъ пріятно, то я не только не уйду, а, какъ привинченный, буду стоять противъ васъ. Смотрите на меня, сколько вамъ угодно. Только позвольте мнѣ въ этой комедіи быть лицомъ безъ рѣчей. (*Входитъ Андрей*).

Андрей.

Господинъ Васильковъ.

Лидія (*слабымъ голосомъ*)

Проси! (*Андрей уходитъ, Надежда Антоновна оправляетъ подушки, Телятевъ подноситъ платокъ къ глазамъ своимъ. Входитъ Васильковъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Лидія, Телятевъ, Надежда Антоновна и Васильковъ.

Васильковъ (*сдѣлавъ общій поклонъ*).

Вы меня звали?

Лидія.

Я умираю.

Васильковъ.

Въ такомъ случаѣ нуженъ или докторъ, или священникъ; я ни то, ни другое.

Лидія.

Вы насъ покинули.

Васильковъ.

Не я, а вы меня, и не простившись даже какъ слѣдуетъ.

Лидія.

Такъ надо проститься?

Васильковъ.

Если вамъ угодно.

Лидія.

Порусски, проститься значитъ попросить прощенья.

Васильковъ.

Просите.

Лидія.

Я виновата только въ томъ, что оставила васъ, не сообразя своихъ средствъ, въ остальномъ вы виноваты.

Васильковъ.

Мы поквитались: я былъ виноватъ, вы меня оставили. О чемъ же больше говорить! Прощайте!

Лидія.

Ахъ, нѣтъ, постойте!

Васильковъ.

Что вамъ угодно?

Лидія.

Вы за свою вину ничѣмъ не платите, а я могу поплатиться жестоко. Я кругомъ въ долгу, меня посадятъ, вмѣстѣ съ мѣщанками, въ Московскую яму.

Васильковъ.

А! Вы вотъ чего боитесь? Вотъ какое безчестье вамъ страшно? Не бойтесь! Въ яму попадаютъ и честные люди, изъ ямы есть выходъ. Бояться Московской ямы хорошо, но больше надо бояться той бездонной ямы, которая называется развратомъ, въ которой гибнетъ и имя, и честь, и благообразіе женщины. Ты боишься ямы, а не боишься той пропасти, изъ которой ужь нѣтъ возврата на честную дорогу!

Лидія.

Кто вамъ позволилъ говорить здѣсь такія слова!

Васильковъ.

А кто позволяетъ зрячему вывести на дорогу слѣпаго, кто позволяетъ умному остеречь неразумнаго, кто позволяетъ ученому учить неученаго.

Лидія.

Вы не имѣете права учить меня.

Васильковъ.

Нѣтъ, имѣю. Это право—состраданіе.

Лидія.

Вамъ ли говорить о состраданіи! Вы видите жену въ такомъ положеніи и не хотите заплатить за нее ничтожнаго долга.

Васильковъ.

Я даромъ денегъ не бросаю. Ни, Боже мой!

Надежда Антоновна.

Я не понимаю вашей философіи. Все это для меня какая-то

новость, принесенная съ луны. Развѣ платить за жену, значитъ бросать даромъ?

Васильковъ.

Какая-жь она мнѣ жена! Да она-жь сама сказала, что у нея денегъ больше, чѣмъ у меня.

Надежда Антоновна.

«Сказала». Мало ли чтò можетъ сказать женщина въ раздраженіи! Какъ бы жена ни оскорбила мужа, все-таки надо жалѣть жену больше, чѣмъ мужа. Мы такъ слабы, такъ нервны, намъ всякая ссора такъ дорого обходится. Горячая женщина скоро сдѣлаетъ глупость, скоро и одумается.

Васильковъ.

Да она же не говоритъ, что одумалась.

Лидія.

Я одумалась и раскаяваюсь въ своемъ поступкѣ.

Васильковъ.

Не поздно ли?

Надежда Антоновна.

Ахъ, нѣтъ! Она можетъ увлечься, но до паденія себя не допуститъ.

Васильковъ.

Я знаю, что не допустила; ваша прислуга гораздо больше получала отъ меня, чѣмъ отъ васъ. Но я не знаю, чтò спасло ее отъ паденія — честь, или недостатокъ денегъ у Кучумова. (*Лидіи*). Чего же вамъ угодно?

Лидія.

Я бы хотѣла жить опять вмѣстѣ съ вами.

Васильковъ.

Невозможно. Вы такъ быстро мѣняете свои рѣшенія, что, пожалуй, завтра же захотите уѣхать отъ меня. Для меня одного позора довольно, я двухъ не хочу.

Лидія.

Но вы должны меня спасти.

Васильковъ.

Какъ я васъ спасу? Есть только одно средство: я вамъ предложу честную работу и за нее вознагражденіе.

Лидія.

Какую работу и какое вознагражденіе?

Васильковъ.

Подите ко мнѣ въ экономки, я вамъ дамъ тысячу рублей въ годъ.

Лидія (*встаетъ съ дивана*).

Ступайте вонъ! (*Васильковъ уходитъ*).

Телятевъ (*отнимая платокъ отъ глазъ*).

Теперь вы выздоровѣли, я могу перестать плакать.

Лидія.

Ахъ, теперь не до шутокъ! Бѣгите, догоните, воротите его, во что бы то ни стало. (*Телятевъ убѣгаетъ*).

Надежда Антоновна.

Ахъ, какой онъ упрямый! Какой несносный! Человѣкъ изъ порядочнаго общества такъ поступать не можетъ, онъ скорѣе убьетъ жену, а такого предложенія не сдѣлаетъ. (*Возвращаются: Васильковъ и Телятевъ*).

Лидія.

Вы меня извините, я не поняла васъ. Объясните мнѣ, что̀ значитъ слово «экономка» и какія ея обязанности?

Васильковъ.

Извольте, объясню; но если вы не примете моего предложенія, я больше не вернусь къ вамъ. Экономка значитъ женщина, которая занимается хозяйствомъ. Это ни для кого не унизительно. А вотъ обязанности: у меня въ деревнѣ маменька старушка, хозяйка отличная, вы поступите къ ней подъ начальство, — она васъ выучитъ: грибы солить, наливки дѣлать, варенья варить, передастъ вамъ ключи отъ кладовой, отъ подвала, а сама будетъ только наблюдать за вами. Мнѣ такая женщина нужна, я постоянно бываю въ отъѣздѣ.

Лидія.

Ужасно, ужасно!

Васильковъ.

Прикажете кончить?

Лидія.

Продолжайте!

Васильковъ.

Когда вы изучите въ совершенствѣ хозяйство, я васъ возьму въ свой губернскій городъ, гдѣ вы должны ослѣпить губернскихъ дамъ своимъ туалетомъ и манерами. Я на это денегъ не пожалѣю, но изъ бюджета не выйду. Мнѣ тоже, по моимъ обширнымъ дѣламъ, нужно такую жену. Потомъ, если вы будите со мной любезны, я свезу васъ въ Петербургъ, Патти послушаемъ, тысячу рублей за ложу не пожалѣю. У меня, въ Петербургѣ, по моимъ дѣламъ, есть связи съ очень большими людьми; самъ я мѣшковатъ и неуклюжъ; мнѣ нужно такую жену, чтобъ можно было завести салонъ, въ которомъ даже и министра принять не стыдно. У васъ все есть для этого, только вамъ надо будетъ отучиться отъ нѣкоторыхъ манеръ, которыя вы переняли отъ Телятева и прочихъ.

Телятевъ.

Но развѣ я зналъ, что Лидіи Юрьевнѣ предстоитъ такая блестящая перспектива отъ деревенскаго подвала до петербургскаго салона.

Васильковъ (*глядя на часы*).

Согласны вы на мое предложеніе, или нѣтъ? Только помните, что прежде всего вы будете экономкой и довольно долго.

Лидія.

Пожалѣйте меня, пожалѣйте мою гордость! Я дама, дама съ головы до ногъ. Сдѣлайте мнѣ какую нибудь уступку.

Васильковъ.

Никакой! Мнѣ ли жалѣть вашу гордость, когда вы не жалѣли моей простоты, моей доброты сердечной! Я и теперь предлагаю вамъ званіе экономки, любя васъ.

Лидія.

Ну, хоть слово измѣните, оно жестко для моего нѣжнаго уха.

Васильковъ.

Нѣтъ, это слово хорошее.

Лидія.

Я должна подумать.

Васильковъ.

Думайте.

Телятевъ.

Ахъ, кабы меня кто взялъ въ экономки! (*Входитъ Андрей*).

Андрей.

Слѣдственный приставъ желаетъ описать имущество.

Лидія и Надежда Антоновна.

Ахъ, ахъ! Ай, ай! (*Лидія прячется въ подушки*).

Телятевъ.

Что вы испугались! Утѣшьтесь! Вчера описали мебель у двухъ моихъ знакомыхъ, сегодня у васъ, завтра у меня, послѣ завтра у вашего Кучумова. Это нынче такое повѣтріе.

Лидія (*мужу*).

Спасите меня отъ стыда! Я на все согласна! Что дѣлать! Я хотѣла блистать неугасающею звѣздой, а вы хотите сдѣлать меня метеоромъ, который блеститъ на минуту и погаснетъ въ болотѣ. Но я согласна, согласна. Умоляю васъ, спасите меня. (*Васильковъ уходитъ съ Андреемъ. Андрей возвращается*).

Андрей.

Господинъ Кучумовъ.

Лидія.

Я думаю принять его.

Телятевъ.

Примите!

Лидія (*Андрею*).

Проси! (*Андрей уходитъ. Входитъ Кучумовъ, потомъ Васильковъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Лидія, Надежда Антоновна, Телятевъ, Кучумовъ, *потомъ* Васильковъ.

Кучумовъ (*напѣвая*).

Jo son rico... Что съ вами?

Лидія.

У меня описываютъ имущество, привезли вы сорокъ тысячъ?

Кучумовъ.

Jo son rico... Нѣтъ, вы представьте себѣ, какое со мной несчастіе. (*Входитъ Васильковъ и останавливается у двери*). Мой человѣкъ, котораго я любилъ, какъ сына, обокралъ меня совершенно и убѣжалъ, должно быть, въ Америку.

Телятевъ.

Очень жаль мнѣ твоего человѣка! Съ тѣмъ, что̀ у тебя можно украсть, не только до Америки, но и до Звѣнигорода не доѣдешь.

Кучумовъ.

Не шути, я не люблю. Я разослалъ телеграммы по всѣмъ трактамъ, вѣроятно, его скоро схватятъ, отберутъ деньги, и тогда я вамъ, дитя мое, доставлю ихъ.

Телятевъ.

Не всѣ же онъ укралъ, вѣдь осталось же что-нибудь.

Кучумовъ.

Какъ не остаться! Я безъ тысячи рублей изъ дому не выѣзжаю.

Васильковъ.

Такъ отдайте мнѣ шестьсотъ рублей, которые должны по картамъ.

Кучумовъ.

А! Вы здѣсь? И очень хорошо. Я давно хотѣлъ съ вами разсчеться. Карточный долгъ для меня первое дѣло. (*Вынимаетъ бумажникъ*). Что за вздоръ такой! Вѣроятно, я какъ-нибудь обложился, положилъ въ лѣвый карманъ. Ахъ, да я не тотъ сюртукъ надѣлъ. Впрочемъ, вы можете получить эти деньги съ Надежды Антоновны.

Васильковъ.

Хорошо, я получу. Лидія Юрьевна, я вашъ долгъ заплатилъ. Вамъ нужно ѣхать въ деревню.

Лидія.

Когда хотите.

Васильковъ.

Я ѣду завтра, будьте готовы!

Лидія (*подаетъ мужу руку*).

Благодарю васъ, что на цѣлый день вы даете волю моимъ слезамъ. Мнѣ нужно о многомъ поплакать! О погибшихъ мечтахъ всей моей жизни, о моей ошибкѣ, о моемъ униженіи. Мнѣ надо поплакать о томъ, чего воротить нельзя. Моя богиня беззаботнаго счастія валится съ своего пьедестала, на ея мѣсто становится грубый идолъ труда и промышленности, которому имя бюджетъ. Ахъ, какъ мнѣ жаль бѣдныхъ, нѣжныхъ созданій, этихъ милыхъ, веселенькихъ дѣвушекъ. Имъ не видать больше изящныхъ, неразсчетливыхъ мужей! Эѳирныя существа, бросьте мечты о несбыточномъ счастьѣ, бросьте думать о тѣхъ, которые изящно проматываютъ, и выходите за тѣхъ, которые грубо наживаютъ и называютъ себя дѣловыми людьми.

Телятевъ.

Каково это слушать намъ, бездѣльникамъ.

Кучумовъ (*поетъ*).

Jo son ricо ..

Телятевъ.

Неправда. Noi siamo poveri.

Лидія.

Вотъ другая жертва, которую я приношу вамъ.

Васильковъ.

Жертвъ не надо.

Лидія.

Я вижу, что нашла коса на камень. Извольте, я признаюсь. Я принимаю ваше предложеніе, потому что нахожу его выгоднымъ.

Васильковъ.

Но знайте, что я изъ бюджета не выйду.

Лидія.

Охъ ужъ мнѣ этотъ бюджетъ!

Васильковъ.

Только бѣшеныя деньги не знаютъ бюджета.

Телятевъ.

Ты говоришь святую истину; скажу болѣе, ты повторяешь мои слова.

Васильковъ (*Телятеву*).

Прощай, другъ, мнѣ тебя отъ души жаль. Ты завтра будешь безъ крова и безъ пищи.

Телятевъ.

Ты не хочешь ли мнѣ денегъ дать взаймы! Не давай, не надо. Пропадутъ, ей Богу пропадутъ. Москва, Савва, такой городъ, что мы, Телятевы да Кучумовы, въ ней не погибнемъ. Мы и безъ копейки будемъ имѣть и почетъ и кредитъ. Долго еще каждый купчикъ будетъ за счастье считать, что мы ужинаемъ и пьемъ шампанское на его счетъ. Вотъ, портные—отъ тѣхъ уваженія мало. Но и старую шинель и старую шляпу можно носить съ такимъ достоинствомъ, что издали даютъ тебѣ дорогу. Прощай, другъ Савва. Не жалѣй насъ. И въ рубищѣ почтенна добродѣтель. (*Обнимается съ Кучумовымъ. Лидія робко подходитъ къ Василькову, кладетъ ему руку на плечо и склоняется головой*). Картина.

А. Н. Островскій.

* *
*

(Съ англійскаго).

Волнуется столица точно море,
О, сколько бѣдъ сокрыто въ глубинѣ!
Чѣмъ облегчить возможно это горе?
О, Господи, скажи, что̀ дѣлать мнѣ!

Дѣтей вездѣ встрѣчаю я толпами, —
Не розовыхъ, рѣзвящихся дѣтей,
А тѣхъ, что̀ я сравнитъ бы могъ съ цвѣтами,
Засохшими безъ влаги и лучей.

И чьи они? на нихъ не кинутъ взора
Прохожіе — всѣ слишкомъ заняты! —
Гдѣ ихъ гнѣздо? въ сообществѣ позора,
Гдѣ колыбель? подъ кровлей нищеты,

Тамъ, гдѣ жильцы, забытыя созданья,
Проводятъ рядъ своихъ печальныхъ дней,
И напередъ, средь горькаго страданья,
Знакомятся съ могилою своей.

Ихъ міръ забылъ, оставила ихъ вѣра,
Однако же есть гости и у нихъ:
Горячка, тифъ и голодъ и холера
И множество, и множество другихъ.

Какъ здѣсь темно, и холодно, и душно!
Какъ сыростью несетъ изъ всѣхъ угловъ!
А мимо ихъ проходятъ равнодушно
Строители сосѣднихъ имъ дворцовъ!

Мы мраморомъ могилы украшаемъ,
Мы воздаемъ покойникамъ почетъ:

Зачѣмъ же мы живыхъ позабываемъ?
Иль мертвые достойнѣе заботъ?

Измѣнчивый потокъ блестящей моды
Всегда найдетъ поклонниковъ своихъ,
Но тотъ потокъ несчастья и невзгоды,
Отчаянья и бѣдствій роковыхъ,

Безмолвныхъ слезъ, подавленныхъ рыданій,
Глухой борьбы, болѣзней, наготы,
Безмѣрныхъ мукъ, безчисленныхъ страданій,
Здѣсь, на виду у праздной суеты, —

Но тотъ потокъ, что̀ мрачными волнами,
Такъ много силъ и жизней погубилъ,
Бѣгущій здѣсь, предъ нашими глазами...
Кто на него вниманье обратилъ?

Да и къ чему безплодно волноваться?
Вѣдь говорятъ: «таковъ законъ судьбы,
Одинъ живетъ затѣмъ, чтобъ наслаждаться,
Другой рожденъ для горя и борьбы».

Безумнаго безумное рѣшенье!
Лѣнится онъ проникнуть въ глубину,
Дать помощь тѣмъ, кто потерпѣлъ крушенье,
Кого влечетъ стремительно ко дну.

Со всѣхъ сторонъ мы стонъ и вопли слышимъ:
«Спасите насъ! подайте руку намъ!
Мы чуть живемъ, чуть движемся, чуть дышемъ...
Иль чужды мы землѣ и небесамъ?

«Мы братья вамъ, хоть грязны наши руки,
Иль нищета и непосильный трудъ,
Нашъ жалкій видъ, непризнанныя муки
Назваться такъ намъ права не даютъ?

«Мы молимъ тѣхъ, въ комъ сердце жизнью бьется,
Мы молимъ тѣхъ, чья не мертва рука!»
И этотъ стонъ такъ близко раздается,
А помощь гдѣ? — Она такъ далека!

Иль не поймемъ, среди заботы вѣчной
О роскоши, о деньгахъ, о пирахъ,
Какъ сладостно унять тотъ вопль сердечный
И вызвать свѣтъ въ померкнувшихъ глазахъ?

Иль не поймемъ таинственной угрозы
Мы для себя въ несчастіи другихъ,
Что цѣлый міръ наполнившія слезы
Когда нибудь потопятъ насъ самихъ?

Д. Михаловскій.

ОТЧЕГО ТРУДНО ПОПРАВЛЯТЬСЯ НАШЕМУ РАБОЧЕМУ?

Положеніе рабочаго класса въ Россіи. Наблюденія и изслѣдованія Флеровскаго.

Статья первая.

Налоги и оброки.

Съ 1848 года или со времени послѣдней французской революціи вопросъ о рабочихъ классахъ сдѣлался вопросомъ первостепенной важности въ современной соціальной наукѣ. Стало ясно, что либеральныя учрежденія, болѣе или менѣе уравнивающія и ограждающія политическія и гражданскія права гражданъ, *одни* не въ состояніи устроить и прочно утвердить благосостояніе государствъ и обществъ. Для ихъ вполнѣ благотворнаго дѣйствія нужна, болѣе или менѣе, прочная экономическая основа, болѣе или менѣе правомѣрное распредѣленіе источниковъ и средствъ существованія. Да не подумаетъ кто-нибудь, чтобъ, говоря это, мы имѣли въ виду разныя соціалистическія утопіи. Мы очень хорошо понимаемъ, что примѣненіе ихъ къ современнымъ обществамъ подѣйствовало бы разрушительно на послѣднія и привело бы все въ хаосъ, изъ котораго никакой выходъ былъ бы немыслимъ. Но если попытка приложенія соціалистическихъ идей къ современнымъ обществамъ было бы дѣломъ безмыслія, то съ другой стороны, на худой конецъ, ненормально и въ высшей степени опасно и такое состояніе обществъ, гдѣ всѣ источники и средства пропитанія сосредоточиваются въ немногихъ рукахъ и гдѣ милліонныя массы едва влачатъ свое существованіе, не будучи обезпечены ни даже на одинъ день въ источникахъ и средствахъ для своего существованія. Императрица Екатерина прекрасно говоритъ въ своемъ «Наказѣ», что какъ относительно крестьянъ она желаетъ, чтобъ земли были даны всѣмъ семьямъ, и при этомъ даны были способы всѣмъ

вспахать ихъ и обработать, такъ и относительно дворянскихъ имѣній желаетъ, чтобъ опи не сосредоточивались въ немногихъ рукахъ и чтобъ «каждый имѣлъ довольную часть на свое пропитаніе» и что для государства будетъ лучше, если оно будетъ имѣть много подданныхъ, наслаждающихся умѣреннымъ достаткомъ, нежели нѣсколько сотъ великихъ богачей. Эта мысль великой государыни, высказанная назадъ тому 100 лѣтъ, составляетъ аксіому современныхъ лучшихъ законодательствъ. Въ настоящее время не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что древнія государства пали отъ совокупнаго гнета деспотизма и матеріальной эксплуатаціи массъ. Но въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію и то, что самыя либеральнѣйшія учрежденія не въ состояніи предохранить общество отъ опасности колебаній, послѣдствій которыхъ впередъ никто не можетъ разсчитать, безъ болѣе или менѣе прочной экономической основы.

Между тѣмъ, почти всѣ европейскія государства не имѣютъ подъ собою прочной экономической почвы. Всѣ источники и средства существованія находятся въ рукахъ немногихъ; массы лишены возможности самостоятельнаго существованія и обречены на экономическое порабощеніе и эксплуатацію. Вся Европа сложилась, устроилась, опредѣлилась ранѣе появленія самой мысли о соціальныхъ наукахъ. Да и вообще процессъ ея образованія совершался не въ силу какихъ бы то ни было теоретическихъ соображеній, а путемъ чисто-практическимъ. Фактъ силы и насилія легъ повсюду въ основу владѣнія. Но то, что̀ въ началѣ было захватомъ силы и насилія, въ теченіе вѣковъ освятилось временемъ и сдѣлалось общепризнаннымъ и неприкосновеннымъ *правомъ собственности*. Съ какой бы точки зрѣнія мы ни стали смотрѣть на это право, оно, во всякомъ случаѣ, составляетъ единственно прочную основу современныхъ европейскихъ государствъ. Если мы бы представили себѣ это право собственности уничтоженнымъ, то Европа не просуществовала бы и одного дня. Она сама погребла бы себя подъ своими развалинами.

При такомъ положеніи вещей, что̀ дѣлать соціальной наукѣ? Какой найдти выходъ изъ этой неразрѣшимой дилеммы? Экономическое порабощеніе ведетъ за собой медленно, но тѣмъ не менѣе неизбѣжно и вѣрно, паденіе государствъ; съ другой стороны, всякая попытка регулировать размѣры частнаго владѣнія немыслима безъ столкновенія съ правомъ собственности, нарушеніе котораго также неизбѣжно и быстро повлечетъ пертурбацію государства и можетъ кончиться его крушеніемъ.

Такая абсолютная невозможность построенія общества на началахъ иныхъ ставитъ, повидимому, въ вопросъ самую соціальную науку. Имѣетъ ли она право быть, когда она безсильна что-нибудь сдѣлать для современнаго общества, когда ей быть не у чего и не для чего? Въ такомъ смыслѣ можетъ представляться и, дѣйствительно, представляется многимъ соціальная наука.

Но, спрашивается, на сколько твердо то апріористическое построеніе, на основаніи котораго произносится приговоръ абсолютный о безсиліи и безплодности соціальной науки. Назадъ тому триста лѣтъ, мысль о движеніи земли показалась нелѣпостью тому современному обществу, предъ которымъ она была высказана,— и геніальный человѣкъ, ее произнесшій, былъ названъ безумцемъ и богохульникомъ. Съ того времени *незаконно* рожденная естественная наука, непризнанная, презираемая, осмѣянная, шла тернистою дорогою долгое время, борясь съ безчисленными препятствіями, противопоставляемыми невѣжествомъ, страстями, предразсудками, набирая своихъ избранниковъ только единицами, но, наконецъ, своими успѣхами и открытіями обратила на себя общее вниманіе, пріобрѣла тысячи сторонниковъ и поклонниковъ, а въ наше время побѣдоносно завоевала себѣ не только общее признаніе, но и главенство въ ряду всѣхъ другихъ наукъ. И въ настоящее время считаются если не богохульниками, то безумцами тѣ, которые видѣли безуміе и богохульство въ новородившейся естественной наукѣ. Такъ діаметрально-противоположно воззрѣніе двухъ обществъ, находящихся на разстояніи трехсотъ лѣтъ времени. И эта радикальная перемѣна въ общественныхъ воззрѣніяхъ произведена именно непризнанною и незаконнорожденною естественною наукою. Почему мы можемъ думать, что такого же переворота въ общественныхъ воззрѣніяхъ и идеяхъ не произведетъ соціальная наука въ срокъ, положимъ, вдвое, втрое дальнѣйшій, что въ силу этихъ новыхъ воззрѣній, распространенныхъ наукою, то общественное устройство, которое намъ кажется нелѣпостью, будетъ казаться естественнымъ и необходимымъ всему будущему цивилизованному міру, наши же воззрѣнія, т.-е. воззрѣнія современнаго общества относительно этого предмета, будутъ считаться невѣжественными и дикими?

Мысли, нами высказываемыя, не могутъ, конечно, запугивать воображеніе ни одного, даже и самаго страстнаго и пугливаго любителя современнаго устройства обществъ. Ибо мы высказываемъ ихъ не болѣе, какъ въ видѣ предположенія, которому каждый pro libitu можетъ давать и не давать вѣру, а вовторыхъ,

мы назначаемъ для возможности преобразованія современнаго строя общества такой почтенный срокъ, что каждый при видѣ его вполнѣ можетъ быть спокоенъ за неприкосновенность счастія въ современномъ обществѣ не только относительно себя лично, но и относительно дѣтей, внуковъ, правнуковъ и т. д. Наконецъ, самое главное, даже и въ томъ отдаленномъ будущемъ, о которомъ мы говоримъ, мы не предсказываемъ никакихъ потрясеній, революцій. Наука можетъ совершать и совершаетъ всѣ свои завоеванія безъ насилія, безъ пролитія крови, единственно путемъ мирнаго убѣжденія. Другихъ завоеваній она не знаетъ.

На этомъ основаніи мы какъ не сочувствуемъ тѣмъ скороспѣлымъ новаторамъ, которые всякое единичное убѣжденіе хотятъ видѣть непремѣнно реализированнымъ въ жизни, — ибо хотя они и увлекаются въ этомъ случаѣ весьма благороднымъ и весьма понятнымъ желаніемъ доставить счастіе своимъ ближнимъ, но хотятъ употребить для доставленія этого счастія тотъ же пріемъ насилія, которымъ держался и всякій гнетъ, забывая при этомъ, что всякое насиліе надъ массою во имя единичныхъ, чуждыхъ ей убѣжденій, а не во имя общепризнанныхъ ею началъ, есть вещь немыслимая, нелѣпая,— такъ равно не можемъ сочувствовать заскорузлымъ ретроградамъ, которые изъ малодушныхъ опасеній, создаваемыхъ ихъ пугливымъ вообра継женіемъ, хотятъ задавить пытливую, изслѣдующую мысль соціальной науки, истребить ее въ зародышѣ. Всякая подобная попытка въ основаніи своемъ безсмысленна. Какъ скоро состояніе существующихъ обществъ таково, что самая сила вещей притягиваетъ къ себѣ изслѣдующую мысль, то уничтожить эту мысль или воспротивиться ея логическимъ выводамъ, такъ же невозможно, какъ невозможно уничтожить разумность людей. Гонимая здѣсь, она найдетъ себѣ друзей и союзниковъ въ другомъ мѣстѣ, и въ свое время, вполнѣ окрѣпшая, торжествующая, тѣмъ съ сильнѣйшею стремительностію опрокинетъ и разрушитъ всякія преграды, противополагаемыя ей ея врагами и гонителями. Если въ темный вѣкъ фанатизма, сильнаго матеріально, и безраздѣльно царившаго надъ умами въ Европѣ, не могли задавить quasi противорелигіозную геніальную мысль Галилея, то не забавны ли въ наше время усилія подавить изслѣдующую мысль въ какой бы то ни было отрасли вѣдѣнія, когда немедленно по ея появленіи тысячи избранныхъ умовъ въ разныхъ странахъ цивилизованнаго міра дѣлаются ея сторонниками и союзниками.

Говоря о томъ, что великіе результаты соціальной науки при-

надлежать будущему, мы не можемъ согласиться, однакожь, съ тѣми, которые отрицаютъ или хотятъ игнорировать всякое ея значеніе въ настоящемъ. Великая заслуга соціальной науки состоитъ уже въ томъ, что она указала застарѣлыя болѣзненныя мѣста современныхъ общественныхъ организмовъ, направила на нихъ вниманіе людей мыслящихъ, и этимъ самымъ дала возможность, если не устранить болѣзнь, то устранить тѣ вліянія, которыя могли бы благопріятствовать ея дальнѣйшему развитію или усиливать остроту ея болѣзненности. Въ настоящее время благосостояніе массъ составляетъ предметъ тревожной заботливости для всѣхъ лучшихъ правительствъ. Даже аристократическая Англія, поставлявшая свою гордость и силу въ неприкосновенности права собственности, какимъ бы возмутительнымъ насиліемъ ни было пріобрѣтено оно, какъ, напримѣръ, въ Ирландіи, заговорила о необходимости экспропріаціи поземельной собственности въ Ирландіи и раздѣленіи ея между массами. Кто бы могъ ожидать этого назадъ тому 40, 50 лѣтъ отъ Англіи? Мы не говоримъ уже о разныхъ паллiативныхъ мѣрахъ, которыя, по указанію соціальной науки, принимаются лучшими правительствами для облегченія участи рабочихъ классовъ. Всюду стараются о томъ, чтобы передвинуть фискъ съ личнаго труда на имущество и доходы, заботятся объ устройствѣ и распространеніи ассоціацій рабочихъ, о распространеніи между ними всевозможныхъ знаній, чтобы дать имъ возможность пріобрѣтать средства пропитанія; наконецъ, предпринимаются мѣры для обузданія безчестной эксплуатаціи рабочихъ массъ — опредѣляется закономъ ежедневное количество часовъ для рабочихъ вообще и рабочихъ разныхъ возрастовъ и половъ, воспрещается употребленіе дѣтей въ работу до извѣстнаго возраста, рабочимъ дозволяются стачки, требуется соблюденіе необходимыхъ гигіеническихъ условій при устройствѣ мастерскихъ и проч.

Въ Россіи вопросъ о рабочихъ совершенно игнорируется. Мы знаемъ пока этотъ вопросъ только по его состоянію и движенію на Западѣ, но западная разработка вопроса нетолько не выдвигаетъ для насъ нашего собственнаго домашняго рабочаго вопроса, а напротивъ даетъ фальшивое освѣщеніе дѣлу, и такъ-сказать, затираетъ его. Бытовое положеніе нашихъ рабочихъ и западныхъ весьма различно. Западный рабочій большею частію безземельный и бездомный батракъ, — нашъ рабочій имѣетъ землю и хозяйство. Это заставляетъ нашихъ патріотовъ потирать отъ удовольствія руки и указывать на положеніе нашего рабочаго, какъ на завидное въ сравненіи съ западнымъ пролетаріемъ. Положеніе, если хотите, дѣйствительно завидное во мно-

гихъ отношеніяхъ. Вопервыхъ, намъ нѣтъ нужды такъ тяжело задумываться надъ устройствомъ нашего рабочаго класса, какъ задумываются на Западѣ; не нужно пріискивать точки опоры для развитія его матеріальнаго благосостоянія. Эта точка опоры — кусокъ земли и хозяйство, у него есть, — нужно только позаботиться о томъ, чтобы его не спихнули съ этого фундамента его благосостоянія разные его благожелатели. Вовторыхъ, какъ бы ни были неблагопріятны и тяжки условія его настоящаго существованія, мы, пока онъ твердо сидитъ на этомъ своемъ фундаментѣ, можемъ смотрѣть на нихъ, какъ на временныя и поправимыя. Но это никакъ не даетъ намъ права игнорировать эти условія, смотрѣть на нихъ, какъ на ничтожныя, и прославлять его положеніе, какъ блаженное потому только, что у него есть кусокъ земли. Напротивъ, мы должны тщательно всматриваться въ условія, которыми обставленъ нашъ рабочій. Ибо условія эти могутъ быть такъ неблагопріятны и, день ото дня ухудшаясь все болѣе и болѣе, могутъ сложиться, наконецъ, такимъ роковымъ образомъ, что сорвутъ его и съ его фундамента. Вопросъ не въ томъ только: есть у рабочаго надѣлъ земли или нѣтъ, а и въ томъ: обезпечиваетъ ли его та земля, которою онъ владѣетъ, въ его существованіи, или не обезпечиваетъ? Иначе сказать: можетъ ли нашъ рабочій, обработывая тотъ надѣлъ земли, который данъ ему, уплачивать всѣ лежащія на немъ подати, повинности и другіе сборы, пропитывать свое семейство, пропитываться самъ, вообще не нуждаться ни въ какихъ стороннихъ заработкахъ, или онъ не можетъ этого и непремѣнно долженъ искать заработковъ на сторонѣ, чтобы имѣть пропитаніе? Если допустимъ послѣднее, то, очевидно, что онъ, хотя и временно, находится въ положеніи западнаго пролетарія, ибо также не обезпеченъ въ своемъ существованіи, какъ и послѣдній, также поставленъ въ зависимость отъ капитала, отъ случайныхъ требованій на личный трудъ. Но поземельнымъ надѣломъ, которымъ онъ владѣетъ, не рѣшается даже вопросъ о томъ: чье положеніе лучше — его ли, обладателя участка земли, или безземельнаго западнаго пролетарія. Ибо для этого нужно предварительно изслѣдовать, насколько поземельный участокъ въ дѣйствительности облегчаетъ зависимость нашего крестьянина отъ капитала, отъ случайныхъ заработковъ, и всегда ли облегчаетъ? Затѣмъ, какимъ образомъ пріобрѣтается имъ остальное необходимое для жизни, и даже еще пріобрѣтается ли? Есть ли необходимые для этого заработки? Обезпечены ли они для всѣхъ или, по крайней-мѣрѣ, для бо̀льшаго количества нуждающихся рукъ? Какъ цѣнится и

оплачивается у насъ трудъ рабочаго? Гарантированъ ли сколько нибудь нашимъ правительствомъ этотъ трудъ въ своемъ свободномъ, вообще правильномъ употребленіи?

Вотъ корни русскаго рабочаго вопроса, въ которые до настоящаго времени пристально никто не заглядывалъ. Поземельный надѣлъ не давалъ обнаружить этихъ корней и подвергнуть ихъ тщательному разсмотрѣнію, онъ закрывалъ собою глаза всѣмъ. Если иногда и предполагалось, что поземельный надѣлъ не обезпечиваетъ и не можетъ обезпечить нашего крестьянина въ его пропитаніи, то вмѣстѣ съ этимъ принималось за несомнѣнное, что всегда есть достаточно заработковъ, которыми онъ можетъ пополнить свои недостатки, что жизнь его вообще не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ жизнію западнаго пролетарія. Правда, различнымъ наблюдателямъ кидалась въ глаза поразительная нищета крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, ихъ нерѣдкія голодованія, страшное скопленіе недоимокъ, все это не оставляло ни малѣйшаго сомнѣнія въ жалкомъ положеніи означенныхъ мѣстностей. Но на всѣ подобныя явленія смотрѣли, какъ на явленія исключительныя, мѣстныя, временныя, болѣе или менѣе случайныя. Такъ относилась къ этимъ явленіямъ нетолько наша, такъ-называемая, партія *умѣренно-консервативная*, которая со времени крестьянской реформы жизнь крестьянъ старается представить не иначе, какъ въ розовомъ цвѣтѣ, но и партія *ультра-консервативная*, которая со времени паденія крѣпостнаго права поставила себѣ за правило крестьянскій бытъ изображать не иначе, какъ самыми мрачными красками, но которая всѣ бѣдствія крестьянъ приписываетъ чисто-нравственнымъ причинамъ, именно ихъ распущенности, лѣни, пьянству и т. п. Одни теоретики смотрѣли на дѣло иначе. Они не сомнѣвались въ неудовлетворительномъ положеніи нашихъ крестьянъ, и положеніе это почитали явленіемъ отнюдь не случайнымъ, а напротивъ необходимымъ послѣдствіемъ всего нашего общественнаго строя. Но мнѣніе ихъ основывалось не на личномъ наблюденіи и изученіи нашего рабочаго вопроса, а на соображеніяхъ слишкомъ общаго свойства, которыя имѣли характеръ только неопредѣленныхъ ипотезъ, ибо ими не могла быть утверждена ни непреложность, ни всеобщность предполагаемаго ими факта, не выяснилась степень неудовлетворительности положенія нашего рабочаго класса, не указывались ближайшія, обусловливающія это положеніе причины.

Авторъ сочиненія, заглавіе котораго мы выписали въ началѣ статьи, первый заглянулъ въ глубь нашего рабочаго вопроса, подвергъ его тщательному изученію и изслѣдованію въ самыхъ

разнохарактерныхъ мѣстностяхъ и концахъ нашего обширнаго отечества, и въ первый разъ освѣтилъ его, такъ сказать, наглядно для всѣхъ. Держа въ рукахъ книгу г. Флеровскаго, мы, еслибы и сомнѣвались въ истинности его наблюденій и выводовъ, можемъ, однакожь, очень ясно представлять, что и при поземельномъ надѣлѣ бѣдственное положеніе рабочаго класса весьма возможно, что степень этого бѣдственнаго положенія можетъ подниматься очень высоко, что при извѣстномъ порядкѣ вещей возможно такое сцѣпленіе общихъ и мѣстныхъ причинъ, которое будетъ постоянно и неизмѣнно дѣйствовать отягчающимъ образомъ на судьбу рабочаго класса, увеличивая все болѣе и болѣе сумму его бѣдствій. Мы сказали: еслибы мы сомнѣвались въ истинности наблюденій и взглядовъ автора. Но какое же мы можемъ имѣть основаніе сомнѣваться? Авторъ пишетъ не голословно, не на основаніи только соображеній; онъ изъѣздилъ Россію вдоль и поперегъ, жилъ среди рабочихъ всѣхъ сортовъ и видовъ въ самыхъ разнохарактерныхъ мѣстностяхъ Россіи, хорошо знаетъ ихъ бытъ и жизнь, онъ такъ обстоятельно знакомитъ насъ съ обстановкою ихъ жизни и быта, такъ подробно описываетъ хозяйство ихъ и средства пріобрѣтенія, до такихъ мелочей вычисляетъ бюджетъ ихъ приходовъ и расходовъ, обозначая вмѣстѣ съ тѣмъ точно мѣстныя причины, которыя держатъ этотъ бюджетъ на томъ или другомъ минимумѣ,—что на всѣхъ его примитивныхъ показаніяхъ и сообщеніяхъ лежитъ несомнѣнная печать непосредственнаго тщательнаго наблюденія. Что касается до его изслѣдованій и выводовъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, сдѣланныхъ на основаніи этихъ первичныхъ фактовъ, то ихъ логическую послѣдовательность каждый читающій можетъ повѣрить самъ.

Общій выводъ, который авторъ дѣлаетъ о положеніи нашего крестьянина изъ сдѣланныхъ имъ наблюденій и изслѣваній, и который неоднократно повторяетъ въ своей книгѣ, тотъ, что положеніе это въ настоящее время гораздо ниже и хуже положенія западнаго пролетарія.

«У насъ — говоритъ онъ — очень много кричатъ про бѣдственное положеніе пролетарія въ Англіи, Бельгіи и Франціи; но еслибы нашему крестьянину удалось годъ пожить такъ, какъ живетъ въ помянутыхъ странахъ нетолько пролетарій, но нищій, то въ такомъ случаѣ онъ считалъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Въ Англіи работникъ вдвое богаче французскаго, а во Франціи рабочее семейство, которое на одежду употребляетъ 312 франковъ въ годъ, то-есть 78 р. серебромъ, считаетъ себя нищимъ; русскій крестьянинъ употребляетъ на все содержаніе семейства почти въ большинствѣ случаевъ только третью часть этой суммы; если онъ употребитъ на одежду 18 р. въ годъ, то онъ считаетъ себя весьма достаточнымъ человѣкомъ, а у насъ мануфактурныя произведнія дороже, чѣмъ въ Англіи и Франціи. Если

заграничные писатели много кричатъ про бѣдность пролетаріевъ, то нужно знать, какъ они понимаютъ дѣло, и что называютъ достаткомъ. По ихъ мнѣнію, напримѣръ, крайне необходимыя издержки для содержанія одного работника составляютъ 525 франковъ, то-есть 132 рубля серебромъ; человѣкъ, который употребляетъ на себя одного меньше 132 р. серебр., по ихъ понятіямъ, нищій; у насъ есть работники, которые употребляютъ на себя десятую часть этой суммы. По французскимъ понятіямъ женщинѣ для того, чтобы одѣваться, необходимо въ годъ 38 р. серебр.; у насъ крестьянское семейство будетъ считать себя весьма достаточнымъ, если оно проживетъ въ годъ 38 руб. сер. Въ то же время не надобно забывать, что содержаніе во Франціи дешевле: тамъ фабричный работникъ можетъ имѣть достаточный обѣдъ съ мясомъ и виномъ за 6 к. сер. — у насъ сельскій работникъ за рюмку вина долженъ заплатить 5 к., а за фунтъ мяса столько же, даже въ самыхъ глухихъ мѣстахъ. Нашего крестьянина нетолько нельзя сравнивать съ современнымъ пролетаріемъ Германіи, Франціи или Англіи, но даже съ французскимъ работникомъ прошлаго столѣтія, то-есть того времени, которое считалось самымъ бѣдственнымъ для французскаго рабочаго класса. Тогда французскій сельскій работникъ получалъ среднимъ числомъ 38 р. въ годъ, между тѣмъ, какъ нашъ сельскій работникъ, за исключеніемъ податей, получаетъ въ годъ отъ 10 до 15 рублей, даже фабричный и заводскій рабочій получаетъ иногда на своемъ содержаніи 40 руб., и изъ этого долженъ уплачивать подати, между тѣмъ, какъ во Франціи въ XVIII столѣтіи фабричный рабочій среднимъ числомъ получалъ 83 рубля въ годъ» (стр. 56).

Чтобы видѣть, на сколько, по мнѣнію автора, поземельный надѣлъ обезпечиваетъ нашего крестьянина, приведемъ еще одинъ изъ его подобныхъ выводовъ о положеніи нашего рабочаго:

«Въ Западной Европѣ считаютъ счастливымъ только работника-собственника, тамъ оплакиваютъ участь работника пролетарія; у насъ пролетаріевъ мало, но за то масса нашего рабочаго класса состоитъ изъ работниковъ, которыхъ участь хуже, чѣмъ участь всякаго пролетарія, — изъ работниковъ оброчныхъ. Пролетарій ничего не имѣетъ, но онъ ничего не платитъ, а надъ оброчнымъ всегда гроза, онъ несетъ рискъ и капиталиста и пролетарія, и не имѣетъ преимуществъ ни того, ни другого, — удары судьбы бьютъ его съ двухъ сторонъ, и ни съ одной она ему не подставляетъ ступеней для того, чтобы подняться и справиться» (стр. 73).

Выводы, дѣлаемые г. Флеровскимъ относительно положенія рабочаго класса въ Россіи, какъ видитъ читатель, очень печальны. Но за нихъ стоитъ цѣлый рядъ выставленныхъ имъ данныхъ, наблюденій, изслѣдованій, — и пока эти данныя, наблюденія и изслѣдованія не будутъ опровергнуты и замѣнены столь-же тщательно и широко разработанными данными, наблюденіями и изслѣдованіями противоположнаго свойства, выводы г. Флеровскаго, сдѣланные совершенно логично, остаются во всей своей силѣ, а заявленія, дѣлаемыя имъ, будутъ имѣть все значеніе дѣйствительныхъ фактовъ, заслуживающихъ самаго серьёзнаго нашего вниманія. Еслибы подобные прискорбные факты относительно положенія рабочаго класса

обнародованы были гдѣ нибудь въ Европѣ, то, нѣтъ сомнѣнія, отъ нихъ встрепенулось бы все общество. Слѣдственныя коммисіи, наряженныя различными обществами на собственный счетъ, давно бы работали надъ изслѣдованіемъ положенія рабочихъ въ разныхъ мѣстностяхъ. У насъ этого, конечно, быть не можетъ. У насъ такъ много дѣлъ и вопросовъ первостепенной важности! У насъ не рѣшенъ еще вопросъ о реальномъ и классическомъ образованіи! Правда, классическое образованіе давно уже никѣмъ не защищается, кромѣ чиновниковъ М. Н. П., но мы такъ привыкли къ этому вопросу, что будемъ, вѣроятно, считать его вопросомъ первостепенной важности и тогда, когда послѣ раззоренія мужиковъ нечѣмъ будетъ содержать ни гимназій реальныхъ, ни классическихъ.

Книга г. Флеровскаго останется у насъ, конечно, только пріобрѣтеніемъ литературнымъ, хотя при этомъ нельзя не сказать, что она и въ литературѣ встрѣтила пріемъ не особенно благосклонный. Труду г. Флеровскаго много вредитъ недостаточность его внѣшней обработки. Автору хотѣлось не просто познакомить читателя съ положеніемъ рабочаго люда въ Россіи, а изобразить его какъ на картинѣ со всѣми обстоятельствами его быта и жизни, и притомъ со всѣми отличіями, обусловливаемыми тою или другою мѣстностями. Для этого онъ счелъ нужнымъ разсмотрѣть всѣ главныя группы его, отдѣльно, по мѣстностямъ. Это неизбѣжно повело его къ многочисленнымъ повтореніямъ одного и того же — неудобство, которое и онъ самъ сознавалъ и оговорилъ въ своемъ предисловіи. Далѣе автору хотѣлось связать въ одно цѣлое наглядное изображеніе быта и жизни рабочихъ съ строгимъ изслѣдованіемъ о рабочемъ вопросѣ, слить легкія впечатлѣнія туриста съ серьёзною разработкою вопроса — двѣ вещи, трудно совмѣщаемыя. По крайней мѣрѣ, г. Флеровскому попытка его не удалась, — и книга его читается трудно, не удовлетворяя ни любителей легкаго, ни любителей серьёзнаго чтенія. Ко всему этому авторъ имѣетъ благородное сердце; страданія рабочаго люда для него не пустое слово; онъ дѣйствительно и искренно страдаетъ за нихъ... А между тѣмъ выхода къ лучшему не предвидится пока ниоткуда. Это заставляетъ его вдаваться въ преувеличенія, дѣлать картину темнѣе, чѣмъ она есть для того, чтобы заставить читателя такъ же горячо относиться къ дѣлу рабочихъ, какъ относится онъ самъ, и вообще вызвать къ нему вниманіе общества. Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что положеніе нашего крестьянина хуже невольника въ Южныхъ Штатахъ. Но подобныхъ преувеличеній очень немного, они относятся не къ фактамъ, не къ наблюденіямъ,

а къ личнымъ соображеніямъ автора, и читатель легко можетъ отличить подобныя крайности отъ сути дѣла. Вообще, еслибъ г. Флеровскій далъ другой планъ своему сочиненію и сократилъ его на двѣ трети, онъ высказался бы такъ же полно, какъ теперь, но высказался бы сильнѣе и впечатлительнѣе, и привлекъ бы болѣе вниманія и къ своему труду, и къ тому дѣлу, за которое онъ такъ горячо ратуетъ.

Мы постараемся выбрать изъ сочиненія г. Флеровскаго, сгруппировать въ одно цѣлое и выяснить тѣ общія причины, которыя повсюду убиваютъ у насъ производительность труда рабочихъ и ото дня на день ведутъ ихъ все къ большему и большему раззоренію.

Этихъ всюду гибельно дѣйствующихъ на трудъ рабочаго причинъ мы находимъ, по изображенію г. Флеровскаго, три: 1) нашу податную систему, 2) эксплуатацію рабочаго класса частнымъ владѣніемъ и 3) отчасти недобросовѣстную, отчасти невѣжественную, опеку чиновничества надъ рабочимъ классомъ.

Въ настоящей статьѣ мы займемся разсмотрѣніемъ вліянія нашихъ налоговъ и оброковъ на трудъ рабочаго.

I.

Всѣ, такъ-называемые, прямые государственные налоги у насъ лежатъ исключительно на неимущихъ или нисшихъ классахъ, которые потому оффиціально называются *податными*, въ отличіе отъ имущественныхъ или высшихъ, которые никакихъ обязательныхъ налоговъ въ пользу государства не несутъ, и потому носятъ названіе *не податныхъ*. Со времени императрицы Екатерины, освободившей дворянство даже отъ личной обязательной службы государству, самая мысль о томъ, что дворянинъ можетъ быть обязываемъ къ какому нибудь платежу или повинности въ пользу государства, въ понятіяхъ общества сдѣлалась несовмѣстною съ представленіемъ о дворянствѣ. Изъ такого превратнаго понятія о дворянскомъ достоинствѣ выродилось не менѣе превратное понятіе о платящихъ подати. Тогда какъ въ европейскихъ государствахъ нашего времени вся тяжесть государственныхъ налоговъ лежитъ главнымъ образомъ, или почти исключительно, какъ въ Англіи, на имущественныхъ или высшихъ классахъ и послѣдніе справедливо гордятся тѣмъ, что несутъ на себѣ государственную тягу, у насъ, напротивъ, съ понятіемъ о платежѣ государственныхъ податей и повинностей соединяется нѣчто унизительное для несущихъ эти тяжести. Крестьянинъ, переходя въ купечество, освобождается отъ всѣхъ повинностей, отбываемыхъ крестьянами, и самые налоги уплачиваетъ уже въ другой формѣ; возведенный въ званіе почетнаго гражданина, освобождается вмѣстѣ съ тѣмъ отъ платежа всякихъ повинностей и налоговъ. Государственная подать и повинность, по общему представленію, есть нѣчто такое, что̀ свойственно и прилично только необлагороженному, нисшему, неимущему классу людей, есть, нѣкоторымъ образомъ, какъ бы наказаніе за недостоинство породы.

Сообразно такому нелѣпому представленію о существѣ государственныхъ налоговъ, у насъ до настоящаго времени почиталось справедливымъ подвергать податному обложенію не имущества, какъ это принято во всѣхъ европейскихъ государствахъ, а лица, и притомъ единственно въ силу принадлежности ихъ къ извѣстнымъ, то-есть нисшимъ классамъ общества. Само собою разумѣется, что подобная, противная всякому здра-

вому смыслу мысль могла развиться и окрѣпнуть только подъ вліяніемъ крѣпостнаго права. Первоначально, при Петрѣ I, подати переложены были съ земли на лица единственно ради удобства ихъ учета и взиманія; дѣйствительнымъ же основаніемъ для обложенія оставалась все-таки попрежнему земля, ибо имѣлось въ виду, что каждое лицо, обложенное податью, т.-е. каждая ревизская душа, имѣетъ на столько земли, что можетъ изъ этого имѣть пропитаніе и уплачивать подати. Впослѣдствіи времени, когда потребности государства стали все болѣе и болѣе и притомъ очень быстро увеличиваться, а средствъ для ихъ удовлетворенія не предвидѣлось, это отношеніе податной единицы къ землѣ было совершенно опущено изъ виду и забыто. Ревизская душа абсолютно, сама по себѣ, безъ всякаго отношенія къ ея имуществу, сдѣлалась въ представленіи администраціи какимъ-то баснословнымъ, иногда неистощимымъ кладомъ, изъ котораго можно брать сколько угодно. Трудная въ другихъ странахъ задача фиска была облегчена и упрощена до-нельзя. Не нужно было ломать головы надъ изученіемъ средствъ страны и искать источниковъ для увеличенія доходовъ. Ревизская душа плодилась очень быстро, вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, само собою возрасталъ быстро доходъ казны. О государственныхъ прямыхъ налогахъ можно вообще сказать, что они возрастали въ обратномъ отношеніи къ дѣйствительному благосостоянію платящихъ. Чѣмъ болѣе увеличивалось народонаселеніе, чѣмъ больше истощались земли, чѣмъ становилось ихъ меньше въ рукахъ ревизскихъ душъ, тѣмъ болѣе увеличивались налоги не въ общей ихъ суммѣ, что̀ было бы весьма естественно съ размноженіемъ народонаселенія, но по отношенію къ каждой ревизской душѣ. Съ уменьшеніемъ платежныхъ средствъ ревизской души, мѣры взысканія однакожъ не ослаблялись. Такъ: 1) въ случаѣ неуплаты недоимокъ и податей неимущими членами крестьянской общины, безъ всякаго изысканія о томъ, отчего произошла эта неуплата податей и недоимокъ, крестьянскія имущества не только виновныхъ, но, въ случаѣ нужды, и всей общины, подвергаются описи и продажѣ, чѣмъ крестьянское хозяйство раззоряется въ корень. 2) Мировые посредники, въ случаѣ недоимокъ, лежащихъ на общинѣ, могутъ остановить выдачу паспортовъ всѣмъ членамъ общины, даже и тѣмъ, которые находятся въ отсутствіи. 3) Они могутъ отставлять отъ должности волостное начальство за невзысканіе недоимокъ. 4) Каждая община почитается состоящею въ не-

доимкѣ, если только извѣстная часть ея членовъ оказывается неплательщиками. И поэтому цѣлая община можетъ въ такомъ случаѣ подвергнуться въ наказаніе военному постою. 5) Кто въ теченіе двухъ лѣтъ оказался несостоятельнымъ для уплаты недоимокъ, можетъ быть исключенъ изъ общества съ отдачею въ арестантскія роты и съ ссылкою въ другія губерніи. Но этими мѣрами, какъ онѣ ни тяжки, не исчерпывается вся суровость принятой у насъ системы взысканія недоимокъ. У насъ до сихъ поръ не вывелся даже тотъ способъ взысканія податей, который употребляется нынѣ только въ азіатскихъ государствахъ. «Административныя власти не находятъ никакой возможности — говоритъ г. Флеровскій — взыскивать подати безъ помощи розогъ, и всѣ попытки отмѣнить въ этихъ случаяхъ тѣлесное наказаніе не удались. Тѣлесное наказаніе употребляется въ этихъ случаяхъ — это фактъ несомнѣнный. Съ глубокимъ уныніемъ и со слезами на глазахъ изображали предо мною картину толпы поблѣднѣвшихъ крестьянъ, привезенныхъ возовъ розогъ и во главѣ фигуру губернатора или мироваго посредника, который будто бы принималъ на себя такую жалкую и унизительную роль. Я самъ этого, конечно, не видалъ, но одно существованіе подобныхъ разсказовъ уже показываетъ, съ какимъ трудомъ взыскиваются подати. Я много разъ былъ свидѣтелемъ ожесточенія, съ которымъ мѣстныя власти говорятъ о крестьянахъ во время сбора податей. Имъ такъ трудно въ этомъ случаѣ не только отличиться, но даже избѣгнуть упрековъ высшаго начальства, что вся желчь въ нихъ поднимается, какъ только заговорятъ о крестьянахъ! Можно себѣ представить, какими мѣрами они дѣйствуютъ!» (стр. 45-я).

Прямое государственные налоги раздѣляются на нѣсколько разрядовъ, изъ которыхъ каждый носитъ особое наименованіе, а именно: *1) подушной подати; 2) оброчной подати; 3) общественнаго съ государственныхъ крестьянъ сбора; 4) государственнаго земскаго сбора; 5) рекрутскихъ сборовъ; 6) паспортныхъ сборовъ* *. но всѣ эти наименованія обозначаютъ не особые

* *Оброчною* податью называется подать, взимаемая съ государственныхъ крестьянъ за пользованіе землею; *общественный сборъ* съ тѣхъ же крестьянъ имѣлъ предметомъ удовлетвореніе расходовъ по содержанію ихъ управленія, по размежеванію земель и по составленію хозяйственнаго капитала; назначался по смѣтамъ на каждое трехлѣтіе. Сборъ этотъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 4 іюля 1867 года мнѣнія государственнаго совѣта, поступаетъ

источники или предметы обложенія, а только разновременное происхожденіе этихъ сборовъ или спеціальное ихъ назначеніе, источникъ же ихъ одна и та же ревизская душа. Иначе сказать, всѣ эти налоги лежатъ на однихъ и тѣхъ же нисшихъ классахъ общества. А такъ-какъ, кромѣ прямыхъ налоговъ, на тѣхъ же самыхъ нисшихъ классахъ лежатъ и главнѣйшіе изъ косвенныхъ налоговъ: акцизно-винный и соляной, то одними этими налогами нисшіе классы уплачиваютъ $^2/_3$ всего нашего бюджета. Принимая же въ соображеніе, что тѣ же нисшіе классы извѣстною, иногда очень значительною долею участвуютъ и въ другихъ косвенныхъ налогахъ и вообще статьяхъ государственнаго дохода, можно смѣло положить, что ихъ взносами обыкновенно покрывается три четверти и даже болѣе трехъ четвертей нашего бюджета. По крайней мѣрѣ, высочайше утвержденная коммисія для пересмотра системы податей, по точномъ изслѣдованіи, нашла, что въ 1862 году крестьяне и мѣщане изъ общей суммы всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ (292.000,000) уплатили 76% (223.000,000).

А именно: по изысканію этой коммисіи оказалось, что крестьяне и мѣщане въ 1862 году уплатили:

Подушной и оброчной подати . .	52.660,000 р.
Питейнаго налога	127.950,000 »
Налога на соль	8.670,000 »
Паспортнаго сбора	1.850,000 »
	191.130,000 р.

въ государственное казначейство. *Государственный земскій сборъ* назначается на удовлетвореніе потребностей, болѣе или менѣе общихъ всѣмъ частямъ имперіи; таковы повинности: а) *почтовая* (плата за содержаніе лошадей); б) *дорожная* (содержаніе шоссе между губерніями); в) *воинская* (устройство, наемъ и ремонтъ воинскихъ зданій, отопленіе и освѣщеніе ихъ; пособіе городамъ на выдачу квартирныхъ денегъ; лагерныя потребности; плата за подводы для войскъ, добавочныя квартирныя деньги чинамъ военно-сухопутнаго вѣдомства); г) *ссыльно-этапная;* д) *содержаніе арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства;* е) *помѣщеніе мѣстнаго гражданскаго управленія* (отопленіе губернаторскихъ домовъ; отопленіе и освѣщеніе тюремъ въ нѣкоторыхъ городахъ; устройство и ремонтъ зданій для губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ и тюремъ; содержаніе зданій для одиночнаго помѣщенія слѣдственныхъ арестантовъ); ж) *содержаніе сего управленія* (полицейскихъ управленій, предсѣдателей и членовъ судебныхъ палатъ и уѣздныхъ судовъ съ ихъ канцеляріями въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, содержаніе тюремныхъ смотрителей). *Рекрутскими* сборами называются представляемыя обществами вмѣстѣ съ рекрутами слѣдующія въ казну при пріемѣ рекрутъ деньги: а) *на обмундированіе* (на одежду и обувь); б) *на провіантъ*; в) *на жалованье*; г) *на гербовую бумагу. Паспортные сборы*, сборы за право отлучки отъ мѣста жительства. См. Обозрѣніе государственныхъ доходовъ Россіи, А. Заблоцкаго-Десятовскаго. Спб. 1868.

То-есть болѣе 70% государственнаго бюджета.

Высшія сословія уплатили:

Горныхъ податей	3.350,000 р.
Пошлины съ подорожныхъ . . .	540,000 »
Налога за право торговли	4.610,000 »
Налога на табакъ	2.590,000 »
Налога на свеклосахарное производство	550,000 »
Пошлины съ застрахованныхъ имуществъ	100,000 »
	11.740,000 р.

То-есть около 5% государственнаго бюджета.

Доходы, поступившіе отъ всѣхъ классовъ общества:

Коммисія 2/3 этихъ доходовъ относитъ къ высшимъ классамъ и 1/3 къ нисшимъ.	Почтовый доходъ . .	6.650,000 р.
	Гербовыя пошлины. .	5.120,000 »
	Доходъ съ промысловъ	4.930,000 »
	Шоссейный сборъ . .	780,000 »
	Таможенный доходъ .	30.400,000 »
		47.880,000 р.

То-есть 18% государственнаго бюджета.

Кромѣ означенныхъ доходовъ, регаліи, экономическія статьи и т. п. доставили 7% государственнаго бюджета.

Такого бремени налоговъ не несетъ нигдѣ рабочій классъ въ Европѣ. Та же коммисія, сличивъ, какую долю въ налогахъ несутъ высшіе и нисшіе классы въ различныхъ европейскихъ государствахъ, нашла, что въ 1862 году взималось:

	Въ Великобританіи.	Франціи.	Бельгіи.	Пруссіи.	Россіи.
съ высшихъ классовъ.	52%	49%	45%	30%	17%
съ нисшихъ классовъ.	40%	30%	29%	29%	76%
съ регалій, государственныхъ имуществъ и т. п.	8%	21%	26%	41%	7%

Но налогами далеко не исчерпывается вся тяжесть, которую несутъ наши нисшіе классы. Мы увидимъ ниже, что они еще, по крайней мѣрѣ, на столько же, сколько несутъ въ налогахъ, выплачиваютъ другими, отчасти денежными сборами, отчасти натуральными повинностями.

Таково было положеніе нашихъ податныхъ сословій до реформы. Съ крестьянскою реформою явились въ обществѣ другія воззрѣнія на платежныя силы и средства государства. Нѣтъ

сомнѣнія, что рано или поздно эти воззрѣнія уничтожатъ нынѣшнюю систему податей до корня и создадутъ новую, на началахъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ современной финансовой наукѣ. Но въ наше время реформа не произвела никакого измѣненія въ существующей системѣ податей; тяжести, лежавшія на крестьянахъ, съ нею нетолько не уменьшились, но, какъ мы увидимъ ниже, увеличились и увеличились значительно. Повидимому, матеріальный проигрышъ для крестьянъ очевиденъ, а между тѣмъ, не можетъ быть сомнѣнія, что этимъ проигрышемъ сдѣланъ шагъ впередъ и въ экономическомъ положеніи. Крестьяниномъ, даже и бывшимъ государственнымъ, пріобрѣтено другое соціальное положеніе — свобода отъ тяжолой опеки чиновничества, надежда на исходъ изъ того бѣдственнаго положенія, изъ котораго прежде не видѣлось никакого просвѣта. Прекрасно значеніе этого соціальнаго возвышенія крестьянъ для ихъ экономическаго положенія изображаетъ г. Скалдинъ, когда говоритъ о бывшихъ крѣпостныхъ крестьянахъ: «Гражданская свобода куплена крестьянами слишкомъ дорогою цѣною; если они все-таки остаются въ выигрышѣ, то только потому, что предметъ, ими купленный, въ сущности не имѣетъ цѣны: безъ гражданской свободы невозможны были бы никакія улучшенія ни въ матеріальной, ни въ умственной ихъ жизни, а съ нею могутъ придти современемъ и другія блага цивилизаціи, пока нынѣ для крестьянъ не существующія» («Отеч. Зап.» 1867 г., № 18-й).

Общія надежды на немедленое улучшеніе матеріальнаго положенія крестьянъ послѣ реформы не осуществились, надобно полагать, потому, что, вслѣдъ за крестьянскою реформою, послѣдовалъ рядъ другихъ реформъ и перемѣнъ, которыя, съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, или были неизбѣжны и необходимы, или представлялись таковыми по другимъ соображеніямъ. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но тотчасъ за крестьянскою реформою бюджетъ государственныхъ расходовъ сталъ быстро возрастать, не покрываясь обыкновенными доходами, какъ читатель можетъ усмотрѣть изъ слѣдующей таблички:

	1862 г.	1863 г.	1864 г.	1865 г.	1866 г.
Обыкн. расх.	306.619,739	343.867,860	397.094,798	376.093,514	400.068,004
» доходы.	291.861,839	328.160,090	350.608,670	353.695,407	358.553,128
дефицитъ.	14.757,900	15.707,770	46.486,128	22.398,107	41.514,876

Для покрытія каждогоднаго дефицита нужно было дѣлать все новые и новые займы, которые и дѣлались въ количествахъ, превышающихъ значащійся по росписи дефицитъ. Разсматривая государственные долги, сдѣланные въ пятилѣтіе 1862 — 1866 годъ,

г. Покровскій въ своемъ очеркѣ статистики говоритъ, что «займы, къ которымъ прибѣгало правительство въ этотъ періодъ времени, составятъ 500.000,000 рублей, то-есть, на 361.521,000 рублей болѣе того, сколько публика могла предполагать на основаніи обнародованныхъ бюджетовъ» *. Какъ быстро увеличивались долги, можно судить по сильно возраставшимъ ежегодно платежамъ процентовъ и погашенія по этимъ долгамъ. Сумма этихъ платежей состояла въ 1862 г. изъ 54¼ мильйоновъ, въ *1863 г.* 57 м., въ *1864 г.* 59 м., въ *1865 г.* 64.290,555, въ *1866 г.* 68.586,684, въ *1867 г.* 73.846,184, въ *1869 г.* 76.097,804 р. Такимъ образомъ въ теченіе съ 1862 по 1869 годъ, т.-е. въ теченіе семи лѣтъ, одни только платежи процентовъ и погашенія по долгамъ увеличились на 22 мильйона рублей.

Всего государственнаго долгу къ 1861-му году состояло 1.799.283,700 р.

Къ 1867 г. Кольбъ долгъ этотъ опредѣляетъ въ 2.206.288,350. Въ этой суммѣ онъ считаетъ неконсолидированнаго долгу 1,286 мильйоновъ рублей, и по этому поводу замѣчаетъ: «даже въ богатой Франціи милліардъ франковъ неконсолидированнаго долгу признается за полное разстройство финансовъ, — и вотъ мы въ бѣдной Россіи встрѣчаемъ такого неконсолидированнаго долга по крайней-мѣрѣ 1,286 м. руб. = 5,144 м. франковъ, слѣдовательно пять разъ болѣе, нежели во Франціи!» **

Мы, конечно, не можемъ предаваться такимъ мрачнымъ мыслямъ относительно нашего будущаго, какъ Кольбъ, ибо вѣримъ, что великъ Богъ русской земли — тѣмъ не менѣе не можемъ не сознавать, что подобное состояніе нашихъ финансовъ должно отзываться самымъ гибельнымъ образомъ на экономическомъ благосостояніи всего нашего государства.

Понятно, почему послѣ крестьянской реформы государственные налоги не только не могли уменьшиться, но должны были еще значительно увеличиться. Такое увеличеніе произошло:

1) Въ *подати подушной.* Размѣръ подушной подати до 1862 г. составлялъ въ Европейской Россіи 95 к. съ души, въ Сибири 90 к. Съ 1862 г. онъ установленъ для Европейской Россіи 1 р., для Сибири 90 к. Съ 1863 г. подушная подать увеличена по разнымъ губерніямъ и уѣздамъ отъ 8 до 44 к. съ души, а въ средней сложности по 25 к. (на сумму 6.109,000 р. въ годъ). Въ 1867 году подушная подать увеличена отъ 19½ до 75 к.

---

* Очеркъ Статистики В. Покровскаго. Спб. 1868 г.

** Handbuch der vergleichenden Statistik von Kolb. Leipzig, 1868. стр. 327.

по разнымъ мѣстностямъ, а среднимъ числомъ по 50 к. на душу (на сумму 11.000,000 р.).

2) *Въ государственномъ земскомъ сборѣ.* Сборъ этотъ съ 1865 года увеличенъ по 20 к. на душу (на сумму 4.630,000 р.), въ общей суммѣ на каждую душу составляетъ 98 к.

3) *Въ рекрутскомъ сборѣ.* На основаніи 213 ст. Рекрут. Уст. за каждаго поступившаго на службу рекрута изъ государственныхъ крестьянъ взималось обществами по 2 р., съ каждаго рекрута-наемщика отъ нанимателя по 10 р., для оказанія посбія отставнымъ нижнимъ чинамъ; съ 25-го іюня 1867 года первый сборъ распространенъ на рекрутъ всѣхъ вообще сословій, несущихъ рекрутскую повинность, а второй возвышенъ до 25 р. съ каждаго охотника (оба сбора на сумму 465,000 р.).

4) *Въ налогѣ за право торговли и промысла.* Налогъ этотъ простирается до 10.000,000 и въ очень значительной части своей представляетъ собою налогъ за личный трудъ, именно: въ пошлинѣ за свидѣтельства на мѣщанскіе промыслы, за прикащичьи свидѣтельства и за свидѣтельства о принадлежности къ купеческимъ семействамъ.

Такимъ образомъ, въ однихъ прямыхъ налогахъ, какъ видитъ читатель, денежные сборы съ низшихъ классовъ со времени реформы значительно возрасли. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ только мѣщане, съ которыхъ снята подушная подать (2.065,530 р.) и замѣнена налогомъ на недвижимыя имущества въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ.

Въ число такихъ же исключеній мы должны бы были поставить и бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, которые со времени освобожденія получили значительное облегченіе въ денежныхъ платежахъ, такъ-какъ выкупные платежи вдвое и даже втрое менѣе тѣхъ оброковъ, которые они платили. Нѣтъ сомнѣнія, что относительно извѣстной, можетъ быть, болѣе или менѣе даже значительной части освобожденныхъ крестьянъ, это совершенно справедливо. Но когда рѣчь идетъ обо всѣхъ освобожденныхъ крестьянахъ, то не должно забывать, что если во время крѣпостнаго права крестьяне платили большой оброкъ, то въ многихъ мѣстностяхъ они пользовались гораздо бо́льшимъ количествомъ земель, и притомъ гораздо лучшихъ. Съ освобожденіемъ надѣлы даны имъ въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ.

«Послѣ освобожденія — говоритъ г. Флеровскій — обезземеленье крестьянъ сдѣлало разомъ такой большой шагъ, ка-

кого оно, можетъ быть, никогда не дѣлало даже въ началѣ XVIII столѣтія. Многіе крупные землевладѣльцы послѣ 1861 года получали за третью часть земли больше оброка, чѣмъ они прежде получали за всю землю. Въ Рязанской губерніи до освобожденія двѣ пятыхъ крестьянъ владѣло всею землею своихъ помѣщиковъ и платили оброкъ, а теперь они получили крайне ограниченные надѣлы крестьянскаго положенія. Въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, въ которомъ считается 1.741,896 десятинъ земли, за временно-обязанными крестьянами осталось всего 26,417 десятинъ всякой земли, а временно-обязанныхъ тамъ 27,623 человѣка. Вмѣстѣ съ усадебною осѣдлостью не приходилось даже и по десятинѣ на человѣка. Сколько осталось земли за помѣщиками, можно судить по тому, что казенной земли, на которой водворены государственные крестьяне, тамъ считается всего 527,531 десятина. Помѣщики въ своихъ комитетахъ до крайности уменьшали дѣйствительные надѣлы крестьянъ, и достигли такимъ образомъ того, что даже въ самыхъ густонаселенныхъ мѣстностяхъ въ надѣлъ пошла только незначительная часть ихъ земель. Въ Сумскомъ уѣздѣ, гдѣ приходится 2,300 человѣкъ на квадратную милю, въ надѣлъ пошла только треть помѣщичьихъ земель, а въ Изюмскомъ съ населеніемъ въ 1,300 человѣкъ, на квадратную милю, даже менѣе четверти. Около одной трети пошло въ надѣлъ не только въ такихъ губерніяхъ, какъ Саратовская, но и въ такихъ, какъ Рязанская, гдѣ въ бо̀льшей части уѣздовъ приходится болѣе двухъ тысячъ человѣкъ на одну квадратную милю. Въ Харьковской губерніи, гдѣ сравнительно гораздо болѣе земель, пошло въ надѣлъ государственнымъ крестьянамъ втрое болѣе земли, чѣмъ временно-обязаннымъ» (стр. 419).

Кромѣ того, что крестьяне недостаточно надѣлены, они во многихъ мѣстахъ согнаны съ лучшихъ земель, которыя обработывали прежде, и надѣлены самыми плохими. Извѣстно, что подобныхъ насильственныхъ переселеній крестьянъ съ хорошихъ земель на дурныя было совершено много не только до обнародованія Положенія, но даже и послѣ при введеніи уставныхъ грамать, подобныхъ случаевъ было немало. Наконецъ, оцѣнка земель, назначенныхъ въ надѣлъ, была сдѣлана такая, которая далеко превышала мѣстную стоимость земель, такъ что тѣ платежи, которые несутъ теперь временно-обязанные крестьяне, стоятъ гораздо выше вольной арендной платы за землю. «Здѣшнихъ временно-обязанныхъ крестьянъ,— говоритъ Скалдинъ, описывая одну губернію, — въ ихъ на-

стоящемъ положеніи можно сравнить съ людьми, необезпеченными никакою поземельною собственностію, приносящею доходъ, съ тѣми же западными земледѣльцами-арендаторами, обязанными платить за обработываемую ими землю арендную плату, неокупающую времени и труда, полагаемыхъ на ихъ обработку. Вся разница въ томъ, что тяжесть повинностей, лежащихъ на нашихъ крестьянахъ, не можетъ быть увеличиваема по произволу помѣщиковъ, и что наши крестьяне не могутъ быть сгоняемы съ ихъ надѣловъ» («Отеч. Записки» 1867 г., № 18). Если къ этому присовокупить, что временнообязанные крестьяне поставлены въ такое положеніе относительно разныхъ необходимыхъ угодій, что имъ мѣстами, по выраженію того же г. Скалдина, некуда выгнать не только коровы, но и курицы, что они должны покупать не только каждое бревно или доску для починки избы, но и каждую вязанку дровъ и т. п., когда прежде все это они имѣли за одинъ и тотъ же оброкъ, который платили помѣщику, то едва-ли можно будетъ сказать *вообще*, что всѣ временно-обязанные крестьяне реформою облегчены въ своихъ оброкахъ. При этомъ нельзя не имѣть въ виду еще одного, весьма важнаго обстоятельства: въ такомъ тяжеломъ положеніи относительно платежей временно-обязанные крестьяне должны находиться въ теченіе 49-ти лѣтъ со времени обнародованія Положенія. Что же ожидаетъ ихъ потомъ? Если въ теченіе этого времени народонаселеніе увеличится только вдвое, то кромѣ безвыходной нищеты, самаго глубокаго пролетаріата ничего ждать нельзя. А мы сказали выше, что есть выходъ къ лучшему. Люди «Вѣсти» говорятъ, напротивъ, что нѣтъ никакого выхода изъ подобнаго положенія, что единственное средство спасти крестьянъ—это *освободить ихъ отъ земли. Свобода земли и отъ земли* — вотъ этотъ, по мнѣнію людей «Вѣсти», вѣнецъ, которымъ должна завершиться свобода, дарованная Положеніемъ 19-го февраля. А чтобы открыть путь этой истинной и полной, по разумѣнію людей «Вѣсти», свободѣ, надобно *«разрѣшить крестьянамъ продавать помѣщикамъ выкупленные ими надѣлы и оказать правительственное содѣйствіе таковой обратной продажѣ, переводомъ выкупной ссуды на помѣщика, который пожелаетъ пріобрѣсти землю»*. Нѣтъ, этого не будетъ, этого быть не можетъ. Правительство не сдѣлаетъ этого. Это было бы шагомъ назадъ. Это было бы противно всѣмъ идеямъ современной науки о поземельномъ владѣніи, всѣмъ новымъ воззрѣніямъ европейскихъ обществъ на распредѣленіе поземельной собственности, всѣмъ стремленіямъ и дѣйствіямъ разумнѣйшихъ

правительствѣ въ дѣлѣ регулированія поземельной собственности. Какъ ни тяжело настоящее бѣдственное положеніе временно-обязанныхъ крестьянъ, но пока въ ихъ рукахъ данный имъ надѣлъ, они полноправные граждане русской земли, они имѣютъ такое же несомнѣнное право на устройство дѣлъ ея, какъ и многоземельные собственники, а съ этимъ правомъ возможность и надежду на улучшеніе своей участи. Настоящее ихъ бѣдственное положеніе—временное и поправимое. Другое распредѣленіе государственныхъ налоговъ, — лучшая организація общины—организація, при которой бы русская община, подобно нѣмецкимъ общинамъ колонистовъ, сама могла дѣлать отсадки новыхъ общинъ изъ своихъ молодыхъ поколѣній, наконецъ, твердое, прочно гарантированное самоуправленіе — вотъ тѣ мѣры, которыя могутъ быстро поднять благосостояніе нашихъ крестьянъ, а съ ихъ благосостояніемъ удесятерится и благосостояніе цѣлаго государства, и благосостояніе всѣхъ, и каждаго изъ его членовъ. Но если мы представимъ себѣ, что крестьянамъ предоставлена *свобода* лишиться своихъ надѣловъ, какъ того желаютъ слишкомъ свободолюбивые въ этомъ случаѣ люди «Вѣсти», и только треть ихъ воспользовалась бы этою свободою, то правительство немедленно поставлено было бы внѣ всякой возможности помочь этимъ людямъ стать даже на прежнюю степень благосостоянія, какъ она ни была низка. Этого мало: эти quasi-свободные люди сдѣлаются вѣчною язвою государства, которая будетъ сосредоточивать на себѣ всю заботливость государства, поглощать мильйоны, но которая отъ этого не только не сдѣлается лучше, а напротивъ, будетъ становиться все болѣе и болѣе злокачественною. Наглядный всѣмъ примѣръ этого представляетъ собою Англія, которая, истрачивая безчисленные мильйоны, даже при свободныхъ своихъ учрежденіяхъ, не можетъ улучшить участи своего работника, и въ особенности работника сельскаго.

Но — говорятъ люди «Вѣсти», — что жь это за свобода крестьянина, когда у него нѣтъ права отчуждать свою поземельную собственность? А что такое каждый государственный порядокъ, если не ограниченіе на каждомъ шагу свободы личности во имя высшихъ государственныхъ дѣлъ, во имя общаго блага? Почему государство препятствуетъ переселеніямъ крестьянъ изъ Остзейскаго края, изъ сѣверныхъ губерній? Почему оно заставило крестьянъ въ три-дорога покупать землю у помѣщиковъ, платить имъ въ теченіе 49 лѣтъ страшныя деньги, когда оно во многихъ мѣстахъ могло надѣлить крестьянъ землею изъ своихъ безчисленныхъ запасовъ земель за самую умѣ-

ренную цѣну? Почему налагаютъ стѣсненіе на каждаго собственника въ распоряженіи родовою собственностію? Почему же не позволяютъ дворянину переходить въ крестьяне и зачисляться въ крестьянскомъ обществѣ? Развѣ же это не стѣсненіе личной свободы? Если люди «Вѣсти» дѣйствительно такъ сильно горятъ желаніемъ свободы крестьянамъ, то имъ вмѣсто того, чтобы обращать вниманіе на ограниченіе свободы крестьянъ въ поземельномъ владѣніи, ограниченіе нисколько для послѣднихъ нечувствительное и въ высшей степени полезное, гуманнѣе и справедливѣе было бы обратить вниманіе на другія ограниченія свободы крестьянъ, ограниченія соціальныя, и несправедливыя, и дѣйствительно вредныя, и для нихъ самихъ, и для государства, и для общаго благосостоянія, похлопотать, напримѣръ, о томъ, чтобы крестьянамъ открыть такой же свободный доступъ къ высшему образованію, какъ и дворянству, чтобы въ университетахъ и гимназіяхъ, основанныхъ и содержимыхъ на деньги крестьянъ, воспитывались по крайней мѣрѣ преимущественно крестьянскія, а не исключительно дворянскія дѣти, какъ теперь, чтобы крестьянамъ открыты были тѣ же всѣ поприща государственной и общественной дѣятельности, какъ и дворянамъ и т. п.

Въ настоящее время прямые государственные налоги взимаются въ слѣдующихъ размѣрахъ (1868 г.):

	Подушная подать	41.185,481 р. $52^1/_2$ к.
	Оброчная подать съ государственныхъ крестьянъ . .	33.012,452 » 5 »
	Государствен. земскій сборъ	22.756,346 » —$^3/_4$ »
	Выкупные платежи съ крестьянъ-собственниковъ (за 1867 г.)	26.387,278 » — »
	Общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ .	3.484,727 » $57^3/_4$ »
	Рекрутскіе сборы	2.115,476 » 33 »
	Паспортные сборы	1.728,500 » — »
	Платежи отъ выкупа крестьянами надѣловъ:	
а)	По прибалтійскимъ губерн. .	46,838 » $34^3/_4$ »
б)	Бывшими государственными крестьянами по 1868 г. .	41,100 » — »
		130.748,200 р. $43^1/_4$ к.

Къ этимъ прямымъ налогамъ должно присоединить два кос-

венные налога на вино и соль, которые, по изслѣдованію коммисіи, вполнѣ падаютъ на нисшіе классы:

Налогъ на вино . . .	117.450,000 руб.
» » соль . . .	9.020,900 »
	126.470,900 руб.

Затѣмъ, слѣдуя пріему коммисіи, изъ числа сборовъ, падавшихъ и на высшія и на нисшія сословія, къ послѣднимъ нужно отнести треть. Этихъ сборовъ числилось (въ 1868 г.):

Почтоваго	6.931,932 р. 45 к.
Съ телеграфовъ	2.507,323 » 5 »
Штемпельныхъ пошлинъ . .	9.336,158 » 25 »
Съ промысловъ и недвижимыхъ имуществъ	19.080,414 » 98 »
» желѣзныхъ дорогъ . . .	20.142,896 » — »
» шоссейныхъ » . . .	570,000 » — »
Налога на предметы внѣшней торговли	34.280,309 » 51 »
	92.849,034 р. 20 к.
Изъ этого количества на долю нисшихъ сословій, по исчисленію коммисіи, придется	30.949,344 » 7 »

Если сумму всѣхъ означенныхъ трехъ категорій налоговъ, лежащихъ на нисшихъ согласіяхъ, 288.168,444 р. 50¼ раздѣлимъ на число плательщиковъ, которыхъ вмѣстѣ съ мѣщанами считается 26.462,534 души мужескаго пола, то на каждую придется по 10 р. 85 к.

Но этимъ, какъ мы сказали уже выше, не исчерпывается тяжесть налоговъ, лежащихъ на нисшихъ сословіяхъ. Кромѣ государственныхъ повинностей денежныхъ, они отбываютъ нѣкоторыя государственныя повинности натурою; кромѣ того они отбываютъ губернскія повинности отчасти натурою, отчасти деньгами.

Самую тяжелую изъ государственныхъ натуральныхъ повинностей составляетъ *рекрутская*. Князь Васильчиковъ въ недавно изданномъ имъ сочиненіи: «*О самоуправленіи*», опредѣляетъ стоимость этой повинности такимъ образомъ. «Можно принять, говоритъ онъ (стр. 174), что въ Россіи въ средней сложности низшія податныя сословія въ теченіе настоящаго столѣтія ставили ежегодно по 5 или 6 рекрутъ съ 1000 ревизскихъ душъ и, принимая цѣну рекрутской квитанціи въ 500 р., платили такимъ

образомъ по $2^{1}/_{2}$ или по 3 р. съ ревизской души, или считая нынѣшнее податное населеніе въ 30 мильйоновъ—около 75 или 90 мильйоновъ въ годъ».

Кромѣ поставки рекрутъ, рабочіе же классы содержатъ и остающіяся отъ нихъ семейства. Г. Флеровскій говоритъ, что въ одной Европейской Россіи эти семейства составляютъ до полутора мильйона человѣкъ. «Содержаніе этихъ семействъ стоитъ рабочему населенію въ годъ по крайней мѣрѣ тридцать шесть мильйоновъ, хотя они въ большей части случаевъ заѣдаются нуждою» (стр. 72).

Къ числу главныхъ губернскихъ повинностей относятся: 1) постойная или квартирная, главнымъ образомъ по размѣщенію войскъ, 2) подводная и 3) дорожная. Податная коммисія стоимость однихъ натуральныхъ повинностей на трехлѣтіе $18^{61}/_{63}$ года исчисляла по $75^{1}/_{2}$ к. на душу, а земскія губернскія повинности на то же трехлѣтіе по $18^{1}/_{2}$ к. на душу, такъ что тѣ и другія составляютъ на душу 94, а на цѣлое податное сословіе болѣе 2.5000,000 р.

Такимъ образомъ по приведеннымъ нами исчисленіямъ, которыя, конечно, гораздо ниже дѣйствительности, сумма всѣхъ натуральныхъ и губернскихъ денежныхъ повинностей, взимаемыхъ съ низшихъ сословій, будетъ состоять изъ 151.000,000 р. Раздѣливъ эту сумму на количество плательщиковъ (26.462,534), мы найдемъ, что на каждую ревизскую душу падетъ по 5 р. 70 коп.

Всѣхъ же вообще налоговъ и натуральныхъ повинностей на каждую ревизскую душу приходится, какъ видно изъ всего вышеозначеннаго, 16 р. 55 к.

Но ревизская душа есть только единица обложенія. Въ дѣйствительности платитъ подати не ревизская, но рабочая душа. По таблицамъ смертности о народонаселеніи для Россіи, составленнымъ академикомъ Буняковскимъ, въ Россіи рабочихъ возрастовъ мужскаго пола, т.-е. отъ 18 до 60 лѣтъ, на 10,000 мужскаго населенія приходится не болѣе 5,021 ч., т.-е. съ небольшимъ 50%. Въ дѣйствительности число рабочихъ душъ по разнымъ случайнымъ причинамъ бываетъ всегда нѣсколько ниже этой цифры. Такъ напримѣръ въ Саратовской губерніи въ 1862 году оказалось изъ числа ревизскихъ душъ:

менѣе 18-тилѣтняго возраста и старѣе 60-тилѣтняго.	48,1
умершихъ послѣ ревизіи.	2,2
сосланныхъ въ Сибирь.	0,2
сданныхъ въ рекруты.	2,6
	53,1

Такимъ образомъ 46,9 наличныхъ ревизскихъ душъ обязаны были платить всѣ налоги и повинности и за себя, и за 53,1 выбывшихъ или немогущихъ платить.

Изъ этого видно, что въ дѣйствительности каждая рабочая душа платитъ болѣе чѣмъ за двѣ ревизскихъ души. Для круглаго счета предположимъ, что она платитъ ровно за двѣ души,— получимъ 33 р. 10 к. на каждую рабочую душу. Откинемъ даже всѣ натуральныя повинности, въ томъ числѣ и рекрутскую, и пропитаніе рекрутскихъ семей,—все-таки однихъ денежныхъ налоговъ и сборовъ останется на каждой ревизской душѣ 24 р.

Но рабочая душа должна не только платить налоги, она должна и сама пропитываться и одѣваться. Кромѣ того она существуетъ не одна. Изъ сдѣланнаго выше разсчета видно, что рабочія души составляютъ четвертую часть всего народонаселенія, т.-е. мужескаго и женскаго пола. Слѣдовательно каждой рабочей душѣ приходится платить и одѣвать кромѣ себя еще трехъ человѣкъ маловозрастныхъ, престарѣлыхъ, женщинъ.

Посчитаемъ теперь съ г. Флеровскимъ, что̀ стоитъ содержаніе семействъ изъ четырехъ душъ. Онъ говоритъ:

«Необходимымъ содержаніемъ слѣдуетъ признать на каждаго человѣка въ семействѣ въ годъ 20 пудовъ хлѣба, 10 пудовъ мяса, полпуда соли, 15 рублей въ годъ на гигіеническіе напитки, разнообразіе пищи, лекарства и проч., 18 р. въ годъ на одежду, кубическую сажень дровъ и, три тысячи кубическихъ футовъ теплаго воздуха, — въ средней Россіи на семейство изъ четырехъ человѣкъ это составитъ 300 р. въ годъ». (стр. 71).

Хотя этотъ бюджетъ не особенно роскошенъ, но мы все-таки находимъ его слишкомъ широкимъ для русскаго мужика. Вопервыхъ, 10 пудовъ мяса на каждаго въ годъ составило бы болѣе 1-го фунта въ день на человѣка, — очень неумѣренно и жирно! Довольно, если на каждую душу будетъ приходиться не много болѣе $^1/_4$ ф., и слѣдовательно на всѣ четыре души 10 пуд. въ годъ. Далѣе расходъ на соль, гигіеническіе напитки положимъ 12 р. — «Разнообразіе пищи, лекарства» и проч. это не только лишнее, но и пріучило бы мужика къ изнѣженности. На платье 18 рублей на каждаго тоже много, — положимъ, полъ-столько на каждаго, а на всѣхъ 36 р. Всего на четыре души потребуется:

80 пудовъ хлѣба, положимъ, по 35 к. . .	28 р.
10 пуд. мяса, по 2 р. пудъ.	20 »
На соль и проч.	12 »
На одежду	36 »
На дрова	5 »
На ремонтъ хозяйства, орудій для труда и вообще разныя нужды по дому	17 »
Податей и сборовъ	24 »
	142 р.

Бюджетъ, нами составленный, какъ видитъ читатель, умѣренъ до nec plus ultra, даже ничтоженъ — менѣе 12-ти рублей въ мѣсяцъ на четырехъ человѣкъ, въ томъ числѣ на пищу всего 4 рубля въ мѣсяцъ, т.-е. $13^1/_3$ к. въ день на четверыхъ! Казалось, какъ бы такой ничтожной суммы не заработать работнику, надѣленному землею? На дѣлѣ оказывается, однакожь, что это нетолько трудно для русскаго работника, а просто невозможно, и притомъ почти повсюду, начиная отъ тундръ и болотъ сѣвернаго края до благодатныхъ для земледѣлія земель самой южной полосы. Послѣдуемъ за г. Флеровскимъ въ его описаніи.

«Въ Архангельской губерніи — говоритъ онъ — изъ числа всего населенія въ 284,000 чел., только 30,000 чел. могутъ находить себѣ занятіе, независимое отъ земледѣлія, скотоводства и звѣроловства. Въ числѣ этихъ 30,000 чел. я считалъ всѣхъ чиновниковъ, духовныхъ, купцовъ, прикащиковъ, ремесленниковъ, заводскихъ рабочихъ, не исключая всѣхъ занятыхъ древесными издѣліями. Остальные 254,000 живутъ на землѣ, около двухъ третей которой совершенно никуда негодны, около трети занято лѣсомъ, почти никуда негоднымъ, кромѣ звѣроловства. Только одна тысячная часть этой земли занята лугами, и еще незначительнѣе количество пахатной земли. На каждаго жителя приходится не болѣе $^1/_4$ десятины пахатной земли, между тѣмъ, какъ, напримѣръ, въ Воронежской губерніи приходится около двухъ десятинъ пахатной земли на жителя — въ странѣ плодородной въ 6 разъ болѣе, чѣмъ въ странѣ совершенно безплодной; во всей Россіи приходится полторы десятины на жителя; слѣдовательно, въ Архангельской губерніи болѣе, чѣмъ вчетверо менѣе средняго уровня. Если нѣтъ хлѣба, то можно питаться мясомъ; мяса (отъ рогатаго скота, овецъ и свиней) приходится въ Архангельской губерніи менѣе $^1/_{15}$ фунта въ день на человѣка, а если исключить тѣхъ, которые ѣдятъ мясо каждый день (около 12,000 чел.), то на остальныхъ 272,000 придется меньше $^1/_{70}$ фунта въ день на человѣка — этимъ трудно быть сытымъ» (стр. 106).

Изъ Архангельской губерніи авторъ переходитъ въ Олонецкую и говоритъ, что состояніе ея нетолько не лучше, но еще хуже Архангельской. Пашень также мало, луговъ еще меньше, вслѣдствіе этого меньше и скота, а при скудномъ удобреніи земля на сѣверѣ можетъ давать урожай самый ничтожный. Тѣмъ болѣе, что земля чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе выпахивается, сокращая годъ отъ году все болѣе и болѣе свои урожаи. Когда крестьянинъ хочетъ дѣлать расчистку изъ лѣсовъ для пашни, передъ нимъ является лѣсное начальство, которое не умѣло сберечь лѣсовъ ни въ средней, ни въ южной Россіи, гдѣ то было необходимо, и является строгимъ охранителемъ ихъ тамъ, гдѣ они никому не нужны. «Лѣсамъ нѣтъ конца — говоритъ авторъ — никому ихъ не надо, они валятся цѣлыми полосами отъ бури, гніютъ на корню, истребляются безжалостно крупными тузами-лѣсопромышленниками, а когда крестьянину нужно расчистить клочекъ земли подъ бѣдную пашню, клочекъ земли никуда негодный и неимѣющій никакой цѣнности, ибо полосу, заросшую крупнымъ и цѣннымъ лѣсомъ, не расчистишь подъ пашню, для этого нужны мѣста, поросшія лѣсомъ мелкорослымъ и никуда негоднымъ — тогда появляется мнительная бережливость и грозно выростаетъ зловѣщій призракъ лѣсоистребленія». До какой глупости доходитъ эта лѣсоохранительная манія, можно видѣть изъ того, что къ нуждамъ крестьянина въ нашей лѣсной полосѣ принадлежитъ и недостатокъ топлива и теплаго жилища. «Въ Новгородской губерніи, въ этой губерніи лѣсопромышленности, которая вывозитъ лѣсъ заграницу, гдѣ двѣ трети всего пространства покрыты лѣсами, Гиляровскій (мѣстный священникъ, написавшій сочиненіе о причинахъ смертности дѣтей) признаетъ недостатокъ топлива и теплыхъ жилищъ однимъ изъ важныхъ источниковъ смертности. Онъ раздѣляетъ крестьянскія жилища на три разряда: тѣ, гдѣ бываетъ зимою до 16° тепла — это жилища богатыхъ и зажиточныхъ крестьянъ; на избы, гдѣ до 10° тепла — это жилища крестьянъ средней руки (эта температура уже невыгодно отзывается на здоровьѣ и вообще на физическомъ развитіи крестьянъ); наконецъ, на жилища многочисленной бѣдности, гдѣ бываетъ до 5° тепла, снѣгъ лежитъ въ избѣ, въ особенности по угламъ, въ нее врывается вѣтеръ, вода въ избѣ мерзнетъ — это температура гибельная для жизни и здоровья» (стр. 111).

Несмотря на то, что, кромѣ губерній Архангельской и Астраханской, нѣтъ губерній малонаселеннѣе Олонецкой — на квадратную милю приходится всего 125 человѣкъ — населеніе всей

этой губерніи бѣдствуетъ по недостатку средствъ пропитанія. Бѣдствуютъ нетолько худшіе, но бѣдствуютъ самые лучшіе когда-то по своему благосостоянію уѣзды, какъ, напримѣръ, Каргопольскій. «Каргопольскій уѣздъ когда-то славился своимъ плодородіемъ, онъ нетолько снабжалъ хлѣбомъ винокуренный и пивоваренный заводъ, единственный въ цѣлой губерніи, но онъ вывозилъ хлѣбъ въ уѣзды Вытегорскій и Петрозаводскій и даже доставлялъ его къ архангельскому порту. Каргопольскій уѣздъ славился нетолько своимъ земледѣліемъ, но и своимъ скотоводствомъ и торговалъ кожами. Съ увеличеніемъ населенія все это постоянно сокращалось и благосостояніе уѣзда постепенно падало». Еще въ 1863 году Каргопольскій уѣздъ далъ урожай сравнительно лучшій между всѣми уѣздами; «на подсѣкахъ онъ доходилъ до самъ-9; для максимума это весьма немного. По среднему уровню онъ былъ едва-ли не лучше урожая Саратовской губерніи и, несмотря на это, на душу приходилось отъ 3-хъ до 8-ми четвертей. Три четверти, исключая двѣ на сѣмена, менѣе одного фунта въ день на человѣка — это уже голодъ и горькая нужда». И такъ, въ лучшій урожайный годъ ѣсть было нечего, а платить подати было надо. Для этого продавали скотъ, а съ уменьшеніемъ скота неурожаи были неизбѣжны. «Оказались цѣлыя волости, гдѣ не было ни одного крестьянина, у котораго было бы достаточно, чтобы прокормить свою семью въ теченіе года; мало этого: волость, въ которой встрѣчалось нѣсколько крестьянъ, способныхъ круглый годъ кормить свою семью хлѣбомъ, считалась уже въ завидномъ положеніи» (стр. 116). Такъ было въ сѣверныхъ уѣздахъ губерній, южные кое-какъ держались. Но въ 1867 году хлѣбъ ударило морозомъ и онъ не дозрѣлъ. Этого было достаточно, чтобы бо̀льшую часть крестьянъ Каргопольскаго уѣзда сдѣлать такими же нищими, какъ и жители другихъ уѣздовъ.

Положеніе Олонецкой губерніи не есть какое-нибудь исключительное. Оно общее для жителей сѣвера. Бѣдствуетъ весь сѣверъ: «на огромномъ пространствѣ сплошныхъ лѣсовъ народу рѣшительно нечѣмъ питаться,—говоритъ авторъ; — цѣлыя мѣстности представляютъ сплошную массу нищихъ; значительная часть населенія ведетъ самую жалкую бродячую жизнь, ловцы рыбы и звѣря бродятъ лѣтомъ и зимою; къ нимъ примыкаетъ многочисленное населеніе, которое стоитъ на срединѣ между нищимъ и промышленнымъ работникомъ. Цѣлый годъ эти несчастные люди переходятъ изъ мѣста въ мѣсто; попеременно то нищенствуя, то попадая въ кабалу, они обходятъ огромныя

пространства, такъ что число сдѣланныхъ ими въ теченіе года верстъ приходится считать не сотнями, а тысячами. Употребляя нищенство въ видѣ подсобнаго промысла, они могутъ работать по баснословно-дешевымъ цѣнамъ». Но и такихъ работъ нѣтъ; онѣ достаются только счастливцамъ, а между тѣмъ, у этого бродячаго населенія на рукахъ жены и дѣти. «Вотъ истинно драматическое положеніе: ни хлѣба, ни пищи, ни работы, климатъ убійственно суровый. Какой-нибудь англійскій или французскій пауперъ, о которомъ кричатъ на весь свѣтъ, что онъ умираетъ съ голоду, баловень судьбы, Крезъ въ сравненіи съ этимъ безвѣстнымъ труженикомъ, страданіе котораго никѣмъ не было повѣдано міру... Бѣдствующее населеніе этихъ сѣверныхъ странъ громадно. Въ этихъ мѣстахъ число лицъ болѣе бѣдныхъ, чѣмъ пауперы Англіи и Франціи, о которыхъ говорятъ, что они умираютъ съ голоду, слѣдуетъ предполагать до 1.250,000 ч.; бѣдные Лондона и Парижа въ сравненіи съ ними капля въ морѣ; между бѣдностью этихъ двухъ категорій людей нѣтъ никакого сравненія; лондонскій нищій на платье иногда употребляетъ втрое болѣе, чѣмъ эти люди на все свое содержаніе. Еслибы ничтожной горсти англійскихъ и французскихъ бродягъ, которымъ случается проводить ночи подъ открытымъ небомъ, пришлось ночевать такъ, какъ ночуютъ милліоны разъ на сѣверѣ, то они всѣ бы умерли въ теченіе недѣли» (108).

«Странно, скажетъ читатель, болѣе милліона людей влачатъ жалкую жизнь въ такихъ ужасныхъ бѣдствіяхъ и никакого ни слуху, ни духу объ этомъ? Возможно ли это?» Очень возможно. Эти люди смотрятъ на свою участь, какъ на непреложную судьбу; они даже не смѣютъ помыслить о томъ, что они имѣютъ право на что нибудь лучшее. Они думаютъ, что они назначены только для того, чтобы платить подати и умирать. Они геройски переносятъ все, чтобы исполнить это свое назначеніе; они борятся съ нищетой, холодомъ, голодомъ, платятъ подати и умираютъ. Этого мало: каждое поколѣніе передаетъ другому въ наслѣдство большую степень хилости, истощенія, болѣзненности; въ каждомъ новомъ поколѣніи смерть собираетъ все болѣе и болѣе жертвъ; но остающіеся въ живыхъ идутъ попрежнему безропотно, спокойно, не издавая ни малѣйшаго звука о своихъ бѣдствіяхъ. Назначеніе исполняется. А затѣмъ кому какое дѣло до того, какъ они живутъ и на долго ли ихъ хватитъ?

Быстрота возрастанія смертности между этими людьми ужасающая. По словамъ автора, въ Олонецкой губерніи въ соро-

ковыхъ годахъ смертность была такая же, какъ вообще между государственными крестьянами въ Россіи; въ 1842 году умиралъ 34-й, въ 1843 году — 33-й, въ 1844 году — 31-й; вообще, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе смертность возрастала, поражая преимущественно мужчинъ, на долю которыхъ, при недостаточности хлѣбопашества, выпадала все болѣе и болѣе тяжкая доля на заработкахъ. Съ 1842 года отношеніе между мужчинами и женщинами измѣнилось: сначала перевѣсъ женщинъ составлялъ только 5%, а потомъ сталъ составлять 10%. Съ конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ стали умирать уже не тридцатые, а двадцатые, какъ видно изъ слѣдующей таблички:

	1856.	1858.	1859.	1861.	1862.	1863.
Въ Архангельской губерніи умиралъ одинъ изъ	31	23	33	37	34	30
Въ Олонецкой губерніи умиралъ одинъ изъ	21	22	22	26	26	21

Если эти цифры несомнѣнны, то, по нашему мнѣнію, необходимо немедленное назначеніе коммисіи для изслѣдованія положенія крестьянъ на сѣверѣ, конечно, не изъ чиновниковъ. Авторъ, кромѣ переселенія, считаетъ необходимымъ для поднятія края нетолько освобожденіе отъ податей, но и учрежденіе подати для бѣдныхъ этого края.

Губернію Вологодскую г. Флеровскій описываетъ почти такими же мрачными красками, какъ Архангельскую и Олонецкую. Мы на этотъ разъ минуемъ его описаніе и воспользуемся только сообщаемыми имъ статистическими данными.

«На основаніи свѣдѣній — говоритъ онъ — помѣщенныхъ въ памятной книжкѣ за 1864 годъ, въ Вологодской губерніи посѣяно было хлѣба и картофеля всего 767,715 четвертей, а собрано 2.163,781 чет.; за вычетомъ сѣмянъ осталось 1.396,066 четвертей. Полагая каждую четверть въ 9 пудовъ (весьма много), окажется всего 12.264,594 пуда хлѣба. Изъ этого количества, по свѣдѣніямъ Статистическаго Временника 1866 года, употреблено было на винокуреніе и сплавлено по рѣкамъ 4.279,682 пуда; осталось для народнаго потребленія 8.284,912 пудовъ, слѣдовательно, на каждаго изъ 974,723 жителей Вологодской губерніи по 8-ми пудовъ 20 фунтовъ, или 340 фунтовъ, т.-е. меньше фунта, а на семейство изъ трехъ человѣкъ $2^2/_3$ фунта въ день» (стр. 169).

Кромѣ того, авторъ беретъ крестьянина изъ трехъ плодороднѣйшихъ уѣздовъ Вологодской губерніи: Вологодскаго, Кад-

никовскаго и Грязовецкаго, и высчитываетъ, что онъ можетъ получить отъ земледѣлія. Во всѣхъ этихъ уѣздахъ на каждую ревизскую душу, по разсчету автора, приходится нѣсколько менѣе $1^1/_2$ десятины. Большее или меньшее плодородіе земли условливается главнымъ образомъ ея удобреніемъ. Въ хорошій годъ и при хорошемъ удобреніи она можетъ дать урожай самъ-десять, при посредственномъ удобреніи у крестьянъ, имѣющихъ болѣе одной штуки скота на человѣка, урожай бываетъ отъ $2^1/_2$ до 6-ти, у крестьянъ, имѣющихъ менѣе одной штуки скота на человѣка, урожай ржи бываетъ отъ $1^1/_2$ до 3-хъ. Крестьянамъ, неимѣющимъ скота, нечего и сѣять,—и они сами избѣгаютъ этого. За предѣлами черноземной полосы для достаточнаго удобренія одной десятины почитается необходимымъ имѣть отъ 3-хъ до 6-ти головъ рогатаго скота. Въ Вологодской губерніи запахивается 540,000 десятинъ, а рогатаго скота имѣется 370,000. Удобреніе, очевидно, большею частію недостаточное. Авторъ беретъ крестьянина, который имѣетъ полтора надѣла, т.-е. $2^1/_4$ десятины. Такъ-какъ при трехпольномъ хозяйствѣ можно засѣвать только $1^1/_2$ десятины, то половину этого количества земли, т.-е. $^3/_4$ десятины, онъ засѣваетъ самымъ выгоднымъ хлѣбомъ — рожью. При урожаѣ въ $3^3/_4$ онъ получитъ 30 пудовъ ржи, за исключеніемъ сѣмянъ, 24 пуда, цѣною въ 18 рублей. Съ яроваго поля онъ получитъ всего 3 р., отъ скота 3 р. и отъ дровъ 1 р. 50 к., т.-е. онъ будетъ топить сухимъ кустарникомъ съ своего надѣла; всего 25 р. 50 к. Изъ этого онъ долженъ заплатить помѣщику и казенныхъ сборовъ 17 р. 25 к. При двухъ душахъ ему нечѣмъ будетъ заплатить однихъ податей и оброковъ. Авторъ беретъ другой случай, самый благопріятный. Крестьянинъ сѣетъ ржи 10 пудовъ и получаетъ 55 (т.-е. самъ $5^1/_2$). По вычетѣ изъ этого количества 10-ти пудовъ на сѣмена, 6-ти пудовъ на вознагражденіе мельнику, на утраты отъ мышеяди, у него останется 39 пудовъ, которые въ счастливомъ случаѣ онъ продастъ за 27 р. 30 к.; овса сѣетъ пять пудовъ и получаетъ 15 пудовъ, изъ которыхъ пять пудовъ идутъ на сѣмена, а 10 для собственной лошади и скота; съ остальной $^1/_4$ десятины, засѣянной льномъ или картофелемъ, онъ получитъ 6 р. 50 к.; положимъ, еще отъ скота въ лучшемъ случаѣ 6 р. 50 к.; всего 40 р. 30 к. По уплатѣ 17 р. 25 к., у него останется 23 руб. 5 коп., почти по $6^1/_3$ на день, т.-е. три фунта хлѣба въ день на все семейство; чѣмъ жить, очевидно, невозможно; а при уплатѣ податей и оброковъ за двѣ души $1^1/_3$ к. на день, т.-е. менѣе одного фунта хлѣба на все семейство. Но, по словамъ

автора, исчисленный имъ доходъ въ 40 р. 30 к. есть исключеніе. Средній доходъ отъ земледѣлія, получаемый на основаніи мѣстныхъ свѣдѣній въ земляхъ крестьянъ государственныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ, не превышаетъ 25-ти рублей на работника.

Въ чемъ же однако дѣло? Отчего крестьянинъ не можетъ подняться? Отъ недостатка ли земли? Отъ нерадѣнья ли или неумѣнья вести хозяйство? — Нѣтъ, отвѣчаетъ авторъ. Недостатка въ землѣ нѣтъ. Въ одномъ Кадниковскомъ уѣздѣ находится 1.552,938 десятинъ; изъ этого числа только 294,991 десятина, т.-е. меньше 1/5 находится въ крестьянскомъ владѣніи. Въ способности нашего крестьянина къ труду, желаньи его трудиться, наконецъ въ его умѣньи вести свое хозяйство авторъ не сомнѣвается. Но крестьянина душатъ лежащіе на немъ подати и оброки.

«Представьте себѣ—говоритъ авторъ,—что сельское населеніе Вологодской губерніи не платитъ никакихъ оброковъ, казенныхъ и земскихъ сборовъ и прямыхъ податей... Какія послѣдствія произойдутъ отъ этого? Первое послѣдстіе будетъ то, что земледѣлецъ не будетъ вынужденъ продавать ни своего труда, ни своихъ произведеній за безцѣнокъ. Въ его свободномъ распоряженіи останется большое количество земледѣльческихъ продуктовъ; часть изъ нихъ онъ употребитъ на улучшеніе своего содержанія, и часть на увеличеніе посѣвовъ — земли много, дѣло не за землею, а за недостаткомъ сѣмянъ. При большемъ стремленіи крестьянъ южныхъ уѣздовъ Вологодской губерніи къ достиженію благосостоянія можно ожидать, что они половину употребятъ на увеличеніе своихъ посѣвовъ; но положимъ, что они употребятъ даже меньше трети, и въ уѣздахъ Вологодскомъ, Кадниковскомъ и Грязовецкомъ будетъ обработано лишнихъ 32.000 десятинъ земли; съ нихъ крестьяне соберутъ 3.200,000 пудовъ хлѣба; изъ этого числа половина будетъ употреблена на посѣвъ слѣдующаго года, въ слѣдующемъ году это составитъ 9.750,000 пудовъ. Положимъ, что отъ изобилія хлѣба цѣны падутъ на 15%; при сосѣдствѣ густо населенныхъ губерній онѣ не падутъ ниже, каждый работникъ получитъ въ годъ лишнихъ 53 рубля; вмѣсто 23 р. 40 к., которые онъ имѣетъ теперь, онъ будетъ имѣть 97 р. 40 к. При болѣе дешевыхъ цѣнахъ на хлѣбъ и мясо онъ будетъ имѣть 27 к. въ день. Онъ будетъ въ состояніи употребить въ годъ 36 р. на промышленныя произведенія. Богатое сельское населеніе Вологодской губерніи будетъ употреблять 12 милліоновъ рублей въ годъ на промышленныя произведенія; доходы казны

будутъ вдвое больше современныхъ, а доходы капиталистовъ въ шесть разъ будутъ больше доходовъ нынѣшнихъ помѣщиковъ; вмѣсто жалкихъ 3,000 работниковъ, получающихъ на вологодскихъ фабрикахъ и заводахъ по 50 р. въ годъ, въ Вологодской губерніи будетъ до 50,000 работниковъ, получающихъ по 200 р. Сельскій работникъ зимою будетъ заниматься ремеслами; теперь уже будетъ кому покупать ремесленныя произведенія и лѣтъ въ пять доходы его дойдутъ до 150 р. въ годъ. Вотъ средство сдѣлать страну богатою, средство совсѣмъ другаго рода, чѣмъ поощреніе фабрикъ и заводовъ» (стр. 175).

Переходя въ степную полосу между Ураломъ и Волгою, авторъ находитъ, что здѣсь состояніе крестьянина, несмотря на лучшую производительность земли и изобиліе луговъ, ничѣмъ не лучше состоянія крестьянина вологодскаго. Напротивъ, цифра смертности склоняется какъ будто въ пользу послѣдняго, какъ видно изъ слѣдующей таблички:

	1856	1858	1859	1861	1862	1863
Въ Вологодской губерніи умиралъ *одинъ* изъ	30	23	20	23	30	25
Въ Самарской.	31	30	23	22	24	24

Причина бѣдствій степнаго крестьянина находится, по мнѣнію автора, главнымъ образомъ тамъ же, гдѣ и причина бѣдствія вологодскаго крестьянина, т.-е въ тяжести податей и оброковъ. «Показанія мѣстныхъ статистиковъ,—говоритъ онъ о Самарской губерніи, — свидѣтельствуютъ о томъ печальномъ фактѣ, что крестьянину нашему препятствіемъ къ достиженію благосостоянія служитъ не недостатокъ земли, не недостатокъ рукъ, трудолюбія и умѣнья, а гнетущее положеніе, которое не даетъ ему никакой возможности увеличить свое скотоводство и запастись достаточнымъ количествомъ сѣмянъ. Крестьянское семейство изъ трехъ податныхъ душъ можетъ легко обработывать десять десятинъ; при хорошемъ удобреніи онѣ будутъ давать урожай отъ самъ-четыре до самъ-десять, — и онѣ могутъ собирать до 600 пудовъ хлѣба, что̀ составитъ около ста пудовъ на человѣка, т.-е. даже болѣе, чѣмъ въ таврическихъ нѣмецкихъ колоніяхъ» (стр. 265).

Въ Самарской губерніи считается въ настоящее время 2.000,000 десятинъ пахатныхъ земель и 2.648,000 луговъ. За исключеніемъ земель, принадлежащихъ помѣщикамъ и той трети земель, которая, по принятой системѣ хозяйства, остается безъ обработки, ежегодно обработывается крестьянами 1.000,000 десятинъ. Полагая, что каждая десятина даетъ разныхъ хлѣбовъ

30 пудовъ (что уже много, говоритъ авторъ), мы получимъ 30.000,000 пудовъ. По свѣдѣніямъ Статистическаго Временника 1866 года, въ Самарской губерніи сплавлено и употреблено на винокуреніе хлѣба и другихъ продуктовъ отъ пашенъ 21.108,145 пудовъ; въ сложности съ продуктами пашенъ, необходимыми для 36,000 городскаго населенія, это составитъ приблизительно 24.000,000 пудовъ. Полагая изъ этого количества на долю помѣщиковъ 4.000,000 пудовъ, для крестьянъ останется 20.000,000. Даже при высокой мѣстной цѣнѣ, это количество хлѣба будетъ стоить не дороже 7.000,000, — слѣдовательно, при 750,000 мужскаго народонаселенія, придется по $9^1/_3$ руб. на душу — деньги, которыя надобно будетъ всѣ употребить на уплату налоговъ и сборовъ при одной душѣ, а при двухъ нечѣмъ будетъ покрыть ихъ*. Изъ оставшихся затѣмъ въ рукахъ 12 мильйоновъ количества хлѣба на все народонаселеніе мужскаго и женскаго пола, останется только по 8 пудовъ въ годъ на человѣка.

«Представьте же себѣ, говоритъ авторъ, что самарскій земледѣлецъ не платитъ никакихъ сборовъ; мясо, масло и сало отъ скота остается совершенно въ его распоряженіи, — количество хлѣба для пропитанія его семейства удвоится; нѣтъ сомнѣнія, что онъ тотчасъ же будетъ увеличивать свои посѣвы точно такъ же, какъ это дѣлаетъ русскій земледѣлецъ вездѣ при первой возможности. Если онъ изъ оставшихся въ его распоряженіи лишнихъ десяти пудовъ на человѣка употребитъ только четыре пуда на увеличеніе своихъ посѣвовъ, то онъ уже будетъ запахивать, вмѣстѣ съ землями частныхъ владѣльцевъ, не два, а три мильйона десятинъ», и мы получимъ сбору на долю крестьянъ 64.000,000 пудовъ, т.-е. около 40 пудовъ на душу или около $4^1/_2$ фунтовъ въ день на человѣка. При такомъ положеніи онъ будетъ имѣть возможность кормить хлѣбомъ не только свое семейство, но и свой скотъ. А какъ и при такомъ увеличеніи запашекъ онъ все еще будетъ имѣть болѣе десятины луговъ на душу, какъ видно изъ выше сдѣланнаго разсчета, то онъ можетъ увеличить количество скота до 4 штукъ на человѣка (полагая, что для содержанія одной штуки скота нужно не болѣе $^1/_4$ десятины). Съ увеличеніемъ скота увеличится и удобреніе, и если земля будетъ давать не хорошій урожай, а только посредственный въ самъ-пять, то и въ такомъ случаѣ

* Авторъ считаетъ *только* прямые налоги, и притомъ на ревизскую, а не на рабочую душу. Просимъ читателя имѣть это въ виду для тѣхъ мѣстъ, гдѣ нами удержанъ разсчетъ автора.

съ 3.000,000 десятинъ, при трехпольномъ хозяйствѣ, онъ соберетъ болѣе 114.000,000 или почти по 71 пуду на человѣка. Благосостояніе всей массы крестьянъ будетъ уже весьма близко къ благосостоянію колонистовъ, такъ прославленныхъ за ихъ образцовое хозяйство.

Изъ губерній степныхъ перейдемъ за авторомъ въ губерніи благословеннаго чернозема и посмотримъ: не лучше ли тамъ?

Въ 1865 году въ *Орловской* губерніи урожай въ общей сложности былъ самъ- 3,6. Въ Орловской губерніи въ 1865 году посѣяно хлѣба: озимаго 881,294 четв., яроваго 1.420,018 четв., картофелю 225,636 четв.; снято: озимаго 2.930,880 четв., яроваго 5.269,639 четв., картофелю 887,662 четв. Жителей въ ней считается 1.593,619 чел., сельскаго населенія 1.377,821 человѣкъ (пахатной земли приходится одна десятина пятьдесятъ-одна сотая на жителя, скота—одна штука двадцать-пять сотыхъ). Такимъ образомъ на каждаго жителя приходилось, за исключеніемъ сѣмянъ, $4^1/_{10}$ четверти хлѣба; на каждаго земледѣльца приходилось, за приблизительнымъ исключеніемъ хлѣба, принадлежащаго помѣщикамъ, до 40 пудовъ.

Въ *Пензенской* губерніи урожай былъ (въ томъ же году) только самъ- 3. Посѣяно въ 1865 году хлѣба: озимаго 831,931 четв., яроваго 1.234,543 четв., картофелю 114,820 четв.; собрано: озимаго 2.995,272 четв., яроваго 3.484,381 четв. Жителей въ губерніи 1.179,080 чел., сельскаго населенія 1.076,388 чел. (пашенъ приходится на жителя одна десятина и тридцать сотыхъ). Такимъ образомъ хлѣба, за исключеніемъ сѣмянъ, приходилось уже только $3^9/_{10}$ четверти на человѣка.

Въ *Кіевской* губерніи урожай не достигъ и самъ- 3. Посѣяно было хлѣба: озимаго 649,978 четв., яроваго 769,078 четв., картофелю 224,170 четв.; собрано: озимаго 1.208,216 четв., яроваго 2.282,548 четв., картофелю 858,631 четв. Жителей въ губерніи 2.012,095 чел. На каждаго приходилось хлѣба всего $1^4/_{10}$ четверти.

Въ *Калужской* губерніи урожай былъ самъ-два и два съ половиною. Посѣяно было: озимаго 911,485 четв., урожай былъ менѣе самъ-два; яроваго 1.806,528 четв., урожай былъ болѣе чѣмъ самъ-$2^1/_2$. Жителей въ Калужской губерніи 964,796 ч., сельскаго населенія 872,416 чел. Хлѣба, за исключеніемъ сѣмянъ, пришлось всего $3^8/_{10}$ четв. на жителя; за приблизительнымъ вычетомъ хлѣба, принадлежащаго помѣщикамъ, на каждаго земледѣльца около 30 пудовъ.

Возьмемъ теперь самую лучшую изъ этихъ по урожаю 1865 г. губернію Орловскую, гдѣ каждый житель получилъ 40 пудовъ

хлѣба. Семейство, состоящее изъ 4 душъ, имѣло въ своемъ распоряженіи 160 пудовъ хлѣба. Половину этого количества оно, по сдѣланному нами выше бюджету, должно было употребить на свое пропитаніе. Остальные 80 пудовъ оно могло продать. Во всѣхъ упомянутыхъ губерніяхъ цѣна хлѣба была, какъ и въ Самарской, около 35 к. И такъ за 80 пудовъ оно могло выручить всего 28 р. — сумма, изъ которой, за уплатою налоговъ и сборовъ за одну рабочую душу, оставалось всего четыре рубля на всѣ остальныя нужды крестьянскаго семейства. Что положеніе крестьянъ Орловской губерніи въ 1865 г. было не блестящее, доказывается тѣмъ, приводимымъ авторомъ, несомнѣннымъ фактомъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ этого именно года поденная плата за мужской день падала до *п-я-т-и* и даже до *т-р-е-х-ъ* копеекъ!!! Но если такимъ образомъ бѣдствовали крестьяне Орловской губерніи, въ которой былъ порядочный урожай, то что же дѣлалось съ крестьянами другихъ изъ упомянутыхъ губерній, гдѣ хлѣба на душу приходилось гораздо меньше?

Какъ ни очевидны и ни достовѣрны всѣ приведенныя выше статистическія данныя относительно положенія крестьянъ, но намъ, людямъ сытымъ, какъ-то трудно нетолько вѣрить въ нихъ, а даже и представить ихъ какъ дѣйствительныя и неподлежащія сомнѣнію. Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, что человѣкъ можетъ существовать, не имѣя даже достаточнаго количества хлѣба на свое пропитаніе? Какимъ образомъ могло бы жить при такомъ положеніи и размножаться наше крестьянское народонаселеніе? Многіе изъ серьёзныхъ и даже искренно расположенныхъ къ народу людей хотя и вѣрятъ, что поземельный надѣлъ не доставляетъ достаточнаго пропитанія крестьянамъ, но думаютъ, что у нихъ подъ руками много подсобныхъ заработковъ, что этими заработками легко пополняются всѣ недостатки и нужды въ ихъ хозяйствѣ. Изъ заработной платы за мужской день, существовавшей въ Орловской губерніи, въ мартѣ мѣсяцѣ 1865 года, читатель можетъ уже судить, какое у насъ обиліе заработковъ, и какъ иногда велико бываетъ за нихъ вознагражденіе. Въ слѣдующей нашей статьѣ мы обстоятельно покажемъ, что у насъ нигдѣ почти и никакихъ прочныхъ надеждъ для крестьянина на заработки быть не можетъ, что крестьянинъ, легкомысленно оторвавшійся отъ земледѣлія для заработковъ, есть большею частію пропавшій человѣкъ. И такъ мыслію о заработкахъ вопросъ о непонятномъ для насъ, сытыхъ людей, существованіи крестьянина нисколько не разрѣшается. Онъ разрѣшается гораздо проще, именно тѣмъ, что

русскіе крестьяне измыслили особый *полуголодный* способъ существованія и въ теченіе долгаго времени такъ къ нему привыкли, что онъ сдѣлался для нихъ нормальнымъ. Для каждаго, кто не привыкъ къ такому способу существованія, онъ былъ бы смертеленъ; для нашего крестьянина онъ ни почемъ. Читатель можетъ подумать, что мы шутимъ, когда говоримъ это, или съ досады кидаемъ парадоксы. Совсѣмъ нѣтъ. Мы говоримъ вещи несомнѣнныя, многимъ извѣстныя, которыя въ послѣднее время стали поступать даже въ оффиціальныя извѣстія. Кому, напримѣръ, неизвѣстно повсемѣстное голодованіе нашихъ крестьянъ весною? Могло возбуждаться сомнѣніе развѣ только относительно черноземной полосы. Но вотъ, что̀ говоритъ мѣстный статистикъ о положеніи крестьянъ Орловской губерніи въ 1865 г. («Земледѣльческая Газета» 1866 № 18): *рѣдкое селеніе ѣстъ хлѣбъ непокупной; но это не составляетъ большой бѣды, потому что нашъ крестьянинъ уже привыкъ весною или покупать хлѣбъ или проводить ее к-о-е-к-а-к-ъ.* Изъ самаго способа отношенія мѣстнаго статистика къ передаваемому имъ явленію, читатель можетъ усмотрѣть, что оно не составляетъ новости, рѣдкости, не содержитъ въ себѣ ничего поражающаго. По мнѣнію статистика, вовсе никакой большой бѣды нѣтъ въ томъ, что крестьянинъ проводитъ весну *кое-какъ*. И выраженіе какое деликатное: *кое-какъ*. Какъ же это, однакожъ, *кое-какъ?* Представьте, читатель, что у васъ нѣтъ хлѣба, купить его не на что. Вамъ никакъ не придумать, какъ бы это можно было обходиться кое-какъ. Остается сидѣть голодомъ, и больше ничего. А крестьянинъ придумалъ обходиться кое-какъ. Г. Флеровскій передаетъ намъ этотъ способъ обхожденія крестьянъ кое-какъ, безъ хлѣба. Когда крестьяне примѣчаютъ, что у нихъ хлѣба становится мало, они начинаютъ подмѣшивать къ нему солому, сначала понемногу, потомъ столько, что его становится невозможно выпечь въ печи, онъ вынимается изъ печи солодѣлый и недопеченый. Когда и такого хлѣба становится недостаточно до новой жатвы, они снимаютъ неспѣлый хлѣбъ, рубятъ мелко на мелко солому, а изъ колосьевъ дѣлаютъ что-то въ родѣ муки. Въ этомъ хлѣбѣ солома до того преобладаетъ, что мука дѣлается уже недостаточною для того, чтобы служить цементомъ или клейстеромъ; хлѣбъ разсыпается въ печи и становится похожимъ на кучу мусору или навозу. Пища эта до такой степени неудобоварима и такъ противна человѣческому организму, что проглотивъ небольшую лепешку такого хлѣба, невозможно до слѣдующаго дня и подумать о пищѣ. Когда, наконецъ, дѣлается недостаточно и этого хлѣба, крестьяне на-

чинають ѣсть хлѣбъ *ученый*, придуманный для меньшихъ братьевъ наукою. Къ прежнимъ суррогатамъ прибавляется въ хлѣбѣ мохъ, сосновая кора и т. д., но къ этому хлѣбу надобно привыкать съ молодыхъ лѣтъ, а какъ скоро человѣкъ, не пріобрѣвъ такой привычки, начинаетъ употреблять его въ зрѣлыхъ лѣтахъ, то у него вздуваетъ животъ, дѣлаются нестерпимыя боли, и опытъ кончается смертію. Не должно, впрочемъ, думать, чтобы крестьянинъ и въ обыкновенное время, когда ему не приходится обходиться кое-какъ, особенно роскошествовалъ. Есть губерніи, гдѣ крестьяне никогда не знаютъ чистаго хлѣба, а ѣдятъ его обыкновенно въ смѣси съ мякиной. Такъ г. Скалдинъ, описывая положеніе крестьянъ въ одной губерніи (подмосковной), говоритъ: «Здѣшній крестьянинъ, при самомъ усиленномъ трудѣ и въ благопріятные годы, едва можетъ уплачивать свои повинности и поддерживать свой кредитъ у людей, раздающихъ хлѣбъ заимообразно; но чтобы поддержать этотъ кредитъ, онъ принужденъ бо̀льшую часть года питаться пушнымъ хлѣбомъ». Вотъ положеніе! И да не подумаетъ читатель, чтобы оно рѣдкое, совершенно исключительное, встрѣчающееся въ одной губерніи. Во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ крестьянинъ не получаетъ хлѣба, по крайней-мѣрѣ, 30 пудовъ на каждую душу своего семейства, оно неизбѣжно. А мы видѣли выше, много ли у насъ такихъ губерній! Вотъ почему чешскій агрономъ Гейдукъ, который изслѣдовалъ бытъ нашего рабочаго въ черноземной полосѣ, въ своихъ лекціяхъ, читанныхъ въ Харьковской губерніи, говоритъ: «русскій работникъ получаетъ такое продовольствіе, при которомъ умеръ бы заграничный работникъ, чему и были уже примѣры въ Россіи» (стр. 269).

Виною такого бѣдственнаго положенія нашего рабочаго, конечно, нельзя отчасти не признать лежащіе на крестьянинѣ личные налоги и оброки. Они взыскиваются безъ всякаго соображенія съ имуществомъ, наличными средствами и силами плательщика, и съ обстоятельствами, въ которыя онъ поставленъ. Въ извѣстное время въ году вынь и положь извѣстное

количество денегъ. «Передъ временемъ уплаты податей и оброка, говоритъ г. Скалдинъ, крестьянинъ часто бываетъ принужденъ продавать кулакамъ свои тощіе запасы хлѣба, а передъ посѣвомъ опять долженъ обращаться къ тѣмъ же кулакамъ и занимать у нихъ сѣмена, платя за каждую четверть по двѣ мѣры роста, за 5 мѣсяцевъ стало быть 25%».

Какое бы ни было дано крестьянину количество земли, какая бы ни были благословенная по своему плодородію земля, но пока фискъ не будетъ соображенъ ни съ имуществомъ, ни съ наличными средствами и силами плательщиковъ, ни съ окружающими ихъ обстоятельствами, дотолѣ нашъ крестьянинъ всегда будетъ бѣдствовать.

Чтобы доказать это, мы попросимъ нашего читателя послѣдовать вмѣстѣ съ нами за авторомъ въ одинъ благодатный уголокъ нашего отечества, гдѣ земли безчисленное множество, гдѣ земля даетъ прекрасные урожаи, гдѣ крестьянину безчисленное множество подсобныхъ промысловъ для пропитанія даетъ сама природа. Тутъ ли бы, кажется, крестьянину не приволье и не житье, — а между тѣмъ налоги и оброки разрушаютъ благосостояніе крестьянъ, и крестьянинъ въ такой благодатной природѣ бѣдствуетъ, какъ вездѣ.

Этотъ благословенный уголокъ нашего отечества — Кузнецкій округъ Томской губерніи. Но пусть разсказываетъ самъ авторъ:

«Я въ Кузнецкѣ и разъѣзжаю по окрестностямъ, чтобы познакомиться съ бытомъ крестьянъ. Первое, что поражаетъ меня — это обиліе природныхъ источниковъ богатства: почва плодоносная, покрытая богатою растительностію; душистые луга, доставляющіе самый изобильный кормъ для скота; посѣвы даютъ прекрасные урожаи. Тутъ ли въ самомъ дѣлѣ не быть богатству,—крестьянинъ долженъ жить по крайней мѣрѣ такъ же богато, какъ американецъ Соединенныхъ Штатовъ. Лѣсъ, луга, пашни недѣленные; кажется, паши, коси, руби сколько хочешь, сосѣдямъ все еще съ избыткомъ останется; хотя цѣлыя стада скота заведи себѣ, никого этимъ не стѣснишь, не обидишь. Для разведенія пчелъ мѣста самыя удобныя. Рѣки и

озера наполнены рыбой весьма вкусныхъ породъ. Лѣса, озера и низменности наполнены дичью въ такомъ изобиліи, что пара дупелей стоитъ четыре копейки. Пушной звѣрь также водится во множествѣ. Для построекъ — сосна, для деревянной посуды имѣется прекрасное дерево — кедръ, а для каменной — глина рѣдкаго достоинства. Вода въ изобиліи вкусная и чистая, какъ хрусталь, отчасти даже славящаяся своими полезными свойствами. Ягоды: малина, клубника, земляника, костяника и проч. въ изобиліи. Въ нѣдрахъ земли также существуютъ значительные источники богатства; каменный уголь въ такомъ изобиліи, что мѣстами онъ дешевле простой глины; лодку угля можно пріобрѣсть за 60 коп. Желѣзомъ и металлами природа также не обидѣла Кузнецкій округъ. Чего еще требовать отъ природы? Много ли странъ такъ богато награждены ею? — И въ такой-то обстановкѣ живетъ несчастное и бѣдствующее населеніе» (стр. 38).

Отчего это происходитъ?

Десятина земли можетъ дать въ Кузнецкомъ округѣ приблизительно 50 пудовъ ржи, 55 пудовъ пшеницы и 70 пудовъ овса. Рожь продается пудъ по 17 коп., пшеница по 30 коп., овесъ по 8 коп. Если крестьянинъ обработаетъ 3 десятины ржи, 3 десятины пшеницы, 2 десятины овса, всего 8 десятинъ, онъ получитъ 150 пудовъ ржи, 165 пудовъ пшеницы, 140 пудовъ овса, — а за вычетомъ сѣмянъ, 120 пудовъ ржи, 135 пудовъ пшеницы и 120 пудовъ овса. На содержаніе его самого съ семействомъ, предполагая семейство изъ четырехъ душъ, ему нужно: 60 пудовъ ржи, 12 пудовъ пшеницы; на содержаніе скота 20 пудовъ ржи и 80 пудовъ овса. Затѣмъ у него останется: ржи 40 пудовъ, пшеницы 123 пуда и овса 40 пудовъ; на сумму: ржи 6 руб. 80 коп., пшеницы 36 руб. 90 коп., овса 3 руб. 20 коп., а всего на 46 руб. 90 коп. За уплатою податей и сборовъ за одну рабочую душу, изъ этого количества останется менѣе половины на всѣ прочія нужды семьи, то-есть 22 руб. 90 коп., сумма гораздо низшая, какъ помнитъ читатель, предположеннаго нами бюджета. Но къ этому присоединяются два обстоятельства, которыя пріобрѣтеніе даже такой ничтожной суммы дѣлаютъ для крестьянина дѣломъ невозможнымъ. Вопервыхъ, крестьянинъ въ Кузнецкомъ округѣ никогда не можетъ обработать предположенныхъ нами восьми десятинъ. Для этого ему просто-на-просто недостанетъ времени. Хотя земля въ Сибири не унавоживается, говоритъ авторъ, но обработывается очень тщательно. На обработку и уборку каждой десятины можно полагать

никакъ не менѣе 20 дней. Слѣдовательно, на обработку и уборку 8 десятинъ нужно не менѣе 160 дней. Но въ Сибири земля промерзаетъ такъ сильно, что полевыя работы начинаются не ранѣе 1-го мая; въ то же время хлѣбъ созрѣваетъ очень быстро и осень наступаетъ очень рано, такъ что къ 15-му сентября должно быть покончено все. Такимъ образомъ все рабочее время состоитъ изъ 137 дней. Если исключить изъ этого количества дни, необходимые для сѣнокоса, праздничные дни, то времени останется едва достаточно для обработки 4—5 десятинъ. Но это не все. Куда сбыть хлѣбъ, еслибы крестьянинъ могъ обработать даже 8—10 десятинъ? Кузнецкій округъ лежитъ въ сторонѣ отъ большаго тракта; въ немъ нѣтъ винокуренныхъ заводовъ, требующихъ много хлѣба; кругомъ его въ другихъ округахъ хлѣба своего много; самый городъ Кузнецкъ требуетъ хлѣба не болѣе какъ на 12,500 рублей. А между тѣмъ 40,000 душъ, составляющихъ сельское народонаселеніе Кузнецкаго округа, должны, по разсчету автора, продать непремѣнно, чтобы заплатить подати,—и дѣйствительно продаютъ каждогодно: муки ржаной 450,000 пудовъ, муки пшеничной 200,000 пудовъ, овса 300,000 пудовъ, что̀ вмѣстѣ съ продажею животныхъ продуктовъ на 25,000 р., лѣсу, дровъ и другихъ произведеній на 34,000 р., доставляетъ приблизительно 190,000 р., изъ которыхъ, по разсчету автора, сильно уменьшенному противу дѣйствительности, на уплату податей и оброковъ идетъ 170,000 рублей. Чтобъ сбыть такое количество хлѣба въ мѣстности, вблизи которой нѣтъ требованій на хлѣбъ, и сбыть болѣе или менѣе выгодно, не ниже по крайней-мѣрѣ существующихъ цѣнъ, для этого нужно время, нужно выжиданіе, терпѣніе, сношеніе съ отдаленными мѣстностями и людьми. Но фискъ ничего этого знать не хочетъ и не ждетъ. Наступило время, назначенное закономъ для уплаты податей, — сборщикъ на дворѣ. Гдѣ хочешь возьми, а дай, что слѣдуетъ. И вотъ крестьянинъ нетолько сбываетъ пудъ муки за 14 и 12 к. сер. вмѣсто 17 к., но за неимѣніемъ покупателя и на эту цѣну, идетъ къ міроѣду и Христомъ-Богомъ молитъ его взять пудъ за 10 к. и дешевле. Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что на слѣдующій годъ платить подати ему становится еще труднѣе. Онъ продалъ хлѣбъ за̀ безцѣнокъ для уплаты податей, — ему не хватаетъ на посѣвъ. Онъ долженъ занять, и время, которое пошло бы на заработокъ для уплаты податей, онъ долженъ употреблять на отработку долга. При слѣдующемъ сборѣ онъ уже не можетъ уплатить податей продажею однихъ хлѣбныхъ продук-

товъ; онъ долженъ продавать скотъ, онъ беретъ корову, стоющую 12 рублей, и кланяется богатому мужику, чтобы взялъ ее, но последній не даетъ за нее более трехъ рублей, — и корова идетъ за три. На следующій годъ нетъ ни хлеба, ни скота, и для уплаты податей ему остается продавать только себя самаго въ кабалу міроеду.

Вотъ обыкновенная исторія раззореній нашего крестьянина. Кто прочтетъ книгу г. Флеровскаго, тотъ убедится, что раззоренія эти не суть явленія местныя, временныя, случайныя: они неизбежно связаны съ существующей ныне системою податей. Измененіе последней есть дело неотложной необходимости.

Сущность этого измененія должна, по мненію г. Флеровскаго, состоять въ томъ, чтобъ налогъ не лежалъ на низшихъ сословіяхъ, но чтобъ онъ пропорціонально доходамъ разложенъ былъ на все классы общества. Но какъ определить доходы высшихъ и низшихъ классовъ общества? Авторъ говоритъ, что точно определить доходъ нашихъ капиталистовъ и помещиковъ, конечно, невозможно, но приблизительно дело вовсе нетрудное. По точнымъ оффиціальнымъ даннымъ известно, что весь доходъ населенія Пруссіи исчисляется въ 978 мильйоновъ, въ томъ числе рабочіе всякаго рода получаютъ 115 мильйоновъ, а землевладельцы, капиталисты и лица, живущія интеллектуальнымъ трудомъ, 863 мильйона. У насъ это отношеніе должно быть еще благопріятнее для высшихъ классовъ, потому что капиталъ получаетъ у насъ процентъ более значительный. Кроме того, помещики, сверхъ ренты съ земли, получаютъ еще оброки. Но предположимъ даже, что у насъ отношеніе доходовъ высшихъ классовъ къ доходамъ низшихъ такое же, какъ и въ Пруссіи, то-есть какъ $7^1/_2$ къ 1, — и въ такомъ случае изъ 385 мильйоновъ нашихъ государственныхъ доходовъ, составляемыхъ прямыми и косвенными налогами, рабочіе должны были бы платить 45 мильйоновъ, остальное должны вносить высшіе классы. «Но это еще далеко — говоритъ авторъ — не удовлетворяетъ требованіямъ финансовой науки, по началамъ которой доходъ, необходимый для обезпеченія существованія человека, не можетъ быть облагаемъ никакими податями и сборами». Вычисляя бюджетъ крестьянскаго семейства, состоящаго изъ четырехъ душъ, какъ мы выше видели, въ 300 рублей, авторъ говоритъ, что податное обложеніе можетъ начинаться только за пределами этого необходимаго минимума. Но, съ другой стороны, та же финансовая наука, воспрещающая приложеніе фиска къ минимуму

необходимаго обезпеченія, требуетъ, чтобы имущественные классы были облагаемы не только въ томъ капиталѣ, который имъ приноситъ доходъ, но и въ томъ имуществѣ, которое по ихъ прихоти сдѣлалось бездоходнымъ. На этомъ основаніи всякіе предметы роскоши должны быть облагаемы наравнѣ съ капиталомъ, употребленнымъ въ дѣло. Но, по началамъ той же финансовой науки, пропорціональность разложенія не можетъ остановиться на однихъ податяхъ и сборахъ; она должна быть распространена и на всѣ повинности, какъ натуральныя, такъ и денежныя. По означенной выше пропорціи изъ 85 рекрутъ 75 должны быть поставлены имущими классами, а 10 низшими; также въ постойной повинности изъ 85 солдатъ 75 должны быть содержимы первыми, а 10 вторыми и т. д.

Такое распредѣленіе податей и сборовъ г. Флеровскій считаетъ не только вполнѣ раціональнымъ и справедливымъ, но думаетъ, что оно есть единственно выгодное для фиска, и что при этомъ оно только и можетъ поднять благосостояніе нашего государства. Съ этимъ трудно не согласиться. Нашъ рынокъ представляетъ собою теперь нѣчто похожее на рынокъ рабовладѣльческихъ южныхъ штатовъ. Помѣщики и капиталисты собираютъ произведенія пашень и отправляютъ ихъ заграницу, въ свою очередь сами получаютъ оттуда разные мануфактурные, колоніальные и другіе предметы комфорта и роскоши, сдѣлавшіеся потребностію ихъ быта. Въ этомъ обмѣнѣ рабочіе классы почти что не участвуютъ. Имъ не на что покупать; у нихъ пока, какъ мы видѣли, нечего ѣсть. Но пока нѣтъ внутренняго рынка, пока въ обмѣнѣ произведеній не будутъ участвовать рабочіе классы, промышленность и торговля будутъ оставаться всегда самыми жалкими и ничтожными. «Если работникъ—говоритъ г. Флеровскій—будетъ имѣть возможность выпивать *только* по рюмкѣ вина въ день, то цѣнность потребленія этого продукта будетъ равняться всей нашей заграничной торговлѣ». Онъ убѣжденъ, что еслибы крестьянъ освободить отъ податей и оброковъ, они черезъ нѣсколько лѣтъ на акцизѣ и косвенныхъ налогахъ стали бы доставлять гораздо болѣе, чѣмъ сколько получаетъ казна отъ нихъ теперь посредствомъ прямыхъ, личныхъ налоговъ. Но при этомъ, какъ поднялось бы общее благосостояніе государства, какъ оживились бы внутренняя промышленность и торговля, какъ быстро поднялся бы уровень интеллектуальнаго развитія нашихъ массъ, еслибы каждый крестьянинъ получилъ возможность издерживать въ годъ только пятьдесятъ рублей для своихъ потребностей и удобствъ!

Нашимъ капиталистамъ и землевладѣльцамъ, которые до сихъ поръ не несли никакихъ повинностей въ пользу государства, соображенія г. Флеровскаго покажутся, конечно, весьма непріятными. Они будутъ называть ихъ парадоксальными, дикими. Но, увы, подобными увѣреніями и выкрикиваніями теперь можно обмануть только очень немногихъ, и то очень на короткое время. Часъ *ласковаго* хлѣба безвозвратно пробилъ, и наша податная система — наслѣдство крѣпостнаго права — въ самомъ непродолжительномъ времени должна быть преобразована непремѣнно болѣе или менѣе соотвѣственно соображеніямъ, высказываемымъ г. Флеровскимъ.

Мысль о необходимости радикальнаго и неотложнаго преобразованія нашей податной системы принадлежитъ не одному г. Флеровскому. Она высказывается всѣми серьезными мыслителями, внимательно изучающими существующіе у насъ порядки.

Князь Васильчиковъ въ своемъ сочиненіи *О самоуправленіи*, по поводу нашей податной системы, пишетъ слѣдующія замѣчательныя и многознаменательныя для русскаго дворянства строки:

«У насъ тягло лежало искони на землѣ только въ виду фискальныхъ удобствъ и административныхъ пользъ перенесено было въ началѣ прошлаго столѣтія на душу, на обывателя. Но послѣдствія этого неравномѣрнаго обложенія уже протекли далеко, и тѣ же самыя грозныя тучи, которыя накопились вѣками надъ прочими народами, висятъ и надъ нами, привлеченныя несправедливостями новѣйшихъ временъ. Еще у насъ не представляется такихъ рѣзкихъ предзнаменованій внутреннихъ междоусобій, какъ во Франціи или Германіи, еще сословная рознь не превратилась въ сословную вражду. Но нельзя скрывать отъ себя, что сѣмена раздора посѣяны и у насъ на той же почвѣ, на которой они выросли въ феодальной Европѣ, на почвѣ неравномѣрной и несправедливой податной системы. Въ Россіи, какъ и во Франціи, государство сохранилось трудами, деньгами и личной работой простато народа. Въ Россіи, какъ и во Франціи, натуральными повинностями крестьянъ рылись каналы, мостились дороги, перевозились войска, содержались почты и кормились воеводы. Въ Россіи точно такъ, какъ и во Франціи, дворянство, первоначально уволенное отъ казенныхъ податей взамѣнъ службы, имъ исправляемой, впослѣдствіи избави-

лось отъ всѣхъ обязательствъ, но не приняло на себя соотвѣтствующей доли другихъ повинностей, и осталось такимъ образомъ сословіемъ привиллегированнымъ, то-есть, празднымъ среди всѣхъ прочихъ сословій рабочихъ и податныхъ. Отъ этого въ Россіи, какъ и во Франціи, высшія сословія утратили нравственную силу въ народѣ. Но — говоритъ далѣе авторъ — еще открыта дверь, чрезъ которую образованныя сословія могутъ вступать въ связь съ простымъ народомъ, принимая на себя соразмѣрную ихъ имуществамъ часть народныхъ тягостей. Но эта часть гораздо выше, чѣмъ обыкновенно воображаютъ, и примѣръ Англіи указываетъ намъ приблизительно, какъ она значительна» (стр. 168, 169).

По разсчету князя Васильчикова, общій итогъ всѣхъ сборовъ, платимыхъ крупнымъ и среднимъ землевладѣніемъ въ Англіи, составляетъ въ средней сложности 60% съ ихъ чистаго дохода. Въ частности же процентъ этотъ бываетъ и выше. Такъ имѣніе въ 550 десятинъ, приносяще доходу 6,060 р., платитъ всѣхъ податей и повинностей 4,662 (76%). Другое въ 150 десятинъ, доходность котораго опредѣлена въ 1,335 р. (по арендной платѣ), платитъ 1,183 р. (90%). Наконецъ, есть случай, гдѣ общественные сборы простираются до 100 и до 107%, поглощая такимъ образомъ всю поземельную ренту» (стр. 160).

Князь говоритъ, что онъ сообщаетъ эти цифры, заимствованныя изъ офиціальныхъ источниковъ, не для подражанія, ибо подобные налоги были бы слишкомъ обременительны, а для того, чтобы показать, какимъ путемъ пріобрѣла англійская аристократія свое политическое значеніе въ странѣ и какимъ путемъ должно, слѣдовательно, идти дворянство и другихъ странъ, желающее играть роль въ своей странѣ, подобно англійскому.

Самою несправедливою изъ повинностей, лежащихъ у насъ на народѣ, князь считаетъ повинность рекрутскую, т.-е. поставку рекрутъ. Исчисляя эту повинность въ 75.000,000 рублей, князь говоритъ, что эта сумма должна быть, слѣдуя англійской системѣ, разложена на всѣ доходныя имущества и присуждена самимъ рекрутамъ или ихъ семьямъ въ вознагражденіе за ихъ службу. «Консерваторамъ—прибавляетъ при этомъ князь Васильчиковъ—ссылающимся постоянно на примѣръ ари-

стократической Англіи, слѣдуетъ прежде всего предложить эту мѣру, радикальную для облегченія и уравненія земскихъ повинностей» (стр. 176).

Приведемъ еще мнѣніе о необходимости радикальнаго преобразованія нашей податной системы одного изъ самыхъ компетентныхъ нашихъ публицистовъ и изслѣдователей по крестьянскому вопросу, Скалдина. Мнѣніе его въ данномъ случаѣ мы потому считаемъ особенно важнымъ, что его нельзя заподозрить ни въ увлеченіи демократическими, и даже вообще либеральными идеями, напротивъ, онъ очень, иногда даже слишкомъ, консервативенъ, ни въ принадлежности къ какой бы то ни было партіи. Онъ стоитъ чисто на точкѣ зрѣнія правительства, обязаннаго блюсти общіе интересы страны, и высказываетъ свои мнѣнія откровенно и честно, не боясь, что онъ не угодитъ какой-нибудь партіи. Кто знакомъ съ его трудами, тотъ ни на минуту не усомнится ни въ искренности его убѣжденія, ни въ знаніи имъ дѣла. Вотъ что̀ говоритъ г. Скалдинъ о нашей податной системѣ:

«Наша подушная система, съ ея послѣдствіями (т.-е. круговою порукою и паспортною системою) не только взвалила на плечи крестьянъ наибольшую часть прямыхъ налоговъ, но еще связала ихъ по рукамъ и ногамъ въ пріисканіи средствъ уплачивать эти налоги: она-то преимущественно держитъ нашихъ крестьянъ на степени, близкой къ пролетаріату, и не даетъ имъ подняться и стать на ноги. Наше прославленное богатство, выставляемое на показъ небольшимъ числомъ счастливцевъ изъ привиллегированныхъ классовъ, есть только бархатная заплата на сермяжномъ рубищѣ; но стоитъ только проѣхаться внутрь Россіи, чтобы видѣть, что это есть страна *нищенствующихъ, голодныхъ* и *холодныхъ*. Громадныя цифры недоимокъ при всѣхъ усиленныхъ мѣрахъ къ ихъ взысканію, служатъ, впрочемъ, краснорѣчивымъ тому доказательствомъ. *Единственное средство выйти изъ такого положенія есть уничтоженіе всякаго личнаго налога и замѣна его налогомъ имущественнымъ, падающимъ на всѣхъ собственниковъ и производителей*» («Отеч. Зап.» 1867 г.).

Наконецъ мы должны сказать, что само правительство давно уже сознало всю нераціональность и неудобство нынѣшней податной системы. Еще въ 1859 году учреждена коммисія для преобразованія этой системы подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ. Коммисія трудится весьма усердно. До настоящаго времени коммисіею издано 16 томовъ ея работъ, въ которыхъ разсматриваются существующіе налоги и повинности какъ у насъ,

такъ и за границею. Разсматривая основательность и направленіе этихъ работъ, нельзя не согласиться, что коммисію составляютъ люди достойные, искренно заботящіеся объ облегченіи тяжестей, лежащихъ на меньшихъ братьяхъ, и глубоко проникнутые желаніемъ послужить общимъ пользамъ страны. Къ сожалѣнію, въ коммисіи, при ясномъ пониманіи дѣла и несомнѣнномъ желаніи добра, недостаетъ твердаго характера провести реформу, т.-е. недостаетъ именно того, что составляетъ основу, фундаментъ всякаго истиннаго преобразователя съ печатью неба на челѣ. Призванная къ преобразованію нашей податной системы, созданной во время крѣпостнаго права и подъ его несомнѣннымъ вліяніемъ, согласно съ началами, положенными въ основаніе крестьянской реформы, т.-е. къ такому преобразованію, которое съ одной стороны уравняло бы всѣ сословія по отношенію къ фиску, съ другой завершило свободу крестьянъ, дарованную имъ Положеніемъ 19 февраля и до настоящаго времени закрѣпощаемую податною системой, коммисія, вопреки этому прямому и ясному указанію и требованію своей задачи, боится сдѣлать рѣшительный и твердый шагъ. Вмѣсто того, чтобъ за исходный пунктъ своихъ разсужденій принять cardo rei, корень дѣла, т.-е то основное положеніе, что всѣ прямые налоги и повинности должны быть съ неимущихъ классовъ немедленно перенесены на имущіе, что неимущіе классы если и могутъ быть привлечены къ участію въ этихъ налогахъ и повинностяхъ, то только строго пропорціональною долею ихъ дѣйствительныхъ доходовъ, коммисія обошла это основное положеніе, и занялась изысканіемъ способовъ такой раскладки налоговъ и повинностей, которая облегчала бы низшимъ классамъ платежъ ихъ и обезпечивала бы свободу передвиженія податныхъ личностей, доселѣ стѣсненную круговою порукою. Но вопросъ вовсе не въ этомъ. Еслибы какимъ нибудь чудомъ коммисіи удалось, не трогая имущихъ классовъ, придти даже къ такому результату, что количество платежей на низшихъ классахъ оставалось бы самое незначительное и самое необременительное, но оставалось бы только на нихъ однихъ, то вопросъ все-таки не рѣшился бы. Оставалась бы все-таки крѣпостная подкладка дѣла, та угнетающая мысль, что платящіе классы — классы *черные*, низшіе, а неплатящіе — *обѣленные*, высшіе, тогда какъ по смыслу и духу Положенія 19 февраля этого быть не должно, всѣ граждане должны быть уравнены по отношенію къ фиску, а уравненіе на основаніи справедливости и началъ финансовой науки должно быть произведено

равномѣрнымъ обложеніемъ ихъ имуществъ и доходовъ. Задача коммисіи, какъ видитъ читатель, состоитъ вовсе не въ томъ только, чтобы облегчить налоги и повинности для неимущихъ классовъ, а въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ вообще и политически, и экономически, и нравственно справедливыми въ государствѣ. Выпустивъ изъ виду эту свою главную задачу, коммисія ничего не могла сдѣлать для разрѣшенія податнаго вопроса, и даже въ томъ одностороннемъ смыслѣ, какъ она его понимаетъ, то-есть въ смыслѣ облегченія только тяжести налоговъ для низшихъ сословій, добытые ею результаты равняются почти нулю. Нѣтъ сомнѣнія, что немедленно по ея закрытіи, самою силою вещей потребуется другая коммисія для новаго разсмотрѣнія податнаго вопроса, — характера болѣе рѣшительнаго. Въ самомъ дѣлѣ, какое существенное облегченіе можетъ коммисія доставить низшимъ классамъ, сохраняя вполнѣ прежній характеръ и основу нашей податной системы? Что коммисія изъ 100 слишкомъ мильйоновъ платимыхъ низшими классами прямыхъ налоговъ и оброковъ успѣетъ скинуть какой-нибудь десятокъ мильйоновъ, это не будетъ значить ровно ничего. Дамокловъ мечъ, висящій надъ имуществомъ и судьбою крестьянина теперь, останется въ томъ же самомъ неизмѣнномъ положеніи и послѣ этого облегченія. Въ извѣстное время крестьянинъ все-таки долженъ будетъ припасать извѣстную сумму денегъ являющемуся къ нему на дворъ сборщику, продавать за безцѣнокъ продукты своего труда, свой скотъ, отдаваться въ кабалу и т. п. Что ему вслѣдствіе облегченія, сдѣланнаго коммисіею, размѣръ котораго на каждую душу выразится въ какихъ-нибудь 20—30 копейкахъ, придется платить 20-ю—30-ю копейками меньше, — это, очевидно, нисколько его облегчить не можетъ. Однимъ словомъ, единственное средство облегчить низшіе классы — это перенести всѣ лежащіе на нихъ прямые налоги на классы имущественные. «Это— скажемъ мы вмѣстѣ съ г. Скалдинымъ—есть долгъ, предписываемый не только государственною необходимостію, но и благороднымъ чувствомъ патріотизма и политическою нравственностію народовъ. Сословія, ненесущія на себѣ тяжести расходовъ государства, привыкаютъ смотрѣть безучастно на его бѣдствія и оставаться равнодушными къ его славѣ и чести; въ нихъ притупляются чувства гражданскихъ добродѣтелей, и они предаются политическому усыпленію; по неспособности къ мужественной гражданской дѣятельности они изощряются только въ безплодной критикѣ и безсильномъ фрондерствѣ. *Люди*,

неощущающіе на своихъ собственныхъ достаткахъ неудобствъ и тяжестей извѣстнаго порядка, обыкновенно не только остаются равнодушными къ его улучшенію, но еще сами бываютъ склонны, въ качествѣ правительственныхъ или общественныхъ дѣятелей, *легкомысленно расточать государственныя и народныя средства*». Кто, прочитавъ эти строки и повѣривъ ихъ на дѣятельности нашихъ правительственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ, не признаетъ ихъ глубокой справедливости?

ДО ЧЕЛОВѢКА.

4. Позвоночныя.

Двѣ отрывочныя формы, близкія между собою, но принадлежащія совершенно различнымъ классамъ, подтверждаютъ фактически то неизбѣжное слѣдствіе представленія о развитіи органическаго міра, которое выводитъ позвоночные организмы изъ безпозвоночныхъ. Но существованіе этихъ формъ остается все-таки столь отрывочнымъ, и типъ позвоночныхъ такъ рѣзко отличается отъ остальныхъ типовъ животнаго и растительнаго царствъ, оставаясь въ то же время вполнѣ вѣрнымъ себѣ во всѣхъ своихъ отрасляхъ, что самое представленіе о подробностяхъ перехода безпозвоночныхъ животныхъ въ позвоночныхъ труднѣе, за недостаткомъ фактовъ, чѣмъ какая либо другая переходная ступень длиннаго процесса развитія организмовъ. Промежуточныя ступени должны были существовать и существовали, но ихъ представители были такъ слабы въ борьбѣ за существованіе со своими предками, что лишь особенныя обстоятельства благопріятствовали развитію лучше-организованнаго потомства; когда же явилось это потомство, вооруженное тѣми средствами, которыя мы видимъ въ нынѣшнихъ позвоночныхъ, и когда оно присоединилось къ представителямъ прежнихъ, болѣе прочныхъ, формъ въ борьбѣ противъ ближайшихъ родственниковъ амфіокса, тогда послѣдніе не устояли, и нужно особенное счастіе, чтобы будущіе ученые открыли какіе нибудь слѣды этого длиннаго ряда исчезнувшихъ поколѣній, которыхъ потомство физически и умственно господствуетъ теперь на поверхности земли.

Лишь мысль можетъ намъ указать, что былъ моментъ, когда формы развитія нервной системы — этого основнаго органа животной жизни—измѣнились. Разсѣянныя пары нервныхъ узловъ молюсковъ и соотвѣтственная имъ двойная цѣпь нервныхъ узловъ со спайками, характеризующая суставчатыхъ, получили второстепенное значеніе. Что либо аналогическое вовсе отсут-

ствуетъ на двухъ низшихъ ступеняхъ позвоночнаго міра, [1] о которыхъ мы будемъ говорить, а, начиная съ поперечноротыхъ рыбъ, является въ формѣ симпатическаго нерва [2], имѣющаго далекое отношеніе къ психической жизни животнаго. За то, начиная съ амфіокса, всѣ позвоночныя получаютъ постоянный и несравненно-могущественнѣйшій органъ приспособленія къ данной средѣ и къ даннымъ обстоятельствамъ, спинно-мозговую нервную систему. Она одѣлась позвоночникомъ; развѣтвилась въ нервы чувства и движенія; мышцы, сокращающіяся подъ вліяніемъ нервовъ этой системы, прикрѣпились къ прочному внутреннему скелету, развившемуся въ связи съ позвоночникомъ и покровами мозга. Сердце, пищеварительные органы, прежняя главная нервная система обратившаяся теперь въ второстепенный органъ, — всѣ эти орудія, составлявшія столь важныя завоеванія безпозвоночныхъ организмовъ, завоеванія, на усвоеніе которыхъ употреблено столько поколѣній, — составили *внутреннее* животное въ позвоночномъ, съ особою оболочкою; а надъ этою оболочкою совершилось развитіе существенныхъ органовъ высшей животной жизни, спинно-мозговой нервной системы и скелета, которые покрылись новою, второю оболочкою. Если дозволено такъ выразиться: безпозвоночное животное обросло существенными органами позвоночнаго, подчинилось имъ и вошло какъ элементъ въ составъ высшаго цѣлаго [3].

Съ тѣхъ поръ, какъ органическій міръ сдѣлалъ этотъ великій шагъ, типъ позвоночныхъ развивался и видоизмѣнялся въ подробностяхъ, но оставался вѣренъ себѣ въ цѣломъ. И это самое составляетъ затрудненіе въ представленіи дальнѣйшихъ ступеней его развитія. Въ безпозвоночныхъ организмахъ мы могли указать нѣсколько существенныхъ пріобрѣтеній, появленіе которыхъ очевидно ставило существо на новую ступень. Клѣточное строеніе ткани, нервы, обособленіе кишечнаго канала, централизація кровеносной системы, индивидуализація—все это были вехи, облегчавшія обозрѣніе общаго процессса развитія органической жизни на землѣ. Но, переходя къ царству позвоночныхъ, мы встрѣчаемъ разнообразіе формъ, значеніе различія которыхъ крайне трудна себѣ уяснить. Даже можно склониться къ предположенію, что здѣсь дѣло идетъ не о существенныхъ различіяхъ, но объ обособленіи частныхъ формъ путемъ унаслѣдованія при удобныхъ условіяхъ, при чемъ лишь обстоятельства, возстановить кото-

[1] См. *E. Haeckel*: «Naturl. Schöpfungsgesch.» 1868, 440.

[2] *Т. Г. Гёксли*: «Начальныя основанія сравнительной анатоміи». 1865, 71.

[3] Тамъ же, 69, гдѣ приведены и два схематическіе чертежа для сравненія устройства безпозвоночныхъ съ позвоночными.

рыя невозможно даже въ воображеніи, способствовали одной особенности унаслѣдоваться, разнообразиться и развиться въ семейства животныхъ съ многочисленными родами и видами; тогда какъ другую особенность враждебная комбинація обстоятельствъ погубила. Позвоночный міръ представляется какъ одно цѣлое, развивающееся въ многочисленныхъ отрасляхъ при сохраненіи одного и того же постояннаго типа. Классификація этого міра несравненно болѣе — дѣло техника, имѣющаго въ виду практическій вопросъ облегченія памяти, чѣмъ приближеніе къ пониманію реальнаго процесса развитія формъ позвоночныхъ *. Безпрестанно открываютъ новыя формы, являющіяся посредствующими звѣньями между тѣми, которыя были извѣстны и казались прежде раздѣленными непереходимыми пропастями. Можно полагать, что, черезъ періодъ времени не особенно длинный, существованіе крупныхъ группъ позвоночныхъ, рѣзко-отдѣленныхъ одна отъ другой, сдѣлается преданіемъ для науки, и термины, теперь употребляемые для этихъ группъ, потеряютъ опредѣленный смыслъ; они до сихъ поръ сохраняютъ этотъ смыслъ лишь благодаря недостаточному количеству извѣстныхъ намъ зоологическихъ фактовъ, а еще болѣе благодаря тому, что лишь въ послѣднее время зоологи, при своихъ наблюденіяхъ, имѣютъ въ виду не только установленіе новыхъ обособленныхъ формъ (къ которымъ привѣсится въ учебникахъ и въ музеяхъ имя счастливаго открывателя ихъ), а также вопросъ о переходѣ формъ однѣхъ въ другія и объ открытіи промежуточныхъ ступеней этого процесса. То направленіе, въ которомъ искать не думаютъ, рѣдко представляетъ находки.

Въ предыдущей главѣ я уже говорилъ, что типъ позвоночныхъ выдѣлился первоначально въ классѣ *рыбъ* (Pisces). Приспособленіе же позвоночныхъ къ жизни внѣ воды надо считать явленіемъ позднѣйшимъ. Былъ моментъ, когда у общихъ предковъ оболочниковъ и позвоночныхъ произошло раздѣленіе формъ. Одни существа, имѣя въ молодомъ состояніи органы, которые исчезали у взрослыхъ животныхъ, развились въ неподвижные оболочники. Другіе, близкіе къ нимъ, удержали органы своей молодости на всю жизнь — это были обособленные предки позвоночныхъ. Точную форму ихъ мы не знаемъ, но ближайшее родственное существо представляется намъ въ ам-

* Для того, чтобы убѣдиться, какъ маловажны признаки, служащіе для распредѣленія позвоночныхъ на классы, сравнительно съ тѣми, которые служатъ для различенія типовъ безпозвоночныхъ, достаточно внимательно прочесть приведенное выше сочиненіе Гёксли.

фіоксѣ (amphioxus Canceolatus. Онъ, впродолженіе всей своей жизни, сохраняетъ уже спинной мозгъ, а спинной шнурокъ (chorda dorsalis) его, этотъ характеристическій органъ позвоночныхъ,— функція котораго, впрочемъ, не ясно опредѣлена, — распространяется въ амфіоксѣ почти до передняго конца его заостреннаго тѣла, побудившаго дать ему названіе ланцетной рыбы; скелетъ, заключающій мозгъ, представляетъ не болѣе какъ перепончатое влагалище; слуховыхъ мѣшковъ нѣтъ; обонятельный органъ сомнителенъ; хрящевые отростки напоминаютъ щупальцы, а жаберный остовъ сближаетъ амфіокса съ оболочниками, которые оказываются его роднею, и по формамъ своего развитія *.

Ближайшихъ родственниковъ амфіокса изъ всѣхъ существующихъ формъ можно видѣть въ *круглоротыхъ* (cyclostoma), рыбахъ, у которыхъ задняя часть черепа уже представляется въ формѣ хрящеваго ящика, хотя спереди онъ закрытъ перепонкой. Нижней челюсти еще нѣтъ; точно также нѣтъ раздѣленія носа: нѣтъ симпатическаго нерва, печени и поджелудочной желѣзы; круглый ротъ этихъ существъ (обусловившій и ихъ названіе) окруженъ присасывательными бородавками, позволяющими миногамъ и миксинамъ присасываться къ морскимъ животнымъ и вытягивать кровь, дѣйствуя языкомъ на подобіе поршня. Но мозгъ въ ихъ черепной полости уже имѣетъ довольно значительные размѣры и въ немъ существуютъ уже всѣ типическія дѣленія мозга позвоночныхъ **.

Ближе другихъ къ предыдущей формѣ подходятъ въ классѣ рыбъ съ одной стороны *поперечноротыя* (Selachia, Plagiostomata), съ другой *цѣльно-головыя* (Holocephala), съ черепомъ которыхъ сохраняется сходство въ черепѣ неразвившихся земноводныхъ, между тѣмъ какъ поперечноротыя связаны формами *хрящевокостистыхъ* рыбъ (Ganoider) съ *костистыми* рыбами (Teleostei), составляющими въ наше время наибольшее число семействъ, родовъ и видовъ этого класса.

Всѣ эти четыре отряда рыбъ обладаютъ уже упомянутыми выше органами, отсутствующими у круглоротыхъ. Всѣ они имѣютъ плавательный пузырь и двѣ пары плавниковъ. Первая группа органовъ сохранилась у всѣхъ дальнѣйшихъ позвоночныхъ. Плавательный пузырь перешелъ впослѣдствіи въ легкія, какъ плавники — въ ноги и въ руки. Поэтому и надо допустить, что общіе предки всѣхъ позднѣйшихъ позвоночныхъ имѣли

* *Т. Г. Гёксли*, 229; *E. Haeckel*, 438.
** *Т. Г. Гёксли*, 232.

уже эти органы и представлялись въ формѣ рыбъ, наиболѣе близкихъ къ поперечноротымъ. Изъ этихъ предковъ, наиболѣе близкихъ къ акуламъ, развились, при постепенномъ отдѣленіи отъ первоначальнаго типа, три первые отряда рыбъ. Костистыя же рыбы развились изъ отряда хрящевокостистихъ (именно изъ группы круглочешуйчатыхъ, какъ думаетъ Гэккель) [1].

Въ верхнихъ силюрійскихъ пластахъ встрѣчаемъ уже слѣды хрящевыхъ рыбъ, которыя, судя по остаткамъ зубовъ и плавниковыхъ костей, наиболѣе подходили къ поперечноротымъ. Нѣсколько выше (т.-е. позже) находимъ и хрящевокостистыхъ рыбъ, при чемъ позвоночникъ постепенно переходитъ изъ хрящеваго сложенія въ костистое. Въ девонскихъ пластахъ число семействъ и родовъ увеличивается. Въ панцырныхъ хрящевокостистыхъ (Cephalaspida), о которыхъ я упоминалъ въ концѣ предыдущей главы, полагаютъ видѣть формы, близкія къ древнѣйшимъ рыбамъ этого отряда [2]. Прежнія хрящевокостистыя рыбы представляли значительное число жителей моря, но теперь въ моряхъ онѣ исчезли и вообще борьба за существованіе была для нихъ невыгодна. Немногіе, оставшіеся въ живыхъ, виды обитаютъ въ рѣкахъ. Преимущество было на сторонѣ рыбъ, которыя, на болѣе ранней ступени своего развитія, получили костяной скелетъ. Эта особенность, вѣроятно сначала индивидуальная, дала, путемъ наслѣдства и естественнаго подбора, уже въ юрскихъ пластахъ значительное число хрящевокостистыхъ, весьма близкихъ къ костистымъ. Наконецъ, въ пластахъ юрской системы встрѣчаемъ и настоящихъ костистыхъ рыбъ, проходящихъ въ своемъ развитіи ступени хрящеваго и хрящевокостистаго сложеній, на которыхъ остановились предыдущія формы, и, во взросломъ состояніи, господствующихъ теперь надъ прочими [3]. Древнѣйшія костистыя рыбы должны были быть близки къ сельдямъ; у высшихъ костистыхъ плавательный пузырь уже совершенно обособленъ, чего не встрѣчаемъ у прочихъ рыбъ [4].

Съ рыбами тѣсно связаны *земноводныя* (Amphibia) своимъ строеніемъ и первыми ступенями своихъ метаморфозъ, но остались и промежуточныя формы, указывающія на ихъ генетическую зависимость. Такъ долго спорили, куда отнести *чешуйчатника* (Lepidosiren paradoxa), не очень давно открытаго въ рѣкахъ Южной Америки, и близкое къ нему рѣчное животное

---

[1] *E. Haeckel*, 446.
[2] Тамъ же, 445.
[3] См. Труды Агассиса; *Fr. Rolle*: «Darwin's Lehre» (1863), 36.
[4] *E. Haeckel*, 446.

Африки Protopterus annectens [1]. Они имѣютъ кромѣ жабръ и легкія; ихъ носовыя полости сообщаются съ полостями рта;— но первое не встрѣчаемъ вовсе у рыбъ, а второе лишь у миксиновыхъ изъ круглоротыхъ. Вообще же, по строенію своему, чешуйчатникъ, хотя нѣсколько ближе къ рыбамъ и обыкновенно въ новѣйшее время туда относится, но скорѣе долженъ быть разсматриваемъ, какъ промежуточное существо между рыбами и земноводными.

Со стороны земноводныхъ къ нему приближаются *протеевыя* (жаберныя земноводныя), представителями которыхъ являются теперь протей темничный, живущій въ подземныхъ пещерахъ Европы, аксолотль мексиканскихъ озеръ, и сирена съ одною парой ногъ. У нихъ жабры остаются на всю жизнь. Но конечности этихъ животныхъ уже состоятъ изъ частей, явно соотвѣтствующихъ конечностямъ высшихъ позвоночныхъ животныхъ; тогда какъ у рыбъ элементы скелета, сюда подходящіе, еще расположены совершенно иначе [2].

Чешуйчатникъ и протеевыя служатъ намъ вехами пути, которымъ шло развитіе земноводныхъ. Но это отрывочные, бѣдные остатки промежуточныхъ формъ между простѣйшими земноводными. Къ нимъ примыкаютъ и древнѣйшія формы ископаемыхъ земноводныхъ, слѣды которыхъ доходятъ до девонской системы— особенно *архегозоуры* пластовъ каменноугольной системы [3]. Ихъ близость къ хрящевымъ и хрящевокостистымъ рыбамъ видна въ неокостенѣвшей еще задней части ихъ черепа и изъ хрящеваго столба, сходнаго по строенію съ тѣмъ, чтò встрѣчаемъ у ископаемыхъ предковъ осетровыхъ. У молодыхъ животныхъ черепъ приближался къ формѣ черепа лягушекъ, но у старыхъ подходитъ къ черепу крокодиловъ. Архегозоуры имѣли (по Гольдфусу) жабры, и тѣло ихъ было покрыто чешуею, но къ одной группѣ съ ними относились и животныя, сдѣлавшіяся совершенно обитателями материка (слѣдовательно дышавшія легкими; представителя послѣднихъ находимъ въ древесникѣ (Dendrerpeton), найденномъ въ пластѣ каменнаго угля въ Канадѣ, въ остаткахъ первобытнаго древеснаго дупла, вмѣстѣ съ улиткою и тысяченожкою [4]. Отъ архегозоуровъ должны были отдѣ-

[1] Гёксли относитъ чешуйчатника къ рыбамъ (251 и слѣд.), Литтрэ къ земноводнымъ (batraciens); см. *Nysten*: Dictionnaire de Medicine et ch. (11, 151); Гэкель даетъ ему промежуточное положеніе между рыбами и земноводными (447), чтò всего вѣрнѣе.

[2] *Т. Г. Гёксли*, 75.

[3] См. *Fr. Rolle*, 251.

[4] Тамъ же, 253.

литься впослѣдствіи *лабиринтодонты* (извилистозубыя). Они представляютъ уже окостенѣвшій позвоночникъ, ставящій ихъ на одну ступень съ костистыми рыбами и съ протеевыми. Сложеніе черепа у нѣкоторыхъ громадныхъ видовъ этой группы (мастодонзоуровъ) въ 10 и въ 12 ф. длины напоминаетъ уже безжаберныхъ пресмыкающихся, между тѣмъ какъ особенность сочлененія черепа съ позвоночникомъ помощью двухъ суставныхъ отростковъ — особенность, невстрѣчающася у пресмыкающихся — ставитъ лабиринтодонтовъ въ классъ земноводныхъ, къ которымъ они близки и въ другихъ отношеніяхъ. Лабиринтодонты дышали, вѣроятно, уже вполнѣ развитыми легкими, хотя имѣли, можетъ быть, и жабры. Надо полагать, что лабиринтодонты сохраняли хвосты всю жизнь, подобно саламандрамъ (хотя Р. Оуэнъ думаетъ иначе).

Эти древнія хвостатыя земноводныя съ жабрами и легкими должны были быть предками всѣхъ прочихъ развѣтвленій животнаго міра. Въ одну сторону отъ архегозоуровъ отдѣлились три отряда нынѣшнихъ земноводныхъ: *протеевыя* или хвостожаберныя (Sozobranchia), *саламандровыя* или хвостатыя (Sozura) и *лягушечныя* или безхвостыя (Anura), при чемъ исторія развитія особей доказываетъ постепенное происхожденіе этихъ классовъ одного изъ другаго, все далѣе отступая отъ первоначальнаго типа архегозоуровъ. Головастики лягушечныхъ теряютъ въ своихъ метаморфозахъ не только жабры, остающіяся у протеевыхъ, но и хвостъ, сохраняемый саламандровыми. Въ парижскомъ зоологическомъ саду совершился даже на глазахъ наблюдателей переходъ одного отряда земноводныхъ въ другой, когда, между многочисленными аксолотлями, нѣкоторые выползли изъ воды, утратили жабры, и обратились въ форму, неразличимую отъ одной изъ сѣверо-американскихъ формъ тритоновъ изъ отряда саламандровыхъ *.

Въ другую сторону отдѣлились отъ архегозоуровъ предки пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ. Чешуйчатые *червяки* (Coecilia) сохранили намъ еще живую промежуточную ступень между земноводными и змѣями; чешуи же сближаютъ ихъ болѣе предшествующихъ трехъ отрядовъ голыхъ земноводныхъ съ архегозоурами. Лабиринтодонты представляли промежуточную ступень между земноводными и ящерицами **.

Послѣдніе три класса позвоночныхъ, о которыхъ я только что упомянулъ, представляютъ нѣсколько общихъ чертъ, противо-

* *E. Haeckel*, 192.
** Тамъ же, 448 и слѣд.

полагающихъ ихъ типы — типамъ предшествующихъ классовъ. Пресмыкающіяся, птицы и млекопитающія не имѣютъ ни на одной ступени своего существованія постоянныхъ жабръ, служащихъ для дыханія, тогда какъ всѣ предыдущіе классы сохранили ихъ или временно, или на всю жизнь; зародышные жаберные органы, присутствующіе и здѣсь, получаютъ при развитіи зародыша трехъ высшихъ классовъ совсѣмъ иное отправленіе. Кромѣ того, зародышъ этихъ классовъ охраняется всегда водною оболочкою (amnios), и дышетъ при пособіи мочеваго мѣшка. Тогда какъ рыбы не имѣютъ ни того, ни другого, а у земноводныхъ представителемъ мочеваго мѣшка является мочевой пузырь. Намъ очень трудно представить себѣ, какую важность могло имѣть для борьбы за существованіе появленіе этихъ эмбріологическихъ органовъ, но постоянное присутствіе ихъ у высшихъ классовъ наводитъ на мысль, что именно эти органы должны были опредѣлить высшую ступень развитія животнаго міра [1].

Общность эмбріологическаго процесса развитія очень сближаетъ и эмбріологическія формы высшихъ трехъ классовъ. На первыхъ ступеняхъ, зародыши собаки, цыпленка и черепахи совершенно неразличимы [2]. Еще долго они удерживаютъ сходство, и осьмисуточный зародышъ цыпленка крайне мало разнится отъ шестинедѣльнаго зародыша черепахи, точно такъ же, какъ шестинедѣльный зародышъ собаки почти неразличимъ отъ осьминедѣльнаго зародыша человѣка [3]. Но первая пара этихъ зародышей, при всемъ своемъ сходствѣ со второю, выказываетъ настолько уже замѣтное различіе отъ нея, что безспорно пресмыкающимся и птицамъ надо приписать общее происхожденіе, какъ вѣтви, отъ которой еще прежде отдѣлились предки млекопитающихъ. Послѣдній классъ животныхъ нѣсколько разнится отъ двухъ первыхъ и въ устройствѣ кровяныхъ шариковъ: они у млекопитающихъ не имѣютъ ядра, которое встрѣчается у всѣхъ прочихъ позвоночныхъ [4]. Такимъ образомъ, пресмыкающіяся и птицы представляютъ форму нѣсколько ближайшую къ рыбамъ, чѣмъ млекопитающія, хотя отличаются отъ рыбъ не только особенностями, общими всѣмъ тремъ классамъ, но еще нѣкоторыми другими частностями. Такъ черепъ пресмыкающихся и птицъ сочленяется съ позвоночникомъ *однимъ* суставнымъ отросткомъ, а черепъ рыбъ, земноводныхъ и млекопитающихъ — *двумя*, че-

[1] *Т. Г. Гёксли*, 76.
[2] См. рисунки у *E. Haeckel*, 248.
[3] См. тамъ же рисунки на стр. 240.
[4] *Т. Г. Гёксли*, 87.

репъ рыбъ и земноводныхъ сохраняетъ такъ-называемый подъосновной щитъ, невстрѣчающійся ни у птицъ, ни у пресмыкающихся [1].

Неизвѣстныя намъ условія жизни въ эпоху отложенія пластовъ юрской и мѣловой системы, особенно способствовали, повидимому, развитію типа *пресмыкающихся* (Reptilia). По крайней мѣрѣ, въ этихъ пластахъ встрѣчаемъ мы многочисленныхъ и, частью, громадныхъ представителей пресмыкающихся, приспособленныхъ къ самымъ разнообразнымъ средамъ. Надо думать, что отъ архегозоуровъ отдѣлился сначала типъ *пра-ящеровъ* (Tocosauria) [2], отъ которыхъ остались (по Гэккелю) лишь немногіе зубы въ тріасѣ и, можетъ быть, одно животное въ пермскихъ пластахъ. Изъ нихъ вѣроятно развились различныя вѣтви пресмыкающихся. *Морскіе ящеры* (Halisauria), игравшіе въ моряхъ роль нынѣшнихъ китовыхъ, вымерли совершенно. *Крокодилы* (Crocodilia), которыхъ можно считать однимъ изъ ихъ развѣтвленій, остались въ немногихъ рѣчныхъ формахъ. Громадные сухопутные *динозоуры* (Dinosauria) вымерли тоже. Болѣе мелкія сухопутныя *ящерицы* (Lacertilia) образуютъ наилучше-сохранившуюся группу пресмыкающихся, при чемъ кольчатыя ящерицы (амфисбены) представляютъ звѣно, связывающее ящерицъ съ *змѣями* (Ophidia), составляющими, какъ надо полагать, одно изъ развѣтвленій древнихъ ящерицъ [3]. Отъ пра-ящеровъ должны были отдѣлиться и *анамодонты* (anamodonta), остатки которыхъ встрѣчаются въ пластахъ тріаса и юры [4]. Эти послѣдніе, вѣроятно, дали начало *летучимъ ящерицамъ* (pterosauria) съ клювомъ птицъ, *черепахамъ* (chelonia) и, наконецъ, классу *птицъ* (Aves); послѣднія весьма тѣсно связаны анатомически съ пресмыкающимися и, въ ископаемомъ археоптериксѣ, сохранили связующее звѣно со своими ближайшими родственниками [5]. Развитіе въ классѣ птицъ въ анатомическомъ отношеніи было такъ однообразно, что разсмотрѣніе ихъ отрядовъ и родовъ, какъ раздѣленій чисто внѣшнихъ, не представляетъ никакого особаго интереса. Если былъ періодъ, когда, какъ надо полагать, условія жизни весьма способствовали развитію пресмыкающихся, то съ такимъ же основаніемъ слѣдуетъ допустить, что скоро послѣ того наступило время, когда борьба за существованіе стала для нихъ крайне невыгодна. Большая часть ихъ группъ вы-

---

[1] *Т. Г. Гёксли*, 76, 84, 258.
[2] *E. Haeckel*, 454.
[3] Тамъ же, 456.
[4] *Fr. Rolle*, 254; *E. Haeckel*, 458.
[5] *E. Haeckel*, 458.

мерла *. Морскіе ящеры уступили китовымъ, млекопитающимся, какъ летучіе—птицамъ, и погибли окончательно. Едва-ли изо всѣхъ типовъ пресмыкающихся не однѣ небольшія сухопутныя ящерицы и черепахи имѣютъ сколько-нибудь надежное будущее. Змѣи появляются лишь въ третичныхъ пластахъ, но человѣкъ ведетъ съ ними столь неумолимую борьбу, что едва-ли онѣ могутъ имѣть надежду удержаться. Черепахи встрѣчаются уже въ юрскихъ пластахъ, какъ и археоптериксъ.

Приступая къ разсмотрѣнію развитія подцарства позвоночныхъ, я указалъ на два затрудненія, при этомъ встрѣчающіяся: на малое число формъ, связывающихъ позвоночныхъ съ безпозвоночными, и на тѣсную связь различныхъ типовъ позвоночныхъ. Первое затрудненіе не такъ велико при переходѣ отъ низшихъ классовъ позвоночныхъ къ *млекопитающимъ* (mammalia), которыхъ мнѣ осталось разсмотрѣть. Здѣсь птицы и пресмыкающіяся, въ живыхъ и въ исчезнувшихъ формахъ, гораздо болѣе сближаются съ нѣкоторыми формами млекопитающихъ, чѣмъ типы позвоночныхъ съ типами безпозвоночныхъ. Но за то второе затрудненіе представляется въ высшей степени значительнымъ: различные типы млекопитающихъ, даже всего далѣе расходящіеся въ своихъ высшихъ представителяхъ, все-таки такъ близки и представляютъ столько переплетающихся сближеній, столько промежуточныхъ формъ, что большое число возможностей въ процессѣ генезиса млекопитающихъ не дозволяетъ остановиться съ нѣсколько значительной увѣренностью на которой бы то ни было одной изъ этихъ возможностей. Это самое обстоятельство мѣшало зоологамъ, вѣровавшимъ въ постоянство видовъ, остановиться надолго на какой-либо классификаціи млекопитающихъ **. Ученые относили нѣкоторыя формы то къ одному семейству, то къ другому, расширяли предѣлы семействъ, дробили послѣднія, сливали нѣсколько семействъ въ одно, руководствовались при образованіи болѣе крупныхъ группъ то развитіемъ плода, то формою мозга, то формою зубовъ, то формою конечностей, и всѣ эти пріемы оказывались не вполнѣ удовлетворительными: каждая новая обширная геологическая находка вынуждала къ новому пересмотру группировки. Теорія развитія видовыхъ формъ, конечно, устранила это затрудненіе, но оно выступаетъ въ полной мѣрѣ, когда мы захотимъ представить себѣ реальную, генетическую связь между формами

* Изъ 30 группъ, на которыя разбиваетъ Гэккель пресмыкающихся (455), вымерло 15.

** См. *Т. Г. Гёксли*, лекція 6.

млекопитающихъ. Лишь нѣкоторые пункты дозволяютъ нѣсколько болѣе вѣроятныя заключенія. Въ остальныхъ же связь гадательна.

Здѣсь прежде всего приходится обратить вниманіе на генетическое отношеніе трехъ главныхъ типовъ млекопитающихъ, *птицеутробныхъ* (ornitodelphia), *сумчатыхъ* (morsupialia) и *одноутробныхъ* (monodelphia). Геологическія указанія, бо̀льшее совершенство строенія и простое соображеніе объ удобствѣ при борьбѣ за существованіе приводятъ къ положенію, что сумчатыя животныя должны были предшествовать одноутробнымъ (monodelphia). Во вторичныхъ системахъ пластовъ (начиная съ тріаса) встрѣчаемъ изъ млекопитающихъ почти исключительно остатки сумчатыхъ [1]. Но генетическое отношеніе между различными группами одноутробныхъ и сумчатыхъ точно также, какъ между группами этихъ двухъ типовъ и самымъ низшимъ типомъ млекопитающихъ, *птицеутробными*, установить уже гораздо труднѣе.

Конечно, вѣроятнѣе всего, что первые предки млекопитающихъ выдѣлились въ формѣ, близкой къ птицеутробнымъ — тѣмъ страннымъ существамъ Новой Голландіи, которыхъ долго не рѣшались отнести къ млекопитающимъ. Они очень напоминаютъ типъ птицъ и пресмыкающихся, какъ по нѣкоторымъ особенностямъ скелета, такъ и по клоакѣ, общей у этихъ животныхъ для мочевыхъ, дѣтородныхъ органовъ и кишекъ (почему этихъ животныхъ и называютъ также *однопроходными* (monotremata), не говоря уже о внѣшней формѣ утконоса, которая побудила даже сперва принять его чучелу за произведеніе фальсификатора, искусно умѣвшаго соединить клювъ утки со шкурою крота [2]. Допущеніе, что птицеутробныя именно представляютъ первоначальный типъ, опирается какъ на то обстоятельство, что общая клоака существуетъ въ началѣ у зародышей двухъ высшихъ типовъ [3], такъ и на то, что птицеутробныя еще лишены грудей; молоко же выступаетъ у нихъ просто изъ складки кожи. Но безспорныхъ остатковъ древнихъ птицеутробныхъ не найдено, и нѣсколько трудно представить себѣ развитіе предковъ нынѣшнихъ птицеутробныхъ въ сумчатыхъ, когда нынѣшнія птицеутробныя, на сколько извѣстно, не

---

[1] Иные остатки, можетъ быть, принадлежатъ птицеутробнымъ. Въ 1868 году кураторъ сиднейскаго музея Крифтъ (Krefft) нашелъ въ немъ, между ископаемыми костями, кость ехидны огромнаго роста («Quart. J. of Sciences» XXIII, 274).

[2] *А. Э. Брэмъ*: «Иллюстр. жизнь животныхъ» II, (1866), 309 и слѣд.

[3] *E. Haeckel*, 463.

носять дѣтенышей послѣ ихъ рожденія [1]. Переходъ птицеутробныхъ въ сумчатыхъ былъ бы, такимъ образомъ, какъ бы шагомъ назадъ въ развитіи животныхъ формъ относительно процесса дѣторожденія. Конечно, можно допустить, что предки нынѣшнихъ жалкихъ остатковъ птицеутробныхъ имѣли тоже сумки, впослѣдствіи атрофировавшіяся. На это какъ бы указываетъ и присутствіе у птицеутробныхъ (также какъ у птеродактилей и у птицъ) такъ называемыхъ сумочныхъ костей [2], аналогическихъ тѣмъ, на которыхъ укрѣплена сумка двуутробныхъ. Поэтому есть возможность считать вымершихъ предковъ птицеутробныхъ за общихъ прародителей сумчатыхъ и нынѣшнихъ птицеутробныхъ. Въ кожистомъ мѣшкѣ самки пингвина, гдѣ она хранитъ свое единственное яйцо [3], мы какъ будто видимъ напоминаніе того момента, когда эта форма сохраненія рода выработалась среди животнаго міра, но, въ отрасли млекопитающихъ, она дала начало сумчатымъ, а у птицъ не сохранилась, оставаясь у пингвиновъ лишь въ видѣ слабаго намека.

При разсмотрѣніи перехода сумчатыхъ въ одноутробныя нельзя не быть пораженнымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что эти два типа, столь различные по процессу развитія дѣтенышей, представляютъ родъ параллельныхъ группъ [4]. Хищныя сумчатыя близки по всѣмъ формамъ, кромѣ той, которая служитъ для ихъ классификаціи, къ хищнымъ одноутробнымъ. То же можно сказать о грызунахъ обоихъ типовъ. Нѣкоторые ископаемые остатки новоголландскихъ сумчатыхъ можно (по Гэккелю) принять за остатки животныхъ, близкихъ къ носорогамъ [5]. Кускусы (лазящія сумчатыя) сближаются, по своей летательной перепонкѣ, съ шерстокрылыми, на столько связующими совершенно различные типы млекопитающихъ, что Линней, Кювье, Жоффруа и Окенъ отнесли ихъ къ четыремъ совершенно различнымъ группамъ [6]. Наконецъ, въ руконогихъ сумчатыхъ (pedimana) нѣкоторые ученые (напр. Гэккель) видятъ сходство съ полуобезьянами [7]. Здѣсь представляются двѣ возможности: или переходъ нѣкоторой первобытной, намъ неизвѣстной, формы сумчатыхъ въ столь

[1] *А. Э. Брэмъ*. II, 810.
[2] *Т. Г. Гёксли*, 105; *F. Rolle*, 256. Не знаю, почему Гёксли находитъ это названіе неточнымъ. Впрочемъ, въ переводѣ, выраженіе *сумчатыя кости*, дѣйствительно неточно.
[3] *F. A. Pouchet*: «L'Univers», 133.
[4] См. *А. Э. Брэмъ*. II, 1 и слѣд.; *E. Haeckel*, 464 и слѣд.
[5] *E. Haeckel*, 466.
[6] *А. Э. Брэмъ*, 148.
[7] *E. Haeckel*, 470.

же первобытную форму одноутробныхъ и одновременное приспособленіе обѣихъ этихъ формъ къ жизни хищныхъ, грызуновъ, животныхъ съ летательною перепонкою (таково было прежде мнѣніе Гэккеля); или развитіе сумчатыхъ во всѣ эти формы и, потомъ, постепенный переходъ въ нѣсколькихъ изъ этихъ формъ заразъ сумчатаго типа въ одноутробный (таково мнѣніе Гёксли, и Гэккель теперь уже готовъ съ нимъ согласиться) *. Конечно, то и другое возможно, но едва-ли послѣдняя возможность не заслуживаетъ бо́льшаго вѣроятія на слѣдующихъ основаніяхъ: первые остатки млекопитающихъ, нами встрѣчаемые въ геологическихъ пластахъ (именно во вторичныхъ), показываютъ если не безраздѣльное господство, то значительное преобладаніе сумчатыхъ, при чемъ формы ихъ уже разнообразны; слѣдовательно палеонтологическія данныя побуждаютъ скорѣе принять предварительное обособленіе формъ сумчатыхъ и затѣмъ слѣдующее выдѣленіе типа одноутробныхъ. чѣмъ одновременное обособленіе обоихъ типовъ. Если же это выдѣленіе слѣдуетъ отнести къ позднѣйшему времени, то теорія вѣроятностей дѣлаетъ уже весьма неправдоподобнымъ такой параллелизмъ въ приспособленіи къ способу жизни, какой мы находимъ между рядомъ группъ сумчатыхъ и группъ одноутробныхъ. Кромѣ того, мы встрѣчаемъ въ геологическихъ пластахъ сначала преобладаніе сумчатыхъ, потомъ умноженіе ихъ въ числѣ и въ разнообразіи, и наконецъ ограниченіе ихъ въ новѣйшій періодъ уже далеко меньшимъ, сравнительно, числомъ формъ, тогда какъ формы одноутробныхъ развиваются въ обратномъ порядкѣ.

Это побуждаетъ насъ заключить, что была эпоха, когда совокупность обстоятельствъ дала въ животныхъ класса млекопитающихъ значительное преобладаніе тѣмъ, которыя рожали дѣтенышей болѣе развитыми и не имѣли необходимости таскать ихъ съ собою въ сумкѣ или на спинѣ долгое время. Въ эту эпоху (весьма продолжительную, какъ можно предполагать) должно было совершиться усиленное и быстрое, сравнительно, развитіе типа сумчатыхъ въ типъ одноутробныхъ. Но если подобная совокупность обстоятельствъ имѣла мѣсто, то, по близости типовъ всѣхъ млекопитающихъ вообще, она должна была, вѣроятно, оказать одновременное дѣйствіе на всѣ формы сумчатыхъ и, слѣдовательно, нѣтъ повода считать невѣроятнымъ представленіе, что различныя вѣтви сумчатыхъ дали одновременно нѣсколько вѣтвей одноутробныхъ, имъ соотвѣтствующихъ.

* Тамъ же, 473 и слѣд.

Если же это можетъ быть допущено, то нѣтъ повода ограничиться двумя пунктами перехода (какъ дѣлаетъ Гэккель). Аналогичнѣе принять бо́льшее число подобныхъ переходовъ и допустить, что ископаемыя копытныя сумчатыя перешли въ копытныхъ одноутробныхъ, хищныя сумчатыя дали вѣтвь хищныхъ одноутробныхъ, точно также насѣкомоядныя и грызуны сумчатыя представляютъ ближайшихъ родственниковъ одноутробныхъ насѣкомоядныхъ и грызуновъ. Нѣсколько сомнительнѣе происхожденіе неполнозубыхъ, для которыхъ вообще нельзя найти столь безспорныхъ родственниковъ, какъ для другихъ группъ, хотя, можетъ быть, вѣроятнѣе ихъ сблизить съ хоботными сумчатыми, довольно сходными съ муравьеѣдомъ [1]. Кускусы могли дать отрасль шерстокрыловъ и чрезъ нихъ перейти въ рукокрылыхъ. Наконецъ въ руконогихъ сумчатыхъ (къ которымъ принадлежитъ опосеумъ) можно видѣть ближайшую родню полуобезьянъ. Впрочемъ, близость формъ здѣсь такъ велика, что весьма возможно и нѣсколько иныхъ генетическихъ предположеній. Лишь для кэнгуру изъ типа сумчатыхъ едва-ли можно найти вѣроятную родню между одноутробными.

Типъ послѣднихъ выказываетъ наиболѣе ясное раздѣленіе по процессу дѣторожденія. Значительная группа отрядовъ, представляющая сходство и въ другихъ отношеніяхъ, имѣетъ неотпадающее дѣтское мѣсто, и большинство ихъ можетъ быть связано генетически между собою. Предками ихъ считаютъ вымершихъ *копытныхъ сумчатыхъ* (Barypoela), которые перешли въ вымершихъ тоже *пракопытныхъ* (Prochela), встрѣчающихся въ эоценовыхъ пластахъ [2]. Они дали отрасль *палэотеріевъ* (palaeotherium), какъ предковъ нынѣшнихъ непарнокопытныхъ, и отрасль *анаплотеріевъ* (anaplotherium), какъ предковъ парнокопытныхъ. Отъ палэотеріевъ произошли развѣтвленія нынѣшнихъ *носороговъ* (Nasicornia), *тапировъ* (Tapirida) и *лошадей* (Equina). При этомъ недавнія находки въ Аттикѣ, вмѣстѣ съ прежними, связали еще тѣснѣе эти живыя группы какъ между собою, такъ и съ вымершими формами. Тапировыя ламы, носорого-лошади, гиппаріоны представляютъ здѣсь рядъ весьма замѣчательныхъ соединительныхъ звѣньевъ [3]. Отъ анаплотерія произошли двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна дала *свиней* (Setigera) и *гиппопотамовъ* (Obesa). Можно полагать, что послѣдніе, постепенно приспособляясь къ жизни въ водѣ, перешли въ *кито-*

---

[1] Это указываетъ самъ Гэккель, 467.

[2] *E. Haeckel*, 475.

[3] См. сочиненіе Годри о раскопкахъ въ Пикерми. Объ этомъ есть статья Виня (Vignes) въ «Annuaire scient.» (1868).

выхъ (Cetacea), сначала въ травоядныхъ, а потомъ и въ плотоядныхъ. Другая вѣтвь потомства анаплотеріевъ дала *жвачныхъ* (Ruminantia), изъ которыхъ древнѣйшую форму считаютъ ближайшею къ оленямъ, а въ верблюдахъ видятъ форму наиболѣе близкую къ непарнокопытнымъ. И между этими группами существуютъ многочисленныя промежуточныя звѣнья въ остаткахъ вымершихъ животныхъ [1]. Къ типу млекопитающихъ съ неотпадающимъ дѣтскимъ мѣстомъ, присоединились путемъ уподобленія и *неполнозубыя* (edentata), хотя едва-ли не вѣроятнѣе (какъ было сказано выше) искать ихъ предковъ между сумчатыми другой группы. Съ другой стороны спорный пунктъ представляютъ хоботные одноутробные (слонъ и его родственники) и даманъ, которыхъ долго присоединяли къ группѣ копытныхъ, именно къ многокопытнымъ или толстокожимъ, но теперь отдѣляютъ, на основаніи того, что эти животныя имѣютъ дѣтское мѣсто отпадающее. Конечно, это пунктъ довольно значительный, но достаточенъ ли онъ для того, чтобы образовать изъ этихъ существъ особую группу копытовидныхъ, поставленную въ совершенно иную генетическую связь, это трудно сказать [2].

Вслѣдствіе общаго признака—присутствія отпадающаго дѣтскаго мѣста — сближаютъ всѣхъ остальныхъ млекопитающихъ въ одну группу, при чемъ имъ можно приписывать или общее происхожденіе (чрезъ полуобезьянъ, какъ думаетъ Гэккель), или возвести ихъ къ разнымъ группамъ сумчатыхъ (чтò, кажется, вѣроятнѣе), полагая, что сходство въ процессѣ развитія плода произошло путемъ уподобленія. При послѣднемъ предположеніи можно разсматривать *грызуновъ* (Rodentia) одноутробныхъ, какъ вѣтвь грызуновъ сумчатыхъ и наименѣе развитый классъ млекопитающихъ съ отпадающимъ дѣтскимъ мѣстомъ. Ихъ близкою роднею считаютъ и упомянутыхъ мною *копытовидныхъ* (Chelophora); представители ихъ суть даманы (Hyrax), давно уже сближенные съ грызунами, и хоботныя, къ которымъ принадлежали вымершіе мамонты, мастодонты, и бѣдный остатокъ которыхъ мы видимъ въ слонахъ. Ископаемые динотеріи и стрѣлозубы (таксодонты) составляютъ связующія звенья между хоботными и грызунами [3]. Правда, что форма дѣтскаго мѣста копытовидныхъ сближаетъ ихъ болѣе съ хищными, чѣмъ съ грызунами, но это не считаютъ препятствіемъ для упомянутаго сближенія. Конечно, здѣсь генеалогическая связь еще не мо-

[1] *E. Haeckel*, 478 и слѣд.
[2] См. *Т. Г. Гёксли*, лекція 6 и E. Haeckel, 488.
[3] *E. Haeckel*, 484.

жеть считаться прочною, и это не единственный примѣръ того разнообразія промежуточныхъ формъ и проистекающихъ отсюда генетическихъ возможностей, о которыхъ я упоминалъ, приступая къ разсмотрѣнію млекопитающихъ.

Я уже говорилъ, что *насѣкомоядныя* (Insectivora) и *хищныя* (Carnaria) между одноутробными могутъ быть разсмотрѣны, какъ отдѣлившіяся вѣтви тѣхъ же отрядовъ сумчатыхъ. При этомъ хищныя *ластоногія* (Pinnipedia) должны быть разсмотрѣны какъ отдѣлъ сухопутныхъ хищныхъ, измѣнившій форму, вслѣдствіе приспособленія къ особому роду жизни. Выдры составляютъ въ этомъ случаѣ промежуточную ступень между обѣими группами *. Типъ насѣкомоядныхъ, при своемъ развитіи, образовалъ связующее звено между хищными и грызунами.

Шерстокрылъ (Galaeopithecus) представляетъ, вѣроятно, переходную форму кускусовъ къ *рукокрылымъ* (Chiroptera), хотя близость его къ полуобезьянамъ, и вообще соединеніе въ немъ различныхъ типовъ, дѣлаютъ возможнымъ и то предположеніе, что онъ есть связующее звено между полуобезьянами и рукокрылыми (какъ и думаетъ Гэккель). Мнѣ кажется это допущеніе менѣе вѣроятнымъ лишь потому, что, возводя рукокрылыхъ къ полуобезьянамъ, мы должны допустить происхожденіе породы менѣе развитой отъ породы высшей. Это возможно (и примѣръ этому мы имѣемъ между паразитами), но требуетъ, для своего допущенія, какъ я думаю, непремѣнно указанія на причину, произведшую отступленіе существъ въ ихъ развитіи безъ вреда въ борьбѣ за существованіе. Едва-ли подобную причину можно привести, возводя (какъ дѣлаетъ Гэккель) рукокрылыхъ, хищныхъ, насѣкомоядныхъ, даже грызуновъ и копытовидныхъ къ полуобезьянамъ, какъ общимъ предкамъ, и, во всякомъ случаѣ, подобная причина, на сколько мнѣ извѣстно, приведена не была. Правда, общихъ предковъ всѣмъ этимъ группамъ ищутъ не въ нынѣшнихъ полуобезьянахъ, а въ ихъ далекихъ предкахъ, весьма отъ нихъ отличавшихся. Но если этихъ предковъ ставятъ въ разрядъ полуобезьянъ, значитъ считаютъ, что предки всѣхъ млекопитающихъ съ отпадающимъ дѣтскимъ мѣстомъ ближе подходили по строенію къ полуобезьянамъ, чѣмъ къ грызунамъ или хищнымъ. Но гдѣ ближе строеніе, тамъ надо допустить, что и развитіе ближе, если нѣтъ причины къ противному. Итакъ пониженіе въ развитіи животныхъ есть слѣдствіе, котораго едва-ли можно избѣжать, принимая предковъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ группъ наиболѣе близ-

* *E. Haeckel*, 481.

кими къ полуобезьянамъ. Кажется, нѣтъ достаточнаго повода принять какъ это слѣдствіе, такъ и его основныя посылки.

Въ такомъ случаѣ *полуобезьяны* (Prosimiae), отдѣлившіяся отъ сумчатыхъ руконогихъ, дали въ свою очередь отрасль *обезьянъ* (Simiae). Между вымершими видами послѣднихъ, именно въ группѣ узконосыхъ (Catarrhinae) [1], надо искать предковъ безхвостныхъ *человѣко-образныхъ обезьянъ* (Anthropoides), стараго свѣта: широкоголовыхъ — гиббона и оранга, длинноголовыхъ — чимпанзе и гориллы, а также предка того типа изъ приматовъ (Primates по Линнею [2]), развитіе мозга котораго допускало наивысшія психическія силы и выработку историческихъ цивилизацій.

Въ предыдущемъ читателю могло показаться нѣсколько неяснымъ сказанное о процессѣ уподобленія. Это послѣднее обстоятельство мы замѣчаемъ въ высшей мѣрѣ въ человѣкѣ. Люди мысли разной національности и разныхъ расъ, вслѣдствіе привычекъ мысли, уподобляются другъ другу на столько, что можно уже поставить вопросъ объ опредѣленіи различныхъ антропологическихъ типовъ людей мысли, независимо отъ ихъ происхожденія [3]. На нѣсколько низшей ступени, разнообразіе исторически выработанной культуры даетъ въ человѣчествѣ рядъ *національностей*, совершенно типическихъ антропологическихъ единицъ, психически обособленныхъ, хотя исторически извѣстна смѣшанность ихъ происхожденія, такъ что особей въ нихъ входящихъ можно отнести даже къ расамъ, въ самомъ основаніи различнымъ [4]. Присоединяя къ историческимъ народамъ и многочисленные народы неисторическіе, получаемъ понятіе *человѣчества*, выработанное нравственнымъ развитіемъ мысли, и представленіе *единства человѣческаго рода*, лежащее въ преданіи. Конечно, человѣчество есть философская идея, а генетическое единство человѣческаго рода — малооправданная гипотеза, но ученый классификаторъ долженъ признать за фактъ, что группа *человѣкъ* (homo), есть зоологическая группа совершенно обособленная. Она обособлена для защитника *человѣческаго царства*, какъ и для того, кто, съ замѣчательнѣйшими

---

[1] *E. Haeckel*, 494.

[2] Линней въ десятомъ изданіи (1758) своей «Systema naturae» составилъ группу *приматовъ* изъ четырехъ отрядовъ: человѣкъ, обезьяны, лемуровыя (полуобезьяны) и летучія мыши.

[3] Попытка установить антропологическіе типы людей мысли сдѣлана г. Вишняковымъ въ его брошюрахъ 1860, 1865, 1868 годовъ.

[4] Попытка создать психологію національностей принадлежитъ Лацарусу и осуществляется преимущественно въ журналѣ, издаваемомъ имъ, вмѣстѣ съ Штейнталемъ съ 1860 г.

современными изслѣдователями, видитъ невозможность специфически установить это обособленіе формулою; наконецъ даже и для того, кто, въ предкахъ безхвостыхъ человѣкообразныхъ Азіи и Африки, съ ихъ двумя черепными типами, видитъ два различные источника двухъ расъ, отличающихся подобными же типами. Хотя далеко не всѣ естествоиспытатели въ этомъ согласны, но это можно принять за вѣроятное, и тѣмъ поразительнѣе въ этомъ случаѣ единство группы человѣка, образованной процессомъ психическаго уподобленія; этотъ процессъ сблизилъ расы людей независимо отъ ихъ происхожденія; еще тѣснѣе связалъ людей одной національности, независимо отъ ихъ расъ; наконецъ еще далѣе пошелъ въ уподобленіи людей одного типа мысли, независимо отъ ихъ національности; въ людяхъ же вполнѣ критической мысли процессъ психическаго уподобленія стремится образовать столь же однородное *психическое* единство, познающее и переработывающее міръ разумомъ, какъ первобытныя монеры представляли основное *органическое* единство, своими физическими данными обусловившее все развитіе органическаго міра.

Уподобленіе, на которое я указываю, можно распространить и внѣ человѣка. Оно сближаетъ млекопитающихъ въ нѣсколько группъ со сходными культурными формами, болѣе уподобляющими ихъ, чѣмъ общность происхожденія и даже процессъ развитія плода. Оно сближаетъ одноутробныхъ млекопитающихъ, для которыхъ можно допустить различное происхожденіе изъ сумчатыхъ, въ двѣ характеристическія формы по процессу развитія плода. Нельзя утверждать съ полною увѣренностью, не представляютъ ли намъ и типы млекопитающихъ, позвоночныхъ вообще, суставчатыхъ, мягкотѣлыхъ, при всемъ ихъ обособленіи, только результатъ генезиса, а не результатъ процесса уподобленія. Для кольчатыхъ и глистовыхъ оно даже весьма вѣроятно. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что процессъ уподобленія способствуетъ уменьшенію крайняго разнообразія въ типахъ существъ. Можно сказать, что выдѣленіе типа позвоночныхъ соотвѣтствуетъ наибольшему расхожденію органическихъ типовъ въ ихъ развитіи, такъ-какъ, по ступени физическаго и психическаго развитія, нѣтъ повода поставить многихъ суставчатыхъ, а, можетъ быть, и головоногихъ ниже рыбъ и пресмыкающихся. Затѣмъ число типовъ, достигающихъ высшаго развитія, становится все менѣе. Лишь высшія группы суставчатыхъ, птицы и млекопитающія могутъ быть отнесены къ животнымъ *культурнымъ*. Лишь у нѣкоторыхъ птицъ проявляется дѣятельность *личнаго выбора*, а не безусловное подчиненіе культур-

нымъ формамъ. Лишь немногія группы птицъ, по гибкости *мысли*, могутъ быть поставлены рядомъ съ наиболѣе развитыми хищными, грызунами, съ полуобезьянами и низшими обезьянами. Лишь между обезьянами и человѣкообразными встрѣчаемъ развитіе молодыхъ особей, какъ бы обѣщающее *прогрессивную* работу мысли, но останавливающееся при возмужалости. Лишь въ человѣческихъ расахъ встрѣчаемъ *цивилизацію*, т.-е. прогрессивную работу мысли надъ культурою. Лишь въ немногихъ національностяхъ находимъ *историческое* развитіе. Лишь въ немногихъ личностяхъ находимъ *самостоятельную* работу мысли. Лишь самое малое число личностей достигаетъ *вполнѣ-критической* мысли, способной понять міръ, властвовать надъ нимъ, и устраняющей всякую борьбу за существованіе.

По мѣрѣ высшаго развитія органическаго міра въ послѣднихъ группахъ, нетолько число этихъ группъ уменьшалось, должна была уменьшаться и дальнѣйшая возможность размноженія органическихъ группъ вообще. Чѣмъ выше стояли развившіяся существа, тѣмъ грознѣе была ихъ вражда для всѣхъ остальныхъ, тѣмъ болѣе стѣсняли они остальныя существа въ размноженіи ихъ видовъ. Новымъ обособляющимся формамъ низшихъ типовъ борьба становилась все труднѣе; вѣроятность удержаться становилась менѣе; и эти формы все чаще гибли, все рѣже удерживались. Съ распространеніемъ человѣка, при его могущественныхъ орудіяхъ: знаніи и техникѣ, при его всеядности и ненасытномъ властолюбіи на сушѣ, въ водѣ и на воздухѣ, органическій міръ можетъ продолжать свой процессъ развитія лишь въ самыхъ ограниченныхъ предѣлахъ и въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, да и то благодаря лишь обстоятельству, что знаніе человѣка еще недостаточно обширно и техника его недостаточно цѣлесообразна. Человѣкъ, впродолженіе послѣдняго періода своей исторіи, позволилъ распространиться по территоріи *своихъ* владѣній весьма непріятнымъ врагамъ. Черная крыса завоевала Европу въ періодъ крестовыхъ походовъ. Пасюкъ вторгнулся въ Европу въ эпоху Вольтера, повелъ истребительную войну со своей ближайшею роднею и теперь господствуетъ въ крысьемъ царствѣ *. Но если человѣкъ допустилъ подобныя явленія, это лишь потому, что его главное оружіе, критическая мысль еще употребляется имъ въ слишкомъ слабыхъ раз мѣрахъ. А и теперь уже исчезаютъ предъ его силою многія органическія формы, какъ еще недавно исчезъ дронтъ изъ ряда птицъ **. Впрочемъ, до сихъ поръ эта борьба безразсудна.

---

* *А. Э. Брэмъ*, II, 115 и слѣд.; *F. Rolle*, 177.

** См. *M. E. Vignes*: «Le Dronte ou Dodo» въ «Annuaire scientifique» 1867), 214.

Худшихъ враговъ своихъ человѣкъ истребить не могъ, а велъ непримиримую войну съ безвредными существами, часто со своими помощниками *. Неразсчетливость его при этомъ иногда вела къ тому, что онъ уничтожалъ собственные источники пропитанія, и даже бываетъ принужденъ, вслѣдствіе того, придти къ антропофагіи. Когда критическая мысль усилится и получитъ принадлежащее ей господство въ человѣческихъ обществахъ, то органическій міръ будетъ имѣть въ человѣкѣ не деспота, неразумно злоупотребляющаго своимъ могуществомъ, но царя мысли, который для всего живаго прекратилъ случайную борьбу за существованіе, чтобы установить, *что́* должно погибнуть, *что́* должно существовать и въ какихъ размѣрахъ для поддержанія общей экономіи и равновѣсія организмовъ. Тогда размноженіе, обособленіе и развитіе новыхъ видовъ — а слѣдовательно развитіе органическаго міра въ его цѣлости опредѣлится столь же строго законами критической мысли человѣка, какъ въ первой эпохѣ существованія органическихъ существъ, оно опредѣлилось законами жизни монеръ, какъ до сихъ поръ опредѣляется условіями среды и борьбы за существованіе между существующими и развивающимися организмами. Въ этомъ смыслѣ можно представить предѣлы животнаго міра вообще какъ эллипсисъ, одинъ изъ фокусовъ котораго составляетъ первый организмъ, появившійся въ мірѣ со своею зачаточною жизнью; другой же фокусъ — критическая мысль человѣка съ ея раціональнымъ опредѣленіемъ всего сущаго на землѣ, сообразно условіямъ необходимаго, возможнаго и желательнаго.

Развитіе въ человѣкѣ этого могучаго органа, господствующаго въ измѣненіяхъ органическаго міра, опирается на первой ступени психическаго развитія въ низшихъ животныхъ, но послѣдовательное совершенствованіе ихъ психическихъ орудій рядомъ съ физическими. Если клѣточная ткань, нервы, кишечный каналъ, сердце, индивидуализація, представили различныя ступени развитія безпозвоночныхъ, придававшее имъ большее и большее превосходство въ борьбѣ за существованіе, то въ слѣдующемъ развитіи надо искать *психическія* ступени, позволяющія распредѣлить существа по ихъ большему или меньшему совершенству.

---

* См. въ особенности *К. Фогтъ:* «Чтеніе о мнимовредныхъ и мнимополезныхъ животныхъ» (1865).

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО?

ГЛАВА IV*.

Счастливые.

Въ толпѣ горластой, праздничной
Похаживали странники,
Прокликивали кличъ:
«Эй! нѣтъ ли гдѣ счастливаго?
Явись! Коли окажется,
Что счастливо живешь,
У насъ ведро готовое:
Пей даромъ сколько вздумаешь —
На славу угостимъ!..»
Такимъ рѣчамъ неслыханнымъ
Смѣялись люди трезвые,
А пьяные, да умные
Чуть не плевали въ бороду
Ретивымъ крикунамъ.
Однако и охотниковъ
Хлѣбнуть вина безплатнаго
Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Подъ липу, кличь прокликавши,
Ихъ обступилъ народъ.

Пришелъ дьячокъ уволенный,
Тощо́й какъ спичка сѣрная
И лясы распустилъ,
Что счастіе не въ пажитяхъ,

* Прологъ и первыя три главы напечатаны въ «Отеч. Зап.» 1869 года, №№ 1 и 2.

Не въ соболяхъ, не въ золотѣ,
Не въ дорогихъ каменяхъ.

— А въ чемъ же?

«Въ благодушествѣ!
Предѣлы есть владѣніямъ
Господъ, вельможъ, царей земныхъ,
А мудраго владѣніе —
Весь вертоградъ христовъ!
Коль обогрѣетъ солнышко
Да пропущу косушечку,
Такъ вотъ и счастливъ я!»

— А гдѣ возьмешь косушечку?

«Да вы же дать сулилися...»

— Проваливай! шалишь!..

Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая
И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:
Что у нея по осени
Родилось рѣпъ до тысячи
На небольшой грядѣ.
«Такая рѣпа крупная,
Такая рѣпа вкусная,
А вся гряда — сажени три,
А въ поперечь — аршинъ!»
Надъ бабой посмѣялися,
А водки капли не дали:
«Ты дома выпей, старая,
Той рѣпой закуси!»

Пришелъ солдатъ съ медалями
Чуть живъ, а выпить хочется:
«Я счастливъ!» говоритъ.

— Ну, открывай старинушка,
Въ чемъ счастіе солдатское?
Да не таись, смотри!

«А въ томъ вопервыхъ счастіе,
Что въ двадцати сраженіяхъ
Я былъ, а не убитъ!
А вовторыхъ, важнѣй того,
Я и во время мирное
Ходилъ ни сытъ, ни голоденъ,
А смерти не дался!
А втретьихъ — за провинности
Великія и малыя
Нещадно битъ я палками,
А хоть пощупай — живъ!»

— На! выпивай служивенькой!
Съ тобой и спорить нечего:
Ты счастливъ — слова нѣтъ!

Пришелъ съ тяжелымъ молотомъ
Каменотесъ олончанинъ,
Плечистый, молодой:
«И я живу — не жалуюсь»
Сказалъ онъ: «съ женкой, съ матушкой
Не знаемъ мы нужды!»

— Да въ чемъ же ваше счастіе?

«А вотъ гляди (и молотомъ
Какъ перышкомъ махнулъ):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Такъ гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачивать
Въ день на пять серебромъ!»

Пахомъ приподнялъ «счастіе»
И крякнувши порядочно
Работнику поднесъ:
— Ну, вѣско! а не будетъ ли
Носиться съ этимъ счастіемъ
Подъ старость тяжело?...

— «Смотри, не хвастай силою,
Сказалъ мужикъ съ одышкою,

Разслабленный, худой
(Носъ вострый, какъ у мертваго,
Какъ грабли руки тощія,
Какъ спицы ноги длинныя,
Не человѣкъ — комаръ).
Я былъ — не хуже каменьщикъ
Да тоже хвасталъ силою,
Вотъ Богъ и наказалъ!
Смекнулъ подрядчикъ, бестія,
Что простоватъ дѣтинушка,
Учалъ меня хвалить,
А я-то съ дуру радуюсь,
За четверыхъ работаю!
Однажды ношу добрую
Наклалъ я кирпичей,
А тутъ его, проклятаго,
И нанеси нелегкая,
«Что это? говоритъ:
«Не узнаю я Трифона!
«Итти съ такою ношею
«Нестыдно молодцу?»
— А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою!
Сказалъ я осердясь.
Ну, съ полчаса, я думаю,
Я ждалъ, а онъ подкладывалъ,
И подложилъ, подлецъ!
Самъ слышу — тяга страшная
Да не хотѣлось пятиться,
И внесъ ту ношу чортову
Я во второй этажъ!
Глядитъ подрядчикъ, дивится,
Кричитъ, подлецъ, оттудова:
«Ай, молодецъ, Трофимъ!
Не знаешь самъ, что̀ сдѣлалъ ты:
Ты снесъ одинъ покрайности
Четырнадцать пудовъ!»
Ой, знаю! сердце молотомъ
Стучитъ въ груди, кровавые
Въ глазахъ круги стоятъ,
Спина какъ-будто треснула...
Дрожатъ, ослабли ноженьки,

Зачахъ я съ той поры!...
Налей, братъ, полстаканчика!»

— Налить? Да гдѣ жь тутъ счастіе?
Мы подчуемъ счастливаго,
А ты что разсказалъ!

«Дослушай! будетъ счастіе!»

— Да въ чемъ же, говори!

«А вотъ въ чемъ. Мнѣ на родинѣ,
Какъ всякому крестьянину,
Хотѣлось умереть.
Изъ Питера, разслабленный,
Шальной, почти безъ памяти
Я на машину сѣлъ,
Ну, вотъ мы и поѣхали.
Въ вагонѣ, лихорадочныхъ,
Горячечныхъ работничковъ
Насъ много набралось,
Всѣмъ одного желалося,
Какъ мнѣ, попасть на родину,
Чтобъ дома помереть.
Однако, нужно счастіе
И тутъ: мы лѣтомъ ѣхали,
Въ жарищѣ, въ духотѣ
У многихъ помутилися
Въ конецъ больныя головы,
Въ вагонѣ адъ пошелъ:
Тотъ стонетъ, тотъ катается,
Какъ оглашенный, по полу,
Тотъ бредитъ жонкой, матушкой,
Ну, на ближайшей станціи
Такого и долой!
Глядѣлъ я на товарищей,
Самъ весь горѣлъ, подумывалъ —
Не сдобровать и мнѣ.
Въ глазахъ кружки багровые,
И все мнѣ, братецъ, чудится,
Что рѣжу пѣуновъ
(Мы тоже пѣунятники,
Случалось въ годъ откармливать

До тысячи зобовъ).
Гдѣ вспомнились, проклятые!
Ужь я молиться пробовалъ,
Нѣтъ! все съ ума нейдутъ!
Повѣришь ли? вся партія
Передо мной трепещется!
Гортани перерѣзаны,
Кровь хлещетъ, а поютъ!
А я съ ножомъ: «Да полно вамъ!»
Ужь какъ Господь помиловалъ,
Что я не закричалъ?
Сижу, крѣплюсь... по счастію
День кончился, а къ вечеру
Похолодало, — сжалился
Надъ сиротами Богъ!
Ну, такъ мы и доѣхали
И я добрелъ на родину,
А здѣсь, по божьей милости,
И легче стало мнѣ...»

— Чего вы тутъ расхвастались
Своимъ мужицкимъ счастіемъ?
Кричитъ, разбитый на ноги,
Дворовый человѣкъ:
А вы меня поподчуйте:
Я счастливъ, видитъ Богъ!
У перваго боярина,
У князя Переметьева
Я былъ любимый рабъ.
Жена — раба любимая,
А дочка вмѣстѣ съ барышней
Училась и французскому
И всякимъ языкамъ,
Садиться позволялось ей
Въ присутствіи княжны...
Ой! какъ кольнуло!.. батюшки!..
(И началъ ногу правую
Ладонями тереть)
Крестьяне разсмѣялися.
— Чего смѣетесь, глупые,
Озлившись неожиданно
Дворовый закричалъ:
Я боленъ, а сказать ли вамъ,

О чемъ молюсь я Господу,
Вставая и ложась?
Молюсь: «оставь мнѣ, Господи,
Болѣзнь мою почетную,
По ней я дворянинъ!
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею
Болѣзнью благородною
Какая только водится
У первыхъ лицъ въ Имперіи
Я боленъ, мужичье!
По-да-грой именуется!
Чтобъ получить ее
Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лѣтъ тридцать надо пить...
За стуломъ у свѣтлѣйшаго
У князя Переметьева
Я сорокъ лѣтъ стоялъ,
Съ французскимъ лучшимъ трюфелемъ
Тарелки я лизалъ,
Напитки иностранные
Изъ рюмокъ допивалъ...
Ну, наливай!

— Проваливай!
У насъ вино мужицкое,
Простое, не заморское —
Не по твоимъ губамъ!

Желтоволосый, сгорбленный
Подкрался робко къ странникамъ
Крестьянинъ-бѣлоруссъ,
Туда же къ водкѣ тянется,
«Налей и мнѣ маненичко,
Я счастливъ!» говоритъ.

— А ты не лѣзь съ ручищами!
Докладывай, доказывай
Сперва, чѣмъ счастливъ ты?

«А счастье наше — въ хлѣбушкѣ:
Я дома въ Бѣлоруссіи

Съ мякиною, съ кострикою
Ячменный хлѣбъ жевалъ,
Бывало, вопишь голосомъ,
Какъ роженица корчишься,
Какъ схватитъ животы,
А нынѣ, милость Божія! —
До сыта у Губонина
Даютъ ржанаго хлѣбушка —
Жую — не нажуюсь!»

Пришелъ какой-то пасмурный
Мужикъ съ скулой свороченной,
Направо все глядитъ:
«Хожу я за медвѣдями
И счастье мнѣ великое:
Троихъ моихъ товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, Богъ милостивъ!»

— А ну-ка влѣво глянь?

Не глянулъ, какъ ни пробовалъ,
Какія рожи страшныя
Ни корчилъ мужичокъ:
«Свернула мнѣ медвѣдица
Маненичко скулу!»
— А ты съ другой помѣряйся,
Подставь ей щову правую —
Поправитъ... — Посмѣялися
Однако поднесли.

Оборванные нищіе,
Послышавъ запахъ пѣннаго,
И тѣ пришли доказывать,
Какъ счастливы они:
«Насъ у порога лавочникъ
Встрѣчаетъ подаяніемъ,
А въ домъ войдемъ, такъ изъ дому
Проводятъ до воротъ...
Чуть запоемъ мы пѣсенку,
Бѣжитъ къ окну хозяюшка
Съ краюхою, съ ножомъ,
А мы-то заливаемся:

«Давать давай — весь каравай,
Не мнется и не крошится,
Тебѣ скорѣй, а намъ спорѣй...»

Смекнули наши странники,
Что даромъ водку тратили,
Да кстати и ведерочку
Конецъ. «Ну будетъ съ васъ!
Эй счастіе мужицкое!
Дырявое, съ заплатами,
Горбатое съ мозолями,
Проваливай домой!»

«А вамъ бы, други милые,
Спросить Ермилу Гирина»,
Сказалъ, подсѣвши къ странникамъ,
Деревни Дымоглотова
Крестьянинъ Федосей:
«Коли Ермилъ не выручитъ,
Счастливцемъ не объявится,
Такъ и шататься нечего...»

— А кто такой Ермилъ?
Князь, что ли, графъ сіятельный?

«Не князь, не графъ сіятельный,
А просто онъ — мужикъ!»

— Ты говори толковѣе,
Садись, а мы послушаемъ,
Какой такой Ермилъ?

«А вотъ какой: сиротскую
Держалъ Ермило мельницу
На Унжѣ. По суду
Продать рѣшили мельницу:
Пришолъ Ермило съ прочими
Въ палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися,
Одинъ купецъ Алтынниковъ
Съ Ермиломъ въ бой вступилъ,

Не отстаетъ, торгуется,
Наноситъ по копѣечкѣ.
Ермило какъ разсердится —
Хвать сразу пять рублей!
Купецъ опять копѣечку,
Пошло у нихъ сраженіе:
Купецъ его копѣйкою,
А тотъ его рублемъ!
Не устоялъ Алтынниковъ!
Да вышла тутъ оказія:
Тотчасъ же стали требовать
Задатковъ третью часть,
А третья часть — до тысячи,
Съ Ермиломъ денегъ не было,
Ужь самъ ли онъ сплошалъ,
Схитрили ли подъячіе,
А дѣло вышло дрянь!
Повеселѣлъ Алтынниковъ
«Моя выходитъ мельница!»

— «Нѣтъ!» говоритъ Ермилъ,
Подходитъ къ предсѣдателю:
«Нельзя-ли вашей милости
Помѣшкать полчаса?»

— Что въ полчаса ты сдѣлаешь?

«Я деньги принесу!»

— А гдѣ найдешь? Въ умѣ-ли ты?
Верстъ тридцать-пять до мельницы,
А черезъ часъ присутствію
Конецъ, любезный мой!

«Такъ полчаса позволите?»

— Пожалуй, часъ промѣшкаемъ! —

Пошолъ Ермилъ; подъячіе
Съ купцомъ переглянулися,
Смѣются, подлецы!
На площадь на торговую
Пришелъ Ермила (въ городѣ

Тотъ день базарный былъ),
Сталъ на возъ, видимъ: крестится,
На всѣ четыре стороны
Поклонъ, — и громкимъ голосомъ
Кричитъ: «Эй люди добрые!
Притихните, послушайте
Я слово вамъ скажу!»
Притихла площадь людная,
И тутъ Ермилъ про мельницу
Народу разсказалъ:
«Давно купецъ Алтынниковъ
Присватывался къ мельницѣ,
Да не плошалъ и я,
Разъ пять справлялся въ городѣ,
Сказали: съ переторжкою
Назначены торги.
Безъ дѣла, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселкомъ не рука:
Пріѣхалъ я безъ грошика,
Анъ глядь — они спроворили
Безъ переторжки торгъ!
Схитрили души подлыя,
Да и смѣются нехристи:
«Что часомъ ты подѣлаешь?
Гдѣ денегъ ты найдешь?»
Авось, найду, Богъ милостивъ!
Хитры, сильны подъячіе,
А міръ ихъ посильнѣй,
Богатъ купецъ Алтынниковъ,
А все не устоять ему
Противъ мірской казны —
Ее какъ рыбу изъ моря
Вѣка ловить не выловить.
Ну, братцы! видитъ Богъ
Раздѣлаюсь въ ту пятницу!
Не дорога мнѣ мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу вѣрите,
Такъ выручайте, что-ль?...»

И чудо сотворилося —

На всей базарной площади
У каждаго крестьянина
Какъ вѣтромъ полу лѣвую
Заворотило вдругъ!
Крестьянство раскошелилось,
Несутъ Ермилу денежки,
Даютъ кто чѣмъ богатъ.
Ермило парень грамотный
Да некогда записывать,
Успѣй пересчитать!
Наклали шляпу полную
Цѣлковиковъ, лобанчиковъ,
Прожженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнаціи.
Ермила бралъ — не брезговалъ
И мѣднымъ пятакомъ.
Еще бы сталъ онъ брезговать,
Когда тутъ попадалася
Иная гривна мѣдная
Дороже ста рублей!

Ужь сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: «бери, Ермилъ Ильичъ,
Отдашь, не пропадетъ!»
Ермилъ народу кланялся
На всѣ четыре стороны,
Въ палату шелъ со шляпою,
Зажавши въ ней казну.
Сдивилися подъячіе,
Позеленѣлъ Алтынниковъ,
Какъ онъ сполна всю тысячу
Имъ выложилъ на столъ!...
Не волчій зубъ, такъ лисій хвостъ, —
Пошли юлить подъячіе
Съ покупкой поздравлять!
Да не таковъ Ермилъ Ильичъ,
Не молвилъ слова лишняго,
Копѣйки не далъ имъ!

Глядѣть весь городъ съѣхался,
Какъ въ день базарный пятницу
Черезъ недѣлю времени

Ермилъ на той же площади
Разсчитывалъ народъ.
Упомнить гдѣ же всякаго?
Въ ту пору дѣло дѣлалось
Въ горячкѣ, въ торопяхъ;
Однако споровъ не было
И выдать гроша лишняго
Ермилу не пришлось.
Еще — онъ самъ разсказывалъ—
Рубль лишній, чей Богъ вѣдаетъ!
Остался у него.
Весь день съ мошной раскрытою
Ходилъ Ермилъ, допытывалъ
Чей рубль? да не нашелъ.
Ужъ солнце закатилося,
Когда съ базарной площади
Ермилъ послѣдній тронулся,
Отдавъ тотъ рубль слѣпымъ...
Такъ вотъ каковъ Ермилъ Ильичъ.

—Чуденъ! сказали странники:
Однако знать желательно —
Какимъ же колдовствомъ
Мужикъ надъ всей округою
Такую силу взялъ?

«Не колдовствомъ, а правдою.
Слыхали про Адовщину
Юрлова-князя вотчину?»

— Слыхали, ну такъ что-жь?

«Въ ней главный управляющій
Былъ корпуса жандармскаго
Полковникъ со звѣздой,
При немъ пять-шесть помощниковъ,
А нашъ Ермило писаремъ
Въ конторѣ состоялъ.

«Лѣтъ двадцать было малому,
Какая воля писарю?
Однако для крестьянина
И писарь человѣкъ.

Къ нему подходишь къ первому,
А онъ и посовѣтуетъ
И справку наведетъ;
Гдѣ хватитъ силы—выручитъ,
Не спроситъ благодарности,
И дашь, такъ не возьметъ!
Худую совѣсть надобно
Крестьянину съ крестьянина
Копейку вымогать.

«Такимъ путемъ вся вотчина
Въ пять лѣтъ Ермилу Гирина
Узнала хорошо,
А тутъ его и выгнали...
Жалѣли крѣпко Гирина,
Трудненько было къ новому,
Хапугѣ привыкать,
Однако, дѣлать нечего,
По времени приладились
И къ новому писцу.
Тотъ ни строки безъ трешника,
Ни слова безъ семишника,
Прожженый, изъ кутейниковъ —
Ему и Богъ велѣлъ!

«Однако волей Божіей
Недолго онъ поцарствовалъ, —
Скончался старый князь,
Пріѣхалъ князь молоденькой,
Прогналъ того полковника,
Прогналъ его помощника,
Контору всю прогналъ,
А намъ велѣлъ изъ вотчины
Бурмистра изобрать.
Ну, мы недолго думали,
Шесть тысячъ душъ, всей вотчиной —
Кричимъ: «Ермилу Гирина!»
Какъ человѣкъ единъ!
Зовутъ Ермилу къ барину,
Поговоривъ съ крестьяниномъ,
Съ балкона князь кричитъ:
«Ну, братцы! будь по вашему.
Моей печатью княжеской

Вашъ выборъ утвержденъ:
Мужикъ проворный, грамотной,
Одно скажу: не молодъ ли?..»

«А мы: — «нужды нѣтъ, батюшка,
И молодъ да уменъ!»
Пошелъ Ермило царствовать
Надъ всей княжою вотчиной,
И царствовалъ же онъ!
Въ семь лѣтъ мірской копеечки
Подъ ноготь не зажалъ,
Въ семь лѣтъ не тронулъ праваго,
Не попустилъ виновному,
Душой не покривилъ...»

— Стой! крикнулъ укорительно
Какой-то попикъ сѣденькой
Разсказчику: — грѣшишь!
Шла борона прямехонько
Да вдругъ махнула въ сторону —
На камень зубъ попалъ!
Коли взялся разсказывать,
Такъ слова не выкидывай
Изъ пѣсни: или странникамъ
Ты сказку говоришь?..
Я зналъ Ермилу Гарина...

— «А я, небось, на зналъ?
Одной мы были вотчины,
Одной и той же волости,
Да насъ перевели...»

— А коли зналъ ты Гирина,
Такъ зналъ и брата Митрія,
Подумайка, дружокъ.

Разсказчикъ призадумался
И помолчавъ сказалъ:
«Совралъ я: слово лишнее
Сорвалось на маху!
Былъ случай, и Ермилъ мужикъ
Свихнулся: изъ рекрутчины
Меньшаго брата Митрія
Повыгородилъ онъ.

Молчимъ: тутъ спорить нечего,
Самъ баринъ брата старосты
Забрить бы не велѣлъ,
Одна Ненила Власьева
По сынѣ горько плачется,
Кричитъ: не нашъ чередъ!
Извѣстно, покричала бы,
Да съ тѣмъ бы и отъѣхала.
Такъ что же? Самъ Ермилъ,
Покончивши съ рекрутчиной,
Сталъ тосковать, печалиться,
Не пьетъ, не ѣстъ: тѣмъ кончилось,
Что въ денникѣ съ веревкою
Засталъ его отецъ. —
Тутъ сынъ отцу покаялся:
«Съ тѣхъ поръ, какъ сына Власьевны
Поставилъ я не въ очередь,
Постылъ мнѣ бѣлый свѣтъ!»
А самъ къ веревкѣ тянется.
Пытали уговаривать
Отецъ его и братъ,
Онъ все одно: «преступникъ я!
Злодѣй! вяжите руки мнѣ,
Ведите въ судъ меня!»
Чтобъ хуже не случилося,
Отецъ связалъ сердечнаго
Приставилъ караулъ.

«Сошолся міръ, шумитъ, галдитъ,
Такого дѣла чуднаго
Во вѣкъ не приходилося
Ни видѣть, ни рѣшать.
Ермиловы семейные
Ужь не о томъ старалися,
Чтобъ мы имъ помирволили,
А строже разсуди —
Верни парнишку Власьевнѣ,
Не то Ермилъ повѣсится,
За нимъ не углядишь!
Пришелъ и самъ Ермилъ Ильичъ,
Босой, худой, съ колодками,
Съ веревкой на рукахъ ,
Пришелъ, сказалъ: «была пора,

Судилъ я васъ по совѣсти,
Теперь я самъ грѣшнѣе васъ:
Судите вы меня!»
И въ ноги поклонился намъ.
Ни дать, ни взять юродивый,
Стоитъ, вздыхаетъ, крестится,
Жаль было намъ глядѣть,
Какъ онъ передъ старухою,
Передъ Ненилой Власьевой
Вдругъ на колѣни палъ!

«Ну, дѣло все обладилось,
У господина сильнаго
Вездѣ рука: сынъ Власьевны
Вернулся, сдали Митрія
Да, говорятъ, и Митрію
Не тяжело служить,
Самъ князь о немъ заботится.
А за провинность съ Гирина
Мы положили штрафъ:
Штрафныя деньги рекруту,
Часть небольшая Власьевнѣ,
Часть міру на вино...

«Однако послѣ этого
Ермилъ нескоро справился,
Съ годъ какъ шальной ходилъ.
Какъ ни просила вотчина,
Отъ должности уволился,
Въ аренду снялъ ту мельницу
И сталъ онъ пуще прежняго
Всему народу любъ:
Бралъ за помолъ по совѣсти,
Народу не задерживалъ —
Прикащикъ, управляющій
Богатые помѣщики
И мужики бѣднѣйшіе
Всѣ очереди слушались,
Порядокъ строгій велъ!
Я самъ ужъ въ той губерніи
Давненько не бывалъ,
А про Ермилу слыхивалъ,

Народъ имъ не нахвалится,
Сходите вы къ нему».

— Напрасно вы проходите,
Сказалъ, ужь разъ заспорившій,
Сѣдоволосый попъ:
Я зналъ Ермила Гирина,
Попалъ я въ ту губернію,
Назадъ тому лѣтъ пять
(Я въ жизни много странствовалъ,
Преосвященный нашъ
Переводить священниковъ
Любилъ)... Съ Ермилой Гиринымъ
Сосѣди были мы.
Да! былъ мужикъ единственный!
Имѣлъ онъ все, что надобно
Для счастья: и спокойствіе,
И деньги, и почетъ,
Почетъ завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
Ни страхомъ: строгой правдою
Умомъ и добротой!
Да только повторяю вамъ,
Напрасно вы проходите,
Въ острогѣ онъ сидитъ...

— Какъ такъ?

«А воля Божія!
Слыхалъ ли кто изъ васъ,
Какъ бунтовалась вотчина
Помѣщика Обрубкова
Испуганной губерніи
Уѣзда Недыханьева
Деревня Столбняки?...
Какъ о пожарахъ пишется
Въ газетахъ (я ихъ читывалъ)
«Осталась неизвѣстною
Причина» — такъ и тутъ:
До сей поры невѣдомо
Ни земскому исправнику,
Ни высшему правительству,
Ни столбнякамъ самимъ,

Съ чего стряслась оказія,
А вышло дѣло дрянь.
Потребовалось воинство,
Самъ государевъ посланный
Къ народу рѣчь держалъ,
То руганью попробуетъ
И плечи съ эполетами
Подыметъ высоко,
То лаской попробуетъ,
Да брань была тутъ лишняя,
А ласка непонятная:
«Крестьянство православное!
Русь матушка! царь батюшка!»
И больше ничего!
Побившись такъ достаточно,
Хотѣли ужь солдатикамъ
Скомандовать: пали!
Да волостному писарю
Пришла тутъ мысль счастливая,
Онъ про Ермилу Гирина
Начальнику сказалъ:
«Народъ повѣритъ Гирину,
Народъ его послушаетъ...»
— Позвать его, живѣй!

Вдругъ крикъ: «ай, ай! помилуйте!»
Раздавшись неожиданно
Нарушилъ рѣчь священника,
Всѣ бросились глядѣть:

У валика дорожнаго
Сѣкутъ лакея пьянаго —
Попался въ воровствѣ!
Гдѣ пойманъ, тутъ и судъ ему:
Судей сошлось десятка три,
Рѣшили дать по лозочкѣ,
И каждый далъ лозу!
Лакей вскочилъ и шлепая
Худыми сапожнишками,
Безъ слова тягу далъ.
«Вишь побѣжалъ какъ встрепанный!»
Шутили наши странники,
Узнавши въ немъ балясника,

Что хвастался какою-то
Особенной болѣзнію
Отъ иностранныхъ винъ:
«Откуда прыть явилася?
Болѣзнь ту благородную
Вдругъ сняло какъ рукой!»

— Эй, эй! куда жь ты, батюшка!
Ты доскажи исторію,
Какъ бунтовалась вотчина
Помѣщика Обрукова
Деревни Столбняки?

«Пора домой, родимые.
Богъ дастъ опять мы встрѣтимся
Тогда и доскажу!»

Подъ утро поразъѣхалась,
Поразбрелась толпа.
Крестьяне спать надумали,
Вдругъ тройка съ колокольчикомъ
Откуда ни взялась,
Летитъ! а въ ней качается
Какой-то баринъ кругленькій,
Усатенькій, пузатенькій
Съ сигарочкой во рту.
Крестьяне разомъ бросились
Къ дорогѣ, сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились въ рядъ,
И тройкѣ съ колокольчикомъ
Загородили путь...

ГЛАВА V.

Помѣщикъ.

Сосѣдняго помѣщика
Гаврилу Афанасьича

Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помѣщикъ былъ румяненькій,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лѣтъ;
Усы сѣдые, длинные,
Ухватки молодецкія,
Венгерка съ бранденбурами,
Широкія штаны. —
Гаврило Афанасьевичъ
Должно быть перетрусился,
Увидѣвъ передъ тройкою
Семь рослыхъ мужиковъ.
Онъ пистолетикъ выхватилъ,
Какъ самъ, такой же толстенькій,
И дуло шестиствольное
На странниковъ навелъ:
— Ни съ мѣста! Если тронетесь
Разбойники! грабители!
На мѣстѣ уложу!...

Крестьяне разсмѣялися:
«Какіе мы разбойники,
Гляди — у насъ ни ножика,
Ни топоровъ, ни вилъ!»

— Ктожь вы? чего вамъ надобно?

«У насъ забота есть.
Такая ли заботушка,
Что изъ домовъ повыжила,
Съ работой раздружила насъ,
Отбила отъ ѣды.
Ты дай намъ слово крѣпкое
На нашу рѣчь мужицкую
Безъ смѣху и безъ хитрости
По правдѣ и по разуму,
Какъ должно отвѣчать,
Тогда свою заботушку
Повѣдаемъ тебѣ...»

— Извольте: слово честное,
Дворянское даю!

«Нѣтъ, ты намъ не дворянское,
Дай слово христіанское!
Дворянское съ побранкою,
Съ толчкомъ да съ зуботычиной
То непригодно намъ!»

— Эге! какія новости!
А, впрочемъ, будь по вашему!
Ну въ чемъ же ваша рѣчь?..

«Спрячь пистолетикъ! выслушай!
Вотъ такъ! мы не грабители,
Мы мужики смиренные,
Изъ временно-обязанныхъ
Подтянутой губерніи
Уѣзда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Изъ разныхъ деревень —
Несытова, Неѣлова,
Заплатова, Дырявина,
Горѣлокъ, Голодухина,
Неурожайка тожь.
Идя путемъ-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Романъ сказалъ: помѣщику,
Демьянъ сказалъ: чиновнику,
Лука сказалъ — попу.
Купчинѣ толстопузому,
Сказали братья Губины,
Иванъ и Митродоръ.
Пахомъ сказалъ: свѣтлѣйшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Провъ сказалъ: царю...
«Мужикъ, что быкъ: втемяшится
Въ башку какая блажь —
Коломъ ее оттудова
Не выбьешь! Какъ ни спорили
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,

Повздоривши — подралися,
Подравшися удумали
Не расходиться врозь,
Въ домишки не ворочаться,
Не видѣться ни съ женами,
Ни съ малыми ребятами,
Ни съ стариками старыми,
Покуда спору нашему
Рѣшенья не найдемъ,
Покуда не довѣдаемъ
Какъ ни на есть—доподлинно
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?

«Скажи жь ты намъ побожески
Сладка ли жизнь помѣщичья?
Ты какъ — вольготно, счастливо,
Помѣщичекъ, живешь?»

Гаврило Аѳанасьевичъ
Изъ тарантаса выпрыгнулъ,
Къ крестьянамъ подошелъ:
Какъ лекарь, руку каждому
Пощупалъ, въ лица глянулъ имъ,
Схватился за бока
И покатился со смѣху...
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Здоровый смѣхъ помѣщичій
По утреннему воздуху
Раскатываться сталъ...

Нахохотавшись до сыта,
Помѣщикъ не безъ горечи
Сказалъ: «Надѣньте шапочки,
Садитесь, *господа*!»

— Мы господа не важные,
Передъ твоею милостью
И постоимъ...

«Нѣтъ! нѣтъ!
Прошу садиться, *граждане*!»

Крестьяне поупрямились,
Однако дѣлать нечего
Усѣлись на валу.

«И мнѣ присѣсть позволите?
Эй, Трошка! рюмку хересу,
Подушку и коверъ!»

Расположась на коврикѣ
И выпивъ рюмку хересу,
Помѣщикъ началъ такъ:

«Я далъ вамъ слово честное,
Отвѣтъ держать по совѣсти,
А нелегко оно!
Хоть люди вы почтенные,
Однако не ученые,
Ка̀къ съ вами говорить?
Сперва понять вамъ надо бы
Что̀ значитъ слово самое:
Помѣщикъ, дворянинъ.
Скажите, вы, любезные,
О родословномъ деревѣ
Слыхали что-нибудь?»

— Лѣса намъ не заказаны —
Видали древо всякое!
Сказали мужики.

«Попали пальцемъ въ небо вы!..
Скажу вамъ вразумительнѣй:
Я роду именитаго,
Мой предокъ Оболдуй
Впервые поминается
Въ старинныхъ русскихъ граматахъ
Два вѣка съ половиною
Назадъ тому. Гласитъ
Та грамата: «татарину
«Оболту Оболдуеву
«Дано суконце доброе,
«Цѣною въ два рубля:
«Волками и лисицами
«Онъ тѣшилъ государыню,

«Въ день царскихъ имянинъ,
«Спускалъ медвѣдя дикаго
«Съ своимъ, и Оболдуева
«Медвѣдь тотъ ободралъ»...
— Ну, поняли, любезные?

— Какъ не понять! Съ медвѣдями
Не мало ихъ шатается
Прохвостовъ и теперь.

«Вы все свое, любезные!
Молчать! ужь лучше слушайте
Къ чему я рѣчь веду:
Тотъ Оболдуй, потѣшившій
Звѣрями государыню,
Былъ корень роду нашему,
А было то, какъ сказано,
Съ залишкомъ двѣсти лѣтъ.
Прапрадѣдъ мой по матери
Былъ и того древнѣй:
«Князь Щепинъ съ Васькой Гусевымъ»
(Гласитъ другая грамата):
«Пыталъ поджечь Москву,
«Казну пограбить думали,
«Да ихъ казнили смертію»,
А было то, любезные,
Безъ мала триста лѣтъ.

«Такъ вотъ оно откудова
То дерево дворянское
Идетъ, друзья мои!»

— А ты, примѣрно, яблочко
Съ того выходишь дерева?
Сказали мужики.

«Ну, яблочко, такъ яблочко!
Согласенъ! Благо поняли
Вы дѣло наконецъ.
Теперь — вы сами знаете —
Чѣмъ дерево дворянское
Древнѣй, тѣмъ именитѣе,

Почетнѣй дворянинъ.
Не такъ ли, благодѣтели?»

— Такъ! отвѣчали странники:
— Кость бѣлая, кость чорная,
И поглядѣть, такъ разныя, —
Имъ разный и почетъ!

«Ну, вижу, вижу: поняли!
Такъ вотъ, друзья — и жили мы,
Какъ у Христа за пазухой,
И знали мы почетъ.
Не только люди русскіе,
Сама природа русская
Покорствовала намъ.
Бывало ты въ окружности
Одинъ, какъ солнце на небѣ,
Твои деревни скромныя,
Твои лѣса дремучіе,
Твои поля кругомъ!
Пойдешь ли деревенькою,
Крестьяне въ ноги валятся,
Пойдешь лѣсными дачами —
Столѣтними деревьями
Преклонятся лѣса!
Пойдешь ли пашней, нивою,
Вся нива спѣлымъ колосомъ
Къ ногамъ господскимъ стелется,
Ласкаетъ слухъ и взоръ!
Тамъ рыба въ рѣчкѣ плещется:
«Жирѣй-жирѣй до времени!»
Тамъ заяцъ лугомъ крадется:
«Гуляй-гуляй до осени!»
Все веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: «я твоя!»

Краса и гордость русская
Бѣлѣли церкви Божіи
По горкамъ, по холмамъ
И съ ними въ славѣ спорили
Дворянскіе дома.
Дома съ оранжереями,

Съ китайскими бесѣдками
И съ англійскими парками,
На каждомъ флагъ игралъ!
Игралъ-манилъ привѣтливо
Гостепріимство русское
И ласку обѣщалъ.
Французу не привидится
Во снѣ — какіе праздники,
Не день, не два — по мѣсяцу
Мы задавали тутъ.
Свои индѣйки жирныя,
Свои наливки сочныя,
Свои актеры, музыка,
Прислуги — цѣлый полкъ!

«Пять поваровъ, три слесаря,
Двухъ кузнецовъ, обойщика,
Семнадцать музыкантиковъ
И двадцать-два охотника
Держалъ я... Боже мой!...»

Помѣщикъ закручинился,
Упалъ лицомъ въ подушечку,
Потомъ привсталъ, поправился,
— Эй, Прошка! закричалъ.
Лакей, по слову барскому,
Принесъ кувшинчикъ съ водкою.
Гаврило Аѳанасьевичъ,
Откушавъ, продолжалъ:
«Бывало въ осень позднюю
Лѣса твои Русь-матушка
Одушевляли громкіе
Охотничьи рога.
Унылые, поблекшіе
Лѣса полураздѣтые
Жить начинали вновь,
Стояли по опушечкамъ
Борзовщики-разбойники,
Стоялъ помѣщикъ самъ,
А тамъ, въ лѣсу выжлятники
Ревѣли, сорви-головы,
Варили-варомъ гончія.
Чу! подзываютъ рогъ!...

Чу! стая воетъ! сгрудилась!
Никакъ по звѣрю красному
Погнали?... улю-лю!
Лисица чернобурая,
Пушистая, матерая
Летитъ, хвостомъ мететъ!
Присѣли, притаилися,
Дрожа всѣмъ тѣломъ рьяные,
Догадливые псы:
Пожалуй, гостья жданная!
Поближе къ намъ, молодчикамъ,
Подальше отъ кустовъ!
Пора! Ну, ну! не выдай конь!
Не выдайте собаченьки!
Эй! улю-лю! родимыя!
Эй — улю-лю!... а — ту!...»

Гаврила Аѳанасьевичъ,
Вскочивъ съ ковра персидскаго,
Махалъ рукой, подпрыгивалъ,
Кричалъ! Ему мерещилось,
Что травитъ онъ лису...

Крестьяне молча слушали,
Глядѣли, любовалися,
Посмѣивались въ усъ...

«Ой ты охота псовая!
Забудутъ все помѣщики,
Но ты исконно-русская
Потѣха! не забудешься
Ни во вѣки вѣковъ!
Не о себѣ печалимся,
Намъ жаль, что ты Русь-матушка
Съ охотою утратила
Свой рыцарскій, воинственный,
Величественный видъ!
Бывало насъ по осени
До полусотни съѣдется
Въ отъѣзжія поля;
У каждаго помѣщика
Своръ двадцать въ напуску,
У каждаго по дюжинѣ

Борзовщиковъ верхомъ,
При каждомъ съ кашеварами,
Съ провизіей обозъ.
Какъ съ пѣснями, да съ музыкой
Мы двинемся впередъ,
На что̀ кавалерійская
Дивизія твоя!
Летѣло время соколомъ,
Дышала грудь помѣщичья
Свободно и легко.
Во времена боярскія
Въ порядки древне-русскіе
Переносился духъ!
Ни въ комъ противорѣчія,
Кого хочу помилую,
Кого хочу — казню.
Законъ — мое желаніе!
Кулакъ — моя полиція!
Ударъ искросыпительный,
Ударъ зубодробительный,
Ударъ скуловорррротъ...!»

Вдругъ какъ струна порвалася,
Осѣклась рѣчь помѣщичья.
Потупился, нахмурился,
— Эй, Прошка! закричалъ.
Глонулъ — и мягкимъ голосомъ
Сказалъ: «вы сами знаете,
Нельзя же и безъ строгости?
Но я каралъ — любя.
Порвалась цѣпь великая —
Теперь не бьемъ крестьянина,
За-то ужъ и отечески
Не милуемъ его.
Да, былъ я строгъ по времени,
А впрочемъ больше ласкою
Я привлекалъ сердца.

«Я въ Воскресенье свѣтлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался самъ!
Бывало накрывается
Въ гостиной столъ огромнѣйшій,

На немъ и яйца красныя
И пасха и куличъ!
Моя супруга, бабушка,
Сынишки, даже барышни
Не брезгуютъ, цалуются
Съ послѣднимъ мужикомъ.
«Христосъ Воскресъ!» — «Во истину!»
Крестьяне разговляются,
Пьютъ брагу и вино...

«Предъ каждымъ почитаемымъ,
Двунадесятымъ праздникомъ
Въ моихъ парадныхъ горницахъ
Попъ всенощну служилъ.
И къ той домашней всенощной
Крестьяне допускалися,
Молись — хоть лобъ разбей!
Страдало обоняніе,
Сбивали послѣ съ вотчины
Бабъ отмывать полы!
Да чистота духовная
Тѣмъ самымъ сберегалася,
Духовное родство!
Не такъ ли, благодѣтели?»

— Такъ! отвѣчали странники,
А про себя подумали:
«Коломъ сбивалъ ихъ, что ли, ты
Молиться въ барскій домъ?..»

«За-то, скажу не хвастая,
Любилъ меня мужикъ!
Въ моей сурминской вотчинѣ
Крестьяне все подрядчики,
Бывало дома скучно имъ
Всѣ на чужую сторону
Отпросятся съ весны...
Ждешь — не дождешься осени,
Жена, дѣтишки малые
И тѣ гадаютъ, ссорятся:
«Какого имъ гостинчику
Крестьяне принесутъ!»
И точно: поверхъ барщины,

Холста, яицъ и живности,
Всего что на помѣщика
Сбиралось искони, —
Гостинцы добровольные
Крестьяне намъ несли!
Изъ Кіева — съ вареньями,
Изъ Астрахани — съ рыбою,
А тотъ, кто подостаточнѣй
И съ шелковой матеріей:
Глядь, чмокнулъ руку барынѣ
И свертокъ подаетъ!
Дѣтямъ игрушки, лакомства,
А мнѣ сѣдому бражнику
Изъ Питера вина!
Толкъ вызнали разбойники,
Небось, не къ Кривоногову,
Къ французу забѣжитъ.
Тутъ съ ними разгуляешься,
Побратски побесѣдуешь,
Жена рукою собственной
По чаркѣ имъ нальетъ.
А дѣтки тутъ же малыя
Посасываютъ прянички
Да слушаютъ досужіе
Разсказы мужиковъ —
Про трудные ихъ промыслы,
Про чуже-дальны стороны,
Про Петербургъ, про Астрахань,
Про Кіевъ, про Казань...

«Такъ вотъ, какъ, благодѣтели,
Я жилъ съ моею вотчиной,
Неправда-ль, хорошо?..»
— Да, было вамъ помѣщикамъ
Житье куда завидное,
Не надо умирать!

— И все прошло! все минуло!...
Чу! похоронный звонъ!...»

Прислушалися странники,

И точно: изъ Кузьминскаго
По утреннему воздуху
Тѣ звуки грудь щемящіе
Неслись: «Покой крестьянину
И царствіе небесное!»
Проговорили странники
И покрестились всѣ...

Гаврило Аѳанасьевичъ
Снялъ шапочку — и набожно
Перекрестился тожъ:
«Звонятъ не по крестьянину!
По жизни по помѣщичьей
Звонятъ!... Ой, жизнь широкая!
Прости — прощай на вѣкъ!
Прощай и Русь помѣщичья!
Теперь не та ужъ Русь!
Эй, Прошка!» (выпилъ водочки
И посвисталъ)...

«Не весело
Глядѣть какъ измѣнилося
Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Какъ будто все попряталось,
Повымерло! Куда
Ни ѣдешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные
Да глупые посредники,
Да иногда пройдетъ
Команда. Догадаешься:
Должно быть взбунтовалося
Въ избыткѣ благодарности
Селенье гдѣ нибудь!
А прежде что тутъ мчалося
Колясокъ, бричекъ троечныхъ,
Дормезовъ шестерней!
Катитъ семья помѣщичья —
Тутъ маменьки солидныя,

Тутъ дочки миловидныя
И рѣзвые сынки!
Поющихъ колокольчиковъ,
Воркующихъ бубенчиковъ
Наслушаешься всласть.
А ныньче чѣмъ разсѣешься?
Картиной возмутительной
Что шагъ—ты пораженъ:
Кладбищемъ вдругъ повѣяло,
Ну значитъ приближаемся
Къ усадьбѣ... Боже мой!
Разобранъ по кирпичику
Красивый домъ помѣщичій
И аккуратно сложены
Въ колонны кирпичи!
Обширный садъ помѣщичій,
Столѣтьями взлелѣянный,
Подъ топоромъ крестьянина
Весь легъ,—мужикъ любуется
Какъ много вышло дровъ!
Черства душа крестьянина,
Подумаетъ ли онъ,
Что дубъ сейчасъ имъ сваленный,
Мой дѣдъ рукою собственной
Когда-то насадилъ?
Что вонъ подъ той рябиною
Рѣзвились наши дѣтушки
И Ганичка и Вѣрочка,
Аукались со мной?
Что тутъ, подъ этой липою
Жена моя призналась мнѣ
Что тяжела она
Гаврюшей, нашимъ первенцомъ,
И спрятала на грудь мою
Какъ вишня покраснѣвшее
Прелестное лицо?...
Ему была бы выгода
Радехонекъ помѣщичьи
Усадьбы изводить!
Деревней ѣхать — совѣстно,
Мужикъ сидитъ — не двинется,
Не гордость благородную

Жолчь чувствуешь въ груди.
Въ лѣсу не рогъ охотничій,
Звучитъ—топоръ разбойничій,
Шалятъ!... а что подѣлаешь?
Кѣмъ лѣсъ убережешь?...
Поля — не доработаны,
Посѣвы — не досѣяны,
Порядку нѣтъ слѣда!
О матушка! о родина!
Не о себѣ печалимся,
Тебя, родная, жаль.
Ты какъ вдова печальная
Стоишь съ косой распущенной,
Съ неубраннымъ лицомъ!...

«Усадьбы переводятся,
Въ замѣнъ ихъ распложаются
Питейные дома!...
Поятъ народъ распущенный,
Зовутъ на службы земскія,
Сажаютъ, учатъ грамотѣ,
Нужна ему она!
На всей тебѣ, Русь матушка,
Какъ клейма на преступникѣ,
Какъ на конѣ тавро
Два слова нацарапаны:
«На выносъ и распивочно»,
Чтобъ ихъ читать, крестьянина
Мудреной русской грамотѣ
Не стоитъ обучать!...

«А намъ земля осталася...
Ой ты, земля помѣщичья!
Ты намъ не мать, а мачиха
Теперь... «А кто велѣлъ?»
Кричатъ писаки праздные:
«Такъ вымогать, насиловать
Кормилицу свою!»
А я скажу: а кто же ждалъ?
Охъ! эти проповѣдники!
Кричатъ: «довольно барствовать!

Проснись, помѣщикъ засцаниый!
Вставай! — учись! трудись!..»

«Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповѣдь.
Я не крестьянинъ-лапотникъ —
Я божіею милостью
Россійскій дворянинъ!
Россія — не нѣметчина,
Намъ чувства деликатныя,
Намъ гордость внушена!
Сословья благородныя
У насъ труду не учатся.
У насъ чиновникъ плохонькій
И тотъ половъ не вымететъ,
Не станетъ печь топить...
Скажу я вамъ, не хвастая,
Живу почти безвыѣздно
Въ деревнѣ сорокъ лѣтъ,
А отъ ржанаго колоса
Не отличу ячменнаго,
А мнѣ поютъ: «трудись!»

«А если и дѣйствительно
Свой долгъ мы ложно поняли
И наше назначеніе
Не въ томъ, чтобъ имя древнее
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
Пирами, всякой роскошью,
И жить чужимъ трудомъ,
Такъ надо было ранѣе
Сказать... Чему учился я?
Что видѣлъ я вокругъ?...
Коптилъ я небо Божіе,
Носилъ ливрею пышную,
Сорилъ казну народную
И думалъ вѣкъ такъ жить...
И вдругъ... Владыко праведный!..»

Помѣщикъ зарыдалъ...

Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали
Подумавъ про себя:
«Порвалась цѣпь великая
Порвалась, — раскачалася —
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику!..»

1865 годъ. **Н. Некрасовъ.**

ДУХОВНОЕ ГОСПОДСТВО.

РИМЪ ВЪ XIX ВѢКѢ.

РОМАНЪ

Гарибальди.

(*Переводъ съ итальянской рукописи* *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Клелія.

Она была прелестна, жемчужина Транстеверіи! косы смоляныя, тяжелыя—и что за очи! Ихъ блескъ палилъ, какъ жгучая молнія... На шестнадцатомъ году, ея станъ развился роскошнѣе стана античныхъ матронъ. О, Рафаэль въ Клеліи нашелъ бы всю прелесть дѣвственнаго идеала, вмѣстѣ съ отважною душой той

* Итальянскій текстъ этого романа, озаглавленнаго въ подлинникѣ: «Clelia, ovvero Il Governo del Monaco (Roma nel secolo XIX)», еще не появлялся въ печати въ Италіи. Издатели его—братья Рикьедеи—обѣщали его появленіе въ свѣтъ не ранѣе 19-го февраля нашего стиля. Поэтому, желая сохранить вполнѣ для нашихъ читателей, по отношенію къ этому роману, интересъ новости, мы черезъ посредство одного лица, временно проживающаго въ Италіи, вошли въ соглашеніе съ его миланскими издателями, и пріобрѣли право его перевода съ рукописи. Такимъ образомъ, начиная помѣщеніе романа, на предварительное прочтеніе котораго мы не имѣли возможности, такъ-сказать, *на вѣру*, мы руководствовались тѣмъ соображеніемъ, что еслибы это произведеніе знаменитаго нашего современника и не представляло красотъ въ художественномъ отношеніи, то, во всякомъ случаѣ, выражая взгляды на живую дѣйствительность Италіи, такого историческаго дѣятеля, какъ Гарибальди, должно составлять въ литературѣ явленіе, не совсѣмъ обыденное. Литературный талантъ Гарибальди, хотя «Клелія» еще первый его романъ, впрочемъ, уже извѣстенъ читающему міру, по появившей-

другой Клеліи *, ея тёзки, что утопилась въ Тибрѣ, спасаясь отъ воиновъ Порценны.

О, да! она была дѣйствительно прекрасна, Клелія... И кто могъ глядѣть на нее, не согрѣвъ душу теплотой свѣтлаго пламени, горѣвшаго въ ея глазахъ?

Но развѣ римскія *эминенціи*, эти безконтрольные хозяева «святаго города», эти изнѣженные угодники чрева, эти изможенные сластолюбцы похотей не знали, что такое сокровище хоронится въ стѣнахъ Рима? Нѣтъ, онѣ знали; и одна изъ нихъ уже давно зарилась на лакомый кусочекъ, происходящій отъ древнихъ Квиритовъ» **.

— Ступай, Джіани, молвилъ однажды кардиналъ Прокопіо, фактотумъ и фаворитъ его святѣйшества: — сходи и добудь мнѣ во что бы ни стало эту дѣвочку... Я умираю по Клеліи... Она одна способна разсѣять мой сплинъ и наполнить пустоту существованія, которое волочу я за хвостомъ этого стараго грѣховодника... И Джіани, припадая чуть не до полу волчьей своей мордочкой, и съ лаконическимъ: «слушаю-съ, эччеленца», пустился безъ дальнихъ околичностей справлять гнусное порученіе.

Но надъ Клеліей не дремалъ Аттиліо, Аттиліо, спутникъ ея дѣтства, двадцатилѣтній Аттиліо, здоровенный художникъ, смѣльчакъ, коноводъ римской молодежи, не оженоподобленной, проматывающейся и низкопоклонствующей молодежи, а той, въ средѣ которой забился первый нервъ того легіона, что затмилъ македонскія фаланги.

Аттиліо, прозванный товарищами студіи «Римскимъ Антиноемъ», любилъ Клелію, любилъ той любовью, для которой рискъ жизнью — игра, опасность смерти — счастіе.

Въ улицѣ, ведущей вверхъ отъ Лунгары къ Яникульской Площади, неподалеку отъ фонтана Монторіо, находилось жилище

ся года три назадъ книжкѣ его лирическихъ стихотвореній. Итальянскія газеты наперерывъ предсказываютъ новому роману громадный успѣхъ, и это въ значительной степени не лишено вѣроятія, такъ-какъ среди голосовъ газетныхъ репортеровъ, недавно раздался объ этомъ голосъ и такого тонкаго цѣнителя литературныхъ произведеній, какъ знаменитый Манцони, патріархъ романа въ Италіи, извѣстный и у насъ по переводу его классическихъ «Обрученныхъ» (I promessi sposi). Романъ Гарибальди уже переводится на всѣ европейскіе языки. Луи Ульбахъ обѣщаетъ его помѣщеніе въ своемъ «Колоколѣ», а англійскій издатель Чемберсъ, кажется, успѣлъ уже его выпустить въ свѣтъ въ Лондонѣ.

Примѣчаніе редакціи.

* Римская Клелія временъ Порценны.

** Транстеверяне почитаютъ себя происходящими отъ кровной расы древнихъ римлянъ. *Прим. авт.*

Клеліи. Ея семейные были ваятелями мрамора, — ремесло, допускающее въ Римѣ относительную независимость жизни, если, впрочемъ, независимость можетъ водиться тамъ, гдѣ хозяйничаютъ патеры...

Отецъ Клеліи, уже близкій къ пятому десятку, былъ мужчина отъ природы крѣпкаго закала, который еще болѣе окрѣпъ вслѣдствіе трудовой и умѣренной жизни; мать была тоже здоровой конструкціи, но деликатной. Она имѣла ангельское сердце и на нее радовались не только въ семействѣ, но и во всемъ сосѣдствѣ.

Говорили, что Клелія совмѣщала ангельскія качества матери съ развитой и сильной натурой отца; знали еще, что въ этомъ честномъ семействѣ всѣ другъ друга искренно любили...

И вотъ вокругъ этого-то довольства, вечеромъ, 8-го февраля 1866 г., увивался низкій фактотумъ высокаго прелата.

Джіани уже разъ являлся-было къ порогу честнаго питомца Фидія, но видъ загорѣлыхъ и мускулистыхъ рукъ художника, засученныхъ до локтей, такъ напугалъ его, что онъ счелъ за лучшее вернуться вспять.

Однакожъ, когда художникъ обернулся и явилъ на мужественномъ лицѣ своемъ выраженіе нѣкотораго добродушія, то негодяй пріосанился и вступилъ въ студію.

— Buona sera, signor Manlio! залепеталъ недобропожаловавшій посланецъ фальцетомъ.

— Buona sera, отозвался художникъ, и, не отрывая глазъ отъ рѣзца, обратилъ мало вниманія на личность, принадлежащую, какъ онъ догадывался, къ той многочисленной ордѣ подкупныхъ холоповъ, которою патеры замѣнили въ Римѣ благородную расу Квиритовъ.

— Buona sera, повторилъ Джіани нерѣшительно-умиленно, и завидя, что ваятель поднялъ, наконецъ, на него глаза, продолжалъ: — ихъ эминенція кардиналъ Прокопіо прислалъ меня сказать вашей синьйоріи, что имъ хотѣлось бы имѣть двѣ статуэтки святителей, для наддвернаго украшенія ихъ молельни...

— А какой величины желаетъ онъ статуэтки? спросилъ Манліо.

— Я полагаю, залепеталъ снова тотъ: — вашей синьйоріи лучше бы самимъ пожаловать въ палаццо, чтобъ уговориться съ ихъ эминенціей...

Складка губъ честнаго артиста служила яснымъ указаніемъ, что предложеніе это было ему не по сердцу; но можно ли жить въ Римѣ внѣ зависимости отъ патеровъ? Между іезуитскими ухищреніями тонзурованной братіи, обрѣтается и притворное покровительство искусству, и этимъ притворствомъ она доби-

лась того, что лучшіе мастера Италіи принуждены выбирать сюжетомъ для своихъ твореній разныя басни, развращая ими чувства массъ.

Складка губъ не значитъ еще отрицаніе; а въ дѣйствительности, надлежало жить и содержать два созданія—жену и дочь, за которыхъ Манліо отдалъ бы стократно жизнь.

— Приду, отозвался онъ сухо и пораздумавъ съ минуту, и Джіани, съ низкимъ поклономъ, отретировался.

«Первый шагъ сдѣланъ», шепнулъ про себя кардинальскій сводчикъ: «теперь надо найдти наблюдательный и укрывательный пунктъ для Ченчіо...» А Коій Ченчіо—надобно, чтобы читателю то было извѣстно,—состоялъ въ подчиненіи у Джіани и обработывалъ, въ подобныхъ предпріятіяхъ, «вторую часть» кардинальскихъ порученій.

Джіани высматривалъ для своего помощника какую нибудь мёблированную коморку, непремѣнно въ виду студіи Манліо, что было не весьма затруднительно. Въ этомъ углу столицы католичества, наплывъ люда никогда не бываетъ значителенъ, потому что патеры, заботящіеся для себя о матеріальныхъ благахъ, другимъ предоставляютъ заботу лишь о благѣ духовномъ... Нашъ вѣкъ — нѣсколько положителенъ: онъ разсчитываетъ чаще на проценты, нежели на радости рая — и оттого Римъ, за недостаткомъ средствъ производства, средствъ сбыта, остается опустѣлымъ и тоще-населеннымъ *.

Джіани нашелъ чего искалъ безъ затрудненія, и найдя — побрёлъ во свояси, весело посвистывая и съ совѣстью нетолько не отягченною, но успокоенною надеждой на «отпущеніе», въ которомъ патеры никогда не отказываютъ за продѣлки, творимыя въ ихъ честь.

II.

Аттиліо.

Напротивъ студіи Манліо находилась другая: та, гдѣ работалъ Аттиліо. Изъ своего окна онъ могъ видѣть Клелію, — и должно быть мудрено, что воспламенился горячею любовью къ ней.

Клелія была краше самыхъ красивыхъ дѣвушекъ Рима, но не надменна и не требовательна на «ухаживанья»; но когда глазъ женщины останавливался хотя мелькомъ на нашемъ Аттиліо и

* Въ Римѣ значилось нѣкогда два мильйона народонаселенія, а теперь не осталось и 210 тысячъ. *Прим. авт.*

замѣчалъ его наружность, то будь у нея за тройной кирасой спрятано сердце, оно начинало биться невольнымъ увлеченіемъ.

Одного обмѣненнаго между ними взгляда было достаточно, чтобъ на вѣкъ рѣшить судьбу обоихъ.

Съ тѣхъ поръ Аттиліо, имѣя свою святыню передъ студіей, гдѣ просиживалъ почти цѣлые дни, частенько поглядывалъ на окно перваго этажа, у котораго, рядомъ съ матерью, работала Клелія, и откуда электрическій блескъ ея глазъ встрѣчался, словно по уговору, съ огненными взглядами ея избранника.

Аттиліо, въ тотъ же вечеръ, подмѣтилъ подходцы негодяя, отгадалъ въ немъ «ходока» по темнымъ дѣламъ, и почуялъ «недоброе» для красавицы-ребенка, почуялъ оттого, что римскому народу давно извѣстно, чего слѣдуетъ ожидать отъ «семидесяти-двухъ» *, испорченныхъ и отупѣвшихъ, богатыхъ, вліятельныхъ, зарящихся на красоту и невинность для того лишь, чтобъ осквернить ихъ.

Не успѣлъ Джіани пройдти и ста шаговъ по направленію къ Лунгарѣ, какъ нашъ дружище шагалъ уже по его слѣду, съ видомъ полнаго равнодушія, какъ бы «отъ нечего дѣлать» останавливаясь разсматривать диковины на эталажахъ магазиновъ и архитектурныя достопримѣчательности зданій и монументовъ, которыми, на каждомъ шагу, украшена дивная метрополія міра.

И слѣдилъ Аттиліо — съ тайнымъ предчувствіемъ, что слѣдитъ за мерзавцемъ, за орудіемъ мерзостныхъ прихотей, промышляющимъ, можетъ статься, на пагубу его милой; слѣдилъ за нимъ Аттиліо, ощупывая рукоятку ножа, спрятаннаго за пазухой.

Такова сила предчувствія! одинъ видъ неизвѣстнаго человѣка, котораго онъ встрѣтилъ въ первый разъ и на одну минуту — человѣка обыкновеннаго, какъ всѣ, пробудилъ въ этой огненной душѣ неутомимую жажду крови, въ которой окунулся бы онъ съ наслажденіемъ канибала...

И снова пощупалъ онъ свой ножъ — оружіе запрещенное и порицаемое иностранцами, какъ-будто штыкъ или сабля, обагренные ими столько разъ невинною кровью, благороднѣе ножа, погруженнаго въ грудь убійцы, направленнаго въ сердце предателя.

Аттиліо видѣлъ, какъ Джіани входилъ въ домъ, гдѣ нанялъ комнату для Ченчіо; видѣлъ, какъ онъ оттуда вышелъ и вошелъ во дворъ величественнаго палаццо Корсини, въ которомъ обиталъ его патронъ.

* 72 кардинала — такъ зовутся римскимъ народомъ. *Прим. авт.*

«Значитъ»—молвилъ про себя нашъ герой—«донъ-Прокопіо тутъ причина...» Донъ-Прокопіо, фаворитъ и главный дебоширъ изъ всей клики римскихъ князей церкви. И Аттиліо отошелъ погруженный въ невеселое раздумье.

III.

Заговоръ.

Привиллегія раба — заговоры; и немного такихъ итальянцевъ, которые во времена порабощенія своей страны, ни разу не участвовали бы въ заговорѣ. Деспотизмъ церковниковъ самый невыносимый, возмутительный и гнусный; поэтому, понятно, что возмущенія римлянъ всегда бывали вынуждены владычествомъ этихъ пройдохъ.

Ночь на 8-е февраля была въ Римѣ кануномъ возстанія, задуманнаго въ Колизеѣ: поэтому Аттиліо, прослѣдивъ Джіани, направился не домой, а къ Campo Vaccino.

Была темная ночь и черныя-черныя тучи, нагоняемыя порывистымъ вѣтромъ, смыкались надъ святымъ городомъ; римскій христараднивъ ёжился подъ дырявымъ пальтишкомъ, прижавшись подъ порталемъ аристократическаго палаццо либо подъ навѣсомъ церкви; за то патеръ, воспользовавшись услугами неразлучной «Перепетуи» *, и отяжелѣвъ отъ желудочнаго переполненія, готовился отойдти къ усладительному отдохновенію...

Тамъ, въ глубинѣ античнаго форума, воздымается гигантская руина, мрачная, строгая, гласящая поколѣнію рабовъ о сотняхъ сгинувшихъ поколѣній, напоминающая римлянамъ, что ихъ Римъ, растлѣнный временемъ, разрушается... — То Колизей.

Иностранцы обыкновенно посѣщають Колизей при лунномъ свѣтѣ—но надо посмотрѣть на него въ темную ненастную ночь, когда его освѣщаетъ молнія, когда его потрясаютъ раскаты грома, и онъ стоитъ полный глухихъ, неуловимыхъ отголосковъ!

Такова была та ночь, когда заговорщики, одинъ по одному и разными улицами, пробирались къ амфитеатру гладіаторскихъ игръ завернутые широкими плащами, которые издали, при внезапныхъ заревахъ грозы, казались тогами.

При тускломъ мерцаніи потайнаго фонаря, припасеннаго заговорщиками, видно было, какъ эти отважные защитники римской свободы карабкались по различнымъ подъёмамъ къ «раю»—

* Perpetua — названіе, заимствованное изъ романа Манцони «Premessi Sposi», подъ которымъ итальянцы разумѣютъ прислужницъ à tout faire, нанимаемыхъ патерами-холостяками. *Прим. перев.*

такъ величали они мѣсто своихъ сборищъ—и тамъ скучивались въ толпу, безъ инаго привѣтствія, кромѣ молчаливаго пожатія руки, ибо всѣ они между собой были друзьями и пріятелями.

Какъ только всѣ размѣстились, зычный голосъ раздался по галлереѣ: «Караульщики на мѣстахъ ли?», и другой голосъ, съ другаго конца, отвѣтилъ: «на мѣстахъ...» Тогда, въ сторонѣ перваго голоса, вдругъ запылалъ факелъ, освѣтившій сотню молодыхъ и симпатичныхъ лицъ отъ восемнадцати до тридцатилѣтняго возраста и за нимъ, тамъ-сямъ, начали засвѣчаться другіе факелы, разомъ озарившіе ночную тьму.

Римскіе патеры не ощущаютъ недостатка въ шпіонахъ—лучшіе шпіоны суть сами же патеры; оттого нѣкоторымъ можетъ показаться странно, что сотенная толпа заговорщиковъ могла безнаказанно собраться въ стѣнахъ этого города. Но не должно забывать, что Римъ вообще пустыня, а на Campo-Vaccino, самомъ глухомъ пунктѣ этого пустыря, имѣется много развалинъ, нежилыхъ домовъ и заросшихъ площадокъ. Сверхъ того, Римъ—городъ мерсенеровъ, наемщиковъ, холящихъ прежде всего свою собственную кожу, отправляющихъ службу больше для вида, чѣмъ для дѣла и неохотно рискующихъ жизнію на обшариваніе отдаленныхъ трущобъ, несравненно болѣе опасныхъ, нежели центральныя улицы Рима, а даже и въ этихъ послѣднихъ честный людъ былъ не слишкомъ-то спокоенъ.

Въ городѣ столь суевѣрномъ, какъ метрополія католицизма, не ощущается также недостатка и въ легендахъ о привидѣніяхъ, бродящихъ по ночамъ между развалинами, нѣтъ недостатка и въ людяхъ имъ вѣрующихъ. Такъ, напримѣръ, разсказывали, что въ одну ненастную, какъ эта, ночь, два сбира, изъ болѣе отважныхъ, подойдя во время обхода къ Колизею, и запримѣтивъ какой-то необычный свѣтъ, хотя и бросились для развѣдокъ; но приблизившись увидѣли, что-то такое страшное, что, объятые ужасомъ, побросали, одинъ шляпу, другой саблю и пустились бѣжать.

Это «что̀-то» было не что иное, какъ наши молодцы, увѣдомленные своими караульщиками и подобравшіе потомъ шляпу и саблю бѣглецовъ—неожиданные трофеи, вызвавшіе между ними взрывъ хохота.

IV.

300.

Первый голосъ, раздавшійся съ галлереи, былъ голосъ одного изъ нашихъ знакомцевъ—голосъ Аттиліо. Двадцатилѣтній Ат-

тиліо, за смѣлость, и отвагу, былъ избранъ товарищами единогласно въ капитаны: таково обаяніе мужества и добродѣтели — и скажемъ еще — красоты и крѣпости тѣла! И Аттиліо заслуживалъ довѣріе товарищей: тѣлесная красота его соединялась съ подобіемъ и сердцемъ льва.

Оглянувъ все собраніе и увѣрившись, что всѣ имѣли чорныя ленты на лѣвой рукѣ (знакъ борьбы противъ угнетенія, знакъ не снимающійся до окончательнаго избавленія Рима,—отличительный знакъ «трехсотъ»), Аттиліо заговорилъ такъ:

«Братья! Уже минулъ срокъ, къ которому пришлая солдатчина, послѣдняя поддержка папства, должна была, въ силу конвенціи, очистить нашу землю. Давно прошелъ срокъ этотъ... Теперь очередь за нами. Восемьнадцать лѣтъ мы терпѣли двойное иго, равно ненавистное, иго чужеземцовъ и патеровъ, и въ эти послѣдніе годы, готовые поднять знамя возстанія, мы были постоянно удерживаемы тою сектой гермафродитовъ, которая зовется *умѣренными*, и умѣренность которой не что иное, какъ противодѣйствіе дѣлу, дѣлу добра. Это секта алчная и прожорливая—прожорливая, какъ патеры — готовая вѣчно пресмыкаться передъ иностранцемъ, торгашествовать національною честью, обогащаться на счетъ государственной казны и влечь насъ къ неминуемой гибели... Извнѣ друзья наши готовы: они упрекаютъ насъ за бездѣйствіе; войско за насъ; оружіе, для раздачи народу, уже подвезено и припрятано въ надежномъ мѣстѣ; припасовъ у насъ больше, чѣмъ нужно... Для чего же откладывать еще? какого еще новаго случая ждать? Да будетъ же нашимъ крикомъ: all'armi!

«All'armi! all'armi!!» было откликомъ трехсотъ голосовъ.

Жилище безмолвія, гдѣ, можетъ статься, бродитъ еще по ночамъ духъ исчезнувшихъ героевъ, раздумывая о рабствѣ націй, огласилось крикомъ, и эхо подхватило и разнесло его между вѣковыми стѣнами необъятной развалины.

Ихъ было 300! Триста, какъ товарищей Леонида, какъ спутниковъ древнихъ Фабіевъ, и были они молоды, и не уступили бы своего назначенія — назначенія освободителей, назначенія мучениковъ—за всю вселенную.

«Да благословитъ насъ Богъ, началъ снова Аттиліо: — да благословитъ насъ на святое дѣло. Счастливы мы, которыхъ судьба связана съ возрожденіемъ античной столицы міра, послѣ стольккихъ вѣковъ рабства и поповскихъ злодѣйствъ... Борьба, которую мы начинаемъ,—святая борьба, и не одна Италія, но цѣлый міръ будетъ признателенъ намъ за избавленіе отъ владычества этой ползающей расы гадинъ — пѣны ада — проповѣ-

дующей смиреніе, самоуничиженіе и лицемѣріе. Знайте, что братство только тамъ возможно, гдѣ не владычествуетъ патеръ...»

Такъ текла пламенная рѣчь Аттиліо, когда неожиданный свѣтъ, словно бы тысячью волшебныхъ огней озарилъ внезапно огромный остовъ Колизея, — и за мгновеннымъ свѣтомъ опять нахлынула темнота чернѣе прежней, и ужасный ударъ потрясъ до основанія всю руину.

Не поблѣднѣли передъ нимъ заговорщики, готовые встрѣтить смерть, гдѣ бы она ни случилась; замолкъ ударъ — и каждый протянулъ руку, чтобъ ощупать лезвіе за пазухой: почти вслѣдъ за нимъ, послышался внизу отчаянный крикъ — и черезъ минуту растерзанная женщина, внѣ себя, вбѣжала въ кружокъ заговорщиковъ.

Сильвіо первой узналъ ее.

— Бѣдная Камилла! воскликнулъ молодой сигнальщикъ: — бѣдная душа! До какого положенія довели ее эти изверги, для которыхъ адъ одинъ долженъ бы служить пристанищемъ.

Вслѣдъ за молодой женщиной, подошли къ кружку и нѣкоторые изъ караульщиковъ, стоявшихъ снаружи, и разсказали, какъ эта женщина, благодаря блеску молніи, ихъ замѣтила, какъ бросилась къ галлереѣ, и не было никакой возможности ее удержать.

«При видѣ женщины—доложили караульщики—мы полагали поступить согласно вашему желанію, не употребляя противъ нея оружія; иначе-же, не было силы не допустить ее».

Камилла между тѣмъ, успокоенная Сильвіемъ, подняла машинально на него глаза; но, оглянувъ его, издала крикъ ужаса, упала ничкомъ на-земь и такъ скорбно зарыдала, что растрогались бы камни.

V.

Дѣтоубійство.

Въ статистикахъ значится, что Римъ есть городъ, гдѣ наибольше рождается незаконныхъ дѣтей. А явствуетъ ли изъ статистикъ этихъ, сколько убивается тамъ незаконнорожденныхъ?...

Въ 1849 г., въ дни правительства людей *, я присутствовалъ при осмотрахъ отдаленныхъ угловъ тѣхъ ямъ, которыя зовутся монастырями, и въ каждомъ монастырѣ находилъ неизмѣнно орудія пытки и костохранилище ** младенцевъ. Чѣмъ

* Governo degli uomini — собственное выраженіе автора. *Прим. перев.*

** Ossario — имѣющее назначеніе для храненія мощей. *Прим. перев.*

было это скрытое кладбище едва рожденныхъ или нерожденныхъ еще существъ? Чувство отвращенія возмущаетъ душу, если она не душа прелата, передъ подобнымъ фактомъ.

Патеръ, въ образѣ лжеца, взросшаго въ средѣ обмановъ и лицемѣрія, глумящагося надъ довѣрчивостью невѣждъ, естественно склоненъ къ пресыщенію какъ чрева, такъ и плоти; а могъ ли бы онъ ублажать свой ненасытный аппетитъ, еслибъ не умѣлъ уничтожать слѣды своихъ растлѣній и насилій? Итакъ-то, рожденное, вытравленное, либо придушенное и схороненное существо, не повѣдаетъ о развратѣ тѣхъ, кто посвятилъ себя на вѣчную безпорочность... Земля, рѣки, море— навѣрное скрываютъ мильйоны жертвъ этихъ обмановъ и притворствъ...

Бѣдная Камилла! и твоего зачатія плодъ не избѣгнулъ умерщвленія, и онъ испустилъ вздохъ, свой первый и послѣдній вздохъ, подъ пальцами «исполнителей» того же самаго Донъ-Прокопіо, того же Джіани, которому въ настоящее время поручено сманить и погубить жемчужину Транстеверіи, прелестную Клелію!

Рожденная крестьянкой, несчастная Камилла имѣла, какъ Италія, пагубный даръ красоты. Сильвіо, часто охотясь въ понтійскихъ болотахъ, имѣлъ привычку, по пути, заходить въ домъ стараго Марчелло, отца Камиллы, расположенный невдалекѣ отъ Рима, и тамъ влюбился въ дѣвушку. Любимый взаимно Камиллой, онъ просилъ согласія отца, получилъ его — и ихъ помолвили. Это была славная парочка: красивый и здоровенный охотникъ съ миловидною и хорошенькою крестьянкой, и оба заранѣе предвкушали душой счастіе будущаго соединенія.

Но слишкомъ хороша была собой Камилла и слишкомъ невинна для этого испорченнаго города... Облавщики эминенцій пронюхали голубку, а выслѣженная и загнанная *въ островъ* — она не могла не пасть.

Однажды, на охотѣ, бѣднаго Сильвіо настигла лихорадка, столь обычная въ этихъ болотахъ, и болѣзнь была причиною, что свадьбу отложили, а налёты ястребовъ на миловидную добычу участились.

Рѣдко, но случалось Камиллѣ носить фрукты на пьяццу Навона, и тамъ нѣкая торговка, подкупленная Джіани, разставила такія льстивыя сѣти, что неосторожная поселянка попалась-таки въ западню.

Паденіе недолго оставалось тайной, беременность вскорѣ грозила открыть грѣхъ, а боязнь угрозъ отца и жениха заставила

Камиллу сдаться на убѣжденіе занять комнатку въ палаццо Корсини, гдѣ кардиналъ въ полномъ спокойствіи могъ продолжать свою связь съ бѣдняжкой.

Родился мальчуганъ, и этотъ мальчуганъ былъ предназначенъ, подобно многимъ другимъ, къ умерщвленію. Камилла сошла съума, и по милости великодушнаго человѣколюбія пурпурованнаго, который замышлялъ уже новую интрижку, была заключена въ домѣ умалишонныхъ.

Какъ-то ночью, однако, не то насиліемъ, не то обманувъ бдительность стражъ, дурочкѣ удалось выбраться на свѣжій воздухъ. Она ушла, и шла долго подъ ненастною ночью, шла на-обумъ, пока, случайно подойдя къ Колизею, не увидала свѣта. Она подошла ближе, и въ этотъ моментъ отблескъ молніи освѣтилъ всю окружность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и караульщиковъ, наблюдающихъ у входа въ амфитеатръ.

Инстинктъ, какое-то предчувствіе влекли ее къ этимъ людямъ, которые, по крайней мѣрѣ, не походили на патеровъ. Они хотѣли-было остановить ее; но Камилла нашла въ эту ночь силы сверхчеловѣческія: вырвалась, вбѣжала, и добравшись до галлереи, упала изнеможенная между кружкомъ трехсотъ.

Бѣдная Камилла! И Сильвіо, узнавшій ее, разсказалъ исторію несчастной. «Пора, подхватилъ Аттиліо, пора очистить нашъ городъ отъ этой непотребной грязи»... и лучъ сомнѣнія за Клелію, можетъ уже близкую къ когтямъ ненасытнаго сластолюбца, сверкнулъ передъ нимъ вмѣстѣ съ стальнымъ лезвіемъ ножа, выхваченнаго подъ первымъ впечатлѣніемъ.

«Проклятіе тому римлянину, который не чувствуетъ униженія, который не хочетъ обагрить своего ножа кровью угнетателей, сдѣлавшихъ изъ Рима гнусную клоаку!»

— Проклятіе! проклятіе! гремѣло нѣсколько минутъ подъ сводами развалинъ, и звуки скрещеннаго желѣза вторили звукамъ голосовъ. То былъ роковой концертъ, дававшійся въ честь непрошенныхъ хозяевъ Рима.

— Сильвіо, продолжалъ Аттиліо: — этой дѣвушкѣ, больше несчастной, чѣмъ виновной, нужно покровительствовать, и ты ей въ томъ не откажешь. Ступай и проводи ее покуда, а въ день боя, мы увѣрены, ты будешь на своемъ мѣстѣ...

Сильвіо былъ добръ сердцемъ, и любилъ еще свою злосчастную Камиллу, а она, при видѣ любимаго лица, успокоилась, словно расцвѣла, и улыбнулась. Сильвіо закуталъ ее своимъ плащемъ, и тихо взявъ за руку, увелъ изъ Колизея...

— На *пятнадцатое*, въ термахъ Каракаллы, и да будетъ, что будетъ!...

— Готовы! готовы! вскрикнули всѣ триста, и черезъ нѣсколько минутъ пустынная развалина снова погрузилась въ свое безмолвное уединеніе.

VI.

Арестъ.

Ченчіо, какъ то случается только между римской молодёжью, опустился, больше по винѣ своихъ родителей, чѣмъ по собственной, до пошлаго положенія, въ которомъ мы его застали.

Отецъ его, бѣдный ремесленникъ, былъ женатъ на одной изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыхъ въ Римѣ такъ много, и которыя являются на свѣтѣ плодомъ сожительства высшаго католическаго духовенства съ римскими простолюдинками *. Женщинѣ этой была извѣстна тайна ея происхожденія и въ своемъ тщеславіи она только о томъ и думала, какъ бы вытащить свое дѣтище изъ ничтожнаго положенія отца.

Она весьма уповала на покровительство *знатнаго родителя* **, и ей казалось, что онъ обязанъ озабочиваться участью ея ребенка... Въ простотѣ души своей она и не догадывалась, что свѣтскія наслажденія поглощаютъ всецѣло помыслы смиренныхъ проповѣдниковъ жизни вѣчной — и что разъ пресытившись ими, они покидаютъ или уничтожаютъ затѣмъ всѣ слѣды...

И Ченчіо, назначаемый ослѣпленной матерью на «великія дѣла», не позаботился научиться отцовскому ремеслу — шатался, шатался и кончилъ — залѣзая выше своей среды — тѣмъ, что предался главному поставщику удовольствій для нѣкой эминенціи.

Изъ горницы, гдѣ помѣстилъ его Джіани, онъ наблюдалъ за Манліо, и разъ, вечеромъ, когда художникъ заканчивалъ работу, — нагрянулъ въ его студію и жалкимъ голосомъ сталъ вопить:

— Per l'amore di Dio, синьйоръ, спрячьте меня — за мной слѣдитъ полиція... хотятъ засадить въ тюрьму. Увѣряю васъ (продолжалъ обманщикъ), что нѣтъ инаго за мной проступка,

* Какъ можетъ быть иначе, когда духовенство богато, а народонаселеніе бѣдно. *Прим. авт.*

** По подлиннику: eminente genitore—каламбуръ, непереводимый порусски. *Прим. перев.*

кромѣ того, что я — либералъ... Увлекшись въ спорѣ, я сказалъ откровенно, что паденіе республики было предательствомъ. За это меня хотятъ засадить...

На этихъ словахъ Ченчіо, для большей правдоподобности, притворился, что высматриваетъ за мраморами, которыми была заставлена студія, лазейку, гдѣ бы спрятаться такъ, чтобы съ улицы нельзя было его видѣть.

«Времена нынче трудныя», думалъ про себя Манліо: «не слѣдуетъ довѣряться и ближнему... но какъ выгнать изъ своего дома политическаго скомпрометированнаго? какъ рѣшиться выдать его для увеличенія числа несчастныхъ, изнывающихъ въ папскихъ тюрьмахъ?» «Потомъ (раздумывалъ Манліо, разглядывая пришедшаго), этотъ молодецъ—вида приличнаго: пусть дождется ночи, тогда отбояриться».

И честный малый самъ отвелъ Ченчіо въ потайной уголъ своей студіи, не подозрѣвая, что пріютилъ у себя предателя.

Не прошло и часа, какъ горсть сбировъ, растянувшаяся по всей улицѣ, остановилась передъ студіей — и вошла, показавъ хозяину дозволеніе произвесть домовый обыскъ, по приказанію высшаго начальства.

Не трудно найдти убѣжище того, кто хочетъ быть найденнымъ — къ тому же начальникъ сбировъ, заранѣе условившійся съ Ченчіо, издали видѣлъ, какъ тотъ вошолъ, и зналъ навѣрное, что ему не придется напрасно обыскивать.

Бѣдный Манліо! довѣрчивый — какъ вообще довѣрчивъ честный людъ, онъ пытался увѣрить пройдоху, что ничего и никого нѣтъ въ его студіи такого, что̀ могло бы показаться подозрительнымъ полиціи, пытался потомъ направить поиски въ сторону противоположную той, гдѣ спрятался Ченчіо. Но воръ, для сокращенія наскучившей ему комедіи, дернулъ главнаго сыщика за-полу, когда тотъ шествовалъ мимо, — и сей, съ побѣдоноснымъ видомъ, схватилъ своего же соучастника за̀ воротъ:

— Гм! гм!... Вы отдадите отчотъ правительству его святѣйшества въ укрывательствѣ враговъ государства... сказалъ, нахохлившись, сбиръ и прибавилъ: — послѣдуйте немедленно въ тюрьму за преступникомъ, котораго хотѣли скрыть.

Манліо, мало привычный къ соприкосновенію съ дѣятелями этого закона, стоялъ какъ пораженный громомъ—но при угрозахъ проныры, въ немъ заговорила кровь и взглядъ бѣгло пробѣжалъ по предметамъ, наполнявшимъ студію. То были рѣзцы, долота, глыбы — и онъ готовъ уже былъ схватить массивную ногу какого-то геркулеса и разбить ею черепъ сыщика,

когда появилась — сходя съ лѣстницы вмѣстѣ съ матерью — Клелія.

При видѣ обѣихъ любимыхъ созданій, гнѣвъ художника спалъ разомъ. Обѣ онѣ, замѣтивъ съ балкона приближеніе необычныхъ гостей, заслышавъ повелительные голоса сбира, испуганныя и любопытныя сошли въ студію.

Пали уже вечерніе сумерки — и такъ-какъ въ общемъ планѣ ареста Манліо значилось, не отводить его въ тюрьму днемъ, во избѣжаніе столкновенія съ трастеверянами, любившими и уважавшими нашего пріятеля, — а по разсчету сбира, не требовалось уже запаздывать дольше, то онъ, съ ужимкой хитрой лисы, скомандовалъ:

— Идите за мной! и, какъ бы изъ состраданія, присовокупилъ: — успокойте вашихъ дамъ, дѣло кончится ничѣмъ; вамъ придется отвѣтить только на нѣкоторые пункты, и сегодня же вечеромъ, я надѣюсь, будете отпущены домой...

Напрасны были всѣ мольбы женщинъ, и Манліо тотчасъ же былъ уведенъ незванными своими гостями.

VII.

Завѣщаніе.

Феноменальная алчность клерикальнаго стремленія къ исключительному обладанію всѣми матеріальными благами — дѣло настолько же извѣстное, какъ и безкорыстное; ихъ готовность уступить остальному человѣчеству — всему, что не-написты — даровое пользованіе духовными благами будущей жизни, со всѣми радостями рая, colla gloria del paradiso, включительно.

Остальнымъ — невѣжество и нищета, ради maggior gloria di Dio; напистамъ — наслажденія и богатство, опять-таки ради maggior gloria того же Dio?!...

Теперь не то — но бывало, патеры, обманами и запугиваньями, накопляли себѣ несмѣтныя богатства; примѣромъ тому Сицилія, гдѣ половина острова принадлежала нѣкогда патерамъ и фратамъ всякихъ сортовъ.

И было два главныхъ источника ихъ богатствъ: первый составлялся изъ приношеній знати, полагавшей, уступкою части награбленнаго имущества церквѣ, узаконить за собой право обладанія остальною и бо̀льшею, не накликая за то на себя гнѣва божьяго; второй составляли ихъ продѣлки у изголовья умирающихъ, напутствуемыхъ въ жизнь вѣчную и запугиваемыхъ страхами ада и пекла; вымогательства, подлоги, подмѣны «ду-

ховныхъ» въ ущербъ законнымъ наслѣдникамъ, безъ сожалѣнія обираемыхъ per maggior gloria di Dio...

Шелъ декабрь 1849. Римская республика — провозглашенная единогласнымъ во̀томъ законныхъ представителей народа — была уже погребена иностранными штыками. Патеры, захватившіе снова прежнее могущество, увидали себя въ необходимости снова пополнить «запасцы», пощипанные нѣсколько еретиками-республиканцами, пополнить ради комфорта духовнаго и спасенія душъ.

Было за̀-девять — и непроглядная ночь царила уже надъ почти безлюдною площадью Ротонды... Знаете ли вы, что̀ такое *Ротонда*, эта маленькая церковь, куда каждое утро нѣсколько бабёнокъ сходятся подивиться на патерчёнка *, упражняющагося per maggior gloria di Dio? Ротонда — это Пантеонъ древняго Рима! — постройка, насчитывающая уже двѣ и больше тысячи лѣтъ, а съ виду какъ будто только вчера воздвигнутая, такъ хорошо она сохранилась, такъ величественна ея архитектура! Но патеры сдѣлали изъ Ротонды то же, что изъ римскаго Форума древнихъ владыкъ міра — Campo Vaccino **...

И такъ, было за̀-девять темной декабрьской ночи, когда черезъ площадь Ротонды прокралось что-то черное-черное, встрѣча чего заставила бы вздрогнуть хоть кого, изъ храбрецовъ Калатафими.

Отвращеніе или страхъ, что̀ именно возбуждалось появленіемъ этой тѣни? — не умѣю сказать; но полагаю, и то и другое. Оба эти чувства, въ этомъ случаѣ, были вполнѣ извинительны, такъ-какъ подъ черной сутаной, кравшейся въ темнотѣ, билось сатанинское сердце, взволнованное преступнымъ замысломъ такого пошиба, который въ состояніи зародиться и воплотиться только въ клерикальной душѣ.

Приблизясь къ воротамъ дома Помпео, расположеннаго въ глубинѣ піаццы, незнакомецъ, осторожно приподнявъ защелку, тихонько опустилъ ее и вперилъ пытливые глазки въ густую темноту улицы, опасаясь, вѣроятно, чтобъ не помѣшали ему совершить то подлое дѣло, которымъ готовился пополнить онъ рядъ мрачныхъ драмъ своего гнуснаго житія.

Но кому было мѣшать совершителю преступленій тамъ, гдѣ хозяйничаютъ наемщикъ и папистъ? гдѣ, изъ многочисленнаго населенія, все, что̀ еще представлялось порядочнымъ, было заключено, сослано или доведено до нищеты?

* Prete — патеръ; pretuncolo — маленькій патеръ, *патерчёнокъ*.

** «Коровье поле». Такъ иногда римляне называютъ заглохшій и заросшій травою форумъ. *Прим. перев.*

Ворота аристократическаго дома отворились; привратникъ, узнавшій «почтеннѣйшаго» отца Игнаціо, поклонился ему земнымъ поклономъ, чмокнулъ его въ руку и посвѣтилъ, провожая до первыхъ ступеней лѣстницы больше для парада, чѣмъ для нужды, ибо лѣстница одного изъ богатѣйшихъ домовъ Рима была ярко освѣщена большою люстрой.

— Гдѣ Флавія? освѣдомился пришедшій у перваго слуги, вышедшаго ему на встрѣчу, и Сиччіо, какъ звали этого слугу, чистокровный римлянинъ, не особенно долюбливавшій отца Игнація, сухо проговорилъ: «подлѣ умирающей», и тотчасъ же повернулся къ нему спиной.

Игнаціо, наизусть знакомый съ расположеніемъ комнатъ, торопливыми шажками направился прямо къ спальной, завершавшей амфиладу пріемныхъ покоевъ и роскошныхъ залъ, и, дойдя до нея, издалъ, предъ затворенною дверью, какой-то почтительный, но неопредѣленный звукъ, въ отвѣтъ на который въ ту же минуту выглянуло изъ-за двери сморщенное лицо сестры милосердія, и обладательница его тотчасъ же подобострастно посторонилась и впустила патера, обмѣнявшись съ нимъ однимъ изъ тѣхъ взглядовъ, что онъ могъ бы оледенить самое солнце.

— Сдѣлано?... лукаво и торопливо спросилъ патеръ.

— Сдѣлано, мигнула сестра, и они вмѣстѣ подошли къ постели умирающей.

Донъ-Игнаціо вытащилъ изъ-подъ полы какую-то склянку, налилъ изъ нея чего-то въ стаканъ и, пособляемый сестрою, приподнялъ голову страдалицы, которая машинально раскрыла ротъ и выпила, довѣрчиво или уже безсознательно, весь пріемъ.

Усмѣшка адскаго торжества освѣтила лица обоихъ негодяевъ, которые, отбросивъ на подушки голову бездыханной старухи, усѣлись рядкомъ и повели спокойную бесѣду. Флавія передала патеру тотчасъ же какой-то листъ; Игнаціо торопливо взглянулъ на подпись, поднесъ ее пристально къ глазамъ и очевидно довольный результатомъ своего осмотра, спряталъ поспѣшно бумагу въ карманъ нѣсколько дрожавшею рукою. При этомъ онъ какъ-то неясно промычалъ: «хорошо! Вы будете вознаграждены... Sta bene!»

Этотъ листъ былъ духовнымъ завѣщаніемъ синьоры Виргиніи, матери Эмиліо Помпео, убитаго на стѣнахъ Рима свинцомъ наполеоновскимъ. Жена Эмиліо, сломленная горемъ, сгинула вслѣдъ за нимъ, оставивъ двухлѣтняго сына на попеченіи бабки. Виргинія любила своего Муціо, послѣдняго отростка дома Помпео, любила страстно, и, конечно, не лишила

бы его огромнаго родоваго наслѣдія. Но, что дѣлать? какъ многія женщины, она «почитала» патеровъ, и какъ многія женщины, не вѣрила, что черная сутана прикрываетъ зачастую демонскіе инстинкты.

Донъ-Игнаціо, тѣми хитростями и пронырствомъ, кои отличаютъ его касту, черезъ всевозможные ходы и подходы, добился-таки, чтобы въ духовной старухи было вписано завѣщаніе въ пользу «душъ, томящихся въ пеклѣ».

Но если подобная запись и могла удовлетворить души пекла, то она далеко не удовлетворяла ихъ ходатая, который зарился на все цѣльное достояніе дома Помпео.

Когда занемогла старая донна Виргинія, донъ-Игнаціо отрекомендовалъ ей въ сидѣлку Флавію и самъ наблюдалъ за старухой, не допуская къ ней никого изъ постороннихъ; а когда тѣло и память больной достаточно, по мнѣнію его, ослабѣли—не встрѣтилъ затрудненія подмѣнить старую духовную новой, которою наслѣдіе Помпео всецѣло отказывалось братству Санъ-Франческо ди-Паоло, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ душеприкащикомъ и исполнителемъ послѣдней воли умирающей назначался самъ же онъ, донъ-Игнаціо.

Не встрѣтилось ему недостатка и въ *благородныхъ* свидѣтеляхъ и старая ханжа подписала полуживою рукой нищету и рабство злополучному младенцу, для обогащенія ненасытныхъ святошъ... А между тѣмъ обворованный Муціо тихо почивалъ въ своей комнаткѣ, еще разубранной материнскою рукой, въ позолоченной своей колыбелькѣ. Сирота-ребенокъ не зналъ, что на завтра ему придется проснуться нищимъ.

VIII.

Нищій.

Восемнадцать лѣтъ минуло съ того роковаго вечера, когда черный-черный, какъ оборотень, патеръ крался черезъ піаццу Ротонды, для совершенія безбожнаго дѣла, и мы возвращаемся снова на ту же площадь, гдѣ, прислоненный къ одной изъ колоннъ Пантеона, стоялъ, завернутый въ свой дырявый плащъ, нѣкій нищій...

Не была на этотъ разъ темная декабрская ночь, были ненастные февральскіе сумерки.

Нижняя часть лица нищаго была спрятана подъ закинутую на плечо полой плаща, но и того, что̀ видѣлось, было достаточно, чтобъ угадать одну изъ тѣхъ физіономій, которыя, ви-

дѣнныя разъ, остаются въ памяти на всю жизнь: римскій носъ раздѣлялъ два голубые глаза, способные удивить льва, а плечи, хотя и покрытыя лохмотьями, доказывали, что человѣка, имѣющаго ихъ, не легко было бы оскорбить безнаказанно, и не одинъ скульпторъ не отказался бы заставить его позировать для торса. *

Легкій ударъ по плечу пробудилъ нищаго отъ созерцательной неподвижности. Онъ обернулся, и съ ласковымъ видомъ молвилъ пришедшему:

— Вы здѣсь, братъ.

И точно, по сходству, казался братомъ Муціо тотъ, кого онъ назвалъ этимъ именемъ. То былъ Аттиліо, нашъ пріятель, который къ словамъ перваго прибавилъ:

— Вооруженъ ты?

— Вооруженъ?!... какъ-то презрительно переспросилъ нищій: — а зачѣмъ? Я вооруженъ гнѣвомъ и местью за мое отнятое достояніе, за похищенное мое наслѣдство... Ты думаешь, я это позабылъ? Нѣтъ, я также все это помню, какъ ты не забудешь свою Клелію, какъ не забыть мнѣ моей... Эхъ! да и зачѣмъ любовь нищему, отверженцу общества?... Кто повѣритъ, что въ груди, покрытой тряпками, можетъ такъ биться сердце, способное чувствовать?

— А однакожь, вставилъ Аттиліо:—та прелестная форестьерка, я знаю навѣрное, что тебя любитъ, на сколько можетъ любить женщина...

Муціо смолкнулъ и поникъ головою, и Аттиліо, отгадывая поднявшуюся бурю въ душѣ своего друга, дотронулся легонько до его руки и шепнулъ:

— Vieni!

И Муціо послѣдовалъ за нимъ, не вымолвивъ ни слова.

А между тѣмъ уже спала ночь, накрывшая своимъ темнымъ покровомъ вѣчный городъ; на смолкнувшихъ улицахъ, прохожіе порѣдѣли; тѣни дворцовъ и монументовъ смѣшались съ тьмой, и только мѣрные и тяжелые шаги иностранныхъ патрулей раздавались еще въ тишинѣ наступившей ночи.

Патеровъ въ эти часы встрѣчается немного, они спокойствіе предпочитаютъ риску: тепленькая спаленка для нихъ предпочтительнѣе темной улицы: въ ночное время римскія улицы не безопасны, а патеры, какъ извѣстно, въ отношеніи самихъ себя, особенно животолюбивы.

— Покончимъ ли мы когда съ этими птицами? спросилъ развеселившійся Муціо.

* Ремесло натурщика весьма почтенно въ Римѣ, классической землѣ искусствъ.

— О, да! воскликнулъ Аттиліо: — покончимъ и скоро!

Разговаривая такимъ образомъ, друзья незамѣтно дошли до одного мрачнаго зданія, очевидно тюрьмы. Они остановились у боковой двери, недалеко отъ главнаго входа. Вошли, миновали узкій корридоръ, поднялись по лѣсенкѣ и очутились въ комнатѣ, предоставленной начальнику караула; все убранство ея состояло изъ скамьи и нѣсколькихъ стульевъ; на скамьѣ нѣсколько бутылокъ, нѣсколько стакановъ и мерцавшая лучерна. Тамъ, усадивъ гостей, сержантъ началъ первый:

— Выпьемъ по стаканчику орвіето *, товарищи, что въ холодную ночь пользительнѣе благословеній самого папы... И онъ подвинулъ пузатую флягу, оплетенную тростникомъ.

— Такъ, значитъ, сюда свели они Манліо? освѣдомился Аттиліо, едва пропустивъ первый глотокъ.

— Сюда, какъ я тебѣ и далъ тотчасъ же знать, отвѣтилъ Дентато, драгунскій сержантъ: — а было то прошлою ночью, эдакъ близъ одиннадцати, и засадили его въ секретную, точно важнаго преступника... Слышно, что его хотятъ поскорѣе спихнуть въ цитадель св. Духа, такъ-какъ эта тюрьма только переходная.

— И извѣстно, по чьему приказанію былъ онъ арестованъ? спросилъ снова Аттиліо.

— Еще бы! по приказанію фаворита и кардинала-министра. Такъ говорятъ, и еще прибавляютъ, вставилъ сержантъ: — что его эминенція простираетъ могущественную руку свою не столько за отцомъ, сколько за дочкой — жемчужиной Трастеверіи...

Приливомъ бѣшенства задохнулся Аттиліо при этихъ словахъ:

— А какъ мы теперь его высвободимъ? съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ спросилъ онъ.

— Высвободить!? но насъ слишкомъ мало, чтобъ попытка удалась, отвѣтилъ Дентато.

— Черезъ часъ подойдетъ Сильвіо съ десяткомъ нашихъ; вмѣстѣ мы осилимъ, надѣюсь, всю здѣшнюю стаю сбировъ, добавилъ Аттиліо, съ интонаціей убѣжденнаго человѣка.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ молчанія, Дентато заговорилъ снова:

— Такъ-какъ ты рѣшился попытать счастія сегодня же ночью, то необходимо обождать по крайней мѣрѣ до полночи: тогда смотрители и тюремщики, нагрузившись возліяніями, отойдутъ ко сну. Мой лейтенантъ отпросился поблизости къ какой-то своей Лукреціи и до разсвѣта, конечно, тоже не вернется...

---

* Вино, выдѣлывающееся въ окрестностяхъ Орвіето.

Рѣчь сержанта была прервана приходомъ драгуна, стерегшаго у входа и доложившаго о прибытіи Сильвіо со своими.

IX.

Освобожденіе.

Одну странную вещь замѣтилъ я въ Римѣ—устойчивость и храбрость римскаго солдата—не наемнаго мерсенера, а тѣхъ, которые зовутся i soldati di papa. Я видѣлъ ихъ при защитѣ Рима, и я имъ удивлялся и жалѣлъ, что служатъ они такому пошлому дѣлу...

Патеры знаютъ римскаго солдата, и знаютъ, что отвага не легко повинуется пошлости, что въ день возстанія римскій солдатъ будетъ вмѣстѣ съ народомъ, а отсюда необходимость наемщиковъ, отсюда выпрашиваніе иностранныхъ вторженій всякій разъ, едва лишь народъ начинаетъ терять терпѣніе.

— Наши готовы, сказалъ, входя, Сильвіо:—я спряталъ ихъ покуда между ногъ гранитныхъ коней; по первому зову, они сбѣгутся сюда.

— Хорошо, молвилъ Аттиліо, и, нетерпѣливый, обратился къ Дентато: — мой планъ таковъ: мы съ Муціо пойдемъ за ключами къ тюремщику, а ты помоги Сильвіо и нашимъ захватить сбировъ, караулящихъ тюремные входы.

— Дѣло! отозвался сержантъ: — Чиціо (драгунъ, приведшій Сильвіо). ты проводишь ихъ къ тюремщику, но помни, что будешь имѣть дѣло съ самимъ чортомъ! Этотъ каналья Панкальдо не затруднится заковать въ кандалы самаго небеснаго Отца и не выпустить его изъ-подъ замка даже per la gloria del paradiso... Берегись за себя!

— Не безпокойся, замѣтилъ Аттиліо, направляясь съ Муціо вслѣдъ за Чиціо.

Предпріятіе подобнаго рода не представляло въ Римѣ тѣхъ затрудненій, которыя встрѣтились бы въ иномъ государствѣ, гдѣ правительство пользуется бòльшимъ уваженіемъ, и чиновники его заражены мèньшею подкупностью; но тамъ, гдѣ солдатъ не одушевленъ любовью къ отчизнѣ, національною славой, честью своего знамени, и знаетъ, что служитъ правительству, порицаемому и проклинаемому всѣми,—тамъ, говорю, все возможно; и день, когда чужестранецъ уберется изъ Рима взаправду, будетъ днемъ исчезновенія правительства скуфеекъ передъ общимъ презрѣніемъ — римскихъ солдатъ и римскаго народа.

Дентато подвелъ бригаду Сильвіо къ караульному пикету

сбировъ, охраняющихъ входъ въ тюрьмы—и это было не трудно ему, сержанту драгунскаго поста, наблюдающаго за всѣмъ дворцомъ.

Сильвіо, вглядясь въ однообразное хожденіе взадъ и впередъ наружнаго часоваго, выждалъ моментъ его поворота спиной, и—съ ловкостью и прытью дикой кошки—выхватилъ у него ружье, своимъ ударомъ колѣна на мостовую и зажалъ ротъ. Подоспѣвшіе товарищи—прежде, чѣмъ звукъ паденія тѣла могъ долетѣть до пикета, связали его — съ любезностью, но безъ церемоній, и пока недоумѣвавшіе сбиры протирали глаза, перевязали и остальныхъ.

Едва овладѣли пикетомъ, Аттиліо и Муціо привели тюремнаго ключаря, который по неволѣ долженъ былъ имъ повиноваться.

Двери тюрьмы растворились, и они вошли, наблюдая за тюремщикомъ въ оба и готовые дать почувствовать ему свое присутствіе, въ случаѣ, еслибы онъ вознамѣрился крикнуть или бѣжать.

Вошли на дворикъ; на зовъ ключаря явился внутренній сторожъ, который помѣщался въ единственной незанятой темницѣ — всѣ другія были приперты засовами и замками.

Аттиліо крикнулъ:

— Арестантъ Манліо, гдѣ онъ?

Тюремщикъ почувствовалъ на своемъ плечѣ тяжесть лѣвой руки нашего Антиноя, и угадалъ конвульсивное движеніе правой, схватившейся за что-то. Намъ приходится сказать, что Аттиліо, въ эту минуту, инстинктивно думалъ объ убійствѣ...

Но кровь не была пролита. Панкальдо, обыкновенно столь злобный и мстительный съ бѣдными заключенными, оказался въ эту ночь сговорчивости примѣрной. При скудномъ мерцаніи стѣнной лампады, онъ бросалъ испуганные взгляды то на нищаго, то на Аттиліо, и если первый казался ему страшнымъ, то другой наводилъ чуть не ужасъ. Онъ корчилъ гримасы, желая изобразить на своемъ лицѣ улыбку, чѣмъ отвѣчалъ на приказанія юноши, и повиновался, не заставляя повторять ихъ себѣ дважды.

— Манліо здѣсь, проговорилъ, наконецъ, тюремщикъ, и принялся искать ключъ отъ коморки скульптора.

— Отворяй же! закричалъ на его Аттиліо, и этимъ вмѣсто того, чтобъ ускорить отысканіе ключа, аргуса охватилъ трепетъ, и дрожавшія его руки не попадали на связку. Наконецъ, одинъ изъ ключей пришелся къ замку, и глухо повернулся; дверь темницы подалась...

Предоставляю судить радость бѣднаго Манліо, почувствовавшаго себя неожиданно въ объятіяхъ молодаго своего друга, когда онъ узналъ отъ него, какъ произошло освобожденіе! Но Аттиліо сталъ торопить.

— Мы, Муціо, понесемъ ключаря съ собою, — по крайней-мѣрѣ, до извѣстнаго разстоянія; а этого внутренняго стража запремъ на мѣсто Манліо.

Такъ и было сдѣлано. Потомъ, сойдя съ квиринала, шествіе раздѣлилось: одна партія заставляла понудительно фланировать Панкальдо, отпущеннаго на свободу по истеченіи часа, когда уже было поздно сзывать полицію; другая, сокращенная до трехъ: Манліо, Аттиліо и Сильвіо, проведенная симъ послѣднимъ черезъ porta Salara, бросилась въ римскую Кампанію.

ГУМАННЫЙ ЗАЩИТНИКЪ ЖЕНСКИХЪ ПРАВЪ.

(По поводу романа г. Писемскаго «Люди сороковыхъ годовъ»).

Положеніе женщины невыносимо тяжело. Эту истину не хотятъ признать только тѣ, которые находятъ свою выгоду въ ея униженіи и безправности, какъ помѣщики крѣпостники не хотѣли сознать бѣдственнаго положенія своихъ крестьянъ. Перечитайте все, что вышло изъ-подъ пера женщины: каждый романъ, повѣсть, каждая статья—жалоба на жизнь. Прислушайтесь къ ихъ разговорамъ въ минуту откровенности:—каждое слово—также жалоба. Многія матери желаютъ лучше имѣть сыновей, чѣмъ дочерей; собственный опытъ научилъ ихъ, что мужчинамъ живется легче, а жизнь женщины вполнѣ зависитъ отъ того, въ чьи руки попадетъ она. «Наше дѣло женское, горькое», всплакнетъ мелкая чиновница, у которой мужъ пропиваетъ ея трудовую копейку, заработанную безсонными ночами, чтобы прокормить голодныхъ дѣтей. «Охъ ужь бабье-то что за житье», скажетъ крестьянка, возвращаясь со страды домой, гдѣ ее ждутъ кулаки постылаго мужа или ругань свекрови. Женщина какъ дочь—раба родителей, и если законъ ограничиваетъ ихъ право располагать ею, то фактически она въ ихъ рукахъ: безъ ихъ воли она не можетъ сдѣлать ни шага, ее освобождаетъ отъ зависимости только новая зависимость—замужество или смерть. Какъ жена, она собственность мужа. Китайскій законъ: «если женщина имѣетъ мужа по сердцу—она имѣетъ его на всю жизнь; если она имѣетъ мужа не по сердцу, — она имѣетъ его на всю жизнь; въ первомъ случаѣ она счастлива на вѣки, во второмъ она несчастна вплоть до смерти»—управляетъ жизнью женщинъ во всей просвѣщенной Европѣ. Общество безпощадно обрекаетъ женщину на цѣлую жизнь страданій; освободиться отъ нихъ женщина можетъ только въ очень исключительныхъ случаяхъ, и если судьба не пошлетъ ихъ ей, то для нея единственный выходъ — смерть. Если женщина захочетъ порвать свои цѣпи, общество заклеймитъ ее позоромъ, отравитъ ей жизнь. Эта зависимость

женщины завѣщана всѣмъ прошедшимъ человѣчества; она освящена религіей, скрѣплена закономъ, вкоренилась глубоко въ нравы общества. Только когда вѣкъ анализа смѣнилъ вѣкъ слѣпаго подчиненія теократическому авторитету, въ обществѣ смутно зашевелилось сознаніе несправедливости и безчеловѣчія этого порядка и необходимости и законности другаго. Это сознаніе высказалось двумя-тремя голосами на страшномъ судѣ французской революціи, на которомъ былъ произнесенъ смертный приговоръ старой неправдѣ и насилію. Эти голоса остались гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ. Люди, требовавшіе свободы, умѣли требовать ее только для себя и не думали освободить тѣхъ, чьей жизнью они владѣли. Объявленіе правъ человѣка было объявленіемъ правъ одной половины человѣчества — мужчинъ. Гораздо позднѣе поняли, что несправедливо и безчеловѣчно, разбивая оковы, оставить въ нихъ цѣлую половину человѣчества. Вопросъ о свободѣ и правахъ женщины былъ поднятъ послѣ другихъ вопросовъ. Онъ создалъ цѣлую отрасль литературы. Жоржъ-Зандъ въ цѣломъ рядѣ романовъ выступила огненнымъ протестомъ за освобожденіе женщины. Это освобожденіе она понимала нѣсколько односторонне; она хотѣла для женщины одной свободы рвать цѣпи, приносившія ей униженіе и страданіе. Проповѣдь правъ женщины Жоржъ-Занда не шла далѣе свободнаго брака. Эта проповѣдь подняла въ европейской литературѣ цѣлую бурю, которая отозвалась у насъ слабыми отголосками. Сороковые годы отмѣчены въ русской памяти, какъ самые тяжелые годы переживаемаго столѣтія. Жизнь, сдавленная безпощаднымъ гнетомъ, уходила внутрь. Подъ наружнымъ молчаніемъ и спокойствіемъ работала упорно разъѣдающая мысль. Вмѣстѣ съ анализомъ Гегеля наши люди сороковыхъ годовъ усвоили и идеи Жоржъ-Занда. Г. Писемскій въ своемъ послѣднемъ романѣ «Люди сороковыхъ годовъ» захотѣлъ написать картину русскаго общества этихъ годовъ: въ числѣ представителей разнообразныхъ элементовъ русской мысли и безсмыслія: западниковъ, славянофиловъ, мистиковъ, бюрократовъ, онъ выводитъ и представителей жоржъзандизма, который имѣлъ большое вліяніе на развитіе нашего общества, и даже дѣлаетъ этого представителя главнымъ героемъ — идеаломъ человѣка сороковыхъ годовъ.

Романистъ, если только онъ не рисуетъ безсознательно своихъ героевъ по тому безхитростному побужденію, по которому птица поетъ, и не захочетъ спуститься до ремесла сказочника въ родѣ плодящихся Понсоновъ дю-Терраллей русскихъ, напр. г. Клюшниковъ и Бобарыкинъ, — долженъ быть солидаренъ со своими героями. Исключенія составляютъ произведенія, какъ «Мертвыя души», «Ревизоръ», но въ нихъ этимъ героемъ, — воплощеніемъ мысли автора является смѣхъ, горькій смѣхъ, подъ которымъ слышатся невидимыя міру слезы. Когда же авторъ воплощаетъ свою мысль въ какомъ нибудь героѣ и выдаетъ

его за идеалъ, то читатель вправѣ признать автора отвѣтственнымъ за каждое слово и поступокъ своего героя. Онъ этимъ героемъ возвѣщаетъ обществу то, что̀ считаетъ словомъ жизни. Герой романа, Павелъ Вихровъ — литераторъ, одинъ изъ передовыхъ представителей русской мысли сороковыхъ годовъ. Онъ проповѣдникъ человѣческихъ идей, пишетъ повѣсть противъ крѣпостнаго права, за которую его ссылаютъ. Проповѣдникъ человѣчныхъ идей не можетъ держаться безчеловѣчнаго китайскаго закона. Вихровъ — жоржъ-зандистъ. Онъ говоритъ, что «Жоржъ-Зандъ дала міру новое евангеліе, или старое растолковала настоящимъ образомъ; она представительница и проводница въ художественныхъ образахъ извѣстнаго ученія объ эманципаціи женщинъ, которое стоитъ рядомъ съ ученіемъ объ ассоціаціи, коммунизмѣ и по которому міру предстоитъ преобразоваться». Онъ горячо вступается за бѣдную дѣвушку, обманутую негодяемъ, отъ которой съ презрѣніемъ отвернулся влюбленный въ нее религіозный фанатикъ. Бѣдной дѣвушкѣ не остается другаго выхода кромѣ замужества съ грубымъ, необразованнымъ купцомъ, который вмѣстѣ съ свободой съ утра до вечера предоставилъ ей и свободу зачахнуть. Смерть ея глубоко потрясла Вихрова, и онъ далъ слово написать повѣсть въ защиту бѣдныхъ женщинъ, «которыя осуждены жить какъ будто у нихъ ни ума, ни сердца не было». Повѣсть была глубоко прочувствована, отъ ея потрясающей правды у женщинъ «мутился умъ и леденѣло сердце», заглавіе повѣсти было многозначительно: «Да не осудите».

Г. Писемскій много лѣтъ тому назадъ написалъ повѣсть на эту же тему и назвалъ ее: «Виновата ли она?» Героиня этой повѣсти, Лидія Вальковская, чужда всякихъ жоржъ-зандовскихъ идей и вѣрна роднымъ домостроевскимъ началамъ. Она доброе, кроткое, безотвѣтное по принципу существо, которую мать, выжившая изъ ума старуха, держитъ какъ что-то среднее между приживалкой и воспитанницей изъ милости и прочитъ въ уплату долга старому грубому пьяницѣ, хотя сама въ 50 лѣтъ собирается замужъ за молодаго человѣка. Лидія считаетъ своимъ долгомъ принести себя въ жертву для спасенія семьи отъ раззоренія. Она не пытается бороться; ей тяжело, когда другіе за нее начинаютъ эту борьбу, которая можетъ принести ей лишнія страданія; она съ покорностью идетъ на встрѣчу ожидающей ее участи; она давно знаетъ, что «женщинамъ въ жизни нужно терпѣніе, потому что мужчины могутъ быть чѣмъ хотятъ, а онѣ чѣмъ велятъ». Она такъ же безотвѣтна, покорна и передъ пьянымъ супругомъ, у ней нѣтъ ни злобы, ни ненависти къ человѣку, который купилъ ее какъ рабу, но она не раба по природѣ, она раба по чувству долга. Но природа человѣческая никогда не подчинится ломкѣ во имя теорій. Лидія невольно мститъ мужу холодностью и любовью къ безцвѣтному франту Курдюмову. Любовь оборвалась скандаломъ съ первымъ пись-

момъ и смертью брата, убитаго на дуэли Курдюмовымъ. Оставшись свободной по смерти спившагося мужа, героиня считаетъ себя преступницей за то только, что осмѣлилась полюбить другаго, и признаетъ вполнѣ справедливымъ приговоръ общества (?): «что измѣнить своему долгу на какомъ бы то ни было основаніи для женщины проступокъ, за который ее казнитъ и общественное мнѣніе, и собственная совѣсть». Чтобы искупить свой страшный проступокъ, полученіе письма отъ Курдюмова, она отрекается отъ счастія и посвящаетъ жизнь заботамъ о матери, которая сгубила ее. Авторъ въ заключеніе бросаетъ въ лицо обществу, заклеймившему несчастную жертву позоромъ и съ состраданіемъ отнесшемуся къ матери, продавшей ее, вопросъ: виновата ли она? Еслибы вопросъ этотъ былъ поставленъ такимъ образомъ въ наше время, то на него слѣдовало бы отвѣчать: виновата, разумѣется не противъ китайскаго закона, виновата противъ себя, противъ женскаго достоинства, чести, тѣмъ, что позволила располагать собой какъ вещью. Авторъ призналъ ее невинной въ невольномъ чувствѣ, которое было единственнымъ лучомъ, освѣтившимъ на мигъ мракъ ея жизни. Онъ все время тепло и симпатично относился къ бѣдной жертвѣ; она, несмотря на всю свою ограниченность—чистое человѣчное существо среди окружающихъ ее грязныхъ уродовъ и идіотовъ. Невольное чувство признано невиннымъ;—жоржъ-зандизмъ повѣсти, какъ видите, очень слабый.

Г. Писемскій не ограничился этимъ протестомъ противъ несправедливости общества. Онъ пошелъ далѣе, и въ Настенькѣ, героинѣ романа «Тысяча душъ», представляетъ типъ русской дѣвушки, развившейся подъ вліяніемъ идей Жоржъ-Занда. Это энергическая, богатая натура, которая рвется къ жизни. Увлеченіе человѣкомъ съ такими мелкими цѣлями, какъ Калиновичъ, въ дѣвушкѣ, жившей въ тѣ годы въ такомъ затхломъ углу, какъ Настенька, вполнѣ понятно. Что ждало ее въ немъ? супругъ въ родѣ Медіокритскаго и опошленіе въ дрязгахъ мелкой чиновничьей жизни, или озлобленное увяданье подъ крылышкомъ нѣжнаго капитана. А ей нужно жить, нужно сказать себѣ: хоть день, да мой. Калиновичъ съ его неподкупной чиновничьей честностью былъ все-таки несравненно лучше Медіокритскаго. И она, несмотря ни на что, взяла свой день въ жизни, она бросила отца, котораго обожала, ушла за человѣкомъ, который обманулъ ее, бросилъ ради невѣсты со связями и богатствомъ. Еслибы г. Писемскій вздумалъ въ «Взбаломученномъ Морѣ» вывести героиню какъ Настенька, онъ накинулся бы на нее съ озлобленіемъ и вмѣсто милой, умной дѣвушки представилъ бы безстыдную дуру или чучело. Но то было время жоржъ-зандизма, и онъ еще съ большей теплотой и сочувствіемъ отнесся къ Настенькѣ, чѣмъ къ Лидіи Вальковской. Настенька, — эта «падшая дѣвушка», головой выше всѣхъ женщинъ въ романѣ. Разумѣется, нелѣпо было бы вывести изъ этого отношенія автора

къ героинѣ, что онъ хотѣлъ пропагандировать въ обществѣ жоржъ-зандизмъ, окрещенный съ легкой руки Тургенева нигилизмомъ; но тутъ говоритъ за автора сама жизнь, черты которой онъ такъ вѣрно уловилъ. Г. Писемскій человѣкъ много видѣвшій и умѣющій порой мастерски выхватывать изъ жизни рѣзкія черты. Либеральная критика была не разъ обманута этимъ мастерствомъ, и не разъ, на основаніи этихъ выхваченныхъ изъ жизни чертъ, какъ, напримѣръ, по поводу его «Плотничьей Артели», приписывала ему идеи, которыя ему и во снѣ не снились, что̀ онъ доказалъ своимъ «Взбаломученнымъ Моремъ» и «Людьми сороковыхъ годовъ». Но какъ бы то ни было, еслибы г. Писемскій держался китайскаго или домостроевскаго взгляда на женщинъ, ему невозможно бы было сочувственно отнестись къ героинѣ «Тысячи душъ».

Это же мастерство выхватывать черты изъ жизни видно и въ характерѣ Лизаветы, жены Ананія Яковлева, въ драмѣ «Горькая судьбина». Умѣренные, но аккуратные критики, разбиравшіе характеръ Лизаветы, назвали ее вздорной бабенкой, которая, струхнувши сначала, принялась ругаться и перекоряться съ мужемъ, когда онъ, вмѣсто того, чтобы хорошенько поучить ее, началъ уговаривать забыть барина и жить съ нимъ по закону. Но эти критики были способны видѣть одно великодушіе оскорбленнаго мужа, за нимъ они не разглядѣли другой стороны. Ананій былъ человѣкъ крутой, самолюбивый, и Лизавета его страшно боялась; а несмотря на это, она не согласилась на предложеніе барина скрыть ребенка; чувство матери оказалось сильнѣе чувства страха. «Я имъ грѣшна, я и въ отвѣтѣ», сказала она. Это ли признакъ вздорной, пустой натуры? То были не ругань, не пустые перекоры, когда она, прося присланныхъ за нею мужиковъ вступиться за нее, говоритъ: «Вы всѣ видѣли, какъ меня выдавали; въ свадебныхъ саняхъ меня почесть что связанную везли, онъ былъ для меня хуже пса поганаго, мнѣ легче бы честь мою дѣвичью кинуть разбойнику въ лѣсу, такъ съ меня и спрашивать нечего». Это вопль, которымъ прорывается поруганное чувство женской природы, это проклятіе вынесенному насилію. Разумѣется, этотъ протестъ Лизаветы пропалъ даромъ для пришедшихъ мужиковъ; у нихъ были уши только для жалобъ мужа, оскорбленнаго барскимъ самовластіемъ; женщина для нихъ—баба, а баба, извѣстно, что за человѣкъ; они не стали слушать ея брехню. А эта баба съ брехней несравненно болѣе живая, здоровая, неиспорченная жизнью женщина, чѣмъ Лидія Вальковская, которая считала священнымъ долгомъ напустить на себя грусть по смерти мужа.

Въ послѣднемъ романѣ «Люди сороковыхъ годовъ» есть черта еще болѣе характеристичная, которую авторъ занесъ въ свой романъ уже не безсознательно выхвативъ ее изъ жизни, какъ въ Лизаветѣ въ «Горькой судьбинѣ». Молодая крестьянка Лизавета Петрова оговариваетъ себя въ сношеніяхъ съ разбойниками, для

того, чтобы ссылкой въ Сибирь развестись съ мужемъ. Она не жалуется ни на оскорбленія, ни на побои, мужъ ея не старикъ, не уродъ, а средственный; все горе ея въ томъ, что онъ «постылый все лѣзетъ къ ней». Это горе смиренно переносятъ чуть ли не девять десятыхъ женщинъ, но Лизавета его не переноситъ. И узнавъ отъ Вихрова, что мужъ ужь не полѣзетъ за ней въ Сибирь, она съ радостью идетъ туда. «Вотъ мнѣ говорятъ, что наказывать будутъ, да пусть себѣ наказываютъ, лучше претерпѣть временное мученіе, чѣмъ весь вѣкъ маяться». Трудно болѣе яркими красками обрисовать жажду къ свободѣ. Лизаветѣ никто не толковалъ о правахъ женщины, объ униженіи быть собственностью другаго. Она простая, грубая крестьянка, и для того только, чтобы не быть этой собственностью, она готова на все. Ее не пугаетъ ни ссылка по этапу, ни неизвѣстность, ее не останавливаетъ ни привязанность къ родному углу, къ своимъ, ни наказаніе, ни позоръ. Вихровъ какъ жоржъ-зандистъ и авторъ повѣсти въ защиту бѣдныхъ женщинъ позволилъ ей избавиться отъ постылаго — однимъ открытымъ ей закономъ путемъ—ссылкой въ Сибирь. «И когда ее повели по базару за конвоемъ какъ преступницу, она шла весело и какъ бы гордо», замѣчаетъ авторъ. Это черта, глубоко вѣрная жизни; понятны и эта гордость, и радость рабы, разбившей цѣпи; только непонятно, какъ г. Писемскій могъ выдать за лучшаго представителя русской мысли сороковыхъ годовъ человѣка, который освобождалъ, хоть бы и ссылкой, женщину отъ мужа, только потому, что та заявила ему свое желаніе уйти отъ постылаго. Давно-ли г. Писемскій признавалъ требованіе женщинами этого освобожденія—требованіемъ безнравственныхъ правъ и наотрѣзъ отказывалъ въ нёмъ женщинамъ, признавая за ними одно право требовать отъ общества помощи для воспитанія дѣтей. Вотъ чтò онъ говорилъ въ «Взбаломученномъ Морѣ» по поводу Басардиной, которая съ грѣхомъ пополамъ, гдѣ трудомъ, гдѣ прижимкой и униженьемъ выростила дѣтей: «И не одну, и не двухъ, а сотни и тысячи знаемъ мы подобныхъ труженицъ матерей, которыя на скорбныхъ плечахъ часто подъ колотками и бранью поднимаютъ огромныя семьи и небезнравственныхъ правъ требуютъ онѣ у общества, но чтобы оно хоть сколько нибудь подсобило имъ нести трудъ, который возложили на нихъ самцы—мужья». Кажется, ясно, что свобода женщинъ безнравственна въ глазахъ общества, но въ то же время непонятно, какимъ образомъ общество можетъ помочь имъ воспитывать дѣтей, если онѣ не освободятся отъ власти мужа, который всегда будетъ вправѣ располагать этой помощью? Да и если въ общемъ вѣрна мысль объ обязанности общества дать женщинамъ средства воспитывать дѣтей, то приложеніе ея къ старухѣ Басардиной не совсѣмъ вѣрно. Дармоѣду супругу ея и во снѣ не снилось взвалить на себя обузу семьи, она сама на свои плечи взвалила эту тяжесть, поймавъ его въ мужья, чтобы вырваться изъ-подъ

гнета семьи. И не одну, и не двухъ, а сотни и тысячи знаемъ мы женщинъ въ положенiи Басардиной, которыя, ища освобожденiя этимъ *нравственнымъ* путемъ, взваливаютъ на себя эту тяжесть и, задавленныя нищетой, превращаются въ жалкiя униженныя созданiя, способныя, какъ она, воспитать или такихъ негодяевъ, какъ Викторъ Басардинъ, или такихъ камелiй, какъ Софи Ленева. И еслибы г. Писемскiй умѣлъ не только вѣрно выхватывать изъ жизни бросающiяся въ глаза черты, но и заглядывать въ ея глубь, онъ бы понялъ, что одно средство избавленiя женщинъ отъ этой участи — признанiе за ними «безнравственныхъ правъ.»

Читатель видитъ, какъ трудно изъ этихъ разсѣянныхъ въ произведенiяхъ г. Писемскаго чертъ понять, чтò онъ именно хочетъ сказать? Неужели онъ способенъ видѣть и такъ живо передавать видѣнное, не понимая его смысла? Новый романъ его, вмѣсто того, чтобы вывести читателя изъ этого недоумѣнiя, еще болѣе усиливаетъ его. Герой романа, лучшiй человѣкъ своего времени, жоржъ-зандистъ; — но жоржъ-зандизмъ его оказывается весьма сомнительнаго свойства. Жоржъ-Зандъ проповѣдница евангелiя братства, а герой держитъ, какъ служанку Грушу, которая любила его такой преданной, безкорыстной любовью, такъ трогательно ухаживала за нимъ во время его болѣзни. Онъ не только не думаетъ образовать ее, но побарски даетъ ей цаловать плечо и руку и покрикиваетъ грозно на нее, чуть она не угодитъ ему: «Знай свое мѣсто, холопка». Впрочемъ, г. Писемскiй признаетъ этотъ жоржъ-зандизмъ съ родной почвенной закваской обязательнымъ только для мужчинъ, а женщинъ признаетъ необходимымъ держать на пушкинскомъ идеалѣ; съ измѣной этому идеалу женщина теряетъ свое достоинство, и изъ человѣка превращается въ чудовище или идiотку.

Пушкинскiй идеалъ женщины извѣстенъ. Это Татьяна изъ Онѣгина. Въ наше время идеальныя дѣвы, мечтающiя при лунѣ и зачитывающiяся романовъ, и смѣшны, и жалки; но несправедливо относиться съ нашей точки зрѣнiя къ тому, чтò было тридцать лѣтъ тому назадъ, и требовать отъ юноши, только что вышедшаго изъ дѣтства, понятiй и дѣятельности зрѣлаго возраста. Татьяна была натура несравненно болѣе глубокая и сильная, чѣмъ другiя женщины. Романтизмъ ея былъ не того разбора, какъ романтизмъ ея матушки, которая звала Грандисономъ гвардейскаго хвата, Акульку Селиной, и вышедши замужъ за помѣщика «рвалась и плакала сначала», а тамъ «привыкла и довольна стала» и принялась усердно бить по щекамъ дѣвокъ, да брить лбы мужикамъ. Для такихъ натуръ, какъ Татьяна, нѣтъ этого примиренiя; она не привыкла, не стала довольной, но осталась вѣчно чужой и холодной, и блестящей пошлости большаго свѣта, какъ была чужой патрiархальной пошлости родной семьи.

Героиня сороковыхъ годовъ Мари Эйсмондъ не простодуш-

ная деревенская дѣвочка, которая выросла какъ цвѣтокъ въ полѣ. Она получила, по словамъ автора, отличное воспитаніе у лучшихъ профессоровъ въ Москвѣ. Она интересуется литературой, совѣтуетъ гимназисту Вихрову поступить въ университетъ, ободряетъ его первые литературные опыты. Позже она живо интересуется общественными вопросами, она жалуется на гнетъ, который переживала Россія, гораздо прежде, чѣмъ онъ придавилъ Вихрова; слѣдовательно, она натура развитая и самостоятельная, созданная для лучшаго времени. Восемнадцати лѣтъ она вышла по любви за офицера, который покорилъ ея сердце своими подвигами на Кавказѣ. Много и зло осмѣивали, что наши дѣвушки «къ военнымъ такъ и льнутъ». Но если въ наше время увлеченіе мундирами и эполетами признакъ безнадежнаго умственнаго убожества, то увлеченіе женщинъ 30—40 годовъ военными вполнѣ понятно. Въ эти годы лучшіе представители русской мысли были схоронены въ снѣгахъ Сибири или раскинуты по разнымъ темнымъ угламъ Россіи. Не стало богатырей,— и полѣзли изъ щелей мошки и букашки. Уровень общественнаго образованія, ума, человѣческаго достоинства понизился замѣтно. Чиновничій міръ былъ продаженъ и низкопоклоненъ до омерзѣнія, въ военномъ та же продажность и то же низкопоклонство были прикрыты наружнымъ лоскомъ дисциплины. Положимъ, сущность была та же, но форма была менѣе возмутительна, а женщина пушкинскаго идеала, тѣмъ болѣе восемнадцатилѣтняя дѣвушка, не была способна заглянуть поглубже формы. Сверхъ того, низкопоклонство военныхъ простиралось все-таки до извѣстной черты, переступить которую имъ не позволяла честь. И то правда, что честь эта была не сознаніе своего достоинства, не честь человѣка, а честь мундира и эполетъ; человѣкъ, снимавшій мундиръ и эполеты, отрѣшался и отъ этой чести; но пока онъ носилъ ихъ, онъ умѣлъ заставить самый дикій произволъ уважать ее. Доказательствомъ тому служитъ разсказъ Кнопова о томъ, какъ офицеры выживали изъ полка нелюбимаго полковаго командира угрозой бросить жребій, кому дать ему публично оплеуху,—угроза, неизмѣнно заставлявшая командира подать въ отставку. У военныхъ были минуты, когда они стряхивали грязь и плѣсень жизни, для того чтобы окунуться въ крови. Трезвый взглядъ на эти кровавыя минуты и теперь доступенъ еще очень немногимъ представителямъ русской мысли. Военные были силой,— а сила всегда привлекаетъ женщинъ. Только вышедши замужъ Мари поняла, чѣмъ покупается развитіе этой силы, и увидѣла, что герои реляцій могутъ быть интересны только на полѣ битвы. Вотъ какъ она стала отзываться о своемъ героѣ: «Онъ былъ не то, чтобы глупъ, но только необразованъ настоящимъ образомъ, но это трудно было замѣтить, потому что онъ вообще держался очень сдержанно». Гдѣ же вашъ хваленый умъ, о, Мари? Развѣ женщина не можетъ всегда заставить любимаго

человѣка высказаться;—вы же, какъ героиня пушкинскаго идеала, должны были искать сочувствія, да и заставить высказаться такого господина, какъ Эйсмондъ, было дѣло вовсе не хитрое. Далѣе героиня говоритъ, что разглядѣть пустоту супруга ей помѣшало то, что онъ прекрасно танцовалъ, говорилъ пофранцузски. Тутъ ужь рѣшительно недоумѣваешь, кого хотѣлъ изобразить авторъ: идеалъ ли женскаго развитія сороковыхъ годовъ, или совѣтницу изъ фонъ-визинскаго «Бригадира». Никакого идеальнаго развитія не требуется на то, чтобы понять, что эти познанія очень недостаточныя ручательства достоинствъ любимаго человѣка; на это довольно здраваго смысла; тутъ ни юность, ни неопытность не могутъ оправдать героиню. Разумѣется, московскіе профессора не читали ей лекцій о замужествѣ, но они знакомили ее съ поэзіей: Шиллеръ, Шекспиръ и самъ Данте могли ей дать идеалъ повыше героя реляцій, или она была способна только восхищаться ими на основаніи критической оцѣнки: «что въ морѣ купаться, что Данте читать». Герой реляцій оказался эгоистомъ, которому даютъ за что-то кресты и чины, и пошлякомъ, который внѣ себя отъ радости, что онъ, по возвращеніи изъ-за границы, можетъ снова надѣть военную форму. Вотъ что̀ говоритъ Мари о своихъ отношеніяхъ къ нему: «То, что онъ любилъ и чему симпатизировалъ, я еще могла понимать (это не трудно: всѣ симпатіи господъ, подобныхъ Эйсмонду, заключаются въ трехъ словахъ: Ур-р-ра! и ради стараться), но ужь онъ никогда не могъ мнѣ ни въ чемъ сочувствовать. Я не знаю, сколько способовъ я изобрѣтала, чтобы помирить наши взгляды, заставить его смотрѣть на вещи какъ я смотрѣла, а чтобы я смотрѣла на вещи его взглядомъ мнѣ просто надо было, хвастливо даже сказать... поглупѣть, опошлиться, разучиться всему, чему меня учили, и видитъ Богъ, я не разъ проклинала это воспитаніе, которое мнѣ дали». Надобно быть женщиной, чтобы понять весь ужасъ этого положенія, когда женщина должна выбирать или цѣлую жизнь страданій, или купить себѣ спокойствіе цѣною нравственной смерти. Героиня имѣла полное право проклинать воспитаніе, данное ей эстетиками и гуманистами; оно было свѣточемъ, который могъ только освѣтить весь ужасъ ночи, въ которой она томилась, а не лучемъ солнца, пробуждавшимъ ее къ жизни. Мари цѣлые годы во имя долга старалась оглупить и опошлить себя, она переносила съ терпѣніемъ пушкинской героини все униженіе подобныхъ отношеній. Полюбивъ Вихрова, она уѣхала заграницу для того, чтобы ея супругъ генералъ имѣлъ право поднимать и грудь и плечи такъ же высоко, какъ и супругъ Татьяны. Разумѣется, она въ концѣ концовъ заболѣваетъ нервнымъ разстройствомъ, и все-таки не дѣлаетъ ни шагу, чтобы избавить себя отъ убивавшихъ ее отношеній. Къ счастію, у героини былъ догадливый докторъ, который, несмотря на ея упорное отнѣкиваніе и заминаніе его вопросовъ, по-

нялъ причину болѣзни паціентки и, напугавъ мужа будто бы угрожавшимъ ей помѣшательствомъ, намекнулъ ему, въ видѣ утѣшенія, о пріѣзжихъ нѣмочкахъ — дѣло уладилось къ обоюдному удовольствію. Г. Писемскій озаглавилъ эту главу «Умный докторъ», чѣмъ и высказалъ свое полное сочувствіе освобожденію героини. Онъ понялъ, что жестоко бы было заставить зачахнуть бѣдную женщину, и заставить ее цѣлую жизнь платиться за ошибку молодости. Отчего же онъ не возводитъ свое сочувствіе въ принципъ? Но это значило бы признавать за женщинами безнравственныя права. И онъ выпутывается изъ этого неловкаго положенія счастливой случайностію. Вообще всѣ писатели, непризнающіе этихъ правъ и въ то же время считающіе жестокостію обречь своихъ героинь на цѣлую жизнь страданій, любятъ освобождать ихъ этими случайностями. Во всѣхъ англійскихъ романахъ супругъ, мѣшающій счастію любящихъ, всегда догадывается умереть, когда дѣло доходитъ до кризиса. Г. Писемскій тоже моритъ мужа Лидіи Вальковской. Но въ жизни смерть не является такъ кстати для услугъ героини, доктора не всегда догадливы, да у тысячи женщинъ нѣтъ средствъ, какъ у Мари, щедро платить за подобную догадливость. Что бы сдѣлала героиня, еслибы супругъ ея назвалъ ея нервы вздорными бабьими причудами, какъ дѣлаютъ тысячи мужей, или взялъ другаго доктора, который доказалъ бы ему всю несостоятельность угрозы помѣшательствомъ?

Мари наконецъ признается Вихрову въ любви, когда онъ пригрозилъ ей, что сойдетъ съума или сопьется съ круга въ ссылкѣ. Признаніе ея интересно — это смѣсь французскаго съ нижегородскимъ. «Ecoutez, mais seulement que personne ne sache», умоляетъ она вслѣдъ за признаніемъ и заставляетъ предполагать, что она заподозрѣвала Вихрова въ донжуанской слабости хвастаться побѣдами. Когда Вихровъ чуть не умеръ отъ воспаленія въ мозгу по смерти Груши, которую несчастный выстрѣлъ очень кстати убралъ со свѣта, чтобы избавить героя отъ неловкаго положенія между нравственной и чувственной любовью, Мари пріѣзжаетъ ухаживать за нимъ и просиживаетъ съ нимъ вечера въ самыхъ задушевныхъ разговорахъ, какъ милое, благонравное дитя. Возвращеніе супруга изъ Севастополя обрушивается громовымъ ударомъ на милыхъ дѣтей. Что дѣлать теперь героинѣ! Женщины пушкинскаго идеала знали, что дѣлать: онѣ оставались вѣрны долгу. Смыслъ этой вѣрности опредѣленъ Бѣлинскимъ въ его разборѣ Татьяны. Татьяна разсталась съ Онѣгинымъ. Въ ея положеніи любовь къ Онѣгину могла только превратиться въ связь, купленную обманомъ, ложью и униженіемъ, и она осталась вѣрна своему идеалу чистоты и красоты. Круциферская тоже разсталась съ Бельтовымъ, и этимъ не спасла ни мужа, ни себя. Несмотря на ихъ напрасную гибель, эти женщины были цѣльными, живыми женщинами. Жизнь не открыла имъ выхода, и онѣ не захотѣли искать его въ грязныхъ

лазейкахъ. Она отказала имъ въ правахъ на счастье, и онѣ не захотѣли обманомъ покупать его призракъ, какъ невольницы гарема. Только слабыя, дрянныя натуры идутъ на сдѣлки, ставятъ свѣчи и Богу, и чорту. Мари такъ и поступила. «Смотри, ты будешь вѣчно любить меня, говоритъ она Вихрову: я на страшно тяжелый шагъ рѣшаюсь для тебя (не для себя ли тоже)! Ты можетъ быть не подозрѣваешь, какъ мнѣ мучительно. Отказаться отъ счастья не хватило силъ». Въ томъ-то и дѣло, что не хватило, какъ не хватило взять его открыто. Мари устраиваетъ себѣ счастье не гаремной невольницы, но шаловливой школьницы подъ прикрытіемъ супруга. И какъ мелка и ничтожна каждому честному человѣку должна показаться Мари въ ея заботахъ объ этомъ устройствѣ. Каждый шагъ ея ложь, вся жизнь—обманъ и притворство. Она ѣдетъ одна, чтобы выучиться притворяться и приготовить мужа къ роли Вихрова, какъ друга дома; она отводитъ мужу глаза, разсказывая о любви Вихрова къ Грушѣ; она обмираетъ отъ страха, что супругъ ея своимъ непрошенымъ присутствіемъ разстроитъ ея невинную шалость въ родѣ поѣздки вдвоемъ въ оперу или ужинъ у Донона. Она отдаетъ сына въ пансіонъ и не беретъ его домой потому, что смышленый мальчикъ могъ быть очень неудобнымъ свидѣтелемъ ея задушевныхъ разговоровъ съ Вихровымъ, и довольствуется тѣмъ, что часто навѣщаетъ его. Это ли мать пушкинскаго идеала? Несмотря на все это, Мари пользуется полной благосклонностью автора; онъ только слегка отзывается, что за ней водятся грѣшки. Героиня тоже скоро привыкаетъ къ этимъ грѣшкамъ и считаетъ себя честной женщиной за то, что не переступаетъ за предѣлъ школьническихъ шалостей. Каждому человѣку, если онъ не идіотъ и не животное, необходимо уважать себя. Ему необходимо признавать за собой какую-нибудь заслугу, которая бы давала ему права на это уваженіе и на уваженіе общества, знать, что у него есть свое завѣтное святое, для чего онъ живетъ, что онъ не продастъ ни за какія выгоды, отъ чего не отступится ни за какія угрозы и гоненія. Содержаніе этого завѣтнаго, святаго, вполнѣ зависитъ отъ уровня развитія человѣка. Кто живетъ пушкинскимъ идеаломъ, кто жоржъ-зандовскимъ; Невѣдомскій жилъ своимъ: рясой и четками, Эйсмондъ своимъ р-ради стараться и ур-ра! Правда, что для огромнаго большинства это сознаніе, что оно живетъ для своей святыни — оптическій обманъ. Оно управляется привычками и природой; жизнь играетъ съ нимъ злую шутку, заставляя выбирать не то служеніе святыни, въ которомъ больше заслуги, а то, которое легче. Чахлая старушонка, которая моритъ себя рѣдькой и постнымъ масломъ, когда ей нужна здоровая пища, воображаетъ пресерьёзно, что этимъ угождаетъ Богу, въ сущности же выбираетъ наиболѣе легкій для себя способъ угожденія. Попробуйте убѣждать ее, что она несравненно бы болѣе угодила Богу, еслибы повоздержа-

[illegible] сплетничая мужа, родныхъ и друзей, или кидаетъ съ утра до вечера свою семью. «Оно такъ, скажетъ она, да человѣкъ слабъ, а ужь коли это не соблюдать, то какая тутъ будетъ заслуга» И она совершенно спокойно, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, отравитъ жизнь людямъ, заѣстъ чужой вѣкъ, а замучаетъ себя до полусмерти, если оскоромится въ страстную пятницу. Соблюденіе религіи братства и человѣчности было бы для нея насилованіемъ ея природы, она способна только къ соблюденію религіи постнаго масла и рѣдьки. Такъ и Марья въ отношеніяхъ своихъ съ Вихровымъ, соблюдаетъ извѣстную черту, воображая, что приноситъ жертву долгу, а въ сущности потому, что это ей легче. Переступи она эту черту, ее ждала бы огласка, потеря правъ жены въ глазахъ общества, а наша героиня очень дорожила тѣмъ, что̀ станетъ говорить княгиня Марья Алексѣевна. Супругъ, такъ скоро утѣшившійся нѣмочками, не сталъ бы слишкомъ сильно горевать; сынъ ея былъ и безъ того изгнанъ ею изъ дома. Хотя героиня и могла увѣрять себя, что соблюдаетъ эту черту для сына, но сыну отъ этого соблюденія было нисколько не легче, и черезъ годъ, другой, смышленый мальчикъ, видя, что всѣ товарищи его по праздникамъ уходятъ домой, сталъ бы непремѣнно допытываться, зачѣмъ онъ осужденъ на скуку и холодъ училища, и допытавшись, конечно, не почувствовалъ бы особенной благодарности къ матери. Спрашивается теперь, что̀ хотѣлъ сказать авторъ этимъ идеаломъ женщины сороковыхъ годовъ? Что̀ же такое эта героиня, равно несостоятельная и передъ жоржъ-зандизмомъ и передъ пушкинскимъ идеаломъ, за измѣну которому авторъ обрушиваетъ на женщинъ всѣ громы своего негодованія.

Юлія Захаревская—женщина, измѣнившая этому идеалу и дерзнувшая искать себѣ безнравственныхъ правъ. Авторъ съ самаго начала относится къ ней съ замѣтнымъ недоброжелательствомъ; оно и понятно: въ ней онъ побиваетъ нигилизмъ въ эмбріонѣ; а въ концѣ онъ накидывается на нее съ безпощаднымъ озлобленіемъ. Юлія—дѣвушка умная, патентъ на умъ выданъ ей авторомъ, и начитанная, а мѣриломъ ума и образованія считаетъ исключительно русскіе журналы; она говоритъ тяжелымъ языкомъ даже въ тѣ минуты, когда у каждаго живаго человѣка чувство прорывается свободной горячей рѣчью; этотъ книжный языкъ—прелюдія будущей болтовни нигилистовъ, которые, какъ извѣстно, не умѣютъ говорить иначе, какъ тирадами изъ «Современника» и «Русскаго Слова». Положимъ, что въ этомъ есть доля правды. Женщины, начинающія учиться, не всегда умѣютъ передавать свои мысли живой свободной рѣчью, но пестрятъ ее множествомъ техническихъ словъ и выраженій; но это общій удѣлъ всѣхъ новичковъ въ наукѣ; заставьте ученика объяснить вамъ что-нибудь изъ любой науки, онъ закидаетъ васъ техническими выраженіями, тогда какъ учитель его объяснитъ вамъ то же самое, замѣнивъ бо̀льшую часть общеупотреби-

тельными словами. Изъ этого вовсе не слѣдутъ, чтобы ученикъ затвердилъ урокъ какъ попугай, не понявъ его смысла; когда онъ освоится съ наукой, и онъ станетъ говорить о ней живымъ, свободнымъ языкомъ. Но всего больше въ этихъ упрекахъ сказывается непривычка слышать эти слова отъ женщины. Развѣ рѣчь свѣтскихъ барынь и барышень не испещрена множествомъ техническихъ выраженій въ родѣ: турнюры, пардесю, ривьеры, и пр. и пр. Развѣ это живая, разумно-человѣческая рѣчь? А къ ней привыкли и она не странна.. Г. Писемскій ни разу не металъ за нее на барышень громы обличеній, которые обрушивалъ на головы нигилистокъ, а эта рѣчь, кажется, могла бы вызвать эти громы какъ признакъ духовной нищеты, пустоты и пошлости. Проповѣдникъ жоржъ-зандизма оказывается здѣсь старовѣромъ, который отплевывается съ омерзѣніемъ отъ всякаго новшества. Юлія, при чтеніи повѣсти Вихрова, несмотря на приказанія брата, не выходитъ изъ комнаты, и не краснѣя выслушиваетъ описаніе противозаконной любви и даже слово «любовница». Это тоже прелюдія безстыдства нигилистокъ, которыя ходили на лекціи естественныхъ наукъ, изъ какихъ-то таинственныхъ и постыдныхъ побужденій. Въ сценѣ съ Мари, несмотря на выданный ей авторомъ патентъ на умъ, она высказываетъ полнѣйшее тупоуміе и даже не замѣчаетъ явныхъ подсмѣиваній Мари. Какъ кандидатка въ нигилистки, она хвалитъ литературу за ея дѣятельное разработываніе общественныхъ вопросовъ, а умница Мари замѣчаетъ, что эти вопросы еще дѣятельнѣе разработываются чиновниками. Юлія со смѣхомъ отвѣчаетъ: «я сама знаю, что̀ такое чиновники, у меня отецъ и бра̀тья чиновники». Это новое развитіе эмбріона нигилизма. Нигилистки, какъ извѣстно читателямъ «Взбаломученнаго Моря», ругаютъ отца и мать встрѣчному и поперечному, потому что это въ модѣ. Такъ понялъ авторъ разрывъ между молодымъ и старымъ, это болѣзненное явленіе нашего времени, признакъ тяжелаго роста общества. Молодость воспріимчива ко всему честному, хорошему. Грязь и неправда жизни тяжело ложится на нее. Дюжинныя натуры свыкаются, болѣе сильныя разрываютъ съ ними. Эта грязь и неправда были одной изъ причинъ, загнавшихъ Лизу «Дворянскаго гнѣзда» въ монастырь; ей надо было замолить, «какъ ея папенька нажилъ себѣ состояніе». Такъ выражается протестъ въ натурахъ сосредоточенныхъ и религіозныхъ. Натуры экспансивныя, смѣнившія религію монастырей религіей братства и человѣчества, ищутъ облегченія гнетущему ихъ чувству неправды въ откровенномъ словѣ съ людьми, съ которыми связаны одними взглядами. Они не станутъ выставлять гной душевныхъ ранъ, ради моды, каждому встрѣчному. Такъ могутъ поступать дуры въ родѣ m-lle Базелейнъ, неспособныя наболѣть до этихъ ранъ. Наболѣвъ отъ неправды, молодое поколѣніе не хочетъ покрывать ее лицемѣрнымъ уваженіемъ, потому что это уваженіе поддержи-

ваетъ ее, и это было бы измѣной его дѣлу — служенія добру и правдѣ.

Юлія такъ же несостоятельна чувствомъ, какъ и умомъ. Авторъ разсказываетъ, что она очень настойчиво, годами добивалась любви Вихрова. Но чувство ея выказывается разными ужимками и уловками пошлаго кокетства, фразами изъ московскихъ романовъ; въ ней видна скорѣе барышня, гоняющаяся за женихомъ, а не энергическая, страстно любящая женщина. Когда она узнала о привязанности Вихрова къ Мари, этого чувства, заставлявшаго ее годами ѣздить изъ города въ городъ за Вихровымъ, — не осталось и слѣда. «Пока она думала и надѣялась, что Вихровъ отвѣтитъ ей на чувство, она любила его до страсти, она сантиментальничала, готова была пожалуй надѣлать глупостей и неосторожныхъ шаговъ; но какъ только она узнала, что онъ любитъ другую, то тотчасъ же порѣшила выкинуть изъ головы всѣ мечтанія, всѣ надежды и у нея осталась только маленькая боль и тоска въ сердцѣ, какъ будто тамъ что-то грызло и вертѣло ее». Какъ это вѣрно жизни! Положимъ, что для энергическихъ натуръ всего тяжеле неизвѣстность, мучительныя колебанія между надеждой и страхомъ; для нихъ легче снести ударъ, который разомъ порветъ ихъ надежды. Онѣ по крайней мѣрѣ будутъ знать что̀ дѣлать, куда идти. Вслѣдъ за грянувшимъ ударомъ онѣ почувствуютъ даже облегченіе, но это облегченіе кажущееся, оно—слѣдствіе каждой перемѣны боли, и новая боль отъ удара будетъ далеко не маленькая. Г. Писемскій, умѣющій такъ мастерски выхватывать изъ жизни рѣзкія черты, оказывается неспособнымъ заглянуть поглубже въ душу своихъ героевъ. Дѣйствующія лица его романовъ напоминаютъ портреты Зарянки и Тютрюмова: каждая черты передана съ поразительной вѣрностью, подмѣчена даже ускользающая отъ глаза мелочь, манера сгибать палецъ или кривить губу, и несмотря на несомнѣнное сходство и яркость красокъ, эти портреты даютъ вамъ, какъ фотографія, одну маску человѣка. Они не покажутъ вамъ живаго человѣка съ его внутренней жизнью, какъ вамъ покажутъ его портреты великихъ мастеровъ. Г. Писемскій пишетъ такъ же, какъ игралъ Плавинъ, не кровью и нервами, а сметкой и переимчивостью. Всего болѣе не дается ему образъ умной женщины. Пока онъ рисуетъ дуръ въ родѣ поврежденной на амурахъ Катишъ Прыхиной, изъ-подъ его кисти выходятъ живыя фигуры; чуть онъ захочетъ написать умную, самостоятельную женщину, у него выходитъ деревянная кукла Юлія, или такая безцвѣтная личность, какъ Мари. И немудрено. Пушкинскій идеалъ давно поблѣднѣлъ и увялъ, и какъ ни подновляй и ни подрумянивай его, изъ-подъ осыпающихся румянъ будетъ сквозить предсмертная блѣдность.

Всего страннѣе поражаетъ читателя пристрастное отношеніе автора къ его героинямъ. Выказывая такую немилость къ Юліи,

онъ явно благоволитъ къ г-жѣ Фотѣевой. Фотѣева не принадлежитъ ни къ пушкинскому идеалу, ни къ жоржъ-зандовскому; она просто, какъ называетъ народъ нашъ женщинъ ея разбора, гулящая бабенка, но за то она не нигилистка въ эмбріонѣ. Авторъ оправдываетъ ее устами Вихрова, доказывая, что при другихъ обстоятельствахъ изъ нея вышла бы другая женщина. Правда, что нѣтъ такого ничтожнаго и жалкаго существа, которое при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ не вышло бы менѣе жалко и ничтожно, но изъ г-жи Фотѣевой при всѣхъ обстоятельствахъ наврядъ бы вышло что нибудь лучшее нѣсколько исправленнаго и обчищеннаго экземпляра гулящей бабенки. Она воспитывалась въ пансіонѣ, гдѣ занимались преимущественно перемигиваньемъ и передаваньемъ записочекъ учителямъ; по выходѣ оттуда ей пришлось выносить оскорбленія и побои любовника матери, которая тратила на него послѣднюю копейку, лишая дочь необходимаго. Изъ этого ада Фотѣеву вырвало замужество съ красивымъ кирасирскимъ офицеромъ, въ котораго она влюбилась; супругъ развивалъ ее чтеніемъ Поль де-Кока, и пьянствомъ заставилъ искать утѣшителя. Утѣшитель оказался негодяемъ, который уговорилъ ее взять съ супруга вексель, какъ средство держать его въ рукахъ, разсчитывая поживиться этими деньгами. Фотѣева, когда Вихровъ былъ еще гимназистомъ, старалась заинтересовать его своимъ видомъ несчастной жертвы. Послѣ, сойдясь съ нимъ, она пилитъ его безпощадно глупѣйшими сценами. Есть ли во всемъ этомъ хоть проблескъ силъ, изъ которыхъ могла бы выйти дѣльная, порядочная женщина, еслибы «жизнь научила ее чему-либо лучшему, какъ только любить, или лучше сказать вести любовь съ мужчинами», какъ говоритъ авторъ. «Она натура страстная и дѣятельная», а ей при ея развитіи нечего было болѣе дѣлать. А что̀ дѣлала у него Мари съ ея развитіемъ? Если страстность натуры Фотѣевой несомнѣнна,—за то дѣятельность ея очень и очень сомнительна. Послѣ этого и одалиски гарема дѣятельны. Дѣятельная женщина съ развитіемъ Фотѣевой нашла бы себѣ занятіе. Хозяйство ее не занимаетъ, оправдываетъ ее далѣе Вихровъ: «дѣтей нѣтъ, въ свѣтъ она не ѣздитъ, да и какая же умная женщина найдетъ въ томъ удовольствіе, потому что такъ-называемаго свѣта у насъ вовсе нѣтъ». Что̀ хочетъ этимъ сказать авторъ? Неужели Фотѣева не могла удовлетвориться свѣтомъ, потому что ей нужны были салоны, въ родѣ французскихъ дореволюціонныхъ салоновъ. Для такой барыни салоны, гдѣ швырялись кусками хлѣба и гасились свѣчи, когда губернаторъ бѣгалъ за дамой своего сердца, были бы вполнѣ по плечу. Фотѣева невѣжественна и безграмотна, и несмотря на то умѣетъ говорить такъ, что сразу не разгадаешь ея невѣжества. Вихровъ хвалитъ ея недурную и симпатичную рѣчь. Это доказательство ловкости женщины, наторѣвшей въ искусствѣ веденія любви, а никакъ не

ума. Когда Вихровъ, приходившій въ отчаяніе отъ ея невѣжества и чтобы хоть нѣсколько разнообразить постоянное преслѣдованіе его любовными взглядами принялся учить ее, она оказалась совершенно неспособной даже выучиться правильно писать, а ей было не болѣе двадцати-пяти лѣтъ. Въ эти лѣта женщина безъ особенныхъ титаническихъ силъ, а обыкновеннаго ума способна сама безъ всякихъ побужденій, которыя должны бы были дать г-жѣ Фотѣевой сильный толчокъ, научиться не одной грамотѣ. Несмотря на завѣреніе автора, Фотѣева оказывается даже плохой искусницей и въ дѣлѣ веденія любви. Она любила Вихрова искренно, послѣ разрыва съ нимъ она выглядѣла такъ, что краше въ гробъ кладутъ, и перестала заботиться о своемъ добромъ имени и здоровьѣ, и могла только надоѣсть ему. Чтобы женить его на себѣ, она употребляла всѣ средства, натравляла на него Катишъ, дразнила докторомъ, и даже, извѣщая о смерти мужа, подчеркнула слова, что она осталась вдовой и помѣщицей двухсотъ душъ. Это ужъ такое отсутствіе малѣйшаго чувства женскаго достоинства и ума, которое доказываетъ какъ нельзя яснѣе, что въ Фотѣевой никогда не могло быть задатковъ чего нибудь лучшаго.

Романъ заканчивается передъ началомъ шестидесятыхъ годовъ. Авторъ показываетъ первый рядъ моря, которое начинаетъ баломутиться. Онъ набрасываетъ маленькій эскизъ пространной мутно-грязной картины, которую онъ написалъ передъ картиной 40-хъ годовъ. Эту картину онъ завѣщалъ будущему историку, въ довѣріи котораго онъ убѣжденъ, какъ вѣрный памятникъ прошлаго, потому что, если въ ней не отразилась вся Россія, за то тщательно собрана ея ложь. Что за несчастная способность видѣть одну ложь! Каждое море, взбаломученное бурей, выкинетъ много илу и тины на берегъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно выкинетъ много цѣлебныхъ травъ и драгоцѣнныхъ остатковъ, которые даютъ кусокъ хлѣба прибрежнымъ бѣднякамъ. Буря, взволновавшая его, можетъ погубить много жертвъ, но она вызоветъ подвиги отваги, самоотверженія. Силы человѣка, дремавшія въ сонномъ затишьѣ, проснутся и окажутся въ борьбѣ съ разъяренной стихіей. Сколько пищи для мыслителя и сколько богатыхъ образовъ для писателя, имѣющаго глаза, чтобы видѣть, что̀ могла дать эта буря. Но устройство глазъ г. Писемскаго позволило ему видѣть только мутную пѣну, кипѣвшую на поверхности. Этимъ несчастнымъ свойствомъ своего зрѣнія онъ напоминаетъ весьма неэстетическое животное извѣстной басни Крылова, отличающееся способностью рыться въ грязи. Юлія, превратившись въ нигилистку, выставлена какъ одинъ изъ клочковъ тины, выкинутой начинавшимъ баломутиться моремъ. Она замужемъ за добрымъ простякомъ Живинымъ, состоящимъ при Вихровѣ въ качествѣ преданнаго друга, какъ докторъ при Печоринѣ. Она увѣряетъ, что выбра́ла Живина за честность, которую болѣе всего цѣ-

нитъ въ жизни, а Вихровъ, приписывая ей какія-то непохвальныя побужденія, утверждаетъ, будто за то, что Живинъ обѣщаетъ быть покладнымъ мужемъ въ родѣ жоржъ-зандовскаго Жака. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ она смущаетъ своимъ провинціальнымъ нарядомъ Вихрова, который спѣшитъ увезти ее съ супругомъ съ Невскаго въ одну изъ дальнихъ улицъ, потому что его знакомые начали странно поглядывать на оригинальную пару, что̀ заставляетъ заподозрить передоваго человѣка сороковыхъ годовъ въ великосвѣтской хлыщеватости. Отрекшаяся отъ пушкинскаго идеала Юлія сдѣлалась «ужасна до того, что наврядъ ли могла возбудить въ комъ участіе»; такъ утверждалъ гуманный защитникъ женскихъ правъ, въ качествѣ эстетика признававшій, что одна красота составляетъ человѣческое достоинство и права женщины. Юлія ужасна и душой, какъ наружностью; она отвергаетъ бракъ, который такъ честно признаетъ Мари, ругаетъ Россію и къ довершенію всего, несмотря на то, что она почти старуха, бѣжитъ съ молодымъ полякомъ, имѣвшимъ явное намѣреніе обобрать ее и бросить.

Увлеченіе русскихъ женщинъ иностранцами было привычнымъ явленіемъ съ тѣхъ поръ, какъ ихъ вывели изъ теремовъ, и которое постоянно съ бо̀льшимъ или меньшимъ остроуміемъ и озлобленіемъ осмѣивалось русской литературой. Сатирики обыкновенно приписывали это увлеченіе пустотѣ, глупости и ничтожеству русскихъ женщинъ, не умѣвшихъ цѣнить своихъ, потому только, что они были свои, и модѣ, заставлявшей женщинъ съ конца прошлаго столѣтія до эпохи взбаломученнаго моря убѣгать съ французами, съ этой эпохи — съ поляками. Но эта мода держится такъ постоянно съ той минуты, какъ женщина перестала быть теремной невольницей, — и женщинъ увлеченныхъ ею было много. Неужели всѣ онѣ до одной были дурами, бездушными куклами, неспособными привязаться, тряпками, которыхъ могъ унести первый подувшій вѣтеръ? Отчего же, когда приходится слышать въ обществѣ разсказы о многихъ изъ этихъ бѣглянокъ, то вмѣстѣ съ осужденіемъ несчастной экзальтаціи разными «идеями» неизмѣнно слышится сожалѣніе о загубленныхъ этими «идеями» умѣ, энергіи, способностяхъ? Не кроется ли причина этого увлеченія поглубже, чѣмъ въ увлеченіи модой? Не бѣдность ли скорѣй и пустота жизни, недававшей пищи этимъ силамъ, заставили этихъ женщинъ рвать самыя дорогія связи, мѣнять прочную, обезпеченную, привольную жизнь на жизнь полную неизвѣстности, тревогъ, лишеній и тяжелаго труда? Неужели мода можетъ имѣть силу двинуть человѣка на такую рѣшимость? На эту причину указываютъ писатели, которые не довольствуются тѣмъ, что даютъ вѣрную маску своихъ героевъ, но умѣютъ раскрыть передъ читателемъ ихъ душу. Тургеневъ въ «Наканунѣ» заставляетъ Елену уйти съ иностранцемъ болгаромъ, а Елена — типъ высша-

го женскаго развитія, изъ тѣхъ, которые создавалъ Тургеневъ. Достоевскій въ своемъ послѣднемъ горячешномъ романѣ «Идіотъ». тоже заставилъ героиню, энергическую, умную, пылкую, молодую дѣвушку, выйти за поляка, перейти въ католицизмъ и принять участіе въ политическихъ планахъ польскихъ эмигрантовъ. Молодымъ, кипѣвшимъ силамъ нуженъ былъ выходъ. нужно было дѣло, захватывавшее ихъ всецѣло; родная жизнь не давала его и онѣ ушли искать всего въ чужой. Елена и Аглая нашли эту жизнь въ дѣлѣ освобожденія чужаго отечества; родное отечество не привязало ихъ къ себѣ крѣпкой связью гражданокъ, принимающихъ дѣятельное участіе въ судьбахъ его, оно привязало ихъ только ихъ связью съ мужчиной. И онѣ ушли за тѣми, кто сулилъ имъ ту жизнь и то дѣло, которыя были имъ нужны. Другія, измученныя мертвымъ» застоемъ моря, кидаются въ католицизмъ, думая въ судорогахъ агоніи видѣть движеніе жизни; многія изъ уходившихъ женщинъ горько ошибались, кидаясь на блудящіе огоньки чуждаго болота какъ на свѣтъ жизни, но виноваты ли онѣ, что для нихъ *даже* было:

.... ново
Смѣло и свободно льющееся слово?

Когда же русскія женщины перестанутъ уходить? Когда Уваръ Ивановичъ, эта черноземная сила, перестанетъ, вертя пальцами, смотрѣть въ даль.

Г. Писемскій за эти увлеченія русскихъ женщинъ ругаетъ новую литературу. Живинъ увѣряетъ, что пока она держала женщинъ на пушкинскомъ идеалѣ, то Юлія его была женщина, какъ всѣ; а съ тѣхъ поръ, какъ она стала восхвалять чуть не публичныхъ женщинъ, то и Юлія его, какъ и многія барыни, надѣлала скандаловъ, которые онъ покрывалъ, сколько могъ, и, наконецъ, напрямикъ объявила ему, что не можетъ жить съ нимъ. Когда же это г. Писемскій слышалъ эти восхваленія публичныхъ женщинъ? Съ тѣхъ поръ, какъ въ передовой литературѣ нашей раздались голоса, признававшіе недостаточность жоржъ-зандовской эманципаціи, и требовавшіе для женщинъ гражданской равноправности, восхвалялись только женщины, добивавшіяся этой равноправности и свободы, которая одна излечитъ общество отъ его гнойной язвы публичныхъ женщинъ и всякихъ содержанокъ и беззаконныхъ, и законныхъ. Эта литература возставала горячо противъ того же униженія женщинъ, противъ котораго возставалъ и ихъ гуманный защитникъ Вихровъ, упрекавшій женщинъ въ неспособности понимать всю глубину его; она проповѣдывала бракъ, который даетъ просторъ для развитія всѣхъ силъ женщины, въ который она войдетъ, какъ свободное, равноправное существо, а не какъ прикованная на всю жизнь раба. Начиная съ «Кто виноватъ», и пройдя цѣлымъ рядомъ повѣстей и романовъ,

какъ «Полинька Саксъ» Дружинина, «Господа Обносковы»— А. Михайлова и «Трудное время» — Слѣпцова, мы видимъ ту же горячую проповѣдь, и нигдѣ восхваленія только что не «публичныхъ женщинъ». Пусть г. Писемскій укажетъ хоть одну повѣсть, стихотвореніе, гдѣ бы эта литература поучала бы женъ счастливыхъ съ мужьями, которыя находятъ въ своемъ бракѣ полный просторъ своимъ силамъ, осмысленную дѣятельность, бросать ихъ для перваго встрѣчнаго негодяя, потому что глупо и скучно долго любить одного человѣка; дочерей, родители которыхъ живутъ человѣчной жизнью, и видятъ въ нихъ не собственность, не вещь, которой могутъ располагать по произволу, а равноправнаго человѣка,—убѣгать отъ родителей съ какимъ-нибудь студентомъ за тридевять земель? Литература—созданіе жизни, это долженъ по опыту знать такой наблюдатель, какъ г. Писемскій. Она не можетъ создавать иначе, какъ принявъ то, что̀ ей дастъ жизнь. Созданное вносится въ свою очередь въ жизнь, и вліяетъ на нее. Литература, проповѣдующая освобожденіе женщины, не разъ могла придать силы женщинамъ разорвать связь, приносившую имъ униженіе и страданіе, дочерямъ-рабамъ—уйти на жизнь свободы и труда. Понятно, что супруги и родители этихъ женъ и дочерей не хотятъ видѣть, что главной причиной тутъ были они сами, и взваливаютъ всю вину на литературу. Чѣмъ болѣе будетъ подрывать литература и китайскій законъ, и домостроевскія правила, тѣмъ болѣе будетъ расти число этихъ женъ и дочерей. Это очень обыкновенное явленіе. Съ тѣхъ поръ, какъ въ обществѣ стали носиться слухи о волѣ, крѣпостники-помѣщики стали жаловаться, что крестьяне совсѣмъ отъ рукъ отбились; во всѣхъ странахъ, гдѣ допускали разводъ въ первые годы, множество супруговъ требовало развода; позже число уменьшилось, и вошло въ извѣстную норму, какъ загражденный плотиной потокъ, широко разлившись по уничтоженіи ея, снова входитъ въ свое русло. Это доказываетъ только, что въ обществѣ было множество супруговъ, которымъ были въ тягость насильственныя цѣпи. Счастливцы, нечувствовавшіе ихъ, не пошли просить развода. Отъ добра убѣжитъ развѣ одинъ идіотъ. А г. Писемскій имѣетъ претензію изображать не идіотокъ, а умныхъ женщинъ. Да и самъ Живинъ не то бы заговорилъ про литературу, еслибы не жена бѣжала отъ него, а ему самому нужно бы было бѣжать отъ нея.

Это озлобленіе г. Писемскаго противъ литературы тѣмъ болѣе странно, что эта литература—естественное развитіе литературы соровыхъ годовъ. Нигилисты шестидесятыхъ годовъ — кость отъ костей и плоть отъ плоти гуманистовъ и жоржъзандистовъ сороковыхъ. Отецъ отрекается отъ своего дѣтища, и, остановясь на своей ступени, съ злобнымъ брюзжаньемъ смотритъ на свое же молодое, полное силы поколѣніе, бодро шагнувшее далѣе. Онъ забываетъ, что молодость

поколѣнія, къ которому онъ принадлежалъ, была встрѣчена трогательнымъ напутствіемъ поэта, который хотѣлъ, «чтобы у его гробоваго входа играла молодая жизнь». И оказывается измѣнникомъ своему идеалу гуманности и поэзіи.

Точно такимъ же измѣнникомъ онъ оказывается и идеалу жоржъ-зандизма, совѣтуя держать женщинъ на пушкинскомъ идеалѣ. Пушкинскій идеалъ—вѣрность китайскому закону. и для женщинъ этого идеала мужья Жаки, какъ Живинъ, которые считаютъ недостойнымъ честнаго человѣка насильственно пользоваться своими правами, когда эти права приносятъ женщинѣ страданіе и униженіе, окажутся роскошью. Но къ чему же было тогда, г. Писемскій, огородъ городить? Къ чему было писать повѣсти въ защиту бѣдныхъ женщинъ? Къ чему было заставлять героя спасать ихъ Сибирью отъ постылаго? Къ чему кидать въ лицо общества вопросы: виновата ли? А къ тому, что эти повѣсти должны поднять уровень общественной нравственности, и этимъ поднятіемъ улучшить положеніе женщины. Бѣдныя женщины, ждите, пока съ развитіемъ жоржъ-зандовской литературы на домостроевской закваскѣ, переведутся тупоумные супруги въ родѣ Эйсмонда или купца мужа Анны Васильевны, или пьяницы мужа Лидіи Вальковской, и терпите, терпите. пока есть силы, а не станетъ—умирайте,—такъ совѣтуетъ вамъ гуманный защитникъ вашихъ правъ.

М. Цебрикова.

ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Г. МИХАЙЛОВСКАГО*.

Не только наша литература, но и литературы разныхъ націй Европы не богаты въ настоящее время произведеніями, которымъ можно приписать свѣжее философское содержаніе, т.-е. попытку объединить болѣе или менѣе обширную область мысли и жизни однимъ принципомъ. За то въ Европѣ существуетъ нѣсколько установившихся школъ, стремящихся къ округленію философскаго міросозерцанія съ опредѣленной точки зрѣнія. Есть и нѣсколько замѣтныхъ мыслителей, каждое произведеніе которыхъ неизбѣжно привлекаетъ читателей, и самыя ошибки которыхъ поучительны, потому что наводятъ читателей на самостоятельную работу мысли. Давно замѣчено, что подобныхъ мыслителей весьма рѣдко можно встрѣтить между офиціальными представителями философіи, профессорами университетовъ.

* Предлагаемая статья принадлежитъ одному изъ извѣстныхъ нашихъ писателей, съ достоинствомъ и солидностію трудовъ котораго читатели нашего журнала имѣли уже случай познакомиться по многимъ статьямъ его, помѣщавшимся въ «Отеч. Зап.» за послѣдніе два года. Такъ ему принадлежатъ статьи: «Цивилизація и дикіе», «Антропологи въ Европѣ», печатающаяся теперь «До человѣка» и др.

Изъ живыхъ Фейербахъ и Джонъ-Стюартъ Милль, или во второмъ ряду Гербертъ Спенсеръ, изъ недавнихъ покойниковъ — Контъ, Прудонъ, или — опять во второмъ ряду Шопенгауеръ внѣ ученыхъ коллегій. Къ сожалѣнію, кажется, та же участь ожидаетъ и наше отечество. Съ тѣхъ поръ, какъ долгая опала снята въ нашихъ университетахъ съ философіи, ни на одной каѳедрѣ этого предмета не появилось еще личности, о которой можно сказать, что она высказала самостоятельную философскую мысль. Скажемъ болѣе: произведенія нашихъ офиціальныхъ представителей философіи, при большемъ или меньшемъ ученомъ достоинствѣ, страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ: чрезвычайною неопредѣленностію взглядовъ самихъ гг. профессоровъ на основные вопросы науки и жизни. Въ ихъ сочиненіяхъ можно найти эрудицію, знакомство съ философской литературой, но они какъ бы нарочно тщательно скрываютъ свою собственную точку зрѣнія... если у котораго либо изъ нихъ она есть. На сколько слышно, вліяніе ихъ на слушателей весьма незначительно; въ литературѣ же они остаются совершенно чужими всѣмъ живымъ вопросамъ. Изъ нихъ всѣхъ относительно одного г. Троицкаго нельзя еще сказать опредѣлительно, не выйдетъ-ли онъ въ будущемъ на дорогу болѣе опредѣленныхъ міросозерцаній, но уже одно то обстоятельство, что онъ выступилъ передъ публикою подъ эгидою московскихъ журнальныхъ диктаторовъ, — слѣдовательно призналъ себя болѣе или менѣе солидарнымъ съ ихъ воззрѣніями — не позволяетъ надѣяться для него на блестящее будущее на поприщѣ, имъ избранномъ.

И въ нашемъ отечествѣ приходится искать философскіе труды внѣ университетскихъ каѳедръ, въ особенности же въ повременныхъ изданіяхъ. Конечно, тутъ всего чаще мы встрѣчаемся съ людьми, примыкающими къ опредѣленнымъ школамъ заграничныхъ мыслителей (міросозерцаніе славянофиловъ слишкомъ лишено цѣльности, научности и всякаго отношенія къ современнымъ вопросамъ человѣчества, чтобы о немъ упоминать), но нельзя сказать, чтобы изрѣдка и въ нашей литературѣ не встрѣчались попытки самостоятельно шагнуть далѣе по пути объединяющаго міросозерцанія, удовлетворяющаго задачамъ современности. Если эти попытки рѣдки, то тѣмъ болѣе онѣ заслуживаютъ вниманія, и даже тамъ, гдѣ вполнѣ удачными онѣ названы быть не могутъ, онѣ требуютъ разбора. Наша публика такъ не привыкла отличать самостоятельную мысль отъ перепѣва, что очень часто пропускаетъ безъ вниманія и то, что̀ стоитъ обдумать хорошенько.

Я нисколько не колеблюсь отнести къ философскимъ статьямъ, весьма замѣтнымъ по силѣ мысли, по обстоятельности взгляда и по прочности убѣжденій статьи г. Михайловскаго: «Что такое прогрессъ?» помѣщенныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» прошлаго года (№ 2,9,11). Авторъ часто отклоняется

въ сторону и позволяетъ читателю терять нить вывода, но это недостатки формальные и важность разсматриваемаго авторомъ вопроса и достоинство его статей заставляютъ меня остановиться на его трудѣ. Этотъ трудъ заслуживаетъ не голословной похвалы, а тщательнаго разбора основныхъ мыслей, и потому именно, что я во многомъ сочувствую мыслямъ автора и раздѣляю ихъ, я надѣюсь, что его не оскорбятъ возраженія, вызванныя желаніемъ еще болѣе разъяснить и установить сочувственные мнѣ взгляды.

Вопросъ о значеніи прогресса потому особенно важенъ, что онъ есть окончательный вопросъ соціологіи и основный вопросъ исторіи. Пока соціологъ не уяснилъ себѣ, въ чемъ именно надо видѣть прогрессъ, до тѣхъ поръ отдѣльныя части соціологіи отрывочны, ихъ отношенія неопредѣленны и онѣ едва-ли могутъ идти далѣе собиранія и группировки фактовъ, далѣе описанія того, что̀ было и что̀ есть, далѣе полученія кое-какихъ эмпирическихъ законовъ, научный смыслъ которыхъ остается неяснымъ. Пока соціологія не установила смыслъ прогресса, до тѣхъ поръ она, какъ цѣльная и единая наука, не существуетъ.

Но если понятіе о прогрессѣ служитъ завершеніемъ соціологіи, то безъ него нельзя даже приступить къ разумному построенію исторіи. Что̀ должно войти въ историческій разсказъ и что̀ можетъ быть оставлено въ сторонѣ? Чему слѣдуетъ стоять на первомъ планѣ и чему на второмъ? Каковъ смыслъ событій? Каково значеніе дѣятелей? Всѣ эти вопросы получаютъ отвѣты только на основаніи того взгляда на прогрессъ, который установилъ для себя историкъ, принимаясь за дѣло. Если историкъ ясно созналъ это требованіе и вѣрно понялъ значеніе прогресса, то его трудъ осмысленъ. Если авторъ ложно смотритъ на требованіе прогресса, то его разсказъ даетъ искаженное понятіе о ходѣ исторіи. Если же ученый вовсе не думалъ уяснять себѣ понятіе прогресса и довольствуется въ своей исторіи случайными взглядами, пріобрѣтенными въ жизни и не соглашенными, то его трудъ научнаго значенія вовсе имѣть не можетъ, а развѣ представитъ, по своему фактическому содержанію, годный матеріалъ для будущаго историка.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что даже самомалѣйшая неполнота или неточность въ установленіи понятія о прогрессѣ имѣетъ весьма важное значеніе для двухъ областей человѣческой мысли, не говоря уже о томъ, что она имѣетъ и значеніе жизненное. Поэтому указаніе, дополненіе и разработка этого понятія составляетъ одну изъ важнѣйшихъ цѣлей философскаго мышленія. Это хорошо поняли многіе изъ современныхъ мыслителей.

Г. Михайловскій написалъ свою статью по поводу теоріи прогресса Герберта Спенсера, поэтому его трудъ распадается на двѣ части, отрицательную и положительную. Въ отрицательной

части своего труда г. Михайловскій подвергаетъ строгой критикѣ параллель, проводимую между индивидуальнымъ и общественнымъ организмомъ, и попытки приложить объективный методъ къ соціологіи. Вполнѣ раздѣляя взглядъ автора относительно этихъ вопросовъ, я на нихъ останавливаться не буду. На сколько помню, сходные взгляды были высказаны въ критической статьѣ по поводу первыхъ выпусковъ г. Спенсера въ «Женскомъ Вѣстникѣ» 1867 г., но г. Михайловскій развилъ свой взглядъ гораздо подробнѣе и, очевидно, совершенно самостоятельно. Положительная сторона теоріи г. Михайловскаго тѣсно связана съ его взглядомъ на соціальное значеніе раздѣленія труда и формулирована имъ весьма ясно въ его опредѣленіи прогресса, опредѣленіи, которымъ авторъ заключаетъ свою статью.

«Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣльности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно лишь то, что уменьшаетъ разнородность общества, увеличивая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ частей».

Такова заключительная теорема соціологіи и основная теорема исторіи, по мнѣнію г. Михайловскаго.

Я уже сказалъ выше, что имѣю въ виду не отрицаніе взглядовъ автора, а нѣкоторое разъясненіе и дополненіе, въ которыхъ его формулы, по моему мнѣнію, нуждаются. И въ томъ видѣ, который приданъ теоріи прогресса авторомъ, она, по полнотѣ, по опредѣленности и по практической важности можетъ занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду извѣстныхъ мнѣ теорій прогресса, выставленныхъ въ Европѣ, въ особенности съ точки зрѣнія соціологической. Но какъ ни важны въ этомъ отношеніи заслуги г. Михайловскаго, я все-таки не могу согласиться, чтобы его формула прогресса удовлетворяла всѣмъ требованіямъ, которыя должны быть ею удовлетворены по ея важности для науки вообще.

Обращу вниманіе на три условія, которыя, между прочимъ, считаю необходимыми для всякой раціональной формулы прогресса:

1) Такъ-какъ «высшій контроль» въ соціологіи «долженъ принадлежать субъективному методу» — и это положеніе прекрасно развито и доказано г. Михайловскимъ—то формула прогресса должна выражать это отношеніе между субъективнымъ и объективнымъ пониманіемъ общественныхъ явленій.

2) Какъ формула *прогресса*, она должна допускать для общества идеальнаго, удовлетворяющаго требованіямъ, въ ней заключающимся, возможность *дальнѣйшаго* прогресса.

3) Какъ основаніе исторіи, она должна быть приложима ко

всѣмъ фазисамъ исторіи и давать возможность развить исторію цивилизаціи, руководствуясь понятіемъ о прогрессѣ, заключенномъ въ данной формулѣ.

Первое условіе должно бы, какъ кажется, быть принято г. Михайловскимъ на основаніи его собственнаго взгляда на методъ въ соціологіи. Второе условіе мнѣ кажется само собою разумѣющимся, и его нарушеніе привело бы, полагаю, къ противорѣчію въ самомъ понятіи прогресса. Отбросивъ-же третье условіе, мы навсегда лишимъ исторію всякаго раціональнаго основанія и осудимъ ее на болтовню пестрыхъ разсказовъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ основнымъ задачамъ соціологіи.

Между тѣмъ, именно повѣряя формулу г. Михайловскаго тремя приведенными выше условіями, можно убѣдиться въ ея неполнотѣ.

Прежде всего поражаетъ обстоятельство, что г. Михайловскій, такъ сильно, обстоятельно и убѣдительно доказывавшій первенство *субъективнаго* метода въ соціологіи, получилъ формулу *объективную*. По послѣднимъ строкамъ его, выписаннымъ мною, выходитъ, что не только для вреда и неразумности, но и для нравственности и справедливости оказывается безусловная, объективная норма, такъ что человѣкъ собственно не имѣетъ и не имѣлъ никогда права считать что либо справедливымъ и нравственнымъ, кромѣ того, что̀ заключается въ поставленной формулѣ. При многократномъ оспариваніи г. Михайловскимъ самаго принципа безусловной справедливости—съ чѣмъ я позволяю себѣ не согласиться и вернусь къ этому ниже—это можно бы считать противорѣчіемъ, такъ-какъ едвали-ли не всякій читатель пойметъ послѣднія фразы г. Михайловскаго, какъ категорическое правило для человѣческой нравственности и справедливости, правило, не допускающее измѣненія ни во времени, ни въ пространствѣ, и безусловно подчиняющее нравственное мышленіе человѣка разъ на всегда установленному закону, столь же неизмѣнному, какъ законы тяготѣнія. Если г. Михайловскій правъ, когда доказывалъ зависимость нравственныхъ идеаловъ отъ времени и мѣста, то онъ не правъ, выражаясь категорически: безнравственно *это*, нравственно *то*, при чемъ объектъ нравственности есть не развивающійся принципъ, а совершенно положительное правило, не субъективное состояніе духа, а объективный процессъ. Если же г. Михайловскій правъ въ своей установкѣ нормы для объективной нравственности, то его подробный и прекрасный анализъ субъективнаго и объективнаго методовъ въ соціологіи невѣренъ: эта формула вполнѣ независима отъ наслажденія и страданія личности.

Но меня могутъ обвинить въ придирчивости. Можно допустить, что субъективнымъ методомъ мышленія надъ соціологическими задачами (т.-е. имѣя въ виду наслажденіе и страданіе личностей) мы дойдемъ до объективнаго закона общественнаго

развитія. Можно допустить, что всѣ разнообразныя понятія о нравственности и справедливости, измѣнявшіяся по времени и по мѣсту, были ложны, потому что выработывались ошибочными пріемами; но теперь, когда анализъ личнаго и общественнаго блага дозволилъ употребить болѣе точные пріемы, теперь мы получили безусловно вѣрную формулу нравственности и справедливости, которой *обязательно* подчинить разнообразныя субъективныя понятія о предметѣ, какъ перепутанные пути планетъ теряютъ свою спутанность, лишь только умъ нашъ способенъ прослѣдить за выводомъ законовъ Кеплера. Въ такомъ случаѣ допустимъ, что формула г. Михайловскаго вѣрна, примемъ её за безусловную формулу прогресса, и посмотримъ, возможенъ ли прогрессъ въ идеальномъ обществѣ, гдѣ требованія формулы были бы удовлетворены. Я перехожу къ повѣркѣ его формулы вторымъ условіемъ, приведеннымъ выше.

Невозможности, противопоставляемыя природою полному равенству особей, заключаются въ различіи пола и возраста. Невозможности, противопоставляемыя ею-же всестороннему развитію отдѣльной личности, заключаются въ кратковременности человѣческой жизни. Я говорю лишь о тѣхъ невозможностяхъ, которыя безспорны, и допускаю, что техника съумѣетъ преодолѣть всѣ остальныя. Даже различіе пола не возьму въ соображеніе, потому что въ настоящее время уже можно считать вѣроятнѣйшею доступность одинаковаго развитія для обоихъ половъ при правильномъ воспитаніи; выборныя же половыя привязанности, играющія теперь весьма важную роль въ обществѣ и влекущія за собою чрезвычайную неравномѣрность отношеній, могутъ въ новомъ общественномъ строѣ потерять свое соціальное значеніе или войти въ новыя комбинаціи, которыя намъ трудно себѣ представить.

И такъ различіе возраста и краткость жизни составятъ единственныя ограниченія, которыя я приму для личностей общества г. Михайловскаго. Допуская, что медицина, гигіена и педагогія удлинятъ среднюю и безусловную жизнь личностей (Флурансъ и другіе считали это возможнымъ въ довольно значительной мѣрѣ), сократя значительно періодъ дряхлости и совершенно безполезнаго для общества дѣтства, все-таки нельзя предположить въ этомъ случаѣ безпредѣльнаго прогресса. Допуская весьма значительные успѣхи науки и техники,—при чемъ первая будетъ стремиться къ обобщенію, упрощенію и объединенію своего матеріала, вторая же къ замѣнѣ значительной части личнаго труда механическимъ, — все-таки трудно себѣ представить, чтобы каждая личность, въ короткій срокъ своей жизни, усвоила себѣ полное знаніе всѣхъ наукъ и полное мастерство по всѣмъ отдѣламъ техники. Если подобное усвоеніе положительно невозможно, а безусловная нравственность и справедливость требуетъ возможнаго приближенія къ равенству дѣятельности особей, то нѣтъ сомнѣнія, что идеалъ равенства

долженъ быть достигнутъ всѣми возможными средствами, даже съ ограниченіемъ успѣховъ знанія и техники. Это ограниченіе возможно, и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ подобнаго положенія было бы устраненіе нѣкоторыхъ отраслей знаній, какъ менѣе полезныхъ въ виду невозможности всѣмъ людямъ пріобрѣсти ихъ, и несправедливости, чтобы иные члены общества имѣли одни спеціальныя знанія, другіе члены—другія знанія. Иначе говоря, слѣдствіемъ этого было бы уменьшеніе области науки и техники. На мой взглядъ это было бы регрессомъ, но г. Михайловскій вправѣ не признавать этого, и нѣтъ сомнѣнія, что еслибы доказана была очевидная научная противоположность расширенія знанія и техники расширенію справедливыхъ отношеній между людьми, то слѣдовало бы пожертвовать первою областью для второй. Даже есть такія области техники, которыя неизбѣжно атрофируются съ развитіемъ человѣчества, какъ-то военное дѣло, ремесла и искусства, связанныя съ религіознымъ культомъ, вѣроятно торговое дѣло; но я здѣсь говорю не о естественномъ ослабленіи техники тамъ, гдѣ потребности, ее вызывавшія, ослабѣваютъ, но объ обдуманномъ сокращеніи теоретическихъ и техническихъ знаній въ виду болѣе равномѣрнаго развитія особей общества, хотя потребности; вызывающія знанія, еще существуютъ. Впрочемъ, я готовъ сдѣлать и еще уступку: допустимъ, что масса знаній и техническихъ пріемовъ въ нашемъ идеальномъ обществѣ не превосходитъ средства особи и что, при правильномъ развитіи, каждый членъ этого общества можетъ овладѣть всѣми отраслями знаній и техники. Тогда всѣ особи достигнутъ идеальнаго развитія, которое требуетъ г. Михайловскій: мы имѣемъ общество состоящее изъ «цѣлостностныхъ недѣлимыхъ», при чемъ каждый дошелъ до «полнаго и всесторонняго раздѣленія труда между органами», а раздѣленіе труда между людьми ограничено отдѣленіемъ воспитываемыхъ дѣтей и старцевъ, требующихъ заботъ, отъ взрослыхъ энциклопедистовъ науки и техники.

Конечно, г. Михайловской не допускаетъ, чтобъ это общественное равенство поддерживалось какимъ либо принужденіемъ, и я не буду допускать этого. Глубокое убѣжденіе въ совершенствѣ подобнаго строя должно составить его прочность. Каждая личность воспитывается, развивается, дѣйствуетъ и сходитъ въ могилу въ полной увѣренности, что она не можетъ и не должна обратиться къ теоретической или практической дѣятельности, которая отличила бы ее отъ другихъ. По всей вѣроятности, ни одинъ членъ общества не можетъ себѣ и представить подобной дѣятельности; но еслибы онъ ее себѣ представилъ, то онъ обязанъ отъ нея отвернуться, потому что она увеличила бы разнородность между членами общества, а подобное увеличеніе безнравственно и несправедливо по основной теоремѣ г. Михайловскаго.

Такимъ образомъ прогрессъ подобнаго общества могъ бы

совершаться лишь слѣдующимъ путемъ: новая теоретическая идея или новое практическое побужденіе должны бы заразъ явиться въ мозгу всѣхъ взрослыхъ членовъ общества, такъ чтобы разнородность ихъ не увеличилась бы отъ новой идеи. *Только* такой прогрессъ былъ бы нравственъ и справедливъ, и такъ-какъ, по предположенію, мы имѣемъ общество, руководствующееся безусловною нравственностью, то лишь такой прогрессъ былъ бы возможенъ. Но не только въ мірѣ человѣческомъ, а во всемъ мірѣ позвоночныхъ, на сколько мы имѣемъ о немъ понятіе, прогрессъ подобнымъ процессомъ не совершается. Новая мысль и новое побужденіе всегда являются въ мозгу одной особи, большею частію выдерживаютъ борьбу съ другими мыслями и побужденіями сначала въ самой личности, потомъ въ мнѣніи другихъ, и усвоиваются постепенно съ трудомъ. Допустить противное значило бы не только допустить общество идеальное, не состоящее изъ личностей, аналогичныхъ нынѣшнимъ людямъ, а допустить въ немъ существованіе личностей съ иными логическими пріемами, чѣмъ нынѣшніе люди. Это значило бы идти далѣе предѣловъ раціональныхъ гипотезъ, и потому я считаю себя вправѣ сказать, что общество, вполнѣ удовлетворяющее требованіямъ *формулы прогресса* г. Михайловскаго, было бы общество *не прогрессивное*. Поколѣнія въ немъ слѣдовали бы за поколѣніями, но они бы такъ же походили одно на другое, какъ нынѣшнія пчелы походятъ на пчелъ временъ Виргилія. Критическая мысль атрофировалась бы. Исторія прекратилась бы. На сколько я понимаю слово «цивилизація», оно было бы непримѣнимо къ подобному обществу, которое бы жило чисто культурною жизнью, жизнью высшихъ безпозвоночныхъ. Привычки преданія замѣнили бы для него работу мысли. Сознаюсь г. Михайловскому, что какъ бы ни были разносторонне развиты цѣлостныя особи этого общества, какъ бы ни были онѣ равноправны, равносильны, равноумны, я бы счелъ это общество, лишенное критики, обреченное застою, сошедшее на ступень безпозвоночныхъ—жалкимъ обществомъ, стоящимъ по достоинству ниже жалчайшихъ обществъ современной цивилизаціи.

И здѣсь г. Михайловскій можетъ мнѣ сдѣлать сильное и весьма дѣйствительное возраженіе. Не даромъ же онъ поставилъ слово «возможно» два раза въ своей формулѣ. Общество, подобное тому, о которомъ я говорилъ, онъ назоветъ, можетъ быть, не идеальнымъ, а *невозможнымъ*, слѣдовательно выходящимъ изъ предѣловъ его формулы и соціологическаго построенія. Физической невозможности въ остановкѣ общественнаго развитія на той или другой ступени я вовсе не вижу,—и не разъ въ исторіи встрѣчались примѣры нѣкотораго приближенія къ обращенію прогресивной цивилизаціи въ культурный застой. Когда простѣйшія потребности вліятельнѣйшей части общества удовлетворены, то стремленіе къ застою или консерватизмъ проявляет-

ся обыкновенно съ большею силою. Чѣмъ выше въ соціальномъ отношеніи основы общественнаго строя, тѣмъ скорѣе въ нихъ можетъ проявиться и восторжествовать стремленіе къ застою, если только съ соціальною высотою строя не развито и убѣжденіе въ необходимости критической мысли въ личности. Поэтому *объективно* разсматривая общество, гдѣ неравенство между личностями доведено до минимума, а развитіе личности до максимума, я вовсе не вижу повода думать, чтобы въ этомъ строѣ существовало внутреннее развивающее начало, когда въ основѣ общественныхъ вѣрованій лежитъ объективный принципъ, неуравновѣшенный субъективною потребностью критики. Всякое объективное начало, поставленное въ главу этики и соціологіи, имѣетъ стремленіе подавить субъективное развитіе, слѣдовательно атрофировать потребность критики. Но есть одна причина, которая дѣйствительно имѣетъ слѣдствіемъ невозможность общества, которое я нарисовалъ, именно на этой высотѣ развитія никогда личность не подчинится никакой теоремѣ объективной; никогда потребность личной критики не преклонится даже предъ теоремою равенства между особями; никогда основной законъ прогресса, выведенный г. Михайловскимъ, не станетъ въ вѣрованіи общества основною мѣркою нравственности и справедливости; залогъ прогрессивности общества, воплотившаго этотъ законъ, будетъ заключаться въ томъ, что оно станетъ постоянно искать нравственнаго и справедливаго, руководствуясь *иными* мѣрками. Оно признаетъ въ стремленіи къ всестороннему развитію особей и къ ихъ равенству между собою одно изъ основныхъ *проявленій* нравственности и справедливости, но не *объективную мѣрку* того и другаго. Для этого лучшею повѣркою можетъ служить исторія, что̀ заставляетъ меня перейти къ третьему изъ условій, поставленныхъ выше.

Если допустить опредѣленіе г. Михайловскаго, какъ основное опредѣленіе прогресса, то почти вся историческая жизнь человѣчества представитъ явленія регрессивныя. Факты простой кооперацiи такъ малочисленны и отодвигаются преимущественно въ періоды столь мало историческіе, а повсюду въ записанной исторіи «эксцентризмъ» господствуетъ на столько, что съ этой точки зрѣнія исторія остается печальнымъ разсказомъ о томъ, какъ *не слѣдовало* ей быть. Конечно, наука требуетъ не результатовъ пріятныхъ, а результатовъ истинныхъ; но при этомъ рождается вопросъ: если прошедшая исторія даетъ лишь слѣды регресса, то откуда мы получаемъ понятіе о прогрессѣ? Если оно не есть чудесное откровеніе новѣйшаго времени, то оно должно было выработаться постепенно накопленіемъ историческаго опыта. Слѣдовательно, въ рядѣ явленій, подготовлявшихъ человѣчество къ усвоенію формулы прогресса, установленной г. Михайловскимъ, мы имѣемъ процессъ, дозволяющій найти другую формулу, болѣе широкую. Были въ исторіи явленія, способствовавшія развитію его формулы, и другія явленія, проти-

водѣйствовавшія ея будущему развитію, или индиферентныя для него. Процессъ, вызвавшій явленія перваго рода, даже съ точки зрѣнія г. Михайловскаго, долженъ быть отличимъ отъ общей массы событій и требуетъ для себя особаго названія, хотя бы онъ заключалъ въ себѣ и временное возрастаніе эксцентризма въ исторіи. Формула для этого процесса будетъ имѣть ту выгоду въ соціологіи, что она станетъ мѣркою нравственнаго и справедливаго не только для настоящаго и будущаго,—для чего приложима формула г. Михайловскаго—но еще для прошедшаго, которое, по мѣркѣ г. Михайловскаго, почти вполнѣ приходится отрицать. А, кромѣ того, она должна заключать въ себѣ и формулу г. Михайловскаго, какъ частный случай. Для исторіи же выгоды формулы, полученной такимъ путемъ, будутъ еще значительнѣе: она позволитъ понять исторію какъ процессъ развитія, а не отброситъ ее всю въ область неудачныхъ попытокъ человѣчества къ лучшему. Едва-ли несправедливо подобную формулу признать за формулу прогресса: она завершитъ соціологію и уяснитъ построеніе исторіи.

Для полученія этой формулы мнѣ вовсе не нужно дополнять разсужденія г. Михайловскаго новымъ матеріаломъ. Въ его собственномъ разсужденіи я стану черпать средства для развитія его формулы, и ограничусь лишь устраненіемъ двухъ предвзятыхъ мыслей, которыя, какъ мнѣ кажется, ему помѣшали сдѣлать дальнѣйшій шагъ по пути, на которомъ онъ шелъ съ такимъ успѣхомъ, именно въ томъ направленіи, которое онъ самъ себѣ поставилъ.

Прежде всего устраню ту странную оговорку, которую встрѣчаю у г. Михайловскаго на послѣднихъ страницахъ статьи. Онъ самъ говоритъ: «Если объективный методъ не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ общественной науки, дать ей верховный принципъ, то какой изъ субъективныхъ принциповъ можетъ быть выбранъ, какъ наилучшій... Возможно полное и многостороннее раздѣленіе труда между органами человѣка и возможно меньшее раздѣленіе труда между людьми, таковъ предлагаемый нами принципъ». Но что же тутъ субъективнаго? Это положеніе совершенно *объективное*, доступное внѣшнему анализу нѣсколькихъ личностей, независимо отъ ихъ внутренняго состоянія духа. Это, очевидно, оговорка. Я едва ли ошибусь, если приму, что, по мнѣнію г. Михайловскаго, общество, наилучше воплощающее эту задачу, доставляетъ своимъ членамъ наибольшую массу наслажденій, наиболѣе правильно раздѣленныхъ между особями, и наименьшее количество страданій. Я считаю себя вправѣ заключить, что именно такова мысль г. Михайловскаго, потому что во всей своей статьѣ онъ особенно сильно выставляетъ на видъ, что въ соціологіи должно имѣть въ виду наслажденіе и страданіе особей, которыхъ приравнивать по органамъ не слѣдуетъ. Изъ всего его разсужденія совершенно ясно, что личное благо особей, образующихъ об-

щество, составляетъ руководящую нить этого разсужденія и его формула представляется лишь объективнымъ *средствомъ* для осуществленія этого субъективнаго начала.

Если я не ошибся, то г. Михайловскій въ соціологіи долженъ быть отнесенъ къ обширной школѣ утилитаристовъ, съ преобладающимъ оттѣнкомъ *личнаго блага* въ формулѣ *общей пользы*, обобщающей всю школу утилитаризма. Это точка зрѣнія весьма трезвая и научная. Утилитаристы сдѣлали весьма много для соціологіи, и, выставивъ на видъ реальный смыслъ словъ «общая польза», именно наибольшая масса личнаго наслажденія при наименьшемъ количествѣ личнаго страданія—г. Михайловскій становится въ ряды передовыхъ утилитаристовъ. При этомъ уясненіи реальной задачи утилитаризма, еще бо̀льшую заслугу надо приписать ему за рѣзкую постановку вопроса о методѣ и бе поворотное требованіе субъективнаго начала для соціологіи. При этомъ формула, которую г. Михайловскій даетъ какъ опредѣленіе прогресса, оказывается практическимъ выводомъ субъективной задачи: найти общество, гдѣ личное благо всѣхъ членовъ было бы взято въ соображеніе наиболѣе полно.

Становясь на эту точку зрѣнія, мы получаемъ уже принципъ гораздо болѣе широкій и при этомъ совершенно субъективный, а кромѣ того, присматриваясь къ поставленной задачѣ и къ данному г. Михайловскимъ рѣшенію, можно сдѣлать еще нѣсколько важныхъ шаговъ впередъ.

Г. Михайловскій видитъ рѣшеніе задачи въ наиболѣе разностороннемъ развитіи личности и въ наиболѣе полномъ уравненіи членовъ общества. Приму, что это совершенно вѣрно. Но какимъ путемъ личность можетъ развиваться? Какой элементъ способствуетъ развитію личностей? Какой элементъ способствуетъ уменьшенію неравенства между личностями? Какимъ процессомъ идетъ въ обществѣ расширеніе развитія личностей и уменьшенія ихъ неравенства? Личности развиваются познаніемъ истины. Неравенство уменьшается воплощеніемъ справедливости. Расширеніе развитія личностей и уменьшеніе ихъ неравенства идетъ путемъ критики мысли. Эта критика начинается съ *одной* личности, продолжается въ *немногихъ*, и лишь вслѣдствіе борьбы и пропаганды расширяется все далѣе и далѣе.

Здѣсь именно мы встрѣчаемся съ двумя предвзятыми мыслями, ставшими, по моему мнѣнію, поперегъ дороги г. Михайловскаго. Въ своей статьѣ онъ сильно нападаетъ на «безусловную справедливость», и даже изображаетъ картину въ посмѣяніе этого начала. Не менѣе строго онъ порицаетъ спеціальную науку, хотя главные удары въ этомъ случаѣ онъ наноситъ въ другой своей статьѣ: «Параллели и контрасты», помѣщенной въ «Невскомъ сборникѣ». Мы полагаемъ, что въ обоихъ этихъ случаяхъ грозныя нападенія г. Михайловскаго надо приписать нѣкоторому недоразумѣнію, между тѣмъ это недоразумѣніе едва-ли не

помѣшало автору надлежащимъ образомъ развить далѣе свою мысль.

Г. Михайловскій принялъ слово *справедливость* въ смыслѣ *легальности*, какъ весьма часто понимаютъ ее юристы. Онъ представилъ, какъ образецъ безусловной справедливости, казнь преступника, и цитировалъ Канта. Великій кёнигсбергскій мыслитель умеръ болѣе полувѣка тому назадъ, а въ эти полвѣка философское понятіе о justitia нѣсколько выработалось.

Оказалось, что единственная справедливость нашего времени ведетъ начало отъ древней equitas, и если смыслъ слова justitia не отожествляется со смысломъ equitas, то къ ней приложимо лишь знаменитое изрѣченіе Summum jus summa injuria.

Кромѣ того, недавнее прошлое дало мыслителя, который разработалъ современное понятіе о справедливости на столько полно, что, повидимому, оградилъ его отъ такихъ нападеній, какъ нападенія г. Михайловскаго. Неужели справедливость въ теоріи Прудона можетъ вызывать столь ограниченное истолкованіе? Неужели въ наше время развитый мыслитель можетъ отожествлять справедливость съ исполненіемъ буквы закона? Неужели еще не анахронизмъ приклеивать ярлыкъ *справедливость* къ висѣлицѣ, къ эшафоту? Еще старикъ Софоклъ устами Антигоны говоритъ человѣчеству о «неписанныхъ законахъ», и кажется, пора мыслителямъ догадаться, что *безусловная* справедливость существуетъ именно въ этихъ «неписанныхъ законахъ».

Да, безусловная нравственность и безусловная справедливость существуютъ, но ни одна объективная формула нравственности, ни одинъ юридическій кодексъ никогда не заключали ихъ. Ихъ основаніе субъективно и между тѣмъ они безусловны. Ихъ формулы въ высшей степени измѣнчивы, а между тѣмъ ихъ сущность съ начала выдѣленія человѣчества изъ животнаго міра не измѣнилась на одну іоту. Идеалъ нравственности всегда заключался въ томъ, чтобъ выработать себѣ практическое, возможно вѣрное убѣжденіе и неуклонно слѣдовать этому убѣжденію въ жизни. Идеалъ справедливости всегда заключался въ томъ, чтобы обращаться съ другими по ихъ достоинству и поддерживать признанное за ними достоинство всѣми своими силами. Знанія были слабы; умъ былъ неповоротливъ; пріемы критики были не выработаны. Отсюда получалось ложное убѣжденіе, ложная оцѣнка чужаго достоинства. Но и тогда нравственному осужденію подлежалъ лишь тотъ, кто не поступалъ по *своему* убѣжденію, или поступалъ противъ своего убѣжденія. Несправедливъ былъ лишь тотъ, кто оскорблялъ въ человѣкѣ достоинство, за нимъ признанное, или позволялъ другимъ оскорблять это достоинство. Въ *наше* время критика мысли позволяетъ признать во всѣхъ личностяхъ равное *человѣческое* достоинство и этотъ успѣхъ критики позволяетъ поставить теорему: всѣ члены общества имѣютъ право на возможно-равномѣр-

ное раздѣленіе благъ между ними, на равное развитіе, на равный трудъ, на возможно-полную долю въ общественной жизни. Это одно изъ *слѣдствій* основнаго начала соціологіи, и начало это есть та самая *безусловная* справедливость, противъ которой такъ возстаетъ г. Михайловскій. Онъ формулировалъ одинъ изъ частныхъ законовъ, вытекающихъ изъ ея начала, столь же древняго, какъ человѣчество. «Каждому по достоинству», было правиломъ, руководившимъ передовыхъ людей всѣхъ временъ, всѣхъ обществъ, какъ бы ни было низко ихъ умственное развитіе, какъ бы ни была жалка ихъ культурная обстановка. Весьма скоро человѣкъ убѣдился въ необходимости признать, хотя временно, въ нѣкоторыхъ людяхъ достоинство, равное его достоинству. Но кто были эти люди? На это расширяющееся знаніе давало послѣдовательно разные отвѣты: твой сотрудникъ во время сотрудничества, твой семьянинъ, твой родичъ, твой товарищъ по сословію, по занятіямъ, пока человѣкъ дошелъ до сознанія: всякій человѣкъ имѣетъ равное съ тобою достоинство. Какъ только послѣднее было сказано, требованіе равенства въ трудѣ и въ благахъ жизни получалось само собою. Г. Михайловскій, установивъ субъективный принципъ для соціологіи, и подставивъ его въ задачу утилитаризма, тѣмъ самымъ отошелъ въ лагерь соціологовъ, строющихъ свою науку на принципѣ безусловной справедливости, и доказалъ, что утилитаризмъ, надлежащимъ образомъ понятый, тожественъ съ ученіемъ, строющимъ этику и соціологію на понятіи о справедливости. Формула г. Михайловскаго, выведенная имъ изъ утилитарныхъ началъ, есть формула *современнаго* пониманія справедливости, воплощенной въ общественныя формы. Г. Михайловскій противопоставляетъ положенію: справедливость для справедливости, другое: справедливость для человѣка. Но эти положенія тожественны, потому что справедливость *не* для человѣка есть абсурдъ; въ самомъ смыслѣ ея заключается требованіе имѣть въ виду человѣка. Она есть сознательное отношеніе человѣка къ человѣку, взявъ въ соображеніе всѣ извѣстныя особенности того и другого. Кто точнѣе слѣдуетъ положенію: справедливость для справедливости, тотъ всего человѣчнѣе относится къ своему ближнему.

Здѣсь я считаю необходимымъ уяснить одинъ пунктъ. Если я призналъ справедливость началомъ безусловнымъ вообще, это еще не значитъ, что человѣкъ въ жизни руководствуется *единственно* справедливостью. Нѣтъ: личность подчинена, наравнѣ со всѣмъ живымъ и неживымъ, *необходимымъ* законамъ безсознательной природы и среда устанавливаетъ для нея въ каждую минуту условія *возможнаго*. Лишь ограниченная этими законами и условіями, личность можетъ работать практически надъ истиною и справедливостью. Голодный пролетарій, горячечный больной, человѣкъ въ порывѣ неудержимой страсти, человѣкъ, подавленный привычками и преданіями культуры, его окружаю-

щей, такъ же мало подчинены безусловному началу справедливости, какъ растеніе и животное. Для ихъ дѣятельности приложима не *иная* мѣрка справедливости, но мѣрка справедливости къ нимъ *вовсе* не приложима. Для цѣлаго общества настаютъ иногда печальныя минуты, гдѣ борьба за существованіе въ самой грубой ея формѣ есть единственный законъ особей. Но эти печальныя минуты нисколько не мѣшаютъ существованію безусловной справедливости. Какъ только условія *возможнаго* измѣнились, тотъ самый законъ борьбы за существованіе, который вчера вызывалъ антропофагію, сегодня путемъ критики доказываетъ, что законъ справедливости есть наивыгоднѣйшій способъ для каждой личности не только отстаивать себя, но и увеличивать наслажденіе своего существованія. Съ перваго мгновенія дѣятельности *разума*, справедливость является со всѣми своими требованіями. Отвѣтственность предъ собою, нравственность и справедливость суть безусловныя начала для всякой личности, возвышающейся надъ міромъ остальныхъ животныхъ, и теряютъ свою обязательность лишь въ тѣ часы, когда личность снова спускается до уровня низшихъ породъ, подчиняясь лишь необходимому и возможному. Въ эпоху «Тьмы» Байрона точно некогда навѣшивать ярлыки нравственныхъ категорій, но именно потому, что эта эпоха принадлежитъ области натуралиста, а не соціолога.

Я сказалъ, что законъ справедливости вѣченъ въ своей сущности, но въ то же время указалъ на его прогрессъ путемъ уясненія терминовъ, въ него входящихъ. Это уясненіе есть дѣло науки. Только она можетъ придать реальный смыслъ первой половинѣ формулы г. Михайловскаго, и она же только можетъ выработать въ обществѣ понятіе, выраженное во второй половинѣ этой формулы. Возможно полное раздѣленіе труда между органами требуетъ познанія этихъ органовъ въ ихъ раздѣльности и въ ихъ отношеніяхъ, въ ихъ составѣ и въ ихъ функціяхъ, т.-е. познанія человѣка, какъ результата процессовъ природы и исторіи, и человѣка, какъ источника теоретической и практической дѣятельности. Возможно меньшее раздѣленіе труда между людьми доступно лишь мысли, на столько упражнявшейся въ критикѣ, что для нея всѣ унаслѣдованные предразсудки о разницѣ достоинства личностей различныхъ расъ, народностей, сословій, половъ не имѣютъ права на существованіе, а индивидуальныя различія, бросающіяся въ глаза, исчезаютъ предъ одинаковостью главныхъ элементовъ человѣческаго существа во всѣхъ людяхъ. Для того, чтобъ мысль охватила всѣ задачи, лежащія въ первомъ условіи, и для того, чтобы она выработалась до полнаго уясненія втораго условія, нужны разнообразное критическое упражненіе, длинная научная традиція. Еслибы критическая мысль сразу обратилась на существенные пункты общественныхъ болячекъ, она бы возбудила сейчасъ подозрѣніе многочисленныхъ общественныхъ па-

разитовъ и была бы подавлена. Чтобы бороться съ этими паразитами, она должна прежде окрѣпнуть, войти въ общественныя привычки, какъ дѣло самое невинное, даже болѣе, какъ дѣло, способствующее благополучію общественныхъ паразитовъ. Оно такъ и бываетъ. Критическая мысль появляется въ исторіи какъ средство увеличенія наслажденій меньшинства государственной и клерикальной іерархіи на счетъ большинства, эксплуатируемаго этимъ меньшинствомъ. Всѣ знанія общества обращены тогда на технику постройки великолѣпныхъ храмовъ и дворцовъ, на усиленіе теократическихъ началъ, военнаго сословія. Личный интересъ правителей и жрецовъ заставляетъ ихъ накоплять знанія около себя и ихъ монополизировать въ свою пользу. Неравенство увеличивается временно; положеніе большинства становится сравнительно хуже, а успѣхи критической мысли весьма незначительны. Вѣчно сдерживаемая въ сферѣ практики и тайныхъ пріемовъ, вѣчно монополизируемая ревнивымъ меньшинствомъ эксплуататоровъ, мысль накопляетъ факты, но слабо стремится понять ихъ, свѣдѣнія могутъ быть весьма значительны, но наука едва существуетъ.

Она можетъ проявиться надлежащимъ образомъ лишь тогда, когда знаніе становится свѣтскимъ и свободнымъ. Это совершается въ сферѣ, которая не затрогиваетъ государственныхъ и религіозныхъ интересовъ, потому что всюду господствующее меньшинство задавило бы личность, которая бы дотронулась до этихъ интересовъ. Свободная критика развивается прежде всего въ сферѣ *спеціальностей*. Дѣльцы и эксплуататоры похваливаютъ, улыбаясь, ученаго, погруженнаго въ геометрическія построенія, въ изслѣдованіе скелета рыбъ, въ сравненіе рукописей, писанныхъ за тысячу лѣтъ о предметахъ, не имѣющихъ никакого общественнаго значенія. «Жалкіе люди», говоритъ объ ученыхъ спеціалистахъ народный ораторъ, вызывая общество къ переворотамъ, къ реформамъ сегодняшняго зла, и онъ правъ, если эти жалкіе люди на столько ушли въ своихъ изслѣдованіяхъ, что перестали сочувствовать общественнымъ бѣдствіямъ, перестали страдать отъ общественнаго страданія. «Презрѣнные люди», говоритъ общественный реформаторъ, идя въ ссылку или на эшафотъ, и смотря, какъ эти ученыя знаменитости лѣзутъ въ слуги Птолемеевъ, Висконти, Людовиковъ, Наполеоновъ. И точно, они дѣлаютъ изъ науки дойную корову; они образуютъ новое привиллегированное меньшинство, эксплуатирующее массу и помогающее ее эксплуатировать. Профессуры и академическія почести становятся средствомъ жить на счетъ другихъ. Капиталисты науки душатъ своихъ конкуррентовъ. Всякая широкая идея встрѣчаетъ упорное сопротивленіе въ такъ-называемыхъ служителяхъ науки. Справедливѣйшія реформы отрицаются во имя науки. Во имя ея проповѣдуется индифферентизмъ; во имя ея люди приносятъ въ жертву эгоистическому разсчету личное достоинство и общее благо.

Все это такъ, но въ то же время эти математики, микроскописты, археологи, эти эгоистическіе эксплуататоры знаній. эти слуги властей предержащихъ или индиферентисты въ виду общественнаго зла созидаютъ самое прочное основаніе для того, чтобы разрушить всѣ центры общественнаго зла. Не утверждаю, что они пріобрѣтаютъ факты, полезные для человѣчества: это подлежитъ еще спору, и многіе факты, считавшіеся и считающіеся полезными, служили болѣе для украшенія жизни немногихъ, чѣмъ для пользы большинства. Нѣтъ; польза спеціалистовъ иная. Они отмежевываютъ область мысли, гдѣ права критики *неоспоримы*, и въ этой области критикѣ покровительствуютъ тѣ самыя силы, которыя ее неумолимо преслѣдуютъ въ другихъ областяхъ. Неужели были гдѣ-либо такіе остроумные Катковы или Аскоченскіе, которые предупредили бы власти противъ опасностей пиѳагоровой теоремы? Неужели свободная полемика о сходствѣ греческаго и санскритскаго языковъ обезпокоила какого-либо деспота? Неужели изслѣдованія напластованія горныхъ породъ могли не вызвать покровительства въ надеждѣ увеличенія финансовыхъ средствъ? Неужели статистики, въ тѣхъ же видахъ, не заслуживали поощреній, повышеній, правительственныхъ наградъ? И вотъ въ области знанія тамъ и здѣсь образовались центры независимой мысли. Вотъ самые испорченные эксплуататоры, если они были учeные, имѣли уголокъ мысли, въ которомъ они были искренни предъ собою, не преслѣдовали выгодъ, не разсчитывали, какъ бы правда не помѣшала имъ жить и не уменьшила наслажденій. Нѣтъ, они хорошо знали, что въ этомъ уголку, чѣмъ ихъ мысль будетъ истиннѣе, строже, искреннѣе, тѣмъ имъ будетъ лучше. Для лучшей эгоистической выгоды, они искали истины, *только* истины, развивали въ себѣ критическую способность по возможности, окружали себя учениками, въ которыхъ вырабатывали тоже критическую способность, стараясь эксплуатировать въ свою пользу ея результаты. Чѣмъ болѣе было спеціалистовъ, тѣмъ болѣе росла выработка критической мысли; росла и *привычка* критической мысли. Наконецъ, число спеціалистовъ придало *ихъ* привычкамъ общественное значеніе и въ привычки образованнаго класса вошло положеніе, что критическая мысль имѣетъ свои права, то-есть области, гдѣ она *должна* быть свободна.

Только съ той минуты, когда это положеніе вошло въ привычки мысли образованнаго общества, возможна была успѣшная борьба съ общественнымъ зломъ для тѣхъ, которые издавна несли въ себѣ стремленіе къ воплощенію справедливости въ общественныя формы, стремленіе къ истинѣ, чуждой всякихъ спеціальностей. До тѣхъ поръ общественнымъ реформаторамъ недоставало и яснаго сознанія въ вѣрности собственныхъ основаній, и точки опоры въ общественномъ сознаніи. Они болѣе *вѣровали* въ истины, ими проповѣдуемыя, чѣмъ мо-

гли сами себѣ доказать ихъ. Они увлекали приверженцевъ, но это увлеченіе было непрочно. Вопросъ: въ чемъ состоитъ всестороннее развитіе личности? могъ быть поставленъ правильно лишь тогда, когда множество спеціальныхъ вопросовъ о природѣ вообще, о человѣкѣ въ частности, о физіологіи, психологіи и исторіи были разрѣшены вовсе не въ виду этого общаго вопроса, а въ виду различныхъ эгоистическихъ благъ, полученныхъ поколѣніями профессоровъ и академиковъ за ихъ маленькія работы. Для понятія о равноправности людей работали Цезари-Каракаллы, кровавые конквистадоры Америки, полуидіотическіе аскеты рядомъ съ спеціалистами, считавшими извилины мозга, сравнивавшими корни языковъ, вычислявшими среднія величины статистическихъ данныхъ. По нравственному значенію индивидуумовъ нельзя дать преимущества однимъ передъ другими, но спеціалисты внесли въ общество привычку думать критически, привычку вѣрить, что критическая мысль вещь хорошая, и безъ ихъ подготовки проповѣдникамъ критической мысли *вообще* не было бы возможности довести свои труды до того положенія, въ которомъ эти труды находятся въ настоящее время.

Въ наше время правильное приложеніе того закона, который поставилъ г. Михайловскій, невозможно безъ выработки въ особяхъ критической мысли и безъ убѣжденія общества, что критика мысли правомѣрна. Убѣжденіе это вошло въ общество лишь путемъ распространенія вѣрованія, что критическая мысль въ спеціальныхъ сферахъ не только можетъ быть терпима, но должна быть поощряема. Вѣрованіе это могло возникнуть лишь въ томъ случаѣ, когда эксплуататоры общества видѣли въ ученыхъ людей, имъ полезныхъ, *своихъ* людей, когда они не опасались науки. Но они могли такъ смотрѣть лишь на науку спеціальную, чуждую общимъ вопросамъ, общимъ интересамъ. Итакъ спеціализація въ области мысли была необходимымъ условіемъ возникновенія самыхъ началъ раціональной критики.

Г. Михайловскій можетъ сказать, что въ обществѣ, гдѣ простая кооперація смѣнилась сложною и гдѣ установилась эксплуатація большинства меньшинствомъ, научная спеціализація могла имѣть это значеніе, но тамъ, гдѣ этого не было бы, и мысль человѣка не должна была бы идти указаннымъ окольнымъ путемъ, чтобы придти къ результатамъ, прямо слѣдовавшимъ изъ права критики равноправныхъ особей. Едва-ли подобное возраженіе можно было бы признать основательнымъ. Всѣ аналогіи психической дѣятельности въ человѣкѣ и въ позвоночныхъ побуждаютъ заключить, что всякая новая мысль является лишь въ *особяхъ* этого отдѣла существъ, что она должна быть выработана особью нѣкоторое время для вызова особи къ правильной дѣятельности; что, затѣмъ, мысль передается другимъ особямъ постепенно, вызываетъ въ установившихся привычкахъ и преданіяхъ противодѣйствіе тѣмъ бо̀льшее, чѣмъ

і, словами: наука для нашего тщеславія, для
юбія, для нашего грязнаго *я*? И теперь это тще-
бролюбіе, это грязное *я* играютъ весьма обшир-
ихъ soi disant ученой дѣятельности, но у нихъ
гдѣ они чисты, искренни и справедливы, гдѣ
итика и научная истина выше всего. Когда же они
быть учеными спеціалистами, то сдѣлаются не по-
ажданами, не широкими мыслителями, а просто уче-
атанами; они будутъ выдумывать химическіе опыты,
ти отравленіе тамъ, гдѣ его нѣтъ; они будутъ со-
атистическія данныя, для угоды властей награж-
; они будутъ фальсифицировать документы; они
доказывать, что получили свои ученые результаты
видѣній, откровеній и будутъ истреблять самую
необходимости критики вообще, утверждая, что она
е нужна и въ спеціальныхъ сферахъ. Г. Михайлов-
ыказалъ въ своихъ статьяхъ весьма трезвый взглядъ на
лей этой сферы, и мы не сомнѣваемся въ его согласіи, что
о такъ бы поступило большинство современныхъ ученыхъ
алистовъ, еслибы какимъ-нибудь чудомъ они перестали ра-
вѣрить въ науку для науки.
почему обществу не повѣрить имъ, что критика вовсе не
жна? Для большинства и теперь работа мысли не есть удо-
льствіе, а скорѣе непріятный трудъ. Для большинства кри-
ика представляется зломъ, высокомѣріемъ. Привычки и преда-
ія еще очень сильны среди насъ. *Единственная* область, гдѣ
права критика признаются, это область такъ-называемыхъ *точ-
ныхъ* наукъ, да и въ нихъ признаніе правъ критики опирается не столько на ясное сознаніе этихъ правъ обществомъ, сколько на установившуюся привычку. Нелѣпая борьба противу свободы слова въ бóльшей части государствъ, считающихся цивилизованными, доказываетъ, какъ слабо убѣжденіе въ необходимости критики для жизни общества. Еслибы спеціалисты не поддерживали этого убѣжденія въ своихъ узкихъ сферахъ изъ эгоистическаго разсчета, нельзя быть увѣреннымъ, что критическое движеніе не остановилось бы вовсе.

Если это можно предположить для нашего времени, то еще скорѣе слѣдуетъ допустить до предшествующихъ періодовъ. Лишь благодаря тому, что среди общества обособились спеціальности, критическая мысль возникла и распространилась. Деспоты Александріи и Сиракузъ, пріюты монашескаго аскетизма, хищники новой Европы, іезуиты, враги всякой жизни въ обществѣ — взростили и взлелѣяли математиковъ, натуралистовъ, археологовъ, библіографовъ; эти же спеціалисты индиферентно относились къ самому ужасному злу, которое совершалось близь нихъ, придавали громадное значеніе мелкимъ своимъ завоеваніямъ въ сферѣ любопытнаго, высокомѣрно смотрѣли на другія сферы труда; но это крайнее раздробленіе

спеціальностей, это крайнее раздѣленіе труда въ сферѣ научной мысли было необходимымъ условіемъ для того, чтобы когда-либо человѣкъ могъ раціонально поставить вопросъ о своихъ силахъ, о своемъ всестороннемъ развитіи, о равноправности людей, о средствахъ довести раздѣленіе труда между личностями до минимума.

Соціологъ имѣетъ право видѣть высшее общественное благо, цѣль общества въ наибольшей суммѣ личныхъ благъ для членовъ современнаго ему общества. Историку уже этого мало. Для него сумма благъ распространяется на минувшія и на грядущія поколѣнія личностей, а такъ-какъ соціологія въ своихъ выводахъ не можетъ противорѣчить исторіи, то и высшее общественное благо соціологіи должно руководиться тою же нормою. Я совершенно согласенъ съ г. Михайловскимъ, что общество должно быть разсматриваемо не какъ сумма органовъ, а какъ сумма страждущихъ и наслаждающихся единицъ. Я совершенно согласенъ съ нимъ, что поэтому для вывода соціологическихъ законовъ необходимо употребить субъективный методъ, т.-е. стать на мѣсто страждущихъ и наслаждающихся членовъ общества, а не на мѣсто безстрастнаго *посторонняго* наблюдателя общественнаго механизма. Но ученый въ этомъ случаѣ не имѣетъ права останавливаться на одномъ поколѣніи; онъ долженъ взять въ соображеніе данныя минувшаго и вѣроятныя событія будущаго. Съ этой точки зрѣнія развитіе критической мысли въ человѣчествѣ, ея укрѣпленіе и расширеніе есть, на мой взглядъ, главный и единственный *агентъ* прогресса въ человѣчествѣ, хотя, конечно, существенный *результатъ* прогресса заключался въ воплощеніи критической мысли въ справедливѣйшія общественныя формы. Въ предъидущіе періоды раздѣленіе работъ, образованіе спеціальностей могло быть и было явленіемъ *прогрессивнымъ*, потому что количество зла, увеличивавшееся для личностей данной эпохи отъ увеличенія сложности въ коопераціи, было далеко вознаграждено уменьшеніемъ зла для личностей всѣхъ эпохъ, вслѣдствіе укрѣпленія и распространенія критической мысли въ спеціальныхъ областяхъ. Раздѣленіе работъ и *останется* явленіемъ прогрессивнымъ до тѣхъ поръ, пока сознаніе права критики *вообще* не сдѣлается достояніемъ большинства, и лишь тогда агентъ прогресса, критическая мысль, сдѣлавшись преобладающею, перестанетъ имѣть господствующее значеніе въ исторіи человѣчества; лишь тогда воплощеніе знанія въ справедливѣйшія общественныя формы станетъ главнымъ проявленіемъ прогресса; лишь тогда законъ, поставленный г. Михайловскимъ — возможно-меньшее раздѣленіе труда между личностями — будетъ довольно полною формулою общественной задачи.

Но я позволю себѣ усомниться даже въ томъ, чтобы это *возможно-меньшее* раздѣленіе могло когда либо достигнуть довольно низкаго минимума, и въ этомъ случаѣ первая поло-

вина формулы г. Михайловскаго служитъ мнѣ опорою. «Возможно-полное и всестороннее раздѣленіе труда между органами» мы можемъ себѣ представить лишь какъ разностороннее развитіе личности. Но въ каждой личности наука позволяетъ допустить два рода данныхъ: элементы, прирожденные въ физіологическомъ обособленіи, и элементы, пріобрѣтенные воспитаніемъ и жизнію. Послѣдніе суть не иное что, какъ развитіе элементовъ прирожденныхъ, и это развитіе обусловливается въ значительной степени свойствомъ прирожденныхъ элементовъ. Самое искусное воспитаніе можетъ развить иныя физіологическія данныя лишь въ тѣсныхъ предѣлахъ, другія же выработать до артистической отдѣлки. Но тѣ самыя явленія природы, которыя вызвали развитіе разнообразныхъ видовъ, родовъ и классовъ органическихъ существъ, позволяютъ заключить, что двѣ рождающіяся особи никогда не тожественны. Если въ будущемъ гигіена позволитъ устранить значительное число болѣзненныхъ и уродливыхъ рожденій, то едва-ли когда она устранитъ *различіе* индивидуумовъ при рожденіи; оно, признаться сказать, едва-ли было бы и желательно. Съ другой стороны, педагогія въ настоящее время стремится не къ нивеллированію личностей, а къ развитію ихъ *сообразно ихъ особенностямъ*. Какъ кажется, развитіе всѣхъ способностей, — а, слѣдовательно, и всѣхъ особенностей — личностей, заключается, какъ требованіе, и въ формулѣ г. Михайловскаго. Поэтому разнообразіе прирожденныхъ данныхъ, при внимательномъ развитіи всѣхъ способностей личностей, должно дать личностей тѣмъ болѣе разнообразныхъ, или тѣмъ болѣе спеціализированныхъ, чѣмъ правильнѣе будетъ ихъ развитіе. Въ такомъ случаѣ безусловное господство закона: «возможно-полное и всестороннее раздѣленіе труда между органами», должно уже само собой повести къ ограниченію второй половины закона г. Михайловскаго.

Но, на сколько я понимаю мысль автора, эта мысль вовсе не пострадаетъ, если онъ ограничитъ свою формулу или измѣнитъ ее. Онъ самъ, придавая въ своихъ статьяхъ главное значеніе субъективному элементу въ соціологіи, даетъ возможность оживить эту неподвижную объективную формулу. Я уже говорилъ выше, что его аргументація приводитъ прямо къ результату: идеалъ утилитаризма, наибольшая общая польза, долженъ быть понятъ, какъ наибольшая сумма личныхъ благъ членовъ общества, то-есть какъ справедливѣйшее общество — въ смыслѣ не юридической, а нравственной справедливости. Я старался уяснить, что наибольшая равноправность личностей при наибольшемъ ихъ личномъ развитіи есть именно формула *безусловной* справедливости (каждому по достоинству) въ ея современномъ фазисѣ, соотвѣтствующемъ настоящему развитію науки. Но эта формула, по своему *дѣйствительному* содержанію, на мой взглядъ весьма мало разнится отъ формулы

г. Михайловскаго. При правильномъ развитіи въ личности можно замѣтить элементы, общіе личности со всѣми другими, столь же правильно развитыми личностями, и другіе элементы, ея спеціализирующіе. Мышечная ловкость и способность къ *обыденнымъ* ручнымъ работамъ, способность получить всестороннюю образованность умственную, привычку къ критической мысли, правильное реалистическое міросозерцаніе, способность развить въ себѣ эстетическій вкусъ цѣнителя въ достаточной степени для наслажденія искусствами, наконецъ, способность быть справедливымъ къ людямъ, сочувствовать имъ и видѣть свое благо въ общемъ благѣ—всѣ эти способности составляютъ элементы, которые, при правильномъ общественномъ строѣ, при правильномъ физическомъ, умственномъ и нравственномъ воспитаніи личности, могутъ быть совершенно одинаково развиты во всѣхъ людяхъ. Это—масса *общечеловѣческаго* элемента, на сознаніи котораго опирается понятіе о равенствѣ достоинства людей, о ихъ равноправности, о ихъ солидарности въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Строй общества долженъ имѣть въ виду *это* равенство достоинства личностей. Къ *этому* равенству должна стремиться гигіена, педагогія и соціологія. Распредѣленіе *обыденныхъ* занятій, правъ, обязанностей, наслажденій и трудовъ сообразно *этому* равенству должно быть цѣлью прогрессивнаго движенія человѣчества въ будущемъ.

Но за этою способностью лежатъ физическія, психическія, умственныя, художественныя и нравственныя спеціализаціи, на которыя личность имѣетъ право потому, что ихъ данныя ей прирождены, и педагогика обязана ихъ развить. Общество имѣетъ право ими воспользоваться, хотя *человѣческое* достоинство личности нисколько не возвышается и не падаетъ изъ-за того, что одинъ человѣкъ — геніальный математикъ, другой—превосходный скульпторъ, третій умѣетъ подвести все подъ общій философскій взглядъ, а четвертый по столярному или слесарному ремеслу превосходитъ своихъ товарищей. Достоинство человѣческое остается равнымъ для того, кто равно привязанъ ко всѣмъ ближнимъ, для того, кто кромѣ того находитъ особенное удовольствіе въ сношеніяхъ съ кружкомъ избранныхъ пріятелей, или для того, кто самоотверженно любитъ одно избранное существо. Во всѣхъ этихъ *добавочныхъ* спеціализующихъ качествахъ человѣкъ находитъ удовольствіе именно потому, что онъ въ нихъ спеціалистъ. Общество доставляетъ человѣку удовольствіе, а себѣ пользу, ставя своего члена въ такое положеніе, гдѣ бы онъ могъ вполнѣ развить свои спеціальныя способности, наилучше приложить ихъ, но это нисколько не должно выдвигать вообще человѣка изъ рядовъ его братій, потому что во всѣхъ существенныхъ элементахъ своей личности онъ не можетъ превзойти ихъ.

Итакъ возможно-меньшее раздѣленіе *общечеловѣческаго* труда

не мѣшаетъ выработкѣ спеціальностей и употребленію ихъ на службу общества. Быть *человѣчнымъ* не значитъ еще стоять во всемъ въ уровень съ другими. Кто не достигъ *человѣчности*, то-есть всесторонняго развитія общечеловѣческихъ способностей, тотъ *ниже* надлежащаго уровня. Но всякій долженъ и можетъ стремиться хотя въ чемъ либо стать *выше* этого уровня, въ чемъ либо сдѣлаться *спеціалистомъ*, и правильно развитое общество должно столь же заботиться о доведеніи всѣхъ своихъ членовъ до общечеловѣческаго уровня, какъ и о томъ, чтобы каждый могъ, въ той или другой сферѣ, перейти за этотъ уровень, спеціализироваться. Только этимъ путемъ критическая мысль личности, постоянно работая, постоянно будетъ дѣйствовать на общественную культуру, какъ возбуждающее, цивилизаціонное, прогрессивное начало. *Только* при этомъ прогрессъ возможенъ для общества, какъ бы высоко ни стояли его культурныя формы.

Поэтому я считаю, что формула г. Михайловскаго должна быть измѣнена на основаніи тѣхъ самыхъ началъ, которыя онъ проводитъ въ своихъ статьяхъ. Вопервыхъ, это не есть формула прогресса, а, съ нѣкоторыми ограниченіями, формула требованій прогрессивнаго движенія для ближайшаго будущаго. *Прогрессъ*, по моему мнѣнію, *есть процессъ развитія въ человѣчествѣ сознанія и воплощенія истины и справедливости путемъ работы критической мысли личностей надъ современною имъ культурою*. Ему принадлежитъ все развитіе критической мысли; ему принадлежитъ вся исторія науки, даже въ своихъ спеціальныхъ стремленіяхъ, лишь бы она стремилась въ своихъ мелкихъ работахъ *къ пониманію* фактовъ, а не только къ ихъ записыванію, что есть знаніе, но еще не наука; прогрессу же, конечно, принадлежитъ и расширеніе понятія о человѣчности, то-есть о всестороннемъ развитіи личности въ ея *общечеловѣческихъ* элементахъ, точно такъ же, какъ и воплощеніе справедливости въ общественныя формы, то-есть расширеніе равноправности личностей на основаніи равенства ихъ общечеловѣческаго достоинства. Г. Михайловскій ограничивается лишь послѣднимъ, но я изложилъ выше основанія, на которыхъ считаю это недостаточнымъ.

Разсматривая формулу г. Михайловскаго какъ требованіе соціологіи нашего времени, я гораздо менѣе отступилъ отъ нея. Если я считаю, что развитіе критической мысли и развитіе науки составляютъ до сихъ поръ основную задачу общества, то это требованіе заключается уже въ формулѣ г. Михайловскаго: «возможно-полное и всестороннее раздѣленіе труда между органами». Если я предпочелъ бы формулировать это словами: человѣчное развитіе личности — то здѣсь разница лишь въ словахъ и, можетъ быть, иному читателю формула г Михайловскаго покажется яснѣе и опредѣленнѣе. Въ мысли я съ нимъ схожусь.

Но именно поэтому, какъ уже сказано выше, вторую половину его формулы я считаю необходимымъ нѣсколько измѣнить. Для отдаленнаго будущаго я готовъ поставить его формулу такъ: «возможно-меньшее раздѣленіе *общечеловѣческаго* труда между людьми», но формула эта приложима лишь тогда, когда человѣчное развитіе личностей достигнетъ нѣсколько болѣе высокой ступени. Въ настоящемъ я считаю еще невозможнымъ ее поставить, и ограничиваюсь болѣе широкою формулою, прилагаемою какъ къ настоящему, такъ къ прошедшему и къ будущему. Я скажу: «справедливѣйшее раздѣленіе труда между людьми», такъ-какъ лицъ, стоящихъ *ниже* уровня общечеловѣческихъ требованій, еще слишкомъ много, даже между такъ-называемыми *цивилизованными* людьми. Немногимъ развившимся всесторонне и достаточно приходится относиться *педагогически* къ другимъ людямъ, и самые передовые дѣятели должны вступать въ сложную, а не въ простую кооперацію. Въ сущности прогрессъ относительно вопроса о правильномъ раздѣленіи труда между людьми еще такъ малъ, что для настоящаго приходится его поставить въ далекія desiderata, и, пока, ограничиться общею формулою прогресса, которую я развилъ выше. Я вполнѣ сознаю важность этого вопроса, какъ его поставилъ г. Михайловскій; считаю эту постановку, какъ уже сказалъ, не малою заслугою для соціологіи; но не считаю возможнымъ, при настоящемъ состояніи соціологіи, концентрировать задачи ея на пунктъ, который требуетъ еще значительной подготовки. Полагаю, что разностороннее развитіе личности, которое требуетъ г. Михайловскій, и которое уже давно входило, теоретически, въ задачу этики, должно само собою повести къ справедливѣйшему раздѣленію труда между людьми.

На вопросъ: что̀ такое прогрессъ? я предпочелъ отвѣтить: прогрессъ есть процессъ развитія въ человѣчествѣ сознанія и воплощенія истины и справедливости путемъ работы критической мысли личностей надъ современною имъ культурою. Это опредѣленіе, какъ мнѣ кажется, удовлетворяетъ условіямъ, поставленнымъ въ началѣ статьи, но одновременно служитъ, согласно требованіямъ, тамъ же высказаннымъ — заключительною теоремою соціологіи и основою исторіи.

Какъ высшія начала субъективнаго блага личности, истина и справедливость заключаютъ въ то же время основныя условія общественнаго строя. Внѣ познанія истины невозможно осуществленіе справедливости. Соціологическая истина есть не что иное, какъ сознанная справедливость. Общество должно быть столь же старательно организовано для открытія, повѣрки и распространенія истины, какъ и для воплощенія справедливости. Истина охватываетъ необходимое, возможное и желательное. Соціологія, которая не приняла бы въ соображеніе при построеніи общественной теоріи, закона *необходимаго*, была бы не наукою, а болтовнею. Общественныя формы, необезпечивающія

личности необходимаго, сдѣлали бы для общества невозможнымъ всякое развитіе въ отношеніи истины и справедливости. Социологія, не указывающая пути для оцѣнки *возможнаго* въ каждомъ частномъ случаѣ, была бы опять не наукою, а фантазерствомъ. Общественныя формы, не опирающіяся на условія возможнаго въ данную эпоху для личности и для общества, были бы крайне непрочны и скорѣе повели къ увеличенію зла, чѣмъ блага въ обществѣ. Въ области *желательнаго* все группируется подъ рубрики истины и справедливости. Все, что не имѣетъ отношенія ни къ необходимому и возможному, ни къ истинѣ, ни къ справедливости, не имѣетъ значенія для общества, и всякая трата общественныхъ силъ внѣ этихъ задачъ его есть трата непроизводительная, всякое расширеніе области познанія и воплощенія истины и справедливости, есть общественное пріобрѣтеніе. Всѣ части соціологіи распредѣляются и вступаютъ между собою въ отношеніе на основаніи этихъ двухъ началъ.

Но истина и справедливость не суть нѣчто данное и законченное. Послѣдняя заключена въ безусловную формулу, но содержаніе этой формулы развивается соотвѣтственно разработкѣ истины. Истина можетъ быть разработана, а справедливость можетъ быть воплощена въ дѣло лишь путемъ работы критической мысли надъ культурою. Поэтому соціологія не есть наука отдѣльная отъ этики. Основныя ея истины суть истины личной нравственности. Лишь на нихъ она строитъ свое зданіе. Право всесторонняго развитія и всесторонней критики для личности есть аксіома, съ которой наука общества начинается, безъ которой вся связь науки распадается, и самая наука остается словами безъ содержанія. Внѣ критики нѣтъ истины; внѣ критики нѣтъ справедливости; внѣ критики нѣтъ общественной жизни и прогресса. Отсюда всякая безусловная, окончательная истина, недопускающая критики, есть абсурдъ. Если она истина, то критика ее подтвердитъ и разовьетъ въ новыя истины. Точно также всякое неподвижное субъективное содержаніе справедливости было бы абсурдомъ, потому что оно допускало бы отрицаніе развитія въ соціологіи, отрицаніе личной критики, отрицаніе субъективнаго элемента въ соціологіи. Общество же, воплощающее въ жизнь *добытую* истину и *сознанную* справедливость, но въ то же время постоянно имѣющее въ виду поощрять личности къ спеціальной разработкѣ истины во всѣхъ сферахъ путемъ критики, будетъ общество прогрессивное, какъ низко ни стояли бы его культурныя формы.

Заключая и организуя соціологію, указанное опредѣленіе прогресса служитъ и раціональнымъ уясненіемъ исторіи. Накопленіе знаній и выработка простѣйшей культуры служатъ первымъ матеріаломъ критики мысли, пониманію истины и воплощенію справедливости. Работа критической мысли, то удачная, то не-

удачная, то слабѣющая, то усиливающаяся, и результаты этой работы — вотъ основная нить исторіи человѣчества.

Всѣ событія и личности располагаются въ перспективу, сообразно ихъ отношенію къ этой работѣ, и едва-ли можно сказать, что которая либо область исторической жизни была бы при этомъ обижена. Наука входитъ сюда какъ самый прочный элементъ нарастающаго пониманія истины, но человѣчность выработывается въ личностяхъ и смѣною вѣрованій и эстетическими успѣхами. Миѳы и метафизическія построенія служатъ подготовкою къ научной критикѣ и къ справедливѣйшему строю общества. Эти элементы именно на столько важны для исторіи, на сколько въ нихъ выработывались прогрессивные элементы личности и общества. Общественныя формы и положительныя законодательства получаютъ свое значеніе, какъ слѣды постепеннаго уясненія соціологическихъ истинъ, постепеннаго расширенія или съуженія справедливѣйшихъ отношеній между людьми, какъ среда, способствовавшая или мѣшавшая работѣ критической мысли. Личности не теряютъ своего значенія въ исторіи, гдѣ основное понятіе прогресса видитъ въ нихъ неизбѣжныхъ посредниковъ историческаго движенія, обусловливающихъ всѣми особенностями своего развитія степень пониманія возможнаго и желательнаго для данной эпохи, степень энергическаго воплощенія своихъ убѣжденій въ дѣло. Событія выступаютъ на тотъ или другой планъ сообразно тому, на сколько въ нихъ воплощается современное имъ міросозерцаніе или на сколько они, случайно содѣйствуя перераспредѣленію личностей на поверхности земли, способствовали прогрессивному и регрессивному ходу исторіи.

Какъ мы видѣли, развитіе формулы, предположенное выше, нисколько не противорѣчитъ основамъ аргументаціи г. Михайловскаго и заключаетъ его формулу, какъ частный случай, съ весьма небольшими ограниченіями. Эти ограниченія даже правильнѣе назвать уясненіями, и я думаю, что самъ г. Михайловскій легко бы получилъ ихъ, еслибы не отнесся къ понятію о справедливости и спеціальности слишкомъ враждебно, вооруженный противъ нихъ узкостью взгляда юридическихъ цѣнителей справедливости и жалкой картиной филистерства ученыхъ спеціалистовъ. Мнѣ было бы крайне больно, еслибы г. Михайловскій увидѣлъ въ этой статьѣ что либо для себя враждебное, изъ-за того что въ русской прессѣ возрожденія большей частью имѣютъ враждебный характеръ. Мнѣ кажется, что именно уваженіе къ труду автора можетъ побудить къ тщательному анализу его положеній, къ указанію пунктовъ, въ которыхъ рецензентъ съ нимъ согласенъ, и гдѣ съ нимъ расходится. Трудъ г. Михайловскаго позволяетъ надѣяться, что авторъ въ будущемъ дастъ еще болѣе серьёзныя работы въ области философіи, которая такъ бѣдна въ нашей литературѣ самостоятель-

ными взглядами. Это именно побудило меня написать эту замѣтку. Я бы очень желалъ, чтобы авторъ прочелъ въ ней то чувство живаго интереса, которое вызвали его статьи въ его читателѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи. *Соч.* Н. Хлѣбникова. *С.-Петербургъ, 1869 г.*

Наша историческая литература, еще не такъ давно занимавшаяся кропотливыми изслѣдованіями о древне-русской бородѣ, о сребрѣ ярославлѣ, о миѳологическомъ значеніи русскаго ухвата и т. п. интересныхъ и вызывающихъ на размышленіе предметахъ, — нынѣ обнаруживаетъ наклонность перейти отъ мелочныхъ, фактическихъ изысканій къ философскимъ взглядамъ и прагматическому осмысливанію добытыхъ и разработанныхъ фактовъ. Подобныя попытки — подгонять факты подъ извѣстныя, заранѣе составленныя, теоретическія рубрики — производились, конечно, и прежде; но пріемы нашихъ прежнихъ теоретиковъ были до крайности просты и нехитры, а самыя ихъ теоріи, почерпнутыя изъ временъ, «когда свободно рыскалъ звѣрь, а человѣкъ бродилъ пугливо», — не имѣли ничего общаго съ наукою. Выставитъ, бывало, русскій теоретикъ величественную аксіому: «народы дикіе любятъ независимость, народы образованные — порядокъ», а затѣмъ для него уже прояснялась мгновенно вся масса историческихъ фактовъ, такъ что ее легко было разсортировать и пріурочить либо къ дикой независимости, либо къ образованному порядку. Дѣйствительно ли внѣшній порядокъ, водворяемый притомъ варварскими средствами, совпадаетъ съ идеей цивилизаціи, а любовь къ независимости, хотя бы и въ грубой формѣ, съ дикостью и варварствомъ? — объ этомъ ужь не задумывался отечественный Кифа Мокіевичъ и преспокойно растасовывалъ свой историческій матеріалъ, относя къ дикости новгородскую свободу, а къ порядку — «собираніе земли русской» посредствомъ подкуповъ и насильствъ всякаго рода. Но несмотря на свою кажущуюся неблаговидность, мудрованія эти имѣли за собой то неоспоримое достоинство, что ихъ шаткость и бездоказательность лишали ихъ возможности утвердиться надолго въ литературѣ, тѣмъ болѣе, что и сами наши «первоучители» не налегали вовсе на теоретическую разработку своихъ доктринъ, ограничиваясь почти одною художественною стороною въ исторіи. Какъ только художественный элементъ исчезъ, за отсутствіемъ сильныхъ талантовъ, изъ нашей исто-

рической литературы, его смѣнила сейчасъ же археологія, которая совсѣмъ уже не рисковала пускаться въ философскія размышленія...

Но, старыя понятія живучи и, кромѣ того, одарены способностью превращенія въ такой сильной степени, что поверхностный наблюдатель не сразу подмѣтитъ: какую форму выбрала для себя, въ данную минуту, традиціонная идея. Бываетъ даже, что послѣдователи традиціоннаго старовѣрства вступаютъ въ борьбу съ его родоначальниками и прежними корифеями; но борьба эта происходитъ или по недоразумѣнію, которое вскорѣ разъясняется, или вслѣдствіе умысла, чтобы отвести глаза легковѣрнымъ людямъ и увѣрить ихъ, что подмалеванная старина — вовсе не старина, но получена на дняхъ изъ Парижа вмѣстѣ съ послѣдними модными картинками; или же, наконецъ, борьба касается не сущности оспариваемой идеи, а какихъ нибудь второстепенныхъ ея аксессуаровъ, безъ которыхъ идея эта можетъ не только существовать, но процвѣтать и благоденствовать на бѣломъ свѣтѣ. Способностью горячиться и вступать въ споръ по недоразумѣнію, отличается, какъ извѣстно, М. П. Погодинъ. Сколько разъ поднималъ онъ шумъ въ литературѣ, усматривая неблагонамѣренность то въ томъ, то въ другомъ сочинителѣ, и сколько разъ посрамлялся и признавалъ своими друзьями — людей, ошибочно принятыхъ за враговъ. Упираться на мелочи и аксессуары и изъ-за нихъ вчинать цѣлые обличительные походы — большой мастеръ г. Семевскій, опочившій было на литературныхъ... терніяхъ, но теперь возродившійся къ новой дѣятельности въ журналѣ «Русская Старина». Что же касается до умѣнья перечеканивать, такъ-сказать, старыя идеи, кладя на нихъ новый, болѣе современный штемпель, то по этой части весьма полезенъ г. Борисъ Чичеринъ, который, заимствовавъ у своихъ предшественниковъ драгоцѣнную мысль о несовмѣстимости *порядка* съ *свободой* и о преимуществѣ перваго надъ послѣдней, съумѣлъ придать ей нѣкоторый приличный видъ и пустилъ снова въ ходъ подъ именемъ «государственной централизаціи». Штука, какъ видите, не особенно мудреная, но на нее поддаются многіе: «на ловца и звѣрь бѣжитъ», говоритъ пословица.

Наше общество до настоящаго времени такъ богато напоено и пропитано элементами допетровскаго и даже домостроевскаго склада жизни, что было бы странно, еслибы указанные нами мастера не находили поклонниковъ и хвалителей своимъ издѣліямъ между разною умственною ветошью нашего общества. Но бываетъ жаль смотрѣть, когда они въ сѣти своихъ философствованій изловляютъ людей молодыхъ, и въ особенности даровитыхъ. Мы никакъ не можемъ отказать г. Хлѣбникову въ дарованіи. Намъ не случилось еще читать такого талантливаго изложенія нашей древней исторіи, какое встрѣчаемъ у него. У автора есть свѣтъ въ головѣ; онъ не подавляется грудою своего

матеріала, какъ-то обыкновенно бываетъ съ чернорабочими историками; онъ мастерски умѣетъ владѣть имъ, умѣетъ дать освѣщеніе предмету, какое захочетъ, умѣетъ постоянно поддерживать интересъ читателя; у него не мало наблюдательности, есть способность къ широкимъ обобщеніямъ, однимъ словомъ, есть всѣ задатки, чтобы дать хорошее историческое сочиненіе. И тѣмъ не менѣе мы должны сказать, что книга его, по сущности основныхъ своихъ тезисовъ, должна быть зачислена въ разрядъ неудачныхъ и запоздалыхъ попытокъ — реставрировать, знакомую намъ, идею о неизбѣжности государственнаго деспотизма въ древней Руси. Доказывая это основное положеніе своей книги, авторъ обращается за помощью къ Гнейсту, Гизо, Макіавелли и даже Огюсту Конту, но при внимательномъ разсмотрѣніи его доводовъ легко убѣдиться, что бо̀льшая часть ихъ навѣяна никѣмъ инымъ, какъ «многоуважаемымъ» (по аттестаціи г. Хлѣбникова) профессоромъ Чичеринымъ. Разница состоитъ только въ томъ, что «многоуважаемый профессоръ», видя въ государственной централизаціи наилучшую политическую форму, привѣтствовалъ появленіе ея въ Московскомъ великомъ княжествѣ, тогда какъ г. Хлѣбниковъ допускаетъ ее съ соболѣзнованіемъ, какъ необходимое, фатальное послѣдствіе экономической и политической несостоятельности удѣльно-вѣчевыхъ порядковъ. Экономизмъ ныньче въ модѣ, и г. Хлѣбниковъ пользуется имъ съ цѣлью утвердить на болѣе прочномъ фундаментѣ обветшавшую мысль нашихъ прежнихъ историковъ и юристовъ. Остановимся на соображеніяхъ г. Хлѣбникова относительно соціально-экономическаго положенія различныхъ классовъ русскаго общества. Г. Хлѣбниковъ рисуетъ его самыми мрачными красками, надѣясь найти въ немъ оправданіе или, по крайней-мѣрѣ, приличное разъясненіе и для государственнаго деспотизма, и для упадка самоуправленія, и даже для крѣпостнаго права, которое, по мнѣнію автора, «рѣшительно необходимо въ нѣкоторыя эпохи, чтобы *пріучить народъ къ труду* (какъ будто собственныя потребности человѣка недостаточно пріучаютъ его къ этому!) и образовать богатое (т.-е. отучившееся отъ труда) и образованное (ну, образованье-то у насъ не слишкомъ развилось при крѣпостномъ правѣ) сословіе, которое такъ необходимо въ государствѣ» (стр. 190). Въ этой характеристикѣ авторъ начинаетъ съ высшаго сословія — съ боярскаго класса. Сильной аристократіи не могло образоваться у насъ до Іоанна III, по двумъ причинамъ: вопервыхъ, дружина наша сохраняла всегда подвижной характеръ, вслѣдствіе удѣльной системы, и переходила вмѣстѣ съ своими князьями; вовторыхъ, земли, при ихъ огромныхъ пространствахъ и при малочисленности населенія, не имѣли никакой цѣны и не могли доставить точки опоры своему владѣльцу. Впослѣдствіи же, когда дворъ московскаго царя сдѣлался центромъ національной жизни, аристократія обратилась въ военно-придворное сословіе, которое, и

по своему положенію въ администраціи, и по своимъ матеріальнымъ средствамъ, вполнѣ зависѣло отъ верховной власти. Къ тому же низшій слой придворной аристократіи—дѣти боярскія—находился въ постоянной враждѣ съ боярами, такъ-какъ послѣдніе нерѣдко грабили и обирали первыхъ при назначеніи имъ помѣстій и денегъ за службу. Только прикрѣпленіе крестьянъ, по мнѣнію автора, дало опорную точку нашей аристократіи, и тогда она проникнулась корпоративнымъ духомъ, почувствовала себя сословіемъ, имѣющимъ общіе интересы. Въ смутное время, напримѣръ, она дѣйствуетъ уже какъ твердая, сплошная корпорація (стр. 33). Но въ началѣ царскаго періода русской исторіи наша аристократія была бѣдна, слаба и руководствовалась однѣми личными эгоистическими цѣлями. Сравнивая русскую аристократію съ англійской въ соотвѣтствующій періодъ времени, г. Хлѣбниковъ приходитъ къ выводу, что нашъ первѣйшій богачъ едва-ли равнялся, по значительности матеріальныхъ средствъ, съ какимъ-нибудь второстепеннымъ англійскимъ барономъ. Такимъ образомъ, наша аристократія не могла служить сдерживающимъ началомъ для крайностей деспотизма, а напротивъ, сама старалась поживиться отъ него, гдѣ можно и какъ можно, лакомыми кусочками. Однимъ изъ такихъ лакомыхъ кусковъ было, между прочимъ, и прикрѣпленіе крестьянъ, которое повлекло за собой постепенный переходъ дворянскихъ *помѣстій*, раздаваемыхъ за службу и только на время службы — въ *вотчины*, т.-е. въ наслѣдственную поземельную собственность. Къ этому прикрѣпленію крестьянъ г. Хлѣбниковъ относится какъ-то двойственно и неопредѣленно. Съ одной стороны—какъ мы уже видѣли это—ему ужасно хочется доказать, что закрѣпощеніе массы народа способствуетъ развитію въ ней любви и привычки къ труду; съ другой стороны, историческая добросовѣстность заставляетъ его признать, что «экономическое положеніе крестьянъ, *разумѣется*, не могло сдѣлаться лучшимъ съ прикрѣпленіемъ крестьянъ, чѣмъ до этого прикрѣпленія» (стр. 260); стало быть, рабство весьма мало поощряетъ развитіе трудолюбія. Образованнаго и богатаго сословія, которое должно было воспитаться, по плану г. Хлѣбникова, на народныхъ харчахъ, тоже не оказывается въ концѣ книги, и рабство, разоривъ до тла массу народа, не содѣйствовало скопленію богатствъ и въ привиллегированной его части. При этомъ остается недоказанной и другая мысль г. Хлѣбникова, что «монархія болѣе благопріятствуетъ *равноправности* гражданъ, а господство аристократіи почти неизбѣжно ведетъ къ образованію рабства» (стр. 45). Напротивъ, изъ его собственнаго изслѣдованія видно, что Іоаннъ III, настоящій основатель Московской монархіи, первый вводитъ нѣкоторыя препятствія къ полному и свободному переходу крестьянъ (стр. 47), что Іоаннъ IV, не сдѣлавъ ничего путнаго въ пользу крестьянъ, только ограбилъ и передушилъ ихъ помѣщиковъ и что,

наконецъ, со временъ Бориса Годунова вплоть до царя Алексѣя Михайловича, московскіе монархи дѣйствовали въ постоянномъ союзѣ съ аристократическими классами, въ ущербъ интересамъ цѣлаго народа, который и заявилъ свой протестъ бунтомъ Стеньки Разина. Правда, г. Хлѣбниковъ старается убѣдить насъ, что возстаніе Разина произошло главнымъ образомъ отъ введенія низкопробной мѣдной монеты при Алексѣѣ Михайловичѣ; но коренная причина этого народнаго взрыва слишкомъ ясна для каждаго, кто прочиталъ съ толкомъ даже одно разсужденіе г. Хлѣбникова и незнакомъ ни съ какими другими данными для рѣшенія вопроса. Борисъ Годуновъ, войдя на тронъ, ищетъ опоры въ духовенствѣ и служиломъ сословіи, которыя вручили ему власть. На соборѣ, избравшемъ въ цари Бориса, было 86 духовныхъ лицъ, 38 бояръ и окольничихъ, 198 мелкихъ поземельныхъ владѣльцевъ, 32 горожанина—и только *4 крестьянина!!* Естественно, что это крестьянство и было принесено въ жертву правящимъ классамъ. Только въ 1601 году, усомнившись въ надежности прежней поддержки, Борисъ вздумалъ—да и то нерѣшительно—опереться на народъ, дозволивъ переходъ крестьянъ изъ имѣній мелкопомѣстныхъ. Но эта полумѣра, удержавъ въ силѣ прежнее запрещеніе крестьянамъ переходить изъ имѣній крупныхъ владѣльцевъ, какъ-то: бояръ, монастырей и самого царя,—не принесла пользы Борису: крестьяне были недовольны ею, потому что конкурренція мелкопомѣстныхъ не могла довести аренду земли до слишкомъ низкаго уровня, какъ могла бы это сдѣлать конкурренція мелкихъ владѣльцевъ съ боярами; дѣти же боярскія, которыхъ новый указъ задѣлъ чувствительно по карману, конечно, отнеслись къ нему съ затаенною злобою. Бытъ крестьянъ мало выигралъ отъ этой попытки улучшенія.—Василій Шуйскій былъ еще больше, чѣмъ Борисъ Годуновъ, въ зависимости отъ аристократіи: въ избраніи его даже не участвовала земская дума, а дѣйствовала только одна боярская партія, которая и ограничила, по отношенію къ себѣ, извѣстною договорною граматой, власть своего ставленника (стр. 204). По низверженіи Василія, сила бояръ не уменьшилась, и они заставили присягнуть себѣ народъ — «во всемъ ихъ бояръ слушати и судъ ихъ любити» (стр. 216). Когда королевичъ Владиславъ провозглашенъ былъ русскимъ царемъ, то боярство бомбардировало его только просьбами о помѣстьяхъ, съ искренними совѣтами о томъ, какъ подавить возстаніе въ непокорной части народа. Бояринъ Михаилъ Салтыковъ,—глава приверженцевъ Владислава,—поссорился съ Гонсѣвскимъ, представителемъ королевича, за то, что послѣдній допустилъ въ думу торговаго мужика Андронова, скоро получившаго огромный вѣсъ и значеніе; всѣ другіе бояре обидѣлись вмѣстѣ съ Салтыковымъ. «Эта единодушная борьба бояръ—иронически замѣчаетъ г. Хлѣбниковъ—борьба противъ одного только мужика, достигшаго власти, уже ясно обнаруживаетъ, какъ эгои-

стически смотрѣло это сословіе на государство». Да, это такъ; но стремленія бояръ находили себѣ поддержку въ верховной власти, которая также (за исключеніемъ Минина) не пускала въ свою верховную думу торговыхъ мужиковъ. При избраніи Михаила Ѳедоровича боярская партія опять разыграла свою роль, и мы имѣемъ извѣстіе, что юный царь, вступая на тронъ, былъ также ограниченъ въ своихъ правахъ, относительно боярскаго класса, какъ и Василій Шуйскій. «Во все царствованіе Михаила—говоритъ г. Хлѣбниковъ—принадлежность всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ должностей знатнымъ родамъ не была оспариваема». Какъ мало даже земскія услуги государству значили передъ важностью длиннаго ряда предковъ — это видно уже по тому факту, что знаменитый Пожарскій, очистившій Михаилу дорогу къ трону, былъ выданъ головой за мѣстническій споръ съ знатнымъ родомъ Салтыковыхъ. Мининъ, попавшій въ боярскую думу, повидимому, былъ совершенно затертъ въ ней: онъ словно въ воду канулъ съ своимъ умомъ и желѣзною волей, поставившей на ноги, въ критическую минуту, всю Россію. Крестьянамъ и посадскимъ людямъ не стало легче и при Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ 1646 г. посланы были писцы, чтобы переписать всѣхъ живущихъ крестьянъ, и было постановлено, что кто, послѣ этой описи, будетъ принимать бѣглыхъ крестьянъ, то этихъ крестьянъ выдавать старымъ помѣщикамъ со всѣмъ ихъ имуществомъ и, кромѣ того, на нихъ же взять государевы подати и помѣщиковъ за всѣ годы, которые они были въ бѣгахъ. Въ 1647 г. десятилѣтній срокъ для отыскиванія бѣглыхъ былъ измѣненъ въ пятнадцатилѣтній; наконецъ, на земскомъ соборѣ 1649 г. срокъ сыска совсѣмъ отмѣненъ, и крестьянинъ окончательно прикрѣплялся къ землѣ. Какъ быстро падало въ «царскій періодъ» русской исторіи благосостояніе крестьянскаго населенія—это нетрудно вывести изъ сличенія слѣдующихъ фактовъ. Въ XVI-мъ столѣтіи, такъ-называемые черносошные (т.-е тягловые государственные) крестьяне испытывали самую прискорбную участь: при незначительности дохода (простиравшагося среднимъ числомъ отъ 2 до 4 рублей въ годъ) на нихъ лежали громадною тяжестью государственныя и общественныя повинности. Всѣ подати и повинности этого времени можно раздѣлить на три разряда. Къ первому разряду относятся повинности, употребляемыя на защиту государства: городовое дѣло, т.-е. строеніе городскихъ стѣнъ и башенъ; пищальныя деньги, на покупку оружія, на содержаніе ратныхъ людей; посошная служба, т.-е. выставленіе рекрута; зелейное дѣло, т.-е. приготовленіе пороха; засѣчное дѣло — устроивать засѣки, чтобы помѣшать вступленію непріятелей. Ко второму разряду повинностей принадлежатъ сборы на содержаніе областнаго управленія: жалованье чиновникамъ мѣстнаго управленія и судебныя пошлины; дьячія писчія пошлины, приметъ или прибавка къ ямскимъ доходамъ, кромѣ содержанія самого яма и

ямщиковъ, подмога ямскимъ охотникамъ; сюда же относится натуральная повинность — строеніе и починка мостовъ. Третій разрядъ—это подати, употребляемыя на содержаніе двора: оброкъ съ поженъ; поплужная пошлина, соколій оброкъ, поминочные черные соболи. Эти налоги, по снисходительному расчисленію г. Хлѣбникова, обходились въ 1555 г. не менѣе 3 р. съ черной обжи (обжа равнялась 15-ти десятинамъ); слѣдовательно, крестьянинъ, владѣвшій обыкновенно одною третью обжи, т.-е. пятью десятинами, уплачивалъ отъ $^3/_4$ до 1 рубля въ налогахъ, что равнялось, по крайней мѣрѣ, половинѣ его дохода. Натуральныя повинности, отвлекавшія крестьянина отъ его собственнаго дѣла, совсѣмъ не входятъ въ этотъ разсчетъ. Понятно, что черносошные крестьяне, обираемые донага и заваленные непосильной работой, рвались, что ни есть мочи, съ своихъ черныхъ земель въ имѣнья монастырскія и боярскія; ихъ судьбѣ могли позавидовать только крестьяне, жившіе на земляхъ дѣтей боярскихъ, которымъ приходилось еще хуже (стр. 50—51). Но въ XVII-мъ столѣтіи картина мѣняется: помѣщичьи крестьяне приближаются, мало по малу, къ положенію холоповъ, такъ что въ 1647 г. совершается продажа крестьянъ безъ земли, и правительство не обращаетъ на это вниманія, явно показывая, что крестьяне столько же прикрѣпляются къ землѣ, сколько и къ личности землевладѣльца. Но это покуда исключительные факты; въ концѣ же царствованія Алексѣя Михайловича (въ 1675 г.) правительство разрѣшаетъ формально продажу крестьянъ порознь, какъ вьючнаго скота (стр. 273). Съ перемѣной обстоятельствъ, бытъ черносошныхъ крестьянъ, не утратившихъ ни личной свободы, ни общиннаго самоуправленія, дѣлается предметомъ зависти для крѣпостныхъ. Таково было у насъ положеніе сельскаго класса; но и городское населеніе было поставлено отнюдь не въ лучшія условія. Торговля стѣснялась для посадскихъ людей: вопервыхъ, откупами, къ которымъ правительство было очень склонно, создавая монополію даже изъ торговли квасомъ, сусломъ, овсяною трухою и пр., вовторыхъ — конкурренціей иностранныхъ капиталистовъ, стрѣльцовъ и другихъ лицъ, которыя, не платя тяжелыхъ податей и не исправляя городскихъ службъ, могли съ выгодой для себя соперничать съ отягощенными посадскими. Городская служба, которую несли посадскіе по сбору и продажѣ монополизированныхъ товаровъ, была въ высшей степени тяжела для нихъ. Всѣ торговыя пошлины или отдавались на откупъ, или сбирались на вѣру, т.-е. сами горожане выбирали лицъ, которыя бы сбирали пошлины и отдавали въ казну. Трудно сказать, какой порядокъ вещей былъ болѣе обременителенъ для горожанъ. При отдачѣ на откупъ случались удивительные безпорядки и произволъ откупщиковъ, несмотря на вмѣшательство цѣловальниковъ, обязанныхъ смотрѣть, чтобы монополистъ не бралъ пошлинъ, свыше опредѣленныхъ граматами. При отдачѣ

таможенныхъ сборовъ на вѣру, городу также было не легче, потому что за недоборъ отвѣчали сначала сборщики, а потомъ и всѣ ихъ избиратели. Такъ, напримѣръ, въ 1618 г. съ бѣлоозерцевъ взыскивались таможенныя недоборныя деньги съ такой безпощадной строгостью, что «многіе лутчіе (люди) съ правежовъ разбѣглися безвѣстно съ женами и съ дѣтьми, покиня домы свои пусты». Одинъ сборщикъ податей даже хвастался тѣмъ, что онъ «царскіе доходы правилъ нещадно — *побивалъ на смерть*». Кромѣ городскихъ службъ, посадскіе люди отбывали еще разные, чрезвычайные и обыкновенные, налоги: уплачивали извѣстную часть имущества, вносили оброкъ, полоняночныя деньги (на выкупъ плѣнныхъ) и пр. Во все время царствованія Михаила и Алексѣя Михайловича, посадскіе, доведенные до окончательнаго раззоренія, старались удрать изъ своихъ посадовъ и «заложиться» за властей, за монастырей—словомъ, всюду; шли даже въ кабальные холопы. Всякій выходъ посадскихъ, всякій «обѣленный» (т.-е. свободный отъ податей) дворъ ложился на остальныхъ посадскихъ, такъ-какъ правительство и не думало убавлять службъ, если горожанъ становилось меньше. Пришлось, наконецъ, угрожать посадскимъ смертною казнью за оставленіе посада (стр. 292). Принципъ крѣпостнаго права проведенъ былъ послѣдовательно во всѣхъ сферахъ русской жизни: крестьяне прикрѣплялись къ землѣ или, вѣрнѣе сказать, къ ея владѣльцу, городскіе жители — къ городу, высшіе классы — ко двору. «Для личности — такъ заключаетъ г. Хлѣбниковъ свою характеристику «царскаго періода»—не существовало никакого обезпеченія въ судѣ, въ случаѣ преступленій или проступковъ, кромѣ важной гарантіи (?), заключавшейся въ мягкости характера двухъ благочестивыхъ царей (т.-е. Михаила и Алексѣя). Отъ наказанія кнутомъ и батогами обычай и законъ началъ освобождать бояръ и думныхъ людей, но всѣ другіе подвергались ему за всякія преступленія... Отсутствіе законнаго суда, обезпечивающаго личность, заставляло людей прибѣгать къ лицемѣрію, къ двуличности и пр. Боязнь произвола сильныхъ заставляла людей прятать деньги и жить въ грязныхъ и дымныхъ лачугахъ, спать на скамьяхъ безъ постелей, носить грязное платье и бѣлье; все это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы не подать подозрѣнія въ богатствѣ» (стр. 249). Корыстолюбивое духовенство, овладѣвъ огромными богатствами, не содѣйствовало нимало умственному и нравственному развитію народа; напротивъ, оно старалось освободиться отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ государству и, по возможности, устроивало себѣ рай въ здѣшней жизни. Всегда раболѣпное передъ свѣтскою властью, которая распоряжалась этими мірскими благами, духовенство наше, за немногими исключеніями, вступалось ревнивѣе всего за свои матеріальные интересы. Когда же оно пробовало выйти изъ сферы матеріальныхъ разсчетовъ въ

широкую область государственной жизни, его сочувствія принадлежали застою и косности, а не движенію, не прогрессу.

Читатель видитъ, что картина, нарисованная нами по матеріаламъ г. Хлѣбникова, не отличается привлекательностью, и нужно имѣть нарочито-острое воображеніе, чтобы представить себѣ что-нибудь худшее. Тѣмъ не менѣе, г. Хлѣбниковъ стоитъ на томъ, что безъ благодѣтельной помощи московской централизаціи, мы просто сгинули бы со свѣту съ нашими старыми вѣчами и городскими республиками. Тутъ есть, очевидно, какое-то крупное недоразумѣніе, какая-то недомолвка, которую слѣдуетъ найти и указать автору. Постараемся сдѣлать это кратко, такъ-какъ картина, изображенная выше, краснорѣчиво говоритъ сама за себя и избавляетъ насъ отъ пространныхъ объясненій.

Географическія условія, способствующія, по мнѣнію г. Хлѣбникова, развитію деспотизма, существовали у насъ и прежде, въ эпоху напр. Владиміра Мономаха; границы были также мало обезпечены отъ нападеній враговъ: съ юга—половцевъ, съ запада — нѣмцевъ, поляковъ и венгровъ; но отчего же Владиміръ Мономахъ, по характеру своей власти и дѣятельности, такъ мало похожъ на царя опричниковъ? Возьмите «Поученіе» Владиміра Мономаха. Вы видите, что дѣятельный князь большую часть своей жизни провелъ въ походахъ; но онъ находилъ время и совѣщаться съ дружиною, и заботиться о своемъ собственномъ образованіи. Человѣческій образъ излюбленнаго князя русской земли просвѣчиваетъ въ каждой строкѣ его поученія: онъ совѣтуетъ заботиться о бѣдныхъ, защищать слабыхъ, водить дружбу съ иностранными гостями, исполнять по духу, а не по буквѣ предписанія религіи. Есть ли тутъ сходство съ дикою бранью, изливаемой Іоанномъ Грознымъ на князя Курбскаго—за то только, что строптивый воевода отказался «принять вѣнецъ мученическій?» Могла ли вмѣститься въ головѣ Мономаха несчастная мысль—сдѣлаться мучителемъ своего народа, да и потерпѣлъ ли бы самый народъ такого мучителя? Новгородцы не менѣе кіевлянъ должны были заботиться объ отраженіи непріятеля и слѣдовательно — по теоріи г. Хлѣбникова — у нихъ прежде всего должна бы развиться сильная диктатура; но это не мѣшало новгородцамъ ежеминутно изгонять своихъ князей: одного за то, что «не блюдетъ смердъ», другаго за то, что овладѣваетъ частною и общественною собственностью, а также «выводитъ иноземцевъ», поселившихся въ городѣ, и т. д. Отсюда видно, что географическія условія и необходимость самозащиты далеко еще не ведутъ къ водворенію опричнины. Такъ же мало повела бы къ этому идея объединенія Россіи, еслибы народъ имѣлъ полный просторъ и свободу—выбрать для этой идеи соотвѣтствующую форму. Общерусскій патріотизмъ, сознаніе единства и нераздѣльности русской земли, пробивается уже сильной струей въ «Словѣ о полку Игоревѣ»; то же сознаніе,

безъ всякой примѣси крѣпостническихъ замысловъ, видимъ мы въ дѣйствіяхъ лучшихъ князей удѣльно-вѣчеваго періода, — и странно утверждать, что единственнымъ исходомъ для русскаго патріотизма была именно московская централизація, закрѣпостившая народъ сверху до низу, лишившая его и политическихъ правъ, и сознанія необходимости пользоваться ими. Поголовныя народныя вѣча — сколько бы ни говорили противъ нихъ узкіе защитники порядка quand même — имѣли ту неоспоримую заслугу, что, привлекая каждаго къ участію въ политической и общественной жизни, они строго блюли интересы народа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вкореняли въ немъ здравое понятіе о связи личныхъ, индивидуальныхъ правъ и выгодъ съ правами и выгодами цѣлаго гражданскаго общества. Московская централизація только эксплуатировала въ свою пользу хорошіе результаты обогащенія и заселенія Руси, добытые прежней свободной жизнью народа. Г. Хлѣбниковъ самъ говоритъ: «Образованіе удѣловъ, раздробивши Россію на маленькія независимыя области, не давало возможности всеобщаго и одновременнаго прикрѣпленія крестьянъ, а частные законы въ отдѣльныхъ княжествахъ повели бы за собою ихъ обезлюдѣніе, такъ-какъ сосѣди воспользовались бы ими, чтобы сманить прикрѣпленныхъ крестьянъ. Земель было много, а работниковъ мало, а потому всѣ удѣльные князья не только не старались закрѣпить крестьянъ, но *каждый наперерывъ старался давать льготы крестьянамъ*, переманеннымъ изъ чужихъ удѣловъ» (стр. 46). Въ другомъ мѣстѣ г. Хлѣбниковъ признаетъ, что раздѣленіе государства на множество независимыхъ владѣній было всегда «очень полезно для развитія городовъ» (стр. 70). Такимъ образомъ, отправляясь отъ собственныхъ словъ г. Хлѣбникова, легко доказать, что если нашъ удѣльно-вѣчевой періодъ способствовалъ благосостоянію крестьянъ и развитію городовъ, то онъ сослужилъ этимъ однимъ огромную службу Россіи, и его дѣло только было испорчено послѣдующею правительственною системою. Торговое богатство Новгорода, его умственное и политическое развитіе, весьма высокое сравнительно съ Москвою—это факты, которые невозможно отрицать или заподозривать: по свидѣтельству всѣхъ историческихъ документовъ новгородцы были богаче, честнѣе, нравственнѣе и умственно-развитѣе москвичей. При болѣе благопріятныхъ историческихъ условіяхъ, новгородское устройство могло бы распространиться по всей Россіи, соединивъ ее не крѣпостными цѣпями, но вольною, общенародною связью политическихъ, торговыхъ и промышленныхъ интересовъ. Г. Хлѣбниковъ напрасно измышляетъ: какую именно форму выбралъ бы для себя свободный союзъ русскихъ земель? вопросъ этотъ уже разрѣшенъ самой исторіей Новгорода, и отдѣленіе Пскова, а также вятской общины отъ своей метрополіи показываетъ намъ, что опредѣленіе правильныхъ политическихъ отношеній между первенствующимъ городомъ и его колоніями

вовсе не представляло непреоборимыхъ трудностей. Правда, зависть между Псковомъ и Новгородомъ всегда существовала; но съ другой стороны они живо чувствовали солидарность своихъ политическихъ стремленій, и не даромъ у нихъ сложилась пословица: «душа на Волховѣ, сердце на Великой». Что касается до экономической безурядицы, которую г. Хлѣбниковъ также приводитъ въ числѣ причинъ возвышенія центральной власти,— то изъ его собственнаго изложенія видно, что наше всеобщее разоренье было не причиной, а слѣдствіемъ московскаго деспотизма.

И такъ, по нашему мнѣнію, удѣльно-вѣчевой порядокъ палъ не вслѣдствіе своей внутренней несостоятельности и не потому, что на смѣну его шелъ новый, болѣе совершенный политическій режимъ, но по другой причинѣ, которая пришла извнѣ и раздавила въ зародышѣ начатки свободной политической жизни. Эту причину указываетъ мелькомъ г. Хлѣбниковъ, но не останавливается на ней съ должнымъ вниманіемъ и явно желаетъ навязать вѣчевому устройству то зло, которое не имѣетъ съ нимъ никакой органической связи. *Татарское иго* — вотъ пропасть, лежащая между Владиміромъ Мономахомъ и Иваномъ Грознымъ, и въ этой пропасти погибли и вѣча, и новгородская республика, и свободное развитіе русскаго народа.

Въ разбродъ. *Романъ въ двухъ частяхъ.* А. Михайлова. *Спб. 1870.*

Жизнь самаго обыкновеннаго смертнаго на столько сложна, что съ трудомъ исчерпывается общими опредѣленіями. Если намъ говорятъ, что такой-то человѣкъ добродѣтеленъ, а такой-то пороченъ, то это столь же мало знакомитъ насъ съ индивидуумомъ, о которомъ идетъ рѣчь, какъ еслибы намъ сказали о прохожемъ, что онъ прохожій. Люди, относящіеся къ жизни сознательно, никогда не довольствуются подобными опредѣленіями, и это вовсе не означаетъ недовѣрія къ лицу, прибѣгающему къ нимъ, а означаетъ только отвращеніе отъ всякаго рода бездоказательности, изъ какого бы источника она ни выходила. Съ другой стороны, сами люди, дѣлающіе подобныя опредѣленія, всегда чувствуютъ ихъ недостаточность, и идутъ нѣсколько далѣе, то-есть вслѣдъ за опредѣленіемъ стараются объяснить его примѣрами. И не только цѣлая жизнь человѣка, то-есть вся совокупность его поступковъ, но каждый отдѣльный поступокъ имѣетъ свою исторію, съ помощью которой можно убѣдительно доказать, что даже дикое самодурство имѣетъ въ своемъ основаніи извѣстные законы, за предѣлы которыхъ оно переступить не можетъ. Этого мало: изъ устъ человѣка не выходитъ ни одной фразы, которую нельзя было бы прослѣдить до той обстановки, изъ которой она вышла. Такъ напримѣръ, ежели человѣкъ говоритъ: «обѣщайте мнѣ работать на пользу ближнихъ, думать больше о другихъ, чѣмъ

о себѣ», и т. д. («Разбродъ» ч. 2. стр. 247), то слушающій эту фразу, если захочетъ, непремѣнно найдетъ возможность возстановить тотъ жизненный процессъ, который заставилъ ее произнести. Этотъ процессъ окажется или нормальнымъ, если фраза сказана искренно (хотя, впрочемъ, здѣсь дозволительно нѣкоторое сомнѣніе на счетъ ясности понятій человѣка, который ставитъ какую-то непроницаемую преграду между эгоизмомъ и любовью къ ближнему), или ненормальнымъ, если фраза сказалась ради одного хвастовства и вопреки общему типу убѣжденій человѣка. Но во всякомъ случаѣ, процессъ существуетъ и его необходимо объяснить себѣ, если хочешь понять дѣйствительный смыслъ фразы и убѣдиться, что она зародилась въ человѣкѣ, а не гдѣ-нибудь въ пустомъ пространствѣ.

Чтобы сдѣлать нашу мысль болѣе вразумительною, объяснимъ ее примѣромъ. Повидимому, нѣтъ ничего легче, какъ разсказать день любого человѣка. Всталъ, умылся, занимался съ отвращеніемъ или съ увлеченіемъ, читалъ Дарвина или Аскоченскаго, обѣдалъ, послѣ обѣда спалъ или опять занимался, поѣхалъ въ театръ, оттуда въ общество, въ которомъ говорились умныя или глупыя рѣчи. Но такого рода описаніе, какъ ни преисполнено оно будетъ всякаго рода подробностей, не удовлетворитъ никого. Можно разнообразить его сколько угодно, можно ввести въ него не только простое воровство, но воровство со взломомъ, не только простой либерализмъ, но либерализмъ со ссылкою куда макаръ телятъ не гонялъ — и всетаки ничего изъ этого не выйдетъ. Потому не выйдетъ, что въ жизни нѣтъ голыхъ фактовъ, нѣтъ поступковъ, нѣтъ фразъ, которые не имѣли бы за собой исторіи, которые можно было бы представить себѣ безъ всякаго отношенія къ цѣлому ряду другихъ фактовъ, поступковъ и фразъ. Это понимается всѣми, и цѣнители самые обыкновенные относятся съ недовѣріемъ къ самымъ характернымъ подробностямъ, ежели онѣ поставлены изолированно. Сознательно или безсознательно, но всякій чуетъ, что за внѣшними, разбросанными признаками есть внутренній міръ, который связываетъ поступки человѣка не одною наружною связью, но приурочиваетъ ихъ къ извѣстному типу, въ которомъ и заключается разгадка того или другого поступка, той или другой подробности.

Все это дѣлаетъ роль лица, наблюдающаго жизненныя явленія, и въ особенности желающаго подѣлиться своими наблюденіями съ публикой, чрезвычайно трудною. Въ обыкновенныхъ житейскихъ сношеніяхъ, сужденія бездоказательныя или непредставляющія полнаго живого образа, сплошь и рядомъ проходятъ мимо ушей, и извиняются невозможностью исчерпать предметъ въ коротинхъ чертахъ. Но въ сферѣ литературы, подобнымъ извиненіямъ нѣтъ мѣста; тутъ опрометчивость, если даже она соединена съ благонамѣренностью, не можетъ произвести никакого другого впечатлѣнія, кромѣ изумленія. Читатель берется за

книгу, если не для того, чтобъ поучаться, то во всякомъ случаѣ для того, чтобъ вынести изъ нея какое-нибудь общее впечатлѣніе; и ежели, вмѣсто сознательныхъ мыслей и строго соображенныхъ образовъ, онъ встрѣчается только съ безплодной тавтологіей словъ, то это его огорчаетъ. Чѣмъ полезнѣе мысль, чѣмъ благотворнѣе предполагается ея вліяніе на общество, тѣмъ тщательнѣе она должна быть разработана, потому что здѣсь неудача не просто обрывается на томъ или другомъ авторѣ, но распространяетъ свое дѣйствіе и на самую идею. Истины самыя полезныя нерѣдко получаютъ репутацію мертворожденныхъ, благодаря недостаточности или спутанности пріемовъ, которые допускаются при ихъ пропагандѣ.

Мы не сдѣлаемъ никакой натяжки, если примѣнимъ сказанное выше къ новому произведенію г. Михайлова. Несмотря на то, что мы въ полной мѣрѣ сочувствуемъ тѣмъ общимъ началамъ, которыя лежатъ въ основаніи литературной дѣятельности этого писателя, мы и теперь не отступаемъ отъ отзыва, который былъ данъ нами по поводу романа «Засоренныя дороги», вышедшаго въ прошломъ году. По мнѣнію нашему, г. Михайловъ стоитъ на фальшивой дорогѣ, на которой недостатки его, съ теченіемъ времени, будутъ обрисовываться все ярче и ярче, и въ концѣ концовъ совершенно затемнятъ тѣ достоинства, которыя были обнаружены въ первыхъ произведеніяхъ его пера. Главнѣйшіе изъ этихъ недостатковъ: голословность и чуждое ясности резонерство.

Г. Михайловъ изображаетъ въ своихъ романахъ преимущественно такъ-называемыхъ «новыхъ людей», которые и представляютъ у него казовый конецъ общества. Мы не имѣемъ ничего противъ этого взгляда, а думаемъ вообще, что мысль представить въ живыхъ образахъ людей, которыхъ идеалы сложились нѣсколько иначе, нежели идеалы людей сороковыхъ годовъ, занимавшихъ до сихъ поръ всю ширину нашей беллетристической сцены, есть мысль, заслуживающая всякаго сочувствія. Не можемъ скрыть, однакожь, что у г. Михайлова эти люди выходятъ какъ-то черезчуръ ужь блѣдно, а поступки, или лучше слова ихъ, напоминаютъ скорѣе надерганныя изъ новѣйшихъ прописей изрѣченія, нежели живые поступки и слова. Быть можетъ, намъ возразятъ, что типы, намечиваемые г. Михайловымъ, еще мало разработаны и трудно поддаются изученію. Стремленія современнаго молодого поколѣнія, скажутъ намъ, обставлены слишкомъ грозно, и авторитетное невѣжество, обзывая ихъ общимъ наименованіемъ «вредныхъ идей», устроиваетъ особую обстановку, которая дѣлаетъ доступъ къ нимъ почти непроницаемымъ. Предположимъ даже, что писатель вполнѣ созналъ сущность этихъ стремленій; ему остается преодолѣть еще другую трудность, а именно найти живое слово для выраженія ихъ, и притомъ такое слово, которое не слишкомъ бы шло противъ теченія. Между прочимъ, ничто

такъ ярко не характеризуетъ того или другаго направленія, какъ такъ-называемыя крайности его. Эти крайности полагаютъ основаніе великому множеству разнообразнѣйшихъ характеровъ, присутствіе которыхъ на аренѣ искусства совершенно необходимо, если мы желаемъ получить дѣйствительную характеристику общества въ данный моментъ. Представьте себѣ, что возможность выводить подобные характеры устранена, и вы получите разъясненіе того факта, почему попытки изобразить типическія лица изъ современнаго молодого поколѣнія (внѣ сферы каррикатуры и клеветы) почти всегда сопровождаются неудачей. Вотъ возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано противъ слишкомъ строгой оцѣнки подобнаго рода попытокъ.

Несмотря, однакожъ, на относительную вѣскость этихъ соображеній, вполнѣ согласиться съ ними нельзя. Тѣ самыя трудности, которыя существуютъ въ настоящее время по отношенію къ людямъ современнаго молодаго поколѣнія, существовали въ свое время и по отношенію къ людямъ сороковыхъ годовъ Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ довольно богатую литературу, изъ которой можно съ достаточною ясностью разгадать настроеніе, господствовавшее въ той небольшой части тогдашняго русскаго общества, которая не безъ основанія считала себя представительницею либеральныхъ идей. Какъ ни ревниво ограждаетъ себя большинство отъ вторженія такъ-называемыхъ «вредныхъ идей», оно не можетъ замкнуться до такой степени, чтобъ избѣжать столкновеній, преемственное повтореніе которыхъ образуетъ борьбу, сначала глухую, но потомъ все болѣе и болѣе явственную. Скрыть смыслъ этой борьбы невозможно. Можно преслѣдовать и карать извѣстныя личности, но нельзя преслѣдовать цѣлый строй идей, потому что противъ такого преслѣдованія возстанетъ сама жизнь, задача которой заключается въ стремленіи впередъ, а не назадъ. Поэтому мы думаемъ, что какою бы непроницаемостью ни были прикрыты стремленія, непріятныя авторитетному большинству, публицистика и искусство все-таки имѣютъ подъ руками достаточное разнообразіе средствъ, чтобы сдѣлать ихъ понятными и доступными для пропаганды. Бѣлинскаго и Добролюбова понимали всѣ, хотя, конечно, они не менѣе были стѣснены въ выраженіи своихъ мыслей, нежели современные намъ публицисты. Точно такъ же всѣ понимали Круповыхъ, Бельтовыхъ, Рудиныхъ.

Возвращаясь къ г. Михайлову, мы повторяемъ: при всемъ уваженіи къ его либеральнымъ намѣреніямъ, мы никакъ не можемъ признать удачными его попытки познакомить публику съ типами «новыхъ людей». Это даже не люди, а маріонетки, сохраняющія лишь наружные признаки людей, и въ то же время остающіяся въ совершенномъ невѣдѣніи тѣхъ побужденій, которыя двигаютъ ими. Трудно понять, о чемъ они хло-

почуть, чѣмъ они недовольны, и въ чемъ заключается тотъ либерализмъ, за который они страдаютъ. Иногда кажется, что въ нихъ есть сочувствіе къ классу обиженному и обдѣленному, но по зрѣломъ размышленіи, нельзя не убѣдиться, что это только ярлыкъ, наклеенный на нихъ авторомъ, и что дѣятельно сочувствіе это ни въ чемъ не выражается. И еще кажется, что въ нихъ есть отвращеніе къ дурному и фальшивому, но въ чемъ заключается это дурное и фальшивое — это опять остается загадкою. Далѣе общихъ опредѣленій авторъ не идетъ; далѣе поступковъ, въ которыхъ ничего нѣтъ, кромѣ несознанной затверженности, — не показываетъ. Въ этомъ смыслѣ, первыя его произведенія («Гнилыя болота», «Жизнь Шупова»), несмотря на свою неясность, были несравненно привлекательнѣе. Это были просто лирическія изліянія довольно страстной натуры, тронутой извѣстными шероховатостями жизни, и въ особенности того ея отдѣла, который носитъ названіе воспитанія. Все сказанное въ этихъ произведеніяхъ было сказано горячо, хотя и не поражало особенной новизною; все недосказанное было недосказано по праву, потому что и въ жизни оно часто остается недосказаннымъ. Энтузіазмъ, вѣра въ будущее, горячій идеализмъ безъ опредѣленныхъ идеаловъ — вотъ матеріалъ, который доставляетъ питаніе героямъ первыхъ опытовъ г. Михайлова. Въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ матеріалъ хотя остается тотъ же, но является уже значительно простывшимъ. Видится усиліе сказать что-нибудь формулированное, и въ то же время усиліе это осложняется попытками на объективность. И что же? — новое слово, произносимое г. Михайловымъ, является не болѣе какъ безцвѣтнымъ общимъ мѣстомъ, а претензія на объективность разрѣшается построеніемъ деревянныхъ куколъ.

Разсказать содержаніе новаго романа г. Михайлова невозможно, потому что его нѣтъ. Въ романѣ около шестисотъ страницъ, и нельзя даже утверждать, чтобъ онъ не изобиловалъ внѣшними событіями; напротивъ того, ихъ больше, чѣмъ нужно, но въ томъ-то и дѣло, что всѣ они кажутся совершенно излишними. Ни на одномъ авторъ не остановился, необходимости ни одного изъ нихъ не доказалъ. Его манера веденія разсказа напоминаетъ времяпровожденіе помѣщиковъ добраго стараго времени: вотъ, слава Богу, мы пообѣдали — что̀ будемъ теперь дѣлать? — теперь будемъ чай пить и т. д. Странную и даже нѣсколько мистическую мысль положилъ авторъ въ основаніе своего романа, а именно: будто бы родители, за грѣхи свои, наказываются въ дѣтяхъ. Но оставляя въ сторонѣ несостоятельность этого тезиса, и разсматривая романъ просто какъ исторію развитія человѣка при какихъ бы то ни было условіяхъ, мы не найдемъ здѣсь ничего: ни условій, ни исторіи. Мы уже говорили однажды (по поводу «Засоренныхъ дорогъ»), что авторъ дѣлитъ человѣчество на двѣ половины: добродѣтельную и порочную; эта же самая рутина господ-

ствуетъ и въ новомъ романѣ. Ни доказательствъ добродѣтели, ни достаточныхъ указаній порочности не представляется. Какъ мухи мелькаютъ герои романа, и какъ мухи же садятся въ разбродъ на разныя мѣста, безъ всякихъ видимыхъ побужденій. И при этомъ, авторъ заставляетъ ихъ садиться и сниматься съ мѣстъ съ такою быстротой, которая заставляетъ предполагать, что этою быстротой онъ хочетъ восполнить недостатокъ внутренняго интереса. Выше мы указали на фразу: «обѣщайте мнѣ работать на пользу ближнихъ» и т. д. Кто говоритъ эту фразу? — ее говоритъ Наташа. Кто эта Наташа? — это Наташа, и больше ничего вы не добьетесь отъ автора въ отвѣтъ. Это прохожій, — но кто этотъ прохожій, какое его міросозерцаніе и что̀ онъ значитъ въ общемъ круговоротѣ жизни — это загадка, которую г. Михайловъ и не старается разгадать. Въ романѣ его лица не создаются, а какъ-то невзначай родятся совсѣмъ готовыми, и съ готовыми фразами на устахъ...

Еще одно слово: нѣкоторыя подробности слишкомъ отзываются заимствованіями; такъ напримѣръ, сцена возвращенія къ мужу Зины напоминаетъ сцену возвращенія жены Лаврецкаго въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ». Это тоже не говоритъ въ пользу самостоятельности автора.

Руководство для сельскихъ учителей, *съ приложеніемъ образцовыхъ уроковъ по русскому языку, родиновѣдѣнію, отечествовѣдѣнію, естествовѣдѣнію, ариѳметикѣ и чистописанію.* И. Бѣлова. *Часть первая. Одобрена ученымъ комитетомъ министерства нар. просв., какъ полезное руководство для сельскихъ учителей. С.-Петербургъ, 1869 г. Цѣна 75 к. с.*

Книга г. Бѣлова появляется какъ нельзя болѣе кстати. Вопросъ о народномъ образованіи стоитъ, какъ говорится, на очереди, и эта очередь естественно наступила для него вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ и дарованіемъ имъ полныхъ гражданскихъ правъ. Чтобы быть свободнымъ отъ рабскихъ цѣпей и пользоваться не только de jure, но и de facto своими личными и общественными правами—для этого, разумѣется, недостаточно одного законодательнаго акта, уничтожающаго крѣпостное право; но нуженъ, главнымъ образомъ, запасъ умственнаго развитія, безъ котораго самыя громкія права останутся «якобы правами», никогда не реализируясь въ дѣйствительности. Цѣпи невѣжества и умственной дикости не менѣе тяжки, чѣмъ и узы личнаго рабства, и хотя никакое развитіе невозможно при условіи порабощенія человѣка, но не подлежитъ сомнѣнію и то, что крайній недостатокъ или, точнѣе, полное отсутствіе умственнаго развитія, замѣчаемое у насъ въ массѣ народа—есть, само по себѣ, второе, интеллектуальное рабство, объ устраненіи котораго должны позаботиться всѣми силами искренніе приверженцы крестьянской реформы. «Невѣжество — справедливо говоритъ г. Бѣловъ — есть страшно злая сила. Съ

этой-то силой прежде всего должна начать борьбу сельская школа; должна начать исподоволь, понемногу, но найстойчиво, безъ устали, систематически. Борьбу съ невѣжествомъ сельская школа должна передать грядущимъ поколѣніямъ. Велико подобное дѣло школы, а великія дѣла потому и велики, что зрѣютъ десятками, сотнями лѣтъ» (стр. 35). Къ сожалѣнію, сознаніе необходимости и истинныхъ свойствъ народнаго образонія, которое для насъ, въ настоящую минуту, составляетъ вопросъ неизмѣримо бо́льшей важности, чѣмъ процвѣтаніе университетовъ и всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, перестраиваемыхъ по образцу московскаго «лицея», — это дорогое сознаніе, присущее каждому цивилизованному обществу, распространяется весьма туго въ нашей средѣ и распространенію его препятствують не одни малограмотные и злобные вздыхатели по утраченномъ крѣпостномъ правѣ, но также — и еще въ бо́льшей степени — нѣкоторые видные представители россійской «интеллигенціи». Раньше всѣхъ ополчился противъ народнаго образованія г. Даль, по мнѣнію котораго школы только разовьютъ въ народѣ выдѣлываніе фальшивыхъ паспортовъ и кредитныхъ бумажекъ. (Это мнѣніе недавно, съ буквальною точностью, повторено кн. Трубецкимъ въ засѣданіи здѣшняго земства). На г. Даля накинулись тогда съ большимъ ожесточеніемъ почти всѣ органы русской прессы, но упрямая мысль оттого не увяла, а возродилась, спустя нѣсколько времени, еще пышнѣе прежняго. Когда у насъ зашла рѣчь объ учрежденіи учительскихъ семинарій, которыя должны поставлять необходимый контингентъ народныхъ учителей, то «Московскія Вѣдомости» не безъ энергіи объявили, что все это—дѣло «подпольной интриги», желающей возбудить въ народѣ революціонныя страсти. На обучившагося крестьянина г. Катковъ взглянулъ, какъ на субъектъ опасный, едва-ли не заслуживающій прямаго полицейскаго надзора и попеченія. О народномъ образованіи говорилось тогда мало, и притомъ съ единственною цѣлью — доказать, что его не нужно. Въ послѣднее время однако «Московскія Вѣдомости» разохотились толковать объ этомъ и *разрѣшили* заводить учительскія семинаріи, но народное образованіе врядъ ли много выиграетъ отъ такой перемѣны, если въ основу обученія и воспитанія въ этихъ семинаріяхъ положены будутъ начала, изложенныя г. Юркевичемъ, — возлюбленнымъ сотрудникомъ г. Каткова, — въ его «Курсѣ общей педагогики». «Если — говоритъ выразительно г. Юркевичъ — воспитаніе имѣетъ цѣлью напечатлѣть въ душѣ воспитанника готовое законодательство, то дисциплина принимаетъ обширные размѣры и *опирается на тяжелыя понудительныя мѣры*. Воспитатель, въ этомъ случаѣ, можетъ сказать по совѣсти (?): *щадяй жезлъ, ненавидитъ сына* (!!). Сообразно съ этимъ, *воспитаніе дѣтей народа*, которыя не имѣютъ ни времени, ни средствъ къ глубокому внутреннему образованію, *должно быть*, *по пре-*

имуществу, дисциплинарное. Самое обученіе должно не столько обогащать ихъ свѣдѣніями (хорошо обученіе безъ свѣдѣній!), сколько дисциплинировать ихъ разумъ, какъ бы приковывая его къ немогимъ, но очень твердымъ истинамъ» (см. Курсъ общ. педаг., стр. 96). Народъ нашъ, какъ видите, еще недостаточно дисциплинированъ прежними помѣщичьими приказчиками и становыми приставами, и на смѣну ихъ идутъ теперь московскіе педагоги, заботящіеся о томъ, чтобы, при обученіи, ничему не выучить, но *приковать* народъ къ какимъ-то старымъ, очень твердымъ истинамъ. Задача почтенная, но народное образованіе тутъ, конечно, не при чемъ. Не болѣе г. Юркевича способствуетъ ему и г. Паульсонъ — этотъ новый рыцарь Тогенбургъ, влюбленный (безъ взаимности) въ нѣмецко-балтійскую педагогику. Г. Юркевичъ возводитъ въ перлъ созданія «Домострой» попа Сильвестра, г. Паульсонъ относится съ неменьшимъ подобострастіемъ ко всѣмъ допотопнымъ окаменѣлостямъ, отрытымъ имъ на заднемъ дворѣ нѣмецкой педагогической литературы. И тотъ, и другой — рутинеры, но только съ различной окраской, и оба нападаютъ одинаково строго на всякія «новшества» въ дѣлѣ воспитанія, на всякій «нигилизмъ», къ которому они развязно пріурочиваютъ все то, что не сдѣлалось еще битымъ мѣстомъ въ ихъ казенной наукѣ. Нападенія эти производятся ими различно: иногда отъ собственнаго чрева, иногда — устами какихъ-нибудь ржавыхъ нѣмецкихъ или византійскихъ авторитетовъ, ими же только и признаваемыхъ. Когда же достойные подвижники московской и нѣмецко-балтійской педагогики перессорятся, невзначай, другъ съ другомъ (какъ это случилось недавно), то мы, соболѣзнуя этому явленію, не приходимъ, однако, въ отчаяніе, и говоримъ про себя: «милые бранятся, только тѣшатся». До настоящаго пониманія цѣлей и свойствъ народнаго образованія обѣимъ сторонамъ одинаково далеко, и намъ, относительно ихъ молчанія или ихъ болтливости объ этомъ вопросѣ, приходится повторить слова, сказанныя г-жей Простаковой о своемъ мужѣ: «На него, мой батюшка, находитъ такой, по здѣшнему сказать, столбнякъ. Иногда, выпуча глаза, стоитъ битый часъ, какъ вкопанный... Ничѣмъ не проймешь. А ежели столбнякъ и попройдетъ, то занесетъ, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка».

Новый трудъ г. Бѣлова, несмотря на свои, довольно значительные недостатки, представляетъ пріятное явленіе въ нашей педагогической литературѣ, и выгодно отличается, какъ отъ патріархальныхъ издѣлій московской стряпни, такъ и отъ педантическихъ сухояденій нѣмецко-балтійской педагогики. Въ немъ есть и здравое пониманіе народныхъ потребностей, и теплое отношеніе къ дѣлу, и полезные совѣты чисто-педагогическаго свойства. Цѣль своей книги г. Бѣловъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «Найдутся у насъ учители, которые носятъ сами въ себѣ за-

датки, служащіе ручательствомъ, что они могутъ быть хорошими воспитателями и учителями; но они никогда не видали образцовыхъ педагогическихъ учрежденій. Незнакомые съ системами воспитательными и учебными, лишенные возможности спросить совѣта людей болѣе опытныхъ, они теряются среди многосложныхъ явленій школьной жизни, бьются, какъ рыба объ ледъ, хватаясь то за одну, то за другую систему, и, наконецъ, совершенно падаютъ духомъ. Между тѣмъ, для такого учителя много значило бы, еслибы—не говоримъ: живой человѣкъ—но даже мертвая книга только бросила лучъ свѣта на вопросы, о которыхъ, можетъ быть, онъ и самъ думалъ, но до рѣшенія которыхъ не могъ додуматься. Вотъ такимъ-то лучомъ свѣта и должна быть наша книга; по крайней-мѣрѣ, такова была наша цѣль, къ которой мы стремились, когда составляли ее... Наша книга не замѣнитъ живой семинаріи, что̀ мы сознаемъ глубоко; но, при отсутствіи семинаріи, она, по нашему крайнему разумѣнію, оставитъ по себѣ въ школѣ слѣдъ и сѣмя. Мы даже думаемъ, что хорошій учитель нѣкоторые изъ предлагаемыхъ нами способовъ обученія измѣнитъ, то-есть или вставитъ свое, болѣе отвѣчающее мѣстнымъ условіямъ, сообразить которыя намъ не представляется возможности — напримѣръ, степень умственнаго развитія учениковъ, — или дополнитъ, сократитъ то, что̀, по требованіямъ, могущимъ быть извѣстными только учителю, должно быть дополнено или сокращено. Представляемые нами образцовые уроки обученія, и должны остаться только образцами, руководящею нитью для учителя, ибо дѣло обученія не есть дѣло мертвое, а дѣло жизни. Невозможно написать такое руководство, по которому учитель училъ бы, какъ говорится, съ зажмуренными глазами». Вслѣдъ за этимъ скромнымъ опредѣленіемъ своей задачи, г. Бѣловъ излагаетъ, въ нѣсколькихъ главахъ, въ весьма доступной формѣ, свои взгляды: на значеніе народной школы и призваніе народнаго учителя, на условія правильнаго воспитанія и обученія, на школьныя пособія, необходимыя для лучшаго усвоенія знаній, на школьную дисциплину и наказанія, на внѣшнія отношенія между учителемъ и учениками и т. д. Все это заканчивается рядомъ пробныхъ уроковъ по русскому языку, родиновѣдѣнію (условное названіе, подъ которымъ принято разумѣть въ педагогикѣ ознакомленіе дѣтей съ мѣстомъ ихъ жительства; у насъ, напримѣръ, съ уѣздомъ и губерніей, гдѣ находится школа) и, наконецъ, по отечествовѣдѣнію, куда входятъ краткія историческія, географическія, промышленныя и др. свѣдѣнія о Россіи, а также свѣдѣнія, относящіяся къ администраціи и суду. Въ слѣдующій выпускъ войдутъ пробные уроки по естествовѣдѣнію, чистописанію и ариѳметикѣ, и, кромѣ того, г. Бѣловъ намѣренъ представить современемъ уроки по геометріи. Говоря о значеніи народной школы и обязанностяхъ въ ней школьнаго учителя, авторъ выражаетъ мнѣ-

ніе, что хотя школа нигдѣ и никогда чудесъ не дѣлала, и нельзя ждать, чтобы она произвела чудо и въ настоящемъ случаѣ; но извѣстно также, что школа должна и можетъ, въ извѣстномъ градусѣ, пробудить въ ребенкѣ стремленіе къ новымъ, лучшимъ требованіямъ и условіямъ жизни. На эти-то новыя условія русской жизни, при которыхъ должно возрасти вліяніе школы, авторъ и обращаетъ особенное вниманіе. Сельская школа обязана теперь, по его мнѣнію, вводить въ жизнь не только грамотность, но и многое другое, что̀ обусловливаетъ существованіе разумной жизни. Не закрывая себѣ глазъ на упорную борьбу старыхъ началъ съ новыми требованіями жизни — борьбу, которая нерѣдко оканчивается у насъ къ выгодѣ первыхъ (стр. 33 и 49), г. Бѣловъ полагаетъ, однако, что современныя реформы даютъ все-таки учителю нѣкоторые шансы на успѣшное проведеніе въ массу народа болѣе здравыхъ общественныхъ понятій. «Школа — говоритъ онъ — никогда не могла стать выше жизни, но въ настоящее время дана ей возможность примириться съ жизнью и съ людьми. Новое поколѣніе взростетъ въ другихъ условіяхъ, слѣдовательно, другимъ чувствомъ, если можно такъ выразиться, оно будетъ чувствовать и другими глазами смотрѣть на свѣтъ божій. Подобный переходный моментъ въ жизни нашего крестьянина составляетъ явленіе величайшей важности для школы, отъ которой уже не потребуется чудесъ, то-есть того, чтобы она стала выше жизни, а потребуется дѣятельность, согласная съ тѣмъ, что̀ развивается въ жизни; школа, значитъ, получила возможность подготовить юношество къ жизни. Повторяемъ еще разъ, что едва-ли будетъ когда-нибудь другое, болѣе знаменательное для крестьянской школы время, чѣмъ настоящее время, представляющее первое свободное и полноправное крестьянское поколѣніе. Иная почва, и за обработку ея и взяться надобно инымъ образомъ. Прежде сельскій учитель на многихъ явленіяхъ жизни и окружающей ребенка среды не останавливалъ своего вниманія, ибо жизнь представляла осязательныя противорѣчія съ тѣмъ, что̀ учитель могъ бы сказать ребенку; но въ настоящее время сельскій учитель не только можетъ, но и долженъ указать питомцу на многое изъ окружающей его среды, руководясь великою цѣлью — навести скрытые въ природѣ крестьянина богатые задатки внутреннихъ силъ на путь разумнаго развитія, стремясь дать здоровую пищу чувству питомца, который впослѣдствіи, въ жизни, долженъ относиться съ любовью къ людямъ, понимать ихъ страданія и сочувствовать этимъ страданіямъ на самомъ дѣлѣ. Болѣе, чѣмъ въ какойлибо другой странѣ, у насъ учитель долженъ явиться воспитателемъ, ибо *домашняя жизнь* наша представляетъ множество болѣзненныхъ проявленій, противныхъ всякому здравому взгляду на воспитаніе. На этомъ основаніи мы осудимъ того учителя, который не захочетъ и не съумѣетъ воспользоваться ни од-

нимъ общественнымъ явленіемъ (выше «домашняя жизнь», кажется, поставлена по ошибкѣ вмѣсто *общественной*), въ назиданіе и во благо питомцевъ» (стр. 21—22). Указывая народнымъ учителямъ способы — пріобрѣсти довѣріе крестьянской среды и благодѣтельное вліяніе на школу, г. Бѣловъ совѣтуетъ имъ: вопервыхъ, наблюдать построже за своей собственной частной жизнью, такъ-какъ народъ справедливо видитъ въ учителѣ не наемщика, но человѣка, призваннаго подавать во всемъ хорошій примѣръ своимъ питомцамъ; вовторыхъ—относиться къ народу безъ всякаго высокомѣрія, съ цѣлью учить его, но не господствовать надъ нимъ, и втретьихъ — присматриваясь со вниманіемъ къ развитію ума и характера воспитанниковъ, осторожно воздѣйствовать на нихъ нравственными средствами, причемъ, конечно, тѣлесныя наказанія должны быть устранены строжайшимъ образомъ. «Наше рѣшительное мнѣніе — говоритъ по этому случаю авторъ — таково: никакія, принятыя въ настоящее время въ сельскихъ школахъ, наказанія не должны быть допускаемы; мы не говоримъ уже о розгахъ, не говоримъ потому, что считаемъ вопросъ о ихъ педагогическомъ значеніи ниже всякаго разсужденія; нѣтъ, мы не совѣтуемъ прибѣгать и къ другимъ наказаніямъ, напримѣръ, лишенію пищи, ставленію въ уголъ и прочимъ, тому подобнымъ, наказаніямъ. Дранье за уши, за волосы мы считаемъ прямо преступленіемъ со стороны учителя. Не вѣрьте, сельскіе учителя, тѣмъ людямъ, которые зачастую говорятъ: «спасибо отцу, да матери, что драли, да колотили насъ въ дѣтствѣ; не драли бы насъ, такъ не были бы мы хорошими людьми». Не вѣрьте имъ — вопервыхъ потому, что хорошіе ли они люди—это еще бабушка на двое сказала; приглядитесь къ нимъ повнимательнѣе, то, можетъ быть, замѣтите, что они только кажутся хорошими; вовторыхъ, если они и вышли хорошими людьми, то никакъ не отъ розогъ и колотушекъ, ибо то и другое озлобляетъ человѣка, лишаетъ его сознанія человѣческаго достоинства, но никогда не дѣлаетъ его болѣе мягкимъ и добрымъ: вышли же они хорошими людьми отъ причинъ совершенно другихъ, разбирать которыя, по ихъ разнообразію, не представляется возможности». Вслѣдъ затѣмъ г. Бѣловъ, вѣроятно, для успокоенія отечественныхъ ревнителей дисциплины, прибавляетъ: «Но какъ же обойтись безъ наказаній? спросятъ насъ. — Если вы стоите за слово «наказаніе», то, извольте, мы укажемъ, какъ должно понимать это слово и прилагать его къ дѣлу. Ты сидишь непокойно въ классѣ, ты не прилеженъ, не исполняешь того, что говоритъ тебѣ учитель, ты самъ не хочешь учиться и мѣшаешь учиться другимъ— въ такомъ случаѣ не ходи въ школу три, два, одинъ день, смотря по проступку и многимъ другимъ условіямъ. Но при назначеніи подобнаго наказанія учитель долженъ наблюдать, чтобы родители ученика не высѣкли его: дѣло учителя по-

вліять, въ этомъ случаѣ, на родителей. Ручаемся, чѣмъ угодно, что подобное приказаніе учителя дѣйствительно обратится въ наказаніе, если онъ поведетъ дѣло такъ, что дѣти полюбятъ его, а на школу станутъ смотрѣть, какъ на такое мѣсто, гдѣ они съ удовольствіемъ проводятъ время. Ты не хочешь учиться, въ такомъ случаѣ я не могу доставить тебѣ того удовольствія, которое доставляю другимъ дѣтямъ; напримѣръ, иду съ ними гулять, устроиваю для нихъ какой-нибудь праздникъ. Ты замаралъ полъ, испортилъ то или другое, слѣдовательно, ты и долженъ привести въ порядокъ. Ты бьешь другихъ, пользуешься своей силой: — ясно значитъ, что товарищи должны отдѣлить тебя отъ своей среды, какъ вреднаго товарища, то-есть не должны имѣть съ тобою общенія и строго смотрѣть за тѣмъ, чтобы ты не злоупотреблялъ своей силою и проч. и проч.» (стр. 61—62). Въ этихъ словахъ вопросъ о принудительномъ элементѣ въ школьныхъ занятіяхъ, правда, не устраняется окончательно, а принимаетъ только болѣе мягкую, уклончивую форму, но съ этимъ компромиссомъ можно, пожалуй, и примириться — въ надеждѣ, что такимъ путемъ легче вытѣснить изъ нашей школы московско-юркевичевское воззрѣніе на учителя, какъ на околодочнаго надзирателя, ежеминутно водворяющаго порядокъ въ своемъ участкѣ. Допуская условные термины «порядка» и «наказанія», г. Бѣловъ влагаетъ въ нихъ смыслъ весьма различный отъ того, что̀ пишется и говорится нынѣ московскими компрахико̀сами. Порядокъ, въ его глазахъ, есть только необходимое удобство для правильнаго и отчетливаго веденія дѣла въ классѣ; онъ не долженъ стремиться къ порабощенію личности ученика и скрывать подъ собою нелѣпыя прихоти и своенравные капризы учителя. «Во всемъ и всегда долженъ быть порядокъ — говоритъ онъ — безъ котораго существованіе школы немыслимо, не нѣмецкій порядокъ, доходящій до мелочей, убивающій жизнь въ дѣтяхъ, обращающій дѣтей въ куколъ, но порядокъ, какъ результатъ строго обдуманной системы дѣйствій» (стр. 71). Въ дидактической части своей книги авторъ касается довольно подробно всѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ успѣшное обученіе, начиная отъ воздуха, которымъ дышутъ ученики (условіе, оставляемое въ пренебреженіи не въ однѣхъ сельскихъ школахъ), и кончая педагогическими пріемами, необходимыми при изложеніи учебныхъ предметовъ. Съ цѣлью упростить до наглядности эти учебные пріемы, г. Бѣловъ приложилъ къ своей книгѣ образчики уроковъ по тремъ вышеназваннымъ предметамъ, не придавая впрочемъ этимъ образчикамъ каноническаго значенія и не обязывая преподавателей держаться ихъ съ педантическою, буквальною точностью. «Цѣль обученія русскому языку — по мнѣнію автора — прежде всего заключается въ томъ, чтобы повліять путемъ языка, какъ орудія мысли, на умственное развитіе дѣтей; вовторыхъ, чтобы научить правильно, *насколько можетъ по-*

стигнуть начальная школа, выражать мысли въ словахъ и на бумагѣ. Просимъ учителей обратить вниманіе на подчеркнутыя нами слова. Этими словами мы хотѣли выразить, что начальная школа есть только начальная школа, что слѣдовательно стремленіе учителя — научить дѣтей правильно выражаться на словахъ и на бумагѣ должно ограничиваться извѣстными, строго-опредѣленными предѣлами круга дѣятельности и вообще будущаго назначенія учениковъ начальной школы. Нелѣпо было бы обратить начальную школу, по объему обученія, въ уѣздное училище или въ гимназію; а между тѣмъ совершить подобное обращеніе очень нетрудно, если мы, напримѣръ, вздумаемъ броситься въ грамматическія подробности при занятіяхъ языкомъ съ дѣтьми народной школы или будемъ настойчиво добиваться того, чтобы дѣти безусловно-вѣрно ставили букву *Ѣ*». Замѣчаніе это не лишнее при томъ буквоѣдствѣ, которое распространяется нынѣ между учителями русскаго языка. Имѣя въ виду преимущественно умственное развитіе дѣтей, г. Бѣловъ заботится о томъ, чтобы уроки въ школѣ держались характера непринужденныхъ *бесѣдъ* между учителемъ и учениками, и чтобы учитель, при выборѣ отрывковъ для чтенія и разбора въ классѣ, предпочиталъ больше всего такіе, которые сообщали бы ученикамъ полезныя знанія. Справедливость требуетъ замѣтить однако, что катихизація грамматическихъ занятій по русскому языку является не особенно удачною въ книгѣ г. Бѣлова: такъ напримѣръ авторъ, недостаточно выяснивъ составъ простаго главнаго предложенія, дѣлаетъ скачекъ къ предложеніямъ придаточнымъ, останавливается почему-то на нарѣчіяхъ дольше, чѣмъ на всѣхъ другихъ частяхъ рѣчи, и пр. Кромѣ того, г. Бѣловъ, въ своей погонѣ за «полезностію», впадаетъ въ крайность, едва-ли извинительную для преподавателя русскаго языка, а именно: относится какъ-то недоброжелательно къ разбору стихотвореній въ классѣ. Авторъ долженъ бы вспомнить, что стихотворенія Пушкина и Лермонтова — этихъ первоклассныхъ мастеровъ русскаго языка — служатъ до сихъ поръ незамѣнимымъ средствомъ какъ для того, чтобы познакомить дѣтей съ богатствомъ и гибкостью родной рѣчи, такъ и для того, чтобы объяснить на живомъ примѣрѣ общія свойства поэтическаго, образнаго слога. Поэзія, какъ продуктъ человѣческой фантазіи, не есть случайная и болѣзненная аномалія въ природѣ, но коренится въ очень реальныхъ и неизбѣжныхъ свойствахъ нашего интеллекта; познакомиться съ ея проявленіями въ языкѣ такъ же необходимо, какъ и обогатить свой умъ «положительными свѣдѣніями». Скажемъ больше: такое знакомство есть, само по себѣ, «положительное свѣдѣніе», если оно только ограничивается твердою цѣлью — разъяснить ученику наиболѣе употребительные (хоть бы напримѣръ въ народномъ же языкѣ) поэтическіе обороты рѣчи, не вдаваясь въ излишнія тонкости и эстетическое пустословіе. Къ тому же лучшія стихотворенія Пуш-

кина весьма богаты реальнымъ содержаніемъ, при передачѣ котораго толковый учитель можетъ, chemin faisant, коснуться множества житейскихъ явленій и чисто-практическихъ вопросовъ. Впрочемъ, г. Бѣловъ, повидимому, самъ сознаетъ это и колеблется въ нерѣшительности между *да* и *нѣтъ*. На стр. 140-й онъ не считаетъ стихотвореній достойными «дѣльной, толковой катихизаціи», а черезъ нѣсколько строкъ, и уже на другой страницѣ, совѣтуетъ «читать дѣтямъ вслухъ стихотворенія и заставлять ихъ читать самихъ, *разумѣется*, сопровождая подобныя чтенія катихизаціею и объясненіями». — Въ урокахъ по родиновѣдѣнію и отечествовѣдѣнію г. Бѣловъ исчерпываетъ своими вопросами почти всѣ предметы, интересные для крестьянина, и останавливается съ особымъ вниманіемъ на земскихъ собраніяхъ, гласныхъ судахъ и институтѣ присяжныхъ засѣдателей. Разъясненія, которыя онъ дѣлаетъ при этомъ, всегда умѣстны и сочувственны къ новымъ порядкамъ.

Переходя отъ достоинствъ книги къ ея недостаткамъ, мы должны прежде всего указать автору на нѣкоторую разбросанность плана и недостатокъ сосредоточенности въ изложеніи. Объ одномъ и томъ же предметѣ авторъ говоритъ въ разныхъ мѣстахъ и нерѣдко впадаетъ въ противорѣчіе. Примѣръ такого противорѣчія приведенъ нами выше, но мы наткнулись еще и на другой. Такъ, на стр. 29-й, авторъ, говоря о значеніи «выдержки воспитанія», требуетъ, чтобы учитель — въ случаѣ ошибочнаго выговора словъ, которыя разнятся по разнымъ губерніямъ,—каждый разъ поправлялъ ошибки ученика, «каждый разъ, самъ произносилъ извѣстную букву ясно и отчетливо, а не утѣшалъ себя тѣмъ, что дѣло, дескать, не важное, можно его и по боку». На страницѣ же 127-й, въ урокѣ русскаго языка, г. Бѣловъ смотритъ на это уже болѣе снисходительно и полагаетъ, что «*ни подъ какимъ видомъ* не слѣдуетъ особенно налегать на означенныя сближенія мѣстнаго говора съ общепринятымъ, образованнымъ говоромъ; не слѣдуетъ потому, что всѣ дѣти, за весьма ничтожнымъ исключеніемъ, кончатъ жизнь свою въ предѣлахъ той мѣстности, губерніи, въ которой они родились». Оно и справедливѣе, и развѣ только г. Катковъ подмѣтитъ въ этой уступчивости признаки зловреднаго политическаго сепаратизма. Словомъ, г. Бѣлову недостаетъ строгой системы, умѣнья размѣщать свой матеріалъ по правильнымъ логическимъ рубрикамъ. Вслѣдствіе этого, чтобы сдѣлать изъ его книги тотъ экстрактъ, который сдѣлали мы, приходилось не разъ перебѣгать черезъ нѣсколько десятковъ страницъ и сводить къ одному мѣсту мысли, разбросанныя по разнымъ угламъ книги. Это обстоятельство не мало вредитъ цѣльности и силѣ впечатлѣнія, доставляемаго книгой. Не скроемъ также, что, мѣстами, насъ непріятно поражалъ слишкомъ вычурный, патетическій тонъ «Руководства». Къ руководству это какъ-то нейдетъ, и частыя обращенія къ народнымъ учителямъ могли

бы быть замѣнены, съ пользой для дѣла, какими-нибудь положительными знаніями, о распространеніи которыхъ такъ горячо заботится г. Бѣловъ. Кромѣ главныхъ недостатковъ, заключающихся въ самомъ построеніи книги и въ авторской манерѣ г. Бѣлова, мы замѣтили еще нѣсколько неловкихъ фразъ и даже странныхъ мыслей (какъ, напримѣръ, на стр. 56-й о значеніи вѣрованій въ дѣлѣ воспитанія), съ которыми никакъ невозможно согласиться. Но наша рецензія и безъ того уже растянулась такъ, что мы не имѣемъ времени возразить на этотъ счетъ г. Бѣлову. Въ заключеніе прибавимъ только, что цѣна книги (75 к. сер. за 10 печатныхъ листовъ) несоразмѣрно высока для народныхъ школъ. Такая цѣна, по всей вѣроятности, лишитъ книгу многихъ читателей, а это жаль, потому что «Руководство» г. Бѣлова могло бы быть полезнымъ, во многихъ отношеніяхъ, для сельскихъ учителей.

Человѣческое тѣло [,], его строеніе, жизнь и холя. *Руководство для учащихся, съ 25-ю рисунками въ текстѣ. Составилъ д-ръ* К. Бокъ, *профессоръ патологической анатоміи въ Лейпцигѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею I.* Паульсона. *С.-Петербургъ. 1870.*

Общепонятное руководство къ изученію физіологіи и гигіены Дальтона, *профессора физіологіи медико-хирургической коллегіи въ Нью-Йоркѣ. Переводъ съ англійскаго, доктора медицины* М. Н. Шмелева. *Съ измѣненіями и дополненіями. С.-Петербургъ. 1869.*

Классическое образованіе, для отличія отъ образованія реальнаго, издавна признано называть гуманнымъ и гуманитарнымъ. Такія названія, хотя всякій смыслъ, нѣкогда заключавшійся въ нихъ, окончательно выдохся — остаются за нимъ безапелляціонно и въ наше время. Несмотря на то, что фантастическій и метафизическій туманъ въ человѣческой мысли начинаетъ видимо разсѣеваться при яркихъ лучахъ точнаго научнаго наблюденія и опыта; несмотря на то, что живая струя естествознанія начинаетъ проникать въ самыя захолустныя тундры и трущобы области безвоздушнаго абсолюта,—большинство ученыхъ спеціалистовъ и просвѣтителей человѣчества никакъ не хочетъ поступиться своими фиктивными сокровищами и богатствами, или не понимая, или даже не желая понять, что оно находится въ положеніи дикаря, радующагося яркимъ побрякушкамъ и крашенному стеклу, и обладаетъ монетою фальшиваго чекана. При такомъ положеніи дѣла, современные схоластики никакъ не могутъ догадаться, какая глубокая иронія заключается въ прилагательномъ «гуманный», когда дѣло идетъ объ отживающихъ міровоззрѣніяхъ и построеніяхъ, и о томъ полумертвомъ хламѣ, который доставлялъ призрачный матеріалъ для всѣхъ этихъ міросозерцаній и построеній!

Несмотря на то, что дѣйствительная жизнь представляетъ имъ ежечасно и повсемѣстно весьма краснорѣчивый и разнообразный комментарій на гуманность, понимаемую въ ихъ смыслѣ— въ безчисленныхъ и нескончаемыхъ мукахъ и страданіяхъ человѣка, они и ухомъ не ведутъ, предполагая, что природою, въ ея предусмотрительной премудрости, все сіе въ таковомъ именно видѣ и предназначено, и предоставлено для продолженія до скончанія вѣка, на утѣху и увеселеніе человѣчества. Понять, что настоящая гуманность должна явиться результатомъ точнаго изученія самаго человѣка и всѣхъ отношеній его къ природѣ и себѣ подобнымъ — они не могутъ, не могутъ потому, что, благодаря своей привычкѣ къ дуалистическому мышленію, они и на теорію науки и практику жизни привыкли смотрѣть, какъ на нѣчто радикально-противоположное, никакого сліянія между которыми въ формѣ разумнаго общественнаго устройства никогда не можетъ произойти и воспослѣдовать. Разумѣется, что самыя вѣскія доказательства справедливости своихъ взглядовъ они почерпаютъ въ самой абстрактности своихъ построеній, и такимъ образомъ самыя утонченнѣйшія философскія мечтанія уживаются въ нихъ преблагополучно съ признаніемъ практической необходимости хаотической житейской неурядицы, признаваемой ими за устойчивый, единомыслимый и единовозможный порядокъ жизни. Между тѣмъ, никто изъ нихъ, вѣроятно, не согласится отрицать, что цѣль науки въ индивидуальномъ смыслѣ—есть развитіе въ человѣкѣ самосознанія до возможно высшей степени, хотя, по ихъ мнѣнію, такое самосознаніе можетъ доставаться людямъ и помимо труда и знанія, — по щучьему велѣнію — въ видѣ вдохновенія, просвѣтленія, наитія и т. д. Реальная мысль ставитъ основною цѣлью науки то же высшее развитіе самосознанія, но только, относясь скептически къ различнымъ наитіямъ и просвѣтленіямъ, такъ-какъ оныя на практикѣ до сихъ поръ постоянно оказывались несостоятельными, идетъ къ своей цѣли инымъ путемъ. Не обольщаясь скоростью достиженія своего идеала, она временно откидываетъ всякія о нихъ мечтанія, и старается только какъ можно основательнѣе и точнѣе ощупать каждую пядь на продолжительномъ пути своемъ. Не увлекаясь гипотезами о невѣдомомъ и неизвѣстномъ, она знаетъ одно: путь, избранный ею для достиженія цѣли, самый вѣроятный, и если человѣку есть только куда дойти, то этимъ путемъ онъ дойдетъ до всего. Если вглядѣться пристально во всю массу работъ, поднятыхъ въ наше время въ громадной области естествознанія, то нельзя не увидать, что общій духъ ихъ представляетъ характеръ стремленія человѣка ко всестороннему самоопредѣленію. Если таковою цѣлью человѣкъ задавался въ наукѣ и прежде, то задавался только смутно и инстинктивно. Для того, чтобы въ немъ зародилось сознательное стремленіе къ подобной цѣли, необходимо было, чтобы сама наука дошла

до извѣстной степени разработки, и, такъ-сказать, заявила признаки того, что она въ состояніи давать точные и положительные отвѣты на такіе вопросы, которые прежде для него казались просто неразрѣшимыми. Такіе именно отвѣты и стали давать съ половины настоящаго столѣтія физика, химія, зоологія, ботаника, геологія, физіологія, эмбріологія и антропологія, благодаря блистательному успѣху которыхъ, человѣкъ получилъ уже немало точнаго и положительнаго матеріала для своего самоопредѣленія, уже не абстрактнаго, а реальнаго. Понятно, что и полное самосознаніе ясно и точно опредѣлившагося человѣка уже не можетъ быть абстрактно-метафизическимъ, а сдѣлается строго-опредѣленнымъ, такъ что различныя цѣли, которыя неизбѣжно и безпрестанно ставитъ себѣ человѣкъ въ дѣйствительности, неизбѣжно будутъ представлять характеръ достижимости. Все недостижимое будетъ просто имъ отвергаться, и сокрушаться объ этомъ онъ, конечно, не станетъ. Широта границъ дѣйствительнаго дастъ ему такое широкое поле для дѣятельности и для удовлетворенія всѣхъ потребностей интеллекта, что для сѣтованій о несостоятельности суперъ-натурализма не останется даже основаній.

Разумѣется, что, стремясь къ самоопредѣленію, реальная мысль твердо убѣждена, что развитіе самосознанія неизбѣжно отразится благомъ какъ для каждой отдѣльной личности, такъ и для всѣхъ вообще. Мало того, увеличеніе этого блага оно ставитъ неизбѣжнымъ постулатомъ каждаго, сколько-нибудь значительнаго своего шага на извѣстномъ пути, что̀ ежеминутно и оправдывается даже на нашихъ глазахъ въ постоянно увеличивающемся матеріальномъ благосостояніи людей при каждомъ научномъ открытіи. Если при этомъ благосостояніе это распредѣляется вопіюще-неправильно, то это именно и происходитъ оттого, что большинство живущихъ людей руководствуется въ своей дѣятельности и ставимыхъ имъ себѣ цѣляхъ различными призрачными и предразсудочными соображеніями, проистекающими изъ самыхъ разнообразныхъ, но одинаково несостоятельныхъ міросозерцаній, при которыхъ человѣкъ, его реальныя потребности и законы жизни совершенно опускаются изъ вниманія. Когда естествознаніе обогатится по различнымъ человѣческимъ вопросомъ такими наглядными и очевидными выводами, что они станутъ ясны для всѣхъ, то само собою разумѣется, всѣ предразсудочныя теоріи передъ ними не устоятъ, и человѣкъ, какъ личность и общество, достигнетъ своего совершеннолѣтія, причемъ за нимъ затвердится неукоснительное пользованіе всѣми его неотъемлемыми, естественными правами— свободно и всесторонне отправлять всѣми своими органами: жить и развиваться. Тогда сдѣлается яснымъ для всѣхъ, что личное благополучіе — прямая и органическая необходимость для каждаго индивидуума, а такое благополучіе станетъ возможнымъ для него только тогда, когда чужое неблагополучіе

не станетъ ему отравлять этого благополучія, и когда, достигнувъ своего самоопредѣленія, онъ направитъ всѣ свои силы и средства, на сколько для него это возможно, при своемъ общежитіи, для усиленія и водворенія въ средѣ себѣ подобныхъ взаимности и солидарности, и искорененія разрушительнаго антагонизма, губящаго всѣхъ и каждаго. Только при такомъ пониманіи слово «гуманность» перестанетъ быть пустымъ звукомъ.

Дожидаться воцаренія въ средѣ людей таковаго міросозерцанія, конечно, придется-таки долгонько, но это, однакоже, нисколько не утопія, и еслибы люди не шли неизбѣжно къ такому пониманію, то ни жизнь, ни наука не имѣли бы никакого смысла, а зоологическій видъ—homo sapiens не былъ бы даже достоинъ достигнутаго имъ преобладанія на земномъ шарѣ. Къ счастію, вся вѣроятность на сторонѣ того, что выставленныя нами цѣли не представляютъ для человѣка ничего недостижимаго. Если, бродя въ потьмахъ и ощупью, человѣчество даже въ наши дни могло достигнуть въ своей борьбѣ съ природою до такихъ результатовъ, которые поражаютъ мысль своею громадностью, то чего нельзя ожидать отъ него, когда оно, переставъ бросаться изъ стороны въ сторону, пойдетъ по ясно опредѣленной дорогѣ, съ ясными цѣлями и хорошо опредѣленными средствами? — все же это уже можетъ ему дать естествознаніе, даже при настоящемъ своемъ развитіи.

Мы сочли необходимымъ сказать эти нѣсколько словъ, для того, чтобы уяснить публикѣ хоть сколько нибудь, почему мы особенно дорожимъ стремленіемъ къ естествознанію, проявившимся въ нашемъ обществѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и еще не совершенно заглохшимъ даже при весьма неблагопріятныхъ для себя обстоятельствахъ (да заглохнуть оно даже ужь и не можетъ) въ наши дни. Мы бы не хотѣли однакожь, чтобы читатели подумали, что мы готовы для прогресса естествознанія поступиться въ наши дни другими общественными интересами, такъ-какъ такой взглядъ весьма многихъ привелъ уже къ постыдному соціальному индифферентизму, но только хотѣли бы, чтобы будущія поколѣнія освоивались какъ можно болѣе въ этой области и такимъ образомъ наше общественное самосознаніе какъ можно болѣе и скорѣе росло и въ глубину и въ широту.

Для этого мы желали бы, чтобы у насъ появлялось какъ можно болѣе книгъ естественно-научнаго содержанія, доступныхъ для массъ по своему изложенію, пока необходимость знакомства съ этой отраслью знанія — не войдетъ у насъ элементомъ въ школьное образованіе. Обѣ книги, лежащія передъ нами, въ этомъ смыслѣ, вполнѣ заслуживаютъ вниманія. Анатомія—азбука естествознанія и имѣть объ ней понятіе, по нашему мнѣнію, положительная необходимость для всякаго человѣка, претендующаго на развитіе. Анатомія же Бока, пред-

ставляющая въ то же время и физіологію, написана такъ, что можетъ быть понятна и ребенку и всякому малограмотному, безъ всякаго преподавателя. Кромѣ того, въ ней находится нѣсколько необходимѣйшихъ гигіеническихъ свѣдѣній. Книга очень дешева (40 копѣекъ), несмотря на то, что украшена отличными политипажами, клише которыхъ авторъ, узнавъ о намѣреніи г. Паульсона издать его сочиненіе порусски, уступилъ ему безвозмездно для того, чтобы она и въ русскомъ изданіи была возможно доступна по цѣнѣ. За такую любезность доктора Бока — русская публика должна быть ему весьма благодарна. Имя его — у насъ уже извѣстно, отчасти по весьма сомнительному, впрочемъ, его продукту «Будьте здоровы», отчасти по его анатомическому атласу — нѣкогда весьма распространенному въ средѣ медицинскихъ студентовъ. Переводъ книги въ смыслѣ точности, хорошъ и сдѣланъ очевидно спеціалистомъ, такъ-какъ (что у насъ встрѣчается сплошь и рядомъ) термины ея не перепутаны. Нѣсколько странными намъ только показались слова: «переводъ *подъ редакціею* І. Паульсона». Г. Паульсонъ, сколько мы знаемъ, не спеціалистъ анатоміи и физіологіи, и почему переводъ спеціалиста нуждается въ рекомендательномъ авторитетѣ неспеціалиста, мы рѣшительно не понимаемъ, тѣмъ болѣе, что никакихъ особенныхъ красотъ языка и слога—переводъ не представляетъ.

Общепонятное руководство къ физіологіи (гигіенѣ въ книгѣ посвящено только нѣсколько страницъ) Дальтона — руководство отличное. При всей своей краткости, оно вполнѣ и ясно можетъ познакомить совершенно неподготовленныхъ читателей съ главными чертами этой науки въ ея современномъ развитіи. Нѣкоторые отдѣлы изложены такъ, что не оставляютъ ничего желать; такъ напр. физіологія зрѣнія; нѣкоторые, по нашему мнѣнію, переводчику, доктору Шмелеву слѣдовало бы болѣе дополнить, чѣмъ онъ это дѣлаетъ. Такъ дѣятельность сердца и вообще органовъ кровеносной системы — изложены у Дальтона уже слишкомъ кратко и вслѣдствіе этого даже весьма неудовлетворительно. Половые органы—совершенно имъ пропущены, и это также едва-ли раціонально. Серьёзное научное описаніе весьма важной органической функціи въ физіологическомъ руководствѣ не можетъ ни на кого и никогда вредно подѣйствовать; совершенно же обратное дѣйствіе имѣютъ подобныя утаиванія, какъ безполезно раздражающія любопытство читателя, отъ котораго авторъ какъ бы отнимаетъ право ознакомленія съ цѣлою сферою органовъ, играющихъ весьма важную роль въ физіологической жизни человѣка, какъ будто бы великій творческій актъ произведенія себѣ подобныхъ, представляетъ по самой своей сущности нѣчто скандальное. Напрасно и г. Шмелевъ, переведшій Дальтона весьма добросовѣстно, поддался этому темному и отживающему взгляду. Если то же самое сдѣлано и Бокомъ, то въ извиненіе первому можно привести то обстоятель-

ство, что онъ писалъ, имѣя въ виду преимущественно дѣтей; книгу же Дальтона, несмотря на ея общепонятность и общедоступность, все-таки будутъ читать одни взрослые.

Исторія крестьянина. *1789—1792 годъ. Сочиненіе* Эркмана-Шатріана. *Переводъ* Марко-Вовчка. *Съ 28-ю политипажами, въ 8 д. Спб. 1870 годъ.*

Имя Эркмана-Шатріана достаточно извѣстно русской читающей публикѣ. Исторія крестьянина — лучшее его произведеніе. Полная исторія великой французской революціи, со множествомъ подробностей, до сихъ поръ мало извѣстныхъ, проходитъ передъ глазами читателей въ простомъ и задушевномъ разсказѣ крестьянина-современника. Въ 1862 году, въ нашемъ журналѣ была помѣщена большая статья покойнаго Писарева по поводу этого произведенія. Изданіе весьма опрятное и красивое, съ хорошими политипажами, замѣчательно украшавшими роскошное изданіе этого романа въ подлинникѣ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПАРИЖЪ И ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО.

«Замѣтки о Парижѣ». — «Жизнь и мнѣнія» г. Фредерика Томаса Грэндорфа, изданныя Тэномъ.

Тэнъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и талантливѣйшихъ критиковъ Франціи, въ первый разъ выступаетъ съ сочиненіемъ, рѣзко противорѣчащимъ по тону и содержанію съ прежнею его дѣятельностію, дѣятельностію, въ которой серьёзные историческіе взгляды нисколько не мѣшали его широкому философскому анализу и строгимъ критическимъ воззрѣніямъ. Напротивъ того, *Замѣтки о Парижѣ*, надѣлавшія такого шуму въ Европѣ, — произведеніе чисто беллетристическое, даже фельетонное по своей формѣ. Въ этой книгѣ, пересыпанной легкой французской остротой, Тэнъ знакомитъ читателей съ Парижемъ и французскимъ обществомъ и относится къ нему съ такимъ безпощаднымъ отрицаніемъ, съ такимъ ѣдкимъ сарказмомъ, подвергаетъ такому безпристрастному анализу всѣ классы общества и всѣ слои, что помимо всѣхъ достоинствъ, появленіе этой книги встрѣтило въ Парижѣ самый неблагопріятный пріемъ. Давно уже во французской литературѣ не слышался этотъ искренній голосъ порицанія во имя здраваго смысла и цивилизаціи, — голосъ честнаго человѣка, знаменитаго ученаго и гражданина. Всѣ литературныя партіи и всѣ классы французскаго общества единодушно возстали противъ этого голоса, обвиняя его въ

преувеличеніи, въ позоръ французскаго народа и европейской цивилизаціи. Этотъ шумъ, произведенный книгою Тэна, доказываетъ только, какъ вѣрны и мѣтки были его замѣчанія и какъ точно онъ представилъ Европѣ самую *суть* парижской жизни. Сатира сдѣлала свое дѣло, — она возбудила негодованіе тѣхъ именно, на кого была направлена; — пока это только отрицательное достоинство ея, но она произведетъ и положительную пользу, когда страсти и самолюбіе утихнутъ и когда истина возьметъ верхъ.

Конечно, разсматривая книгу Тэна съ чисто литературной стороны, необходимо сознаться, что она далеко ниже всѣхъ прежнихъ сочиненій этого знаменитаго писателя, по преимуществу серьёзнаго ученаго и критика. Въ его книгѣ о Парижѣ, вы не найдете ни того громаднаго знакомства съ философскими системами, которое вы видите въ его «Philosophie français du XIX siècle», ни тѣхъ замѣчательныхъ взглядовъ на философію исторіи и на роль литературы въ исторіи, благодаря которымъ его «Histoire de la litterature anglaise» и «Essais de critique et d'histoire» такъ ярко блещутъ, ни тѣхъ широкихъ раціональныхъ взглядовъ, которые введены имъ въ философію искусства. *Notes sur Paris*, — это легкія замѣтки, много наблюдательности, громадное знаніе жизни, критическое и нѣсколько ироническое отношеніе къ окружающимъ явленіямъ; но въ то же время, къ сожалѣнію, вы постоянно встрѣчаете общія мѣста, много недосказаннаго, много такого, что̀ всѣмъ извѣстно, наконецъ много лишняго, такъ что въ концѣ концовъ книга производитъ неудовлетворительное впечатлѣніе. Прочитавъ на оберткѣ имя знаменитаго критика, вы принялись за чтеніе съ увѣренностію, что найдете рядъ картинъ, широко и мастерски набросанныхъ, увидите серьёзное отношеніе къ вопросу и глубокое изслѣдованіе причинъ французской цивилизаціи, а между тѣмъ въ книгѣ всего этого нѣтъ. Тэнъ имѣлъ цѣлію написать беллетристическое произведеніе, которое бы читалось всѣми, и поэтому онъ исключаетъ изъ него все, что̀ могло казаться скучнымъ и неудобоваримымъ большинству читателей; Тэнъ водитъ васъ изъ одной гостиной въ другую, показываетъ скуку, безсодержательность жизни, ненасытную страсть къ удовольствіямъ, отсутствіе всѣхъ серьёзныхъ интересовъ; мастерски изображаетъ парижскую франтиху, ея требованія, желанія, страсти; онъ изображаетъ молодаго *petit crevé*, — дурака, для котораго высшее блаженство — хорошо сшитое платье, и величайшая страсть,— красивая лошадь. Онъ принужденъ повторять давно извѣстныя вещи, занимать воображеніе красивыми картинками и легкой остротой и вездѣ пользоваться французскою *blague*.

Но въ книгѣ вы находите и положительныя достоинства. Изъ-за общихъ мѣстъ и картинокъ современной французской жизни, которыя и сами по-себѣ чрезвычайно характеристичны,— просвѣчиваютъ серьёзные взгляды, глубокое пониманіе цивили-

заціи и французскаго характера; сопоставленіе различныхъ предметовъ освѣщаетъ особенно ярко нѣкоторые недостатки общества и, книга въ концѣ концовъ, несмотря на свои промахи, на тяжеловатую остроту, на болтовню, — дѣлаетъ свое дѣло. Если въ ней не затронуты ни соціальные вопросы, ни администрація, ни политика, ни положеніе пролетарія, ни народныя нужды, то за то, вы пріобрѣтаете ясное понятіе о характерѣ движенія цивилизаціи во Франціи и печальную будущность ея. И если справедливо, что *Notes sur Paris* — ниже всего, что было когда либо написано Тэномъ, то все-таки эти *замѣтки*,— одно изъ замѣчательныхъ литературныхъ явленій послѣднихъ годовъ.

Русскую публику книга Тэна интересуетъ еще и съ другой стороны. Наше общество, наше воспитаніе, наши стремленія,— полуфранцузскія. Мы еще не выработали самостоятельныхъ взглядовъ во всѣхъ великихъ вопросахъ общественной жизни; все, что есть у насъ — вывезено изъ Парижа, и поэтому немудрено, что мѣткій сарказмъ Тэна одинаковымъ образомъ относится и къ русской жизни. Съ другой стороны, въ книгѣ Тэна важна для иностранцевъ характеристика общественной жизни въ Парижѣ и ея послѣдствій.

Положительныхъ идеаловъ въ книгѣ нѣтъ; это почти одно голое отрицаніе, во имя науки, болѣе раціональнаго устройства общественныхъ отношеній и цивилизацій; Тэнъ нигдѣ не указываетъ на тотъ идеалъ, къ которому, по его мнѣнію, должно стремиться движеніе. Можно ли его, однакожь, обвинять за это отсутствіе идеала? Можно ли порицать его за это голое отрицаніе и безотносительное разрушеніе? — Намъ кажется, что нѣтъ. Гдѣ тѣ идеалы, на которые онъ, какъ честный человѣкъ и великій мыслитель, могъ указать? — Германія, Англія, Сѣверная Америка? — Безспорно, въ дѣлѣ цивилизаціи, соціальнаго устройства, болѣе раціональныхъ взглядовъ по воспитаніе, положенія женщины, гражданскихъ отношеній. эти страны идутъ впереди всѣхъ европейскихъ народовъ; но это не идеалы. Безпристрастному изслѣдователю и мыслителю ясно, что движеніе этихъ странъ, — не болѣе, какъ броженіе неустоявшихся силъ и незаконченныхъ теорій. Демократія Америки, ея государственное устройство, новые элементы общественной жизни, — безспорно вещи прекрасныя, но оборотная сторона медали весьма печальна. Конечно, въ Англіи свобода печати, свобода личности, культъ семейной жизни, — ставятъ ее неизмѣримо выше Франціи, но не самъ ли Джонъ-Стюартъ Милль, человѣкъ честный, великій гражданинъ, другъ прогресса и цивилизаціи, предостерегаетъ Англію въ своемъ сочиненіи «*On liberty*» и говоритъ, что Англія на всѣхъ парусахъ стремится къ китаизму? Что же въ виду этихъ результатовъ можетъ дать Германія? — Бисмарковскую централизацію? Но вѣдь и Наполеонъ въ этомъ отношеніи немного уступаетъ. Се-

мейную нѣмецкую жизнь? Но кто же не знаетъ, что кругъ этой семейной жизни до крайности узокъ и какъ сильно развиваются благодаря ей худшія черты нѣмца, — филистерство и мѣщанство?

Къ тому же Тэнъ не публицистъ, онъ *слишкомъ критикъ*, если можно такъ выразиться, и точка зрѣнія проповѣдника ему противна. Когда онъ сопоставляетъ, напримѣръ, воспитаніе въ Сѣверной Америкѣ и во Франціи, то не для того, чтобы показать преимущества воспитанія американца передъ французскимъ воспитаніемъ; это сопоставленіе ему служитъ только для того, чтобы еще разъ показать, до какой степени климатическія условія, условія мѣстности и историческія судьбы народа, вмѣстѣ взятыя съ существенными чертами національнаго характера и расы, рѣзко напечатлѣваются во всѣхъ подробностяхъ общественной жизни этого народа. Въ другомъ, болѣе серьёзномъ сочиненіи Тэнъ прямо говоритъ, что глупо и нелѣпо требовать отъ извѣстнаго народа принятія взглядовъ и учрежденій другого; каждый народъ, живя самостоятельною жизнію, вырабатываетъ *свою* точку зрѣнія, *свое* міросозерцаніе, отсюда являются *исключительно ему* принадлежащія учрежденія, *особая* цивилизація, *самостоятельныя* формы государственной и семейной жизни. Данныя, лежащія въ расѣ и въ исторической судьбѣ народа, дѣйствуютъ постоянно вслѣдствіе извѣстныхъ, постоянныхъ законовъ, и измѣнить направленіе движенія нельзя, потому что оно является какъ результатъ и равнодѣйствующая всѣхъ силъ и присущихъ чертъ народа. Тотъ только народъ дѣйствительно самостоятеленъ, тогда только онъ имѣетъ историческую будущность, когда вноситъ въ сокровищницу человѣчества новые, исключительно ему принадлежащіе элементы и создаетъ *свою* цивилизацію.

Это, какъ читатели видятъ, — точка зрѣнія критики, цѣль которой — строгій анализъ явленій, а не проповѣдь и наставленія. Такова точка зрѣнія и Тэна; онъ многое порицаетъ въ общественной и частной жизни Франціи, книга его принесетъ пользу на сколько это возможно, но главный интересъ книги не заключается въ тѣхъ урокахъ, которые авторъ даетъ Франціи; главный интересъ заключается въ опредѣленіи тѣхъ господствующихъ чертъ, которыя являются результатомъ французскаго характера и французской цивилизаціи. Это не панегирикъ и не филиппика; нигдѣ не встрѣтите вы въ его книгѣ страстнаго тона и взрыва негодованія публициста. Тэнъ съ хладнокровіемъ посторонняго свидѣтеля и безпристрастнаго судьи высказываетъ свое мнѣніе. Онъ подробно, точно, старательно ищетъ причинъ поражающихъ его явленій и констатируетъ, что явленія эти имѣютъ такія-то причины, и что, слѣдовательно, они явились какъ результатъ историческихъ обстоятельствъ.

Давно не встрѣчали мы книги, написанной съ такого рода безпристрастіемъ и полнѣйшимъ отсутствіемъ всякой національ-

ной исключительности; нѣтъ и признака того французскаго хвастовства, которое столь извѣстно всѣмъ; съ другой стороны, точно также, нѣтъ и тѣни того обиженнаго, раздраженнаго самолюбія, которое заставляетъ клеветать. Вслѣдствіе всего этого книга пріобрѣтаетъ сильный авторитетъ и громадное значеніе. Чувствуешь, что человѣкъ, который такъ безпристрастно относится къ явленіямъ окружающей его жизни, достоинъ полной вѣры; чувствуешь, что его точка зрѣнія, — не точка зрѣнія задорнаго мальчишки, а глубокое убѣжденіе серьёзнаго человѣка. Вотъ почему, между прочимъ, книга Тэна обратила на себя такое сильное вниманіе и почему она достойна дѣйствительно всякаго вниманія. Она въ легкой, фельетонной болтовнѣ открываетъ много интересныхъ сторонъ и обнаруживаетъ взгляды лучшихъ людей современной Франціи.

Въ этой статьѣ, мы постараемся представить взгляды Тэна въ самыхъ общихъ чертахъ и въ возможно краткомъ видѣ, избѣгая общихъ мѣстъ и слишкомъ большой картинности.

I.

Постороннему наблюдателю, чужому человѣку удобнѣе и легче наблюдать окружающую жизнь; съ этою жизнію онъ не связанъ лично, онъ равнодушенъ къ интересамъ окружающихъ его людей и поэтому ему легко дать себѣ ясный отчетъ и безпристрастно судить явленія, которыя для него составляютъ только интересное зрѣлище и пріятное препровожденіе времени. Вотъ почему Тэнъ приписываетъ всѣ мнѣнія, высказываемыя въ книгѣ, фиктивному лицу, нѣкоему, г. Грэндорфу, который почти всю жизнь провелъ въ южныхъ штатахъ Америки и который сроднился съ американскою жизнію. По нашему мнѣнію, выборъ американца, какъ судьи общественной жизни во Франціи, чрезвычайно удаченъ; американцу легко замѣтить именно тѣ стороны жизни, около которыхъ европеецъ пройдетъ не обративъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія; кромѣ того, американская жизнь сложилась при совершенно особенныхъ обстоятельствахъ и покоится на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ жизнь Европы. Всѣ важнѣйшія стороны этой жизни, — семья, воспитаніе, соціальныя и политическія учрежденія, — идутъ въ разрѣзъ со старою Европою и точка зрѣнія одной страны не можетъ быть точкою зрѣнія другой. Американецъ имѣетъ право отрицательно относиться къ Европѣ, онъ чувствуетъ силу своей демократіи и предвидитъ громадную будущность своей родины.

Г. Грэндорфу — пятьдесятъ-два года; въ Америкѣ онъ нажилъ себѣ состояніе въ восемьдесять тысячъ франковъ годоваго дохода въ торговлѣ соленою свининой и керосиномъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, онъ оставилъ Парижъ и только пять лѣтъ какъ вернулся. — Отецъ Грэндорфа полагалъ, что французское учебное заведеніе—казарма, въ которой ученики выучи-

ваются только курить въ корридорахъ и пріобрѣтаютъ наклонности къ гризеткамъ; поэтому отправилъ его въ Англію, гдѣ мальчикъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ упражнялся въ фабрикаціи греческихъ и латинскихъ стиховъ, чистилъ сапоги старшимъ ученикамъ и нѣсколько часовъ въ недѣлю употреблялъ на боксированіе. Г. Грэндорфъ сознается, что греческіе стихи не принесли ему особенной пользы, но прибавляетъ, что чистка сапоговъ и кулачный бой были довольно полезны.

Когда минуло ему восемьнадцать лѣтъ, отецъ разсудилъ, что этотъ *режимъ* греческихъ стиховъ и кулачнаго боя сдѣлалъ его сына достаточно терпѣливымъ и достаточно развилъ твердость мышцъ. Онъ отправилъ его въ гейдельбергскій университетъ. Молодой студентъ купилъ себѣ красную шапочку и вскорѣ пріобрѣлъ совершенный видъ бурша, когда надѣлъ очки, хотя глаза его были очень хороши. Впродолженіе пяти лѣтъ, молодой Грэндорфъ выкурилъ несмѣтное количество трубокъ и нѣсколько разъ дрался на дуэли: въ первый разъ, по поводу одной служанки, съ которою товарищъ его обошелся не достаточно вѣжливо; во второй разъ дрался съ однимъ скептикомъ, защищая дѣйствительность внутренняго чувства; въ третій разъ по поводу объективности и индивидуальности безконечнаго. Отдѣлы и клѣточки, въ которыя профессора укладывали всѣ явленія міра и человѣчества, приводили его въ восторгъ; онъ старался не терять ни одного слова профессора; ему казалось, что вся приведенная въ порядокъ наука ложилась въ его голову какъ въ ящикъ; онъ началъ даже догадываться, что̀ такое абсолютъ, и думалъ сдѣлать безсмертныя открытія, какъ вдругъ отецъ его умеръ, оставивъ его безъ копѣйки.

Съ помощью большихъ трудовъ, Грэндорфу удалось вступить на службу въ торговый домъ Шварца и Комп. въ Гамбургѣ; по дѣламъ этого дома, ему пришлось много путешествовать и много испытать; онъ наблюдалъ нравы разныхъ народовъ, въ Китаѣ, въ Америкѣ. Онъ догадался, что тамъ жизнь идетъ не такъ, какъ въ Европѣ, и что нѣмецкая вѣжливость и нѣмецкая метафизика немного помогутъ въ дѣлахъ съ варварами и китайцами; онъ приноровился къ этой жизни и сдѣлался плантаторомъ въ южныхъ штатахъ. Дѣла пошли хорошо, онъ нажилъ громадное состояніе. Несмотря однакоже на все это, ему было не по себѣ въ Америкѣ; американцы — народъ дѣловой, любятъ дѣла и въ торговлѣ только видятъ настоящую дѣятельность. Грэндорфъ не могъ помириться съ этимъ и понемногу *старый человѣкъ* проснулся въ немъ. Его тянуло въ Европу, и онъ, недолго думая, продалъ свои земли, свиней и заводы и отправился на свою забытую родину.

Пріемъ, сдѣланный ему въ Парижѣ, чрезвычайно ему понравился. «Французы, говоритъ онъ. владѣютъ вполнѣ искусствомъ дѣлать жизнь пріятною; можетъ быть, это ихъ единственное качество». Сначала, конечно, не обошлось безъ непріятностей:

онъ принужденъ былъ выгнать сряду трехъ лакеевъ, потому что прекрасныя сосѣдки платили имъ, чтобы съ помощью ихъ поступить на его содержаніе. Въ нѣкоторыхъ домахъ его долго считали медвѣдемъ, потому что онъ не хотѣлъ жениться на хозяйской дочкѣ. Но всѣ эти непріятности вскорѣ затихли. Послѣ нѣсколькихъ обѣдовъ, которые далъ Грэндорфъ, гости съ уваженіемъ отзывались о его винахъ и кухнѣ. Онъ давалъ въ займы многимъ писателямъ и художникамъ и всегда забывалъ напомнить имъ о долгѣ, что̀ возвысило его въ ихъ мнѣніи чрезвычайно. Американская война особенно ему благопріятствовала; онъ сообщалъ подробныя извѣстія о Сѣверѣ и Югѣ, разсуждалъ о хлопкѣ, о президентѣ Девисѣ. «Что же касается лично меня, прибавляетъ онъ, то въ гости я отправляюсь какъ въ театръ, даже охотнѣе чѣмъ въ театръ; актеры дѣйствительной жизни безспорно лучше актеровъ по профессіи. У меня есть очень удобная карета, въ которой я разъѣзжаю, и ловкій лакей. Портной мой — не дуракъ, а я слишкомъ старъ, чтобы быть застѣнчивымъ. Я не нуждаюсь ни въ комъ, единственное мое желаніе — наблюдать и слушать. Я наблюдаю и слушаю: всякая женщина довольна, когда на нее смотрятъ; всякій мужчина доволенъ, когда его слушаютъ. Иногда, застегивая пальто, мнѣ взбредетъ въ голову нѣсколько мыслей; возвратясь домой, я ихъ записываю. Отсюда мои замѣтки»...

Такимъ образомъ составился большой томъ. Г. Грэндорфъ — большой чудакъ, и порядочный оригиналъ; онъ разсказываетъ въ этихъ замѣткахъ свои дневныя впечатлѣнія и даетъ совѣты своему племяннику Анатолю Дюрану или Д'Юрану. Слогъ его, фразы, употребляемыя имъ, не болѣе какъ *Statements of facts*, сухія и точныя. Его прошедшая жизнь сдѣлала его молчаливымъ, сосредоточеннымъ, онъ относится ко всему иронически и безучастно. Это великое несчастіе; чтобы жить полною жизнію, необходимо слиться съ цѣлымъ, которое больше васъ, необходимо принадлежать семьѣ, обществу, наукѣ, или искусству; изолированная жизнь не даетъ никакихъ результатовъ, потому что нѣтъ личныхъ интересовъ и нѣтъ дѣятельности. Г. Грэндорфъ чувствовалъ свой недугъ, но вылечиться отъ него ему не достало силъ. Однажды онъ сказалъ: «Людовикъ XIV въ концѣ своей жизни завелъ цѣлую коллекцію молодыхъ поросятъ, которыхъ онъ одѣвалъ въ придворныхъ, въ мѣщанъ и въ канониковъ; ихъ учили при помощи палокъ и въ такомъ видѣ они танцовали вокругъ него. Неизвѣстная дама, которую вы называете природою, дѣлаетъ то же самое; по всей вѣроятности, умъ ея юмористическій. Посмѣявшись вдоволь нашимъ гримасамъ и комедіи, которую мы строимъ, она отправляетъ насъ въ колбасную лавку и солильню». Вотъ взгляды Грэндорфа на жизнь; можетъ быть, они преувеличены и безотрадны, но они — продуктъ всего его прошедшаго...

II.

Г. Анатоль Дюранъ, или Д'Юранъ, или Дю-Ранъ, молодой племянникъ Грэндорфа, былъ великою для него обузою, не потому чтобы милый племянникъ обращался съ дядей какъ съ простымъ банкиромъ, — Грэндорфъ слишкомъ практическій человѣкъ, чтобы допустить подобную штуку, — а потому, что на дядѣ лежала печальная обязанность давать наставленія своему племяннику и наблюдать за его нравственностью; дѣлать же наставленія кому бы то ни было, — вещь весьма пошлая. Слушая рѣчи почтеннаго дядюшки, племянничекъ разсматриваетъ кончики своихъ сапогъ, повертываетъ въ рукахъ шляпу съ видомъ человѣка, покоряющагося горькой необходимости. Конечно, физіономія почтительна, но въ глубинѣ души, онъ говоритъ себѣ: «будто дядюшка мой, когда былъ молодъ, не дѣлалъ то же самое, что я теперь дѣлаю? Онъ бранится, что я нанимаю помѣсячно извощика лихача, а у самаго два экипажа. Я сдѣлалъ подарокъ въ сто франковъ, а онъ будто не дѣлаетъ подарковъ въ сто луидоровъ? Онъ говоритъ, что мой портной слишкомъ дорогъ, а посовѣтуйте-ка ему надѣть подержанный сюртукъ?! Впрочемъ, буря, должно быть, скоро минетъ и у меня будетъ еще время отправиться къ Жоржетѣ».

Дѣло въ томъ, что слова нисколько не помогаютъ въ этихъ случаяхъ; только воспитаніе можетъ придать имъ силу и значеніе; если воспитаніе вложило въ молодую голову двѣ-три здравыхъ идеи, тогда слова произведутъ свое дѣйствіе. На молодаго человѣка только тогда можно имѣть вліяніе, когда затрогиваются чувства и идеи, уже существующія въ немъ, а однѣ фразы не могутъ вызвать ихъ изъ ничего. «Что копошится въ этой молодой головѣ? спрашиваю я себя (говоритъ Грэндорфъ), когда вижу моего племянника, развалившимся въ креслѣ, розоваго, свѣженькаго, завитаго моднымъ парикмахеромъ, одѣтаго по послѣдней модѣ. Мой милый племянникъ вынесъ нѣсколько различныхъ воспитаній. Не силою собственнаго краснорѣчія могу я сдѣлать что-либо путное изъ него; я могу воспользоваться только тѣмъ, что̀ оставлено хорошаго этими воспитаніями. Каковы же были эти воспитанія?

А вотъ каковы:

Вопервыхъ, домашнее воспитаніе, когда мать одѣвала его какъ куколку и любовалась его милой рожицей. Въ эту счастливую эпоху жизни, его отъучили ковырять въ носу, — прекрасное правило, забытое имъ въ коллегіи. Кромѣ того, онъ отучился брать пальцами кушанье съ тарелки, шумѣть въ гостиной, валяться по полу и говорить, когда *старшіе* разговариваютъ. Многія изъ этихъ полезныхъ правилъ остались.

Вовторыхъ, когда кончилось домашнее воспитаніе, его отдали въ коллегію (Collège, — наши гимназіи). Коллегіальное воспита-

*

ніе—самое важное. Оно раздѣляется на вліяніе учителей и наставниковъ и на вліяніе товарищей.

Первое довольно незначительно. Какъ только онъ могъ въ своей головѣ связать двѣ-три мысли, онъ сталъ издѣваться надъ своими наставниками. Онъ замѣтилъ, что одинъ изъ учителей имѣлъ привычку всегда ковырять въ носу, что другой всегда оканчивалъ свои монологи какою-нибудь черезчуръ очевидною нелѣпостью; ему сказали, что одному наставнику не посчастливилось въ брачной жизни, что другой напечаталъ скверную статью, чтобы получить награду. Цѣлый рядъ подобнаго рода наблюденій заставилъ его заключить, что всякое начальство не особенно пріятно... На публичныхъ экзаменахъ, ему пришлось слышать напыщенныя рѣчи, въ которыхъ доказывалось, что воспитаніе — священнѣйшій долгъ, а воспитатели — благотворители рода человѣческаго. Онъ зѣвалъ и рѣшалъ, что эти господа не хуже гг. Зингеровъ и Качей пользуются рекламою. Не менѣе того онъ и здѣсь пріобрѣлъ коечто полезное. Онъ получилъ нѣкоторое уваженіе къ литературѣ; онъ расположенъ думать, что не дурно знать орѳографію, что Горацій и Виргилій — не монахи среднихъ вѣковъ, что какъ бы то ни было, а Вольтеръ пользовался нѣкоторою извѣстностью въ мірѣ.

Какъ видите, все это немного; товарищи были ему полезнѣе. Поступивъ въ школу, онъ былъ мальчикъ изнѣженный, чистенькій, трусишка; его стали называть дѣвчонкой, его нѣсколько разъ поколотили и онъ принужденъ былъ играть со всѣми. Это сдѣлало его сильнѣе и мужественнѣе. Съ другой стороны, ученики выработали себѣ принципъ, что они должны быть въ союзѣ противъ начальства и что ни въ какомъ случаѣ нельзя *фискалить* на товарищей. Если наказаніе падетъ на невиннаго, то виновный самъ долженъ признаться. Эти крошечныя римскія добродѣтели оставили полезные слѣды.

Что же относится до другихъ пріобрѣтеній отъ товарищей, то они были не такъ полезны. Онъ рѣшался казаться старше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ; онъ хвасталъ своимъ товарищамъ, что по воскресеньямъ, возвращаясь въ коллегію, онъ провожалъ хорошенькихъ женщинъ, что кутилъ съ гризетками, и все это передавалось въ выраженіяхъ не особенно приличныхъ. Хвастовство подобнаго рода заняло самое важное мѣсто въ его нравственныхъ свойствахъ. Всякое учебное заведеніе имѣетъ много общаго съ казармою, гдѣ духъ насмѣшки, подражаніе, слишкомъ раннее развитіе физическихъ инстинктовъ, развратъ, самохвальство, — развиваются вдругъ изъ одного и того же источника. Анатоль подъ вліяніемъ этихъ условій принялъ солдатскія привычки и ухватки испорченнаго мальчишки.

Тогда-то именно его стали показывать въ обществѣ. Во время каникулъ, онъ ѣздилъ съ матерью въ гости на дачу, гдѣ встрѣчалъ хорошо воспитанныхъ женщинъ и молодыхъ дѣву-

шекъ. Ему было шестнадцать лѣтъ и онъ казался крайне смѣшонъ. Онъ во что бы то ни стало хотѣлъ въ одно и то же время быть любезнымъ и имѣть мужественный видъ; онъ вертѣлся вокругъ барышень и не зналъ, что̀ имъ сказать. Каждый день онъ перемѣнялъ несмѣтное количество галстуховъ и поминутно посматривалъ на себя въ зеркало, чтобы убѣдиться, что умѣетъ улыбаться. Но какъ только сталкивался съ товарищами, то сейчасъ же принималъ самый школьническій видъ, чтобы не потерять репутаціи настоящаго школьника. Среди мужчинъ, онъ старался держать себя съ достоинствомъ, важно, но въ то же время былъ еще слишкомъ ребенокъ и дѣтскій инстинктъ бралъ поминутно верхъ. Онъ заставлялъ себя пить ромъ, который ему чрезвычайно ненравился, и курить сигары, отъ которыхъ ему дѣлалось дурно. Онъ могъ разсказывать только школьные анекдоты, но въ то же время думалъ, что, разсказывая о школѣ, надъ нимъ станутъ смѣяться. Вечеромъ, сидя въ гостиной въ бѣломъ жилетѣ, онъ старался имѣть самый развязный видъ, но чуть на него обращали вниманіе, какъ онъ конфузился и краснѣлъ, полагая, что сдѣлалъ какую нибудь глупость. Въ то же время онъ сталъ почитывать романы Александра Дюма, вслѣдствіе чего въ головѣ его сталъ образовываться самый невѣроятный сумбуръ. Онъ непремѣнно хотѣлъ быть героемъ и практическимъ человѣкомъ; онъ мечталъ о рыцаряхъ, одѣтыхъ въ шитые кафтаны, увозящихъ прекрасныхъ дѣвъ верхомъ на лошади, а также и о парижскихъ швеяхъ съ ихъ развязными манерами; онъ мечталъ о Д'Артаньянѣ, извѣстномъ дуэлистѣ, и о своемъ кузенѣ Жакѣ, который на публичныхъ балахъ такъ ловко танцуетъ. Онъ постоянно слышалъ монологи о благородствѣ и честности и вездѣ видѣлъ одинъ только эгоизмъ. Въ ушахъ его жужжали нравственныя сентенціи различныхъ авторовъ, но эти сентенціи служили только для того, чтобы прилично и эффектно закончить монологъ. Въ дѣйствительности же, всѣ, и мужчины и женщины думали только объ удовольствіи въ самыхъ мѣщанскихъ размѣрахъ. По соглашенію всѣхъ, если кто нибудь идетъ противъ установленныхъ приличій — то считается сумасшедшимъ; каждый, кто не въ состояніи составить себѣ или сохранить состояніе, — дуракъ. Все же остальное — вполнѣ арбитрально; выбирайте себѣ удовольствія, — до этого никому дѣла нѣтъ; позаботьтесь только не сломать себѣ шеи и въ особенности не разбивать окошекъ.

Вскорѣ, ему стали поговаривать о карьерѣ и довольно серьёзно: «каждый долженъ имѣть серьёзное дѣло, выйти на дорогу; что̀ такое человѣкъ, ничѣмъ незанимающійся и проч.». Но въ то же время ему приходится слышать, напримѣръ, такого рода фразу: «моя милая, требуйте, чтобы зять вашъ имѣлъ какое-нибудь занятіе; это лучшая охрана для жены: это цѣпь, безъ которой мужья бѣгаютъ». — Франты, великосвѣтскія барышни

смѣются и издѣваются надъ чиновниками, работниками, купцами. Свѣтскіе люди хвалятъ трудящихся людей: «хорошая скотина, терпѣливая; но будемъ стараться не быть однимъ изъ этихъ животныхъ».

Такая жизнь, такія сентенціи и такія условія выработали въ немъ извѣстную *привычку*, — вотъ главная пружина его жизни. По мнѣнію Грэндорфа, существуютъ только три пружины, управляющія человѣкомъ: офиціальныя рѣчи, касающіяся только поверхности кожи; искреннія фразы, подслушанныя имъ случайно, — онѣ производятъ движеніе руки или ноги; наконецъ пріобрѣтенныя привычки, — онѣ раскачиваютъ его и толкаютъ къ дѣятельности. Привычка, которую пріобрѣлъ племянникъ Грэндорфа, заключается въ томъ, чтобы засовывать руку въ карманъ; а такъ-какъ въ своемъ карманѣ онъ всегда находилъ деньги, то и убѣдился, что деньги и карманы имѣютъ другъ къ другу взаимное сродство. Все, что̀ вокругъ себя онъ замѣчалъ, подтверждало это мнѣніе. Портъ-моне его матери былъ всегда полонъ, а шкатулка отца еще полнѣе. Что̀ можетъ быть легче для золотой монеты, какъ проскользнуть оттуда прямо въ карманъ? Стоитъ только открыть замокъ или дернуть задвижку, — вотъ и все дѣло. Предполагать же пустоту въ портъмоне или шкатулкѣ, — совершенно нелѣпо и невозможно. Развѣ придетъ кому либо въ голову, что завтра воздухъ сдѣлается негоднымъ для дыханія, или что солнце не взойдетъ? То же самое и во всемъ остальномъ. Въ коллегіи, дома, каждый день въ извѣстный часъ накрывался столъ; консьержъ, каждые шесть мѣсяцевъ, приносилъ росписку въ полученіи денегъ за квартиру; четыре или пять разъ въ годъ портной являлся съ платьемъ, и если въ панталонахъ оказывалась малѣйшая складка, то портной сконфуженный спѣшилъ прислать другіе. Все это совершалось такъ же правильно, какъ движеніе звѣздъ на небесахъ; противоположное показалось бы невѣроятнымъ, уродливымъ. Такъ что когда въ двадцать лѣтъ, онъ вступилъ въ дѣйствительную жизнь, то помимо всѣхъ его мнѣній и вѣрованій, въ немъ существовало уже утвердившееся убѣжденіе, что міръ и общество обязаны давать ему хорошіе обѣды, съ бордо всякій день, а часто и съ шампанскимъ, приличное помѣщеніе, хорошую мебель, прекрасное платье, четыре пары перчатокъ въ недѣлю и пятьсотъ франковъ въ мѣсяцъ карманныхъ денегъ. Тутъ онъ заказалъ себѣ визитныя карточки и поступилъ въ школу права, — великолѣпное средство ни̇чего не дѣлать. Кромѣ того, онъ пришелъ къ дядюшкѣ за совѣтами; Грэндорфъ подарилъ ему ящикъ сигаръ и осмотрѣлъ состояніе его платья. Къ чему фразы? Жизнь выучитъ его...

III.

Чему же выучила его жизнь? Какіе совѣты дала она ему?— Всякій изъ насъ, пожившій нѣсколько, приблизительно знаетъ, какъ безцеремонно жизнь разоблачаетъ наши иллюзіи и какъ смѣется надъ ними. Подъ вліяніемъ этого опыта выработывается самый узкій эгоизмъ и жизнь рисуется намъ далеко не въ такихъ розовыхъ краскахъ, какъ рисовалась нѣкогда. Послушайте же, что̀ выработывается подъ впечатлѣніемъ опыта,— тутъ много поучительнаго...

«Дитя мое, щеки твои розовы и въ жизнь ты входишь какъ въ столовую, чтобы сѣсть за столъ. Ты ошибаешься; мѣста заняты. Не обѣдъ составляетъ нормальное положеніе, а голодъ. Не несчастіе, а напротивъ того, наслажденіе противно природѣ. Естественная судьба человѣка, какъ и скота, заключается въ томъ, чтобы быть убитымъ, или же умереть съ голоду.

«Если это кажется тебѣ страннымъ, то потому, что ты не жилъ, какъ я, въ странѣ, гдѣ истина и лицемѣріе предстаютъ на глаза всѣхъ безъ всякой маски. Вспомни прогулку, которую мы совершили съ тобой недавно въ лѣсу. Мы давили муравьевъ, попадавшихся намъ подъ ноги; красивыя птички летали и ловили мухъ; большія насѣкомыя уничтожали маленькихъ. Въ одной рытвинѣ, между двумя кустиками травы, мы видѣли крошечнаго зайца, мертваго, лежащаго животомъ къ верху; едва лишь онъ вышелъ изъ своей норки, какъ коршунъ его схватилъ и наполовину съѣлъ; муравьи, жуки и множество другихъ голодныхъ работали въ его тѣлѣ. Изъ десяти новорожденныхъ едва остается одинъ, да и у того есть двадцать шансовъ никогда не состарѣться; такъ или иначе, а смерть приходитъ; онъ не возмущается, а спокойно покоряется силѣ вещей, и ждетъ конца. Во всемъ мірѣ вещи идутъ такимъ же порядкомъ, какъ и въ этомъ великолѣпномъ, душистомъ лѣсу. Въ мірѣ то же страданіе,—и такъ должно быть... Не потребуешь ли ты, чтобы неизмѣнные и вѣчные законы природы измѣнились и тѣмъ сберегли чувствительность твоихъ нервовъ и твоего сердца? Въ мірѣ убиваютъ, пожираютъ другъ друга, и въ этомъ нѣтъ ничего страннаго: для стольких желудковъ нѣтъ достаточно пищи!...

«Если ты хочешь понять жизнь, то пусть слѣдующая фраза будетъ началомъ и основой всѣхъ твоихъ сужденій и всѣхъ желаній: ты не имѣешь ни на что права, и никто тебѣ ничего не долженъ, ни общество, ни природа. Когда ты требуешь счастья, — ты дуракъ. Когда ты считаешь себя несправедливо обиженнымъ, потому что желаніе твое неисполнено, — ты еще болѣе дуракъ. Ты желаешь, чтобы тебя почитали,—изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ты былъ почитаемъ. Тебѣ холодно,— изъ этого не слѣдуетъ, чтобы на спинѣ у тебя немедленно

явилось теплое платье. Ты влюбленъ,—изъ этого не слѣдуетъ, чтобы тебя любили. Существуютъ непреложные законы, управляющіе славою, любовью, благосостояніемъ; они окружаютъ тебя, давятъ, какъ чистый или зловредный воздухъ, въ которомъ ты живешь... Ты среди нихъ, бѣдное, слабое существо, какъ мышь среди слоновъ; наблюдай хорошенько, куда ступятъ ихъ лапы, не рискуй бѣгать по ихъ обычной дорогѣ; проглатывай съ осторожностью малую часть провизіи, собираемой ими; но въ особенности не будь настолько смѣшонъ, чтобы удивляться, что они не прислуживаютъ тебѣ, и что ихъ громадныя массы двигаются, не думая о тебѣ. То, что̀ ты получишь въ жизни,—подарокъ совершенно случайный; цѣлыя тысячи, гораздо достойнѣе тебя, были раздавлены со дня своего рожденія. Если въ своей трущобѣ ты найдешь нѣсколько зеренъ, благодари твоего отца, который собралъ ихъ съ опасностью жизни. На попавшуюся тебѣ минуту наслажденія смотри, какъ на счастливую случайность. Нужда, безпокойство, тоска, страданіе и опасность сопровождаютъ твои крысьи скачки и послѣдуютъ за тобой въ твою нору. Она нравится тебѣ и кажется тебѣ неразрушимою; это вѣрно до первой волны, брошенной однимъ изъ этихъ безобразныхъ хоботовъ; это вѣрно до приближенія одной изъ этихъ тяжелыхъ лапъ. Если смерть придетъ не теперь, то черезъ двадцать. пятьдесятъ дней,—результатъ будетъ тотъ же. Въ одинъ прекрасный вечеръ, когда ты высунешь носъ, чтобы полюбоваться на заходящее солнце, или въ одно прекрасное утро, когда ты отправишься за пищею,—безобразный бѣгъ встрѣтитъ твое крошечное тѣльце и унесетъ. И хорошо еще, если сразу лапа наступитъ на твой жалкій черепъ; по-крайней мѣрѣ страданіе недолго продолжится,—ничего лучше я не могу желать ни друзьямъ своимъ, ни тебѣ, ни себѣ самому. Но можетъ также статься, что смерть будетъ захватывать тебя по частямъ и что на этотъ разъ ты вернешься домой съ раздробленной ногой, оставляя за собою кровавый слѣдъ на пескѣ; назавтра очередь дойдетъ до головы и груди, а тамъ до другихъ частей. Противъ этихъ золъ опытъ и мозгъ всѣхъ мышей и крысъ не нашелъ никакого лекарства. Цѣлые вѣка прошли, а мышиная раса едва успѣла открыть нѣсколько привычекъ слоновъ, замѣтить ихъ дорожки, предвидѣть минуту ихъ выхода; теперь эта раса нѣсколько менѣе подвергнута шансамъ быть раздавленной, чѣмъ пятьдесятъ столѣтій тому назадъ; но все-таки опасность велика... Увеличивай свою хитрость, бѣдная мышь, если хочешь, но ты немногимъ увеличишь свое счастіе. Попробуй лучше закалить себя въ терпѣніи и храбрости. Привыкай выносить то, что̀ необходимо. Избѣгай кривляній и смѣшныхъ гримасъ; какое удовольствіе служить посмѣшищемъ сосѣдей? Сохрани право уважать себя, если ты не можешь избѣгнуть необходимости страдать. Тогда страшныя лапы слоновъ ты будешь считать обыкновеннымъ явленіемъ. Лучшій

плодъ нашей науки,—сознательная покорность, которая, умиротворяя души, низводитъ страданіе на тѣлесную боль.

«Тебѣ говорили, что мыши живутъ въ мирѣ и дружбѣ между собой; тебѣ повторяли, что въ каждомъ мышиномъ племени всѣ союзники и работаютъ на общую пользу... Это ложь, знай это. Въ противномъ случаѣ, при первомъ же опытѣ, ты сочтешь лицемѣріемъ свое воспитаніе, а личный интересъ сдѣлаетъ изъ тебя лицемѣра, или бунтовщика. Не будь ни тѣмъ, ни другимъ и смѣло прими истину, какова она есть. Человѣкъ—животное по природѣ и по структурѣ, а никогда ни природа, ни структура не позволяютъ исчезнуть разъ принятой чертѣ... Даже теперь онъ не измѣнился, а сдѣлался только нѣсколько мягче. Война царствуетъ какъ и прежде, только она ограничена и частична; каждый сражается за кусокъ хлѣба, но только на глазахъ жандарма... Смотри на большой городъ и на сумятицу озабоченныхъ людей. Каждый съ утра, вмѣстѣ съ семействомъ, слугами, друзьями отправляется на охоту; лишь только добыча показывается на горизонтѣ, какъ всѣ, друзья, семейство, слуги, бросаются, употребляютъ всѣ средства, чтобы захватить добычу;—это оттого, что нужно обѣдать. Не забывай обѣда и будь увѣренъ, что можно обѣдать только благодаря собственной охотѣ. Добыча рѣдка, а охотниковъ много; будь дѣятеленъ, хитеръ, храбръ; только при этихъ условіяхъ у тебя есть возможность обѣдать. Это совѣтъ для всѣхъ. А вотъ другой только для избранныхъ: не проси ничего; нищій—это трусливый воръ. Принимай рѣдко: обязанный—полууродъ. Неужели ты такъ нѣженъ тѣломъ и сердцемъ, что принужденъ жить трудомъ другаго? Уважай себя много, и поэтому не будь жаденъ. Когда ты пріобрѣлъ свою дневную пищу, зачѣмъ тебѣ больше, чѣмъ нужно? Развѣ достойно тебя захватывать добычу, безъ пользы для себя, и такимъ образомъ грабить бѣдняка? Что̀ обязываетъ тебя потѣть цѣлый день на охотѣ, какъ наемщикъ, если съ утра ты запасся пищею на цѣлый день? Гляди вокругъ себя, созерцаніе—занятіе менѣе скотское! Это широкое поле дымится и блеститъ подъ лучами благодатнаго солнца, которое его согрѣваетъ: эти окраины лѣсовъ тихо покоятся, а блестящая лазурь неба обрамляетъ ихъ; эти душистыя сосны, какъ жертвенники, стоятъ на земной пустынѣ. Въ этомъ созерцаніи ты провелъ часъ и въ это время ты не былъ животнымъ. Тебя можно поздравить, потому что ты можешь почти похвастаться, что жилъ»...

IV.

Это взглядъ мизантропа, взглядъ, въ которомъ слышится глубокая скорбь и почти отчаяніе. Такое понятіе жизни можно считать преувеличеніемъ и натяжкою, но кто не чувствуетъ, какое глубокое убѣжденіе вдохновляло эти мрачныя строки? Кто,

кромѣ того, не знаетъ, какъ часто можно встрѣтить людей, раздѣляющихъ эти взгляды, и выработавшихъ ихъ цѣною всей жизни?—Конечно, племяннику г. Грэндорфа еще долго придется ждать этихъ взглядовъ, но жизнь мало-по-малу приведетъ его къ нимъ.

Такъ вотъ какое воспитаніе, по словамъ Тэна, французской молодежи. Теперь посмотримъ, каково воспитаніе дѣвушки.

По мнѣнію г. Грэндорфа, Тюильрійскій садъ,—это гостиная на открытомъ воздухѣ, гдѣ маленькія дѣвочки учатся всѣмъ хитростямъ, любезностямъ, кокетству, и всѣмъ прекраснымъ качествамъ современной француженки. Отправимтесь же вмѣстѣ съ ними и станемъ наблюдать.

Вотъ двѣ дѣвочки (семи и десяти лѣтъ); онѣ рѣшаются пригласить третью. Сперва онѣ хорошенько ее осмотрѣли; онѣ убѣдились, что она дѣйствительно принадлежитъ къ ихъ обществу; потомъ вдругъ, поднявъ головку, рѣзвой походкой онѣ отправились къ боннѣ съ приличной смѣсью увѣренности и скромности,—совершенно такъ же, какъ настоящая дама, идущая на встрѣчу другой. Вы знакомы съ этимъ; принимается приличный видъ, юбка округляется въ складкахъ, является милая улыбка, ножки едва касаются почвы, посылаются нѣжные взгляды знакомымъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ двѣ юбки не встрѣтятся; тутъ прекрасное тѣло нѣсколько погружается въ юбку въ видѣ ученаго поклона, уста открываются, какъ распустившаяся роза, ангельская улыбка блуждаетъ по лицу, и вдругъ, какъ жемчужный водопадъ, полились комплименты, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны.

Та изъ дѣвочекъ, которая предложила приглашеніе, имѣетъ вѣтренный видъ, такой, какой принимаютъ самыя отчаянныя кокетки. Нѣтъ и тѣни искренности; она *употребляетъ* свои впечатлѣнія, преувеличиваетъ ихъ. Она играетъ роль и всегда на сценѣ. Вдругъ она кидается къ боннѣ и осыпаетъ ее ласками,—это оттого, что прилично быть любезной. Другая имѣетъ жесты смѣлые и вызывающій видъ. Третья дѣлаетъ глазки, мечтательно подымаетъ ихъ кверху. Онѣ болтаютъ, смѣются, распускаютъ свои платья, поправляютъ талью, играютъ серьгами, точь въ точь какъ будутъ дѣлать въ двадцать лѣтъ. Имъ нечего больше учиться; онѣ знаютъ уже свое дѣло. Самая важная забота для матери теперь будетъ сдерживать ихъ до брака. Будто это ихъ вина? Какъ только онѣ начинаютъ ходить, мать учитъ ихъ кокетству. Кому встрѣчались въ Тюильрійскомъ саду настоящія дѣти, въ простыхъ платьицахъ, въ грубыхъ башмакахъ, искренно веселыя, красныя, загорѣвшія на солнцѣ, съ растрепанными волосенками, бѣгающія и шумящія? Это ужасно шокировало бы мать; такія манеры хороши для дѣтей простонародья. Самый серьёзный урокъ, какой когда-либо она дала своимъ дѣтямъ, былъ: держи себя прямо! Она желала, чтобы дочь не конфузила ее и казалась хорошо воспитанной; она сдѣ-

лала выговоръ дочери за то, что та замарала себѣ руки и знакомилась съ дѣвочками скверно одѣтыми. Она хвалила свою дочь за ея кокетливые и сентиментальные отвѣты. Она все свое вниманіе употребила на туалетъ и граціозность, и одѣвала дочь свою, какъ куклу. Попробуйте сказать матери этихъ дѣвочекъ, что гораздо было бы лучше надѣть на нихъ простыя блузы съ голыми руками! Здѣсь, какъ и во всемъ остальномъ, управляетъ идеальный образецъ: всегда, при всякомъ обстоятельствѣ, французъ покоряется своимъ свѣтскимъ инстинктамъ, какъ полишинель.

Но оставимъ наши разсужденія и возвратимся къ г. Грэндорфу. Однажды онъ отправился на дачу къ своему знакомому, издерживающему тридцать тысячъ франковъ въ годъ, человѣку семейному, у котораго двѣ дочери, пятнадцати и шестнадцати лѣтъ; онѣ его очень любятъ, потому что въ карманѣ у него всегда конфекты.

— Какъ мы рады васъ видѣть, говоритъ мать.—Мы, какъ видите, на дачѣ, для дѣтей такъ нуженъ хорошій воздухъ! Онѣ у меня цѣлый день бѣгаютъ и рѣзвятся, въ простыхъ платьицахъ. Вы себѣ представить не можете, какія онѣ еще дѣти! Вчера Жанна, повторяя мнѣ исторію Людовика XIV, сказала: «Но, маменька, какъ же онъ могъ любить эту Лавальеръ, когда былъ уже женатъ? Онъ, значитъ, былъ двоеженецъ?!» Неправдали, какъ это наивно? Какое счастіе, г. Грэндорфъ, быть матерью; холостяки, какъ вы, напримѣръ, представить себѣ не могутъ, какъ много потеряли неженившись. Еще сегодня утромъ мужъ говорилъ мнѣ это, а все оттого, что онъ любезенъ; но и вы также любезны и мы всегда рады васъ видѣть. Какъ сегодня жарко, неправда ли? Потрудитесь же присѣсть.

Я кланялся, разсказываетъ г. Грэндорфъ. Вотъ ужь семь лѣтъ, какъ я во Франціи, а все-таки не могу привыкнуть къ этимъ парижскимъ любезностямъ.

Изъ другой комнаты послышались музыка и смѣхъ, это — Жанна и Марта, дочери хозяйки. Г. Грэндорфъ и мы вмѣстѣ съ нимъ отправляемся туда. Вскорѣ между молодыми дѣвушками и г. Грэндорфомъ завязалась дружба. Марта сказала ему:

— Хотите въ среду отправиться съ нами на курсъ? Будетъ большой классъ. Улица Асторгъ, 27, у г. Д'Эристоля; это очень приличный господинъ, имѣетъ орденъ и къ тому же maman говоритъ, что у него отеческій видъ. Теперь туда всѣ отправляются; всѣ мои подруги тамъ слушаютъ курсъ. Когда учитель намъ говоритъ рѣчь о счастіи матерей, — мы всѣ плачемъ; и при всемъ томъ онъ такой приличный, такой любезный господинъ. Никогда не бранитъ; когда урокъ не приготовленъ, онъ не насмѣшничаетъ, а утѣшаетъ: говоритъ, что на слѣдующій разъ дѣло пойдетъ лучше. Всегда отлично одѣтъ, неправда ли, Жанна? Темносиній фракъ, съ золотыми пуговицами, и чистые воротнички. Мы немножко подсмѣиваемся надъ нимъ, потому

что онъ слишкомъ часто смотритъ на свои ногти и слишкомъ красиво вытаскиваетъ платокъ изъ кармана. Mademoiselle Воланъ говоритъ, что платокъ у него съ ладономъ! Онъ также наблюдаетъ за своимъ туалетомъ, какъ дама. Мы очень рады ходить туда, потому что наша учительница слишкомъ надоѣдала намъ. Помните вы эту учительницу, мамзель Eudoxie? У ней былъ красивый носъ и большія руки! Неправда ли, Жанна, какая кисло-сладкая физіономія? Mesdemoiselles, вы снова передѣлаете вашъ разборъ! Mesdemoiselles, держите себя лучше! Mesdemoiselles, благовоспитанныя дѣвицы не ходятъ такъ! Mesdemoiselles, за столомъ не разговариваютъ! Ужасно надоѣла! А правила? У ней былъ полонъ ротъ всегда правилъ. Луиза Воланъ говоритъ, что это испортило ея зубы. И всегда эти правила: она продаетъ ихъ, это ея ремесло. Наконецъ, Луиза Воланъ сказала maman, что курсъ — прелесть какъ хорошъ, отлично составленъ, и съ тѣхъ поръ мы учимся тамъ.

— Чтò же вы тамъ дѣлаете.

— Все. Сочиненія. Передъ этимъ мы имѣли «Смерть Іоанны Д'Аркъ», «Разговоръ ангеловъ, тронутыхъ несчастіями земли», «Мать на колѣняхъ передъ львомъ, который хочетъ проглотить ея ребенка», «Іосифъ проданный своими братьями», «Гимнъ солнцу». Но все это очень трудно. Сперва ни я, ни Жанна не знали, чтò сказать. Сколько мы плакали! Мы думали, что ничего не понимаемъ. Г. Д'Эристоль сказалъ намъ, что нужно возбудить себя, возбудить воображеніе. Тогда мы долго гуляли большими шагами по комнатѣ, сильно обнимали другъ друга, сжимали руки, мы таращили глаза, какъ въ театрѣ, и тогда все пошло хорошо. Въ началѣ мы едва могли написать пòлстраницы, теперь же мы пишемъ шесть страницъ. Завтра до завтрака мы успѣемъ сочинить гимнъ солнцу.

— Ну, и чтò же вы скажете въ этомъ гимнѣ?

— О, теперь мы еще не знаемъ; намъ нужно быть однимъ, тогда мы подумаемъ, не такъ ли, Жанна? Къ тому же, тутъ есть и другія обстоятельства: Жанна разсказываетъ всегда о маленькихъ ягнятахъ, о поляхъ, усѣянныхъ цвѣтами, о дѣтяхъ, которыя вечеромъ на колѣняхъ у своихъ розовыхъ кроватокъ просятъ Божія благословенія; а я всегда разсказываю о колесницѣ, о молніи,—этомъ таинственномъ посланникѣ, о громѣ, который есть голосъ Всемогущаго. Все это прелесть какъ хорошо выходитъ; г. Д'Эристоль всегда доволенъ и говоритъ, что у насъ есть стиль,—онъ скоро запишетъ насъ на почетную доску.

— Вы сами читаете профессору ваши сочиненія?

— Дà, но это ужасно трудно. Представьте себѣ, что первый разъ Жанна не могла читать и расплакалась. Я полагала, что голосъ застрянетъ у меня въ горлѣ, и тогда я стала читать, сама не зная что; я была какъ бы во снѣ. Г. Д'Эристоль похвалилъ меня, тогда я оправилась, выпила воды и пошла ва-

лять! Это то же самое, какъ на балу, когда отъ свѣту дѣлается больно глазамъ, музыка звучитъ, и когда вертишься, не сознавая этого, но такъ можно вертѣться до пяти часовъ утра. Въ послѣдній разъ онъ сказалъ одной новой ученицѣ, что фразы ея тяжелы; она разрыдалась, мать стала утѣшать ее, съ нею случилась истерика. Онъ самъ прочиталъ остальное; къ счастію, все было хорошо, и она оправилась. Въ самомъ дѣлѣ, это ужасно: всѣ смотрятъ на васъ, матери, тётки находятся тутъ же, а часто и отцы! Лучше залѣзть въ мышью норку! Но иногда бываетъ весело; передъ послѣдній разъ къ намъ явилась англичанка, миссъ Фламборо, какъ макъ красная. Одѣтая въ красную шаль и безъ таліи, она не смѣла поднять глаза, ничего не видѣла, за исключеніемъ своихъ ногъ и тетрадки. Въ этотъ день maman ужасно разсердилась: повѣрите ли вы, что m-lle D'Estang надѣла кашемировую шаль! Развѣ это видано? Только дамы носятъ кашемировыя шали; но она креолка и еще не знаетъ обычаевъ. Увѣряю васъ, что нашъ классъ представляетъ великолѣпное зрѣлище, точно какъ на вечерѣ. Цвѣты на окошкахъ, лакеи въ ливреяхъ у дверей, прекрасныя платья и великолѣпныя прически! Тутъ больше можно выучиться, чѣмъ въ модныхъ журналахъ. M-lle d'Estang имѣла серьги, въ родѣ серегъ музея *Campana*, съ изумрудами. У m-lle Heric есть братъ художникъ, который рисуетъ ей фасоны зимнихъ уборовъ. У m-lle d'Argelès лицо и шея слишкомъ длинны, но она убираетъ волосы въ видѣ діадемы, одѣвается въ темно-синій цвѣтъ. Теперь уже скоро среда; еще пять дней: пятница, суббота, воскресенье, понедѣльникъ, вторникъ, двѣнадцать часовъ всякій день, нѣтъ двадцать-четыре, потому что я и во снѣ вижу классъ. Жанна, обними меня.

Онѣ кинулись другъ другу и начали скакать, какъ козлята. Черезъ два года, онѣ будутъ обниматься для виду, - это такъ хорошо идетъ, такъ пикантно; онѣ догадаются, что въ этомъ есть своего рода кокетство; точно пучокъ вишень, удобный для того, чтобы дать понюхать мужчинамъ, дать имъ понять, какъ было бы пріятно попробовать ихъ. Черезъ четыре года, если онѣ не выйдутъ замужъ, то будутъ брать на руки маленькихъ дѣтей, будутъ цаловать ихъ, ласкать, давать имъ самыя нѣжныя имена, чтобы показать, какъ онѣ любящи. Нервы, кокетство, — больше ничего не увидите.

«Возвращаясь къ себѣ, заключаетъ г. Грэндорфъ, — я мечталъ о ихъ будущихъ мужьяхъ. Счастливые люди! Только это воспитаніе способно до такой степени возбуждать нервы, и развивать тщеславіе».

V.

Чтобы знать, что̀ такое парижанка, нужно быть въ Парижѣ и наблюдать женщину во всѣхъ слояхъ и всѣхъ условіяхъ.

Только эта французская цивилизація, нѣкоторыя черты которой мы видѣли при воспитаніи, способна создать то странное существо, которое называется парижанкой. Г. Грэндорфъ, какъ видно, много наблюдалъ, и его мнѣніе кое-что да значитъ.

Возвратившись изъ Германіи, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, г. Грэндорфъ зашелъ въ магазинъ чая. Двѣ дѣвушки подошли спросить, что ему угодно. Ихъ походка такъ же безукоризненна, какъ походка настоящихъ дамъ; тѣло движется впередъ, точно плаваетъ, шолковыя платья самымъ милымъ образомъ шумятъ. Онъ ничего не понялъ во множествѣ китайскихъ именъ чая и просилъ объясненій. Ему принесли стулъ,—онъ хотѣлъ видѣть ихъ жесты, продолжать это пріятное зрѣлище. Въ нихъ нѣтъ ни застѣнчивости, ни дерзости,—голосъ самый пріятный, тонкая улыбка, любезность, удивительная способность хватать на лету мысль, самыя граціозныя движенія. Все это вовсе не разсчитано на лучшій сбытъ товара,—это ихъ естественное состояніе; имъ доставляетъ удовольствіе нравиться, кокетливо одѣваться, носить прелестную прическу.—Онѣ нѣсколько блѣдны: онѣ слишкомъ долго сидятъ въ комнатѣ, при сильномъ блескѣ газа, и тогда необходима пудра—другое сходство со свѣтскою барыней. Одна другой стоитъ,—тѣ же стремленія и тотъ же характеръ. Это онѣ знаютъ; во Франціи горничная считаетъ себя нисколько не хуже своей госпожи. «Я такъ же умна, такъ же хороша, — еслибы у меня были платья, то я бы показала себя». И въ самомъ дѣлѣ, въ какіе нибудь шесть мѣсяцевъ,—приличный любовникъ совершенно измѣняетъ ихъ. Онѣ всему выучиваются, даже орѳографіи. Что касается разговора, то онѣ родятся такъ, а въ чувствахъ нисколько не уступаютъ.

Это вовсе не насмѣшки. Въ нихъ много хорошаго: ясность и точность ума, административныя способности, а въ случаѣ нужды, настойчивость и смѣлость. Наблюдайте хорошенько какую нибудь dame de comptoir. До двѣнадцати часовъ ночи, она сидитъ среди рюмокъ и бутылокъ, записывая расходъ и приходъ, подъ ногами у ней шофретка, и пятнадцать часовъ сряду она не трогается съ мѣста. Она наблюдаетъ за всѣми: за публикой, посудой, продавцами бѣлымъ хлѣбомъ, прикащиками, служанками, дѣтьми,—и такъ съ утра понедѣльника до субботы вечеромъ; ея приказанія точны, а книги вѣрны. Ее слушаютъ: это отличный офицеръ, часто превосходящій своего начальника. Мужчина часто поддается различнымъ впечатлѣніямъ; выбранившись, его вниманіе теряетъ свою напряженность; если противникъ хитритъ, предлагаетъ хорошій обѣдъ, дѣлаетъ видъ хорошаго малаго, прямого и искренняго, то онъ поддается и спѣшитъ заключить невыгодный торгъ. Но жена даетъ знакъ пальцемъ, онъ понимаетъ, останавливается: до завтра, я поговорю съ женой. Ночью его муштруютъ и на утро онъ опять во всеоружіи недовѣрія. Если же не спраши-

ваютъ ея совѣта, то она сама вмѣшивается въ дѣло: «Но, мой другъ, вѣдь ты же знаешь, что....», и тутъ она сама вступаетъ въ споръ и цѣлые часы готова защищать свои интересы. Когда дѣло касается интересовъ, то фразы на нее не дѣйствуютъ, ея мысли—точно булавки, воткнутыя въ мозгъ,—и не выпадутъ оттуда; чтобы освободить мозгъ отъ нихъ нужно бы передѣлать всю машину; француженки неспособны разсуждать. Г. Грэндорфъ часто встрѣчалъ такихъ, которыя изъ мужей сдѣлали прикащиковъ, и торговля процвѣтаетъ. Мужъ дѣлаетъ чорную работу: заколачиваетъ ящики, исполняетъ порученія и угощаетъ важныхъ покупателей. Жена же является госпожей: завѣдуетъ фабрикой, рискуетъ, рѣшаетъ, что такой-то товаръ не въ модѣ и что его придется продать съ убыткомъ. Дѣло напр. въ пуговицахъ; у ней какъ разъ столько ума, сколько нужно, чтобы придумать модную пуговицу и дешево.

Я полагаю, что назначеніе француженки, это — dame de comptoir въ кафе-ресторанѣ, конечно хорошемъ. Тутъ она на мѣстѣ: хорошо одѣта, занята улыбками и продажей, полу-приличная, полу-вызывающая физіономія, любезная впродолженіе пяти минутъ и занятая всѣми въ залѣ, которая въ одно и то же время и трактиръ и гостиная.

Это особенно дѣлается ясно, если вспомнить кафе-рестораны другихъ странъ. Парижскій кафе великолѣпно рисуетъ настоящаго француза, обоихъ половъ, его инстинкты и привычки. Возьмите, для сравненія, какое-нибудь Bier-Halle въ Германіи; туда всѣ ходятъ; какое странное мѣсто увеселенія! Вы встрѣчаете множество людей всѣхъ сословій, въ сюртукахъ, блузахъ, при блескѣ газа, въ табачномъ дыму; всѣ кричатъ, пьютъ пиво, плюются. И однакожь имъ хорошо; этотъ тяжелый воздухъ кажется имъ широкимъ и теплымъ пальто. Наслажденіе ихъ состоитъ въ покоѣ, они мирно покуриваютъ и мирно разсуждаютъ. У многихъ какой-то кислый видъ; прежде чѣмъ отвѣчать, онѣ подумаютъ четверть часа. Видно, что внутренніе часы медленно двигаются, медленно задѣваетъ одно колесо за другое, пока наконецъ не ударитъ часъ. А царицы этого мѣста какъ различны отъ француженокъ! Вы видите двухъ женщинъ: дочь—свѣжая, молодая дѣвушка, она смотритъ вамъ прямо въ глаза и думаетъ только о своемъ пивѣ; мать — женщина полная и покойная; она беременна на послѣднемъ мѣсяцѣ, но безъ стыда расхаживаетъ и прислуживаетъ у столовъ. Представьте себѣ остроты посѣтителей, еслибы эти посѣтители были французы! Но зато въ верхней комнатѣ, нѣсколько молодыхъ людей, прикащиковъ, клерковъ, студентовъ, сидя вокругъ круглаго стола, и оставивъ трубки въ сторонѣ, вынули каждый изъ кармана ноты. Тотъ, кто въ центрѣ, дѣлаетъ знакъ, и они начали пѣть хоралъ, самый торжественный и возвышенный,— хоралъ Баха. *Обѣ женщины утирали украдкой слезы своими*

передниками.—Что же лучше—красивый ли костюмъ, или подобное чувство?

VI.

Свѣтская женщина, лоретка и прикащица въ магазинѣ,—вотъ три назначенія француженки. Тутъ онѣ совершенны, и кажется только въ этомъ, по мнѣнію г. Грэндорфа.

Все это зависитъ отъ темперамента; позабудьте прически и уборы, мѣсто, занимаемое въ обществѣ, — забудьте всю внѣшность и разсмотрите данныя, лежащія въ натурѣ. Внутреннее существо француженки, — это *gamin*, ловкій, смѣлый, умный, котораго нельзя измѣнить, у котораго недостаетъ чувства уваженія и который считаетъ себя ровней всѣмъ. Дѣло не въ юбкахъ и природныхъ склонностяхъ. Мы полагаемъ, что домашнее воспитаніе прививаетъ въ нихъ скромность,—это ошибка, онѣ принимаютъ только внѣшнія черты скромности, — которая исчезаетъ къ концу трехъ мѣсяцевъ замужества и жизни въ обществѣ. Идеи являются въ мозгу у нихъ слишкомъ быстро и слишкомъ отчетливо, — воля дѣйствуетъ сейчасъ же. Условіе ихъ существовзнія — это независимость; подчиненіе душитъ ихъ.

Вотъ, напримѣръ, мужъ ходитъ по комнатѣ и спрашиваетъ себя, куда ему дѣвать вечеръ. Жена злится, она быстро встаетъ и своимъ рѣзкимъ голосомъ говоритъ ему: что ты вертишься, точно въ клѣткѣ? Пожалуйста, перестань. Всѣ мужчины пустозвоны, никогда не могутъ ни на что рѣшаться. Что же касается ея, то ея рѣшеніе принято, и она не понимаетъ, какъ можно такъ долго носиться съ размышленіями.

Отецъ, за столомъ, говоритъ, что любитъ то или другое. Дочь прерываетъ его: papa, въ этомъ ты похожъ на меня! Въ шестнадцать лѣтъ, она невольно считаетъ себя центромъ, все относитъ къ себѣ, и отца между прочимъ.

Вотъ маленькая дѣвочка трехъ лѣтъ, играетъ въ углу въ куклы; дядя является и спрашиваетъ ее, что̀ она дѣлаетъ?—«Дяденька, открой глаза, увидишь!» Ей едва три года отъ рожденія, а она даетъ ужь понять своему дядѣ, что онъ дуракъ.

Г. Грэндорфъ былъ свидѣтелемъ большаго банкротства, когда мужчины съ печальными лицами, не зная что̀ дѣлать, ломали себѣ руки, — жена сказала: «нечего плакать, хлѣбъ нуженъ дѣтямъ, — я наймусь въ прикащицы. Шарль, подай мнѣ книги, нужно сдѣлать счетъ». Англичанка, нѣмка стала бы плакать, молиться, думать о будущей жизни и проч., а француженка дѣйствуетъ какъ мужчина. И въ самомъ дѣлѣ, во Франціи, женщина — это тотъ же мужчина, только рафинированный и сконцентрированный. У женщинъ та же инипіатива, та же живость темперамента, та же любовь къ общественной жизни, та же потребность казаться, та же страсть къ удоволь-

ствію, какъ и у мужчины, только гораздо нервнѣе и сильнѣе. Изъ этого слѣдуетъ, что женщинѣ нужна та же дѣятельность, какъ и мужчинѣ, во Франціи особенно, гдѣ страсти въ ходу, гдѣ нужно наблюдать характеръ, гдѣ борьба и господство, но не господство силы и варварства, а хитрости и ловкости: — посланница, промышленница, куртизанка, — знаете ли вы другое мѣсто въ мірѣ, гдѣ бы гостиныя, магазины и спальни играли бóльшую роль, чѣмъ въ Парижѣ?

Всѣ иностранцы, обогатившись, являются жуировать въ Парижъ; это оттого, что парижанка умѣетъ ихъ распатать; для этого она обладаетъ двумя талантами:

Первый талантъ заключается въ искусствѣ говорить и позволить говорить сальности. Всякій мужчина нѣсколько склоненъ къ сальности, потому что въ порядочномъ обществѣ сальность запрещена. Приличіе такъ же мѣшаетъ ему, какъ фракъ или слишкомъ накрахмаленный воротничокъ; онъ ощущаетъ потребность раздѣться не до нага, но, по крайней мѣрѣ, скинуть сюртукъ. Принужденіе, подъ вліяніемъ котораго онъ находился нѣкоторое время, вызвало глухую бурю внутри его. Чѣмъ болѣе мужчина серьёзенъ, тѣмъ болѣе шансовъ найти въ немъ настоящаго *gamin*. Вотъ этого-то именно gamin, куртизанка и вытаскиваетъ изъ тюрьмы; представьте себѣ, какъ онъ прыгаетъ на коврѣ, тѣмъ болѣе, что коверъ роскошенъ, мебель прекрасна, что хозяйка часто хороша собой, всегда разодѣта, какъ свѣтская женщина....

Второй талантъ еще важнѣе. Парижанка — личность, а не вещь; она умѣетъ говорить, желать и водить за носъ; у ней есть свои желанія, упрямство, капризы; какъ бы она ни была опозорена, она все-таки человѣкъ. Какая-то актриса въ прошломъ столѣтіи сдернула съ своего любовника, герцога, орденъ Святого Духа, крича ему: «преклони колѣни и цалуй мои туфли, старый чортъ!» Недавно одна изъ лоретокъ упрашиваетъ своего любовника подарить ей домъ; черезъ три дня онъ приноситъ ей пачку ассигнацій. Она разсматриваетъ, бросаетъ ихъ въ лицо ему. «Старый эгоистъ! Я у тебя просила не денегъ, а домъ; ты не захотѣлъ дать себѣ труда самому купить». Любовникъ нашелъ это прелестнымъ: онъ не привыкъ къ независимости. На подобнаго рода штуки способна только француженка. Въ Лондонѣ, женщины Cremorn-Gardens не болѣе какъ сумасшедшія, которыя шумятъ и пьютъ, или же точныя прикащицы, занятыя счетами. Въ маленькихъ домикахъ въ предмѣстьяхъ вы встрѣтите очень красивенькихъ, приличныхъ дѣвушекъ, чуть-чуть не лэди, которыя желаютъ только правильной жизни и радостей семьи; все же остальное въ отчаяніи пускается во всѣ тяжкія. Въ Парижѣ же онѣ думаютъ о будущемъ: онѣ эксплуатируютъ мужчинъ. У нихъ гостиныя, свѣтскія женщины интересуются ими,—онѣ составляютъ моду. Куртизаны средней руки устраиваются, заводятъ магазинъ перча-

токъ, выходятъ замужъ: это нечестные Фигаро, но все-таки Фигаро.

Совершенно тѣ же черты встрѣчаете вы и въ свѣтской женщинѣ. Умѣнье принять гостя и тонкая ловкая лесть составляютъ всю силу свѣтской женщины. Конечно, болѣе или менѣе всѣ льстятъ, но дураки въ состояніи только сказать вамъ: «Ахъ, какой у васъ талантъ! Ахъ какъ вы хороши». Если подобныя вещи говорятся человѣку не совсѣмъ выжившему изъ ума, то онъ поникаетъ головой, лепечетъ едва слышно благодарность и посылаетъ мысленно къ чорту льстеца. Умная же женщина никогда не показываетъ вамъ своего одобренія, она его скрываетъ; но это видно. Она становится на вашу точку зрѣнія, развиваетъ ваши мысли, съумѣетъ заставить васъ ясно выражаться и вы сами собой довольны. Она споритъ съ вами, даетъ вамъ удовольствіе убѣдить ее, она никогда сразу не поддается, она доказываетъ вамъ такимъ образомъ, что вы не дюжинная натура. Поговоривши съ такой женщиной, вы убѣждены, что умны, что ваши путешествія — самая интересная вещь въ мірѣ. Она всегда пользуется слабою стороной другаго. Въ другихъ слояхъ: лоретка и прикащица дѣлаютъ то же. Одинъ родъ ума въ трехъ лицахъ; — весь талантъ и подробности француженки это — пользоваться мужчинами, нравясь имъ.

VII.

Таковы приблизительно женщины въ Парижѣ, а каковы же мужчины? Мы видѣли воспитаніе, получаемое мужчинами во Франціи въ богатыхъ семействахъ. Какого рода людей можетъ выработать подобное воспитаніе? Племянникъ г. Грэндорфа, г. Анатоль Дюранъ, можетъ служить въ этомъ отношеніи хорошимъ образцомъ.

У него, точно также какъ и у всякой хорошенькой женщины, существуетъ jour-fixe, когда онъ принимаетъ своихъ друзей. И чѣмъ отличается онъ отъ хорошенькой женщины? Конечно, онъ не такъ красивъ, но вотъ и все; во всемъ же остальномъ нѣтъ никакой разницы. Его занятія почти тѣ же; когда онъ позаботился о своемъ туалетѣ, мебели, о своемъ вечерѣ,—то весь запасъ его мыслей изсякъ. У него цѣлый шкапъ сапоговъ и ботинокъ; онъ впродолженіе двухъ лѣтъ колебался, котораго изъ двухъ извѣстныхъ сапожниковъ выбрать. Что же касается жилетовъ, то въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ извѣстность геніальнаго человѣка. Первый закройщикъ его портнаго питаетъ къ нему уваженіе, и онъ такъ же гордится своею грудью, какъ гусаръ. Посмотрите его *negligé* — это верхъ совершенства. Подбородокъ выбритъ, но бакенбарды роскошно развиваются и соединяются съ усами, и разочарованіе смѣшивается на лицѣ съ довольствомъ собою. Руки изящныя, на розовыхъ пальцахъ большой перстень. Онъ изучилъ свою улыбку, и управляетъ ею превосходно; онъ

умѣетъ кстати наклонить голову, скрестить ноги, расположиться въ креслѣ и слушать или же разсказывать глупости. Какъ милъ племянникъ г. Грэндорфа! Ему немногому оставалось бы выучиться, еслибы вдругъ сдѣлаться свѣтской женщиной: ему пришлось бы причесываться à la chien, надѣвать шиньонъ, округлять широкую юбку и изворачиваться съ смѣсью удовольствія и приличія, среди любезностей и пошлостей пріемнаго дня!

Чѣмъ же онъ занятъ днемъ? Онъ встаетъ въ девять часовъ, надѣваетъ халатъ, и лакей приноситъ ему шоколадъ. Онъ читаетъ газеты, куритъ папиросы, проводитъ время такимъ образомъ до одиннадцати часовъ и одѣвается. Одѣваніе—это цѣлое занятіе. Въ своемъ кабинетѣ онъ поставилъ столъ громадныхъ размѣровъ, съ тремя посудинами и несмѣтнымъ множествомъ банокъ и баночекъ, флаконовъ и зеркалъ. Онъ имѣетъ три щетки для головы, одну для бороды, потомъ для усовъ, щипчики, нѣсколько сортовъ помады, духи, мыла; цѣлая коллекція парфюмера. Одѣвшись онъ завтракаетъ, потомъ куритъ, просматриваетъ модный романъ и отправляется съ визитами. Недавно онъ окончилъ курсъ школы права; теперь онъ свободенъ, и весьма радъ, что ему нечего дѣлать и незачѣмъ читать. Мнѣ кажется, что онъ перелистывалъ Vie de Jesus Ренана, но для того, чтобы можно было говорить объ этомъ сочиненіи и не отставать отъ моды. Величайшимъ его открытіемъ въ нынѣшнемъ году есть его трость: онъ отправилъ въ магазинъ Вердье дюжину палокъ, присланныхъ его дядѣ изъ Бразиліи, и въ замѣнъ заказалъ рѣзную головку для трости, которая зарекомендовала его превосходно между его знакомыми. Однажды лѣтомъ онъ уговорилъ нѣсколько молодыхъ людей одѣться, какъ и онъ, въ бѣлый жилетъ, бѣлый пиджакъ, и бѣлую шляпу. Эта неслыханная смѣлость вошла въ моду, и онъ не мало гордится своею храбростью и успѣхомъ.

Часа въ четыре онъ отправляется въ Булонскій лѣсъ; его верховая лошадь недурна, онъ довольно хорошо сидитъ верхомъ. Обѣдаетъ онъ, по обыкновенію, въ клубѣ; чаще всего къ двѣнадцати часамъ ночи онъ дома. Раза два въ недѣлю, онъ въ театрѣ,—онъ предпочитаетъ Пале-Рояльскій театръ; два другіе вечера онъ посвящаетъ одной фигуранткѣ лирическаго театра. Его любовь къ одной модисткѣ длилась цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ.—Вотъ и все; онъ ведетъ порядочную жизнь, у него нѣтъ сильныхъ страстей, нѣтъ даже горячности молодости. Всѣ почти современные молодые люди таковы: во всемъ умѣренны, даже въ своихъ глупостяхъ. Излишество устрашаетъ ихъ; буржуа избѣгаютъ скуки. Тщеславіе играетъ въ нихъ нѣкоторую роль, но не особенно большую. Племянникъ Грэндорфа даритъ букеты M-lle X., но не посидитъ ради ея въ долговомъ отдѣленіи. Въ его глазахъ, всѣ женщины стоятъ другъ друга; любовь для него такъ же пріятна, какъ хорошее блюдо, но рядомъ съ однимъ ресторономъ, существуетъ и другіе. Покутивши

такимъ невиннымъ образомъ до тридцати лѣтъ, онъ подумаетъ о семейной жизни. Женившись, онъ, сидя въ деревнѣ, будетъ толстѣть семь мѣсяцевъ въ году. Его можно было женить какъ только онъ вышелъ изъ коллегіи, — онъ на свѣтъ Божій явился человѣкомъ зрѣлымъ.

На что онъ способенъ? Во всю свою жизнь ему ни разу не приходило въ голову выучиться чему нибудь, самому дѣйствовать, и имѣть свою волю. Совѣтуйте ему сдѣлать большое путешествіе, напримѣръ въ Іерусалимъ или въ Каиръ, — онъ непремѣнно скорчитъ гримасу; онъ предпочитаетъ посмотрѣть Іерусалимъ или Каиръ на сценѣ большой оперы. Дядя отправилъ его какъ-то въ Лондонъ, — онъ былъ возмущенъ туманомъ и визитами; онъ нашелъ, что театръ и публичные балы Лондона хороши только для прикащиковъ и очень спѣшилъ возвратиться.—Онъ очень любитъ пикники и жизнь въ замкѣ,— тутъ онъ имѣетъ успѣхъ, потому что у него всегда свѣжія перчатки и потому что онъ недурно танцуетъ, но онъ предпочитаетъ хорошіе обѣды и тѣ большія кресла, въ которыхъ такъ удобно развалиться послѣ обѣда, покуривая сигару. Прошлое поколѣніе въ его возрастѣ страстно интересовалось литературой и политикой: самъ г. Грэндорфъ принадлежалъ въ обществу, имѣющему цѣлью возрожденіе рода человѣческаго, а по поводу *Orientales* Виктора Гюго молодые люди затѣвали дуэли. Что же касается племянника, то на литературу онъ смотритъ такъ же, какъ и на любовь, — съ нею можно провести пріятно вечеръ, когда дѣлать нечего; ему нужны интересные романы, только не печальные и трудно понимаемые; онъ читалъ *Madame Bovary*, но снова перечитать не рѣшится; еслибы появился новый и модный Поль-де Кокъ, — болѣе приличный, то его романы всегда находились бы на его столѣ. Относительно же политическихъ теорій извѣстно, что онѣ канули въ воду еще въ 1848 году; по его мнѣнію, фразы, произносимыя о политическихъ дѣлахъ, хороши только тѣмъ, что съ ихъ помощью можно получить мѣсто. Дядя совѣтовалъ ему подумать о карьерѣ,—въ случаѣ нужды, онъ приметъ какое нибудь занятіе, по необходимости, какое бы оно ни было, но желаетъ жить въ Парижѣ, имѣть свободное время располагать вечеромъ, утромъ и воскресеньемъ, имѣть отдыхъ разъ въ недѣлю и два мѣсяца каникулъ и прибавляетъ, что пищевареніе его совершается скверно, когда онъ принужденъ работать между завтракомъ и обѣдомъ, отъ одинадцати до пяти часовъ.

Находите ли вы во всемъ этомъ что либо удивительное? Все его воспитаніе направлено къ этому результату. Въ коллегіи онъ дѣлалъ сочиненія, сочинялъ латинскіе стихи до двадцатилѣтняго возраста, — съ товарищими онъ глядѣлъ сквозь окна. При такихъ условіяхъ, — отпускъ, прогулка по бульвару среди множества хорошенькихъ женщинъ, на которыхъ можно смотрѣть, не боясь надзирателя,—вотъ настоящая жизнь. Во всемъ,

чему его учили, ничего не нашлось практическаго, онъ выучивалъ руководство, для того, чтобы быть свободнымъ; какъ только дверь открылась, онъ къ чорту отправилъ и латинь и греческій языкъ.—Возвратившись домой, его начали лелѣять; никто не требовалъ отъ него усилій и труда,—желали только, чтобы въ обществѣ онъ держалъ себя прилично и не дѣлалъ глупостей; «не возвращайся слишкомъ поздно и научись завязывать галстухъ!»—вотъ всѣ принципы, которыми его снабдили.—Относительно же примѣровъ, онъ видѣлъ, какъ сильно его отецъ и друзья дома заботились о собственной персонѣ, какъ старались увеличить состояніе, какъ разсчитывали доходы и удобства дачи, какъ заботились о мебели и обѣдѣ. Онъ дѣлаетъ то же самое. Это животное задняго двора,—развѣ можно быть чѣмъ нибудь инымъ, когда родился на заднемъ дворѣ?—Мы сравнивали его вкусы и занятія, идеи съ вкусами, занятіями и идеями мѣщанки; но кромѣ того и воспитаніе онъ получилъ мѣщанки. Онъ также учился латини, какъ она игрѣ на фортепьяно; одинъ другого стоятъ, одно такое же механическое занятіе, какъ и другое. Онъ былъ въ коллегіи, она въ монастырѣ; онъ, какъ и она, съ жадностью глядѣлъ въ щелочку дверей, и оба представили себѣ жизнь какъ день отпуска, когда надѣваются свѣжія перчатки и когда кушаютъ пирожки съ клубникою. Родители учили его, какъ и ее, уважать законы приличій, избѣгать блеску, бояться слишкомъ большихъ усилій, знать толкъ въ вкусныхъ кускахъ, и теперь онъ мечтаетъ о мѣстѣ, какъ она о замужествѣ. Какъ мѣсто, такъ и замужество служитъ только для того, чтобы играть извѣстную роль и вести пріятную жизнь безъ особенныхъ хлопотъ. Оба считаютъ высшимъ благомъ прогулку въ Булонскій лѣсъ въ новомъ экипажѣ. Можетъ быть, въ самомъ сокровенномъ уголкѣ мозга у дѣвушки найдется еще какое нибудь требованіе, потому что въ качествѣ женщины—нервы ея разстроены, а въ качествѣ дѣвушки ее держатъ въ заперти до замужества. Но говоря вообще,—какъ онъ, такъ и она, стоятъ другъ друга. Вотъ вамъ современные супруги: это не болѣе, какъ пѣтухъ и курица на насѣстѣ!

VIII.

Таковъ племянникъ г. Грэндорфа; разумѣется, изъ него ничего путнаго не выйдетъ и на него совершенно спокойно можно махнуть рукой; человѣка дѣльнаго изъ него сдѣлать нельзя, и онъ можетъ жить въ той только сферѣ, которая его воспитала. Поэтому г. Грэндорфъ весьма умно, по нашему мнѣнію, сдѣлалъ, когда въ совѣтахъ племяннику затрогиваетъ вещи, которыя онъ понять можетъ, и касается міра, въ которомъ его племянникъ живетъ; совѣты его, какъ человѣка опытнаго, въ этомъ отношеніи весьма интересны и рисуютъ довольно рельефно типы, современный міръ и то общество, которое составляетъ исключи-

тельную принадлежность Парижа и результатъ нравственныхъ интересовъ парижскаго общества.

И такъ вотъ совѣты, какіе даетъ Грэндорфъ своему племяннику, Анатолю Дюрану, какимъ образомъ онъ долженъ вести себя въ обществѣ:

«Мой другъ, я имѣю восемьдесятъ тысячъ франковъ годоваго дохода, — я страдаю болѣзнію печени и бездѣтенъ. Вотъ почему я нисколько не сомнѣваюсь, что ты съ глубокимъ вниманіемъ прочтешь эти совѣты. Вѣроятно даже, что ты будешь расхваливать ихъ и дашь мнѣ понять, что я человѣкъ умный. Комплименты я выслушиваю отъ десяти до одинадцати часовъ утра, — но пожалуйста, не употребляй фразъ.

«Я совѣтую тебѣ не подражать современнымъ привычкамъ, состоящимъ въ томъ, чтобы старшихъ родственниковъ считать товарищами. Если, напримѣръ, желая похвалить мои литературные успѣхи, ты станешь трепать меня по животу и скажешь: «Браво, старина,—да здравствуетъ литературный дядя!»—то это можетъ для тебя скверно кончиться. Мой лакей Sam выпроводитъ тебя за двери, или же я выкину тебя за окно.

«Ты можешь написать на своихъ карточкахъ *Anatole* всѣми буквами. Имя *Анатоль* облагороживаетъ фамилію *Дюранъ*; это въ особенности будетъ необходимо, когда ты женишься: *madame Anatole Durand*. Эти имена облагороживаютъ мѣщанскія фамиліи. Но если я найду на твоихъ карточкахъ *Anatole Du Rand*, или *D'urand*, то ты можешь проститься съ долларами, пріобрѣтенными мною въ торговлѣ соленой свининой и керосиномъ.

«Ты ѣшь слишкомъ много за обѣдомъ; въ двадцать-четыре года ты такъ же полонъ, какъ мужчина тридцати-шести лѣтъ отроду. Несмотря однакожъ на это, подобныя фигуры теперь въ модѣ. Вотъ уже десять лѣтъ какъ физическая сила пополняетъ изящность манеръ. Теперь, когда женщины подражаютъ Магдалинамъ, мужчины могутъ приближаться къ носильщикамъ.

«Въ дни представленій у тебя должны быть на ногахъ лакированные сапоги въ двадцать-пять франковъ по крайней-мѣрѣ, даже въ сорокъ франковъ, если можешь. Кто имѣетъ сапоги въ сорокъ франковъ, тотъ джентльменъ. Сапожникъ дѣлаетъ кожу мягкою, подошва исчезаетъ, образуется изящный спускъ, на все набрасывается прелестный лоскъ, а по сапогамъ заключаютъ и объ остальномъ.

«Небольшая лысина спереди вещь весьма не дурная; это показываетъ, что человѣкъ пожилъ. Однакожъ не мѣшаетъ позаботиться о большой бородѣ, имѣть свѣжія щоки, хорошіе зубы, видъ смѣльчака, однимъ словомъ, нужно доказать, что жизнь еще не прошла. Въ 1830 году въ модѣ былъ экзальтированный чахоточный; теперь позитивистъ и здоровякъ. Послѣ господства нервовъ, — господство мускуловъ.

«Впрочемъ, не совсѣмъ довѣряйся модѣ. Въ гостиной, на

тридцать женщинъ, — двадцать-пять дуры, которыя шумятъ своими платьями и весь умъ которыхъ состоитъ въ повтореніи модныхъ фразъ; но остальныя пять, — умны и имѣютъ свое мнѣніе. Позавчера развалившись на креслѣ, ты болталъ съ двумя дамами; ты граціозно показалъ руку, на пальцахъ которой блестятъ перстни, ты откинулъ по сторонамъ полы фрака и округлилъ свою красивую грудь. Ты наклонилъ нѣсколько голову и говорилъ глупости, довольный что тебя слушаютъ и что ты мастеръ говорить. Но когда полюбезничавъ съ ними, ты всталъ и обратилъ къ другимъ свою цвѣтущую физіономію и прелестную улыбку, онѣ впродолженіе нѣсколькихъ минутъ смотрѣли другъ на друга, и я видѣлъ, какъ уголки этихъ тонкихъ губъ незамѣтно понизились, въ то время какъ плечи, нѣсколько приподымаясь, шелестили кружевами

«Изъ всѣхъ мужчинъ, которыхъ я знаю, тому, который дѣйствительно имъ нравится, теперь шестьдесятъ лѣтъ. (Пожалуйста, не улыбайся такъ глупо, и не думай, что этимъ я указываю на г. Фредерика-Томаса Грэндорфа; г. Фредерикъ-Томасъ Грэндорфъ слишкомъ давно жилъ въ Америкѣ и теперь онъ не болѣе, какъ американское и весьма скучное животное).

«Счастливый шестидесятилѣтній старикъ, котораго я предлагалъ тебѣ въ образецъ, употребляетъ весьма простую политику большаго свѣта, закончившаго свое существованіе въ 1789 году; онъ любуется ими и любитъ ихъ; къ концу нѣсколькихъ минутъ онѣ видятъ это. Какъ только онъ подходитъ къ юбкѣ, она чувствуетъ себя въ присутствіи существа нѣжнаго, неоцѣненнаго и весьма слабаго, къ которому и пальцемъ нельзя дотронуться. Онъ становится на ихъ точку зрѣнія, заставляетъ ихъ высказывать мнѣнія, странныя и капризныя, милыя фразы, которыя безъ него остались бы невысказанными и не рѣшились бы обнаружиться при другомъ; онъ слѣдуетъ направленію и изгибамъ ихъ воображенія; ему достаточно того, чтобы онѣ говорили, чтобы кисти ихъ прически волновались, чтобы губы двигались,—онъ восхищенъ. Кажется, будто онъ говоритъ имъ: блестите и улыбайтесь; вы даете намъ блаженство и очень къ намъ милостивы».

«Этотъ примѣръ не особенно заразителенъ, вотъ почему я тебѣ указываю на него.

«Необходимо держать себя прилично и правильно, когда скука начинаетъ одолѣвать: насупить брови весьма неприлично. Улыбаться самому себѣ значитъ быть фатомъ. Не двигать мускулами лица, а то, въ противномъ случаѣ, можно подумать, что разговариваешь съ самимъ собой. Не разваливаться въ креслѣ, это манеры трактирныя. Не слишкомъ наклоняться впередъ, — можно подумать, что разсматриваешь свои сапоги. Корпусъ тѣла долженъ составлять уголъ въ сорокъ-пять градусовъ съ ногами. Ты долженъ имѣть на лицѣ выраженіе пустоты и

приличья, точно также можно разсматривать альбомъ фотографическихъ карточекъ.

«Порядочный человѣкъ въ Парижѣ лжетъ десять разъ въ день, порядочная женщина—двадцать разъ, свѣтскій человѣкъ—сто разъ; но совершенно неизвѣстно, сколько разъ въ день лжетъ свѣтская женщина.

«Во всякой семьѣ существуетъ рана, какъ въ каждомъ яблокѣ существуетъ червякъ.

«Въ Парижѣ супруги изучаютъ другъ друга впродолженіе трехъ недѣль, любятъ другъ друга три мѣсяца, ссорятся три года, выносятъ другъ друга тридцать лѣтъ и дѣти повторяютъ ту же исторію.

«Женщина выходитъ замужъ, чтобы войти въ свѣтъ; мужчина, — чтобы изъ него выйти.

«Когда женщина составляетъ мнѣніе о мужчинѣ, то представляетъ себѣ его на колѣняхъ и нѣжнымъ, никогда не разсматриваетъ его самого по себѣ и его личную цѣнность. Если въ этомъ положеніи онъ кажется ей смѣшонъ, — все кончено; будь онъ даже величайшій человѣкъ, она на него не посмотритъ. Она избѣгаетъ его за столомъ, не хочетъ съ нимъ танцовать, спрашиваетъ себя, почему онъ не въ прихожей.

«Женщина входитъ въ общество, чтобы выудить себѣ мужа или любовника, или же понятіе о мужѣ и любовникѣ, для себя или для другой. Всѣ идеи погружаются въ эту основную идею какъ рѣки въ море.

«Женщина не обращаетъ много вниманія на умъ, на красоту, на дѣйствительныя заслуги; она признаетъ ихъ, но только на словахъ. *Онъ мнѣ нравится*, — фраза эта означаетъ все и все захватываетъ. Это все равно, что выборъ шляпки, ленты; *онъ мнѣ нравится* — это значитъ, что тутъ есть тайное приличіе, пикантное удовольствіе, удовлетвореніе какого-нибудь страннаго, личнаго, утонченнаго и даже эксцентрическаго желанія. Поэтому развязный видъ, свѣжія перчатки, хорошенькая фраза, звучный тонъ голоса—дѣлаютъ свое дѣйствіе: однимъ словомъ, кушанье, приспособленное къ ея нёбу. Въ концѣ-концовъ, это сводится на слѣдующее: «я люблю вишни, ну, и ѣмъ ихъ».

«Существенной чертой женскаго ума есть то, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ моментовъ, всѣ идеи, выработываемыя имъ—неопредѣленны, и готовы слиться въ одно. Ты торчишь тамъ, какъ свѣтящаяся точка въ туманѣ.

«Отправляясь на первый балъ, молодая дѣвушка говоритъ: «Хорошо ли я буду ходить? Не упаду ли танцуя?»

«На второмъ балу: «Понравилась ли я? Имѣла ли успѣхъ?»

«На третьемъ: «Освѣщеніе было превосходно, музыка прелестна — я постоянно танцовала, я была въ опьяненіи».

«На четвертомъ: «Нравлюсь ли я г. Анатолю Дюрану, котораго дядя занимается торговлей соленой свинины и керосина».

«Балы полезны; конечно, здраваго смысла тамъ мало, но два странныхъ животныхъ—мужское и женское—таинственныхъ и неопредѣленныхъ другъ для друга,—знакомятся тамъ.

«Когда у своей невѣсты ты увидишь розовыя щочки и прелестные глазки, пожалуйста, не говори, что она ангелъ,—эти щочки и глазки такъ хороши только оттого, что ее заставляютъ ложиться спать въ девять часовъ, и что она уничтожаетъ много котлетъ.

«Твои ногти, конечно, розовы, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы прилично было въ обществѣ почесывать ими свой носъ.

«На прошломъ вечерѣ ты долго смотрѣлъ на m-me Marguerite S., она недавно только вышла изъ монастыря; она подымаетъ глаза только тогда, когда ей нужно посовѣтоваться съ матерью. Она богомольна, ее выкупали въ богомоліи, какъ конфетку въ сахарѣ; но я предупреждаю тебя, что эта конфетка съ сюрпризами. Недѣли двѣ тому назадъ, она поблагодарила свою подругу за то, что та представила ей одного, весьма богомольнаго католика. «Но отчего?» «Да... не знаю». «Но вѣдь есть же причина, а?» «Да...» «Ну, что жь?» Да мнѣ кажется, что такой человѣкъ долженъ быть нѣсколько ограниченъ и имѣть различныя маніи!»

«Откуда выкопала она эту мысль? Въ монастырѣ?—Невозможно. Въ журналѣ?—Она ничего не читаетъ. Въ книгѣ?—Но книги ей выбираются, а подозрительныя мѣста вырѣзываются ножницами. Въ разговорѣ?—Она во всю свою жизнь не сказала ни одного слова не въ присутствіи своей матери, тетки и бабушки,—трехъ неподступныхъ аргусовъ. Можетъ быть, какъ-нибудь на балу, при подобномъ же обстоятельствѣ, она замѣтила на лету улыбку. Этого достаточно; малѣйшая искра падаетъ на эти головы, какъ на кучу пороху. Когда онѣ ничего не знаютъ, то все подозрѣваютъ.

«Вотъ какъ нужно вести себя, когда дама, сыгравши пьесу на фортепьяно, встаетъ:

«Если ты далеко отъ нея сидишь, подними руки какъ бы для того, чтобы хлопать: это одно изъ средствъ показать свои запонки и перчатки.

«Если ты вблизи, бормочи вполголоса цѣлый рядъ прилагательныхъ: великолѣпно, прелестный вкусъ, чудная игра, истинное чувство! Если музыкантша глупа, попробуй пускать въ ходъ болѣе сильные эпитеты: неподражаемо, совершенно! Желая понравиться, ты долженъ узнать нѣсколько техническихъ выраженій: ловкій пріемъ, перемѣна тона, минорный пассажъ, трель—точно жемчугъ и т. д. Высшая степень состоитъ въ знаніи именъ главныхъ сочиненій знаменитыхъ композиторовъ, и произношеніи ихъ тихимъ голосомъ. Тутъ съ тобою заговорятъ; восторженныя фразы льются, прелестная піанистка довольна

своимъ умомъ и пальцами, и начинаетъ уважать господина Анатоля Дюрана, или д'Юрана.

«Второе средство гораздо лучше, но труднѣе исполнить его. Изучи у Берліоза, Фетиса и проч. біографіи знаменитыхъ композиторовъ; узнай разницу стиля, имѣй въ запасѣ анекдоты на подтвержденіе своего мнѣнія, — отсюда рискни съимпровизировать значеніе Моцарта или Вебера; напирай на нѣжность, отличительныя черты, поэтическую прелесть, недоступную толпѣ, и дай понять, не говоря, разумѣется, что исполнительница имѣетъ душу композитора. Съ этимъ ты достигнешь всего.

«Въ свѣтѣ существуютъ только четыре разряда лицъ: влюбленные, тщеславные, наблюдатели и дураки.

«Дураки—самые счастливые.

«Я встрѣчалъ въ свѣтѣ и великихъ людей, но, по бо̀льшей части, они не имѣютъ успѣха; конечно, я разумѣю настоящихъ великихъ людей. Они всегда разсѣянны, они начинаютъ говорить, шокируютъ, и сами шокируются.

«Мысль у человѣка играетъ роль той желѣзной подставки, которую скульпторы употребляютъ для статуй: она поддерживаетъ его.

«Великій человѣкъ всегда абсорбируетъ, потому что самъ всегда абсорбированъ.

«Въ свѣтѣ невозможно существовать безъ какой-нибудь спеціальности. Восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, достаточно было быть хорошо одѣтымъ и любезнымъ; теперь же такой господинъ будетъ слишкомъ похожъ на гарсона въ кафе. Теперешніе франты обыкновенно говорятъ о лошадяхъ, скачкахъ. Я совѣтую тебѣ политическую экономію: это дастъ извѣстный рельефъ мужчинѣ. Кромѣ того, сочиняй стихи, — на дачѣ это весьма хорошо.

«Надѣвая бѣлый галстухъ, не брани глупость привычекъ. Гостиная — это постоянная выставка. Ты — товаръ, а товаръ тогда только видѣнъ, когда онъ на выставкѣ.

«Одинъ только недостатокъ въ этомъ обществѣ—лицемѣріе. Всѣ вы не болѣе, какъ собаки на поискахъ за костью; нужно обѣдать, я это оправдываю; но ради-Бога не говори, что ты пренебрегаешь костью!»

IX.

Бѣдный господинъ Анатоль Дюранъ! Какъ много ему приходится изучать, чтобы успѣть въ обществѣ, по увѣреніямъ Грэндорфа! И не забудьте, что вѣдь это только одна сторона медали, а другая гораздо хуже. Что̀ еслибы у него не было дядюшки, а у этого дядюшки восьмидесяти тысячъ франковъ годоваго дохода? Что̀ еслибы ему приходилось самому заботиться о добываніи денегъ; что̀ дѣлалъ бы этотъ бѣдняжка! Онъ еще необыкновенно счастливъ, а тысячи другихъ, кото-

рымъ, во что̀ бы ни стало, нужно *parvenir! Parvenir* — это слово въ устахъ каждаго, кому нужно работать, кто стремится стать выше, имѣть больше. А кто этого не хочетъ? Девятнадцатое столѣтіе уничтожило сословныя цѣпи, привиллегіи, неравенство; оно дало право и возвело въ принципъ, что всякій, какъ бы ни было низко его происхожденіе, имѣетъ право занимать самыя важныя и высокія должности въ обществѣ. Это право и представляетъ самую существенную черту современной жизни. Оно преобразило міръ, и дало новыя начала.

«Когда мнѣ приходилось жить по нѣскольку мѣсяцевъ въ Лондонѣ — разсказываетъ г. Грэндорфъ — то часто въ часъ ночи я садился въ кэбъ. Кучеръ сзади—его невидно, и сильныя ноги лошади несутъ быстро, правильною рысью. Я приказывалъ кучеру не останавливаться, не говорить; обыкновенно я возвращался черезъ London-Bridge Strand. Никакое зрѣлище, по всей вѣроятности, не представляетъ такого грандіознаго и ужаснаго вида».

Жизнь точно потухла; остается только громадныхъ размѣровъ кладбище. То тутъ, то тамъ, на углу, стоитъ полисменъ, неподвижно и молчаливо, какъ сторожъ мертвыхъ. Кое-гдѣ встрѣчается женщина въ лохмотьяхъ, нѣсколько привидѣній въ черномъ одѣяніи скользятъ неясно въ тѣни. Мрачный свѣтъ блеститъ надъ воздухомъ испорченнымъ и вреднымъ. Это не сонъ южнаго города, страстно покоющагося въ объятіяхъ прекрасной природы: это страданія существа, потерявшаго силы отъ страшныхъ несчастій и горячки, это вредная безсонница при факелахъ возлѣ смерти. Постоянно и вѣчно однообразныя улицы увеличиваютъ нить монументальныхъ домовъ; улицы за улицами, потомъ опять улицы, потомъ скверы, площади, перекрестки, все неизвѣстныя, все молчаливыя при блѣдноватомъ свѣтѣ съ подъѣздами, пилястрами, фронтонами, тротуарами. Кажется, что пропасть человѣческая все болѣе и болѣе увеличивается, по мѣрѣ того, какъ погружаешься въ нее. И все это безлюдно. Совершенно нельзя почувствовать всей этой громады, когда она наполнена и шумна. При переѣздѣ черезъ гигантскіе мосты, ужасъ удвоивается; блестящая рѣка плещетъ неопредѣленно въ туманѣ, подымая на своей зловонной спинѣ суда, которыя стукаются другъ о друга. Свѣтъ газа дрожитъ на водѣ, и отблескъ его теряется вдали. Вправо и влѣво, вверху и внизу просвѣчиваетъ, подъ этимъ катафалкомъ темноты и свѣта, громадная нить зданій и почернѣвшихъ фабрикъ. Столько камней и кирпичей, столько зданій и построекъ, такое громадное собраніе труда и разсчетовъ! Завтра эти логовища выпустятъ сотни тысячъ народу, и борьба возобновится еще съ новою силою, и снова затихнетъ къ ночи. Но печальнѣе всего то, что эта борьба частична и единична, совершается по рутиннымъ правиламъ, на отдѣленномъ, опредѣленномъ и ограниченномъ мѣстѣ, каждый въ своемъ отдѣ-

ленія, согнувшись подъ тяжестью традиціи и работы, столь же механической и искусственной, какъ и его безобразная, каменная тюрьма. Теперь въ мірѣ слишкомъ много людей, слишкомъ много тяжести, и слишкомъ много усилій!

То же самое впечатлѣніе, хотя и въ меньшей степени, внушаетъ мнѣ иногда Парижъ ночью. Таковъ этотъ современный міръ. Вслѣдствіе чрезвычайнаго увеличенія человѣческаго зданія были захвачены мѣстности, прежде свободныя. Вслѣдствіе чрезвычайнаго увеличенія конкурентовъ толпа запрудила все: отдѣльный человѣкъ подавленъ массою и заключенъ въ опредѣленный порядокъ. Еще очень недавно всякій человѣкъ доброй воли легко находилъ исходъ, и избиралъ себѣ путь. Отецъ мой въ 1800 году съ самымъ обыкновеннымъ запасомъ математическихъ знаній сдѣлался извѣстнымъ инженеромъ, и нажилъ бы себѣ большое состояніе, еслибы меньше прогуливался и танцовалъ. Тридцать лѣтъ спустя, мѣста были заняты, и мнѣ нужно было отправиться въ Америку. Теперь еслибы у моего племянника Анатоля Дюрана или Дю-Рана не было за плечами дяденьки, то онъ всю жизнь остался бы сверхштатнымъ. Міръ похожъ теперь на ту толпу, которая собирается на плацу de la Concorde, когда спускаютъ фейерверкъ. Каждый отдѣльно потерянъ въ этой толпѣ, и его толкаютъ, сила его слишкомъ незначительна. Его толчки, ловкость не помогаютъ ему нисколько, чтобы подвигаться; онъ долженъ слѣдовать со всѣми шагъ за шагомъ, какъ баранъ, подъ наблюденіемъ полицейскаго. Эта громадная, движущаяся масса увлекаетъ его съ собой, или же удерживаетъ его. Съ одной стороны, она его подчиняетъ, съ другой — давитъ. Послѣ борьбы, продолжавшейся нѣкоторое время, онъ покоряется; съ той минуты онъ претерпѣваетъ жизнь, но не создаетъ себѣ ее...

X.

Конечно, люди теперь не грабятъ по большимъ дорогамъ; они нашли, что это средство узнавать, у кого есть деньги и лакомые куски, — слишкомъ просто. Въ замѣнъ этого, они пустили въ ходъ слѣдующія средства:

Первое средство законно; это — *конкурсъ*. Мой другъ Эдуардъ S человѣкъ недюжинный, но бѣдный, имѣетъ трудолюбиваго, но недалекаго сына. Этотъ сынъ, послѣ десяти лѣтъ ученія получивъ дипломъ, является на экзамены въ сверхштатные чиновники министерства финансовъ; записано двѣсти четырнадцать кандидатовъ, а мѣстъ всего тринадцать. Эти тринадцать счастливцевъ будутъ получать впродолженіе двухъ лѣтъ жалованья сто пятьдесят франковъ (37 руб.), за что они будутъ обязаны переписывать бумаги восемь часовъ въ день. Черезъ два года, если поведеніе ихъ безукоризненно, они достигнутъ той вершины славы, что будутъ имѣть право написать на своихъ

визитныхъ карточкахъ слово: чиновникъ, и каждый мѣсяцъ будутъ получать сто франковъ. — Въ нынѣшнемъ году, я встрѣтилъ стараго товарища, доктора N, бывшаго студента, автора нѣскольких сочиненій, хирурга больницъ и проч. Этотъ бѣднякъ вотъ уже тридцать лѣтъ конкурируетъ на каѳедру медицинскаго факультета. Вотъ ужь десять лѣтъ, какъ онъ записываетъ всѣ визиты, сдѣланные имъ по этому поводу; всего онъ сдѣлалъ три тысячи сто двадцать-пять визитовъ. Кромѣ того, съ тѣхъ поръ, какъ онъ докторъ, онъ составляетъ, выучиваетъ, провѣряетъ множество маленькихъ тетрадокъ, заключающихъ въ себѣ замѣтки, опыты, наблюденія, мнемотехническіе знаки. Такъ-какъ конкурсъ состоитъ въ лекціи, прочитанной публично, послѣ нѣсколькихъ часовъ приготовленія, то необходимо имѣть въ головѣ громадную массу фактовъ и всевозможныхъ формулъ, относительно всякаго ничтожнаго отдѣла громадной области естественныхъ и медицинскихъ наукъ. Поэтому кандидаты раздѣляютъ предметъ на маленькія отдѣленія, — составляютъ краткіе конспекты, и пропитываются ими; вслѣдствіе этого, въ ихъ головѣ образуется цѣлая куча необработанныхъ фактовъ, утомляетъ ихъ и тяжело ложится на голову, потому что покоряясь своей тяжести, вся эта масса стремится улетучиться черезъ всѣ щели памяти. Въ этомъ ремеслѣ, мой другъ заработалъ всѣ чины; теперь, онъ желаетъ получить послѣднее повышеніе, если ударъ не опрокинетъ его, какъ рабочую лошадь.—Я оставляю въ сторонѣ сотни другихъ подобныхъ чертъ. Конкурсъ стоитъ при входѣ всѣхъ поприщъ, въ арміи, флотѣ, въ учебномъ вѣдомствѣ, во всѣхъ министерствахъ, въ отрасляхъ казенной и частной промышленности. Конкурсъ играетъ эту важную роль даже въ самыхъ независимыхъ спеціальностяхъ. Маркизъ X. хочетъ получить премію за своихъ коровъ; герцогиня, его кузина, получаетъ *mention honorable* за индѣекъ. Такова форма теперь. Вся человѣческая жизнь укладывается въ нее. Я нисколько не порицаю самую систему; система нужна, а эта такъ же хороша, какъ и всякая другая; во всякой ассоціаціи все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы изъ массы выдѣлять людей, особенно надѣленныхъ,— а эта процедура во всякой странѣ различна, но именно это разнообразіе показываетъ и различный характеръ народовъ. Въ Лиллипутѣ, гдѣ для того, чтобы достичь степеней великихъ нужно было плясать на канатѣ, — все заключалось въ красивыхъ икрахъ. Въ Китаѣ, — гдѣ необходимо быть усовершенствованнымъ въ латинскихъ стихахъ, — все обращено на классическое педантство. Во Франціи же, — умственное ослабленіе и приливъ къ языку. Посмотрите на безобразный, механическій трудъ кандидатовъ въ большія школы, потомъ вышедши оттуда наблюдайте глубокую усталь, ослабленіе, безцѣльныя посѣщенія кафе, бюрократическую или профессіональную инерцію. Сравните студента политехнической школы, сидящаго четырнадцать часовъ въ день за формулами, и инженера, который подъ

ручку съ женой отправляется посмотрѣть, хорошо ли отесаны камни. Ввиду этого переполненія карьеръ и устройства промежуточныхъ станцій мы сперва измучимъ своихъ лошадей, потомъ ужь испорченныхъ мы превращаемъ въ извощичихъ клячъ. Войди же сюда, мой другъ, если ты терпѣливъ и если хочешь таскать за собой фіакръ. Ищи въ другомъ мѣстѣ чего нибудь другого, если ты нервенъ, и если ты хочешь сохранить свои прыжки.

Что же касается до другого средства достичь до чего-нибудь, то оно экстролегально; это — *реклама* или искусство навлечь на себя вниманіе. Нѣтъ ничего труднѣе. Во время царствованія Людовика XV, кажется, Генгене (Ginguené) сталъ извѣстностью посредствомъ маленькой поэмы *Confession de Zalmé*; это оттого, что тогда было всего какихъ-нибудь сто гостинныхъ, теперь ихъ болѣе трехъ тысячъ. Теперь нельзя разсчитывать на извѣстный кружокъ, а нужно принимать въ соображеніе цѣлый народъ. Какъ устроить, чтобы сто тысячъ человѣкъ запомнили мою фамилію? Тѣмъ болѣе, что и безъ того, память запружена; слишкомъ много именъ претендуютъ на вниманіе публики. Каждое лѣто три или четыре тысячи художниковъ на выставкѣ; впродолженіе шести мѣсяцевъ цѣлыя сотни музыкантовъ жужжатъ, какъ насѣкомыя, вечеромъ при свѣтѣ люстръ; каждый день въ двадцати журналахъ, пятидесяти газетахъ—цѣлая толпа писателей. Всѣ работаютъ статьями, концертами, картинами, чтобъ захватить маленькій уголокъ общественнаго вниманія. Это вниманіе, наконецъ, переполнено, болѣе оно принять не можетъ. До тѣхъ поръ, пока вы живете въ своемъ кружкѣ, адвокаты, доктора, архитекторы, купцы, какъ было въ прежнее время, вы еще можете разсчитывать на вниманіе. Въ Парижѣ вамъ нѣтъ мѣста; никто не знаетъ васъ; вы какъ-будто въ гостиницѣ такой-то нумеръ, т.-е. пальто и шляпа, уходящіе утромъ и возвращающіеся вечеромъ. Такихъ шляпъ и пальто двадцать тысячъ. Какой знакъ придумать, чтобы отличать ихъ другъ отъ друга? Надобно *бросаться въ глаза*—другого средства нѣтъ. Назовите себя Флоридоръ Барбанкротъ, или Эфеміусъ Картсу, такое имя не забывается. Еслибъ вы были негромъ или, по крайней мѣрѣ, мулатомъ, то было бы еще лучше: вспомните успѣхъ *чернаго* доктора. Издайте монографію о болѣзни виноградниковъ въ Барбо, образуйте благотворительное общество, произнесите за десертомъ рѣчь, напечатайте на счетъ общества, прибавьте къ этому трактатъ о дѣтской гигіенѣ, посвятите его матерямъ, и отправьте все къ каждому члену общества. Это азбука рекламы. Стоитъ внимательно только прочитать какую-нибудь страницу перваго попавшагося журнала, чтобы видѣть тысячи, сто тысячъ рукъ, тонущихъ, гибнущихъ вслѣдствіе невниманія публики, которые боятся, хватаются за малѣйшія обстоятельства извѣстности, чтобы достичь свѣжаго воздуха и вольно поды-

шать. Это не тщеславіе, а нужда. Въ наше время извѣстность, какъ и время, приноситъ деньги. Положимъ, что въ обыкновенное время вы продаете картины за 1,500 франковъ; похлопочите, чтобы въ трехъ извѣстныхъ журналахъ объ васъ сказали нѣсколько строкъ, присоедините къ этому нѣсколько уловокъ, чтобы картина ваша стояла на выгодномъ мѣстѣ, будьте увѣрены, что слѣдующую картину вы продадите за 4,000 фр. Спросъ на всякій предметъ увеличивается во столько разъ, во сколько разъ больше имѣетъ строкъ объявленіе,—пропорція эта извѣстна. Насильно, роковымъ образомъ, остается въ памяти названіе такого-то товара или лекарства, когда цѣлый годъ встрѣчается оно всякій день, вездѣ большими буквами и малыми, на стѣнахъ домовъ, въ газетахъ, въ вагонахъ, кафе, у себя дома, у другихъ. Вы и не хотѣли читать объявленіе, однакожь, прочитали; вы старались забыть его, однакожь, оно осталось у васъ въ памяти; вы во всеуслышаніе смѣялись надъ нимъ — это увеличило его извѣстность. Пусть же теперь вамъ понадобится эта вещь: спросить совѣта не у кого, другого названія нѣтъ въ памяти, вы спѣшите, вы говорите себѣ, что если оно такъ извѣстно, то, по крайней мѣрѣ, стоитъ другого; вы отправляетесь по адресу, покупаете. Въ прошедшемъ году, въ провинціи, мнѣ случалось видѣть, какъ дѣтей до сихъ поръ еще лечатъ лекарствомъ Leroy, какъ и въ 1820 году. Имена долго остаются въ памяти; ихъ такъ же трудно выкинуть изъ головы, какъ и воспринять.

Въ этомъ отношеніи, полагаю, что мой личный опытъ будетъ полезенъ моимъ соотечественникамъ. Какъ бы ни былъ великъ талантъ рекламы большихъ коммерческихъ домовъ, затѣвающихъ такой страшный гамъ каждый день на четвертой страницѣ каждаго нумера газеты, я думаю, что американская практика можетъ имъ доставить полезные совѣты, и оставляя въ сторонѣ свою скромность, я постараюсь изложить здѣсь вкратцѣ способъ объявленій, съ помощью которaго общество эксплуатаціи керосину и соленой свинины Frederick-Thomas Graindorfe and C-ie (New-York, Broad-Street, 121, and Cincinnati, National-Square, 397) пріобрѣло покупателей во всемъ образованномъ мірѣ. Я платилъ извѣстный процентъ съ доходовъ знаменитому Барнуму, который взялъ въ свои руки дѣло рекламы и велъ его съ обычнымъ своимъ богатствомъ воображенія. Я не говорю здѣсь объ обыкновенныхъ средствахъ, — покупкѣ двухъ столбцовъ въ недѣлю въ большихъ газетахъ, публикаціи рисунковъ въ маленькихъ журналахъ, раздачѣ объявленій на углахъ улицъ, медаляхъ выставки, людей-афишъ и проч. Первая мысль Барнума была геніальна. Онъ былъ импресаріо Дженни Линдъ и заказалъ юмористическую пѣсню о керосинѣ, соленой свининѣ и Америкѣ, которая непремѣнно пѣлась въ концѣ всякаго концерта комическимъ пѣвцомъ: представьте же себѣ удовольствіе публики,

которой надоѣла строгая музыка, и которая столько же интересовалась великой пѣвицей, какъ гиппопотамомъ. На афишкѣ же было обозначено, что этотъ національный фарсъ былъ сочиненъ и пѣтъ въ первый разъ въ мастерскихъ Фредерика-Томаса Грэндорфа и комп. Благодаря приличнымъ вознагражденіямъ, мы заказали нѣсколько сценическихъ фарсовъ и даже двѣ драмы, въ которыхъ эта пѣсня пѣлась: одна изъ пьесъ давалась цѣлый мѣсяцъ. Кромѣ того, Барнумъ устроилъ, что фотографическія карточки Дженни Линдъ были завертываемы въ эту пѣсню, и заключилъ условіе съ главною фабрикою шарманокъ въ Нью-Йоркѣ, чтобы каждая шарманка непремѣнно исполняла пѣсню по крайней мѣрѣ два раза въ день. Въ то же время, многіе журналы и газеты занимались пѣснею съ эстетической точки зрѣнія, доказывали, что она была продуктомъ національнымъ, и поэтому сравнивали ее съ пѣснями Беранже и Борнса, разсматривали вопросъ, не составляетъ ли она начало литературной эры, чисто-промышленной, благодаря которой Америка превзойдетъ всѣ страны міра. Между тѣмъ былъ открытъ новый ресторанъ, съ вывѣской «Національная соленая свинина Фредерика-Томаса Грэндорфа и комп.». Въ то же самое время я съ удивленіемъ читалъ во всѣхъ газетахъ различныя ужасныя происшествія, случившіяся въ моихъ заводахъ керосина, различныя черты самоотверженности Фредерика-Томаса Грэндорфа, который спасъ пятьдесятъ работниковъ, чуть не сгорѣвшихъ; другія черты генія и проницательности того же Грэндорфа, который задумалъ купить всѣ заводы керосина, чтобы заводнить имъ всѣ европейскіе рынки. Шесть мѣсяцевъ спустя, мистеръ Барнумъ открылъ въ моей фабрикѣ старую негритянку-идіотку, которая, какъ оказалось, была кормилицею Вашингтона; онъ показывалъ ее во всѣхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ, доказывая громаднымъ числомъ медицинскихъ свидѣтельствъ, что только ежедневное употребленіе соленой свинины, при столь трудныхъ занятіяхъ, сохранило ея здоровье въ такой старости. Наконецъ (я упоминаю только о нѣкоторыхъ выдумкахъ Барнума), черезъ годъ появилась въ печати комическая азбука (funny), цѣною въ одинъ пенни, въ которой прописныя буквы были составлены изъ свиней и поросятъ во всѣхъ возможныхъ комическихъ положеніяхъ, съ наивными или смѣшными стихами въ видѣ эпиграфовъ. Такъ-какъ у этихъ животныхъ много экспрессіи, то художнику легко было нарисовать много эфектныхъ сценъ; политическіе намеки видны были въ эпиграфахъ и возбуждали вниманіе серьёзныхъ людей. Мнѣ не нужно прибавлять, что имя Фредерика-Томаса Грэндорфа находилось на оберткѣ, на виньеткахъ, на поляхъ, съ видомъ фабрики, пейзажа, работниковъ, инструментовъ и проч. Въ пять лѣтъ было продано этой азбуки двѣсти тысячъ экземпляровъ, а такъ-какъ подобныя книги переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, то, вѣроятно, что черезъ полстолѣтіе

много маленькихъ американцевъ будутъ учиться читать по азбукѣ «Соленой Свинины» мистера Грэндорфа. Г. Барнумъ, замѣтивъ, что античные переплеты дѣлаются изъ свиной кожи, думалъ заключить условіе съ извѣстнымъ издателемъ религіозныхъ сочиненій въ Нью-Йоркѣ, чтобы переплести такимъ образомъ большое количество экземпляровъ библіи, на переплетахъ которыхъ внизу стояло бы имя Грэндорфа выпуклыми буквами; но я отсовѣтовалъ ему это, потому что я вовсе не желалъ ссориться со *святыми*.

Конечно, для подобнаго рода операцій необходимъ человѣкъ какъ Барнумъ, который бы заправлялъ всѣми дѣлами. Самому весьма непріятно кричать. Къ тому же во Франціи, въ нѣкоторыхъ слояхъ общества, пуфъ болѣе противенъ, чѣмъ по ту сторону Атлантическаго океана. Въ Америкѣ я пользовался имъ, здѣсь же я не рѣшился бы на подобную продѣлку. При продажѣ соленой свинины и керосину реклама только вполовину опротивѣла мнѣ; если же пришлось бы дѣлать то же относительно картинъ, или пріобрѣтенія больныхъ, то я не вынесъ бы. И однакожъ, въ Парижѣ реклама необходима. Тысяча-пятьсотъ медиковъ въ Парижѣ не заработываютъ больше тысячи-двухсотъ фр. въ годъ, а между тѣмъ имъ необходимо всякій день надѣвать фракъ и бѣлый галстухъ. Двѣ тысячи художниковъ пишутъ ширмы, вывѣски, картины по пяти франковъ. Оба средства достичь чего-нибудь — конкурсъ и реклама — производятъ одного рода слѣдствія: они раздражаютъ и портятъ человѣка. Конкурсъ производитъ тупоумныхъ, чернорабочихъ; реклама производитъ шарлатановъ и интригановъ. Еслибы мнѣ пришлось воспитывать молодаго человѣка, бѣднаго, то я бы старался устранить его отъ вліянія какъ того, такъ и другого. Я бы заставилъ его учиться не мертвымъ языкамъ, словесности, чистымъ наукамъ, которыя производятъ такую несоразмѣрность между нашими желаніями и средствами, и благодаря которымъ первые шесть лѣтъ нашей юности походятъ на паденіе съ шестаго этажа; я бы училъ его гимнастикѣ, боксамъ, кулачному бою, плаванію, обращенію съ ружьемъ и револьверомъ, двумъ, тремъ живымъ языкамъ, такъ, чтобы онъ могъ говорить и писать на нихъ, подробно и разумно географіи, главнымъ основаніямъ промышленной и коммерческой статистики. Еслибы онъ былъ прилеженъ, честенъ и смѣлъ, то сдѣлалъ бы какъ двадцать молодыхъ людей изъ Роттердама, Гамбурга, Глазго и Женевы, которыхъ я зналъ, и которымъ слѣдовало подражать. Онъ возвратился бы лѣтъ черезъ десять съ порядочнымъ состояніемъ, честно нажитымъ, и женился бы на подругѣ дѣтства. Онъ видѣлъ бы свѣтъ, освободился бы отъ излишка страстей въ физическихъ трудахъ, укрѣпилъ бы себя нравственно. У него не было бы сплина, какъ у меня, и онъ не похожъ бы былъ на потертаго *gamin*, какъ мой племянникъ

Анатоль Дюранъ, который годенъ только на то, чтобы выставить его на выставку въ окнѣ куафёра...

XI.

Таково, въ общихъ чертахъ содержаніе книги Тэна. Мы выбрали только самыя рельефныя мѣста и наиболѣе характеристичныя страницы; но намъ кажется, что впечатлѣніе будетъ неполно, если мы не прибавимъ характеристики Парижа, сдѣланной Тэномъ прежде въ сочиненіи, которое заслужило общую извѣстность всего образованнаго міра. Мы говоримъ объ «Histoire de la litterature anglaise»; въ IV томѣ этого сочиненія Тэнъ, желая представить разницу между Англіей и Франціей, сдѣлалъ великолѣпную характеристику обѣихъ странъ; мы попросимъ у читателей позволенія привести здѣсь характеристику Парижа.

«Во Франціи—говоритъ Тэнъ—существуютъ два различныхъ народа: провинція и Парижъ. Провинціалы спятъ, ѣдятъ, зѣваютъ, слушаютъ; парижане—думаютъ, рискуютъ, бодрствуютъ и говорятъ. Парижъ ведетъ Францію; слѣдовательно, говоря о Франціи, можно говорить только о Парижѣ. Войдемте. Какое странное зрѣлище! Вотъ вечеръ; улицы облиты свѣтомъ, пыль покрываетъ озабоченную толпу, которая спѣшитъ, толкается, тѣснится и шумитъ вокругъ театровъ и въ кафе. Замѣтили ли вы, какъ всѣ эти лица изношены, блѣдны, какъ эти взгляды безпокойны, какъ эти жесты нервны? Яркій свѣтъ падаетъ на головы, большая часть ихъ плѣшива до тридцатилѣтняго возраста. Чтобы находить здѣсь удовольствіе, необходимо быть возбужденнымъ; бульварная пыль садится на мороженное; вонь газа и испаренія мостовой,

L'air humain plein de râles immondes *,

вотъ чѣмъ они дышутъ добровольно и весело. Они стѣснены вокругъ маленькихъ круглыхъ мраморныхъ столиковъ, обезпокоены яркимъ свѣтомъ, криками гарсоновъ, шумомъ разговоровъ, однообразнымъ зрѣлищемъ скучныхъ гуляющихъ, толканіями публичныхъ женщинъ, запоздавшихъ и блуждающихъ съ безпокойствомъ въ тѣни. Конечно, ихъ домашняя обстановка отвратительна; въ противномъ случаѣ, онѣ не промѣняли бы ее на эти прикащичьи удовольствія. Мы поднимаемся на четвертый этажъ, находимъ блестящія комнаты, украшенныя рѣзьбой, гипсовыми фигурами, новую дубовую мебель, множество игрушекъ на каминахъ и этажеркахъ. Въ такомъ помѣщеніи можно принимать друзей и почтенныхъ лицъ; но это афиша и только; какихъ-нибудь полчаса можно провести пріятно, но не болѣе. Такое помѣщеніе можетъ только служить временнымъ

* Стихъ Альфреда де-М кссе.

жилищемъ; комнаты низки, неудобны, стѣснительны; оно никуда не годится уже черезъ шесть мѣсяцевъ. Всѣ наслажденія этихъ людей обманчивы и какъ бы захвачены мимоходомъ; въ нихъ есть что-то болѣзненное, раздражительное. Наслажденія эти похожи на кухни парижскихъ ресторановъ, на блескъ кафе, на веселье парижскихъ театровъ. Люди эти желаютъ слишкомъ быстрыхъ, слишкомъ живыхъ и слишкомъ многочисленныхъ наслажденій! Они не пользуются ими умѣренно; они всѣмъ хотятъ пользоваться сразу; имъ всякій день нуженъ новый запасъ цвѣтущихъ выраженій, сальныхъ анекдотовъ, ѣдкихъ остротъ, новыхъ истинъ, разнообразныхъ идей. Они быстро поддаются скукѣ, но въ то же время не выносятъ скуки. Они всѣми силами предаются удовольствіямъ и все-таки находятъ, что скучаютъ. Они преувеличиваютъ свой трудъ и расходы, нужды и усилія. Накопленіе ощущеній и устали приводитъ въ самое напряженное состояніе ихъ организмъ, а лоскъ веселья двадцать разъ въ день трескается и обнаруживаетъ большую долю страданій и желаній.

«Но за то, какъ они проницательны, какъ умъ ихъ свободенъ! Какъ эти постоянныя столкновенія наострили ихъ! Какъ быстро они все схватываютъ и все понимаютъ! Какъ эта разнообразная и изысканная культура сдѣлала ихъ способными чувствовать и понимать стороны нравственнаго міра, совершенно неизвѣстныя ихъ предкамъ, глубокія, страшныя и возвышенныя чувства, которыя кажутся такъ чужды расѣ! Этотъ громадный городъ — городъ вселенной; всѣ идеи могутъ въ немъ возникнуть, никакое варварство не останавливаетъ умы; безконечное поле мысли открывается передъ ними безъ всякой проложенной и опредѣленной дороги. Практическая жизнь не мѣшаетъ имъ и не ведетъ ихъ. Правительство и оффиціальная церковь освобождаетъ ихъ отъ обязанности вести народъ; эти двѣ силы выносятся, какъ выносится полицейскій, съ терпѣніемъ и насмѣшками; на нихъ смотрятъ, какъ па интересное зрѣлище. Міръ здѣсь является театральной пьесой, матеріаломъ для критики и разсужденій, и будьте увѣрены, что критика и разсужденія играютъ здѣсь настоящую роль. Англичанинъ, входя въ жизнь, находитъ относительно всѣхъ великихъ вопросовъ человѣчества готовые отвѣты. Французъ же, вступая въ жизнь, вездѣ видитъ только сомнѣнія и предположенія. Ему необходимо въ этой массѣ мнѣній пріобрѣсти самому свои убѣжденія, а такъ-какъ по большей части онъ этого сдѣлать не можетъ, то естественно, что умъ его открытъ для всѣхъ сомнѣній, и любопытство, и знаніе новыхъ истинъ тревожатъ его. Въ этой пустотѣ, — похожей на безграничное море, — мечты, теоріи, фантазіи, безпорядочныя стремленія, — поэтическія и болѣзненныя накопляются и исключаютъ другъ друга. Если въ этой толкотнѣ движущихся формъ вы захотите отыскать прочное дѣло, которое образуетъ основу будущимъ воззрѣніямъ

и будущему міросозерцанію, то найдете только медленныя постройки науки, которыя то тутъ, то тамъ, какъ морскіе полипы, строятъ подъ водой изъ микроскопическихъ кораллов фундаментъ, на которомъ усядутся вѣрованія рода человѣческаго».

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

VI.

13-ю января.

Несчастный случай вдругъ перевернулъ всѣ планы новаго министерства и чуть не опрокинулъ французскую имперію.

Въ темномъ уголкѣ Бонапартовскаго дома существовалъ одинъ двоюродный братецъ. По разнымъ причинамъ этого двоюроднаго братца не принимали ко двору. Вопервыхъ, по той причинѣ, что онъ когда-то корчилъ изъ себя республиканца, какъ сынъ Жерома; вовторыхъ, по той, что онъ женился на дочери своей прачки; наконецъ, по той, что характеръ у него непріятный и наружность, манеры самыя непредставительныя. Принцъ Пьеръ Бонапартъ явился въ 1848 г. депутатомъ отъ Корсики и отличался только тѣмъ, что имѣлъ нѣсколько дуэлей, да еще тѣмъ, что далъ, во время засѣданія, пощечину старику, одному изъ своихъ товарищей. Послѣ государственнаго переворота принцъ Пьеръ Бонапартъ не занималъ никакой общественной должности и жилъ пенсіею, которую получалъ отъ императора. Это послѣднее обстоятельство нисколько не мѣшало ему, особенно послѣ обѣда, представлять изъ себя оппозицію и громить августѣйшаго родственника, какъ «измѣнника отечеству». Онъ умѣлъ обмануть нѣкоторыхъ честныхъ людей, которые вѣрили ему очень долго. Принцъ Пьеръ Бонапартъ былъ въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ съ г. Гаусманомъ; принцъ объявилъ, что застрѣлитъ всякаго, кто осмѣлится дотронуться до ограды его маленькаго отейльскаго парка, но г. Гаусманъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на эту угрозу, распорядился, и ограда, мѣшавшая проведенію бульвара, была въ одну ночь снесена.

Никто не предполагалъ, особенно при дворѣ, что принцъ Пьеръ внезапно преобразится въ яростнаго имперіалиста, убьетъ республиканца и подвергнетъ имперію опасности.

Принцъ Пьеръ не чувствовалъ особой любви къ Наполеону III, но онъ предъ нимъ преклонялся. Когда «звѣзда» фамиліи начала меркнуть и до того упала въ общемъ мнѣніи, что даже въ Корсикѣ появилась газета «Revanche», поставившая себѣ задачею опрокинуть «великаго», принцъ Пьеръ

тотчасъ же принялся въ другомъ корсиканскомъ листкѣ громить своихъ республиканскихъ соотечественниковъ, называя ихъ «измѣнниками, изъ которыхъ слѣдовало бы вымотать кишки». Въ этомъ же тонѣ его высочество отнесся и къ Рошфору, «оскорбителю всего его рода», вызывая его на дуэль. Газета «Pays» подхватила этотъ вызывъ и опубликовала.

Хотя на публичныхъ собраніяхъ и запрещали Рошфору, какъ состоящему въ качествѣ депутата, принимать вызовъ, онъ однако рѣшился послать къ г. Бонапарту секундантовъ. Они должны были отправиться въ понедѣльникъ 10-го числа, послѣ полудни. Но въ то же время другой редакторъ «Марсельезы», Паскаль Груссе, принимаетъ на свой счетъ оскорбленія, направленныя на «Revanche», и посылаетъ къ тому же Пьеру Бонапарту двухъ своихъ секундантовъ, Луи Нуара и Ульриха де-Фонвьеля.

Луи Нуаръ и Ульрихъ де-Фонвьель пріѣзжаютъ около часу въ Отейль; принцъ ихъ тотчасъ же принимаетъ и они вручаютъ ему письмо отъ Паскаля Груссе.

— Да я вовсе не съ нимъ хочу раздѣлаться! вскрикиваетъ принцъ, комкая письмо.— Я хочу драться съ Рошфоромъ, а не съ рошфоровскими поденщиками! Да вы что? Вы признаете себя солидарными съ этой сволочью?

— Мы солидарны съ нашими друзьями, съ живостью отвѣчаетъ Нуаръ.

Принцъ размахивается и даетъ Нуару пощечину лѣвою рукою, а правою выхватываетъ изъ кармана револьверъ, выстрѣливаетъ ему прямо въ грудь, а затѣмъ выстрѣливаетъ вслѣдъ за де-Фонвьелемъ, который кинулся съ лѣстницы, съ крикомъ:

— На помощь! Убійство!

Несчастный Нуаръ падаетъ на порогѣ, его переносятъ въ ближнюю аптеку и онъ тамъ умираетъ.

Впослѣдствіи распустили слухи, что Нуаръ первый бросился на принца, но выдумки бонапартистовъ были опровергнуты свидѣтельствомъ де-Фонвьеля и доктора Пинеля, котораго принцъ призвалъ тотчасъ же послѣ происшествія, приглашая его засвидѣтельствовать, что онъ, принцъ Пьеръ Бонапартъ, «отнюдь не нападалъ, а только защищался отъ нападенія!»

VII.

Невозможно описать того волненія, какое распространялось по мѣрѣ того, какъ расходилась вѣсть объ убійствѣ Нуара. Къ счастію французской имперіи, друзья Нуара, вмѣсто того, чтобы перенести тѣло въ Парижъ, положили его за городской заставой, въ Нёльи, гдѣ живетъ семейство покойнаго. Кромѣ того, демократическія газеты, находящіяся въ постоянномъ «соперничествѣ» и скрывающія другъ отъ друга «интересныя извѣстія», и въ этомъ случаѣ не отступили отъ своихъ обычаевъ. Не будь такого разъединенія, французской имперіи

не поздоровилось бы и навѣрно можно сказать, Наполеонъ III не удержался бы, не взирая на всю свою цѣпкость. Убійство Нуара возбудило всеобщее негодованіе даже въ арміи. Если бы «толпа» натиснула на домъ принца-убійцы, схватила его, затѣмъ, постепенно увеличиваясь, пошла бы на тюильрійскій дворецъ, полиція не знала бы, куда броситься. Солдаты не стали бы стрѣлять въ народъ. Въ понедѣльникъ ввечеру, какъ разъ послѣ извѣстія объ убійствѣ, мнѣ случилось быть въ обществѣ военныхъ (вовсе не республиканцевъ), и они кричали:

— Выстрѣлить въ секундантовъ! Убить секунданта! Это безчестно! Это подло!

А журналисты, между тѣмъ, и на другой день все такъ же «соперничали», такъ, что и на другой день не появилось никакого общаго единодушнаго заявленія, ни воззванія къ народу.

Тѣмъ временемъ новое министерство «дѣйствовало». Г. Эмиль Оливье несомнѣнно человѣкъ очень искусный и проворный: онъ спасъ своею рѣшимостью и расторопностью французскую имперію. Получивъ донесеніе о случившемся, онъ тотчасъ же разсылаетъ по телеграфу приказъ задержать обвиненнаго въ убійствѣ на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, а самъ бѣжитъ въ тюильрійскій дворецъ и представляетъ для подписи императору декретъ о созваніи верховнаго суда. Изъ тюильрійскаго дворца передается принцу Пьеру родственный совѣтъ не дожидаться пока его придутъ брать, а самому явиться къ властямъ и объявить себя подлежащимъ аресту. Во вторникъ утромъ бо̀льшая часть Парижа узнала изъ «Journal officiel», что преступленіе хотя совершено, но преступникъ, не взирая на свой высокій санъ, арестованъ и будетъ судимъ, какъ простой смертный. Въ казармахъ преданные языки распространяютъ, что принцъ не хотѣлъ вовсе убить Нуара, но только отвѣтилъ на ударъ кулака выстрѣломъ изъ револьвера, что̀ сдѣлалъ бы всякій французскій офицеръ, оскорбленный такимъ позорнымъ образомъ, и что на верховномъ судѣ невинность принца будетъ доказана.

Такъ-называемые «спокойные классы общества» очень довольны, встрѣчая въ самыхъ забавныхъ газетахъ, какъ «Figaro», подобныя объясненія дѣла, помѣщенныя тамъ по секретному предписанію. Одинъ народъ не полагается на видимое безпристрастіе министра, хотя министръ, тотчасъ же послѣ декрета о созваніи верховнаго суда, и помѣстилъ въ «Journal officiel» одобренный императоромъ рапортъ, гдѣ сказано, что амнистія 14-го августа простирается даже на Ледрю-Роллена! Народъ почуялъ, что ставятъ ловушку; онъ зналъ, что явись Рошфоръ на мѣстѣ Нуара, принцъ убилъ бы Рошфора; онъ увидѣлъ, что всѣ Бонапарты способны сдѣлать то, что̀ сдѣлалъ принцъ Пьеръ. У народа является мысль, что Бонапарты, не смѣя открыто выкинуть новаго «coup d'état», замышляютъ втихомолку перебить всѣхъ депутатовъ и журналистовъ демократовъ.

Во вторникъ, несмотря на то, что Нельи отстоитъ на три на четыре льё отъ рабочихъ кварталовъ, несмотря на то, что дождь лилъ ливнемъ, что часъ похоронной процессіи былъ опредѣленъ неточно (тоже благодаря «соперничеству!»), полтораста тысячъ работниковъ собрались въ аллеѣ Великой Арміи; съ ними было по крайней мѣрѣ тысячъ пятьдесятъ республиканцевъ изъ мѣщанъ. Эта толпа находилась въ страшномъ раздраженіи; впродолженіе цѣлыхъ трехъ часовъ не унимались крики:

— Смерть Бонапартамъ! Смерть Бонапартамъ! Да здравствуетъ французская республика!

Еслибы гробъ пронесли не на мѣстное кладбище, отстоящее всего на нѣсколько сотенъ метровъ отъ дома, а черезъ Парижъ, дѣло бы не ограничилось одними криками.

Наполеоновское правительство выиграло 48 часовъ, а въ 48 часовъ расторопные люди могутъ очень много сдѣлать. Успѣли принять самыя лучшія «военныя мѣры». При Нельлійской заставѣ помѣстился отрядъ полицейскихъ агентовъ, подкрѣпленный полками изъ казармъ при городскихъ укрѣпленіяхъ. Толпа пробила бы себѣ путь здѣсь, но подальше, въ Елисейскихъ поляхъ, успѣли приготовить артиллерію и пѣхоту, припрятавъ ихъ во дворцѣ Всемірной выставки; кромѣ того двѣ цѣлыхъ дивизіи поспѣшили съ Марсова поля черезъ Трокадеро. Офицеры, помѣщенные на площадкахъ Тріумфальныхъ Воротъ Звѣзды, наблюдали съ помощію подзорныхъ трубъ за малѣйшими движеніями народныхъ массъ, волновавшихся въ аллеѣ Великой Арміи; у нихъ были подъ руками телеграфныя нити, сообщавшіяся съ главнымъ штабомъ маршала Канробера и со всѣми военными центрами Парижа, который превратился въ вооруженную крѣпость.

Сунуться на проломъ, было бы безуміемъ; народъ это понялъ, и велъ себя осторожно, хотя нѣкоторые республиканцы, увлеченные негодованіемъ, и предлагали двинуться впередъ и, во что̀ бы то ни стало, проложить себѣ путь до внутреннихъ бульваровъ; что тамъ весь Парижъ присоединится къ нимъ, и тогда военная сила уже не справится. Но другіе республиканцы, болѣе сдержанные, ясно видѣли, что пробраться до внутреннихъ бульваровъ невозможно, и что если будетъ сдѣлана подобная попытка, много прольется крови совершенно безполезно. Ошибка была въ томъ, что тѣло Нуара оставили въ Нѣльи, вмѣсто того, чтобы перенести въ Парижъ — и поправить эту ошибку уже не было возможности.

День 12-го января прошелъ спокойно, — по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе спокойно, потому что полиція не могла сдержаться отъ нѣкоторыхъ безчинствъ. Она расположилась, какъ я уже говорилъ, у самой Нѣльлійской заставы, черезъ которую должны были проходить 200,000 человѣкъ, сопровождавшихъ на кладбище гробъ Нуара, и пока проходили массы на-

рода, съ марсельезою и съ криками: «да здравствуетъ французская республика!», она пропускала ихъ свободно, но какъ только вслѣдъ за народомъ показались отставшіе 400 или 500 гражданъ и гражданокъ, она тотчасъ же на нихъ кинулась. Въ свалкѣ раненъ былъ ребенокъ, женщина и старикъ, и полиція, довольная своимъ подвигомъ, удалилась въ префектуру. Удалилась она нѣсколько поспѣшно, потому что въ первый разъ за послѣднія восьмнадцать лѣтъ, граждане не побѣжали по домамъ при видѣ крови; даже многіе, вмѣсто того, чтобы бѣжать, начали наступать. Одному усердному полицейскому проткнули грудь кинжаломъ.

Въ это же самое время на площади Согласія тоже происходитъ замѣшательство. Толпу, сопровождавшую депутата Рошфора въ законодательный корпусъ, встрѣчаетъ на углу Елисейскихъ Полей отрядъ солдатъ и останавливаетъ. Полицейскій чиновникъ выступаетъ впередъ и, обращаясь къ толпѣ, приглашаетъ ее разойтись. Депутатъ хочетъ приблизиться къ офицеру, командующему отрядомъ.

— Не подходите! кричитъ офицеръ.

— Я депутатъ...

— Ну, такъ васъ перваго зарубятъ!

Граждане, между тѣмъ, кричатъ:

— Да здравствуетъ армія!

И солдаты жмутъ руку народу.

Недалеко проходилъ отрядъ національной гвардіи — ему начинаютъ кричать вслѣдъ:

— Да здравствуетъ національная гвардія!

Отрядъ останавливается и отвѣчаетъ:

— Да здравствуетъ народъ!

Сдѣлай французское правительство еще малѣйшую неосторожность, выкажи, напримѣръ, верховный судъ снисходительность къ убійцѣ, все, что̀ посѣяно въ день 12-го января, нетолько взойдетъ, но принесетъ и плоды. Между народомъ, національной гвардіей и арміею родилась еще не совсѣмъ высказавшаяся, но во всемъ видимая и чувствуемая симпатія. Еще одно такое народное сборище, какъ 12-го января, и французская имперія пропала.

Газета, гдѣ нѣкоторые редакторы состоятъ на жалованьѣ и гдѣ главный шефъ человѣкъ до того искусный, что его можно назвать первымъ откупщикомъ публицистики, именно: «Фигаро», приводитъ слѣдующія слова маршала Канробера:

— Что̀ же думаете вы дѣлать въ случаѣ мятежа, маршалъ? спросилъ я.

— Господи! Очень просто! Я тоже захочу крови! Пока у меня никто не тронутъ, я не шевельнусь, но если они у меня убьютъ солдата — ррранъ!

— Какъ это «ррранъ»? Что̀ это значитъ «ррранъ»?

— Это значитъ, что я, въ случаѣ нужды, положу покатомъ сорокъ тысячъ человѣкъ и въ пять минутъ успокою Парижъ.

— Крутенько!

— Разумѣется; но видите ли, это необходимо. Я меньше всего боюсь густыхъ народныхъ массъ. Два полка съ ружьями Шаспо — и дѣло въ шляпѣ!

«Рррранъ!» Вотъ словечко, которое можетъ пригодиться и для французской имперіи.

Съ военной точки зрѣнія ружья Шаспо, конечно, дѣлаютъ чудеса. Парижъ отставнаго Гаусманна очень хорошо устроенъ, какъ внутри, такъ и снаружи, и можетъ отлично отражать какое-нибудь нашествіе и осаду иноплеменныхъ; но если армія поколеблена и если весь народъ высыплетъ на бульвары, такъ «рррранъ» маршала Канробера ничего не подѣлаетъ.

Маршалъ Канроберъ, который не могъ взять Севастополя, кажется, уже черезчуръ полагается на ружья Шаспо, потому что вѣдь, собственно говоря, ружья Шаспо ничего не значатъ, если разъяренная толпа, не обративъ вниманія на первые ряды побитыхъ, все-таки полѣзетъ впередъ; второй залпъ, пожалуй, окажется невозможнымъ. Еслибы г. Канроберъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть, то-есть плохимъ генераломъ, онъ бы понялъ, что никакое чудесное оружіе не можетъ устоять противъ героизма; еслибы онъ не былъ глухъ, онъ бы услыхалъ, какой между солдатами раздается ропотъ на его безчеловѣчное, нахальное хвастовство.

Къ тому же, говорятъ въ Парижѣ, на залпы Шаспо можно отвѣтить шариками особаго изобрѣтенія...

Можно было опасаться, что министерство Эмиля Оливье долго будетъ поддерживать шатающуюся французскую имперію, а потомъ учинитъ метаморфозу, преобразивъ Наполеона III въ Филиппа II. Убійство Нуара сдѣлало такое преображеніе немыслимымъ. Оно разбудило всю уснувшую ненависть. Теперь Парижъ сдерживается только силою. Провинція очень скоро пойметъ положеніе дѣла, и быстро развяжетъ этотъ гордіевъ узелъ, если, какъ по всему можно заключить, ей сдѣлаются невыносимы всѣ Бонапарты вообще, а Наполеонъ III въ особенности.

Воспрепятствовать желанному исходу дѣла могутъ только разъединеніе демократическихъ партій и привычка удовлетворяться пересмѣшками и остротами.

Можно навѣрное сказать, что недостатокъ единодушія испортилъ дѣло 10-го января; пересмѣшки и остроты, пожалуй, испортятъ и то, что̀ подготовило 12-е января.

VIII.

Теперь спасеніе французской имперіи зависитъ отъ ловкости Эмиля Оливье и его братіи — разумѣется, спасеніе временноеа Эти господа не понимаютъ, или лучше сказать понимаютъ на

выворотъ два вопроса, волнующіе теперь французскую націю—вопросъ религіозный и вопросъ соціальный; они тутъ выказываются реакціонерами пуще господъ Форкада Ла-Рокета и Рузэра. Г. Дарю объявилъ въ сенатѣ, что онъ держится, относительно конвенціи 15-го сентября и занятія французскими войсками Чивита-Веккіи, той же самой политики, которой держался его предшественникъ, г. де-ла-Туръ д'Овернь, слѣдовавшій политикѣ своего предшественника, и проч. и проч. Въ законодательномъ корпусѣ г. Эмиль Оливье повторяетъ каждый разъ: я есмь, вы есте, мы естемъ *конституціонисты!* И въ то же время мы сильны, очень сильны — такъ сильны, что и выразить невозможно! И сила эта исходитъ изъ того, что мы стоимъ за «порядокъ» и «порядокъ» поддерживаемъ.

И сенаторы, всѣ до одного, очень довольны. И бо̀льшая часть депутатовъ тоже довольны.

Что же касается до меньшинства послѣднихъ, то это меньшинство мало подаетъ утѣшительныхъ надеждъ.

Если исключить «дядю» Распайля, который любитъ и знаетъ народъ, но который не имѣетъ никакого парламентскаго вліянія, и Рошфора, остроумное орудіе толпы, которую онъ не въ силахъ ни направить, ни двинуть, кто останется, — я разумѣю кто надежный останется? Жюль Фавръ и Пикаръ окончатъ, вѣроятно, свое поприще тѣмъ, что попадутъ, если только французская имперія продержится, въ министры. О такихъ фарсёрахъ, какъ Гизо Монпера, нечего и говорить. Гамбетта и Бансель люди хорошіе и что-называется «съ душкомъ»; они подчасъ могутъ изрядно хватить зубомъ, но они не въ состояніи ни сформировать народной программы, ни образовать временнаго правительства. Между членами господствуетъ такое разъединеніе, что поднимаются дебаты и несогласія даже изъ-за проекта объ избирательной реформѣ. Недавно представленный проектъ былъ подписанъ только тремя парижскими депутатами: Ферри, Гамбеттой и Араго. Они втроемъ подали голосъ за общую баллотировку всѣхъ членовъ каждаго департамента, какъ это было во время республики и что̀ не помѣшало въ 1848 г. общей подачѣ голосовъ, которая довела до «одобренія» государственнаго переворота. Провинціальная лѣвая сторона, напротивъ того, стоитъ за баллотировку каждаго члена, по росписямъ, легально, а не произвольно, какъ это творится со времени французской имперіи.

Вопросъ о «правѣ меньшинства», волнующій въ настоящее время Швейцарію, Англію и Америку, былъ оставленъ лѣвою стороною безъ вниманія, отложенъ въ сторону!

Еще въ іюлѣ, при внезапномъ распущеніи законодательнаго корпуса, лѣвая сторона сплоховала; 12-го января она могла бы поправиться, но ничѣмъ не поправилась. Въ то время, какъ въ Нёльи волновались народныя массы, она сидѣла въ законодательномъ корпусѣ и толковала—о чемъ? Объ уставахъ каме-

ры! И даже не толковала, а просто принимала всѣ статьи, какія угодно было коммисіи предлагать.

Кромѣ любопытнаго г. Гле-Бизуена, который, притаившись въ каретѣ, слѣдилъ за процессіей, никого не было на революціонныхъ похоронахъ Нуара.

Эта «воздержность» была весьма замѣчена, и въ самомъ дѣлѣ она очень замѣчательна.

Спаситель французской имперіи и блюститель порядка, г. Эмиль Оливье ни чуть не боится «лѣвой»—она ему не будетъ ни въ чемъ помѣхою! «Лѣвая» еще поможетъ ему.

На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій г. Гамбетта,—непримиримый, покинутый Парижемъ, которому онъ предпочелъ Марсель и который теперь предпочелъ ему Рошфора, попробовалъ, съ помощію Жюля-Фавра, выразить свое мнѣніе на счетъ разныхъ разностей, отдѣляющихъ его партію отъ министерства Оливье. Онъ, между прочимъ, предсказалъ, что въ очень скоромъ времени «большинство» станетъ не за бонапартовское правительство, а за республику. Министръ юстиціи имѣлъ основаніе вскрикнуть:

— Вы будете «конституціонные!» Вы дали присягу!

Господа «лѣвые» очень потѣшались, когда нѣкоторымъ революціонерамъ пришло въ голову затронуть при послѣднихъ парижскихъ выборахъ вопросъ о присягѣ. Очень немногіе изъ избирателей поглядѣли на него серьёзно. А теперь эти немногіе оказались правы!

«Лѣвые» не приняли никакого участія въ народномъ движеніи при похоронахъ Луи Нуара. Прими они участіе, —участіе оффиціальное, — Наполеонъ III принужденъ бы былъ бросить карты.

Лѣвые упустили случай,—прозѣвали; народъ, съ своей стороны, ничего не могъ сдѣлать по недостатку предводителей.

Можно сказать теперь: французская имперія погибла, но Франція не спасена.

Клодъ Франкъ.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ СЕЛЬСКИХЪ БАНКОВЪ.

Практическое руководство къ учрежденію сельскихъ и ремесленныхъ банковъ. Соч. Колюпанова. Москва. 1870.

Въ сферѣ такъ-называемыхъ практическихъ вопросовъ изъ всѣхъ наличныхъ русскихъ публицистовъ никто не отличается такою чуткостію, какъ г. Колюпановъ. Вслѣдствіе этой своей чуткости г. Колюпановъ съ давняго времени, такъ-сказать, состоитъ по части встрѣчи разныхъ практическихъ вопросовъ. Не успѣетъ еще обыкновенно какой - нибудь изъ подобныхъ вопросовъ народиться, какъ г. Колюпановъ уже впопыхахъ.

Онъ предвѣщаетъ о его появленіи, объясняетъ препятствія, какія онъ встрѣтитъ на пути, указываетъ средства, какъ ихъ устранить и какъ вообще обойтись съ вопросомъ. Насторожив таким образомъ вниманіе всѣхъ къ являющемуся вопросу и снабдивъ должными совѣтами на счетъ его пріема, г. Колюпановъ удаляется со сцены и спѣшитъ на встрѣчу новаго вопроса. Нельзя не отдать чести г. Колюпанову, что, какъ вѣстникъ, онъ всегда является вò время и кстати. Если г. Колюпановъ говоритъ, что пора заняться извѣстнымъ вопросомъ, то значитъ, что заняться имъ дѣйствительно пора; въ этомъ на г. Колюпанова смѣло можно положиться. Даже когда онъ начинаетъ побранивать петербургскую полицію,—дѣло, какъ извѣстно, весьма щекотливое и скользкое, — то и въ этомъ случаѣ можно быть твердо увѣреннымъ, что настало время, когда бранить ее нетолько должно, но и можно. Нельзя всегда сказать того же о средствахъ, рекомендуемыхъ г. Колюпановымъ. Какъ человѣкъ практическій, г. Колюпановъ всѣ вопросы старается направить на почву *единственно* практическихъ соображеній. Но практическія соображенія порождаются зачастую такими мелкими, узкими условіями той или другой мѣстности, опредѣляются такими личными интересами и цѣлями, такъ часто мѣняются съ перемѣною общественнаго настроенія и направленія, что на нихъ всегда почти неизбѣжно лежитъ характеръ случайности и шаткости. И тому, кто всѣ вопросы хочетъ порѣшить на почвѣ единственно практическихъ соображеній, трудно сохранить единство и цѣльность міросозерцанія. Вотъ почему о г. Колюпановѣ можно сказать то же, чтò сказалъ нѣкогда о себѣ «Свистокъ»:

> На все отозвался ни слабо, ни рѣзко,
> Воспѣлъ Гарибальди, воспѣлъ и Франческо.

Составленное г. Колюпановымъ *Руководство къ учрежденію сельскихъ и ремесленныхъ банковъ* является весьма кстати и вò время. Вопросъ о сельскихъ банкахъ, теперь вопросъ настоятельный. Нѣтъ сомнѣнія, что многое множество земскихъ дѣятелей съ жадностію бросятся на книгу г. Колюпанова. Ея заглавіе такъ заманчиво! Оно обѣщаетъ быть не просто руководствомъ, куда могутъ входить разныя теоретическія соображенія и разсужденія, для дѣловаго человѣка не особенно нужныя, а практическимъ руководствомъ, т.-е. руководствомъ, разъясняющимъ только суть дѣла, —и ничего больше. Эпиграфъ, украшающій книгу, бьетъ на ту же практичность. «Политическая экономія, — гласитъ этотъ эпиграфъ, взятый изъ Маклеода, — подобно геологіи, есть наука по преимуществу *практическая*. Сильно заблуждаются люди, которые полагаютъ, что она можетъ быть построена въ кабинетѣ, подобно какой-нибудь отвлеченной наукѣ. Напротивъ, она требуетъ близкаго *практическаго* знакомства съ бòльшимъ числомъ предметовъ, весьма разнообразныхъ». Слѣдующая за заглавіемъ страница должна

окончательно удостовѣрить каждаго земскаго дѣятеля въ нарочитой практичности книги. Ибо на сей страницѣ начертано: «Земскимъ дѣятелямъ, искренно сочувствующимъ нуждамъ трудящаго населенія, посвящаетъ составитель».

Каково же будетъ изумленіе земскаго дѣятеля, когда, начавъ читать *практическое руководство* къ учрежденію сельскихъ и ремесленныхъ банковъ г. Колюпанова, онъ неожиданно встрѣтитъ здѣсь подробное изложеніе существа и характера послѣдней французской революціи, разсужденіе о соціализмѣ, коммунизмѣ и т. п. Особенною яростію, какъ кажется, г. Колюпановъ пылаетъ противъ коммунизма, а потому въ описаніи его доходитъ до такихъ подробностей, до какихъ не доходилъ Ноздревъ при разсказѣ о похищеніи губернаторской дочки. Такъ, онъ сообщаетъ, между прочимъ, что какой-то коммунистъ-журналистъ во Франціи «дошелъ до того, что всякія продолжительныя сношенія между обоими полами, извѣстныя подъ именемъ любви, назвалъ противоестественными и объявилъ, что человѣчество, составляющее безъ всякихъ подраздѣленій одну вселенную, общую семью, должно размножаться подобно животнымъ, безразлично, подъ вліяніемъ почувствованной потребности». Это все въ практическомъ-то руководствѣ къ учрежденію сельскихъ и ремесленныхъ банковъ! Воображаю, въ какое непритворное изумленіе долженъ повергнуться каждый земскій дѣятель отъ подобныхъ интересныхъ подробностей! Не менѣе, конечно, изумитъ почтеннаго земскаго дѣятеля та суровая расправа, которую производитъ авторъ предъ его глазами надъ Луи-Бланомъ, Прудономъ, Лассалемъ. Г. Колюпановъ счелъ нужнымъ заняться и ими въ своемъ практическомъ руководствѣ, разбилъ ихъ въ пухъ и прахъ, распушилъ, на чемъ свѣтъ стоитъ. Въ особенности досталось бѣдному Лассалю, такъ что инда вчужѣ его жалко, а вмѣстѣ съ тѣмъ (что грѣха таить) и пріятно, что нашъ земецъ такъ валяетъ европейскую знаменитость. «Лассаль, — говоритъ нимало не конфузясь г. Колюпановъ, — принадлежалъ къ числу тѣхъ самонадѣянныхъ доктринёровъ, которые, подхвативъ какую-нибудь заимствованную у другаго мысль, носятся съ ней, какъ кошка съ саломъ, силятся во что бы то ни стало найдти для нея неумѣлое, но немедленное приложеніе, и всѣхъ, кто имѣетъ благоразуміе съ ними не соглашаться, обзываютъ «пошляками». Каково!! Но нашъ родной земецъ еще и не такъ его, Лассаля-то... Лассаль говоритъ, что онъ имѣетъ въ виду *не рѣшеніе соціальнаго вопроса*, которое займетъ цѣлыя поколѣнія, а «лишь органическое, неудержимо въ себѣ вмѣстившее все дальнѣйшее развитіе и само изъ себя распускающееся зерно». Подъ этимъ зерномъ Лассаль разумѣетъ производительныя ассоціаціи отдѣльныхъ промышленностей на-счетъ государства. А г. Колюпановъ замѣчаетъ, что «зерно, которое думалъ посѣять Лассаль, — зерно не всхожее, потому что оно не вмѣщаетъ въ себѣ ничего, кромѣ колоссальной

эрудиціи, какую рѣдко удается слышать». Сильно сказано, но не бездоказательно, ибо г. Колюпановъ вслѣдъ за этимъ своимъ слогомъ удостовѣряетъ, что еслибы четыре костромскія льнопрядильни устроить по плану Лассаля, то все дѣло пошло бы прахомъ. Мы въ этомъ случаѣ, конечно, даже на слово вѣримъ болѣе г. Колюпанову, нежели Лассалю, ибо г. Колюпановъ хорошо знаетъ Кострому и ему лучше судить, на какихъ началахъ прочнѣе можно устроивать тамъ дѣла лассалевскихъ ли, или его, колюпановскихъ, хотя не сомнѣваемся, что еслибы Лассалю, при жизни его удалось побывать въ Костромѣ, то онъ навѣрное умѣлъ бы и здѣсь найтись и приложить свои начала въ такой формѣ, что тѣхъ затрудненій, которыя теперь неразрѣшимы для г. Колюпанова, вовсе и не возникло бы.

Но не въ томъ, впрочемъ, вопросъ: правъ ли г. Колюпановъ относительно неприложимости лассалевскихъ проектовъ къ костромскимъ льнопрядильнямъ, или неправъ? Еслибы онъ былъ и правъ, то онъ все-таки былъ бы только забавенъ по узкому пониманію идей Лассаля, и по тому комически высокомѣрному тону, который онъ принимаетъ относительно Лассаля. Насъ занимаетъ другой, болѣе интересный въ настоящемъ случаѣ вопросъ о томъ: для чего понадобилось г. Колюпанову въ практическомъ руководствѣ, предназначаемомъ для земскихъ дѣятелей, нагонять эти многочисленныя орды *жалкихъ* словъ о французской революціи, соціализмѣ, коммунизмѣ, Луи-Бланѣ, Прудонѣ, Лассалѣ и т. п.? Въ Германіи въ настоящее время книги и брошюрки подобнаго содержанія выростаютъ, какъ грибы послѣ дождя, выходятъ въ свѣтъ сотнями. Тамъ ли бы, кажется, не распространяться о борьбѣ Шульце-Делича и Лассаля,—гдѣ эта борьба происходила, гдѣ она всѣмъ болѣе или менѣе извѣстна, гдѣ ею заинтересованы? Но практическія книги и брошюры понимаютъ, что это не ихъ дѣло, что для этого есть другія книги и брошюры, что ихъ дѣло изложить только то, что̀ нужно для практическаго устройства дѣла по той или другой системѣ. Такъ, намъ кажется, тѣмъ болѣе слѣдовало поступить г. Колюпанову. Земскимъ практическимъ дѣятелямъ, конечно, нисколько не могутъ быть не интересны разглагольствованія г. Колюпанова о французской революціи, соціализмѣ, коммунизмѣ, Луи-Бланѣ и т. п., которыми онъ ихъ подчуетъ; а кто изъ земскихъ дѣятелей этими предметами дѣйствительно интересуется, тотъ давно прочелъ объ этомъ въ другихъ книгахъ, гдѣ это изложено полнѣе и лучше, и, что̀ главное, безпристрастнѣе. Что касается до самаго дѣла, то не все ли равно для земскаго дѣятеля, по какому рецепту учитъ его руководство устроивать банки,—лишь бы рецептъ былъ хорошъ — и дѣло шло.

Но г. Колюпановъ настаиваетъ... Вся книга его проникнута

борьбой съ соціалистами, коммунистами, Луи-Бланомъ, Прудономъ, въ особенности Лассалемъ. Онъ считаетъ нужнымъ чернить имена и топтать въ грязь репутацію людей, можетъ быть и заблуждавшихся въ свое время, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно разумныхъ и несомнѣнно честныхъ. Онъ считаетъ нужнымъ закидывать грязью и диффамировать, какъ нелѣпости, самыя идеи этихъ людей, когда приложеніе этихъ идей къ дѣлу нигдѣ надлежащимъ образомъ не испытано, и слѣдовательно неприложимость ихъ нигдѣ и никѣмъ не доказана. Онъ, наконецъ, считаетъ нужнымъ окружать и начинять эти идеи краснымъ призракомъ, хотя всѣмъ извѣстно, что въ своихъ современныхъ формулахъ онѣ никакихъ красныхъ призраковъ ни въ себѣ самихъ, ни около себя не имѣютъ.

Подобный пріемъ, какими бы цѣлями онъ ни прикрывался, конечно, никогда не могъ бы быть оправданъ, но онъ могъ бы быть, по крайней-мѣрѣ, понятенъ, еслибы въ Россіи была и существовала организованная партія послѣдователей школы Лассаля или, по крайней-мѣрѣ, болѣе или менѣе значительное число самыхъ горячихъ его приверженцевъ, которые мѣшали бы скромнымъ и мирнымъ дѣятелямъ шульце-деличевскаго пошиба дѣлать свое дѣло. Но вѣдь ничего подобнаго на дѣлѣ нѣтъ, и г. Колюпанову это извѣстно болѣе, чѣмъ кому-нибудь Если и найдется нѣсколько десятковъ молодыхъ людей, которые искренно бредятъ Луи-Бланомъ, Прудономъ, Лассалемъ, то, къ сожалѣнію, такое увлеченіе есть чисто идеальное, и во всякомъ случаѣ заслуживающее полнаго уваженія, какъ и всякое горячее отношеніе молодости ко всему дѣйствительно хорошему и честному. Будущее Россіи было бы очень печально, еслибы ея подростающія поколѣнія, даже въ золотыхъ снахъ своей юности, въ своихъ идеалахъ не видали ничего далѣе рождественскаго банка*, и въ учрежденіи подобныхъ банковъ видѣли предѣлъ совершенства человѣческихъ обществъ. Но такое идеальное увлеченіе ничему и никому не мѣшаетъ идти въ мірѣ дѣйствительности тѣмъ скромнымъ путемъ, который открываютъ размѣры существующихъ условій: тѣ же самые люди, которые увлекаются идеями Луи-Блана, Прудона, Лассаля, сочувствуютъ самымъ скромнымъ начинаніямъ, которыя далеки отъ этихъ идеаловъ, какъ небо отъ земли. Вспомнимъ, напримѣръ, сколько было писано въ послѣднее время о сыроварняхъ Верещагина. Вѣроятно, съ такимъ же сочувствіемъ отнеслись бы всѣ къ учрежденіямъ въ родѣ рождественскаго банка, еслибы они были болѣе распространены и были всѣмъ извѣстны.

---

* Сельскій рождественскій банкъ, основанный по образцу германскихъ шульце-деличевскихъ въ 1866 году Лугиниными, находится въ бывшемъ имѣніи послѣднихъ, въ селѣ Рождественскомъ, Костромской губерніи. Въ книгѣ г. Колюпанова сообщаются свѣдѣнія объ основаніи его, о его дѣйствіяхъ и т. п.

Наконецъ, еслибы и нашлись такіе рьяные поклонники Лассаля, которые не показывали бы никакого сочувствія къ ассоціаціямъ на шульце-деличевскихъ началахъ, а препятствовали и устно и письменно ихъ распространенію, стараясь объ учрежденіи и распространеніи, вмѣсто нихъ, ассоціацій на лассалевскихъ началахъ, то бѣды и въ этомъ никакой нѣтъ, равно какъ нѣтъ ничего ни преступнаго, ни опаснаго по отношенію къ государству. Кто несогласенъ съ ними, можетъ ихъ опровергать, можетъ пропагандировать и восхвалять противоположныя воззрѣнія, но не имѣетъ права обвинять ихъ ни въ измѣнѣ отечеству, ни въ намѣреніи подорвать общественныя основы. Такъ точно и г. Колюпановъ, какъ послѣдователь Шульце-Делича, имѣлъ полное право всѣми логическими доводами доказывать, что система послѣдняго гораздо состоятельнѣе, основательнѣе, плодотворнѣе и т. д. системы Лассаля, но не имѣлъ права прибѣгать къ нелитературнымъ пріемамъ, выступать на путь литературной травли, выставлять всѣхъ, предпочитающихъ систему Лассаля системѣ Шульце-Делича, непремѣнно политическими агитаторами и разрушителями общества, однимъ словомъ, изыскивать, по примѣру и выраженію г. Аскоченскаго, русскихъ Луи-Бланчиковъ, Прудончиковъ, Лассальчиковъ. Г. Колюпанову, вѣроятно, не менѣе насъ извѣстно, что въ настоящее время можно развѣ только преднамѣренно смѣшивать соціализмъ Фурье, Сенъ-Симона, Анфантена и т. п. съ тѣмъ, что̀ принято въ наше время называть соціалистическими воззрѣніями, или говорить о Луи-Бланѣ не различая его «Организаціи труда» отъ его послѣдующихъ воззрѣній, или, наконецъ, къ основной идеѣ Лассаля объ ассоціаціяхъ приплетать его другія теоріи, съ которыми она ни въ какой органической связи вовсе не состоитъ. Даже самые узкіе и полицейски-усердствующіе сыщики соціалистическаго направленія признаются, что «организація труда, въ смыслѣ Луи-Блана, составляетъ пограничную черту соціализма прежняго времени. По сю сторону этой черты начинаются уже такія формаціи, которыя никѣмъ не почитаются и не называются соціалистическими, хотя, прибавляетъ полицействующій гелертеръ, въ самомъ существѣ этихъ формацій есть попытки и начатки въ соціалистическомъ направленіи, въ которыхъ иногда ненамѣренно можетъ обнаруживаться соціалистическій духъ». Но къ такимъ формаціямъ соціалистическаго характера относятся, по мнѣнію онаго гелертера, и всѣ потребительныя ассоціаціи, всѣ ссудныя кассы и кредитные банки, основанные товариществами, и Шульце-Деличъ въ его глазахъ такъ же повиненъ въ соціализмѣ, какъ и Лассаль. Ибо «присутствіе соціализма, говоритъ гелертеръ, должно признать всюду, гдѣ обыкновенное раздѣленіе занятій, а слѣдовательно, и прибылей, замѣняется такими комбинаціями, въ которыхъ продавецъ и покупатель совмѣщается въ одномъ и томъ же лицѣ. А на этомъ принципѣ основаны какъ

потребительныя ассоціаціи, которыя обыкновенно, а въ Пруссіи даже исключительно продаютъ только своимъ членамъ, такъ и ссудныя товарищества, которыя всѣ прибыли дѣлятъ между всѣми своими вкладчиками» *. И такъ, если позволительно употреблять пріемъ запугиванія относительно Лассаля, то на томъ же самомъ основаніи можно и должно употреблять его и относительно Шульце-Делича. Оба они одного поля ягоды. Если не соціалистъ Шульце-Деличъ, то не соціалистъ и Лассаль — и на оборотъ, если соціалистъ Лассаль, то соціалистъ и Шульце-Деличъ.

Г. Колюпановъ держится въ этомъ случаѣ другаго мнѣнія. Онъ не видитъ никакого соціализма нетолько въ потребительныхъ ассоціаціяхъ или въ ссудныхъ товариществахъ, но даже и въ производительныхъ ассоціаціяхъ. Напротивъ, онъ думаетъ, что цѣль и обязанность современнаго общества заботиться всѣми силами объ учрежденіи и распространеніи послѣднихъ, что только производительными ассоціаціями низшіе классы могутъ быть дѣйствительно подняты и вырваны изъ власти капиталистовъ, что и потребительныя ассоціаціи и ссудныя товарищества и банки взаимнаго кредита суть не болѣе, какъ только переходныя ступени къ производительнымъ ассоціаціямъ, средства къ накопленію необходимаго для производства капитала. Г. Колюпановъ выставляетъ только одно условіе — sine qua non, именно, чтобы всѣ эти ассоціаціи возникали и держались на средства самихъ рабочихъ; дозволяется, впрочемъ, брать, если нужно, и пособіе со стороны, но только не отъ государства. Какъ только является пособіе государства въ видѣ денежной субсидіи, такъ, по его мнѣнію, вмѣстѣ съ этимъ начинается и *государственный соціализмъ*. Однѣ и тѣ же ассоціаціи, нисколько не измѣняясь въ своемъ существѣ, могутъ быть и соціалистическими и крайне опасными для государства, и могутъ быть нисколько не соціалистическими и весьма полезными для государства, и все это зависитъ отъ того, при помощи ли субсидіи государственной онѣ возникаютъ или безъ помощи такой субсидіи.

Это, по нашему мнѣнію, и невѣрно и непослѣдовательно. Цѣль ассоціацій, основываемыхъ съ государственною помощью и основываемыхъ безъ государственной помощи, одна и та же, именно: поставить рабочихъ на мѣсто производителей и капиталистовъ. Слѣдовательно, какими бы она средствами, съ чьею бы помощью эта цѣль ни достигалась, но если она успѣшно достигается, то переворотъ въ обществѣ происходитъ одинаковый. И слѣдовательно, если стремленіе къ подобному перевороту можетъ быть признано стремленіемъ соціализма, то и всѣ средства, къ нему ведущія, несомнѣнно должны быть признаны соціалисти-

* См. Betrachtungen über Socialismus und Communismus von Kiraly. 1869. Leipzig.

ческими. Такъ дѣйствительно и совершенно послѣдовательно, прибавимъ мы отъ себя, и смотрятъ истинные филистеры на производительную ассоціацію, возникаетъ ли она съ государственною помощью или безъ государственной помощи. Если они приходятъ въ бо́льшій ужасъ отъ ассоціацій съ государственною помощью, то только потому, что государство есть сила, съ которой капиталистамъ трудно вести борьбу нетолько порознь, группами, но и совокупными усиліями. Приведенный нами выше гелертеръ, сказавъ о томъ, что производительная ассоціація и безъ государственной помощи имѣетъ соціалистическій характеръ, продолжаетъ: «но если мы сверхъ этого допустимъ еще прямое участіе государственныхъ средствъ въ производительной ассоціаціи въ томъ видѣ, какъ требовалъ этого Лассаль по своей системѣ, то мы очутимся уже въ полнѣйшемъ соціализмѣ. Эта система, очевидно, никакъ не могла бы долго оставаться тѣмъ, къ чему она вначалѣ предназначалась ея творцемъ. Государственная помощь, положивъ начало основанію производительныхъ ассоціацій, не могла бы на этомъ остановиться, напротивъ, этимъ началомъ была бы обусловлена необходимость ея дальнѣйшаго участія въ производствѣ. Капиталъ, по выраженію Кэри, есть орудіе производства, а по плану лассалевской ассоціаціи это орудіе должно быть дано въ руки государствомъ. Какая сила могла бы воспрепятствовать, чтобы за шагомъ, который разъ признанъ полезнымъ, не послѣдовалъ и второй, и чтобы государство, разъ давъ въ руки орудіе, не поставлено было въ необходимость давать его и далѣе и съ лучшими качествами и въ громадныхъ размѣрахъ? Очевидно, что такимъ образомъ государство сдѣлалось бы главнымъ двигателемъ производства. Можно ли придумать болѣе дѣйствительное средство для того, чтобы передать въ руки соціализма все экономическое производство?» И такъ, гелертеръ боится не неуспѣха дѣла, а напротивъ, его успѣха. Онъ боится, что при участіи государственной помощи оснуется царство соціализма, т.-е. такое экономическое положеніе, гдѣ рабочіе станутъ на мѣсто капиталистовъ и производителей.

Но г. Колюпановъ не признаетъ этого соціализмомъ. Онъ напротивъ увѣряетъ, что цѣль демократической партіи, какъ онъ величаетъ буржуазную шульце-деличевскую партію, къ которой причисляетъ и себя, та же самая, что и цѣль лассалевской партіи, но только демократическая партія хочетъ, чтобы рабочіе достигали того положенія своею самодѣятельностію, т.-е. накопили сначала капиталъ посредствомъ потребительныхъ ассоціацій и ссудныхъ товариществъ, а потомъ на этотъ накопленный капиталъ завели производительныя ассоціаціи.

Прекрасно. Но прежде, чѣмъ стремиться къ этой цѣли, отвергая рѣшительно государственную помощь, надобно бы было рѣшить предварительно вопросъ: можетъ не только все рабочее сословіе той или другой страны, но даже и болѣе или менѣе

значительная часть его достигнуть посредствомъ означенной собственной самодѣятельности до цѣли своихъ усилій, т.-е. до возможности основать производительныя ассоціаціи?

Опытъ показалъ, что разсчетъ на улучшеніе положенія рабочихъ въ болѣе или менѣе значительныхъ массахъ посредствомъ одной ихъ самодѣятельности есть миражъ, обманъ. «Кооперативное движеніе,—говоритъ Талльяндье,—до настоящаго времени сильнѣе всего распространилось въ Англіи преимущественно съ конца пятидесятыхъ годовъ. Здѣсь оно пользуется выгодами, которыхъ нигдѣ не имѣетъ, и которыя было бы слишкомъ долго перечислять: достаточно сказать, что все—законъ, общественное мнѣніе, обычаи и проч. покровительствуетъ здѣсь ассоціаціи. И однакоже, замѣчаетъ Талльяндье, сколько въ Англіи рабочихъ до сихъ поръ воспользовалось плодами товарищества? — Около 150,000 человѣкъ. Полагая, что эти 150,000 человѣкъ всѣ отцы семействъ, мы видимъ, что вся великая кооперативная армія, въ странѣ, гдѣ движеніе имѣетъ наиболѣе успѣха, не достигаетъ до одного милльйона. При этомъ, да позволено мнѣ будетъ обратить вниманіе на фактъ, который опускался доселѣ всѣми изъ виду, но не можетъ пройдти незамѣченнымъ: въ Англіи сложеніе новыхъ производительныхъ обществъ остановилось или по крайней мѣрѣ уменьшилось съ 1863 г.: это показываетъ, что кооперативное движеніе завербовало въ свои ряды все способное къ соединенію въ производительныя ассоціаціи рабочаго населенія, и затѣмъ вся остальная масса оказывается малоспособною къ пользованію выгодами товарищества не только въ формѣ производительныхъ ассоціацій, но даже въ смыслѣ обществъ потребленія». Просимъ читателя остановиться на этихъ послѣднихъ строкахъ Талльяндье, и прочесть ихъ и разъ, и два, и три. Онѣ дѣйствительно замѣчательны. Онѣ выражаютъ вполнѣ весь смыслъ производительныхъ ассоціацій, основываемыхъ единственно на началѣ самодѣятельности, безъ государственной помощи, и всю сумму результатовъ, какіе черезъ нихъ могутъ быть достигнуты. Вы рѣшились образовать въ извѣстной странѣ изъ рабочаго сословія производительныя ассоціаціи при посредствѣ единственно собственной самодѣятельности рабочихъ, вы со всѣми возможными усиліями отбираете послѣдніе пятаки и гроши у послѣднихъ, вы увѣщеваете ихъ ради сбереженія этихъ пятаковъ и грошей воздерживаться отъ самыхъ необходимѣйшихъ расходовъ, душить самыя естественныя потребности, вы трудитесь надъ этимъ съ неутомимою ревностію цѣлые десятки лѣтъ, успѣваете отобрать пятаки и гроши дѣйствительно у всѣхъ, у кого только можно отобрать,—но затѣмъ, въ результатѣ, къ ужасу вашему, усматриваете, что вамъ удалось завербовать въ ваши соединенія всего горсть людей, что за этою горстью стоитъ непроглядная масса, которая не можетъ быть собрана ни въ какія соединенія, у ко-

торой никогда нѣтъ ни гроша и быть не можетъ, которой вы не только не можете доставить никакого облегченія, но которую чрезъ новые капиталы, выловленные изъ нея же и предназначенные тяготѣть надъ ней же, вы ставите еще въ худшее, въ бѣдственнѣйшее положеніе, чѣмъ она была.

При этомъ нельзя не обратить вниманія на то, какъ трудно и медленно образуются даже тѣ немногія производительныя ассоціаціи, которыя могутъ быть образованы собственно самодѣятельностію рабочихъ. Въ Германіи ссудныя товарищества начинаютъ дѣйствовать въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Въ 1867 году ихъ считалось 570 съ 219,358 членами и съ накопленнымъ собственнымъ капиталомъ въ 7.507,085 руб. Между тѣмъ изъ отчета Шульце-Делича за 1867 годъ видно, что производительныхъ ассоціацій во всей Германіи было всего три: литейщиковъ въ Берлинѣ (съ 1863 г.), производителей швейныхъ машинъ въ Бильфельдѣ (съ 1866 г.) и часовыхъ дѣлъ мастеровъ въ Фрейбургѣ (съ 1865 г.). Но и эти ассоціаціи очень незначительны: и берлинская, и бильфельдская, и фрейбургская — всѣ три вмѣстѣ имѣютъ всего 31 рабочаго, и притомъ на сколько онѣ прочны, по ихъ недавности, трудно судить. Самая лучшая изъ германскихъ ассоціацій — ассоціація машинныхъ мастеровъ въ Хемницѣ въ 1867 году закрылась по недостатку капитала для продолженія производства.

Таковы результаты производительныхъ ассоціацій, основанныхъ при помощи одного начала самодѣятельности.

Предположимъ, что на путь основанія производительныхъ ассоціацій путемъ собственной самодѣятельности рабочихъ выступила и Россія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ странѣ, гдѣ рабочее сословіе настолько бѣдно, что не имѣетъ возможности въ обыкновенное время ѣсть чистаго хлѣба безъ мякины, а въ весеннее время зачистую находится въ необходимости ѣсть хлѣбъ *ученый*, т.-е. съ мохомъ, съ сосновою корою и т. п., сбереженія будутъ скопляться медленно, во всякомъ случаѣ медленнѣе, чѣмъ въ какой нибудь другой странѣ. Предположимъ однакожь, что сбереженія у насъ накопляются съ такою же быстротою, какъ въ Германіи, что черезъ 20 лѣтъ мы будемъ имѣть, какъ и она, около 600 ссудныхъ товариществъ съ 200,000 членовъ и 7.000,000 руб. капитала,—и при этомъ три производительныхъ ассоціаціи съ 31 рабочимъ. Что же, —спрашиваемъ мы, — осчастливлено будетъ наше рабочее населеніе, состоящее и теперь уже изъ 50.000,000, а черезъ 20 лѣтъ имѣющее увеличиться по крайней мѣрѣ въ полтора раза противу этого, — такимъ успѣшнымъ ходомъ дѣла?—Но предположимъ самое невозможное: предположимъ, что мы въ нашихъ сбереженіяхъ и накопленіяхъ на началѣ самодѣятельности будемъ идти гораздо быстрѣе и успѣшнѣе, чѣмъ Германія, — что черезъ 30 лѣтъ мы успѣемъ наловить пятаковъ и грошей изъ нашего рабочаго сословія втрое, вчетверо болѣе, чѣмъ наловила Англія, и оснуемъ производительныхъ

ассоціацій втрое, вчетверо болѣе, чѣмъ она, т.-е. три или четыре мильйона нашихъ рабочихъ съ ихъ семьями войдутъ въ производительныя ассоціаціи. Что же, будетъ,—спросимъ мы,—осчастливлена этимъ масса рабочаго населенія, которая будетъ простираться тогда, быть можетъ, до 100 мильйоновъ?

Массѣ рабочаго сословія, мы думаемъ, нисколько не будетъ легче отъ того, что изъ среды ея выдвинется ничтожный процентъ и обзаведется капиталомъ; напротивъ, по всей вѣроятности, ей будетъ гораздо тяжелѣе. Потому что этотъ капиталъ будетъ стоять непосредственно надъ нею и дѣйствовать на одномъ и томъ же полѣ дѣйствія съ нею. Капиталъ этотъ, разбитый по ассоціаціямъ, разсѣяннымъ по всей Россіи, въ частяхъ своихъ будетъ слишкомъ ничтоженъ для того, чтобы бороться съ огромнымъ капиталомъ личныхъ предпринимателей и капиталистовъ. Эта количественная незначительность капитала, отъ которой пала и процвѣтавшая хемницкая ассоціація машинныхъ мастеровъ, въ каждой ассоціаціи дѣлается еще болѣе незначительною отъ внутреннихъ условій, хода и дѣла въ каждой ассоціаціи, изъ какихъ бы развитыхъ людей она ни состояла. Очень понятно, что никакая ассоціація не можетъ состязаться въ предпріимчивости, быстротѣ, энергіи съ личною инищіативою частныхъ предпринимателей, предполагая, что ихъ капиталъ будетъ одинаковъ. Въ ассоціаціи каждое нововведеніе, каждая новая важная мѣра должна быть проведена черезъ общее собраніе, и даже при болѣе или менѣе одинаковомъ развитіи членовъ ассоціацій, сколько она можетъ встрѣтить здѣсь препятствій для своего осуществленія! Въ частномъ предпріятіи и начало, и рѣшеніе, исполненіе дѣла — все зависитъ отъ одной личности. Но капиталы ассоціацій, незначительные для того, чтобы конкурировать даже съ равными себѣ капиталами частной предпріимчивости, будутъ слишкомъ значительны для того, чтобы тяготѣть надъ лишенною всякаго капитала массою остальнаго рабочаго населенія. Дѣйствуя съ послѣднимъ въ однѣхъ и тѣхъ же отрасляхъ промышленности земледѣльческой, мануфактурной и т. д., ассоціаціи захватятъ себѣ всѣ выгодныя предпріятія, а остальныхъ рабочихъ поставятъ въ положеніе батраковъ.

Конечный результатъ ассоціацій, основанныхъ единственно собственною самодѣятельностію, безъ государственной помощи,—будутъ ли онѣ процвѣтать въ формѣ производительныхъ ассоціацій или ссудныхъ товариществъ,—будетъ тотъ, что онѣ дадутъ хорошихъ фермеровъ для помѣщичьихъ имѣній, поднимутъ послѣднія—это съ одной стороны, а съ другой подѣйствуютъ на распущеніе русской общины и на образованіе новаго, такъ давно желаемаго многими класса русскихъ гражданъ-батраковъ.

«Позвольте, — скажетъ мнѣ непроницательный читатель,—съ какой стати заговорили вы о фермерахъ, о дворянскихъ имѣніяхъ, о распущеніи общины, о батракахъ, когда ничего по-

добнаго нѣтъ въ *демократической* книгѣ г. Колюпанова, когда тамъ сельскіе банки на началѣ самодѣятельности рекомендуются именно для поднятія благосостоянія низшихъ классовъ?»

— Вы, почтенный мой читатель, не очень довѣряйте *демократической* литературѣ нашего времени, обходитесь съ ней поосторожнѣе. Это не та честная и откровенная литература начала шестидесятыхъ годовъ, которая давала читателямъ въ руки съ рѣзкою прямотою и начала свои и выводы и давала самимъ читателямъ возможность повѣрять и вѣрность своихъ началъ и вѣрность выводовъ, даже требовала этого. Нынѣшняя литература—литература практическая. Она хлопочетъ только о томъ, какъ бы ей устроить то, что ей практически нужно или выгодно въ данную минуту, нисколько не заботясь, съ какими это сойдется началами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нисколько не жонируясь прикрывать для читателя это какими угодно началами, лишь бы только достигнуть цѣли. Такъ-что теперь весьма трудно разбирать: кто воспѣваетъ Гарибальди и кто Франческо.

Вотъ, напримѣръ, возьмемъ хоть мысль о необходимости основать въ Россіи особое сословіе батраковъ или, что то же, мысль объ освобожденіи крестьянъ отъ земли, о предоставленіи имъ права отчуждать данные имъ поземельные надѣлы. Въ первый разъ мысль эта высказана была «Московскими Вѣдомостями»—органѣ въ то время не ультра только консервативномъ, какъ теперь, а вполнѣ ретроградномъ. Мысль эта произвела общее непріятное впечатлѣніе и вызвала отпоръ въ либеральныхъ газетахъ и журналахъ. Но она, какъ и слѣдовало ожидать, принята была съ распростертыми объятіями газетою «Вѣсть», которая съ того времени слова: «свобода крестьянъ отъ земли» сдѣлала чѣмъ-то въ родѣ Катоновскаго: «delenda est Carthago», и повторяла ихъ чуть не въ каждомъ нумерѣ своей газеты. Теперь это ретроградное, крѣпостническое стремленіе освободить крестьянъ отъ земли, обратилось въ прогрессивное. Насъ увѣряютъ теперь, что освобожденіе крестьянъ отъ земли будетъ истиннымъ имъ благодѣяніемъ, дѣйствительной ихъ свободой; этого мало—что такое освобожденіе подниметъ промышленность, торговлю и проч. и проч. Такія мысли мы встрѣчаемъ уже не въ ретроградной прессѣ, а прогрессивной, въ демократическомъ журналѣ «Дѣло»,—и въ сочиненіи демократическаго дѣятеля г. Колюпанова.

Г. Колюпановъ говоритъ: «Вслѣдъ за освобожденіемъ сельскаго населенія и у насъ, и въ Пруссіи поднялся вопросъ о переселеніи. Въ Пруссіи вопросъ этотъ представляется нѣсколько иначе, нежели у насъ: въ Пруссіи населеніе значительно гуще и потому цѣнность земель несравненно выше, и, слѣдовательно, свобода переселенія заключается въ расширеніи правъ *пріобрѣтенія осѣдлости (курсивъ въ подлинникѣ);* у насъ, наоборотъ, вслѣдствіе обилія незанятыхъ земель и низкой на нихъ цѣны, свобода переселенія заключается въ расширеніи права

отказа отъ осѣдлости (курсивъ въ подлинникѣ). Но въ сущности оба эти исхода одинаковы и подводятся подъ общее опредѣленіе фонъ-деръ-Горста: «никто не долженъ быть прикрѣпляемъ къ землѣ и тѣмъ лишаемъ способовъ легчайшаго пропитанія». Великій этотъ вопросъ и въ Германіи, и у насъ ждетъ своего разрѣшенія: духъ новаго времени не позволяетъ сомнѣваться, что рѣшеніе послѣдуетъ въ пользу *расширенія*, а *не ограниченія* законной свободы гражданина».

Кратко и ясно! — Но г. Колюпановъ этимъ не ограничился. Онъ подмѣтилъ ту страницу въ «Дѣлѣ», гдѣ говорится объ освобожденіи крестьянъ отъ земель, сохранилъ ее, какъ драгоцѣнность и украсилъ ею свое сочиненіе.

Казалось бы, для чего это могло быть нужно г. Колюпанову? Онъ такъ хорошо знакомъ съ извѣстною партіею иностранныхъ экономистовъ, которая еще съ прошедшаго столѣтія начала кричать о необходимости свободы крестьянъ отъ земли и уходила-таки и Австрію, и Пруссію, уничтоживъ у нихъ остатки общинъ, къ великому прискорбію экономистовъ новыхъ воззрѣній; онъ могъ бы воспользоваться статьями «Московскихъ Вѣдомостей» и «Вѣсти», гдѣ объ этомъ предметѣ говорилось основательнѣе, чѣмъ въ «Дѣлѣ»; наконецъ, онъ могъ бы написать объ этомъ самъ болѣе содержательную и теплую страницу. Какая важность и авторитетъ для читателей можетъ быть въ томъ, что̀ написалъ какой-нибудь Емеля въ «Дѣлѣ» или «Недѣлѣ»? Но г. Колюпановъ понимаетъ, что авторитетъ и важность есть. «Дѣло», органъ демократическій. Выписывая изъ него страницу въ подтвержденіе задушевной своей мысли, г. Колюпановъ запечатлѣваетъ свою мысль нѣкоторымъ образомъ священною печатью въ глазахъ всѣхъ непроницательныхъ либераловъ.

Въ чемъ же, однако, сила? Что̀ говоритъ и проповѣдуетъ «Дѣло»?

Нѣкоторый сочинитель Гдб. писалъ въ «Дѣлѣ» о сыроварняхъ Верещагина. Сыроварни Верещагина умилили его до душевнаго разслабленія: «Какъ! Въ невѣжественной Россіи, — и вдругъ свободныя ассоціаціи для сыроваренія, — и удаются! Отчего же не приложить начала свободныхъ ассоціацій и ко всему... Къ чему же? — Да чего же ближе, вотъ хоть бы къ аграрному устройству!» Едва блеснула эта мысль въ головѣ сочинителя, какъ жернова пошли, напоръ словоизверженія сдѣлался неудержимъ, сознательная мысль потерялась, и сочинитель, подобно ослицѣ Валаама, не вѣдая самъ, что говоритъ, прорекъ слѣдующее:

1. «Всякому внимательному глазу очевидно, что *наша обязательная поземельная* община непрочна, какъ все обязательное, не свободное и потому не естественное; что крестьяне ею тяготятся, и что она рано или поздно должна *разложиться или измѣниться*».

Всякому внимательному глазу очевидно, что приведенныя строки написаны совершенно *наоборотъ* здравому смыслу и дѣйстви-

тельному положенію дѣла. Если слово: *естественный* можетъ быть приложимо къ общественнымъ и народнымъ учрежденіямъ, то ни одно изъ нашихъ учрежденій не можетъ быть названо болѣе естественнымъ, какъ община. Она создана тысячелѣтнимъ опытомъ и разумомъ народа. Какъ все естественное, она прочна, и какъ все естественное, она не свободна и обязательна, но умный человѣкъ не разрушаетъ легкомысленно безъ нужды естество, а приспособляетъ его къ своимъ потребностямъ. Нужно ли разрушить общину? Авторъ говоритъ, что нужно, потому что ею тяготятся сами крестьяне. Это совершенно неправда. Ни къ чему такъ не привязанъ нашъ крестьянинъ, какъ къ общинѣ. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ даже поклонники «Вѣсти», которые давно уже хлопочутъ о томъ, какъ бы разложить общину. Авторъ «Земли и воли» разсказываетъ, что одинъ помѣщикъ Петергофскаго уѣзда еще до изданія крестьянскаго положенія хотѣлъ облагодѣтельствовать крестьянъ, разбилъ землю, бывшую въ крестьянскомъ пользованіи, на отдѣльные участки и на свой счетъ перенесъ постройки каждаго крестьянина на принадлежащій послѣднему участокъ. Едва было обнародовано уничтоженіе крѣпостнаго права, какъ община изъявила желаніе снова соединить всѣ участки въ общее пользованіе и усадьбы перенести на старое мѣсто, что̀ и было исполнено, несмотря на значительныя издержки. Изъ всей общины оказался только одинъ сепаратистъ, который пожелалъ остаться на отведенномъ ему участкѣ. По случаю переселенія у общинниковъ пошелъ пиръ горой, но отъ этого пира былъ исключенъ сепаратистъ; на него смотрѣли, какъ на Іуду, осыпали насмѣшками и т. д. «Этотъ случай ясно показалъ, — толкуетъ авторъ съ своей точки зрѣнія, — какъ трудно одному человѣку или меньшинству крестьянъ отдѣлиться отъ большинства или цѣлой общины. По понятіямъ крестьянъ, каждая попытка на основаніе подобной самостоятельности означаетъ измѣну общинѣ, и никакой проступокъ не можетъ повлечь бо̀льшаго недовольства и презрѣнія, какъ этотъ». Чтобы община не удовлетворяла потребностямъ современнаго хозяйства и поэтому была близка къ разложенію—это также неправда. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ процвѣтаніе нѣмецкихъ общинъ, и что̀ всего для насъ замѣчательнѣе, такъ это то, что процвѣтаютъ изъ нѣмецкихъ общинъ, — какъ видно изъ книги Клауса: *Наши колоніи*,—именно общины, принявшія въ свою основу начала русской общины. Если въ нашей общинѣ и есть не мало недостатковъ, требующихъ исправленія, то слѣдуетъ озаботиться исправленіемъ этихъ недостатковъ, придерживаясь опыта процвѣтающихъ у насъ нѣмецкихъ общинъ, воспользовавшихся нашимъ же добромъ, но ни разлагать общины, ни радикально измѣнять ее не предвидится никакой надобности.

2. «Въ сельской промышленности, гдѣ главную часть *капитала* для производства представляетъ *земля* и *скотъ*, крестьяне, имѣющіе уже въ своихъ

рукахъ этотъ капиталъ при самомъ надѣлѣ, могутъ приступить къ учрежденію ассоціаціи несравненно легче, нежели въ фабричной промышленности, гдѣ весь капиталъ — движимый, крестьянамъ мало доступный. А потому переходъ обязательной поземельной общины въ свободную поземельную ассоціацію у насъ не представляетъ никакого затрудненія (*какъ это мило и наивно!!*): для этого необходима только (*еще бы! Больше рѣшительно ничего ненужно!*) совершенная свобода отказа отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ отъ земли, что̀ для всего крестьянскаго сословія наступитъ по истеченіи 49-лѣтняго срочно-выкупнаго періода».

Свободныя поземельныя ассоціаціи! Кто не понимаетъ экономическаго превосходства свободной поземельной ассоціаціи передъ нынѣшней невольной общиной? И какое нравственно-великое зрѣлище! Пятьдесятъ милліоновъ русскихъ мужиковъ, безъ всякой предварительной моральной подготовки, не фанатизируемые никакою религіозною идеею, по непонятному ни для кого влеченію, бросаютъ тысячелѣтнее устройство, завѣщанное имъ отцами, отрекаются отъ тысячелѣтнихъ обычаевъ и привычекъ, соединяются въ свободныя ассоціаціи и братски трудятся надъ обработкой общаго поля, братски дѣля между собою плоды его! Кости Фурье взыграли бы въ могилѣ отъ этого величественнаго зрѣлища, какое не могло и сниться ему даже въ самыхъ лучшихъ его снахъ. Мы только не понимаемъ, какимъ образомъ отказъ отъ земли можетъ вести къ образованію свободныхъ поземельныхъ ассоціацій? Откажись отъ земли, и все немедленно измѣнится: мужики сдѣлаются цивилизованными, проникнутся чувствами братской любви, соединятся въ ассоціаціи — и настанетъ царство общаго довольства и счастія. Но тѣ, которые откажутся отъ земли, должны остаться безъ земли, сдѣлаться батраками, не попасть въ царство общаго счастія? Нельзя ли узнать: сколько будетъ такихъ? Далѣе, какъ убѣдиться, что и тѣ, которые заручатся землею, не предпочтутъ владѣть ею на началѣ собственности или не найдутъ лучшимъ и болѣе выгоднымъ продать ее сосѣднимъ помѣщикамъ, купцамъ и т. п. Вѣдь вотъ въ Европѣ дано было право отказа отъ земли или, что̀ то же, несвободная община была распущена. Но свободныхъ поземельныхъ ассоціацій отъ этого не образовалось, а окончилось все дѣло тѣмъ, что крестьянскія земли мало по малу всѣ сплыли на рынокъ и крестьяне остались безъ ассоціацій и безъ земли. Виноватъ: возможность подобнаго несчастія предусмотрѣна и устранена для нашихъ крестьянъ г. Гдб. Онъ рекомендуетъ предварительно учрежденія свободныхъ ассоціацій завести ссудныя товарищества, образовать капиталъ и потомъ уже распускать общину. Прекрасно. Но въ такомъ случаѣ не лучше ли и не благоразумнѣе ли людямъ, имѣющимъ капиталъ и желающимъ завести ассоціаціи, прихватить земель на сторонѣ, купить у помѣщиковъ или въ казнѣ? Тогда и имъ будетъ хорошо, и тѣмъ, которые безъ капитала останутся въ несвободной общинѣ. Г. Гдб. образованіе апитала представляется дѣломъ легкимъ. Ему кажется, что

стоитъ завести ссудныя товарищества на началѣ самодѣятельности, и у каждаго мужика будетъ, по крайней мѣрѣ, тысяча рублей въ карманѣ. Г. Гдб. не подозрѣваетъ, что при самомъ усиленномъ и успѣшномъ дѣйствіи ссудныхъ товариществъ на всемъ пространствѣ русской земли, конечный результатъ ихъ, какъ ясно видно изъ вышесдѣланнаго нами самаго широкаго разсчета, будетъ тотъ, что изъ 100 мужиковъ только 4 будутъ имѣть кой-какія деньги, а 96 сдѣлаются еще болѣе жалкими бѣдняками. Очень можетъ быть, что г. Колюпановъ считаетъ идеаломъ счастія для Россіи, если изъ 50-ти милліоннаго ея рабочаго населенія два милліона будутъ имѣть землю и капиталъ, а остальные не будутъ имѣть ни капитала, ни земли. Но мы увѣрены, что еслибы такой идеалъ счастія показать редактору демократическаго журнала «Дѣло» и самому г. Гдб., то они съ ужасомъ отвернулись бы отъ него. Вотъ почему мы сказали и продолжаемъ утверждать, что то, что̀ писалъ г. Гдб. въ «Дѣлѣ» о свободныхъ поземельныхъ ассоціаціяхъ на началѣ самодѣятельности, онъ писалъ съ потерею сознательной мысли.

Читатель извинитъ насъ за сдѣланное отступленіе. Черезъ это отступленіе мы приблизились къ корню дѣла и держимъ теперь въ рукахъ ключъ разгадки.

Почему нынѣшнимъ нашимъ демократамъ не нравятся ассоціаціи, основанныя съ государственною помощью?

Потому что государственная помощь подниметъ равномѣрно все крестьянское сословіе, потому что она не дастъ ни фермеровъ, ни батраковъ для дворянскихъ имѣній, потому что она не распуститъ, а скрѣпитъ и сдѣлаетъ цвѣтущею русскую тысячелѣтнюю общину.

Почему имъ, т.-е. демократамъ, исключительно нравятся ассоціаціи, основанныя на началѣ самодѣятельности?

Потому что онѣ могутъ поднять нѣсколько сотыхъ изъ крестьянскаго сословія, остальную же массу сдѣлать еще болѣе бѣдною, потому что онѣ дадутъ желаемыхъ фермеровъ и батраковъ, потому что онѣ поведутъ къ разложенію общины.

Inde irae противъ Лассаля и всѣхъ тѣхъ, кто ему сочувствуетъ. Но изъ сказаннаго нами очевидно, что зерно, надъ которымъ трудился Лассаль, никакъ не эрунда, какъ выражается г. Колюпановъ, а дѣйствительно то органическое зерно, изъ котораго одного можетъ развиться правильное и правомѣрное устройство новой общественной организаціи, что Лассаль имѣлъ полное право носиться съ своею великою мыслью, какъ кошка съ саломъ! *(выраженіе г. Колюпанова)*. И да проститъ Аллахъ его страстной натурѣ, если онъ въ раздраженіи и негодованіи называлъ «пошляками» тѣхъ, которые становились ему поперегъ пути и мѣшали его великому дѣлу! (А впрочемъ, надобно справиться: дѣйствительно ли такъ бранился Лассаль? Что-то выраженіе очень русское и какъ будто напоминаетъ другую великую тѣнь не германскаго происхожденія).

Возраженія, дѣлаемыя г. Колюпановымъ противъ государственной помощи, такъ незначительны, что объ нихъ не стоитъ говорить. Вся сила ихъ заключается въ томъ, что будто бы вмѣстѣ съ государственною помощью въ дѣло ассоціацій войдетъ бюрократическое начало. Но подобное опасеніе совершенно неосновательно. Открывая свой кредитъ какимъ-нибудь учрежденіямъ и обществамъ, или гарантируя займы, сдѣланные послѣдними у другихъ, государство вовсе не вмѣшивается въ дѣла ихъ внутренняго управленія, а наблюдаетъ только за исправнымъ платежемъ процентовъ и погашенія. Такъ оно поступаетъ по выкупной операціи, по гарантіи желѣзныхъ дорогъ и т. п. Поэтому и при государственной помощи, какъ и въ ассоціаціяхъ, основанныхъ на началѣ самодѣятельности, волостныя власти никоимъ образомъ не будутъ стоять во главѣ сельскихъ ассоціацій, а будетъ въ нихъ управлять и распоряжаться всѣмъ цѣлый сельскій сходъ, составляющій ассоціацію, со всѣми сторонними членами-вкладчиками, привходящими въ нее. И г. Колюпановъ, хотя справедливо, но совершенно напрасно изображаетъ опасность вмѣшательства волостнаго начальства въ распоряженіе суммами ссудныхъ товариществъ.

Вообще, какъ въ производительныхъ ассоціаціяхъ, основанныхъ съ государственною помощью, такъ и въ ссудныхъ товариществахъ, для которыхъ мы государственную помощь считаемъ также необходимою, свобода управленія и дѣйствія точно также ничѣмъ не будетъ нарушена, какъ въ ассоціаціяхъ и товариществахъ, основанныхъ на началѣ самодѣятельности. Когда въ дѣлѣ ассоціацій и ссудныхъ товариществъ идетъ рѣчь о государственной помощи, то государство разсматривается въ этомъ случаѣ только какъ могущественный капиталистъ, который можетъ располагать громадными суммами и громаднымъ кредитомъ, притомъ такой капиталистъ, который стоитъ выше своекорыстнаго духа партій и частныхъ лицъ, и заинтересованъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь въ общемъ, равномѣрномъ благосостояніи всего народа. Поэтому предполагается: 1) что государство нетолько захочетъ, но и сочтетъ необходимымъ открыть сельскіе кредитные банки, по возможности въ короткій срокъ, не иначе, какъ на всемъ пространствѣ Имперіи, во всѣхъ сельскихъ общинахъ, для того, чтобы дать возможность всему рабочему сословію подняться болѣе или менѣе равномѣрно; предполагается: 2) что государство, въ видахъ достиженія этой же цѣли, почтетъ необходимымъ и правильнымъ открыть кредитъ не по выбору, извѣстнымъ только членамъ общины, а всѣмъ членамъ общины; предполагается, наконецъ, 3) что государство можетъ дать ссуды для банковъ или безпроцентно, или съ меньшимъ процентомъ, нежели частныя лица, а также можетъ разсрочить, если окажется нужнымъ, погашеніе на бо́льшее число лѣтъ. Еслибы нетолько земство, но и частныя лица могли бы сдѣлать то же самое, что государство, т.-е. могли бы въ

коротвій срокъ открыть сельскіе кредитные банки на всемъ пространствѣ имперіи, во всѣхъ сельскихъ общинахъ, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и государство, то разницы тутъ никакой бы не было. Точно также не можетъ возникать никакого сомнѣнія о томъ, что и при государственной помощи дѣло устройства сельскихъ банковъ, ихъ веденіе и наблюденіе надъ ними должно принадлежать единственно земству.

Такимъ образомъ, весь вопросъ объ устройствѣ нашихъ сельскихъ банковъ сводится къ вопросу о томъ: съ какою цѣлью они устроиваются?

Если они устроиваются съ тѣмъ, чтобы болѣе или менѣе равномѣрно поднять все наше рабочее населеніе, уничтожить возможность появленія русскихъ батраковъ, сдѣлать нашу поземельную общину цвѣтущею, подобно нѣмецкимъ общинамъ русскихъ колонистовъ, то необходимы и ассоціаціи и кредитные банки на началахъ такъ-называемой *государственной помощи*.

Если же наши сельскіе банки устроиваются для того, чтобы поднять *только* 4/100 или 5/100 *всего* нашего рабочаго населенія, остальную же массу его отчасти поставить въ положеніе гораздо худшее теперешняго, отчасти прямо обратить въ безземельныхъ батраковъ, русскую поземельную общину распустить, тогда необходимы ассоціаціи и кредитные банки *единственно* на началѣ самодѣятельности, съ исключеніемъ всякой государственной помощи.

Предоставляемъ русскимъ земскимъ дѣятелямъ, озабоченнымъ въ настоящее время устройствомъ сельскихъ кредитныхъ банковъ, выбирать любое.

НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА.

Нѣсколько словъ по поводу укоренившагося обычая—обозрѣвать прошлогоднія событія и поздравлять читателя съ новымъ годомъ. — Петербургская городская перепись народонаселенія. — Объ учрежденіи въ Москвѣ компаніи на акціяхъ, для постройки казармъ. — Слухи о бракоразводныхъ дѣлахъ — Желѣзно-дорожныя депутаціи. — Заботы комитета грамотности о томъ, что бы такое ему представить отъ себя на мануфактурную выставку? — Судьи драчуны и самодуры. — По поводу извѣстія о смерти А. И. Герцена.

Выступая съ своей хроникой въ 1870 году еще въ первый разъ, я, по общепринятому обычаю, долженъ бы начать ее съ обозрѣнія событій минувшаго года и поздравленіемъ читателей съ «новымъ счастіемъ», — но, сознаюсь откровенно, дѣлать я этого нынче, по нижеобъясненнымъ причинамъ, не намѣренъ, точно такъ же, какъ и въ самый день новаго года не имѣлъ я намѣренія подчиняться укоренившемуся обычаю:

обозрѣвать лакейскія тѣхъ господъ, которыхъ въ этотъ день и самихъ дома не бываетъ, такъ-какъ они и сами въ этотъ день обозрѣваютъ чужія лакейскія.

Глупѣйшія поздравленія «съ новымъ годомъ, съ новымъ счастіемъ» — я знаю, влекутъ за собою однѣ лишь непріятности: иному и въ прошломъ году такъ хорошо и удобно было жить, что онъ растерзать готовъ васъ за одно только желаніе ему какой либо перемѣны, а безнадежный бѣднякъ всякое пожеланіе серьёзно можетъ принять за насмѣшку. Фельетонистъ «Новороссійскаго Телеграфа», въ первомъ № этой газеты, всенародно объявляетъ, что онъ окончательно даже разсорился съ любимой имъ женщиной изъ-за того единственно, что пожелалъ ей въ наступающемъ году *«пріобрѣсть какъ можно больше ума»*...

«Вы полагаете, что у меня его не довольно? вскрикнула красавица, и ея томные глазки зажглись гнѣвомъ.

— Я полагаю, что умъ—вещь чрезвычайно хорошая, о пріобрѣтеніи которой слѣдуетъ заботиться каждому, какъ бы кто ни былъ уменъ.

— Это неловкая увертка, а въ желаніи вашемъ заключается грубость. Совѣтую вамъ поумнѣть прежде самому!»

Ну — и выгнала; быть можетъ, даже чрезъ служителей; а, собственно, изъ-за чего? По настоящему, намъ и желать-то другъ другу больше нечего, какъ пріобрѣтенія ума, потому что серьёзное «горе отъ ума» можетъ приключиться только лишь между дураками, а, между тѣмъ, попробуй-ка какой-нибудь подчиненный, искренно любящій своего начальника, явиться къ нему въ новый годъ хотя въ мундирѣ, и сказать: «желаю вамъ въ наступающемъ году поумнѣть, ваше превосходительство!»? Изъ службы вѣдь, пожалуй, выгонятъ?

Одесскій фельетонистъ пожелалъ барынѣ именно того, чего слѣдуетъ пожелать каждому, потому-то на него и разгнѣвались такъ жестоко. Барыня не могла понять, что фельетонистъ, высказывая свое желаніе, дѣйствовалъ въ высшей степени эгоистически. Она, вѣроятно, никогда не читала Дидро, который, на вопросъ своей подруги: «когда мужчины умнѣютъ?», отвѣчалъ: «на слѣдующій день послѣ женщинъ, и они до сихъ поръ все ожидаютъ этого слѣдующаго дня». — Подождите же и вы, г. одесскій фельетонистъ! Впрочемъ, провинціальные фельетонисты, несмотря на постигающія ихъ невзгоды, съ такимъ изумительнымъ упорствомъ лѣзутъ въ чужія лакейскія, что, кажется, бей ихъ и въ шею толкай — они все-таки не отстанутъ. Фельетонистъ одной изъ плюгавѣйшихъ провинціальныхъ газетокъ, «Самарскаго Справочнаго Листка», напримѣръ, чтобы имѣть хотя какой-нибудь поводъ поздравить своихъ воображаемыхъ читателей съ праздникомъ, не постыдился даже напечатать слѣдующихъ гнусныхъ строкъ:

«Основаніемъ этого повода (то-есть къ поздравленію съ

праздничкомъ Христовымъ) служитъ моя трехгодичная бесѣда съ читателями, и хотя бо̀льшая часть изъ нихъ совершенно не знаетъ, что я за птица, но тѣмъ не менѣе они меня читаютъ, *можѐтъ быть и нѐхотя, съ презрѣніемъ къ моимъ недостаткамъ или съ сожалѣніемъ къ моей умственной убогости, но все-таки читаютъ»...* И неужели, въ самомъ дѣлѣ, жители Самары до такой степени добродушны, что рѣшаются читать произведенія этого, по собственному сознанію, *умственно-убогаго* фельетониста и, вообще, всю несчастную, убогую газетку, которая—не то что трехъ рублей, а даже трехъ копеекъ не стоитъ, такъ-какъ въ ней рѣшительно ничего нѣтъ, кромѣ неудачно подобранныхъ перепечатокъ изъ другихъ газетъ?

Обычай — обзирать прошлогодиія «событія» усвоенъ нынѣче всѣми журналами и газетами, не исключая даже «Домашней Бесѣды» и «Странника». «Обзираніе» это всѣми давно покончено, такъ что мнѣ и обзирать уже нечего, а, между тѣмъ, у меня за плечами находится цѣльный мѣсяцъ новаго года; займемтесь же лучше обзираніемъ январьскихъ *событій*, не по ихъ относительной важности (потому что, кто ихъ разберетъ, которое важное, которое неважное?), а просто такъ, безъ строгой системы и порядка, какое первое подъ руку подвернется.

Первое, что̀ мнѣ подвернулось подъ руку — это любопытные результаты одподневной переписи петербургскихъ жителей, произведенной съ 10-го на 11-е декабря только что минувшаго года. Эти любопытные результаты я и потому еще долженъ выставить на видъ первыми, что имѣю здѣсь неожиданный случай поздравить моихъ согражданъ кое съ чѣмъ дѣйствительно отраднымъ и вполнѣ безобиднымъ: съ внезапнымъ увеличеніемъ городскаго населенія вразъ на 126 съ половиною тысячъ человѣкъ! Шутка — сто двадцать-шесть тысячъ человѣкъ, какъ будто бы почти вразъ, въ теченіе пяти лѣтъ родившихся! Да эдакаго приращенія и въ городахъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ никогда еще не случалось, несмотря даже на то, что туда въ иной годъ люди изъ Европы лѣзутъ такими же тучами, какъ тараканы изъ холодной избы въ теплую, или какъ амбарныя мыши и крысы изъ опустѣвшихъ купеческихъ амбаровъ въ обывательскіе погреба и на купеческія же баржи, на которыя грузятъ хлѣбъ изъ амбаровъ. «Откуда же это вразъ такая махина взялась? спроситъ иной петербуржецъ, хотя, можетъ быть, очень опытный въ искусствѣ собиранія свѣдѣній вообще, но не статистическихъ. — Быть не можетъ, чтобы въ пять лѣтъ успѣли столько народить, въ особенности въ такомъ городѣ, въ которомъ на похороны всегда наткнешься, а на свадьбу—никогда, и въ которомъ, среднимъ числомъ, на одну бабу приходится полтора мужика, а въ частностяхъ и больше несравненно? Что̀-нибудь тутъ, да неладно; кто-нибудь да навралъ!»

А между тѣмъ, оказывается, что *неладнаго* во всемъ этомъ почти ничего нѣтъ, и очень немудрено даже, что никто и *не навралъ:* разгадка заключается въ улучшеніяхъ, опять-таки въ этихъ новыхъ реформахъ, которыя очень многимъ у насъ куда какъ солоны кажутся!

Припомните, напримѣръ, съ какой именно поры начались у насъ вопли о всеобщемъ пьянствѣ народномъ, о возмутительныхъ разбояхъ и грабежахъ, при которыхъ, будто бы, богатымъ людямъ жить въ Россіи нельзя, хотя всѣ живутъ и наживаютъ капиталы, прежде и во снѣ невиданные? Вопли эти начались, какъ разъ, со времени уничтоженія откуповъ (покуда еще откупщики не смекнули, что желѣзныя дороги — та же водка) и съ открытія новыхъ судебныхъ учрежденій (покуда еще гражданскіе истцы и отвѣтчики не смекнули, что гражданскія отдѣленія окружныхъ судовъ — тѣ же гражданскія палаты), вслѣдъ за уничтоженіемъ и открытіемъ которыхъ, сама собою, появилась и гласность, то-есть нѣчто въ родѣ свободы печати, хотя и въ печальномъ видѣ. Вотъ и начали съ этой самой поры печатать о каждой бездѣлицѣ, о всякой мелкой кражѣ и о пустяшномъ грабежѣ, о которыхъ прежде и не зналъ бы никто; а недальновидные люди думаютъ, что и на самомъ дѣлѣ кражъ и грабежей стало больше! Прежде, напримѣръ, думали, что на подлыя дѣла способны только одни лишь мужики, да, пожалуй, еще мѣщане, а высокопоставленныя лица, напримѣръ, дворянскіе предводители и т. п. только великіе подвиги могутъ совершать, а теперь что̀ оказывается? Растратитъ одинъ предводитель чужія, общественныя деньги (какъ, напримѣръ, во Владимірѣ); прежде бы все это — шито, да крыто, а нынче нѣтъ: прокуроръ сейчасъ же бацъ его за шиворотъ, да и въ кутузку! Выберутъ дворяне другаго — смотрятъ, чрезъ годъ какой-нибудь съ небольшимъ, и этотъ стибрилъ: ну, какъ бы не скрыть? Анъ нѣтъ: прокуроръ опять за шиворотъ, да въ кутузку! Вотъ она статистика-то и вѣрнѣе выходитъ: оказывается, и цифрами уже доказывается, что и въ высшихъ сословіяхъ способны не на одни лишь только подвиги на славу отечества, а также равно и на мошенничество.

Улучшенные пріемы при отправленіи правосудія, при продажѣ водки, соли и т. п. — не могли, разумѣется, не коснуться и статистики, которая, надобно правду сказать, до сей поры находилась у насъ въ большомъ забросѣ, какъ нелюбимое, подкинутое дитя изъ воспитательнаго дома въ чуждомъ ему чухонскомъ семействѣ.

Три предыдущія переписи (послѣдняя изъ нихъ была въ 1864 году) произведены губернскимъ статистическимъ комитетомъ при скудныхъ денежныхъ средствахъ и плохомъ знаніи практическихъ пріемовъ, тогда-какъ прошлогодняя сдѣлана на счетъ правительства, людьми свѣдущими, при пособіи 400 повѣрщиковъ, изъ которыхъ почти половина работала даромъ.

Нынѣшніе статистики обращались съ своими запросами уже *не къ домамъ*, какъ прежде, *а къ квартирамъ*, то-есть къ семейнымъ очагамъ, и, гдѣ оказывалось нужнымъ, дѣйствовали смѣло, облавой, накидываясь неожиданно. Такъ, напримѣръ, поступили съ однимъ изъ ночлежныхъ домовъ на Сѣнной, куда вразъ нагрянули 33 счетчика съ директоромъ центральнаго комитета и, разумѣется, съ полицейскимъ конвоемъ, — и за то насчитали тамъ, вмѣсто прежнихъ 800—до 2,500. Впрочемъ, несмотря на всѣ предосторожности, все-таки многіе изъ этого «самаго подвижнаго элемента городскаго населенія», безъ сомнѣнія, утекли за городскую черту. Трудновато услѣдить и за такимъ человѣкомъ, который, по старинному изрѣченію, носитъ при себѣ все, что̀ у него есть, а еще труднѣе услѣдить за такимъ, который даже и на себѣ-то почти ничего не носитъ, несмотря на зимнее, холодное время, а такихъ при ночлежныхъ домахъ—множество. У насъ, какъ извѣстно, не только безграмотный людъ, но и всякій иной — никакихъ провѣрокъ и ревизій терпѣть не можетъ. У насъ жестоко обижаются, если кто вздумаетъ, напримѣръ, провѣрить цѣлость общественныхъ суммъ, врученныхъ на храненіе какому-нибудь представителю сословія. Не менѣе почтеннаго представителя обижается и сердится баба-птичница, если у нея кто вздумаетъ пересчитать гусятъ или цыплятъ; жестоко трусить начинаетъ и запуганный народъ, когда его вписываютъ въ поименные списки — и, разумѣется, у каждаго есть свои, болѣе или менѣе основательные поводы обижаться, сердиться и трусить. Какъ ни деликатничай повѣрщикъ въ обращеніи съ безпаспортнымъ оборвышемъ, который полицейскую кутузку посѣщаетъ такъ же часто, какъ вѣчно праздные господа клубы и театры, — все-таки оборвышъ, если представляется какая-нибудь возможность, норовитъ залѣзть куда-нибудь подъ лавку или подъ кровать, потому что отъ записи его имени на бумагу хорошаго ждать нечего. Впрочемъ, не то что оборвышъ, а даже иной зажиточный мѣщанинъ и даже купецъ не прочь, при случаѣ, скрыться отъ повѣрщика подъ кровать, «потому что хотя статистика-то оно и статистика, а все-таки подъ кроватью пролежать, пока счетъ людямъ ведется, какъ-то вальготнѣе, потому что, кто жь ихъ тамъ знаетъ?» — «Вонъ еще окошки считать на квартирахъ выдумали! жаловался одинъ, знакомый мнѣ, лавочникъ. — А зачѣмъ ихъ считать? Знаю я, зачѣмъ! Это, значитъ, давай вотъ за окошко столько-то! А вотъ я возьму, да всѣ окошки-то у себя и заколочу: ничего съ меня и не возьмешь!» Однимъ словомъ, невѣжество еще у насъ страшное, а все, разумѣется, оттого, что безграмотны*, и что до сей поры народныхъ театровъ у насъ нѣтъ.

---

* Центральный статистическій комитетъ тоже смотритъ на безграмотность, какъ на немалую помѣху своему дѣлу. По прошлой переписи, въ Петер-

Между запросами, предложенными статистическимъ комитетомъ, былъ, впрочемъ, одинъ и такой, который одинаково сильно смущалъ очень многихъ, какъ необразованныхъ, такъ и образованныхъ жителей. Это вопросъ: «Какое имѣешь занятіе?» Въ Петербургѣ, какъ и во всякой другой европейской столицѣ, находится многое множество людей ищущихъ, выжидающихъ, чающихъ движенія воды и свободнаго пропуска кое къ кому чрезъ заднее крыльцо, такъ что, въ этомъ отношеніи, Петербургъ изображаетъ собою нѣчто въ родѣ, извѣстной изъ священнаго писанія, Виѳезды. Очень многіе прозябаютъ въ Петербургѣ вовсе не потому, чтобы ихъ удерживалъ здѣсь какой-нибудь опредѣленный родъ занятій, а просто по тѣмъ же причинамъ, по какимъ, напримѣръ, осенью, во время возки хлѣба съ полей, на гумнахъ голубей и воробьевъ бываетъ очень много, или почему, напримѣръ, вороны и галки, тотчасъ послѣ пашни и бороньбы, собираются громадными стаями на поляхъ, на которыхъ во множествѣ лежатъ только что вывороченные изъ земли червяки, неуспѣвшіе еще скрыться. Кромѣ бепріютнаго пролетаріата, который только и можетъ существовать въ густой толпѣ, — въ Петербургѣ находится множество людей, повидимому, состоятельныхъ, отставныхъ, напримѣръ, чиновниковъ, живущихъ пенсіями (однихъ отставныхъ губернаторовъ сколько!), которые постоянно чего-то будто ищутъ, и, въ сущности, сами не знаютъ, зачѣмъ живутъ. Спросите любаго изъ нихъ: «чѣмъ, молъ, вы занимаетесь, ваше превосходительство, или, положимъ, и не превосходительство?»—и онъ непремѣнно опѣшитъ, и даже разсердится». «Чѣмъ занимаюсь?... Извѣстно, чѣмъ: я пенсію получаю!» — хотя каждому очень хорошо извѣстно, что полученіе пенсіи не можетъ быть причислено къ самостоятельному роду занятій.

бургѣ числилось 53% безграмотнаго населенія, а теперь, при внезапномъ увеличеніи его на 126 тысячъ человѣкъ, можно думать, что процентъ этотъ будетъ еще значительнѣе, потому что пропущенные и укрывшіеся отъ переписи, само собою разумѣется, принадлежатъ не къ образованнымъ, то-есть грамотнымъ сословіямъ. Впрочемъ, понятіе о грамотности и безграмотности принадлежитъ къ понятіямъ относительнымъ, условнымъ, такъ-что приведенной цифрѣ и вообще много довѣрять нельзя. У насъ многіе обижаются, если ихъ назвать безграмотными, а между тѣмъ они и фамиліи своей подписать не умѣютъ, а только «маракуютъ» кое-какъ читать молитвенники и житія святыхъ, да и то по способу Чичиковскаго Петрушки. Недавно, въ какой-то газетѣ опубликованъ былъ потѣшный случай, который я здѣсь, кстати, разскажу читателямъ. Одинъ изъ гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія (неизвѣстно, впрочемъ, какого именно), помѣщикъ П., обсуждая какой-то важный вопросъ, никакъ не могъ растолковать его товарищамъ своимъ по собранію, купцамъ и мѣщанамъ того города, и въ ораторскомъ увлеченіи, обозвалъ ихъ *безграмотными*. Такой укоръ чувствительно оскорбилъ этихъ господъ, и они, въ числѣ шестнадцати лицъ, подали на г. П. жалобу, но подписался за всѣхъ только одинъ, *по неумѣнію грамотѣ остальныхъ пятнадцати*.

Отношеніе половъ въ Петербургѣ, какъ читателю извѣстно, очень неблагопріятно: на 376 тысячъ мужчинъ приходится только 290 тыс. женщинъ, слѣдовательно, 86 тысячъ человѣкъ, волей-неволей, принуждены вести жизнь холостую. Впрочемъ, такой недостатокъ въ женскомъ полѣ объясняется присутствіемъ въ Петербургѣ большаго количества солдатъ и воспитанниковъ множества разныхъ учебныхъ заведеній. Въ Кронштадтѣ въ этомъ отношеніи еще хуже: тамъ женщина представляетъ собою нѣчто въ родѣ исключенія изъ общаго правила. Замѣчательно, что изъ всѣхъ двѣнадцати городскихъ частей, въ одиннадцати женщинъ значительно меньше, чѣмъ мужчинъ, а въ одной, именно въ Казанской — наоборотъ: въ ней на 25,157 кавалеровъ приходится 25,265 дамъ, слѣдовательно, слишкомъ сотнѣ дамъ и танцовать въ своей части не съ кѣмъ, а нужно отправляться въ другую уже, сосѣднюю часть. Любопытно было бы знать, что̀ именно привлекаетъ субъектовъ женскаго пола въ Казанскую, а не въ какую другую часть, и какому именно роду занятій онѣ предаются? Я думаю, что въ графѣ о родѣ занятій женскаго пола, всего болѣе числится бѣлошвеекъ, такъ что въ Петербургѣ столько и рубашекъ, и платьевъ не требуется, сколько въ немъ швей. Недаромъ ужь начали поговаривать объ обложеніи швейныхъ машинъ пошлиной. Конечно, лишній рубль пошлины для города — вещь хорошая, но мнѣ думается, что въ Петербургѣ швейныхъ машинъ вовсе не такъ много, какъ предполагаютъ: мнѣ кажется, что, при затрудненіи точно опредѣлить «родъ занятій», женское швейное мастерство вполнѣ соотвѣтствуетъ мужскому *полученію пенсіи*. Говорятъ, что при щекотливомъ для многихъ обозначеніи рода занятій и, при неизбѣжной при этомъ передѣлкѣ ихъ изъ неопредѣленныхъ въ опредѣленныя, получались очень оригинальные отвѣты. Одинъ чиновникъ, если вѣрить фельетонисту «Новаго Времени», будто бы написалъ: «состоитъ на службѣ въ министерствѣ, гадаетъ на картахъ и занимается сложными вычисленіями о томъ, скоро ли будетъ произведенъ въ помощники «столоначальника».

Другой сообщилъ: «говоря откровенно, ничѣмъ новымъ не занимаюсь. Обѣдаю, сплю и гуляю, изрѣдка еще почитываю романы. Впрочемъ, отправленіе всѣхъ этихъ процессовъ я и самъ не считаю занятіями». О своемъ званіи онъ выразился такъ: «обезземелившійся потомственный дворянинъ», и въ скобкахъ прибавилъ: «неудавшійся человѣкъ».

А вотъ и женскій отвѣтъ:

Подъ 12-мъ № листка значится: «Наталья Бе-ва 22 лѣтъ (маленькій вопросительный знакъ),—дѣвица» (два толстые вопросительные знака и одинъ восклицательный), и въ графѣ о занятіяхъ, карандашемъ написано: «ищетъ для покрышки—законнаго супруга».

Конечно, подобные отвѣты болѣе глупы, чѣмъ остроумны,

и представляютъ собою лишь исключенія; но, безъ сомнѣнія, встрѣтилось множество и такихъ случаевъ, въ которыхъ, безъ всякаго шутовства, поневолѣ должны были писать: «занимаюсь шитьемъ мужскихъ сорочекъ», или «вышиваньемъ золотомъ по бархату», хотя у многихъ изъ писавшихъ — не то что золота, но даже простыхъ иголокъ дома и въ заводѣ не было. Говорятъ, что послѣ извѣстной уже читателю отправки въ чемоданѣ въ Москву убитаго фонъ-Зона, многимъ изъ оффиціальныхъ бѣлошвеекъ очень туго пришлось, потому что заказы на домъ значительно уменьшились: заказчики, говорятъ, боятся уже идти въ вертепы, населенные бѣлошвейками.

Само собою разумѣется, что собираніе статистическихъ свѣдѣній не обошлось безъ поживы для петербургскихъ мазуриковъ, которые, какъ акулы около корабля, зорко выслѣживаютъ добычу. Сбросятъ ли съ корабля мертвое тѣло—акулы сейчасъ же сожрутъ; упадетъ ли злосчастный морякъ въ воду — акула немедленно руку или ногу отхватитъ. Наши сухопутныя акулы, впрочемъ, не до такой степени кровожадны, какъ морскія: онѣ ногъ и рукъ не трогаютъ, а увиваются все больше около кошелька, часовъ, или шубы, при условіяхъ же, особенно для нихъ благопріятныхъ, не прочь пуститься и на хитрости, которыя иногда и удаются, благодаря повальной глупости. Въ газетахъ, во время производства переписи, публиковали слѣдующее. «По слухамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ города появились уже непризнанные собиратели статистическихъ свѣдѣній (сирѣчь,—акулы), и, подъ предлогомъ переписи, уже обходили частныя квартиры въ разсчетѣ на легкую поживу платьемъ и другимъ имуществомъ довѣрчивыхъ горожанъ. Въ настоящее время по городу дѣйствительно дѣлаютъ обходы своихъ участковъ лица, принимающія участіе въ производствѣ петербургскаго самоисчисленія: эти люди, въ крайнихъ случаяхъ, обращаются лично къ хозяевамъ квартиръ за разъясненіемъ свѣдѣній, показанныхъ послѣдними по квартирнымъ листкамъ; но дѣло въ томъ, что оффиціальные «повѣрщики» снабжены на право входа въ частныя квартиры особыми свидѣтельствами распорядительнаго комитета, утвержденными подписью гг. оберъ-полиціймейстера и директора центральнаго статистическаго комитета, а также приложеніемъ казенной печати. Такимъ образомъ городскіе обыватели *имѣютъ всегда полную возможность отличить, съ кѣмъ именно имъ приходится имѣть дѣло въ настоящемъ случаѣ*».

Полную возможность! Да вѣдь и экипажи кораблей имѣютъ *полную возможность* отличить акулу отъ другой рыбы, а между тѣмъ, попадаются же иной разъ подъ ея зубы? Понятное дѣло, что покуда существуютъ въ морѣ акулы, — до той поры, хотя не очень часто, но неизбѣжно будутъ попадаться и матросы, потому что и акула—тоже вѣдь ѣсть хочетъ; покуда въ городахъ существуютъ мазурики — неизбѣжно и шубы пропадать

будутъ, опять по той же причинѣ. Вотъ, попробуйте сдѣлать такъ, чтобы людскія наши общества не до такой степени поразительно, какъ теперь, напоминали своимъ устройствомъ «море и его жизнь» — тогда дѣло иное!

Признавая, что внезапное увеличеніе населенія на 126 тысячъ объясняется преимущественно введеніемъ улучшенныхъ статистическихъ способовъ, статистическій комитетъ замѣчаетъ, однакоже, что значительная часть громаднаго приращенія все-таки падаетъ и *на дѣйствительное увеличеніе* населенія столицы, и приходитъ къ слѣдующему заключенію: 1) что проведеніе желѣзныхъ путей не оказало пока невыгоднаго вліянія на нашу сѣверную столицу, за которой все-таки остается то важное ея значеніе, что она служитъ морскимъ выходомъ главной судоходной артеріи цѣлаго государства—Волги, и 2) что дѣйствительный приростъ населенія Петербурга въ послѣднее пятилѣтіе привлеченъ въ столицу приливомъ новыхъ капиталовъ, въ созданіи которыхъ, во всякомъ случаѣ, отражается улучшеніе экономическаго благосостоянія русской націи.

Все это очень можетъ быть. Статистическія данныя находятся у насъ покуда въ такомъ плачевномъ положеніи, что мы даже не имѣемъ возможности возразить и противъ «улучшенія экономическаго благосостоянія русской націи»; но такъ-какъ цифра приращенія петербургскаго населенія слишкомъ уже громадна, то, мнѣ кажется, къ числу приведенныхъ причинъ, можно присоединить еще нѣкоторыя. Почему, напримѣръ, къ числу этихъ причинъ не присоединить и послѣдніе три-четыре голодные года во многихъ губерніяхъ, которые заставили голодающихъ отъискивать заработковъ на сторонѣ? Плохо обезпеченный народъ постоянно бродитъ изъ губерніи въ губернію, отъискивая, «гдѣ лучше?», и, наконецъ, рано-поздно доходитъ до Петербурга, въ которомъ, по предположенію многихъ, должно быть всего лучше. Въ голодные года эти искатели лучшихъ мѣстъ на Руси стремятся къ Петербургу цѣлыми арміями, и за то, какъ бы въ наказаніе за недовольство своимъ голоднымъ угломъ, арміи эти осенью возвращаются по домамъ, порядочно-таки обкромсанными, точно союзныя арміи послѣ битвы подъ Аустерлицемъ! Много этихъ недовольныхъ пришлецовъ каждый годъ остается и на Волковомъ, и на Митрофаньевскомъ, и на Смоленскомъ: недаромъ «Архивъ судебной медицины» хлопочетъ все о томъ, чтобы мы, чего добраго, не задохнулись когда-нибудь и не отравились. Вотъ, еслибы сосчитать, на сколько, со времени предыдущей переписи, увеличилось населеніе нашихъ петербургскихъ кладбищъ, тогда бы, дѣйствительно, можно было очень серьёзно подумать надъ этой ужасной цифрой! Петербургъ—это сборный пунктъ дѣйствующихъ армій. Бьютъ на этомъ пунктѣ и ядрами, и бомбами, и картечью, которыя вырываютъ солдатъ цѣлыми рядами, но пустыя мѣста тотчасъ же наполняются запасными,

даже еще въ бóльшемъ противъ прежняго количествѣ, такъ что, если не входить въ подробности, то можно подумать, будто народу не убываетъ, а, напротивъ, прибываетъ. Не то мы видимъ въ другихъ мѣстностяхъ нашего отечества, неиграющихъ роли шпанской мушки, или горчичника: тамъ вакантныя мѣста такъ и остаются на долгое время вакантными! Вотъ, напримѣръ, табличка, показывающая движеніе народонаселенія въ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи, о которомъ я уже не разъ имѣлъ случай говорить въ прошлогоднихъ своихъ обозрѣніяхъ:

Въ 1866 году	родилось	2,398	—	умерло	2,470
1867 »	»	2,356		»	2,619
1868 »	»	2,382		»	4,108

то-есть умершихъ на 1,726 челов. больше, чѣмъ родившихся!

Наконецъ, только въ первое полугодіе 1869 года, по 1-е іюля, родилось 1,317, а умерло 2,429, то-есть умерло опять чуть не вдвое! Ну, сами разсудите: на долго ли, при подобныхъ условіяхъ, хватитъ всего населенія несчастнаго Холмскаго уѣзда, и какое бы сдѣлалъ заключеніе мѣстный статистикъ о благосостоянія всего государства, еслибы вздумалъ перейти отъ частнаго заключенія къ общему?

Другимъ важнымъ, современнымъ вопросомъ, интересующимъ, безъ сомнѣнія, очень многихъ, представляется вопросъ объ организаціи частнаго общества на акціяхъ для постройки казармъ. Московская коммисія, подъ предсѣдательствомъ графа Воронцова-Дашкова, составленная съ этою именно цѣлью, уже кончила свои дѣйствія, и выработанный ею проектъ представляется на утвержденіе правительства. Читателямъ, непонимающимъ всей важности этого вопроса, мы должны пояснить нижеслѣдующее:

Всѣмъ и каждому, разумѣется, извѣстно, что на содержаніе войска у насъ расходуются громадныя суммы, что прежніе доходы съ откуповъ, и нынѣшніе акцизные сборы — всѣ цѣликомъ шли и идутъ на его содержаніе, да и то еще не хватаетъ, хотя многіе и жалуются на распространившееся, будтобы, въ послѣднее время въ народѣ, жестокое пьнство. Часть этихъ суммъ вносится ежегодно въ смѣту государственныхъ доходовъ на военное министерство, на интендантское и инженерное управленія, а другая часть, хотя не на столько видная, но едва-ли еще не болѣе значительная, расходуется земствомъ и городами, деньгами и натурою. Теперь вотъ коммисія и ходатайствуетъ, чтобы всѣ суммы перваго рода, со всѣми побочными расходами (напримѣръ, за леченіе военныхъ въ больницахъ гражданскаго вѣдомства и т. п.) правительство уступило компаніи, которая построитъ на эти суммы нужное количество казармъ, а города и земство, вмѣсто нынѣшней натуральной повинности, должны будутъ платить на ремонтъ зданій,

на отопленіе и освѣщеніе казармъ. Такимъ образомъ, по предположенію коммисіи, по прошествіи 37-ми лѣтъ, впродолженіе которыхъ товарищество ремонтируетъ построенныя имъ зданія, строительный капиталъ будетъ погашенъ, и казармы сдѣлаются полною собственностью правительства. Нынѣшніе расходы на квартирное довольствіе войскъ, вносимые въ государственную смѣту, останутся въ экономіи и могутъ быть обращены на ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе казармъ. Тогда земство, продолжая оплачивать въ теченіе 37 лѣтъ почти то же самое, что̀ расходуетъ теперь, по истеченіи названнаго срока будетъ совершенно избавлено отъ расходовъ на квартирную повинность.

Мысль, какъ видите, очень простая и удобопонятная, возбуждающая въ каждомъ, обремененномъ повинностями, гражданинѣ естественное желаніе, чтобы она какъ можно скорѣе осуществилась, и я не знаю, съ какой стати вздумалось составителю передовой статьи въ «Голосѣ» написать нижеприведенную тираду: «Для человѣка, хорошо знакомаго съ законодательствомъ—пишетъ этотъ господинъ,—разрѣшеніе предложеннаго вопроса ни на минуту не представляетъ затрудненія, *но для нашего общества задача о казармахъ такъ еще нова, что ее необходимо разработывать въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ*. Въ большинствѣ нашего общества, надо сознаться, съ мыслью о казармахъ соединяется понятіе чисто военное; немногіе еще убѣдились, что постройка казармъ—дѣло, прежде всего, гражданское и что оно касается интересовъ гражданскаго общества отнюдь не менѣе, чѣмъ арміи».

Мнѣ кажется очень страннымъ предполагать, что будто для нашего общества задача о казармахъ представляетъ какую-то новость! Помилуйте, да что же тутъ новаго-то? Общество наше, какъ городское, такъ и сельское, даже въ самыхъ глухихъ уголкахъ нашего отечества, если съ чѣмъ и успѣло близко познакомиться, такъ это именно съ казарменнымъ, а не съ какимъ нибудь другимъ вопросомъ. Въ чемъ хотите упрекайте наше общество, только ужь не въ этомъ! Покуда положительно не разрѣшится поднятый вопросъ, до той поры общество наше едва-ли даже въ состояніи заниматься какимъ нибудь инымъ вопросомъ, кромѣ казарменнаго. Полюбопытствуйте заглянуть въ журналы какого вамъ угодно земскаго собранія, хотя самаго плюгавѣйшаго на Руси городка — вы вездѣ непремѣнно встрѣтитесь съ ходатайствомъ о перенесеніи постойной повинности изъ земской въ государственную, денежную: хоть тамъ казармъ настрой, или какъ нибудь по другому сдѣлай, только освободи отъ настоящаго, невыносимаго! Повѣрьте, всѣ у насъ очень хорошо понимаютъ, на сколько постройка казармъ — дѣло военное, на сколько гражданское, т.-е., по просту, дѣло кармана; а потому, едва-ли не напрасно будетъ разработывать казарменный вопросъ еще подробнѣе, чѣмъ онъ разработанъ въ проектѣ московской коммисіи.

До начала истекшаго десятилѣтія, многія изъ приволжскихъ напримѣръ и прикамскихъ губерній, дѣйствительно почти совсѣмъ не были знакомы съ казарменнымъ вопросомъ, потому что въ нихъ армейскія войска тогда еще не квартировали; но потомъ и онѣ съ вопросцомъ этимъ познакомились и, надобно замѣтить, довольно близко. Теперь и въ тѣхъ мѣстностяхъ нерѣдко можно встрѣтить такой уѣздный городокъ, который, выгорѣвши разъ до тла, уже не отстраивается на половину, потому что, говорятъ, невыгодно: военными постоями, будто-бы, очень ужь одолѣваютъ. Мнѣ самому не разъ приводилось живать въ маленькихъ уѣздныхъ городкахъ, и потому лично извѣстно, до какой степени горька эта постойная, квартирная повинность, допущенная по неимѣнію казармъ. Лично я зналъ одну вдову чиновницу съ дочерью, мирно проживавшихъ въ собственномъ флигелькѣ въ три окошка, единственномъ ихъ недвижимомъ имуществѣ. Мать занималась полученіемъ десятирублевой пенсіи и вязала чулки, а дочь промышляла грошовыми урочишками, и единственною отрадою послѣ утомительнаго труда, превращающаго человѣка въ тряпку, была у нее свѣтелка подъ крышею домика. Все шло у нихъ ладно, покуда не пригнали въ уѣздъ дивизію и не поставили въ городъ десятка полтора офицеровъ, съ полковникомъ. Откупиться вдовѣ было нечѣмъ: вотъ и помѣстили въ мезонинъ двоихъ господъ офицеровъ, а входъ въ мезонинъ непредусмотрительный архитекторъ какъ разъ устроилъ изъ второй комнаты: удобства, нечего сказать, громадныя! Подумала-подумала старушка, посовѣтовалась съ дочкой, согнанной со втораго этажа, да и продала, второпяхъ, свою избушку за полушку, потому что далеко не каждый привыкъ такъ жить, чтобы у него въ домѣ постоянно предъ нимъ торчали чужіе люди, да, притомъ, Богъ еще знаетъ какіе: и офицеры вѣдь бываютъ всякіе. Иной любитъ по вечерамъ изъ оперъ насвистывать, другой на скрипкѣ или на флейтѣ играть: занятія вѣдь незапрещенныя!

Но я покуда только про жителей городовъ еще говорю, не касаясь, разумѣется, богачей, которые всегда и отъ всего могутъ откупиться, и сумму откупа съ процентами взять обратно съ потребителей. Бѣдные городскіе оброчники, хотя и десятирублевую, но все-таки пенсію получаютъ и владѣютъ домишками въ три-четыре комнатки, а каково мужику, у котораго, кромѣ одной неразгороженной избы, никакого другого помѣщенія нѣтъ?

Впрочемъ, существуетъ у насъ мнѣніе, что мужикъ, по крайней своей неразвитости, не можетъ даже понять, что̀ хорошо, что худо. Мужикъ-де и у себя дома такъ грязно, такъ неуютно живетъ, что ему даже казаматъ можетъ иногда показаться раскошнымъ помѣщеніемъ; притомъ-же онъ дома только лишь ночуетъ, слѣдовательно, рѣшительно все равно, семь-

ли человѣкъ въ избѣ спятъ, или десять: воздухъ одинаково скверенъ.

Положимъ, во всемъ этомъ есть нѣкоторая доля и правды. Дѣйствительно, чѣмъ человѣкъ изнѣженнѣе, тѣмъ ему тяжелѣе привыкать къ арестантской обстановкѣ. Случались примѣры, что люди, привыкшіе кое къ какимъ удобствамъ, будучи засажены въ тюрьму, съума сходили, тогда какъ постояннаго посѣтителя ночлежныхъ домовъ никакой мерзостью удивить уже нельзя; но мы возьмемъ не нравственную сторону вопроса, а чисто экономическую, хозяйственную.

Коснувшись этой стороны, мы увидимъ, что военный постой для мужика обременительнѣе, чѣмъ для кого либо другого. Прежде, въ старину, когда, по слухамъ, и урожаи были обильнѣе и повинности собирались не въ такомъ изобиліи какъ нынче,— мужики, говорятъ, были ради принять и угостить служиваго человѣка. Старые офицеры и теперь со вздохомъ вспоминаютъ тѣ блаженныя времена, когда съ нихъ мужики за прокормъ солдата и квитанцій не требовали. Теперь не то. Прежде, говорятъ, и между мужиками существовала помѣщичья поговорка: «наготовилъ на шестерыхъ — седьмой сытъ будетъ», а теперь ужь поговорка эта отъ неправильнаго примѣненія ея къ дѣлу, утратила свое значеніе, потому что готовятъ всего только на троихъ, и хотятъ, чтобы десять человѣкъ до сыта наѣлись; при подобныхъ-же условіяхъ, сами согласитесь, два лишнихъ солдатскихъ рта имѣютъ кое-какое значеніе! Вздумаетъ иной разъ мужикъ, при какомъ-нибудь экстренномъ случаѣ, полакомить свою семью, положимъ хоть баранинкой; сварятъ рѣдкостно вкусную похлебку, соберутся за столъ семейные и у нихъ слюнки текутъ при одномъ взглядѣ на баранину, къ сожалѣнію, въ количествѣ очень умѣренномъ, — а тутъ какъ разъ вваливаются въ избу два-три голодныхъ солдата, съ своими ложками. Ну, какъ имъ «приварка-то» этого не дашь? Приводится въ своемъ собственномъ домѣ скрываться и, что получше жевать тайкомъ, точно воръ какой, а не хозяинъ!

Плохо накормленный пустыми крестьянскими щами солдатъ невольно золъ и неуслужливъ дѣлается, и едва-ли добровольно въ чемъ-нибудь поможетъ хозяину, а, если въ чемъ иной разъ и поможетъ, то иногда въ такомъ дѣлѣ, что хозяинъ и Богъ знаетъ чтò бы дать готовъ, чтобы только служивый ему не помогалъ. Странное совпаденіе совершенно случайныхъ обстоятельствъ: именно съ той самой поры, какъ въ странахъ приволжскихъ и прикамскихъ начали квартировать армейскіе солдаты, — появилась во всѣхъ деревняхъ и особенная какая-то болѣзнь, которая теперь тамъ такъ же обыкновенна и даже почти неизбѣжна, какъ напр. корь или оспа, но назвать которую настоящимъ именемъ считается, почему-то, неприличнымъ. Болѣзнь эта слѣдуетъ за квартирантами съ такою же правильностью, какъ обозныя фуры съ аммуниціей и зеленые полковые

ящики съ деньгами. Если мнѣ не вѣрите, то спросите специалистовъ по части распознаванія болѣзней, нанятыхъ земствомъ, и почитайте ихъ отчеты. Впрочемъ, и изъ газетъ можно видѣть, что въ нѣкоторые уѣзды посылаютъ уже нарочно экстренно-нанятыхъ врачей — лечить эту болѣзнь, точно какую-нибудь чуму, или сибирскую язву, истребившую въ третьемъ году чуть не всѣхъ лошадей на маріинской водной системѣ.

Въ приволжскихъ и прикамскихъ странахъ многіе уѣзды населены на половину русскими, на половину татарами, мордвой, чувашами и т. п., которые живутъ до такой степени грязно и ѣдятъ до такой степени отвратительно, что солдаты ими брезгуютъ, какъ нечистыми животными, и готовы въ штыки идти, только бы не квартировать въ поганыхъ поселкахъ. Такимъ образомъ, предварительно начертанныя дислокаціи оказываются негодными и расплачиваются за чужую нечистоту постоянно одни и тѣ же русскія села и деревни, чему чуваши и мордва, разумѣется, «бульна рады!». Быть можетъ, нѣкоторые и ѣдятъ-то, вмѣстѣ съ домашними кошками и собаками, изъ одной посуды такую мерзость съ цѣлью отъ солдатиковъ избавиться: отъ нихъ станется!

Эту поразительную неравномѣрность распредѣленія тягостей и неравноправность, при существованіи настоящихъ порядковъ, устранить никоимъ образомъ нельзя, а потому и выходитъ, что крестьяне, живущіе нѣсколько поопрятнѣе свиней, несутъ жестокое наказаніе за свою излишнюю опрятность. Можно, впрочемъ, съ вѣроятностію предположить, что если проектъ московской коммисіи, какъ общая мѣра, не осуществится на практикѣ, то, рано-поздно всѣ бросятъ слишкомъ дорого стоющую опрятность и нарочно будутъ обѣдать вмѣстѣ съ кошками и поросятами.

А подводы для передвиженія войскъ съ мѣста на мѣсто, которыя (т.-е. передвиженія) происходятъ непремѣнно два раза въ годъ? Осенью, во время возки хлѣба съ полей, когда крестьянинъ выжидаетъ двухъ-трехъ недождливыхъ дней какъ особенной благодати Божіей, — вдругъ требуютъ въ извѣстный пунктъ подводъ сто или двѣсти, да, мало того: прождать еще иной разъ почти сутки, потерять съ ѣздою сутокъ двое, и за все это получить 75-ти-копеечную квитанцію, ни на что болѣе негодную, какъ на уплату въ казначейство податей...

А ужь какъ вліяютъ эти постои на семейную жизнь крестьянина — объ этомъ и говорить нечего! Жаль, что наши беллетристы и драматурги, интересующіеся народнымъ бытомъ, мало обращаютъ вниманія на этотъ предметъ. Впрочемъ, вотъ, когда проектъ графа Воронцова-Дашкова осуществится,—тогда появятся и драмы и повѣсти, которыя убѣдятъ всѣхъ и каждаго, до какой степени необходимо уничтоженіе военно-постойной повинности въ настоящемъ ея видѣ, а теперь покуда, вмѣсто драмъ и романовъ, мы имѣемъ предъ собою очень иногда

талантливо написанные отчеты засѣданій окружныхъ судовъ. Однимъ словомъ, съ которой стороны вы ни подойдите къ этому, такъ-называемому, казарменному вопросу, вы непремѣнно замѣтите, что онъ давно уже, во всѣхъ его тонкостяхъ и подробностяхъ, понятъ огромнымъ большинствомъ нашего общества, и совершенно напрасно «Голосъ» предполагаетъ, что вопросъ этотъ представляетъ собою какую-то новинку. Какая ужъ тутъ новинка! Это, скорѣе, больное мѣсто, до котораго дотронуться нельзя безъ того, чтобы больной не застоналъ...

Кстати о наболѣвшихъ мѣстахъ, которыхъ у насъ еще много — куда ни повернись.

Нѣкоторыми газетами сообщается, будто въ синодѣ окончательно выработанъ проектъ, по которому наши бракоразводныя дѣла будутъ получать окончательное рѣшеніе въ мѣстныхъ консисторіяхъ и утверждаемы архіереями, такъ что всѣ подобныя дѣла, которыя въ настоящее время длятся по нѣскольку лѣтъ и не иначе могутъ быть утверждаемы, какъ въ синодѣ, будутъ рѣшаться въ сроки менѣе продолжительные, что̀ значительно облегчитъ веденіе этихъ дѣлъ.

Конечно, при существованіи нашихъ законовъ по дѣламъ этого сорта, почти не допускающихъ разводовъ, толкъ изъ новаго распоряженія выйдетъ небольшой, но все-таки, по крайней мѣрѣ, хотя во времени-то выигрышъ предвидится. Прождать съ нетерпѣніемъ три-четыре мѣсяца и получить отказъ въ просьбѣ все-таки и легче и дешевле стоитъ, чѣмъ понапрасну прождать три-четыре года и потомъ получить такой же отказъ. По крайней мѣрѣ, получивши окончательный отказъ и, лишившись, такимъ образомъ, послѣдней надежды, опротивившіе другъ другу супруги могутъ придумать къ обоюдному благополучію какія-нибудь мѣры и проекты не такой грубой, топорной работы, какими у насъ вопросъ этотъ въ домашнемъ быту разрѣшался до сей поры. Общество наше съ незапамятныхъ временъ постоянно заявляло сильный протестъ противъ нерасторгаемости браковъ, но, въ настоящее время, при гласномъ судопроизводствѣ, протесты эти какъ-то рѣзче бросаются въ глаза, чѣмъ прежде; вѣроятно это самое обстоятельство и вызвало пересмотръ и измѣненіе по крайней мѣрѣ формальной стороны существующихъ законовъ. Крестьяне, неимѣющіе никакихъ средствъ уладить этого дѣла сколько нибудь мирнымъ способомъ, обыкновенно разрѣшаютъ его сами, домашними средствами, имѣющимися всегда подъ руками, а именно топоромъ или мышьякомъ, чему примѣровъ не мало; вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ, надняхъ опубликованный въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», который не можетъ не обратить на себя особеннаго вниманія людей, власть имѣющихъ, «коимъ о семъ вѣдать надлежитъ». Крестьянская дѣвица Соломонида Павлова вышла въ прошедшемъ ноябрѣ въ замужество за крестьянина Игната Шкарупелаго, безъ всякой сердечной къ

нему склонности, потому что онъ «не нравился ей, бывши болѣзненнымъ, криворукимъ и кривоногимъ, но отецъ ея захотѣлъ, и она вышла». Послѣ брака Соломонида получила къ мужу сильное отвращеніе, которое тѣмъ болѣе усиливалось въ ней, чѣмъ болѣе онъ старался показать ей любви и нѣжностей. Мучась своимъ чувствомъ, Соломонида, по показанію ея, *сидя 17-го декабря вечеромъ за работой, задумалась о своемъ горькомъ и безотрадномъ житьѣ, и вдругъ пришла ей въ голову мысль убить мужа.* Рѣшившись на это, она тотчасъ же взяла топоръ и спрятала его въ хлѣвѣ. На другой же день, вставъ рано съ постели и разбудивъ мужа, Соломонида вызвала его изъ избы, подъ предлогомъ отпереть ей ворота. Выйдя за женой, Шкарупелый сталъ отбивать взятымъ имъ молоткомъ колушекъ у воротъ; въ это самое время Соломонида, имѣвшая уже подъ полой приготовленный ею топоръ, нанесла ему сзади, по шеѣ, ударъ остріемъ, отъ котораго Игнатъ упалъ молча на бокъ; тогда она, повторивъ ударъ и считая мужа уже мертвымъ, бросилась опять въ хлѣвъ и спрятала на прежнее мѣсто окровавленный топоръ, но, возвращаясь изъ хлѣва, вдругъ увидѣла, что мужъ поднялся и направился къ избѣ... Тогда Соломонида, поспѣшивъ туда прежде его, закричала: «таточку, хто-сь мужа бье!» Выскочивъ по этому крику изъ избы, отецъ увидѣлъ своего сына, лежащимъ на порогѣ сѣней, облитаго кровью и уже мертваго.

Подобныхъ случаевъ у насъ — множество, но я привелъ именно этотъ единственно по его отмѣнной оригинальности. Въ большей части случаевъ вышедшіе изъ терпѣнія супруги все-таки хоть хитрятъ какъ умѣютъ, подсыпаютъ напримѣръ тайкомъ мышьяку или сулемы въ питье, или навязываютъ роль палача любовникамъ, которые смертною казнью казнятъ злосчастнаго мужа, виноватаго лишь въ томъ только, что законъ устарѣлъ и не исправляется кѣмъ слѣдуетъ; въ приведенномъ же случаѣ никакой хитрости не замѣтно. Просто тошнехонько сдѣлалось бѣдной Соломонидѣ, и вотъ она, долго не думая, взяла топоръ, да и бацъ мужа по затылку, единственно только за то, что тотъ ее любилъ и ласкалъ! А не помните ли еще не менѣе оригинальнаго процесса объ убійствѣ женою мужа за то единственно, что у него *изо рта непріятно пахло?* Ужь это, повидимому, совсѣмъ нелѣпо, но, спрашивается, какія бы вы мѣры предприняли, читатель, еслибы, напримѣръ, къ вашему носу привязали какое-нибудь скверно воняющее вещество и строжайше предписали бы носить его до самой вашей смерти? Я такъ думаю, что вы даже и жизнью бы не подорожили, чтобы только какъ нибудь освободиться отъ этой, повидимому, бездѣлицы, которую можно называть бездѣлицей до той только поры, пока вы имѣете возможность отбросить ее отъ себя, какъ скоро опротивѣла. Наказанія, какъ бы строги и свирѣпы они ни были, теряютъ всякое значеніе, когда

дѣло идетъ о безсрочныхъ, безъисходныхъ мукахъ на всю жизнь. Въ 1863 или 1864 году, когда во всѣхъ селахъ, при волостныхъ правленіяхъ, были вывѣшены объявленія о смертной казни поджигателямъ, я помню такой случай въ одной изъ приволжскихъ губерній. Пожилой, некрасивый крестьянинъ подгороднаго села купилъ себѣ въ жены у бѣдныхъ родителей молодую мѣщанку и засадилъ ее у себя въ избѣ, разсчитывая на мудрую, но уже отжившую свой вѣкъ поговорку: «стерпится-слюбится». Веселую свадьбу съиграли весною, а лѣтомъ молодая хозяйка начала уже крѣпко подумывать, какъ бы ей освободиться отъ противнаго мужа. Въ страдное время, когда вся деревня, отъ мала до велика, отправилась въ поле — жать, молодая хозяйка осталась дома одна за ткацкимъ станкомъ, такъ-какъ къ жнитву была непривычна, и здѣсь-то задуманный ею планъ созрѣлъ окончательно. «Сожгу противную мужнину избу и сама сгорю!» — порѣшила она, и отъ мысли сейчасъ же приступила къ исполненію: натаскала въ крытыя соломой сѣни сухихъ прутьевъ и сѣна, подожгла все это, дверь въ избу затворила — и усѣлась за ткацкій станокъ съ пѣсенкой. Маленькіе ребятишки на улицѣ и, какая-то, людьми и Богомъ забытая, старуха замѣтили густой дымъ надъ избой и прорвавшееся сквозь крышу пламя. Всѣ они, насколько силъ хватило, принялись кричать и стучать въ окошко молодой хозяйки, но та сидитъ себѣ за станкомъ, да пѣсенку попѣваетъ какую-то: вѣроятно, впрочемъ, не ту, которую поетъ въ Фаустѣ бѣлобрысая Маргарита за прялкой. Наконецъ и толстая дверь не выдержала, пламя ворвалось въ избу; инстинктивная привязанность къ жизни взяла свое — хозяйка выскочила изъ окна на улицу, въ то самое время, когда уже загорѣлась другая, сосѣдняя изба, а за ней третья, и такъ далѣе, покуда не выгорѣло все село (Толкишъ Казанской губерніи), какъ говорится, до тла. Бѣдняжка не разсчитала: она думала, что только мужнина изба сгоритъ, какъ человѣка виноватаго, а прочихъ, ни въ чемъ неповинныхъ, справедливый огонь не тронетъ, а потому чуть не помѣшалась съ горя, когда увидала всѣхъ своихъ земляковъ, прибѣжавшихъ съ серпами въ рукахъ изъ отдаленныхъ полей на пустое пепелище, на которомъ только развалившіяся печи торчали, да старухи выли. Несчастная тутъ же, при всемъ мірѣ, созналась въ своемъ преступленіи и тотчасъ же была препровождена, связанная по рукамъ и по ногамъ, въ родной городокъ, дорогой для нея по воспоминаніямъ о «дѣвичьей волѣ». Замѣчательно, что даже старой конструкціи судъ сжалился надъ полу-помѣшанной бабенкой и отъискалъ какія-то (ужь не помню, какія именно) «облегчающія вину обстоятельства»... Въ высшихъ классахъ общества, между богатыми людьми, подобныхъ казусовъ не бываетъ, такъ что, можно подумать, будто тамъ жены мужьями и мужья женами постоянно очень довольны, но это не больше, какъ — Ключниковское

«Марево». Тамъ имѣютъ всѣ средства разъѣхаться въ разныя стороны, напримѣръ жена на островъ Мадеру, а мужъ къ Демуту или Борелю, гдѣ даже бутылка мадеры не въ состояніи ему напомнить о существованіи жены, а иной разъ и просто живутъ въ одномъ домѣ съ разными подъѣздами, такъ что мужу добраться до жены еще труднѣе, чѣмъ съѣздить на Мадеру. Ну, зачѣмъ же, при подобныхъ условіяхъ, прибѣгать къ такимъ сильно-дѣйствующимъ средствамъ, какъ напримѣръ огонь, топоры и различныя арясины, т.-е. толстыя дубины? Мелкій чиновный людъ, въ которомъ женщины отличаются невообразимымъ терпѣніемъ и смиренномудріемъ, къ топорамъ тоже прибѣгаетъ рѣдко, а утѣшаетъ себя все больше прошеніями на гербовой бумагѣ, принося, такимъ образомъ, казнѣ значительную прибыль своими домашними несчастіями. Здѣсь только и слышишь, что такой-то коллежскій секретарь или штабсъ-ротмистръ проигралъ въ карты женино и дѣтское имущество, выморилъ плачущую супругу голодомъ изъ дому и потомъ подалъ прошеніе въ судъ, чтобы она была опять возвращена ему законнымъ порядкомъ, какъ законному владѣльцу. Жена безпрерывно и безустанно плачетъ, иногда нанимаетъ защитника и получаетъ даже исполнительный листъ на воображаемое имущество мужа, иногда возвращается въ мужнинъ домъ, изображая изъ себя кошку, насильно втиснутую въ собачью конуру, но за то никогда почти не получаетъ такъ-называемаго «законнаго содержанія», потому что мужъ первое извѣстіе о выдачѣ женѣ исполнительнаго листа обыкновенно получаетъ уже сидя въ долговомъ отдѣленіи...

Такимъ-то образомъ, выходитъ, что почти всѣ у насъ заинтересованы слухами о пересмотрѣ законовъ по брако-разводнымъ дѣламъ; потому-то я и сообщилъ этотъ слухъ, какъ онъ, повидимому, ни ничтоженъ.

Нельзя не сознаться, что пора бы ужь, давно бы пора поосновательнѣе разрѣшить этотъ злокачественный вопросъ: а то онъ, какъ-то, въ настоящемъ своемъ видѣ, вовсе не клеится со всѣми этими телеграфами, желѣзными дорогами и вообще со всѣми научными открытіями послѣдняго времени, примѣненными къ удобствамъ общественной и семейной жизни. Многіе патріоты, и, притомъ, не мечтатели какіе-нибудь, а практическіе дѣятели, въ родѣ напримѣръ заводчика г. Путилова, пророчатъ Россіи самую счастливую будущность, и, если мы изъ финансовыхъ отчетовъ видимъ, что положеніе финансовыхъ дѣлъ покуда еще не улучшается, а, напротивъ, дѣлается все хуже и хуже, то этимъ огорчаться еще не слѣдуетъ: Россія теперь живетъ не настоящимъ, а будущимъ. Еслибы мы не были эгоистами, то сами бы хорошо это поняли. Мужикъ охаетъ, что ему не удастся дожить до конца 49-тилѣтняго выкупного срока, о онъ не беретъ въ разсчетъ того, что за то дѣти или внуки его увидятъ кое-что, чего онъ самъ не видалъ. Постройка же-

лѣзныхъ дорогъ на тысячи верстъ требуетъ громадныхъ жертвъ. но за то внукамъ нашимъ — куда какъ хорошо будетъ! Горько только жить теперь старымъ холостякамъ — эгоистамъ. такъ и оставшимся въ ожиданіи разрѣшенія бракоразводнаго вопроса безъ потомства, которому предстоитъ, безъ сомнѣнія. будущность блестящая. Извѣстный нашъ заводчикъ, г. Путиловъ, на обѣдѣ, заданномъ имъ по случаю прокатки на его заводѣ третьяго милліона рельсовъ, пророчески предсказалъ, что Россія во многихъ отношеніяхъ очень скоро обгонитъ Европу. «Видится мнѣ—сказалъ г. Путиловъ—что Россія вскорѣ покроется сѣтью доменныхъ печей, которыя будутъ пылать денно и нощно. тогда какъ на Западѣ эти огни будутъ мало-по малу (почему бы ужь не вразъ?) потухать». И дѣйствительно. въ то время. какъ въ Европѣ повытаскали уже изъ земли и истребили неизмѣримыя массы каменнаго угля, мы только лишь начинаемъ догадываться, гдѣ онъ у насъ лежитъ и покупаемъ покуда чужой. Недавно въ Рязанской губерніи открыты признаки огромныхъ залежей самаго лучшаго, самаго рѣдкаго каменнаго угля, не уступающаго драгоцѣнному Шотландскому богхеду, но, къ изумленію, говорятъ, что англичане ничуть не струсили при извѣстіи объ этомъ открытіи, хотя добываніе этого угля должно непремѣнно прекратить вывозъ его изъ Шотландіи и понизить на него цѣну. Англичане думаютъ, что драгоцѣнный этотъ богхедъ такъ и останется у насъ подъ землею, а мы будемъ сверху его рожь да овесъ сѣять и уголь покупать у нихъ же. Какъ-бы не такъ! А зачѣмъ же у насъ и Поляковы-то существуютъ послѣ этого? Сами ничего не сдѣлаемъ по недостатку предпріимчивости, такъ г. Поляковъ все за насъ сдѣлаетъ: и откопаетъ и перевезетъ куда слѣдуетъ и торговлю англійскимъ углемъ уничтожитъ!

Или вотъ опять наша богатая Сибирь, наклоньшись надъ столами? Не сегодня — завтра она, приблизившись къ намъ посредствомъ желѣзной дороги, пришлетъ какого угодно и богхеда и желѣза, въ количествѣ, вполнѣ достаточномъ для всѣхъ. Со всѣхъ концовъ нашего отечества стремятся въ Петербургъ депутаціи — съ просьбами о разрѣшеніи желѣзной дороги въ ихъ мѣстности. Пензенцы въ ходатайствѣ своемъ объясняютъ, что имъ просто жить нельзя безъ желѣзной дороги, хотя куда нибудь проведенной. Изъ Симбирска пишутъ. что съ новаго года городъ этотъ сталъ замѣтно оживляться, и въ особенности съ той самой поры, когда въ Симбирскъ возвратились изъ Петербурга депутаты, ѣздившіе туда хлопотать о полученіи концессіи на желѣзную дорогу, долженствовавшую прорѣзать дачи одного изъ депутатовъ и соединить какіе-то два неизвѣстныхъ пункта губерніи между собою, съ продолженіемъ этой дороги, на счетъ сосѣдней губерніи, до Нижняго Новгорода. «Судя по физіономіямъ гг. депутатовъ — замѣчаетъ корреспондентъ «Современныхъ Извѣстій» — хлопоты ихъ не увѣнчались успѣхомъ, что весьма печально отразилось и на

другихъ представителяхъ земства, такъ-какъ на изысканіе линіи этой дороги истрачено уже до 30 тысячъ земскихъ денегъ».

Впрочемъ, очень немудрено, что корреспондентъ вывелъ свое заключеніе слишкомъ торопливо, а потому и невѣрно: изъ дальнѣйшаго описанія симбирской жизни вовсе не замѣтно, чтобы депутаты пріуныли и упали духомъ. Послѣ роскошныхъ обѣдовъ въ новомъ зданіи дворянскаго собранія (въ которомъ чуть было не провалился потолокъ, за что строителю поднесли серебряное блюдо съ солоницей и порѣшили вставить въ стѣну залы мраморную доску съ его фамиліей) веселые симбирскіе аристократы устроили ночное катанье на тройкахъ, съ факелами. Такъ-какъ бѣдные симбиржцы, послѣ третьегодныхъ пожаровъ, изображаютъ собою *пуганыхъ воронъ*, то подвижное зарево отъ факеловъ переполошило весь городъ. Обитатели выбѣжали въ испугѣ изъ домовъ, а пожарная команда скакала по слѣдамъ раскутившихся аристократовъ. Вѣроятно, депутаты привезли изъ Питера что нибудь и отрадное, потому что съ горя люди только лишь бѣсятся, а не безобраничаютъ публично. Наконецъ и Казань прислала въ Петербургъ опять свою сибирско-желѣзно-дорожную депутацію, вѣроятно ту самую, которую въ прошломъ году казанцы публично благодарили *за наилучшее выполненіе возложенной обязанности*, хотя депутація тогда (не по своей винѣ) равно ничего не успѣла сдѣлать.

Кромѣ Казани и Нижняго Новгорода, сибирская дорога возбуждаетъ къ себѣ живой интересъ и въ Петербургѣ, именно въ «обществѣ для содѣйствія русской торговлѣ», въ которомъ. въ половинѣ января, шли объ ней пренія, начавшіяся оживленно, но окончившіяся всеобщей дремотой, по милости нѣкоего нижегородца, Ермолова. Всѣхъ замѣчательнѣе была на этомъ засѣданіи рѣчь г. Полетики, а всѣхъ скучнѣе и безцѣльнѣе — длинная-предлинная записка полковника Романова, прочитанная г. Ермоловымъ. Въ сооруженіи нашихъ желѣзныхъ дорогъ г. Полетика видитъ одинъ весьма существенный пробѣлъ — это сооруженіе ихъ преимущественно на западѣ Россіи, гдѣ онѣ и оказываются полезными для насъ, по его мнѣнію, исключительно въ стратегическомъ отношеніи, и если и приносятъ существенную пользу, такъ это болѣе нашимъ сосѣдямъ, для которыхъ вывозъ нашихъ сырыхъ продуктовъ, при удобной и дешевой доставкѣ, дѣлается весьма выгоднымъ. Впрочемъ, говоритъ г. Полетика, *запуганный московскими журналами*, я опасаюсь говорить что либо противъ необходимости сооруженія западныхъ дорогъ, необходимости, основанной на стратегическихъ выводахъ; замѣчу только, что умножая ихъ на западѣ, мы не прилагаемъ должной заботливости о направленіи на востокъ, а по моему мнѣнію, смыслъ желѣзнымъ дорогамъ придаетъ ихъ экономическое значеніе, но отнюдь не завоеванія, которыя далеки отъ мысли каждаго, истинно интересующагося судьбами отече-

ства, и о которыхъ думаютъ развѣ однѣ *«Московскія Вѣдомости»*.

Вотъ какой ужасающей силы достигли эти, Богъ съ ними, «Московскія-то Вѣдомости»: даже само общество «для содѣйствія» ихъ потрушиваетъ!

Читателю уже, разумѣется, изъ газетъ извѣстно, что въ настоящее время существуютъ два проекта сибирской дороги: южная дорога чрезъ Казань и Нижній, имѣющая въ виду преимущественно нижегородскую ярмарку, и сѣверная — на Вятку, Кострому и Ярославль — это направленіе имѣетъ въ виду Петербургъ. Чья сторона пересилитъ — это еще неизвѣстно, потому что и у той и у другой есть своего рода уважительныя доказательства *, но извѣстно только, что пренія на январскомъ засѣданіи «Общества» кончились ничѣмъ. Записка, прочитанная г. Ермоловымъ, чуть было не усыпила публику, точно также, какъ, говорятъ, усыпила ее какая-то публичная лекція въ какомъ-то клубѣ, въ которомъ, говорятъ, почему-то вдругъ заколебались оконныя занавѣски, а вздремнувшая публика, въ испугѣ, повскакала съ своихъ мѣстъ, вообразивъ, что начинается землетрясеніе. **

Несравненно оживленнѣе оказались пренія въ январьскомъ засѣданіи «Комитета грамотности», который, какъ видно, не шутя озабоченъ вопросомъ: что̀ бы такое ему отправить отъ себя на предстоящую мануфактурную выставку, устроенную въ Соляномъ городкѣ, что̀ около Цѣпнаго моста и зданій третьяго отдѣленія? Ничего не послать — какъ-то будто неловко, а если послать, то чего же? Книгъ развѣ, изданныхъ для простаго народа? Но, опять, ловко ли будетъ книги приравнивать къ чисто-мануфактурнымъ произведеніямъ, хотя, въ дѣйствительности, большая часть изъ нихъ, и точно что принадлежитъ къ произведеніямъ однѣхъ только рукъ человѣческихъ, безъ участія головы? Такъ-какъ заранѣе уже было порѣшено, для серьёзнаго неторопливаго обсужденія особенно важныхъ вопросовъ, въ родѣ приведеннаго, составить особую коммисію, то принялись разсуждать кое о чемъ другомъ, менѣе головоломномъ. Нѣкоторые изъ членовъ заявили, что на мануфактурную выставку положительно необходимо помѣстить классные столы и скамьи всевозможныхъ родовъ, употребляющіеся въ школахъ Россіи, и что даже, для пущей оригинальности, не мѣшало бы

* Впрочемъ, на дняхъ «Голосъ» сообщилъ уже слухъ, что группою весьма солидныхъ предпринимателей сдѣлано уже заявленіе о готовности ихъ принять на себя сооруженіе сибирской желѣзной дороги отъ Тюмени чрезъ Екатеринбургъ къ Сарапулю, равнымъ образомъ, безъ всякой со стороны правительства гарантіи. Если этотъ слухъ оправдается, то вопросъ о направленіи сибирской дороги разрѣшается самъ собою. Впрочемъ, и то правда: всякому слуху не вѣрь.

** Такія же точно пренія и съ такими же результатами происходили и въ «Географическомъ Обществѣ».

послать и обрубки дерева, замѣняющіе въ нѣкоторыхъ сельскихъ школахъ сѣдалища; другіе же, напротивъ, не соглашались и требовали, чтобы на выставкѣ не было иной классной мебели, кромѣ самой усовершенствованной. Эти-то вещи, т.-е. деревянные обрубки и усовершенствованныя скамьи, и были предметомъ двухчасоваго спора гг. членовъ.

Однако, и въ два часа времени ничего не порѣшили и составили коммисію, какъ это всегда бываетъ въ особенно затруднительныхъ случаяхъ. Неизвѣстно еще, на чемъ остановится коммисія, но, мнѣ кажется, что ужь если посылать на выставку образцы классной мебели сельскихъ школъ, то непремѣнно нужно послать обрубки, или чурбаны, а никакъ не усовершенствованныя скамьи, которыхъ нигдѣ нѣтъ. Что же это за выставка такая будетъ, если, напримѣръ, въ отдѣлѣ крестьянскихъ издѣлій, вмѣсто лаптей и сермяги, выставитъ кисеи и бархатъ? Скамьи въ нашихъ сельскихъ училищахъ дѣйствительно есть, но только не усовершенствованныя, а самыя обыкновенныя, топорной работы, да есть еще, хотя и не совсѣмъ обыкновенныя, но тоже некрашеныя, съ изголовьями: это скамейки, на которыхъ сѣкутъ школьниковъ. Ихъ тоже вотъ не худо бы штуки двѣ-три выписать, или заказать въ Петербургѣ, по образцу. Главнѣйшими же предметами для выставки, все-таки, остаются книги, издаваемыя для народнаго чтенія. Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, стѣсняться много нечего: развѣ на коровье-бычачье-телячей выставкѣ въ Михайловскомъ манежѣ не выставляли, напримѣръ, изящной, плетеной мебели, которую, во всякомъ случаѣ, труднѣе отнести къ необходимымъ принадлежностямъ скотныхъ дворовъ, чѣмъ наши народныя книги къ мануфактурнымъ издѣліямъ?

Изъ провинцій въ прошедшемъ мѣсяцѣ получено, по обыкновенію, достаточное количество извѣстій о различныхъ скандалахъ, но я вношу въ свою хронику только тѣ изъ нихъ, которые покрупнѣе и, притомъ, имѣютъ нѣкоторое общественное значеніе. Разумѣется, изъ какой нибудь дюжины отдѣльныхъ случаевъ нельзя еще выводить общихъ заключеній, но нельзя, однакоже, не замѣтить, что провинціальные мировые судьи, въ особенности почетные, далеко не всѣ еще поняли свои настоящія роли, изображая собою въ этомъ отношеніи плохихъ провинціальныхъ актеровъ. Мировыя учрежденія всего еще существуютъ-то у насъ «безъ году недѣлю», а между тѣмъ мы встрѣчаемъ уже такіе случаи, что весь уѣздный мировой институтъ, въ полномъ его составѣ, обвиняется въ небрежномъ исполненіи своихъ обязанностей и, отчасти даже, въ самодурствѣ (напримѣръ Царскосельскій мировой съѣздъ, куда, говорятъ, отъ сената посланъ уже чиновникъ — производить дознаніе); если же подъ самымъ Петербургомъ, такъ сказать, у всѣхъ на виду, происходятъ подобныя вещи, то чего же ожидать отъ провинцій отдаленныхъ, откуда слухи доносятся только

лишь о скандалахъ слишкомъ уже крупныхъ, въ родѣ, напримѣръ, извѣстнаго «дѣла о дѣйствіяхъ мироваго судьи Елизаветградскаго округа, Свирчевскаго» *. Этотъ оригинальный судья, вскорѣ по вступленіи въ должность, вообразилъ, что онъ вовсе не мировой судья, а просто полновластный помѣщикъ, а тяжущіеся — его крѣпостные. Когда, напримѣръ, мѣщанинъ Корнеенко, по дѣлу съ ярмарочнымъ комитетомъ, попытался-было представить судьѣ нѣкоторыя оправданія, то судія грозный, Свирчевскій, немедленно закричалъ на него: «молчать!», а когда, послѣ перваго оправдательнаго приговора, онъ, Корнеенко, заявилъ свое неудовольствіе по причинѣ отказа ему въ искѣ, то мировой судья сказалъ: «Такъ меня учить! каково? Такъ я покажу, какъ судитъ мировой судья 6-го участка! Хорошо, что я не подписалъ этого протокола; какъ я угадалъ. Понаѣхали съ Бобринца меня учить. Я проучу».

Чтобы на дѣлѣ доказать полнѣйшее презрѣніе къ закону, не для него писанному, судья Свирчевскій постановилъ по одному и тому же дѣлу Корнеенка два рѣшенія: одно оправдательное, а потомъ, когда разсердился на возраженія, то немедленно измѣнилъ милость па гнѣвъ и, не выждавъ законнаго срока для обжалованія рѣшенія, засадилъ отвѣтчика подъ арестъ, за-что, наконецъ, и самъ попалъ подъ судъ. Другой мировой судья, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, онъ же и предсѣдатель мѣстнаго мироваго съѣзда, нѣкто г. Поль, прославился очень удачнымъ кулачнымъ боемъ, хотя это искусство вовсе, мнѣ кажется, не необходимо для *мироваго* судьи.

«Въ 11 часовъ вечера — пишутъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» — когда въ залѣ мѣстнаго клуба накрывался столъ для ужина, старшина клуба, онъ же и предсѣдатель верхнеднѣпровскаго съѣзда мировыхъ судей, Л. Н. Поль бесѣдовалъ въ углу залы съ мѣстнымъ землевладѣльцемъ Романовскимъ. Бесѣда эта была очень непродолжительна и не обѣщала по самому началу ничего хорошаго, судя по мѣстнымъ толкамъ объ отношеніяхъ, существовавшихъ между обоими лицами. Разговоръ сразу принялъ дурной оборотъ: Романовскій просилъ Поля не держать леповатыхъ овецъ. Эта-то просьба въ концѣ концовъ и повела къ скандалу: сказавши, что онъ назоветъ подлецомъ каждаго эксперта, который скажетъ, что у него леповатыя овцы, и получивши отъ Романовскаго въ отвѣтъ, что подлецъ тотъ, кто держитъ леповатыхъ овецъ, Поль съ кулаками бросился на Романовскаго. Ударилъ ли онъ Романовскаго — никто не видалъ изъ лицъ, стоявшихъ около нихъ, но только Романовскій очутился лежащимъ на полу. Мѣстный исправникъ и нѣкоторые изъ посѣтителей клуба оттащили Поля отъ Романовскаго и увели въ другую комнату. Противъ лицъ, совершившихъ публичный скандалъ, исправникомъ было возбуждено преслѣдованіе,

* См. «Правит. Вѣстн.» № 4-й.

и на другой день вечеромъ въ той же залѣ, гдѣ происходило побоище, совершился и судъ».

Замѣчательнѣе всего, что виноватымъ въ этомъ дѣлѣ былъ признанъ не боксеръ-судья, который повергнулъ своего противника на полъ, а побитый, Романовскій. Свидѣтели показали, что кулаки Поля были устремлены по направленію къ лицу Романовскаго, и что Романовскій послѣ скандала говорилъ (подлинныя слова Петровскаго): *подлецъ, скотина, я давно жаждалъ этого* (пощечины или скандала? это не разъяснено).

Г. Поль старался доказать судьѣ, и, само собою разумѣется, мѣстному обществу, что онъ одинъ только далъ двѣ пощечины Романовскому, разумѣется, «въ умоизступленіи» и что Романовскій до него не дотрогивался; стараніе же послѣдняго было доказать, что онъ Поля не билъ, но что и Поль, съ своей стороны, пощечинъ ему не давалъ, а ударилъ только по рукѣ. Дѣйствительно-ли Поль ударилъ по щекѣ Романовскаго, и билъ-ли Поля Романовскій—это не разъяснилось положительно слѣдствіемъ; свидѣтели обстоятельства этого не выяснили, показавъ судьѣ, что этого не замѣтили, хотя нѣкоторые изъ нихъ стояли или сидѣли около.

Изъ приведеннаго случая видно, что драчуны-землевладѣльцы главнѣйшее свое вниманіе обратили собственно не на побои, а только исключительно на формальную сторону дѣла. Вѣроятно, предсѣдателю мирового съѣзда кто нибудь изъ мѣстныхъ юристовъ разъяснилъ, что оставаться на службѣ неудобно тому лишь изъ дѣрущихся, который получилъ пощечину, а тотъ, кто самъ задаетъ другимъ оплеухи, всегда можетъ разсчитывать даже на повышеніе; на этомъ именно и основывалось оправданіе одного изъ подсудимыхъ. Повергнутый на полъ землевладѣлецъ придерживался такого же взгляда на вещи, въ полученіи пощечины тоже не сознался, хотя довольно трудно повѣрить, чтобы, отъ одного удара по рукѣ, взрослый человѣкъ могъ повалиться на полъ! Напрасно г. Романовскій не заявилъ, что его почетный судья просто ударилъ со всего размаха по темени, по тому мѣсту головы, на которомъ у пожилыхъ землевладѣльцевъ обыкновенно находится лысина: тогда бы, вопервыхъ, причина паденія на полъ была для каждаго очевидна, а, вовторыхъ, и мѣсто-то такое, безобидное, послѣ неоднократныхъ даже ударовъ по которому можно занимать какую угодно должность, хотя бы предводительскую. Болтали о дуэли, но она, разумѣется, не состоялась, такъ-какъ мы вѣдь не французы какіе-нибудь! Да было бы, притомъ, слишкомъ ужь грустно, еслибы общество вдругъ лишилось такого сильнаго и храбраго предсѣдателя мироваго съѣзда!

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Саратова можно судить, что и тамошніе почетные мировые судьи тоже вполнѣ сознаютъ свою силу и значеніе въ обществѣ. Тамъ какой-то г. Ш. (почетный судья, и бывшій предводитель дворянства) подошелъ

разъ, какъ пишутъ, къ губернскому прокурору... (читатель, вѣроятно, ожидаетъ ужь фразы: «и треснулъ его по щекѣ», — но читатель въ этомъ случаѣ ошибается) и потребовалъ отъ него какихъ-то объясненій, а когда тотъ отказался, то Ш., *поднося кулакъ къ носу прокурора, сказалъ: «такъ я заставлю тебя дать объясненія!»* Говорили о дуэли, будто бы, предложенной г. Ш., но дѣло обошлось безъ этого. Носятся слухи, что противъ Ш. будетъ возбуждено уголовное преслѣдованіе.

И очень хорошо, что дѣло обошлось безъ дуэли. Еслибы, неумѣющіе мѣтко стрѣлять, прокуроры постоянно принимали вызовы, то можно съ увѣренностью сказать, что въ первое же пятилѣтіе существованія новыхъ судебныхъ учрежденій, ихъ бы всѣхъ уничтожили, какъ лѣсную дичь въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ, и въ живыхъ остались бы одни только защитники. Мнѣ кажется, что и дѣла-то возбуждать бы не слѣдовало: сами разсудите, зачѣмъ? Впрочемъ, быть можетъ, и мирно уладится, какъ напримѣръ повидимому улаживается дѣло о новой растратѣ денегъ владимірскаго дворянства новымъ владимірскимъ предводителемъ дворянства.

Такъ-какъ до самаго конца января о дракахъ мы больше свѣдѣній не имѣемъ, то не трудно прійдти къ такому заключенію, что дерущихся мировыхъ судей у насъ, относительно, немного. Впрочемъ, изъ писемъ, присылаемымъ изъ разныхъ губерній въ редакцію, видно, что существуютъ тамъ въ значительномъ количествѣ такіе судьи, про которыхъ тяжущіеся изъ непривилегированныхъ сословій говорятъ: «Господи! Ужь лучше бы дрался, что-ли, а то ужь штрафами-то этими проклятыми такъ онъ насъ одолѣлъ, такъ одолѣлъ, что просто, хоть изъ Россіи бѣги!» Про одного изъ такихъ мировыхъ судей намъ сообщаютъ слѣдующія подробности: «чуть кто разинетъ ротъ безъ приказанія, судья сейчасъ-же: «25 копѣекъ штафу!» — Виновный начнетъ оправдываться: «полтора цѣлковыхъ!» кричитъ судья. Разъ онъ напалъ на одного свидѣтеля изъ отставныхъ солдатъ, старика лѣтъ семидесяти, презлющаго. Вздумалось старику сказать что-то такое не во время. — «25 коп. штрафу!» — закричалъ судья, а старикъ какъ будто не понимаетъ, къ кому относятся эти слова и продолжаетъ разговоръ съ сосѣдомъ. Судья только и знаетъ — надбавляетъ штрафъ: «полтора цѣлковыхъ! Три рубля!» надсѣдается онъ, такъ что солдату показалось это очень потѣшнымъ. «Да ты бы больше! — говоритъ онъ судьѣ. Чего ты? Ну, пять цѣлковыхъ, ну еще! Вали вразъ сто! Мнѣ вѣдь все равно: у меня нѣту. Вали больше!»

Опять-таки повторяю: изъ небольшаго количества фактовъ я и не думаю выводить какихъ либо общихъ заключеній. Я заношу ихъ въ ежемѣсячную хронику единственно съ тою только цѣлью, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ концѣ года можно было вывести изъ нихъ нѣчто общее. Вотъ именно это самое нѣчто и должно изображать собою обзоръ прошлогоднихъ событій.

Этимъ я покуда и заканчиваю свой ежемѣсячный обзоръ событій, хотя, разумѣется, нельзя сказать, чтобы онъ обнималъ собою рѣшительно всѣ январскія событія и такъ-называемые важные слухи. Слуховъ разныхъ много. Толкуютъ, напримѣръ, о какой-то важной административной реформѣ, въ родѣ усиленія власти губернаторовъ. Говорятъ объ учрежденіи министерства торговли и о какихъ-то важныхъ перемѣнахъ «въ высшихъ сферахъ», но всѣ эти слухи до такой степени напоминаютъ собою шопотъ дворовыхъ людей въ лакейскихъ про господскія дѣла, что я покуда воздерживаюсь отъ ихъ передачи, тѣмъ болѣе, что нужно еще сказать хотя нѣсколько словъ:

По поводу извѣстія о смерти Герцена.

Читатель уже, разумѣется, знаетъ о кончинѣ Герцена, о которой своевременно было сообщено всѣми газетами. Ежемѣсячный журналъ не имѣетъ ни возможности, ни даже надобности печатать телеграммъ: на то есть газеты. Обязанность журнальнаго хроникера—указать читателю, какъ отнеслось къ извѣстному, болѣе или менѣе крупному факту общественное мнѣніе, которое, каково бы оно у насъ ни было, все-таки нельзя же серьёзно изображать въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно вылѣзаетъ изъ будки въ пьесѣ «Орфей въ аду», на Александринкѣ.

Конечно, личные взгляды пятерыхъ-шестерыхъ и даже газетные толки еще далеко не выражаютъ собою общественнаго мнѣнія, но я передаю здѣсь только лишь то, что̀ самъ слышалъ и читалъ.

Въ тотъ самый вечеръ, когда въ «Биржевыхъ Вѣд.» появилась парижская телеграмма о смерти Герцена, мнѣ случилось быть въ читальной комнатѣ одного изъ петербургскихъ клубовъ, у столовъ которой помѣщалось человѣкъ пятнадцать читателей. Газета переходила изъ рукъ въ руки, но никто, повидимому, на телеграмму не обратилъ особеннаго вниманія; наконецъ, попала она въ руки какому-то офицеру, который нашелъ нужнымъ публично заявить, что онъ телеграмму замѣтилъ. Офицеръ съ газетой торопливо подбѣжалъ къ другому столу, за которымъ помѣщался его знакомый и, тыкая пальцемъ въ телеграмму, проговорилъ: «прочти!»

— Что такое?

— Прочти—увидишь!—повторилъ офицеръ съ улыбкой.

Тотъ, наконецъ, прочиталъ, тоже улыбнулся и проговорилъ въ полголоса: чортъ знаетъ, что такое! Точно владѣтельная особа какая умерла: еще телеграммы печатаютъ!

— А ты знаешь, кто онъ такой былъ?

Въ это самое время въ сосѣдней комнатѣ заиграли на рояли Шопеновскій вальсъ, и заглушили разговоръ офицеровъ. Видны были только ихъ толстыя, довольныя, смѣющіяся физіономіи,

да еще ноги, обтянутыя брюками синяго цвѣта, стукающія по полу подъ тактъ невидимому игроку на рояли.

Ну, думаю, здѣсь больше-то, должно быть, ничего и не услышишь! Подожду газетъ: какъ-то онѣ отнесутся къ этому щекотливому предмету?

Почти этимъ только и ограничились покуда мои свѣдѣнія по части негазетнаго общественнаго мнѣнія. Большинство упорно отмалчивалось, искусно обходя щекотливый вопросъ, такъ что невольно возникало сомнѣніе: знаютъ-ли, полно, «кто онъ такой былъ», или, если отчасти и знаютъ, то, обманутые появленіемъ телеграммъ, и въ самомъ дѣлѣ не считаютъ ли покойнаго за нѣчто въ родѣ владѣтельной особы, о которыхъ тотчасъ послѣ смерти ихъ откровенно говорить не принято и, даже, не приказано?

Дѣлать нечего: приходится поневолѣ обратиться къ газетамъ, какъ къ единственнымъ у насъ представителямъ общественнаго мнѣнія. Гдѣ же, наконецъ, и правды искать, какъ не здѣсь? Большинство редакторовъ, по крайней мѣрѣ главныхъ нашихъ газетъ принадлежатъ къ тому же поколѣнію, къ которому принадлежалъ и покойный; нѣкоторые изъ нихъ знали его, какъ русскаго литератора, дорожили имъ и готовы были, еслибы удалось, отвести самое почетное мѣсто въ своихъ изданіяхъ его произведеніямъ. Послушаемъ же, что̀ намъ эти старики скажутъ? По русскимъ народнымъ понятіямъ, старикъ всегда говоритъ правду, душой не кривитъ и не подличаетъ: «не сегодня-завтра издохнетъ—толкуетъ молодежь—зачѣмъ ему еще лишній грѣхъ на душу брать?» Отсюда и уваженіе къ старикамъ въ народѣ.

Оказывается, однако же, что наши литературные, или, вѣрнѣе, газетные «старики» вовсе и сходства никакого не имѣютъ съ народными «ходоками», которые «за правду-матку» и изъ-за интересовъ толпы готовы въ огонь и въ воду. Оказывается, напротивъ, что наши газетные старики скорѣе напоминаютъ собою тѣхъ «старичковъ», которыхъ съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ изображаютъ новые французскіе писатели: по всему видно, что о близости христіанской кончины они и не думаютъ, а, напротивъ, разсчитываютъ сами жить да жить, и, если можно, пережить всѣхъ.

Вмѣсто того, чтобы ограничиться хотя краткимъ обзоромъ литературной дѣятельности покойнаго, не касаясь другого рода его дѣятельности, «которая осуждена закономъ», газеты наши подняли споръ о томъ: кто первый обезсилилъ Герцена, такъ сказать убилъ его еще задолго до настоящей смерти? Всѣ безъ исключенія газеты безусловно признаютъ, что покойный еще года за четыре до смерти утратилъ всякое вліяніе на русское общество; но вотъ теперь пришла благопріятная минута рѣшить: кто первый произвелъ надъ нимъ эту трудную операцію обезсиленія, кому именно принадлежитъ такая честь?

Нѣкоторые указываютъ, разумѣется, на г. Каткова, какъ на самаго искуснаго хирурга по этой части; другіе, напротивъ, признавая и въ г. Катковѣ присутствіе подобныхъ способностей, указываютъ однако же на г. Чичерина, который, будто-бы, еще искуснѣе самаго г. Каткова; третьи, наконецъ, высказываютъ сомнѣнія: полно не господинъ ли Н. Ф. Павловъ первый это сдѣлалъ?

«Честь этого подвига — пишетъ передовикъ «Вѣсти» — всецѣло принадлежитъ *знаменитому* ученому нашему, любимому профессору студентовъ московскаго университета, Б. Н. Чичерину, обличительное письмо котораго еще въ ноябрѣ 1858 г. было напечатано въ самомъ *Колоколѣ*, возбудило безсильную злобу въ Герценѣ и *впервые* поколебало его авторитетъ».

Хотя въ читателѣ невольно возникаетъ сомнѣніе: зачѣмъ же это вольный издатель никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемой газеты, напечаталъ въ своемъ изданіи статью, видимо *поколебавшую его авторитетъ*? но передовикъ «Вѣсти», оставивъ въ сторонѣ это недоразумѣніе, продолжаетъ свое историческое изслѣдованіе объ обезсиленіи Герцена:

«Наконецъ, ужъ если поднять вопросъ о томъ, кто у насъ въ Россіи первый печатно заговорилъ противъ Герцена — продолжаетъ разгорячившійся передовикъ — то тутъ оказывается, что прежде всего была напечатана статья въ «Сѣверной Пчелѣ», а потомъ цѣлый рядъ статей Н. Ф. Павлова въ газетѣ «Наше Время». Въ концѣ же концовъ, все-таки, «великая честь серьезнаго почина въ дѣлѣ русской реакціи противъ Герцена» — замѣчаетъ передовикъ реакціонной газеты, лично озлобленный на г. Каткова—принадлежитъ г. Чичерину, а не нынѣшнему издателю *Московскихъ Вѣдомостей*, и сей послѣдній имѣетъ въ этомъ дѣлѣ нѣчто подходящее къ роли, разыгранной въ свое время знаменитымъ *Америкомъ Веспучи*: онъ окрестилъ своимъ именемъ и описалъ тотъ новый міръ, который, однако, открылъ не онъ...»

И такъ, если вѣрить передовику «Вѣсти», то способъ ставить яйцо прямо на столъ, безъ чашечки, — придуманъ вовсе не Михаиломъ Никифоровичемъ, а *знаменитымъ* московскимъ профессоромъ Чичеринымъ, который будто-бы первый произвелъ надъ покойнымъ операцію обезсиленія и, что всего страннѣе, по добровольному соглашенію съ самимъ издателемъ и полнымъ хозяиномъ «Колокола». Такимъ образомъ Михаилъ Ни-

кифоровичъ изъ Колумбовъ разжаловывается въ Веспуччи, а на долю «Сѣверной Пчелы» и Н. Ф. Павлова остаются уже не совсѣмъ благодарныя роли Пизарро и Кортеца, которыми, какъ всякому извѣстно, руководила вовсе не благодарная страсть къ новымъ открытіямъ, а единственно жажда къ золоту.

Передовики и, въ особенности фельетонисты другихъ газетъ, не отвергая того, что «честь подвига», отчасти принадлежитъ г. Каткову, намекаютъ однако же, что и та самая газета, изъ подвальнаго этажа которыхъ они по воскреснымъ днямъ бесѣдуютъ съ читателями, въ подвигѣ семъ не малое принимала участіе. «Вначалѣ у насъ слушали — пишетъ одинъ изъ фельетонистовъ — не безъ сочувствія лондонскіе совѣты: братски любить поляковъ и идти съ ними рука объ руку къ общей цѣли; но потомъ «облегченіе положенія печати въ Россіи окончательно убило всѣ русскія заграничныя изданія, а въ томъ числѣ и «Колоколъ».

Такъ-какъ моментъ «облегченія печати въ Россіи» совпадаетъ именно съ тѣмъ моментомъ, когда всѣ газеты наши заговорили совсѣмъ иное, противоположное тому, что въ нихъ говорилось прежде, то можно заключить, что и онѣ считаютъ себя не послѣднею спицей въ колесницѣ при совершеніи «великаго подвига». Каковы бы ни были его (т.-е. Герцена) заблужденія, пишутъ фельетонисты, ему все-таки принадлежала во времена оны *нѣкоторая заслуга: было время, когда его сарказмы не давали спать людямъ, спокойствіе которыхъ вполнѣ было обезпечено существованіемъ у насъ предварительной цензуры.*» (А вѣдь заслуга-то не маленькая! — невольно произнесетъ читатель, пародируя слова Чичикова, сказанныя у помѣщицы Коробочки). «Наши потомки съ трудомъ поймутъ — продолжаетъ фельетонистъ — какой ужасъ наводило на иныхъ господъ извѣстіе, что они попали въ газету Герцена. Одинъ изъ старцевъ прежняго закала *такъ, говорятъ, и умеръ, увидавъ свое имя въ «Колоколѣ». Объ этой газетѣ ходятъ даже легенды.* Говорятъ, одно лицо, изъ боязни, чтобъ опасная газета, въ которой его безжалостно терзали, не попала кому-то на глаза, прибѣгло къ отчаянному средству—къ перепечатанію непріятныхъ нумеровъ «Колокола», для представленія ихъ высокопоставленнымъ лицамъ» и т. д. Вотъ какъ однако-же!

Бывшій баккалавръ духовной академіи, Гиляровъ-Платоновъ, тоже, разумѣется, принялъ дѣятельное участіе въ спорѣ «объ

обезсиленіи» и присоединился съ своей газетой («Соврем. Изв.») къ лагерю своего земляка, г. Каткова. Покинулъ онъ на время разработку главныхъ вопросовъ своей газетки: «о перестройкѣ московскаго гостиннаго двора» и съ свойственной ему рѣзкостію, своеобразнымъ, какимъ-то, топорной работы языкомъ, произнесъ слѣдующее слово. (Приводимъ нѣсколько, самыхъ характеристическихъ мѣстъ изъ слова).

«Русскій публицистъ Герценъ здѣсь опасно боленъ... Сегодня Александръ Герценъ умеръ...» Быстро смѣнились эти телеграфическія извѣстія; коротко и ясно. Правда ли? Онъ ли? *Но не все ли равно, живъ онъ или умеръ?* Для Россіи и русскихъ онъ давно умеръ. Незавидную славу по себѣ оставляетъ этотъ человѣкъ!

«Однако и онъ намъ принесъ свою долю пользы, хотя косвенно: своею судьбою доказалъ на дѣлѣ всю благотворность свободной печати, всю опасность отъ ея принужденнаго молчанія...

«... Взошло, взросло, сѣмена созрѣли, даже упали и снова уже отъ себя заростили вторичные экземпляры того, чего первыя зерна заброшены изъ Лондона...»

«А что же онъ, пророкъ ветхозавѣтный? — Нѣтъ Герцена, Герценъ исчезъ, Искандеръ замолкъ, *колоколъ* безъ языка, *Звѣзда* закатилась.—«*Колоколъ*...»—Да развѣ онъ еще издается?—«Герценъ».—Да вѣдь, кажется, онъ умеръ! — «а гдѣ онъ?..»

(Приведенное мѣсто сильно напоминаетъ собою надгробное «слово», произнесенное на похоронахъ какой-нибудь богатой купчихи; но мы должны замѣтить, что это мѣсто рѣчи относится не къ дѣйствительно умершему, а еще только къ мнимо-умершему Герцену, какимъ его считали задолго до смерти). «Исчезли изъ-за зеркальныхъ стеколъ фейерверочныя произведенія лондонской печати. Остался отъ нея одинъ русскій шрифтъ, шрифтъ дѣйствительно хорошій, и не худо бы словолитцамъ перенять его рисунокъ, составленный со вкусомъ болѣе изящнымъ, чѣмъ награждаютъ насъ нѣмецкіе пунсонщики.»

«...О, Погодинъ! — восклицаетъ проповѣдникъ. — Вотъ и онъ случайно, давній литературный непріятель, неистощимый предметъ моихъ насмѣшекъ! Бѣжитъ къ нему бывшій Искандеръ самъ съ своей исповѣдью, съ своимъ горемъ, своимъ отчаяніемъ, своею досадою на все, на всѣхъ, съ своимъ недоумѣніемъ: что же дѣлать?..»

(Объ этомъ происшествіи любопытствующіе могутъ прочитать въ одномъ изъ №№ прекратившейся погодинской газетки «Русскій», въ статьѣ, сочиненной самимъ г. Погодинымъ. Больше объ этомъ не упоминается нигдѣ).

Наконецъ, статья г. Гилярова заключается словами:

«Не легко и не скоро, но отцвѣтетъ, поблекнетъ, засохнетъ и отпадетъ и то, что успѣло уже вырости и запускаетъ корни;

засохнетъ однако и оно, и опадетъ подъ сіяніемъ свободной мысли, подъ вѣяніемъ свободнаго слова».

(«Аминь» не напечатанъ, но вѣроятно, не по винѣ проповѣдника, а по разсѣянности корректора неопрятной газетки; а, можетъ быть, виноваты въ этомъ и неудобо-произносимые «пунсипщики», о которыхъ упоминалось выше).

Читатель видитъ, что въ поученіи г. Гилярова начало съ серединой и концомъ не совсѣмъ сходятся. Въ началѣ поученія, при извѣстіи о смерти Герцена, проповѣдникъ говоритъ: «не все ли равно, живъ ли онъ, или умеръ?» а дальше тому же самому лицу приписывается громадное вліяніе на цѣлое поколѣніе, но что жь въ томъ за бѣда? Читателю небезъизвѣстно, что такъ-называемые «ставленники», посвящаемые изъ кончившихъ курсъ студентовъ во іереи, постоянно говорятъ свои пробныя проповѣди такимъ образомъ, что начало въ нихъ почти никогда съ концомъ не сходится, такъ что логической связи между словами «во имя отца» и «аминь» собственно не существуетъ, а передовую статью въ 10 № «Соврем. Изв.», видимое дѣло, писалъ молодой «ставленникъ». Прочитайте сами, если не вѣрите.

Но если я (чего, впрочемъ, не думаю) ошибаюсь, будто статью въ «Соврем. Изв.» сочинялъ молодой ставленникъ, то можно почти съ увѣренностью сказать, что фельётонъ въ «Биржевыхъ Вѣд.» по поводу смерти Герцена, писала особа духовная, и, притомъ, чиномъ не ниже протоіерея, ибо откуда же свѣтскій человѣкъ наберется такого знанія текстовъ и чети-миней, которыми испещренъ весь фельётонъ, съ начала до конца? Конечно, странно нѣсколько, что пожилая духовная особа рѣшилась спуститься въ фельётонъ, но развѣ г. Трубниковъ не могъ заранѣе ее обезопасить своимъ честнымъ словомъ, которое иногда и онъ можетъ сдержать? Если вы не читали этой статьи, то совѣтую прочитать, а кто не намѣренъ читать, для тѣхъ дѣлаю выписки:

Намекнувши мимоходомъ, что-де газета «биржовка» не дружила съ Герценомъ, такъ что на нее *послѣднюю* (?) «изливались жолчныя отповѣди» покойнаго, фельётонная особа немедленно обращается къ тексту: «предъ нивою смерти, какъ предъ горящею купиною, нужно ходить изувъ сапоги отъ ногъ своихъ, за не сіе есть мѣсто свято». (Впрочемъ, такъ-какъ тексты въ фельётонѣ постоянно коверкаются, то я начинаю уже думать, что это не духовная особа писала, а кто нибудь изъ свѣтскихъ сотрудниковъ, иззувъ сапоги, вздумалъ поюродствовать). «Осуждать человѣка живого съ одной только стороны, не касаясь другихъ его сторонъ, по меньшей мѣрѣ низко; но живой человѣкъ еще можетъ отвѣтить и оправдаться. Осуждать же мертваго, по завѣтамъ Второзаконія, есть «грѣхъ предъ Іеговою...». «Священное писаніе говоритъ: «не оскудѣетъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ своихъ» — а Герценъ именно оскудѣлъ отъ своихъ Іудъ

и обнищалъ отъ чреслъ своихъ...» «Собственныя чресла одолѣли вождя...» «Въ нашемъ патерикѣ и чети-минеяхъ есть разсказъ о томъ, что дьяволъ, наскучивъ своею враждою съ Богомъ, явился однажды одному святому и сознался въ своемъ внутреннемъ разладѣ съ самимъ собою. «Научи, говоритъ, меня, что мнѣ дѣлать?» Святой велѣлъ ему обратиться къ добру. «Да, отвѣчалъ дьяволъ, я и самъ вижу въ добрѣ единственную отраду: я буду жить, какъ и ты, и ты увидишь, что я сдѣлаю больше тебя и всѣхъ васъ превзойду въ совершенствѣ добра. Прими же меня!» «Хорошо! отвѣчалъ святой; начинай же сначала: смирись и принеси свое раскаяніе Богу». При этомъ словѣ дьяволъ вспрыгнулъ, сверкнулъ очами, загремѣлъ крыльями и, задыхаясь отъ гордости, захохоталъ и отлетѣлъ опять во свои темныя обители, гдѣ съ тѣхъ поръ страданія его еще несноснѣе, ибо онъ остается отцомъ лжи, ненавидя ложь и презирая ее». «Мученія Герцена въ остальные годы его жизни не могли не быть столь тяжки, что за нихъ ему должны быть отпущены грѣхи его многи, и метаніе неумытыхъ укоризнъ на его свѣжую могилу было бы дѣломъ недостойнымъ духа, блюдущаго свою земную задачу...» и проч. и проч.

Но, оставимъ эти выписки. И изъ нихъ уже видно достаточно. Мысль фельетониста, собственно, очень не глубока, но только прикрыта темными фразами, какъ клобукомъ. Мысль эту можно выразить въ нѣсколькихъ простыхъ словахъ: «Эхъ, Александръ Иванычъ! Человѣкъ-то ты былъ способный, талантливый, пожалуй даже, поумнѣе насъ, но гордость-то проклятая тебя обуяла! Плюнулъ бы на все, да шолъ къ намъ: и былъ бы ты въ чинахъ и валялся бы, какъ сыръ въ маслѣ!» Невольно какъ-то вспоминаются мнѣ при этомъ слова одной, довольно важной мѣстной особы, сказанныя про покойнаго Добролюбова, критическія статьи котораго важная особа, хотя и безсознательно, но до страсти любила читать. «Вотъ какъ бы можно было эдакого человѣка къ себѣ на службу привлечь!— мечтала иногда особа. Право, своихъ бы денегъ къ казенному жалованью прибавилъ! Представьте: съ его перомъ, да еще бы благонамѣренность и выдержка, знаете, эта — житейская? Боже мой, что̀ бы это было!»

Такъ бы вотъ и Трубниковскому фельетонисту прямо слѣдовало говорить, безъ всякихъ текстовъ и фарисейства, а то, что толку-то? Сначала говоритъ, что предъ нивою смерти нужно безъ сапоговъ ходить, а тутъ вдругъ притчу какую-то о гордости дьявола приводитъ, въ которой на долю покойника выпадаетъ роль дьявола! Только во всемъ фельетонѣ одна хорошая мысль и высказана, да и то потому единственно, что не своя, а Шекспировская, а именно: «если каждому воздавать по заслугамъ, то гдѣ найдется тотъ, кто не стоилъ бы совершеннѣйшей оплеухи?» Вдумались ли вы, г. фельетонистъ, достаточно въ эти слова?

Впрочемъ, еще удивительно, какъ наши газетчики умѣренно отнеслись къ умершему, даже какъ къ литератору. Припомните, напримѣръ, какъ въ тридцатыхъ годахъ относилась благонамѣренная нѣмецкая пресса къ Бёрне, жившему тогда въ Парижѣ: ну, что жь передъ всей этой бранью значитъ сравненіе съ дьяволомъ? Припомните-ка, напримѣръ, одно изъ писемъ Бёрне изъ Парижа подъ названіемъ «Салатъ изъ селедки»? * «Пустой жидъ, безсердечный насмѣшникъ, жалкое, грязное насѣкомое...» «Съ этихъ поръ ни одинъ нѣмецъ, дорожащій честью своей страны, не допуститъ его въ свое общество...». На что Бёрне отвѣчалъ: «Ахъ, милѣйшій другъ, какъ бы хорошо было, еслибы на будущее время меня ни одинъ нѣмецъ не допускалъ въ свое общество, но я боюсь только, что этого не случится! Припомните-ка, сколько разъ мы бывали въ обществѣ прямыхъ, славныхъ людей, дорожащихъ честью своей родины, — а вѣдь насъ ни разу не вытолкали за дверь! Хозяева знали, что мы лгуны, нахальные блюдолизы, грязные попрошайки, безчестные сводники, продажные писаки; знали, что мы десять тысячъ разъ готовы продать нашу родину за нѣсколько тысячъ рублей, а, вѣдь насъ никто не вытолкалъ за двери!» Одинъ штутгардскій оффиціальный писатель не разъ упрекалъ Бёрне въ трусости: «экая храбрость убѣжать въ Парижъ и оттуда лаяться!» писалъ этотъ господинъ... «О, ты, жалкое, грязное насѣкомое!» прибавилъ наконецъ писатель изъ своего безопаснаго далека, такъ что и Берне ужь не вытерпѣлъ и разразился цѣлой страницей ругательствъ, за которыя ужь досталось бы ему отъ нашихъ передовиковъ и фельетонистовъ на калачи! «Да, я чувствую, что и я тоже нѣмецъ!» отвѣчаетъ взбѣшенный Бёрне: «Горе сволочи, когда я дамъ ей пинка, чтобъ нагнать на нее страхъ! Даю вамъ честное слово: этотъ страхъ такъ и останется въ васъ, никогда не выйдетъ! Да, я нѣмецъ! да, я вышелъ изъ терпѣнія! Да, я дамъ пинка вамъ, олухамъ, болванамъ, быкамъ, осламъ, свиньямъ, баранамъ, мошенникамъ...» и проч. и проч.

Наши газеты, впрочемъ, далеко не заслуживаютъ такой неприличной брани; онѣ, за нѣкоторыми только исключеніями, вѣроятно, опасаясь «грѣха предъ Іеговою», сказали и доброе слово надъ могилою недавно умершаго человѣка. «Вѣсть», напримѣръ, пишетъ:

«Много глубокихъ, нашихъ родныхъ, и общечеловѣческихъ вопросовъ художественно поставлено и частію разрѣшено въ чисто-литературныхъ произведеніяхъ Герцена и, читая ихъ, нельзя не убѣдиться, что еслибы онъ шелъ по этой дорогѣ, и не превратился бы въ публициста, полуфилософа, полуагитатора, то онъ занялъ бы одно изъ первостепенныхъ мѣстъ на ряду съ лучшими нашими поэтами; нельзя не сознаться, что указанныя нами произведенія его останутся навсегда прекраснымъ достоя-

* См. 2-й томъ Людвига Бёрне въ переводѣ Петра Вейнберга.

ніемъ русской литературы; нельзя не замѣтить, наконецъ, хотя Герценъ и сошелъ навсегда въ чужую землю, но теперь лучшею стороной своего существованія какъ художникъ, нарисовавшій образы, подобные Круциферской (*Кто виноватъ?*), Левкѣ (*Круповъ*), Анетѣ (*Сорока-Воровка*) и многія другія,— какъ художникъ и замѣчательный беллетристъ, онъ возвратится на родину, чтобы занять здѣсь свое настоящее видное мѣсто въ исторіи нашей литературы... Нельзя, однако, не пожалѣть...» и т. д. Вслѣдъ за этимъ начинаются уже какъ бы оправданія въ томъ, что и на столько строкъ хватило смѣлости...

«... Герценъ стоитъ на ряду съ наиболѣе выдающимися представителями литературы своего времени — говорятъ «Петербургскія Вѣдомости».—Вмѣстѣ съ Гоголемъ, Бѣлинскимъ, Грановскимъ, Тургеневымъ, онъ былъ въ литературѣ главнѣйшимъ выразителемъ широкаго плодотворнаго умственнаго движенія, подготовившаго общество ко многимъ преобразованіямъ нашешего времени. По силѣ и величинѣ своего дарованія, по обширности образованія, научнаго и художественнаго, по энергіи и глубинѣ мысли, Герценъ представляетъ выдающееся явленіе...»

Прибавлять къ сказанному нечего.

Чтò бы тамъ ни говорили господа Гиляровы-Платоновы и фельетонисты различныхъ «Биржевыхъ» газетъ, — каждый мыслящій и небоящійся высказывать правду человѣкъ, очень-хорошо знаетъ, что покойный Герценъ представляетъ собою нетолько замѣчательнаго белльлетриста, но просто историческій фактъ, котораго впослѣдствіи обойдти будетъ невозможно. Дѣло хроникера — только собрать современные отзывы относительно извѣстнаго факта, потому что, современемъ, и самые эти отзывы тоже получатъ значеніе историческаго факта.

Въ январьской книжкѣ «Отеч. Зап.» въ статьѣ о земствѣ, напечатано, взятое изъ газетныхъ корреспонденцій, извѣстіе о томъ, что въ Новгородѣ земствомъ открыто женское училище. Извѣстіе это оказалось невѣрнымъ. Предсѣдатель Новгородской губернской управы проситъ насъ заявить, что въ Новгородѣ земской женской школы еще не существуетъ.

КОЛЛЕГІЯ ВАССАРА.

Первая женская академія въ Сѣверной Америкѣ.

Одна изъ нашихъ сотрудницъ, г. Е. Л., время отъ времени помѣщающая въ нашемъ журналѣ краткія извѣстія о движеніи женскаго образованія и развитія въ Европѣ и Америкѣ, доставила намъ переводъ напечатанной въ 4 №«Unsere Zeit» статьи: Vassar College, die erste Frauenakademie in Nordamerika. Давая съ удовольствіемъ мѣсто этой статьѣ на страницахъ нашего журнала, мы просимъ нашихъ читателей обратить на нее особенное вниманіе. Коллегіи въ Америкѣ замѣняютъ европейскія гимназіи; академіи въ Америкѣ соотвѣтствуютъ европейскимъ прогимназіямъ. Но академіи перваго разряда то же, что̀ и коллегіи; потому коллегія Вассара называется и академіей. По программѣ коллегіи Вассара, помѣщенной въ статьѣ, мы можемъ судить, чѣмъ должна̀ бы быть и у насъ гимназія не только для женщинъ, но и для мужчинъ.

Первое, что̀ обращаетъ на себя наше вниманіе въ этой программѣ, это то, что практическій умъ американцевъ съумѣлъ обойти спорный вопросъ современной педагогіи о томъ: какое образованіе лучше—классическое или реальное? Два факультета Вассаровой коллегіи: классическій и реальный устроены такъ, что классикъ не останется безъ необходимыхъ реальныхъ свѣдѣній, а реалистъ безъ необходимыхъ классическихъ свѣдѣній.

Но что̀ болѣе всего намъ нравится въ программѣ коллегіи Вассара, такъ это то, что она стремится не начинять только человѣка знаніями, но и свести ихъ къ одной цѣли, осмыслить ихъ, дать воспитаннику опредѣленное цѣльное міросозерцаніе, и такимъ образомъ приготовить его къ вступленію въ жизнь. Съ этою цѣлію въ обоихъ факультетахъ, и классическомъ, и реальномъ, кромѣ политической экономіи, читаются еще на послѣднихъ двухъ семестрахъ, *седьмомъ и восьмомъ*, метафизика и нравственная философія.

Надъ метафизикой въ наше время обыкновенно смѣются, понимая подъ метафизикою или метафизику схоластиковъ, или тѣ фантастическія построенія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, кото-

рыя дѣлали въ недавнее время нѣмецкіе философы, нисколько не затрудняясь недостаточностію для своихъ построеній положительнаго знанія. Но дѣло вовсе не въ тѣхъ отвѣтахъ, которые въ то или другое время давала метафизика на выставляемые ею вопросы, сообразно той или другой суммѣ накопленнаго тогда человѣчествомъ знанія, и тому или другому направленію времени, а въ тѣхъ вопросахъ, которые она выставляла, и которые составляютъ ея область. Эти вопросы такого рода, что мимо ихъ не можетъ пройти ни одинъ человѣкъ. Для людей неразвитыхъ ихъ рѣшаетъ традиція, преимущественно религіозная; для людей развитыхъ сводъ ихъ представляетъ философія или въ тѣснѣйшемъ смыслѣ метафизика, которая должна воспользоваться для этого результатами всего существующаго въ данное время положительнаго знанія. Если послѣднее не содержитъ отвѣтовъ на тѣ или другіе вопросы, метафизика должна изложить имѣющіяся по этимъ вопросамъ вмѣсто отвѣтовъ гипотезы, или, при отсутствіи и гипотезъ, откровенно объяснить, что для рѣшенія тѣхъ вопросовъ нѣтъ никакихъ данныхъ въ современномъ знаніи, указавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, невѣрность и неосновательность рѣшеній прежняго времени. Даже объясненіе послѣдняго рода весьма важно и необходимо: ибо оно указываетъ послѣднюю грань, до которой дошла человѣческая мысль въ данное время, и отвлекаетъ умъ отъ напрасныхъ и безплодныхъ исканій, направляя его на работы производительныя. Если вы не примете на себя труда познакомить пытливый молодой умъ *честно* и искренно съ тѣмъ, что̀ называется метафизическими вопросами, показать ему, какъ рѣшало ихъ человѣчество прежде, и какъ они рѣшаются теперь на основаніи современнаго знанія, то молодой умъ, который никоимъ образомъ миновать ихъ не можетъ, если онъ развитъ хотя сколько-нибудь,—самъ примется за ихъ рѣшеніе, — и тогда не пеняйте, если онъ рѣшитъ ихъ такъ, какъ ему Господь положитъ на душу, и отъ этого получатся какіе-нибудь плачевные результаты въ дѣйствительной жизни. Точно то же должно сказать о нравственной философіи. Развѣ можно выпускать человѣка изъ школы въ жизнь, не познакомивъ его съ различными теоріями и началами нравственности, не давъ ему въ руки мѣрки, которою онъ могъ бы мѣрить ходячія разнокалиберныя нравственныя воззрѣнія въ обществѣ, свои поступки и отношенія къ другимъ, равно какъ поступки и отношенія другихъ къ себѣ?...

Все это въ нашихъ гимназіяхъ игнорируется съ давняго времени. Наши гимназіи принято считать приготовительными къ университету заведеніями, хотя въ университетъ едва-ли попадаютъ изъ нихъ даже 10%, остальные всѣ прямо вступаютъ въ жизнь. Съ чѣмъ же эти люди вступаютъ въ жизнь? Школа не даетъ имъ ничего, кромѣ обрывковъ и элементаровъ разныхъ свѣдѣній, ни къ чему несведенныхъ, и оказывающихся

большею частію въ жизни ни къ чему ненужными. Изъ какого бы хлама эти элементары и обрывки ни состояли, то-есть изъ классическаго или реальнаго — изъ умѣнья ли читать безъ затрудненія Гомера, Платона, греческихъ лириковъ, или изъ самаго тонкаго знанія устройства всѣхъ наивозможныхъ козявокъ, все-таки это будетъ несомнѣнный хламъ, пока человѣкъ не будетъ сдѣланъ свѣтлымъ для самаго себя и для своихъ отношеній въ жизни. Въ этомъ заключается, между прочимъ, причина, почему система нашего народнаго образованія, дѣйствующая съ начала нынѣшняго столѣтія и воспитавшая уже много поколѣній, внесла мало свѣта въ общество. Люди, выходившіе изъ ея школы, воспитанные подъ ея вліяніемъ, не отличались отъ остальнаго общества ни своими воззрѣніями, ни своею дѣятельностію. Это были такіе же темные люди, какъ и всѣ другіе, вполнѣ подчинявшіеся рутинѣ общественной мысли и дѣятельности. Пока эта рутина была ограждена отъ вторженія политической идеи крѣпкою плотиною, несостоятельность школы не была примѣтна. Образованные люди, также какъ и необразованные въ школахъ, умѣли ѣсть, пить, спать, ходить на службу, въ церковь, жениться, вообще отправлять всѣ функціи естества, обычая и положительнаго закона,—слѣдовательно, были хорошіе люди. Чего же больше требовать отъ школы?

Но когда плотина была прорвана, политическая идея проторглась въ общество, — недостатки школы оказались сами собою. Политическая идея состоитъ въ нераздѣльной связи съ идеями соціальными и нравственными. Волей-неволей, а было необходимо разсуждать о существующихъ отношеніяхъ общественныхъ, семейныхъ и т. д., разсматривать основанія ихъ, мирить противорѣчія, искать начала гармоніи и т. п. Все это сдѣлалось предметомъ непрестанныхъ толковъ во всѣхъ видахъ и формахъ литературы, въ общественныхъ собраніяхъ, въ семейныхъ и товарищескихъ кружкахъ. Тогда-то выказалась безсодержательность и пустота школьнаго образованія для вопросовъ жизни, и то, чтò опущено было школою, должна была восполнять собственная самодѣльная философія каждаго. Нѣкоторыя мысли разныхъ философовъ, обнаруживавшіяся случайно по разнымъ обстоятельствамъ, поражали всѣхъ своимъ безобразіемъ, дикостію, нелѣпостію. Замѣчательно, что оффиціальные дѣятели на полѣ русскаго просвѣщенія всѣхъ болѣе удивлялись появленію такихъ мыслей въ русскомъ юношествѣ. Они все доискивались и, кажется, до настоящаго времени не перестаютъ доискиваться, гдѣ русское юношество можетъ набираться такихъ мыслей, гдѣ корни этихъ плевелъ? Почтенные дѣятели никакъ не могутъ догадаться, что корни этихъ плевелъ они сами или, точнѣе сказать, та система школьнаго образованія, которую они поддерживаютъ и считаютъ наилучшею. Въ учебномъ заведеніи набиваютъ человѣка всевозможнымъ хламомъ,

употребленіе котораго по полученіи аттестата о прохожденіи наукъ часто никогда не требуется, но считаютъ ненужнымъ знакомить его съ вопросами, съ которыми онъ будетъ встрѣчаться въ жизни на каждомъ шагу и отъ такого или другаго разрѣшенія которыхъ зависитъ направленіе его личной дѣятельности. Скажите пожалуйста, кто когда разсуждаетъ въ обществѣ о латинскихъ или греческихъ склоненіяхъ, спряженіяхъ, синтаксисѣ, о Платонѣ, Гораціѣ, Цицеронѣ, Тацитѣ или о классификаціи животныхъ, растеній, минераловъ, о рыбахъ, птицахъ, четвероногихъ, букашкахъ и т. д. Мы конечно говоримъ здѣсь не объ ученыхъ собраніяхъ и не о разговорахъ спеціалистовъ. А между тѣмъ общія, такъ-называемыя метафизическія и нравственныя истины не сходятъ съ языка. Онѣ и непосредственно служатъ любимою темою разговоровъ, и составляютъ подкладку всѣхъ возможныхъ сужденій и рѣшеній по ежедневнымъ явленіямъ жизни. Онѣ служатъ главными двигателями обыденной общественной нравственности. Не странно ли пренебрегать такими живыми вопросами жизни въ дѣлѣ образованія и предоставлять рѣшеніе ихъ собственнымъ силамъ каждаго? Вопросы эти вовсе не такъ легки, какъ могутъ казаться съ перваго взгляда. Вѣроятно многимъ случалось встрѣчаться съ людьми, кончившими курсъ даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, несомнѣнно даровитыми и отлично знающими свою спеціальность, которые поражаютъ дикостію своихъ взглядовъ и сужденій, когда имъ приходится говорить о предметахъ самыхъ обыденныхъ? Они оказываются въ этомъ случаѣ совершенно безпочвенными, и то съ дѣтскимъ упорствомъ безъ всякаго основанія отстаиваютъ самую крупную нелѣпость, то съ дѣтскимъ безсиліемъ уступаютъ самому легкому софизму. Что же сказать о молодомъ умѣ средняго уровня, которому приходится встрѣчаться съ софизмами болѣе вѣскими, и притомъ прикрытыми правильно или неправильно авторитетомъ извѣстнаго имени? А между тѣмъ въ случаѣ какихъ-нибудь неудобныхъ увлеченій юности не обращается никакого вниманія на опущенную часть образованія школы, хотя опущеніе это гораздо раньше насъ превосходно разъяснилъ знаменитый нашъ педагогъ Пироговъ въ своихъ «*Вопросахъ жизни*». Вмѣсто существеннаго исправленія школы иногда, какъ будто для очистки совѣсти, увеличивается въ ней число молитвословій, число уроковъ изъ закона Божія. Точно сколько нибудь самостоятельно начинающій дѣйствовать умъ, безъ самодѣятельно добытаго убѣжденія, можетъ успокоиться на религіозной традиціи!?

Мнѣніе, будто умственныя способности женщинъ отъ природы слабѣе мужскихъ, очень часто принимается какъ вполнѣ доказанное. Въ сущности же доказаннымъ его можно будетъ считать лишь тогда, когда развитіе природныхъ дарованій женщины будетъ поставлено въ такія же условія, въ какихъ оно стоитъ для мужчинъ. Только путемъ долгаго опыта можно будетъ придти къ ясному сознанію того, что̀ даетъ женщинамъ природа и что̀ онѣ пріобрѣтаютъ съ образованіемъ. Въ настоящее время такой опытъ предприняла, и то недавно, сѣверная Америка. Въ Европѣ, правда, стали подумывать объ улучшеніи экономическаго положенія женщинъ, допуская ихъ къ нѣкоторымъ спеціальнымъ занятіямъ, какъ-то на почтѣ, телеграфѣ, желѣзныхъ дорогахъ; стали подготовлять женщинъ къ веденію торговыхъ дѣлъ, обучать бухгалтеріи; но этимъ едва лишь коснулись разрѣшенія вопроса, на сколько умственный уровень женщинъ можетъ подойти къ мужскому. Для разрѣшенія такого вопроса потребны болѣе основательныя испытанія и прежде всего учрежденіе такихъ образовательныхъ заведеній, которыя, давая женщинамъ образованіе, какое мужскія заведенія даютъ мужчинамъ, могли бы съ ними конкуррировать.

Учрежденіе подобнаго рода возникло недавно въ сѣверной Америкѣ. Учрежденіе это обращаетъ на себя вниманіе какъ по своей задачѣ, такъ и по своему происхожденію.

Простой гражданинъ Союза, Матью Вассаръ, пріобрѣвшій большое состояніе продолжительнымъ трудомъ, пожертвовалъ, слѣдуя обычаю своихъ соотечественниковъ, значительную часть своего имущества (полмилліона долларовъ) на учрежденіе такого заведенія для женщинъ, которое давало бы имъ то же, что̀ даютъ мужчинамъ высшія академіи, именно основательное, стройное, либеральное образованіе.

Въ Покипси, живописно расположенномъ при Гудзоновомъ заливѣ, городѣ штата Нью-Йоркъ, въ великолѣпной мѣстности возвышается зданіе въ стилѣ Тюильри. Это и есть коллегія Вассара. Оно окружено со всѣхъ сторонъ прелестными ландшафтами, горами, лѣсомъ, водою. Благодаря лѣтнему пребыванію здѣсь богатыхъ людей, мѣстность постоянно украшается.

Зданіе расположено посреди большаго парка; оно имѣетъ въ длину 500 футовъ, выстроено въ 4 этажа и вмѣщаетъ 500 учащихся и 40 профессоровъ. Тотчасъ же по открытіи коллегіи составился комплектъ учениць. Въ Америкѣ родители смотрятъ на образованіе своихъ дочерей не такъ, какъ у насъ; они не считаютъ достаточнымъ, чтобы дѣвочка, походивъ въ школу нѣсколько лѣтъ и пріобрѣтя кое-какія познанія въ музыкѣ и новыхъ языкахъ, тѣмъ и кончила свое образованіе къ 17-ти годамъ, т.-е. въ такомъ возрастѣ, когда только что мозгъ достаточно созрѣлъ для настоящаго ученья. Тамъ самые бѣдные, какъ и самые богатые, считаютъ непремѣннымъ долгомъ дать

своимъ дѣтямъ, и притомъ наравнѣ съ сыновьями и дочерямъ возможно полное образованіе, — приданое, котораго не можетъ отнять у нихъ никакая перемѣна счастья; этому долгу и приносятъ они неизбѣжную жертву, бѣдный — иногда трудно добываемыя деньги, богатый и бѣдный — долголѣтнюю разлуку съ любимымъ дѣтищемъ, появляющимся въ домѣ до 20-тилѣтняго возраста лишь въ качествѣ дорогаго гостя.

Основатель коллегіи, Вассаръ, былъ того мнѣнія, что женщины имѣютъ такія же способности и такое же право на образованіе, какъ и мужчины; онъ и захотѣлъ помочь имъ пріобрѣсть, посредствомъ образованія, тѣ преимущества, какими до сихъ поръ пользовалась только одна половина человѣческаго рода. Кромѣ того онъ считалъ высшее образованіе женщинъ важнымъ уже потому, что, помимо всякой иной дѣятельности, онѣ имѣютъ неотъемлемое призваніе, въ качествѣ матерей, воспитывать подростающее поколѣніе какъ гражданъ свободной націи.

Въ коллегію Вассара поступаютъ дѣвушки не моложе 15-ти лѣтъ и притомъ онѣ принимаются не иначе, какъ съ условіемъ пробыть въ коллегіи, по крайней мѣрѣ, одинъ полный, въ 40 недѣль, учебный годъ, который начинается 15-го сентября и оканчивается концомъ іюня. Въ коллегіи два раздѣльныхъ курса: одинъ классическій, другой — естественный и новыхъ языковъ.

Всякой, вступающей въ коллегію предоставляется право избрать одинъ изъ этихъ курсовъ. Вступленію предшествуетъ общій экзаменъ изъ слѣдующихъ предметовъ: четырехъ книгъ Юлія Цезаря, четырехъ рѣчей Цицерона, шести книгъ Виргилія и всей латинской грамматики; высшей алгебры, реторики и всеобщей исторіи. Спеціальные экзамены по классическому курсу требуютъ еще слѣдующихъ познаній: три книги Ксенофонта «Анабазисъ» и грамматику до синтаксиса (по учебнику Кюнера); по естественному курсу требуется вмѣсто греческаго, знаніе французскаго языка въ такомъ же объемѣ.

Для подготовленія къ такому экзамену, равно и для начинающихъ по латинскому, греческому, французскому языкамъ и алгебрѣ, учрежденъ при коллегіи приготовительный классъ. Для поступленія въ этотъ классъ дѣвушки должны знать всю ариѳметику, географію, англійскую грамматику и исторію Соединенныхъ Штатовъ. При недостаточныхъ познаніяхъ по этимъ предметамъ, можно пріобрѣсть необходимыя для поступленія въ приготовительный классъ знанія въ самой коллегіи. Пребываніе въ приготовительномъ классѣ соразмѣряется съ степенью познаній каждой ученицы; поэтому оно бываетъ различно. Ученіе для обоихъ курсовъ полагается по четыре года, по прошествіи которыхъ производятся экзамены на дипломъ, совершенно такъ, какъ это существуетъ въ мужскихъ академіяхъ. Ходъ преподаванія и изученіе предметовъ для каждаго года точно опредѣлены, и только

въ третьемъ и четвертомъ году предоставляется воспитанницамъ право избрать себѣ тотъ или другой предметъ.

Отдѣлы классическаго курса слѣдующіе. Первый семестръ: Титъ Ливій, латинскія сочиненія, греческій синтаксисъ (по Кюнеру) и греческія сочиненія, высшая алгебра, англійскія сочиненія. Второй семестръ: Цицерона «De Senectute» и «De Amicitia», латинскія сочиненія, шесть книгъ Гомеровой Иліады, греческая грамматика и сочиненія, геометрія, англійскія упражненія въ слогѣ. Третій семестръ: «Аяксъ» Софокла, греческія сочиненія, тригонометрія, реторика. Четвертый семестръ: Оды Горація и «De arte poetica», «Эсхилъ», «Агамемнонъ», греческія сочиненія, ботаника и зоологія, упражненія въ англійской этимологіи. Пятый семестръ: Тацита «Германія» и «Агрикола», французская грамматика, физика, геологія и физическая географія, логика и народное хозяйство, лекціи изъ исторіи англійскаго языка. Шестой семестръ: Мольера «Тартюфъ» или Расина «Аталія», Платона «Федра», аналитическая геометрія, послѣдній отдѣлъ физики, исторія англійской литературы. Седьмой семестръ: метафизика, анатомія, химія (по Штеккарду и Вельсу), астрономія, нѣмецкая и итальянская грамматика и чтеніе; Цицерона «Тускуланы». Наконецъ восьмой семестръ: нравственная философія, физіологія, астрономія, «Ифигенія» Гёте, Данте, греческіе лирики.

Отдѣлы естественнаго курса и новыхъ языковъ слѣдующіе. Первый семестръ: Ливій, латинскія сочиненія, французская грамматика, Скрибъ и Расинъ, высшая алгебра, англійскія сочиненія. Второй семестръ: Цицерона «De Senectute» и «De Amicitia», латинскія сочиненія, французская лексикологія, Расинъ и Сувестръ, геометрія, ботаника съ экскурсіями, англійскія упражненія въ слогѣ. Третій семестръ: французскій синтаксисъ и упражненія, Корнель, тригонометрія, геологія и минералогія, соединенныя съ работами въ лабораторіи и экскурсіями, англійскія сочиненія. Четвертый семестръ: нѣмецкая грамматика, французская лексикологія, Мольеръ и Тёпферъ, аналитическая геометрія, зоологія съ работами въ лабораторіи и экскурсіями, англійскія упражненія въ этимологіи и сочиненіи. Пятый семестръ: нѣмецкая грамматика, Шиллера «Вильгельмъ Тель», французская статистика и исторія литературы, переводы, физика, физическая географія, астрономія, лекціи исторіи англійскаго языка. Шестой семестръ: нѣмецкая грамматика, Шиллера «Валенштейнъ», переводы съ англійскаго языка на нѣмецкій, этимологія и синонимы, французская грамматика, вольные переводы, передѣлки, астрономія и физика, исторія англійской литературы. Седьмой семестръ: метафизика, анатомія, химія, сферическая астрономія; понѣмецки «Торквато Тассо» Гёте и вольные переводы, итальянская грамматика и чтеніе, логика и народное хозяйство. Восьмой семестръ: нравственная философія,

физіологія, астрономія, нѣмецкая, французская и итальянская литература.

Въ обоихъ, идущихъ параллельно курсахъ, дается возможность получить образованіе по каждому изъ двухъ методовъ, относительно значенія которыхъ педагоги до сихъ поръ еще спорятъ. Въ коллегіи дается просторъ какъ для классическаго, такъ и для реальнаго образованія, при чемъ не выражается предпочтенія ни тому, ни другому. Классическое образованіе, долгимъ опытомъ признается за лучшее для выправки ума; между тѣмъ какъ реальное, направленное болѣе къ практической жизни и непосредственнымъ потребностямъ, защищаютъ въ настоящее время передовыя педагоги; оно болѣе популярно и въ другихъ кружкахъ.

Первые два года обоихъ курсовъ имѣютъ главною цѣлью приготовить дѣвушекъ къ настоящимъ научнымъ занятіямъ, наступающимъ только на третій и четвертый годъ. Опытъ показалъ, что допущеніе къ подобнымъ занятіямъ 15 — 16-лѣтнихъ дѣвушекъ безъ такой подготовки есть потеря времени и труда. Да и у насъ самая слабая сторона высшаго женскаго воспитанія состоитъ въ томъ, что изъ стремленія къ внѣшнему блеску дѣвушкамъ сообщаютъ преждевременно слишкомъ много высшихъ познаній въ короткій періодъ времени. Нашимъ женщинамъ выдаются свидѣтельства въ изученіи такихъ наукъ, которыя онѣ знаютъ лишь по имени и поверхности. Онѣ помнятъ имена великихъ писателей и заглавія ихъ сочиненій, но не знаютъ содержанія ни одного изъ нихъ. Все, заученное ими въ классѣ и къ экзамену, онѣ не удерживаютъ долго въ памяти. Въ коллегіи Вассара это невозможно. Здѣсь начинается ученье на прочно положенномъ основаніи, и постепенно, безъ скачковъ, переходитъ отъ нисшаго къ высшему; даже при значительно большемъ пространствѣ времени и лѣтъ, ученье это не переходитъ за положенный предѣлъ. Дѣвушки, желающія, по окончаніи четырехлѣтняго курса, довершить свое образованіе, могутъ оставаться еще годъ, во время котораго онѣ продолжаютъ общее образованіе и выбираютъ спеціальность, которою и занимаются подъ руководствомъ профессора. Окончившія обыкновенный курсъ получаютъ дипломъ первой степени или баккалавра; тѣ же, которыя остаются еще годъ, получаютъ дипломъ второй степени.

Персоналъ учителей въ значительной части составляютъ женщины; во главѣ ихъ, вмѣстѣ съ директоромъ, который въ то же время и профессоръ философіи, стоитъ надзирательница (Lady Principal); профессорами женщины по слѣдующимъ предметамъ: астрономіи (она же управляетъ обсерваторіею), физіологіи и гигіены (она же состоитъ и докторомъ при коллегіи), гимнастики (physical training), латинскаго (2), математики и естественныхъ наукъ, музыки (8), пѣнія, англійскаго языка и

литературы (4), греческаго языка, нѣмецкаго языка и литературы, французскаго языка (2), ботаники, математики; одна женщина завѣдываетъ библіотекою; слѣдовательно всего 26 учительницъ при 6 — 8 учителяхъ.

Кромѣ того въ коллегіи есть все необходимое для изученія музыки и живописи. Картинная галлерея заключаетъ въ себѣ 500 картинъ масляными и водяными красками, и множество мелкихъ гравюръ и литографій; при этомъ большое число книгъ по литературѣ искусства, счетомъ около 1,000. По части музыки преимущественно изучается нѣмецкая.

Но лучшее украшеніе коллегіи это ея библіотека, которая заключаетъ болѣе 7,000 томовъ лучшихъ сочиненій на различныхъ языкахъ и ежегодно увеличивается. Находящаяся при библіотекѣ читальня съ тысячами газетъ, журналовъ и брошюръ открыта цѣлый день для учащихся. Кромѣ того въ заведеніи естъ нѣсколько музеевъ по естественной исторіи, геологіи и минералогіи, а на возвышеніи, близь главнаго зданія помѣщается обсерваторія, телескопъ которой считается вторымъ по величинѣ въ Соединенныхъ Штатахъ.

При умственномъ развитии не забывается и физическое. Въ особенномъ зданіи, «Каллистеніумѣ», устроена, кромѣ музыкальныхъ залъ, школа для верховой ѣзды и «Гимназіумъ». Всѣ учащіяся обязаны упражняться въ гимнастикѣ и верховой ѣздѣ; при этомъ наблюдаютъ не только за развитіемъ силы, но и граціи. Для этихъ упражненій дѣвушки надѣваютъ особое платье, покроя блузы, изъ мягкой сѣрой шерстяной матеріи съ пурпуровымъ шарфомъ, соразмѣрной длины. Упражненія сопровождаются музыкой, а при маршировкѣ всѣ поютъ хоромъ пѣсню. Единственнымъ украшеніемъ залы, въ которой производятся эти упражненія, служитъ статуя Венеры Милосской. Въ центрѣ зданія устроенъ манежъ, находящійся подъ вѣдѣніемъ бывшаго кавалерійскаго офицера; едва-ли найдется хоть одна между дѣвушками, которая не умѣла бы съ ловкостью, граціею и силою, управлять лошадью. Невдалекѣ, на живописно окруженномъ тѣнистыми деревьями озерѣ, въ хорошую погоду совершаются поѣздки въ лодкахъ, а зимою на этомъ озерѣ катаются на конькахъ.

Дисциплина въ заведеніи чрезвычайно сильна и строго соблюдается надзирательницею. Каждой вступающей воспитанницѣ дается росписаніе на 18 страницахъ; въ немъ изложены всѣ правила заведенія отъ поступленія въ него до выхода, съ перваго часу дня до послѣдняго. Вотъ неизмѣнно соблюдаемый порядокъ дня: встаютъ въ 6 часовъ, 6 ч. 45 минутъ утренняя молитва, 7 ч. завтракъ, 7 ч. 30 м. уборка комнатъ, 7 ч. 40 м. время для общаго сбора, отъ 9 до 12 ч. 40 м. утренніе уроки, 1 ч. обѣдъ, отъ 2 ч. до 2 ч. 40 м. отдыхъ, отъ 2 ч. 45 м. до 5 ч. 45 м. послѣобѣденные уроки, 6 ч. чай, 6 ч. 30 м. молитва,

отъ 8 до 9 ч. приготовленіе къ урокамъ, отъ 9 ч. 40 м. до 10 ч. отходъ ко сну; въ 10 ч. свѣчи должны быть погашены. Какъ обѣды, такъ и молитвы общія. Такой порядокъ предписывается для пяти дней, не считая субботы и воскресенья: послѣднее посвящается удовольствіямъ и отдохновенію, а суббота — молитвѣ. Характеръ заведенія ясно выраженный христіанско — религіозный. Хотя всячески стараются избѣгать всякаго раздѣленія по вѣроисповѣданіямъ, но за то сильно наблюдаютъ за исполненіемъ христіанскихъ обязанностей и ежедневнаго богослуженія: утренняя и вечерняя молитвы совершаются ежедневно въ часовнѣ, проповѣдь и обѣдня бываютъ по воскресеньямъ и всѣ обязаны на нихъ присутствовать. Каждое воскресенье ученицы собираются для изученія священнаго писанія и одинъ или два раза въ недѣлю бываютъ религіозныя собранія, присутствіе на которыхъ необязательно. Въ коллегіи составилось даже общество религіозныхъ изслѣдованій, собирающееся ежемѣсячно и посвящающее себя также благотворительности.

Кромѣ того въ нѣсколько лѣтъ въ заведеніи образовалось нѣсколько свободныхъ союзовъ; такъ организовалось общество садоводства; члены его обязаны содѣйствовать поддержанію и обработкѣ садовъ и должны покрайней мѣрѣ четверть часа въ день сами въ немъ работать. Есть французское общество «La Societé de Sévigné», которое собирается еженедѣльно для разговоровъ на французскомъ языкѣ подъ руководствомъ учительницы. Такіе же разговоры ведутся и на другихъ новыхъ языкахъ, преимущественно на нѣмецкомъ. По достовѣрнымъ свидѣтельствамъ очевидцевъ молодымъ американкамъ, послѣ двухгодоваго изученія, гораздо болѣе знакомы нѣмецкіе классики, нежели дѣвушкамъ въ Германіи. Девизомъ червертаго курса въ учебномъ 1868 — 69 году были слова Гёте «Свѣту, больше свѣту»; каждый членъ общества носилъ на груди золотую булавку съ написаннымъ на ней эмалью девизомъ. Въ томъ же году былъ устроенъ нѣмецкими ученицами вечеръ, на которомъ разыграны нѣкоторыя сцены изъ драмъ Шекспира и Гёте, и маленькія комедіи.

Кромѣ лекцій, регулярно читаемыхъ профессорами заведенія зимою, ежегодно приглашается нѣсколько лучшихъ лекторовъ изъ ученыхъ и литературныхъ кружковъ Соединенныхъ Штатовъ для отдѣльныхъ лекцій въ коллегіи. Основатель коллегіи оставилъ по завѣщанію (онъ умеръ лѣтомъ 1868 г.) 50,000 долларовъ, какъ фондъ для лекцій. Директоръ коллегіи отличный лекторъ Шекспира и составляетъ отъ времени до времени вечера въ College family.

Почти всѣ молодыя дѣвушки поступаютъ въ коллегію съ желаніемъ изучить что либо дѣльное, а кто поступаетъ безъ такого желанія, тотъ пріобрѣтаетъ его въ виду хорошаго примѣра, даваемаго другими.

Но при всемъ прилежаніи и серьёзности, юность беретъ здѣсь свои права; молодыя дѣвушки не уступаютъ своимъ товарищамъ студентамъ въ своевольствѣ. Можетъ быть, нигдѣ такъ не оправдывается мнѣніе, что законы созданы для того, чтобы ихъ преступали, какъ въ этихъ заведеніяхъ; дисциплина иногда ложится черезчуръ тяжело, особенно для американской молодёжи, выростающей въ родительскомъ домѣ при чрезвычайно большой свободѣ.

Зимою 1868—69 г. понадобилось сдѣлать нѣкоторыя починки въ газопроводѣ, такъ что впродолженіе нѣсколькихъ вечеровъ освѣщеніе газомъ было замѣнено свѣчами. Каждой ученицѣ была выдана свѣча, часъ для отхода ко сну былъ назначенъ, и директоръ возвѣстилъ его слѣдующими словами: «At nine o'clock put out your candles»; слова эти можно было перевести: «въ 9 часовъ гасите ваши свѣчи», — или буквально: «въ 9 часовъ выставьте вонъ ваши свѣчи». Ученицы воспользовались этимъ двойнымъ смысломъ, чтобы сочинитъ заговоръ противъ начальства, и ровно въ 9 ч. сотни зажженныхъ свѣчей были выставлены на полъ въ корридорѣ изо всѣхъ дверей. Свѣчи горѣли до 10 часовъ, пока ночной сторожъ, дѣлая свой обходъ, не погасилъ ихъ.

Молодыя дѣвушки занимаются съ живымъ интересомъ и политикой. За каждымъ выборомъ онѣ слѣдятъ съ волненіемъ; нерѣдко многія изъ нихъ надѣваютъ трауръ, когда республиканская партія, къ которой онѣ принадлежатъ, потерпѣла пораженіе; тогда тѣ, которыя принадлежатъ къ партіи демократовъ, одѣваются въ пестрые цвѣта флага уніи.

Каждая ученица платитъ за свое ученіе и содержаніе 400 долларовъ въ годъ; особая плата полагается за музыку, рисованіе и верховую ѣзду. По американскимъ цѣнамъ, эта цѣна чрезвычайно умѣренная и возможна только для учрежденія, столь богато надѣленнаго при своемъ основаніи, какъ коллегія Вассара. Здѣсь не только все дешевле, но и все, какъ-то: помѣщеніе, пища и проч., гораздо лучше, нежели въ другихъ заведеніяхъ подобнаго рода. Надо быть ужь очень избалованной, чтобы не удовольствоваться даваемымъ въ коллегіи содержаніемъ, какъ относительно качества, такъ и количества. На завтракъ даютъ горячее мясное или рыбное блюдо, бифштексъ, котлеты и т. п., къ этому яица, зелень, теплое печенье, масло, кофе, чай и свѣжее молоко; на обѣдъ — мясной супъ, жаркое съ зеленью, пудингъ или мороженое. Послѣднее американки особенно любятъ, и съѣдаютъ его въ огромномъ количествѣ; для 400 лицъ приготовляютъ не менѣе 150 квартъ мороженаго. Вечеромъ къ чаю даютъ иногда холодное мясо, но рѣдко; обыкновенно же варенье, фрукты, пирожки, хлѣбъ и масло; для тѣхъ, которыя не пьютъ чаю, даютъ молоко.

Ученицы должны быть всегда просто одѣты, чтобы не отвле-

кать своего вниманія и мыслей отъ серьёзныхъ занятій; но по воскресеньямъ и въ праздничные дни американки вознаграждаютъ себя, и одѣваются въ шелкъ, кружева и даже брильянты. Въ одной квартирѣ обыкновенно живутъ отъ четырехъ до пяти молодыхъ дѣвушекъ; она состоитъ изъ гостиной и двухъ или трехъ спаленъ; мёбель, по американской привычкѣ, проста, но удобна, полъ покрытъ ковромъ. Картины, цвѣты, произведенія искусствъ, качалка, безъ которой американка не можетъ обойтись, все это пріобрѣтается на собственныя средства; благодаря этому, комнаты представляютъ чрезвычайно пріятный, оживленный видъ, и не имѣютъ однообразія другихъ пансіоновъ. Комната каждой учительницы выходитъ въ тотъ же корридоръ, куда выходятъ комнаты и воспитанницъ. Профессора, всѣ женатые, имѣютъ тутъ же семейныя квартиры. Въ каждомъ корридорѣ есть по четыре ванныхъ комнаты, въ которыхъ во всякое время, днемъ и ночью, можно имѣть теплую воду; два раза въ недѣлю воспитанницы должны брать ванну. Во всѣхъ комнатахъ и корридорахъ устроена вентиляція, такъ что воздухъ въ домѣ всегда чистый и самый здоровый, дующій съ близь лежащихъ горъ Кэтскиль и Фискиль. Прогулки на чистомъ воздухѣ, по крайней-мѣрѣ 40—60 минутъ ежедневно вмѣняются въ обязанность ученицамъ. Поэтому состояніе здоровья въ коллегіи въ высшей степени удовлетворительно.

Въ rez-de-chaussée, рядомъ съ квартирами и классами, помѣщаются касса и различныя конторы. Здѣсь же можно купить всѣ писчія принадлежности, книги и учебныя пособія. Въ задней части дома находятся хозяйственныя помѣщенія: кухни, пекарня и великолѣпная прачешная, гдѣ, несмотря на паровыя машины, постоянно работаютъ 20 и болѣе женщинъ. Если справедливо, что по потребленію количества мыла можно заключать о степени образованности, то американскій народъ самый образованный; чистое бѣлье такъ же необходимо для американки, какъ и свѣжій воздухъ.

Въ заключеніе нужно сказать нѣсколько словъ о самомъ важномъ днѣ въ году, когда бываетъ роздача дипломовъ и выпускъ ученицъ. Тотчасъ послѣ празднествъ, происходящихъ до обѣда, начинается разъѣздъ воспитанницъ по домамъ. Въ послѣднемъ году выпущены изъ коллегіи 35 дѣвушекъ съ дипломами; передъ отъѣздомъ нѣкоторыя изъ нихъ прочитали лекціи на различныхъ языкахъ, продекламировали стихи и произнесли прощальныя рѣчи. Выпускаемыя молодыя дѣвушки выходятъ изъ заведенія съ яснымъ сознаніемъ своихъ обязанностей и вѣрно понимаемаго призванія въ жизни.

НАШИ БУРИ И НЕПОГОДЫ.

Когда я сравниваю настоящее время съ минувшимъ—минувшимъ, которое было даже не очень давно, напримѣръ, лѣтъ 30 или 40 назадъ, то думаю, намъ ли не жить счастливо, т.-е. спокойно, довольно, съ свѣтлымъ взглядомъ въ будущее. Изъ безчисленнаго множества поколѣній, населившихъ и обстроившихъ русскую землю, мы первые счастливцы, которые имѣемъ право называть себя не обывателями только, а нѣкоторымъ образомъ гражданами русской земли, которымъ дана извѣстная свобода мысли и самодѣятельности, извѣстная доля участія въ управленіи, данъ народный судъ, у которыхъ наконецъ de jure нѣтъ, не осталось и тѣни рабства нигдѣ, ни даже въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ уголкахъ обширнаго отечества. Правда, все это только пока въ начаткахъ, но это такіе начатки, объ осуществленіи которыхъ не мечтали люди даже ближайшихъ къ намъ поколѣній; это такіе начатки, владѣя которыми можно безбоязненно и свѣтло смотрѣть въ будущее и работать съ наслажденіемъ. Еслибы какой нибудь герой «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма» взглянулъ на наше настоящее, онъ, конечно, сказалъ бы съ восторгомъ въ простотѣ души: «да у васъ не мишура только, а дѣйствительное золото; вы настоящіе европейцы; вамъ и умирать не надо». Онъ никогда не увидалъ бы, что мы, новоиспеченные европейцы, ничуть не блаженнѣе его, — бывшаго раба или, что̀ еще хуже, рабовладѣльца варварской Россіи второй половины XVIII столѣтія, что мы часто гуртомъ не спимъ отъ такихъ вещей, отъ которыхъ не былъ потревоженъ въ своемъ безмятежномъ снѣ ни одинъ изъ его современниковъ, что, не пользуясь въ дѣствительности политическимъ существованіемъ, мы то и дѣло терпимъ и переживаемъ политическія бури.

Читатель понялъ, конечно, о какихъ буряхъ мы ведемъ рѣчь. Онъ знаетъ ихъ такъ же хорошо, какъ и мы.

Живетъ себѣ русское общество спокойно и смирно; каждый сидитъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, занимаясь своимъ дѣломъ; вообще вся страна наслаждается, по выраженію одного публициста, глубокимъ земскимъ миромъ. На

отечественномъ небосклонѣ всюду свѣтло и ясно, никто не видитъ нигдѣ и не предчувствуетъ никакого признака невзгоды и бѣды. Какъ вдругъ въ это время, неизвѣстно откуда, вылетаетъ, на подобіе бомбы, нѣкто Нечаевъ и съ шумомъ и трескомъ падаетъ среди изумленнаго общества, приводя всѣхъ въ страхъ и смущеніе.

Кто такой Нечаевъ? Что̀ такое Нечаевъ? Чей онъ посланникъ? Во имя чего и къ кому онъ явился? Какія его цѣли и намѣренія? Общество ничего этого не знаетъ и до Нечаева нѣтъ ему, повидимому, никакого дѣла. Нѣтъ, говорятъ, дѣло есть; Нечаевъ совершилъ преступленіе изъ п-о-л-и-т-и-ч-е-с-к-и-х-ъ цѣлей, и у него есть сообщники въ средѣ общества. Положимъ такъ, но на это есть благоустроенная полиція, которой дано право не только преслѣдовать, но и предупреждать преступленія. Обществу опять-таки до этого нѣтъ никакого дѣла, и оно имѣло бы, повидимому, полное право оставаться спокойнымъ и заниматься своимъ дѣломъ.

Однако, нѣтъ. Полиція, видимо, не знаетъ ничего твердо опредѣленнаго ни о замыслахъ Нечаева, ни о его сообщникахъ и чего-то ищетъ. По обыкновенію общество приходитъ въ смущеніе. Въ чемъ состоитъ нечаевское дѣло, остается для всѣхъ неизвѣстнымъ, и публика, естественно, старается поднять завѣсу съ этой тайны. Но какъ удовлетворить этому любопытству? Единственное средство въ ея рукахъ — это собрать данныя и изъ этихъ данныхъ извлечь ключъ къ тайнѣ. Но послѣ долгихъ соображеній оказывается, что изъ собранныхъ данныхъ ни къ какимъ общимъ выводамъ придти нельзя. Между арестованными находятся люди такихъ различныхъ состояній, званій, занятій, привычекъ, вращающіеся притомъ въ кружкахъ до того разнообразныхъ, что, очевидно, въ большей части ни между ими самими, ни между ими и Нечаевымъ никакихъ связей быть не могло. Общество теряетъ единственную надежду, бывшую въ его рукахъ, для успокоенія себя. Тогда является ему на помощь услужливая молва съ своими догадками, и производитъ рѣшительное смятеніе. Начинаютъ говорить, что Нечаевъ и нѣкоторые изъ его сообщниковъ, которыхъ называютъ и по именамъ, — разумѣется, — одни однихъ, другіе другихъ, — обличены въ важномъ политическомъ заговорѣ. И весь этотъ говоръ имѣетъ въ своемъ основаніи что-то смутное: толкуютъ о знакомствѣ, какихъ-то записочкахъ, адресахъ, фотографическихъ карточкахъ и т. п. «Помилуйте, это дѣло невозможное, — говорятъ люди солидные, — выслушивая такое показаніе молвы. Вѣдь и Нечаевъ и сообщники его были не преступниками назадъ тому два, три мѣсяца. Мало ли съ кѣмъ могли они имѣть случайныя сношенія и отношенія? Мало ли чьи могутъ быть найдены у нихъ записки, карточки, адресы? Да наконецъ карточки, адресъ могли попасть къ нимъ даже безъ вѣдома того лица, которое они обозначаютъ?» Но говоря это,

солидные люди втайнѣ все-таки остаются неувѣрены въ своихъ предположеніяхъ и колеблются. Въ это время услужливая молва приливаетъ съ новыми свѣдѣніями. Начинаютъ говорить, что родилось убѣжденіе, что все зло въ Россіи происходитъ отъ размноженія нигилистокъ; что, поэтому, къ нечаевскому дѣлу присоединяется дѣло о нигилисткахъ. Но молва представляетъ такіе недостаточные, малочисленные и шаткіе факты и pro и contra для своего извѣстія, что никто не знаетъ, на чемъ остановиться — и отъ этого всѣ приходятъ еще въ большее смущеніе. Но молва не останавливается на этомъ. Быстро несетъ она новый потокъ свѣдѣній и слуховъ. Начинаютъ говорить, что убѣдились, что зла нельзя будетъ никогда истребить, если не истребить причинъ, его порождающихъ. Эти причины — ультра-либеральныя, соціалистическія и коммунистическія идеи, распространяемыя въ обществѣ и посредствомъ печати, и посредствомъ разныхъ обществъ, и посредствомъ устнаго слова. Это приводитъ въ окончательное смятеніе всѣхъ. Какъ провести разграничительную черту между ультра-либерализмомъ и просто либерализмомъ? Кто будетъ проводить эту черту? Что, далѣе, будетъ *признаваться* соціалистической и коммунистической идеей, и что не будетъ признаваться? Кончается тѣмъ, что всѣ начинаютъ прятаться по норамъ и каждый въ уединенномъ самосозерцаніи и самоуглубленіи начинаетъ себя испытывать: не написалъ-ли онъ гдѣ нибудь, не сказалъ-ли въ обществѣ чего нибудь такого, что̀ могло быть понято и растолковано другими за идею ультра-либеральную, соціалистическую или коммунистическую. О дѣлѣ Нечаева начинаютъ говорить съ осторожностію и оглядкою, развѣ только при самыхъ короткихъ друзьяхъ; имя его произносится полушопотомъ, чтобъ не услыхала прислуга дома. Всѣ, не чувствуя за собой никакой вины, начинаютъ себя считать чуть не виноватыми. Паника доходитъ до смѣшнаго. Разсказываютъ, что одинъ ех-профессоръ, отлучившійся изъ дому по дѣламъ очень рано и возвратившійся домой только къ обѣду,— за обѣдомъ съ глазу на глазъ съ своей женой, — попросилъ послѣднюю разсказать ему газетныя новости этого дня. Жена разсказала разныя новости и въ числѣ прочихъ сообщила ему, что Нечаевъ убѣжалъ за границу. Какъ только ех-профессоръ услыхалъ имя: Нечаевъ, то поблѣднѣлъ и затрясся. Поспѣшно всталъ онъ изъ-за стола, подошелъ къ одной двери, посмотрѣлъ, нѣтъ-ли кого за ней, подошелъ къ другой, произвелъ и здѣсь ту же ревизію,—и только тогда, нѣсколько успокоившись, возвратился за столъ и сказалъ женѣ глухимъ голосомъ: «душа моя! мы не должны называть имени этого человѣка; если-бы въ газетахъ было напечатано, что разверзлась земля и поглотила *его*, мы должны бы сказать: что разверзлась земля и поглотила нѣкотораго человѣка, — только, а не имя рекъ.» — «Отчего же?» спросила съ изумленіемъ испуганная жена. «От-

того, душа моя, отвѣчалъ ех-профессоръ,—что времена такія... у насъ есть прислуга... Услышать фамилію, пойдутъ болтать...» «Но вѣдь ты невиноватъ ни въ чемъ!» — возразила-было супруга. Но ех-профессоръ былъ, очевидно, менѣе ея довѣрчивъ въ этомъ случаѣ. «Невиноватъ, — отвѣчалъ онъ, — конечно, но прежде, чѣмъ узнаютъ, что я невиноватъ, придется, пожалуй, *посидѣть*».

Я человѣкъ отъ природы характера самаго робкаго. Когда настаетъ общественная паника, я начинаю трусить едва-ли не болѣе всѣхъ. Чувство трусости есть самое скверное чувство; это я имѣлъ случай испытать много разъ въ моей жизни. Но если природа наградила кого-нибудь этимъ чувствомъ, то съ нимъ ничего не подѣлаешь. Остается одно: быть вѣчно на сторожѣ противъ разныхъ невзгодъ и принимать во время благопотребныя мѣры. Такъ и веду себя я.

Еще съ 1862 г. убѣжденный И. С. Тургеневымъ я порѣшилъ, что въ наше время всякая связь съ молодымъ поколѣніемъ опасна, и поставилъ себѣ въ священный долгъ нетолько не заводить вновь знакомствъ съ людьми, недостигшими по крайней мѣрѣ *тридцати-пятилѣтняго* возраста, но раззнакомиться и прекратить всякія сношенія даже и съ тѣми изъ старыхъ знакомыхъ, которые моложе этихъ лѣтъ. Это рѣшеніе исполняю я твердо и неуклонно. Сколько ни просятъ меня разные мои теперешніе почтенные и уважаемые мною знакомые, имѣющіе по 50 и болѣе лѣтъ отроду, чтобъ я позволилъ имъ ввести въ мой домъ ихъ племянниковъ, внучковъ и другихъ молодыхъ людей, аттестуя ихъ какъ людей меня уважающихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ достойныхъ и благонамѣренныхъ, — я отвѣчаю постоянно всѣмъ одно и то же: «не могу; времена теперь не такія». Что касается до особъ женскаго пола, то я положилъ допускать въ мой домъ: дѣвицъ и замужнихъ женщинъ не ранѣе 30-ти лѣтняго возраста, если только онѣ не стригутъ своихъ волосъ и если моими почтенными знакомыми будетъ удостовѣрено, что онѣ не заражены ядомъ нигилизма; если же стригутъ волосы, то, при должномъ ручательствѣ въ ихъ благонадежности, таковыя допускаются не ранѣе 40 лѣтъ отроду.

Далѣе, не имѣя за собою ни родоваго, ни благопріобрѣтеннаго, проживая на маленькія средства, я рѣшился чуть не половину зарабатываемаго мною дохода употреблять на то, чтобы нанимать приличную квартиру съ швейцаромъ. Дорогая квартира лежитъ тяжелымъ бременемъ на моемъ маленькомъ хозяйствѣ и стѣсняетъ меня на каждомъ шагу: у меня нѣтъ порядочнаго стула, на которомъ можно бы было сѣсть вполнѣ безопасно, я отказываю себѣ иногда въ необходимой для моего здоровья рюмкѣ вина, мой туалетъ не лучше туалета нѣмецкаго бурша, но за всѣ эти лишенія меня утѣшаетъ мысль, что у меня есть швейцаръ. Швейцаръ — великое дѣло въ нашей жизни. Мимо

его не пройдетъ ни одинъ изъ идущихъ въ мою квартиру. Но мнѣ нравится особенно то, что Богъ одарилъ моего швейцара значительною дозою проницательности, любопытства, памяти, и что эти качества сохранились въ немъ во всей силѣ, несмотря на его преклонныя лѣта. Онъ знаетъ не только имена, званія, занятія, но даже мѣста жительства всѣхъ моихъ знакомыхъ. Я такъ доволенъ этимъ, что иногда доставляю себѣ особенное удовольствіе слегка поэкзаменовать его: твердо ли онъ всѣхъ знаетъ, не позабываетъ ли, не перепутываетъ ли. Вотъ иду я домой съ обычной прогулки моей послѣ обѣда: швейцаръ отворяетъ мнѣ дверь и обыкновенно старается ради любезности сказать мнѣ что нибудь: «а что погода, кажется, все не поправляется», начинаетъ онъ. «Да, — отвѣчаю я. А былъ кто нибудь безъ меня?» «Была, — какъ ее, — не вспомню вдругъ имени, — редакторша (такъ называетъ онъ сочинительницъ), что живетъ на Невскомъ въ домѣ такомъ-то». Или: «былъ старичокъ сочинитель, который къ вамъ ходитъ, небольшаго роста, у котораго жена такая-то (начинается описаніе жены); живетъ на Лиговкѣ». «А!» говорю я улыбаясь и весело поднимаюсь вверхъ въ свою квартиру. Но еще болѣе мнѣ нравится то, что швейцаръ мой находится въ самой тѣсной дружбѣ съ нашимъ околодочнымъ. Послѣдній то и дѣло торчитъ около него у подъѣзда или они распиваютъ вмѣстѣ чай въ каморкѣ швейцара. «Вѣдь о чемъ нибудь разговариваютъ же они», думаю я про себя: «проводя цѣлый день вмѣстѣ? О чемъ же они разговариваютъ? Конечно, о жильцахъ, которые живутъ въ домѣ, о знакомыхъ, которые къ нимъ ходятъ, о томъ, кто эти знакомые и проч. Однимъ словомъ, околодочный знаетъ все то, что знаетъ и швейцаръ», заключаю я и потираю себѣ руки отъ удовольствія. «Никто, значитъ», продолжаю я думать: «не можетъ заподозрить меня въ знакомствѣ и сношеніяхъ съ людьми неблагонамѣренными; справка на лицо; жизнь моя какъ на ладони?» Но какъ ни завидно положеніе мое въ сравненіи съ другими, прихотямъ смертнаго, какъ извѣстно, нѣтъ предѣловъ... Я желалъ бы, чтобы не только по наружности, но даже внутри моего жилища постоянно присутствовалъ какой нибудь любопытный консерваторъ, который наблюдалъ бы за каждымъ моимъ шагомъ и движеніемъ, выслушивалъ каждое мое слово. До того я невиненъ, что могъ бы, кажется, предстать во всякое время и всюду...

Казалось бы, мнѣ ли не быть спокойнымъ, что бы ни происходило въ общественной жизни. И, однакожь, когда начинается общая паника, я впадаю въ смущеніе, если не больше, то ни чуть не меньше всѣхъ другихъ. Голова начинаетъ горѣть, начинаютъ шевелиться и бродить разныя скверныя мысли, такъ что ни о чемъ думать невозможно; въ головѣ то и дѣло вертится вопросъ: «да невиненъ ли ты дѣйствительно? Не воображается ли только тебѣ, что ты невиненъ?» И вотъ я самоуглубляюсь, и подвергаю себя самому строгому само-

испытанію. Я начинаю съ того, что припоминаю всѣхъ заподозрѣнныхъ «Московскими Вѣдомостями» лицъ, и спрашиваю себя: «не былъ ли ты знакомъ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ даже когда-нибудь? Не знаешь ли ихъ? Не встрѣчалъ ли ихъ гдѣ-нибудь?» По тщательномъ возобновленіи въ памяти всего прошедшаго, на всѣ такіе вопросы получается отвѣтъ рѣшительно отрицательный. Удостовѣрившись, что съ этой стороны *твердо*, я перехожу къ испытанію себя въ отношеніи переписки: «не писалъ ли ты кому-нибудь когда-нибудь писемъ съ *вольнымъ духомъ*, или съ неопредѣленными намеками, которые каждый можетъ растолковать по своему, не раздавалъ ли и не продавалъ ли своихъ карточекъ?» И съ наслажденіемъ снова удостовѣряюсь, что и съ этой стороны *твердо*. Съ ранней молодости моей я отличался отвращеніемъ къ перепискѣ. Писать письмо было для меня такимъ же мученіемъ, какъ дѣлать визитъ. Съ самыми лучшими друзьями я могъ хранить упорное молчаніе впродолженіе цѣлыхъ годовъ, если не представлялось настоятельной необходимости написать по дѣлу, точно такъ же я могъ не посѣщать по цѣлымъ годамъ лицъ для меня самыхъ дорогихъ безъ крайней какой-нибудь нужды. Это много причинило мнѣ огорченій, и стоило многихъ потерь въ жизни; ибо только немногіе, очень близко знавшіе меня друзья мои понимали, что это не что-нибудь преднамѣренное, а таково свойство моей натуры. Было когда-то время, что я самъ огорчался своею неподвижностію, и повременамъ даже предпринималъ твердое намѣреніе исправиться, но этого твердаго намѣренія никогда не хватало и на недѣлю. Теперь только я опытно понялъ, что это свойство, причинявшее мнѣ столько огорченій въ жизни, вовсе недурное свойство, что многіе, напротивъ, у которыхъ руки такъ же слабы на воздержаніе отъ ненужнаго письма, какъ слабъ языкъ на словоизверженіе, должны сильно завидовать мнѣ.

Затѣмъ я обратился къ испытанію себя въ самомъ наиважнѣйшемъ моментѣ человѣческихъ грѣхопаденій, въ устномъ словоизверженіи, но здѣсь почувствовалъ себя еще легче. «Языкъ мой — врагъ мой», говоритъ пословица. Я бы могъ сказать: «Языкъ мой—другъ мой». Несмотря на мою словоохотливость и веселость, въ жизни моей мнѣ случалось терпѣть непріятности отъ промаховъ умолчанія, но никогда отъ словесной распущенности. Всю важность этого качества, которому я прежде не давалъ никакой цѣны, я понялъ только въ послѣднее десятилѣтіе. Трудно представить себѣ общество, гдѣ бы болѣзнь языконеистовства была такъ сильно развита, и похищала столько жертвъ, какъ у насъ. Цѣлые политическіе процессы у насъ велись и ведутся изъ-за словоизверженій, — и сколько погибло отъ этого силъ! Есть люди, которые не могутъ хранить въ себѣ ни одной зародившейся въ ихъ головѣ мысли, ни одного извѣстія, услышаннаго отъ другихъ. Пока они не опорожнятся,

то-есть не разскажутъ того, что̀ у нихъ имѣется, покрайней-мѣрѣ, пяти человѣкамъ, каждому особо, они не могутъ быть спокойны. Даже когда они, повидимому, твердо рѣшаются не говорить чего-нибудь другимъ, вообще сохранить тайну, они не могутъ этого сдѣлать. Ихъ лицевые мускулы и нервы, ихъ тѣлодвиженія измѣняютъ имъ. Сейчасъ видно, что ихъ что-то претъ извнутри, и требуетъ немедленнаго опорожненія. Ужасное несчастіе!

Оставалось еще испытать себя относительно грѣхопаденій по части литературы. Но, вступая въ эту область, я чувствовалъ подъ своими ногами уже твердую почву. Вопервыхъ, литература — дѣло публичное, совершаемое открыто передъ всѣми; вовторыхъ, за нею слѣдятъ столько оффиціальныхъ надзирателей, и столько литературныхъ любопытныхъ консерваторовъ, что въ ней невозможно совершить преступленія, еслибы и хотѣлъ; втретьихъ, для преступленій литературныхъ существуетъ особый слѣдственный и судебный процессъ, отъ котораго никогда не отступаютъ, да и отступить трудно, ибо литература— дѣло тонкое, и преступленіе ея можетъ понимать только спеціалистъ.

Получивъ изъ самаго строгаго самоиспытанія такіе блестящіе результаты, я сдѣлался такъ доволенъ, что готовъ былъ прыгнуть отъ радости. Во мнѣ явилась потребность немедленно излиться въ благодарныхъ чувствахъ.

Въ это время вошла въ мой кабинетъ подруга моей жизни и, увидѣвъ меня, какимъ не видала уже много дней, веселымъ и беззаботнымъ, спросила:

— Что̀ съ тобой?

— Ничего, отвѣчалъ я. — А знаешь что̀, сегодня погода отличная. Не прокатиться ли намъ? Кстати, заѣхали бы въ казанскій соборъ, помолились.

— Что̀ это значитъ?

— Да ничего, отвѣчалъ я.—Давненько ужь не были мы у Чудотворной.

— Гм! однакожь, почему именно сегодня напала на тебя страсть къ богомолью? А у меня тоже есть дѣло къ тебѣ. Ты знаешь, сегодня назначены дебаты объ обществѣ распространенія женскаго образованія, и ты непремѣнно долженъ ѣхать со мною.

Меня немножко передернуло при этихъ словахъ.

— Знаешь, что̀, началъ я. — Теперь не такія обстоятельства, чтобы думать объ основаніи обществъ. Да и сказать ли тебѣ правду, я мало вижу толку въ этихъ обществахъ. Они, мнѣ кажется, убиваютъ только и подъѣдаютъ частную иниціативу людей богатыхъ. Вѣдь вонъ Пибоди — посмотри, какъ дѣйствовалъ. Дастъ тутъ мильйонъ долларовъ, въ другомъ мѣстѣ два, въ третьемъ три, — смотришь, въ одномъ мѣстѣ точно по щучьему велѣнью университетъ выросъ, въ другомъ огромное благотворительное учрежденіе, въ третьемъ... А будь общества,

онъ, пожалуй бы, и вниманія не обратилъ. Дескать, есть кому пещись. Такъ и у насъ. Не будь вашего общества, можетъ, нынѣ же на женское образованіе далъ бы Кокоревъ мильйонъ, Утинъ — другой, Бернардаки — третій, Поляковъ—четвертый. Я называю этихъ богачей только къ примѣру, — а мало ли у насъ такихъ. А учредите вы общество, они скажутъ: теперь есть кому, и помимо насъ, думать о женскомъ образованіи.

— Однакожъ, до сихъ поръ вѣдь никто ничего не далъ? возразила моя подруга.

— Конечно, не далъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы не могли дать. А какъ заведете общество, такъ навѣрно ужь не дадутъ.

— Ну, это еще бабушка на двое сказала, отвѣчала она:—а ты все-таки со мною поѣдешь.

«Вотъ тебѣ и попалъ», подумалъ я, отправляясь въ свой кабинетъ. «Что тутъ будешь дѣлать? Отказаться—нѣтъ никакой возможности. Заѣдятъ, со свѣта сживутъ женщины. Ѣхать въ собраніе? Но вѣдь тамъ вѣрно человѣкъ 20, пожалуй, 30 будетъ. Ужь самый фактъ подобныхъ собраній есть вещь незаконная. А тамъ разнесется молва, что былъ въ собраніи, слѣдовательно, разсуждалъ... затѣвалъ нѣчто, положимъ, законное, но... слѣдовательно, все-таки человѣкъ нѣкоторымъ образомъ недовольный, протестующій. И зачѣмъ это они у насъ женское образованіе какое-то выдумываютъ? тутъ надобно бы и мужчинъ-то разучить, чтобы не высокоумствовали»!

Просто досада меня взяла; веселаго расположенія духа какъ не бывало. Въ это время, на бѣду мою, какъ разъ шасть въ двери Ѳедя Горошковъ.

Ѳедя Горошковъ мужчина лѣтъ 45-ти, неуклюжій, длинный, какъ верста, желчный, ничего не дѣлающій, но увѣряющій всѣхъ, что онъ по горло заваленъ работою и не знаетъ отдыха. Съ утра до вечера онъ проводитъ время въ томъ, что собираетъ разнообразныя городскія сплетни, преимущественно имѣющія политическій оттѣнокъ, разработываетъ ихъ по своему вкусу и въ украшенномъ и дополненномъ видѣ разноситъ по своимъ знакомымъ подъ названіемъ новостей. Такъ-какъ онъ темперамента меланхолическаго, то подборъ новостей дѣлаетъ обыкновенно въ печальномъ родѣ. Если вы находитесь въ веселомъ настроеніи духа, онъ своею бесѣдою непремѣнно нагонитъ на васъ тоску и скуку; если же вы и безъ того невеселы, тогда боже васъ упаси отъ бесѣды съ нимъ. Въ прежнія времена, находясь въ такомъ почтенномъ возрастѣ, Ѳедя Горошковъ давно, конечно, понялъ бы, что онъ не болѣе, какъ сплетникъ, но въ наше прогрессивное время онъ остается въ томъ убѣжденіи, что носитъ въ душѣ своей Weltschmerz и почитаетъ себя политическимъ дѣятелемъ.

— Слышали вы новости? спрашивалъ Ѳедя Горошковъ, вваливаясь въ мой кабинетъ.

— Какія новости? говорю я.

— Аресты, батюшка, аресты, да вѣдь какіе аресты! Ужь тысячи три человѣкъ взято!

— Полно вамъ вздоръ говорить. Арестовано какихъ-нибудь человѣкъ десять, много пятнадцать, а вы валите цѣлыя тысячи! Да и какое намъ дѣло до этихъ арестовъ?

— Вамъ-то какое дѣло?.. Какъ?.. Вы, литераторъ, и вамъ нѣтъ дѣла! Ну, нѣтъ, вы этого не говорите. Я вамъ исторіей докажу...

— Какой вы мнѣ это исторіей докажете? говорилъ я, чувствуя справедливость его словъ и внутренно труся, но храбрясь. — Исторіей, конечно, реакцій?

— Та, та, та, продолжалъ безжалостный Ѳедя Горошковъ, не примѣчая моего смущенія: — положимъ, что и исторіей реакцій. А какъ вы узнаете, что̀ такое теперь у насъ: прогрессъ или реакція?

— Ужь, конечно, не реакція, пробормоталъ я.

— Гм! нѣтъ, началъ снова Ѳедя Горошковъ. — А слышали вы, что Бѣлоголоваго арестовали?

— Вотъ вздоръ, отвѣчалъ я.—Я вчера видѣлъ Бѣлоголоваго.

— Ну, да, вчера вы видѣли, а сегодня въ ночь взяли; — и всѣхъ студентовъ, исключенныхъ по исторіи Полунина, взяли, и самого даже Полунина взяли.

— Полунина-то зачѣмъ же? спросилъ я, невольно улыбаясь.

— А для полноты свѣдѣній, отвѣчалъ не запинаясь Ѳедя Горошковъ. — А слышали вы, началъ онъ снова..

Вѣстей, въ родѣ представленныхъ мною, Ѳедя Горошковъ насказалъ мнѣ съ три короба, и прощаясь, нѣсколько разъ повторилъ мнѣ: «нѣтъ, вы будьте поосторожнѣе, пообыщитесь; неровенъ случай». Все, что̀ говорилъ Ѳедя Горошковъ, было или просто нелѣпо, или невѣроятно, или сомнительно; разсужденія и соображенія его были глупы, но когда человѣкъ находится подъ вліяніемъ паники, его легковѣріе быстро возрастаетъ и всегда въ обратномъ отношеніи къ здравому смыслу. Онъ дѣлается способенъ скорѣе повѣрить вещи самой нелѣпой, нежели тому, что̀ естественно и очевидно. Такъ было и со мной. Я понималъ всю несостоятельность рѣчей Ѳеди Горошкова, могъ доказать нелѣпость, невѣроятность или сомнительность каждой его сплетни, видѣлъ глупость его соображеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ невольно думалось: «А вѣдь почему нибудь говорятъ же? Кто жь его знаетъ, что̀ можетъ быть?» Въ ушахъ у меня постоянно звучали прощальныя слова Ѳеди Горошкова: «Нѣтъ, вы будьте поосторожнѣе, пообыщитесь; неровенъ случай». Сначала я старался отогнать ихъ отъ себя, но напрасно; они то и дѣло завладѣвали всѣми моими мыслями, такъ что я сталъ привыкать къ нимъ, вдумываться въ нихъ и наконецъ порѣшилъ: «почему же и не самообыскаться? Самообысканіе есть вѣдь толь-

ко восполненіе самоиспытанія, и восполненіе нѣкоторымъ образомъ даже необходимое».

Но здѣсь мнѣ предстоялъ трудный подвигъ. Мнѣ не хотѣлось о своемъ намѣреніи самообысканія говорить женѣ. Потому что какъ хотите, неловко какъ-то сказать женѣ или кому бы ни было, что я хочу обыскивать самъ себя, или, что̀ то же, хочу самъ обыскивать свою квартиру. А между тѣмъ самообысканіе нужнѣе было скорѣе всего для моей жены, чѣмъ для меня. Меня мало вообще интересовали разныя запрещенныя политическія рѣдкости, а она была неравнодушна и къ сочиненіямъ заграничной печати, и къ карточкамъ великихъ, но запрещенныхъ людей.

Жена моя прекрасная, цѣльная натура. Въ ней нѣтъ того раздвоенія, къ которому мы привыкаемъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Она не раздѣляетъ мысли отъ слова, слова отъ дѣла; что̀ она разъ признала честнымъ и хорошимъ, отъ того никогда не отречется, даже притворно, напротивъ будетъ отстаивать всѣми силами вездѣ и всегда. Для истины, всякая аккомодація къ существующему положенію дѣлъ, по ея убѣжденію, унизительна и преступна. Чѣмъ *пламеннѣе* дѣлается натискъ на то, что̀ она привыкла считать честнымъ и хорошимъ, тѣмъ *суровѣе* даетъ она отпоръ, не взирая ни на какія лица и обстоятельства. Это качество я глубоко цѣню и уважаю въ ней. Но читатель, знающій наши общественныя отношенія, согласится, что бываютъ случаи, когда означенное качество можетъ причинять большія безпокойства.

Когда я вошелъ въ кабинетъ своей жены, она сидѣла и читала Мизераблей В. Гюго.

— Что̀ ты читаешь? спросилъ я, будто не замѣчая. Она назвала книгу.

— Старенько, сказалъ я.—Да и талантъ В. Гюго давно уже поизносился. Нынѣ и у насъ можно найдти много кой-чего гораздо поновѣе и поталантливѣе.

— Что же, напримѣръ? спросила она.

— Да мало ли что? Напримѣръ: «Идіотъ» г. Достоевскаго. Она сдѣлала гримасу. «Преступленіе и наказаніе» его же, продолжалъ я съ прежнею храбростію. Нѣкоторые критики очень хвалили этотъ романъ именно за картинность, которою только и беретъ В. Гюго». Она поморщилась. «А то вотъ, снова началъ я: — послѣднія сочиненія нашего романиста И. С. Тургенева: «Собака», «Лейтенантъ Ер...». Въ это время я взглянулъ на мою супругу и не кончилъ слова. Ея глаза обращены были на меня съ такимъ укоромъ, что мнѣ стало совѣстно продолжать. — «Ну да, началъ я:—я вѣдь говорю только это къ примѣру, называю первое, что мнѣ приходитъ на память. Мало ли что у насъ есть хорошаго? Во всякомъ случаѣ, что тебѣ за охота читать эти размазанныя, растянутыя, надоѣвшія всѣмъ описанія нищеты, вѣчные нападки на богатыхъ...»

— А тебѣ хотѣлось бы, возразила моя супруга: — чтобы я читала нападенія на бѣдныхъ за то, что они притѣсняютъ богатыхъ?

Я замолчалъ. «Съ какой стати», думалъ я въ это время про себя: «привязался я къ этимъ Мизераблямъ. Пусть ее читаетъ ихъ на здоровье, если хочетъ!»

— Впрочемъ, это вѣдь я такъ, началъ я: — только между прочимъ и изъ патріотизма обращаю твое вниманіе на недостатки В. Гюго. А у него есть, конечно, много и достоинствъ, и если онъ тебѣ приходится по сердцу, отчего же его и не читать? А это что у тебя валяется? сказалъ я, взявъ одну изъ лежавшихъ на столѣ книгъ, на которую давно уже были устремлены мои очи. — Ба! заграничный историческій сборникъ. Ну, объ этомъ нельзя сказать того же, что о Гюго. Это можно совсѣмъ не читать безъ всякой потери!

— Это почему? — спрашивала моя супруга, смотря на меня во всѣ глаза.

— Да потому, отвѣчалъ я: — что... что-жъ это такое? Не-то романъ, не-то исторія. Иные акты, конечно, встрѣчаются и любопытные, но они ничѣмъ не удостовѣрены; что же толку въ томъ, что ты ихъ будешь знать?

— А какіе же акты удостовѣрены?

— Да всѣ, отвѣчалъ я: — которые издаются не за границей, а у насъ дома. Здѣсь издается все на основаніи подлинныхъ, несомнѣнныхъ документовъ; еслибы относительно чего возникло сомнѣніе, можно сейчасъ печатно возбудить вопросъ, завести споръ и дѣло тотчасъ выяснится. Мнѣ жаль, прибавилъ я: — что читая историческіе акты, издаваемые за границей, ты не заглянешь никогда въ тѣ, которые издаются здѣсь. Есть, которые далеко будутъ полюбопытнѣе тамошнихъ, — а на счетъ подлинности не можетъ быть и тѣни сомнѣнія.

— Какіе же это, напримѣръ?

— Да вотъ всѣ, которые печатаются въ «Архивѣ» Бартенева. Съ нынѣшняго года выходитъ еще одно такое изданіе Семевскаго. Архивъ я имѣю уже, а Семевскаго, если хочешь, также выпишу. Оба гораздо любопытнѣе «Историческаго сборника». Впрочемъ, ты «Историческій Сборникъ» вѣроятно давно уже прочла. Не хочешь ли — я пойду прогуливаться и отнесу его. У кого ты его брала?

— А знаешь, что я тебѣ скажу, сказала жена, пристально смотря мнѣ въ глаза: — тебѣ въ душѣ должно быть очень стыдно!

— Отчего же? я... только такъ, къ слову, бормоталъ я, конфузясь.

— Признайся, продолжала она: — что ты меня обыскиваешь, и поставленъ въ необходимость говорить разную дичь. Отчего не сказать было прямо, что ты немножко трусишь и же-

лалъ бы, чтобы я очистила свою квартиру отъ нѣкоторыхъ книгъ и карточекъ, которыя могутъ компрометировать.

— Ну да... быть осторожнымъ — вещь, конечно, не лишняя, — говорилъ я съ смущеніемъ: — но я вовсе не думалъ... ты говоришь пустяки..

— Перестань... теперь я все понимаю, и всѣ негодныя книги удалю. А карточки какія тебѣ не нравятся?

— Карточки твои всѣ хороши, говорилъ я, пересматривая ея альбомъ: — только вотъ, мнѣ кажется, напрасно поставила ты въ первую голову Фурье, Луи-Блана, Прудона. Они, конечно, люди съ талантами, но основательности въ нихъ не особенно много. Это не то, что Бэконъ, Кеплеръ, Ньютонъ...

— Ты, пожалуйста, перестань объ основательности. Не нравятся тебѣ, — и я выброшу ихъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же выбрасывать... Они во всякомъ случаѣ свѣтила, но ты только поставь ихъ подальше. Да кромѣ того у тебя коллекція замѣчательныхъ лицъ неполна, да и альбомъ съ пустыми мѣстами смотритъ какъ-то некрасиво. Не хочешь ли я дамъ тебѣ — для пополненія нашу іерархію?

— Какую это іерархію?

— Да карточки нашихъ преосвященныхъ.

— Это зачѣмъ? Ты, пожалуйста, не прислуживайся. Уничтожать можетъ, что хочешь, а пополнять тебѣ мой альбомъ не позволю. Можешь свой завести и помѣщать тамъ кого хочешь.

— Ну, гдѣ-жь мнѣ возиться съ альбомомъ. Я и тебѣ посовѣтовалъ такъ, ради полноты твоего альбома.

— Не нужно совѣтовъ. А что ты желаешь, будетъ исполнено въ точности: не будетъ ни одной карточки съ лицомъ неодобрительнаго политическаго поведенія и ни одной книги съ мыслями красноты неузаконенной. Иди и будь спокоенъ.

Совершивъ тяжелый подвигъ объясненія съ женою, я пошелъ въ кабинетъ, чтобы совершить процессъ самообысканія надъ собою. Я заглянулъ въ свои книжные шкапы, въ ящики письменнаго стола, въ диванные ящики, въ особые сундуки, назначенные исключительно для бумагъ — вездѣ были груды, такъ что еслибы собрать все вмѣстѣ, образовался бы навѣрное большой возъ. Для основательнаго разбора этихъ бумагъ нѣсколько человѣкъ должны бы были убить, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ времени. Бумажный этотъ хламъ копился у меня въ теченіе болѣе 10-ти лѣтъ. Въ немъ было все — и цѣлыя статьи разныхъ сочинителей, предназначавшіяся къ печати и оказавшіяся неудобными для печатанія, и безчисленные черновые листы напечатанныхъ сочиненій, разбитые по страницамъ и перемѣшанные вмѣстѣ изъ нѣсколькихъ десятковъ сочиненій, и разные счеты, и безчисленное множество писемъ, писанныхъ въ теченіе 10-ти лѣтъ на имя разныхъ редакцій — все это въ теченіе болѣе 10-ти лѣтъ никогда не разбиралось; при переѣздахъ съ квартиры на квартиру, на дачи и съ дачи

складывалось охапками въ простыни и изъ простынь такимъ же образомъ перекладывалось снова,. куда попало. Можно представить себѣ, какой хаосъ господствовалъ въ этомъ хламѣ! Что было съ нимъ дѣлать? Сжечь? Но какъ сжечь, безъ разбору? Среди хлама могли заваляться бумаги забытыя и ненужныя, но которыя потомъ, по востребованію, могутъ оказаться весьма нужными. Разбирать все это? Но разбирать нужно самому и тщательно, а для этого пришлось бы просидѣть за ними мѣсяца три. Наконецъ, еслибы на все махнуть рукой, рѣшиться сжечь все безъ разбора и начать жечь, то такимъ ауто-дафе можно поставить на ноги всю прислугу, возбудить подозрѣніе, что жжешь нѣчто преступное. И кто поручится, что можетъ изъ этого выйдти? Я, перекрестясь, рѣшился на волю Божію оставить хламъ, какъ онъ былъ. Но мнѣ хотѣлось полюбопытствовать хотя немножко, что въ немъ есть и, такъсказать, предвосхитить впечатлѣніе того, кому пришлось бы разбирать его. Я подошелъ къ одной маленькой кучѣ, лежавшей внизу книжнаго шкапа, вынулъ нѣсколько ненапечатанныхъ старыхъ сочиненій, пукъ всевозможнаго венигрета изъ разныхъ отрывочныхъ листовъ, счетовъ, писемъ; — перекинулъ въ послѣднемъ нѣсколько листовъ, счетовъ, писемъ и вдругъ, о ужасъ, нахожу слѣдующую записку:

«Приходите сегодня въ квартиру ул. д. № въ 9 часовъ вечера, здѣсь соберется тѣсный кружокъ людей, посвященный въ тайну, для совѣта по извѣстному вамъ дѣлу».

«Васъ ждутъ

«Извѣстные вамъ».

На запискѣ не было никакой даты. Бумага и чернила сохранились такъ, какъ будто писаны были назадъ тому не болѣе одного, двухъ мѣсяцевъ. Прочитавъ эту записку, я обомлѣлъ отъ ужаса. Рука незнакомая. Когда и кѣмъ могла быть писана подобная записка? Я началъ припоминать, думалъ, думалъ, но напрасно ломалъ голову; ничего не могъ придумать. Боже! ужъ не подброшена ли мнѣ кѣмъ-нибудь изъ любопытныхъ консерваторовъ такая записка... Меня обдало холодомъ при этой мысли. Однакожъ, поразмысливъ немножко, я призналъ всю невѣроятность, нелѣпость подобнаго предположенія. Въ это время, все продолжая раздумывать о запискѣ, я машинально протянулъ руку къ слѣдующей бумагѣ, лежавшей въ кучкѣ подъ запискою, и на вынутомъ мною листѣ прочелъ списокъ лицъ. Тогда для меня все объяснилось. Этотъ списокъ заключалъ въ себѣ имена лицъ, намѣревавшихся издавать газету на паяхъ назадъ тому 10 лѣтъ. Предпріятіе это не осуществилось. Но собраній по нему было много; между прочими, были и интимныя собранія человѣкъ 6 или 7, изъ лицъ, руководившихъ дѣломъ, которыя собирались предварительно для того, чтобъ условиться между собою, что поддерживать въ общемъ собраніи. Записка написана была

таинственно въ шутку, изъ школьничества. Чтò, еслибы эта записка, думалъ я, попала! кто бы повѣрилъ такому простому объясненію дѣла? Вѣдь по ней можно подумать, Богъ знаетъ, о какомъ кружкѣ. Я, разумѣется, немедленно сжегъ эту записку. Но могъ ли я ручаться, что подобныхъ записокъ нѣтъ еще въ моемъ безконечномъ хламѣ? А между тѣмъ дѣлать съ нимъ, какъ я уже сказалъ, было нечего. Волей-неволей надобно было махнуть рукой.

Кромѣ хлама у меня было пачки три бумагъ, дѣйствительно дорогихъ для меня. Это были письма моего покойнаго отца, письма разныхъ близкихъ ко мнѣ, накопившіяся въ теченіе не одного десятка лѣтъ, наброски мыслей, которыя я дѣлалъ по разнымъ случаямъ, замѣтки и т. п. Бумаги эти лежали отдѣльно отъ всѣхъ другихъ въ особомъ помѣщеніи конторки. Чтò дѣлать съ ними? думалъ я. Жечь ихъ я не желалъ бы никоимъ образомъ. Онѣ были слишкомъ дороги для меня по воспоминаніямъ. Но въ случаѣ крайности, я охотнѣе рѣшился бы сжечь, нежели отдать ихъ въ постороннія руки. И это не потому, чтобъ въ этихъ бумагахъ было что-нибудь преступное, чтобъ онѣ могли компрометировать меня; ничего подобнаго, ни малѣйшаго прикосновенія къ политической сферѣ въ нихъ не было. Но эти бумаги были нѣкоторымъ образомъ ключемъ ко мнѣ самому; онѣ вводили въ міръ моей души, давали возможность слѣдить за настроеніемъ моей мысли, угадывать мои симпатіи и антипатіи, изучать характеръ моихъ отношеній къ людямъ и т. п. А мнѣ не хотѣлось, чтобы кто-нибудь влѣзалъ въ мою душу. Куда дѣваться съ этими бумагами? думалъ я, гдѣ скрыть? Я припоминалъ имена безчисленныхъ моихъ знакомыхъ. Много изъ нихъ было, конечно, такихъ, у которыхъ я могъ надежно схоронить мои драгоцѣнности. Но какъ было обратиться къ нимъ съ подобнымъ предложеніемъ? Сказать имъ, что я чего-то боюсь, значило бы нѣкоторымъ образомъ уже скомпрометировать себя въ ихъ глазахъ. Долго я думалъ, гдѣ бы могъ скрыть мои сокровища, наконецъ меня озарила блестящая мысль.

При одной изъ петербургскихъ церквей, въ званіи просвирни, процвѣтала моя двоюродная тетушка Марья Осиповна Самопалова. Мы видались съ тетушкой очень рѣдко, не болѣе шести, семи разъ въ годъ, но это не мѣшало намъ взаимно любить и уважать другъ друга. Тетушка была женщина добрѣйшая и съ такимъ природнымъ свѣтлымъ умомъ, что хотя и не получила никакого воспитанія, но догадкой доходила до пониманія многаго такого, чтò остается подчасъ непонятнымъ самымъ развитымъ женщинамъ.

— Время нынѣ стало бойкое противу прежняго, говорила она мнѣ. — Все вездѣ разбираютъ, все критикуютъ. Видно, что свѣту въ міру, противу прежняго, гораздо прибыло. Только жить отъ этого не легче стало. Лбомъ стѣны не прошибешь.

Свѣтъ попадаетъ въ немногія головы и темноты, попрежнему, все видимо-невидимо. Свѣтлячки бѣдные и гибнутъ напрасно.

— Что̀? Дали трепку! Поприжмете теперь хвостъ-то! говорила мнѣ тетушка вскорѣ послѣ одной бури, многихъ потревожившей. — Али не уйметесь? Будете строчить по прежнему?

— Вы знаете народную примѣту, тетушка, отвѣчалъ я шутя: — что кто разъ началъ строиться, тотъ будетъ строиться до гробовой доски; — такъ и тотъ, кто началъ разъ писать, не перестанетъ до конца жизни. Да и чего намъ бояться? Развѣ мы худое что дѣлаемъ?

— Коли̇̀ худое, но что ты сдѣлаешь, когда люди не прозрѣли еще на столько, чтобы отличить хлѣбъ отъ мякины?

— Такъ чтожъ вы думаете, тетушка, бросить писать?

— Зачѣмъ бросать? Всякій пусть дѣлаетъ что можетъ и умѣетъ. А иначе міръ не будетъ стоять. Я вотъ не бросаю же просвиры печь.

— Да вамъ хорошо просвиры печь, когда васъ никто за это не трогаетъ.

— А ты посмотри-ка по своимъ книгамъ, отвѣчала мнѣ тетушка: — такъ и увидишь, что было время, когда просвиры печь было опаснѣе, чѣмъ писать книги. Однако просвирни не бросали своего дѣла и пекли просвиры.

— Такъ что же?

— Ну, пишите и вы, — не боясь опасностей за чистое дѣло, — и достигнете того, что современемъ и вамъ такъ же вольготно будетъ, какъ теперь просвирнямъ.

Такова моя тетушка.

Связавъ въ узелокъ драгоцѣнныя мнѣ бумаги, я отправился къ ней, въ твердой увѣренности, что нигдѣ безопаснѣе нельзя схоронить ихъ на время, ибо никакія политическія бури не могутъ достигнуть до мирнаго жилища никому неизвѣстной просвирни. Тетушка только что управилась, какъ она говорила, съ печью, т.-е. вынула просвиры и сидѣла за чаемъ.

— Вотъ неожиданный гость! привѣтствовала меня она, едва я вошелъ въ комнату. —Не даромъ у меня сегодня цѣлое утро все искры изъ печки выскакивали. Какими вѣтрами занесло?

— Что-жъ? Аль нынѣ пути къ вамъ заказаны, что можно попадать только съ попутными вѣтрами? шутилъ я.

— Какое заказаны, — всегда рады гостямъ, да гости вы спѣсивые; къ такой мелюзгѣ, какъ мы, неповадно жалуете. Что это за кулечекъ привезъ? спросила она, указывая на сакъвояжъ съ моими драгоцѣнностями.

— Это, говорю, кой-какія мои бумаги, которыя я счелъ за лучшее на нѣкоторое время положить къ вамъ.

— Что, вѣрно, опять трепка? сказала тетушка, улыбаясь. — Слышала ужь я. На дняхъ дьяконица разсказывала, что какой-то ея знакомый изъ кутейниковъ попался.

— За что̀ же? спросилъ я.

— А за то, что не постригшись въ попы, началъ обѣдню служить.

— Это какъ?

— А такъ, умишку не набрался еще, въ университетѣ побылъ всего безъ году недѣлю, а началъ разныя турусы разводить о царствахъ и народахъ; болтать вездѣ, что и это не такъ, и то не такъ, и что мы, дескать, собираемся устроить все лучше.

— И что̀ жъ?

— Да жаль бѣднягу. Хорошо, если удастся отвертѣться однимъ сидѣньемъ, а то придется за такую болтовню дорого поплатиться. У насъ, ты самъ знаешь, на этотъ счетъ строго, не такъ, какъ въ иностранныхъ земляхъ...

— А вы, тетушка, кажется, сами не прочь заняться устройствомъ царствъ, сказалъ я, шутя.

— Ахъ, ты крюкъ этакой, отвѣчала она, смѣясь: — что̀ жъ, доносить что̀ ли пойдешь? Тогда у кого свой кулечекъ-то оставишь? Давай его сюда. Вишь сколько настрочилъ. Чай, тоже все объ устройствѣ царствъ хлопочешь?

— А вы боитесь?

— Да что мнѣ бояться. Я не то, что людей, я и чертей не боюсь; каждая просвира съ крестомъ, — и они бѣгутъ отъ моего дома безъ оглядки.

Поболтавъ еще съ тетушкой около получаса, я отправился домой. На душѣ у меня стало опять легко и ясно. Теперь, думалъ я, я сталъ человѣкъ, какъ есть; самоиспытанъ, самообысканъ. Все непріятное удалено. Положимъ, что у меня остались груды неизслѣдованныхъ старыхъ бумагъ. Да вѣдь не на всякій же, въ самомъ дѣлѣ, хламъ будутъ обращать вниманіе? Погода стояла отличная. Я съ жадностію глоталъ свѣжій воздухъ. Мысль становилась все яснѣе и бодрѣе. Я сталъ думать, что дѣло, которое причиняетъ мнѣ столько безпокойства, должно быть какіе нибудь пустяки; что такимъ солиднымъ людямъ, какъ мнѣ, о подобныхъ пустякахъ и думать стыдно. Я сталъ разбирать вышеприведенныя догадки молвы, и мнѣ стало совѣстно, что я могъ хоть на минуту вѣрить подобному вздору. Домой я пріѣхалъ въ совершенно спокойномъ и веселомъ расположеніи духа. Жена выбѣжала ко мнѣ также вполнѣ веселая и счастливая, и вытянувшись комически во фронтъ и приложивъ пальцы къ своему чепчику, отрапортовала, что теперь въ нашей квартирѣ обстоитъ все благополучно, нѣтъ ни одной зловредной книги, ни одной компрометирующей карточки.

Но блаженство мое продолжалось недолго. Едва я вошелъ въ мой кабинетъ, я увидѣлъ на столѣ цѣлый пукъ «Московскихъ Вѣдомостей». Я выписалъ ихъ нынѣ очень поздно и не получалъ въ теченіе болѣе недѣли послѣ новаго года, и очень скучалъ за ними. «Московскія Вѣдомости» составляютъ мое любимое чтеніе, потому что въ нихъ всегда есть нѣчто пряное,

подзадоривающее, раздирающее. Въ случаяхъ же, когда онѣ захотятъ кому насолить, онѣ дѣлаются просто прелестны. Читая ихъ, иногда не вѣришь ни одному слову, которое написано, а между тѣмъ непримѣтно для себя самаго увлекаешься, восторгаешься, чувствуешь, какъ пробиваетъ въ тебѣ шагъ за шагомъ чувство кровожадной, татарской свирѣпости, которое мудрая политика московскихъ князей вмѣстѣ съ монголами, соединенными усиліями, насаживала и воспитывала въ русскомъ народѣ и которое, благодаря этимъ усиліямъ, такъ глубоко утвердилось въ немъ, что не заглохло до сихъ поръ, несмотря на всѣ гуманныя помазанія и врачеванія послѣдняго времени. Прочитывая подобную статью, находишь себя вдругъ способнымъ повѣсить весь міръ ни за что, ни про что. Я съ жадностію бросился на лежавшія предо мною «Московскія Вѣдомости». Но пріемъ пряностей на этотъ разъ былъ такъ силенъ, что черезъ полчаса меня била уже лихорадка.

Невѣроятныя вещи! Все, что̀ я зналъ доселѣ о нечаевскомъ дѣлѣ—все становилось вверхъ дномъ! Всѣ мои самоиспытанія и самообысканія не вели ни къ чему. По увѣренію «Московскихъ Вѣдомостей», виновны вовсе не тѣ, которые виновны, а виновата на первомъ планѣ петербургская литература, вожаками которой въ злоумышленіяхъ представляются Шелгуновъ, Суворинъ и Генкель. Я читалъ и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Возможно ли это? Возможно ли, чтобы эти почтенные граждане были конспираторами?

Еслибы г. Шелгуновъ, думалъ я, и захотѣлъ сдѣлаться петербургскимъ конспираторомъ, онъ не можетъ; онъ давно уже живетъ внѣ Петербурга, въ изгнаніи. Суворинъ... но нѣтъ, кому же изъ читающихъ его фельетоны въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»,—можетъ придти на мысль заподозрить этого писателя въ политическихъ замыслахъ? — Наконецъ не есть ли полнѣйшій абсурдъ самая мысль о томъ, что въ этихъ замыслахъ можетъ принимать участіе такой гражданинъ, какъ Генкель, вся дѣятельность котораго есть неумолкающее свидѣтельство о его благонамѣренности?

Такъ представлялось мнѣ дѣло съ одной стороны и я, повидимому, вполнѣ убѣждался, что «Московскія Вѣдомости» говорятъ вздоръ. Но немедленно рядъ успокоительныхъ мыслей вытѣснялся рядомъ другихъ совершенно противоположнаго свойства. «Шелгуновъ не живетъ въ Петербургѣ», думалъ я: «но развѣ онъ не можетъ пріѣзжать сюда подъ чужими именами и видами и конспирировать? Развѣ у насъ это такъ трудно? Развѣ не то же самое дѣлалъ Нечаевъ? Суворинъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ неблагонамѣренности. Да такъ ли? Не онъ ли написалъ: *Всякіе*, — сочиненіе, о которомъ г. прокуроръ судебной палаты Тизенгаузенъ, изучавшій это сочиненіе, какъ онъ самъ говоритъ, «съ полнымъ безпристрастіемъ, требуемымъ правдою, во имя которой творится судъ», выразился, что «оно,

не представляя собою ничего полезнаго, можетъ только вносить смуту въ неопытные умы, возбуждая въ нихъ безотчетное раздраженіе противъ существующаго порядка вещей и столь же безотчетное стремленіе къ какому-то иному политическому и гражданскому строю». Не есть ли г. Суворинъ потаенный, хотя и прикинувійся «невинностію» Ильменевъ? Наконецъ и въ самомъ Генкелѣ глазъ наблюдательный не можетъ ли усмотрѣть нѣкотораго скептицизма относительно правъ литературной собственности, если приметъ во вниманіе недавнее упорное отстаиваніе имъ своего права на статью Марка Вовчка, безъ всякаго законнаго на то акта и не взирая на протестъ послѣдней? Кто можетъ знать: не имѣетъ ли онъ коммунистическихъ воззрѣній вообще на собственность? А собственность составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ первыхъ основъ существующаго порядка».

Эти мысли склоняли меня снова на сторону «Московскихъ Вѣдомостей». Я вновь прочитывалъ ихъ громовыя статьи и думалъ, что все, что онѣ говорятъ, возможно. Я соглашался даже съ тѣмъ, что всякій литераторъ можетъ быть заговорщикомъ, самъ не зная и не подозрѣвая того; онъ можетъ быть кругомъ опутанъ интригою и мыслить подъ вліяніемъ ея, самодовольно воображая при этомъ себѣ, что онъ мыслитъ вполнѣ самостоятельно и независимо. Я началъ сомнѣваться даже въ самомъ себѣ. Я началъ думать: дѣйствительно ли то, что я пишу, пишу по собственному убѣжденію? Не опутанъ ли я измѣною, какъ и другіе? Не заговорщикъ ли я?

Соглашаясь съ этимъ, я неизбѣжно соглашался и съ новою системою слѣдствія, рекомендуемою «Московскими Вѣдомостями». По закону арестуютъ обыкновенно тѣхъ, противъ кого есть несомнѣнныя улики относительно участія въ преступленіи. «Московскія Вѣдомости» держатся того мнѣнія, что такъ ничего не разыщешь, поймаешь только мелкоту, а корни— главные виновники останутся скрытыми. По ихъ мнѣнію, надобно брать не по несомнѣннымъ уликамъ, и даже не по уликамъ, а такъ просто по предположенію или, точнѣе сказать, по вдохновенію. Бѣлоголовый пишетъ статью противъ Полунина, защищаемаго совѣтомъ московскаго университета,—очевидно, онъ агитаторъ, его надобно взять. Шелгуновъ, Суворинъ, Генкель осмѣлились не соглашаться съ «Московскими Вѣдомостями», и даже непочтительно отозваться о ихъ редакторѣ. А и «Московскія Вѣдомости», и редакторъ ихъ суть столпы отечества. Слѣдовательно, Шелгуновъ, Суворинъ и Генкель хотятъ потрясти столпы отечества, и даже, можетъ быть, выковырнуть ихъ. Не ясно ли, что они не только вредные агитаторы, но нѣкоторымъ образомъ враги отечества? Но они, тоесть Шелгуновъ, Суворинъ и Генкель—только вожди. За ними стоятъ цѣлыя партіи ихъ единомышленниковъ и пособниковъ. Не очевидно ли, что для порядка было бы не худо и каждому изъ сихъ послѣднихъ помочь въ процессѣ самообысканія и

вмѣстѣ съ тѣмъ поэкзаменовать каждаго изъ нихъ въ нѣкоторой особой исповѣди по вопросамъ: «Съ кѣмъ вы знакомы?» «Кого вы изъ вашихъ знакомыхъ больше любите, и у кого чаще бывали?» «О чемъ вы между собою разговаривали?» «Какихъ вы держитесь убѣжденій относительно религіи, образа правленія и т. п.?»

Въ словахъ моихъ теперь проглядываетъ, какъ замѣчаетъ, конечно, читатель, нѣкоторымъ образомъ скептическое отношеніе къ рекомендуемой «Московскими Вѣдомостями» системѣ слѣдствія. Но когда я читалъ громоносныя статьи «Московскихъ Вѣдомостей» и находился подъ ихъ вліяніемъ, тогда было не то. Мнѣ думалось, что иначе и быть не можетъ и не должно быть; что такъ именно должно производиться слѣдствіе, какъ онѣ рекомендуютъ, что надобно захватить и посадить въ тюрьму всѣхъ, кто занимается литературой въ Петербургѣ, кто сочувствуетъ ей, кто читаетъ ее.

Изъ этого убѣжденія я сталъ нѣсколько выходить только тогда, когда озлобленная «Московскими Вѣдомостями» петербургская литература вооружилась на нихъ почти поголовно. Походъ предпринятъ былъ такъ удачно, такъ во̀ время и кстати, что увѣнчался неожиданной побѣдой. «Московскія Вѣдомости» смирились и раскаялись, но раскаялись такъ неопредѣленно и смутно, что трудно понять, въ чемъ онѣ раскаялись.

Вотъ почему я не могу не признаться, что побѣда надъ ними напоминаетъ мнѣ извѣстную всѣмъ народную картину погребенія *кота мышами*. Мыши вообразили себѣ, что котъ умеръ и высыпали изъ всѣхъ своихъ норъ, чтобы праздновать свое торжество. Но котъ не умеръ, а только притворился умершимъ, чтобы тѣмъ удобнѣе разсмотрѣть своихъ враговъ и узнать ихъ норы..... Конечно, для мышей отдыхъ и то, если котъ на время только успокоился или по крайней мѣрѣ явился приниженнымъ, но отдыхъ этотъ, какъ читатель самъ пойметъ—недостаточно успокоительный. Правильно поставлено будетъ общество только тогда, когда въ немъ не будетъ возможности однимъ дѣлаться котами, а другимъ мышами.....

А такая постановка общества зависитъ отъ перемѣны системы политическаго процесса.

Есть, впрочемъ, основаніе думать, что эта перемѣна уже начинается. По крайней-мѣрѣ въ нечаевскомъ дѣлѣ слѣдствіе производилось подъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора обыкновенными судебными слѣдователями; аресты, говорятъ, также производились съ согласія прокурорскаго надзора. Наконецъ назначенъ, согласно судебнымъ уставамъ, сенаторъ кассаціоннаго департамента для веденія всего слѣдственнаго процесса, какъ такого, который долженъ будетъ поступить на разсмотрѣніе верховнаго суда. Для спокойствія общества болѣе ничего и ненужно, кромѣ того, чтобы каждый политическій процессъ

производился на точномъ основаніи судебныхъ уставовъ. По крайней мѣрѣ, люди невинные не будутъ трепетать вмѣстѣ съ виновными, а съ людей слишкомъ прозорливыхъ, въ родѣ, напримѣръ, публицистовъ «Московскихъ Вѣдомостей», снимется непосильное бремя отыскиванія виноватыхъ по градамъ и весямъ обширнаго нашего отечества. И навѣрное они сами почувствуютъ себя не въ примѣръ противъ прежняго легче...

СТРАН.

ФЕВРАЛЬ №. 2.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЯНВАРЬ. № 1.

ФЕВРАЛЬ. № 2.

Соч. М. И. Драгоманова. Спб. 1870. Ц. 1 р. 50 к. Вѣс. 2 ф.

Опытъ критико историческаго изслѣдованія законовъ искусства веденія войны (положительная стратегія). Соч. Леера ч. 1-я. Спб. 1870. Ц. 3 р. 50 к. Вѣс. 3 ф.

Сборникъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ (20 пѣсенъ съ акомпан. фортепіано). Составилъ А. И. Рубецъ. 1870. Ц. 75 к.

Народныя южно-русскія сказки, вып. 1-й изд. И. Рудченко. Кіевъ. 1869. Ц. 1 р. Вѣс. 2 ф.

Курсъ диференціальнаго исчисленія и теорія алгебраическихъ функцій. Сочиненіе Деларю. Т. 1 вып. 1-й. Спб. 1870. 1 р. 50 к. Вѣс. 1 ф.

ИСТОРІЯ КРЕСТЬЯНИНА.

1789—1792.

Ч. 1-я ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ и 2-я ОТЕЧЕСТВО ВЪ ОПАСНОСТИ.

Сочиненіе *Эркмана Шатріана*, переводъ *Марко-Вовчка*. Большой томъ съ рисунками. Спб. 1870. Цѣна 3 р. 50 к.

ВАКАНТНОЕ МѢСТО.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ сочин. *А. Потѣхина.* Спб. 1870. Цѣна 75 к. Вѣс. 1 ф.

ПОДЧИНЕННОСТЬ ЖЕНЩИНЪ.

Сочиненіе *Джона-Стюарта Милля* перев. съ англійскаго съ предисловіемъ *Ник. Михайловскаго* и приложеніемъ писемъ *Огюста Конта къ Д.-С. Миллю* по женскому вопросу. Спб. 1870. Ц. 1 р.

ТЕАТРЪ ВИКТОРА ГЮГО.

Анжело, драма въ трехъ дняхъ. Лукреція Борджіа, трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ; перев. *Николая Михно.* Спб. 1869. Цѣна 1 руб. Вѣс. 1 фунтъ.

Принимается *подписка* на имѣющую выйти въ свѣтъ книгу *Бута*

РОБЕРТЪ ОВЕНЪ.

Подписная цѣна 1 р, 25 к. по выходѣ книги цѣна будетъ назначена 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

И. И. Бецкій и его время. Историческое изслѣдованіе А. П. Пятковскаго съ портретомъ.

Цвѣты добра и зла. Стихотворенія Д. Д. Минаева.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ Санктпетербургѣ, въ гостиномъ дворѣ, № 4-й; **въ Казани**, на Воскресенской Улицѣ, въ домѣ Апакова, и **въ Варшавѣ**, на Новомъ Свѣтѣ, въ домѣ подъ № 1,245,

въ непродолжительномъ времени поступятъ въ продажу слѣдующія книги:

РУССКАЯ НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА.

Руководство для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ; **сост. барономъ Н. А. Корфомъ**; изд. Д. Е. Кожанчикова. Томъ болѣе 20 печатныхъ листовъ, цѣна 1 р. съ пересылкою.

Въ книгѣ этой, подробно излагающей всѣ условія, необходимыя для осуществленія школы, успѣшнаго хода преподаванія и наблюденія за учащими, указываются пріемы обученія чтенію, письму, счоту, наглядному обученію, міровѣдѣнію и закону Божію, постоянно подкрѣпляя указанія на лучшія методы обученія, сравненіемъ результатовъ обученія по этимъ предметамъ съ тѣми, которыхъ достигли наши школы до сихъ поръ. Къ ней прилагается планъ школы, еженедѣльныя росписанія учебныхъ занятій, образцы различныхъ классныхъ упражненій, тэмы для сочиненій и проч. Многіе факты и указанія заимствованы авторомъ изъ отчетовъ его объ училищахъ Александровскаго Уѣзда, Екатеринославской Губерніи.

ОСНОВАНІЯ ПСИХОЛОГІИ И ЛОГИКИ

по Бенеке.

Руководство для учащихся, сост. **I. Г. Дресслеръ,** бывшій директоръ учительской семинаріи въ Будиссинѣ. Перев. подъ редакціею **I. Паульсона;** изд. Д. Е. Кожанчикова. Болѣе 20 печатныхъ листовъ, цѣна 1 руб. съ пересылкою.

ОЧЕРКЪ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГІИ.

Руководство для педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій. Соч. д-ра медицины Дресслера (сына). Перев. подъ редакціею **I. Паульсона;** изд. Д. Е. Кожанчикова. Болѣе 10 печатныхъ листовъ съ рисунками въ текстѣ. Цѣна 60 коп. съ пересылкою.

ПЕРВАЯ УЧЕБНАЯ КНИЖКА.

Классное пособіе при обученіи письму, чтенію и началамъ родного языка. Сост. **I. Паульсонъ. Второе, исправленное и дополненное изданіе,** 12 печатныхъ листовъ малаго формата, съ рисунками и прописями. Цѣна 20 коп.

Первое изданіе этой книги, напечатанное въ числѣ 15,000 экземпляровъ, разошлось въ теченіи 9 мѣсяцовъ. Содержаніе ея слѣдующее: **Букварь**

для совмѣстнаго обученія черченію, письму и чтенію. Гражданская рукопись и печать, церковная печать, наглядное изображеніе первыхъ 10 чиселъ. **Книжка для чтенія и упражненія въ языкѣ:** 120 статей въ прозѣ и стихахъ гражданской печати съ присовокупленіемъ поговорокъ и загадокъ и 30 статей церковнославянской печати: молитвы, символъ вѣры, заповѣди и отрывки изъ св. писанія.

Въ этихъ же магазинахъ продаются:

ОЧЕРКЪ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ.

Руководство для педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій. Соч. д-ра Диттеса, директора учительской семинаріи въ Готѣ. Перев. подъ редакціею **I. Паульсона**; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1869 года. XVI+348 стр. въ 8 д. л. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Содержаніе: Общій обзоръ: опредѣленіе педагогики, какъ науки; отрасли знанія, входящія въ составъ педагогики. Физическое воспитаніе: введеніе; питаніе; дыханіе и холя кожи; движеніе и покой; отправленіе нервовъ и внѣшнихъ чувствъ; болѣзни; обзоръ духовной жизни. Умственное воспитаніе. Педагогическія соображенія; общая дидактика; общая методика. Воспитаніе сердечное и эстетическое. Нравственное воспитаніе: введеніе; основаніе нравственнаго міросозерцанія и регулированіе склонностей; руководство волею и поступками. Религіозное воспитаніе. Воспитаніе, какъ цѣлое.

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ ТѢЛО,

его строеніе, жизнь и холя. Руководство для учащихся, съ 25-ю рисунками въ текстѣ. Сост. д-ръ **К. Бокъ**, професоръ патологической анатоміи въ Лейпцигѣ. Перев. съ нѣмецкаго подъ редакціею **I. Паульсона**. Спб. 1870 года. Цѣна 40 к.

ЛИСТЫ БУКВЪ

большого размѣра, со всѣми употребительными знаками препинанія. Пособіе для класснаго обученія грамотѣ посредствомъ подвижныхъ буквъ. Изд. **I. Паульсона**. Спб. 1869 года. Цѣна за 5 листовъ, составляющихъ экземпляръ, 30 к.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

къ изученію русской стенографіи по началамъ Штольце, изложенное въ строго-постепенныхъ упражненіяхъ **I. Паульсономъ** и **Я. Мессеромъ**, съ стенографическими таблицами; 2 части. Спб. 1869 года. Ц. 80 к.

КРАТКАЯ СВЯЩЕННАЯ ИСТОРІЯ

ветхаго и новаго завѣта; сост. **свящ. Д. Соколовъ**, съ 23 рисунками и видомъ Палестины. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1868 года. Цѣна 50 к.

НАЧАЛЬНОЕ ОСНОВАНІЕ

въ православной христіанской вѣрѣ; сост. **свящ. Д. Соколовъ**, съ 25 рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1869 года. Цѣна 20 коп.

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ. *Э. Шатріана*. Изъ исторіи французскихъ революціи и имперіи. 2 т. Спб. 1869 г. Ц. 3 р. Содержаніе: I. Воспоминаніе пролетарія (революція 1848 г.); II. На разсвѣтѣ (исторія крестьянина 1789 г.); III. Тереза; IV. Воспоминанія рекрута 1813 г.; V. Ватерло.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО. Соч. *Н. Карамзина*. 12 частей, въ 10 томахъ. Спб. 1851 г. Ц. 5 р.

ПАМЯТНИКИ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. *Гр. Кушелева-Безбородко*. Томы 3 и 4. Спб. 1862 г. Ц. 3 р.

ДУХЪ ЗАКОНОВЪ. Соч. *Монтэскьё*. 3 тома. Спб. 1862 г. Ц. 2 р.

БИБЛІОТЕКА ПУТЕШЕСТВІЙ. Изд. *А. Плюшара*. 8 томовъ съ картинами. Спб. 1854 г. Ц. 5 р.

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ. графа *Г. А. Кушелева-Безбородко*. 2 т. Спб. 1868 г. Ц. 2 р.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ БОТАНИКА. Соч. *Н. Щеглова*. Съ раскрашенными рисунками, на 103 листахъ. 2 тома. Спб. Ц. 10 р.

ОПИСАНІЕ НАСѢКОМЫХЪ, вредныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и домашнемъ быту. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р.

АѲОНЪ. Путевыя впечатлѣнія *Н. Благовѣщенскаго*. Спб. Ц. 1 р.

ВОСПОМИНАНІЯ О ШКОЛЬНОЙ ЖИЗНИ. Спб. Ц. 50 к.

ЧЕТЫРЕ ДНЯ РАЗОРЕННАГО ГОДА. Историческій разсказъ *Разина*. Спб. Ц. 25 к.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ РЮВОНА ДАВИДЖЕРА, бывшаго 17-ть лѣтъ и 4 мѣсяца въ плѣну у дикарей. Спб. Ц. 75 к.

ЧУДЕСА ЗЕМЛИ, ВОДЫ И НЕБА. Въ разсказахъ *дяди Джона*. Спб. Ц. 75 к.

СААРДАМСКІЙ ПЛОТНИКЪ. Историческій разсказъ въ 2-хъ частяхъ, съ картинами. Спб. Ц. 1 р.

ЗАПИСКИ ПАЖА ЧЕРНАГО ПРИНЦА. Спб. Ц. 75 к.

СОРОКЪ ЧЕТЫРЕ ПОВѢСТИ. Спб. Ц. 1 р.

ЧЕРНАЯ ПАНТЕРА. Приключенія одного мальчика между краснокожими индійцами. Спб. Ц. 75 к.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ШЕСТЬ ПОВѢСТЕЙ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МАЛЕНЬКАГО БАРАБАНЩИКА, или гибель французовъ въ Россіи въ 1812 г. Спб. Ц. 1 р.

МЕЖДУ МОЛОТОМЪ И НАКОВАЛЬНЕЙ. Романъ *Фр. Шпильгагена*. Въ трехъ частяхъ, въ одномъ компактномъ томѣ, составляющемъ около 50-ти печатн. листовъ. Цѣна 2 руб.

Требованія г. иногородныхъ исполняются съ первою отходящею почтою.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

у М. БЕРНАРДА,

поставщика Двора Его Императорскаго Величества, коммиссіонера придворной пѣвческой капеллы, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, № 10.

Для скрипки.

Аѳанасьевъ. Sonate pour piano et violon (2 р. 50 к.). Quatuor № 2 pour 2 violons, alto et vclle (3 р.). Ежедневныя упражненія для усовершенствованія механизма правой и лѣвой руки. Одобренныя вѣнскою консерваторіею (1 р. 75 к.). Квинтетъ для двухъ скрипокъ, альта и 2 віолончелей (2 р. 50 к.).

Веріо. Воспоминаніе о С.-Петербургѣ. Двѣ фантазіи для скрипки съ фортепіано на русскіе романсы и пѣсни (каждая 1 р. 50 к.). Six duos pour deux violons sur Oberon et Freischutz (2 р. 80 к.). Les mêmes pour flûte et violon par Ciardi (2 р. 80 к.).

Бернардъ. Братъ и сестра. Собраніе небольшихъ и легкихъ дуэтовъ для фортепіано и скрипки, составленное изъ любимыхъ мотивовъ. 9 тетрадей (каждая 75 к.).

Ernst. Célèbre élégie pour violon et piano (75 к.).

Gounod Méditation sur le 1-r prélude de Bach pour piano et violon (ou velle) (1 р.).

Hauser. 12 mélodies pour violon avec piano. 12 №№ (по 40, 50 и 60 к.). 12 mélodies de Balfe, Bellini, Donizetti, Flotow et Schubert. 12 №№ по 40 и 60 к.).

Hellmesberger. Mélancolie pour violon et piano (85 к.).

Maurer. Romance de Guido et Ginevra pour violon et piano (85 к.).

Киндингеръ. Собраніе фантазій на любимые русскіе романсы для скрипки съ фортепіано. 6 тетрадей (каждая 1 р. 15 к.). Это же собраніе фантазій для одной скрипки въ двухъ тетрадяхъ (каждая 1 р.).

— «Музыкальные вечера». 12 новыхъ фантазій на любимыя русскія пѣсни для скрипки съ фортепіано. 12 тетрадей (каждая 1 р.). То же для одной скрипки въ трехъ тетрадяхъ (каждая 1 р.).

— 12 русскихъ романсовъ и пѣсенъ, переложенныхъ для одной или двухъ скрипокъ. 2 тетр. (каждая 1 р. 30 к.). Сто малороссійскихъ пѣсенъ для одной скрипки. 2 части (каждая 2 р.). 24 гаммы во всѣхъ тонахъ, съ обозначеніемъ аппликатуры. Необходимое прибавленіе ко всѣмъ школамъ (60 к.).

Крейцеръ. Знаменитые 40 этюдъ для одной скрипки. Новое изданіе, просмотр. Ф. Давидомъ (2 р. 50 к.).

Janovics. Quatuor pour 2 violons, alto et velle (2 р.).

Рачинскій. Лучинушка съ варіяціями, съ аккомп. фортепіано. Новое изданіе (60 к.).

Vieuxtemps. Six divertissements d'amateurs sur des mélodies russes favorites avec piano. 6 тетрадей (по 1 р. 80 к.). Grande fantaisie sur le Prophète pour violon et piano (2 р. 30 к.).

Wieniawski. Kuiawiak. Mazurka avec piano (75 к.). Légende avec piano (1 р. 15 к.). Avec orchestre (2 р. 30 к.). Faust. Grande fantaisie (2 р. 85 к.). Съ оркестромъ (5 р. 45 к.).

Wilhelmj. Air de Bach pour violon (ou violoncelle) avec piano. Пьеса эта была исполнена г. Вильгельмомъ во всѣхъ его концертахъ съ большимъ успѣхомъ (1 р.).

Герберъ. Портфѣль любителя. Фантазіи на русскіе романсы для скрипки съ фортепіано. 6 тетр. (каждая 1 р.). Эти же фантазіи для одной скрипки въ двухъ тетр. (каждая 1 р.).

С.-петербургскіе вечера. Собраніе новѣйшихъ и любимѣйшихъ танцевъ для одной скрипки. 9 тетр. (каждая 75 к.).

Бернардъ. Сто русскихъ народныхъ пѣсенъ для одной скрипки (2 р.).

Беріо. Новѣйшая школа для скрипки на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Съ многими упражненіями и пьесами. Часть I (4 р.).

Мазасъ. Лучшій скрипичный учитель или школа игры на скрипкѣ. Съ многими упражненіями и пьесами. Новое просмотрѣнное и дополненное изданіе (3 р.).

Роде, Байо и Крейцеръ. Скрипичный самоучитель или полная школа для скрипки. Новое изданіе, просмотрѣнное и дополненное А. Киндингеромъ, съ приложеніемъ 12 русскихъ романсовъ для одной или двухъ скрипокъ и изображенія скрипичнаго грифа для облегченія при самоученіи (3 р.).

Opéras Italiens et Français pour violon seul. 38 тетрадей (по 1 р. 15 к.).

Küffner. Repos de l'étude. Collection de morceaux faciles sur des opéras favoris pour violon seul. 25 тетрадей (каждая 40 к.).

Kayser. 36 études élémentaires et progressives pour ceux qui veulent se préparer pour les célèbres études de Kreutzer (3 р. 45 к.). Эти же этюды для двухъ скрипокъ (5 р. 15 к.).

Alard. 24 études-caprices dans les 24 tons de la gamme op. 41, 2 тетр. (каждая 2 р. 30 к.).

Beriot. 12 scènes ou caprices pour violon seul (2 р. 30).

David. Dur und Moll. 25 Etuden, Capricen und Characterstücke für violine solo. Op. 39, 2 тетради (каждая 3 р. 75 к.). Эти же съ аккомп. фортепіано, 2 тетр. (каждая 3 р. 60 к.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер., получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., пользуются означенною уступкою, и кромѣ того, ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгодою этой пользуются тѣ, которые обратятся непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно отъ него выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, кромѣ изданій придворной пѣвческой капеллы, дешевыхъ изданій классической музыки и оперъ и сочиненій, изданныхъ самими авторами, цѣны которыхъ крайнія и за пересылку коихъ прилагается особо.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го февраля вторая тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXXI), содержащая въ себѣ новѣйшія сочиненія: *Кёлера*, *Спиндлера*, *Дулькена*, *Эгарда*, *Фауста*, *Монюшко* и др., всѣхъ 12 пьесъ и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 руб.

Вновь получены: *рояли*, *піанино*, *фисгармоники*, *скрипки*, *віолончели*, *смычки*, *флейты*, *гармонифлейты*, *гитары*, *цитры*, *метрономы* и проч. по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Депо лучшихъ итальянскихъ струнъ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви, въ Санктпетербургѣ.

Пьесы для фортепіано въ 4 руки, скрипки и віолончели.

Beethoven,	Septett Op. 20. Es-dur, arrangirt v. F. A. Kummer.	4 Rbl.	75 c.
	Symphonien arrangirt von C. Burchard.		
	№ 1. C-dur. Op. 21	3 »	45 »
	№ 2. D-dur. Op. 36	5 »	15 »
	№ 3. Es-dur. Op. 55. (Eroica)	7 »	45 »
	№ 4. B-dur. Op. 60	5 »	75 »
	№ 5. C-moll. Op. 67	5 »	15 »
	№ 6. F-dur. Op. 68	5 »	75 »
	№ 7. A-dur. Op. 92	6 »	45 »
Berens, H.	Erstes Gesellschafts-Quartett Op. 23	3 »	45 »
	Zweites Gesellschafts-Quartett Op. 48	3 »	45 »
	Drittes Gesellschafts-Quartett Op. 72	4 »	— »
	Viertes Gesellschafts-Quartett Op. 80	4 »	60 »
Burchard, C.	Collection d'Ouvertures favoris:		
	№ 1. Norma de Bellini	1 »	60 »
	№ 2. Le Barbier de Séville de Rossini	1 »	85 »
	№ 3. L'Enlèvement du Sérail de Mozart	1 »	85 »
	№ 4. Jean de Paris de Boieldieu	2 »	15 »
	№ 5. Egmont de Beethoven	2 »	— »
	№ 6. Titus de Mozart	1 »	60 »
	№ 7. Die Schweizerfamilie de Weigl	1 »	60 »
	№ 8. Josèphe de Méhul	1 »	45 »
	№ 9. Euryanthe de Weber	1 »	85 »
	№ 10. La Dame blanche de Boieldieu	2 »	— »
	№ 11. Preciosa de Weber	1 »	60 »
	№ 12. Iphigénie en Aulide de Gluck	1 »	85 »
	№ 13. Les deux journées de Cherubini	1 »	85 »
	№ 14. Le Calife de Bagdad de Boieldieu	1 »	85 »
	№ 15. Der Freischütz de Weber	2 »	— »
	№ 16. Oberon de Weber	1 »	70 »
	№ 17. Sargino de Paer	1 »	70 »
	№ 18. Così fan tutte de Mozart	1 »	45 »
	№ 19. Tigranes de Righini	1 »	45 »
	№ 20. Die Vestalin de Spontini	1 »	85 »
	№ 21. La Muette de Portici de Auber	2 »	15 »
	№ 22. Tell de Rossini	2 »	60 »
	№ 23. Fra Diavolo de Auber	2 »	15 »
	№ 24. Tancred de Rossini	1 »	70 »
	№ 25. Zampa de Herold	2 »	15 »
	№ 26. Fidelio de Beethoven	1 »	85 »
	№ 27. Le Siège de Corinthe de Rossini	2 »	30 »
	№ 28. Promethée de Beethoven	1 »	70 »
	№ 29. Sémiramide de Rossini	2 »	85 »
Czerny, Ch.	Sonate sentimentale Op. 120	4 »	— »
	Sonate pastorale Op. 121	4 »	— »
Diabelli, A.	Sehnsucht nach dem Frühling. Sonate Op. 156.	2 »	30 »
Flotow, Fr.	von, Ouverture zur Op. Alessandro Stradella arrangirt von C. Burchard.	1 »	70 »
Grund, F. W.	Trio de Salon Op. 27	3 »	45 »
Haslinger, T.	Die dankbare Jugend, Concertino	2 »	30 »

Hermes, Th. Air russe varié Op. 2	3 Rbl.	—	— c.
Kummer, F. A. Soirée musicale pour les Amateurs Op 49:			
№ 1. Variations sur un thème de Bellini	2	»	60 »
№ 2. Potpourri sur un motif de l'Opera: Le Postillon de Lonjumeau			
№ 3. Divertissement sur un air suisse et d'une mélodie de l'Opera: Les Huguenots	2	»	60 »
№ 4. Ouverture de l'Opéra: La Flûte magique de Mozart			
№ 5. Der Friedensbote aus Rienzi v. R. Wagner	1	»	70 »
№ 6. Spinnerlied aus der fliegende Holländer von R. Wagner			
№ 7. Lucia de Donizetti	2	»	60 »
№ 8. Lucrezia Borgia de Donizetti			
№ 9. O du mein holder Abendstern aus Tannhäuser von Wagner	1	»	70 »
№ 10. Marsch und Chor aus Tannhäuser von Wagner			
№ 11. Ouverture Figaro de Mozart	1	»	70 »
№ 12. Divertissement sur Rigoletto de Verdi	2	»	30 »
№ 13. Transcription aus Lohengrin v. Wagner	1	»	70 »
№ 14. Ouverture Fidelio de Beethoven	1	»	70 »
№ 15. Hommâge à C. M. de Weber	1	»	70 »
№ 16. Sonate pathétique de Beethoven	2	»	85 »
№ 17. Chopin's Goldene Melodien	2	»	— »
№ 18. Air du Stabat mater de Rossini	1	»	15 »
№ 19. Aphorismen aus den Werken F. Mendelssohn-Bartholdy's	2	»	60 »
№ 20. Ouverture Tannhäuser de Wagner	2	»	85 »
№ 21. Melodienkranz von Robert Schumann	2	»	85 »
№ 22. Fantasie über Motive aus dem Freischütz von Weber	2	»	70 »
№ 23. Ouverture Leonore № 2. C-dur von L. v. Beethoven	2	»	85 »
№ 24. Ouverture Der Freischütz von Weber	1	»	70 »
№ 26. Fantasie über Die Meistersinger von Nürnberg von Wagner	3	»	45 »
№ 27. Jubelouverture von Weber	1	»	70 »
№ 30. Ouverture Rienzi von Wagner	2	»	15 »
№ 31. Serenade D-dur Op. 8 v. L. v. Beethoven	3	»	— »
Le Salon des Amateurs. Divertissements sur des thèmes d'Opéras favoris:			
№ 1. Il Trovatore Op. 114	2	»	60 »
№ 2. La Traviata Op. 117	2	»	30 »
№ 3. I Vespri Siciliani Op. 118	2	»	30 »
№ 4. Robert le diable Op. 116	2	»	— »
№ 5. Lucrezia Borgia Op. 132	1	»	70 »
№ 6. Lucia di Lammermoor Op. 133	1	»	85 »
№ 7. Les Huguenots Op. 134	1	»	85 »
№ 8. Norma Op. 135	2	»	— »
№ 9. Le Barbier de Séville Op. 136	2	»	65 »
№ 10. Martha Op. 137	2	»	40 »
№ 11. I Puritani Op. 138	2	»	45 »
№ 12. Don Juan Op. 139	2	»	45 »
№ 13. La Muette Op. 144	3	»	15 »

Въ этомъ же магазинѣ можно получить всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ.

А. Витнеръ.

(7)

Bound by
DESS & TALAN
New York, N. Y.